

СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

ЯРМАК ОЛЬГА ВАЛЕРЬЕВНА

**ИНТЕГРАЦИЯ НОВЫХ РЕГИОНОВ В РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО:
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПЕРЕСБОРКИ
СОЦИАЛЬНЫХ ПРОСТРАНСТВ
(на примере Республики Крым и города Севастополь)**

Научная специальность

5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы

Диссертация

на соискание ученой степени доктора социологических наук

**Научный консультант
Доктор социологических наук
ДЕРЮГИН Павел Петрович**

Севастополь

2023

Содержание

Введение.....	4
Глава 1 Теоретико-методологические основы исследования интеграции регионов как социальной пересборки: классические и современные социологические теории.....	58
§ 1.1. Теоретические подходы к анализу интеграционных и реинтеграционных процессов.....	59
§ 1.2. Категориальные основания понятий «интеграция» и «реинтеграция»: теоретические подходы и понимание в современной социологии.....	83
§ 1.3. Реинтеграция как процесс интегративной пересборки общества: теоретическое осмысление.....	99
Выводы по главе 1.....	117
Глава 2 Интеграция новых регионов в российское общество: системные взаимосвязи оснований, уровней и эффектов пересборки социальных пространств.....	122
§ 2.1. Цивилизационные основания интеграции Республики Крым и города Севастополь в российское пространство в контексте неоевразийской интегративной концепции XXI века.....	123
§ 2.2 Социальная интеграция Республики Крым и города Севастополь в контексте трансформации коллективной памяти, идентичности и ценностно-смыслового поля.....	141
§ 2.3. Инвайронментальная интеграция Крымского полуострова и контуры нового общественного договора.....	158
§ 2.4. «Островная» солидарность и кредит доверия как системные эффекты интеграции Республики Крым и города Севастополь в Россию.....	171

Выводы по главе 2.....	193
Глава 3 Эффекты пересборки социальных пространств в процессе интеграции Республики Крым и города Севастополь в российское общество.....	201
§ 3.1. Дизайн социологических измерений процесса интеграции Республики Крым и города Севастополь в российское общество	202
§ 3.2. Историческая память как основа цивилизационной интеграции Крымского полуострова в российское пространство.....	218
§ 3.3. Идентичность и ценностно-смысловое поле как показатели социальной интеграции Республики Крым и города Севастополь	251
§ 3.4. Коммуникативный уровень интеграции Крымского полуострова и вызовы коммуникативного пространства: результаты цифровых измерений с использованием метода больших данных.....	280
§ 3.5. Инфраструктурная динамика Крыма в оценках его жителей как показатель инвайронментальной интеграции.....	295
§ 3.6. Образ России у жителей Республики Крым и города Севастополь в свете новых возможностей системы российского общества.....	317
Выводы по главе 3.....	329
Заключение	335
Список использованной литературы.....	351
Приложение А.....	380
Приложение Б.....	390
Приложение В.....	434
Приложение Г.....	438
Приложение Д.....	447

Введение

Актуальность проблемы исследования. Формирование новой архитектуры миропорядка сопровождается для России появлением не только новых вызовов и угроз, но и открывшихся интегративных возможностей для новых российских регионов. Усиление глобальной конкуренции, трансформация систем национального управления, появление новых геополитических глобальных и региональных лидеров со своими социальными проектами обуславливает стремление России к пересборке общественных процессов, в том числе и на постсоветском пространстве.

В настоящий момент в документах стратегического планирования и международно-правовых обязательствах Российской Федерации закреплены «большие вызовы», стоящие перед российским обществом и государством¹. Появление новых угроз национальной безопасности, имеющие комплексный взаимосвязанный характер, рост глобальной и региональной нестабильности (что нашло отражение в событиях Крымской весны и в современных украинских реалиях) актуализируют потребность в изучении интеграционных кейсов, анализе новых реинтеграционных механизмов постсоветского пространства. С целью повышения эффективности российского исследовательского задела перед автором стояла проблема теоретико-методологического изучения оснований, уровней и эффектов социальной пересборки новых регионов в российское общество, понимания предпосылок интеграции, динамики показателей интеграционных практик в различных сферах.

---

¹ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001?index=15&rangeSize=1> (дата обращения: 07.02.2023)

Республика Крым и Севастополь являются новыми российскими регионами, и в них проблематика протекания интеграции остается чрезвычайно актуальной с учетом экономических, политических, историко-культурных, информационных, экстремистских вызовов современного мира. Настоящее исследование направлено на решение фундаментальной проблемы интеграционного процесса Республики Крым и города федерального значения Севастополь в российское общество.

В первую очередь, будет уделено внимание исследованию интеграционных и реинтеграционных процессов в классических теориях и современной социологической науке, анализу категориальных оснований понятия интеграции и составляющей интегративного процесса – реинтеграции как интегративной пересборки обществ, что позволит концептуализировать основания и уровни интеграционного процесса Республики Крым и города Севастополь в российское общество.

Считаем, что актуальность проблемы диссертационного исследования обусловлена необходимостью:

– во-первых, теоретико-методологического изучения интеграционных региональных процессов как социальной пересборки в классических теориях и в современном социологическом знании;

– во-вторых, понимания реинтеграции как нового социального феномена, описывающего интеграционные тенденции постсоветского пространства;

– в-третьих, анализа системной интеграции новых регионов России в российское общество, ее оснований, уровней и эффектов;

– в-четвертых, выявления эффектов пересборки социальных пространств в процессе интеграции Республики Крым и Севастополя в российское общество и определения цивилизационных оснований интеграции, ее уровней – социального, инвайронментального и коммуникативного.

Описание проблемы исследования. Социальное противоречие исследуемой проблемы состоит в ряде положений. Основным из них является то, что имеющийся теоретико-методологический задел исследований интеграционных процессов (как региональных, межрегиональных, так и

глобальных) не в состоянии сегодня предоставить научное объяснение современным консолидациям и их новой форме – реинтеграции. Данная ситуация диктует требование по разрешению теоретико-методологической проблемы исследования и предложения концептуального подхода к новым интеграционным проявлениям, в том числе интеграции Республики Крым и города Севастополь в российское общество.

Во-вторых, необходимо учитывать, что развитие классических концепций интеграции происходило параллельно – и в Европе, и в России. Российская интегративная идея евразийства – это идея построения большой исторической России, которая была востребована как в советский период, так и сейчас. Ее сегодняшняя актуальность обусловлена той противоречивой ситуацией, которая диктует рассматривать Россию как цивилизацию и как исторически сложившееся единое социальное пространство. Данная идея выступает в определенной степени ответом на современные противоречия геополитической и международной ситуации, позволяя объяснять причины и основания реинтеграционных событий на постсоветском пространстве, объединяемые общей интегративной идеей, в том числе тех, которые произошли вследствие событий Крымской весны.

В-третьих, события XXI века показали, что современные интеграционные процессы выступают некой пересборкой социального в обществах (как в интегрируемом, так и в принимающем). Что и определило решение исследовательского противоречия, поиска дефиниций «интеграция» и «реинтеграция», оснований интеграционных процессов современности, их уровней и эффектов. Наблюдаемые в современном социуме феномены интеграции и их особой формы – реинтеграции направлены на процесс пересборки, в первую очередь, социальных, затем – государственных, экономических, политических объединений на основе новых вводных международной повестки глобального и регионального развития.

В-четвертых, социальное противоречие состоит в том, что упрощенная теоретическая разработанность феномена реинтеграционного развития обществ и обращение к нему через апеллирование к смежным понятиям позволяют говорить

о том, что реинтеграция является частью интеграционных тенденций. Следовательно, подобный комбинаторный подход наделяет понятие «реинтеграция» синкретическими характеристиками, а отсутствие разработанной теоретико-методологической базы формирует поле для концептуализации и анализа оснований, уровней и эффектов интеграционных событий современного мира.

В-пятых, сложившееся исследовательское противоречие состоит в необходимости анализа как цивилизационных оснований современных интеграций, так и уровней пересборки обществ в интегративном процессе – социальном, инвайронментальном и коммуникативном. Разрешение данного противоречия позволило объяснить происходящие в ходе интеграции Республики Крым и города Севастополь в российское пространство преобразования структурных компонент общества, формируемых инвайронментальными рисками, трансформируемых под воздействием коммуникативных технологий, которые приводят к образованию системных эффектов интеграции как в интегрируемом, так и принимающем социумах.

Гипотеза исследования. В ходе исследования было высказано ряд предположений. В первую очередь, о формировании новой концептуализации интеграционных процессов, которые рассматриваются в виде пересборки социальных пространств. Отсюда можно предположить, что исследуемая пересборка социальных образований вследствие интеграции Республики Крым и города Севастополь с Россией происходит не только по цивилизационному и культурно-историческому основаниям, но и имеет несколько уровней. Среди них социальный, на котором происходит трансформация исторической памяти, смыслов и ценностей.

Один из аспектов гипотезы уделен инвайронментальному уровню интеграции, получившему особую значимость в ходе крымской консолидации. Он состоит в том, что именно угрозы экзистенциального характера не только формируют отдельный уровень интеграции, но и стимулируют ее, делая максимально успешной.

Еще одна частная гипотеза касается коммуникативного уровня интеграции. Она о том, что современные коммуникативные вызовы информационного общества разрушают накопленный опыт и достижения интеграции как со стороны консолидированного, так и принимающего пространств, и негативно воздействуют на системные эффекты интеграции и достигаемый тип солидарности в обществе, что позволило объяснить воздействие коммуникаций как динамического фактора интеграционного процесса крымского и севастопольского интернет-пространств с Рунетом.

Последнее гипотетическое предположение, высказанное автором, касается новой формы интеграционного процесса – реинтеграции – характерной для постсоветского пространства и наблюдаемой в ходе крымских событий, которая осуществляется на общих цивилизационных основаниях и имеет социальный, инвайронментальный и коммуникативный уровни консолидации, которые диктуются современной ситуацией по достижению нового социального порядка, общественного договора и международной солидарности.

Степень научной разработанности проблемы. Классические исследования интеграции опираются на фундаментальную научную базу, созданную представителями общественных наук. Рассмотрение интеграционных процессов в аспекте региональных, территориальных и международной объединений позволило изучить интеграцию Республики Крым и Севастополя в формате объединения региональных пространств. Обращение к социологическим концепциям интеграции, изучающих ее цивилизационные и социальные основы, предоставило возможность обосновать основания и уровни интеграции новых регионов в российское общество.

Классические теории региональной интеграции представлены в рамках федерализма и неофедерализма (А. Спинелли)², функционализма (Д. Митрани)³ и неофункционализма (Э. Хаас, Ф. Шмиттер, А. Этциони и др.)⁴,

² Spinelli A. The Eurocrats / Altiero Spinelli. — Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1966.

³ Mitrany, David. The Prospect of Integration: Federal or Functional? / David Mitrany // Journal of Common Market Studies. — 1965. — 4(1). — PP.119-49.

транзакционализма (К. Дойч)^{5 6}. В свете федерализма и неофедерализма (А. Этциони)⁷ интеграция рассматривается через создание новых политических сообществ, формируемых посредством эффективного контроля, наличия влиятельного центра принятия решений, возникновения общей идентичности в обществе. В рамках функционального подхода интеграция концентрируется не вокруг политических, а скорее – вокруг экономических и социальных задач (Д. Митрани, А. Клоуд)⁸. Неофункционализм (Э. Хаас, Ф. Шмиттер)⁹ подчёркивает проникновение политики в экономику, связывая интеграцию с общественными процессами.

В контексте авторского исследования значим транзакциональный подход (К. Дойч)¹⁰, в рамках которого предложена категория «сообщество безопасности» как интегрируемая группа, формируемая коммуникациями и взаимодействием. Понимание интеграции К. Дойча позволяет обратиться в ходе анализа консолидационного процесса Республики Крым и Севастополя к обеспечению «мирных изменений» на длительную перспективу, которые дают возможность сформировать общую идентичность с использованием общей символики. Вторая значимая для авторского исследовательского интереса – концепция политических сетей (В. Уоллес, Э. Моравчик) важна для понимания категории «сотрудничество», необходимого для осуществления интеграции¹¹.

---

⁴ Haas, Ernst B. and Schmitter, Philippe C. Economics and Differential Patterns of Political Integration: Projections about Unity in Latin America / Ernst B. Haas and Philippe C. Schmitter // *International Political Communities*. — New York: Doubleday, 1966. — PP. 259-299.

⁵ Бурганова И.Н. Возможности использования коммуникационного подхода К. Дойча к практике интеграционного строительства на постсоветском пространстве (на примере СНГ) // *Приволжский научный вестник*. 2013. №9 (25). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozmozhnosti-ispolzovaniya-kommunikatsionnogo-podhoda-k-doycha-k-praktike-integratsionnogo-stroitelstva-na-postsovetskom> (дата обращения: 07.02.2023).

⁶ Шерьязданова К.Г. Современные интеграционные процессы: учеб. по-с. / К.Г. Шерьязданова. – Изд. 2-е., доп. – Алматы: «Қазақ университеті», 2016. – 198 с.

⁷ Там же.

⁸ Mitrany, David. *A Working Peace System* / David Mitrany. — London: Royal Institute of International Affairs, 1943.

⁹ Haas, Ernst B. *The uniting of Europe: political, social and economic forces, 1950-1957* / Ernst B. Haas; foreword by Desmond Dinan ; new introduction by Ernst B. Haas. 641 p. (Contemporary European politics and society) Originally published : Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1958. Режим доступа: <https://www.europarl.europa.eu/100books/file/EN-H-BW-0038-The-uniting-of-Europe.pdf> (дата обращения: 07.02.2023).

¹⁰ Шерьязданова К.Г. Современные интеграционные процессы: учеб. по-с. / К.Г. Шерьязданова. – Изд. 2-е., доп. – Алматы: «Қазақ университеті», 2016. – 198 с.

¹¹ Там же.

Социологический институционализм позволил определить инструменты интеграционных процессов в контексте авторского исследования. Социологический институционализм рассматривает институциональную систему изнутри, концентрируясь на анализе социальных порядков (Н. Флигстин), и поэтому задача авторского исследования состоит в описании изменений социальных порядков и причин, оснований и уровней процесса интеграции новых российских регионов^{12 13}.

Выше перечисленные концепции интеграции были результатами тех исторических эпох, в ходе которых они формировались – периода объединения европейских стран после Второй мировой войны. В этих теориях преобладали региональная и экономическая составляющие. Если европейские концепции формировались и развивались под влиянием потребностей европейской интеграции, то в России интеграционные концепции были сформулированы под влиянием цивилизационно-исторического подхода к интеграции – теории культурно-исторических типов, евразийства и неоевразийства. Отдельное внимание было уделено отечественной классической концепции, без которой невозможно определить основания интеграционных процессов, – теории культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского¹⁴. Согласно подходу Н.Я. Данилевского, все культурно-исторические типы равноценны в силу их уникальности и их главной исторической задачей является, прежде всего, развитие самобытных начал: народы, не создавшие государственности и вошедшие в состав какого-либо культурно-исторического типа, увеличивают его разнообразие и богатство, и на определенном этапе могут образовать свой культурно-исторический тип¹⁵. Данный подход позволил рассмотреть интеграцию Республики Крым и города Севастополь в российское социокультурное

¹² Флигстин Нил Поля, власть и социальные навыки: критический анализ новых институциональных течений // Экономическая социология. 2001. №4. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/polya-vlast-i-sotsialnye-navyki-kriticheskiy-analiz-novyh-institutsionalnyh-techeniy> (дата обращения: 07.02.2023).

¹³ Fligstein N., McAdam D.A Theory of fields. – N.Y.: Oxford univ. press, 2012. – 256 p.

¹⁴ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. / Составление и комментарии Ю. А. Белова / Отв. ред. О. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2008. — 816 с.

¹⁵ Там же.

пространство в рамках культурно-исторического типа, обеспечивающего цивилизационные основания консолидации.

Суть евразийской теории заключалась в интерпретации Евразии как особой географической, социально-исторической и социально-культурной общности. Ранние евразийцы подчеркивали, что Евразия – это не просто соединение европейского и азийского начал, а особый «континент», отличный и от Европы, и от Азии (П.Н. Савицкий, П.П. Сувчинский)^{16 17}. Евразийство в 1960-1980-е годы (Л.Н. Гумилев) трансформировало Евразию в социогеографическое пространство и особый этнокультурный мир^{18 19}. Современные аспекты евразийства позволили обосновать цивилизационные основания интеграции Республики Крым и города Севастополь в российское общество, концентрируясь вокруг следующих принципов:

– Россия является цивилизационной общностью, возникшей в результате этнополитического и культурно-исторического синтеза народов Востока и Запада (Л.Н. Гумилев, Б.С. Лавров, И.С. Шишкин);

– евразийство – это идейное противопоставление американскому глобальному мировому порядку многополярного мира (Б.С. Ерасов, И.Б. Орлова, А.С. Панарин, А. Г. Дугин, К.С. Гаджиев, М.Л. Титаренко);

– на территории исторической России необходимо воссоздание единого культурного, экономического и политического пространства, способствующего интеграции народов Евразии (Э.А. Баграмов, А.Т. Горяев, Б.С. Ерасов, А.Г. Дугин, А.С. Панарин и др.);

– необходимо обозначить перспективный для Евразии самостоятельный путь развития, опирающийся на национально-культурные традиции, ценности и

¹⁶ Савицкий П., Сувчинский П. Исход к Востоку : Утверждение евразийцев Предчувствия и свершения Статьи Петра Савицкого, П. Сувчинского, кн. Н. С. Трубецкого и Георгия Флоровского. - София : Рос.-болг. книгоизд-во, 1921. - VII, 125 с.

¹⁷ Савицкий П., Сувчинский П. Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев: Статьи. – София: «Балкан», 1921: На путях: Утверждение евразийцев. Кн. 2-я: Статьи П.Н. Савицкого, А.В. Карташёва, П.П. Сувчинского, кн. Н.С. Трубецкого, Г.В. Флоровского, П.М. Бицилли / Обл. работы худ. П.Ф. Челищева. - Москва–Берлин: Геликон, 1922. - 358 с.

¹⁸ Процессы евразийской интеграции: социально-политическое измерение: монография / под общ. ред. Г.И. Осадчей. – М.: БИБЛИО-ГЛОБУС, 2018. – 374 с., с. 29. ISBN 978-5-907063-15-0.

¹⁹ Гумилев Л. Н. Заметки последнего евразийца // Наше наследие. 1991. № 3. С. 19-34.

опыт многовекового взаимодействия евразийских народов (И.Б. Орлова, Б.С. Ерасов, А.Г. Дугин, А.С. Панарин, В.Л. Цымбурский, Н.Н. Моисеев, Д.С. Львов, С.В. Глазьев)²⁰.

Считаем, что популярность евразийской идеи в настоящее время обозначена видением России как цивилизации и особого культурно-исторического мира. В связи с этим евразийская идея — это, прежде всего, идея цивилизационная, которая сформировалась как комплекс междисциплинарных концепций, описывающих Евразию в границах большой России – от Российской империи и СССР до СНГ и современной Российской Федерации – в виде исторически сложившего единого социального пространства и самостоятельного центра силы. Именно в таком ключе рассматривают Россию неоевразийцы (А.С. Панарин) – как особую цивилизацию, обладающую своим суперэтническим потенциалом и соответствующим набором геополитических идей^{21 22 23}.

Основные идеи неоевразийства, имеющие значимость для диссертационного исследования интеграционного процесса Республики Крым и города Севастополь в российское общество:

1. Цивилизации рассматриваются как самостоятельные единицы социально-исторического процесса. Евразийская цивилизация, как и западная – одна из культурно-исторических систем с тысячелетним опытом, формирует особый культурно-исторический тип (в терминологии Н.Я. Данилевского)²⁴.

2. В процессе интеграции необходимо соблюдать значимость развития национальных культур, уникальность и неповторимость каждой нации и народа.

3. Евразия является особым географическим, этническим, социальным, культурно-историческим пространством, часть которого составляет историческая

²⁰ Процессы евразийской интеграции: социально-политическое измерение: монография / под общ. ред. Г.И. Осадчей. – М.: БИБЛИО-ГЛОБУС, 2018. – 374 с. ISBN 978-5-907063-15-0.

²¹ Панарин А. С. Политология. Учебник. — М.: «Проспект», 1997.— 408 с.

²² Панарин А. С. Православная цивилизация / Сост., предисл. В. Н. Расторгуев / Отв. ред. О. А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2014. – 1248 с., с. 46.

²³ Панарин А.С. Правда железного занавеса. – М.: «Алгоритм», 2006. – 636 с.

²⁴ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. / Составление и комментарии Ю. А. Белова / Отв. ред. О. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2008. — 816 с.

Россия, – интегратор и центр цивилизационного и культурного притяжения не только для славянских, но и для других народов.

4. Предрасположенность евразийских народов постсоветского пространства к интеграции определяется сочетанием таких историко-социальных условий, как византийское наследие, отсутствие какого-либо высокомерия со стороны русских в отношении других народов, национальная терпимость, веротерпимость, духовность и коллективизм.

В XX и XXI столетиях возникла ситуация, диктующая создание на Западе концепций нового понимания интеграции. Так, теория однополярности мира рассматривает современные интеграционные процессы с точки зрения подавляющего военного и политического превосходства США (и стран Запада в целом) над всеми другими государствами или их возможными коалициями (З. Бжезинский)²⁵, а концепция «стратегического терпения» (С. Тэлботт)^{26 27}, прошедшая путь от теории «стратегического партнерства» до концепта «стратегии вовлечения и расширения», была нацелена на сохранение глобальной гегемонии США через максимальное вовлечение слаборазвитых и «переходных» стран в экономические и торговые международные процессы.

Суть концепции «стратегического терпения» США по отношению к интеграционным процессам на евразийском континенте и в пространстве России, раскрывается в высказываниях ее автора С. Тэлботта: «Если вы, россияне, обращаетесь к XIII веку, то вам следует уделять меньше внимания образу Александра Невского, побеждающего шведских рыцарей в Ледовом побоище, и больше — ганзейской идее новгородцев, то есть рассматривать Балтию не в качестве плацдарма для неприятельского вторжения в Россию, но как выход во

²⁵ Бжезинский, Збигнев (1928). Великая шахматная доска: [Господство Америки и его геостратег. императивы: Пер. с англ.] / Збигнев Бжезинский. - Москва: Междунар. отношения, 1998. - 254,[1] с. : ил., карты; 21 см. - (Великое противостояние). - (Великое противостояние). ISBN 5-7133-0967-3 (В пер.) : Б. ц. С. 108-109.

²⁶ Deputy Secretary Talbott. The End of the Beginning: The Emergence of New Russia // U.S. Department of State Dispatch. August/September, 1997. P. 26.

²⁷ Костина Е.В. Строб Тэлботт и его роль в формировании российского курса администрации Б. Клинтона / Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук Специальность 07.00.03 - Всеобщая история Саратов 2008. Режим доступа: https://textarchive.ru/c-2470086-pall.html_ldsqpg5uw59257772 (дата обращения: 07.02.2023).

внешний мир»²⁸; «Нам следует добиться того, чтобы наша политика по отношению к России содержала один необходимый элемент: запас стратегического терпения. Речь идет о политике, целью которой является не просто урегулирование проблемы, возникшей в связи с кризисом минуты или недели, или даже сезона, — речь идет о политике следующего столетия»²⁹. Исходя из приведенных цитат, можно заключить, что концепция «стратегического терпения» подходит к процессам в исторической России в долгосрочной перспективе, а суть американского подхода к управлению интеграционными процессами в пространстве большой России, в первую очередь к воссоединению Республики Крым и города Севастополь с Россией, сводится к использованию набора «мягких механизмов», предполагающих транзит ценностно-смыслового поля посредством осуществления экономических и медийных проектов, культурных и образовательных программ.

Несмотря на эффективное применение принципов данной теории, в последние пятилетие ее авторы отказались от нее^{30 31 32}. С нашей точки зрения, это связано с возрождением неоимперских традиций современной России, продиктованных не только наличием опыта совместного существования и сотрудничества, но и общими достижениями, общими землями, социальными и иными ресурсами. Таким образом, можно сделать вывод о том, что в настоящий момент западные социологи, социальные технологи и социальные инженеры находятся на этапе переосмысления имеющихся концепций интеграционных процессов и реинтегративных практик современности в евразийском пространстве.

---

²⁸ Струб Тэлботт. Холодная война началась с Ледового побоища. Журнал «Коммерсантъ Власть» №37 от 14.10.1997, стр. 28. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/13834?ysclid=ldsqqg5uwH592577721%20> (дата обращения: 07.02.2023).

²⁹ Там же.

³⁰ Стратегическому терпению России и НАТО пришел конец 27 сентября 2022. Режим доступа: <https://inosmi.ru/20220927/nato-256351112.html> (дата обращения: 07.02.2023).

³¹ Джеймс Гудбии, Дональд Гросс Стратегическое терпение стало стратегической пассивностью 22 декабря 2010 г. Режим доступа: <https://www.brookings.edu/articles/strategic-patience-has-become-strategic-passivity/> (дата обращения: 07.02.2023).

³² Эрик Ливни, Том Коуп Стратегическое нетерпение 23 октября 2014. Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2014/10/23/strategicheskoe-neterpenie?ysclid=lacraikglh882269662> (дата обращения: 07.02.2023).

Сегодня определенной популярностью обладает теория договаривающихся государств (А. Кули, Х. Спрюйт)³³, пришедшая на смену концепции «стратегического терпения», которую применяют западные исследователи в процессе изучения территорий, когда-то принадлежавших Европе и Советскому Союзу. Согласно данной концепции, современные национальные государства все чаще заключают соглашения, предполагающие разделение или отказ от части имеющегося суверенитета³⁴. Таким образом, возникают договаривающиеся государства, которые используют так называемые «неполные контракты» — соглашения, изначально неоднозначные и скорее всего подлежащие пересмотру в будущем. Данная концепция описывает возникновение гибридных структур суверенного управления и позволяет понять способы объединения и дезинтеграции государств и территорий, предлагая новые неконфликтные институциональные решения интеграционных и реинтеграционных проблем. Обращение к данной теории позволило понять современный прикладной подход к анализу реинтеграций на постсоветском пространстве, включая интеграционные процессы в Республике Крым и городе Севастополь.

Концепции консолидаций XXI века, в отличие от теорий интеграции прошлого столетия с ориентацией на евроцентричность, описывают системные процессы, формирующие все социальное поле, цивилизационные изменения, имеющие как интегративную, так реинтегративную природу. Именно современные концепты интеграции позволили автору понять процесс интегративной пересборки Республики Крым и Севастополя в российское общество.

Один из таких концептов — концепция «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона, основной тезис которой состоит в том, что культурная и

---

³³ Cooley Alexander, Spruyt Hendrik Contracting States: Sovereign Transfers in International Relations Paperback – May 10, 2009 // Publisher : Princeton University Press; 0 edition (May 10, 2009) 280 pages ISBN-10 : 0691137242 ISBN-13 : 978-0691137247 Режим доступа: <https://press.princeton.edu/books/paperback/9780691137247/contracting-states> (дата обращения: 07.02.2023).

³⁴ Cooley Alexander, Spruyt Hendrik Contracting States: Sovereign Transfers in International Relations Paperback – May 10, 2009 // Publisher : Princeton University Press; 0 edition (May 10, 2009) 280 pages ISBN-10 : 0691137242 ISBN-13 : 978-0691137247 Режим доступа: <https://press.princeton.edu/books/paperback/9780691137247/contracting-states> (дата обращения: 07.02.2023).

религиозная идентичность людей станет ключевым источником современных конфликтов³⁵. В рамках авторского анализа обращение к идее Хантингтона³⁶ об объединении «расколотых» стран, которые могут вернуться в лоно материнской – базовой цивилизации, либо могут быть подвержены дезинтеграции, позволило обосновать цивилизационные основания интеграции Республики Крым и Севастополя в пространство исторической России. Реинтеграционные процессы, возникающие на конфронтационной площадке между странами, альянсами и цивилизациями, описываются в теории «центра - периферии» И. Валлерстайна³⁷. Такой площадкой он считает российское «ближнее зарубежье», то есть фактически постсоветское пространство, что в нашем исследовании получило название большой исторической России.

Используя акторно-сетевую теорию Б. Латура³⁸, автором была рассмотрена идея пересборки евразийского и цивилизационного в социальном пространстве³⁹. Обращение к акторно-сетевой теории позволило определить реинтеграцию как процесс интегративной пересборки социальных пространств с трансформацией социального поля и смыслов.

Таким образом, авторский анализ классических и современных концепций интеграции позволил отметить следующий уровень изученности проблемы интеграционных процессов современности:

— рассмотрение теоретико-методологических подходов к исследованию интеграции показало, что 1) они отражают требования тех исторических этапов, в ходе которых развивались, 2) формирование концепций интеграции происходило как в европейской научной традиции, так и в российской;

³⁵ Huntington, S. P. (2000). The clash of civilizations? In Culture and politics (pp. 99-118). Palgrave Macmillan, New York.

³⁶ Хантингтон, Сэмюэл Филлипс (1927). Столкновение цивилизаций / Самюэль Хантингтон ; [Пер. с англ. Ю. Новикова]. - Москва ; СПб. : АСТ, 2003 (Тип. изд-ва Самар. Дом печати). - 603, [2] с. : ил., табл.; 20 см. - (Philosophy).; ISBN 5-17-007923-0 (в пер.)

³⁷ Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. Пер. с англ. П. М. Кудюкина. Под общей редакцией канд. полит. наук Б. Ю. Кагарлицкий — СПб.: Издательство «Университетская книга», 2001. — 416 с. ISBN 5-94483-042-5.

³⁸ Latour B. Wir sind nie modern gewesen: Versuch einer symmetrischen Anthropologie. Berlin, 1995: Akademie-Verlag, 1991.

³⁹ Ярмак О.В., Большакова М.Г., Маранчак А.Г., Савина З.С. Акторно-сетевые конструкции коллективной исторической памяти // LOGOS ET PRAXIS, Том 21, № 2. 2022, с. 73-80 ISSN: 2587-9715 Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49586259> (дата обращения: 07.02.2023).

— системное видение интеграции новых регионов в российское общество может быть рассмотрено в свете цивилизационной идеи евразийства, которая описывает Евразию в границах большой исторической России в виде исторически сложившего единого социального пространства и цивилизационного центра силы — притяжения своих «расколотых» частей (Республики Крым и города Севастополь);

— к началу XXI века международная и социальная ситуация, вследствие которой классические концепции интеграции утратили актуальность, и были заменены новыми подходами, имеющими социально-инженерную направленность, оформила требования к новой категоризации понятий «интеграция» и «реинтеграция», необходимых для объяснения новых реинтеграционных тенденций на постсоветском пространстве;

— феномен реинтеграции в настоящее время должен быть направлен на описание современных процессов пересборки государственных, экономических, политических, социальных конструктов;

— актуализация феномена современных реинтеграций (по типу интеграции Республики Крым и города Севастополь в РФ) объясняется текущим состоянием нарушения социальных порядков, когда западная (американоцентричная) модель миропорядка противопоставляется тренду оформления многополярной социальной системы, что диктует рассмотрение цивилизационных оснований новых консолидаций, социального, инвайронментального и коммуникативного уровней интеграции и ее системных эффектов.

Цель диссертационного исследования состоит в том, чтобы на основе теоретико-методологических обобщений выявить и концептуализировать критерии анализа интегративных процессов новых регионов в российское общество, осознанных как пересборку социальных пространств посредством достижения системных эффектов в реализации цивилизационных оснований социального и инвайронментального уровней солидарности, а также разработать рекомендации по консолидации и осмыслению коммуникативных вызовов в

интересах реинтеграции Республики Крым и города Севастополь в российское пространство.

Для достижения поставленной в диссертации цели были решены следующие **задачи**:

— раскрыты ключевые теоретико-методологические основы исследования интеграции регионов как социальной пересборки, а также сущность социологического знания об интеграционных и реинтеграционных процессах;

— уточнены дефиниции и категориальные основания понятий «интеграция» и «реинтеграция» как процесса интегративной пересборки социальных пространств;

— представлена системная интеграция Республики Крым и города Севастополь в российское общество посредством определения взаимосвязей входящих условий (цивилизационные основания), уровней — социального, инвайронментального и коммуникативного, и эффектов интеграции — формирования нового типа солидарности;

— проведен анализ цивилизационных оснований интеграции Республики Крым и Севастополя в российское пространство в контексте неоевразийской интегративной концепции XXI века;

— проанализированы процессы трансформации коллективной памяти, идентичности и ценностно-смыслового поля как результата социальной интеграции Республики Крым и Севастополя;

— обозначены вызовы коммуникативного пространства Крымского полуострова, определившие его коммуникативный уровень интеграции в российское интернет-пространство;

— выявлены социальные детерминанты инвайронментальной интеграции Крымского полуострова, проявившиеся в новом видении образа России и динамике оценок жителей полуострова происходящих инфраструктурных изменений;

— определены системные эффекты интеграции Республики Крым и Севастополя в Россию — образование «островной» солидарности и кредита

доверия как в интегрируемом — крымском — обществе, так и в принимающем — российском.

Объект исследования — интеграционные процессы новых регионов — Республики Крым и города федерального значения Севастополь в российское общество.

Предмет исследования — эффекты пересборки социального пространства в процессе интеграции Республики Крым и города Севастополь в российское общество, а именно: 1) входящие условия интеграции – цивилизационные основания, 2) уровни интеграции – социальный (трансформация исторической памяти, ценностно-смыслового поля), инвайронментальный (экзистенциальные угрозы), коммуникативный (вызовы информационного общества), 3) исходящие результаты интеграции – системные эффекты по созданию нового типа солидарности и динамики оценок инфраструктурных изменений с трансформацией понимания России и евразийской цивилизации у крымчан и севастопольцев.

Теоретико-методологические основы исследования. Диссертационное исследование опирается на фундаментальные положения классических социологических концепций, теорий интеграции, социального конструктивизма, акторно-сетевого подхода. При анализе интеграционных процессов использовались:

— теории региональной интеграции: федерализма и неофедерализма (А. Спинелли)⁴⁰, функционализма (Д. Митрани)⁴¹ и неофункционализма (Э. Хаас, Ф. Шмиттер, А. Этциони)^{42 43};

— теории, раскрывающие причинно-следственные закономерности интеграций (концепция политических коммуникаций К. Дойча)⁴⁴;

⁴⁰ Spinelli A. The Eurocrats / Altiero Spinelli. — Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1966.

⁴¹ Mitrany, David. The Prospect of Integration: Federal or Functional? / David Mitrany // Journal of Common Market Studies. — 1965. — 4(1). — PP.119-49.

⁴² Haas, Ernst B. and Schmitter, Philippe C. Economics and Differential Patterns of Political Integration: Projections about Unity in Latin America / Ernst B. Haas and Philippe C. Schmitter // International Political Communities. — New York: Doubleday, 1966. — PP. 259-299.

⁴³ Шерьязданова К.Г. Современные интеграционные процессы: учеб. по-с. / К.Г. Шерьязданова. – Изд. 2-е., доп. – Алматы: «Казак университеті», 2016. – 198 с., с. 18.

— теории, уточняющие категориально-понятийный аппарат (акторно-сетевой подход Б. Латура⁴⁵, концепция интеграции У. Шиманка⁴⁶, теория структуризации Э. Гидденса⁴⁷, концепция структурных связей Н. Лумана⁴⁸, концепция «общества риска» У. Бека⁴⁹, интегративная теория «социального обмена» П. Блау⁵⁰);

— цивилизационный подход к интеграционным процессам (концепция «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона⁵¹, теория культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского⁵², концепция интеграция интеграций, евразийский (Л.Н. Гумилев⁵³) и неоевразийский (А.Г. Дугин, Е.Ю. Винокуров, А.С. Панарин, С.А. Михеев^{54 55 56 57}) подходы).

Интеграционные процессы в работе также рассматриваются с использованием социологического институционализма (Н. Флигстин⁵⁸), который позволяет объяснить структурные трансформации, изменения социальных институтов и определить источники их социальных преобразований. В рамках исследования данный подход значим в связи с тем, что трансформации

⁴⁴ Шерьязданова К.Г. Современные интеграционные процессы: учеб. по-с. / К.Г. Шерьязданова. – Изд. 2-е., доп. – Алматы: «Қазақ университеті», 2016. – 198 с., с. 18.

⁴⁵ Latour B. Wir sind nie modern gewesen: Versuch einer symmetrischen Anthropologie. Berlin, 1995: Akademie-Verlag, 1991.

⁴⁶ Шиманк У. Социологический диагноз последних двадцати лет: тезисы об интеграции современного общества // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Том IV. № 2 Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17325262&ysclid=ldt2u9xmcw499668671> (дата обращения: 07.02.2023).

⁴⁷ Гидденс, Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. — М.: Академический проект, 2003. — 528 с. — («Концепции»). ISBN 5-8291-0232-3.

⁴⁸ Luhmann N. Die Gesellschaft der Gesellschaft. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1997, S. 617-618.

⁴⁹ Бек, Ульрих Общество риска. На пути к другому модерну [Текст] / Ульрих Бек; пер. с нем. В. Седельника и Н. Федоровой. - Москва : Прогресс-традиция, 2000. - 381, [2] с.; 21 см.; ISBN 5-89826-059-5.

⁵⁰ Peter M. Blau A Theory of Social Integration // American Journal of Sociology Vol. 65, No. 6 (May, 1960), pp. 545-556 (12 pages) Published By: The University of Chicago Press Режим доступа: <https://www.jstor.org/stable/2773647> (дата обращения: 07.02.2023).

⁵¹ Хантингтон, Сэмюэл Филлипс (1927). Столкновение цивилизаций / Самюэль Хантингтон ; [Пер. с англ. Ю. Новикова]. - Москва ; СПб. : АСТ, 2003 (Тип. изд-ва Самар. Дом печати). - 603, [2] с. : ил., табл.; 20 см. - (Philosophy).; ISBN 5-17-007923-0 (в пер.)

⁵² Данилевский Н. Я. Россия и Европа. / Составление и комментарии Ю. А. Белова / Отв. ред. О. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2008. — 816 с.

⁵³ Гумилев Л.Н. Заметки последнего евразийца, «Наше наследие», 1991, №3, стр. 19-26.

⁵⁴ Дугин, А. Евразийский реванш России. 2014, 280 стр. ISBN:978-5-4438-0882-6.

⁵⁵ Панарин А.С. Правда железного занавеса. – М.: «Алгоритм», 2006. – 636 с.

⁵⁶ Панарин А. С. Православная цивилизация / Сост., предисл. В. Н. Расторгуев / Отв. ред. О. А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2014. – 1248 с., с. 46.

⁵⁷ Михеев С.А. Постсоветское пространство: элиты против интеграции. Режим доступа: <http://politcom.ru/3904.html> (дата обращения: 07.02.2023).

⁵⁸ Флигстин Нил Поля, власть и социальные навыки: критический анализ новых институциональных течений // Экономическая социология. 2001. №4. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/polya-vlast-i-sotsialnye-navyki-kriticheskiy-analiz-novyh-institutsionalnyh-techeniy> (дата обращения: 07.02.2023).

социальных институтов выступают результатом социального взаимодействия между акторами, в том числе в интеграционном процессе Республики Крым и города Севастополь в Россию.

Для анализа реального состояния интеграционных процессов Республики Крым и города Севастополь применялись методики прикладных социологических исследований: эмпирические методы сбора первичной информации — количественные и качественные (массовый опрос методами анкетирования и интервьюирования, глубинные интервью), цифровые методы (киберметрия сообщений крымского и севастопольского сегментов Интернета с применением онлайн-сервисов мониторинга социальных медиа); методы качественной обработки онлайн информации (контент-анализ информационных ресурсов, дискурс-анализ интернет-контента).

Эмпирическая база диссертационной работы представлена статистическими данными, результатами социологических исследований, проведенных, в том числе с участием или под руководством автора. В их числе:

1. Город Севастополь в цифрах 2018 г.: Крат.стат.сб./Крымстат- С., 2018 - 193 с.⁵⁹
2. Республика Крым в цифрах. 2018: Крат.стат.сб./Крымстат- С., 2019 - 205 с.⁶⁰
3. Город Севастополь в цифрах 2019 г.: Крат.стат.сб./Крымстат- С., 2020 - 203 с.⁶¹

⁵⁹ Город Севастополь в цифрах 2018 г.: Крат.стат.сб./Крымстат- С., 2018 - 193 с. Режим доступа: [https://crimea.gks.ru/storage/mediabank/%D0%A1%D0%B5%D0%B2%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D1%8C%20%D0%B2%20%D1%86%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%B0%D1%85.2018%20%D1%81%D0%B0%D0%B9%D1%82\(1\).pdf](https://crimea.gks.ru/storage/mediabank/%D0%A1%D0%B5%D0%B2%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D1%8C%20%D0%B2%20%D1%86%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%B0%D1%85.2018%20%D1%81%D0%B0%D0%B9%D1%82(1).pdf) (дата обращения: 07.02.2023).

⁶⁰ Республика Крым в цифрах. 2018: Крат.стат.сб./Крымстат- С., 2019 - 205 с. Режим доступа: [https://crimea.gks.ru/storage/mediabank/%D0%9A%D1%80%D1%8B%D0%BC%20%D0%B2%20%D1%86%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%B0%D1%85.2018\(%D1%81%D0%B0%D0%B9%D1%82\)%20%D0%BF%D0%BE%D1%81%D0%BB.%D0%B2%D0%B5%D1%80%D1%81%D0%B8%D1%8F.pdf](https://crimea.gks.ru/storage/mediabank/%D0%9A%D1%80%D1%8B%D0%BC%20%D0%B2%20%D1%86%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%B0%D1%85.2018(%D1%81%D0%B0%D0%B9%D1%82)%20%D0%BF%D0%BE%D1%81%D0%BB.%D0%B2%D0%B5%D1%80%D1%81%D0%B8%D1%8F.pdf) (дата обращения: 07.02.2023).

⁶¹ Город Севастополь в цифрах 2019 г.: Крат.стат.сб./Крымстат- С., 2020 - 203 с. Режим доступа: <https://crimea.gks.ru/storage/mediabank/%D0%A1%D0%B5%D0%B2%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D1%8C%20%D0%B2%20%D1%86%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%B0%D1%85.2019%20%D0%B1%D0%B5%D1%81%D0%BF%D0%BB%D0%B0%D1%82%D0%BD%D1%8B%D0%B9%20%D0%B2%D0%B0%D1%80%D0%B8%D0%B0%D0%BD%D1%82%20%D0%98%D0%BD%D0%B3%D0%B0.pdf> (дата обращения: 07.02.2023).

4. Республика Крым в цифрах. 2020: Крат.стат.сб./Крымстат- С., 2021 - 226 с.⁶²

5. Город Севастополь в цифрах 2020 г.: Крат.стат.сб./Крымстат- С., 2021 - 195 с.⁶³

6. Республика Крым в цифрах. 2021: Крат.стат.сб./Крымстат- С., 2021 - 202 с.⁶⁴

7. Город Севастополь в цифрах 2021 г.: Крат.стат.сб./Крымстат- С., 2022 - 199 с.⁶⁵

8. Исследование ВЦИОМ о реакции на энергетическую блокаду Крыма⁶⁶.

9. Исследование ВЦИОМ о неприемлемости подписания с Украиной контракта на поставку электроэнергии, если в нем Крым и Севастополь будут названы украинскими⁶⁷.

10. Социологический мониторинг 2017 и 2018 годов, проведенный Центром социологических исследований Севастопольского государственного университета под руководством автора методом массового анкетирования с выборочной совокупностью 3200 студентов (2000 крымчан и 1200 севастопольцев в возрасте от 17 до 25 лет), репрезентативностью по территории проживания, полу, национальности при соблюдении предельной ошибки выборки не более 3% (по 1600 опрошенных ежегодно в течении двух лет измерений); и методом

⁶² Республика Крым в цифрах. 2020: Крат.стат.сб./Крымстат- С., 2021 - 226 с. Режим доступа: <https://crimea.gks.ru/storage/mediabank/owk7CaUm/%D0%A0%D0%B5%D1%81%D0%BF%D1%83%D0%B1%D0%B%D0%B8%D0%BA%D0%B0%20%D0%9A%D1%80%D1%8B%D0%BC%20%D0%B2%20%D1%86%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%B0%D1%85.%202020.pdf> (дата обращения: 07.02.2023).

⁶³ Город Севастополь в цифрах 2020 г.: Крат.стат.сб./Крымстат- С., 2021 - 195 с. Режим доступа: <https://crimea.gks.ru/storage/mediabank/584uxos1/%D0%A1%D0%B5%D0%B2%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D1%8C%20%D0%B2%20%D1%86%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%B0%D1%85.2020%20%D0%B1%D0%B5%D1%81%D0%BF%D0%BB%D0%B0%D1%82%D0%BD%D1%8B%D0%B9+.pdf> (дата обращения: 07.02.2023).

⁶⁴ Республика Крым в цифрах. 2021: Крат.стат.сб./Крымстат- С., 2021 - 202 с. Режим доступа: <https://crimea.gks.ru/storage/mediabank/owk7CaUm/%D0%A0%D0%B5%D1%81%D0%BF%D1%83%D0%B1%D0%B%D0%B8%D0%BA%D0%B0%20%D0%9A%D1%80%D1%8B%D0%BC%20%D0%B2%20%D1%86%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%B0%D1%85.%202020.pdf> (дата обращения: 07.02.2023)

⁶⁵ Город Севастополь в цифрах 2021 г.: Крат.стат.сб./Крымстат- С., 2022 -199 с. Режим доступа: <https://crimea.gks.ru/folder/27359> (дата обращения: 07.02.2023).

⁶⁶ Энергетическая блокада Крыма: как реагировать России? Аналитический обзор 18 декабря 2015 года Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/energeticheskaya-blokada-kryma-kak-reagirovat-rossii?ysclid=lc4xhhg7g255504889> (дата обращения: 07.02.2023).

⁶⁷ Исследование ВЦИОМ о неприемлемости подписания с Украиной контракта на поставку электроэнергии, если в нем Крым и Севастополь будут названы украинскими. ВЦИОМ 28 января 2016 года Режим доступа: https://krym.aif.ru/society/rossiyane_ne_hotyat_videt_krym_ukrainskim_dazhe_na_bumage_vciom?ysclid=lc4xhou18u683671170 (дата обращения: 07.02.2023).

глубинных интервью с 160-ю студентами с охватом представителей разных районов и городов, национальностей, гендеров^{68 69}.

11. Социологическое исследование 2020 года, проведенное Центром социологических исследований Севастопольского государственного университета под руководством автора методом интервью с итоговой выборочной совокупностью 2000 человек (1265 жителей 16-ти городов Республики Крым — Алушка, Алушта, Армянск, Бахчисарай, Белогорск, Джанкой, Евпатория, Керчь, Красноперекоск, Саки, Симферополь, Старый Крым, Судак, Феодосия, Щелкино, Ялта и 735 жителей Севастополя в возрасте от 18 лет и старше, репрезентативность по территории проживания, полу, возрасту с предельной ошибкой выборки 3%)⁷⁰.

12. Цифровое исследование, проведенное при участии автора под руководством заведующей кафедрой социально-политических исследований и технологий Института истории и политики МПГУ, профессора Департамента политологии Финансового университета при Правительстве РФ Е.В. Бродовской в 2017 году, методом киберметрии сообщений крымского и севастопольского сегментов Интернета с применением онлайн-сервиса мониторинга социальных медиа IQBuzz, глубиной выгрузки Интернет-контента 2016-2019 годов, объемом выгрузки – более 1 млн. сообщений из социальных медиа ВКонтакте, Instagram (запрещен в РФ), Facebook (принадлежит компании Meta – запрещена в РФ)⁷¹.

13. Цифровое исследование, проведенное Центром социологических исследований Севастопольского государственного университета под руководством автора методом киберметрии информационных потоков крымского и

---

⁶⁸ Ярмак О.В., Нелина Л.П., Ярмак В.Е. Межнациональное и межрелигиозное согласие в среде крымского студенчества // Вестник Института социологии. 2019 Том 10. № 3. С. 96-112. Режим доступа: doi: 10.19181/vis.2019.30.3.592 (дата обращения: 07.02.2023).

⁶⁹ Межнациональное и межрелигиозное согласие в студенческой среде Крыма и Севастополя: мониторинг и анализ уровня развития: коллективная монография / Мин-во науки и высшего образования Российской Федерации, Севастопольский гос. университет; отв. ред. О.В. Ярмак. – Севастополь: СевГУ, 2019. – 144 с. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42520704> (дата обращения: 07.02.2023).

⁷⁰ Межнациональное и межрелигиозное согласие в студенческой среде Крыма и Севастополя: мониторинг и анализ уровня развития: коллективная монография / Мин-во науки и высшего образования Российской Федерации, Севастопольский гос. университет; отв. ред. О.В. Ярмак. – Севастополь: СевГУ, 2019. – 144 с. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42520704> (дата обращения: 07.02.2023).

⁷¹ Там же.

севастопольского интернет-сегментов с использованием российской системы мониторинга анализа социальных сетей «Медиалогия», накоплено порядка 800 000 информационных документов, глубина выгрузки 2019-2020 годы^{72 73 74 75 76}.

14. Цифровое исследование, проведенное Центром социологических исследований Севастопольского государственного университета под руководством автора методом киберметрии информационных потоков с объемом выгрузки 45 239 сообщений, глубиной выгрузки – ноябрь-декабрь 2020 года; качественными методами – контент- и дискурс-анализ информационных поводов, ориентированных на историческую тематику, дискурс о Победе в Великой Отечественной войне, роли в ней Севастополя (109 информационных поводов за период 2018-2020 годов и 100 информационных поводов за февраль-май 2022 года)^{77 78 79 80}.

⁷² Ярмак О.В., Цепкова А.С., Лысенко Е.А., Калининская, И.Л. Информационные потоки крымского и украинского сегментов интернета: контент-анализ сообщений сетей facebook и ВКонтакте // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. Научно-практический журнал. 2019, Том 9, № 6, с. 38-44. Режим доступа: <http://www.fa.ru/org/div/edition/jgn/Pages/current.aspx> (дата обращения: 07.02.2023).

⁷³ Ярмак О.В., Страшко Е.В., Шкайдерова Т.В. Реакция на пандемию Covid-19 интернет-аудиторий Москвы, Санкт-Петербурга и Севастополя (по материалам медиа-аналитического исследования) // Вестник Института социологии. 2020. Том 11. № 11. С. 121-142. Режим доступа: doi: 10.19181/vis.2020.11.3.666 (дата обращения: 07.02.2023).

⁷⁴ Olga Yarmak, Tatyana Shkaiderova, Ekaterina Strashko, Maria Bolshakova and Lyudmila Garas Institution of higher education transformation and society's response to distance learning during the Covid 19 pandemic, E3S Web of Conferences 244, 11043 (2021) Режим доступа: <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202124411043>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46772398> (дата обращения: 07.02.2023).

⁷⁵ Ярмак О.В., Цепкова А.С., Калининская И.Л. Украинские информационные потоки в крымском интернет-сегменте: анализ онлайн-контента и медиаповестки в течение 2014–2020 годов // Известия вузов. Северокавказский регион. Общественные науки, 2020, № 3, с. 36-45. Режим доступа: doi 10.18522/2687-0770-2020-3-36-44 (дата обращения: 07.02.2023).

⁷⁶ Ярмак О.В., Цепкова А.С., Лысенко Е.А. Динамика крымского дискурса в немецких онлайн-СМИ: анализ влияния украинского фактора // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. Научно-практический журнал. 2021, Том 11, № 1, с. 98-104. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=45642082> (дата обращения: 07.02.2023).

⁷⁷ Olga Yarmak, Mariya Bolshakova, Anastasiya Maranchak, Zoya Savina. Sevastopol in the Historical Memory of the Great Patriotic War: Media Space Analysis // The European Journal of Social & Behavioural Sciences EJSBS Volume XXX (eISSN: 2301-2218) doi:10.15405/ejsbs.294 Режим доступа: https://www.europeanpublisher.com/data/articles/10000/10036/article_10000_10036_pdf_100.pdf; <https://doi.org/10.15405/ejsbs.294> (дата обращения: 07.02.2023).

⁷⁸ Ярмак О.В., Большакова М.Г., Маранчак А.Г. Коллективная память о Великой Отечественной войне как сеть в понимании акторно-сетевой теории // MODERN SCIENCE, № 7, 2021, с. 269-271. ISSN: 2414-9918 Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46442698> (дата обращения: 07.02.2023).

⁷⁹ Ярмак О.В., Большакова М.Г., Маранчак А.Г., Савина З.С. Историческая память молодежи: как работают образы прошлого в условиях противостояния политических элит // Вопросы элитологии. Исследовательский электронный журнал www.elitology-journal.com Том 3, No 2 Режим доступа: doi: 10.46539/elit.v3i2 (дата обращения: 07.02.2023).

⁸⁰ Ярмак О.В., Большакова М.Г., Савина З.С. Севастополь в конструкции коллективной исторической памяти: анализ информационных потоков Рунета с использованием big data // Журнал «Кант» №2(39) 2021 [стр. 285-292]

Разработка исследовательской темы диссертационной работы была апробирована в рамках ряда научных проектов:

— грант РФФИ на тему «Межнациональное и межрелигиозное согласие в студенческой среде Крыма и Севастополя: мониторинг и анализ уровня развития» (2017-2019 гг., № 17-06-00440 А, исполнитель);

— грант РФФИ «Украинские информационные потоки в крымском сегменте социальных медиа: риски и технологии преодоления негативных эффектов антироссийской риторики в онлайн-среде» (2018-2020 гг., №18-011-00937 А, исполнитель);

— грант РФФИ на тему «Научно-образовательные центры как фактор формирования человеческого капитала России: формат создания научно-образовательных центров мирового уровня согласно указа Президента «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»» (2019-2022 гг., № 19-29-07443 МК, исполнитель);

— грант РФФИ на тему «Социологическое измерение межнационального и межрелигиозного согласия в Республике Крым и Севастополе при использовании полумарковских процессов и агентного моделирования» (2020 г., №20-011-31565 ОПН, руководитель);

— внутренний грант ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет» №28/06-31 на тему «Развитие методов агентного моделирования и больших данных для анализа социальных медиа в постконфликтных обществах» (идентификатор 28/06-31, утверждён приказом проректора по научной и инновационной деятельности ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет» от 14.04.2020 № 556-п, исполнитель);

— грант РФФИ на тему «Севастополь в исторической памяти о Великой Отечественной войне: анализ информационных потоков Рунета с использованием больших данных» (2020-2021 гг., №20-411-920004, руководитель);

— грант на тему «Социально-политические коммуникации на реинтегрированных территориях Украины: риски и технологии преодоления внешних вызовов с использованием метода анализа больших данных» (FEFM-2022-0005) при поддержке Экспертного института социальных исследований (ЭИСИ), Министерства науки и высшего образования РФ и Российской академии наук (2022 г., руководитель);

— научный проект на тему «Формирование научно-технологической компетенции “Цифровые технологии в сфере оперативного регионоведения”» (2022 г., по программе Приоритет 2030, руководитель).

Положения, выносимые на защиту:

1. Теоретико-методологические основы исследования интеграции новых регионов как результаты реализации системы концептуальных принципов социальной пересборки, выявленных и осознанных в классических и современных социологических теориях в виде актуальной теоретико-металогической базы анализа интеграции Республики Крым и города Севастополь в социальную структуру российского общества. К ним относятся:

1) *цивилизационные основания пересборки*, выступающие базовым условием консолидаций;

2) *современная специфика трансформации социальных институтов*, которая складывается и проявляется в особенностях взаимодействия социальных акторов новых регионов и принимающей стороны, по-особому влияет на возникновение ранее неизученных консолидирующих элементов идентичности, ценностного сознания, коллективной исторической памяти и образа базового — материнского (глубинного принимающего) государства;

3) *уровни интеграции*, определяемые как, во-первых, *инвайронментальный*, формирующийся посредством искусственно создаваемого общества риска; и, во-вторых, *коммуникационный уровень интеграции*, предполагающий поиск ответа на коммуникативные вызовы информационного общества, образуемые внешними акторами, создающие конфликтный и нигилистический контекст в отношении

реинтеграционных практик Республики Крым и Севастополя в российское общество;

4) *системные эффекты пересборки социальных пространств* в процессе интеграции Республики Крым и Севастополя в российское общество, что проявилось в создании *нового типа солидарности в интегрируемом — крымском — обществе и принимающем — российском.*

2. Категориальные основания понятий «интеграция» и ее специфической формы – реинтеграции рассмотрены как результат процесса пересборки социальных пространств.

В настоящем случае интеграция понимается как процесс пересборки социальных пространств, имеющий входящие условия – цивилизационные основания, уровни – социальный, инвайронментальный и коммуникативный, исходящие результаты – достижение системных эффектов в виде социальных трансформаций идентичности, ценностно-смыслового поля, образа России, создания нового типа солидарности, динамики оценок инфраструктурных изменений.

Реинтеграция рассматривается как процесс интегративной пересборки общества, направленный на объединение и восстановление ранее распавшегося или дезинтегрированного территориального, экономического, социального, цивилизационного образования, обуславливающий консолидацию новых сетевых коммуникаций, интеграцию ценностно-смыслового поля, исторической памяти, создания нового человеческого капитала.

3. Цивилизационные основания интеграции Республики Крым и Севастополя в социальную структуру российского пространства адекватно, целесообразно и своевременно исследовать в контексте неоевразийской интегративной концепции.

Результаты исследования подтверждают, что цивилизационные основы интеграции Республики Крым и Севастополя в российское пространство в контексте современного неоевразийского концепта, предполагают их анализ с точки зрения трех принципов: первого — как составляющей национальной идеи;

второго — наличия общей исторической судьбы у народов постсоветского пространства; третьего — формирования российской идентичности через отражение полиэтничного и поликонфессионального характера постсоветского пространства, положения России как интегратора Востока и Запада. Это дает возможность понять не только цивилизационную базу консолидаций, но и особенности цивилизационных характеристик реинтеграционных процессов, происходящих в евразийском пространстве.

4. Специфика социальной интеграции Республики Крым и Севастополя складывается в результате трансформации коллективной памяти, идентичности и ценностно-смыслового поля крымчан.

Новый подход к пониманию социального уровня интеграции обусловлен не только значимостью воссоединения Республики Крым и Севастополя с Россией, но и разностью становления ценностных ориентаций у людей разных поколений и разной этнической принадлежности в различных исторической и социокультурной средах.

Обосновывается, что инкультурация крымчан и севастопольцев до 2014 года находилась в социокультурном пространстве, исторически и цивилизационно связанного с Россией, в котором работали социальные и политические агенты российского влияния. Период аккультурации проходил после 2014 года, но был дифференцированным в Республике Крым и Севастополе. Конечным результатом процесса социальной интеграции, принятия крымчанами и севастопольцами ценностей, смыслов, символов и образа принимающего — российского — общества выступает групповой уровень интеграции или аккультурация (национальная, конфессиональная, политическая, социальная и др.).

Для обоснования данной позиции актуально использование концептуальных принципов подход Ф. Барта⁸¹ о том, что этнические группы формируются в процессе пограничного взаимодействия с другими этническими группами, и эти

---

⁸¹ Этнические группы и социальные границы : социальная орг. культурных различий / под ред. Фредрика Барта ; [пер. с англ.: Игорь Пильщиков]. - Москва : Новое изд-во, 2006 (Химки : Тип. "Момент"). - 198, [1] с. : ил.; 20 см. - (Новые границы).; ISBN 5-98379-064-1

границы понимаются ими как собственно социальные. Данный подход к изучению смены идентичностей в пограничных социальных и этнических состояниях позволяет наиболее объективно осуществить анализ процесса формирования идентичности жителей Крымского полуострова в новой социально-политической реальности, и зафиксировать образование многослойной идентичности жителей полуострова, включающей этническую, земельную (фактор «родной земли»), культурную (разная принадлежность к русской и украинской культурам, имеющих общий славянский корень) привязки⁸².

5. Основные факторы социальной интеграции крымчан и севастопольцев проявляются в условиях не только объединения на цивилизационной основе, но и в период инвайронментальных вызовов.

В настоящем случае подтверждено, что в числе детерминант, повлиявших на политический и гражданский выбор населения полуострова, оказавшихся в ситуации искусственно созданного общества риска, самыми существенными социально-экономическими факторами стали: инициирование ресурсных блокад; банковские и финансовые ограничения; экзистенциальные угрозы; угрозы военной опасности и экологических рисков. Выявленные факторы, действовавшие на протяжении практически десятилетия, обеспечили формирование нового уровня интеграции — инвайронментального, который обусловил появление новых уникальных характеристик интеграции и новой ситуационной идентичности, смещение этнических границ между национальными группами полуострова, создание нового ценностно-смыслового поля.

6. Интернет-коммуникации, сложившиеся в крымском и севастопольском медиа-и интернет-пространствах, отличаются повышенной конфликтностью, в существенной степени подвержены воздействию внешних акторов и формируются извне посредством сетевых ресурсов.

---

⁸² Шкайдерова Т.В, Ярмак О.В., Цепкова А.С., Маранчак А.Г. Идентичность жителей крымского полуострова: происходит ли смена этнических границ? // Современная наука и инновации, № 1 (33), 2021, с. 114-122. Учредители: Северо-Кавказский федеральный университет ISSN: 2307-910X Режим доступа: doi: 10.37493/2307-910X.2021.1.18; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46501764> (дата обращения: 07.02.2023).

Данные, полученные в результате социологических исследований, показали, что сложившаяся ситуация создает коммуникационный уровень интеграции Крымского полуострова, который требует использования новых методических подходов и принципов (цифрового изучения, методов киберметрии, анализа больших данных), способных обеспечивать системную диагностику проблем формирования общественного мнения в информационном пространстве.

На коммуникационном уровне интеграции Крымского полуострова обнаруживаются опасности для интеграционного процесса, проявляющиеся в создании установок нескольких типов: антироссийских – формирование образа врага-агрессора и нигилистического отношения к России, русофобских – против всего русского вообще с созданием антиконсервативных смыслов, уходом от традиций и устоев, от семейных основ, патернализма, которые всегда были присущи российскому обществу и евразийскому пространству, и антипутинских – направленных на десекрализацию российского политического лидера.

В коммуникативном пространстве историческая память формируется как «поток», который не создается ближайшим социальным окружением, а появляется в сознании человека невидимо, неосязаемо, но системно – через формирование визуальных образов. Процесс формирования коллективной исторической памяти как сети автор рассматривает в контексте акторно-сетевой теории, обращение к которой позволило изучить нетипичные ситуации, создаваемые «невидимыми» технологиями и рутинными событиями в коммуникативном поле Республики Крым и города Севастополь.

7. Эффекты пересборки социальных пространств в процессе интеграции Республики Крым и Севастополя в российское общество обеспечивали создание нового типа социальной солидарности, возникшей в 2014 году вследствие достижения крымского консенсуса.

Основаниями возникающих эффектов пересборки и новых форм солидарности выступают: 1) крымский референдум и последующий крымский консенсус в российском обществе, которые характеризуются как форма общественной солидарности, подчиненная принципу братства и стремлению

изменить социально несправедливые условия; 2) необходимость становления социально ориентированного государства с осуществлением политики социальной поддержки, направленной на уменьшение социальных различий при достижении социальной справедливости и социальной интеграции; 3) мобилизация социальных действий; 4) наличие «островности» – проживание на локальной территории, которое сплачивает людей перед возникающими угрозами и формирует региональное «сообщество судьбы» (согласно пониманию П. Бэра⁸³). Данный факт наблюдался как в период крымских событий 2014 года, так и в период пандемии.

Показанные события повлияли на возникновение нового уровня доверия между различными социальными группами населения Республики Крым и города Севастополь. Уровень доверия, сформированный в российском обществе на фоне крымских событий, как системный эффект интеграционных процессов Республики Крым и Севастополя в российское пространство повысился и в крымском сообществе как интегрирующемся, и в российском – принимающем. Обосновывается, что «входной» процесс формирования доверия к крымским событиям 2014 года начал создаваться еще до самих событий: к ним можно отнести коллективные действия, направленные на сотрудничество с пророссийскими движениями, представителями политической, экономической, образовательной элит России в украинский период; создание коллективных смыслов, связанных с Россией, Русским миром и евразийским пространством; формирование коллективной памяти о ключевых достижениях отечественной истории. Сложившийся кредит доверия, сформированный вследствие событий Крымской весны, оказался значимым системным фактором формирования не только интегративных практик в новейшей российской истории, но и способствовал созданию социального и человеческого капитала, ориентированным на новые задачи, евразийскую идею и цивилизационную близость с Россией. Такая ситуация привела, с одной стороны, к закладке основ

---

⁸³ Ярмак О.В., Страшко Е.В., Шкайдерова Т.В. Реакция на пандемию Covid-19 интернет-аудиторий Москвы, Санкт-Петербурга и Севастополя (по материалам медиа-аналитического исследования) // Вестник Института социологии. 2020. Том 11. № 11. С. 121-142. Режим доступа: doi: 10.19181/vis.2020.11.3.666 (дата обращения: 07.02.2023).

«островной» солидарности внутри Крыма, а с другой, к функционированию кредита доверия к власти в российском обществе.

8. Актуальность и своевременность создания глобального общественного договора стимулирует интеграцию крымчан и севастопольцев в структуру российского общества в целях избежания конфликтов инвайронментального свойства и создаваемого искусственным образом общества риска.

Такой договор будет способствовать разрешению проблем ре- и интеграционных процессов на постсоветском пространстве, в частности, воздействие инвайронментальных угроз на жизнь людей на Крымском полуострове – водной, энергетической, продовольственной, транспортной, финансовой блокад, а также на ход интеграции и принятие решения по созданию безопасного пространства под защитой материнского – базового – государства – России. Обосновывается, что именно экологические угрозы, внешне создаваемые на Крымском полуострове, должны были привести к формированию общества риска в Крыму, что и способствовало переходу к инвайронментальному уровню интеграционного процесса. Инвайронментальная интеграция Крымского полуострова, по сути, начавшаяся по причине ресурсной проблемы еще в советский период, обострилась в постукраинский, и способствовала усилению поддержки крымских событий 2014 года у тех, кто сомневался в их значимости и необходимости.

Эмпирические данные показывают, что Крымская весна, референдум о вхождении Республики Крым и Севастополь в Россию, гражданское противостояние на юго-востоке Украины, начавшаяся специальная военная операция России на Украине обусловили необходимость создания нового общественного договора, контурами которого могут быть такие запросы российского общества к власти и социальным акторам, как необходимость формулирования новой идеологии, определение экономического строя страны, принципов работы социальных лифтов в молодежной среде. Именно такие критерии нового общественного договора могут обеспечить России уверенные социальные, экономические и политические позиции на постсоветском

пространстве, и будут способствовать построению безопасного пространства в ресурсном и инвайронментальном аспектах, создавая условия для «собираения русских земель» с возможностью оказания защиты русскому населению, объединенному по принципу наднациональной идентичности.

Научная новизна обеспечивает решение основной проблемы диссертации по концептуализации критериев анализа интегративных процессов новых регионов в российское общество. Она позволяет в теоретическом отношении выявить концепты и положения анализа интеграционных процессов новых регионов в российское общество, осознанных как пересборку социальных пространств, а в прикладном смысле изучить достижения системных эффектов в реализации цивилизационных оснований социального и инвайронментального уровней солидарности, а также разработать рекомендации по консолидации и осмыслению коммуникативных вызовов в интересах реинтеграции Республики Крым и города Севастополь в российское пространство. В целом показанные положения отражают системный подход к анализу интеграции новых регионов в российское общество посредством определения системных взаимосвязей оснований, уровней и эффектов пересборки социальных пространств.

Научная новизна исследовательских результатов:

1. Определены принципы социологического изучения интеграционных и реинтеграционных процессов, что позволило прийти к выводу о неспособности классических концептов интеграции объяснить причинно-следственные закономерности современных интеграционных и реинтеграционных процессов, что сформировало требования к созданию новой научной концептуализации интеграции и ее интегративной формы – реинтеграции.

2. Представлены дефиниции интеграции и ее новой особой интегративной формы – реинтеграции. Интеграция понимается как процесс пересборки социальных пространств, имеющий входящие условия – цивилизационные основания, уровни – социальный, инвайронментальный и коммуникативный, исходящие результаты – достижение системных эффектов в виде социальных трансформаций идентичности, ценностно-смыслового поля, образа России,

создания нового типа солидарности, динамики оценок инфраструктурных изменений. Под реинтеграцией понимается как процесс интегративной пересборки общества, направленный на объединение и восстановление ранее распавшегося или дезинтегрированного территориального, экономического, социального, цивилизационного образования, обуславливающий консолидацию новых сетевых коммуникаций, интеграцию ценностно-смыслового поля, исторической памяти, создания нового человеческого капитала.

3. Представлена системная интеграция Республики Крым и Севастополя в российское общество и описаны цивилизационные основания этой интеграции в контексте современного неоевразийского концепта, что позволило обосновать новые консолидации постсоветского пространства в евразийской перспективе, основанные на наличии общей истории, формировании российской идентичности с учетом полиэтничности и поликонфессиональности, а также положения России как интегратора Востока и Запада.

4. Доказывается, что социальная интеграция Республики Крым и Севастополя трансформирует коллективную память, идентичность и ценностно-смысловое поле. Социальный уровень крымской интеграции обусловлен не только значимостью воссоединения Республики Крым и Севастополя с Россией, но и поколенческим (разностью становления ценностных ориентаций у людей разных поколений), этническим (разной этнической принадлежностью), социальным (дифференцированностью социализации, протекающей в различных исторической и социокультурной средах) факторами.

5. Интегративная пересборка социального пространства Крымского полуострова происходила в период экзистенциальных вызовов, которые обозначили инвайронментальный уровень интеграции. На этом уровне интеграции детерминируется политический и гражданский выбор людей, оказавшихся в ситуации искусственно созданных ресурсных блокад, банковских и финансовых ограничений, экзистенциальных угроз, военной небезопасности и экологических рисков. Что сработало как подтверждением правильности

принятого решения, так и катализатором выбора для сомневающейся части интеграционного общества.

6. Выявлена значимость инвайронментального фактора и создания общества риска в интеграционном процессе Крымского полуострова с учетом контуров создаваемого нового общественного договора. Обосновывается, что именно экологические угрозы, извне создаваемые на Крымском полуострове, должны были привести к формированию общества риска в Крыму, что и способствовало переходу к инвайронментальному уровню интеграционного процесса.

7. Обозначены вызовы коммуникативного уровня интеграции Крымского полуострова. Интернет-коммуникации, сложившиеся в Крыму, отличаются конфликтностью, подвержены воздействию внешних акторов, формируются извне посредством сетевых ресурсов. Доказано, что на коммуникативном уровне интеграции происходит целенаправленная и системная работа по созданию установок нескольких типов: антироссийских – формирование образа врага-агрессора и нигилистического отношения к России, русофобских – против всего русского вообще с созданием антиконсервативных смыслов, уходом от традиций и устоев, от семейных основ, патернализма, которые всегда были присущи российскому обществу и евразийскому пространству, и антипутинских, направленных на десекрализацию политического лидера России.

8. Анализ процесса формирования эффектов пересборки социальных пространств в процессе интеграции Республики Крым и Севастополя в Россию показал создание особого типа крымской солидарности – «островной» – в интегрируемом сообществе и кредита доверия в российском – принимающем – обществе. Кроме того, эффектом интегративной пересборки являются позитивная динамика оценок инфраструктурных изменений, осуществляемых на Крымском полуострове, и понимание России не только как самостоятельного суверенного геополитического игрока, но и цивилизационного интегратора.

Научно-теоретическая и практическая значимость исследования. Диссертационное исследование вносит вклад в развитие теоретико-методологических основ изучения интеграционных процессов новых регионов в

российское общество. Предложенные в диссертации основания, уровни и эффекты интеграции, в том числе описание одной из ее форм – реинтеграции, позволяют определить предпосылки формирования предстоящих (готовящихся) интеграций; их триггеры и спусковые механизмы; социальные условия, которые стимулируют как собственно интеграционные процессы, так и осознание обществом их необходимости; результаты интеграций в виде трансформаций социальных институтов и транзита ценностей, символов и идентичностей.

Используемые автором методологические подходы и методики расширяют возможности эмпирического изучения интеграционного и реинтеграционного феноменов, позволяют измерить влияние инвайронментальных обстоятельств и коммуникативных вызовов на ход протекания интеграции, а также ее результирующие показатели и эффекты. Осмысление большого объема социологической (полевой и киберметрической) информации выявляет реальное состояние интеграционных процессов новых регионов в российское общество, во-первых, в период высокого уровня конфликтности на постсоветском пространстве, во-вторых, с учетом значимого воздействия внешних акторов в информационном поле, в-третьих, при наличии существующих экзистенциальных вызовов для России.

Основные положения диссертации могут иметь практическое значение и быть использованы представителями органов государственной власти, осуществляющими разработку государственной политики, как на региональном (в Республике Крым и городе федерального значения Севастополь), так и на федеральном уровне; а также социологами, социальными управленцами, представителями средств массовой информации, сотрудниками научно-исследовательских и учебных заведений гуманитарного и общественного профиля, представителями общественных движений и политических партий.

Выводы и предложения автора нашли отражение в исследовательской практике осуществленных научных проектов Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), Экспертного института социальных исследований (ЭИСИ), Министерства науки и высшего образования России,

практической работе Управления по делам молодежи и спорта города Севастополя, Департамента общественных коммуникаций города Севастополя, Департамента приоритетных проектов развития города Севастополя.

Диссертационные материалы были использованы в образовательном процессе при подготовке и чтении курсов «Социология коммуникаций», «Методы анализа социальных медиа», «Социология больших данных», «Социология цифровой среды», «Теория социальной структуры» обучающихся высших учебных заведений уровня бакалавриата и магистратуры.

Материалы работы, включающие основные выводы и положения диссертационного исследования, положены в основу учебных курсов «Методы социологической экспертизы коммуникационного пространства», «Современный город и общество риска», «Общество риска нового цифрового мира», исследовательских студий дисциплины «Россия в мире» для студентов Севастопольского государственного университета, разработанных и апробированных автором диссертации.

Апробация результатов исследования. Основные теоретические положения и выводы диссертационного исследования изложены автором в монографиях:

1. Межнациональное и межрелигиозное согласие в студенческой среде Крыма и Севастополя: мониторинг и анализ уровня развития: коллективная монография / Мин-во науки и высшего образования Российской Федерации, Севастопольский гос. университет; отв. ред. О.В. Ярмак. – Севастополь: СевГУ, 2019. – 144 с. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42520704> (дата обращения: 07.02.2023).

2. Дерюгин П.П., Ярмак О.В., Шиляева А.С., Курапов С.В., Страшко Е.В., Лебединцева Л.А., Камышина Е.А., Ярмак В.Е. Человеческий капитал в фокусе современного социологического дискурса // монография, Издательство: ООО "Медиапапир", Санкт-Петербург, 2020, с. 172. ISBN: 978-5-00110-157-4. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44073661> (дата обращения: 07.02.2023).

3. Ярмач О.В., Шкайдерова Т.В., Маранчак А.Г., Цепкова А.С. Образ России в сознании жителей Республики Крым и Севастополя // Управление региональными конфликтами в условиях цифровизации современного общества: методология и практики реализации/ под ред. Н.А. Шибановой. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2021. – 669 с., с. 655-669. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=45596135> (дата обращения: 07.02.2023).

4. Ситуация с качеством образования в период пандемии: что показывает анализ больших данных. – Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2021 – 39 с. Авторский коллектив: Ю.К. Александрова, А.В. Богданова, И.С. Васендина, В.Л. Гойко, А.И. Джангаров, Е.В. Митягина, М.Г. Мягков, Е.В. Романова, О.В. Ярмач. ISBN 978-5-907442-37-5

5. Александрова Ю.К., Богданова А.В., Васендина И.С., Гойко В.Л., Митягина Е.В., Рогов А.В., Романова Е.В., Ярмач О.В. Посты по осени считают: что говорят большие данные о качестве образования в постпандемийный период / Томский государственный университет. - Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2022. - 40 с.

6. Человеческий капитал руководителей корпораций: особенности, структура, измерение: Коллективная монография. – СПб.: Медиapiар, 2023 – 218 с.

По теме диссертации опубликовано 41 научная работа, включая 6 коллективных монографий. Личный вклад автора в эти работы составил порядка 400 п.л.

Основные идеи диссертационной работы были представлены на международных и всероссийских научно-практических конференциях, среди них:

1. II Международная научная конференции «Потемкинские чтения» (организаторы: ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет» при поддержке Фонда «История Отечества»). 20-22 апреля 2017 г., г. Севастополь;

2. Международная молодежная научно-практическая конференция «Навстречу Форуму Мирового Интернет Проекта в России. Социальный

компьютинг: изменение человека и общества в условиях развития глобальной сети» (организаторы: Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Московский педагогический государственный университет, Мировой Интернет Проект). 3-4 июля 2017 г., г. Москва;

3. Всероссийская научно-практическая конференция III Ялтинские научные чтения «История России и Крыма: прошлое, настоящее, будущее» (посвящается 100-летию ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского») (организатор: ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»). 16-17 апреля 2018 г., г. Ялта;

4. X Международная социологическая Грушинская конференция «Жить в России. Жить в мире. Социология повседневности» (организатор: Всероссийский центр общественного мнения). 20 мая-14 ноября 2020 г., г. Москва;

5. Всероссийская научная конференция XII Ковалевские чтения «Солидарность и конфликты в современном обществе» (организатор: Санкт-Петербургский государственный университет). 15-17 ноября 2018 г., г. Санкт-Петербург;

6. Международная онлайн конференция «Наука. Лидерство. Общество». I научно-практическая конференция Центра развития компетенций «Развитие лидерских компетенций и команд в сфере исследований и разработок» (организатор: Центр развития компетенций Западно-Сибирского НОЦ). 24-28 августа 2020 г., онлайн;

7. Международный научный форум конфликтологов «Управление региональными конфликтами в условиях цифровизации современного общества: методология и практики реализации» (организаторы: ФГАОУ ВО Казанский (Приволжский) федеральный университет, Центр исследования проблем безопасности Российской академии наук (РАН), Аппарат Президента Республики Татарстан, Международная ассоциация конфликтологов (МАК), Ассоциация конфликтологов России (АКР)). 20-21 ноября 2020 г., г. Казань;

8. Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Актуальные проблемы региональной социологии» (организаторы:

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»). 18 декабря 2020 г., г. Курск;

9. 2nd International Conference on Communication in Multicultural Society (CMSC 2020) and delivered a presentation entitled «Intercultural communication challenges on the Crimean peninsula and its analysis using big data» (организатор: Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»). 10-12 декабря 2020 г., г. Москва;

10. V Международная научная конференция «Потёмкинские чтения» (организатор: ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет» при поддержке Фонда президентских грантов, Российского исторического общества, при участии Агентства интеграционных инициатив (Смоленск), Музейного историко-мемориального комплекса «35-я береговая батарея» (Севастополь), ООО «Интерактивные технологии» (Севастополь)). 24-26 марта 2021 г., г. Севастополь;

11. Международная дискуссионная площадка «Digital Humanities» на Международном молодежном научном форуме «Ломоносов» (организатор: МГУ имени М. В. Ломоносова). 20 апреля 2021 г., г. Москва;

12. Международная научно-практическая конференция «Цивилизационная миссия России: к 300-летию провозглашения Российской империи» (организатор: Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова). 20 мая 2021 г., г. Москва;

13. АТЕС 2021: Международная научно-практическая конференция «Передовые технологии и современные тенденции в образовании и культуре» (организатор: Ассоциация поддержки научных исследований). 27- 28 мая 2021 г., г. Барнаул;

14. Межрегиональная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы истории Крыма и Севастополя» (организаторы: ФГБУК «Музей обороны Севастополя»). 10-11 июня 2021 г., г. Севастополь;

15. Всероссийская научно-практическая конференция «1941 г. Страна в огне», приуроченная к 80-й годовщине начала Великой Отечественной войны

(организаторы: Российское военно-историческое общество, Музей Победы). 21 июня 2021 г., г. Москва;

16. Международная научная конференция «Мегатренды мировой политики: глобализация, поляризация, экстремизм» (организаторы: Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Антитеррористический центр государств-участников Содружества Независимых Государств, ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет»). 27 октября 2022 г., г. Москва.

Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на расширенном заседании кафедры «Социально-философские науки и массовые коммуникации» Института общественных наук и международных отношений Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Севастопольский государственный университет» (СевГУ).

Диссертационное исследование соответствует исследовательскому направлению 4. Теории и процессы социальной дифференциации/интеграции. Критерии и факторы социальной дифференциации/интеграции. Новые основания сегментации социальной структуры и содержанию специальности 5.4.4 – «Социальная структура, социальные институты и процессы», в части касающейся анализа общества как сложной иерархизированной системы, находящейся в процессе функционирования, в контексте глобальных противоречивых тенденций и факторов, связанных с глобализацией и регионализацией, где объектами изучения являются конкретное состояние и уровень интеграции и дезинтеграции в социальном пространстве современного российского общества, его отдельных элементов, их иерархической соподчиненности.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, трех глав, тринадцати параграфов, заключения, списка использованной литературы и приложений.

Основное содержание работы. Во Введении обосновывается актуальность проблемы исследования, описываются социальные исследовательские противоречия, анализируется степень научной разработанности проблемы, определяются объект и предмет исследования, формулируется цель и задачи

работы, излагаются основные положения, выносимые на защиту, раскрывается научная новизна и практическая значимость работы.

В первой главе «Теоретико-методологические основы исследования интеграции регионов как социальной пересборки: классические и современные социологические теории» диссертационной работы отражается степень изученности такого сложного и не однозначного феномена как интеграция и обосновывается использование междисциплинарного подхода в его изучении.

В первом параграфе – «Теоретические подходы к анализу интеграционных и реинтеграционных процессов» – раскрывается генезис основных общенаучных подходов и концепций изучения интеграций и реинтеграций.

Во втором параграфе – «Категориальные основания понятий «интеграция» и «реинтеграция»: теоретические подходы и понимание в современной социологии» – описывается неоднозначность таких сложных феноменов, как интеграция и реинтеграция и определяются их измерения – социальное, системное и экологическое. Анализируя процессы интеграции, автор систематизирует суть имеющихся дефиниций этой категории, а также приводит собственное понимание интеграции как многоаспектного процесса пересборки социальных пространств.

В третьем параграфе – «Реинтеграция как процесс интегративной пересборки общества: теоретическое осмысление» – обуславливается новаторская идея о теоретико-прикладной значимости изучения реинтеграционных процессов в современном мире и, особенно, на постсоветском пространстве с учетом существующего уровня напряженности и нарушения границ национальных интересов России. Обращаясь к понятию реинтеграции, автор определяет его как процесс интегративной пересборки общества, направленный на объединение и восстановление ранее распавшегося или дезинтегрированного территориального, экономического, социального, цивилизационного образования, обуславливающий консолидацию новых сетевых коммуникаций, интеграцию ценностно-смыслового поля, исторической памяти, создание нового человеческого капитала.

Во второй главе «Интеграция новых регионов в российское общество: системные взаимосвязи оснований, уровней и эффектов пересборки социальных

пространств» рассмотрены основания, уровни и эффекты интеграции Республики Крым и города Севастополя в российское общество, ее входящие условия, ситуация, в которой она осуществляется, и ее результирующие показатели – то есть изменения, произошедшие вследствие интеграции как в интегрирующемся сообществе, так и в принимающем.

В первом параграфе – «Цивилизационные основания интеграции Республики Крым и города Севастополь в российское пространство в контексте неоевразийской интегративной концепции XXI века» – представлена интегративная перспектива цивилизационного анализа микроуровневых процессов социального взаимодействия и макроуровневого формирования структур обществ.

Во втором параграфе – «Социальная интеграция Республики Крым и города Севастополь в контексте трансформации коллективной памяти, идентичности и ценностно-смыслового поля» – раскрываются уровни социальной интеграции и ее составляющие, оказывающие влияние на изменение сознания и поведения личностей и социальных групп.

В третьем параграфе – «Инвэйронментальная интеграция Крымского полуострова и контуры нового общественного договора» – описывается влияние современной экологической и ресурсной ситуации на формирование запроса на создание нового глобального общественного договора и на текущие условия интеграции Крыма, формируемые инвэйронметальными рисками.

В четвертом параграфе – ««Островная» солидарность и кредит доверия как системные эффекты интеграции Республики Крым и города Севастополь в Россию» – анализируются особенности интеграции Республики Крым и Севастополя в российское пространство, проявляющиеся в виде внутрикрымского эффекта – «островной» солидарности, и материково-российского эффекта – того кредита доверия, который был сформирован в российском обществе после крымских событий 2014 года.

В третьей главе «Эффекты пересборки социальных пространств в процессе интеграции Республики Крым и города Севастополь в российское общество» –

представлены результаты мониторинговых социологических и цифровых исследований, проведенных, в том числе при участии и под руководством автора.

В первом параграфе – «Дизайн социологических измерений процесса интеграции Республики Крым и города Севастополь в российское общество» – представлены теоретический фундамент, методология исследования, его цели и задачи, описывается научная новизна полученных эмпирических данных. Методология исследования базируется на новом институционализме, сетевом и когнитивным подходах, сравнительном и конфликтологическом анализе.

Во втором параграфе – «Историческая память как основа цивилизационной интеграции Крымского полуострова в российское пространство» – описываются процессы формирования коллективной исторической памяти, являющиеся результатом украинского периода и находящиеся в состоянии транзита в настоящий момент.

Третий параграф – «Идентичность и ценностно-смысловое поле как показатели социальной интеграции Республики Крым и города Севастополь» – посвящен анализу факторов, оказывающих воздействие на формирование национальной идентичности в этнических группах «русские», «украинцы» и «крымские татары», а также процессу трансформации ценностно-смыслового поля в этих выделенных национальных группах.

В четвертом параграфе – «Коммуникативный уровень интеграции Крымского полуострова и вызовы коммуникативного пространства: результаты цифровых измерений с использованием метода больших данных» – отражены результаты цифровых исследований крымского и севастопольского интернет-сегментов, которые позволили заявить о коммуникациях как о факторе формирования неконвенциональных социальных установок в реальной среде проживания жителей полуострова.

В пятом параграфе – «Инфраструктурная динамика Крыма в оценках его жителей как показатель инвайронментальной интеграции» – отражены оценки инфраструктурных изменений и открывшихся социальных возможностей, произошедших в Крыму с 16 марта 2014 года по настоящее время. Данные оценки

выявили факторы, влияющие на инвайронментальное измерение интеграционного процесса.

В шестом параграфе – «Образ России у жителей Республики Крым и города Севастополь в свете новых возможностей системы российского общества» – представлены результаты исследования образа России, сложившиеся в сознании жителей Республики Крым и Севастополя в ходе их интеграции в российское государство.

В Заключении диссертации сделаны основные выводы, полученные в результате проведения исследования и определены пути дальнейшей разработки проблемы. Их основные положения заключаются в следующем:

1. Выявлены ключевые теоретико-методологические принципы социологического изучения интеграционных и реинтеграционных процессов; определена суть таких сложных социальных феноменов, как интеграция и реинтеграция. Если категория интеграции была неоднократно определена в рамках как классических социологических подходов, так и в современном гуманитарном знании, то феномен реинтеграции слабо изучен и не имеет общепринятых подходов к его трактовке.

2. Интеграция определена как процесс пересборки социальных пространств, имеющий входящие условия – цивилизационные основания, уровни – социальный, инвайронментальный и коммуникативный, исходящие результаты – достижение системных эффектов в виде социальных трансформаций идентичности, ценностно-смыслового поля, образа России, создания нового типа солидарности, динамики оценок инфраструктурных изменений.

3. Реинтеграция определена как процесс интегративной пересборки общества, направленный на объединение и восстановление ранее распавшегося или дезинтегрированного территориального, экономического, социального, цивилизационного образования, обуславливающий консолидацию новых сетевых коммуникаций, интеграцию ценностно-смыслового поля, исторической памяти, создания нового человеческого капитала.

4. Новаторский авторский подход к анализу интеграционных процессов был сконцентрирован на: 1) цивилизационных основаниях интеграций, рассматриваемых в качестве входящих условий консолидаций; 2) условиях протекания интеграции – возникающих инвайронментальных ограничениях, вследствие чего образуется общество риска, и трансформации коммуникативного поля, находящегося под воздействием внешних акторов; 3) формировании консолидирующих социальных элементов интеграции – наднациональной идентичности, объединяющих ценностей, позитивного образа страны, эффективных и взаимовыгодных долгосрочных стратегий людей; 4) проявлении системных эффектов в интегрируемом и принимающем сообществах.

5. XXI век уже становится и обещает быть эпохой формирования крупных геополитических пространств, имеющих не сколько финансово-экономические и военно-политические основания, но, в первую очередь, культурные и цивилизационные. На фоне расширения интеграционных практик на постсоветском пространстве новую актуальность приобретает евразийский подход, который позволяет объяснить причины «собираения» –пересборки временно «расколотов» евразийской цивилизации.

6. Цивилизационные основания интеграций на территории большой исторической России – это следствия сближения некогда «расколотов» стран, имеющих общий культурно-исторический тип, но искусственно помещенных в новые культурные среды, что и вызывает их «столкновения», с неизбежностью объединения и возвратом в «материнское лоно» – к базовой цивилизации – русской, славянской, евразийской.

7. Цивилизационные основания интеграции Республики Крым и Севастополя в российское пространство в контексте неоевразийского концепта можно определить посредством таких составляющих –национальная российская идея, общая историческая судьба и наличие опыта формирования наднациональной (советской) идентичности.

8. Социальная интеграция Республики Крым и Севастополя в российское общество сформировала новую многослойную идентичность у жителей

Крымского полуострова, составляющими которой являются ситуационная и наднациональная идентичности, смещение границ национальных групп и смена этнических «лейблов». В качестве рекомендаций предложено, что процесс формирования идентичностей в различных этнических группах полуострова следует основывать на принципах регионального патриотизма с учетом территориальной привязанности к Крыму, созданию объединяющих культурных кодов, предоставлении социальных, образовательных, экономических возможностей, социальных траекторий успешности, которые может транслировать наднациональная принадлежность.

9. Предложено авторское понимание межнационального согласия, определяемого как достижение позитивных межэтнических отношений и контактов, согласованных ценностных ориентаций, готовности к межнациональному взаимодействию и способности людей жить в полиэтничном сообществе. Полученные эмпирические исследовательские результаты позволили говорить о наличии межнациональной и межконфессиональной устойчивости в ценностном сознании крымской молодежи, что особенно важно для Крыма как полиэтничного региона. Для молодого поколения Крыма 1) этническое происхождение и конфессиональная принадлежность не являются значимыми социальными критериями, влияющими на связи внутри молодежной среды; 2) при выборе друзей или спутника жизни не важна этническая и религиозная принадлежность, 3) на оценку преступлений не влияет этническая и конфессиональная принадлежность человека, их совершившего.

10. Зафиксирована двойственность при формировании исторической коллективной памяти у жителей Крыма. Новые цифровые технологии создания исторической повестки устанавливают жесткие «социальные рамки памяти» и изменяют соотношение памяти индивида и внешних рамок, которые для него задают коммуникативные сети. Коллективная память формируется как «поток», не создаваемый ближайшим социальным окружением, а появляющийся в

сознании человека невидимо, неосязаемо, но системно – через формирование визуальных образов.

11. Выявлена значимость факторов инвайронментальной среды, общества риска в интеграционном процессе Крымского полуострова в контексте контуров создаваемого нового общественного договора. В процессе крымской интеграции оказалось значимым воздействие инвайронментального фактора, который имел сугубо внутрикрымский контекст, но и актуализировал социальную проблему реформирования всемирного общественного договора. В процессе крымского транзита искусственно создаваемые экологические катастрофы и инвайронментальные угрозы в виде водной, энергетической, продовольственной, транспортной, финансовой блокад усилили поддержку интеграционных процессов Республики Крым и города Севастополь в Россию.

12. Вследствие крымского референдума и возникшего крымского консенсуса произошло формирование нового типа социальной солидарности – «островной». Автор определяет ее черты таким образом: 1) строится на принципе братства и стремлении изменить социально несправедливые условия, 2) опирается на политику социальной поддержки, 3) основывается на мобилизации социальных действий для достижения общих интересов, 4) базируется на проживании на локальной территории, что сплачивает людей перед возникающими угрозами, 5) проявляется как в повседневном поведении людей, так и в информационном поле коммуникаций.

13. Вызовы коммуникационного поля Крымского полуострова связаны с информационной повесткой, формируемой внешними акторами посредством сетевых ресурсов, и создают такие установки: 1) антироссийские – образ врага-агрессора и нигилистическое отношение к России, 2) русофобские – стирание всего русского с созданием антиконсервативных смыслов, уходом от традиций и устоев, от семейных основ, патернализма, которые присущи российскому обществу, 3) антипутинские – направленные на десекрализацию политического лидера российского государства.

14. Оценки региональных проблем, присутствующих на Крымском полуострове, показали позитивную динамику. Подавляющее большинство студенческой крымской молодежи отметило открывшиеся для неё образовательные, профессиональные и статусные возможности, позитивно была оценена работа социальных лифтов. В оценках инфраструктурных преобразований региона отмечается решение транспортно-логистической (запуск автомобильной трассы «Таврида», строительство Крымского моста, открытие нового терминала международного аэропорта «Симферополь», капитальный ремонт автомобильных дорог общего пользования Республики Крым и Севастополя) и энергетической (строительство и запуск Симферопольской и Балаклавской ТЭЦ) проблем.

15. В сознании жителей полуострова Россия выглядит сильным, суверенным, способным защитить себя и своих граждан государством, имеющим геополитический вес, государством-цивилизацией, сохраняющим ценности мировых религий, соединяющим западные и восточные традиции. Такие результаты по формированию позитивного образа российского государства способствуют повышению гордости за Россию, ее исторические символы и культурные смыслы, что открывает новые возможности на идеологическом, коммуникативном, социальном полях.

Список научных публикаций по теме диссертационной работы

1. Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации:

1. Дерюгин П.П., Ярмак О.В., Серебров Д.М. Полифункциональность современной сельской семьи: теоретико-методологические основания исследования / Дискурс: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет ЛЭТИ им. В.И. Ульянова (Ленина), 2018, №1, 110 с., с. 84-95 Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=3271268> (дата обращения: 07.02.2023).

2. Ярмак О.В., Канах А.М., Архипенко В.Е. Образ России в сознании молодежи Крыма и Севастополя: результаты социологического исследования // Дискурс: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет ЛЭТИ им. В.И. Ульянова (Ленина), 2018. № 6, с. 71-79. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36795785> (дата обращения: 07.02.2023).

3. Ярмак О.В., Дерюгин П.П., Ярмак В.Е. Социальный портрет современного студента // Дискурс. 2019. Т. 5. № 4. С. 53-64. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41211767> (дата обращения: 07.02.2023).

4. P P Deryugin, E V Strashko, O V Yarmak. Scientific and Educational Centers as Factor of Activation of Human Capital in the Regions of Russia: Sociological Monitoring of Activity (Conceptualization of the Plan) // Proceedings of the International Scientific Conference "Far East Con" (ISCFEC 2020). Advances in Economics, Business and Management Research. 17 March 2020. ISBN 978-94-6252-929-8 Режим доступа: <https://doi.org/10.2991/aebmr.k.200312.322> (дата обращения: 07.02.2023).

5. Deriugin, Pavel, Vladimir Glukhikh, Olga Yarmak, Ekaterina Strashko, Elena Kamyshina, y Veronika Yarmak. (2020) 2021. «Evolution of strategies for human capital diagnostics». Revista Inclusiones, enero, 178-97. Режим доступа: <http://revistainclusiones.org/gallery/11%20VOL%207%20NUM%20Universidad%20OCT%20DIC%202020%20Rev%20Inc.pdf> (дата обращения: 07.02.2023).

6. Ярмак О.В., Нелина Л.П., Ярмак В.Е. Межнациональное и межрелигиозное согласие в среде крымского студенчества // Вестник Института социологии. 2019 Том 10. № 3. С. 96-112. Режим доступа: doi: 10.19181/vis.2019.30.3.592 (дата обращения: 07.02.2023).

7. Дерюгин П.П., Лебединцева Л.А., Ярмак О.В., И Ш., Камышина Е.А. Социальное самочувствие населения мегаполиса как интегральный показатель. Дискурс. 2020; 6(2):61-79. Режим доступа: doi.org/10.32603/2412-8562-2020-6-2-61-79 (дата обращения: 07.02.2023).

8. Ярмач О.В., Страшко Е.В., Шкайдерова Т.В. Реакция на пандемию Covid-19 интернет-аудиторий Москвы, Санкт-Петербурга и Севастополя (по материалам медиа-аналитического исследования) // Вестник Института социологии. 2020. Том 11. № 11. С. 121-142. Режим доступа: doi: 10.19181/vis.2020.11.3.666 (дата обращения: 07.02.2023).

9. Дерюгин П. П., Лебединцева Л.А., Ярмач О.В., Чихарев И.А., Ярмач В.Е. Социодинамика ценности деловых качеств в структуре человеческого капитала за период обучения в вузе: стратегия социологической диагностики // Социология науки и технологий. 2020. Том 11. № 4, с. 140-160 Режим доступа: doi: 10.24411/2079-0910-2020-14008 (дата обращения: 07.02.2023).

10. Дерюгин П. П., Лебединцева Л. А., Ярмач О. В., Травин Р. А. Ценности и человеческий капитал сотрудников корпорации: опыт сетевой диагностики // Научный результат. Социология и управление. 2020. Т. 6, № 4. С. 10-25. DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-4-0-1 (дата обращения: 07.02.2023).

11. Воронин Д.Ю., Кузнецов П.Н., Евстигнеев В.П., Ярмач О.В. Агентное моделирование динамики консолидации общества при использовании процедур киберметрии интернет-контента // Выпуск № 3, 2021 "Общество: социология, психология, педагогика" Режим доступа: <https://elib.pnzgu.ru/files/eb/image/S8PKnX8AOgt2.pdf> (дата обращения: 07.02.2023).

12. Ярмач О. В., Большакова М. Г., Шкайдерова Т. В., Маранчак А. Г. Социальные парадоксы коммуникации в постконфликтных обществах // Вестник Института социологии. 2021. Том 12. № 17. С. 136-152. Режим доступа: doi: 10.19181/vis.2021.12.1.703 (дата обращения: 07.02.2023).

13. Дерюгин П. П., Кремнёв Е. В., Ярмач О. В., Ши И, Вэнсинь Чжэн Сетевые модели деловых ценностей в структуре человеческого капитала китайских студентов // Научный результат. Социология и управление. 2021. Т. 7, № 3. С. 135-151. Режим доступа: doi:10.18413/2408-9338-2021-7-3-1-2 (дата обращения 07.02.2023).

14. Ярмак О.В., Большакова М.Г., Маранчак А.Г., Савина З.С. Акторно-сетевые конструкции коллективной исторической памяти // LOGOS ET PRAXIS, Том 21, № 2. 2022, с. 73-80 ISSN: 2587-9715 Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49586259> (дата обращения: 07.02.2023).

15. Ярмак О.В., Жаркова Т.В., Саркисов Д.Г. Использование больших данных в междисциплинарных исследованиях на примере макрорегиона Большое Средиземноморье//Цифровая социология. 2022. Т. 5. № 3. С. 24–30. Режим доступа: <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2022-5-3-24-30> (дата обращения 07.02.2023).

2. Монографии:

1. Межнациональное и межрелигиозное согласие в студенческой среде Крыма и Севастополя: мониторинг и анализ уровня развития: коллективная монография / Мин-во науки и высшего образования Российской Федерации, Севастопольский гос. университет; отв. ред. О.В. Ярмак. – Севастополь: СевГУ, 2019. – 144 с. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42520704> (дата обращения: 07.02.2023).

2. Дерюгин П.П., Ярмак О.В., Шиляева А.С., Курапов С.В., Страшко Е.В., Лебединцева Л.А., Камышина Е.А., Ярмак В.Е. Человеческий капитал в фокусе современного социологического дискурса // монография, Издательство: ООО "Медиапапир", Санкт-Петербург, 2020, с. 172. ISBN: 978-5-00110-157-4. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44073661> (дата обращения: 07.02.2023).

3. Ярмак О.В., Шкайдерова Т.В., Маранчак А.Г., Цепкова А.С. Образ России в сознании жителей Республики Крым и Севастополя // Управление региональными конфликтами в условиях цифровизации современного общества: методология и практики реализации/ под ред. Н.А. Шибановой. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2021. – 669 с., с. 655-669. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=45596135> (дата обращения: 07.02.2023).

4. Ситуация с качеством образования в период пандемии: что показывает анализ больших данных. – Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2021 – 39 с.

Авторский коллектив: Ю.К. Александрова, А.В. Богданова, И.С. Васендина, В.Л. Гойко, А.И. Джангаров, Е.В. Митягина, М.Г. Мягков, Е.В. Романова, О.В. Ярмач. ISBN 978-5-907442-37-5.

5. Александрова Ю.К., Богданова А.В., Васендина И.С., Гойко В.Л., Митягина Е.В., Рогов А.В., Романова Е.В., Ярмач О.В. Посты по осени считают: что говорят большие данные о качестве образования в постпандемийный период / Томский государственный университет. - Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2022. - 40 с.

6. Человеческий капитал руководителей корпораций: особенности, структура, измерение: Коллективная монография. – СПб.: Медиapiар, 2023 – 218 с.

3. Основные статьи в других научных изданиях:

1. Ярмач О.В., Канах А.М. Межнациональное и межрелигиозное согласие в студенческой среде Крыма и Севастополя: дизайн социологического исследования / Парадигмы истории и общественного развития [Текст]: сб. науч. тр. /М-во образования и науки Рос. Федерации, ФГАУО ВО «Севаст. гос. ун-т» : под общ. Ред. Е. Н. Максимовой ; редкол.: В. С . Авдони [и др.]. – Вып. 9 . – Севастополь : СевГУ, 2018. – 98 с., с. 91-96. Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_35088343_18129556.pdf (дата обращения: 07.02.2023).

2. Ярмач О.В., Цепкова А.С., Лысенко Е.А., Калинская, И.Л. Информационные потоки крымского и украинского сегментов интернета: контент-анализ сообщений сетей facebook и ВКонтакте // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. Научно-практический журнал. 2019, Том 9, № 6, с. 38-44. Режим доступа: <http://www.fa.ru/org/div/edition/jgn/Pages/current.aspx> (дата обращения: 07.02.2023).

3. Ярмач О.В., Шкайдерова Т.В., Цепкова А.С., Лысенко Е.А., Нечволод Д.А. События Крымской весны в медиапространстве стран Германии и Франции: результаты контент-аналитического исследования // Парадигмы истории и общественного развития [Текст] : сб. науч. тр. / М-во образования и науки Рос.

Федерации, ФГАОУ ВО «Севастоп. гос. ун-т» ; под общ. ред. Е. Н. Максимовой ; редкол.: В.С. Авдонин [и др.]. — Вып. 13. — Севастополь : СевГУ, 2019. — 84 с. — ISSN 2500-4190, с. 30-39. Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_40803799_35821664.pdf (дата обращения: 07.02.2023).

4. Ярмак О.В., Шкайдерова Т.В., Цепкова А.С., Лысенко Е.А., Нечволод Д.А. События Крымской вечны как маркер туристической лояльности (результаты контент-аналитического исследования медиапространства Германии и Франции) / Проблемы и перспективы развития туризма в Южном федеральном округе: Сборник научных трудов. – Симферополь: ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского», 2019. – 376 с., с. 236-241. ISBN 978-5-9908084-2-3.

5. Дерюгин П.П., Ярмак О.В., Страшко Е.В., Камышина Е.А. Человеческий капитал в эмпирических исследованиях: перспектива сетевых методик / Информация – Коммуникация – Общество. Научный журнал. Издательство: Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет "ЛЭТИ" им. В.И. Ульянова (Ленина) (Санкт-Петербург). Том: 1, 2020. с. 49-53 Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42341271> (дата обращения: 07.02.2023).

6. Дерюгин П.П., Лебединцева Л.А., Ярмак О.В., Ши И., Камышина Е.А. Стратегия социологической диагностики человеческого капитала на основе ценностей: потенциал сетевого подхода (на примере изучения научно-образовательных центров) / в сборнике: Эффективность труда и качество трудовой жизни XXI века Сборник научных статей. Под редакцией Р.В. Карапетяна. Санкт-Петербург, 2020. с. 112-123. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42926461> (дата обращения: 07.02.2023).

7. Большакова М.Г., Ярмак О.В. Анализ медиапространства в постконфликтном обществе // MODERN SCIENCE. Издательство: Научно-информационный издательский центр "Институт стратегических исследований" (Москва). Номер: 5-1, 2020, с. 454-458. ISSN: 2414-9918.

8. Ярмак О.В., Цепкова А.С. Образ крымской весны в медиапространстве Франции // Парадигмы истории и общественного развития, Издательство:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования "Севастопольский государственный университет" (Севастополь), № 17-18, 2020, с. 125-130. ISSN: 2500-4190.

9. Ярмек О.В., Панова Е.М., Маранчак А.Г., Савина З.С. Коронавирус как социальный драйвер трансформации повседневности // Известия вузов. Северокавказский регион. Общественные науки, 2020, № 3, с. 27-35. Режим доступа: doi 10.18522/2687-0770-2020-3-27-35 (дата обращения: 07.02.2023).

10. Olga Yarmak, Tatyana Shkaiderova, Ekaterina Strashko, Maria Bolshakova and Lyudmila Garas Institution of higher education transformation and society's response to distance learning during the Covid 19 pandemic, E3S Web of Conferences 244, 11043 (2021) Режим доступа: <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202124411043>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46772398> (дата обращения: 07.02.2023).

11. Ярмек О.В., Цепкова А.С., Лысенко Е.А. Динамика крымского дискурса в немецких онлайн-СМИ: анализ влияния украинского фактора // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. Научно-практический журнал. 2021, Том 11, № 1, с. 98-104. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=45642082> (дата обращения: 07.02.2023).

12. Ярмек О. В., Большакова М. Г., Савина З. С. Севастополь в конструкции коллективной исторической памяти: анализ информационных потоков Рунета с использованием big data // Журнал «Кант» №2(39) 2021 [стр. 285-292] Режим доступа: doi: 10.24923/2222-243X.2021-39.48; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46323747> (дата обращения: 07.02.2023).

13. Страшко Е.В., Ярмек О.В., Дерюгин П.П., Ярмек В.Е., Астраханцева Е.А. Факторный анализ инвестиционной привлекательности и человеческого капитала регионов с научно-образовательными центрами мирового уровня // Russian Journal of Management. Том 9. Номер 1. с. 171-175. Режим доступа: <https://doi.org/10.29039/2409-6024-2021-9-1-171-175>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=45623802> (дата обращения: 07.02.2023).

14. Olga Yarmak, Mariya Bolshakova, Anastasiya Maranchak, Zoya Savina. Sevastopol in the Historical Memory of the Great Patriotic War: Media Space Analysis

// The European Journal of Social & Behavioural Sciences EJSBS Volume XXX (eISSN: 2301-2218) doi:10.15405/ejsbs.294 Режим доступа: https://www.europeanpublisher.com/data/articles/10000/10036/article_10000_10036_pdf_100.pdf; <https://doi.org/10.15405/ejsbs.294> (дата обращения: 07.02.2023).

15. Ярмак О.В., Большакова М.Г., Маранчак А.Г. Коллективная память о Великой Отечественной войне как сеть в понимании акторно-сетевой теории // MODERN SCIENCE, № 7, 2021, с. 269-271. ISSN: 2414-9918 Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46442698> (дата обращения: 07.02.2023).

16. Ярмак О.В., Воронова Д.И., Евдокимова Д.М., Комар А.Г., Черкесс А.А. Вакцинный кейс: социальное медиааналитическое измерение (результата исследования интернет-аудиторий Москвы, Санкт-Петербурга и Севастополя) // Парадигмы истории и общественного развития [Текст] : сб. науч. тр. / М-во образования и науки Рос. Федерации, ФГАОУ ВО «Севастоп. гос. ун-т» ; под общ. ред. Е. Н. Максимовой ; редкол.: В . С . Авдонин [и др.]. — Вып. 2 1 -2 2. — Севастополь : СевГУ, 2021. — 114 с. — ISSN 2500-4190. С. 103-113 Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47306777> (дата обращения: 07.02.2023).

17. Дерюгин П.П., Ярмак О.В., Страшко Е.В., Камышина Е.А., Баннова О.С. Человеческий капитал в ценностных ориентациях студенчества: методология, методика и результаты диагностики // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика, № 1 (5), 2021, с. 215-227 eISSN: 2587-9987 Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=47498267> (дата обращения: 07.02.2023).

18. Ярмак О.В., Ткаченко А.Ю. Профессиональные ориентиры сельской молодёжи как фактор миграции в город // сборник статей по итогам Международной научной конференции «БОЛЬШИЕ ДАННЫЕ И ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕСТВА». Томск, 2022. Издательство: Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск), Киров, 19–20 мая 2022 года, с. 157-160 Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49440775> (дата обращения: 07.02.2023).

19. Ярмак О.В., Большакова М.Г., Маранчак А.Г., Савина З.С. Историческая память молодежи: как работают образы прошлого в условиях противостояния политических элит // Вопросы элитологии. Исследовательский электронный журнал www.elitology-journal.com Том 3, No 2 Режим доступа: doi 10.46539/elit.v3i2 (дата обращения: 07.02.2023).

**Глава 1 Теоретико-методологические основы исследования интеграции
регионов как социальной пересборки:
классические и современные социологические теории**

В первой главе диссертационной работы отражена степень изученности такого сложного и не однозначного феномена как интеграция и обосновано использование междисциплинарного подхода в его изучении.

В первом параграфе – «Теоретические подходы к анализу интеграционных и реинтеграционных процессов» – раскрывается генезис основных общенаучных подходов и концепций изучения интеграций и реинтеграций.

Во втором параграфе – «Категориальные основания понятий «интеграция» и «реинтеграция»: теоретические подходы и понимание в современной социологии» – раскрывается неоднозначность феноменов интеграции и реинтеграции, и определяются их измерения – социальное, системное и экологическое. Анализируя процессы интеграции, автор систематизирует суть имеющихся дефиниций этой категории, а также приводит собственное понимание интеграции как многосоставного процесса.

В третьем параграфе – «Реинтеграция как процесс интегративной пересборки общества: теоретическое осмысление» – обуславливается новаторская идея о теоретико-прикладной значимости изучения реинтеграционных процессов в современном мире и, особенно, на постсоветском пространстве с существующим уровнем напряженности и нарушением границ национальных интересов России. Обращаясь к понятию реинтеграции, автор подходит к нему как к процессу, направленному на объединение, восстановление, пересборку ранее распавшегося или дезинтегрированного территориального, экономического, социального, цивилизационного образования.

§ 1.1. Теоретические подходы к анализу интеграционных и реинтеграционных процессов

Глобальные вызовы современного социального пространства решаются посредством запуска процессов интеграции и реинтеграции, что представляет значительный теоретический интерес. Считаем, что научное осмысление и понимание этапов социального интегративного взаимодействия является важным.

Если говорить о теоретических подходах к анализу интегративных процессов, то они скорее касаются региональных, территориальных и международной интеграций. Концепции цивилизационной и социокультурной интеграции представлены недостаточно и имеют не системный характер. Но, тем не менее, они будут рассмотрены и представлены для понимания целостной картины теоретической основы современных интеграционных и реинтеграционных процессов.

Теории региональной интеграции. Процессы региональной интеграции послевоенных лет (1950-е годы) появились вследствие запуска объединения европейских стран — интеграционного проекта в Западной Европе (А. Предоль, В. Репке). В этот период интеграция представлялась как создание единого геоэкономического пространства, включающего несколько стран, а интеграционные процессы рассматривались в экономическом аспекте — с точки зрения объединения рынков интегрируемых стран.

В период с конца 1950-х — начала 1970-х годов основными подходами к пониманию интеграции были федерализм и неофедерализм (А. Спинелли), функционализм (Д. Митрани) и неофункционализм (Э. Хаас, Ф. Шмиттер, А. Этциони и др.), трансакционализм (К. Дойч)^{84 85 86}.

---

⁸⁴ Spinelli A. The Eurocrats / Altiero Spinelli. — Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1966.

Региональную интеграцию рассматривали представители и иных теоретических школ. В частности, в рамках неолиберализма (В. Репке, М. Аллэ) интеграция представлялась единым рыночным и экономическим пространством нескольких стран, независимо от политики государств и их законодательных актов.

Последователи корпорационализма (С. Рольф, У. Росту) считали, что интеграцию способны обеспечить международные корпорации, функционирование которых способствует эффективному развитию экономических связей.

Представителями структурализма (Г. Мюрдаль) экономическая интеграция рассматривалась в виде процесса структурных преобразований отраслей промышленности в экономике стран. В результате таких экономических трансформаций должно появиться качественно новое интегрированное пространство с более совершенным хозяйственным механизмом.

Неокейнсианцы (Р. Купер) полагали, что выгода интеграции может быть осуществлена при сохранении максимальной для каждой страны степени свободы и согласования внутренней и внешней политики интегрирующихся участников для достижения оптимального сочетания вариантов развития интеграции, выделяя такие:

а) объединение государств с последующей утратой ими суверенитета и взаимным согласованием экономической политики;

б) интеграция с максимальным сохранением национальной автономии⁸⁷.

Но самое главное состоит в том, что эти концепции являются скорее экономическими, рассматривающими интеграцию только лишь как экономический процесс, обуславливающий создание новых экономических

---

⁸⁵ Mitrany, David. The Prospect of Integration: Federal or Functional? / David Mitrany // *Journal of Common Market Studies*. — 1965. — 4(1). — PP.119-149.

⁸⁶ Haas, Ernst B. and Schmitter, Philippe C. Economics and Differential Patterns of Political Integration: Projections about Unity in Latin America / Ernst B. Haas and Philippe C. Schmitter // *International Political Communities*. — New York: Doubleday, 1966. — PP. 259-299.

⁸⁷ Шеръязданова К.Г. Современные интеграционные процессы: учеб. по-с. / К.Г. Шеръязданова. – Изд. 2-е., доп. – Алматы: «Қазақ университеті», 2016. – 198 с., с. 18.

союзов. Понимание интеграции как политического процесса отражено в концепциях федерализма и неофедерализма.

Федерализм. Федералисты считают, что интеграция создает новые политические сообщества, которые будут заменены национальными правительствами и наднациональными институтами. Согласно федерализму, политика важнее экономики, соответственно, интеграция может создавать супер-государства⁸⁸.

Одним из крупных представителей неофедерализма является американский политолог А. Этциони, по мнению которого основной целью интеграции является создание «политического сообщества», которое формируется тремя видами интеграции: через эффективный контроль над средствами насилия; посредством наличия влиятельного центра принятия решений; с помощью возникновения общеидентификационной ориентации среди граждан, входящих в данное объединение⁸⁹.

Социальное в интеграционных процессах появляется в функциональном подходе и в дальнейшем – в концепциях трансакционализма, социального конструктивизма и институционализма.

Функционализм. Интеграция в рамках функционального подхода концентрируется не вокруг политических, а скорее — экономических и социальных задач (общее управление ресурсами, борьба с безработицей, здравоохранение). Представитель функционализма Д. Митрани считал, что целью политиков является завоевание и удержание власти, а не забота об общественном благе⁹⁰. По мнению функционалистов Д. Митрани и А. Клоуда, люди должны рационально определить свои нужды и творчески подойти к созданию социальных институтов, которые должны выполнять вверенные им функции.

---

⁸⁸ Никитина Ю.А. От интеграции к регионализму: эволюция теорий регионального межгосударственного сотрудничества // Вестник МГИМО. 2010. №6. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-integratsii-k-regionalizmu-evolyutsiya-teoriy-regionalnogo-mezhgosudarstvennogo-sotrudnichestva> (дата обращения: 07.02.2023).

⁸⁹ Шерьяданова К.Г. Современные интеграционные процессы: учеб. по-с. / К.Г. Шерьяданова. – Изд. 2-е., доп. – Алматы: «Казак университеті», 2016. – 198 с., с. 19-20.

⁹⁰ Никитина Ю.А. От интеграции к регионализму: эволюция теорий регионального межгосударственного сотрудничества // Вестник МГИМО. 2010. №6. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-integratsii-k-regionalizmu-evolyutsiya-teoriy-regionalnogo-mezhgosudarstvennogo-sotrudnichestva> (дата обращения: 07.02.2023).

Д. Митрани описывает функционализм как «использование существующих социальных возможностей для ведения совместной деятельности или продвижения определенных интересов, предоставляя друг другу право на проведение собственной политики в пределах данной деятельности»⁹¹.

С середины 1970-х до начала 1980-х годов интерес к изучению региональной интеграции значительно снизился из-за внутреннего кризиса внутри европейского сообщества и вследствие развития процессов глобализации. Становление транснациональных связей и глобализма привело к тому, что в 1975 году один из основателей теории региональной интеграции Э. Хаас сказал об ее «отмирании». Непосредственно логика интеграции была впервые им разработана и проанализирована: «Наднациональный стиль подчёркивает не прямое проникновение политики в экономику, поскольку экономические решения всегда приобретают политическое значение в умах участников интеграционного процесса»⁹².

Интеграция в понимании Э. Хааса является итогом спонтанного политического взаимодействия, но он связывал ее с общественными процессами. В своем труде «Объединение Европы» Э. Хаас выделяет основные предпосылки интеграции через наличие:

- индустриально развитой экономики, вовлеченной в международную торговлю;
- политически мобильных общественных масс;
- конкурирующих между собой групп элиты;
- взаимоотношения элит, регулируемых конституцией, традициями или парламентской (президентской) демократией⁹³.

В рамках неофункционального подхода американский политолог Ф. Шмиттер формирование интеграционных процессов рассматривал на основе

⁹¹ Mitrany, David. *A Working Peace System* / David Mitrany. — London: Royal Institute of International Affairs, 1943.

⁹² Haas, Ernst B. *Obsolescence of Regional Integration Theory* / Ernst B. Haas // Research Series #25. — Berkeley: Institute of International Studies, University of California, 1975.

⁹³ Haas, Ernst B. *The uniting of Europe: political, social and economic forces, 1950-1957* / Ernst B. Haas; foreword by Desmond Dinan ; new introduction by Ernst B. Haas. 641 p. (Contemporary European politics and society) Originally published : Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1958. Режим доступа: <https://www.europarl.europa.eu/100books/file/EN-H-BW-0038-The-uniting-of-Europe.pdf> (дата обращения: 07.02.2023).

таких предпосылок. Во-первых, основой является теория региональной интеграции, акцентирующая на роли негосударственных акторов, региональных организаций, групп интересов и социальных движений, действующих на уровне региона и создающих тем самым предпосылки для дальнейшей интеграции. Во-вторых, государства-участники интеграции формулируют условия первоначального соглашения, но при этом не являясь единственными акторами, определяющими направление и степень интеграционных изменений. В-третьих, на процессы оказывают влияние региональные элиты и группы интересов, вследствие чего формируется ситуация, когда государства соглашаются отдать часть полномочий для реализации ограниченных задач на наднациональный уровень⁹⁴.

Транзакционализм или концепция «сообществ безопасности». В 1957 году К. Дойч в работе «Политическое сообщество и Североатлантическая зона» предложил категорию «сообщество безопасности» как группу, члены которой достигли такой степени интеграции, что у них возникала обоснованная уверенность, что они не будут воевать между собой. Дойч выделял два типа сообществ безопасности — плюралистические и объединенные (амальгамированные). В плюралистических сообществах безопасности его члены разделяют ключевые ценности — общую идентичность, стремятся оказывать взаимную помощь. Согласно Дойчу, чувство принадлежности к одному сообществу формируется благодаря коммуникациям и взаимодействию.

С учетом авторского исследовательского интереса среди описанных теорий интеграции особой значимостью обладает концепция коммуникаций в интеграционном процессе американского политолога К. Дойча, который исходил из того, что коммуникации составляют тот «строительный материал», из которого создаются общества. Под интеграцией К. Дойч подразумевает создание «чувства сообщества», когда в условиях развития взаимопонимания в обществе создаются институты, способные обеспечить возникновение «мирных изменений» на

---

⁹⁴ Никитина Ю.А. От интеграции к регионализму: эволюция теорий регионального межгосударственного сотрудничества // Вестник МГИМО. 2010. №6. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-integratsii-k-regionalizmu-evolyutsiya-teoriy-regionalnogo-mezhgosudarstvennogo-sotrudnichestva> (дата обращения: 07.02.2023).

достаточно длительную перспективу. Формирование «чувства сообщества» К. Дойч считает качественным этапом в развитии международных отношений. Формулируя задачи интеграции, К. Дойч говорит не только о необходимости сохранения мира, но и о формировании идентичности через использование общей символики⁹⁵.

Концепция политических сетей В. Уоллеса и Э. Моравчика как множества организаций, взаимодействующих друг с другом, обменивающихся информацией и ресурсами значима для авторского исследования с точки зрения понимания категории «сотрудничество». Вне сотрудничества общества не могут получить необходимые для развития ресурсы, а интеграция предоставляет такие возможности. Различая формальную и неформальную интеграции, авторы концепции считают, что именно неформальные формы интеграции развивают социальное взаимодействие.

Обращаясь к концепциям институционализма и их трем направлениям — историческому, социологическому и институциональному, обозначим важность социологического институционализма и социального конструктивизма. Определение институтов как формальных и неформальных, где последние воплощают нормы, символы и являются инструментами политики и политических процедур, обосновывает рассмотрение интеграционных процессов в рамках конструктивистского подхода⁹⁶.

Социологический институционализм и социальный конструктивизм. Особенностью подхода социологического институционализма к интеграционным процессам является то, что он рассматривает институциональную систему изнутри, концентрируясь на анализе социальных порядков. Представитель социологического институционализма американский социолог Н. Флигстин пишет об этом так: «Все новые институциональные теории исследуют то, как конструируются локальные социальные порядки (local social orders), которые могут быть названы “полями”, “аренами” или “играми”. Во-вторых, новые

⁹⁵ Шерьязданова К.Г. Современные интеграционные процессы: учеб. по-с. / К.Г. Шерьязданова. – Изд. 2-е., доп. – Алматы: «Қазақ университеті», 2016. – 198 с., с. 25-26.

⁹⁶ Там же, с. 27.

институциональные течения основываются на теории социального конструктивизма – в том смысле, что они рассматривают создание институтов как результат социального взаимодействия между акторами, сталкивающимися друг с другом на полях или аренах»^{97 98}.

Задача социологического институционального исследования состоит в описании социального порядка, его соотнесения с другими порядками, понимания, почему люди ведут себя именно так или иначе. Но одновременно стоит и другая задача – объяснить изменения социального порядка, в том числе в процессах интеграции и реинтеграции.

На институционализированных аренах взаимодействия происходят институциональные изменения и трансформации социальных порядков. Соответственно, изменяются и модели поведения: существуют те, где акторы «следуют правилу», и те, где правила нарушаются, где «создаются» новые институты – поля, правила и смыслы. Таким образом, формируется некий «репертуар практик» интеграции.

Приведенные концепции формировались и развивались под влиянием потребностей европейской интеграции, объяснения ее необходимости и описания ее основ и институтов. Намного раньше были сформулированы интеграционные концепции цивилизационно-исторического подхода к интеграции – теория культурно-исторических типов, евразийство и неоевразийство.

Отечественная классическая концепция, без которой невозможно определить основания интеграционных процессов, – это теория культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского. Важную роль в формировании взглядов евразийцев сыграла идея Н.Я. Данилевского о культурно-исторических типах, изложенная в его работе «Россия и Европа»⁹⁹. Он утверждал, что все культурно-исторические типы равноценны в силу их уникальности и их главной

---

⁹⁷ Флигстин Нил Поля, власть и социальные навыки: критический анализ новых институциональных течений // Экономическая социология. 2001. №4. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/polya-vlast-i-sotsialnye-navyki-kriticheskii-analiz-novykh-institutsionalnyh-techeniy> (дата обращения: 07.02.2023).

⁹⁸ Fligstein N., McAdam D.A Theory of fields. – N.Y.: Oxford univ. press, 2012. – 256 p.

⁹⁹ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. / Составление и комментарии Ю. А. Белова / Отв. ред. О. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2008. — 816 с.

исторической задачей является, прежде всего, развитие самобытных начал. Народы, не создавшие государственности и вошедшие в состав какого-либо культурно-исторического типа, увеличивают его разнообразие и богатство, а на определенном этапе могут образовать свой культурно-исторический тип.

Евразийство. Идея об уникальном пути развития России как многонационального государства, расположенного на стыке Европы и Азии, в отечественном гуманитарном дискурсе получила название евразийской. Понятие «Евразия» как обосновывающее образ России в качестве евразийской цивилизации было предложено русскими эмигрантами в начале XX века¹⁰⁰.

Суть евразийской теории 1920-х годов заключалась в интерпретации Евразии как особой географической, социально-исторической и социально-культурной общности. Подчеркивалось, что Евразия – отнюдь не соединение европейского и азиатского начал, а особый «континент», отличный и от Европы, и от Азии. Савицкий писал: «Сам же термин – Евразийство», – говорит не о «средней линии», а о срединном между Европой и Азией континенте, где перед Россией стоит творческая миссия приобщения Европы и Азии к началам подлинной жизни»¹⁰¹. Г.В. Вернадский также считал, что главной составляющей, сердцевинной единого евразийского образования является Россия: нет двух России «европейской» и «азиатской», есть только одна Россия «евразийская» или Россия-Евразия¹⁰².

Евразийство развивалось и в СССР в 1960-1980-е годы, в частности, историком Л.Н. Гумилевым¹⁰³. В понимании Л.Н. Гумилева понятие «Евразия» трансформировалось в социогеографическое пространство и особый этнокультурный мир.

¹⁰⁰ Асимметрии региональных интеграционных проектов XXI века / [под. ред. В. И. Михайленко] ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. – 476 с. ISBN 978-5-7996-2328-9.

¹⁰¹ Савицкий П, Сувчинский П. Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев: Статьи. – София: «Балкан», 1921: На путях: Утверждение евразийцев. Кн. 2-я: Статьи П.Н. Савицкого, А.В. Карташёва, П.П. Сувчинского, кн. Н.С. Трубецкого, Г.В. Флоровского, П.М. Бицилли / Обл. работы худ. П.Ф. Челищева. – Москва–Берлин: Геликон, 1922. – 358 с.

¹⁰² Вернадский, Георгий Владимирович. Начертание русской истории / Георгий Вернадский. — Москва : Алгоритм, 2018. — 336 с.

¹⁰³ Гумилев Л. Н. Заметки последнего евразийца // Наше наследие. 1991. № 3. С. 19-34.

В последнее время концепция евразийства занимает значимое место в дискуссии о противостоянии глобальным вызовам современности, предотвращении конфликтов религиозной, когнитивной и информационной направленности, сохранении национально-территориального единства России, сплочении российского общества.

Сравнительный анализ взглядов представителей евразийства позволили выявить его актуальные аспекты:

– самоидентификация России как особой цивилизационной общности, появившейся в результате многопланового этнополитического и культурно-исторического синтеза народов Востока и Запада, построенного на сочетании национальной самобытности с евразийской идентичностью и этноконфессиональной толерантностью (Л.Н. Гумилев, Б.С. Лавров, И.С. Шишкин);

– противопоставление американскому глобальному мировому порядку цивилизационного и геополитического полицентризма (многополярного мира), поддерживающего через систему стратегических альянсов экологическое, социокультурное и социально-политическое равновесие мира (Б.С. Ерасов, И.Б. Орлова, А.С. Панарин, А.Г. Дугин, К.С. Гаджиев, М.Л. Титаренко);

– воссоздание на территории исторической России единого культурного, экономического и политического пространства, способствующего социальному и межнациональному миру, равноправному сотрудничеству и интеграции народов Евразии (Э.А. Баграмов, А.Т. Горяев, Б.С. Ерасов, А.Г. Дугин, А.С. Панарин и др.);

– обозначение перспективного для Евразии самостоятельного пути развития, опирающегося на национально-культурные традиции, ценности и опыт многовекового взаимодействия евразийских народов, дополненные постиндустриальной технологической модернизацией (И.Б. Орлова,

Б.С. Ерасов, А. Г. Дугин, А.С. Панарин, В.Л. Цымбурский, Н.Н. Моисеев, Д.С. Львов, С.В. Глазьев)¹⁰⁴.

Социальные аспекты евразийской идеи основываются на идеях поликультуроцентризма и на концепции «симфонической личности», основы которой были заложены Л.П. Карсавиным¹⁰⁵. Н.С. Трубецкой формулирует понятие «коллективная личность» народа, его этнопсихологические качества как некий субстрат, который лежит в основе национального характера и оказывает влияние на весь ход цивилизации¹⁰⁶.

В рамках концепции евразийства описываются циклы объединения и дезинтеграции евразийских государств, представлявшие собой последовательный ряд попыток и создания единого евразийского государства.

В настоящее время объяснение интеграционных процессов нового времени в российском пространстве происходит через предложение евразийских моделей – возрождение России посредством восстановления прежних государственных границ, сохранение культурно-психологического единства народов Евразии, защиты православия.

Евразийство как способ мышления и научная концепция имеет глубокие исторические корни, и наряду с утопическими элементами, в нем присутствуют глубокие выводы и прогнозы. Категория интеграции в ракурсе евразийского понимания рассматривается как цивилизационная, имеющая культурные, исторические основы, опирающиеся на территорию.

Неоевразийство. Один из крупнейших идеологов цивилизационного неоевразийства А.С. Панарин отмечал, что для восстановления евразийского «полюса силы» должна быть четко сформулирована заявка на лидерство в решении определенных сверхзадач. В качестве таковых он предлагал идею

¹⁰⁴ Процессы евразийской интеграции: социально-политическое измерение: монография / под общ. ред. Г.И. Осадчей. – М.: БИБЛИО-ГЛОБУС, 2018. – 374 с. ISBN 978-5-907063-15-0

¹⁰⁵ Карсавин Л.П. Феноменология революции // Карсавин Л. П. Философия истории. СПб., 1993. С. 30.

¹⁰⁶ Трубецкой Н.С. О туранском элементе в русской культуре. С. 351-377; Евразийский временник. Берлин, 1923. Кн. 3; Берлин, 1925. Кн. 4; Париж, 1927. Кн. 5. Режим доступа: <http://gumilevica.kulichki.net/TNS/tns06.htm> (дата обращения: 07.02.2023).

синтеза консервативного цивилизационного содержания с постиндустриальным проектом и культуроцентризм и постэкономизм, дающий новые приоритеты¹⁰⁷.

По мнению А.С. Панарина, «Россия — не этническое «государство русских», а особая цивилизация, обладающая своим суперэтническим потенциалом и соответствующим набором геополитических идей»¹⁰⁸. Этот путь означает, что Россия подтверждает свое название — быть государством-цивилизацией.

Можно говорить о нескольких группах евразийства: «социоестественной» (Б.С. Лавров, И.С. Шишкин, В.И. Пантин, Э.С. Кульпин, и др.), «цивилизационной» (Б.С. Ерасов, И.Б. Орлова, А.С. Панарин, Ф.И. Гиренок, Э. А. Баграмов и др.), «геополитической» (В. Л. Цымбурский, О.Б. Арин, К.С. Гаджиев, А.Г. Дугин и др.) и «неоклассической» (Ю.Ю. Кофнер, А.В. Железняк, О.В. Подберезкина и др.)^{109 110}.

Несмотря на особенности разных направлений неоевразийства, можно выделить его основные идеи:

1. Полицентризм и мультилинейность социально-исторического процесса. Цивилизации рассматриваются как самостоятельные единицы социально-исторического процесса; внутри каждой цивилизации существуют свои фазы развития. Евразийская цивилизация, как и западная – одна из культурно-исторических систем, имеющая тысячелетний опыт взаимодействия народов.

2. Значимость развития национальных культур, уникальность и неповторимость каждой нации и народа. Духовное наследие народов раздвигает культурные горизонты, обогащает интеллект и составляет контекст развития собственных национальных культур.

¹⁰⁷ Процессы евразийской интеграции: социально-политическое измерение: монография / под общ. ред. Г.И. Осадчей. – М.: БИБЛИО-ГЛОБУС, 2018. – 374 с., с. 29. ISBN 978-5-907063-15-0.

¹⁰⁸ Панарин А. С. Политология. Учебник. — М: «Проспект», 1997.— 408 с.

¹⁰⁹ Трубецкой Н.С. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока // Наследие Чингисхана. С. 223-292.

¹¹⁰ Савицкий П., Сувчинский П. Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев: Статьи. – София: «Балкан», 1921: На путях: Утверждение евразийцев. Кн. 2-я: Статьи П.Н. Савицкого, А.В. Карташёва, П.П. Сувчинского, кн. Н.С. Трубецкого, Г.В. Флоровского, П.М. Бицилли / Обл. работы худ. П.Ф. Челищева. - Москва–Берлин: Геликон, 1922. - 358 с.

3. Признание Евразии как особой географической, этнической, культурно-исторической системы, часть которой составляет историческая Россия, имеющая интегрирующее значение и являющаяся центром культурного притяжения не только для славянских, но и других народов.

4. Предрасположенность евразийских народов постсоветского пространства к различным формам интеграции определяется сочетанием следующих базовых социальных и исторических условий:

- Византийское наследие: Византия была классическим евразийским государством, существовавшим на перепутье Востока и Запада.

- Исключение какого-либо высокомерия русского национального самосознания в отношении других народов.

- Национальная терпимость, основанная на евразийской природе народов, неразрывно связанной с историей Евразии.

- Веротерпимость – длительное сосуществование двоеверия христианства и язычества.

- Духовность как особый духовный склад.

- Коллективизм, сформированный на истории выживания народов в суровых природно-климатических условиях.

Эти условия обуславливают необходимость формирования национальной идентичности каждого отдельного народа Евразии с общеевразийской идентичностью. Построение двойной идентичности или надидентичности на собственно национальной и общеевразийской является важнейшим условием жизнеспособности евразийской идеи¹¹¹.

В новом евразийстве на его современном этапе сформирована развернутая геополитическая концепция интеграционного евразийского проекта, о чем свидетельствуют публикации, оформленные в такие направления:

- академическое, «аутентичное» (Л.Н. Гумилев, А.С. Панарин, Б.С. Ерасов, Ф.И. Гиренок и др.);

¹¹¹ Процессы евразийской интеграции: социально-политическое измерение: монография / под общ. ред. Г.И. Осадчей. – М.: БИБЛИО-ГЛОБУС, 2018. – 374 с., с. 29. ISBN 978-5-907063-15-0.

- политическое (А.Г. Дугин, Т. Таджуддин, А.С. Панарин и др.);
- псевдоевразийское (Э.А. Баграмов, А.Т. Горяев, А.В. Ниязов);
- «популистское» или «конъюнктурное»;
- этническое (Х.А. Нухаев, А. Эскин)¹¹².

Необходимость разработки ответа на неоевразийскую парадигму в XX и XXI веке диктует создание западными политологами и политиками концепций, которые совершенно изменяют устоявшееся понимание интеграционных процессов. Анализ новейших социологических теоретических конструктов позволил понять основы современного подхода к пониманию интеграции, дезинтеграции и реинтеграции западными политическими мыслителями и инженерами.

Теория однополярности мира рассматривает современные интеграционные процессы с точки зрения подавляющего военного и политического превосходства США (и стран Запада в целом) над всеми другими государствами или их возможными коалициями. В частности, концепция сверхдержавы З. Бжезинского – геополитического могущества США, посвящена стратегиям, благодаря которым это могущество может быть реализовано в XXI веке. Бжезинский полагал, что главенство на Евразийском континенте определяет всемирное лидерство, поэтому стратегическими целями США являются распространение влияния в Центральной Азии и на постсоветском пространстве. З. Бжезинский в своей книге «Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы» писал: «Последнее десятилетие XX века было отмечено тектоническим сдвигом в мировых делах. Поражение и развал Советского Союза стали финальным аккордом в быстром вознесении на пьедестал державы Западного полушария – Соединенных Штатов – в качестве единственной и действительно первой подлинно глобальной державы. Евразия, тем не менее, сохраняет свое геополитическое значение. Не только ее западная часть – Европа – по-прежнему место сосредоточения значительной части мировой политической и

---

¹¹² Процессы евразийской интеграции: социально-политическое измерение: монография / под общ. ред. Г.И. Осадчей. – М.: БИБЛИО-ГЛОБУС, 2018. – 374 с., с. 29. ISBN 978-5-907063-15-0, с. 29.

экономической мощи, но и ее восточная часть – Азия – в последнее время стала жизненно важным центром экономического развития и растущего политического влияния»¹¹³.

Концепция «стратегического терпения». Ее архитектором является основатель Йельского центра изучения глобализации, посол по особым поручениям и специальный советник госсекретаря по новым независимым государствам бывшего Советского Союза в Госдепартаменте, научный сотрудник программы внешней политики Института Брукингса, затем — его президент (2002-2017 гг.) Строб Тэлботт.

Формирование концепции «стратегического терпения» прошло путь от теории «стратегического партнерства» до появления концепта «стратегии вовлечения и расширения», которые были нацелены на сохранение глобальной гегемонии США через максимальное вовлечение слаборазвитых и «переходных» стран в процесс всемирной торговли, что, в свою очередь, создавало возможности для проникновения американского бизнеса, технологий, финансов. В соответствии с этими доктринами «стратегического партнерства» и «стратегии вовлечения и расширения» разрабатывалось приоритетное направление по реализации программ помощи либерально-демократическим преобразованиям в РФ.

Кризис внедрения концепции «стратегического партнерства» произошел вследствие изменений конца 1990-х годов и привел к оформлению доктрины «стратегического терпения», ставшей базовым подходом США и определившей отношение ко всем происходящим процессам в исторической России¹¹⁴.

Интеграция, заявленная Тэлботтом, как ключ к пониманию российской стратегии, должна была быть направлена на вовлечение России в демократическое сообщество и соблюдение общепринятых международных

---

¹¹³ Бжезинский, Збигнев. Великая шахматная доска: господство Америки и его геостратегические императивы : [перевод с английского] / Збигнев Бжезинский. — Москва: Издательство АСТ, 2016. — 702, [2] с. — (Политика).

¹¹⁴ Костина Е.В. Строб Тэлботт и его роль в формировании российского курса администрации Б. Клинтона / Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук Специальность 07.00.03 - Всеобщая история Саратов 2008. Режим доступа: https://textarchive.ru/c-2470086-pall.html_ldsqpg5uw59257772 (дата обращения: 07.02.2023).

правил. Для достижения этой цели Тэлботтом была предложена новая внешнеполитическая и цивилизационная формула — концепция «стратегического терпения»¹¹⁵.

Суть «стратегического терпения» США ко всем интеграционным и реинтеграционным процессам современности, происходящим на евразийском континенте и в пространстве России, представлена в высказываниях Тэлботта: «Если вы, россияне, обращаетесь к XIII веку, то вам следует уделять меньше внимания образу Александра Невского, побеждающего шведских рыцарей в Ледовом побоище, и больше — ганзейской идее новгородцев, то есть рассматривать Балтию не в качестве плацдарма для неприятельского вторжения в Россию, но как выход во внешний мир»; «Нам следует добиться того, чтобы наша политика по отношению к России содержала один необходимый элемент: запас стратегического терпения. Речь идет о политике, целью которой является не просто урегулирование проблемы, возникшей в связи с кризисом минуты или недели, или даже сезона, — речь идет о политике следующего столетия»¹¹⁶. С. Тэлботт подходил к процессам в исторической России как к долгосрочной перспективе и поиску правильного ответа, как нам понять Россию и успешно с ней взаимодействовать?¹¹⁷.

Концепцией «стратегического терпения» Госдепартамент, по сути, декларировал, что отныне внешнеполитический курс Соединенных Штатов в отношении России переходит из области «политики момента» к «политике будущего столетия»¹¹⁸. Таким образом, за достаточно короткий срок — пять лет — базовый подход американской администрации, определявший российскую политику, три раза претерпевал изменения: из «стратегического партнерства»

¹¹⁵ Deputy Secretary Talbott. The End of the Beginning: The Emergence of New Russia // U.S. Department of State Dispatch. August/September, 1997. P. 26.

¹¹⁶ Струуб Тэлботт. Холодная война началась с Ледового побоища. Журнал «Коммерсантъ Власть» №37 от 14.10.1997, стр. 28 Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/13834?ysclid=ldsqqg5uwh592577721> (дата обращения: 07.02.2023).

¹¹⁷ Там же.

¹¹⁸ Deputy Secretary Talbott. The End of the Beginning: The Emergence of New Russia // U.S. Department of State Dispatch. August/September, 1997. P. 26.

образца 1993 года он превратился в «прагматическое партнерство» в 1994 году и, наконец, трансформировался в «стратегическое терпение» в 1997 году.

В рамках концепции «стратегического терпения» обосновывается, что возникающие в зонах замороженных и гибридных конфликтов квазигосударства не смогут наладить условия для жизни людей, что усилит недовольство коррумпированным режимом и стремление к восстановлению статус-кво. При этом базовое или сверх-государство должно работать по таким направлениям:

— безопасность (укрепление оборонного потенциала, усиление внутренней безопасности, борьба с террористической угрозой, наращивание возможностей по предотвращению конфликтов, противодействие распространению и применению оружия массового уничтожения, борьба с климатическими изменениями, обеспечение доступа к общим пространствам);

— благосостояние (нормализация экономики страны/территории, укрепление энергетической безопасности, формирование мирового экономического порядка, снижение уровня бедности);

— ценности (интериоризация ценностей, содействие равенству, поддержка формирующейся демократии, гражданского общества и молодых лидеров);

— международный порядок (осуществление перебалансировки в международных, экономических, политических, социокультурных, информационных отношениях).

Подход С. Тэлботта считался практически незаменимым в новых современных условиях, он позволял не достигать уровня создания нового врага из России, при этом Россия не становилась враждебной и «потерянной» для западного мира, что давало возможность контролировать процессы на ее исторических землях.

Почему автор решила обратиться к такому подробному описанию американской концепции «стратегического терпения»? Во-первых, потому, что стратегия позволяет фактически управлять дез-, ре- и интеграционными процессами в пространстве большой России, при этом они остаются во внешнем управленческом контуре. Во-вторых, концепция внедряет «мягкие механизмы» на

исторических частях большой России, предполагающие, прежде всего, трансляцию ценностей и смыслов, которые сторонники концепции называют «своими», посредством экономических, медийных проектов, культурных и образовательных программ.

Но есть еще один фактор, который привел к отказу от использования этой концепции ее авторами¹¹⁹. Это – наличие многолетних традиций, совместного существования и сотрудничества в различных правовых формах и форматах, общей территории и земель, общих социальных ресурсов и, наконец, России как державы с неоимперскими традициями.

Здесь немаловажным является еще и то, что, несмотря на геополитичность подхода «стратегического терпения», онтологическая основа термина «терпение» находится в социальной плоскости. Категория уходит корнями в область социальной психологии и социального маркетинга, которые рассматривают терпение как инструмент в наборе для строительства сообществ посредством формирования реалистичных ожиданий (какие ценности сообщество может создать в конечном итоге? каковы реалистичные временные рамки этого процесса? когда сообщество сможет управляться самостоятельно?). Подход социального маркетинга позволяет найти баланс между краткосрочными и долгосрочными проектами, что содействует достижению как быстрых результатов (например, создание ценностей посредством сотрудничества), так и инвестированию в долгосрочные проекты (углубление отношений между членами, усиление доверия)¹²⁰.

По нашему мнению, именно социальность категории «терпение» не позволила концепции «стратегического терпения» реализоваться в полной мере в политическом аспекте¹²¹, а стратегия США на постсоветском пространстве все

---

¹¹⁹ Стратегическому терпению России и НАТО пришел конец 27 сентября 2022. Режим доступа: <https://inosmi.ru/20220927/nato-256351112.html> (дата обращения: 07.02.2023).

¹²⁰ Фабиан Пфортмюллер Роль стратегического терпения в построении значимых сообществ Янв 24, 2019. Режим доступа: <https://medium.com/together-institute/the-role-of-strategic-patience-in-building-meaningful-communities-4a44c3b61176> (дата обращения: 07.02.2023).

¹²¹ Джеймс Гудбии, Дональд Гросс Стратегическое терпение стало стратегической пассивностью 22 декабря 2010 г. Режим доступа: <https://www.brookings.edu/articles/strategic-patience-has-become-strategic-passivity/> (дата обращения: 07.02.2023).

чаще признается нежизнеспособной¹²². Ситуация, когда США лишаются влияния на реинтегрированных территориях или регионах со сложной интегративной повесткой, становится элементом общего политического курса американских социальных инженеров в отношении России.

Среди факторов интеграции Республики Крым и Севастополя в российское общество является то, что они не относились ментально к тому государству, частью которого юридически являлись до интеграционных событий, а были связаны с большой Россией социально-смысловыми связями. Таким образом, сторонники доктрины «стратегического терпения» признали, что юридические и правовые механизмы оказались слабы перед цивилизационными и символическими — ценностно-смысловым полем, общей исторической памятью и судьбой, опытом совместного проживания и наличием общей земли, доверием и сотрудничеством, сформированной коллективной идентичностью.

Второй особенностью несостоятельности описываемой концепции стало историческое стремление к материнскому – базовому – государству – Большой России, которая уважительно относится к жителям реинтегрированных территорий, в том числе к этническим сообществам, что обуславливает значимость межнационального согласия в российском социуме.

На смену концепции «стратегического терпения» пришла теория договаривающихся государств А. Кули и Х. Спрюйта¹²³, которые разработали весьма оригинальный, междисциплинарный подход к анализу процессов интеграции и дезинтеграции. Исследователи раскрывают важность его применения в процессе «деколонизации» территорий, когда-то принадлежавших Европе и Советскому Союзу.

Согласно данной концепции, современные национальные государства все чаще заключают соглашения, которые предполагают разделение или отказ от

¹²² Эрик Ливни, Том Коуп Стратегическое нетерпение 23 октября 2014 Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2014/10/23/strategicheskoe-neterpenie?ysclid=lacraikglh882269662> (дата обращения: 07.02.2023).

¹²³ Cooley Alexander, Spruyt Hendrik Contracting States: Sovereign Transfers in International Relations Paperback – May 10, 2009 // Publisher : Princeton University Press; 0 edition (May 10, 2009) 280 pages ISBN-10 : 0691137242 ISBN-13 : 978-0691137247 Режим доступа: <https://press.princeton.edu/books/paperback/9780691137247/contracting-states> (дата обращения: 07.02.2023).

части их суверенных полномочий. Таким образом, договаривающиеся государства используют так называемые «неполные контракты» — соглашения, которые изначально неоднозначны и подлежат пересмотру в будущем. Теория позволяет объяснить, как государства разделяют и передают свою суверенную территорию, и продемонстрировать, почему некоторые из этих соглашений предлагают стабильные и долгосрочные решения, в то время как другие в конечном итоге рушатся. Безусловно, территориальный суверенитет остается критическим социальным институтом. Но суверенитет редко бывает абсолютным, а в современном мире формируются различные формы гибридных суверенных отношений.

В связи с изложенным концепция преследует две ключевые цели: во-первых, описывает возникшие гибридные структуры суверенного управления; во-вторых, анализирует выбор, сделанный в определенный исторический момент. Теории неполного заключения контрактов и договаривающихся государств, в свою очередь, по мнению ее авторов, описывают разнообразные структуры управления и могут использоваться при описании имперских и постколониальных отношений, региональной интеграции и реинтеграции. Во-первых, незавершенные контракты определяют общие принципы и цели, к которым могут стремиться государства. Во-вторых, пересмотр контрактов рассматривается как институциональная проверка будущей интеграции. Незавершенные контракты между государствами, становясь рамочными соглашениями, не полностью распределяющими суверенитет, являются предметом постоянных переговоров между договаривающимися сторонами с участием третьей стороны по типу наднациональной организации.

Гибкость суверенитета позволяет формировать его смешанные формы и гибридные механизмы управления. Это, в свою очередь, оказывает влияние на динамику негосударственных форм управления, таких как наднациональность и империя, трансформация идентичностей.

Имея достаточно спорные постулаты, данная теория позволяет понять способы объединения и разъединения государств и территорий и предлагает

новые неконфликтные институциональные решения интеграционных и реинтеграционных проблем. Например, оспариваемые территориальные активы, территории, границы и функции могут быть разделены и/или совместно использоваться и/или перераспределяться взаимовыгодным образом. Таким образом, гибкость суверенитета и частичных суверенных соглашений может способствовать укреплению социального порядка, стабильности и упорядоченности в обществах¹²⁴.

Представленный анализ концепций различной степени консолидаций XXI века, в отличие от теорий интеграции прошлого столетия (с ориентацией на евроцентричность), отражает системные процессы, формирующие все социальное поле; цивилизационные изменения, имеющие как интегративную, так реинтегративную природу. В традициях мышления евроцентризма интеграция является важнейшим критерием прогресса, а, следовательно – и мирового порядка. Но в реальности имеют место процессы как интеграции, так и дезинтеграции. «Будет много беспорядка и много перемен в ближайшие десятилетия. Нужно создать мир, более пригодный для жизни»¹²⁵.

Необходимо отметить, что «чистых» теорий о ре- и интеграционных процессах ни в политологической, ни в социогуманитарной науке нет. Они заменены доктринами различного понимания трансформаций современных обществ – не сколько центральных консолидаций, сколько реинтеграций, имеющих характер возврата к чему-то ранее существовавшему и распавшемуся.

В связи с этим зачастую дезинтеграционные процессы связывают с процессами территориальной реинтеграции. Вместе с тем, в мире параллельно интеграционным процессам актуализируется феномен реинтеграции, который представляет собой действия того или иного государства по полной или частичной пересборке уже существовавших геополитических территориальных

---

¹²⁴ Cooley Alexander, Spruyt Hendrik *Contracting States: Sovereign Transfers in International Relations* Paperback – May 10, 2009 // Publisher : Princeton University Press; 0 edition (May 10, 2009) 280 pages ISBN-10 : 0691137242 ISBN-13 : 978-0691137247 Режим доступа: <https://press.princeton.edu/books/paperback/9780691137247/contracting-states> (дата обращения: 07.02.2023).

¹²⁵ Tilly Ch., Wallerstein I., Hobsbawm E., Bener a L., Aristide Z. *Global flows of labor and capital: scholarly controversy* // *International Labor and Working-class History*, 1995, vol. 47 (spring).

конструктов для достижения все тех же целей по формированию безопасного общественного пространства.

Вместе с тем, феномен реинтеграции крайне слабо изучен в современной гуманитарной науке и не имеет общепринятых подходов к его анализу и трактовке. Отметим, что данное понятие, в первую очередь, рассматривается политологами и социологами в рамках проблемного поля социализации и ресоциализации населения, например, бывших заключенных, ветеранов боевых действий, жертв определенных правонарушений, возвращенных мигрантов и т.д.^{126 127 128}. Однако повторимся, что в политической и социальной плоскостях, с учетом современных геополитических преобразований, текущих веяний глобального и регионального развития, вопросов формирования новых комплексов безопасности понятие «реинтеграция» остается практически не исследованным.

Один из подходов к исследованию проблем реинтеграции можно условно определить как цивилизационный. Данный принцип стал особенно популярным после появления в современной политической науке концепта «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона, который отмечал, что в настоящее время происходит рост цивилизационного сознания, укрепляющего связи между некоторыми государствами со схожими цивилизационными характеристиками¹²⁹. С. Хантингтон обосновал тезис о том, что культурная и религиозная идентичность людей станет основным источником конфликтов и что будущие войны будут вестись не между странами, а между культурами. Он предложил ряд объяснений того, почему цивилизации столкнутся:

---

¹²⁶ Maruna, S., Immarigeon, R., & LeBel, T. P. (2013). Ex-offender reintegration: Theory and practice. In *After crime and punishment* (pp. 21-44).

¹²⁷ Willan.; Kuschminder, K. (2017). Reintegration strategies. In *Reintegration Strategies* (pp. 29-56). Режим доступа: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-319-55741-0_2 (дата обращения: 07.02.2023).

¹²⁸ Shinkfield A. J., Graffam J. (2009) Community Reintegration of Ex-Prisoners Type and degree of change in variables influencing successful reintegration. *International Journal of Offender Therapy and comparative criminology*, 53(1), 29-42 Режим доступа: doi 10.1177/0306624X07309757 (дата обращения: 07.02.2023).

¹²⁹ Huntington, S.P. (2000). *The Clash of Civilizations?.* In: Crothers, L., Lockhart, C. (eds) *Culture and Politics*. Palgrave Macmillan, New York. Режим доступа: doi 10.1007/978-1-349-62397-6_6 (дата обращения: 07.02.2023).

1. Различия между цивилизациями слишком фундаментальны, поскольку цивилизации отличаются друг от друга историей, языком, культурой, традициями и религией.

2. Мир становится все меньше. В результате взаимодействия по всему миру усиливаются, что формирует «цивилизационное сознание» и осознаются различия между цивилизациями и общностями внутри цивилизаций.

3. Из-за экономической модернизации и социальных изменений люди отделены от местной идентичности, создается основа для идентичности, которая выходит за рамки национальных границ и объединяет цивилизации.

4. Росту цивилизационного сознания способствует двойная роль Запада. Запад на пике своего могущества противостоит незападным странам, у которых все больше желания, воли и ресурсов формировать мир западным путем.

5. Культурные особенности и различия менее изменчивы и, следовательно, менее легко поддаются влиянию, чем политические и экономические.

6. Экономический регионализм усиливается, что укрепляет цивилизационное сознание. Экономический регионализм может быть успешным только тогда, когда он опирается на общую цивилизацию¹³⁰.

Те страны, которые Хантингтон называет «расколотыми», по нашему мнению, и будут тяготеть к своим историческим и социокультурным цивилизационным основам. Кроме того, столкнувшись с другими цивилизациями, расколотые страны вернутся в лоно материнской – базовой цивилизации.

Ученый считает, что внутренне расколотые страны — относительно однородные в культурном отношении, но не имеющие согласия, к какой цивилизации они принадлежат, потому и могут быть подвержены дезинтеграции. Их правительства, как правило, хотят «вскочить на подножку поезда» и примкнуть к Западу, но история, культура и традиции этих стран ничего общего с Западом не имеют. Именно такая ситуация способствует созданию реинтеграционных процессов, связанных с возвратом к «своей» цивилизации.

---

¹³⁰ Хантингтон, Сэмюэл Филлипс (1927). Столкновение цивилизаций / Самюэль Хантингтон ; [Пер. с англ. Ю. Новикова]. - Москва ; СПб. : АСТ, 2003 (Тип. изд-ва Самар. Дом печати). - 603, [2] с. : ил., табл.; 20 см. - (Philosophy).; ISBN 5-17-007923-0 (в пер.).

Теория «центра - периферии» И. Валлерстайна реинтеграционные процессы представляет в зоне периферии как конфронтационной площадки между различными странами, альянсами и цивилизациями, что и выступает фактором реинтеграции. Такой периферией выступает используемое геополитическое понятие «ближнего зарубежья». Валлерстайн понимает под ним пространство, в котором Россия имеет геостратегическое право на защиту своих исключительных интересов.

Используя акторно-сетевую теорию (ANT)^{131 132}, автором рассматривается идея пересборки социального в общественном пространстве¹³³. Обращение к акторно-сетевой теории позволило определить, как трансформируются социальное поле и пространство, как интеграционные процессы под влиянием нечеловеческих акторов в них распространяются. Новые форматы социальных взаимодействий меняют социальность, при этом человек перестает производить символы массового сознания, а оказывается под влиянием манипуляций смыслов в коммуникативных сетях. Содержание смыслов меняется, они начинают рассматриваться как событийные связи между реальностью и ее репрезентациями¹³⁴. Таким образом, концепция ANT предполагает понимание новой концепции смыслов, которыми наполняются ре- и интеграционные процессы.

Проанализировав создание и развитие концепций интеграции и теорий, объясняющих реинтеграционные события в мире, можно отметить несколько моментов:

1. Во-первых, они отражали требования тех исторических этапов, когда формировались. В период необходимости объединения европейских стран после Второй мировой войны в теориях интеграции преобладали региональная и

¹³¹ Луман, Никлас (1927-1998). Социальные системы. Очерк общей теории / Никлас Луман ; под ред. Н. А. Головина ; пер. с нем. И. Д. Газиева. - Санкт-Петербург: Наука, 2007. - 641, [2] с., [1] л. портр.; 22 см. - (Классика социологии (КС)); ISBN 978-5-02-026871-5 (В пер.), S. 362.

¹³² Luhmann N. Anspruchsinflation im Krankheitssystem. Eine Stellungnahme aus gesellschaftstheoretischer Sicht // Die Anspruchsspirale / Hrsg. von Ph. Herder-Dorneich, A Schuller. Stuttgart: Kohlhammer, 1983.

¹³³ Ярмак О.В., Большакова М.Г., Маранчак А.Г., Савина З.С. Акторно-сетевые конструкции коллективной исторической памяти // LOGOS ET PRAXIS, Том 21, № 2. 2022, с. 73-80 ISSN: 2587-9715 Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49586259> (дата обращения: 07.02.2023).

¹³⁴ Там же.

экономическая составляющие. В 1970-х годах в интеграционных концепциях преобладали мотивы объяснения функционального аспекта экономических консорциумов. Ближе к концу XX века возникли доктрины, описывающие роль коммуникаций в политических и региональных союзах.

2. Анализ эволюции теорий региональной интеграции позволяет выделить следующие повторяющиеся концептуальные положения:

— принцип наднациональности, отказ государств от некоторого объема суверенитета и передача его на наднациональный уровень;

— достаточно четкие этапы развития с определенным результатом (например, созданием единого сообщества);

— ориентация на европейскую интеграцию как модель¹³⁵.

3. Формирование концепций интеграции происходило параллельно – в Европе и России. Российская идея евразийства, фактически сформированная вне России русскими мыслителями в эмиграции, была востребована как в советский период, так и в современной России. Популярность евразийской идеи в настоящее время обусловлено видением России как цивилизации и особого целостного культурного мира. В связи с этим евразийская идея — это, прежде всего, идея цивилизационная, которая сформировалась во времени как комплекс междисциплинарных концепций, описывающих Евразию в границах Российской империи, СССР, СНГ, современной Российской Федерации в виде исторически сложившего единого социального пространства с синтезом народов, традициями государственности и культуры.

4. Классические концепции интеграции к началу XXI века потеряли актуальность и были сформулированы новые подходы, отражающие геополитическую и международную повестку: с одной стороны, отражающие противостояние СССР и США в период холодной войны, с другой стороны, описывающие ситуации передачи и разделения суверенитетов и территорий в современный период формирования многополярного мирового порядка.

---

¹³⁵ Никитина Ю.А. От интеграции к регионализму: эволюция теорий регионального межгосударственного сотрудничества // Вестник МГИМО. 2010. №6. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-integratsii-k-regionalizmu-evolyutsiya-teoriy-regionalnogo-mezhgosudarstvennogo-sotrudnichestva> (дата обращения: 07.02.2023).

5. Если классические теории интеграции не имели социологической нагрузки (не брали во внимание социальные факторы интеграционных обществ), то концепции конца XX - начала XXI века можно назвать скорее социально-инженерными, нежели политологическими или экономическими. Что говорит о значимости социальных факторов как на входе процессов современных реинтеграций, так и в ходе возвращения сообществ к своим цивилизационным основам.

6. Феномен реинтеграции в настоящее время направлен на описание процесса пересборки государственных, экономических, политических, социальных образований с учетом новой международной ситуации. Слабая теоретическая разработанность категории «реинтеграция» позволяет говорить о том, что она представляет собой сочетание глобализационных процессов, интеграционных тенденций и регионализации.

7. Актуализация феномена реинтеграции и рост спроса на него объясняется текущим состоянием нарушения социальных порядков, когда американоцентричная модель миропорядка противопоставляется тенденциям оформления многополярной системы международных отношений. Эрозия гегемонии Запада и обоснованное стремление ряда государств на демпфирование катастрофических последствий геополитических преобразований конца XX — начала XXI веков порождают реинтеграционный тренд.

§ 1.2. Категориальные основания понятий

«интеграция» и «реинтеграция»:

теоретические подходы и понимание в современной социологии

Термин «интеграция» происходит от двух латинских слов «*integratio*» – восполнение и «*integer*» – целый. Общее определение интеграции формулируется как сближение, слияние, объединение частей, образующих единое целое, но при

сохранении их идентичности. Категория «реинтеграция» происходит от латинских слов «re» — обновление, повторение и «integratio» — восстановление, восполнение, соединение и означает процесс объединения ранее распавшегося.

Исходя из этих определений, на первый взгляд, создаётся впечатление, что речь идет о разных процессах. Однако, с нашей точки зрения, интеграцию и реинтеграцию можно рассматривать как связанные этапы чего-то одного, или последовательные периоды какого-то единого большого исторического, геополитического и социального процесса.

Для того, чтобы понять сущность реинтеграции, будут в начале описаны категориальные основания интеграционных практик. Определение понятия интеграции было предложено основателем структурного функционализма Т. Парсоном, который включил в него два компонента: внутреннюю совместимость элементов и поддержание специфических условий, при которых интеграционная система как бы отделяется от другой, внешней по отношению к ней.

В классических концепциях интеграции ее основные предпосылки – это:

1. Сходство уровней экономического развития интегрирующихся стран.
2. Территориальная близость интегрирующихся стран, наличие общих границ, признание территориальной целостности.
3. Демонстрационный эффект: в интегрирующихся странах происходит ускорение темпов экономического роста, что оказывает стимулирующее воздействие для активизации интеграционных процессов.

4. Политический фактор: интеграция приводит к передаче отдельных полномочий наднациональным органам.

Определения интеграции, существующие в современных общественных науках, были сформированы скорее в экономической и политологической парадигмах. Первые формулировки интеграции характерны для описания экономических консолидаций, с которых начинались объединительные процессы в Европе. Голландский экономист В. Молле трактует экономическую интеграцию как «постепенное устранение экономических барьеров между независимыми

государствами, в результате чего хозяйства этих стран начинают функционировать как единое целое. Экономическая интеграция не является целью сама по себе, а служит более высоким целям, как экономического, так и политического порядка»¹³⁶. Высшей стадией интеграции Молле считает «полный союз», когда происходит комплексное объединение стран, в результате чего они становятся федерацией или конфедерацией¹³⁷.

Социальная составляющая в категории «интеграции» появляется в рамках функционального подхода, который рассматривает ее через удовлетворение потребностей социальных групп. В рамках данной концепции интеграция определяется как процесс формирования некоего нового полезного для членов сообщества.

Связи между социальными группами и людьми в интеграционном объединении описываются в теориях коммуникации, рассматривающих интеграцию как сплоченное и безопасное сообщество, исповедующее общие ценности и формирующее совместную идентичность. Таким образом, социальные характеристики интеграционных процессов рассматриваются через анализ построения совместной идентичности – некой «шапки» над идентичностями сообществ, вступающих в интеграционный процесс. Вторым качеством социального аспекта интеграции является формирование безопасного пространства. Американский социолог и политолог К. Дойч видит интеграцию через создание сообществ безопасности (*security communities*) и зон мира (*zones of peace*), а немецкий политолог Э. Хаас определяет интеграцию как «добровольное создание более крупных политических союзов, предполагающее сознательный самоход (*self conscious eschewal*) от вопросов власти в отношениях участвующих институтов»^{138 139}.

---

¹³⁶ Molle W. 2001. *The Economics of European Integration. Theory, Practice, Policy*. Aldershot, Ashgate Molle 2001: 4, 18.

¹³⁷ Там же.

¹³⁸ Haas, E. B. (1971) «The Study of Regional Integration: Reflections on the Joy and Anguish of Pretheorizing», in L.N. Lindberg and S.A. Scheingold (eds), *European Integration: Theory and Research* (Cambridge, MA: Harvard University Press). P. 4.

¹³⁹ Haas, Ernst B. *The uniting of Europe: political, social and economic forces, 1950-1957* / Ernst B. Haas; foreword by Desmond Dinan ; new introduction by Ernst B. Haas. 641 p. (Contemporary European politics and society) Originally

Фактор безопасности в интеграционных процессах получил новое веяние после Второй мировой войны с установлением Ялтинского мира и утратой Западной Европой ее прежней роли мирового лидера. Новое понимание интеграции как целостности группы акторов, действующих воедино, раскрывается через показатели развития интеграции, оценки интенсивности внутрирегиональных обменов, скорости распространения наднациональных способов принятия решений, степени общественной поддержки интеграции¹⁴⁰.

В отечественной литературе сложились несколько иные подходы к определению сущности интеграции. Одни авторы рассматривают ее как преимущественно экономический феномен (Ю.В. Шишков, М.В. Сенин, Е.А. Шibaева, К.А. Семёнов), другие подходят к ней как к комплексному явлению (Е.Т. Усенко, В.Г. Барановский, А.Н. Глинкин, Ю.А. Матвеевский). Так, Ю.В. Шишков сделал вывод, что «грань, отделяющая интеграцию от более низких стадий интернационализации хозяйственной жизни..., проходит там, где производственно-техническая, экономическая и политико-правовая взаимозависимость национальных хозяйств переходит во взаимопроникновение и переплетение национальных процессов общественного производства»¹⁴¹. Объектом интеграционного процесса в отечественной традиции является человеческое общество, а человек в нем как «первичная «клеточка», когда «человек участвует в процессе интеграции не изолированно, а в составе более или менее крупных социальных групп ... Поэтому процесс интеграции людей осуществляется как интеграция определённых социальных образований, которые выступают как ... непосредственные субъекты и объекты интеграционного процесса»¹⁴².

---

published : Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1958. Режим доступа: <https://www.europarl.europa.eu/100books/file/EN-H-BW-0038-The-uniting-of-Europe.pdf> (дата обращения: 07.02.2023).

¹⁴⁰ Буторина О.В. Понятие региональной интеграции: новые подходы // Космополис, 2005 осень. - № 3 (13). С.136-145 Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25041949&ysclid=la86bx0yx7205064951> (дата обращения: 07.02.2023).

¹⁴¹ Шишков, Юрий Витальевич. Формирование интеграционного комплекса в Западной Европе: тенденции и противоречия [Текст]. - Москва : Наука, 1979. - 343 с. : граф.; 21 см., с. 13-14.

¹⁴² Усенко Е.Т. Правовые формы организации совместных производств стран - членов СЭВ. М., 1985., с. 11.

Российский ученый В.Г. Барановский интеграцию определяет, как «состояние связанности отдельных дифференцированных частей в целое, а также процесс, ведущий к такому состоянию». «Политическая интеграция между государствами есть формирование некоторого целостного комплекса на уровне их политических систем — точно так же, как экономическая интеграция есть процесс, осуществляющийся на уровне экономических систем нескольких государств»¹⁴³. Он выделяет три критерия интеграции:

- 1) выделение, обособление связей и отношений, существующих между государствами;
- 2) управление в интеграционных процессах, целенаправленные действия по интеграции;
- 3) соотношение целого и частного в интеграционном комплексе¹⁴⁴.

Современное видение интеграции общества является ключевым социологическим вопросом, который сформулирован, в частности, в работах немецкого социолога В. Хайтмейера «Что разъединяет общество?» и «Что скрепляет общество?»^{145 146}. Немецкий социолог У. Шиманк считает, что социологическая теория общества занимается интеграционной проблематикой, но все же ей не хватает четкой концепции интеграции общества. У. Шиманк описывает интеграцию так: «она становится заметной лишь там, где она исчезает, т.е. когда внезапно или в результате сначала незаметного процесса наступает либо дезинтеграция, либо сверхинтеграция»¹⁴⁷. То есть процессу интеграции общества может противодействовать сама интеграция: если интеграции недостаточно, то она исходит «снизу» общества; если ее много, то это сверхинтеграция, действующая «сверху»¹⁴⁸.

¹⁴³ Побединский И. М. Концептуальные основы интеграционных процессов // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2008. №86. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnye-osnovy-integratsionnyh-protsessov> (дата обращения: 07.02.2023).

¹⁴⁴ Там же.

¹⁴⁵ Was treibt die Gesellschaft auseinander? / Hrsg. von W. Heitmeyer. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1997.

¹⁴⁶ Was halt die Gesellschaft zusammen? / Hrsg. von W. Heitmeyer. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1997.

¹⁴⁷ Шиманк У. Социологический диагноз последних двадцати лет: тезисы об интеграции современного общества // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Том IV. № 2. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17325262&ysclid=ldt2u9xmcw499668671> (дата обращения: 07.02.2023).

¹⁴⁸ Там же.

То есть Шиманк, рассуждая об общественной интеграции, пытается понять, что сегодня хуже или лучше. Обсуждая оптимальный путь интеграции, ученый говорит о разделении социальной и системной интеграции. Социальная интеграция раскрывается через трансформацию общественных порядков. С одной стороны, «необузданные индивиды не могут погубить общественный порядок, с другой, слишком ограничительный общественный порядок также не должен общественно дисфункциональным образом подавлять креативность личностей»¹⁴⁹. Системная интеграция ориентирована на интеграцию друг с другом дифференцированных подсистем, которые образуют современное общество.

Д. Локвуд был первым, кто разграничил понятия социальной и системной интеграции и их концептуализировал. «Социальная» интеграция относится к уровню *agency*, а «системная» — к уровню *structure*. Он пришел к выводу, что стабильность в обществе базируется на «подвижной» интеграции, на некой сбалансированности между *agency* и *structure*¹⁵⁰. То есть, если существует проблемы на уровне структур, то сами взаимоотношения между акторами могут быть фактором стабильности общества и наоборот. Акторами, в свою очередь, могут быть социальные группы и отдельные индивиды.

Э. Гидденс также анализировал проблему социальной и системной интеграции. По его мнению, дифференциация между социальной и системной интеграцией состоит в том, что «социальная интеграция означает системность на уровне непосредственного межличностного взаимодействия», в то время как системная — определяет взаимосвязь между «акторами и коллективами в рамках различного пространства и времени». То есть взаимоотношения между социальным и системным уровнем интеграции сбалансированы в том смысле, что процесс структуризации вовлекает активность актора, без которого структура не существует. Таким образом, системная интеграция — это то же самое, что и

¹⁴⁹ Шиманк У. Социологический диагноз последних двадцати лет: тезисы об интеграции современного общества // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Том IV. № 2 Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17325262&ysclid=ldt2u9xmcw499668671> (дата обращения: 07.02.2023).

¹⁵⁰ Lockwood D. Soziale Integration und Systemintegration (1964) // Theorien des sozialen Wandels / Hrsg. von W. Zapf. Köln; Berlin: Kiepenheuer & Witsch, 1969.

социальная, только в отложенном времени и раздвинутом пространстве. Если исходить из трактовки Гидденса, современные средства коммуникации уже стерли разницу между социальным и системным уровнем интеграции.

Кроме социальной и системной интеграций, акцентируется внимание на экологической или инвайронментальной интеграции современного общества, которая в конце XX века приобрела такое же значение, как социальная и системная¹⁵¹. Инвайронментальная интеграция зависит от того, насколько общество движется в установленных природой границах по безопасному пути (потребление энергии, воды и иных ресурсов, включая допуск или нарушение допуска к ним).

Таким образом, можно говорить, как минимум о трех измерениях общественной интеграции – социальном, системном и экологическом.

Итак, системная интеграция. В ракурсе системной интеграции общества рассматриваются так, что им не угрожают кризисы и трансформации. Понимание системной интеграции есть у К. Маркса (экономика как процесс, как базис и нарушитель системной интеграции общества), К. Поланьи (экономическая система как среда кризиса общественного порядка), М. Вебера (современное общество находится в системной интеграции)^{152 153 154 155 156}.

Процессы системной интеграции институционализировались в течение XIX и XX столетий посредством политического управления, когда системно-интегративные проблемы были объектом политики. О формате, когда системно-интегративные проблемы регулируются на раннем этапе до их политизации, говорил Т. Парсонс в своей концепции «двойных обменов» и Н. Луман, описывая

¹⁵¹ Reese-Schäfer W. Zeitdiagnose als wissenschaftliche Aufgabe // Berliner Journal für Soziologie. 1996. Jg. 6., S. 381.

¹⁵² Маркс, К. Капитал. Критика полит. экономии / К. Маркс; перевод, предисл. Ф. Энгельса. – Т. 1. – М.: Политиздат, 1973. – Т. 1. Кн. 1. Процесс производства капитала. – VIII, 907 с., 1 л. портр. – Указатели имен, цитируемой и упоминаемой лит. рус. пер. цитируемых книг, предм. указ.: с. 813-900.

¹⁵³ Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии (перевод). – М.: Политиздат, 1988. – Т.2. Кн. 2: Процесс обращения Капитала / изд. под ред. и с предисл. Ф. Энгельса, 1988. – 654 с. – Библиогр. с. 597 – 603. Указ имен: с. 604 – 609. Предм. Указ.: с. 610-650.

¹⁵⁴ Маркс, К. Капитал: Критика полит. экономии: (Перевод). – М.: Политиздат, 1988. – Т. 3; Кн. 3: Процесс капиталистического производства, взятый в целом: ч. 2 / изд. под ред. Ф. Энгельса. – 1989. – с. 509 – 1078. – Указ. имен, предм.: с. 1021-1076.

¹⁵⁵ Вебер М. Избранные произведения: Пер. с нем./Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; Предисл. П. П. Гайдено. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.– (Социологич. мысль Запада). С. 707-735.

¹⁵⁶ Polanyi K. The Great Transformation. (1944). Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1978.

«структурные связи». Н. Луман утверждал, что современное общество движется в направлении сверхинтеграции, что приводит к дезинтеграции связей между общественными подсистемами¹⁵⁷. В качестве примера Луман приводит сверхинтеграцию подсистем в странах Восточной Европы.

Обращаясь к имеющимся классическим социологическим теориям интеграции, можно говорить об их применимости. Однако сегодня становится очевидным, что современное общество породило новые системно-интегративные проблемы, а в рамках современной социологической практики системная интеграция общества по большей части не рассматривается.

Инвайронментальная интеграция. В начале 1970-х годов Ю. Хабермас упомянул об экологическом потенциале кризисов «позднекапиталистических» обществ¹⁵⁸. В современном обществе актуализировался инвайронментальный характер интеграции в связи с распространением экологических проблем. Идет речь об обеспечении энергией и производстве продуктов питания, об отравлении окружающей среды и изменениях климата. Именно такой формат интеграции описан в концепции «общества риска» У. Бека¹⁵⁹. Для У. Бека современное общество в экологическом аспекте — это «общество риска», когда экономические, научные и политические силы взаимодействуют в «организованной безответственности»¹⁶⁰.

К проблеме инвайронметальной интеграции подошел Б. Латур, который полагал, что современное общество подвержено фундаментальному самообману, сначала оно долго и успешно наращивало научно-технические инновации, а затем — создавало экологические проблемы¹⁶¹.

Таким образом, в обществе на уровне инвайронметальной интеграции находятся дезинтеграционные процессы. То есть экологическое измерение интеграции означает, что современное общество зависит от требований природы

¹⁵⁷ Luhmann N. Die Gesellschaft der Gesellschaft. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1997, S. 617-618.

¹⁵⁸ Habermas J. Legitimationsprozesse im Spätkapitalismus. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1973., S. 61-63.

¹⁵⁹ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. — М.: Прогресс-Традиция, 2000.

¹⁶⁰ Там же, с. 38.

¹⁶¹ Latour B. Wir sind nie modern gewesen: Versuch einer symmetrischen Anthropologie. Berlin, 1995: Akademie-Verlag, 1991.

и, соответственно, от ресурсных ограничений, создаваемых естественным или искусственным путем.

В определяемой нами исследовательской проблеме инвайронметальная интеграция должна рассматриваться не только в формате страхов от накопленных экологических проблем, но и с точки зрения искусственно создаваемых ситуаций ограниченности или нехватки природных ресурсов. Именно такие ситуации формируют новые риски инвайронметальной интеграции в формате реинтеграционных практик.

Социальная интеграция — это измерение интеграции, которое всегда привлекало внимание социологов — от классических до современных концептов. Описание социально-интегративных проблем позволяет, во-первых, различить степени интеграционных процессов — дез- и сверхинтеграцию, во-вторых, описать суть новых реинтеграционных процессов.

Тенденции дезинтеграции изучались Н. Луманом, который считал, что из действия социально-интегративного механизма в перспективе может возникнуть системно-интегративная проблема в форме «инфляции притязаний»¹⁶² ¹⁶³. Индивидуализм притязаний, таким образом, создает «общество множественного выбора».

П. Гросс в своей концепции «общества множественного выбора» рассматривает индивидуальные притязания в виде экономически опосредованных потребностей. Таким образом, классическая социология объясняет дезинтегративные тенденции как коллективный продукт и как форму конфликтов, приводящих к социальному неравенству. Именно этой тематике посвящает свое внимание Р. Дарендорф, который описывает происходящее неравенство из-за

---

¹⁶² Луман, Никлас (1927-1998). Социальные системы. Очерк общей теории / Никлас Луман ; под ред. Н. А. Головина ; пер. с нем. И. Д. Газиева. - Санкт-Петербург: Наука, 2007. - 641, [2] с., [1] л. портр.; 22 см. - (Классика социологии (КС)); ISBN 978-5-02-026871-5 (В пер.), S. 362.

¹⁶³ Luhmann N. Anspruchsinflation im Krankheitssystem. Eine Stellungnahme aus gesellschaftstheoretischer Sicht // Die Anspruchsspirale / Hrsg. von Ph. Herder-Dorneich, A Schuller. Stuttgart: Kohlhammer, 1983.

ограничений возможности выбора качества жизни, что воспринимается как несправедливость¹⁶⁴.

Об этом пишет П. Блау: «социальная интеграция преобладает в группе, если узы притяжения объединяют ее членов»¹⁶⁵. Он утверждает, что люди, заинтересованные стать интегрированными членами группы, находятся под давлением, чтобы произвести впечатление на других членов и стать привлекательными, но возникающая в результате конкуренция за популярность порождает защитную тактику, которая блокирует социальную интеграцию.

Таким образом, становится очевидным, что социальная интеграция общества осуществляется через поиск своей идентичности и включенность в культурные общности, имеющие религиозные, мировоззренческие, этнические и иные основания.

Цивилизационная интеграция. Описывая цивилизационные интегративные процессы, необходимо обратиться к концепции «столкновения цивилизаций» американского социолога С. Хантингтона о геополитическом будущем человечества, расколотого по границам западными и «незападными» цивилизациями.

Если посмотреть на созданную С. Хантингтоном карту мира, то становится очевидным, что конфликт проходит от бывшей Югославии и по всей восточной Европе до границ Украины и России. Южная граница русской цивилизации, по С. Хантингтону, проходит через Центральную Азию, разделяя, таким образом, Евразию и Евразийский Союз на конфликтные зоны¹⁶⁶.

Так, существует две глобальные стратегии развития мирового сообщества. Согласно С. Хантингтону, мировая цивилизация имеет триадную геополитическую иерархию и проходит такие этапы — от доиндустриального

¹⁶⁴ Дарендорф, Ральф. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы / Ральф Дарендорф ; Пер. с нем. Л.Ю. Пангиной. - М.: РОССПЭН, 2002 (ГУП ИПК Ульян. Дом печати). - 284, [2] с.; 20 см. - (Университетская библиотека. Политология). ISBN 5-8243-0370-3 (в пер.).

¹⁶⁵ Peter M. Blau A Theory of Social Integration // American Journal of Sociology Vol. 65, No. 6 (May, 1960), pp. 545-556 (12 pages) Published By: The University of Chicago Press Режим доступа: <https://www.jstor.org/stable/2773647> (дата обращения: 07.02.2023).

¹⁶⁶ Мишучков А.А. Цивилизационная перспектива евразийской интеграции // Вестник ОГУ. 2015. №9 (184). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsivilizatsionnaya-perspektiva-evraziyskoy-integratsii> (дата обращения: 07.02.2023).

(периферия мировой цивилизации) и индустриального (полупериферия) до постиндустриального (ядро)¹⁶⁷. Причем, именно на полупериферии, согласно И. Валлерстайну, разворачиваются цивилизационные войны¹⁶⁸. Политика глобализации способствует продвижению неокOLONиальных интересов «центра» (мир-системы) в полупериферию и периферию мировой цивилизации.

Фактически в диалоге «центра» и «полупериферии» участвуют две разные модели диалога: одна модель основана на гегемонии неолиберальных ценностей как общечеловеческих в идеологии глобализма западного альянса цивилизаций, а другая — на многополярном сотрудничестве неравновесных цивилизаций центра, полупериферии и периферии на основе традиционных исторических ценностей цивилизационных идентичностей¹⁶⁹.

Таким образом, С. Хантингтон считает, что социальная интеграция формируется на основе конфликтного цивилизационного потенциала. Культурные и цивилизационные конфликты могут, с одной стороны, обострять процессы интеграции, с другой стороны, способствовать возникновению реинтеграционной характеристики консолидаций через возвращение к цивилизационным основам.

Используя подход С. Хантингтона можно сказать, что цивилизационная миссия России становится значимой в фокусе евразийской интеграции, в основе которой лежит феномен идентичности, выражающейся как социокультурный коллективный тип, как форма культурно-исторического самосознания с такими характеристиками:

- чувство принадлежности к определенной макрообщности;
- наличие единых социокультурных кодов (наборов символов, ценностей и идейных установок), позволяющих объединять народы и страны;
- консолидация и солидарность в обществе.

¹⁶⁷ Хантингтон, Сэмюэл Филлипс (1927). Столкновение цивилизаций / Самюэль Хантингтон ; [Пер. с англ. Ю. Новикова]. - Москва ; СПб. : АСТ, 2003 (Тип. изд-ва Самар. Дом печати). - 603, [2] с. : ил., табл.; 20 см. - (Philosophy).; ISBN 5-17-007923-0 (в пер.).

¹⁶⁸ Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. Пер. с англ. П. М. Кудюкина. Под общей редакцией канд. полит. наук Б. Ю. Кагарлицкий — СПб.: Издательство «Университетская книга», 2001. — 416 с. ISBN 5-94483-042-5., с.127.

¹⁶⁹ Мишучков А.А. Цивилизационная перспектива евразийской интеграции // Вестник ОГУ. 2015. №9 (184). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsivilizatsionnaya-perspektiva-evraziyskoy-integratsii> (дата обращения: 07.02.2023).

В связи с этим считаем необходимым обратиться к теории культурно-исторических типов русского философа Н.Я. Данилевского, в которой предложена периодизация исторического процесса на базе культурно-исторических типов, представляющих собой самобытные цивилизации. Данилевский приводит анализ законов развития десяти культурно-исторических типов, указывая, что «славянское семейство народов образует самобытный культурно-исторический тип», и обстоятельно анализируя отличия славянских народов от германских по трем основаниям дифференциации: этнографические особенности, религиозность, историческое воспитание¹⁷⁰.

Анализируя культурно-исторические типы или цивилизации, Данилевский говорит об их:

— лингвистическом основании: народы составляют один культурно-исторический тип, если говорят на одном языке или на близких языках;

— политическом основании: народ должен иметь собственное государственное образование, без него невозможно развивать свою культуру, сохранить свои обычаи и традиции;

— цивилизационном основании: «начала цивилизации одного культурно-исторического типа не передаются народам другого типа. Каждый тип вырабатывает ее для себя при большем или меньшем влиянии чуждых, ему предшествовавших или современных цивилизаций»¹⁷¹;

— этническом основании: полиэтничность культурно-исторического типа формирует более богатую цивилизацию.

Считаем, что в современных условиях необходимо еще создание единого информационного пространства, то есть коммуникационное основание интеграции.

Остановливаясь на концепции Данилевского, стремимся показать, насколько глубокие исторические корни имеют рассматриваемые нами вопросы. Данилевский осознавал необходимость единения славянских народов, подводил

¹⁷⁰ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. / Составление и комментарии Ю. А. Белова / Отв. ред. О. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2008. — 816 с.

¹⁷¹ Там же, с. 113.

политические причины, которые нам, спустя полтора века, представляются вполне научными и обоснованными.

Таким образом, цивилизационная интеграция приводит к консолидации обществ, которые имеют схожую идентичность, лингвистическую близость, политическую волю и общие ментальные основы. Именно цивилизационная интеграция приводит или к конфликту, или к объединению на каких-то условиях социальных суперсистем, что и рождает процессы реинтеграции или интеграции интеграций.

Интеграция интеграций как отражение цивилизационного взаимодействия.

В соответствии с теорией суперсистем все цивилизации по типу алгоритма их расширения делятся на «межрегиональные конгломераты» и «многорегиональные блоки».

Межрегиональный конгломерат формируется по принципу цивилизационного развития, при котором национальные культуры замещаются типовой унифицированной культурой. Управление подчинено единому межрегиональному центру. Типичный пример такого конгломерата — это евро-американская интеграция с единым управляющим центром, принимающим все решения и которому подчиняются национальные центры. Укрепление конгломерата происходит путём уничтожения управленческой верхушки тех территорий, которые входят в её состав, то есть фактически уничтожение управленческих центров, которые могли бы выработать альтернативу политике центра конгломерата. Однако, в настоящее время конгломерат упёрся в свои пределы роста, за которыми система управления теряет устойчивость, накапливая ошибки при поглощении им осколков других цивилизаций.

Многорегиональный блок отличается от конгломерата тем, что выбор общецивилизационного вектора целей и выработка концепции его достижения не сосредоточены в едином центре, а распределены по всему блоку. В блоке присутствует культурное разнообразие, полиэтничность, поддержка альтернативных культур. Для русской цивилизации, которая тяготеет к блочному типу, характерны свои особенные методы управления: территории, которые

входили в состав русской цивилизации, не уничтожались, а интегрировались в российское общество.

Центробежные национальные тенденции и недооценка исторической уникальности многонационального и поликонфессионального духовного потенциала русской цивилизации привели в конце XX века к драматическому распаду ее целостности, существовавшей в рамках СССР, на ряд государств, испытывающих цивилизационную фрустрацию и выбравших путь национально-государственного строительства.

Таким образом, на постсоветском пространстве вокруг Российской Федерации стал образовываться анклав государств с цивилизационной альтернативной идентичностью, искусственно поддерживаемой идеологией «однополярного мира» Запада, в частности, в Грузии, прибалтийских странах, на Украине. После распада СССР пришла идеология «однополярной гегемонии», а вместе с ней сформировался атлантический цивилизационный конгломерат, основанный на прагматизме и превосходстве развитых стран¹⁷². С одной стороны, усиление евро-американского конгломерата ослабило многонациональный блок, в том числе русскую цивилизацию в формате исторической России, а, с другой, — произошел кризис роста и управления, и усилились внутренние противоречия. При этом на постсоветском пространстве сформировались ожидания процессов интеграции, которые не переставали существовать на социальном уровне, но требовали системности, зачастую обостряясь экологическими требованиями и возникающими ограничениями. Сложившаяся ситуация породила новейшие тенденции — реинтеграционные процессы, требующие глубокого анализа.

Анализируя процессы интеграции, следует понимать, что согласованных дефиниций этой категории не существует. Имеющиеся трактовки связаны с такими характеристиками:

— предполагаемая продолжительность процесса интеграции,

---

¹⁷² Мишучков А.А. Цивилизационная перспектива евразийской интеграции // Вестник ОГУ. 2015. №9 (184). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsivilizatsionnaya-perspektiva-evraziyskoy-integratsii> (дата обращения: 07.02.2023).

- уровень помощи в разных сферах – экономической, правовой, культурно-образовательной, социальной,
- сроки переходного периода,
- опыт, который был приобретен.

Интеграционные процессы различают на те, которые имеют поддержку или осуществляются без нее; имеют в основе спонтанные решения или осуществляются подготовлен о; носят недобровольный или добровольный характер. **Автором интеграция понимается как процесс пересборки социальных пространств, имеющий входящие условия – цивилизационные основания, уровни – социальный, инвайронментальный и коммуникативный, исходящие результаты – достижение системных эффектов в виде социальных трансформаций идентичности, ценностно-смыслового поля, образа России, создания нового типа солидарности, динамики оценок инфраструктурных изменений.**

Комплексный подход к интеграции показывает, что достижение устойчивой интеграции как сложного, многоаспектного процесса, основанного на социальных потребностях, предусматривает несколько уровней:

- социальный – повышение удовлетворенности потребностей социальных групп;
- структурный — обеспечение доступа людей к государственным услугам и инфраструктуре (к системе здравоохранения, образования, жилья, правосудия и социальной защиты);
- экономический — возвращение к экономической жизни и устойчивым источникам средств к существованию;
- структурно-государственный — управление посредством взаимодействия с местными и национальными органами власти, заинтересованными сторонами, поддержка населения;
- цивилизационный — знакомство с ценностями, образом жизни, языком и традициями страны происхождения;

– коммуникационный – создание единого информационного пространства с общепринятыми медийными дискурсами, отвечающими требованиям интеграции.

Но, в первую очередь, интеграция тесно связана с понятием устойчивости. Интеграцию можно считать устойчивой, если достигнут уровень экономической самодостаточности, социальной стабильности в обществе, удовлетворительный уровень социального благополучия. Следовательно, устойчивость интеграции зависит не только от территории, которая возвращается, но и от социальных групп и структур общества.

Основной проблемой остается вопрос о том, как поддерживать устойчивость интеграции. С одной стороны, требуются поддержка местных и национальных органов власти, мероприятия по укреплению социальных систем на структурном уровне, с другой стороны, необходимо учитывать многомерность интеграции, которая должна включать экономические, социальные и цивилизационные аспекты. Но, в первую очередь, необходимо укреплять уровень социальной сплоченности и солидарности между социальными группами, которые интегрировались, и социальными группами принимающего общества. Это происходит через формирование доверия и здесь должны соблюдаться уважение к социальным группам интегрированных территорий, снижаться влияние источников напряженности и конфликтных вопросов, осуществляться их непрерывный мониторинг, позволяющий выявлять факторы консолидации и дезинтеграции.

Необходимо учитывать также контекст интеграции, а именно:

- географический фактор;
- фактор исторической памяти (использование прошлых проектов ре- и интеграции);
- цивилизационный фактор (наличие общих исторических, социальных, культурных характеристик);
- экономический фактор (положение реинтегрированной территории в период возвращения, состояние в переходный период);

— политический фактор (использование правовых механизмов и процессов, трансформация законодательства на местном, региональном, национальном и международном уровнях);

— структурный фактор (изменение структуры правительства, процессов принятия решений, уровней ответственности, трансформация социальных институтов);

— инвайронметальный фактор (ситуация в области безопасности, включая любые ограничения доступа к ресурсам, снижение рисков безопасности на новых территориях);

— коммуникативный фактор (создание политико-коммуникативных и социальных сетевых конструкций, направленных на трансформацию идентичности, смыслового и символического поля массового сознания, исторической памяти).

§ 1.3. Реинтеграция как процесс интегративной пересборки общества: теоретическое осмысление

Современный мировой процесс формируется под давлением неразрешенных территориальных проблем, что, в случае с евразийским пространством, во многом, является результатом геополитического коллапса биполярной системы, распада СССР и создания евро-американского конгломерата. Помимо этого, данная ситуация имеет и более глубокие исторические корни, порождающие у ряда государств, как необоснованные амбиции, так и вполне исторически оправданные намерения по пересмотру национальной принадлежности тех или иных территорий.

Необходимость установления многополярного мира предполагает рост взаимного учета национальных интересов игроков на международной арене, что во многом связано с задачами по формированию «зон безопасности». Заявленная

потребность осуществляется через целый спектр многообразных механизмов, в том числе реинтеграционных. Усиление взаимозависимости различных государств, объединенных по территориальному признаку и имеющих общий цивилизационный базис, инфраструктурные и торговые связи, единые производственные цепочки, логистическую зависимость, общие вызовы и угрозы, культурно-историческую общность являются набором интеграционных механик. При этом интеграционные процессы предполагают наличие государства-ядра или базовой цивилизации, способной создать вокруг себя требуемые центроостремительные силы для экономической, социальной и цивилизационной интеграций. Таким образом, интеграция является одним из способов создания упомянутых выше «зон безопасности» в условиях тектонических преобразований на международной арене и завершения перехода к новому формату мироустройства.

Для понимания особенностей реинтеграции оттолкнемся от классических интеграций и их современных ответвлений. В классических концептах консолидации интеграция понимается как проявление глобализации, демонстрируя, по сути, возможности стран, стремящихся к интеграции, попасть в лучшее состояние, чем то, в котором они пребывали до интеграции. Именно такой контекст объединения европейских стран описывается в классических концепциях интеграции. В этом смысле интеграция — это эффективный процесс, стимулирующий как внутреннее развитие региона за счет преимуществ глобализации, так и ограничение ее негативного воздействия за счет контроля процессов консолидации. При таком подходе создается социальная целостность группы акторов, слаженно действующих в процессе глобализации.

Вместе с тем, существует и реалистский подход к феномену интеграции, согласно которому интеграционные процессы достаточно сложно объяснить, и они имеют ряд неоднозначных проявлений. Для объяснения данного феномена датский политолог Т. Педерсен предлагает теорию кооперативной гегемонии,

которую называет «общей теорией регионализма», выходящей за рамки анализа европейского опыта¹⁷³.

Т. Педерсен изучает мотивы и стратегии основных держав, инициирующих региональную интеграцию, а не ее институциональные формы и механизмы. То есть он анализирует стадии формирования региональных объединений: почему государства идут на интеграции и какие формы они принимают? Итак, кооперативная гегемония, по Педерсену, — это тип регионального порядка, в рамках которого «мягкое» управление осуществляется при помощи соглашений о сотрудничестве, основанных на долгосрочной стратегии. Кооперативная гегемония определяется логикой реальных процессов, происходящих в обществах, как готовых интегрировать, так и готовых интегрироваться¹⁷⁴.

По мнению Педерсона, любое усиление одного государства рано или поздно приведет к контрбалансированию со стороны других стран. Чтобы предотвратить такое контрбалансирование, региональные державы уходят из-под этого усиления и формируют региональные объединения с участием тех самых «малых» держав. То есть речь может идти о своеобразном «договоре» между региональными центром и периферией. Преимущества кооперативной гегемонии:

— преимущества масштаба;

— преимущества стабильности. Если в регионе существуют опасения из-за политики ведущей державы, для остальных государств важной целью становится стабильность. Чем больше экономических и военно-политических возможностей у крупной державы для доминирования, тем выше вероятность кооперативного взаимодействия;

— преимущества включенности;

— преимущества распространения идей, принципов.

Таким образом, основное положение теории кооперативной гегемонии сводится к следующему: ведущие державы региона, могут стремиться к максимизации или стабилизации своего влияния ненасильственными способами

¹⁷³ Pedersen, Thomas. Cooperative hegemony: power, ideas and institutions in regional integration / Thomas Pedersen. — Review of International Studies. — 2002. — 28. — PP. 677-696.

¹⁷⁴ Там же.

при помощи стратегии кооперативной гегемонии в рамках многосторонних региональных структур¹⁷⁵.

Реинтеграцию как проявление интеграции можно рассматривать в контексте современных концепций реглобализации. Сам термин «реглобализация» возник в связи с неспособностью концепта «развивающихся рынков» объяснить развитие таких стран, как Бразилия, Россия, Индия и Китай, которые уже стали мировыми двигателями реглобализации. Этому способствовали экспортно-ориентированный рост в Китае, «переходная экономика» российского рынка, аутсорсинг и технологические инновации в Индии и «импортозамещение 2.0» в Бразилии. Эти экономики успешно адаптировались как к глубокой глобализации, которая набрала обороты с окончанием холодной войны, так и к логике деглобализации — «каждая нация сама за себя», особенно после кризиса 2008 года.

На самом деле результаты настоящего периода будут оцениваться по способности страны конкурентоспособно подготовиться к реглобализации, которая сейчас находится в процессе становления. По мнению директора BRICLab в Колумбийском университете, специалиста по глобальным вопросам М. Тройо, реглобализация как новая эра будет развиваться по экономическим и инновационным направлениям¹⁷⁶. Трансформации вследствие реглобализации не создадут новый глобальный договор, заключенный в Организации Объединенных Наций или Всемирной торговой организации. Реглобализация будет более «поверхностной». Реглобализация затронет лишь экономический сектор, торговлю, инвестиции, производственные сети. Второй сектор, который затронет реглобализация – это инновации – это то, что производится элитами. Те, кто не будут стремиться к новым знаниям и не смогут способствовать инновациям, становятся все более «неуместными нациями»¹⁷⁷.

---

¹⁷⁵ Никитина Ю.А. От интеграции к регионализму: эволюция теорий регионального межгосударственного сотрудничества // Вестник МГИМО. 2010. №6. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-integratsii-k-regionalizmu-evolyutsiya-teoriy-regionalnogo-mezhgosudarstvennogo-sotrudnichestva> (дата обращения: 07.02.2023).

¹⁷⁶ Marcos Troyjo. Deglobalization: Chronicle of a Changing World Режим доступа: <https://www.huffpost.com/author/marcos-troyjo> (дата обращения: 07.02.2023).

¹⁷⁷ Там же.

О векторах реглобализации рассуждают ее исследователи М. Бишоп и Э. Пейн. Появления и термина, и феномена реглобализации они связывают Брекзитом в 2016 году. Брекзит стал событием, приведшим мир к «эре переменного тока – после кризиса 2008 года», симптомом «проявления глобальных сил, развязанных глобальным финансовым кризисом 2008 года, включая замедление экономического роста, растущее неравенство и растущую негативную реакцию на открытые границы и действующих лидеров»¹⁷⁸.

К этому периоду концепция деглобализации еще не была сформулирована. И поэтому ее авторы говорят о правом и левом векторах реглобализации. Окончательный политический приход к реглобализации связывают с приходом к власти Д. Трампа, которую называют «деглобализацией справа», когда глобальная политическая экономика становится опасно уязвимой для игр «сильного человека», когда Всемирная торговая организация не способна «защитить» США от «злоупотребления» правилами глобальной торговли Китаем. Правая деглобализация создает ситуацию, когда страны сражаются друг с другом за экономические преимущества без ощущения большего общего блага. Фактически, это глобализационный тупик, который угрожает подорвать формы многостороннего глобального управления, которые были созданы за последние 70 лет. Деглобализация слева – это идеология левоцентристов на Западе, которые являлись антагонистами глобализации изначально. Опасения «деглобализации слева» состоят в продвижении прогрессивного левого крыла¹⁷⁹.

То есть реглобализацию представляют как раздел политический и экономический, но не социальный, культурный и цивилизационный. С социальной точки зрения, лишь высказываются опасения, что деглобализация несет в себе риски миграций и свободных передвижений, обострения проблемы доступа к социальному обеспечению, подрыва национальной и глобальной солидарностей.

---

¹⁷⁸ Reglobalization. Edited by Matthew Louis Bishop and Anthony Payne. Publisher: Routledge; 1st edition (March 12, 2021). Hardcover: 146 pages. ISBN-10: 0367639300 ISBN-13: 978-0367639303.

¹⁷⁹ Reglobalization. Edited by Matthew Louis Bishop and Anthony Payne. Publisher: Routledge; 1st edition (March 12, 2021). Hardcover: 146 pages. ISBN-10: 0367639300 ISBN-13: 978-0367639303.

Таким образом, в настоящий момент западные социальные мыслители пришли к пониманию, что предыдущий социальный глобальный порядок утрачивает основания, в нем перестают функционировать сложившиеся связи. Кризис действующей социальной модели породил термин «реглобализация», вследствие которой планета будет интегрироваться на новых принципах, без унификации, с учетом национальных особенностей и цивилизационных смыслов. То, что придавало смысл глобализации, точнее, то, что навязывалось глобальными элитами, теряет значимость. Появление мультикультурализма, трансгуманизма, ювенальной юстиции сформировали желание ментальной дезинтеграции от глобализационного тренда. Именно в таком контексте будут формироваться новые формы интеграций – реинтеграции как уход от единых глобальных смыслов и ценностей, искусственно навязываемых, но уже и не приносящих экономических и политических выгод.

Концепция «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона предопределила рост цивилизационного сознания, связывающего государства со схожими цивилизационными характеристиками¹⁸⁰. После окончания «холодной войны», по мнению Хантингтона, важнейшим источником конфликтов и противостояний в мире будут культурные различия, а основные конфликты в глобальной политике будут происходить между нациями и группами наций, принадлежащих к различным цивилизациям. Столкновение цивилизаций будет доминировать в мировой политике. С окончанием «холодной войны» завершится западная фаза международной политики, и ее фокусом становится взаимодействие западной и незападных цивилизаций¹⁸¹.

Деление на «первый», «второй» и «третий мир» постепенно утрачивает значение. На первый план выступает принадлежность к той или иной цивилизации, что определяется социальными и культурными характеристиками (язык, история, религия, традиции, институты). Столкновение цивилизаций

---

¹⁸⁰ Huntington, S.P. (2000). The Clash of Civilizations?. In: Crothers, L., Lockhart, C. (eds) Culture and Politics. Palgrave Macmillan, New York. Режим доступа: doi 10.1007/978-1-349-62397-6_6 (дата обращения: 07.02.2023).

¹⁸¹ Huntington, S.P. (2000). The Clash of Civilizations?. In: Crothers, L., Lockhart, C. (eds) Culture and Politics. Palgrave Macmillan, New York. Режим доступа: doi 10.1007/978-1-349-62397-6_6 (дата обращения: 07.02.2023).

происходит на двух уровнях. На микроуровне – границе непосредственного соприкосновения цивилизаций – идет борьба за территорию и влияние, зачастую переходящая в кровавые конфликты. На макроуровне государства, принадлежащие к различным цивилизациям, стремятся усилить свою военную и экономическую мощь, установить контроль над международными институтами и привлечь на свою сторону больше союзников, пропагандировать свои политические, религиозные и культурные ценности¹⁸².

Хантингтон говорит о синдроме «родственной страны», когда во взаимоотношениях с другими государствами, в первую очередь, учитываются близость, «родственность» их культуры, их принадлежность к одной и той же цивилизации. «Конечно, напряженность и конфликты возникают и внутри цивилизации, но в целом они менее глубоки и не затягиваются надолго. Следующая мировая война, если она разразится, будет войной межцивилизационной»¹⁸³.

Как расколотую страну он характеризует Россию, в которой будет острая борьба за определение своей идентичности и внешнеполитических приоритетов. По Хантингтону, чтобы общество изменило свою цивилизационную идентификацию, необходимы три условия: 1) стремление к этому политической и экономической элиты; 2) поддержка такого перехода со стороны населения страны; 3) власти принимающей цивилизации должны быть согласны на включение нового образования в свой состав.

«Цивилизации одновременно объединяют и разъединяют человечество... В конечном счете люди ценят не политическую идеологию или экономический интерес, а веру и семью, кровнородственные отношения и убеждения, ради них они готовы бороться и умереть. Вот почему столкновение цивилизаций заменяет "холодную войну" в качестве главного феномена глобальной политики, и

¹⁸² Хантингтон С., Аджами Ф., Кишор Махбубани, Бартли Р.Л., Лю Биньян, Джин Киркпатрик, Уикс А.Л., Дж. Пил, Алкер Х., Афрасиаби К.Л. Столкновение цивилизаций. Перспективы мировой политики (концепция С. Хантингтона и ее критики) // *Афро-азиатский мир: проблемы цивилизационного анализа*. 2004. №1. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/stolknovenie-tsilivilizatsiy-perspektivy-mirovoy-politiki-kontseptsiya-s-hantingtona-i-ee-kritiki> (дата обращения: 07.02.2023).

¹⁸³ Huntington, S.P. (2000). *The Clash of Civilizations?*. In: Crothers, L., Lockhart, C. (eds) *Culture and Politics*. Palgrave Macmillan, New York. Режим доступа: doi 10.1007/978-1-349-62397-6_6 (дата обращения: 07.02.2023).

цивилизационная парадигма дает более точное, чем любая другая альтернатива, понимание изменений, происходящих в мире, а значит, и более адекватное реагирование на них»¹⁸⁴.

Анализируя кризис концепций интеграций, которые объясняют проблемы глобализации попытками теоретического осмысления реглобализаций политической и экономической природы, приходим к выводу о необходимости нового научного анализа социальных явлений, создаваемых в недрах несовместимости экономической глобализации и требований возврата к национальным, культурным, цивилизационным основаниям. В этой связи возникает прикладная значимость исследования реинтеграционных процессов в современном мире и, особенно, на постсоветском пространстве, что дополнительно объясняется существующим уровнем глобальной напряженности и национальными интересами России.

Обращаясь к понятию «реинтеграция», автор понимает под ним социальный процесс, направленный на социальную пересборку ранее распавшегося или дезинтегрированного территориального, политического, экономического, социального образования. В частности, Большой толковый словарь современного русского языка трактует это явление как «объединение чего-либо, прежде распавшегося, разъединенного, на новых принципах, основаниях»¹⁸⁵.

Вместе с тем, как уже отмечалось, феномен реинтеграции изучен слабо в современной гуманитарной науке. Данная категория рассматривается в ракурсе поля процессов социализации или ресоциализации населения^{186 187 188}. Однако с

¹⁸⁴ Huntington, S.P. (2000). The Clash of Civilizations?. In: Crothers, L., Lockhart, C. (eds) Culture and Politics. Palgrave Macmillan, New York. Режим доступа: doi 10.1007/978-1-349-62397-6_6 (дата обращения: 07.02.2023), с. 194.

¹⁸⁵ Большой толковый словарь русского языка [Текст] : А-Я / РАН. Ин-т лингв. исслед.; Сост., гл. ред. канд. филол. наук С. А. Кузнецов. - Санкт-Петербург : Норинт, 1998. - 1534 с.; 27 см.; ISBN 5-7711-0015-3.

¹⁸⁶ Ex-offender Reintegration: Theory and Practice (From After Crime and Punishment: Pathways to Offender Reintegration, P 3-26, 2004, Shadd Maruna and Russ Immarigeon, eds. -- See NCJ-205080 Режим доступа: <https://www.ojp.gov/ncjrs/virtual-library/abstracts/ex-offender-reintegration-theory-and-practice-after-crime-and> (дата обращения: 07.02.2023).

¹⁸⁷ Reintegration strategies : conceptualizing how return migrants reintegrate Kuschminder, KatieEUI affiliated. London : Palgrave Macmillan, 2017 Режим доступа: doi: 10.1007/978-3-319-55741-0 ISBN: 9783319557410 (дата обращения: 07.02.2023).

¹⁸⁸ Shinkfield A. J., Graffam J. (2009) Community Reintegration of Ex-Prisoners Type and degree of change in variables influencing successful reintegration. International Journal of Offender Therapy and comparative criminology, 53(1), 29-42 Режим доступа: doi 10.1177/0306624X07309757 (дата обращения: 07.02.2023).

учетом текущих веяний глобального и регионального экономического развития, вопросов создания новых комплексов безопасности понятие «реинтеграция» остается совершенно не изученным. Зачастую, оно используется некорректно, подменяя другие близкие по смыслу явления (ревизионизм, неоколониализм, регионализм, интеграция и т.д.)¹⁸⁹.

Наблюдая за процессами реинтеграции на постсоветском пространстве считаем, что необходимо обратиться к цивилизационным основам этого процесса — евразийской интеграции, к идее которой неоднократно обращались на протяжении XX века и которая получила актуальность в XXI веке. Евразийцы в своих работах отмечали, что евразийское пространство обладает значительным потенциалом для реинтеграции, основываясь на цивилизационных характеристиках (А.Г. Дугин, А.С. Панарин)¹⁹⁰.

Советский и российский мыслитель А.С. Панарин, говоря о парадигме «плюрализма цивилизаций», подразумевает «нечто статическое, некий устойчивый сплав истории и географии, ценностей и уклада, в которых воплощен передаваемый из поколения в поколение кристаллизованный опыт»¹⁹¹. Характеризуя православную цивилизацию, он говорит о ней как о «локаторе, настроенном на то, чтобы улавливать зазоры, с одной стороны, между нормативным священным текстом и повседневными общественными практиками, с другой – между универсалиями вселенского высшего, «передового» опыта и местническими уклонами “почвы”»¹⁹². Таким образом, православная цивилизация как основа евразийского пространства обладает своеобразным сплавом цивилизационных и формационных механизмов.

В основе православной цивилизационной конструкции А.С. Панарина лежит 1) укорененный архетип «пахаря», «добывающего свой хлеб и

¹⁸⁹ Косов Г.В., Ярмач О.В., Миргород Д.А. Реинтеграция как интегративная пересборка обществ: теоретическое осмысление / Г.В. Косов, Д.А. Миргород, О.В. Ярмач // Международный научно-исследовательский журнал. – 2022. – №12 (126). – Режим доступа: <https://research-journal.org/archive/12-126-2022-december/10.23670/IRJ.2022.126.85>; doi: 10.23670/IRJ.2022.126.85 (дата обращения: 07.02.2023).

¹⁹⁰ Дугин, А. Евразийский реванш России. 2014, 280 стр. ISBN:978-5-4438-0882-6.

¹⁹¹ Панарин А. С. Православная цивилизация / Сост., предисл. В. Н. Расторгуев / Отв. ред. О. А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2014. – 1248 с., с. 46.

¹⁹² Там же, с. 46.

обустройства своего земли», 2) верность священному завету, 3) соборность как духовное единство¹⁹³. Государственный патриотизм русского народа связан не столько с чувством родной земли, сколько с христианством как основой российской государственности¹⁹⁴. По мнению А.С. Панарина, интеграционный процесс имеет два взаимосвязанных аспекта: инфраструктурный, призванный обеспечить единое экономическое, информационное, правовое пространство, и – духовно-ценностный, предназначенный для сообщения этому пространству высшего сакрального (ценностного) смысла¹⁹⁵.

Российский политолог С.А. Михеев обосновывает такие теоретические предпосылки к интеграции, как общие экономические интересы, общая идеология (религиозный фактор, культура), общая национальная и культурная принадлежность, общая объединяющая угроза (чаще всего внешняя военная), понуждение (чаще всего внешнее) к интеграции и искусственное подталкивание объединительных процессов, общие границы, географическая близость¹⁹⁶.

При этом подобный цивилизационный подход актуален и для других пространств или глобальных формаций. Так, ряд авторов указывают на то, что создание Европейского Союза есть не что иное, как политико-экономическое и территориальное восстановление европейского пространства, часть из которого некогда было отторгнуто СССР (Х. Бродман)¹⁹⁷.

Ряд авторов, например, З. Бауман, П. Бейер, А.Ю. Архипов особо выделяют региональные сценарии глобализации, которые способствуют продвижению глобализационных процессов¹⁹⁸. Именно поэтому возникла школа глокалистов, которые рассматривают проблему «глобального – локального» как целого, а не

¹⁹³ Панарин А. С. Православная цивилизация / Сост., предисл. В. Н. Расторгуев / Отв. ред. О. А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2014. – 1248 с., с. 50-51.

¹⁹⁴ Там же, с. 823.

¹⁹⁵ Панарин А.С. Правда железного занавеса. – М.: «Алгоритм», 2006. – 636 с., с. 267.

¹⁹⁶ Михеев С.А. Постсоветское пространство: элиты против интеграции. Режим доступа: <http://politcom.ru/3904.html> (дата обращения: 07.02.2023).

¹⁹⁷ Broadman, Harry G. 2005. From Disintegration to Reintegration : Eastern Europe and the Former Soviet Union in International Trade. Washington, DC: Режим доступа: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/7511> (дата обращения: 07.02.2023).

¹⁹⁸ Bauman, Z. (1998). On glocalization: Or globalization for some, localization for some others. Thesis Eleven, 54(1), 37-49. Режим доступа: doi 10.1177/0725513698054000004 7511 (дата обращения: 07.02.2023).

противопоставляют их¹⁹⁹. Сутью глокализации является идея единого, но вместе с тем децентрализованного мира и «ускорение мирового развития через развитие местностей и повышение внимания к локальным проблемам»²⁰⁰. Принимая во внимание то, что в основном подобные группы стран локализуются по географическому принципу, можно отметить, что концепция глокализации в полной мере отвечает региональным сценариям развития и учитывает нюансы, связанные с потребностями регионов, и может частично объяснить феномен реинтеграции, поскольку ряд глокализационных процессов протекает на территориях, которые ранее представляли собой определенную общность.

Реинтеграция является процессом, с помощью которого два или более национальных государства готовы сотрудничать вследствие достижения экономической интеграции с формированием единого рынка, политической и социальной консолидации²⁰¹. Реинтеграция предполагает уход от автономии и приход в некую крупную совокупность, которая должна являться страной-ядром интеграции. Такое государство, основываясь на своих национальных интересах, пытается создать вокруг себя центропритягательные силы, способные вовлечь соседние государства в формирование зоны политической, экономической, военной безопасности во всех смыслах — от экономической, политической, военной до социальной и цивилизационной^{202 203}.

В результате реализации реинтеграционного проекта на постсоветском пространстве может появиться новая наднациональная идентичность с возможностью пересборки территорий большой исторической России.

¹⁹⁹ Zygmunt Bauman On Glocalization: or Globalization for some, Localization for some Others Volume 54, Issue 1. Режим доступа: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/07255136980540000047511> (дата обращения: 07.02.2023).

²⁰⁰ Victor Roudometof, Glocalization: A Critical Introduction, New York, NY: Routledge, 2016, 188 pp. DOI:10.4324/9781315858296 Режим доступа: http://www.roudometof.com/docs/review_glocalization_2017.pdf (дата обращения: 07.02.2023).

²⁰¹ Травина, Е.М. Этнокультурные и конфессиональные конфликты в современном мире. Издательство: СПб: Санкт-Петербургский Университет, 2077. с. 256. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19663361&ysclid=ldt56x6e1v75747047.pdf> (дата обращения: 07.02.2023).

²⁰² Сивкова, А.А., Луговской, А.М. Проблемы реинтеграции Крыма в социально-экономическое пространство России с позиции оптимизации маргинальных территорий // Вестник образовательного консорциума. Среднерусский университет. Серия: Гуманитарные науки, (8), с. 88-90 Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=45837086&ysclid=ldt59j0tv8666260432> (дата обращения: 07.02.2023).

²⁰³ Юмашев Ю.М. (2022). Региональная интеграция и международные отношения. Московский журнал международного права, (1), с. 75-88 Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26773853> (дата обращения: 07.02.2023).

Реинтеграция должна сопровождаться выдвижением большого социального идеологического проекта с объединением с некой крупной совокупностью — страной-ядром интеграции. Результатом реинтеграции должно быть формирование зоны политической, экономической, военной, культурной безопасности^{204 205}.

Таким образом, цивилизационный подход к реинтеграционным процессам основывается на существовании некой культурно-исторической общности, способной генерировать силы, направленные на объединение обширных территорий в единый политический, экономический или даже военный конструкт. Цивилизационный подход, на наш взгляд, является несколько оторванным от геополитических реалий современного мира, испытывающий весь спектр проблем, связанных с наличием территориальных споров между государствами, перераспределением экономических интересов, формированием ведущими акторами зон безопасности и т.д.

Термин «реинтеграция» больше используется в прикладном ключе в политической риторике руководства государств для объяснения существующих императивов, как во внешней, так и во внутренней политиках. Однако в большинстве случаев термином «реинтеграция» все-таки объясняются внешнеполитические интенции. Именно поэтому рассматриваемое явление остается слабо изученным в современной науке по причине его относительной новизны.

Некоторые государства, реализуя данную задачу, создают ранее не существовавшие интеграционные модели. Другие же вынуждены прибегать к, по крайней мере, частичной пересборке уже присутствовавших на карте мира политических, экономических, цивилизационных интегрированных формаций. В любом случае, главный базовый подход к реинтеграции соответствует

---

²⁰⁴ Сивкова, А.А., Луговской, А.М. Проблемы реинтеграции Крыма в социально-экономическое пространство России с позиции оптимизации маргинальных территорий // Вестник образовательного консорциума. Среднерусский университет. Серия: Гуманитарные науки, (8), с. 88-90 Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=45837086&ysclid=ldt59j0tv8666260432> (дата обращения: 07.02.2023).

²⁰⁵ Юмашев, Ю.М. (2022). Региональная интеграция и международные отношения. Московский журнал международного права, (1), 75-88 Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26773853> (дата обращения: 07.02.2023).

теоретическому осмыслению интеграции, которая, по сути, и является инструментом к восстановлению чего-либо, прежде распавшегося, разъединенного, в том числе и на новых принципах.

Специфические черты интеграционного объединения как процесса определяются рядом характеристик:

— фактором времени, когда успешное развитие интеграционного процесса происходит лишь тогда, когда получение реального выигрыша участниками сообщества государств опережает по времени возложенного на них бремени, связанного с участием в интеграционном объединении;

— интеграционный процесс начинается с более сильных государств;

— интеграционный процесс сопровождается усилением недовольства между странами-участниками данного объединения;

— разногласиями между различными группами, которые становятся не просто внутринациональными, а транснациональными²⁰⁶.

Рассматривая интеграцию, К. Дойч говорил о процессе превращения разрозненных племен в народ, а народ — в нацию. Нация, в определении Дойча, — это «народ, который добился контроля над некоторыми институтами социального принуждения, и в перспективе может сформироваться в полноправную нацию-государство»²⁰⁷.

По сути, формулируя принципы интеграции, Дойч выделял 6 ключевых суб-процессов:

1. Процесс развития транспортной инфраструктуры в рамках государства (развитие дорог, судоходных путей и торговых маршрутов как интеграционных механизмов).

²⁰⁶ Воронина Т.В. Эволюция теоретических подходов к анализу развития международной экономической интеграции // Пространство экономики. 2010. №3-3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-teoreticheskikh-podhodov-k-analizu-razvitiya-mezhdunarodnoy-ekonomicheskoy-integratsii> (дата обращения: 07.02.2023).

²⁰⁷ Бурганова И.Н. Возможности использования коммуникационного подхода К. Дойча к практике интеграционного строительства на постсоветском пространстве (на примере СНГ) // Приволжский научный вестник. 2013. №9 (25). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozmozhnosti-ispolzovaniya-kommunikatsionnogo-podhoda-k-doycha-k-praktike-integratsionnogo-stroitelstva-na-postsovetskom> (дата обращения: 07.02.2023).

2. Процесс интеграции языков (образование народного, а в дальнейшем – национального языка), что является консолидирующим фактором, способствующим как формированию наднациональной идентичности, коллективной лингвистической, исторической и социальной памяти, так и поведенческих практик интеграции.

3. Процесс интеграции элит. Элита как «доминирующая социальная группа» становится образцом для подражания, «ролевой моделью» для всех остальных социальных слоев, задавая как стандарты национальной речи, так и культурные традиции, систему ценностей и образцы поведения.

4. Процесс оформления целостного социокультурного пространства. Вследствие интеграции языков и появления культурных образцов возникает чувство близости и родства, появляется представление о надплеменном образовании, что создает основу для осознания себя как единого народа.

5. Процесс интенсификации социальной коммуникации и оформление концепции народа. Народ в определении Дойча — это «сообщество общих значений или группа людей, обладающих взаимосвязанными и схожими привычками коммуникации»²⁰⁸.

Анализ подходов к пониманию реинтеграционных и интеграционных процессов приводит к мнению о том, что они могут быть связаны или быть последовательными этапами друг друга, при этом, не являясь противоположностями. Автор рассматривает **реинтеграцию как процесс интегративной пересборки общества, направленный на объединение и восстановление ранее распавшегося или дезинтегрированного территориального, экономического, социального, цивилизационного образования, обуславливающий консолидацию новых сетевых коммуникаций, интеграцию ценностно-смыслового поля, исторической памяти, создания нового человеческого капитала.**

---

²⁰⁸ Deutsch K.W. The nerves of government Models of political communication and control. – [2-d print]. – New York: Free press; London: Collier-Macmillan, 1995.

Считаем, что ре- и интеграционный процесс приводит к созданию нового образования; выделению нового объединения из имеющегося социального пространства; процессу консолидации, основанному на доверии социальных структур; трансформации социальных структур и социальных институтов; осознании участниками новой общности их будущей исторической судьбы; формированию чувства политической общности, направленного не в прошлое, а исключительно в будущее. В связи с этим стержневым элементом интеграционного процесса выступает формирование общей коллективной идентичности.

Реинтеграция понимается как многоаспектный процесс, позволяющий восстановить социальные связи и системные отношения, необходимые для поддержания жизни. В связи с этим понятие реинтеграции тесно взаимосвязано с понятием устойчивости. Несмотря на отсутствие общепринятого определения устойчивой реинтеграции, в рамках нашего подхода к реинтеграции определяем ее так: реинтеграцию можно считать устойчивой, когда «возвращенцы» достигли уровня экономической самодостаточности, социальной стабильности, системности в структурных отношениях, что позволяет им справляться с процессом возврата. Для реализации этих задач индивидам и социальным группам, проходящим реинтегративные процедуры, необходимо в полной мере участвовать в экономической и социальной жизни принимающего общества. Следовательно, устойчивость реинтеграции зависит не только от возвращающегося сообщества, но и от того общества и социальной ситуации, куда оно возвращается. Достижение устойчивого уровня жизни реинтегрируемых сообществ станет сопоставимым с уровнем жизни принимающего общества, когда потребности представителей вернувшегося сообщества будут удовлетворены.

Слабая теоретическая разработанность рассматриваемого нами явления и обращение к нему через апеллирование к смежным понятиям позволяют говорить о том, что реинтеграция представляет собой сочетание глобализационных процессов, интеграционных тенденций и регионализации. Следовательно,

подобный комбинаторный подход наделяет понятие «реинтеграция» синкретическими характеристиками, а отсутствие разработанной теоретической базы формирует обширное поле для научно-исследовательской деятельности по выявлению особенностей реинтеграции в современном мире.

Механизм ре- и интеграции в современном мире будет широко представлен во внешнеполитическом инструментарии различных государств. С учетом тех вызовов и угроз, которые сформировались вокруг России, в частности в зоне ее национальных интересов (постсоветское пространство), наше государство вынуждено активно прибегать к использованию реинтеграции. При этом во внешней политике РФ реинтеграция максимально вариативна и включает в себя политические (СНГ), экономические (ЕАЭС), военные (ОДКБ), социокультурные (Русский мир) форматы. Наконец, экзистенциальный характер существующих вызовов и угроз вынуждают нашу страну прибегать и к частичной территориальной реинтеграции (крымский и украинский кейсы).

Основываясь на предыдущих рассуждениях, можно сказать, что реинтеграция территории – это возврат ранее вышедшей территории по каким-то причинам из состава государства в границы этого же государства, который характеризуется не только новым названием на географической карте для этой территории, но еще и изменениями в законодательстве, экономике, социальной жизни. Примерами реинтеграции территории из мировой практики может выступать, в частности, воссоединение восточной и западной Германии, объединение Гонконга и Макао с Китаем.

Разберём пример интеграции ГДР, которую не называют собственно интеграционным процессом, когда есть стремление войти в какую-либо структуру и готовность перестроить свою экономику, государственное устройство, законодательную базу. В ГДР произошла полная замена «правил игры»: социальный порядок ФРГ был автоматически перенесен в ГДР. И в этой связи данный пример интеграции не отражает ситуацию создания новых институциональных условий и перехода к новым институтам. В связи с чем возникает вопрос об эффективности такой реинтеграции: состоялся ли полный

перенос институтов на территорию, чье историческое развитие было отличным от оригинала? И произошло ли экономическое выравнивание двух территорий?

Во-первых, стремление восточных немцев к благосостоянию было искренним, но благодаря западноевропейским СМИ оказалось искаженным. Во-вторых, был запущен процесс приватизации, которая осложняла процесс передачи собственности в частные руки из-за порядка реституции. Что имело негативную сторону: пока хозяин предприятия не был определен, предприятие не могло его получить²⁰⁹. Таким образом, реинтеграция ГДР характеризовалась тем, что страна оказалась, с одной стороны, в государстве с более высоким уровнем жизни, но с другой, по сути, люди не могли себе его обеспечить. Это привело к тому, что восточные немцы оказались вследствие кредитных ограничений практически полностью отстраненными от экономической пользы капиталистической ФРГ.

Еще одним следствием реинтеграции ГДР в ФРГ была кадровая политика: были смещены управленцы и заменены на западных немцев. Произошло снижение вовлеченности восточных немцев в общественные и экономические процессы²¹⁰. В связи с этим о реинтеграции ГДР в ФРГ можно говорить только в экономическом и политическом контекстах, но не в культурном и цивилизационном.

Пример из современной российской истории — воссоединение Республики Крым и Севастополя с Российской Федерацией в марте 2014 года. Здесь все признаки реинтеграции в наличии — от восстановления гражданства до экономических, политических и социальных аспектов интеграции. Данный пример реинтеграции новейшей российской истории обладает такими характеристиками, как:

— структурные — объединение двух близких структур с последующим общественным договором;

---

²⁰⁹ Интеграционные процессы в современном мире: экономика, политика, безопасность (Мировое развитие. Выпуск 2) / Отв. ред. — Ф.Г. Войтоловский и А.В. Кузнецов. — М.: ИМЭМО РАН, 2007. — 220 с., с. 53-62.

²¹⁰ Интеграционные процессы в современном мире: экономика, политика, безопасность (Мировое развитие. Выпуск 2) / Отв. ред. — Ф.Г. Войтоловский и А.В. Кузнецов. — М.: ИМЭМО РАН, 2007. — 220 с., с. 53-62.

— социальные — консолидация социальных групп, формирование общей идентичности;

— инвайронментальные — объединение вокруг преодоления ресурсной ограниченности (транспортной, водной, продуктовой, энергетической блокад со стороны украинской власти);

— цивилизационные — общая история, коллективная память, судьба. Цивилизационный фактор в нашем понимании раскрывается, в том числе, через ощущение, что граждане неделимого советского общества не ожидали, что будут жить в разных странах и считаться в них иностранцами.

— коммуникативные — и интегрируемое, и принимаемое общества находятся под воздействием внешних коммуникативных вызовов.

Современный мир постоянно меняется. Создаются и распадаются союзы, изменяются географические границы стран, перестраиваются политические режимы, распадаются целые страны. Идут мировые интеграционные процессы на разных уровнях: экономическом, политическом, территориальном.

Однако в конечном итоге остаются люди, которые вынуждены проходить через процесс реинтеграции после каких-то событий, произошедших с их бывшей страной. В связи с этим сейчас наблюдаем за масштабными реинтеграционными процессами, связанными с восстановлением системной, социальной и цивилизационной консолидаций вследствие распада Советского Союза²¹¹.

Даже по прошествии четверти века после распада советского пространства процесс дезинтеграции еще не окончен, и граждане бывшего Советского Союза, и их потомки, переехавшие после Второй мировой и Великой Отечественной войн, возвращаются в Россию. Поскольку Россия является правопреемником самой большой страны мира, в ней эти тенденции заметны особенно сильно.

Говоря о цивилизационных основах интеграции России и регионов постсоветского пространства, в первую очередь, необходимо задаться вопросами

---

²¹¹ Милецкий В.П. Реинтеграция Крыма в социально-экономическое пространство России в контексте современных политических мегатрендов // Россия: тенденции и перспективы развития. 2015. №10-1. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/reintegratsiya-kryma-v-sotsialno-ekonomicheskoe-prostranstvo-rossii-v-kontekste-sovremennyh-politicheskikh-megatrendov> (дата обращения: 07.02.2023).

о проявлении коллективной — славянской, евразийской, русской или российской — идентичности. Постсоветские общества будут искать выход из сложившейся ситуации и бороться за жизнь совместно. Пока сложно говорить о создании аналога «Протестантской этики и духа капитализма» Вебера, но для этих обществ должна появиться именно такая концепция, объясняющая выгодность совместного существования в структурном, социальном, инвайронментальном и цивилизационном смыслах.

Современная эпоха — это эпоха зарождения новых обществ в рамках существующих наций. Их экономическая этика и дух еще формируются, трансформируются и не приняли четких очертаний. Но в скором времени возникнет славянская / евразийская геоэкономика и геополитика, которые станут проявлением реинтеграционных процессов и цивилизационной идентичности большой исторической России.

Выводы по главе 1

В первом параграфе были изучены концепции интеграций и реинтеграций. Их становление включало в себя несколько этапов, среди которых следует выделить следующие:

1) Формирование теорий интеграции в период объединения стран Европы после Второй мировой войны, когда требовалось объяснение функционального аспекта экономических консорциумов.

2) Становление концепций интеграции происходило параллельно – в Европе и России. Российская идея евразийства является цивилизационной, описывающей Евразию в границах Российской империи, СССР, СНГ, современной Российской Федерации в виде исторически сложившего единого социального пространства.

3) К началу XXI века были сформулированы новые подходы к анализу интеграций, отражающие противостояние СССР и США в период холодной

войны и описывающие ситуации передачи и разделения суверенитетов и территорий в современный период формирования многополярного мирового порядка.

Классические теории интеграции не имели собственно социологической нагрузки, были скорее экономическо-политическими. Социальная составляющая появилась в концепциях интеграции в конце XX - начале XXI века, что свидетельствует о значимости социальных факторов в процессах современных консолидаций. Междисциплинарность теорий интеграций привела к формированию доктрин трансформаций современных обществ – не сколько центральных консолидаций, сколько реинтеграций, имеющих характер возврата к чему-то ранее существовавшему и распавшемуся.

Новизна темы форматов интеграций современности обладает актуализацией феномена реинтеграции, который представляет собой действия того или иного государства по полной или частичной пересборке уже существовавших территориальных конструкторов с формированием безопасного общественного пространства. Данная ситуация обусловила актуальность изучения феномена реинтеграции, который автор детерминирует как процесс интегративной пересборки общества, направленный на объединение и восстановление ранее распавшегося или дезинтегрированного территориального, экономического, социального, цивилизационного образования (в русле акторно-сетевой теории). Отмечается слабая теоретическая разработанность данного явления, а отсутствие разработанной теоретической базы формирует обширное поле для научно-исследовательской деятельности по выявлению особенностей реинтеграции в современном мире.

Во втором параграфе были рассмотрены такие сложные феномены, как интеграция и реинтеграция, и определены их измерения – социальное, системное и экологическое. Понимание системной интеграции представлено в классических социологических концепциях: у К. Маркса (экономика как процесс, как базис системной интеграции общества), К. Поланьи (экономическая система как среда кризиса общественного порядка), М. Вебера (современное общество находится в

системной интеграции). Автор отмечает, что современное общество порождает новые системно-интегративные проблемы, что снижает степень обращения к классическим подходам системной интеграции в настоящее время.

Инвйронментальное измерение интеграционных процессов претендует на высокую степень новизны в связи с тем, что потенциал экологических кризисов (Ю. Хабермас) сформировал «общества риска» (У. Бек). Актуализация инвйронментального характера интеграции раскрывается в степени обеспечения энергией, продуктами питания, зависит от климатической, экологической безопасности. Обосновывается позиция о том, что инвйронметальная интеграция способствует как дезинтеграционным, так и реинтеграционным процессам. Инвйронментальное измерение интеграции означает, что современное общество зависит от ограничений ресурсов, создаваемых естественным или искусственным путем. Именно такие ситуации формируют новые риски инвйронметальной интеграции в формате ре- и интеграционных практик.

Социальная интеграция – это измерение интеграции, которое присутствовало и в классических, и в современных интегративных концептах. Обосновывается, что социальная интеграция общества связана с поиском новых форм идентичностей и включенностью в ценностно-смысловое пространство культурной общности, имеющие религиозные, мировоззренческие, этнические и иные основания.

Описывая цивилизационные основания интегративных процессов, обосновывается новаторская идея о том, что именно они выступают предпосылками и триггерами современных консолидаций различных форм. Автор обращается к концепции «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона, которая рассматривает основы будущих человеческих конфликтов в поле культурных противоречий и в конфликтных зонах «расколотых» государств. Цивилизационные конфликты, таким образом, могут как обострять процессы интеграции, так и способствовать возникновению реинтеграционных консолидаций через возвращение к цивилизационным основам.

Обращение к теории культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского позволило автору выделить ряд оснований цивилизационных интеграций: лингвистическое, политическое, этническое и собственно цивилизационное. Автор вносит новаторскую мысль о необходимости учета коммуникативного основания цивилизационных интеграций в современных условиях. Приводится идея о том, что консолидации обществ предшествует наличие схожей идентичности, лингвистической близости, политической воли и общих ментальных основ. Именно цивилизационная консолидация приводит либо к конфликту, либо к объединению социальных суперсистем, что и рождает процессы реинтеграции или интеграции.

Анализируя процессы интеграции, автор систематизировала суть имеющихся дефиниций этой категории через следующие характеристики: 1) должна быть продолжительность процесса интеграции; 2) необходим уровень помощи в разных сферах – экономической, правовой, культурно-образовательной, социальной; 3) должен быть установлен срок переходного периода; 4) обязателен совместный предыдущий социальный опыт.

Автор привела собственное понимание интеграции как многоаспектного процесса, имеющего входящие условия – цивилизационные основания, текущие условия – системные эффекты и инвайронментальную среду, исходящие условия – социальные трансформации идентичности и ценностного пространства, структурные изменения социальных институтов. Рассмотрение интеграции важно в ракурсе анализа географического фактора; фактора исторической памяти (использование прошлых проектов ре- и интеграции); цивилизационного (наличие общих исторических, культурных характеристик); экономического (положение реинтегрированной территории в период возвращения); политического (трансформация законодательства на местном, региональном уровнях); структурного (изменение структуры правительства, процессов принятия решений, уровней ответственности, трансформация социальных институтов); инвайронментального (ситуация в области безопасности, доступ к ресурсам) факторов.

В третьем параграфе представлена новаторская идея о теоретико-прикладной значимости изучения реинтеграционных процессов в современном мире и, особенно, на постсоветском пространстве. Рассматривая реинтеграционные и интеграционные процессы, автор приходит к мнению, что они или связаны, или могут быть последовательными этапами друг друга, при этом, не являясь противоположностями. Обращаясь к понятию реинтеграции, автор определяет ее как процесс интегративной пересборки обществ и социальных пространств, как часть интегративного процесса, обуславливающую консолидацию новых сетевых коммуникаций и информационных инфраструктур; интеграцию коллективных смыслов, идентичностей, исторической памяти, человеческого капитала.

Новизна авторского подхода состоит не только в самой дефиниции реинтеграции, но и в выявленных характеристиках этого процесса. Во-первых, результатом реинтеграции является новое образование, выделенное из имеющегося социального пространства; во-вторых, процесс консолидации должен основываться на доверии социальных структур; в-третьих, происходит трансформация социальных структур и социальных институтов; в-четвертых, участники реинтеграции осознают общность исторической судьбы и формируют идентичность созидательного характера, направленную не в прошлое, а в будущее.

Глава 2 Интеграция новых регионов в российское общество: системные взаимосвязи оснований, уровней и эффектов пересборки социальных пространств

Во второй главе будут рассмотрены основания интеграции Республики Крым и Севастополя, ее входящие условия, ситуация, в которой она осуществляется, и ее результирующие показатели – изменения, которые произошли вследствие интеграции как в интегрируемом – крымском – сообществе, так и в принимаемом – российском.

В первом параграфе – «Цивилизационные основания интеграции Республики Крым и города Севастополь в российское пространство в контексте неоевразийской интегративной концепции XXI века» – представлена интегративная перспектива цивилизационного анализа микроуровневых процессов социального взаимодействия и макроуровневого формирования структур обществ.

Во втором параграфе – «Социальная интеграция Республики Крым и города Севастополь в контексте трансформации коллективной памяти, идентичности и ценностно-смыслового поля» – описываются уровни социальной интеграции и ее составляющие, которые влияют на изменение сознания и поведения личностей и социальных групп.

В третьем параграфе – «Инвайронментальная интеграция Крымского полуострова и контуры нового общественного договора» – раскрывается влияние современной экологической и ресурсной ситуации на создание нового глобального общественного договора и на текущие интеграции интеграция Крымского полуострова, формируемые инвайронметальными рисками.

В четвертом параграфе – ««Островная» солидарность и кредит доверия как системные эффекты интеграции Республики Крым и города Севастополь в

Россию» – анализируются особенности интеграции Республики Крым и Севастополя в российское пространство, проявляющиеся в виде внутрикрымского эффекта – «островной» солидарности, и материково-российского эффекта – того кредита доверия, который был сформирован в российском обществе после крымских событий 2014 года.

§ 2.1. Цивилизационные основания интеграции Республики Крым и города Севастополь в российское пространство в контексте неоевразийской интегративной концепции XXI века

Понимание цивилизации является одним из ключевых в современной социогуманитарной науке. Оно имеет множество определений и зачастую соотносится с понятием «культура». В философском энциклопедическом словаре цивилизация определяется как одна из основных единиц исторического времени, обозначающая длительно существующее, самодостаточное сообщество стран и народов, своеобразие которого обусловлено социокультурными причинами²¹². Социологический словарь связывает цивилизацию с идеей социального прогресса, а именно с триумфом рациональности над религией, упадком местных обычаев и развитием естественных наук²¹³.

В современных дефинициях цивилизации интересен историко-социальный подход А. Тойнби, который определяет цивилизацию как «наименьший блок исторического материала, к которому обращается тот, кто пытается изучить историю собственной страны»²¹⁴; концепция цивилизационных разломов С. Хантингтона, рассматривающая цивилизацию как «наивысшую культурную

²¹² Философский энциклопедический словарь / Гл. редакция: Л.Ф. Ильичёв, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалёв, В.Г. Панов. — М.: Советская энциклопедия, 1983. — 840 с.

²¹³ Аберкромби Н. Социологический словарь / Н. Аберкромби, С. Хилл, Б.С. Тернер; пер. с англ. И.Г. Ясавеева под ред. С.А. Ерофеева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЗАО «Изд-во «Экономика», 2004. – 620 с.

²¹⁴ Тойнби А. Цивилизация перед судом истории. М.: Рольф, 2002. 592 с., 406.

общность людей и самый широкий уровень культурной идентификации»²¹⁵. «Цивилизации определяются наличием общих черт объективного порядка, таких как язык, история, религия, обычаи, институты, а также субъективной самоидентификацией людей»²¹⁶.

Интегративная перспектива в цивилизационном анализе концентрируется на изучении взаимозависимости микроуровневых процессов социального взаимодействия и макроуровневого формирования общественных структур. В этой связи считаем необходимым обратиться к концепции цивилизационного процесса Н. Элиаса как наиболее яркого примера применения в социологии интегративного подхода. Индивиды формируют социальные сети и появляются новые формы социальных отношений, что создает определенный габитус, специфическую форму психического устройства, когда внешнее принуждение интериоризуется и превращается в систему внутренних запретов. То есть происходит процесс сопряженных трансформаций на микро- и макроуровнях, в ходе которого формируется новая психическая структура, которую Элиас называет цивилизационной²¹⁷.

Процесс цивилизации, по Элиасу, — это социальный процесс «изменений в формах взаимных связей и взаимной зависимости людей, вместе с которыми менялись и их влечения»²¹⁸. Трансформация институтов происходит вследствие усиления взаимосвязанности процессов, поскольку за трансформацией институтов стоят «изменения в структуре человеческих отношений — изменения, явно не планировавшиеся индивидами, которые вынуждены были подчиняться этим изменениям [...] это относится и к изменениям самого человеческого *habitus*'а, и к процессу цивилизации»²¹⁹. Особое значение в этих процессах Элиас отводит фигурации или цепочкам взаимозависимости — «социальным процессам, в которых люди “сплетены” друг с другом», которые в исторической перспективе

²¹⁵ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. 603 с., с. 51.

²¹⁶ Там же, с. 34.

²¹⁷ Прозорова Ю.А. Интегративная перспектива в цивилизационном анализе // Петербургская социология сегодня. 2013. №4. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/integrativnaya-perspektivav-tsvivilizatsionnom-analize> (дата обращения: 07.02.2023).

²¹⁸ Там же.

²¹⁹ Там же.

приобретают принудительную силу, генезис которой кроется во взаимодействиях на микроуровне²²⁰. Через новаторское понимание понятия фигурации Элиас воплощает интегративный принцип, описывающий связь индивида и общества²²¹.

Если на микроуровне процесс цивилизации в концепте Элиаса связан с психическими трансформациями и формированием новых личностных структур, что приводит к изменению характера отношений и усилению фигуративных процессов — фигурации и переплетений взаимодействий, то на макроуровне концепта Элиаса находятся процессы формирования государства, борьбы сообществ за власть и применения насилия и т. д.²²²

Концепция осевых цивилизаций и множественных модерностей Ш. Эйзенштадта занимает важнейшее место в развитии современного цивилизационного анализа. Одним из направлений его исследований было «изучение процессов, посредством которых отношения между социальным разделением труда, регуляцией власти, конструированием доверия (солидарности), с одной стороны, и смыслом, его воздействием на институциональную и культурную динамики — с другой, переплетаются, способствуя кристаллизации, воспроизводству и изменению социальных формаций»²²³.

Подход Эйзенштадта представляет интегративную перспективу в цивилизационном анализе, попытку осуществить социоструктурные измерения «социальной интеракции и социального порядка». Интегративность его концепции обрела новые характеристики, связанные с комплексным анализом культуры, структуры и действия как измерений социальной реальности.

²²⁰ Прозорова Ю.А. Интегративная перспектива в цивилизационном анализе // Петербургская социология сегодня. 2013. №4. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/integrativnaya-perspektivav-tsilivilizatsionnom-analize> (дата обращения: 07.02.2023).

²²¹ Элиас, Норберт (1897-1990). О процессе цивилизации : Социогенет. и психогенет. исслед. / Норберт Элиас; Акад. исслед. культуры. - Москва ; СПб. : Унив. кн., 2001. - 21 см. - (Университетская библиотека. Социология); ISBN 5-7914-0023-3 (Книга света).

²²² Arnason J.P. Civilizational Patterns and Civilizing Processes. P. 103–118. 38 Knorr-Cetina K. Introduction: The Micro-Sociological Challenge of Macro-Sociology: Towards a Reconstruction of Social Theory and Methodology // Advances in Social Theory and Methodology / Karin Knorr-Cetina and Aaron Cicourel (eds.). New York: Methuen, 1981. P. 3-47.

²²³ Eisenstadt S.N. Introduction: Comparative Studies and Sociological Theory — from Comparative Studies to Civilizational Analysis: Autobiographical Notes // Comparative Civilizations and Multiple Modernities. Brill Academic Pub, 2003. Pages: vol. 1: xii, 488 pp., vol. 2: viii, 564 pp., SBN: 978-90-04-12993-1, p. 17-47.

Цивилизации Эйзенштадт определяет как «сочетание онтологических или космологических представлений, представлений о трансцендентных и мирских реальностях с определением, конструированием и регулированием основных арен социальной жизни и взаимодействий»²²⁴. Ядром цивилизаций является символическая и институциональная взаимосвязь между формулированием, артикулированием, постоянной интерпретацией превалирующих в обществе базовых представлений, идеологических посылок и символов, с одной стороны, и определением, структурированием и регулированием основных институциональных сфер, социальной стратификацией и конструированием коллективных идентичностей, с другой.

Эйзенштадт отмечает, что одной из отличительных характеристик осевых цивилизаций является формирование нового типа элиты, носителя моделей культурного и социального порядков. Именно культурные элиты создают новые онтологии и играют важнейшую роль в формировании цивилизационных общностей и цивилизационной идентичности²²⁵.

Сетевая концепция цивилизации Р. Коллинза принципиально отличается от описанных выше теорий, в ее основу положен сетевой подход²²⁶. В данной концепции реализуется интегративный принцип в социологии с описанием «зон культурного престижа» как сфер культурного влияния, как сетей, сформированных солидарностью, идентичностью, культурными символами. Коллинз определяет цивилизацию как динамическую сетевую структуру с центром, генерирующим культурные объекты, и по которой циркулируют культурные символы. Цивилизации формируются вокруг производства культурного продукта, распространяемого по сетям, которые образованы связями, взаимодействиями его сторонников, что и поддерживает их идентичность.

---

²²⁴ Eisenstadt S.N. Introduction: Comparative Studies and Sociological Theory — from Comparative Studies to Civilizational Analysis: Autobiographical Notes // Comparative Civilizations and Multiple Modernities. Brill Academic Pub, 2003. Pages: vol. 1: xii, 488 pp., vol. 2: viii, 564 pp., SBN: 978-90-04-12993-1, p. 17-47.

²²⁵ Eisenstadt, S. (2000). The Civilizational Dimension in Sociological Analysis. Thesis Eleven. 62. 1-21. 10.1177/0725513600062000002.

²²⁶ Там же, с. 55.

Уровни анализа в концепции цивилизации Р. Коллинза следующие: центр — зона повышенной активности и импрессивных взаимодействий, обладающих «магнетизмом», который притягивает индивидов; цивилизационный престиж — это «паттерны социальных контактов, потоки людей и их внимания, преодолевающего пространство»²²⁷. Коллинз рассматривает цивилизации как зоны сети «притяжения» транснациональных, транссоциетальных сетевых образований. Сетевые структуры создают «паутину», в которой цивилизационный престиж распространяется по разным каналам, проникая в чуждые цивилизационные среды, пересекаясь с иными цивилизационными зонами и формируя связи с ними.

Таким образом, межцивилизационные взаимодействия имеют сетевую структуру с центрами и периферией. Центры — это «социальная структура, которая стимулирует интеллектуальную креативность: организационные основания для небольшого количества противоборствующих школ, последователи в других поколениях, сталкивающиеся в интеллектуальном соперничестве в нескольких центрах интеллектуального действия»²²⁸.

Интегративная перспектива в анализе становления цивилизационных центров и в динамике расширения зон цивилизационного престижа раскрывается в процессе, который Коллинз называет «цивилизационным импортом». Он включает не только перенос отдельных культурных идей, но и «форм социальной структуры»²²⁹.

Таким образом, ученый описывает формирование новых цивилизаций, которые вследствие комбинации заимствованных и местных, автохтонных цивилизационных компонентов, становятся новыми социальными структурами. В своей цивилизационной конструкции Коллинз отдельное место отводит интеллектуальным сетям и интерактивным ритуалам, которые находятся на

²²⁷ Прозорова Ю.А. Интегративная перспектива в цивилизационном анализе // Петербургская социология сегодня. 2013. №4. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/integrativnaya-perspektivav-tsivilizatsionnom-analize> (дата обращения: 07.02.2023).

²²⁸ Прозорова Ю.А. Интегративная перспектива в цивилизационном анализе // Петербургская социология сегодня. 2013. №4. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/integrativnaya-perspektivav-tsivilizatsionnom-analize> (дата обращения: 07.02.2023).

²²⁹ Там же, с. 53.

микроуровневых цивилизационных процессах. Социальные взаимодействия, интерактивные ритуалы и культурно-символические объекты выступают внутренними механизмами, которые движут цивилизацией. Понятие интерактивного ритуала Коллинза открывает широкий спектр межличностных и групповых интеракций, в которых и формируются сетевые структуры²³⁰.

Интерактивные ритуалы поддерживают солидарность и цивилизационную идентичность. Микроуровневые интерактивные ритуалы формируют макроструктуры — сети, так называемые «цепочки ритуалов». В свою очередь они детерминируют идентичность, лояльность людей к цивилизационным символам, создают цивилизационный капитал.

Обобщенный анализ существующих цивилизационных концепций отражает интеграционную тенденцию взаимосвязи макро- и микроуровней консолидаций, на фоне расширения ре- и интеграционных практик в различных регионах мира. Важное место в этих трансформациях занимает евразийское пространство.

Согласно С. Хантингтону и О. Шпенглеру, Россия только подходит к фазе самосознания. В частности, О. Шпенглер заявляет о различиях между русской и западной душой и о фальсификации в петровской Руси западноевропейских форм государственного обустройства, неорганичных и чуждых «прасимволу» русской культуры, тяготеющей к «святому югу», под которым подразумевается Византия²³¹. То есть вектор культурной идентичности через противопоставление восток-запад применяется для понимания самоидентификации российской цивилизации XXI века.

А. Тойнби отводит России и русской цивилизации место в группе цивилизаций-сателлитов, отмечая ее аффилированность сначала к православной христианской, затем — к западной цивилизации²³². Французский историк Ф. Бродель в своей работе «Грамматика цивилизаций» оперирует четырьмя

²³⁰ Collins R. The Sociology of Philosophies. A Global Theory of Intellectual Change. Harvard: Harvard University Press, 1998; Collins R. Interaction Ritual Chains. Princeton: Princeton University Press, 2004.

²³¹ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории: В 2 т. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы. М.: Мысль, 1998. С. 424.

²³² Николаева Е.В. Цивилизационная идентичность России в рекламном дискурсе // Культура и цивилизация. 2015. № 6. С. 124-138 Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25499671&ysclid=ldt6znb4ln183696196> (дата обращения: 07.02.2023).

цивилизационными «блоками»: «Мусульманский мир», «Черный континент / Черная Африка», «Дальний Восток», «Европейские цивилизации»; к числу последних он причисляет «Европу», «Америку», «Другую Европу / Россию»²³³. Таким образом, Россия и русская культура в цивилизационных концепциях предстают отдельным цивилизационным блоком с культурными особенностями. При этом сам термин «цивилизация» в цивилизационных концептах второй половины XX века отождествляется со словом «мир» (исламский мир, русский мир)²³⁴. Более того, сегодня преобладает синхронистическое и плюральное понимание «цивилизации»: «факт едва ли не консенсуса в использовании термина «цивилизации» явно указывает на то, что стадияльное (чисто историцистское и прогрессистское) толкование этого понятия, преобладавшее в эпоху Модерна и общепринятое в XIX и первой половине XX в., теперь явно утратило свою релевантность»²³⁵.

На рубеже XIX-XX веков русский философ Н.Я. Данилевский предложил рассматривать цивилизацию как систему культурных элементов (языковых, религиозных, бытовых, социальных, политических, научных и художественных), общих для семейства народов, которые составляют особый культурно-исторический тип. В его понимании цивилизация – это этап наивысшего развития духовно-практической деятельности народа.

Природу цивилизации Данилевский рассматривает в контексте следующих позиций:

– всякое племя или семейство народов, характеризуемое отдельным языком или группой языков, близких между собой, составляет самобытный культурно-исторический тип, если оно по своим духовным задаткам способно к историческому развитию;

²³³ Николаева Е.В. Цивилизационная идентичность России в рекламном дискурсе // Культура и цивилизация. 2015. № 6. С. 124-138 Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25499671&ysclid=ldt6znb4ln183696196> (дата обращения: 07.02.2023).

²³⁴ Там же.

²³⁵ Дугин А.Г. Теория многополярного мира. — М.: Евразийское движение, 2012. — 532 с., ил., с. 463.

– чтобы цивилизация, свойственная самобытному культурно-историческому типу, могла зародиться и развиваться, необходима политическая независимость ее народов;

– начала цивилизации одного культурно-исторического типа не передаются народам другого типа. Каждый тип вырабатывает ее для себя при большем или меньшем влиянии чуждых ему предшествовавших или современных цивилизаций;

– цивилизация, свойственная каждому культурно-историческому типу, только тогда достигает полноты, разнообразия и богатства, когда разнообразны этнографические элементы, его составляющие, когда они, не будучи поглощены одним политическим целым, пользуясь независимостью, составляют федерацию или политическую систему государства²³⁶.

Данилевский выделял в мировой истории десять самобытных цивилизаций, свойственных каждая своему культурно-историческому типу²³⁷. Основы цивилизации одного культурно-исторического типа не передаются цивилизации другого типа. Период роста культурно-исторического типа неизвестен, но период же его «цветения и плодоношения» краток и при этом раз и навсегда «исчерпывает жизненные силы культурно-исторического типа»²³⁸.

Значение культурно-исторических типов состоит в том, что каждый из них выражает идею человека по-своему, а эти идеи, взятые как целое, составляют нечто всечеловеческое. Господство одного культурно-исторического типа, распространенное на весь мир, может привести к деградации народов.

Данилевский подчеркивал враждебный и агрессивный характер западной цивилизации по отношению к формирующемуся самобытному славянскому типу и настаивал на необходимости образования Всеславянского союза, призванного служить гарантом всемирного равновесия добровольного объединения славянских народов вокруг России. Такой союз, с точки зрения

²³⁶ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. / Составление и комментарии Ю. А. Белова / Отв. ред. О. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2008. — 816 с., с. 6.

²³⁷ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991. 576 с, с. 92.

²³⁸ Бажов С.И. Философия истории Н.Я. Данилевского / С. И. Бажов; Рос. акад. наук, Ин-т философии. - Москва : ИФРАН, 1997. - 215 с.; 16 см.; ISBN 5-201-01922-6 : Б. ц. С. 59.

Н.Я. Данилевского, должен стать «мерой чисто оборонительной», ибо «всемирная ли монархия, всемирная ли республика, всемирное ли господство одной системы государств, одного культурно-исторического типа – одинаково вредны и опасны для прогрессивного хода истории»²³⁹.

Данилевский, исходя из своей теории культурно-исторических типов, отрицал возможность существенного влияния славяно-русской цивилизации на западную и другие цивилизации. Вместе с тем он считал, что славянской (русской) цивилизации принадлежит будущее. Именно славянская цивилизация должна прийти на смену угасающей западной. Славянская цивилизация, в отличие от западной, не агрессивна. В ней общественный элемент преобладает над личным, индивидуальным, ибо психология славян сложилась преимущественно под влиянием православия.

России предстоит сделать выбор: либо вместе с другими славянскими народами создать всеславянскую цивилизацию, либо полностью утратить свое культурно-историческое значение и стать этнографическим материалом для других цивилизаций²⁴⁰. При этом Данилевский считает, что Россия принадлежит отдельному, славянскому культурно-историческому типу, который еще только входит в период цивилизации²⁴¹.

Размышления Н.Я. Данилевского легли в основу евразийского подхода, идеи которого востребованы в современных условиях, когда необходимость поиска новой модели интеграции существенно возросла. Считаем, что классическое евразийство в настоящее время является концептуальным социальным проектом, в рамках которого возможно получение ответа на позитивную социогуманитарную доминанту интеграции²⁴². Классическое

²³⁹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. / Составление и комментарии Ю. А. Белова / Отв. ред. О. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2008. — 816 с., с. 7.

²⁴⁰ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. / Составление и комментарии Ю. А. Белова / Отв. ред. О. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2008. — 816 с.

²⁴¹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991. 576 с, с. 469-510.

²⁴² Валова М.Д. Россия и евразийская интеграция: проблемы и перспективы // Россия в новой социально-политической реальности: мониторинг вызовов и рисков. М., 2013. № 1. С. 112-113.

евразийство представило ряд теорий этнического и межкультурного взаимодействия, этнической идентичности, патриотизма и национализма²⁴³.

Русские евразийцы использовали выражение «государство-мир» (П.Н. Савицкий). П.Н. Савицкий понимает «государство-мир», «империю» как конкретную часть мирового пространства, представляющую собой цивилизационное единство (это и есть основа евразийства)²⁴⁴.

Евразия является самым крупным и богатым регионом мира. Крупнейшая геополитическая катастрофа прошлого века — развал СССР — изменил структуру евразийского пространства. Не случайно З. Бжезинский в своей книге «Великая шахматная доска» назвал Евразию «главным геополитическим призом для Америки», особо отмечая, что «глобальное первенство Америки непосредственно зависит от того, насколько долго и эффективно будет сохраняться ее превосходство на Евразийском континенте»²⁴⁵.

Современное неоевразийство обосновывает процессы реинтеграции на постсоветском пространстве, объясняет причины «собирания» временно рассредоточенной евразийской цивилизации. Распад СССР, формирование расколотого постсоветского пространства, геополитические изменения начала XXI века актуализировали неоевразийский подход к пониманию цивилизационного пути современной России. Возникла необходимость поиска новых интеграционных форматов взаимодействия между новыми национальными государствами – бывшими республиками Советского государства. Одно из первых интеграционных попыток было создание организации Содружества Независимых Государств (СНГ). Ускорению интеграционных процессов на постсоветском пространстве способствовал финансово-экономический кризис 2008 года. Результатом этого кризиса стал новый интеграционный виток постсоветского периода – создание Евразийского экономического союза (ЕАЭС) –

²⁴³ Орлова И.Б. Евразия // Социологическая энциклопедия: В 2 т. Т. 1 /Нац. общ.-науч. фонд; Рук. науч. проекта Г.Ю. Семигин; глав. ред. В.Н. Иванов. М., Мысль, 2003. С. 302.

²⁴⁴ Дугин А.Г. Теория многополярного мира. — М.: Евразийское движение, 2012. — 532 с., ил.

²⁴⁵ Бжезинский, Збигнев (1928). Великая шахматная доска: [Господство Америки и его геостратег. императивы: Пер. с англ.] / Збигнев Бжезинский. - Москва: Междунар. отношения, 1998. - 254,[1] с. : ил., карты; 21 см. - (Великое противостояние). - (Великое противостояние). ISBN 5-7133-0967-3 (В пер.): Б. ц. С. 108-109.

самого перспективного интеграционного проекта. Считается, что ЕАЭС должен сформировать на постсоветском пространстве полюс геополитического притяжения и новый, альтернативный американскому и европейскому, центр силы²⁴⁶. Между тем, Запад, находясь в поиске современных решений дальнейшего развития западной цивилизации, опасается евразийских инициатив России, критикуя идею евразийской интеграции²⁴⁷.

Таким образом, в настоящее время Россия стоит на так называемом цивилизационном распутье. «Между тем, сегодня Россия испытывает не только объективное давление глобализации на свою национальную идентичность, но и последствия национальных катастроф XX века, когда мы дважды пережили распад нашей государственности»²⁴⁸.

Современное цивилизационное развитие России должно базироваться на:

— национальной идее и поиске идентичности. Однако это должен быть поиск новой национальной идеи. «Прошло то время, когда готовые модели жизнеустройства можно было устанавливать в другом государстве просто как компьютерную программу»²⁴⁹. «Необходимо историческое творчество, синтез лучшего национального опыта и идеи, осмысление наших культурных, духовных, политических традиций с разных точек зрения с пониманием, что это не застывшее нечто, данное навсегда, а это живой организм. Только тогда наша идентичность будет основана на прочном фундаменте, будет обращена в будущее, а не в прошлое»²⁵⁰. Построение идентичности новой России должно происходить с учетом ее многонациональности и многоконфессиональности. В этой евразийской отсылке базируется цивилизационное понимание России как

²⁴⁶ Вэй Чуньцзе Нет Евразийство: глобальные вызовы и новый миропорядок в политической философии А.Г. Дугина // Мировая политика. 2021. №2. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/evraziystvo-globalnye-vyzovy-i-novyy-miroporyadok-v-politicheskoy-filosofii-a-g-dugina> (дата обращения: 07.02.2023).

²⁴⁷ Charap, Samuel, Alyssa Demus, and Jeremy Shapiro, eds., Getting Out from «InBetween»: Perspectives on the Regional Order in Post-Soviet Europe and Eurasia [Электронный ресурс] // Santa Monica, CA: RAND Corporation: 2018. Режим доступа: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/conf_proceedings/CF300/CF382/RAND_CF382.pdf (дата обращения: 07.02.2023).

²⁴⁸ Стенограмма выступления Владимира Путина на заседании клуба «Валдай» Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19243> (дата обращения: 07.02.2023).

²⁴⁹ Там же.

²⁵⁰ Там же.

полиэтнического и поликонфессионального государства со своим генетическим кодом.

— Ценности суверенитета. Суверенитет, самостоятельность, целостность для России являются теми «красными линиями», за которые «нельзя никому заходить»²⁵¹. В основе построения суверенного государства должна лежать концепция патриотизма. «Патриотизма, конечно, в самом чистом значении этого слова. Слишком часто в национальной истории вместо оппозиции власти мы сталкиваемся с оппозицией самой России. И мы знаем, чем это заканчивалось — сносом государства как такового»²⁵².

— Исторические ценности коллективных Побед России. Вопросы оценки исторических событий, особенно Победы в Великой Отечественной войне, раскалывают страну и общество, становясь цивилизационными разломами. «Мы должны залечить эти раны, восстановить целостность исторической ткани»²⁵³. Общество должно гордиться своей историей, коллективными историческими и геополитическими победами предыдущих поколений. История должна стать частью российской идентичности.

— Кризис Запада — отказ от корней. Российская идентичность находится под давлением событий, происходящих в мире. В первую очередь, это трансляция политики «стирания» русского, во-вторых, отрицания нравственных начал, традиционной идентичности и базовых ценностей. Результатом этого является моральный кризис человечества и популяризация ценности семьи, детей и способности к самовоспроизводству.

— Тупик однополярности. Однополярная модель мира, унификация развития государств, размытие института международного права привели к системе «вассального» управления. «Россия с теми, кто считает, что ключевые решения должны вырабатываться на коллективной основе, а не по усмотрению и в интересах отдельных государств либо группы стран. Что должно действовать

---

²⁵¹ Стенограмма выступления Владимира Путина на заседании клуба «Валдай» Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19243> (дата обращения: 07.02.2023).

²⁵² Там же.

²⁵³ Там же.

международное право, а не право сильного, не кулачное право, что каждая страна, каждый народ не исключителен, но уникален, конечно, самобытен, имеет равные права, в том числе право на самостоятельный выбор своего развития. Таков наш концептуальный взгляд, он вытекает из нашей собственной исторической судьбы, из роли России в мировой политике»²⁵⁴.

— «Цветущая сложность» Евразии. Поликультурность, полиэтничность является основой исторического сознания российского общества. «Россия, как образно говорил философ Константин Леонтьев, всегда развивалась как «цветущая сложность», как государство-цивилизация, скреплённая русским народом, русским языком, русской культурой, Русской православной церковью и другими традиционными религиями России. Именно из модели государства-цивилизации вытекают особенности нашего государственного устройства. Оно всегда стремилось гибко учитывать национальную, религиозную специфику тех или иных территорий, обеспечивая многообразие в единстве»²⁵⁵.

— Воспитание патриота и принципы самоуправления. Для достижения данного положения повышается роль образования не просто для воспитания личности, а для формирования патриота. «Гражданин тот, кто способен самостоятельно управляться с собственными делами, свободно сотрудничая с равными себе. А лучшая школа гражданственности — это местное самоуправление и самодеятельные организации граждан»²⁵⁶. Здесь имеются ввиду гражданские, волонтерские и патриотические движения.

— Развитие российского федерализма. «В конструкцию российского федерализма заложен очень большой потенциал. Нам необходимо учиться его грамотно использовать, не забывая главное: развитие регионов, их самостоятельность должны работать на создание равных возможностей для всех граждан страны вне зависимости от их места проживания; на ликвидацию

---

²⁵⁴ Стенограмма выступления Владимира Путина на заседании клуба «Валдай» Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19243> (дата обращения: 07.02.2023).

²⁵⁵ Там же.

²⁵⁶ Там же.

дисбалансов в экономическом, социальном развитии территорий России, а значит, на укрепление единства страны»²⁵⁷.

Таким образом, представленные положения руководством страны отражают концептуальные позиции неовразийского подхода. А сама евразийская интеграция воспринимается «шансом для всего постсоветского пространства стать самостоятельным центром глобального развития, а не периферии для Европы или для Азии»²⁵⁸.

Учитывая понимание цивилизационного конструкта евразийской консолидации в классическом евразийстве и его новых трактовках, можно сделать вывод о том, что показателями евразийской интеграции выступают: 1) формы идентичности, 2) образ суверенитета российского государства и образ России, 3) составляющие исторической коллективной памяти, 4) ценностно-смысловое поле общества, 5) понимание России в мировом контексте, 6) межнациональное и межконфессиональное согласие, 7) патриотизм и гражданская позиция, 8) регионализм и инфраструктурная обустроенность региональных территорий.

Однако с учетом активизации когнитивных войн и информационного противоборства специалистам, вовлеченным в процесс принятия государственных решений, необходимо осознавать, что управление крупномасштабными социальными системами, как евразийская, должно разрабатываться с учетом коммуникативного фактора, способного трансформировать цивилизационные основы евразийской системы.

В этом ракурсе важно понимание значения современных сетевых войн – совершенно нового социального и цивилизационного феномена, имеющего принципиально новые цели и средства ведения войн. В основе сетевых войн лежит теория «управляемого хаоса»²⁵⁹. Технологии управляемого хаоса – это новый неконтролируемый в настоящее время международными организациями

---

²⁵⁷ Стенограмма выступления Владимира Путина на заседании клуба «Валдай» Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19243> (дата обращения: 07.02.2023).

²⁵⁸ Там же.

²⁵⁹ Лепский В.Е. Технологии управляемого хаоса – оружие разрушения субъектности развития // Информационные войны. 2010. № 4 (16). С. 69-78 Режим доступа: http://reflexion.ru/Library/Lepsky_2010.pdf (дата обращения: 07.02.2023).

вид оружия массового поражения для установления мирового порядка в интересах стороны его применяющей. Технологии управляемого хаоса – это инструмент в «миропроектной борьбе» ведения войн^{260 261}.

Стратегия сетевых войн направлена на достижение мощного поражающего воздействия, которое должно охватить все сферы общества, включая его цивилизационные основы. Сетевая война использует DIMET-операции, что расшифровывается так: Дипломатия, Информационные операции, Вооруженные силы, Экономика и Технологии²⁶². В механизме этих операций реализуется принцип трансграничного давления, главной целью которого является разрушение всех ключевых взаимосвязей социального объекта, который включается в сеть внутренних и внешних деструктивных моделей. Сеть деструктивных моделей становится генератором нарастающих хаотических процессов, мультипликатором инвайронментальных, экзистенциальных рисков, цивилизационные основы системы подвергаются системной атаке. Это приводит к полной потере эффективности управления и утрате контроля над всеми элементами системы и, в конечном итоге, – к разрушению территориальной целостности, смене режима и установлению «марионеточной» власти²⁶³. В качестве последствий сетевой войны выступают неконтролируемая коррупция; теневой финансовый рынок; утрата полноценного контроля над национальной кредитно-финансовой и инвестиционной системами; передел собственности и формирование новых финансовых и политических элит; незаконный оборот оружия; террористические акты; рост преступности и насилия; разрушение

---

²⁶⁰ Лепский В.Е. Технологии управляемого хаоса – оружие разрушения субъектности развития // Информационные войны. 2010. № 4 (16). С. 69-78 Режим доступа: http://reflexion.ru/Library/Lepsky_2010.pdf (дата обращения: 07.02.2023).

²⁶¹ Mann S.R. Chaos Theory in Strategic Thought // *Parameters*. Autumn 1992. P. 62. Цит. по: M.S.G. Nitzschke. United States Marine Corps Vietnam: A Complex Adaptive Perspective Mann, Steven R. Chaos Theory and Strategic Thought // *Parameters* (US Army War College Quarterly), Vol. XXII, Autumn 1992, pp. 54-68.

²⁶² Андреев Э.М. Современные процессы евразийской интеграции: актуальные проблемы исследования и практической реализации // Социально-гуманитарные знания. 2015. №6. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-protsessy-evraziyskoy-integratsii-aktualnye-problemy-issledovaniya-i-prakticheskoy-realizatsii> (дата обращения: 07.02.2023).

²⁶³ Там же.

систем образования, науки и здравоохранения; утрата информационно-цифрового суверенитета и т.п.²⁶⁴

Сама сущность сетевой войн состоит в том, что они должны вестись всегда – в военный, кризисный периоды, и в мирное время и в отношении всех без исключения (противников, нейтральных сил или дружественных акторов). Это означает, что как бы Россия не выстраивала свои отношения с США как ключевым международным актором сетевых войн, против нее всегда будет вестись полноценная и фундаментальная сетевая война.

Системные сетецентричные операции – это постмодернистский аналог колонизации и подчинения, осуществляемый в новых условиях, в новых форматах и с использованием новых коммуникативных технологий. Сеть – более гибкое оружие, она манипулирует насилием и военной силой только в крайних случаях, а основные результаты достигаются в контекстуальном влиянии на широкую совокупность факторов – цивилизационных, информационных, социальные, когнитивные и т.д.²⁶⁵

Сетевой войне можно противостоять с помощью осознания народами России культурно-исторического родства с народами Евразии, принадлежности к единому целому; развития стремления российского общества к познанию не только западной, но и восточной составляющей евразийской культуры²⁶⁶.

Таким образом, формулируя методологические основы нового евразийского интеграционного проекта, необходимо помнить, что США и коллективный Запад активно будет противодействовать всем попыткам консолидации на евразийском пространстве под эгидой России. Процессы интеграции в понимании современных западных идеологов должны формировать социально-политические

---

²⁶⁴ Андреев Э.М. Современные процессы евразийской интеграции: актуальные проблемы исследования и практической реализации // Социально-гуманитарные знания. 2015. №6. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-protsessy-evraziyskoy-integratsii-aktualnye-problemy-issledovaniya-i-prakticheskoy-realizatsii> (дата обращения: 07.02.2023).

²⁶⁵ Доклад Изборскому клубу А. Дугина при участии В. Коровина и А. Бовдунова. Режим обращения: <https://izborsk-club.ru/2318?ysclid=ldq8ks3lu787693690> (дата обращения: 07.02.2023).

²⁶⁶ Андреев Э.М. Современные процессы евразийской интеграции: актуальные проблемы исследования и практической реализации // Социально-гуманитарные знания. 2015. №6. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-protsessy-evraziyskoy-integratsii-aktualnye-problemy-issledovaniya-i-prakticheskoy-realizatsii> (дата обращения: 07.02.2023).

общности посредством не усиления, а размывания суверенитетов стран – членов интеграционного проекта²⁶⁷.

Новый российский интеграционный проект – это глобальная заявка на самостоятельную, конструктивную позицию в мире. Проект начавшейся евразийской интеграции основан на социально-культурной миссии России, на альтернативности Западу с его политикой «управляемого хаоса», на многообразии и уникальности всего мира в целом.

Вместе с тем потребность в интеграции своего цивилизационного пространства для России является естественной. После тридцатилетия социально-экономических и политических потрясений современная Россия становится ведущим мировым игроком и стремится к объединению Евразии, опираясь на принципы доверия, солидарности, уважения к другим национальностям, культурам и конфессиям.

Для осуществления таких масштабных исторических процессов как проект евразийской интеграции и реинтеграционные тенденции на постсоветском пространстве необходимы объективные основания. У России они есть: особый культурно-цивилизированный код, успешный опыт создания сверхсложных социальных систем (Российская империя и СССР), опыт переустройства мировой социально-экономической системы в практике системного антикапитализма (страны Варшавского блока) и др.²⁶⁸

В обозримой перспективе предполагается реинтеграция на цивилизационных основаниях той евразийской общности исторически связанных и родственных, но расколотых народов, которая перед вызовами и рисками современного небезопасного мира обрела новую значимость. «Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня» – именно так президент России назвал свою программную статью, опубликованную

---

²⁶⁷ Mitrany, David. *A Working Peace System* / David Mitrany. — London: Royal Institute of International Affairs, 1943.

²⁶⁸ Пономарева Е.Г., Рудов Г.А. Евразийская интеграция и цивилизационное пространство России // *Обозреватель - Observer*. 2013. №9 (284). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/evraziyskaya-integratsiya-i-tsvivilizatsionnoe-prostranstvo-rossii> (дата обращения: 07.02.2023).

в «Известиях» в октябре 2011 года²⁶⁹. Евразийский интеграционный проект, который начался с воссоединения Республики Крым и Севастополя с Россией, является, без преувеличения, исторической вехой не только для отдельных территорий, но и для всех государств на постсоветском пространстве. По сути, сегодня осуществляется поиск модели, которая помогла бы сберечь цивилизационные связи, объединяющие народы на постсоветском пространстве.

В более общем плане в современной ситуации отражается столкновение двух концепций и моделей мирового развития – однополярной (США и их союзники) и многополярной. Новый российский интеграционный проект для Евразии направлен на создание другого концепта, основанного на создании нового социального порядка. Установление подобного социального порядка осуществляется в ракурсе проектирования самостоятельного цивилизационного центра, осознания своего собственного самобытного пути, построения своей цивилизационной матрицы, идейным источником которой является евразийство.

Цивилизационные основания интеграции Республики Крым и Севастополя в российское пространство в контексте современного неоевразийского концепта можно рассматривать в качестве трех принципов: первый — как составляющую национальной идеи; второй — связанность общей исторической судьбой народов постсоветского пространства; третий — формирование российской идентичности в рамках создаваемой евразийской цивилизации через отражение полиэтничного и поликонфессионального характера постсоветского пространства, положения России как моста между Востоком и Западом.

---

²⁶⁹ Путин В. В. Новый интеграционный проект для Евразии - будущее, которое рождается сегодня // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2011. №10. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/novyy-integratsionnyy-proekt-dlya-evrazii-budushee-kotoroe-rozhdaetsya-segodnya> (дата обращения: 07.02.2023).

§ 2.2. Социальная интеграция Республики Крым и города Севастополь в контексте трансформации коллективной памяти, идентичности и ценностно-смыслового поля

Проблема социальной интеграции личности и социальной группы является одной из сложнейших проблем современной социологической науки. Социальная интеграция – один из основных факторов исторической изменчивости культуры, социокультурной трансформации общества, изменения свойств сознания и поведения личностей и социальных групп. В работах эволюционистов XIX века (Г. Спенсер, Л. Морган) культурная адаптация выступает условием интеграции и детерминируется как доминантный фактор социокультурного многообразия человечества, темпов и специфики социокультурной эволюции сообществ.

На индивидуальном уровне социальная интеграция проходит ряд этапов – от попадания индивида в новую для него среду до радикальных изменений социальных условий его жизни. При этом данный процесс сопровождается аккультурацией, совмещением прежних стереотипов сознания и поведения с освоением новых, с утратой прежних социокультурных паттернов (ценностей, образцов, норм). Одна из основополагающих характеристик социальной интеграции – адекватность реагирования личности на воздействие новой социальной среды, которая проявляется в осознанном избрании новых моделей социальной активности, в новых формах идентичностей, которые согласуются с условиями принимающей среды. Кроме того, принимающее сообщество определенным образом реагирует на соприкосновение с представителями иных сообществ и выбирает различные стратегии сотрудничества – от тотального неприятия, конфликта, отторжения до согласительного к ним отношения,

готовности к конструктивному диалогу и приемлемому межкультурному общению²⁷⁰.

В нашем случае, жители Крымского полуострова проходили два этапа: инкультурации и аккультурации. Инкультурация – это процесс, который связывает развивающихся индивидов с первоначальным социокультурным контекстом, аккультурация – форма социального изменения в результате контакта с другими культурами (Дж. Берри)²⁷¹.

Инкультурация крымчан и севастопольцев до 2014 года находилась в социокультурном пространстве, которое исторически и цивилизационно было связано с Россией, в котором работали социальные и политические агенты влияния из РФ, в частности, в образовательной среде – Филиал Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе, в социально-культурной – Московский культурно-деловой центр «Дом Москвы в Севастополе», Русский культурный центр, созданный фондом «Москва-Крым» в Симферополе, в инфраструктурной – осуществлялось строительство музеев с российским участием, школы №8 в Севастополе, участие Москвы в развитии курортно-рекреационного комплекса восточного Крыма, в военно-гражданской — присутствие главной военно-морской базы Черноморского флота ВМФ ВС России в Севастополе, строительство жилья для военнослужащих ЧФ РФ.

Период аккультурации формально проходил после 2014 года, но был дифференцированным в Республике Крым и Севастополе, чему будет посвящена часть третьей главы работы. Конечным результатом процесса социальной идентификации, отождествления крымчан и севастопольцев с культурными ценностями и нормами принимающего — российского — общества выступает

²⁷⁰ Политика интеграции мигрантов в России: вызовы, потенциал, риски: рабочая тетр. / [В.И. Мукомель]; [гл. ред. И.С. Иванов]; Российский совет по междунар. делам (РСМД). — М.: Спецкнига, 2013. — 34 с. — ISBN 978-5-91891-215-7.

²⁷¹ Berry, J.W., Poortinga, Y.H., Segall, M.H., & Dasen, P.R. (2009). Кросс-культурная психология: исследования и приложения. Kharkov: Humanitarian Centre ISBN 966-8324-30-7 December 2020 Publisher: Kharkov: Humanitarian Centre ISBN: 966-8324-30-7 Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/347911558_Berry_J_W_Poortinga_Y_H_Segall_M_H_Dasen_P_R_2009_Kross-kulturnaia_psihologia_issledovania_i_prilozenia_Kharkov_Humanitarian_Centre_ISBN_966-8324-30-7 (дата обращения: 07.02.2023)..

групповой уровень интеграции или аккультурация (национальная, религиозная, политическая, социальная и др.).

Изучение социальной интеграции, при которой человек достигает соответствия новой социокультурной среде, принимая её традиции, приобретает все большую значимость с учетом возросших темпов социальных изменений, связанных с миграционными процессами и реинтеграционными тенденциями на отдельных территориях²⁷².

Основные типы интеграционного процесса личности — это активный (преобладание активного воздействия на социальную и культурную среду) и пассивный (конформное принятие ценностных ориентаций принимающего общества). Пассивного принятия ценностно-смысловых ориентаций новой среды без изменения прежней идентичности быть не может.

Идентичность как форма коллективного сознания личности формируется вследствие социокультурного взаимодействия с другими группами. Идентичность рассматривается как внутренняя тождественность и культурно-историческая непрерывность личности (Э. Эриксон). Идентичность трактуется как социокультурный механизм социализации принятия индивидом социальных ролей, усвоения социокультурных образцов и моделей поведения (Ч. Кули, Дж. Г. Мид, Т. Парсонс, И. Гофман). Среди моделей типологизации идентичностей выделяют позитивную и негативную (Э. Эриксон); модель соотношения социальной детерминации идентичности и свободы личности, осознаваемую и неосознаваемую идентичность (Дж. Мид); личностную и социальную идентичность в Я-идентичность (Ю. Хабермас).

В рамках символического интеракционизма идентичность рассматривается как результат социального взаимодействия и как фактор, обуславливающий данную интеракцию (Дж. Мид, Ч. Кули). Индивид, проживая несколько социальных ролей, обладает совокупностью идентичностей (по типу

---

²⁷² Страшко Е. В., Ярмач О. В., Дерюгин П. П., Ярмач В. Е., Астраханцева Е. А. Факторный анализ инвестиционной привлекательности и человеческого капитала регионов с научно-образовательными центрами мирового уровня // Russian Journal of Management. Том 9. Номер 1. с. 171-175. Режим доступа: <https://doi.org/10.29039/2409-6024-2021-9-1-171-175>; <https://riorpub.com/ru/nauka/article/42636/view> ; <https://elibrary.ru/item.asp?id=45623802> (дата обращения: 07.02.2023).

«стигматизированной идентичности» И. Гофмана). Феноменологи П. Бергер и Т. Лукман рассматривали индивидов как активных социальных агентов, конструирующих социальную реальность и создающих модели социальных взаимоотношений. П. Бергер и Т. Лукман, исследуя феномен идентичности, использовали понятия «успешной» и «неуспешной» социализации. «Абсолютно успешная социализация» сложно достижима, «неуспешная социализация» понимается в разрезе субъективной и объективной реальностей²⁷³. Концепции идентичности показали, что последние формируются под влиянием социальных обстоятельств – с изменением общества меняются и идентичности.

Этнические особенности идентичности раскрываются в исследованиях этничности и межнационального согласия, которые являются попытками создания целостной социально-культурной картины интеграции определенной территории, ограничивающейся пространственными параметрами и природно-географическими факторами. Отражением и индикатором консолидационных процессов в межэтническом пространстве является национально-государственная идентичность. Понятие национально-гражданской идентичности российский социолог Л.М. Дробижева раскрыла таким образом: «понятие национально-гражданской идентичности включает не только лояльность государству, но и отождествление с гражданами страны, представления об этом сообществе, ответственность за судьбу страны и чувства, переживаемые людьми (гордость, обиды, разочарования, пессимизм или энтузиазм), понимаем, что в идентичности присутствуют когнитивные, эмоциональные и регулятивные элементы (готовность к действию во имя этих представлений и переживаний)»²⁷⁴.

«Этническая идентичность так же, как государственная, понимается широко, не только как самоотождествление, но и представление о своём народе, его языке, культуре, территории, интересах, а также эмоциональное отношение к

²⁷³ Berger, P. L. and T. Luckmann (1966), *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*, Garden City, NY: Anchor Books. ISBN 0-385-05898-5; ISBN 0140135480 (h.); ISBN 0713900199 (ib.); ISBN 9780140135480 (h.).

²⁷⁴ Дробижева Л. М. 2008. Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместимости // Россия реформирующаяся. Ежегодник / Отв. Ред. М. К. Горшков. Вып. 7. М.: Институт социологии РАН. С. 214-228.

ним, и при определённых условиях готовность действовать во имя этих представлений»²⁷⁵. Данная трактовка этнической идентичности позволяет проанализировать, как политические, социально-культурные, экономические изменения отражаются в национально-государственной и национальной идентичностях. Именно в данном ракурсе автор анализирует формирование национально-государственной идентичности жителей полуострова, находящегося в переходном (пограничном) состоянии после событий Крымской весны²⁷⁶.

Изучение соотношения личностной и коллективной идентичностей присутствует в исследованиях Г. Тэджфела²⁷⁷ и Дж. Тернера^{278 279}, основная идея которых состоит в том, что существует социально-поведенческий континуум межличностного взаимодействия и взаимодействия представителей определенных общностей. Межличностное взаимодействие предполагает актуализацию личностной идентичности, взаимодействие представителей определенных общностей – коллективной идентичности. Главным элементом теории Г. Тэджфела являются мотивы позитивной самооценки, то есть человек ориентируется на межгрупповые формы поведения, если они получают позитивную самооценку²⁸⁰. Дж. Тернер разработал когнитивную «теорию самокатегоризации», сущность которой заключается в возможности существования самоопределения на трех функционально различных уровнях – общечеловеческом, личностном и коллективном идентичности²⁸¹.

По мнению Л.М. Дробизиной, идентичность – это «...соотнесение личности с группой, представления о группе, социальные механизмы самоопределения индивидов в многообразных группах... Каждая из них включает в себя

²⁷⁵ Дробизиной Л. М. 2008. Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместимости // Россия реформирующаяся. Ежегодник / Отв. Ред. М. К. Горшков. Вып. 7. М.: Институт социологии РАН. С. 214-228.

²⁷⁶ Ярмак О.В., Нелина Л.П., Ярмак В.Е. Межнациональное и межрелигиозное согласие в среде крымского студенчества // Вестник Института социологии. 2019 Том 10. № 3. С. 96-112. Режим доступа: doi: 10.19181/vis.2019.30.3.592 (дата обращения: 07.02.2023).

²⁷⁷ Tajfel H. Social identity & intergroup relations. Cambridge, Paris. 1982.

²⁷⁸ Turner J. The experimental social psychology of intergroup behaviour//Intergroup Behaviour/Eds J.Turner, H. Giles/ Oxford, 1981. P. 66-101.

²⁷⁹ Там же.

²⁸⁰ Tajfel H., Turner J.C. An integrative theory of intergroup conflict.// W.G. Austin, S Worchel (eds.). The social psychology of intergroup relations. Monterrey, Calif., 1979.

²⁸¹ Там же.

индивидуальную и коллективную идентичности разного масштаба и содержания»²⁸². Личностная идентичность трактуется как набор индивидуальных характеристик, отличающихся постоянством и преемственностью во времени и пространстве, что позволяет дифференцировать одного индивида от других. Коллективная идентичность трактуется в терминах принадлежности к социальной группе, «включенности» в общественную страту. В коллективной идентичности выделяются два разных аспекта: с точки зрения «ингруппового подобия» (по принципу однообразия и похожести) и с точки зрения аутгрупповой или «межкатегориальной дифференциации» (люди отличаются от тех, кто принадлежит не к их, а к «чужой» группе)²⁸³. Эти процессы только на первый взгляд различны, но на самом деле взаимообусловлены: максимальная идентификация с ингруппой – это ингрупповое отождествление, а подобие – повышает уровень дифференциации этой группы от «чужих» групп.

Л.М. Дробижева выделяет такие компоненты коллективной идентичности, как «самоидентификация (отнесение себя с этнической группой), представления о группе – «образ ”мы”», в который включаются автостереотипы (представления о себе), которые формируются на основании соотнесения с гетеростереотипами (представления о других), а также представления о культуре, языке, территории проживания, историческом прошлом, государственности. Весь этот набор представлений, как правило, присутствует на групповом уровне идентичности»²⁸⁴.

Советский и российский социолог В.А. Ядов разграничивает понятия идентичности как определенного состояния и идентификации как процесса, который ведет к данному состоянию; коллективную идентификацию обозначает в виде «групповых идентификаций личности, то есть самоопределение индивидов в социально-групповом пространстве относительно многообразных общностей как

---

²⁸² Дробижева Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. — М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2003. — 376 с.

²⁸³ Дробижева Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. — М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2003. — 376 с.

²⁸⁴ Там же.

“своих” и “не своих”»²⁸⁵. Классифицируя объекты коллективной идентификации, «многообразные минимальные группы», В.А. Ядов выделяет микро- и макросоциальные уровни – «группы непосредственного общения» и «символические сообщества» («мое поколение»), «примордиальные (традиционные) сообщества», «этнонациональные сообщества» и «современные сообщества», «общности той же политической ориентации или разделяющие аналогичные взгляды и ценности», «граждане данного государства или сообщества государств»²⁸⁶.

Анализируя способ функционирования коллективной идентичности, ее отечественный исследователь Ю.Л. Качанов выделяет ситуационную идентичность, обусловленную ситуацией, и надситуационную идентичность, детерминируемую не социальной ситуацией, а позицией человека в ней, в социальном пространстве²⁸⁷. В этом случае надситуационная социальная идентичность служит генератором макросоциальной идентификации. Таким образом, коллективная идентичность связывает историю, социум и культуру.

Подход норвежского социального антрополога Ф. Барта к исследованию этнической принадлежности личности и групп для авторского анализа интересен тем, что этнические группы формируются на границах взаимодействия с другими этническими группами, и эти границы понимаются не как географические, но как социальные. Значимы для темы данного исследования его размышления о смене идентичности, каким образом за одно-два поколения люди из одной этнической категории могут превратиться в представителей другой, то есть сменить

---

²⁸⁵ Ядов В.А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // Мир России. Социология. Этнология. 1995. №3-4. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-i-sotsialno-psihologicheskie-mehanizmy-formirovaniya-sotsialnoy-identichnosti-lichnosti> (дата обращения: 07.02.2023).

²⁸⁶ Ядов В.А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // Мир России. Социология. Этнология. 1995. №3-4. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-i-sotsialno-psihologicheskie-mehanizmy-formirovaniya-sotsialnoy-identichnosti-lichnosti> (дата обращения: 07.02.2023).

²⁸⁷ Качанов Ю.Л. Проблема ситуационной и трансверсальной идентичности личности как агента социальных отношений // Психология самосознания. Самара, 2003. С. 615. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22619041&ysclid=ldtcaavjc1116449406> (дата обращения: 07.02.2023).

этнический «лейбл»²⁸⁸. Подход Барта к изучению смены идентичностей в пограничном состоянии общества способствует анализу процесса формирования идентичности жителей Крымского полуострова в новой социально-политической реальности²⁸⁹.

Важным для авторского исследования являются идеи Барта о взаимосвязи между идентичностями и ценностями: чем больше различий между ценностными ориентациями, тем больше ограничений накладывается на межэтническое взаимодействие, что отражается на поведении людей – они опасаются, что их поведение не соответствует представителям групп со схожей идентичностью, ассоциируя себя с определенным этническим кластером. Формирование такого нового поля с движущимися этническими границами создает некую сеть – систему взаимоотношений, в которых происходит обмен ценностями. Члены такой сети ведут себя так, как будто этническая принадлежность «не имеет значения», или встречаются парадоксальные ситуации: когда этнический статус формирует отношения в публичной сети. Автор попыталась понять, как социальные процессы способствуют сохранению этнического статуса, что происходит при размывании или смене этнических характеристик, перестают ли они быть с точки зрения социальной среды представителями этой национальности и прекращают ли ассоциироваться с этой идентичностью?

Описанные ситуации, когда трансформируются границы этнических групп, формируют новые формы идентичности – многослойную идентичность. По словам Л.М. Дробижевой, «двойная, тройная и более идентичность в современном мире – частое явление»²⁹⁰. В связи с этим исследователь выделяет

²⁸⁸ Шкайдерова Т.В., Ярмак О.В., Цепкова А.С., Маранчак А.Г. Идентичность жителей крымского полуострова: происходит ли смена этнических границ? // Современная наука и инновации, № 1 (33), 2021, с. 114-122. Учредители: Северо-Кавказский федеральный университет ISSN: 2307-910X Режим доступа: doi: 10.37493/2307-910X.2021.1.18; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46501764> (дата обращения: 07.02.2023).

²⁸⁹ Этнические группы и социальные границы : социальная орг. культурных различий / под ред. Фредрика Барта ; [пер. с англ.: Игорь Пильщиков]. - Москва : Новое изд-во, 2006 (Химки : Тип. "Момент"). - 198, [1] с. : ил.; 20 см. - (Новые границы).; ISBN 5-98379-064-1/

²⁹⁰ Дробижева Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. — М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2003. — 376 с.

три вида идентичности: российскую (общегосударственную), этническую и республиканскую идентичность²⁹¹.

Формирование многослойной идентичности наблюдается у крымчан и севастопольцев в ходе интеграции в российское пространство. Это проявляется в различных этнических группах жителей Крымского полуострова. В частности, в основе идентичности крымскотатарской группы лежит «земельная» привязанность, гендерная и конфессиональная идентичности. На формирование идентичности украинцев и крымских татар влияют культурный и этнический факторы: в этих группах сильна принадлежность к общей культуре, национальности и вере. У группы русских идентичность базируется, в первую очередь, на основе принадлежности к российскому государству, к Крыму и своему городу как территории проживания, формируется под влиянием поколенческого, политического (политические взгляды) и экономического (уровень жизни) факторов²⁹².

Современные исследования коллективных идентичностей являются развитием научного социологического дискурса XIX века – теорий «психологии народов» и «духа народов». Согласно В. Вундту, исследования психологии народов имеют абстрактную часть, которая пытается разьяснить общие условия и законы «национального духа» (Volksgeist), оставляя в стороне отдельные народы и их историю; и конкретную, задача которой – дать характеристику духа отдельных народов и их особые формы развития»²⁹³.

С формированием в первой половине XX века социальной антропологии изменился и предмет анализа: теперь это не собственно культура этноса, а этнос как социальная группа, которая вступает в межгрупповое взаимодействие с другими общностями. В рамках социальной антропологии на протяжении XX

²⁹¹ Дробижева Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. — М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2003. — 376 с.

²⁹² Шкайдерова Т.В., Ярмак О.В., Цепкова А.С., Маранчак А.Г. Идентичность жителей крымского полуострова: происходит ли смена этнических границ? // Современная наука и инновации, № 1 (33), 2021, с. 114-122. Учредители: Северо-Кавказский федеральный университет ISSN: 2307-910X Режим доступа: doi: 10.37493/2307-910X.2021.1.18; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=4650176> (дата обращения: 07.02.2023).

²⁹³ Вундт, Вильгельм. Психология народов / Вильгельм Вундт. - Москва: ЭКСМО ; СПб. : Terra fantastica, 2002. - 861, [2] с.; 21 см. - (Антология мысли); ISBN 5-7921-0559-6 С. 14

столетия разрабатываются проблемы этничности. Их изучение связано, по мнению российского социолога Н.Г. Скворцова, с деятельностью трех научных школ: Манчестерской школой (М. Глакмэн, А. Коэн, К. Митчелл, Ф. Мейер, А.Л. Эпштейн), антропологической (Ф. Барт, Т.Х. Эриксен) и отечественной этнографической, в рамках которой была разработана теория этноса под руководством Ю.В. Бромлея²⁹⁴. По словам Н.Г. Скворцова, «этничность» «не только не имеет четкой научной дефиниции, но и допускает весьма противоречивую трактовку»²⁹⁵.

Социальный антрополог А.Л. Эпштейн считает, что этническая идентичность есть «некая итоговая идентичность, которая включает в себя целые ряды статусов, ролей и меньших по своему значению идентичностей»²⁹⁶. Эпштейн отмечает, что вследствие процессов социокультурных трансформаций, этническая идентичность не исчезает, а, напротив, принимает новые формы.

В рамках авторского исследовательского интереса анализируется межнациональное согласие, которое понимается автором как достижение позитивных межэтнических отношений и контактов, согласованных ценностных ориентаций, как готовность к межнациональному взаимодействию и способность людей жить в полиэтничном сообществе²⁹⁷ ²⁹⁸. Обращаясь к категории межнационального согласия, понимаем, что по своей структуре и содержанию оно шире, чем понятие межэтнической толерантности. Межнациональное согласие включает в себя не только диалоговые межнациональные и межрелигиозные ценности и установки, но и межэтнические контакты, готовность к достижению межнационального доверия. Именно такой подход к анализу

²⁹⁴ Скворцов Н.Г. Проблема этничности в социальной антропологии. СПб., 1997. С. 183. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22642731&ysclid=ldtcj8pe092094495> (дата обращения: 07.02.2023).

²⁹⁵ Там же.

²⁹⁶ Скворцов Н.Г. Проблема этничности в социальной антропологии. СПб., 1997. С. 183, с.23-24. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22642731&ysclid=ldtcj8pe092094495> (дата обращения: 07.02.2023).

²⁹⁷ Ярмак О.В., Нелина Л.П., Ярмак В.Е. Межнациональное и межрелигиозное согласие в среде крымского студенчества // Вестник Института социологии. 2019. Том 10. № 3. С. 96-112. Режим доступа: doi: 10.19181/vis.2019.30.3.592 (дата обращения: 07.02.2023).

²⁹⁸ Скатков А.В., Воронин Д.Ю., Ярмак О.В., Кузнецов П.Н., Евстигнеев В.П. Оценка динамики межнационального согласия при использовании комплекса марковских и полумарковских моделей // International Journal of Open Information Technologies. 2021. Т. 9. № 2. С. 59-64. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44683447>; <http://www.injoit.org/index.php/j1/article/view/1072> (дата обращения: 07.02.2023).

межнационального согласия использует российский социолог Л.М. Дробижева: «"межнациональное согласие" – понятие более широкое, чем "позитивные межнациональные отношения" и "толерантность"»²⁹⁹. Оно включает в себя не только благоприятные межнациональные установки, готовность иметь дело с людьми иных национальностей в профессиональной и неформальной сферах общения, но также и ценность диалогового урегулирования противоречивых ситуаций, межличностное и межгрупповое доверие, согласованные ценностные ориентации, общее видение образа мира. Всё это проявляется в способности людей жить в сложном, многообразном мире, взаимодействовать друг с другом на принципах доверия, равенства и справедливости³⁰⁰.

Таким образом, критериями социальной интеграции являются национально-государственная идентичность, согласованность уровней и слоев идентичности, достижение позитивного образа государства и межнациональное согласие.

Ценностные сдвиги в массовом сознании зачастую происходят в период радикальных изменений в обществе. И такое значимое геополитическое событие, как воссоединение Республики Крым и Севастополя с Российской Федерацией, обозначило проблематику формирования нового смыслового и ценностного поля у жителей полуострова, которое осложняется тем, что ценностные ориентации людей разной этнической принадлежности создавались в различных исторической и социокультурной средах. В связи с этим в ракурсе авторского исследования важным было понять не только процесс достижения межэтнического согласия, национально-государственной идентичности крымчан и севастопольцев, но и структуру их ценностного сознания, жизненных приоритетов и стратегий, установок в отношении различных этнических групп.

Обращаясь к подходу исследователей ценностей отечественных классиков социологии А.Г. Здравомыслова и В. А. Ядова, для автора важным является понимание ценности как компоненты структуры личности, с помощью которой

---

²⁹⁹ Дробижева, Л. М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. – М.: ИС РАН, 2003.

³⁰⁰ Дробижева Л.М. 2015. Потенциал межнационального согласия: осмысление понятия и социальная практика в Москве // Социологические исследования. № 11. С. 80-90.

формируются ее помыслы и чувства и с точки зрения которой решаются многие жизненные вопросы³⁰¹. Социолог Р. Инглхарт, анализируя ценности, относил их к человеческим потребностям и выделял материалистические (материальная и физическая безопасность), постматериалистические (свобода, участие, самовыражение) и ценности самовыражения (межличностное доверие, счастье, толерантность)³⁰². Подробный авторский анализ динамических изменений структуры ценностных ориентаций жителей полуострова в ходе интеграции, с опорой на подход Инглхарта, будет представлен в третьей главе работы.

Еще одно важное наблюдение, происходящее в современном мире и обладающее особой остротой в ре- и интеграционных процессах – манипуляции, переформатирование и трансформации исторической памяти. Действительно, в последнее время фиксируются процессы манипуляции с этнической историей и культурными символами с целью трансформации и конструирования этнической идентичности. Данные примеры имеют и теоретические основания – конструктивистский подход к этничности, ориентированный на работы Ф. Барта, рассматривает механизмы формирования этничности посредством манипулирования социальной идентичностью группы.

Вектор трансформации личностной идентичности дифференцирует типы и формы интеграции. При активно-интеграционном типе происходит изменение культурной идентичности, а личность активно влияет на новую культурную среду. При пассивно-интеграционном, направленном внутрь, корректируются собственные социальные установки и привычные инструментальные, поведенческие стереотипы.

Конструирование идентичности зависит от проявлений внешней среды и характера интеграции индивида с ней. По сути, интеграция — это результат, выражающийся в равновесии личности с требованиями внешнего пространства. И

---

³⁰¹ Здравомыслов А.Г. Отношение к труду и ценностные ориентации личности рабочего / А.Г. Здравомыслов, В.А. Ядов // Социология в СССР: Т. 2. М.: Мысль, 1965.

³⁰² Инглхарт, Рональд (1934). Модернизация, культурные изменения и демократия [Текст] : последовательность человеческого развития / Рональд Инглхарт, Кристиан Вельцель ; [пер. с англ. М. Коробочкин] ; Фонд Либеральная миссия. - Москва: Новое изд-во, 2011. - 462, [1] с. : ил., табл.; 20 см. - (Библиотека фонда Либеральная миссия).; ISBN 978-5-98379-144-2.

в этой связи выделяются два уровня интеграции: адаптированность, при которой у личности отсутствует тревога и напряженность, и неадаптированность, когда тревожность преобладает над другими социальными настроениями (Э. Эриксон)³⁰³. По Э. Эриксону, процесс адаптации описывается формулой: противоречие – тревога – защитные реакции личности в среде – гармоническое равновесие или конфликт³⁰⁴. То есть конфликт – это один из возможных, но не обязательных, исходов взаимодействия личности и социокультурной среды. Другим возможным исходом является сотрудничество и гармония индивида и среды.

Формирование у адаптирующегося индивида необходимых личностных качеств описано в подходе А. Маслоу³⁰⁵. Процесс адаптации описывается формулой: конфликт – фрустрация – приспособление. Причем конфликт возникает при рассогласовании реальности не с любыми потребностями личности вообще, а лишь когда отчуждаются фундаментальные – базовые – потребности личности, к числу которых А. Маслоу относит потребность в безопасности (базовые физиологические), потребность в идентичности и принадлежности к этнокультурной группе (аффилиативные потребности), потребность в уважении, признании, любви и потребность в самоактуализации³⁰⁶. По А. Маслоу, критериями конструктивных реакций являются детерминация их требованиям социальной среды, определенные изменения личностного характера и межличностного взаимодействия³⁰⁷. Признаком неконструктивных характеристик интеграции выступает агрессия. В условиях проводимой манипуляции можно трансформировать процесс конфликта, фрустрации и приспособления.

Еще одной разновидностью манипуляций в современных условиях являются «войны памяти», которые проявляются в целенаправленном искажении

³⁰³ Иванов А.В. Теория социального доверия: методологические проблемы социально-философской концептуализации // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1-1.; Режим доступа: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=18840> (дата обращения: 07.02.2023).

³⁰⁴ Там же.

³⁰⁵ Маслоу, Абрахам Гарольд (1908-1970). Мотивация и личность [Текст] / Абрахам Маслоу ; [пер. с англ. Т. Гутман, Н. Мухина]. - 3-е изд. - Москва [и др.] : Питер, 2013. - 351 с.; 24 см. - (Мастера психологии); ISBN 978-5-459-00494-7.

³⁰⁶ Там же.

³⁰⁷ Там же.

исторических фактов, событий, а также в уничтожении духовных и материальных памятников истории и культуры определённых народов и государств. Основная цель «войн памяти» – воздействие на общественное сознание с целью уничтожить, исказить, изменить коллективную историческую память народов, государств и человечества в целом, создать на этой основе новый образ истории, способный определённым образом повлиять на мировоззрение и идентичность новых поколений.

Формы и механизмы репрезентации памяти, мемориальных символов, коммеморативных ритуалов стали предметом социального теоретизирования, в частности, память понимается как инструмент конструирования социальной идентичности человека. Память исторична, так как является способом конструирования людьми своего прошлого. С одной стороны, она может изучаться как свидетельства людей, переживших некий коллективный опыт (например, Великую Отечественную войну, Крымскую весну, референдум о вхождении Республики Крым и Севастополя в Россию); с другой – это репрезентация прошлого и его конструирование через медиа, визуальные символы и коммуникативные сети.

Становление коллективной памяти как научной категории состоялось на страницах журнала «History and memory», рассматривавших коллективную память как не «ошибку»³⁰⁸. Коллективная память в социологической традиции рассматривается как реакция на разрушительную критику истории, как способ постижения прошлого со стороны структурализма, постструктурализма, постмодернизма, деконструктивизма и постистории³⁰⁹. Но, войдя не только в академическую, но и в публичную среду, коллективная память превратилась в орудие для создания конфликтов, как внутригосударственных, так и международных.

---

³⁰⁸ Funkenstein 1989: 6 Funkenstein A. Collective Memory and Historical Consciousness // History and Memory. — Bloomington, 1989. — Vol. 1. No. 1.

³⁰⁹ Klein 2000 Klein K. L. On the Emergence of Memory in Historical Discourse // Representations. — No. 69, Special Issue: Grounds for Remembering. — Winter, 2000, P. 127-150.

В 2002 году автор концепции «мест памяти» П. Нора заявил о наступлении эпохи «всемирного торжества памяти», для которой характерны критика официальных версий истории; возвращение вытесненных исторических событий; возврат к памяти народов, чья история игнорировалась; развитие мемориальных мероприятий; юридическое сведение счетов с прошлым; формирование индустрии «наследия»; открытие архивов; усиление внимания к темам травмы³¹⁰.

Социальные причины «мемориального бума» 1980-1990-х годов П. Нора связывает с «ускорением истории» и деколонизацией. Человечество, утратив представления о будущем, которое понимается как реставрация прошлого, лишились знания о том, что прошлое должно сохраняться в настоящем: «любые видимые знаки и материальные следы, которым предстоит стать свидетельствами того, что мы есть или чем мы были»³¹¹. Именно ощущение этой утраты приводит к доминированию памяти над историей и расширению мемориальных смыслов – памятников, музеев, архивов, коллекций и баз данных.

Современное влияние коммуникаций и цифровизации способствовали возникновению новых форм коллективной памяти – визуальных и ментальных символов, которые зачастую искусственно замещают реальную историю, что Жак Ле Гофф называет «революцией памяти»³¹². Его идеи о том, что современные медиа способствуют демократизации коллективной памяти, на практике не подтвердились. Наоборот, реальность показывает, что современные медиа- и коммуникативные сети способствуют исчезновению определённых конструктов памяти, что приводит к «эпохе забвения»^{313 314}.

³¹⁰ Нора П. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 2-3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html> (дата обращения: 07.02.2023).

³¹¹ Нора П. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 2-3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html> (дата обращения: 07.02.2023).

³¹² Ле Гофф, Жак (1924). История и память [Текст] / Жак Ле Гофф ; [пер. с фр. К. З. Аюбяна]. - Москва : РОССПЭН, 2013. - 302, [1] с.; 22 см.; ISBN 978-5-8243-1774-9, С. 124.

³¹³ Zierold 2010 Zierold M. Memory and Media Cultures // Erll A., Nünning A. (eds.). Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook. — Berlin — New York, 2010.

³¹⁴ Шкайдерова Т.В., Ярмак О.В., Цепкова А.С., Маранчак А.Г. Идентичность жителей крымского полуострова: происходит ли смена этнических границ? // Современная наука и инновации, № 1 (33), 2021, с. 114-122. Учредители: Северо-Кавказский федеральный университет ISSN: 2307-910X Режим доступа: doi: 10.37493/2307-910X.2021.1.18; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46501764> (дата обращения: 07.02.2023).

Исследование медийной составляющей коллективной памяти дает возможность поиска смысла прошлого, помещенного в определенный культурный контекст, а коллективная память при этом представляет собой некий «мультимедийный коллаж»³¹⁵.

При реконструкции памяти воспоминания зачастую не совпадают с реальными событиями и связаны с переживаниями текущего момента³¹⁶. И в этом отношении ценны идеи Э. Дюркгейма о феномене памяти как о коллективных представлениях, которые сохраняются в сознании, а не возникают каждый раз заново, но при этом остаются в области бессознательного. В отличие от Дюркгейма, Хальбвакс предложил понятие «рамка» как комплекса пространственно-временных и социальных представлений, позволяющих по желанию вспоминать события прошлого: «рамка и события тождественны по природе: события суть воспоминания, но и сама рамка состоит из воспоминаний»³¹⁷. Таким образом, человек, смотрит на прошлое из настоящего, пользуясь ориентирами, которые предлагает ему близкая социальная группа³¹⁸. Под «коллективной памятью» М. Хальбвакс понимал коллективно разделяемые репрезентации прошлого, но при этом утверждал, что индивидуальная память социально детерминирована³¹⁹.

Проблема существования коллективной памяти в цифровую эпоху происходит в ситуации, когда интерес к прошлому осуществляется посредством медиавизуализаций исторических событий, что приводит к кризису истории и исторического сознания. В связи с этим современная мемориальная культура не создает единых нарративов, оставаясь хаотичной, фрагментированной и

³¹⁵ Kanstainer 2002: Kansteiner W. Finding Meaning in Memory. A Methodological Critique of Collective Memory Studies. // History and Theory. V. 41, 2002, P. 185.

³¹⁶ Беззубова О.В. Музей и политика памяти // Международный журнал исследований культуры, 2016, № 3 (24). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/muzey-i-politika-pamyati> (дата обращения: 07.02.2023).

³¹⁷ Хальбвакс, Морис (1877-1945). Социальные рамки памяти / Морис Хальбвакс ; [пер. с фр. и вступ. ст. Сергей Н. Зенкин]. - Москва : Новое изд-во, 2007. - 346 с.; 20 см. - (А; 006).; ISBN 978-5-98379-088-9, с.151, 138.

³¹⁸ Ярмак О.В., Большакова М.Г., Савина З.С. Севастополь в конструкции коллективной исторической памяти: анализ информационных потоков Рунета с использованием big data // Журнал «Кант» №2(39) 2021 [стр. 285-292] Режим доступа: doi: 10.24923/2222-243X.2021-39.48; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46323747> (дата обращения: 07.02.2023).

³¹⁹ Хальбвакс, Морис (1877-1945). Социальные рамки памяти / Морис Хальбвакс ; [пер. с фр. и вступ. ст. Сергей Н. Зенкин]. - Москва : Новое изд-во, 2007. - 346 с.; 20 см. - (А; 006).; ISBN 978-5-98379-088-9, с.151, 138.

неструктурированной. С одной стороны, выход за рамки национальных рамок истории открывает новые возможности, с другой – формируется новая мемориальная политика, основанная на плюрализме и обращении к индивидуальному опыту³²⁰.

В современных обществах историческая память создается на травматическом опыте, памяти о гонениях и бедствиях, что придает коллективной памяти новые признаки сакральности и жертвенности. Именно жертвенность транслируется в коммуникативных сетях через дискурсы о признании вины, что часто приводит к поляризации и расколу по историческим, культурным, цивилизационным линиям. Вопрос о преодолении этих противоречий, разработке контрмер технологиям создания линий цивилизационных и исторических разломов в условиях гибридных и когнитивных войн становится насущным вопросом.

Кроме того, социальная интеграция крымчан и севастопольцев происходит в условиях не только объединения на цивилизационной основе и в период трансформаций идентичности и ценностей, но и в эпоху инвайронментальных вызовов, которые в некоторой степени детерминировали политический и гражданский выбор людей, оказавшихся в ситуации искусственно созданных ресурсных блокад, банковских и финансовых ограничений, экзистенциальных угроз, военной небезопасности и экологических рисков. Именно такая ситуация на протяжении практически уже десятилетия обусловила формирование новой ситуационной идентичности, смещение этнических границ между национальными группами полуострова, создание нового ценностно-смыслового поля.

Немаловажным здесь является то, что эти процессы не могут быть вырваны из коммуникационного контекста с преобладанием манипулятивных технологий. Манипуляции с идентичностью, ценностями, символами и смыслами, направленные на разрушение цивилизационных, исторических, культурных основ

---

³²⁰ Ярмак О.В., Большакова М.Г., Савина З.С. Севастополь в конструкции коллективной исторической памяти: анализ информационных потоков Рунета с использованием big data // Журнал «Кант» №2(39) 2021 [стр. 285-292] Режим доступа: doi: 10.24923/2222-243X.2021-39.48; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46323747> (дата обращения: 07.02.2023).

интеграционного процесса Республики Крым и Севастополя в Россию, постоянно усиливаются, о чем и поговорим в третьей главе работы.

§ 2.3. Инвайронментальная интеграция Крымского полуострова и контуры нового общественного договора

Общественный договор как теория происхождения государства, как известно, был выдвинут еще в XVII Г. Гроцием, Т. Гоббсом, Д. Дидро, Ж.-Ж. Руссо. Сторонники теории общественного договора считали, что государство возникло в результате соглашения между людьми, в котором предусматривался добровольный отказ отдельных лиц от части их естественных прав в пользу государственной власти³²¹. В современной науке общественный договор определяется как «обмен ожиданиями по поводу основных прав собственности и свободы, общественных благ и, тем самым, характера и структуры государства»³²².

Современная экологическая и ресурсная ситуация в мире диктует необходимость создания глобального общественного договора. Об этом говорит профессор факультета философии и религиоведения Рэдфордского университета Глен Т. Мартин: «нам необходим глобальный общественный договор для укрепления планетарной согласованности с целью защиты и соблюдения уважения разнообразия, свобод и будущего человечества»³²³.

Исследователь отмечает, что в начале XXI века наша планета скатывается в глобальную войну и планетарный хаос. Так называемая «война с терроризмом»,

³²¹ Полошкевич О.А. Общественный договор как инструмент консолидации общества // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2012. №1 (9). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvennyy-dogovor-kak-instrument-konsolidatsii-obschestva> (дата обращения: 07.02.2023).

³²² Аузан, А.А. Общественный договор и гражданское общество / А.А. Аузан // Мир России. – 2005. – № 3. – С. 3-18., с. 4.

³²³ Мартин Глен Т. Планетарная "зрелость" и наш глобальный общественный договор // Век глобализации. 2017. №3 (23). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/planetarnaya-zrelost-i-nash-globalnyy-obschestvennyy-dogovor> (дата обращения: 07.02.2023).

раздробленность якобы суверенных национальных государств, эгоизм и жадность «крошечного» правящего класса, контролирующего половину мировых богатств и большую часть военной силы, распространение оружия, войн и насилия по всему земному шару – все эти явления создают разделенный, разобщенный мир, что не дает возможности говорить о жизнеспособном, последовательном и мирном будущем³²⁴. Данные проблемы, в частности, поднимает и журналист-международник издания Asia Times в Гонконге, аналитик канала RT П. Эскобара в своей работе «Глобалистан: как глобализированный мир растворяется в жидкой войне»³²⁵.

Сегодня уже нельзя игнорировать появляющиеся по всему миру объединения, которые формируют новый уровень планетарной «зрелости». Люди начинают осознавать и понимать свое собственное право быть непохожим на других внешне, иметь другую культуру, традиции, религию. Люди стали более информированы о происходящих в других частях мира трагедиях, конфликтах и их причинах. Все чаще права человека и демократии используются недемократическими правителями национальных государств. Эти обстоятельства и обуславливают появление глобального общественного договора³²⁶.

Исследователь последовательно доказывает, что в современном мире, ранее интегрировавшемся на основе антропологических схожестей – «человеческих универсалий» (Д.Э. Браун), или лингвистических – языке (Н. Хомский, Ст. Пинкер, Ю. Хабермас), или этических правил – религиях (Дж. Хик, К. Ясперс) не могут быть объяснены процессы ре- и интеграций сегодняшних обществ. Мартин говорит о том, что время «универсального поля оценок» заканчивается, разделение на хорошее и плохое, на приносящее пользу или вред не работает в настоящее время.

³²⁴ Мартин Глен Т. Планетарная "зрелость" и наш глобальный общественный договор // Век глобализации. 2017. №3 (23). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/planetarnaya-zrelost-i-nash-globalnyy-obschestvennyy-dogovor> (дата обращения: 07.02.2023).

³²⁵ P. Escobar Globalistan: How the Globalized World Is Dissolving Into Liquid War Publisher : Nimble Books LLC (January 3, 2007). 368 pages.

³²⁶ Мартин Глен Т. Глобализация и конституция Земли: ключевые стадии в борьбе за человеческое освобождение // Век глобализации. 2015. №2, с. 90-107. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/globalizatsiya-i-konstitutsiya-zemli-klyuchevye-stadii-v-borbe-za-chelovecheskoe-osvobozhdenie> (дата обращения: 07.02.2023).

Современные когнитивные исследования общественных процессов (А. Маслоу, К. Колберг, К. Гиллиган, Ю. Хабермас, К. Уилбер) показывают необходимость достижения взаимного согласия в обществе. Понимание зрелости человеческого сознания раскрывается в концепте американского философа, разработчика интегрального подхода К. Уилбера, предложившего четыре сектора целостного развития: «Я», «Это», «Мы» и «Этот», квадрант интегральной теории³²⁷. Квадрант «Это» описывает научное развитие когерентности и холизма всего в физической Вселенной, от микро- до макроуровней. Квадрант «Я» выступает моделью роста индивидуального сознания. Квадрант «Мы» — это коллективные представления о власти и порядке. То есть Уилбер указывает на сближение между наукой, личностным ростом и развитием человеческого сознания. Четвертый квадрант, «Этот» (или система), с одной стороны, параллелен первым трем, с другой, отражает недостаточность того, что необходимо на данном этапе истории для развития человечества. В него включаются нации, государства, корпоративные ценности общины и «интегральные ячеистые сети». То есть человек организует «системы», которые будут развиваться кооперативным и согласованным способами, но для него это не станет жизненно важной функцией отражения его прав.

Опираясь на рассуждения К. Уилбера, Т. Мартиным была предложена концепция «планетарной зрелости», охватывающая движение к интегральной и последовательной планетарной цивилизации на Земле³²⁸. «Планетарная зрелость» включает в себя три компонента, каждый из которых является необходимым: 1) рационально строить цивилизацию на основе критической социальной теории; 2) развивать чувство сострадания в обществе; 3) преобразовывать «активный отказ от насилия»³²⁹.

³²⁷ Уилбер К. У36 Око духа: Интегральное видение для слегка свихнувшегося мира / К. Уилбер; Пер. с англ. В. Самойлова под ред. А. Киселева. — М: ООО «Издательство АСТ» и др., 2002.—476, [4] с. — (Тексты трансперсональной психологии). ISBN 5-17-014321-4.

³²⁸ Glen T. Martin Millennium Dawn: The Philosophy of Planetary Crisis and Human Liberation. Institute for Economic Democracy Press, 2005, p. 430.

³²⁹ Glen T. Martin Millennium Dawn: The Philosophy of Planetary Crisis and Human Liberation. Institute for Economic Democracy Press, 2005, p. 430.

Исследователь говорит о важности анализа господствующих институтов, имеющих устаревший, насильственный, регрессивный и фрагментарный характер. В связи с тем, что прогрессивные мыслители при критическом анализе глобальной экономической системы, находящейся в катастрофическом состоянии, стоят на позициях, что имперские и неоколониальные страны должны «уважать суверенитет» более слабых развивающихся стран, они не всегда бывают проницательными. Отсутствие критического понимания трансформации системы суверенных государств, осознания эксплуататорского и экологически деструктивного характера глобальной экономической системы изменило «мироцентристскую» точку зрения и привело к разрушению существующих социальных порядков – единства духовности, когнитивного развития, цивилизационной культуры и коммуникативного потенциала. Эти рассуждения и отражены в концепции Т. Мартина «Millennium Dawn»³³⁰.

Фактически существующая сегодня устаревшая система суверенных национальных государств срослась с капитализмом и сформировала глобальный беспорядок, который характеризуется как военная система, система эксплуатации с чертами национального эгоизма и планетарной раздробленности. Система корпоративного господства капитализма использует мощные национальные государства и их военную мощь, чтобы защитить и расширить свой контроль над рынками, правительствами, ресурсами, землями по всей планете.

Мартин считает, что планетарная экономическая и национально-государственная система может и должна быть преобразована в глобальный общественный договор, в котором должны быть описаны права, достоинство и свободы всех граждан Земли под правлением некоего Всемирного парламента, основанного на принципе «единства в разнообразии»³³¹. И именно такое решение позволит создать мировую систему, которая приведет к согласованности и интеграции человеческих обществ, будет способствовать защите окружающей

---

³³⁰ Glen T. Martin Millennium Dawn: The Philosophy of Planetary Crisis and Human Liberation. Institute for Economic Democracy Press, 2005, p. 430.

³³¹ Martin, Glen T. Ascent to Freedom: Practical & Philosophical Foundations of Democratic World Law. Publisher: Institute for Economic Democracy Press, 2008.

среды планеты, установит устойчивые экономические принципы всех структур на планете, а также завершит бесконечные конфликты, войны и разоружение наций.

Данные идеи, конечно, несколько утопичны. Однако причины происходящего глобального кризиса всемирной общественной системы, по нашему мнению, описаны точно. Чтобы не допустить существенных дезинтеграций, которые сегодня уже приводят к реинтеграционным тенденциям, необходимо заключение глобального общественного договора. Именно такое соглашение покончит с концепцией национальных «союзников» или «врагов», диктующей нездоровую экономическую и военную конкуренции с другими странами за власть, ресурсы и рынки.

Когда одно государство господствует над всеми остальными, размещая оружие в космосе и на каждом континенте, достигая «полного спектра доминирования» над всем воздушным пространством, сушей и водой, или обладает возможностями избирательно ограничивать ресурсы странам и территориям, которые не хотят подчиняться этим правилам, происходит наступление эпохи глобальной тирании, которая создает условия для ре- и интеграционных процессов на экологической и инвайронментальной основе.

Глобальный общественный договор может устранить эти бесконечные противоречия, основанные на модели соперничества и инициировать создание модели планетарной зрелости³³². Данная модель будет способствовать преобразованию мышления человека как участника общего будущего, которое связано с такими глобальными вопросами, как продовольственная безопасность, доступ к образованию, обеспечение экологической устойчивости и искусственное ограничение ресурсов.

Поиски реализации такого договора будут, несомненно, различны на каждом континенте, в каждой стране, для каждой расы и каждой религии. Но реализация его принципов преобразует автономные национальные государства в федеративные единицы, регулирующие себя на региональном уровне согласно

---

³³² Global Studies Encyclopedic Dictionary / Ed. by A. N. Chumakov, I. I. Mazour, W. C. Gay. With a Foreword by Mikhail Gorbachev. Amsterdam; New York, NY : Editions Rodopi B.V., 2014. XI. 3. Pp. 245-247.

конституционным основам, конвертируя эксплуататорский корпоративный капитализм на пользу глобальной экономики, способствующей стабильности в рамках разумной экономической свободы и равенства для всех, а также создавая условия для безопасного экологического или инвайронментального существования.

Таким образом, понятие «глобального общественного договора» символизирует интеграцию, когда люди согласны работать вместе, чтобы решить общие проблемы и не создавать конфликтов инвайронментального свойства искусственным образом. То есть этот «договор» – взаимное сотрудничество, «единство разнообразия» и верховенство демократически узаконенной правовой процедуры для каждого человека на планете. Такое же представление об общественном договоре есть и у политолога Б. Барбера: глобальный общественный договор должен изменить существующую парадигму, застраховать человечество от войн, насилия, конфликтов, тирании и создать условия для перехода к миру, ненасилию, кооперации и модели свободного развития³³³.

Современное представление понятия «глобального общественного договора» не подразумевает содержания, которое было заложено традиционными теориями социального контракта Дж. Локка и Т. Гоббса. В XVII, XVIII и начале XIX века теоретики общественного договора (Дж. Локк, Б. Спиноза, Т. Гоббс, И. Кант и Г.В.Ф. Гегель) дошли до признания, что система суверенных государств является по сути «войной-системой», так как нет общественного договора между странами.

Обоснование для достижения договоренностей о глобальном общественном договоре обуславливает такая характеристика современности как нестабильность, которая проявляется во всех сферах: в экономике и финансах, политике и социальной сфере, информации и коммуникациях, технологиях и экологии, культуре и мировоззрении, войне и мире. Особенно это стало очевидным в процессе установления новых образцов поведения в короновирусном 2020 году, когда большинству людей на планете пришлось резко поменять отношение к тому, что ранее считалось незыблемым и самим по себе разумным,

---

³³³ Barber B. Participatory Democracy. // Encyclopedia of Democracy. Vol. 3. New York, 1995. P.923.

планомерным и предсказуемым: общение, работу, учебу, досуг, перемещения, здоровье и безопасность.

Мыслители современности говорят о стратегической нестабильности, неустойчивости и неопределенности, охватившей наднациональный, межрегиональный и глобальный уровни. При этом классическая социальная модель по реформатированию общественных договорённостей «порядок – хаос – новый порядок» не работает.

Актеры глобальной политики освоили технологии «управляемого хаоса» и нашли им военное применение. Направленная дестабилизация порождает острейшие политические, социально-экономические и военные кризисы, дестабилизированные страны и регионы погружаются в хаос на десятилетия, а мировое сообщество как будто и не интересуется рестабиллизацией кризисных регионов или построение в них какого-либо нового порядка³³⁴. Сегодня становится все более очевидным, что стратегическая нестабильность как форма функционирования больших социальных систем подвергается управляющему воздействию, технологизируется и используется для достижения военных целей различными субъектами мировой политики без прямого открытого вооруженного противоборства, став способом управления глобальными процессами современности и достижения мирового господства. В связи с чем выработка эффективных и научно обоснованных мер противодействия технологиям управляемой дестабилизации становится залогом успешной организации национальной обороны и обеспечения национальной безопасности России³³⁵.

В связи со сложившейся стратегической нестабильностью современные мыслители предлагают приступить к созданию глобального общественного договора, что является единственным реальным, жизнеспособным вариантом для

---

³³⁴ Роткин Н.В. Социально-психологическое измерение современной стратегической нестабильности // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. 2021. №4. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-psihologicheskoe-izmerenie-sovremennoy-strategicheskoy-nestabilnosti> (дата обращения: 07.02.2023).

³³⁵ Там же.

человечества^{336 337}. Если такой договор не будет заключен, то будут возникать реинтеграции, приводящие к пересмотру суверенности национальных государств или их частей.

Предложенный подход по созданию глобального общественного договора четко описывает причины реинтеграционных процессов на постсоветском пространстве, в частности, не только протекания ряда экологических катастроф и возникновения инвайронментальных угроз, которые произошли на Крымском полуострове – в виде водной, энергетической, продовольственной, финансовой блокад, но и самое главное – принятие решения по созданию безопасного пространства под защитой материнского (базового) государства – России. Именно экологические угрозы, создаваемые извне вследствие происшедшей цивилизационной интеграции Республики Крым и Севастополя в Россию, способствовали переходу на ее следующий уровень – инвайронментальный.

Инвайронментальная интеграция Крымского полуострова, по сути, начавшаяся по причине ресурсной проблемы в советское время, обострилась в постукраинский период, и способствовала усилению одобрения крымских событий 2014 года у тех, кто сомневался в их значимости и необходимости. В частности, в период энергетической блокады 37% опрошенных в рамках исследования 2015 года, проведенного ВЦИОМ, ответили, что Россия должна организовать альтернативную украинской систему энергообеспечения³³⁸. Исследование ВЦИОМ 2016 года показало, что большинство россиян считают неприемлемым подписание с Украиной контракта на поставку электроэнергии, если в нем Республика Крым и город Севастополь будут названы украинскими: «за» заключение такого договора на украинских условиях выступили только 6%

---

³³⁶ Панарин А.С. (1940-2003.). Стратегическая нестабильность в XXI веке / Александр Панарин. - Москва : Алгоритм, 2003 (ГУП Смол. обл. тип. им. В.И. Смирнова). - 558, [1] с.; 21 см.; ISBN 5-9265-0111-3 (в пер.). С. 5.

³³⁷ Martin, Glen T. Ascent to Freedom: Practical & Philosophical Foundations of Democratic World Law. Publisher: Institute for Economic Democracy Press, 2008.

³³⁸ Энергетическая блокада Крыма: как реагировать России? Аналитический обзор 18 декабря 2015 года Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/energeticheskaya-blokada-kryma-kak-reagirovat-rossii?ysclid=lc4xhhg7g255504889> (дата обращения: 07.02.2023).

опрошенных по всей стране и 6% респондентов, участвовавших в опросе в Крыму. «Против» высказались 87% опрошенных³³⁹.

Вторая современная концепция, предлагающая новые правила договорных отношений, – это контрактарианизм (Р. Холмс)³⁴⁰. Идея данной концепции проста: если соответствующим образом социальная группа при определенных условиях свободно выбрала ряд принципов, то эти принципы являются обоснованными. Выбранные принципы будут 1) основываться во «вполне упорядоченном обществе», которое создано ради расширения блага его членов; 2) регулироваться концепцией справедливости; 3) характеризоваться тем, что каждый придерживается одинаковых принципов справедливости.

Люди идут на выбор таких принципов тогда, когда происходит «занавес неведения» (Дж. Ролз), когда они не понимают своего места в обществе, в котором живут; когда происходит нарушение классового или социального статуса; когда не может реализоваться их природная одаренность; когда усиливаются инвайронментальные риски³⁴¹. В таких обстоятельствах люди предпочитают альтернативу, в том числе в виде реинтеграций, которые обеспечивают каждому индивиду обладание равными правами и свободами, соотносимыми со свободой всех, а социальное и экономическое неравенства должны не усиливаться, а создавать здоровую конкурентную среду. Новая концепция контрактариализма апеллирует к идее общественного договора Т. Гоббса, но он основывается на равенстве статусов индивидов, на возможности реализовывать свои собственные интересы в безопасном пространстве. Таким образом, принцип разумности выступает основой контрактариализма.

³³⁹ Исследование ВЦИОМ о неприемлемости подписания с Украиной контракта на поставку электроэнергии, если в нем Крым и Севастополь будут названы украинскими. ВЦИОМ 28 января 2016 года Режим доступа: https://krym.aif.ru/society/rossiyane_ne_hotyat_videt_krym_ukrainskim_dazhe_na_bumage_vciom?ysclid=lc4xhou18u683671170 (дата обращения: 07.02.2023).

³⁴⁰ Rawls, John, 1921– A theory of justice / John Rawls. — Rev. ed. p. cm. Includes bibliographical references and index. ISBN 0-674-00077-3 (cloth : alk. paper). — ISBN 0-674-00078-1 (paper : alk. paper).

³⁴¹ Ролз, Джон. Теория справедливости / Джон Ролз ; науч. ред. В. В. Целищев [пер. с англ. В. В. Целищева при участии В. Н. Карповича и А. А. Шевченко]. - Новосибирск : Изд-во Новосибирского ун-та, 1995. - 534, [1] с. : ил.; 22 см.; ISBN 5-7615-0365-4.

Дж. Ролз оценивается как самый влиятельный сторонник контрактализма и теоретик общественного договора современности³⁴². Контракт Ролза направлен на установление общих социальных рамок для существования обществ, и поэтому, с нашей точки зрения, он является собственно социальным.

В основе концепции Ролза лежит договорная идея, попытка выяснить, какие принципы должны основывать «вполне упорядоченные» (well-ordered) общества, то есть общества, отвечающие требованиям справедливости. По Ролзу, основной предмет теории справедливости — это «базисная структура общества... способы, которыми основные социальные институты распределяют фундаментальные права и обязанности и определяют разделение преимуществ социальной кооперации»³⁴³. Основные параметры реализации этой концепции — это, во-первых, свобода и равенство людей, во-вторых, максимизация полезности, то есть стремление к удовлетворению максимального возможного числа потребностей.

Приведенные концепты современной гуманитарной науки об общественных договоренностях и контрактах свидетельствуют, с одной стороны, о накопившихся противоречиях, способствующих росту инвайронментальных и ресурсных ограничений, созданию небезопасных пространств, с другой стороны, об усилении социальных альтернатив и реинтеграционных возможностей для организации безопасных пространств с достойным уровнем жизни, отсутствием ограниченности ресурсов, защитой от блокад и санкций.

Такие характеристики современных обществ представлены в концепции общества риска У. Бека³⁴⁴. Бек использует термин «общество риска» для обозначения современной (конец XX в.) стадии развития индустриального общества, для которой характерно возрастающее количество распределения рисков и угроз. Общество риска – это не новый этап развития общества, а

³⁴² Ashford Elizabeth and Tim Mulgan, "Contractualism", The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Summer 2018 Edition), Edward N. Zalta (ed.), Режим доступа: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2018/entries/contractualism/> (дата обращения: 07.02.2023).

³⁴³ Ролз, Джон. Теория справедливости / Джон Ролз ; науч. ред. В. В. Целищев [пер. с англ. В. В. Целищева при участии В. Н. Карповича и А. А. Шевченко]. - Новосибирск : Изд-во Новосибирского ун-та, 1995. - 534, [1] с. : ил.; 22 см.; ISBN 5-7615-0365-4.

³⁴⁴ Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Седельника, Н. Федоровой. - М.: Прогресс-Традиция, 2000. - 383 с. - Пер. изд.: Beck U. Risikogesellschaft. -Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1986.

обострение некоторых проблемных явлений, характерных для индустриального общества: логика «распределения богатства в обществе, основанном на недостатке благ», сменяется «логикой распределения риска в развитых странах модерна»³⁴⁵.

Бек описывает новые последствия прогнозируемых рисков: «Глобальный рыночный риск – это новая форма “организованной безответственности”: ведь это настолько обезличенная институциональная структура, что не может быть речи ни о какой ее ответственности, даже перед самой собой...»³⁴⁶. Фактически идет речь о новой форме общественной реакции на созданный инвайронментальный риск – создав его, его не замечать.

Мысль Бека о возникновении новых форм солидарности вследствие современных рисков: «Место общности нужды занимает общность страха» приводит к дальнейшей перспективе трансформации базовых социальных институтов и механизмов в обществе риска³⁴⁷. Такие риски Бек называет «модернизационными рисками» – это феномен, который, в свою очередь, становится причиной возникновения других типов риска.

Бек характеризует современные общества как «общества без гарантий, оно не застраховано, и парадокс в том, что защищенность убывает по мере роста опасностей. Нет ни одного института – ни реально, ни, видимо, даже в замысле, – который был бы готов к "наихудшему мыслимому бедствию", как нет и формы общественного порядка, которая обеспечивала бы социальные и политические гарантии в этом худшем из возможных случаев»³⁴⁸.

В обществах риска риски в основном концентрируются в бедных государствах, в то время как богатые страны способны максимально оградить

³⁴⁵ Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Седельника, Н. Федоровой. - М.: Прогресс-Традиция, 2000. - 383 с. - Пер. изд.: Beck U. Risikogesellschaft. -Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1986., с. 21.

³⁴⁶ Бек У. Космополитическое общество и его враги // Журнал социологии и социальной антропологии. – СПб., 2003. – Т. 6, № 1. – С. 24–53, с. 35 Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kosmopoliticheskoe-obschestvo-i-ego-vragi> (дата обращения: 07.02.2023).

³⁴⁷ Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Седельника, Н. Федоровой. - М.: Прогресс-Традиция, 2000. - 383 с. - Пер. изд.: Beck U. Risikogesellschaft. -Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1986, с. 60.

³⁴⁸ Ульрих Бек. От индустриального общества к обществу риска. Ulrich Beck. From Industrial Society to the Risk Society // Theory, Culture and Society, February 1992, v.9, no.1, p.97–123. © Theory, Culture and Society Ltd., 1992 Перевод к.ф.н. А.Д. Ковалева // THESIS, 1994, вып. 5 Режим доступа: https://igiti.hse.ru/data/421/313/1234/5_2_3Beck.pdf?ysclid=ldqfu55v63463135539 (дата обращения: 07.02.2023).

себя от множества рисков. Порождая риски, развитая модернизация также создаёт рефлексивность, которая позволяет снизить объем производимых ею рисков. Выходом из ситуации системного риска может быть недопущение цивилизационных рисков. Иначе будут происходить общественные трансформации по размыванию политических, социальных границ с утратой власти. Однако ни обеспеченные индивиды, ни государства, порождающие риски, не застрахованы от них, что Бек называет «эффектом бумеранга».

Рассмотрение инвайронментальной интеграции Крымского полуострова в контексте концепции общества риска дает понимание о ресурсных ограничениях, инициированных украинской стороной, и процессах, происходящих в период блокад на полуострове. После объявления украинской властью энергетической блокады Крыма были запущены технологические риски, проявившиеся, в том числе, в нарушении работы всей энергетической системы Украины. Транспортная, финансовая, продовольственная блокады Крыма также привели к рисковому последствием в соседних в Крымом украинских регионах, что показало бековский «эффект бумеранга».

Однако самым основным ожидаемым последствием запущенных блокад с целью создания общества риска на полуострове было стремление к размытию и последующему разрушению цивилизационных и социальных оснований интеграции Республики Крым и Севастополя в Россию. То есть через искусственное создание небезопасного пространства, распространение инвайронментальных и экзистенциальных рисков, которые пронизывают все сферы социума и формируют в нем классическое общество риска, должны были привести к отторжению у населения стремления к консолидации с Россией как с актором, неспособным защитить интегрируемое сообщество. Искусственно создаваемая ситуация стратегической небезопасности не привела к ожидаемым результатам, наоборот, актуализировала создание условий нового общественного договора, в котором будут зафиксированы условия недопущения стратегической нестабильности.

Крымская весна, референдум о вхождении Республики Крым и города Севастополь в Россию, гражданское противостояние на юго-востоке Украины, начавшаяся специальная военная операция России на Украине стали поворотными событиями в российской и мировой истории. Вполне естественно, что в это переломное время предыдущий общественный договор утратил свою актуальность, сформировав новые требования разных групп населения и обусловив новые императивы в международном пространстве. Контурами нового общественного договора могут быть направления современных запросов российского общества как к своей власти, так и социальным акторам мирового и национального уровней: требование новой идеологии, требование к определению экономического строя страны, требование к деbüroкратизации экономики, требование обеспечения эффективной работы профессиональных и социальных лифтов, требование интеграции банковских структур в альтернативные системы государственного управления, требование к прекращению неконтролируемой иммиграции и борьбы с крайними формами неравенства.

Эти требования созвучны с принципами неоевразийства, озвученные, в частности, российским мыслителем А.С. Панариным^{349 350}. Именно такие критерии, по мнению ученого, обеспечат России уверенные социальные, экономические и политические позиции на постсоветском пространстве, будут способствовать построению безопасного пространства в ресурсном и инвайронментальном аспектах, создадут условия для «собирания русских земель» с возможностью оказания защиты русскому населению, объединенному по принципу наднациональной идентичности.

По сути дела, новый общественный договор ставит на повестку дня вопрос о новом социальном порядке. Кто в современных условиях мог бы принять на себя ответственность за решение накопившихся социальных проблем экзистенциального характера?

---

³⁴⁹ Панарин А. С. Православная цивилизация / Сост., предисл. В. Н. Расторгуев / Отв. ред. О. А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2014. – 1248 с.

³⁵⁰ Панарин А.С. Прав да железного занавеса. — М.: «Алгоритм», 2006. – 636 с.

Аргументы в пользу его создания состоят в том, что социальный порядок может быть установлен как некий компромисс, как равновесное состояние, баланс между социальными группами и давлением внешней среды. Подтверждением такого баланса могут стать реинтеграции в различных местах планеты, причинами которых будут нарушения принципов безопасности инвайронментальной среды и экологической справедливости в целом.

§ 2.4. «Островная» солидарность и кредит доверия как системные эффекты интеграции Республики Крым и города Севастополь в Россию

В социологической науке тематика солидарности сложно институализировалась. Изначально эта проблематика претендовала на приоритетную позицию в социологических исследованиях, но в связи с тем, что солидарность – это своеобразная «ткань» общества, которая «держит» социальные структуры, она является необходимым условием любых социальных изменений (если солидарность снижается, то общество переходит в состояние распада). Понятием «солидарность» в современных концептах объясняют причины разрыва социальной «ткани» и осуществляют поиск способов ее регенерации³⁵¹. Поэтому вопросы о формировании солидарности, факторах этого процесса, механизмах воспроизводства солидарности в рамках социального порядка сегодня выступают на первый план.

Существует мнение, что исторически первым мотивом социальной солидарности был эгоизм³⁵². Он естественен для человеческой природы, так как направлен на удовлетворение его потребностей, реализацию интересов, обеспечение самосохранения, саморазвития и самореализацию. Эгоизм возникает

---

³⁵¹ Социальная солидарность и альтруизм: Социологическая традиция и современные междисциплинарные исследования: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии; Отв. ред. Ефременко Д.В. – М., 2014. – 284 с. – (Сер.: Теория и история социологии). ISBN 978-5-248-00716-5.

³⁵² Там же.

в связи с желанием человека к личной независимости, осознания себя самостоятельным и свободным. С одной стороны, эгоизм порождает здоровое начало в человеке, которое в разумном сочетании не позволяет подавить человека и превратить общество в безликую унифицированную сообщество. Но, с другой стороны, именно эгоизм формирует коллективизм — стремление человека к объединению с целью обычного выживания перед различными угрозами инвайронментального и экзистенциального свойства.

С учетом вышесказанного можно согласиться с политическим деятелем Франции Ф. Гизо, который полагал, что эгоизм и солидарность как взаимодополняемые и взаимосвязанные компоненты выступают главными условиями существования цивилизации, которая «существует при двух условиях и характеризуется двумя признаками: развитием общественной деятельности и развитием деятельности личной. <...> Оба эти факта состоят в такой тесной и необходимой связи между собой, что, даже появляясь не одновременно, они не могут быть отделены друг от друга и рано или поздно один из них повлечет за собой другой»³⁵³.

Русский ученый П.А. Кропоткин описывал проявления солидарности среди животных, которые напоминают описания формирования солидарности Ф. Гизо через чувства эгоизма и выживания в человеческом обществе. «Помимо закона Взаимной Борьбы в природе существует еще закон “Взаимной Помощи”, который для успешности борьбы за жизнь, и в особенности для прогрессивной эволюции видов, играет гораздо более важную роль, чем закон Взаимной Борьбы... Едва только мы начинаем изучать животных... как тотчас же мы замечаем, что хотя между различными видами, и в особенности между различными классами животных, ведется в чрезвычайно обширных размерах борьба и истребление, — в то же самое время, в таких же, или даже в еще больших размерах, наблюдается взаимная поддержка, взаимная помощь и взаимная защита среди животных,

---

³⁵³ Алебастрова И.А. Конституционализм как правовое основание социальной солидарности : фундаментальные принципы конституционализма, злоупотребление правом и злоупотребление суверенитетом, оппозиция как главный гарант разделения властей, социальное государство и солидарное общество, конституционный интернационализм : монография / И. А. Алебастрова. - Москва : Проспект, 2016. - 549 с.; 21 см.; ISBN 978-5-392-19255-7 : 1000 экз., с. 14.

принадлежащих к одному и тому же виду, или, по крайней мере, к тому же сообществу. Общественность является таким же законом природы, как и взаимная борьба»³⁵⁴.

Об использовании эгоизма как мотива социальной солидарности пишет и Ф. Фукуяма: «Индивиды кооперируются в организации только потому, что им это выгодно»³⁵⁵.

Так, люди объединяются с целью достижения своих интересов, противостояния угрозам, повышения эффективности своей деятельности. Человек, понимая, что он не может самостоятельно удовлетворить свои потребности, стремится использовать других людей в своих целях. Люди постепенно стали осознавать «ту силу, которую они приобретают, практикуя взаимную помощь и поддержку, а также сознавать удовольствия, которые можно найти в общественной жизни. Общество... зиждется вовсе не на любви и даже не на симпатии. Оно зиждется на сознании — хотя бы инстинктивном, — человеческой солидарности, взаимной зависимости людей. Оно зиждется на бессознательном или полусознанном признании силы, заимствуемой каждым человеком из общей практики взаимопомощи»³⁵⁶.

С развитием образованности человека эгоизм обусловил появление солидарности нового свойства — как деятельности, осуществляемой не в рамках противостояния одних групп другим, а в виде компромиссов между отдельными людьми и социальными группами³⁵⁷. То есть повышение интеллектуального потенциала человечества гуманизировало его, создав новые формы солидарности — благотворительность, меценатство, просветительскую деятельность, волонтерство. Тем самым в обществе появилась социальная солидарность

³⁵⁴ Кропоткин П.А. Взаимопомощь как фактор эволюции. – М.: «Самообразование», 2007. – 240 с., с. 7-8.

³⁵⁵ Фукуяма, Ф. Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке: [пер. с англ.] / Фрэнсис Фукуяма. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006.—220, [4] с.— (Philosophy), с. 88.

³⁵⁶ Кропоткин, П. А. Взаимная помощь среди животных и людей, как двигатель прогресса / П. Кропоткин; Пер. с англ. В. П. Батурицкого, под ред. авт. Вновь пересм. и доп. и с предисл. авт. к этому изд. - Петербург; Москва: Голос труда, 1922. - VIII, 342 с.; 23 см.

³⁵⁷ Алебастрова И.А. Конституционализм как правовое основание социальной солидарности : фундаментальные принципы конституционализма, злоупотребление правом и злоупотребление суверенитетом, оппозиция как главный гарант разделения властей, социальное государство и солидарное общество, конституционный интернационализм : монография / И. А. Алебастрова. - Москва : Проспект, 2016. - 549 с.; 21 см.; ISBN 978-5-392-19255-7 : 1000 экз.

принципиально иного качества: ее масштабы существенно расширились, а содержание заметно обогатилось — солидарность стала использоваться не только как средство противостояния различных социальных общностей, но и как механизм налаживания их мирного сосуществования³⁵⁸.

История категории социальной солидарности началась одновременно с историей самой социологии. В трудах О. Конта это понятие встречается постоянно, когда он пишет о социальном порядке, рассуждая об иерархической структуре общества, о социальной статике и социальной динамике. Контовская социальная статика сводится к изучению «общественного консенсуса», представленного в виде структуры общества в конкретный исторический момент и элементов, определяющих консенсус, то есть то, что создает социальное единство³⁵⁹. Общество, по Конту, держится на согласии умов, консенсус определяет социальный порядок: общие идеи и общие социальные чувства составляют сущность социальной солидарности.

В концепции солидарности Э. Дюркгейма органическая солидарность основывается на коллективных представлениях. В индивидуализированном обществе Дюркгейм основную проблему видит в поддержании минимума коллективного сознания, при отсутствии которого органическая солидарность ослабляется и дезинтегрирует общество. Согласно Дюркгейму, главной проблемой современных обществ является вопрос достижения консенсуса, смягчения конфликтов и поддержания согласия.

П.А. Сорокин проблемой солидарности занимался в рамках своего интегрализма: солидарность — это позитивный модус взаимоотношений индивидов, предполагающий созвучность установок и поведения взаимодействующих участников.

---

³⁵⁸ Алебастрова И.А. Конституционализм как правовое основание социальной солидарности : фундаментальные принципы конституционализма, злоупотребление правом и злоупотребление суверенитетом, оппозиция как главный гарант разделения властей, социальное государство и солидарное общество, конституционный интернационализм : монография / И. А. Алебастрова. - Москва : Проспект, 2016. - 549 с.; 21 см.; ISBN 978-5-392-19255-7 : 1000 экз.

³⁵⁹ Арон Р. Этапы социологической мысли / Общ. ред. и предисл. П.С. Гуревича. – М.: Прогресс – Политика, 1993. – 608 с., с. 111-115.

В социологии социальную солидарность рассматривают в основных социологических школах. К. Маркс и Ф. Энгельс доказывали, что солидарность при капиталистическом укладе является стремлением господствующего класса представить свой интерес как общий для всех членов социума^{360 361 362}. М. Вебер проблематику солидарности рассматривал через призму социального действия³⁶³. Процесс интеграции приведет к созданию общества или к объединению, являющемуся результатом солидарности целерационального характера. В структурном функционализме Т. Парсонса солидарность является феноменом, с одной стороны, объективированного характера, как и социальная система в целом, и с другой стороны – максимально динамичным явлением, обусловленным комплексом повседневных взаимодействий акторов³⁶⁴. В феноменологической социологии А. Шютца солидарность выступает социально предопределенным феноменом³⁶⁵. В символическом интеракционизме Г. Блумера социальная солидарность – это динамическое и не гарантированное состояние, возникающее в процессе человеческого взаимодействия³⁶⁶. В критической социальной теории Ю. Хабермаса солидарность структурирует жизненный мир, в основе которого находятся intersубъективные отношения и социальные действия, стимулирующие согласие и диалог^{367 368}. П. Бурдьё видит основы социальной

³⁶⁰ Маркс, К. Капитал. Критика полит. экономии / К. Маркс; перевод, предисл. Ф. Энгельса. – Т. 1. – М.: Политиздат, 1973. – Т. 1. Кн. 1. Процесс производства капитала. – VIII, 907 с., 1 л. портр. – Указатели имен, цитируемой и упоминаемой лит. рус. пер. цитируемых книг, предм. указ: с. 813-900.

³⁶¹ Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии (перевод). – М.: Политиздат, 1988. – Т.2. Кн. 2: Процесс обращения Капитала / изд. под ред. и с предисл. Ф. Энгельса, 1988. – 654 с. – Библиогр. с. 597 – 603. Указ имен: с. 604 – 609. Предм. Указ.: с. 610-650.

³⁶² Маркс, К. Капитал: Критика полит. экономии: (Перевод). – М.: Политиздат, 1988. – Т. 3; Кн. 3: Процесс капиталистического производства, взятый в целом: ч. 2 / изд. под ред. Ф. Энгельса. – 1989. – с. 509 – 1078. – Указ. имен, предм.: с. 1021-1076.

³⁶³ Вебер, Макс (1864-1920.). Избранные произведения : Пер. с нем. / М. Вебер; Сост., общ. ред. и послесл. [с. 736-769] Ю. Н. Давыдова; Предисл. П. П. Гайдено [с. 5-41; Коммент. А. Ф. Филиппова]. - Москва : Прогресс, 1990. - 804,[1] с.; 21 см. - (Социол. мысль Запада).; ISBN 5-01-001584-6 (В пер.), с. 707-735.

³⁶⁴ Арон Р. Этапы социологической мысли / Общ. ред. и предисл. П.С. Гуревича. – М.: Прогресс – Политика, 1993. – 608 с., с. 111-115.

³⁶⁵ Там же.

³⁶⁶ Там же.

³⁶⁷ Habermas J. Legitimationsprozesse im Spätkapitalismus. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1973., S. 61-63.

³⁶⁸ Дерюгин П.П., Кремнев Е.В., Ярмак О.В., Страшко Е.В., Камышина Е.А., Баннова О.С. Конвертация человеческого и социального капиталов в корпорациях: трансрегиональные исследования на примере российских, китайских и европейских корпораций. Modern oriental studies. 2021; 3(4): 619-6.

солидарности в сложно структурированных символических комплексах^{369 370 371 372}
373 .

В России тема солидарности – одна из основных в гуманитарной науке XIX столетия (М.А. Бакунин, П.Л. Лавров, Л.И. Мечников, П.А. Кропоткин, Н.К. Михайловский, М.М. Ковалевский, П.А. Сорокин)³⁷⁴. В русском философском наследии выделяются два основных направления в рассмотрении проблематики социальной солидарности или соборности. Это «иерархический» или «органический персонализм», представленный, прежде всего, работами Н.О. Лосского, С.Н. Булгакова, Е.Н. Трубецкого, С.А. Левицкого и «антииерархический персонализм» Н.А. Бердяева, С.Л. Франка и В. Иванова³⁷⁵. Базовая посылка первого подхода заключается в том, что народ, нация, государство рассматриваются в качестве личностей, стоящих на последовательных ступенях развития. Согласно второму видению, личность не есть часть и не может быть частью в отношении к какому-либо целому. Общая

³⁶⁹ Человеческий капитал руководителей корпораций: особенности, структура, измерение: Коллективная монография. – СПб.: Медиана, 2023 – 218 с.

³⁷⁰ Дерюгин П.П., Ярмук О.В., Страшко Е.В., Камышина Е.А., Баннова О.С. Человеческий капитал в ценностных ориентациях студенчества: методология, методика и результаты диагностики // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика, № 1 (5), 2021, с. 215-227 eISSN: 2587-9987 Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=47498267> (дата обращения: 07.02.2023).

³⁷¹ Дерюгин П. П., Лебединцева Л.А., Ярмук О.В., Чихарев И.А., Ярмук В.Е.. Социодинамика ценности деловых качеств в структуре человеческого капитала за период обучения в вузе: стратегия социологической диагностики // Социология науки и технологий. 2020. Том 11. № 4, с. 140-160 Режим доступа: doi: 10.24411/2079-0910-2020-14008 (дата обращения: 07.02.2023).

³⁷² Evolution of strategies for human capital diagnostics. REVISTA GÊNERO E DIREITO REVISTA INCLUSIONES ISSN 0719-4706 VOLUMEN 7 – NÚMERO ESPECIAL – OCTUBRE/DICIEMBRE 2020. / Deriugin, Pavel P. ; Glukhikh, Vladimir A. ; Yarmak, Olga V. ; Strashko, Ekaterina V. ; Kamyshina, Elena A. ; Yarmak, Veronika E. In: Revista inclusiones, Vol. 7, No. Especial, 2020, p. 178-197. ISSN 0719-4706 Режим доступа: <https://revistainclusiones.org/gallery/11%20VOL%207%20NUM%20Universidad%20OCT%20DIC%202020%20Rev%20Inc.pdf> (дата обращения: 07.02.2023).

³⁷³ P P Deryugin, E V Strashko, O V Yarmak. Scientific and Educational Centers as Factor of Activation of Human Capital in the Regions of Russia: Sociological Monitoring of Activity (Conceptualization of the Plan) // Proceedings of the International Scientific Conference "Far East Con" (ISCFEC 2020). Advances in Economics, Business and Management Research. 17 March 2020. ISBN 978-94-6252-929-8 Режим доступа: <https://doi.org/10.2991/aebmr.k.200312.322> (дата обращения: 07.02.2023).

³⁷⁴ Социальная солидарность и альтруизм: Социологическая традиция и современные междисциплинарные исследования: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии; Отв. ред. Ефременко Д.В. – М., 2014. – 284 с. – (Сер.: Теория и история социологии). ISBN 978-5-248-00716-5.

³⁷⁵ Социальная солидарность и альтруизм: Социологическая традиция и современные междисциплинарные исследования: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии; Отв. ред. Ефременко Д.В. – М., 2014. – 284 с. – (Сер.: Теория и история социологии). ISBN 978-5-248-00716-5.

для обоих подходов трактовка соборности, как условного коррелята солидарности есть в русской философии.

В рамках социологического подхода основания солидарности рассматривались в качестве исключительной моральной ценности (В.О. Рукавишников); как устойчиво воспроизводимая система общественного порядка (А.Я. Флиер); как взаимодействие индивидов на основе наличия или отсутствия общности интересов и взаимной поддержки (Ю.Г. Волков)³⁷⁶.

В современном российском обществе солидарность исследуется А.С. Ахиезером через анализ исторических оснований солидарности и призму монологизации российской культуры; Л.Д. Гудковым, который отрицает исторические традиции солидарности; А.П. Заостровцевым, анализирующим историческое состояние солидарности в российском обществе в контексте проблематики общественного договора; В.И. Пантиним и В.В. Лапиным, которые трактуют её в качестве результата власти через достижение согласия принудительными методами; В.Г. Федотовой, полагающей, что аномия в обществе возникает из-за разрушения механизма социального конструирования реальности; Н.Е. Тихоновой, рассматривающей «общественный договор», основанный на «взаимном ненасилии» между властью и народом в сегодняшней России^{377 378 379 380 381 382}.

Социальная солидарность как на микро-, так и на макроуровне социального организма, в первую очередь, предполагает соблюдение установленных правил, наличие социальных ценностей, что подразумевает, что социальная солидарность

³⁷⁶ Социальная солидарность и альтруизм: Социологическая традиция и современные междисциплинарные исследования: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии; Отв. ред. Ефременко Д.В. – М., 2014. – 284 с. – (Сер.: Теория и история социологии). ISBN 978-5-248-00716-5.

³⁷⁷ Ахиезер, А.С. Специфика российской цивилизации / А.С. Ахиезер // Цивилизации. 2004. - № 6. - С.217-242.

³⁷⁸ Гудков, Л.Д. «Советский человек» в социологии Юрия Левады / Л.Б. Гудков // Общественные науки и современность. 2007. - № 6. - С. 1630.

³⁷⁹ Лапин, Н.И. О многом и едином в российской трансформации / Н.И. Лапин// Общественные науки и современность. 2002. - № 6. - С. 28-32.

³⁸⁰ Пантин, В.И., Лапкин, В.В. Политическое самоопределение российского общества / В.И. Пантин, В.В. Лапкин // Общественные науки и современность. 2006. - № 4. - С. 78-87.

³⁸¹ Федотова, В.Г. Хорошее общество: [монография] / В. Г. Федотова; Российская акад. наук, Ин-т философии. - Москва : Прогресс-Традиция, 2005. - 543, [1] с.; 22 см.; ISBN 5-89826-247-4.

³⁸² Тихонова, Н.Е. Личность, общность, власть в российской социокультурной модели / Н.Е. Тихонова // Общественные науки и современность. 2001. - № 3. - С. 30-40.

держится не только на внешнем принуждении, или взаимной зависимости, а на общеразделяемых коллективных и индивидуальных чувствах.

Социальная солидарность выполняет жизненно важную функцию – воспроизводство социальной системы на любом её иерархическом уровне – от групп первичных социальных практик до социума в целом. Состояние или уровень социальной солидарности в обществе определяет степень его гармоничности или описывает возможности угрозы социальной дезинтеграции. Нормальным является то состояние общественных отношений, при котором власть и другие институты проявляют озабоченность степенью консолидации социального целого, а значит – и процессом достижения солидарности.

Рефлексия по поводу уровней и характеристик социальной солидарности, перспектив ее достижения является сегодня крайне необходимой для жизни российского общества. В условиях современной России, особенно в связи с начавшимися интеграционными процессами на постсоветском пространстве, поиск эффективной модели сплочения общества, является особенно актуальным.

В современном российском обществе солидарность принимает формы «низовой организации», в которых люди как носители определенной системы взглядов коммуницируют между собой. Солидарность в российском обществе формируется посредством микросоциальных практик повседневного взаимодействия и макросоциальных инициатив по формированию и поддержанию солидарности социетального уровня. В качестве примера можно привести референдум по вхождению Республики Крым и города Севастополь в РФ и постреферендумный подъем, который назван «крымским консенсусом», наблюдаемый не только в Крыму, но и в российском обществе и постсоветских странах в целом. Социальная солидарность в этой ситуации основывается на согласии, сочувствии, сотрудничестве и помощи, что определило поведение людей, когда они поддерживали друг друга.

Формы и степень солидарности зависят от внутренней и внешней деятельности. Способы поддержки людей также разнообразны – и материальная, и идеологическая, и организационная, и силовая, и информационная. Одно из

непростых обоснований солидарности – идеологическое: в нем присутствуют как индивидуализм, так и коллективизм, его проявлениями выступают как сплоченность единомышленников, так и признание права «быть другим», которые должны сосуществовать в рамках солидарного общества.

Обосновывая мотивы солидарности, русский философ и правовед И.А. Ильин писал: «Мыслители самых различных эпох отмечали у человека тяготение к совместной жизни. Самые основные влечения и интересы, начиная от первичных инстинктивно-эгоистических побуждений и кончая утонченными духовными запросами, заставляют человека искать постоянного общения с другими людьми. Общежитие необходимо человеку потому, что оно может дать и действительно дает ему элементарную обеспеченность и духовную полноту жизни»³⁸³.

Данную мысль подтверждает современный американский философ Ф. Фукуяма: стремление к кооперации у индивидов возникает потому, что им это выгодно³⁸⁴. То есть люди объединяются на основе своих интересов. Люди постепенно стали осознавать «ту силу, которую они приобретают, практикуя взаимную помощь и поддержку, а также сознавать удовольствия, которые можно найти в общественной жизни, – писал П. А. Кропоткин. – Общество... зиждется вовсе не на любви и даже не на симпатии. Оно зиждется на сознании – хотя бы инстинктивном, – человеческой солидарности, взаимной зависимости людей. Оно зиждется на бессознательном или полусознанном признании силы, заимствуемой каждым человеком из общей практики взаимопомощи»³⁸⁵.

Итак, солидарность в обществе неизбежна. Факторами ее создания являются не только коллективизм и единство взглядов и действий людей, но и эгоизм, индивидуализм. Между ними необходимо искать разумный баланс и тогда происходит укрепление солидарности. В поисках такого баланса необходимо

³⁸³ Ильин, Иван Александрович (1883-1954). Теория права и государства [Текст] / И. А. Ильин; под ред. и с биогр. очерком В. А. Томсинова. - Изд. 2-е, доп. - Москва: Зерцало-М, 2014. - 550 с. - (Русское юридическое наследие / Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Юридический фак.); ISBN 978-5-94373-275-1, с. 69.

³⁸⁴ Фукуяма, Ф. Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке: [пер. с англ.] / Фрэнсис Фукуяма. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006.—220, [4] с.— (Philosophy), с. 88.

³⁸⁵ Кропоткин П.А. Взаимопомощь как фактор эволюции. – М.: «Самообразование», 2007. – 240 с., с. 7-8.

изучать типы социальной солидарности. В социологической науке уже предложены несколько ее классификаций.

Э. Дюркгейм различал механическую и органическую солидарности. Первая основана на сходстве или идентичности, вторая – на различиях, предполагает плюрализм и конкуренцию. Польский социолог С. Золедовский говорит о солидарности, основанной на осознании единства, различает ее по степени интенсивности, масштабам и формам проявления. Он описывает кольца солидарности, расположенные вокруг человека, – от самого близкого круга до малых групп (семья, родственники, друзья), затем – профессиональные группы, группы по увлечениям, государство, и, наконец, большое кольцо в виде человечества. Чем дальше кольца от человека и чем они больше, тем более слабой становится солидарность социальных групп³⁸⁶.

В зависимости от механизмов и социальных технологий обеспечения социальной солидарности ее можно подразделить на три типа:

- естественный (либеральный, свободный), реализуемый в рамках форм добровольного участия (фонды, НКО, спонсорство, донорство, волонтерство),
- государственно-организованный, представленный государственными и иными публично-правовыми структурами,
- социальный, осуществляемый институтами гражданского общества (отчисления работодателей в пенсионные фонды, прием на работу и учебу по квотам представителей социально уязвимых слоев населения).

Дискуссия о достоинствах и недостатках солидарного общества началась в XIX веке и продолжается до сих пор. О роли права в обеспечении социальной солидарности говорил русский историк, юрист, социолог и общественный деятель М.М. Ковалевский³⁸⁷. «В доказательство... достаточно привести лишь несколько показательных примеров, таких как гуманизация уголовного наказания, защита прав меньшинств, создание саморегулирующихся институтов. Системный

³⁸⁶ Zoledowski C. Dilemmas of a «Solidarity State» // Dilemmas of Polish Transformation. Warsaw: Elipsa, 2010 P. 76-79.

³⁸⁷ Ковалевский М.М. Учение о личных правах. М., Издание В.М. Саблина 1905 г. 42 с. Режим доступа: https://dspace.spbu.ru/bitstream/11701/17913/1/%d0%a3%d1%87%d0%b5%d0%bd%d0%b8%d0%b5%20%d0%be%20%d0%bb%d0%b8%d1%87%d0%bd%d1%8b%d1%85%20%d0%bf%d1%80%d0%b0%d0%b2%d0%b0%d1%85_.pdf (дата обращения: 07.02.2023).

характер данной тенденции в равной степени затрагивает как материальное, так и процессуальное право в целом, отдельные механизмы и институты принятия решений. Редкий правовой институт современности может позволить себе «роскошь» самостоятельного разрешения проблемы без участия и учета мнения всего многообразия заинтересованных сторон. Учет различных интересов, консультации, переговоры, сближение позиций давно стали нормой. В такой системе идеальным результатом работы становится консенсус»³⁸⁸.

Социальная солидарность имеет достоинства и недостатки. Недостатки выражены в бессистемности и отсутствии гарантий: «не все состоятельные люди склонны к благотворительности и далеко не все нуждающиеся могут ею воспользоваться»³⁸⁹. Среди достоинств – ее адресный и персонифицированный характер; организуемая государством солидарность является гарантированной и системной.

В истории человечества разные виды социальной солидарности сочетались неодинаково. Если в традиционном обществе доминировало общинное сознание и механическая солидарность, то со временем она стала зависеть от государства и права. По выражению И.А. Ильина, «государство по своей основной идее есть духовный союз людей, обладающих зрелым правосознанием и властно утверждающих естественное право в братском солидарном союзе»³⁹⁰. Право тоже вносит свой вклад в формирование социальной солидарности, поскольку, как отмечал тот же И. А. Ильин, право «есть могучее средство воспитания людей к общественной жизни. Правовые нормы и повиновение им должны научить человека считаться с существованием других людей и их интересами...

---

³⁸⁸ Лукашевич В.А. Европейский консенсус в практике европейского суда по правам человека: институциональные и интерпретативные аспекты // СКО. 2009. №4 (71). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/evropeyskiy-konsensus-v-praktike-evropeyskogo-suda-po-pravam-cheloveka-institutsionalnye-i-interpretativnye-aspekty> (дата обращения: 07.02.2023).

³⁸⁹ Мартышин О.В. Идея социального государства и ее противники // Государство и право. 2011. № 12. С. 12

³⁹⁰ Ильин, Иван Александрович (1882-1954). Собрание сочинений [Текст] : в 10 т. / И. А. Ильин ; сост., вступ. ст. и коммент. Ю. Т. Лисицы. - Москва : Русская книга, 1993-1999. - 21 см.; ISBN 5-268-01393-9, т. 4. С. 276.

ограничивать свои притязания, принимая во внимание, что другие также имеют право жить и осуществлять свои интересы»³⁹¹.

В традиционных обществах люди сплачивались и были связанными механической и органической солидарностями, образуя нации, национальные государства и абсолютные монархии. В индустриальном обществе социальная солидарность сохранила механический характер и развивалась вокруг национально-государственных идей. По мере продвижения общества к постиндустриальному типу под воздействием информатизации, миграции населения, углубления международного разделения труда возросли и возможности, и необходимость социальных взаимодействий – как реальных, так и виртуальных. В современных условиях говорят о рождении «государственно-побуждаемого» типа социальной солидарности, который позволяет сочетать черты социального государства и либеральной модели социальной солидарности.

Распространение в постсоветских странах солидарности на основе национальных и националистических идей вызывает серьезные опасения. Национальные и религиозные основы солидарности создают в настоящее время угрозу цивилизационному существованию России под напором экспансии псевдодемократических и русофобских ценностей и смыслов.

Угрозы национальной солидарности титульных наций в сочетании с ее декларируемым уровнем исключительности осознаются в российском обществе. Именно с этим новым явлением связаны реинтеграционные проявления, основанные на коллективной славянской идентичности и сплоченности вокруг большой исторической России.

Основываясь на приведенных рассуждениях, попытаемся проанализировать новый тип социальной солидарности, возникшей в 2014 году и в результате крымского консенсуса. Считаем, что крымский референдум и последующий крымский консенсус в российском обществе характеризуется особой формой общественной солидарности, которая подчинена принципу братства и

---

³⁹¹ Ильин, Иван Александрович (1883-1954). Теория права и государства [Текст] / И. А. Ильин; под ред. и с биогр. очерком В. А. Томсинова. - Изд. 2-е, доп. - Москва: Зерцало-М, 2014. - 550 с. - (Русское юридическое наследие / Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Юридический фак.).; ISBN 978-5-94373-275-1, с. 97.

стремлению изменить социально несправедливые условия. Потенциал такой солидарности присутствует в гражданском обществе, и он требует постоянной мобилизации.

Первым основанием солидарности периода крымских событий можно считать стремление к достижению государства благосостояния, осуществление политики социальной поддержки, которая способна уменьшить социальные различия во имя социальной справедливости и социальной интеграции.

Второе основание социальной солидарности Крымской весны – это мобилизация социальных действий. Согласно Хабермасу, солидарность является результатом индивидуального опыта, в котором каждый ответствен за другого, так как они имеют общие интересы в силу общей идентичности. Поэтому при определённых условиях люди видят социальные различия как несущественные и принимают «других» как часть «нас», или, наоборот, объединяются в общность «МЫ»³⁹².

Третье основание социальной солидарности – крымский консенсус. С момента событий Крымской весны 2014 года российская общественность сплотилась, а общественное мнение вошло в новое социальное состояние, называемое «крымским консенсусом». Им стали обозначать не просто поддержку действий российского президента по возвращению исконно русской земли – Крыма, и новой российской внешнеполитической линии в целом, но и согласие российского общества в отношении базовых патриотических принципов.

Социологические данные того периода свидетельствуют о требовании перемен, социальной справедливости и гражданской активности^{393 394}. Трендами массового сознания стали лидерство постматериалистических ценностей. Существенная роль постматериалистических ценностей в определении новой социальной повестки дня подразумевает, что происходящие изменения не

³⁹² Habermas J. Legitimationsprozesse im Spätkapitalismus. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1973., S. 61-63.

³⁹³ Nikolskaya, A., & Dmitriev, M. (2020). The End of the Crimean Consensus: How Sustainable are the New Trends in Russian Public Opinion?. *Russian Politics*, 5(3), 354-374.

³⁹⁴ Шатилов А.Б. «Крымский консенсус» российской элиты: причины и последствия // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2015. №2 (18). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/krymskiy-konsensus-rossiyskoy-elity-prichiny-i-posledstviya> (дата обращения: 07.02.2023).

являются временными и обратимыми, а отражают более фундаментальный процесс социального перехода в новое общественное состояние. «Крымский консенсус» можно рассматривать как точку пересборки национального, культурного и цивилизационного единства российского общества.

Четвертое основание солидарности крымчан характеризуется их «островностью» – проживанием на локальной территории больше спланирует людей перед возникающими угрозами. Данный факт наблюдался в период крымских событий 2014 года и в период пандемии 2020 года. В частности, в самоизоляционное время солидарность формировалась как региональное «сообщество судьбы», согласно понимания П. Бэра, а «полуостровная» черта солидарности демонстрировалась как в поведении людей, так и в поле коммуникаций³⁹⁵.

Концепция сообщества судьбы характеризует коллективное действие, описывая его во временном разрыве повседневности: моментах, делящих жизнь на «до» и «после». Новое коллективное действие, формируемое «новой судьбой» (в понимании Бэра – угрозой, чрезвычайными обстоятельствами, рисками и вызовами), образует региональные или территориальные сообщества³⁹⁶. «Многие социологи со времен Дюркгейма и Мосса замечали, что институты раскрывают себя под давлением обстоятельств, в ситуации кризиса. Сообщества судьбы устроены иначе: своим рождением они обязаны подобному давлению, устанавливая образ жизни, который до того существовал лишь в зародыше»³⁹⁷.

Еще одним системным эффектом интеграционных процессов Республики Крым и Севастополя в российское пространство является тот кредит доверия, который сформировался в российском обществе на фоне крымских событий. Причем уровень доверия повысился и в крымском сообществе как

³⁹⁵ Ярмак О.В., Страшко Е.В., Шкайдерова Т.В. Реакция на пандемию Covid-19 интернет-аудиторий Москвы, Санкт-Петербурга и Севастополя (по материалам медиа-аналитического исследования) // Вестник Института социологии. 2020. Том 11. № 11. С. 121-142. Режим доступа: doi: 10.19181/vis.2020.11.3.666 (дата обращения: 07.02.2023).

³⁹⁶ Baehr P. 2008. Caesarism, Charisma and Fate: Historical Sources and Modern Resonances in the Work of Max Weber. New Jersey: Transaction Publishers. 256 p.

³⁹⁷ Baehr P. 2008. Caesarism, Charisma and Fate: Historical Sources and Modern Resonances in the Work of Max Weber. New Jersey: Transaction Publishers. 256 p.

интегрирующемся, и в российском – принимающем. Попытаемся разобраться, как формируется доверие в обществе и от чего оно зависит.

Концепт доверия тесно связан с концепциями социального капитала. В частности, французский социолог П. Бурдьё, американский политолог Р. Патнэм связывают социальный капитал с доверием и взаимностью отношений. Согласно Бурдьё, социальный капитал формируется обязательствами, то есть связями и отношениями^{398 399 400 401 402 403}.

В современном социальном знании доверие рассматривается как философский, экономический, психологический и собственно социальный феномены. Философский аспект трактует доверие в соизмерении с категорией веры (Сократ, Аристотель, Платон, Августин Блаженный, П. Абеляр, Фома Аквинский, Д. Локк, Г. Лейбниц, Д. Юм, И. Кант, Г. Гегель, В. Соловьев, И. Ильин и др.) или как фоновую проблему^{404 405 406 407 408}. Психологическая природа доверия раскрывается как личностная характеристика, как элемент

³⁹⁸ Bourdieu, Pierre. *Ökonomisches Kapital, kulturelles Kapital, soziales Kapital*, in: Kreckel, Reinhard (ed.) *Soziale Ungleichheiten (Soziale Welt, Sonderheft 2)*. Göttingen: Otto Schwartz & Co., 1983. P. 183–198. Richardson, John (ed.) *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*. — NY, Westport, Conn.: Greenwood Press, 1986. P. 241-258.

³⁹⁹ Бурдьё П. Различение: социальная критика суждения, *Экономическая социология*. Том 6. № 3. Май 2005. С. 25-48. Перевод: М. С. Добрякова. Научное редактирование: В. В. Радаев. // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. — 18.09.2009. Режим доступа: <https://gtmarket.ru/library/articles/2601> (дата обращения: 07.02.2023).

⁴⁰⁰ Дерюгин П.П., Ярмак О.В., Шиляева А.С., Курапов С.В., Страшко Е.В., Лебединцева Л.А., Камышина Е.А., Ярмак В.Е. *Человеческий капитал в фокусе современного социологического дискурса* // монография, Издательство: ООО "Медиапапир", Санкт-Петербург, 2020, с. 172. ISBN: 978-5-00110-157-4. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44073661> (дата обращения: 07.02.2023).

⁴⁰¹ *Человеческий капитал руководителей корпораций: особенности, структура, измерение: Коллективная монография*. – СПб.: Медиапапир, 2023 – 218 с.

⁴⁰² Дерюгин П. П., Лебединцева Л.А., Ярмак О.В., Чихарев И.А., Ярмак В.Е.. *Социодинамика ценности деловых качеств в структуре человеческого капитала за период обучения в вузе: стратегия социологической диагностики* // *Социология науки и технологий*. 2020. Том 11. № 4, с. 140-160 Режим доступа: doi: 10.24411/2079-0910-2020-14008 (дата обращения: 07.02.2023).

⁴⁰³ Дерюгин П. П., Лебединцева Л. А., Ярмак О. В., Травин Р. А. *Ценности и человеческий капитал сотрудников корпорации: опыт сетевой диагностики* // *Научный результат. Социология и управление*. 2020. Т. 6, № 4. С. 10-25. Режим доступа: doi: 10.18413/2408-9338-2020-6-4-0-1 (дата обращения: 07.02.2023).

⁴⁰⁴ Фукуяма, Фрэнсис (1952). *Доверие: соц. добродетели и путь к процветанию* / Фрэнсис Фукуяма ; [пер. с англ. Д. Павловой, В. Кирющенко, М. Колопотина]. - Москва : АСТ : Ермак, 2004 (Тип. изд-ва Самар. Дом печати). - 730, [3] с.; 21 см. - (Philosophy); ISBN 5-17-024084-8 (Изд-во АСТ").

⁴⁰⁵ Селигмен, Адам. *Проблема доверия* / Адам Селигмен; Пер. с англ. И.И. Мюрберг, Л.В. Соболевой. - Москва: Идея-Пресс, 2002. - 254 с.: портр.; 21 см. - (Исследования по аналитической философии) (CEU); ISBN 5-7333-0051-5.

⁴⁰⁶ Giddens A. *Consequences of Modernity*. Stanford University Press, ISBN 1990 0804718911, 9780804718912, P. 186.

⁴⁰⁷ Luhmann N. *Familiarity, Confidence, Trust: Problemes and Alternatives* // *Trust: Making and Breaking Cooperative Relations*/ Ed. By D. Gambetta. Oxford, 1998.

⁴⁰⁸ Sztompka. *Trust: A Sociological Theory*. Cambridge: CUP, 1999.

общения и коммуникации, как социальное поведение (К. Ясперс, К. Хорни, Э. Фромм, Э. Эриксон, А. Маслоу, С. Московичи, К. Роджерс, В. Франкл, Дж. Роттер, В.П. Зинченко, Т.П. Скрипкина, А.Л. Журавлев, П.Н. Шихирев)^{409 410 411 412 413 414 415}. Экономические аспекты толкования доверия как естественного чувства индивида (А. Смит), как противоположности отчуждению (К. Маркс), как привычки (А. Маршалл), как атрибута морали (К. Эрроу), как институционального доверия (О. Уильямсон, М. Грановеттер) присутствуют в работах А. Смита, М. Вебера, Г. Зиммеля, А. Маршалла, П. Бурдьё, С. Московичи, Ф. Фукуямы, К. Эрроу, П. Штомки, Р. Нозика, Ф. Хайека⁴¹⁶. Накопленные гуманитарными науками теоретические исследования о доверии обуславливают использование междисциплинарного подхода к его анализу. Особенности социологического толкования содержания понятия «доверие» измеряются через категории «социального взаимодействия», «социальных структур», «социального порядка», «социальных коммуникаций», «социальных интеракций» (Э. Гидденс, Н. Луман, Д. Коулмен, Р. Патнем, А. Селигмен, Ф. Фукуяма, Р. Штомка)⁴¹⁷.

Большое значение в разработке темы доверия как процесса накопления социального капитала имеют работы П. Бурдьё, Р. Патнема, Дж. Коулмена,

⁴⁰⁹ Ясперс, Карл (1883-1969.). Смысл и назначение истории : [Сборник : Пер. с нем.] / Карл Ясперс; [Вступ. ст. П. П. Гайдено, с. 5-26; Коммент. В. Н. Катасонова]. - 2-е изд. - Москва : Республика, 1994. - 527,[1] с.; 22 см. - (Мыслители XX века.); ISBN 5-250-02454-8 (В пер.) : Б. ц.

⁴¹⁰ Хорни, Карен (1885-1952.). Невротическая личность нашего времени; Самоанализ / Карен Хорни; Перевод с англ. В. В. Старовойтова; Общ. ред. [и послесл.] Г. В. Бурменской. - Москва : Прогресс : Универс, 1993. - 478,[2] с.; 20 см.; ISBN 5-01-003803-X : Б. ц.

⁴¹¹ Фромм, Эрих (1900-1980.). Психоанализ и этика : [Сборник : Перевод] / Эрих Фромм; [Вступ. ст. П. С. Гуревича]. - Москва : Республика, 1993. - 414,[1] с.; 22 см. - (Библиотека этической мысли.); ISBN 5-250-02353-3 (В пер.) : Б. ц.

⁴¹² Эриксон, Эрик Гомбургер (1902-1994). Идентичность: юность и кризис : Пер. с англ. / Общ. ред. и предисл. А. В. Толстых. - Москва : Прогресс, Б. г. (1996). - 340,[2] с.; 21 см. - (Библиотека зарубежной психологии.); ISBN 5-01-004479-X (В пер.) : Б. ц.

⁴¹³ Abraham H. Maslow. *Toward a Psychology of Being*. Litton Education Publishing, 1968 А.Маслоу. Психология бытия. М.: "Рефл-бук" – К.: "Ваклер", 1997 К.: PSYLIB, 2003.

⁴¹⁴ Московичи, Серж. Машина, творящая богов / С. Московичи ; Институт "Открытое о-во". - Москва : Центр психологии и психотерапии : КПС+, 1998. - 556 с.; 22 см. - (Библиотека социал. психологии).

⁴¹⁵ Франкл, Виктор Эмиль (1905-1997). Человек в поисках смысла : [Сборник] : Пер. с англ. и нем. / В. Франкл; Общ. ред. Л. Я. Гозмана, Д. А. Леонтьева; Вступ. ст. Д. А. Леонтьева [с. 5-21]. - Москва : Прогресс, 1990. - 366,[1] с.; 22 см. - (Б-ка зарубеж. психологии.); ISBN 5-01-001606-0 (В пер.).

⁴¹⁶ Панорама экономической мысли конца XX столетия : В 2 т. / Ред.: Д. Гринуэй, М. Блини, И. Стюарт ; Пер. с англ. под ред. В.С. Автономова, С.А. Афонцева. - СПб. : Экон. шк. [и др.], 2002 (ГИПП Искусство России). - 24 см. - (Университетская библиотека. Экономика.); ISBN 5-900428-68-0 (в пер.)

⁴¹⁷ Deriugin, Pavel, Vladimir Glukhikh, Olga Yarmak, Ekaterina Strashko, Elena Kamyshina, y Veronika Yarmak. (2020) 2021. «Evolution of strategies for human capital diagnostics». *Revista Inclusiones*, enero, 178-97. Режим доступа: <http://revistainclusiones.org/gallery/11%20VOL%207%20NUM%20Universidad%20OCT%20DIC%202020%20Rev%20nc.pdf> (дата обращения: 07.02.2023).

Ф. Фукуямы, К. Эрроу, А. Селигмена, У. Бека⁴¹⁸. Р. Патнем рассматривает социальный капитал в контексте анализа социальных институтов. Он считает, что недоверие в обществе — это отсутствие кооперации и совместных коллективных действий, то есть того, что воздействует на социальные системы с негативным эффектом. По его мнению, эффективное государство должно опираться не только на вертикаль власти, но и на горизонтальную кооперацию общественности⁴¹⁹. При этом исследователь основывается на концепции социального капитала и приходит к выводу, что он — ключ эффективного управления и экономики, показатель сотрудничества. Патнем говорит о двух измерениях социального капитала: первом — структурном — формальные и неформальные социальные сети и втором — культурном — создание социальных норм, прежде всего норм взаимности, обеспечивающих общее доверие участников контактов⁴²⁰. В качестве критериев для описания структурного измерения он использует интенсивность сетевых социальных связей; для культурного аспекта — «горизонтальные связи» равноправных граждан⁴²¹.

Патнем считает, что сотрудничество возникает при общих действиях людей, взаимном обмене, в котором выделены «сбалансированный» (balanced) и «обобщенный» (generalized) уровни. Сбалансированный взаимный обмен основывается на эквивалентных ценностях, тогда как обобщенный — на постоянных отношениях и взаимных ожиданиях эквивалентности обмена⁴²². В рамках анализа обобщенного обмена возникает вопрос: при каких условиях индивиды готовы следовать нормам, подчиняться контролю и групповому давлению, идя на уступки, и ограничивая свои личные и социальные потребности?

---

⁴¹⁸ Deriugin, Pavel, Vladimir Glukhikh, Olga Yarmak, Ekaterina Strashko, Elena Kamyshina, y Veronika Yarmak. (2020) 2021. «Evolution of strategies for human capital diagnostics». Revista Inclusiones, enero, 178-97. Режим доступа: <http://revistainclusiones.org/gallery/11%20VOL%207%20NUM%20Universidad%20OCT%20DIC%202020%20Rev%20nc.pdf> (дата обращения: 07.02.2023).

⁴¹⁹ Putnam, Robert D. (1994). Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy. Princeton, New Jersey, USA: Princeton University Press. p. 122. ISBN 978-0-691-07889-2.

⁴²⁰ Там же.

⁴²¹ Там же.

⁴²² Putnam, Robert D. (1994). Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy. Princeton, New Jersey, USA: Princeton University Press. p. 122. ISBN 978-0-691-07889-2.

Патнем подчеркивает важность социальных контекстов сотрудничества, в которых нормы обобщенного обмена соединяются с доверием. Он подчеркивает, что «доверие генерируется в первую очередь там, где соглашения между людьми вплетены в прочную структуру личных связей и социальных контактов»⁴²³. В своих рассуждениях о взаимном обмене Патнем ссылается на внутригрупповые эффекты — сотрудничество и доверие. Внутригрупповые нормы распространяются на всё общество и способствуют его сплоченности и солидарности.

На вопрос о первичности доверия, взаимного обмена или сотрудничества Патнем отвечает, что добровольное членство в группе создает сотрудничество и доверие. В таком случае доверие имеет место не на «выходе» социального капитала, а на его «входе»⁴²⁴. Патнем разделяет социальный капитал на «сплачивающий группу» (bonding) и «наводящий мосты» (bridging social capital). «Сплачивающий» капитал создается в группах с сильными внутренними связями и особыми отношениями взаимообмена; «капитал, наводящий мосты» является «космополитическим», соединяя участников разных групп и расширяя сферу взаимного обмена⁴²⁵. Сначала наращивается сплачивающий капитал, то есть выстраиваются социальные связи и устраняются разрывы.

Опираясь на эти рассуждения, можно констатировать, что «входной» процесс формирования доверия к крымским событиям 2014 года начался создаваться еще до самих событий: к ним можно отнести коллективные действия, направленные на сотрудничество с пророссийскими движениями, представителями политической, экономической, образовательной элит России в украинский период; на создание правил и норм, ценностей и смыслов, связанных с Россией, Русским миром и евразийским пространством.

Феномен доверия в обществе формируется как некий аванс, как некие обязательства. Чем больше накоплено обязательств или «кредитов», подлежащих

---

⁴²³ Putnam, Robert D. (1994). *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*. Princeton, New Jersey, USA: Princeton University Press. p. 122. ISBN 978-0-691-07889-2.

⁴²⁴ Там же.

⁴²⁵ Там же.

исполнению, тем сильнее социальный капитал, и, соответственно, доверие⁴²⁶. Накопленные «кредиты» расширяют контроль над ресурсами и событиями, усиливают власть. Социолог Дж. Коулман, в частности, считает, что в такой ситуации растет и общая польза⁴²⁷. Патнем рассматривал процесс формирования доверия, ориентируясь на интеграционный потенциал общества. Он считает, что социальные отношения формируют взаимные обязательства, когда индивидуумы понимают, что в перспективе они будут в выигрыше, поступаясь сиюминутными интересами и идя на сотрудничество.

Таким образом, именно аккумуляция социального капитала является условием увеличения уровня доверия в обществе. Доверие понимается как ожидание надежности и предсказуемости действий других индивидов. Потребность в доверии возникает в силу отсутствия у людей уверенности в будущем. «Чем крепче взаимное доверие и надежнее отношения взаимопомощи, чем более разветвлены и переплетены социальные сети, тем устойчивее и эффективнее общество»⁴²⁸. Поэтому именно доверие обеспечивает надежность и прочность отношений в социуме, а также поддерживает уверенность в завтрашнем дне на уровне индивидуумов и социальных групп.

Способность людей объединяться отражает готовность подчинять свои интересы групповым интересам и зависит от уровня взаимного доверия, формируемого общими интересами и ценностями⁴²⁹. Именно такое понимание доверия предложил и Ф. Фукуяма в своем одноименном труде⁴³⁰. Согласно ему, доверие – это условие экономической эффективности, позволяющее группе «индивидов, которые, имея этическую общность в качестве фундамента, открывать для себя перспективу эффективного совместного труда»⁴³¹.

⁴²⁶ Coleman J. S. Grundlagen der Sozialtheorie. Bd. 1. München: Oldenburg, 1991. XVI. 474 S.

⁴²⁷ Там же.

⁴²⁸ Белова Д.А. Доверие как социальный фактор развития банковской системы в России // Социально-экономические проблемы инновационного развития российской экономики: Материалы Междунар. науч. студ. конгресса, 19–28 апреля 2010 г. / Под ред. О.В. Карамовой. Часть V. М.: Финансовый ун-т, 2010. С. 114-117.

⁴²⁹ Coleman J. S. 1990. Foundations of Social Theory. Harvard University Press: Cambridge, MA.

⁴³⁰ Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию: Пер. с англ. / Ф. Фукуяма. — М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. — 730, [6] с. — (Philosophy). ISBN 5-17-024084-8.

⁴³¹ Там же.

Доверие считается сегодня одной из востребованных тем в социологической науке, поскольку его достижение является социальной проблемой, механизмом, обеспечивающим социальный порядок. Потребность в доверии в социальных структурах коренится в фундаментальном индетерминизме социального взаимодействия. Этот индетерминизм отношений между социальными субъектами, между их целями и средствами, ресурсами, между производством и потреблением, между принуждением и согласием приводит к непредсказуемости, неопределенности, глобальным рискам общественной жизни.

Предметом интенсивных размышлений становятся исследования социальной природы доверия в ракурсе наличных общественных проблем, доверия как механизма межличностных, межгрупповых, межинституциональных отношений.

Доверие — это реалии социального бытия, продуктивная социальная конструкция. Оно производится современным обществом и его социально-экономической ситуацией. Доверие как социальный капитал отражает актуальный и прошлый индивидуальный и социальный опыт, воспроизводит архетипы и задает нормы взаимоотношений. Доверие несет в себе коллективную память. Через механизм доверия обеспечивается накопление социального капитала.

Доверие — необходимое условие нормальной социальной коммуникации, обеспечивающей согласие, диалог и сотрудничество. Возрастает роль доверия в условиях новой конфигурации социума в глобальной мировой ситуации. Тенденции глобализации требуют усовершенствованного механизма коммуникации и кооперации, поскольку глобальная социальная система отличается высокой дифференцированностью, сложностью, многомерностью, неопределенностью и рисками. Риск сегодня релевантен практически во всей социальной деятельности, во всех коммуникациях и интеракциях. Наблюдается диффузия доверия и риска, когда доверие и производит, и редуцирует глобальные риски. Современная архитектура доверия, строительство взаимодоверия призвано ответить этим социальным реалиям. В связи с этим сегодня тема доверия требует

интерпретации в рамках междисциплинарного подхода, должна раскрываться на основе интеграции гуманитарного знания — социологии, психологии, экономики.

Экономист А. Селигмен призывает рассматривать доверие как «хитрое изобретение общества, только очень своеобразной природы, связанной с фундаментальной двусмысленностью человеческого существования»⁴³². Это мнение важно учитывать, поскольку оно нацеливает на особое внимание к эпистемологическим процедурам верификации доверия.

Представленный анализ можно рассматривать как теоретическую попытку понимания темы доверия в пределах социального дискурса, в том числе в фокусе интеграционных практик. В любом случае становится очевидным, что доверие является важнейшей проблемой современной социальной науки, так как обуславливает устойчивость социального порядка. Отсутствие консолидированного подхода к феномену доверия связано с тем, что современная теория социального доверия не имеет единого предмета исследования, универсального набора методологических принципов, а представляет собой совокупность дисциплинарных подходов, ориентированных на аспекты категории. Современная ситуация требует новых эмпирических подходов и анализа, направленного на разрешение ряда методологических трудностей, связанных с использованием концептуального аппарата в различных теориях социального доверия.

В современных социальных науках доминирует четыре основные трактовки доверия⁴³³. Первая из них определяет доверие в качестве внутренней когнитивной установки субъекта (Э. Эриксон)⁴³⁴. Второе направление рассматривает доверие как субъективное свойство субъекта (Б. Барбер)⁴³⁵. Третья трактовка, возникшая в

⁴³² Селигмен, Адам. Проблема доверия / Адам Селигмен; Пер. с англ. И.И. Мюрберг, Л.В. Соболевой. - Москва: Идея-Пресс, 2002. - 254 с.: портр.; 21 см. - (Исследования по аналитической философии) (CEU); ISBN 5-7333-0051-5.

⁴³³ Иванов А.В. Теория социального доверия: методологические проблемы социально-философской концептуализации // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1-1.; Режим доступа: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=18840> (дата обращения: 07.02.2023).

⁴³⁴ Эриксон, Э.Г. (1902-1994). Идентичность: юность и кризис : Пер. с англ. / Общ. ред. и предисл. А. В. Толстых. - Москва : Прогресс, Б. г. (1996). - 340,[2] с.; 21 см. - (Библиотека зарубежной психологии); ISBN 5-01-004479-X (В пер.) : Б. ц.

⁴³⁵ Barber B. (1983) *The Logic and Limits of Trust*. New Brunswick, NJ: Rutgers Univ. Press.

теории рационального выбора (rational choice theory) (Р. Хардин, Д. Гамбетта), связана с пониманием доверия «как степени субъективной вероятности, отражающей предположение индивида о том, что индивид или группа индивидов предпримет то или иное действие...»⁴³⁶.

В четвёртой интерпретации, близкой к интеракционистскому подходу, доверие рассматривается в качестве ожидания, направленного на социальную кооперацию и согласованное взаимодействие с другими субъектами (Ян Фузе)⁴³⁷. Именно данный подход наиболее близок автору, так как понимает доверие как социальный феномен, возникающий в процессе коммуникации, как «индикатор кооперативного взаимодействия»⁴³⁸. Здесь доверие трактуется в качестве символической формы, структурирующей взаимные ожидания субъектов. Символическая структура образуется вследствие успешных коллективных взаимодействий, которые формируют у людей позитивные ожидания и уверенность в будущем. Поэтому, считаем, что доверие выступает условием к готовности осуществления коллективных действий и сотрудничества, инициированного коммуникациями.

В похожем ключе рассматривает доверие и интеракционистский подход: как ожидание субъектов, ориентированных на кооперативное взаимодействие, не только между личностями, но и институциональными структурами, организациями, формирующими социальные нормы и кодексы поведения.

Согласно подходу П. Штомпки, доверие является эмоциональной основой сотрудничества⁴³⁹. Общественные сети выступают не только ресурсом отдельных личностей, но и атрибутом целых объединений, а часто и всего общества. Пропорция кругов доверия и недоверия, надежности и ненадежности, складывающиеся в обществе, общественные «позитивные» и «негативные» сети, которые связывают или отделяют людей, выступают критерием определения

⁴³⁶ Иванов А.В. Теория социального доверия: методологические проблемы социально-философской концептуализации // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1-1.; Режим доступа: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=18840> (дата обращения: 07.02.2023).

⁴³⁷ Там же.

⁴³⁸ Там же.

⁴³⁹ Штомпка П. Ш92 Доверие — основа общества / Петр Штомпка: пер. с пол. Н.В. Морозовой. - М.: Логос, 2012. - 440 с. ISBN 978-5-98704-495-7.

уровней высокого и низкого доверия. Если укрепляется «культура доверия», то начинают верить другим и стараются быть надежными по отношению к ним, круги доверия расширяются. В обществах с низким доверием, в которых преобладает культура цинизма, распространяется недоверие и подозрительность. В таких обществах люди никому не верят и чувствуют себя свободными от обязанностей.

Составляющими доверия являются такие коллективные действия, как принадлежность к добровольным обществам и посещение их собраний, участие в публичных встречах, митингах и других мероприятиях, добровольное принятие на себя заданий на благо сообщества, участие в выборах, что и составляет обобщенное доверие. Соответственно, обобщённое доверие, сформированное в виде кредита доверия вследствие событий Крымской весны, оказалось значительным системным фактором формирования не только интегративных практик в новейшей российской истории, но и способствовало созданию социального капитала, ориентированного на новые задачи, нормы и принципы, на евразийскую идею, цивилизационную близость с Россией, Русским миром и славянскими народами, что привело к закладке основ не только «островной» солидарности внутри Крыма, но и функционированию кредита доверия к власти в российском обществе в целом.

Выводы по главе 2

Во второй главе раскрыты системные взаимосвязи цивилизационных оснований интеграции Республики Крым и города Севастополь, ее входящих условий, ситуация, в которой она осуществляется, формирующие уровни интеграции и ее результирующие показатели – структурные изменения, произошедшие вследствие консолидации как в интегрируемом сообществе, так и в принимаемом.

В первом параграфе – «Цивилизационные основания интеграции Республики Крым и города Севастополь в российское пространство в контексте неоевразийской интегративной концепции XXI века» – описывается интегративная перспектива цивилизационного анализа микроуровневых процессов социального взаимодействия и макроуровневого формирования структур обществ.

Интеграционная тенденция взаимосвязи макро- и микроуровней консолидаций на фоне расширения ре- и интеграционных практик на постсоветском пространстве в различных регионах мира актуализирует евразийский подход. Считаем, что современное неоевразийство не только способно описать процессы реинтеграции на постсоветском пространстве, но и объяснить причины «собирания» – пересборки временно рассредоточенной «расколотовой» евразийской цивилизации.

Обосновывается, что для осуществления таких масштабных исторических процессов как евразийская интеграция и реинтеграционные тенденции на постсоветском пространстве у России имеются объективные основания: особый культурно-цивилизационный код, успешный опыт создания сверхсложных социальных систем, опыт переустройства мировой социально-экономической системы в практике системного антикапитализма⁴⁴⁰. Автор предполагает, что текущие интеграции осуществляются на цивилизационном базисе евразийской консолидации исторически связанных и родственных народов, которая перед вызовами и рисками современного небезопасного мира обрела новую значимость.

Во втором параграфе – «Социальная интеграция Республики Крым и города Севастополь в контексте трансформации коллективной памяти, идентичности и ценностно-смыслового поля» – раскрываются уровни социальной интеграции и ее составляющие – факторы, влияющие на изменение сознания и поведения личностей и социальных групп.

---

⁴⁴⁰ Пономарева Е.Г., Рудов Г.А. Евразийская интеграция и цивилизационное пространство России // Обозреватель - Observer. 2013. №9 (284). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/evraziyskaya-integratsiya-i-tsvivilizatsionnoe-prostranstvo-rossii> (дата обращения: 07.02.2023).

Отмечается, что социальная интеграция проходит этапы аккультурации (форма социальных изменений в результате контакта с другими культурами) и инкультурации – это то, что связывает человека с исходным социокультурным контекстом (Дж. Берри). Если инкультурация и крымчан, и севастопольцев до 2014 года находилась в социокультурном пространстве, связанном с Россией, то период аккультурации различен в Республике Крым и Севастополе, чему будет посвящена часть третьей главы работы.

Для создания целостной картины социальной интеграции необходимо изучать идентичность, межнациональное согласие и структуру ценностного сознания. Автор обращается к концептам идентичности классиков социологии (Э. Эрикссон, Ч. Кули, Дж. Г. Мид, Т. Парсонс, И. Гофман, Ю. Хабермас, П. Бергер, Т. Лукман) и приходит к выводу, что идентичности формируются под влиянием социальных обстоятельств – с изменением общества меняются и идентичности. Отражением и индикатором интеграционных и консолидационных процессов в межэтническом пространстве является национально-государственная идентичность (Л. М. Дробижева, В.А. Ядов).

Применительно к крымской интеграции автор говорит о новых типах идентичностей, которые смоделированы под воздействием крымских событий: 1) ситуационная идентичность, обусловленная кризисной ситуацией 2014 года и инвайронментальными угрозами; 2) наднациональная идентичность, отражающаяся в смещении границ национальных групп и смене этнических «лейблов» (Ф. Барт). В этих условиях формируется многослойная идентичность, имеющая российскую (общегосударственную), этническую и республиканскую основы (Л.М. Дробижева). У крымчан и севастопольцев в ходе интеграции в российское пространство образовалась многослойная идентичность, и этот процесс дифференцированно осуществляется в различных этнических группах жителей Крымского полуострова.

В рамках данного исследования также анализируется межнациональное согласие, которое понимается автором как достижение позитивных межэтнических отношений и контактов, согласованных ценностных ориентаций,

как готовность к межнациональному взаимодействию и способность людей жить в полиэтническом сообществе⁴⁴¹.

Воссоединение Республики Крым и Севастополя с Российской Федерацией обозначило проблематику формирования нового смыслового и ценностного поля у жителей полуострова, которое осложняется тем, что ценностные ориентации людей разной этнической принадлежности формировались в различных исторической и социокультурной средах. В связи с этим в ракурсе исследования необходимо понять не только процесс формирования межэтнического согласия, форм идентичностей крымчан и севастопольцев, но и структуру их ценностного сознания, жизненных приоритетов и стратегий, установок в отношении различных этнических групп. Для осуществления анализа динамических изменений структуры ценностных ориентаций жителей полуострова автор обращается к подходам отечественных классиков социологии А.Г. Здравомыслова и В.А. Ядова, а также к ценностной концепции Р. Инглхарта.

Уделено внимание такому социальному явлению современных обществ как манипуляция с коллективной исторической памятью. В последнее время фиксируются процессы манипуляции с этнической историей и культурными символами с целью трансформации и конструирования этнической идентичности.

Понимание коллективной памяти как научной категории (А. Фанкинштейн, К. Клейн, П. Нора) позволило объяснить влияние коммуникаций и цифровизации на формирование новых форм коллективной исторической памяти – с созданием визуальных и ментальных символов и «революции памяти» (в понимании Ж. Ле Гоффа). Авторское исследование медийной составляющей коллективной исторической памяти дало возможность поиска смысла прошлого, помещенного в определенный культурный контекст, где коллективная память представляется неким мультимедийным коллажем.

---

⁴⁴¹ Скاتков А.В., Воронин Д.Ю., Ярмак О.В., Кузнецов П.Н., Евстигнеев В.П. Оценка динамики межнационального согласия при использовании комплекса марковских и полумарковских моделей // International Journal of Open Information Technologies. 2021. Т. 9. № 2. С. 59-64. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44683447>; <http://www.injoit.org/index.php/j1/article/view/1072> (дата обращения: 07.02.2023).

Автор использует понятие «рамка» (М. Хальбвакс) при объяснении формирования символов прошлого, к которым человек обращается из настоящего, пользуясь ориентирами по предложению его окружения. При этом цифровая эпоха прошлое представляет посредством медиавизуализаций исторических событий, в связи с чем современная мемориальная культура не создает единых нарративов, оставаясь хаотичной, фрагментарной и неструктурированной. С одной стороны, выход за рамки национальных рамок истории открывает новые возможности, но, с другой, формируется новая мемориальная политика, основанная на плюрализме и обращении к индивидуальному опыту.

Автор предполагает, что социальная интеграция крымчан и севастопольцев происходит не только на цивилизационной основе, но и в период инвайронментальных вызовов, которые в некоторой степени детерминировали политический и гражданский выбор людей, оказавшихся в ситуации искусственно созданных ресурсных блокад, банковских и финансовых ограничений, экзистенциальных угроз, военной небезопасности. Данная ситуация обусловила формирование новой ситуационной идентичности, смещение этнических границ между национальными группами, создание общих коллективных смыслов. Данные процессы не могут быть вырваны из коммуникационного контекста с преобладанием манипулятивных технологий, направленных на разрушение цивилизационных, исторических, культурных оснований интеграционного процесса Республики Крым и города Севастополь в российское общество.

В третьем параграфе – «Инвайронментальная интеграция Крымского полуострова и контуры нового общественного договора» – раскрывается влияние современной экологической и ресурсной ситуации на создание нового глобального общественного договора и на текущие интеграции, формируемые инвайронментальными рисками.

Автор предполагает, что интеграции современного мира, ранее осуществляемые на основе антропологических схожестей – «человеческих универсалий» (Д.Э. Браун), лингвистических – языках (Н. Хомский, Ст. Пинкер, Ю. Хабермас) и этических правил – религиях (Дж. Хик, К. Ясперс), не могут быть

объяснены данными основаниями. Для современного мира характерно доминирование одного государства над всеми остальными и обладание возможностями избирательного ограничения ресурсов странам или территориям, которые не хотят подчиняться этому доминированию. Наступление эпохи глобальной тирании создает условия для интеграционных процессов на экологической или инвайронментальной основе, а также для заключения глобального общественного договора (концепция «планетарной зрелости» Г. Мартина).

Таким образом, автор подчеркивает, что глобальный общественный договор символизирует интеграцию с целью недопущения конфликтов инвайронментального свойства, создаваемых искусственным образом. Предложенный подход помогает описывать причины интеграционных процессов на постсоветском пространстве, в частности, возникновение инвайронментальных угроз, которые произошли на Крымском полуострове – водной, энергетической, продовольственной и других блокад, и создаваемых извне экологических угроз текущей интеграции Республики Крым и города Севастополь в Россию, которые способствовали переходу на ее следующий уровень – инвайронментальный.

Автор утверждает, что именно инвайронментальная интеграция Крымского полуострова, начавшаяся по причине ресурсных ограничений, и способствовала увеличению поддержки крымской интеграции у тех, кто сомневался в ее необходимости.

В четвертом параграфе – ««Островная» солидарность и кредит доверия как системные эффекты интеграции Республики Крым и города Севастополь в Россию» – анализируются особенности интеграции Республики Крым и города Севастополь в российское пространство, проявляющиеся в виде внутрикрымского эффекта – «островной» солидарности, и материково-российского эффекта – того кредита доверия, который был сформирован в российском обществе после крымских событий 2014 года.

Автор рассматривает две ключевые социологические категории – солидарность и доверие. Социальная солидарность предполагает соблюдение

правил и наличие ценностей, что подразумевает, что она основывается не только на внешнем принуждении, а на общеразделяемых коллективных смыслах. Анализ концептов солидарности классиков социологической мысли (О. Конт, Э. Дюркгейм, К. Маркс, М. Вебер, А. Шютц, Г. Блумер, Ю. Хабермас, П. Бурдьё, М.А. Бакунин, П.Л. Лавров, Л.И. Мечников, П.А. Кропоткин, Н.К. Михайловский, М.М. Ковалевский, П.А. Сорокин), современных мыслителей (В.О. Рукавишников, А.Я. Флиер, Ю.Г. Волков, А.С. Ахиезер, Л.Д. Гудков, А.П. Заостровцев, В.И. Пантин, В.В. Лапин, В.Г. Федотова, Н.Е. Тихонова) показал, что социальная солидарность выполняет жизненно важную функцию — воспроизводство социальной системы на любом её иерархическом уровне – от групп первичных социальных практик до социума в целом.

Автор отмечает, что в современных условиях с учетом начавшихся ре- и интеграционных процессов на постсоветском пространстве, необходим поиск эффективной модели сплочения общества. Высказывается новаторская идея о том, что солидарность в российском обществе формируется посредством микросоциальных практик повседневного взаимодействия и макросоциальных инициатив по формированию и поддержанию солидарности социетального уровня. В качестве примера приводится референдум о вхождении Республики Крым и Севастополя в РФ, постреферендумный подъем и тот уровень «крымского консенсуса», который сложился не только в Крыму, но и в российском обществе и постсоветских странах.

Обосновывается тип социальной солидарности, возникшей вследствие крымского консенсуса. Автор считает, что крымский референдум и последующее восприятие крымских событий в российском обществе можно охарактеризовать как форму общественной солидарности, имеющей в основании принцип «островности», то есть проживания на локальной территории, усиливающего сплоченность людей перед возникающими угрозами, формирующего региональное «сообщество судьбы» (в категории П. Бэра) и приводящего к проявлению «полуостровной» черты солидарности как в повседневном поведении людей, так и в поле коммуникаций.

Еще одним системным эффектом интеграционных процессов Республики Крым и Севастополя в российское пространство является тот уровень доверия, сформированный в российском обществе после событий Крымской весны. Отмечается, что кредит доверия повысился как в крымском сообществе как интегрирующемся, так и в российском — принимающем.

Концепт доверия тесно связано с концепциями социального капитала (П. Бурдье, Р. Патнем, Дж. Коулмен, Ф. Фукуяма, К. Эрроу, А. Селигмен, У. Бек). В частности, Р. Патнем говорит о доверии как о внутригрупповом эффекте, возникающем на «входе» формирования социального капитала нового образования.

Опираясь на эти рассуждения, автор констатирует, что «входной» процесс формирования доверия к крымским событиям 2014 года начал создаваться еще собственно до самих событий, еще в украинский период с использованием механизмов «мягкой силы», при сотрудничестве с пророссийскими движениями, политическими, экономическими, образовательными акторами России. Сформированный кредит доверия вследствие событий Крымской весны оказался значительным системным фактором формирования не только интегративных практик в новейшей российской истории, но и способствовал созданию социального капитала нового качества, ориентированного на евразийскую идею, цивилизационную близость с Россией и Русским миром.

Глава 3 Эффекты пересборки социальных пространств в процессе интеграции Республики Крым и города Севастополь в российское общество

В третьей главе представлены результаты мониторинговых социологических и цифровых исследований, проведенных при участии и под руководством автора.

В первом параграфе – «Дизайн социологических измерений процесса интеграции Республики Крым и города Севастополь в российское общество» – представлены теоретический фундамент, методология исследования, его цели и задачи, описывается научная новизна полученных эмпирических данных. Методология исследования базируется на новом институционализме, сетевом и когнитивным подходах, сравнительном и конфликтологическом анализе.

Во втором параграфе – «Историческая память как основа цивилизационной интеграции Крымского полуострова в российское пространство» – описываются процессы формирования коллективной исторической памяти, являющиеся результатом украинского периода и находящиеся в состоянии транзита в настоящий момент.

Третий параграф – «Идентичность и ценностно-смысловое поле как показатели социальной интеграции Республики Крым и города Севастополь» – посвящен анализу факторов, оказывающих воздействие на формирование национальной идентичности в этнических группах «русские», «украинцы» и «крымские татары», а также процессу трансформации ценностно-смыслового поля в этих выделенных национальных группах.

В четвертом параграфе – «Коммуникативный уровень интеграции Крымского полуострова и вызовы коммуникативного пространства: результаты цифровых измерений с использованием метода больших данных» – отражены результаты цифровых исследований крымского и севастопольского интернет-

сегментов, которые позволили зафиксировать вызовы коммуникации как фактор формирования неконвенциональных социальных установок в реальной среде проживания жителей полуострова.

В пятом параграфе – «Инфраструктурная динамика Крыма в оценках его жителей как показатель инвайронментальной интеграции» – отражены оценки инфраструктурных изменений и открывшихся социальных возможностей, произошедших в Крыму с 16 марта 2014 года по настоящее время. Предполагается, что эти оценки могут выявить факторы, способствующие или препятствующие инвайронментальному измерению интеграционного процесса.

В шестом параграфе – «Образ России у жителей Республики Крым и города Севастополь в свете новых возможностей системы российского общества» – представлены результаты исследования образа России, сложившиеся в сознании жителей Республики Крым и Севастополя в ходе интеграции в российское государство.

§ 3.1. Дизайн социологических измерений процесса интеграции Республики Крым и города Севастополь в российское общество

Теоретическим фундаментом проведенных измерений были теории дискурса (Э. Лакло, Ш. Муфф, Т. ван Дейк, Н. Фэркло, Д. Поттер), теории коллективных представлений (Г. Лебон, Г. Тард, С. Московичи, Г. Маркузе, Х. Ортега-и-Гассет, Э. Дюркгейм), теории фрейминга (Т. Такешита, Х. Д. Ву, Р. Колеман, М. МакКомбс, У. Гамсон, А. Модильяни), теория повестки дня (У. Липпман, Э. Роджерс, Дж. Диринг, М. Рейнольдс), теория мобилизации ресурсов (Дж. Маккарти, М. Зальд, К. Вильсон, А. Обершол), концепция относительной депривации (С. Стауффер, Р. Мертон, В. Руинсиман), концепции факторов социально-политической дестабилизации (Дж. Голдстоун, Н. Бакр, Ф. Ховард, М. Паркс, А. В. Коротаев, Л.М. Исаев, А.Р. Шишкина), традиция

реализма при анализе нации и межэтнических отношений (Б. Андерсон, У. Альтерматт, Э. Геллнер, Э. Хобсбаум), теории и концепции социальных, этнических и межэтнических установок (Г. Оллпорт, М. Смит, Д. Узнадзе, Л. М. Дробижева, Ю. В. Арутюнян, А. А. Сусоколов), концепции социальной и культурной дистанции (Г. Зиммель, Т. Парк, Э. Берджесс, Л. фон Визе, А. Фэрнхем, С. Бочнер), концепции и теории системы идентичностей и этнической идентичности (Э. Эрикссон, Г. Тэшфел, Дж. Тернер, Дж. Г. Мид, Н. Луман, П. Бергер), концепции и теории межэтнического и межконфессионального согласия (В.А. Тишков, Л.М. Дробижева, М.К. Горшков, М.М. Мчедлова), концепции интегрированности и консолидации общества (В.А. Ядов, Н.М. Великая, Т.И. Заславская, Е.А. Агеева)⁴⁴².

Методология исследования базируется на следующих подходах: новый институционализм, сетевой и когнитивный подходы, сравнительный и конфликтологический анализ. Новый институционализм позволяет исследовать рациональность выбора стратегии поведения в сложносоставном обществе (Д. Норт, Э. Остром, К. Шепсл). Сетевой подход делает возможным изучать взаимосвязь между мобилизацией политического действия и сетевой активностью Интернет-пользователей (Г.В. Градосельская, Л.В. Сморгунов, А.С. Шерстобитов). Когнитивный подход акцентирован на анализе процессов формирования межэтнического мира, а также восприятия и интерпретации сообщений межнационального дискурса, транслируемых в пространстве социальных медиа (Р. Дж. Далтон, Г.В. Пушкарева, Е.Б. Шестопап). Сравнительный анализ применяется в исследовании для сопоставления содержательных особенностей структурных изменений и системных эффектов интеграционного процесса в Республике Крым и Севастополе.

---

⁴⁴² Межнациональное и межрелигиозное согласие в студенческой среде Крыма и Севастополя: мониторинг и анализ уровня развития: коллективная монография / Мин-во науки и высшего образования Российской Федерации, Севастопольский гос. университет; отв. ред. О.В. Ярмук. – Севастополь: СевГУ, 2019. – 144 с. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42520704> (дата обращения: 07.02.2023).

Конфликтологический анализ позволяет понять процессуальные и функциональные особенности рассматриваемых в исследовании кейсов⁴⁴³.

Целью эмпирического исследования было изучение оснований, уровней и эффектов интеграции Республики Крым и города федерального значения Севастополь в российское общество. В качестве задач исследования были определены:

– выявление ценностных ориентаций, личностных установок, жизненных стратегий, основ национально-государственной идентичности, образа российского государства, потенциала межнационального и межрелигиозного согласия жителей Республики Крым и города федерального значения Севастополь;

– определение источников дезинтеграционных факторов в реальной и цифровой средах Крымского полуострова;

– анализ содержательных характеристик крымского и севастопольского интернет-сегментов, являющихся структурным компонентом коммуникативной интеграции новых регионов;

– выявление структурных особенностей информационных потоков неконвенционального исторического характера в социально-медийном пространстве Крымского полуострова;

– определение факторов, препятствующих и способствующих формированию интеграционных практик в молодежной среде Республики Крым и города федерального значения Севастополь.

Объектом исследования выступает население Крымского полуострова, и отдельно изучалась студенческая молодежь, обучающаяся в вузах Республики Крым и города федерального значения Севастополь. Актуальность обращения к молодежи как к объекту анализа обусловлена тем, что она является синтезатором идей, проводником определенных мнений и установок⁴⁴⁴. В объекте анализа были

---

⁴⁴³ Межнациональное и межрелигиозное согласие в студенческой среде Крыма и Севастополя: мониторинг и анализ уровня развития: коллективная монография / Мин-во науки и высшего образования Российской Федерации, Севастопольский гос. университет; отв. ред. О.В. Ярмак. – Севастополь: СевГУ, 2019. – 144 с. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42520704> (дата обращения: 07.02.2023).

⁴⁴⁴ Ярмак О.В., Дерюгин П.П., Ярмак В.Е. Социальный портрет современного студента // Дискурс. 2019. Т. 5. № 4. С. 53-64. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41211767> (дата обращения: 07.02.2023).

выделены три группы по национальному признаку: относящие себя к русским – были отнесены в группу «русские», к украинцам – в группу «украинцы», к крымско-татарскому населению – в группу «крымские татары».

Предметом исследования стали элементы массового сознания (ценностные ориентации, личностные установки), жизненные стратегии, основы национально-государственной идентичности крымчан и севастопольцев, формы идентичности, образ российского государства, оценки социально-экономических изменений на полуострове, потенциал межнационального и межрелигиозного согласия жителей Республики Крым и города федерального значения Севастополь.

Научная новизна полученных эмпирических результатов состояла в выявлении оснований, уровней и эффектов интеграционного процесса Республики Крым и города Севастополь в российское общество; особенностей интеграционных практик в различных этнических и поколенческих группах полуострова; в изучении форм идентичности и ее структурных компонент, в частности ценностных ориентаций и смыслов, образа России, оценок социально-экономических изменений на полуострове и возможностей для профессионального роста.

Анализ информационного поля Крымского полуострова, сформировавшего коммуникативный уровень интеграции Крыма в российское медиа- и интернет-пространство, обладает особой научной значимостью в связи с условиями когнитивного и гибридного противоборства, в котором находится Россия с 2014 года.

Отдельное направление анализа, касающееся цивилизационной связки большого пространства России с интегрируемым сообществом – Республикой Крым и городом Севастополь, имеет особую научную новизну в связи с происходящими тектоническими изменениями социальных порядков.

При анализе имеющегося эмпирического материала было сформулировано предположение о том, что в этнических группах, выделенных по национальному самоопределению, – «русские», «украинцы» и «крымские татары» интеграционный процесс различается. Также автором высказана гипотеза, что

динамика протекания интеграции различна с учетом поколенческих характеристик объекта исследования.

Для измерения составляющих межнационального согласия в студенческой среде использовалась шкала Богардуса, модифицированная под тематику авторского исследования. Инструментарий содержал специальные вопросы, касающиеся отношения к истории российского государства, понимания образа современной России, определения структуры идентичности, ценностных ориентаций, готовности к межнациональным контактам.

Структурная операционализация основных категорий исследования была осуществлена через раскрытие следующих понятий (табл. 1).

Таблица 1. Структурная операционализация основных категорий исследования.

Показатели	Переменные
<i>Массовый опрос</i>	
Историческая память	<ul style="list-style-type: none"> • интерес к истории; • оценка основных достижений предыдущих поколений россиян; • переживание общности исторической судьбы; • восприятие личной сопричастности к истории страны; • оценка связи истории семьи с историей России; • стремление получения информации об истории страны, выдающихся россиянах; • сформированность представлений об ответственности за сохранение исторического наследия; • практический опыт участия в сохранении исторического наследия; • оценка исторической траектории России
Патриотизм	<ul style="list-style-type: none"> • структура патриотизма; • посещение знаковых мест российской истории и современной России; • желание побывать в знаковых местах российской истории и современной России; • знание слов российского гимна
Система идентичностей	<ul style="list-style-type: none"> • структурные характеристики уровней идентичностей; • оценка степени гордости за принадлежность к определенной социальной группе; • специфика национально-государственной идентичности; • сформированность национально-государственной идентичности; • основы идентичности (культурная, религиозная, национальная, политическая, территориальная, фактор «родной земли» и др.)

Продолжение таблицы 1

Ценностная иерархия	<ul style="list-style-type: none"> • жизненные приоритеты; • структура ценностных ориентаций; • ценностно-смысловое поле молодежной среды; • оценка личностных качеств при оценке «другого»; • лидеры общественного мнения молодежи; • жизненные стратегии
Социальные установки о межнациональном согласии в стране / на Крымском полуострове	<ul style="list-style-type: none"> • отношение к многонациональности России; • отношение к многоконфессиональности России; • оценка состояния межнациональных отношений в Республике Крым и городе Севастополь; • готовность к межнациональным контактам в семье (близком окружении) и референтных группах
Поведенческие установки	<ul style="list-style-type: none"> • самооценка степени активности жизненной позиции; • стремление принимать участие в реализации социальных проектов; • принятие участие в благотворительной, волонтерской деятельности
Образ России	<ul style="list-style-type: none"> • восприятие российского государства; • оценка геополитического статуса современной России; • оценка культурного и духовно-нравственного потенциала современной России; • оценка уровня защищенности суверенитета российским государством; • оценка воссоединения Республики Крым и города Севастополь спустя четыре года, пять и шесть лет
Инфраструктурные трансформации Крымского полуострова	<ul style="list-style-type: none"> • оценка изменений, произошедших в Республике Крым и городе Севастополь с 16 марта 2014 года по настоящее время; • оценка экономических изменений, произошедших в Республике Крым и городе Севастополь с 16 марта 2014 года по настоящее время; • оценка инфраструктурных изменений, произошедших в Республике Крым и городе Севастополь с 16 марта 2014 года по настоящее время; • оценка межнациональных изменений, произошедших в Республике Крым и городе Севастополь с 16 марта 2014 года по настоящее время; • оценка социальных изменений, произошедших в Республике Крым и городе Севастополь с 16 марта 2014 года по настоящее время; • оценка уровня безопасности в Республике Крым и городе Севастополь с 16 марта 2014 года по настоящее время; • оценка образовательных возможностей в Республике Крым и городе Севастополь с 16 марта 2014 года по настоящее время; • оценка социального обеспечения студенчества в Республике Крым и городе Севастополь с 16 марта 2014 года по настоящее время; • динамика приоритетных задач Республики Крым и городе Севастополь

Продолжение таблицы 1

<i>Глубинные интервью</i>	
Когнитивные составляющие установок интеграционного процесса Республики Крым и города Севастополь в российское общество	<ul style="list-style-type: none"> • характеристика ситуации в Республике Крым и городе Севастополь; • восприятие воссоединения Республики Крым и города Севастополь с Россией; • оценка воссоединения Республики Крым и города Севастополь спустя четыре года и пять лет; • оценка изменений, произошедших в Республике Крым и городе Севастополь с 16 марта 2014 года по настоящее время; • оценка экономических изменений, произошедших в Республике Крым и городе Севастополь с 16 марта 2014 года по настоящее время; • оценка инфраструктурных изменений, произошедших в Республике Крым и городе Севастополь с 16 марта 2014 года по настоящее время; • оценка межнациональных изменений, произошедших в Республике Крым и городе Севастополь с 16 марта 2014 года по настоящее время; • оценка социальных изменений, произошедших в Республике Крым и городе Севастополь с 16 марта 2014 года по настоящее время; • оценка уровня безопасности в Республике Крым и городе Севастополь с 16 марта 2014 года по настоящее время
Аффективные составляющие установок интеграционного процесса Республики Крым и города Севастополь в российское общество	<ul style="list-style-type: none"> • оценка ожиданий, связанных с воссоединением Республики Крым и города Севастополь с Россией; • описание работы социальных лифтов, открывшихся профессиональных и образовательных возможностей; • оценка образовательных возможностей в Республике Крым и городе Севастополь с 16 марта 2014 года по настоящее время
Поведенческие составляющие установок интеграционного процесса Республики Крым и города Севастополь в российское общество	<ul style="list-style-type: none"> • оценка мер, предпринимаемых российскими властями в сфере инфраструктурного переустройства Крымского полуострова; • оценка действий властей Республики Крым и города Севастополь по интеграции полуострова в российское экономическое, образовательное, социальное и культурное пространства; • готовность к деятельности, направленной на улучшение жизни на Крымском полуострове и усилении интеграционного процесса.

Стратегия прикладного исследования носила гибридный характер и основывалась на сочетании количественных и качественных методов, применённых для анализа оснований, уровней и эффектов интеграционного процесса в крымском и севастопольском сообществах. Модель эмпирического исследования базировалась на триангуляции количественных, качественных и

цифровых методов. Благодаря комбинированию количественных – массовый опрос, качественных – глубинное интервью, контент- и дискурс-анализ, цифровых методов – киберметрия интернет-контента эмпирическая исследовательская модель позволила осуществить комплексный анализ оснований, уровней и эффектов интеграции Республики Крым и города Севастополь в российское общество.

Исследовательский проект предполагал проведение в течении трех лет мониторингового социологического исследования, построенного на сочетании количественных и качественных методов, а именно:

1. Массовые опросы:

– в 2017 и 2018 годах проведен массовый опрос методом анкетирования с выборочной совокупностью 3200 студентов Республики Крым и Севастополя (2000 крымчан и 1200 севастопольцев в возрасте от 17 до 25 лет), репрезентативностью по территории проживания, полу, национальности при соблюдении предельной ошибки выборки не более 3% (по 1600 опрошенных ежегодно в течении двух лет осуществления проекта) (табл. 2 и 3). В массовом опросе использовалась многоступенчатая выборка, построенная на применении процедуры поэтапного отбора объектов анализа. При этом совокупность объектов, отобранных на предыдущем этапе, становится исходной для отбора на следующем. На первом этапе была применена вероятностная (гнездовая) выборка. Единицы отбора первого этапа (первичные единицы) – типы поселений с наличием и отсутствием вузовских структур. На втором этапе использовалась квотная выборка. Единицы отбора второго этапа (вторичные единицы) были определены на основе сведений (параметров квот) об общем количестве обучающихся в вузе, то есть элементов генеральной совокупности. Единицы анализа отбирались при помощи простого случайного отбора, при котором вероятность быть включённым в выборку является одинаковой для всех единиц совокупности.

Таблица 2. Объем выборочной совокупности исследовательской волны 2017

года

№	Название вуза	Количество опрошенных студентов
Республика Крым		
1	Гуманитарно-педагогическая академия, г. Ялта (ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»)	138
2	Евпаторийский институт социальных наук, г. Евпатория (ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»)	103
3	Таврическая академия, г. Симферополь (ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»)	708
4	Институт экономики и управления, г. Симферополь (ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»)	99
5	Крымский инженерно-педагогический университет, г. Симферополь (ГБОУ ВО РК «КИПУ»)	105
6	Всего	1153
г. Севастополь		
7	ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»	285
8	Севастопольский филиал Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова (СФ РЭУ)	62
9	Филиал Московского государственного университета им.М.В. Ломоносова в г. Севастополе	61
10	Севастопольский экономико-гуманитарный институт (филиал) Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (СЭГИ КФУ)	39
	Всего	447
	ИТОГО	1600

Таблица 3. Объем выборочной совокупности исследовательской волны 2018

года

№	Название вуза	Количество опрошенных студентов
Республика Крым		
1	Гуманитарно-педагогическая академия, г. Ялта (ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»)	98
2	Евпаторийский институт социальных наук, г. Евпатория (ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»)	123
3	Таврическая академия, г. Симферополь (ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»)	151
4	Институт экономики и управления, г. Симферополь (ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»)	41
5	Академия биоресурсов и природопользования г. Симферополь (ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»)	200

Продолжение таблицы 3

6	Академия Строительства и архитектуры, г. Симферополь (ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»)	20
7	Медицинская академия им. С.И. Георгиевского, г. Симферополь (ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»)	195
8	Финансово-экономический колледж, г. Симферополь (ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»)	21
9	Керченский государственный морской технологический университет	76
10	Крымский университет культуры, искусств и туризма	56
	Всего	981
г. Севастополь		
11	ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»	465
12	Севастопольский филиал Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова (СФ РЭУ)	54
13	Филиал Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова в г. Севастополе	60
14	Севастопольский экономико-гуманитарный институт (филиал) Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (СЭГИ КФУ)	40
	Всего	619
	ИТОГО	1600

– в 2020 году осуществлен массовый опрос методом интервью с итоговой выборочной совокупностью 2000 человек (1265 жителей 16-ти городов Республики Крым – Алушка, Алушта, Армянск, Бахчисарай, Белогорск, Джанкой, Евпатория, Керчь, Красноперекоск, Саки, Симферополь, Старый Крым, Судак, Феодосия, Щелкино, Ялта и 735 жителей города Севастополь в возрасте от 18 лет и старше, репрезентативность по территории проживания, полу, возрасту при соблюдении предельной ошибки выборки 3%) (табл. 4).

Таблица 4. Объем выборочной совокупности исследовательской волны 2020 года

№ п/п	Город	Количество опрошенных
Республика Крым		
1	Алушка	13
2	Алушта	39
3	Армянск	26
4	Бахчисарай	39
5	Белогорск	26
6	Джанкой	51
7	Евпатория	143

Продолжение таблицы 4

8	Керчь	208
9	Краснопереконск	39
10	Саки	39
11	Симферополь	455
12	Старый Крым	13
13	Судак	26
14	Феодосия	79
15	Щелкино	13
16	Ялта	91
	Всего по Республике Крым	1300
17	Севастополь	700
	Всего по городу Севастополь	700
	ИТОГО	2000

2. Глубинные интервью:

– в 2017 и 2018 годах проведены глубинные интервью с 160-ю студентами с охватом представителей разных территорий, национальностей, гендеров. Данный метод позволил проанализировать процесс формирования форм и основ идентичности, ценностей, символов и смыслов массового сознания жителей Республики Крым и города Севастополь. В процессе глубинных интервью были выявлены когнитивные, аффективные и поведенческие составляющие установок интеграционных практик новых регионов.

При проведении глубинных интервью использовалась неслучайная (невероятностная) выборка с помощью направленного отбора, предполагающего выбор единиц по заранее определенному принципу: выделению индивидуальных характеристик (пол, национальность, территория проживания). Кроме того, во внимание принималась интенсивность вовлеченности пользователя в Интернет-коммуникацию (не реже 1 раза в неделю) и наличие аккаунта в одной из социальных сетей. Таким образом, глубинные интервью проводились с респондентами из числа участников массового опроса, наиболее полно раскрывающих свои позиции. Объем выборочной совокупности глубинных интервью исследовательских волн 2017 и 2018 годов составил по 80 респондентов.

Контроль за обеспечением качества исследовательских процедур осуществлялся на всех этапах проведения мониторингового социологического

исследования. В рамках контроля реализованы такие мероприятия, как экспертная оценка программы исследования, инструментария массового опроса и гайда глубинного интервью, проверка качества заполнения бланков анкет и интервью, контроль за допустимым уровнем ошибки выборки, за обработкой данных, а также обсуждение результатов исследования на научных семинарах и конференциях. Отбор респондентов для глубинного интервью осуществлялся по результатам массового опроса, и здесь в качестве контрольных были осуществлены такие действия, как конструирование выборочной совокупности с учетом пола, национальности, вуза и типа населенного пункта.

3. Цифровые методы:

– киберметрия крымского и севастопольского интернет-сегментов с применением онлайн-сервиса мониторинга социальных медиа IQBuzz, с глубиной выгрузки Интернет-контента 2016-2019 годов, объемом выгрузки – более 1 млн. сообщений из трех наиболее популярных социальных медиа (Instagram (запрещен в РФ), Facebook (принадлежит компании Meta – запрещенной в РФ), ВКонтакте). Киберметрический анализ позволил изучить воздействие Интернет-коммуникаций на формирование интеграционных практик Республики Крым и города Севастополь, осуществить анализ информационных потоков, посвященных межэтническому согласию в социальных медиа, определить хабы взаимосвязей тематических групп и сообществ;

– киберметрия информационных потоков социальных медиа крымского и севастопольского интернет-сегментов. Основу дизайна осуществленной киберметрии составляла социальная медиааналитика (social media analytics), выполненная посредством выгрузки и анализа сообщений социальных медиа с использованием российской системы мониторинга социальных сетей «Медialogия». Было аккумулировано порядка 800 000 информационных документов (сообщений, комментариев) (глубина выгрузки 2019-2020 гг.) из социальных сетей, форумов, блогов, мессенджеров; определены такие параметры информационных потоков, как вес, динамика, тональность, социально-демографические характеристики авторов потока;

– контент- и дискурс-анализ информационных поводов, ориентированных на историческую тематику (дискурс о Победе, роль в ней Севастополя) с осуществлением анализа 109 информационных поводов за период 2018-2020 годов и 100 информационных поводов за период февраля-мая 2022 года, а именно:

1. Федеральных ресурсов (РТ (<https://russian.rt.com>), ИТАР ТАСС (<https://tass.ru>), РИА новости (<https://ria.ru>), Российская газета (<https://rg.ru>), МИР 24 (<https://mir24.tv>), ОТР (<https://otr-online.ru>), ТРК Царьград (<https://tverigrad.ru>), ИА Регнум (<https://regnum.ru>), порталы ТРК «Культура» (<https://www.culture.ru>), Российского географического общества (<https://www.rgo.ru>), Победа.РФ (<https://pobedarf.ru>), МВД РФ (<https://мвд.рф>), Росгвардии (<https://rosguard.gov.ru>), <https://gogov.ru>, <https://konkurent.ru>, «Момент истины» (<https://moment-istini.com>) Красная весна (<https://rossaprimavera.ru>), Глас народа (<https://glasnarod.ru>)).

2. Полуостровных ресурсов:

2.1) Крымских (РИА Крым (<https://crimea.ria.ru>), Крым пресс (<https://crimeapress.info>), Керчь ФМ (<https://kerch.fm>), crimea9.ru),

2.2) Севастопольских (Informer (<https://ruinformer.com>), филиал «Комсомольской правды» (<https://www.sevastopol.kp.ru>), «Севкор» (<https://sevkor.ru>), Форпост (<https://sevastopol.su>), Слава Севастополя (<https://slavasev.ru>), Новый Севастополь (<https://new-sevastopol.com>), БезФормата. Севастополь (<https://sevastopol.bezformata.com>), СевастопольМедиа (<https://sevastopolmedia.ru>), ТРК НТС (<https://sev.tv>)).

3. Региональных ресурсов (приложение Город 24 (<https://gorod24.online>), <https://54rus.org> (Новосибирск), <https://volgograd-trv.ru> (Волгоград), <https://bel.ru> (Белгород), <https://vorle.ru> (Орел), <https://www.mvestnik.ru> (Мурманск), <https://news.1777.ru> (Ставрополь), <https://ugorskinfo.ru> (Югра), <https://primpress.ru> (Владивосток).

– Киберметрический анализ интернет-пространства сообщений на историческую тематику с объемом выгрузки 45239 сообщений, глубиной

выгрузки – ноябрь-декабрь 2020 года, с использованием российской системы мониторинга анализа социальных сетей «Медиалогия».

Использование российского онлайн-сервиса мониторинга социальных медиа «Медиалогия» позволило аккумулировать и структурировать информационные документы (сообщения, комментарии) из социальных сетей, форумов, блогов, мессенджеров и определить такие параметры информационных потоков, как вес информационного потока, его динамика, социально-демографические характеристики авторов потока, их геолокацию, тональность интернет-контента.

В основе дизайна исследования лежала социальная медиааналитика (social media analytics), осуществлённая посредством выгрузки и анализа сообщений социальных медиа с использованием российской системы мониторинга анализа социальных сетей «Медиалогия», анализ полученных social big data.

Полученные автором данные можно трактовать как «большие социологические данные», позволяющие анализировать взаимодействие человека с информацией, его поведение в интернет-сети, что даёт возможность говорить о формировании новой методологической парадигмы общественных наук, согласно которой реальность человека не соответствует идеальной упорядоченности, а встроена в информационные и коммуникативные сети⁴⁴⁵.

Считаем, что «большие социологические данные» можно рассматривать не как технократический феномен, открывший для общественных наук новую исследовательскую повестку в аспекте изучения поведения людей, а как социальное явление нового типа, позволяющее анализировать потоки информации в обществе, социальное взаимодействие и социальный обмен, обеспечиваемый технологиями коммуникации и формирующий у людей ментальные модели – матрицы осознания людьми текущих ситуаций. Но всё же большим социологическим данным присущ ряд недостатков: во-первых, вопрос

---

⁴⁴⁵ Olga Yarmak, Mariya Bolshakova, Anastasiya Maranchak, Zoya Savina. Sevastopol in the Historical Memory of the Great Patriotic War: Media Space Analysis // The European Journal of Social & Behavioural Sciences EJSBS Volume XXX (eISSN: 2301-2218) doi:10.15405/ejsbs.294 Режим доступа: https://www.europeanpublisher.com/data/articles/10000/10036/article_10000_10036_pdf_100.pdf; <https://doi.org/10.15405/ejsbs.294> (дата обращения: 07.02.2023).

достоверности персональных параметров данных аудитории; во-вторых, ограниченность аудитории: исследователь работает только с той аудиторией, которая внесена в базы данных; в-третьих, техническая проблема – проблема прозрачности построения механизма работы алгоритма формирования и выгрузки данных. В связи с этим считаем, что для комплексного решения исследовательской задачи данные анализа социальных медиа должны сопровождаться традиционными социологическими методами⁴⁴⁶.

Проведенные цифровые исследования были основаны на междисциплинарном подходе по изучению коммуникации и информационных потоков, дающем возможность для анализа социальных медиа, поиска скрытых закономерностей в коммуникационных сетях, синтеза имитационных моделей информационного влияния и управления, использования интеллектуальной системы анализа социальных медиа. Используемыми инструментами социологического анализа коммуникации являлись интеллектуальный анализ больших данных, анализ социальных сетей с поиском агентов влияния, определение тональности контента, его кластеризация. Исследование построено на сочетании методов, относящихся к количественной – киберметрия информационных потоков в социальных медиа и качественной (дискурс- и контент-анализ социально-медийных сообщений) стратегиям прикладного анализа⁴⁴⁷.

В киберметрических исследованиях были применены сравнительный, типологический, контент- и дискурс- анализ. Типологический анализ был необходим для обработки результатов мониторинга социальных сетей. В данном случае базовым типобразующим признаком выступили репрезентуемые в профайлах установки пользователей. При этом совокупность типобразующих признаков имела трехкомпонентную структуру. Первая компонента –

---

⁴⁴⁶ Ярмак О.В., Страшко Е.В., Шкайдерова Т.В. Реакция на пандемию Covid-19 интернет-аудиторий Москвы, Санкт-Петербурга и Севастополя (по материалам медиа-аналитического исследования) // Вестник Института социологии. 2020. Том 11. № 11. С. 121-142. Режим доступа: doi: 10.19181/vis.2020.11.3.666 (дата обращения: 07.02.2023).

⁴⁴⁷ Ярмак О.В., Жаркова Т.В., Саркисов Д.Г. Использование больших данных в междисциплинарных исследованиях на примере макрорегиона Большое Средиземноморье//Цифровая социология. 2022. Т. 5. № 3. С. 24–30. Режим доступа: <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2022-5-3-24-30> (дата обращения 07.02.2023).

характеристики самого явления, которое подвергается типологизации, вторая – характеристики социального фона, в котором протекает это явление, третья – факторы, объясняющие существование типов проявления изучаемого явления.

Разработка исследовательской темы была апробирована в рамках ряда научных проектов:

– грант РФФИ на тему «Межнациональное и межрелигиозное согласие в студенческой среде Крыма и Севастополя: мониторинг и анализ уровня развития» (на 2017-2019 гг., № 17-06-00440 А);

– грант РФФИ «Украинские информационные потоки в крымском сегменте социальных медиа: риски и технологии преодоления негативных эффектов антироссийской риторики в онлайн-среде» (на 2018-2020 гг., №18-011-00937 А);

– грант РФФИ на тему «Научно-образовательные центры как фактор формирования человеческого капитала России: формат создания научно-образовательных центров мирового уровня согласно указа Президента «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»» (на 2019-2022 гг., № 19-29-07443 мк);

– грант РФФИ на тему «Социологическое измерение межнационального и межрелигиозного согласия в Республике Крым и Севастополе при использовании полумарковских процессов и агентного моделирования» (на 2020 г., №20-011-31565 опн);

– внутренний грант ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет» №28/06-31 на тему «Развитие методов агентного моделирования и больших данных для анализа социальных медиа в постконфликтных обществах» (идентификатор 28/06-31, утверждён приказом проректора по научной и инновационной деятельности ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет» от 14.04.2020 № 556-п);

– грант РФФИ на тему «Севастополь в исторической памяти о Великой Отечественной войне: анализ информационных потоков Рунета с использованием больших данных» (на 2020-2021 гг., №20-411-920004);

– грант на тему «Социально-политические коммуникации на реинтегрированных территориях Украины: риски и технологии преодоления внешних вызовов с использованием метода анализа больших данных» (FEFM-2022-0005) при поддержке Экспертного института социальных исследований (ЭИСИ), Министерства науки и высшего образования России и Российской академии наук (2022 г.);

– научный проект на тему «Формирование научно-технологической компетенции «Цифровые технологии в сфере оперативного регионоведения» (2022 г., по программе Приоритет 2030).

§ 3.2. Историческая память как основа цивилизационной интеграции Крымского полуострова в российское пространство

Память является одним из ключевых концептов, разрабатываемых такими отраслями современной социологии, как социология повседневных практик, социология пространства, социальная урбанистика. Формы репрезентации памяти, разнообразие памятных мест, коммеморативные ритуалы уже стали предметом научных изысканий, которые изучают историю возникновения, методологические основания и перспективы исследования исторической памяти («memory studies»).

Современные механизмы репрезентации памяти, процесс трансформации мемориальных символов и коммеморативных ритуалов привели к пониманию памяти как инструмента конструирования идентичности человека. Историческая память – это, по сути, способ конструирования людьми своего прошлого, и поэтому она изучается через свидетельства людей, переживших некий коллективный опыт (например, Великую Отечественную войну, Крымскую весну, референдум о вхождении Республики Крым и города Севастополь в Россию);

через медиа и коммуникативные сети искусственно создаваемых визуальных символов.

Ценны идеи Э. Дюркгейма о феномене памяти как о коллективных представлениях, формируемых системно в сознании людей⁴⁴⁸. В отличие от Дюркгейма, М. Хальбвакс предложил понятие «рамка» как комплекса пространственно-временных и социальных представлений, позволяющих вспоминать по желанию события прошлого: «рамка и события тождественны по природе: события суть воспоминания, но и сама рамка состоит из воспоминаний»⁴⁴⁹. То есть человек смотрит на прошлое из настоящего, пользуясь ориентирами, которые предлагает ему близкая социальная группа⁴⁵⁰. Под «коллективной памятью» М. Хальбвакс понимал коллективно разделяемые репрезентации прошлого, но при этом утверждал, что индивидуальная память социально детерминирована.

В исследованиях памяти выделяют несколько этапов, один из них период 1920-1940-х годов, связанный с появлением работ М. Хальбвакса, А. Варбурга, В. Беньямина и Ф. Бартлетта; второй (1980-е гг.) – с выходом трудов Й. Йерушалми «Захор: еврейская память и еврейская история» и П. Нора «Между памятью и историей», в которых историческая память представлялась как принципиально новый способ обращения с прошлым^{451 452 453}.

Становление коллективной памяти как научной категории произошло в статьях журнала «History and memory»⁴⁵⁴. В социологической традиции коллективная память рассматривалась в рамках структурализма,

⁴⁴⁸ Дюркгейм Э. Представления индивидуальные и представления коллективные // Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Пер. с фр. А. Б. Гофмана. — М.: Канон, 1995б. — С. 208-243.

⁴⁴⁹ Хальбвакс, Морис (1877-1945). Социальные рамки памяти / Морис Хальбвакс ; [пер. с фр. и вступ. ст. Сергей Н. Зенкин]. - Москва : Новое изд-во, 2007. - 346 с.; 20 см. - (А; 006).; ISBN 978-5-98379-088-9, с.151, 138.

⁴⁵⁰ Хальбвакс, Морис (1877-1945). Социальные рамки памяти / Морис Хальбвакс ; [пер. с фр. и вступ. ст. Сергей Н. Зенкин]. - Москва : Новое изд-во, 2007. - 346 с.; 20 см. - (А; 006).; ISBN 978-5-98379-088-9, с. 151.

⁴⁵¹ Йерушалми, Йосеф Хаим. Захор [Текст] = Zakhor : Еврейская история и еврейская память / Йосеф Хаим Йерушалми ; [пер. с англ. Р. Нудельмана]. - Москва: Мосты культуры ; Иерусалим : Гешарим, 2004. - 167, [2] с. : ил.; 22 см. - (Bibliotheca judaica).; ISBN 5-93273-172-9.

⁴⁵² Нора П. Проблематика мест памяти Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. - СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999, с. 17-50. Режим доступа: <http://ec-dejavu.ru/m-2/Memory-Nora.html> (дата обращения: 07.02.2023).

⁴⁵³ Erl1 2011: 4 Erl1 A. Travelling Memory // Parallax. — L., 2011. — Vol. 17, No. 4.

⁴⁵⁴ Funkenstein 1989: 6 Funkenstein A. Collective Memory and Historical Consciousness // History and Memory. — Bloomington, 1989. — Vol. 1. No. 1.

постструктурализма, постмодернизма, деконструктивизма и постистории⁴⁵⁵. Войдя в публичную среду, коллективная память превратилась в орудие для создания конфликтов, как внутригосударственных, так и международных.

В начале 2000-х годов автор концепции «мест памяти» П. Нора объявил эпоху «всемирного торжества памяти», для которой характерны критика официальных версий истории; возвращение вытесненных исторических событий; возврат к памяти народов, чья история игнорировалась; развитие мемориальных мероприятий; юридическое сведение счетов с прошлым; формирование индустрии «наследия»; открытие архивов; усиление внимания к темам травмы⁴⁵⁶.

«Мемориальный бум» конца XX века П. Нора связывал с «ускорением истории» и деколонизацией. Человечество, утратив представления о будущем, которые понимаются как реставрация прошлого, потеряло знание о том, что прошлое должно сохраняться в настоящем⁴⁵⁷. Понимание этой утраты приводит к доминированию памяти над историей и тенденции по расширению мемориальных смыслов – памятников, музеев, архивов, исторических коллекций и баз данных.

Воздействие коммуникаций и цифровизации способствовало формированию новых форм коллективной памяти, а именно созданию визуальных и ментальных символов, которые искусственно замещают реальную историю (по определению Ж. Ле Гоффа «революция памяти»⁴⁵⁸). Ж. Ле Гофф считал, что современные медиа способствуют демократизации памяти, но на практике это не подтвердилось. Наоборот, оказалось, что современные коммуникативные сети способствуют исчезновению конструктов исторической памяти и это создает «эпоху забвения»⁴⁵⁹.

⁴⁵⁵ Klein 2000 Klein K. L. On the Emergence of Memory in Historical Discourse // *Representations*. — No. 69, Special Issue: Grounds for Remembering. — Winter, 2000, P. 127–150.

⁴⁵⁶ Нора П. Всемирное торжество памяти // *Неприкосновенный запас*. 2005. № 2-3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html> (дата обращения: 07.02.2023).

⁴⁵⁷ Нора П. Всемирное торжество памяти // *Неприкосновенный запас*. 2005. № 2-3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html> (дата обращения: 07.02.2023).

⁴⁵⁸ Ле Гофф, Жак (1924). *История и память* [Текст] / Жак Ле Гофф ; [пер. с фр. К. З. Акопяна]. - Москва : РОССПЭН, 2013. - 302, [1] с.; 22 см.; ISBN 978-5-8243-1774-9, с. 124.

⁴⁵⁹ Zierold 2010 Zierold M. *Memory and Media Cultures* // Erll A., Nünning A. (eds.). *Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook*. — Berlin — New York, 2010.

В цифровую эпоху коллективная память существует в ситуации, когда интерес к прошлому осуществляется посредством медиавизуализаций исторических событий, что приводит к трансформации исторического сознания⁴⁶⁰. Современная мемориальная культура не создает единых нарративов, а остается хаотичной и неструктурированной. С одной стороны, происходит выход за национальные рамки истории, с другой – формируется новая мемориальная политика, основанная на плюрализме и обращении к индивидуальному опыту⁴⁶¹.

В современных обществах при формировании конструкторов исторической памяти используется травматический опыт, воспоминания о гонениях и бедствиях. Сакральность и жертвенность, транслируемые в социуме через коммуникативные сети и дискурсы о признании вины, создают поляризацию и раскол по историческим, культурным, цивилизационным линиям. Преодоление этих противоречий с разработкой контрмер технологиям создания линий цивилизационных и исторических разломов в условиях гибридных и когнитивных войн становится актуальнейшей задачей. Исследование медийной составляющей коллективной исторической памяти дает возможность поиска смыслов прошлого, находящихся в определенных культурных контекстах, а коллективная историческая память при этом является неким «мультимедийным коллажем»⁴⁶²
463

В основе современной конкуренции ведущих мировых держав лежат два основных пространства борьбы – борьба за ресурсы и конкуренция за смыслы и идеи, по сути, за власть над умами народов и целых цивилизаций. С учетом современной международной ситуации, когда история становится основным цивилизационным полем войны за умы и сердца россиян, например, в вопросе

⁴⁶⁰ Huyssen A. *Escape from Amnesia. The Museum as a Mass Medium* // Huyssen A. *Twilight Memories: Marking Time in a Culture of Amnesia*. NY: Routledge, 1995. P. 13-263.

⁴⁶¹ Misztal B. *The Sacralization of Memory* // *European Journal of Social Theory*, 2004, Vol. 7(1). P. 67-84.

⁴⁶² Сафронова Ю. А. *Memory studies: эволюция, проблематика и институциональное развитие* // *Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. научн. тр. / Отв. ред. Миллер А. И., Ефременко Д. В.* — М.-СПб: Нестор-История, 2018. — С. 224, С. 11-27.

⁴⁶³ Kanstainer 2002: Kansteiner W. *Finding Meaning in Memory. A Methodological Critique of Collective Memory Studies*. // *History and Theory*. V. 41, 2002, P. 185.

отношения к Победе СССР в Великой Отечественной войне, формируются цивилизационные разломные линии, в том числе между украинским и российским народами. При этом Победа является объединительным историческим событием для всех народов постсоветского пространства.

Коммуникативно-политические технологии, используемые в украинском интернет-пространстве, оказывают системное влияние на размывание исторических достижений большой исторической России – Победы СССР в Великой Отечественной войне и стиранию ее из памяти молодёжи. Посредством трансляции новых исторических мифов, символов и смыслов в украинском обществе за тридцатилетний период независимости произошел процесс исторической перекодировки.

В рамках авторского исследовательского интереса изучение данного процесса было значимо с точки зрения того, что украинский фактор существенно повлиял на формирование идентичности крымчан и севастопольцев. Длительная трансляция трактовки Украины как анти-России на территории Крымского полуострова с русским населением в этническом и ментальном смысле оказалась нежизнеспособной. Однако отдельная работа по трансформации исторической памяти, которая велась в молодежной среде Украины через институт школьного и высшего образования, дала свои результаты.

Историческое прошлое и его интерпретация выступает одним из важнейших интеграторов национально-государственной идентичности, поскольку формирует образ государства, чувства причастности к нему и основы патриотизма. Российский социолог Л.М. Дробижева называет эти чувства «цементирующими в общенациональной идентичности»⁴⁶⁴, а их фундаментом выступают массовое историческое сознание и национальная версия истории (национальный нарратив). Проблема трактовок исторического прошлого в структуре национально-государственной идентичности подробно рассмотрена в работах Л.М. Дробижевой,

---

⁴⁶⁴ Дробижева Л. Теоретические проблемы изучения гражданской идентичности и социальная практика / Л. Дробижева // Россия и мир: анатомия современных процессов: Сборник статей / Под ред. Е. А. Нарочницкой. – М.: Международные отношения, 2014. – С. 130-146, с. 144.

В.В. Бушуева и В.В. Титова, Е.Е. Вяземского^{465 466 467 468}. При этом национальная версия истории становится основой формирования общегосударственной идентичности только в том случае, если она — результат согласия «большинства общества по поводу выбора основных событий прошлого и их трактовки»^{469 470}.

Политику, направленную на процесс выработки данного общественного договора с учетом активного участия в этом процессе государства, чаще всего, определяют как «историческую политику». Историк Е.Е. Вяземский указывает, что с помощью «исторической политики» власть осуществляет «идеологическую индоктринацию общества в сфере исторического сознания и коллективной памяти» посредством «интенсивного вмешательства в трактовку истории государственного аппарата, политической элиты, которая контролирует власть в данный момент»⁴⁷¹. При этом Е.Е. Вяземский указывает на существование в российском обществе тенденции, в соответствии с которой историческое знание выступает не как абстрактная научная истина, а как определенный ценностный выбор^{472 473 474}. В данном случае этот выбор актуален и для Республики Крым и городе Севастополь.

⁴⁶⁵ Бушуев В.В. Национально-государственная идентичность в современном мире и роль исторической политики в ее формировании (теоретико-методологический анализ) / В. В. Бушуев, В. В. Титов // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. История и политология. – 2011. – № 4. – С. 77-93.

⁴⁶⁶ Вяземский Е. Е. Историческая политика государства, историческая память и содержание школьного курса истории России / Е. Е. Вяземский // Проблемы современного образования. – 2011. – № 6. – С. 89-97.

⁴⁶⁷ Дробижева Л.М. Российская идентичность: факторы интеграции и проблемы развития / Л.М. Дробижева // Социологическая наука и социальная практика. – 2013. – № 1. – С. 74-84.

⁴⁶⁸ Дробижева Л.М. Теоретические проблемы изучения гражданской идентичности и социальная практика / Л. Дробижева // Россия и мир: анатомия современных процессов: Сборник статей / Под ред. Е. А. Нарочницкой. – М.: Международные отношения, 2014. – С. 130-146.

⁴⁶⁹ Тишков В.А. Единство в многообразии: публикации из журнала «Этнопанорама» 1999–2011 гг. 2-е изд., перераб. и доп. / В. А. Тишков. – Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2011. – 232 с., с. 199.

⁴⁷⁰ Межнациональное и межрелигиозное согласие в студенческой среде Крыма и Севастополя: мониторинг и анализ уровня развития: коллективная монография / Мин-во науки и высшего образования Российской Федерации, Севастопольский гос. университет; отв. ред. О.В. Ярмак. – Севастополь: СевГУ, 2019. – 144 с. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42520704> (дата обращения: 07.02.2023).

⁴⁷¹ Вяземский Е. Е. Историческая политика государства, историческая память и содержание школьного курса истории России / Е. Е. Вяземский // Проблемы современного образования. – 2011. – № 6. – С. 89–97, с. 92.

⁴⁷² Там же, с. 90.

⁴⁷³ Межнациональное и межрелигиозное согласие в студенческой среде Крыма и Севастополя: мониторинг и анализ уровня развития: коллективная монография / Мин-во науки и высшего образования Российской Федерации, Севастопольский гос. университет; отв. ред. О.В. Ярмак. – Севастополь: СевГУ, 2019. – 144 с. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42520704> (дата обращения: 07.02.2023).

⁴⁷⁴ Нелина Л. П., Ярмак О. В., Ирхин А. А. Исторический компонент государственно-гражданской идентичности студенческой молодежи Республики Крым и Севастополя // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. Том 6 (72). 2020. № 1, с. 116-124. Режим доступа: <http://sn-philcultpol.cfuv.ru/wp-content/uploads/2022/03/Nelina-L.-P.-YArmak-O.-V.-Irhin-A.-A..pdf> (дата обращения: 07.02.2023).

Определяющее значение в процессе реализации «исторической политики» в России имело принятие в 2014 году Концепции нового учебно-методического комплекса по отечественной истории и историко-культурного стандарта, направленных на формирование единого культурно-исторического пространства Российской Федерации^{475 476 477}. В 2022 году были внесены изменения Министерством науки и высшего образования Российской Федерации в федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования по установлению обязательного минимума зачетных единиц, отводимых в вузах на изучение истории в рамках образовательных программ высшего образования⁴⁷⁸. Это, в первую очередь, касается исторического образования в школе, где закладываются основы исторической памяти.

Анализируя основы исторической памяти молодежи Республики Крым и города Севастополь необходимо учитывать, что реализуемая украинской образовательной системой национальная версия истории, по выражению российского историка В.А. Тишкова, как и в большинстве постсоветских республик, сконструирована на «избавлении от имперского господства и восстановлении древней исторической государственности титульной этнонации»⁴⁷⁹. Отметим наиболее важные позиции версии исторических событий, оказавших влияние на формирование идентичности крымской молодежи:

- Древнерусское государство, являвшееся частью средневековой Европы, с XIII века оказывается под давлением западной (католической) и восточной (монголо-татарской) экспансии, что впоследствии приводит к разделению единой

⁴⁷⁵ Перечень поручений по итогам встречи с разработчиками концепции нового учебно-методического комплекса по отечественной истории. Режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/20147> (дата обращения: 07.02.2023).

⁴⁷⁶ Концепция нового учебно-методического комплекса по отечественной истории. Режим доступа: <https://historyrussia.org/images/documents/konsepsiyafinal.pdf> (дата обращения: 07.02.2023).

⁴⁷⁷ Нелина Л.П. Концепция единого учебно-методического комплекса по отечественной истории как этап реализации «Исторической политики» в России // Научный вестник Крыма. 2017. №1 (6). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsepsiya-edinogo-uchebno-metodicheskogo-kompleksa-po-otechestvennoy-istorii-kak-etap-realizatsii-istoricheskoy-politiki-v-rossii> (дата обращения: 07.02.2023).

⁴⁷⁸ Приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 19 июля 2022 г. № 662 “О внесении изменений в федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования” Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405299743/?ysclid=1fr5xq4en5851096095> (дата обращения: 07.02.2023).

⁴⁷⁹ Тишков В. А. Единство в многообразии: публикации из журнала «Этнопанорама» 1999–2011 гг. 2-е изд., перераб. и доп. / В. А. Тишков. – Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2011. – 232 с., с. 221.

древнерусской общности на три отдельных народа — русских, украинцев и белорусов;

- в западных и юго-западных землях, входивших в состав Литовского княжества и Речи Посполитой утвердилась и доминировала европейская традиция, под влиянием которой и сформировались украинский и белорусский народы;
- северо-восточные земли в результате монгольского завоевания оказались в духовной, политической и культурной изоляции от Европы. Возникшая в этих землях государственность длительное время находилась под сильным восточным влиянием и воспроизводила золотоордынские традиции;
- после включения в состав Российского государства украинских земель (в такой трактовке) их взаимоотношения с центром строились по принципу «колония-метрополия» и были направлены на ассимиляцию и ликвидацию национальных культур. Этот же паттерн воспроизводится и в отношении советского периода;
- интерпретация постсоветских государств (в том числе и России) как «новых независимых государств», не имеющих общих тенденций развития в настоящем, а, следовательно, и оснований для доминирования над остальными. В частности, именно «проимперские действия» лидеров РСФСР в 1991 г. называют одним из факторов провозглашения Акта о независимости Украины^{480 481}.

Именно в таком культурном контексте формировалась крымская молодежь, что и оказало воздействие на ее национально-государственную идентичность и ценностный выбор.

Проведенное исследование отчасти опровергло высказанные предположения о влиянии украинского фактора на формирование исторической памяти, ее структурных элементов. Так, трансляция в украинской национальной версии представления России в качестве молодого постсоветского государства, не

⁴⁸⁰ Межнациональное и межрелигиозное согласие в студенческой среде Крыма и Севастополя: мониторинг и анализ уровня развития: коллективная монография / Мин-во науки и высшего образования Российской Федерации, Севастопольский гос. университет; отв. ред. О.В. Ярмак. – Севастополь: СевГУ, 2019. – 144 с. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42520704> (дата обращения: 07.02.2023).

⁴⁸¹ Нелина Л. П., Ярмак О. В., Ирхин А. А. Исторический компонент государственно-гражданской идентичности студенческой молодежи Республики Крым и Севастополя // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. Том 6 (72). 2020. № 1, с. 116-124. Режим доступа: <http://sn-philcultpol.cfuv.ru/wp-content/uploads/2022/03/Nelina-L.-P.-YArmak-O.-V.-Irhin-A.-A..pdf> (дата обращения: 07.02.2023).

имеющего прав на имперские амбиции и древнерусское наследие, у половины опрошенных не нашло отражение в исторических ориентациях: в сознании присутствует преемственность между Древнерусским государством и последующими государственными образованиями с центром в Москве или Петербурге вплоть до образования Российской Федерации. Треть опрошенных начало российской государственности ассоциируют с консолидацией Северо-Восточной Руси в XV-XVI веках и только 14-15% опрошенных считают Россию молодым государством, образовавшимся после распада СССР в 1991 году и не имеющим связей с предшествующими государственными образованиями (табл. 5).

Таблица 5. Истоки российской государственности в представлениях молодежи Республики Крым и города Севастополь (в процентах к числу ответивших, данные 2017, 2018, 2020 гг.)

Формулировка вопроса в анкете	Иссл. волны, гг.		
	2017 г.	2018 г.	2020 г.
Выберите, пожалуйста, утверждение, с которым Вы согласны (выбор одного из приведенных утверждений)	Ответы респондентов (в процентах к числу ответивших)		
Россия — это страна с продолжительной историей, истоки государственности которой начинаются в IX веке	52,8	55	48,3
Российская государственность связана с объединением княжеств вокруг Москвы и деятельностью Ивана III в XV-XVI в.	31,6	28,3	38,0
Россия — это одно из молодых государств, сформировавшееся на осколках СССР в начале 90-х годов XX в.	14,6	15	13,3
Другое	1,0	1,6	0,4

При формировании образа государства осознание специфики его исторического развития и достижений предшествующих поколений играет ключевую роль. Полученные мониторинговые данные показали, что крымская молодежь воспринимает особенности исторического развития России через существующую устойчивость к иностранным вторжениям и имеющуюся слабость перед внутренними проблемами (в определении К. фон Клаузевица) (47% в среднем за три исследовательские волны); с учетом образования

многонационального российского государства и сосуществования с соседними государствами (в определении Л. Гумилева) (39% в среднем за три исследовательские волны); подчеркивания значимости военной силы государства (в определении Александра III) (36% в среднем за три исследовательские волны). Доля респондентов, понимающих значимость многонациональных основ российского государства возросла с 38% в 2017 году до 43% в 2020-м. А количество тех, кто понимает важность армии и флота как основ суверенитета России, увеличилось с 2017 по 2020 годы в 1,2 раза. Количество респондентов, разделяющих утверждение о центральном положении России в Евразии и во взаимодействиях с Западом и Востоком (в определении В. Путина) увеличилось за интеграционный период почти в 1,5 раза (с 20% в 2017 году до 28% – в 2020-м) (табл. 6).

Таблица 6. Особенности истории России в представлениях молодежи Республики Крым и города Севастополь (в процентах к числу ответивших, 2017, 2018, 2020 гг.)

Формулировка вопроса в анкете	Иссл. волны, гг.		
	2017 г.	2018 г.	2020 г.
Выберите, пожалуйста, из предложенного списка выражения, которые, на Ваш взгляд, наиболее точно отражают особенности истории нашей страны	Ответы респондентов (в процентах к числу ответивших)		
“Россия не такая страна, которую можно действительно завоевать, т. е. оккупировать; по крайней мере, этого нельзя сделать... силами современных европейских государств... Такая страна может быть побеждена лишь внутренней слабостью и действием внутренних раздоров” (К. фон Клаузевиц).	52,1	50,8	40,1
“Надо отдать должное уму и такту наших предков... Они относились к окрестным народам как к равным, пусть даже непохожим на них. И благодаря этому они устояли в вековой борьбе, утвердив, как принцип не истребление соседей, а дружбу народов” (Л. Гумилев).	38,1	37,0	43,1
“Во всем свете у нас только два верных союзника — наша армия и флот. Все остальные, при первой возможности, сами ополчатся против нас” (Александр III).	34,6	33,2	40,7

Продолжение таблицы 6

“Я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя; но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог ее дал” (А. Пушкин).	29,9	25,8	22,7
“С Ивана Калиты последовательно и упорно собиралась Россия и достигла размеров, потрясающих воображение всех народов мира” (Н. Бердяев).	21,6	21,4	16,8
“Это не Россия находится между Востоком и Западом. Это Восток и Запад находятся слева и справа от России” (В. Путин).	19,9	23,8	27,9
Другое	0,7	2,6	1,1

Среди основных достижений предшествующих поколений россиян: территориальные – огромный размер территории страны (в среднем 51% опрошенных по результатам трех исследовательских волн), затем – суверенные – сохранение независимости государства (в среднем 39%) и силовые (военная мощь и наличие ядерного щита) (в среднем 35%) (табл. 7).

Таблица 7. Основные достижения предшествующих поколений россиян в представлениях молодежи Республики Крым и города Севастополь (в процентах к числу ответивших, 2017, 2018, 2020 гг.)

Формулировка вопроса в анкете	Иssl. волны, гг.		
	2017 г.	2018 г.	2020 г.
Как Вы считаете, что можно считать основными достижениями предыдущих поколений россиян?	Ответы респондентов (в процентах к числу ответивших)		
национальный характер россиян	33,2	30,5	28,7
огромный размер территории страны	52,6	50,7	50,2
сохранение независимости государства	46,4	38,8	31,9
создание уникальной культуры	34,4	39,3	38,8
мир и согласие между народами	27,4	29,5	45,8
военную мощь, ядерный щит	37,1	38,4	29,1
другое	0,3	1,0	0,5

В оценках значимости достижений цивилизационной направленности – национальный характер россиян, создание уникальной культуры, мир и согласие между народами – наблюдается динамика. Фактор национального характера россиян

утрачивает значимость, что говорит о восприятии России как многонационального государства и стирания границ между этническими группами, о чем будет сказано в следующих параграфах.

Создание уникальной культуры и достижение мира стало более значимым для крымской молодежи: если первое незначительно выросло в оценках, то второе – увеличилось в 1,7 раза. Создание уникальной культуры, которое практически 40% опрошенных в среднем за три года мониторинга, указали в качестве достижений России, свидетельствует о высоком потенциале сохранения культуры и исторической памяти у жителей Крымского полуострова.

Полученные данные говорят о формировании следующих характеристик исторического сознания крымской молодёжи, находящейся в интеграционном процессе:

- происходит расширение объема знаний о России, ее культурных, исторических, цивилизационных, территориальных и суверенных достижениях;
- наблюдается усиление тенденции по осознанию давней истории российской государственности;
- осознается необходимость достижения мира и национального компромисса путем трансляции полиэтнических интегральных практик из российской истории.

В структуре патриотизма наиболее представлены историко-социальная составляющая (бережное и уважительное отношение к традициям страны и ее народов) (в среднем 53% опрошенных) и лингвистическая компонента (бережное отношение к родному языку) (в среднем 49% опрошенных). Среди патриотических основ у молодого поколения снижалась в процессе интеграции правовая компонента патриотизма (с 37% в 2017 года до 21% в 2020 году), что свидетельствует о достаточно высокой степени интеграции Республики Крым и города Севастополь в Российскую Федерацию и не нарушение законов перестало быть значимым, а скорее стало должным действием. При этом фактор защиты слабых как неформальная правовая составляющая патриотизма возросла. Наличие российского гражданства выступает фактором патриотизма для всех жителей полуострова (табл. 8).

Таблица 8. Проявления патриотизма в представлениях крымчан и севастопольцев (в процентах к числу ответивших, 2017, 2018, 2020 гг.)

Формулировка вопроса в анкете	Иссл. волны, гг.		
	2017 г.	2018 г.	2020 г.
На Ваш взгляд, как гражданин России должен проявлять свой патриотизм, любовь к Родине?	Ответы респондентов (в процентах к числу ответивших)		
доверять согражданам	10,4	8,0	19,4
беречь родной язык/родные языки	51,3	48,3	47,1
гордиться победами предков	35,9	37,4	30,3
быть причастным к великой культуре	21,7	19,3	19,5
защищать слабых, стремиться к справедливости	32,0	26,6	41,9
бережно и уважительно относиться к традициям страны и ее народов	58,2	61,0	40,7
иметь российское гражданство	1,3	4,1	20
быть готовым служить в армии	9,0	12,9	7,4
не нарушать законы страны	37,2	30,0	21,2
другое	1,1	2,0	0,2

Таким образом, структура патриотизма жителей Республики Крым и города Севастополь находится в следующем состоянии: в ней наличествует историко-социальная (сохранение традиций и гордость за победы предков), лингвистическая (сохранение родного языка), государственная (получение гражданства России) и гражданская (стремление к социальной справедливости) компоненты.

Ключевым элементом в формировании идентичности является знание своих корней. Здесь важным являлось понимание влияния институтов семьи и образования. Практически половина опрошенных (46% в среднем за три года мониторинга) историю своей семьи связывает с историей России, собирая свидетельства своих родных (37%) и сохраняя их в архивах (9%). Только 9% опрошенных (средний показатель за три года измерений) узнали о связи истории своей семьи с историей страны благодаря институту образования (выполняли задания во время обучения в вузе) (табл. 9).

Таблица 9. Информирование о связи истории семьи с историей России (в процентах к числу ответивших, 2017, 2018, 2020 гг.)

Формулировка вопроса в анкете	Иссл. волны, гг.		
	2017 г.	2018 г.	2020 г.
Знаете ли Вы о том, как история Вашей семьи связана с историей России?	Ответы респондентов (в процентах к числу ответивших)		
да, у нас есть семейный архив, и мы его бережно храним	7,8	7,5	11,6
да, мои родители/родственники подробно рассказали об этом	43,3	42,0	25,4
да, на одном из занятий в вузе я выполнил (-а) такое задание	6,6	6,6	12,8
нет, не задумывался (-лась) об этом	15,2	20,3	21,8
нет, первый раз сталкиваюсь с таким вопросом	10,0	7,2	11,7
нет, мои родственники не смогли мне что-либо рассказать	6,8	4,8	10,1
нет, моя семья связана с историей другой страны	9,7	10,5	6,5
другое	0,4	0,9	0,0

По результатам данных 2020 года утверждение о том, что поколенческая преемственность выступает основой формирования коллективной памяти общества, подтвердилось. Половина жителей Крымского полуострова стараются поддерживать связь между историей своей семьи и историей страны в различных форматах: либо через институт семьи – семейные рассказы (25%), либо через образовательные (13%) или культурные механизмы – хранение мемориальных символов (12%). При этом более трети респондентов не занимаются сохранением памяти или не связывают семейную историю с историей России (рис. 1)⁴⁸².

То, откуда молодой человек получает информацию об истории России, для автора было важно с точки зрения доминирования факторов формирования исторической памяти: что превалирует – семья, институт образования или коммуникативная сеть?⁴⁸³

⁴⁸² Ярмак О.В., Большакова М.Г., Савина З.С. Севастополь в конструкции коллективной исторической памяти: анализ информационных потоков Рунета с использованием big data // Журнал «Кант» №2(39) 2021 [стр. 285-292] Режим доступа: doi: 10.24923/2222-243X.2021-39.48; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46323747> (дата обращения: 07.02.2023).

⁴⁸³ Дерюгин П.П., Ярмак О.В., Серебров Д.М. Полифункциональность современной сельской семьи: теоретико-методологические основания исследования / Дискурс: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет ЛЭТИ им. В.И. Ульянова (Ленина), 2018, №1, 110 с., с. 84-95 <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32712681> (дата обращения: 07.02.2023).

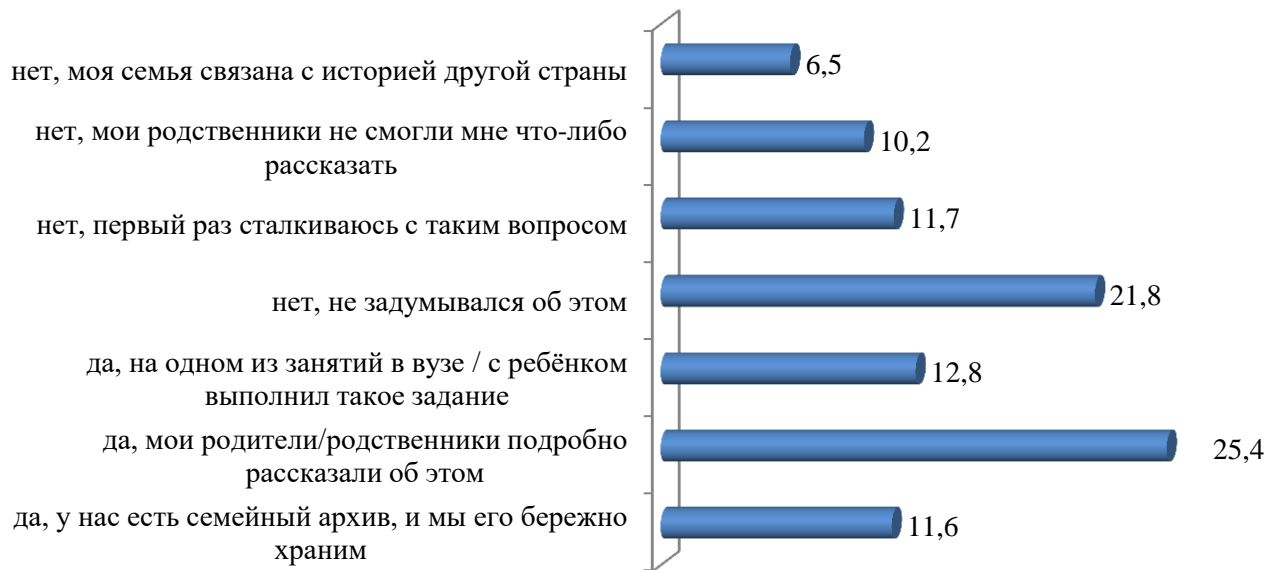

Рисунок 1. Знаете ли Вы о том, как история Вашей семьи связана с историей России? (в % к ответившим, 2020 г.)

Стремление к самостоятельному изучению истории страны присутствует у пятой части крымской молодёжи (23% в среднем за две исследовательские волны) и у 38% есть желание изучать историю, но нет на это времени. Институт образования выступает в роли интегратора исторического трека (предоставления объема знаний по образовательным программам в вузе) у пятой части опрошенной молодежи. Интернет и коммуникации не влияют на изучение истории страны. А вот для понимания событий современной российской истории крымская молодёжь в три раза чаще обращается к интернет-сети, чем для изучения прошлого страны (табл. 10).

Если сравнивать интерес крымчан и севастопольцев к прошлому и настоящему, особой разницы не зафиксировано: прошлым интересуется в среднем за три волны 27%, настоящим – в среднем 25%. Тематика, связанная с современностью (актуальный исторический период, выдающиеся россияне, современное искусство, география и путешествия, народы страны) занимает в структуре исторических интересов жителя полуострова порядка 20%. История России (прошлое страны, выдающиеся россияне, прославившие Россию в

прошлом, культурное наследие нашей страны) занимает в структуре исторических интересов крымчан 24%.

Таблица 10. Познавательные интересы жителей Республики Крым и города Севастополь (в процентах к числу ответивших, 2017, 2018, 2020 гг.)

Стремитесь ли Вы узнать больше о России:	Иссл. волны, гг.	Да, системно ищу информацию	Да, но пока не делаю это системно, не хватает времени	Скорее нет, чем да, мне недостаточно знаний, которые я получаю в вузе	Скорее нет, чем да, мне недостаточно информации из СМИ и Интернета	Нет, я прекрасно знаю Россию	Нет, мне это не интересно
Об истории страны	2017	24,9	37,3	26,2	8,2	2,3	1,1
	2018	22,5	39,0	23,0	8,2	2,6	4,9
	2020	12,4	24,4	23,7	18,2	7,6	13,7
Об актуальном периоде развития нашей страны	2017	19,9	29,9	27,1	17,6	1,5	4,0
	2018	22,6	32,7	21,4	15,9	1,6	5,9
	2020	17,6	26,5	20,6	18,1	5,7	11,4
О выдающихся россиянах, прославивших Россию в прошлом	2017	19,0	30,2	26,1	18,7	3,5	2,6
	2018	19,0	29,7	27,7	13,1	2,1	8,4
	2020	16,2	27,7	20,9	17,3	6,3	11,6
О выдающихся россиянах, живущих в настоящее время	2017	12,0	19,4	22,1	38,9	2,8	4,9
	2018	14,2	24,0	21,2	29,0	1,7	9,9
	2020	8,6	21,4	25,2	27,2	4,9	12,7
О географии и путешествиях по нашей стране	2017	21,6	32,6	16,6	20,3	1,5	7,4
	2018	21,5	33,1	16,7	16,4	2,2	10,1
	2020	13,1	19,9	15,3	22,9	9,0	19,8

Продолжение таблицы 10

О жителях различных регионов, о многочисленных народах нашей страны	2017	8,3	21,5	24,8	22,2	2,0	21,3
	2018	12,5	24,2	20,7	23,0	2,6	17,1
	2020	11,4	20,0	16,3	23,7	8,5	20,2
О другом	2017	33,9	11,5	10,0	16,9	4,0	23,7
	2018	34,3	11,7	13,6	18,1	0,4	21,9
	2020	29,4	32,8	12,8	8,3	5,6	11,1

Таким образом, остается высокая востребованность к получению исторических знаний как в начале интеграционного периода Республики Крым и города Севастополь в российское историко-культурное пространство, так и спустя пятилетие событий Крымской весны. При этом зафиксированное снижение интереса к современной и прошлой истории России свидетельствует о том, что такая информация стала уже не новой, а скорее постоянно и системно получаемой.

Историческая память фиксируется посредством памятников истории, мемориальных символов о значимых событиях российской истории. Наиболее знаковыми местами оказались расположенные в регионе – место крещения князя Владимира на территории Херсонеса Таврического и мемориальный комплекс «35-я береговая батарея» в Севастополе.

При этом обращает на себя тот факт, что молодежь реже, чем остальное население Крымского полуострова посещала исторические объекты вне Крыма, что может повлиять на успешность интеграции крымской студенческой молодёжи в российское историко-культурное пространство. Причем запрос у молодого поколения на посещение мест исторической памяти вне Крымского полуострова имеется. В частности, на Куликовом поле в Туле были только 7% опрошенных, а хотят там побывать 63%. На Мамаевом кургане были 6% молодых респондентов, а хотят туда съездить 54%. Пискаревское мемориальное кладбище в Санкт-Петербурге хотят посетить 58%, а были там только 11% (табл. 11).

Таблица 11. Знаковые для российской истории и современности места, которые посетили или хотели бы посетить представители молодежи Республики Крым и города Севастополь (в процентах к числу ответивших, 2017, 2018, 2020 гг.)

Знаковые для российской истории и современности места	В каких знаковых для российской истории и современности местах Вам удалось побывать?			В каких знаковых для российской истории и современности местах Вам не удалось, а хотелось бы побывать?		
	Иссл. волны, гг.					
	2017 г.	2018 г.	2020 г.	2017 г.	2018 г.	2020 г.
Место крещения князя Владимира на территории Херсонеса Таврического в Севастополе	78,8	66,7	59,6	12,9	22,8	40,4
Куликово поле в Тульской области	6,5	6,9	23,6	67,0	59,3	76,4
Памятник-ансамбль на Мамаевом кургане в Волгограде	5,1	7,1	30,1	54,4	53,4	69,9
Пискаревское мемориальное кладбище в Санкт-Петербурге	9,3	13,5	27,6	59,8	56,7	72,4
Мемориальный комплекс «35-я береговая батарея» в Севастополе	84,4	81,7	56,8	12,5	15,8	43,2
Олимпийские объекты в Сочи	17,0	21,6	35,6	52,9	57,8	64,4
Объекты спортивной инфраструктуры Универсиады в Казани	4,0	8,0	22,3	52,6	52,0	77,7
Другое	16,3	16,3	37,8	16,0	16,1	62,2

Знания о прошлом (истории и культурном наследии) оказываются в приоритете познавательных интересов молодежи Республики Крым и города Севастополь. Как показывают результаты глубинных интервью, в основе мотивации студентов лежит стремление узнать больше о своей новой стране:

– ...новая страна – новые традиции!

девушка, 19 лет, г. Керчь

– Да, могу сказать, что кардинально больше стал уделять времени истории России и истории Крыма. Стал интересоваться историей России потому, что до этого была история Украины и преимущественно её только изучали. Историю

России стал читать больше, изучать больше.

молодой человек, 19 лет, г. Ялта

– По поводу школьной программы я не могу сказать, но вот здесь в вузе, когда мы начали изучать историю России, это было новое, мы этого не затрагивали, было интересно и это было уже в более осознанном возрасте.

девушка, 20 лет, г. Евпатория

– Ну да, стал интересоваться историей и культурой России ... живу в новом государстве и обязан знать

молодой человек, 17 лет, г. Алушта.

Иногда стремление больше узнать о своей стране сопровождается желанием разобраться в исторических предпосылках воссоединения Республики Крым и города Севастополь с Россией:

– Я проживаю в стране России, и для меня [это] новшество, очень интересно знать историю, с чем связано вообще [воссоединение].

молодой человек, 20 лет, Симферополь⁴⁸⁴

Половина опрошенного населения Крыма считает, что сохранение культурного и исторического наследия – это индивидуальная ответственность каждого, при этом 25% из них готовы заниматься сохранением исторической памяти, но не понимают, как это организовать (рис. 2)⁴⁸⁵.

Полученные эмпирические результаты показали, что историческая память жителей Крымского полуострова соотносится с российской историей, современными событиями в России, присутствует стремление анализа истории российской государственности, ее особенностей и уникальности.

⁴⁸⁴ Межнациональное и межрелигиозное согласие в студенческой среде Крыма и Севастополя: мониторинг и анализ уровня развития: коллективная монография / Мин-во науки и высшего образования Российской Федерации, Севастопольский гос. университет; отв. ред. О.В. Ярмак. – Севастополь: СевГУ, 2019. – 144 с. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42520704> (дата обращения: 07.02.2023).

⁴⁸⁵ Ярмак О.В., Большакова М.Г., Савина З.С. Севастополь в конструкции коллективной исторической памяти: анализ информационных потоков Рунета с использованием big data // Журнал «Кант» №2(39) 2021 [стр. 285-292] Режим доступа: doi: 10.24923/2222-243X.2021-39.48; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46323747> (дата обращения: 07.02.2023).

Рисунок 2. Считаете ли Вы, что сохранение культурного и исторического наследия нашей страны – это сфера ответственности каждого гражданина России?
(в процентах к ответившим, 2020 г.)

Историческая память Республики Крым и города Севастополь основывается на:

- 1) территориальном факторе,
- 2) устойчивости государственного суверенитета,
- 3) военной мощи России и значимости ее силового блока,
- 4) мотивированности к расширению исторических знаний о российской истории (как прошлого, так и современного периода),
- 5) ощущении личной причастности к российской истории, которое формируется посредством институтов семьи и образования,
- 6) воздействии коммуникативного фактора как значимого только при формировании современных знаний об истории страны,
- 7) патриотизме, который основывается на лингвистической и гражданской составляющих, ценностях патернализма, справедливости, традиционности и гордости за мемориальные смыслы России.

Такие аспекты исследовательского поля, как определение механизмов создания новых историко-медийных смыслов в условиях создания линий

исторических разломов и моделирования альтернативных вариантов развития исторических событий, продиктованы вовлеченностью современной России в процессы информационного противостояния. Считаем, что в ситуации гибридного медийного соперничества эффективные решения должны подкрепляться системной работой по формированию информационной повестки дня, анализу и управлению информационными потоками.

В исследовательском вопросе по оценке рисков и возможностей противостояния технологиям гибридных информационных и когнитивных войн в современной России, сценарии которых предполагают актуализацию цивилизационного выбора и создания линий цивилизационных разломов, особую значимость приобретают трансформации исторической памяти. Актуальность данной исследуемой тематики еще связана с трендом трансформации исторической памяти на территории постсоветского пространства, зачастую осуществляемой искусственно с использованием целенаправленного создания нигилистических информационных потоков; внедрения смыслов, направленных на разрушение основ исторической памяти; применения новых исторических метафор; разработку приемов визуализации, связанных с формированием новых исторических стереотипов⁴⁸⁶.

В связи с этим авторский исследовательский интерес обусловлен искусственно создаваемой неоднозначностью оценок событий Великой Отечественной войны и Победы в ней с помощью формирования спорных смысловых конструкций, размывающих и деформирующих фундаментальные исторические ценности российского общества, что особо значимо в интеграционный период Крыма в российское интернет-пространство.

Результаты социологического исследования опросными методами показали значимость коммуникативного фактора в построении современной российской истории, современных достижений россиян. Киберметрическое исследование

---

⁴⁸⁶ Olga Yarmak, Mariya Bolshakova, Anastasiya Maranchak, Zoya Savina. Sevastopol in the Historical Memory of the Great Patriotic War: Media Space Analysis // The European Journal of Social & Behavioural Sciences EJSBS Volume XXX (eISSN: 2301-2218) doi:10.15405/ejsbs.294 Режим доступа: https://www.europeanpublisher.com/data/articles/10000/10036/article_10000_10036_pdf_100.pdf; <https://doi.org/10.15405/ejsbs.294> (дата обращения: 07.02.2023).

2020 года, проведенное с помощью анализа информационных потоков Рунета методом больших данных и социальной медиааналитики, позволило углубить информацию о степени воздействия коммуникативных сетей на формирование исторической памяти крымчан.

Применение методологического комплекса опросных методов и инструментов киберметрии позволило не только изучить структурные и содержательные характеристики процесса сохранения исторической памяти, но и выявить механизмы разрушения фундаментальных и построения новых исторических смысловых конструкций о значении Победы и событиях о Великой Отечественной войны. Исследовательский вопрос концентрировался на понимании того, остается ли Победа в Великой Отечественной войне объединительным цивилизационным фактором в конструкции коллективной исторической памяти, формируемой в крымском и севастопольском сегментах сети?

Контент-анализ текстов российских Интернет-ресурсов (2018-2020 гг.), представляющих исторический дискурс о России, Победе 1945 года, роли Севастополя в Великой Отечественной войне, их дискурс-анализ, последующий киберметрический анализ выявленных информационных потоков позволил сегментировать сетевое пространство Рунета и определить его структурные и содержательные характеристики в отношении исторического дискурса о Великой Отечественной войне. Данные для киберметрического анализа (объем выгрузки 45 239 сообщений, глубина выгрузки – ноябрь-декабрь 2020 г.) были получены на основании выгрузки из автоматической системы мониторинга и анализа СМИ и социальных сетей «Медиалогия» по поисковым запросам, отражающим исторический дискурс о роли Севастополя в Великой Отечественной войне. Был осуществлен контент-анализ 109 информационных поводов за 2018-2020 годы, ориентированных на темы о Великой Отечественной войне и их ранжирование по значимости и количеству охваченной аудитории (табл. 12).

Таблица 12. Информационные поводы по теме Севастополя в контексте Великой Отечественной войны

Информационный повод	Количество просмотров, в ед.
Здания в Севастополе, пережившие две обороны	17297
Как Севастополь стал белокаменной жемчужиной России	17122
«...Почему Гитлер всё же взял Севастополь?..»	16828
Севастополь встретил 75-ю годовщину Победы	14190
Героизм в Севастополе нынче «не в тренде»?	13698
Ветераны Севастополя получают дополнительную выплату ко Дню Победы	11805
Никто не забыт: «Мама, ты не можешь себе представить, во что фашисты превратили Севастополь»	10258

Выявленные информационные поводы были классифицированы на 4 составляющих информационного поля:

1. Поток «Оборона Севастополя. Восстановление после войны» (24296 сообщений).

2. Поток «Битва за Севастополь и ее значение в Великой Отечественной войне» (19261 сообщений).

3. Поток «Социальная поддержка ветеранов Великой Отечественной войны» (1363 сообщений).

4. Поток «Победа СССР в Великой Отечественной войне» (319 сообщений).

Поток, транслирующий коллективную историческую память об обороне и освобождении Севастополя, наиболее объемен и составляет 53% всего исследуемого контента (объем выгрузки - около 24300 ед. с аудиторией порядка 243 млн чел., вовлеченностью аудитории – почти 356 тыс. чел.). Его тематический контент был представлен на 1800 площадках более 15000 авторами (комментарии – 342 ед., лайки – 309500 ед., репосты – 10192 ед.), что свидетельствует о большом охвате тематики и высоком интересе к ней.

Информационный поток, связанный с битвой и освобождением Севастополя сентября-декабря 2020 года составил 42% исследуемого контента из социальных сетей ВКонтакте, Facebook (принадлежит компании Meta – запрещенной в РФ), Одноклассники, YouTube. В тональности данного потока преобладает позитивная часть (рис. 3).

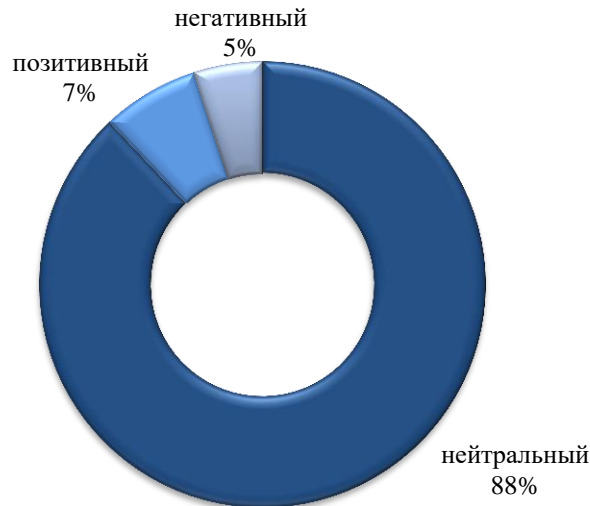

Рисунок 3. Тональность сообщений (сентябрь-декабрь 2020 г.).

Медийные пики дискурса о Великой Отечественной войне были контекстно связаны с информационными поводами, отражающими такие события:

- поколенческую преемственность празднования Победы в Великой Отечественной войне;
- освещение мемориальных событий настоящего;
- поддержку основного исторического символа коллективной памяти России – Дня Победы.

Негативный контекст был сформирован треками о:

- проблемах пенсионного обеспечения ветеранов;
- формировании конфликтных смыслов на цивилизационном разломе «красные – белые»;
- информационной поддержке официальных патриотических мероприятий;
- создании новых исторических конструктов таких, как отказ от празднования Великой Победы⁴⁸⁷.

Позитивную тональность потоку придавали такие информационные поводы, как:

⁴⁸⁷ Ярмук О.В., Большакова М.Г., Савина З.С. Севастополь в конструкции коллективной исторической памяти: анализ информационных потоков Рунета с использованием big data // Журнал «Кант» №2(39) 2021 [стр. 285-292] Режим доступа: doi: 10.24923/2222-243X.2021-39.48; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46323747> (дата обращения: 07.02.2023).

- описание уникальной военной операции 1944 года «Уран» советских войск под Сталинградом;
- новость о решении ГД РФ приравнять жителей осажденного Севастополя к ветеранам Великой Отечественной войны и закрепить за ними федеральные меры социальной поддержки;
- освещение проекта «9 мая-День Победы»;
- выступление Президента РФ В.В. Путина и министра обороны С.К. Шойгу на расширенном заседании Коллегии Минобороны;
- проведение открытого урока «Помнить — значит знать» и принятие в нем участия В.В. Путина;
- описание мемориальных символов города-героя Севастополя (памятник затопленным кораблям, Константиновский форт, причал Минной стенки, Музей героической обороны и освобождения Севастополя, музей-панорама «Оборона Севастополя», Диорама «Штурм Сапун-горы 7 мая 1944 года», Военно-морской музей «Михайловская батарея», выставка фотографий «Армия и флот России», музей Черноморского флота, музейный историко-мемориальный комплекс «35-я береговая батарея», национальный заповедник «Херсонес Таврический», Владимирский собор, византийская крепость Каламита, Инкерманский Свято-Климентовский мужской монастырь, Балаклавский подземный музейный комплекс, Музей истории Балаклавы, парк живой истории «Федюхины высоты»);
- открытие в Севастополе VII Крымского военно-исторического фестиваля - парка живой истории «Федюхины высоты» Победы⁴⁸⁸.

Анализ исторического дискурса показал большую вовлеченность мужской аудитории (47% женщин и 53% мужчин), что объясняется традиционной заинтересованностью мужской аудитории военной и политической тематиками (рис 4.).

---

⁴⁸⁸ Ярмак О.В., Большакова М.Г., Савина З.С. Севастополь в конструкции коллективной исторической памяти: анализ информационных потоков Рунета с использованием big data // Журнал «Кант» №2(39) 2021 [стр. 285-292] Режим доступа: doi: 10.24923/2222-243X.2021-39.48; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46323747> (дата обращения: 07.02.2023).

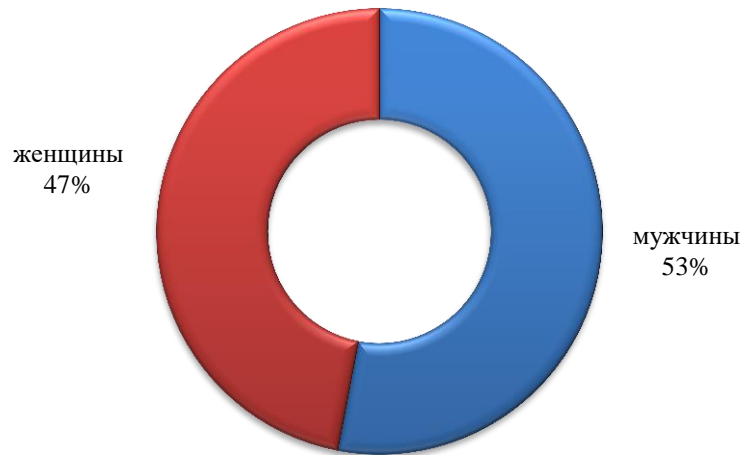

Рисунок 4. Гендерное соотношение авторов (сентябрь-декабрь 2020 г.).

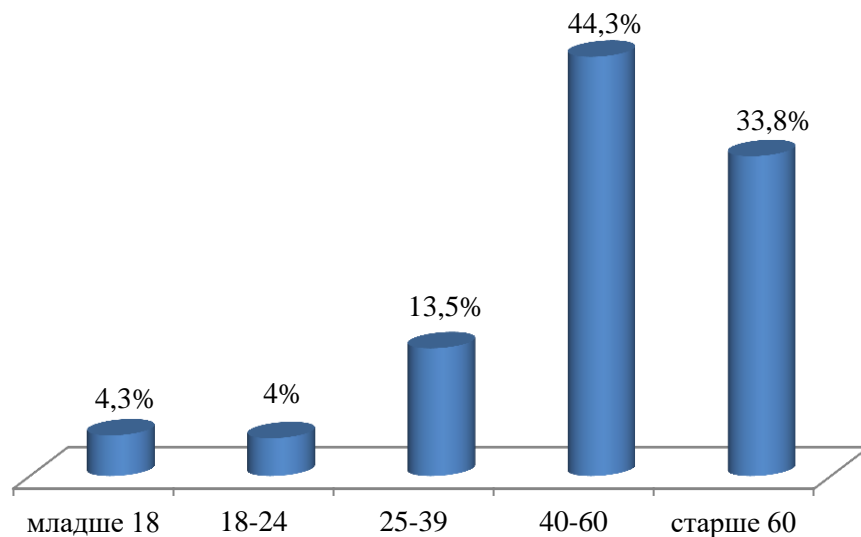

Рисунок 5. Возрастное соотношение авторов (сентябрь-декабрь 2020 г.).

Основной возраст авторов, формируемых исторический дискурс о Великой Отечественной войне, – 40-60 лет (44%) и старше 60 лет (34%) (рис. 5). Данные возрастные группы более заинтересованы вопросами войны и мира, истории и политики, рассматривают исторические периоды России как ценностную компоненту исторической памяти. Аудитории младше 25 лет не проявляет подобного интереса к данным темам. Ее больше интересуют вопросы, связанные с экономическими аспектами, ментальным наследием и сохранением исторической памяти. Например, молодежные авторы транслируют отказ от проведения Парада Победы в пользу вложения финансовых затрат на мероприятия по

благоустройству и экономическому развитию страны в целом. Они полагают, что деньги, выделенные для парадов на 9 мая, можно было бы вложить в финансовую поддержку ветеранов и именно таким образом, по их мнению, и будет чтиться память об истории и подвигах ветеранов и героев Великой Отечественной войны.

Необходимо отметить, что пик позитивного контента пришелся на День морской пехоты (27.11.2020), что отражает высокую вовлеченность в события, связанные с современными праздниками на военную тематику, и с мемориальными ритуалами военной истории. Феномен морской пехоты основывается на патриотической составляющей, памяти о подвигах, доблести и чести служащих. Большая вовлеченность наблюдается 4 декабря 2020 года – в день рождения писателя Лагина Лазарева, в военные годы работавшего в газете «Красный черноморец» Черноморского флота, принимавшего участие в обороне Одессы, Севастополя, Керчи, Новороссийска, что свидетельствует о популярности и важности героев Победы в коммуникативном секторе исторической памяти. В этот же период блогер Дмитрий Пучков (Гоблин) (его аудитория канала составляет более 2 млн. пользователей) представил видео «Русский Север – история покорения: Аляска и ледоколы, атомная мощь Союза» (<https://www.youtube.com/watch?v=zOTIA93I3Kc>), набравшее порядка 400 тыс. просмотров (рис. 6).

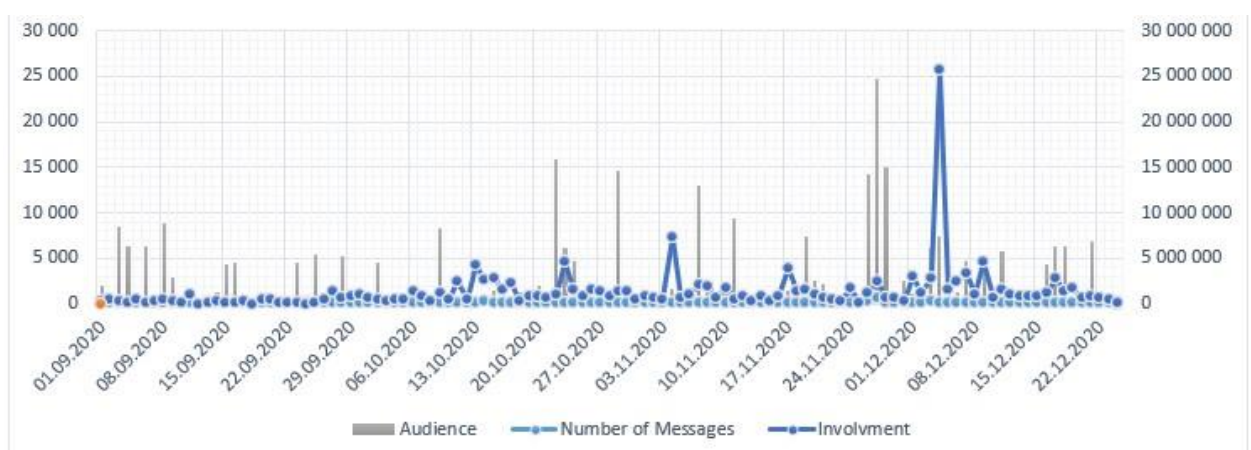

Рисунок 6. Динамика сообщений потока «Битва за Севастополь и ее значение в Великой Отечественной войне» (сентябрь-декабрь 2020 г.).

Контент-анализ комментариев под данным видео показал высокий позитивный отклик у аудитории через повышенный интерес к истории, чувства патриотизма и желание продвигать исторические достижения России в мировое интернет-пространство.

Анализ информационных потоков показал, что на сегодняшний день информационный дискурс о Великой Отечественной войне неоднороден. Прежде всего, это выражается в возрастных различиях аудитории – люди разных возрастных категорий по-разному относятся не просто к самой войне, но к ее медийным репрезентациям в коммуникативных сетях.

Во-вторых, существует отражение героев войны как конструктов живой истории. Категориальные основы героя Великой Отечественной войны отражены во введенные в повседневный оборот понятия «ветеран войны», «дети войны». Предполагаем, что данные понятия транслируют не только коммеморативную характеристику исторической памяти (отношение к Великой Отечественной войне), но и отражают ментальную связку, когда Великая Отечественная война станет далекой историей для большинства в обществе и уйдет из исторической памяти, оставаясь в архитектуре, урбанистическом наследии.

В связи с этим постоянная поддержка значимости интегративной функции событий прошлого и тем более, настоящего, осознание силы и мощи российского государства должно подкрепляться формированием нового социального капитала как в интегрируемом Крыму, так и в России в целом. Это позволит препятствовать тенденциям к принижению военных событий и великой Победы, которые могут негативно сказаться на климате российского общества⁴⁸⁹.

Выявлено, что формирование коллективной памяти в цифровом обществе происходит с использованием медийных визуализаций исторических событий. В этой связи современная мемориальная культура не создает единых нарративов, а, наоборот, продуцирует смысловые расколы и разломы с актуализацией

---

⁴⁸⁹ Olga Yarmak, Mariya Bolshakova, Anastasiya Maranchak, Zoya Savina. Sevastopol in the Historical Memory of the Great Patriotic War: Media Space Analysis // The European Journal of Social & Behavioural Sciences EJSBS Volume XXX (eISSN: 2301-2218) doi:10.15405/ejsbs.294 Режим доступа: https://www.europeanpublisher.com/data/articles/10000/10036/article_10000_10036_pdf_100.pdf; <https://doi.org/10.15405/ejsbs.294> (дата обращения: 07.02.2023).

травматического опыта, сакральности, жертвенности и признания вины. Это, в свою очередь, приводит к расколу общества по историческим линиям. В связи с этим необходима разработка контрмер технологиям создания линий цивилизационных разломов в условиях когнитивных войн.

Категоризация тем исторического дискурса на тему Севастополя в Великой Отечественной войне подтвердила данный тезис. Оказалось, что категории, непосредственно связанные с исторической памятью, не формируют дискурс о ней. Он скорее формируется тематиками о социальной и финансовой поддержке ветеранов, поиском военных артефактов, восстановлением памятных мест (по которым происходит отдельная дискуссия). Непосредственно событие – День Победы – занимает ничтожно малое значение в дискурсе об исторической памяти о ней (рис. 7).

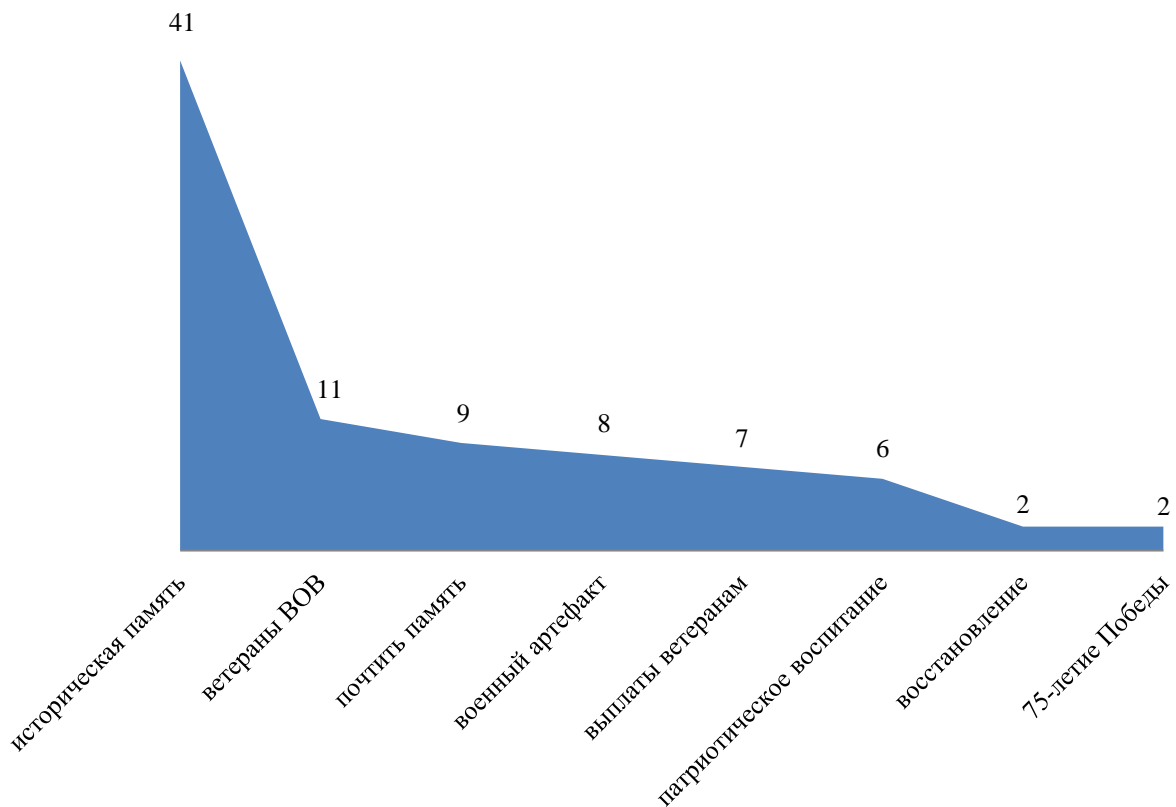

Рисунок 7. Категоризация исторического дискурса о Победе, роли Севастополя в Великой Отечественной войне (2021 г. - начало 2022 г.).

Победы как основного исторического символа коллективной памяти Отечества. С точки зрения автора, в этом и состоит определенный риск потери основы коллективной памяти о Великой Отечественной войне – Победе в ней.

Анализ структуры исторической коллективной памяти о Великой Отечественной войне позволило определить характеристики информационных кампаний, направленных на дискредитацию роли Советского государства, развенчание подвига советского народа и переосмысление праздника Победы посредством формирования «импорта повестки» за счет иностранных и иных информационных ресурсов. Выявленный феномен «победобесия», формируемый в информационном поле не только дискредитирует День Победы, но трансформирует все базовые ценности российского общества и постсоветского пространства в целом.

Негативная повестка в публичном историческом дискурсе о Победе формируется в основном посредством конфликтных элементов и вокруг создания новых мемориальных символов, разрушающих фундаментальные исторические ценности России. Позитивный контекст создается посредством тематики о государственной поддержке ветеранам, персонально работой главы страны и руководителей силовых ведомств, а также поддержанием исторической значимости мемориальных символов страны и Севастополя, в частности.

Анализ полученных результатов позволяет предположить некую двойственность при формировании исторической коллективной памяти и мемориальных конструкций, наблюдаемую в сознании жителей Крыма. Возвращаясь к концепциям мемориального бума и социальных рамок памяти, можно констатировать, что формирование коллективной памяти протекает дифференцированно в зависимости от того, где личность образует свою идентичность, какие социальные институты определяют рамки ее исторической памяти. Современные общества переживают цифровой «мемориальный бум», который развил коммуникативные сети и внедрил в повседневность новые цифровые механизмы формирования исторической повестки. Однако это приводит к установке жестких «социальных рамок памяти» в коммуникации и

изменяет соотношение памяти индивида и внешних рамок, которые для него задают социальные группы в коммуникативных сетях.

В коммуникативном пространстве историческая память формируется как «поток», который не создается ближайшим социальным окружением, а появляется в сознании человека невидимо, неосязаемо, но системно – через формирование визуальных образов. Однако механизмы функционирования и сущность этих «потоков», особенно наполненных новым историческим содержанием, остаются до конца не выясненными. Можно предположить, что они имеют фрагментарную природу, распределены между агентами, создаются новыми гибридными медийными технологиями и цифровыми инструментами. Данный тезис позволил автору теоретически осмыслить и осуществить анализ исторической коллективной памяти в период интеграционного процесса и в эпоху когнитивных и информационных войн.

Процесс формирования коллективной исторической памяти как сети автор рассматривает в контексте акторно-сетевой теории, обращение к которой позволило изучить нетипичные ситуации, создаваемые «невидимыми» технологиями и рутинными событиями в коммуникативном поле. В результате социальность становится результатом взаимодействия разнородных сущностей, а человек лишается привилегированного статуса в производстве смыслов, находится под воздействием манипуляций. Сами смыслы рассматриваются как событийные связи, соединяющие реальность и ее репрезентации.

Коллективная память о Великой Отечественной войне сегодня формируется как трансляция исторических достижений об обороне и освобождении Севастополя, о смыслах Победы в Великой Отечественной войне, о роли полководцев, И.В. Сталина как руководителя СССР, так и переформатированием исторической памяти, и переосмыслением советского народа – победителя. События, формирующие коллективную память о Великой Отечественной войне, контекстно связаны с мероприятиями поколенческой преемственности, мемориальными событиями, поддержкой социальной значимости основного исторического символа коллективной памяти России –

Дня Победы. Но при этом информационное пространство транслирует негативный контекст, создающийся дискуссией вокруг финансовых проблем ветеранов, созданием конфликтных смыслов, линий цивилизационного разлома, новых исторических конструкторов (отказ от празднования Великой Победы, от парада и т.д.)⁴⁹⁰. Возвращаясь к акторно-сетевой теории, можно отметить, что формирование коллективной памяти протекает дифференцированно в зависимости от взаимодействия человеческих и нечеловеческих акторов.

Таким образом, коллективная память в цифровой среде формируется как «поток», наполненный новым историческим смыслом. В реальной среде наблюдаются последствия воздействия коммуникативного фактора на структуру исторической памяти. Однако с уверенностью можно отметить, что в структуре исторического сознания крымчан и севастопольцев преобладают историческая, гражданская и патриотическая компоненты. Для их усиления необходимо повышать вовлеченность в исторический дискурс через институты семьи и образования, через внедрение активных практик трансляции современной России (поездки по мемориальным местам, новым строительным и инфраструктурным объектам). Отдельное направление работы по формированию исторической памяти как цивилизационного транслятора и интегратора должно быть посвящено созданию нового социального капитала страны, способного работать в условиях когнитивных, информационных и военных вызовов для России.

---

⁴⁹⁰ Ярмак О.В., Большакова М.Г., Маранчак А.Г. Коллективная память о Великой Отечественной войне как сеть в понимании акторно-сетевой теории // MODERN SCIENCE, № 7, 2021, с. 269-271. ISSN: 2414-9918 Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46442698> (дата обращения: 07.02.2023).

§ 3.3. Идентичность и ценностно-смысловое поле как показатели социальной интеграции Республики Крым и города Севастополь

С учетом сложностей интеграционной повестки особую актуальность приобретает анализ факторов, влияющих на процесс формирования идентичности и ценностного поля населения Крымского полуострова. Анализируя научные источники и уже имеющийся исследовательский материал, автором сформулировано предположение о том, что люди разной национальной принадлежности по-разному воспроизводят поведенческие установки и интеграционные практики. Скорость формирования коллективных представлений, информационных повесток дня, паттернов (образцов поведения), демонстрация позиции «обобщенного другого» («лайки», «репосты», «фрэндрелты» и т.д.) существенно влияют на процесс трансформации идентичности, ценностных ориентаций и формирование поведенческих установок⁴⁹¹.

Ценностные сдвиги в массовом сознании зачастую происходят в период радикальных изменений в обществе. И такое значимое геополитическое событие, как воссоединение Республики Крым и города Севастополь с Российской Федерацией, обозначило проблематику формирования нового смыслового и ценностного поля у жителей Крымского полуострова, которое осложняется тем, что ценностные ориентации людей разной этнической принадлежности формировались в различных исторической и социокультурной средах. В связи с этим в ракурсе авторского исследования важным было понять не только процесс формирования идентичности крымчан и севастопольцев, но и структуру их

---

⁴⁹¹ Межнациональное и межрелигиозное согласие в студенческой среде Крыма и Севастополя: мониторинг и анализ уровня развития: коллективная монография / Мин-во науки и высшего образования Российской Федерации, Севастопольский гос. университет; отв. ред. О.В. Ярмак. – Севастополь: СевГУ, 2019. – 144 с. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42520704> (дата обращения: 07.02.2023).

ценностного сознания, жизненных приоритетов и стратегий, поведенческих установок.

Отражением и индикатором интеграционных процессов является национально-государственная идентичность. Российский социолог Л.М. Дробижева понятие национально-гражданской идентичности раскрывает таким образом: «понятие национально-гражданской идентичности включает не только лояльность государству, но и отождествление с гражданами страны, представления об этом сообществе, ответственность за судьбу страны и чувства, переживаемые людьми (гордость, обиды, разочарования, пессимизм или энтузиазм). Так же, как и в республиканской, локальной, этнической идентичности здесь присутствуют когнитивные, эмоциональные и регулятивные элементы (готовность к действию во имя этих представлений и переживаний)»⁴⁹². «Этническая идентичность так же, как государственная, понимается широко, не только как самоотождествление, но и представление о своём народе, его языке, культуре, территории, интересах, а также эмоциональное отношение к ним, и при определённых условиях готовность действовать во имя этих представлений»⁴⁹³. Данная трактовка идентичности позволяет проанализировать, как влияют политические, социально-культурные, экономические изменения на нее. Именно в данном ракурсе автором анализируется формирование национально-государственной идентичности крымской студенческой молодёжи, находящейся в переходном (пограничном) состоянии в связи с социальной интеграцией Республики Крым и города Севастополь в российское общество.

С целью анализа состояния национальной идентичности студенческой молодежи Республики Крым и города Севастополь в инструментарии были предусмотрены вопросы, определяющие идентичность через принадлежность к определенной социальной группе, в том числе посредством ощущения чувства гордости от этой принадлежности. При осуществлении анализа идентичности студентов была поставлена задача понять, как они себя определяют. Оказалось,

---

⁴⁹² Дробижева Л.М. Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместимости. Режим доступа: <https://civisbook.ru/files/File/Nacionalno-grajd.pdf> (дата обращения: 07.02.2023).

⁴⁹³ Там же.

что половина опрошенных молодых людей определяют себя гражданами Российской Федерации, порядка 40% – связывают себя со своим поколением, соотносят себя с представителями одной культуры треть в 2018 году и почти 40% – в 2017, около 40% воспринимают себя жителями полуострова, пятая часть определили себя как жителей определенной местности (города/села). К группе людей с общей верой отнесли себя 7% опрошенных в 2017 году и 10% – в 2018, к группе людей одной национальности 6% респондентов в 2017 году и 10% – в 2018 году (рис. 9).

Рисунок 9. Выберите группы, наиболее близкие по духу
(в процентах к числу ответивших, 2017-2018 гг.)

Исследовательские результаты 2020 года показали, что пятой части опрошенных близка группа «мы – граждане России», порядка 20% респондентов определяют себя как жителей Крыма и 15% – как жителей своего города. Таким образом, у трети (35%) опрошенных сильна полуостровная – крымская – идентичность. Этническая и конфессиональная принадлежность у жителей Крыма очень низка, что свидетельствует о слабости национального и религиозного факторов при формировании идентичности жителей полуострова (рис.10).

Рисунок. 10. Выберите группы, наиболее близкие по духу
(в процентах к числу ответивших, 2020 г.)

— *Кем Вы считаете себя в первую очередь? Какая идентификация для Вас важнее?*

— *Человеком. Но сейчас, наверно, крымчанин, потом россиянин. Хотя возможно со временем это изменится.*

— *Что для Вас быть крымчанином?*

— *Родиться здесь и любить свой край. Считать его своим домом.*

— *А быть россиянином?*

— *Принадлежать к культуре, к наследию. Ассоциировать себя с этим «пластом».*

Симферополь, 2017 г.

— *У каждого из нас есть несколько уровней идентичности, каждый из нас считает себя представителем какой-то национальности и членом семьи, гражданином страны и т.д. Какая идентификация для Вас более значима?*

— *Все мы члены семьи, все мы жители единого государства России, граждане России.*

— *Что для Вас быть гражданкой России?*

— Прежде всего, это поддержание культурных традиций, это активная позиция, то есть я должна просвещать остальных, и сама узнавать, больше углубляться в изучение своей страны, ее особенностей и законов, так же это соблюдение законов Российской Федерации.

Евпатория, 2018 г.

— А что для Вас «быть гражданином Российской Федерации»?

— Это почитать и быть за все решения Правительства РФ, поддерживать и стараться чем-то помочь государству.

Керчь, 2018 г.

— Скажите, пожалуйста, у каждого из нас есть несколько уровней самоидентификации: мы одновременно ощущаем себя гражданами какой-то страны, уроженцами территорий, членом своей семьи, какой-то общности. И вот очень важный вопрос: «Я? И вот в первую очередь кто Я?». Кем Вы себя ощущаете в первую очередь?

— Член своей семьи, только потом уже идет житель Крыма, гражданин России.

— То есть крымчанином Вы ощущаете себя в большей степени, чем гражданином России?

— Можно и так сказать.

— А что для Вас «быть крымчанином»?

— Проживать в Крыму.

— Как Вы думаете, у крымчан, помимо какой-то территориальной привязанности, есть еще какие-то общие характеристики?

— У нас есть большая привязанность друг к другу. Территория создает, ... привязка к территории порождает привязку этносов, то есть истории наших национальностей сильно перемешиваются и создается один общий братский народ.

— То есть Вы считаете, что крымчан можно называть одним народом?...

— Да, конечно.

Симферополь, 2018 г.

— Скажите, пожалуйста, у каждого из нас есть несколько уровней самоидентификации. Мы одновременно ощущаем себя гражданами страны, уроженцами какой-то территории, уроженцем города, членами семьи, представителем какой-то национальности и так далее. Кем Вы себя ощущаете в первую очередь?

— Членом своей семьи и гражданином страны. Родина моя — это Крым.

— Что для Вас быть крымчанкой и что для Вас быть гражданкой РФ?

— Это гордость, причастность к большой необъятной России. Это гражданство. И то, что Крым — это полуостров, в котором множество мест красивых.

— Скажите, а если сравнивать Ваше ощущение себя гражданкой РФ и Ваше ощущение себя крымчанкой. Кем Вы ощущаете себя в первую очередь?

— И то, и то. То, что я в Крыму живу, в России.

Ялта, 2018 г.

Для понимания построения основ национальной идентичности в выделенных этнических группах были проанализированы корреляции ответов на вопросы «Выберите из перечисленных ниже группы, наиболее близкие Вам по духу» и «Кем Вы считаете себя?» (табл. 13). Так, русские, в первую очередь, относят себя к группе российских граждан, затем – к жителям полуострова, носителям определённой культуры, людям одного поколения и людям, живущим в определенной местности.

Таблица 13. Принадлежность к социальной группе в зависимости от соотнесения себя к определенной национальности (в процентах к числу ответивших, 2017-2018 гг.)

Принадлежность к социальной группе/ Национальность	Русские	Украинцы	Крымские татары
	2017 / 2018	2017 / 2018	2017 / 2018
Мы - граждане Российской Федерации	54 / 54	19 / 27	17 / 37
Мы - люди нашего поколения	34 / 39	32 / 44	51 / 37
Мы - носители определенной культуры	36 / 31	46 / 27	20 / 27
Мы - жители полуострова	38 / 41	46 / 50	54 / 38

Продолжение таблицы 13

Мы - жители нашего города/села	21 / 19	21 / 22	7 / 24
Мы - люди общей судьбы	12 / 11	6 / 9	5 / 12
Мы – мужчины / Мы - женщины	10 / 13	24 / 16	12 / 10
Мы - люди одних политических взглядов	10 / 6	1 / 8	12 / 2
Мы - люди одной веры	6 / 11	24 / 9	12 / 8
Мы - люди нашего уровня жизни	7 / 8	9 / 11	0 / 6
Мы - люди нашей национальности	4 / 8	9 / 11	10 / 21
Мы - носители семейной роли	5 / 6	10 / 7	2 / 6

Украинцы ощущают в большей степени принадлежность к группам «мы – носители определенной культуры» и «мы – жители полуострова», чем к другим группам. Треть украинцев соотносят себя с группой «мы – люди нашего поколения», четверть – с гендерной группой («мы – мужчины/ мы – женщины») и конфессиональной группой («мы – люди одной веры»). Поселенческая соотносимость («мы – жители нашего города/села») в системе идентичностей присутствует у 21% опрошенных украинцев.

У крымских татар, в большей степени, чем у русских и украинцев, существует территориальная привязка к полуострову: 54% опрошенных крымских татарина отнесли себя к группе «мы – жители полуострова». Отнесение себя к группе «мы – люди нашего поколения» присутствует у половины респондентов крымскотатарской национальности. 20% респондентов, считающих себя крымскими татарами, видят себя в группе «мы – носители определенной культуры»⁴⁹⁴.

Анализируя полученные данные, можно констатировать, что у русской молодежи национальная идентичность базируется, в первую очередь, на основе принадлежности к государству, что не присуще украинской и крымскотатарской группам. Также на процесс формирования национальной идентичности молодых людей с русской национальностью оказывают влияние ощущение общей судьбы, политический (политические взгляды) и экономический (уровень жизни) факторы. Территориальная и поколенческая привязанности в структуре

⁴⁹⁴ Межнациональное и межрелигиозное согласие в студенческой среде Крыма и Севастополя: мониторинг и анализ уровня развития: коллективная монография / Мин-во науки и высшего образования Российской Федерации, Севастопольский гос. университет; отв. ред. О.В. Ярмак. – Севастополь: СевГУ, 2019. – 144 с. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42520704> (дата обращения: 07.02.2023)..

идентичности максимально выражены в группе крымских татар. В целом, в основе национальной идентичности крымскотатарской молодежи лежит «земельная» привязанность к Крыму, политический (общие политические взгляды), национальный (соотнесение с людьми одной национальности) и поколенческий (соотнесение со своим поколением) факторы. На формирование национальной идентичности украинской молодежи влияет конфессиональный, гендерный, семейный и экономический факторы.

Необходимо отметить следующую тенденцию: более выражены у украинцев и русских культурный (принадлежность к общей культуре) и территориальный (место проживания) факторы. У крымскотатарской группы наблюдается не просто территориальная привязка к месту проживания, а земельная привязка к Крыму как к родной земле.

Результаты исследовательской волны 2020 года подтвердили приоритетность полуостровной идентичности во всех этнических группах. У крымских татар усилилась принадлежность к российскому гражданству, что свидетельствует об успешности интеграционных практик, а привязка к полуострову усилилась в украинской группе. Гендерная и конфессиональная идентичности сильны в крымскотатарской группе.

Как в 2017, 2018 годах, и в 2020 году была зафиксирована значимость культурного фактора у украинцев больше, чем у других. Украинская группа склонна относить себя к «носителям определенной культуры», «людям нашей национальности», «людям общей судьбы», что свидетельствует о формировании этнической идентичности, отличной от русской. Идентичность русских базируется, в первую очередь, на основе принадлежности к российскому государству, затем – к Крыму и своему городу как территории проживания, формируется под влиянием поколенческого, политического и экономического факторов (табл. 14).

Таблица 14. Принадлежность к социальной группе в зависимости от этнической принадлежности (в процентах к числу ответивших, 2020 г.)

Принадлежность к социальной группе/ Национальность	Русские	Украинцы	Крымские татары
Мы - граждане Российской Федерации	23,6	21,9	30,2
Мы - жители нашего города/села	16,1	13,1	18,8
Мы - люди нашего поколения	10,8	7,4	7,3
Мы - люди нашей национальности	6,2	9,2	7,3
Мы - жители полуострова	18,9	23,9	15,6
Мы - мужчины/ Мы - женщины	7,6	4,8	8,3
Мы - люди нашего уровня жизни	2,2	0,9	0
Мы - носители семейной роли	2,5	1,8	2,1
Мы - люди одной веры	2,3	2,4	3,1
Мы - люди общей судьбы	2,7	3,7	3,1
Мы - носители определенной культуры	5,4	9,2	5,4
Мы - люди одних политических взглядов	1,9	1,8	1,0

При соотнесении себя с той или иной группой молодые люди оценивали степень ощущения гордости за принадлежность к этим группам. Данный показатель позволил автору получить более глубокий анализ факторов, оказывающих воздействие на формирование национальной идентичности в группах «русские», «украинцы» и «крымские татары».

Группы с усиленной государственной (граждане РФ) и полуостровной (жители Крыма) привязками гордятся этим в большей степени, чем другие группы. Группы гендерной и поколенческой принадлежности, а также имеющие экономическую («мы – люди нашего уровня жизни»), территориальную («мы – жители города/села»), культурную («мы – люди одной культуры»), семейную («мы – носители семейной роли») и историческую («мы – люди общей судьбы») основы идентичности, чувствуют свою принадлежность к данным группам, но не гордятся этим. Группы, объединенные политическими взглядами и конфессиональной принадлежностью (одной верой), не ощущают гордости за то, что определили себя таким образом (табл. 15 и 16).

Таблица 15. В какой степени Вы гордитесь принадлежностью к следующим группам? (в процентах к числу ответивших, 2017-2018 гг.)

	Горжусь своей принадлежностью	Чувствую свою принадлежность, но не горжусь этим	Не чувствую свою принадлежность
	2017 / 2018	2017 / 2018	2017 / 2018
Мы - граждане Российской Федерации	47 / 48	33 / 35	13 / 12
Мы - жители нашего города/села	39 / 43	43 / 42	14 / 12
Мы - люди нашего поколения	29 / 42	47 / 44	19 / 11
Мы - люди нашей национальности	37 / 47	45 / 38	15 / 13
Мы - жители полуострова	47 / 53	31 / 34	15 / 9
Мы – мужчины / Мы - женщины	37 / 47	52 / 43	7 / 7
Мы - люди нашего уровня жизни	17 / 23	46 / 52	33 / 21
Мы - носители семейной роли	32 / 41	38 / 36	26 / 20
Мы - люди одной веры	20 / 29	35 / 35	41 / 31
Мы - люди общей судьбы	14 / 24	37 / 36	46 / 37
Мы - носители определенной культуры	42 / 48	40 / 36	16 / 14
Мы - люди одних политических взглядов	15 / 21	22 / 31	57 / 45

Таблица 16. В какой степени Вы гордитесь принадлежностью к следующим группам? (распределение по национальным группам, в процентах к числу ответивших, 2017-2018 гг.)

	Горжусь своей принадлежностью			Чувствую свою принадлежность, но не горжусь этим			Не чувствую свою принадлежность		
	Русские	Украинцы	Крымские татары	Русские	Украинцы	Крымские татары	Русские	Украинцы	Крымские татары
	2017/ 2018	2017/ 2018	2017/ 2018	2017/ 2018	2017/ 2018	2017/ 2018	2017/ 2018	2017/ 2018	2017/ 2018
Мы - граждане Российской Федерации	58 / 53	13 / 31	5 / 37	31 / 33	52 / 36	83 / 37	9 / 9	24 / 30	10 / 22

Продолжение таблицы 16

Мы - жители нашего города/села	42 / 42	56 / 42	24 / 58	38 / 43	31 / 40	44 / 35	17 / 12	13 / 14	29 / 6
Мы - люди нашего поколения	25 / 41	34 / 41	53 / 46	50 / 46	38 / 38	42 / 44	22 / 9	21 / 19	4 / 8
Мы - люди нашей национальности	41 / 47	50 / 40	41 / 62	45 / 40	30 / 42	49 / 27	15 / 12	21 / 15	7 / 10
Мы - жители полуострова	49 / 54	55 / 54	34 / 56	33 / 34	30 / 31	25 / 34	14 / 8	4 / 12	38 / 8
Мы – мужчины / Мы - женщины	35 / 49	47 / 45	47 / 49	55 / 43	39 / 44	45 / 44	9 / 5	15 / 8	7 / 7
Мы - люди нашего уровня жизни	17 / 22	5 / 20	7 / 28	46 / 53	46 / 55	69 / 52	35 / 21	21 / 21	41 / 20
Мы - носители семейной роли	30 / 41	32 / 35	29 / 46	43 / 36	32 / 40	63 / 40	26 / 22	25 / 21	5 / 11
Мы - люди одной веры	18 / 29	39 / 24	22 / 35	39 / 38	27 / 37	32 / 30	40 / 29	32 / 32	42 / 34
Мы - люди общей судьбы	14 / 23	17 / 27	3 / 26	38 / 38	34 / 33	42 / 31	46 / 36	50 / 36	51 / 41
Мы - носители определенной культуры	42 / 49	49 / 41	20 / 54	43 / 38	35 / 35	37 / 31	14 / 11	15 / 20	39 / 14
Мы - люди одних политических взглядов	17 / 20	6 / 19	12 / 22	27 / 34	33 / 25	15 / 23	54 / 43	50 / 51	68 / 51

Оценки степени гордости за ощущение той или иной основы идентичности в разрезе выделенных групп по национальному признаку – русские, украинцы и крымские татары показала следующие результаты. Русская молодежь, в первую очередь, гордится принадлежностью к гражданству Российской Федерации, затем – проживанием на Крымском полуострове и проживанием в своем городе или селе, потом – принадлежностью к общей культуре. Украинская молодежь ощущает гордость за территориальную (проживание в своём городе или селе); полуостровную (проживание в Крыму); культурную принадлежность (они украинской национальности и принадлежат к людям с общей культурой). Кроме того, в структуре идентичности украинцев силен гендерный фактор. Крымскотатарская молодежь испытывает гордость за поколенческую (принадлежность к своему поколению), гендерную (за то, что относится к мужскому или женскому полу), национальную привязки.

Анализ основ идентичности в национальных группах показал, что система национально-государственной идентичности разнонациональной крымской молодежи базируется на различных принципах. В структуре национально-государственной идентичности русской молодёжи сильны государственная составляющая (принадлежность к российскому государству), территориальная принадлежность к Крымскому полуострову, поколенческая (связи со своим поколением) и культурная (носители определенной культуры) основы. Не значимы в идентичности молодежи, определившей себя русскими, политический фактор, что говорит о слабости политического воздействия на формирование национальной идентичности в этой группе.

Основы национально-государственной идентичности украинской молодёжи базируются на ощущении полуостровной привязанности к Крыму, культурной (носители определённых культурных ценностей) и поколенческой компонентах. Политические основания слабы при формировании системы национальной идентичности у украинцев и русских, также политический фактор слаб и в группе крымских татар.

Идентичность крымскотатарской молодёжи сформировалась под воздействием территориального, поколенческого, национального и гендерного факторов. В группе крымских татар в большей степени выражено чувство принадлежности к гражданству Российской Федерации, но отсутствует ощущение гордости от этого. Ощущение гордости у крымскотатарской молодежи формируется вследствие поколенческой, гендерной и национальной принадлежностей.

Анализируя модели построения национально-государственной идентичности молодежи с различной национальностью, можно отметить следующее. Во-первых, основания идентичности дифференцированы, но есть факторы – консолидаторы идентичности. Во-вторых, для всех групп интегративной основой идентичности является полуостровная привязка (проживание на Крымском полуострове), что выступает предметом гордости для русских и украинцев, и «наследственной» привязанностью к родной Крымской

земле у крымских татар. Вторым объединяющим фактором в моделях национальной идентичности разнонациональных групп молодежи является идентификация по национальному и культурному признакам. Опасения здесь вызывает то, что схожие по своим культурным и цивилизационным основаниям – русские и украинцы – ощущают различные культурные привязанности, относя себя к отдельным культурным группам – русским и украинцам. И третьим объединяющим моментом при построении национальной идентичности у русской, украинской и крымскотатарской молодежи является отсутствие политического воздействия.

Считаем, что процесс формирования национально-государственной идентичности в различных этнических группах крымской молодежи, следует основывать на:

- принципах регионального патриотизма с учетом территориальной привязанности молодежи к Крыму;
- созданию общих культурных кодов, объединяющих молодежь различных национальностей, в первую очередь, русскую и украинскую;
- объединении молодежи на основе поколенческих интересов, направленных на самовыражение и самореализацию, но без политического контекста.

Воссоединение Республики Крым и города Севастополь с Российской Федерацией актуализировало проблематику анализа смыслового и ценностного поля молодежи Крымского полуострова, значимость которой обусловлена тем, что молодежь Крыма социализировалась в различных социальных и политических средах. На основе полученных данных было выявлено, что составляет ядро ценностного молодежного сознания и на какие смыслы ориентирована крымская молодежь. Анализ ценностных и смысловых критериев позволил оценить степень интеграционного процесса Республики Крым и города Севастополь в российское общество. Ценностные сдвиги в массовом сознании людей трансформируются в ситуациях радикальных политических, экономических, социокультурных

изменений. В этой связи процессы, проходящие в современной России, не являются исключением.

При осуществлении анализа ценностной системы молодежи Республики Крым и города Севастополь была поставлена задача понять, какие ценности для молодого поколения наиболее значимы, на какие качества ориентируется молодой человек при построении собственного ценностного поля. Анализируя ответы респондентов, оказалось, что молодые люди ценят здоровье, свободу, интересную работу и профессиональный рост. Традиционные ценности любви, счастливой семейной жизни и дружбы занимают половину в структуре ценностного сознания крымской студенческой молодёжи.

С помощью тех ценностей и смыслов, которые господствуют в среде определенной социальной группы или общества в целом, молодежь осваивает социальный опыт и ретранслирует его на свои действия и мотивы, обусловленные личной ценностной системой. В связи с этим актуализация ценности здоровья, которая присутствует у всех этнических групп, обуславливает, с нашей точки зрения, в сознании современного молодого человека важность инвайронментальных смыслов, в частности, качества и уровня жизни. Наличие свободы в ядре ценностного сознания крымской молодежи говорит о характерном для молодых людей стремлении быть свободным и не иметь «социальных ограничений». О значимости профессиональной реализации для молодого человека свидетельствуют ценности интересной работы и профессионального роста⁴⁹⁵. Присутствие общечеловеческих ценностей любви, благополучной семейной жизни, друзей свидетельствуют о наличии традиционных смыслов в молодежном сознании.

Отдельно хотелось бы отметить рост ценности образования, которое является тем самым «социальным лифтом», обеспечивающим последующее расширение возможностей для самореализации в профессии и материальную обеспеченность (рис. 11).

---

⁴⁹⁵ Дерюгин П. П., Кремнёв Е. В., Ярмак О. В., Ши И, Вэнсинь Чжэн Сетевые модели деловых ценностей в структуре человеческого капитала китайских студентов // Научный результат. Социология и управление. 2021. Т. 7, № 3. С. 135-151. Режим доступа: doi:10.18413/2408-9338-2021-7-3-1-2 (дата обращения 07.02.2023).

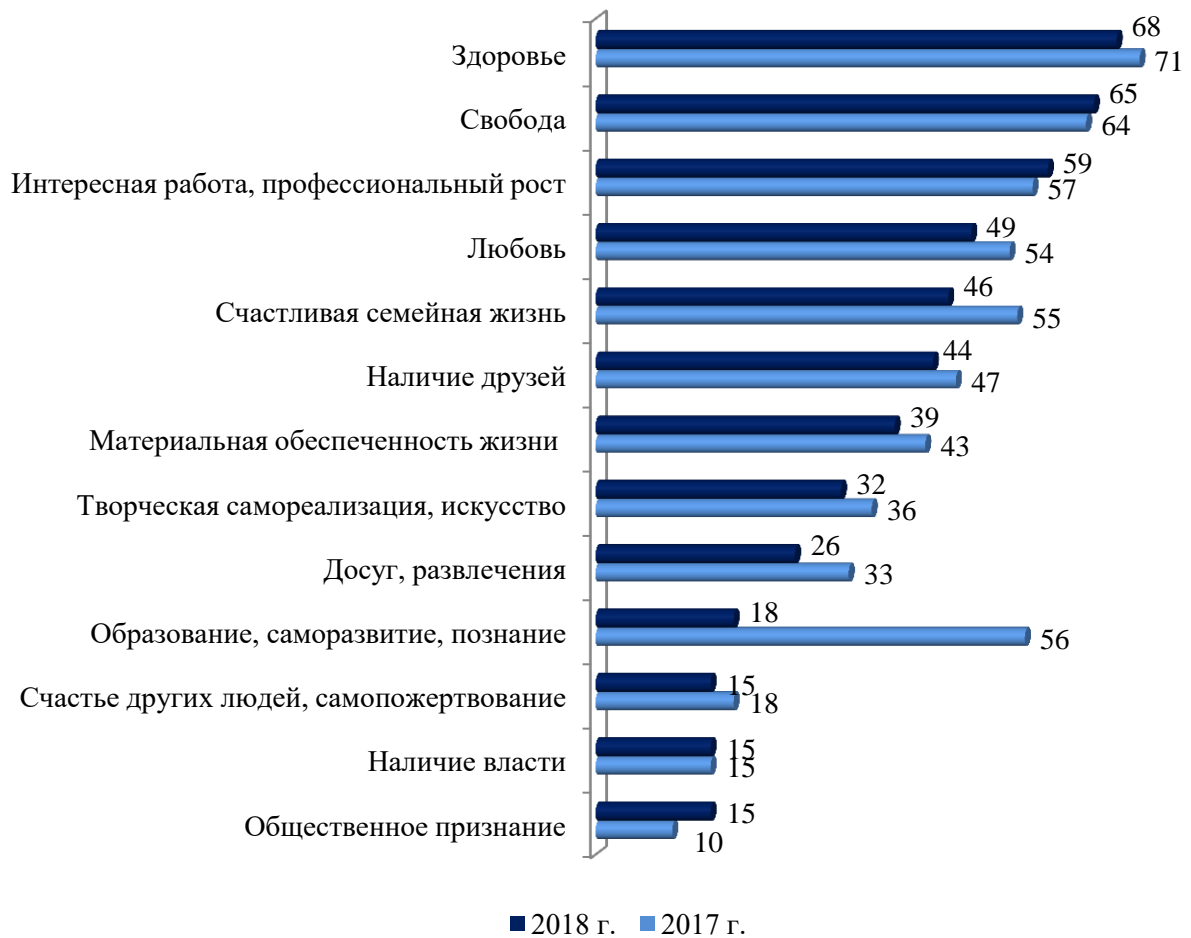

Рисунок 11. Структура ценностных ориентаций молодежи
(в процентах к числу ответивших, 2017-2018 гг.)

Рассматривая распределение спектра ценностных ориентаций в молодежных группах, выделенных по национальному признаку, оказалось, что русским важнее здоровье, профессиональный рост, свобода, дружба и творческая самореализация. Украинцам и крымским татарам актуальны здоровье, свобода и материальная обеспеченность. Для крымскотатарской молодежи также значимы общественное признание и власть. Творческую самореализацию в большей степени ценят русские и украинцы.

Надо отметить, что ценности материальной обеспеченности и свободы в большей степени значимы для украинцев и крымских татар, чем для русских (табл. 17 и 18).

Таблица 17. Насколько важны для Вас следующие ценности? (в процентах к числу ответивших, распределение по национальным группам, 2017-2018 гг.)

	Материальная обеспеченность жизни		Наличие власти		Общественное признание		Свобода		Образование, саморазвитие, познание		Интересная работа, профессиональный рост	
	2017	2018	2017	2018	2017	2018	2017	2018	2017	2018	2017	2018
Русские	33	43	16	15	9	13	64	63	19	56	64	56
Украинцы	62	44	22	18	19	19	82	71	19	56	33	61
Крымские татары	54	36	37	17	39	22	71	65	34	57	34	60

Таблица 18. Насколько важны для Вас следующие ценности? (в процентах к числу ответивших, распределение по национальным группам, 2017-2018 гг.)

	Творческая самореализация, искусство		Счастливая семейная жизнь		Любовь		Наличие друзей		Здоровье		Досуг, развлечения		Счастье других людей, самопожертвование	
	2017	2018	2017	2018	2017	2018	2017	2018	2017	2018	2017	2018	2017	2018
Русские	35	32	50	53	50	54	49	49	73	71	30	31	17	17
Украинцы	35	46	45	57	50	58	40	50	86	75	16	37	20	24
Крымские татары	17	33	48	65	46	56	29	47	53	70	10	38	10	26

Полученные данные 2020 года о структуре ценностного сознания жителей Крымского полуострова позволили определить ценностные критерии, влияющие на формирование интегративных практик. Базовыми ценностями у крымчан и

севастопольцев являются традиционные – здоровье (45%), счастливая семейная жизнь (43%), любовь и дружба (по 42% соответственно). Вторую группу ценностей авторы охарактеризовали как амбициозные – это ценности свободы, стремление к образованию и профессиональному росту, значимость счастливого окружения, творческая самореализация. Ценность власти, общественного признания и материальной обеспеченности не имеет ядерной значимости в ценностной конструкции всех жителей полуострова, по сравнению со структурой ценностей молодежи (рис. 12).

Рисунок 12. Ценностные ориентации жителей Республики Крым и Севастополя (в процентах к ответившим, 2020 г.)

Для более глубокого анализа ценностного сознания крымской молодежи были исследованы оценки качеств, которыми должен обладать современный человек. Оказалось, что это – честность, ответственность, независимость и самоконтроль. Треть опрошенных молодых людей считают, что сейчас важно быть эффективным, исполнительным, терпимым и лояльным (рис. 13).

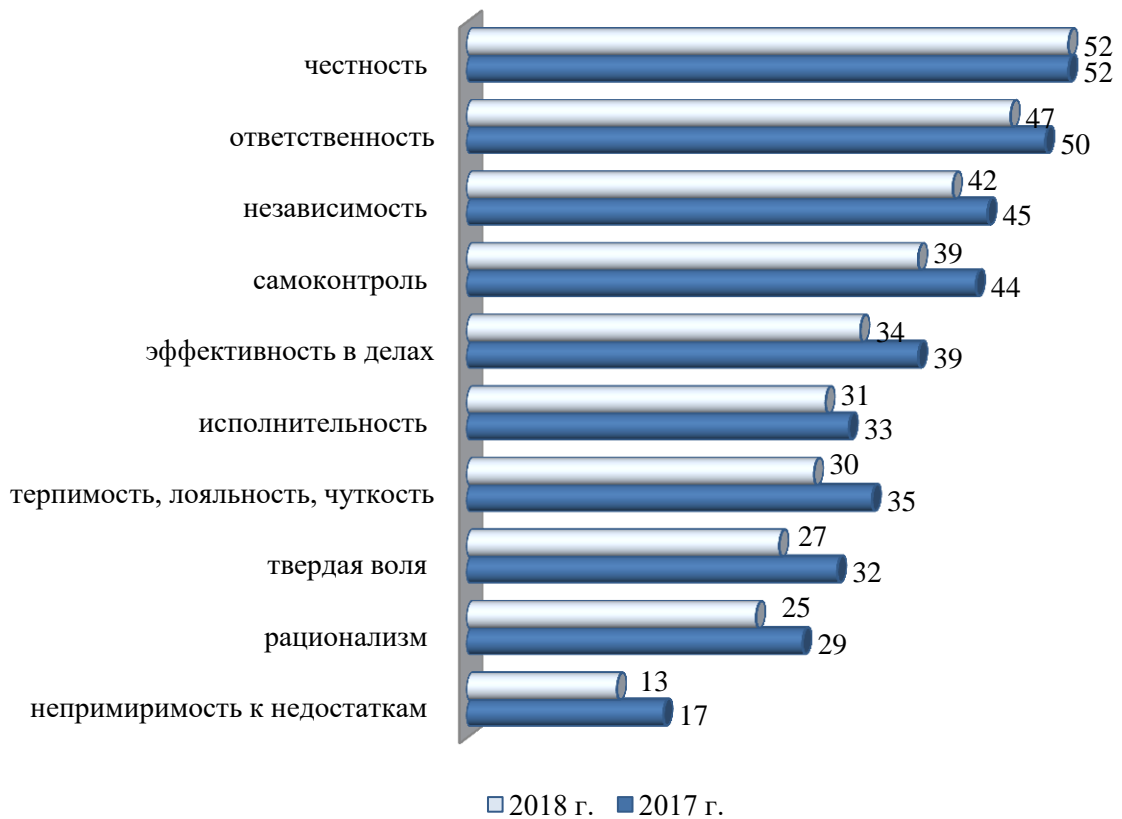

Рисунок 13. Личностные качества молодого человека
(в процентах к числу ответивших, 2017-2018 гг.)

Оценка значимости распределения личностных качеств в национальных группах, показала, что независимость в большей степени ценна для украинцев, а характеристика эффективности получила большую значимость в группе «русские» и «крымские татары». Ответственность, самоконтроль, исполнительность, терпимость более важны для русских (табл. 19).

Таблица 19. Насколько важны для Вас следующие качества? (в процентах к числу ответивших, распределение по национальным группам, 2017-2018 гг.)

	Твердая воля		Эффективность в делах		Независимость		Самоконтроль		Рационализм		Исполнительность	
	2017	2018	2017	2018	2017	2018	2017	2018	2017	2018	2017	2018
Русские	29	31	36	39	44	43	46	45	26	28	36	32
Украинцы	30	37	18	42	63	43	23	41	22	35	29	39

Продолжение таблицы 19

Крымские татары	33	34	36	44	28	55	37	54	33	31	14	33
	Терпимость, лояльность, чуткость		Честность		Ответственность		Непримиримость к недостаткам					
	2017	2018	2017	2018	2017	2018	2017	2018				
Русские	38	34	52	53	51	50	13	15				
Украинцы	11	40	51	55	44	50	7	22				
Крымские татары	31	39	43	52	47	49	5	25				

Помимо оценки личностных качеств, студентам предлагалось оценить те качества, которые они ценят в других. Так, оказалось, что самое главное для нашей молодежи – это общность интересов. Эта личностная характеристика получила максимальную поддержку у большинства опрошенных. А самыми незначимыми качествами в других людях для студентов являются общность религиозных взглядов и этническое происхождение (рис. 14).

Рисунок 14. Оценивая личность человека в целом, на какие характеристики Вы обращаете внимание? (в процентах к числу ответивших, 2017-2018 гг.)

Это говорит о том, что современная молодежь Крымского полуострова космополитична, для нее важны не национальные или конфессиональные особенности собеседника, друга или знакомого, а его идеи, взгляды, интересы и установки.

Среди личностных качеств, которыми должен обладать современный человек, крымчане и севастопольцы ценят эффективность в делах (51%), ответственность (40%) и честность (39%). Качества, ценимые в других, – это общность интересов (42%), социальный статус человека (24%) (рис. 15).

Рисунок 15. Значимость личностных качеств в других
(в процентах к ответившим, 2020 г.)

При оценке другого общность интересов лидирует во всех национальных группах. Общие религиозные и политические взгляды, социальный статус в большей степени важен для украинцев и крымских татар (табл. 20).

Таблица 20. Оценивая личность человека в целом, на какие характеристики Вы обращаете внимание, прежде всего? (в процентах к числу ответивших, распределение по национальным группам, 2017-2018 гг.)

	Общность религиозных взглядов		Общность политических взглядов		Этническое происхождение		Социальный статус		Материальное благополучие		Общность интересов	
	2017	2018	2017	2018	2017	2018	2017	2018	2017	2018	2017	2018
Русские	9	16	21	22	8	9	26	28	14	10	89	87

Продолжение таблицы 20

Украинцы	33	14	19	21	8	12	25	30	21	11	79	88
Крымские татары	19	18	21	17	4	13	23	30	8	15	75	74

По результатам 2020 года общность интересов остается в приоритете, но становится более значимой для представителей крымскотатарской группы. На втором месте – социальный статус человека, на третьем – его материальное положение. Общие политические и религиозные интересы, этническое происхождение утратили значимость по мере интеграционного процесса (табл. 21).

Таблица 21. Значимость личностных качеств в зависимости от этнической принадлежности (в процентах к числу ответивших, 2020 г.)

	общность религиозных взглядов	общность политических взглядов	этническое происхождение	социальный статус	материальное благополучие	общность интересов
Русские	6,8	7,8	4,9	24,7	15,1	40,7
Украинцы	4,8	10,9	2,7	23,7	16,3	41,6
Крымские татары	5,8	10,1	4,3	23,2	10,1	46,4

– Крым многонациональный регион. Если говорить об основных народах Крыма, - о русских, караимах, крымских татарах, греках, армянах - могли ли бы выделить какие-то общие черты, которые характерны для всех народов, живущих на полуострове?

– Общие черты, во-первых, язык, на котором разговариваем, русский. Потом, наверное, интересы в музыке. Мы не смотрим, кто какой национальности, общаемся, слушаем ту же музыку, все одинаковую слушаем.

Симферополь, 2018 г.

Для понимания смысловой конструкции молодежного сознания, был осуществлен анализ популярности смысловых утверждений. Показательным оказалось то, что максимальный вес набрала патриотическая смысловая установка о причастности к истории большой и великой страны – «Мы – наследники

истории Великой страны!» (37% в среднем за два исследуемых периода). Для трети опрошенных молодых людей значимы ценности социальной справедливости («Справедливость и социальное государство – главные задачи современного общества») (33%) и свободы («Моя свобода заканчивается там, где начинается свобода другого человека») (29%). Ценность личного успеха в привязке к успехам страны популярна у 28% опрошенных. Смыслы правовой направленности (важность закона и порядка как социальных основ общества) отметила пятая часть респондентов (23%) (рис 16).

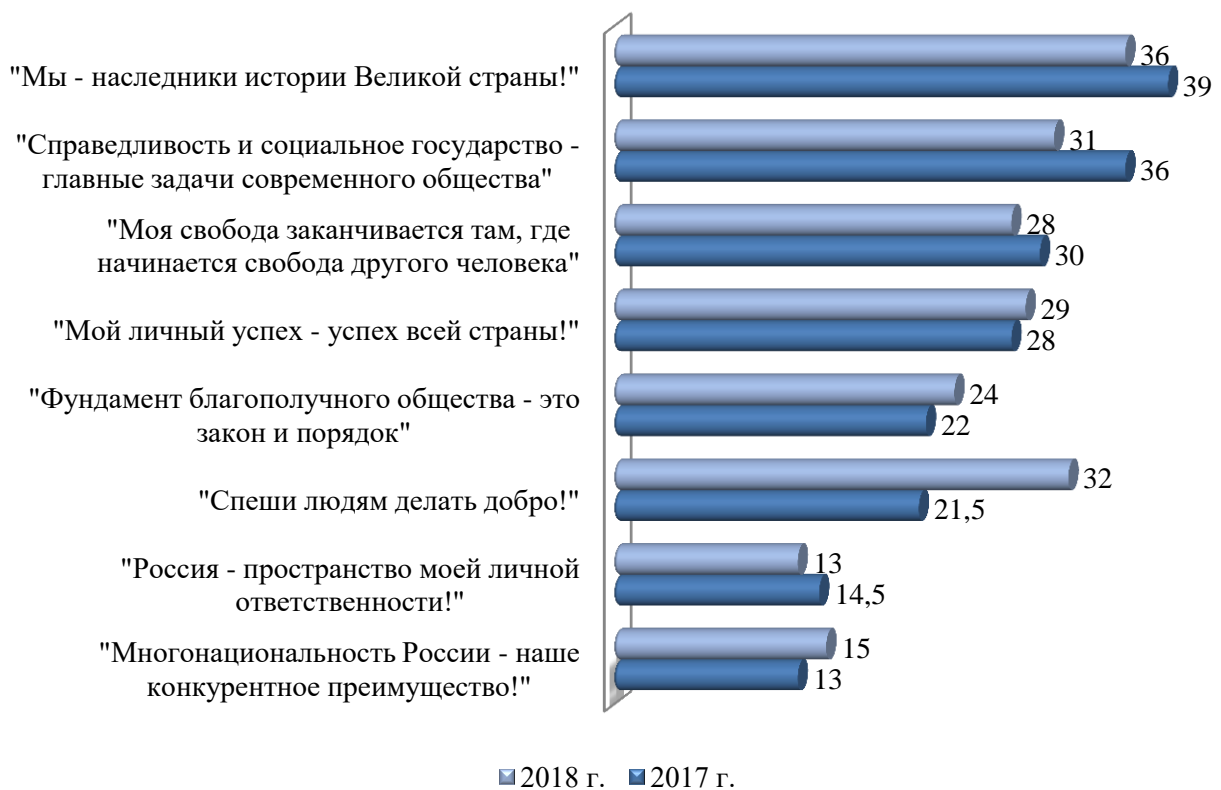

Рисунок 16. Значимость смыслов в молодежной среде Крыма
(в процентах к числу ответивших, 2017-2018 гг.)

В национальных группах ранжирование смысловых утверждений выглядит следующим образом. Утверждение о России как о пространстве личной ответственности более значимо в среде русской и крымскотатарской молодежи. Цивилизационная смысловая характеристика ценностного сознания «Мы – наследники истории Великой страны!» присутствует у русской и украинской групп. Многонациональность России как цивилизационное преимущество в

большой степени отметили украинцы. Легитимные основания социального фундамента страны в большей степени осознают крымские татары (табл. 22).

Таблица 22. Какие ценности и смыслы распространены в молодежной среде Крыма? (в процентах к числу ответивших, распределение по национальным группам, 2017-2018 гг.)

	"Мой личный успех – успех всей страны!"		"Спешите людям делать добро!"		"Россия - пространство моей личной ответственности!"		"Мы - наследники истории Великой страны!"		"Многонациональность России - наше конкурентное преимущество!"		"Фундамент благополучного общества — это закон и порядок"		"Справедливость и социальное государство - главные задачи современного общества"		"Моя свобода заканчивается там, где начинается свобода другого человека"	
	2017	2018	2017	2018	2017	2018	2017	2018	2017	2018	2017	2018	2017	2018	2017	2018
Русские	29	30	25	33	17	14	42	39	7	14	17	26	36	31	26	28
Украинцы	21	22	15	31	4	9	32	33	30	18	22	25	30	40	33	33
Крымские татары	21	34	29	35	13	8	8	30	4	16	40	19	40	29	10	19

Полученные результаты позволяют говорить о наличии межнациональной и межконфессиональной устойчивости в ценностном сознании крымской молодежи, что особенно важно для Крыма как полиэтничного региона, где возможность взаимодействия и наличия социальных связей с представителями другой национальности или вероисповедания выше, чем в иных российских регионах. Этот вывод подтверждает выбор суждений о друге или спутнике жизни из иной национальной или религиозной группы (табл. 23).

Таблица 23. Выбор из предложенных пар противоположных ценностных суждений (приведены суммы значений выбранных ответов от «0» до «5», от «6» до «10», в процентах к ответившим, 2017-2018 гг.)

	Сумма значений выбранных ответов от «0» до «5» 2017 / 2018 гг.	Сумма значений выбранных ответов от «6» до «10» 2017 / 2018 гг.	
Выбирая друга, я ориентируюсь, прежде всего, на этническую и (или) религиозную принадлежность человека	19 / 21	81 / 79	При выборе друга мне не важна этническая и (или) религиозная принадлежность человека
Выбирая спутника жизни, я ориентируюсь, прежде всего, на этническую и (или) религиозную принадлежность человека	35 / 39	65 / 61	При выборе спутника жизни мне не важна его (ее) этническая и (или) религиозная принадлежность
Мне легче оправдать плохой поступок или даже преступление человека, принадлежащего к той же этнической и (или) религиозной группе), что и я	26 / 29	74 / 71	Я одинаково отношусь к плохим поступкам и преступлениям вне зависимости от того, совершил ли их человек, принадлежащий к той же этнической и (или) религиозной группе), что и я или к другой
Представители определенных этнических групп изначально настроены по отношению ко мне критически	33 / 31	64 / 69	Я никогда не испытывал недоброжелательное отношение людей только из-за того, что я принадлежу к определенной этнической (религиозной) группе
Я довольно настороженно отношусь к людям, не принадлежащим к той же этнической (религиозной) группе, что и я	24 / 25	76 / 75	Я одинаково отношусь к людям вне зависимости от их этнической (религиозной) принадлежности

То, что для половины опрошенных при выборе друга не важна его этническая и религиозная принадлежность и они одинаково относятся к плохим поступкам и преступлениям вне зависимости от того, совершил ли их человек, принадлежащий к их этнической и религиозной группе или нет, еще раз подтверждает факт наличия межнациональной устойчивости в молодежной среде,

а также непримиримости к нарушению социального порядка вне зависимости от этнической или конфессиональной принадлежности нарушителя установленных правил и норм. Наличие у трети опрошенных национальной и конфессиональной терпимости при выборе спутника, отсутствие недоброжелательного отношения к лицам определенной этнической или религиозной группе свидетельствует о принятии представителя другой национальности или веры в свое личное и семейное пространство.

Наличие этнического «лейбла», по выражению Барта, в определении референтной и личной коммуникаций, в установках на социальное одобрение или осуждение проявились в ответах респондентов при выборе ценностных суждений. Так, при выборе друга опрошенные обращают внимание на его этническую и религиозную принадлежность, но при выборе спутника жизни им это неважно. 60% респондентов готовы оправдать плохой поступок или даже преступление человека с той же национальностью и верой, к которым и они принадлежат. У половины опрошенных есть ощущение, что представители определенных этнических групп критически к ним настроены. Полученные данные дают возможность задуматься о наличии границ между этническими группами, живущими на Крымском полуострове: при этом эти границы стираются в семье, но присутствуют в коммуникациях, установках и моделях поведения по отношению к другим этническим группам⁴⁹⁶.

— Скажите, пожалуйста, если бы Вам поручили писать «Кодекс межнационального согласия для Крыма», какие бы правила вы туда включили? Какие правила, нормы должны обеспечивать межнациональное согласие?

— В РФ идет примерно так: воспитательница в детском саду всех мирит: «мы друзья и мы все вместе».

— Для РФ это успешно?

— Да.

---

⁴⁹⁶ Шкайдерова Т.В., Ярмак О.В., Цепкова А.С., Маранчак А.Г. Идентичность жителей крымского полуострова: происходит ли смена этнических границ? // Современная наука и инновации, № 1 (33), 2021, с. 114-122. Учредители: Северо-Кавказский федеральный университет ISSN: 2307-910X Режим доступа: doi: 10.37493/2307-910X.2021.1.18; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46501764> (дата обращения: 07.02.2023).

— *Какие в Крыму нормы согласия?*

— *Понимание и толерантность. Это в Крыму обязательно, так как земля исконно разных народов, и здесь нельзя считать, что твое мнение истинно верно.*

Симферополь, 2017 г.

— *Какие правила вы бы включили в перечень межнационального согласия?*

— *Социализация граждан — формирование атмосферы мира и взаимодействия на основе равенства. Принятие ценностей других культур.*

— *Сами готовы следовать этим правилам?*

— *Да.*

Симферополь, 2017 г.

— *Если бы Вам пришлось формулировать правила и нормы поддержания межнационального мира в Крыму, какие бы Вы нормы включили?*

— *В первую очередь, это толерантность к другим народам, нужно изучать другие народы и посвящать в это детей. Необходимо показывать, что нас в Крыму много и что нужно ужиться на этом полуострове и уважать других, но при этом оставаться собой, не сливаться.*

— *Сами готовы участвовать в этом?*

— *Да.*

Ялта, 2017 г.

— *Скажите, пожалуйста, если бы Вам поручили писать «Кодекс межнационального согласия для Крыма», какие бы правила вы туда включили? Какие правила, нормы должны обеспечивать межнациональное согласие?*

— *Равенство, честность, чтобы не было всяких споров. Наверное, это самое главное.*

Керчь, 2018 г.

— *Если бы Вам пришлось писать нормы, правила поддержания межнационального согласия в Крыму, какие правила и нормы Вы бы включили?*

— *Я бы включил наказание за конфликт на такой почве... чтобы не обделять ни одного, ни другого. В равной мере наказать обоих. То есть ввести*

принцип равного наказания, чтобы не зависело от того, кто виноват.

Керчь, 2018 г.

Идентичность проявляется не только в принадлежности к той или иной социальной группе, а и в определённых действиях людей, подтверждающих значимость основ идентичности. Эмпирические данные 2020 года показали, что 40% опрошенных знают (знают, но не исполняют публично, или знают только некоторые фразы, или с удовольствием исполняют) слова российского гимна. Это в основном представители крымскотатарской и русской групп. В украинской группе 37% респондентов не знают гимн России и не считают это важным.

Треть опрошенных (36%) в ближайшие пять лет видят себя в Крыму, из них – 62% крымских татар и столько же русских, 59% украинцев. Среди тех, кто стремится уехать в другие российские регионы, 35% респондентов крымскотатарской принадлежности, 25% русских и 24% украинцев; за рубеж в большей степени стремятся украинцы (17% по сравнению с русскими (13%) и крымскими татарами (3%)).

Опираясь на полученный эмпирический материал, можно отметить, что интеграция протекает различным образом в различных этнических группах. Процесс формирования основ идентичности, структуры ценностных ориентаций, поведенческих установок в различных этнических группах Крымского полуострова дифференцирован. В структуре идентичности украинской группы максимально выражена полуостровная привязанность, тогда как территориальная «земельная» привязанность — в группе крымских татар. В идентичности украинцев и крымских татар значимы культурный и этнический факторы. В основе идентичности крымскотатарской группы гендерная и конфессиональная основы.

В ядре структуры ценностного сознания жителей полуострова присутствуют базовые, традиционные ценности; околоядерными выступают те, которые обеспечивают человеку самореализацию, получение образования и профессиональный рост, что, в дефиниции Р. Инглхарта, говорит о приоритете традиционных и постматериалистических ценностей у крымчан. Материальная

обеспеченность значима в молодежной группе, а с возрастом ее ранг снижается. Это говорит о том, что она перестает быть ценностью, а переходит в разряд потребностей, обеспечивающих уровень жизни.

Присутствие блока так называемых амбициозных – постматериалистических – ценностей у крымчан и севастопольцев усиливается тем, что среди личностных качеств они выделяют эффективность в делах, ответственность и общность интересов. Общность религиозных взглядов и этническое происхождение оказались незначимыми, что отражает слабость конфессионального и национального критериев при выборе своего референтного окружения. Данный тезис подтверждает тот факт, что при создании семьи не важна этническая и религиозная принадлежность партнера. Однако некоторую тревогу вызывает то, что на уровне первичной коммуникации с представителями других национальных групп половина опрошенных ощущают дискомфорт.

В структуре ценностного сознания крымской молодежи полуострова оказалось, что в нем преобладают традиционные смыслы семейственности, любви и дружбы и присутствует ориентация на профессиональную и личностную самореализацию; на достижение достойного уровня качества жизни, в том числе посредством поддержки здоровья и материального обеспечения. Национальный и религиозный факторы не значимы при формировании ценностно-смыслового поля у молодежи.

Необходимо отметить дифференциацию в ценностных ориентирах национальных групп. В частности, русские ориентированы на профессиональную и творческую самореализацию, ценят исполнительность, терпимость, эффективность, рассматривают свою жизнь в непосредственной причастности со своей страной. Украинская молодежь Крыма ценит свободу и независимость, материальные блага и общность религиозных взглядов, при этом ощущает себя наследниками общей и великой истории страны. Для представителей крымскотатарской молодежи значимы ценности свободы, материальной обеспеченности, власти, общественного признания и религиозные взгляды. Эта группа молодежи рассматривает Россию как пространство личной

ответственности, при этом осознавая обязательность закона и права как фундаментальных социальных основ.

В современном мире зачастую наблюдаются переходы индивидов через «этнические границы», согласно пониманию Барта, но при этом смена места жительства, образа жизни или политической ориентации не ведут к смене их этнической идентичности. При этом есть ситуации, когда происходит полная смена идентичности, ценностная и культурная интеграция, в рамках которой человек полностью адаптируется и принимает новую этническую модель. По Барту, стимулы к смене идентичности заложены в социальных основах интеграции; этническая идентичность не будет сохраняться, если человек придерживается системы ценностей, которая не приносит ему успешности или перспективных возможностей.

Анализ процесса смены идентичностей, наблюдаемого в Крыму, схожи с исследовательскими заметками Барта: этнические границы стираются в ближайшем окружении, но в социуме они становятся точнее и ярче, определяясь в первую очередь социально. При этом возникновение «русских крымских татар» и «русских украинцев» является тем самым следствием смены идентичностей: принадлежность к России и Русскому миру, русской культуре и ее ценностям открывает социальные альтернативы и возможности для профессионального роста и карьеры, которые, как было отмечено, значимы для крымских жителей.

Понимание процесса формирования и смены идентичностей у жителей Крымского полуострова связано с анализом факторов социальной среды, коммуникациями, открывшимися политическими и экономическими выгодами, работой социальных и образовательных лифтов. Системный мониторинг ценностно-смысловых конструкций и личностных установок позволяет выявить механизмы успешных интеграционных практик в Республике Крым и городе Севастополь в российское общество. Процесс социальной интеграции различных этнических групп полуострова необходимо осуществить с учетом полуостровной привязанности к Крыму; с обязательным созданием единых культурных кодов, особенно у украинцев и русских, имеющих общие цивилизационные основы,

искусственно разрушаемые на протяжении тридцати лет; предоставления альтернатив и социальных возможностей, трансляций траекторий экономической и политической успешности. Это впоследствии сотрет четкие этнические границы и обусловит полную завершенность социальной интеграции путем создания наднациональной идентичности (по типу имперской или советской).

§ 3.4. Коммуникативный уровень интеграции Крымского полуострова и вызовы коммуникативного пространства: результаты цифровых измерений с использованием метода больших данных

Анализируя коммуникационные сети и формируемые ими информационные потоки, обращаемся к сетевым теориям, методология которых была заложена М. Грановеттером, П. Лазарсфельдом, Я. Морено, к идеям Э. Тоффлера об информационно-коммуникационных технологиях как о факторе социальных изменений, которые создают коллективные действия политического характера и формируют новые ценностно-смысловые ориентиры^{497 498}. Идеи одного из крупнейших социологов современности и исследователя коммуникаций М. Кастельса, изучающего сетевые общества, актуальны в ракурсе рассмотрения современного политического процесса, существующего посредством социальных медиа, в частности, анализа коммуникативных сетей, формируемых в контексте антироссийского дискурса^{499 500}.

Обращаемся к теории медиакратии как следствию феномена культуры коммуникационного изобилия, которое формирует политические идеи, в

⁴⁹⁷ Тоффлер, Элвин (1928). Третья волна / Элвин Тоффлер ; [пер. с англ. К. Ю. Бурмирова и др.]. - Москва : АСТ : АСТ Москва, сор. 2009 (Архангельск : ИПП Правда Севера). - 795 с.; 21 см. - (Philosophy).; ISBN 978-5-17-062498-0 (АСТ).

⁴⁹⁸ Granovetter M. Networks and Organizations: Structure, Form, and Action. Harvard Business School. 1992. 217 p.

⁴⁹⁹ Кастельс, М. Власть коммуникации [Текст] : учеб. пособие / М. Кастельс ; пер. с англ. Н. М. Тылевич ; под науч. ред. А. И. Черных ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. — 564, [4] с. — (Переводные учебники ВШЭ). — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-1009-4 (в пер.).

⁵⁰⁰ Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под редакцией В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. 640 с.

частности, о цифровой демократии, сетевом обществе, кибергражданах и википравительстве⁵⁰¹. Согласно размышлениям М. Маклюэна, коммуникации, с одной стороны, предоставляя гражданам возможность включения своих вопросов в общественную повестку и участия в политической и гражданской дискуссиях, а с другой – выступают «связанным» и контролируемым цифровым миром: «Каждое новое средство коммуникации обычно «очаровывает» своих пользователей, в действительности «навязывая свои предпосылки, предубеждения и ценности»⁵⁰². Анализ феномена коммуникативного изобилия предоставляет возможность изучения влияния на государственные институты старой представительной демократии и формирования сетевых обществ с медиаконструкциями, имеющими вирусный характер.

Для проводимого исследования значимы тезисы о новых проявлениях коммуникационного изобилия: наличие у всех граждан равных прав в выражении своего мнения; разрыв социальных связей между правительством, бизнесом и гражданским обществом⁵⁰³. «Закон» Маклюэна о том, что инструменты коммуникации связывают своих пользователей заранее установленными паттернами, приводит к пониманию медиакратии как новой формы политической олигархии, которая опирается на медиа и коммуникации⁵⁰⁴. Этот новый метод управления обществом за счёт невидимых сетей коммуникации и закрытых информационных каналов позволяет понять медийные алгоритмы общества, находящегося в ситуации культурного и социального кризиса⁵⁰⁵.

Отдельный исследовательский интерес для нас представляют кейсы моделей влияния в социальных сетях, выполненные российскими учёными

⁵⁰¹ Noelle-Neumann E. *The Spiral of Silence. Public Opinion: Our Social Skin*. Chicago; L.: University of Chicago Press, 1984.

⁵⁰² McLuhan M. *Understanding Media: The Extensions of Man*. McGraw-Hill, 1964. 318 p. ISBN 81-14-67535-7.

⁵⁰³ Кин, Дж. *Демократия и декаданс медиа* [Текст] / пер. с англ. Д. Кралечкина; под науч. ред. А. Смирнова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. — 312 с. — (Политическая теория). — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-1202-9 (в пер.).

⁵⁰⁴ McLuhan M. *Understanding Media: The Extensions of Man*. McGraw-Hill, 1964. 318 p. ISBN 81-14-67535-7.

⁵⁰⁵ Nickerson D. W. *Is Voting Contagious? Evidence from Two Field Experiments* // *American Political Science Review*. 2008. Vol. 102. P. 49-57.

Д.А. Губановым, Д.А. Новиковым, А.Г. Чхартишвили^{506 507}; моделирование распространения информации в социальных сетях, осуществлённое американскими исследователями Хайян Ван, Фэн Ван, Куай Сюй⁵⁰⁸, Веса Куикка⁵⁰⁹, Стивена Боргатти, Мартина Эверетта⁵¹⁰. Данные исследования являются междисциплинарными (на стыке математики, анализа социальных сетей и науки о данных) и представляют новый подход к анализу коммуникации и распространения информации в социальных сетях с использованием динамического моделирования и дифференциальных уравнений. Этот исследовательский подход в целом меняет парадигму моделирования распространения информации в социальных сетях и закладывает теоретическую основу для решения проблем пространственно-временного моделирования в эпоху больших данных, позволяет нам осуществить классификацию информационных потоков, поиск сообществ (кластеров) онлайн-пользователей.

Уже неоднократно современные общества показывали, что отношения между ними и властью во многом зависят от коммуникаций. Современный мировой опыт демонстрировал, как коммуникации способствуют сменам властей, создавая социальные движения при помощи социальных сетей и изменению коммуникационного пространства, его акторов и лидеров мнений.

Современные политические движения, в первую очередь, оппозиционные, не просто используют социальные сети и коммуникации, зачастую только благодаря им они создаются и формируются. Они рождаются в сетях интернета, через них распространяются и только потом – охватывают всё общество,

⁵⁰⁶ Губанов Д.А., Новиков Д.А., Чхартишвили А.Г. Модели влияния в социальных сетях // УБС. 2009. №27. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/modeli-vliyaniya-v-sotsialnyh-setyah> (дата обращения: 07.02.2023).

⁵⁰⁷ Губанов, Д. А. Социальные сети: модели информационного влияния, управления и противоборства [Текст] / Д. А. Губанов, Д. А. Новиков, А. Г. Чхартишвили ; Российская академия наук, Институт проблем управления. - Изд. 3-е, перераб. и доп. - Москва : Изд-во МЦНМО, 2018. - 223 с. : ил.; 21 см.; ISBN 978-5-4439-1302-5 : 1000 экз.

⁵⁰⁸ Wang H., Wang F., Xu K. Modeling Information Diffusion in Online Social Networks with Partial Differential Equations. 2020 // Springer Web portal. Режим доступа: <https://www.springer.com/gp/book/9783030388508> (дата обращения: 07.02.2023).

⁵⁰⁹ Kuikka V. Influence spreading model used to analyse social networks and detect sub-communities. 2018 // Springer Web portal. Режим доступа: <https://computationsocialnetworks.springeropen.com/articles/10.1186/s40649-018-0060-z> (дата обращения: 07.02.2023).

⁵¹⁰ Borgatti S. P., Everett M. G. A Graph-theoretic perspective on centrality 2006 // The Web portal Research Gate. Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/222405203_A_Graph-Theoretic_Perspective_on_Centrality (дата обращения: 07.02.2023).

формируя стереотипы и смыслы общественного сознания. Социолог М. Кастельс считает, что если в основе подобных политических движений лежит сеть, то она должна иметь центр, чёткое распределение функций, структуру и систему управления. Основной особенностью таких сетей является открытость и возможность участия в них широких масс населения. То есть, коммуникационные сети, по мнению М. Кастельса, формируют новый формат социального пространства, которое рождается из взаимодействия цифровой среды и реальной жизни, обладает способностью к самоорганизации, являясь трансформационной силой для традиционных политических и социальных институтов общества⁵¹¹.

В связи с тем, что в любом обществе присутствуют социальные проблемы и напряженность, М. Кастельс считает, что «политическая халатность» может привести к «социальному отчаянию, требующему эмоционального выхода»⁵¹². И такой эмоциональный выход зачастую канализируется через коммуникации и сетевое интернет-пространство. Поэтому возникает вопрос об инфраструктуре коммуникаций, их контенте, технологиях создания и приёмах распространения.

В таких ситуациях социальными триггерами и спусковыми механизмами обычно выступают физические лица, реагирующие на какое-то конкретное событие, затем происходит стремительный информационный всплеск, и эти триггеры охватывают всё медийное пространство, тем самым формируя медиаповестку и трансформируя общественное мнение. Таким образом, можно говорить, что создаваемые политическими движениями коммуникативные сети имеют вирусный характер распространения информации, усиленный цифровыми технологиями, позволяющими распространять смысловые конструкции политических оппозиционных движений уже не только в сетевой среде, а в повседневной жизни на всё общество.

Описывая процессы построения современных коммуникационных сетевых конструкций, автор попыталась понять генезис формирования информационных

---

⁵¹¹ Castells, M. (2016) The power of communication [Tekst] : ucheb. posobie / M. Kastel's ; per. s angl. N. M. Tylevich ; pod nauch. red. A. I. Chernyh ; Nac. issled. un-t «Vysshaya shkola ekonomiki». — M. : Izd. dom Vyshej shkoly ekonomiki. — 564 , [4] s. — (Perevodnye uchebniki VShE). — 1000 ekz. — ISBN 978-5-7598-1009-4 (v per.).

⁵¹² Там же.

потоков, их контента, веса и структуры в интегрируемых крымском и севастопольском сообществах. Актуальность исследования трансформирующихся обществ продиктована тем, что в цифровую эпоху эффективные управленческие решения должны подкрепляться участием в формировании информационной повестки и управлением информационными потоками.

Исследования коммуникативной интеграции обществ обусловлены активной вовлечённостью современной России в процессы обеспечения информационной повестки и международной безопасности на постсоветском пространстве. Глобальный контекст исследований коммуникационного тренда интеграций связан, в том числе, с расширением национальных Интернет-аудиторий, усилением влияния информационных технологий на политические процессы, изменением функциональности социальных институтов, трансформацией форм гражданского участия и социального действия.

Наиболее масштабно и результативно применяется формирование описанных коммуникационных сетей на территории Крыма. В кризисных условиях в социуме формируются коммуникативные сети, которые создаются с использованием и благодаря внешнему влиянию^{513 514}. Информационные потоки транзитного общества, как крымское и севастопольское, формируются не только из реальных событий повседневности и существующей социально-политической ситуации, а ориентируясь на ряд тематик и дискурсов, которые должны присутствовать в обязательном порядке в медийном поле. Они и выступают информационными триггерами, системными пусковыми элементами, формирующими различное протекание потоков. Среди применяемых технологий при их формировании можно отметить, в первую очередь, такие, как целенаправленное создание активно-нигилистических информационных потоков;

---

⁵¹³ Ярмач О.В., Цепкова А.С., Лысенко Е.А., Калинская, И.Л. Информационные потоки крымского и украинского сегментов интернета: контент-анализ сообщений сетей facebook и ВКонтакте // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. Научно-практический журнал. 2019, Том 9, № 6, с. 38-44. Режим доступа: <http://www.fa.ru/org/div/edition/jgn/Pages/current.aspx> (дата обращения: 07.02.2023).

⁵¹⁴ Воронин Д.Ю., Кузнецов П.Н., Евстигнеев В.П., Ярмач О.В. Агентное моделирование динамики консолидации общества при использовании процедур киберметрии интернет-контента // Выпуск № 3, 2021 "Общество: социология, психология, педагогика" Режим доступа: <https://elib.pnzgu.ru/files/eb/image/S8PKnX8AOgt2.pdf> (дата обращения: 07.02.2023).

формирование сети онлайн-сообществ, занимающихся созданием «образа врага»; распространение идей и смыслов, направленных на формирование антироссийских установок.

В рамках проведенных цифровых исследований автор уделяет внимание именно таким технологиям трансформации массового сознания посредством коммуникативного фактора на Крымском полуострове. В частности, выявлению структурных и параметрических особенностей интернет-пространства, поиску дезинтеграционных факторов, способствующих нарушению социального порядка в новых регионах, и консолидирующих критериев, способствующих созданию общих культурных кодов, смысловых конструкций, объединяющих интернет-пространство полуострова с российским.

Проведенные цифровые исследования позволили зафиксировать еще одно новое явление в социальном поведении людей, формируемое коммуникативными сетями и коммуникациями. В период эпидемии коронавируса и нахождения на самоизоляции произошло, с одной стороны, проникновение интернет-коммуникаций во все сферы жизнедеятельности человека с изменением его привычного образа жизни, с другой – пользовательская аудитория интернета существенно увеличилась, благодаря чему наблюдается появление нового типа социального взаимодействия – цифрового. Люди вынуждены находиться дома, и единственным способом коммуникации для них стал интернет не только как информационный канал, но и как неотъемлемая часть структуры современного информационного общества. М. Вебер утверждал, что действие становится социальным, если в своём целеполагании оно затрагивает других людей или обусловлено их существованием и поведением. Он выделял четыре типа социального действия: целерациональное, ориентированное на достижение рациональных целей; ценностно-рациональное, основанное на вере, ценностях и смыслах; аффективное, опирающееся на эмоции человека, и традиционное,

базирующееся на традициях, обычаях и привычках⁵¹⁵. В связи с эпидемиологическим кризисом и в настоящее время наблюдается возникновение нового типа социального взаимодействия, в частности новых повседневных практик, дистанционного взаимодействия в экономике, образовании, культуре, медиа и коммуникациях, чем обуславливается создание нового – цифрового – типа социального действия. При этом поведение людей ограничено территориальными или страновыми границами, что обуславливает возникновение региональных сообществ, объединённых общей угрозой – не только эпидемиологической, но и экономической (хозяйственно-бытовой с нарушением привычных основ жизни)⁵¹⁶.

Киберметрические данные самоизоляции периода (с 23 марта по 12 апреля 2020 года) по поисковым объектам «коронавирус» / «covid 19» и «самоизоляция» / «сидим дома», полученные на основании выгрузки из автоматической системы мониторинга и анализа СМИ и социальных сетей в режиме онлайн «Медиалогия» в мониторинговом режиме с отражением ситуации в интернет-пространствах Москвы, Санкт-Петербурга и Севастополя, показали различные реакции интернет-аудиторий трёх российских федеральных центров на ситуацию с пандемией коронавируса и вынужденную изоляцию^{517 518}.

Во-первых, обнаружена временная граница принятия новых условий повседневного пребывания в коммуникативной среде: первые две самоизоляционные недели ковидная тематика была в топе интернет-пользователей всех трёх регионов, но уже через 14 дней интерес к ней начал

⁵¹⁵ Вебер, Макс (1864-1920.). Избранные произведения : Пер. с нем. / М. Вебер; Сост., общ. ред. и послесл. [с. 736-769] Ю. Н. Давыдова; Предисл. П. П. Гайдено [с. 5-41; Комментар. А. Ф. Филиппова]. - Москва : Прогресс, 1990. - 804,[1] с.; 21 см. - (Социол. мысль Запада.); ISBN 5-01-001584-6 (В пер.). С. 625-629.

⁵¹⁶ Ярмак О.В., Страшко Е.В., Шкайдерова Т.В. Реакция на пандемию Covid-19 интернет-аудиторий Москвы, Санкт-Петербурга и Севастополя (по материалам медиа-аналитического исследования) // Вестник Института социологии. 2020. Том 11. № 11. С. 121-142. Режим доступа: doi: 10.19181/vis.2020.11.3.666 (дата обращения: 07.02.2023).

⁵¹⁷ Там же.

⁵¹⁸ Ярмак О.В., Воронова Д.И., Евдокимова Д.М., Комар А.Г., Черкесс А.А. Вакцинный кейс: социальное медиааналитическое измерение (результата исследования интернет-аудиторий Москвы, Санкт-Петербурга и Севастополя) // Парадигмы истории и общественного развития [Текст] : сб. науч. тр. / М-во образования и науки Рос. Федерации, ФГАОУ ВО «Севастоп. гос. ун-т»; под общ. ред. Е. Н. Максимовой; редкол.: В. С. Авдониин [и др.]. — Вып. 2 1-2 2. — Севастополь : СевГУ, 2021. — 114 с. — ISSN 2500-4190. С. 103-113 Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47306777> (дата обращения: 07.02.2023).

снижаться. При этом понимание процесса самоизоляции и всех вопросов, с ней связанных, – от новых правил повседневной жизни до дискурса о дистанционных коммуникациях – оставалось значимым для всех региональных интернет-аудиторий в течение 20 дней пребывания дома.

Во-вторых, в гендерном распределении была выражена большая заинтересованность женской аудитории в вопросах эпидемии коронавируса, о социальном дистанцировании, онлайн-практиках новой повседневности и дистантных коммуникациях в целом. Выявленные тенденции свидетельствуют о формировании новых цифровых форм взаимодействия в коммуникационной, информационной, образовательной, хозяйственно-бытовой сферах жизни людей. Говоря об отличиях, необходимо отметить региональность обсуждения эпидемии коронавируса и проблем самоизоляции у московской и севастопольской интернет-аудиторий, что говорит о формировании в этот период определённой солидарности перед новой угрозой и вызовами, которую можно интерпретировать как формирование региональных «обществ судьбы» согласно пониманию Питера Бэра. При этом севастопольский интернет-сегмент демонстрирует даже не региональную, а «полуостровную» солидарность, поднимая в топ дискурс о прибытии на полуостров потенциально инфицированных людей и мерах их изоляции, а события, происходящие за пределами полуострова, не воспринимаются аудиторией как значимые⁵¹⁹.

Новые условия повседневности, рождённые пандемией коронавируса, привели к появлению моделей объяснения изменений, вызванных эпидемией, новых коллективных и личностных повседневных практик, механизмов их формирования, и позволили описать новые социальные связи и нарастить новый социальный капитал человечества. Важным является то, что новое вирусное заболевание стало не просто социальным, но и политическим феноменом,

---

⁵¹⁹ Ярмак О.В., Страшко Е.В., Шкайдерова Т.В. Реакция на пандемию Covid-19 интернет-аудиторий Москвы, Санкт-Петербурга и Севастополя (по материалам медиа-аналитического исследования) // Вестник Института социологии. 2020. Том 11. № 11. С. 121-142. Режим доступа: doi: 10.19181/vis.2020.11.3.666 (дата обращения: 07.02.2023).

создающим условия для консолидации в обществе, вызванные различными реакциями на кризис^{520 521}.

Результаты киберметрии крымского и севастопольского сегментов Интернета 2016-2019 годов с применением онлайн-сервиса мониторинга социальных медиа IQBuzz (объем выгрузки – более 1 млн. сообщений) позволили определить хабы взаимосвязи тематических групп и сообществ, понять структуру неконвенционального дискурса в социальных медиа. Поисковые запросы для киберметрии были сформированы на базе выявленных контекстов, среди них – признание запрещенного в РФ Меджлиса экстремистской организацией; получение Джамалой первого места на Евровидении от Украины в 2016 году с песней о депортации крымских татар в 1944 году; общественные акции протеста в мае 2015 и 2016 годов, касающиеся дня памяти депортации крымских татар; резолюции ООН о нарушении прав крымских татар, принятой в 2017 году; помилование лидеров Меджлиса 26 октября 2017 года⁵²².

Медийный поток 2015-2017 годов отражал оффлайн-события, которые приобрели новые витки и онлайн-динамику. Эта корреляция отражена в графике интенсивности информационных потоков, отражающих проблемы интеракций между этническими крымскими татарами и русскими (рис. 17).

⁵²⁰ Ситуация с качеством образования в период пандемии: что показывает анализ больших данных. – Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2021 – 39 с. Авторский коллектив: Ю.К. Александрова, А.В. Богданова, И.С. Васендина, В.Л. Гойко, А.И. Джангаров, Е.В. Митягина, М.Г. Мяков, Е.В. Романова, О.В. Ярмак. ISBN 978-5-907442-37-5.

⁵²¹ Александрова Ю.К., Богданова А.В., Васендина И.С., Гойко В.Л., Митягина Е.В., Рогов А.В., Романова Е.В., Ярмак О.В. Посты по осени считают: что говорят большие данные о качестве образования в постпандемийный период / Томский государственный университет. - Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2022. - 40 с.

⁵²² Межнациональное и межрелигиозное согласие в студенческой среде Крыма и Севастополя: мониторинг и анализ уровня развития: коллективная монография / Мин-во науки и высшего образования Российской Федерации, Севастопольский гос. университет; отв. ред. О.В. Ярмак. – Севастополь: СевГУ, 2019. – 144 с. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42520704> (дата обращения: 07.02.2023).

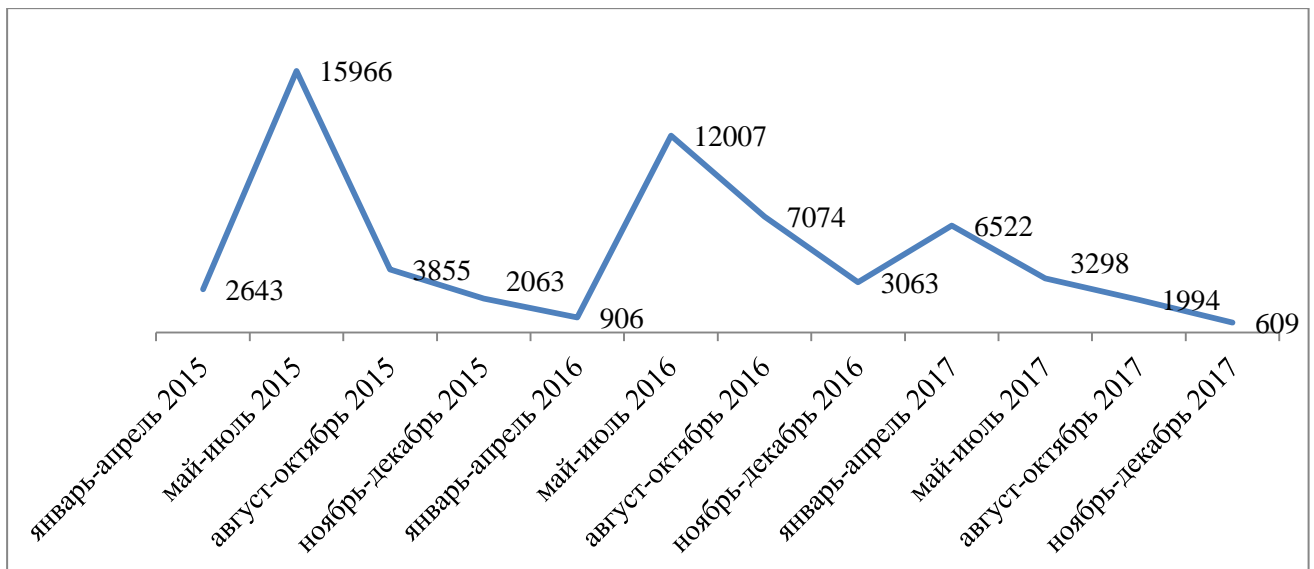

Рисунок 17. Динамика информационных потоков межнационального дискурса (2015-2017 гг.)

Наблюдаемые пики публикационной активности онлайн-сетевых лидеров мнений имеют связь с массовыми протестами и аффилированы с годовщинами депортации крымских татар⁵²³.

Лингвистический анализ интернет-контента, формируемого данными лидерами мнений, выявил, что противоречия между крымскими татарами и русскими представлены незначительно по сравнению с освещением проблем во взаимодействии этнических украинцев и русских. Кроме того, онлайн-лидеры мнений, ориентированные на формирование межэтнических установок интернет-пользователей с охватом аудитории более 10 000 пользователей, сосредоточены на обсуждении кризиса на Юго-Востоке Украины и культивировании критического отношения к воссоединению Республики Крым и города Севастополь с Россией. Семантическое ядро интернет-контента о проблемах межкультурных отношений в Республике Крым и городе Севастополь свидетельствует о наличии такой логики в семантической цепочке: воссоединение с Россией Республики Крым и города Севастополь формирует противопоставление между Россией и Украиной, русским и украинским. Фоном

⁵²³ Межнациональное и межрелигиозное согласие в студенческой среде Крыма и Севастополя: мониторинг и анализ уровня развития: коллективная монография / Мин-во науки и высшего образования Российской Федерации, Севастопольский гос. университет; отв. ред. О.В. Ярмук. – Севастополь: СевГУ, 2019. – 144 с. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42520704> (дата обращения: 07.02.2023).

обсуждения этого искусственно создаваемого семантического противоречия является гражданское противостояние на Юго-Востоке Украины⁵²⁴.

Таким образом, проведенное в 2016-2017 годах цифровое исследование позволило отметить следующее. Во-первых, межнациональный дискурс в интернет-пространстве еще в начале интеграционного процесса использовался для политических целей, формируясь при этом в политико-коммуникативные сети (по М. Кастельсу). Во-вторых, дискурс-анализ оценок межэтнических и межконфессиональных отношений имеет негативные коннотации и социальный пессимизм в крымской среде. В-третьих, в информационных потоках 2015-2017 годов доминируют контексты, связанные с разжиганием и обострением противоречий между этническими группами украинцев и русских в Республике Крым и городе Севастополь, а тематические треки этого дискурса формируются на фоне кризиса на Юго-Востоке Украины с учетом определенной информационной трактовки событий на Донбассе. В-четвертых, в начале интеграционного этапа Крымского полуострова создаются коммуникативные сети для трансляции необходимой тематики, в частности, обострения межэтнических проблем в Республике Крым и городе Севастополь, критики российской политики в Крыму, опасности и рисков политической, экономической, культурной и социальной интеграции Республики Крым и города Севастополя в российское общество⁵²⁵.

Цифровое исследование 2019-2020 годов состояло из двух этапов. На первом были проанализированы два временных периода – период политического кризиса на Украине, связанного с президентской кампанией марта 2019 года, и кризис первой волны пандемии Covid-19 в марте 2020 года. На втором этапе автором был осуществлен анализ медиа-ресурсов, ориентированных на крымский межэтнический дискурс в российских, украинских и крымских интернет-медиа в

⁵²⁴ Межнациональное и межрелигиозное согласие в студенческой среде Крыма и Севастополя: мониторинг и анализ уровня развития: коллективная монография / Мин-во науки и высшего образования Российской Федерации, Севастопольский гос. университет; отв. ред. О.В. Ярмак. – Севастополь: СевГУ, 2019. – 144 с. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42520704> (дата обращения: 07.02.2023).

⁵²⁵ Ярмак О.В., Цепкова А.С., Калининская И.Л. Украинские информационные потоки в крымском интернет-сегменте: анализ онлайн-контента и медиаповестки в течение 2014–2020 годов // Известия вузов. Северокавказский регион. Общественные науки, 2020, № 3, с. 36-45. Режим доступа: doi 10.18522/2687-0770-2020-3-36-44 (дата обращения: 07.02.2023).

течении 2019-2020 годов. Контент-анализ текстов Интернет-ресурсов позволил выявить 4 информационных потока межнационального медиадискурса, формируемого на полуострове как российскими федеральными, региональными, так и внешними, в том числе украинскими, акторами:

1. Поток, создающий негативные установки в отношении Крымского референдума с условным названием «"Не легитимность" Крымского референдума» (поток с наибольшим объемом – 314820 сообщения).

2. Поток «Внешний фактор», описывающий международное давление на Крымский полуостров (188392 сообщения).

3. Поток «Межнациональное единство», нацеленный на образование межнационального согласия и единства в Крыму (117011 сообщений).

4. Поток «Крым – территория межнационального конфликта», создающий негативные неконвенциональные установки в межнациональных коммуникациях внутри полуострова, с условным названием (88499 сообщения)⁵²⁶.

В информационном потоке «"Не легитимность" Крымского референдума» представлено несколько тематических направлений: 1) не признание представителями крымскотатарской группы легитимности Крымского референдума; 2) нарушение прав человека в Крыму со стороны России, которую представляют в виде «врага» и «агрессора»; 3) деятельность меджлиса (запрещённого в РФ) и его лидера Р. Чубарова. Данный поток формируется площадками как с российской геолокацией с аудиторией порядка 2 млрд. пользователей, так и из США (26,5 млн), Канады (3,6 млн), Литвы (615 тыс.), Украины (350 тыс.) в основном в сетевых ресурсах ВКонтакте (32%) и Одноклассники (17%), Facebook (принадлежит компании Meta – запрещенной в РФ) (24%) и Instagram (11%) (запрещен в РФ). Данный поток поддерживается внешними акторами, что подтверждается значительным присутствием в нём украинских групп – от сетевых (1k.com.ua, Крым Реалии (запрещен в РФ) до региональных (Чонгар-Чаплынка-Каланчак)). Авторы этого потока

⁵²⁶ Ярмак О. В., Большакова М. Г., Шкайдерова Т. В., Маранчак А. Г. Социальные парадоксы коммуникации в постконфликтных обществах // Вестник Института социологии. 2021. Том 12. № 1. С. 136–152. Режим доступа: doi: 10.19181/vis.2021.12.1.703; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=45609899> (дата обращения: 07.02.2023).

разновозрастные и высоко образованные (с высшим образованием более 70%), имеющие российскую и украинскую геолокации.

Информационный поток «Внешний фактор» сконцентрировал все дискурсы, связанные с влиянием на жизнедеятельность Крымского полуострова как со стороны США, Турции, Украины, так и международных организаций – ООН и ЮНЕСКО. Основная аудитория потока из России (аудитория порядка 1 млрд. пользователей), затем – Украины (около 177 млн). Основные площадки потока те же – ВКонтакте (32%) и Одноклассники (16,5%), Facebook (принадлежит компании Meta – запрещенной в РФ) (23%) и Instagram (9%) (запрещен в РФ). Медиаповестка внешнего давления на полуостров в основном формируется посредством сетевых ресурсов. Авторы, формирующие данный поток, – в основном люди зрелого возраста (40-60 лет – 39%, старше 60 лет – 30%), большей частью женщины (66%), с высшим образованием (70%), с небольшими персональными аудиториями (менее 100 подписчиков (30%), от 100 до 500 человек (38%)), что свидетельствует о том, что это, скорее всего, средний корреспондентский состав медиа- и Интернет-ресурсов, выполняющих текущую и системную журналистскую работу.

Информационный поток «Межнациональное единство» представляет медиаповоды, транслируемые федеральными и крымскими ресурсами, направленные на смягчение социокультурных и экономических последствий медийно сложных тем, в частности, депортации крымских татар. Поток транслирует установки о Крыме как о территории межнационального согласия, описывает социальные и экономические возможности в России для представителей различных этнических групп.

Информационный поток «Крым – территория межнационального конфликта» сформирован новыми дискурсами об отношениях между этническими группами, проживающими на полуострове – крымскими татарами и русскими, крымскими татарами и чеченцами, армянами и азербайджанцами. Этот поток сугубо российский с аудиторией около 1 млрд. пользователей социальных сетей

ВКонтакте и Facebook (принадлежит компании Meta – запрещенной в РФ), с доминированием внутренней российской медиаповестки⁵²⁷.

Результаты цифрового исследования 2019-2020 годов показали, что коммуникативные сети Крымского полуострова закончили свое формирование, в том числе благодаря внешнему влиянию (внешнему фактору, акторам, требованиям международного социально-медийного фона). К 2020 году – шестому году интеграции – структура интернет-коммуникаций, сложившаяся на Крымском полуострове, приобрела конфликтность и разновекторность.

Во-вторых, информационные потоки, формируемые внешними ресурсами, наиболее объемные и влиятельные, имеющие прокси-центры управления медиаповесткой (США, Украина) и разветвленную сеть⁵²⁸. Эти потоки направлены на делегитимизацию событий Крымской весны, Крымского референдума и отдельных событий из жизни людей на полуострове. Формируются извне посредством сетевых ресурсов, целенаправленно и системно работая на создание установок нескольких типов: 1) антироссийских – формирование образа врага-агрессора и нигилистического отношения к России, 2) русофобских – против всего русского вообще с созданием антиконсервативных смыслов, уходом от традиций и устоев, от семейных основ, патернализма, которые присущи российскому обществу, и 3) антипутинских – направленных на десекрализацию российского политического лидера.

В-третьих, начал создаваться и оформляться поток интегративной направленности – этноконфессионального согласия при активном участии российских федеральных акторов, стремящихся информационно, экономически и социально смягчить дезинтегрирующие аспекты межнациональных коммуникаций (в частности, медиатреки по депортации 1944 года) украинской медиаструктуры, создающей антироссийские и антикрымские установки.

⁵²⁷ Ярмак О. В., Большакова М. Г., Шкайдерова Т. В., Маранчак А. Г. Социальные парадоксы коммуникации в постконфликтных обществах // Вестник Института социологии. 2021. Том 12. № 1. С. 136–152. Режим доступа: doi: 10.19181/vis.2021.12.1.703; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=45609899> (дата обращения: 07.02.2023).

⁵²⁸ Ярмак О. В., Цепкова А. С., Лысенко Е. А. Динамика крымского дискурса в немецких онлайн-СМИ: анализ влияния украинского фактора // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. Научно-практический журнал. 2021, Том 11, № 1, с. 98-104. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=45642082> (дата обращения: 07.02.2023).

Проведенные цифровые исследования показали значимость использования метода социальной медиааналитики и метода анализа больших социальных данных в коммуникационной среде в связи с возрастающей ролью в современном мире сетевых коммуникаций, которые формируют новые смыслы в массовом сознании людей, трансформируя их ментальность, историческую память и цивилизационные основы.

Новые средства коммуникации формируют «гибридные» медиа, транслирующие демократические политические идеи, которые, по выражению М. Маклюэна, «очаровывают» своих пользователей, а в действительности навязывают им свои убеждения и ценности, формируя тот тип мышления и формат идей, которые необходимы новым – пришедшим с помощью революционного насилия – коммуникативно-политическим структурам^{529 530}. При этом само понятие «демократический», в основе которого изначально лежали идеи коллективного дискурса, равного участия, открытого принятия политических решений, теряет свою истинную сущность и сегодня приобретает вольную трактовку, в зависимости от интересов конкретных политических акторов. Такая ситуация формирует недемократические общества с двойными политическими стандартами, экономическими ограничениями, санкционностью в широком смысле – от политической и экономической до социокультурной и исторической, уходом от традиционных семейных и религиозных ценностей, искусственным навязыванием ультралиберальных смыслов – от феминизма до идеалов гендерной дезориентации. В результате такое ожидаемое политическое последствие демократии как коммуникационное изобилие приводит не к демократизации информации, а, наоборот, становится инструментом социальной

---

⁵²⁹ Ярмак О. В., Большакова М. Г., Шкайдерова Т. В., Маранчак А. Г. Социальные парадоксы коммуникации в постконфликтных обществах // Вестник Института социологии. 2021. Том 12. № 1. С. 136–152. Режим доступа: doi: 10.19181/vis.2021.12.1.703; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=45609899> (дата обращения: 07.02.2023).

⁵³⁰ Воронин Д. Ю., Кузнецов П. Н., Евстигнеев В. П., Ярмак О. В. Агентное моделирование динамики консолидации общества при использовании процедур киберметрии интернет-контента // Выпуск № 3, 2021 "Общество: социология, психология, педагогика" Режим доступа: <https://elib.pnzgu.ru/files/eb/image/S8PKnX8AOgt2.pdf> (дата обращения: 07.02.2023).

несвободы, который способствует помещению человека в систему заранее установленных паттернов⁵³¹.

Коммуникативный уровень интеграции Крымского полуострова неоднозначен и противоречив, находится под постоянным системным, структурным и функциональным внешним воздействием, особенно в настоящий момент с учетом проводимой специальной операции на Украине. Считаем, что в структуре коммуникативного пространства Крыма необходимо развивать интегративный дискурс. Однако в его основе должны быть не только информационные треки, формируемые внутри полуострова, но и федеральная повестка, имеющая интегративную роль в объединительных процессах крымской интернет-аудитории с Рунетом. Именно федеральные интегративные медиатреки могут создать единое смысловое поле интернет-сегментов новых регионов с российским интернет-пространством, что приведет впоследствии к ослаблению внешних интернет-акторов, системно формирующих антироссийские дискурсы.

§ 3.5. Инфраструктурная динамика Крыма в оценках его жителей как показатель инвайронментальной интеграции

Интеграция Республики Крым и города Севастополь в социально-экономическое пространство Российской Федерации является приоритетной задачей органов власти всех уровней, развития социальной сферы и доведения уровня жизни населения до среднероссийского уровня обозначено в качестве одной из целей ФЦП «Социально-экономическое развитие Республики Крым и г.

---

⁵³¹ Ярмак О. В., Большакова М. Г., Шкайдерова Т. В., Маранчак А. Г. Социальные парадоксы коммуникации в постконфликтных обществах // Вестник Института социологии. 2021. Том 12. № 1. С. 136–152. Режим доступа: doi: 10.19181/vis.2021.12.1.703; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=45609899> (дата обращения: 07.02.2023).

Севастополя до 2020 года» и в «Стратегии социально-экономического развития Республики Крым до 2030 года»⁵³².

Несмотря на пандемию коронавируса, проводимое СВО, финансирование крупных российских инфраструктурных проектов, направленные на инфраструктурное развитие Республики Крым и города Севастополь, не было остановлено. Это продиктовано необходимостью повышения показателей социально-экономического развития региона, изменения его логистических связей и безопасности – продовольственной, энергетической, транспортной, повышению качества и уровня жизни населения.

В связи с этим особую актуальность приобретает анализ показателей инвайронментальных эффектов интеграции – качества жизни людей, уровня социальной напряженности, движения миграционных потоков, оценки инфраструктурных изменений на полуострове, открывшихся социальных, профессиональных и образовательных возможностей. Значимость диагностики этих показателей и ключевых параметров инфраструктурной динамики Крыма в оценках его жителей отражают оценки социальных и экономических изменений в новых регионах.

Ожидаемыми результатами реализации федеральной целевой программы «Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя до 2020 года» стали формирование условий для обеспечения устойчивого экономического роста новых российских регионов, эффективное использование их туристско-рекреационного потенциала, доведение уровня жизни населения и развития экономики до среднероссийского, устранение диспропорции в региональном развитии, формирование сети автомобильных дорог и обеспечение транспортного и логистического сообщения с материковой частью Российской Федерации,

---

⁵³² Закон Республики Крым от 28 декабря 2016 года № «О стратегии социально-экономического развития Республики Крым до 2030 года» № 352 (Принят Государственным Советом Республики Крым) Режим доступа: <http://crimea.gov.ru/textdoc/ru/7/act/352z.pdf> (дата обращения: 07.02.2023).

гармонизация межнациональных отношений, устранение межэтнических конфликтов⁵³³.

На сегодняшний день решены 1) транспортно-логистическая проблема – осуществлен запуск автомобильной трассы «Таврида», автомобильное и железнодорожное движение по Крымскому мосту, открыт новый терминал международного аэропорта «Симферополь», что способствовало повышению пропускной способности полуострова и росту пассажиро- и грузопотока; 2) энергетическая проблема – запущены Симферопольская и Балаклавская ТЭЦ; 3) инфраструктурная проблема – осуществляется капитальный ремонт автомобильных дорог общего пользования Республики Крым и города Севастополь, введены объекты портовой инфраструктуры. Однако еще необходимо решение таких задач, как повышение инвестиционной привлекательности полуострова; повышение конкурентоспособности экономики; создание высокотехнологичных производств; повышение предпринимательской активности; формирование территориально-производственных кластеров; повышение уровня интеграции в экономику Российской Федерации⁵³⁴.

Поскольку Республика Крым и город федерального значения Севастополь являются новыми регионами Российской Федерации, для авторского исследовательского интереса особую важность имеют оценки изменений, произошедших на Крымском полуострове с 16 марта 2014 года по настоящее время. Респонденты оценивали эти изменения с помощью дифференцированного выбора вариантов утверждений (выбор оценок по шкале от «0» до «5» означал выбор утверждений, представленных слева, а выбор по шкале от «6» до «10» – предпочтение утверждений справа) (табл. 24). Оценивая региональные изменения на полуострове, крымчане и севастопольцы, в первую очередь, отметили повышение уровня безопасности, положительную динамику развития социальной

---

⁵³³ Федеральная целевая программа «Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя до 2020 года» // Комитет конкурентной политики Республики Крым. Режим доступа: http://kkr.rk.gov.ru/rus/file/pub/pub_246328.pdf (дата обращения: 07.02.2023).

⁵³⁴ Дерюгин П.П., Лебединцева Л.А., Ярмак О.В., И Ш., Камышина Е.А. Социальное самочувствие населения мегаполиса как интегральный показатель. Дискурс. 2020; 6(2):61-79. Режим доступа: doi.org/10.32603/2412-8562-2020-6-2-61-79 (дата обращения: 07.02.2023).

инфраструктуры, позитивные сдвиги в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений.

Инвайронментальный уровень интеграции, проявляющийся благодаря российскому государству в обеспечении безопасности, которая усилилась в течении интеграционного периода в 1,4 раза: 41% в среднем за три мониторинговых года считают, что порядка стало меньше, тогда как 59% респондентов заявили о повышении уровня безопасности.

Интересны оценки инфраструктурного переустройства полуострова. Если позитивно отмечают развитие социальной инфраструктуры, то экономический рост оценивается недостаточно. В течении шестилетнего интеграционного периода (до 2020 года) 56% опрошенных отметили динамическое развитие социальной инфраструктуры. А нестабильной крымскую экономику назвали 60% респондентов в среднем за три исследовательские волны.

Повышение уровня межнационального согласия отражается в оценках напряженности межнациональных отношений. Так, 45% респондентов к 2020 году – шестому интеграционному году – отметили их состояние как гармоничное по сравнению с 38% в 2017 году. Динамика позитивных оценок 2017-2020 годов составила 1,2 раза (табл. 24).

Таблица 24. Оценка изменений, которые произошли в Крыму с 16 марта 2014 года по настоящее время (в процентах к ответившим, 2017, 2018, 2020 гг.)

	Сумма значений выбранных ответов от «0» до «5» 2017/2018/2020 гг.	Сумма значений выбранных ответов от «6» до «10» 2017/2018/2020 гг.	
Порядка стало меньше, понижился уровень безопасности	28 / 36 / 59	72 / 64 / 40	Порядка стало больше, повысился уровень безопасности
Экономика Крыма стала менее стабильной	60 / 58 / 62	40 / 42 / 38	Экономика Крыма стала более стабильной
Социальная инфраструктура стала менее динамично развиваться	36 / 38 / 59	64 / 62 / 41	Социальная инфраструктура стала более динамично развиваться

Продолжение таблицы 24

Межнациональные и межконфессиональные отношения стали более напряженными и менее гармоничными	62 / 59 / 55	38 / 41 / 45	Межнациональные и межконфессиональные отношения стали менее напряженными и более гармоничными
---	--------------	--------------	---

Было важно понять не только оценку инфраструктурных и экономических изменений на полуострове, но и то, как они затронули людей, как люди оценивают события Крымской весны 2014 года. Было предложено оценить, как изменилось положение студенческой молодежи Крыма с 16 марта 2014 года по 2017, 2018 годы (табл. 25).

Таблица 25. Оценка изменения положения студенческой молодежи Крыма после 16 марта 2014 года по настоящее время (в процентах к ответившим, 2017 и 2018 гг.)

	Сумма значений выбранных ответов от «0» до «5» 2017/2018 гг.	Сумма значений выбранных ответов от «6» до «10» 2017/2018 гг.	
Стало меньше возможностей для поступления в российские вузы по всей стране	20,5 / 25	79,5 / 75	Расширились возможности поступления в российские вузы по всей стране
Понизилось качество образовательного процесса	37 / 36	63 / 64	Повысилось качество образовательного процесса
Уменьшилось социальное обеспечение студенчества	47 / 45	53 / 55	Увеличилось социальное обеспечение студенчества

Среди изменений, затронувших крымское и севастопольское студенчество, в первую очередь, было отмечено расширение образовательных возможностей поступления в российские вузы по всей стране. За два мониторинговых периода 77% опрошенной молодежи указали на расширение образовательных возможностей через поступление во все российские вузы, чего не наблюдалось в украинский период (согласно данным глубинных интервью).

— *Открылись ли какие-то перспективы после 2014 года?*

— *Теперь у нас есть возможность осваивать те 17 миллионов км², которые имеются на территории нашей безграничной Родины. Нам необходимо*

налаживать взаимодействие и коммуникацию с другими субъектами РФ и в этом отношении возможности существуют. Я предпочитаю придерживаться позиции «Где родился, там и пригодился». Что касается личного роста – предоставляется возможность участия в конкурсах, посещения семинаров.

Симферополь, 2017 г.

— *Как Вы лично восприняли воссоединение Крыма и России? Какое отношение к этому? Изменилась ли жизнь спустя 4 года?*

— *Я сам хотел принимать участие в этом, но я был слишком мал. Мне это было очень интересно. Я не был ярким сторонником Украины или России. Мне просто было интересно. Но со временем понял, что все хорошо. Жизнь естественно изменилась. Мы получили возможность больше себе позволять, вырос уровень жизни. Улучшается инфраструктура. Мне все это нравится. Были и ожидания: я очень хотел в армию, но не получилось поступить в Нахимовское училище, но не поступил... Открылась масса возможностей: путешествовать, учиться, работать в другом городе.*

Евпатория, 2017 г.

— *Как Вы лично восприняли воссоединение Крыма и России? Какое отношение к этому? Изменилась ли жизнь спустя 4 года?*

— *Я была рада этим событиям. Моя семья была очень рада. Жизнь стала другой: другая страна, законы. Мне кажется, у всех были опасения, чтобы не было войны. Открылись перспективы, например, при Украине я бы не поступила на бюджет.*

Евпатория, 2017 г.

— *Как Вы лично восприняли воссоединение Крыма и России? Какое отношение к этому? Изменилась ли жизнь спустя 4 года?*

— *Можно сказать, положительно. Особых опасений не было, новое всегда неизвестно. Открылись возможности – могу учиться в других городах России – это не маленькая возможность для человека.*

Евпатория, 2017 г.

— Как Вы лично восприняли воссоединение Крыма и России? Какое отношение к этому? Изменилась ли жизнь спустя 4 года?

— Я была рада очень. Например, образование в Украине было не очень. Особых каких-то ожиданий не было, но вот были опасения, что у нас тоже начнется война и придется бежать, но слава Богу это не оправдалось. Открылось много перспектив в плане образования, можно было поступать в вузы не по ЕГЭ. Я бы хотела переехать на материк, возможно, работать.

Симферополь, 2017 г.

— Скажите, пожалуйста, какие-то дополнительные возможности открылись перед Вами в связи с воссоединением? Или, может быть, какие-то перспективы, на которые Вы рассчитывали, наоборот, закрылись?

— На самом деле открылись перспективы более легкого переезда в Россию, и, соответственно, затруднились переезды в Украину. Я хотел поехать в Россию еще при Украине учиться в Краснодар в военное, и были определенные проблемы: нельзя было из Украины поехать в Россию учиться в военное, что вполне логично. А сейчас я могу себе это позволить.

Симферополь, 2018 г.

63% опрошенных заявило о повышении качества образовательного процесса, а больше половины (54%) респондентов сказали об увеличении социального обеспечения студенчества. В оценках личных изменений с 16 марта 2014 года по 2017 и 2018 годы студенты отмечали открытие новых возможностей в различных сферах – от образовательных до социокультурных: «есть возможность бесплатного поступления в вуз на материк», «возможность объездить всю страну и можно активно проявлять себя в Российских студенческих отрядах», «возможность получения перспективного образования». Во-вторых, молодежь указывала на перспективность нового юридического статуса российского гражданина и новых открывшихся условий жизни после воссоединения Республики Крым и города Севастополь с Россией.

— Как ты лично воспринял воссоединение Крыма и России? Какое отношение к этому? Изменилась ли жизнь спустя 4 года?

— Это было шикарно, вся моя семья проголосовала за присоединение к России. Очень было радостно. Мое отношение к событиям не поменялось. Это то, на что я надеялся, но не ждал. И вот я могу получить российский паспорт. Даже санкции не так страшны. Жизнь изменилась, я стал русским. Стало больше возможностей видаться с родственниками. Передо мной весь материк, вся Россия, я был в Москве, Питере... очень хорошо, что есть много возможностей для крымских абитуриентов.

Севастополь, 2017 г.

— Как Вы отнеслись к событиям 2014-го года?

— В моей семье все были «за», все с радостью побежали: ура, наконец-то «Родина».

— Все ли ожидания, которые возлагались тогда, в 2014-м году, сбылись?

— Мне кажется, что не все. ... я не могу здесь точно сказать, я еще толком не вступила в статус «гражданки Российской Федерации». Родители довольны, что вернулись как бы домой: они же были в СССР.

— Как Вы считаете, для Вас лично какие-то перспективы после вхождения Крыма в состав России открылись?

— Мне кажется, что «да». Для крымчан же было много привилегий.

Керчь, 2018 г.

— Жизнь каким-то образом изменилась в связи с событиями 14-го года?

— Для меня открылись огромные возможности, потому что на данный момент я являюсь помощником депутата городского совета, руководителем «Молодой гвардии «Единой России»". Сейчас еду в Госсовет с депутатом Госсовета на встречу. Поэтому - да, очень даже. В России намного более развита молодёжная политика, чем в Украине. При Украине я участвовал в нескольких молодёжных организациях, там далеко не было такого финансирования и уровня организации, как при России.

Ялта, 2018 г.

В-третьих, были получены оценки экономических трансформаций, которые были неравными. Самым популярным экономическим изменением, о котором

говорили опрошенные, – это смена валюты – гривны на рубль. Данный финансовый переход обусловил ценовой рост по сравнению с украинским периодом при недостаточном размере заработных плат на момент 2014-2015 годов. Среди изменений, затронувших крымские семьи, на первый план вышли связанные с доходами и финансами: при этом они были как положительные («доходы выросли»), так и наоборот («потеря работы», «стала ниже заработная плата» и т.д.).

В-четвертых, были зафиксированы и мировоззренческие изменения, выражающиеся в «соотнесимости себя с великой страной», трансформации «взгляда на мир» в «отсутствии навязывания украинских ценностей», «отсутствии войны», при «росте патриотизма и чувства защищенности».

В-пятых, отмечается разрыв личностных и родственных связей с находящимися на Украине друзьями, знакомыми и представителями семьи. Была выявлена проблема, связанная с коммуникацией с частью семьи на Украине: здесь респонденты говорили и о наличии «ссор в семье на политической почве», «сложностях при общении с родными и друзьями из Украины», об отсутствии «возможности встретиться с родственниками из Украины», о «разрыве контактов с родственниками и друзьями из Украины», «невозможности выехать из Крыма на Украину».

Данный разрыв фиксируется с 2017 года и в настоящий момент он приобрел форму цивилизационного разлома ментального, национального и религиозного свойства. Наиболее сложным в этом созданном цивилизационном разломе является то, что эта линия проходит в личном, референтном пространствах и в семье. Эти линии будут иметь серьезные последствия в виде поколенческих разломов, утраты поколенческих связей и разрыва исторической, ментальной, культурной памяти.

— *Как Вы лично восприняли воссоединение Крыма и России? Какое отношение к этому? Изменилась ли жизнь спустя 4 года?*

— *Сложно. Я украинка, люблю традиции, культуру украинскую. Но той Украины уже нет. У меня много родственников живут в Украине. Но тогда, в*

2014, воссоединение — был самый лучший вариант. Была бы война, не уверена, что мы смогли бы защитить себя.

Севастополь, 2017 г.

Украинская тема зафиксирована не только в оценках личных изменений, но и в обсуждении в окружающем сообществе (среди друзей и знакомых опрошенных): сложности общения с друзьями из Украины из-за конфликтов и противоположных точек зрения на политические темы, из-за невозможности пересечения границы Украины и российского Крыма.

Фактор открывшихся профессиональных и статусных возможностей и эффективной работы социальных и образовательных лифтов получил значимое место как среди личных оценок, так и оценок референтных сообществ. В выделенных национальных группах оценки изменений, затронувших крымское и севастопольское студенчество, показали такие тенденции. Об образовательных возможностях при поступлении в российские вузы говорили все представители этнических групп – и русские, и украинцы, и крымские татары. Повышение качества образовательного процесса в большей степени отметили русские и украинцы. Почти половина опрошенных крымских татар считают, что качество образования оставляет желать лучшего (43%). Улучшение социального обеспечения студентов отметили 74% респондентов крымскотатарской национальности, 57% опрошенных русских. Украинская группа хуже оценила социальную обеспеченность по сравнению с крымскотатарским и русским студенчеством: 59% не удовлетворены уровнем социального обеспечения (табл. 26).

Таблица 26. Оценка изменений положения студенческой молодежи Крыма после 16 марта 2014 года по настоящее время (распределение по национальному признаку, в процентах к ответившим, 2017 и 2018 гг.)

	сумма значений выбранных ответов от «0» до «5»	сумма значений выбранных ответов от «6» до «10»
	Стало меньше возможностей для поступления в российские вузы по всей стране, 2017 / 2018	Расширились возможности поступления в российские вузы по всей стране, 2017 / 2018
Русские	23 / 23	77 / 77
Украинцы	18,5 / 37	81,5 / 64

Продолжение таблицы 26

Крымские татары	9 / 29	91 / 71
	Понизилось качество образовательного процесса, 2017 / 2018	Повысилось качество образовательного процесса, 2017 / 2018
Русские	32 / 32	68 / 68
Украинцы	35 / 49	65 / 52
Крымские татары	43 / 56	57 / 44
	Уменьшилось социальное обеспечение студенчества, 2017 / 2018	Увеличилось социальное обеспечение студенчества 2017 / 2018
Русские	43 / 44	57 / 56
Украинцы	63 / 55	37 / 44
Крымские татары	26 / 44	74 / 56

Считаем, что оценка социальной обеспеченности особо значима как показатель инвайронментальных эффектов интеграции. И, если фиксируется тенденция неудовлетворенности социальным обеспечением, то она будет оказывать влияние на ряд показателей, формирующих позитивный образ страны. В нашем случае значимым моментом является то, что недостаточно социально обеспеченными ощущают себя молодые люди, относящие себя к украинцам. Хотя позитивная динамика по увеличению социальной поддержки наблюдается (в 2018 году – 44% по сравнению с 2017 годом – 37%). Надо отметить, что об уменьшении социальной помощи заявили крымскотатарские студенты в 2018 году и доля таких за период 2017-2018 годы выросла в 2 раза.

Для автора было важно понять не только оценки социальных, образовательных, экономических, инфраструктурных изменений на полуострове, но и то, как эти изменения затронули людей, как они оценивает ход интеграции в свете инфраструктурной динамики регионов. Респонденты говорили о разном: конечно, об инфраструктурных изменениях во всех сферах, о действии санкций, о невозможности выезда за границу, о сложных отношениях в семьях с родственниками из Украины, о воссоединении с частью семьи из России, о дороговизне продуктов и медицинских услуг, о снижении доходов; а также о смене страны, «не вставая с дивана». Но эти, на первый взгляд, разносторонние оценки свидетельствуют о самом главном – о «системных изменениях в Крыму в

лучшую сторону», об открывшихся перспективных возможностях для молодёжи – образовательного характера (поступление в российские вузы на бюджетные места), для населения в целом – получение доходов большего размера и более оплачиваемой работы в регионах материковой части России.

Было интересно понять, сколько в Республике Крым и городе Севастополь проживает активной молодёжи, то есть того человеческого капитала, на котором будет строиться будущее новых регионов и страны в целом. Так, доля молодежи, считающей себя активными гражданами, в 2017 году – 8,5%, в 2018 году – 9%. Но потенциал активизма в крымской и севастопольской молодежной среде высок. Желających принимать участие в социальных проектах оказалась более половины как в 2017, так и в 2018 году (рис. 18).

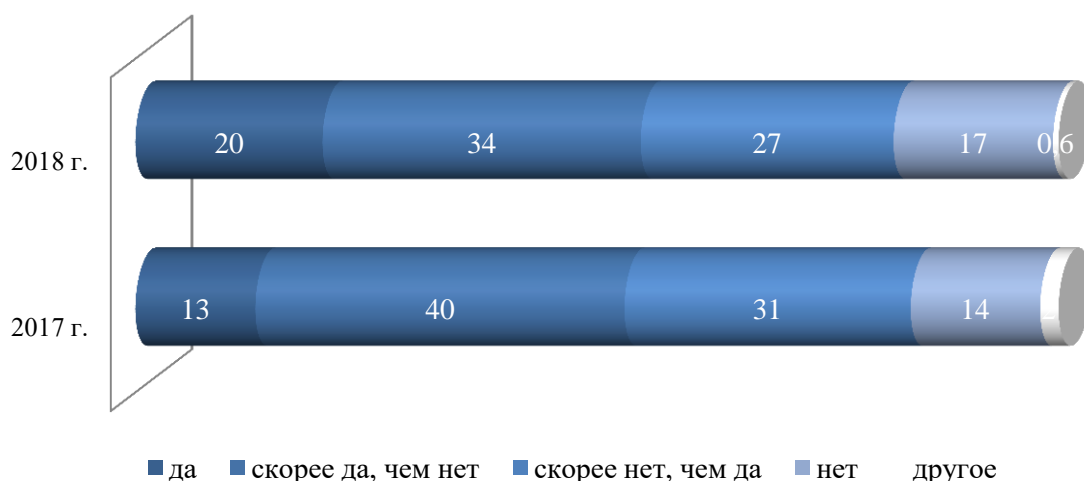

Рисунок 18. Хотели бы Вы в свободное время участвовать в реализации социальных проектов? (в процентах к числу ответивших, 2017 и 2018 гг.)

Среди тех, кто готов к волонтерству и участию в социальных проектах, половина хотели бы заниматься проектами, ориентированными на помощь животным, на поддержку детям-сиротам, треть готова заниматься природоохранной деятельностью и помощью людям с ограниченными возможностями здоровья, участвовать в политической деятельности (рис. 19).

Рисунок 19. Готовность принимать участие в социальных и других проектах (в процентах к числу ответивших, 2017 и 2018 гг.)

Наблюдается небольшой рост участия в волонтерской и благотворительной деятельности, в экологических акциях в молодежной среде. Те, кто имели опыт участия в таких гражданских активностях, выросли с 2017 по 2018 годы в среднем до 5% (табл. 27).

Таблица 27. Участие в волонтерской, благотворительной деятельности, экологических акциях (в процентах к ответившим, 2017 и 2018 гг.)

	участие в волонтерской деятельности		участие в благотворительной деятельности		участие в экологических акциях	
	2017 г.	2018 г.	2017 г.	2018 г.	2017 г.	2018 г.
Да, и это опыт полученный, прежде всего, благодаря усилиям моих родителей/родственников	11,5	20,6	20,4	25,9	10,1	15
Да, и это опыт полученный, прежде всего, благодаря усилиям моих преподавателей	16,4	20,2	10,5	15,5	19,1	22,1
Да, и это опыт полученный, прежде всего, благодаря усилиям моих друзей	22,7	21,1	20,7	19	19	18
Нет, я ничего не знаю о таких мероприятиях	11,2	9	14,9	11	19,2	16

Продолжение таблицы 27

Нет, у меня нет на это свободного времени	18,7	16,2	13,3	14,3	14,7	17,7
Нет, не думаю, что такой опыт мне необходим	19,3	12,7	19,9	14	17,7	11

В мероприятиях, направленных на сохранение исторической памяти, в ходе реализации интеграционных практик участие молодежи возросло. Так, в мемориальных мероприятиях, связанных с военным прошлым России, в 2017 году приняли участие 48% опрошенной молодежи, а в 2018 году – уже 73%. Принимали участие во встречах с ветеранами войн, героями, выдающимися людьми России в 2017 и 2018 годах более 80% молодых людей. Посещали знаковые места истории и современности России порядка 73-75% опрошенной молодежи (табл. 28).

Таблица 28. Участие в исторических мероприятиях, экскурсиях по знаковым для истории и современности России местам, во встречах с ветеранами войн (в процентах к ответившим, 2017 и 2018 гг.)

	Участие в мемориальных мероприятиях, связанных с военным прошлым России		Участие в экскурсиях по знаковым для истории и современности России местам		Участие во встречах с ветеранами войн, героями, выдающимися людьми России	
	2017 г.	2018 г.	2017 г.	2018 г.	2017 г.	2018 г.
Да, и это опыт полученный, прежде всего, благодаря усилиям моих родителей/родственников	2,4	24,6	31,3	31,9	22,9	23,5
Да, и это опыт полученный, прежде всего, благодаря усилиям моих преподавателей	28,8	33,1	28,2	31,1	42	45,9
Да, и это опыт полученный, прежде всего, благодаря усилиям моих друзей	16,9	15,1	15	10,6	15,4	12,7
Нет, я ничего не знаю о таких мероприятиях	9,9	7,4	4,6	5,8	7,7	5,1
Нет, у меня нет на это свободного времени	9,9	10,2	12,5	13,4	4,8	5,8
Нет, не думаю, что такой опыт мне необходим	12,8	9,4	8,1	6,9	6,8	6,8

Участие в профильных сменах, слетах, фестивалях школьного актива приняли порядка 50% респондентов в 2017 году и 58% – в 2018 году. В мероприятиях, связанных с поддержанием мира между народами России, направленных на устойчивость межнационального и межконфессионального согласия, принимали треть (31%) в 2017 году и почти половина (45%) – в 2018 году. В мероприятиях, посвященных воссоединению России и Крыма, по сути, являющимися интеграционными практиками, принимали участие половина опрошенных (48%) в 2017 году и почти 60% - в 2018 году (табл. 29).

Таблица 29. Участие в мероприятиях, связанных с поддержанием мира и согласия между народами России, в мероприятиях, посвященных воссоединению России и Крыма (в процентах к ответившим, 2017 и 2018 гг.)

	Участие в профильных сменах, слетах, фестивалях школьного актива		Участие в мероприятиях, связанных с поддержанием мира и согласия между народами России		Участие в мероприятиях, посвященных воссоединению России и Крыма	
	2017 г.	2018 г.	2017 г.	2018 г.	2017 г.	2018 г.
Да, и это опыт полученный, прежде всего, благодаря усилиям моих родителей/родственников	7,6	13,9	11,4	14,3	20	25,2
Да, и это опыт полученный, прежде всего, благодаря усилиям моих преподавателей	32,9	31,3	13,5	21,8	14,1	23,9
Да, и это опыт полученный, прежде всего, благодаря усилиям моих друзей	5,1	13,2	6,7	8,8	14,8	10,6
Нет, я ничего не знаю о таких мероприятиях	16,2	11,6	26,8	21,4	19,4	11,5
Нет, у меня нет на это свободного времени	14,4	14,4	17,6	16,1	9,3	11,2
Нет, не думаю, что такой опыт мне необходим	23,6	15,3	23,6	17,3	22,1	17,3

Оценивая приоритетные задачи, стоящие перед Крымом, крымские и севастопольские студенты на четвертом году интеграции затрагивали проблему повышения уровня качества жизни населения (73%). Во вторую по значимости группу задач можно отнести решения инфраструктурных вопросов (58%) и транспортного сообщения с материком (53%). Привлечение инвестиций на

полуостров считают важным 39% респондентов, а развитие бизнеса – 26% (рис. 20).

Рисунок 20. Оценка приоритетных задач, стоящих перед Крымом
(в процентах к числу ответивших, 2017 и 2018 гг.)

Анализируя ответы на проективные ситуации, студентам был задан вопрос «какие решения для развития своего города или поселка Вы бы приняли в первую очередь?». Большинство ответило, что это были бы инфраструктурные решения: ремонт дорог и прокладка новых, решение транспортных проблем внутри полуострова и вовне, газовое обеспечение сел и поселков Крыма, ремонт объектов социальной сферы (больниц, школ, детских садов и вузов), реконструкция парковых и зеленых зон. Второе направление задач касалось бы повышения материального уровня жителей Крыма и Севастополя: с одной стороны, повышения их заработных плат и доходов, с другой, снижения уровня цен.

— Как в целом, на твой взгляд, можно охарактеризовать положение дел в Крыму, в Севастополе? Какие сферы ты считаешь наиболее успешными, а какие проблемными?

— В Крыму все хорошо, у нас начало развиваться все: строительство, города, дороги. Видно, что в Крым вкладываются деньги. Строят много развивающих центров, реконструируются парки. Пока прошло мало времени,

поэтому судить о том, что что-то плохо идет я не могу, возможно просто еще не все закончено и все еще впереди. Меня в принципе все устраивает!

Севастополь, 2018 г.

— *Какие отрасли считаете наиболее успешными, а какие более проблемными?*

— *Проблемные, например, логистическая отрасль. Мы видим, что сейчас строятся дороги, построился уже мост... Это то, что нужно делать. По крайней мере, мы видим, что над этим работают, это то, что на виду.*

Керчь, 2018 г.

— *В чем Вы видите успехи в развитии Крыма?*

— *В инфраструктуре. Дороги строятся. Стараются все-таки повысить качество образования. Все очень поменялось даже в школах. Я застала момент, когда я еще училась при Украине в школе, и застала момент, когда мы вступили в Россию. Сравнивала с олимпиадами. Те олимпиады, которые мы писали при Украине, они намного были проще, то есть их все почти могли написать, даже те, которые районные, областные, а те, которые при России там, во-первых, объем уже намного изменился, то есть более развернутые ответы требовали.*

Ялта, 2018 г.

— *Как Вы думаете, есть сегодня в Крыму какие-то успешные отрасли, что развивается динамично?*

— *Вот ремонтируется все в городе, вот это, мне кажется, изменилось, стали уделять этому много внимания, стало заметно, что что-то делается.*

Евпатория, 2018 г.

Спустя шесть лет интеграционного процесса повышение уровня качества жизни населения остается важным для 40% опрошенных. В студенческой среде повышение уровня жизни важно в большей степени для русских и украинских студентов, а вот остроту экономических задач по развитию бизнеса, предпринимательства и инвестиций в большей степени ощущают студенты крымскотатарской национальности (табл. 30).

Таблица 30. Оценка приоритетных задач, стоящих перед Крымом (распределение по национальному признаку, в % к ответившим, 2020 г.)

	Решение инфраструктурных проблем	Повышение уровня жизни населения	Привлечение инвестиций	Развитие бизнеса	Решение проблем транспортного сообщения с материком
Русские	28,8	41,4	15,7	9,4	4,7
Украинцы	28,4	42,8	13,9	9,9	5,1
Крымские татары	22,2	38,3	17,3	14,8	7,4

Необходимость решения инфраструктурных вопросов отметили треть респондентов, но инфраструктурный фактор в 2 раза снизил свою значимость с 2018 по 2020 годы. Интересная динамика обнаружена в решении транспортного сообщения с материковой частью России. Если в 2018 году половина опрошенных заявляли о транспортной проблеме, то через два года их осталось лишь 5%. Это результат запуска международного аэропорта «Симферополь», автобана «Таврида», конечно, запуска железнодорожного и автомобильного сообщения по Крымскому мосту.

Экономические задачи по повышению бизнес- и инвестиционной привлекательности за два года с 2018 по 2020 годы также утратили значимость: острота инвестиционной привлекательности снизилась в 2,5 раза, а развитие бизнеса – в 1,6 раз (рис. 21).

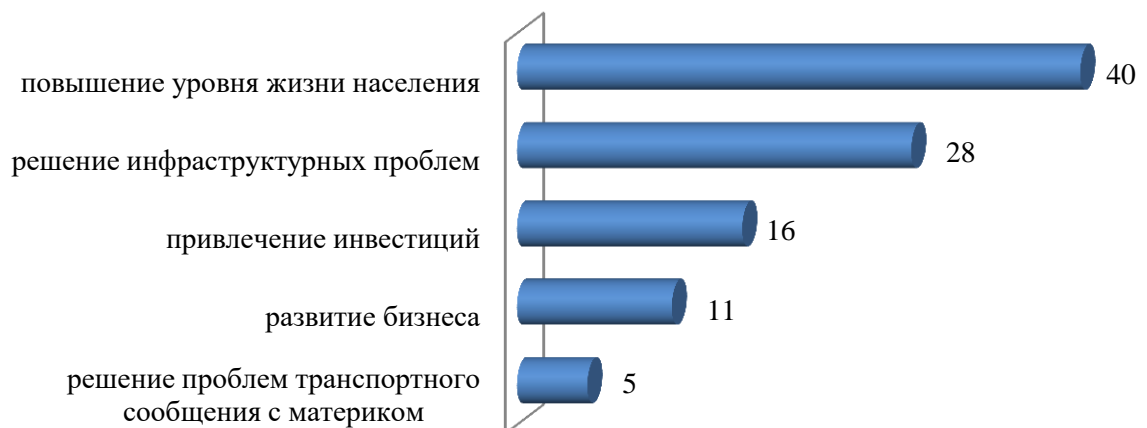

Рисунок 21. Оценка приоритетных задач, стоящих перед Крымом (в процентах к числу ответивших, 2020 г.)

С одной стороны, полученная динамика актуальности решения экономических задач имеет, несомненно, позитивную направленность. Но, с другой стороны, то, что задачи по экономическому развитию полуострова остаются актуальными для четверти опрошенного населения, свидетельствует о влиянии санкционного фактора, воздействии осуществленных блокад со стороны Украины, что привело в итоге к неполной экономической интеграции Республики Крым и города Севастополь.

Полученные оценки жителей полуострова показали, что, в первую очередь, требуется решение социально-экономических проблем: повышение доходов населения, качества медицинских услуг, оказание помощи пенсионерам, снижение цен на продукты потребительской корзины. И только затем респонденты говорили об инфраструктурных проблемах крымских городов. На момент проведения замера (2017 и 2018 гг.) лидировала уже решенная проблема водоснабжения полуострова. Актуальными были транспортная проблема внутри полуострова, утилизация мусора, ремонта объектов социальной сферы (школ, больниц и детских садов). Среди новых проблем, указанных жителями полуострова, оказалась кадровая: присутствует определенная степень раздражения по поводу привлечения чиновников в органы власти из других российских регионов и невозможности работать во властных структурах уроженцам Крыма.

Важным компонентом реализации региональной инфраструктурной и экономической трансформации является то, видят ли люди себя в этом регионе, связывает ли они свою жизнь с местом, где родились, выросли и получили образование? Этот показатель значим как с точки зрения перспективного развития Крымского полуострова, так и в ракурсе его интеграции в экономическое и социальное российское пространство⁵³⁵.

Так, половина опрошенного крымского студенчества (45%) географически связывают свою личную и профессиональную траекторию жизни с полуостровом.

---

⁵³⁵ Дерюгин П.П., Ярмак О.В., Страшко Е.В., Ярмак В.Е. Астраханцева Е.А. Влияние миграционных процессов на формирование человеческого потенциала и капитала Севастополя // RUSSIAN JOURNAL OF MANAGEMENT. Т. 9, № 2. 2021. Стр. 151-155. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46499089> (дата обращения: 07.02.2023).

Треть видит себя в ближайшие пять лет на материковой России – либо в Москве (19%), либо в других российских городах (21%). Пятая часть (19%) хотели бы уехать за границу (рис. 22).

Рисунок 22. Пятилетняя стратегия географического видения себя
(в процентах к числу ответивших, 2017 и 2018 гг.)

Полученные данные в целом свидетельствуют о позитивной тенденции: количество желающих остаться жить и работать в Крыму постоянное. Но это половина молодежи. Вторая половина не видит себя в Крыму и стремится его покинуть.

По результатам 2020 года, оказалось, что треть опрошенных готовы связать свою личную жизнь с полуостровом, 15% стремятся уехать на материковую часть России и 8% – за границу. При этом практически половина (41%) респондентов не смогли определиться с решением, будут ли они оставаться в Крыму или будут уезжать (рис. 23).

Рисунок 23. Пятилетняя стратегия географического видения себя
(в процентах к числу ответивших, 2020 г.)

Таким образом, за два года – с 2018 по 2020 годы – количество желающих остаться в Крыму снизилось. Мигрировать крымчане собираются в российские регионы. Количество тех, кто хочет уехать за границу, остается неизменным на протяжении исследуемого периода – до 10%.

Однако есть достаточно большая часть населения (40%), которая затруднилась в определении личностной стратегии – они не понимают, будут ли они оставаться на полуострове или будут уезжать. Конечно, нужно учитывать субъективность личностной ситуации, в которой находится человек в момент интервью, что и влияет на его ответ. Но в данном случае полученный показатель неопределившихся настолько высок, что позволяет автору предположить, что он также является следствием неполной экономической интеграции крымской и севастопольской экономик и бизнес-сред в российские экономическое, финансовое и предпринимательское пространства.

В большей степени хотят остаться в Крыму представители крымскотатарской группы (59% за три года исследований). За рубеж хочет уехать скорее украинская молодежь, чем взрослые представители украинской группы. На протяжении трех лет мониторинга зафиксировано, что в Москву хотят уехать представители русской и крымскотатарской групп. Причем если стремятся

попасть в столицу крымские татары, а крымскотатарская молодёжь – в российские регионы (табл. 31).

Таблица 31. Где (географически) Вы видите себя в ближайшие 5-6 лет? (распределение по национальному признаку, в процентах к ответившим, 2017, 2018, 2020 гг.)

	В Крыму	В столице России	В каких-либо крупных и экономически развитых городах России	За рубежом
Исследовательские волны, гг.	2017 / 2018 / 2020	2017 / 2018 / 2020	2017 / 2018 / 2020	2017 / 2018 / 2020
Русские	47 / 45 / 62	12 / 12 / 10	26 / 20 / 15	13 / 18 / 13
Украинцы	50 / 34 / 59	5 / 3 / 8	29 / 19 / 16	17 / 39 / 17
Крымские татары	52 / 63 / 62	0 / 3 / 18	11 / 14 / 18	37 / 12 / 3

Анализ полученных данных выявил факторы, способствующие или препятствующие достижению интеграции. В первую очередь, инвайронментальные эффекты интеграции в полной мере оказались достижимыми за счет эффективной работы социальных лифтов, повышения социальной обеспеченности и стратегического осознания своего места на полуострове.

Зафиксированные тенденции в группе украинской молодёжи о недостаточности социального обеспечения, стремлении уехать за рубеж свидетельствуют о необходимости осуществления отдельной информационной и просветительской работы с этой молодежной группой, а также обращения внимания на решение ее экономических и социальных проблем, связанных с реализацией интеграционных практик вхождения в социальное, экономическое и правовое российское пространство.

Миграционная готовность представителей крымскотатарской группы переехать в столицу и другие российские регионы из Крыма, являющегося для них «коренной» территорией, свидетельствует, с одной стороны, о трансформации этнической принадлежности данной национальной группы, с другой – о стремлении реализовать вне Крыма, в-третьих, о высоком интеграционном потенциале крымскотатарского населения. Скорее всего, этот процесс будет более явно виден спустя несколько поколений, когда в полной мере

будут реализованы открывшиеся социальные, экономические и образовательные возможности в Республике Крым и городе Севастополь.

§ 3.6. Образ России у жителей Республики Крым и города Севастополь в свете новых возможностей системы российского общества

Исследование образа России в сознании жителей Республики Крым и города Севастополь является крайне актуальным в связи с интеграционными процессами, происходящими на полуострове. Данная тема имеет особую значимость, поскольку формирование существующего образа России у крымчан и севастопольцев происходило в различных общественных средах. Если люди более старшего возраста еще опираются на опыт советского периода, то у молодежи существующий образ России формировался в различных социальной и культурных средах, а нередко с созданием противоречивых социальных установок.

Результаты осуществленного мониторингового социологического исследования позволили проиллюстрировать процесс формирования образа страны у крымского населения, а также описать факторы, влияющие на этот процесс. В частности, было определено воздействие понимания геополитического статуса современного российского государства, имеющихся экономических проблем в Республике Крым и городе федерального значения Севастополь, уровня политической напряженности на полуострове, общей социокультурной среды на формирование интегрального образа России как у современной крымской молодёжи, так и у всего населения полуострова в целом.

Формирование позитивного образа России у крымской молодежи имеет интегрирующее значение, это та мягкая сила, воздействие и мощь которой обладают огромным социальным потенциалом. От того, какой образ государства, региона и города заложен в сознании людей, зависит их система смыслов и

ценностей, отношение к себе и своему поколению. Те составляющие образа страны, которые человек считает для себя значимыми, определяют уровень успешности решения множества тесно взаимосвязанных в реальной жизни политических, экономических, культурных, национальных и иных вопросов уже сегодня и тем более – в перспективе.

Процесс формирования образа Российской Федерации в сознании населения Крымского полуострова находится в активной стадии, поскольку происходящие коммуникативные процессы, такие, как информационные войны, создание негативных стереотипов о России и русских, информационная политика «стирания» российской истории и достижения Российской империи и СССР оказывают непосредственное влияние на восприятие своего государства.

Образ страны – это системное понятие, транслирующее смысловые ценности, определяющие понимание статуса и его роли на геополитической арене. В связи с этим, крайне важно определить, какие именно составляющие являются особенностями формируемого образа. Важно то, что образ государства необходимо рассматривать с позиции преобладающих на сегодняшний день интересов его граждан, а также в контексте социокультурной среды, межнационального согласия, нравственно-духовного потенциала общества. Современные коммуникативные сети, социальные медиа, так или иначе, влияют на формирование структурных компонент образа государства.

По данным 2017 и 2018 годов оказалось, что большинство опрошенной молодежи (67%) считают Россию мировой державой, решения и действия которой оказывают глобальное влияние на мир. Пятая часть респондентов (20%) определяют геополитический статус нашей страны как лидера Евразийского пространства, инициатора международных интеграционных процессов в Евразии. И 13% считают Россию региональной державой, ориентированной на постсоветское пространство и не способной оказывать глобальное геополитическое воздействие. Необходимо отметить наличие небольшого роста молодежи, воспринимающей нашу страну как региональную державу, не имеющую реального геополитического значения (в 2018 году – 17%, в 2017 –

13%). И, соответственно, уменьшения количества тех, кто считает Россию мировой державой (в 2018 году – 63%, в 2017 – 67%) (рис. 24)⁵³⁶.

Рисунок 24. Определение геополитического статуса современной России
(в процентах к числу ответивших, 2017 и 2018 гг.)

Оценка геополитического статуса России в национальных группах показала, что представители всех выделенных групп воспринимают Россию как мировую державу, однако русские (65%) и крымские татары (63%) в большей степени, чем украинцы (59%). Как лидера Евразийского пространства Россию воспринимает крымскотатарская и русская молодежь. Россию назвали региональной державой, ориентированной на постсоветское пространство и не способной оказывать глобальное воздействие на мир, треть опрошенных украинцев. Полученные данные подтверждают осуществляемое переформатирование молодежного сознания, основ исторической памяти, единого цивилизационного базиса с Россией, происходившего в украинском общественном и политическом пространствах (табл. 32).

⁵³⁶ Ярмак О.В., Канах А.М., Архипенко В.Е. Образ России в сознании молодежи Крыма и Севастополя: результаты социологического исследования // Дискурс: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет ЛЭТИ им. В.И. Ульянова (Ленина), 2018. № 6, с. 71-79. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36795785> (дата обращения: 07.02.2023).

Таблица 32. Как бы Вы определили геополитический статус современной России? (распределение в национальных группах, в процентах к числу ответивших, 2017 и 2018 гг.)

	Мировая держава, решения и действия которой оказывают глобальное влияние на мир		Лидер Евразийского пространства, инициатор международных интеграционных процессов в Евразии		Региональная держава, ориентированная на постсоветское пространство и не способная оказывать глобальное воздействие на мир	
	2017	2018	2017	2018	2017	2018
Русские	68	63	19	21	13	15
Украинцы	61	57	4	19	35	23
Крымские татары	72	54	21	20	7	23

Данные 2020 года показали, что половина респондентов считают Россию мировой державой, решения и действия которой оказывают глобальное влияние на мир. 34% определяют геополитический статус нашей страны как лидера Евразийского пространства, инициатора международных интеграционных процессов в Евразии. И 18% опрошенных считают Россию региональной державой, ориентированной на постсоветское пространство и не способной оказывать глобальное воздействие (рис. 25)⁵³⁷.

В национальных группах оценки геополитического статуса России распределились следующим образом. Оценивают Россию как постсоветскую наследницу с ориентацией на страны СНГ и не способностью оказывать глобальное воздействие на мир четвертая часть крымскотатарской группы. Россия как евразийский лидер превалирует в представлениях русских и украинцев (рис. 26)⁵³⁸.

⁵³⁷ Ярмак О.В., Шкайдерова Т.В., Маранчак А.Г., Цепкова А.С. Образ России в сознании жителей Республики Крым и Севастополя // Управление региональными конфликтами в условиях цифровизации современного общества: методология и практики реализации/ под ред. Н.А. Шибановой. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2021. – 669 с., с. 655-669. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=4559613> (дата обращения: 07.02.2023).

⁵³⁸ Ярмак О.В., Шкайдерова Т.В., Маранчак А.Г., Цепкова А.С. Образ России в сознании жителей Республики Крым и Севастополя // Управление региональными конфликтами в условиях цифровизации современного общества: методология и практики реализации/ под ред. Н.А. Шибановой. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2021. – 669 с., с. 655-669. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=4559613> (дата обращения: 07.02.2023).

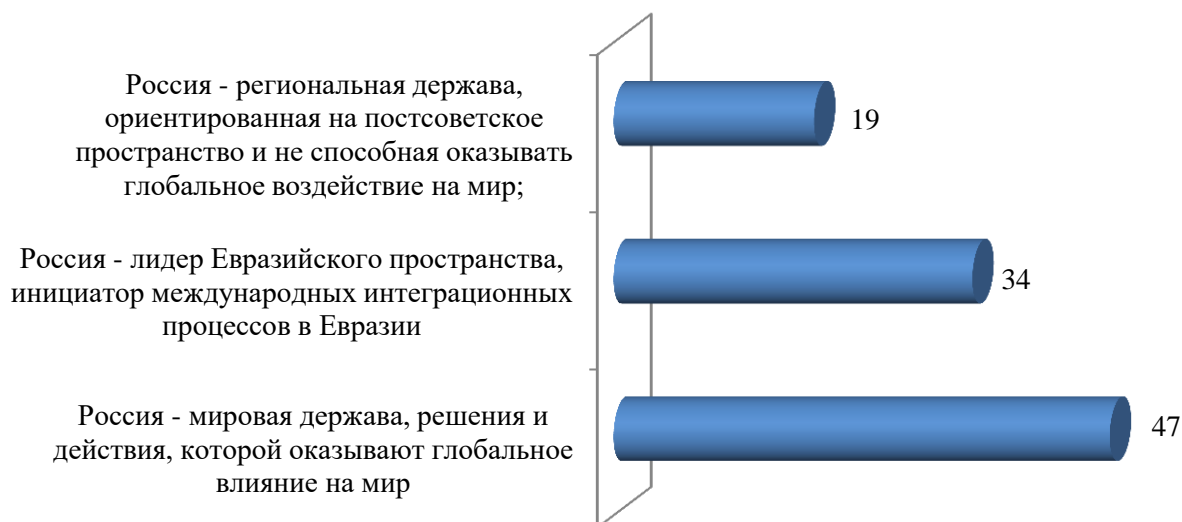

Рисунок 25. Определение геополитического статуса современной России (в процентах к числу ответивших, 2020 г.)

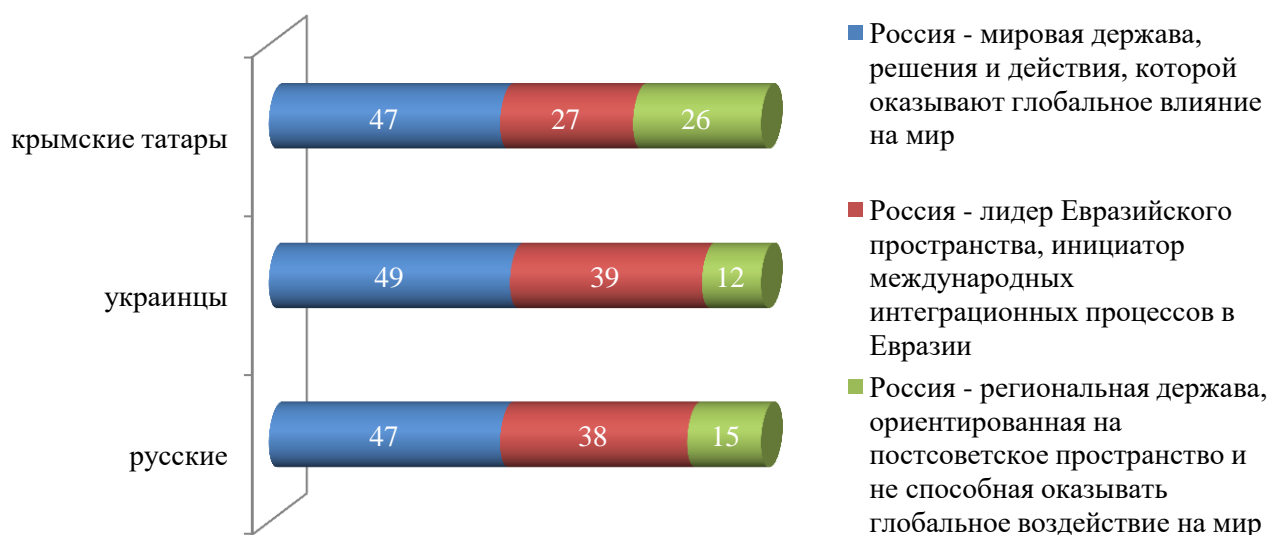

Рисунок 26. Определение геополитического статуса современной России (распределение в национальных группах, в процентах к числу ответивших, 2020 г.)

Анализ возрастных групп показал, что молодежь воспринимает Россию как мировую державу в большей степени, чем среднее и старшее поколения. Опорная возрастная группа восприятия России как лидера Евразийского пространства — это сорокалетние (40-50 лет) (рис. 27).

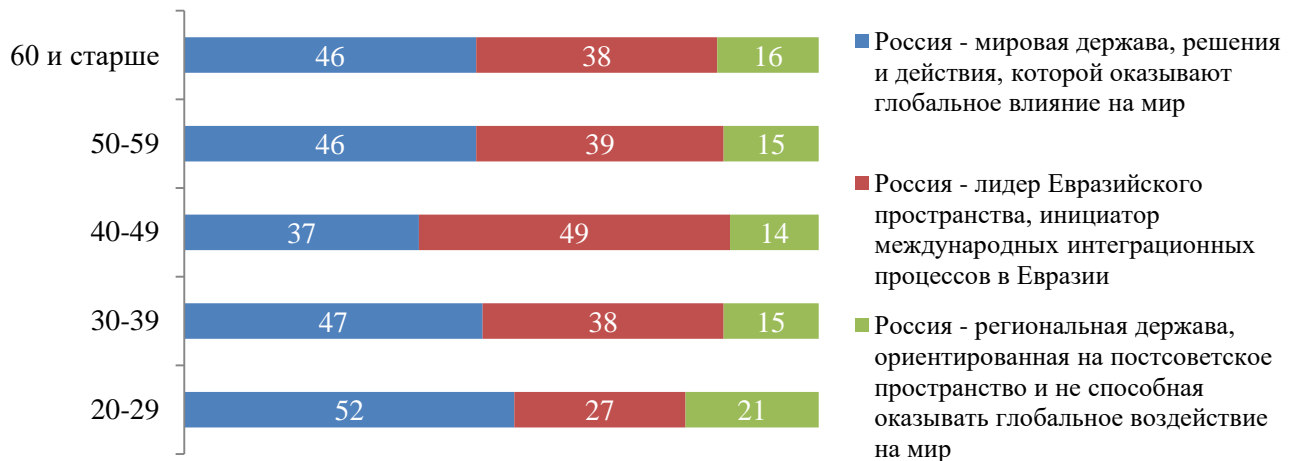

Рисунок 27. Определение геополитического статуса современной России (распределение по возрасту, в процентах к числу ответивших, 2020 г.)

Согласно уровню материального положения (использовалась следующая шкала «можем позволить себе практически все, не ограничены в финансовых средствах» – богатые, «достаточно состоятельны, но ограничены в приобретении дорогостоящих товаров (автомобиль, недвижимость)» – обеспеченные, «не испытываем затруднений в повседневных расходах» – среднеобеспеченные, «денег хватает лишь на основные продукты питания и одежду» – бедные, «денег не хватает даже на самые необходимые продукты и первоочередные товары» – нищие) опорной группой, относящейся к российскому государству как к геополитическому игроку, являются богатые, обеспеченные и среднеобеспеченные жители Крымского полуострова. Основу «евразийской группы» составляют обеспеченные, среднеобеспеченные и бедные. Как региональную державу Россию оценивают в основном представители нищих и бедных слоев Крыма (рис. 28)⁵³⁹.

⁵³⁹ Ярмек О.В., Шкайдерова Т.В., Маранчак А.Г., Цепкова А.С. Образ России в сознании жителей Республики Крым и Севастополя // Управление региональными конфликтами в условиях цифровизации современного общества: методология и практики реализации/ под ред. Н.А. Шибановой. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2021. – 669 с., с. 655-669. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=4559613> (дата обращения: 07.02.2023).

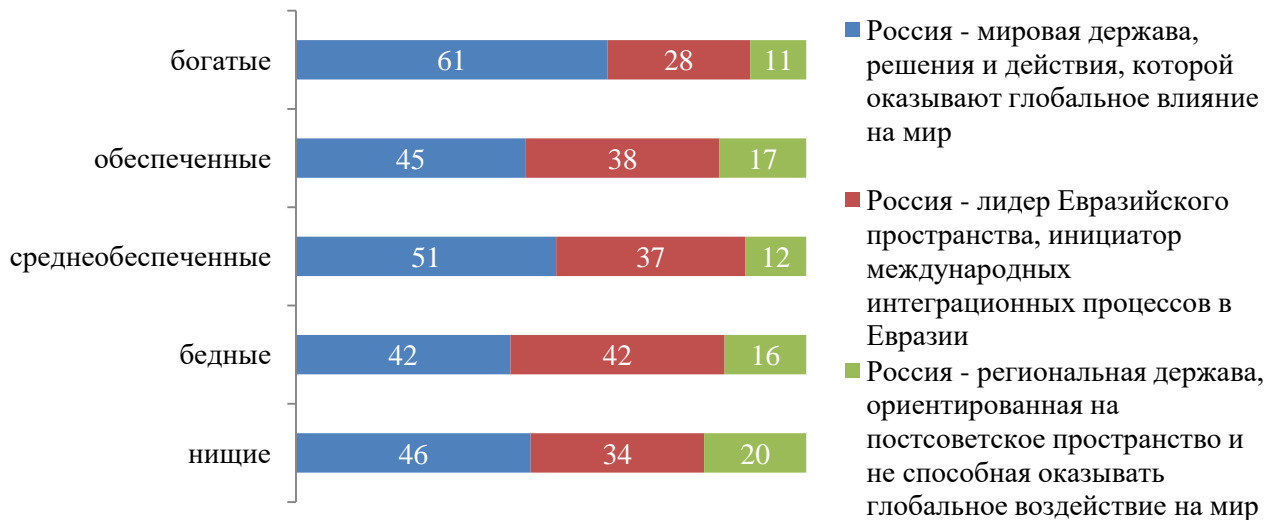

Рисунок 28. Определение геополитического статуса современной России (распределение по уровню материального положения, в процентах к числу ответивших, 2020 г.)

Понимание геополитической значимости государства – важная составляющая его образа, присутствующего в массовом сознании и, в этой связи, то, как воспринимается государство, насколько цели и интересы людей интегрируются с целями и действиями государства, влияет на формирование его позитивного имиджа в массовом сознании, что впоследствии и конструирует образ страны.

Студенческая молодежь Крымского полуострова, как и все его жители, считает Россию державой, решения и действия которой оказывают влияние как на мир, так и на Евразийское пространство. Однако необходимо отметить, что в геополитическом контексте оценки российского государства крымской молодежи, относящей себя к украинцам, вызывают беспокойство.

Для анализа сути системы российского общества, необходимо понимать культурный и духовно-нравственный потенциал современной России. Половина опрошенной молодежи в 2017 и 2018 годах считает Россию цивилизацией, сохраняющей традиционные ориентиры мировых религий, порядка 40% – видят нашу страну цивилизацией, соединяющей ценности и традиции Запада и Востока. То есть подавляющее большинство опрошенной молодежи осознают цивилизационное значение России, ее конфессиональное единство и

геотерриториальное положение. Доля западноориентированной молодежи в Крыму составляет порядка 8% (рис. 29)⁵⁴⁰.

Рисунок 29. Оценка культурного и духовно-нравственного потенциала современной России (в процентах к числу ответивших, 2017 и 2018 гг.)

Оценки культурного и духовно-нравственного потенциала современной России в национальных группах молодежи дифференцированы. Крымские татары и русские воспринимают Россию как конфессионального интегратора – цивилизацию с традиционными мировыми религиями. Половина опрошенных в группе украинцев, треть – в группе русских и пятая часть – в группе крымских татар Россию видят цивилизацией с ценностями и традициями Запада и Востока (табл. 33).

Таким образом, студенческая молодежь Республики Крым и города Севастополь воспринимает Россию цивилизацией с традиционными ориентирами мировых религий, как религиозного, территориального и ценностного консолидатора. И здесь можно предположить, что украинская молодежь видит и себя в этом процессе, так как она социализировалась на пограничной территории между Западом (Европой) и Востоком (Россией).

⁵⁴⁰ Ярмак О.В., Канах А.М., Архипенко В.Е. Образ России в сознании молодежи Крыма и Севастополя: результаты социологического исследования // Дискурс: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет ЛЭТИ им. В.И. Ульянова (Ленина), 2018. № 6, с. 71-79. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36795785> (дата обращения: 07.02.2023).

Таблица 33. Оценка культурного и духовно-нравственного потенциала современной России (в процентах к числу ответивших, распределение в национальных группах, 2017 и 2018 гг.)

	Россия – цивилизация, сохраняющая традиционные ориентиры мировых религий		Россия – цивилизация, соединяющая ценности и традиции Запада и Востока		Россия - вестернизированная цивилизация, ориентированная на ценности западных стран	
	2017	2018	2017	2018	2017	2018
Русские	60	56	35	34	5	8
Украинцы	38	58	54	25	8	12
Крымские татары	72	53	19	32	9	12

Эмпирические результаты 2020 года подтвердили мониторинговые данные 2017 и 2018 годов. Половина опрошенных (48%) считают Россию цивилизацией, сохраняющей традиционные ориентиры мировых религий, 40% – соединяющей ценности и традиции Запада и Востока. Поэтому можно с уверенностью сказать, что в оценках культурного потенциала России отсутствует влияние поколенческого фактора. И молодежь, и все население полуострова в целом оценивают Россию цивилизационным, культурным и конфессиональным интегратором, а также коммуникационным хабом между Западом и Востоком. Но наблюдается влияние национального фактора: для украинской группы Россия – геотерриториальный консолидатор, а для русских и крымских татар – конфессиональный и цивилизационный (рис. 30)⁵⁴¹.

⁵⁴¹ Ярмак О.В., Шкайдерова Т.В., Маранчак А.Г., Цепкова А.С. Образ России в сознании жителей Республики Крым и Севастополя // Управление региональными конфликтами в условиях цифровизации современного общества: методология и практики реализации/ под ред. Н.А. Шибановой. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2021. – 669 с., с. 655-669. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=45596135> (дата обращения: 07.02.2023).

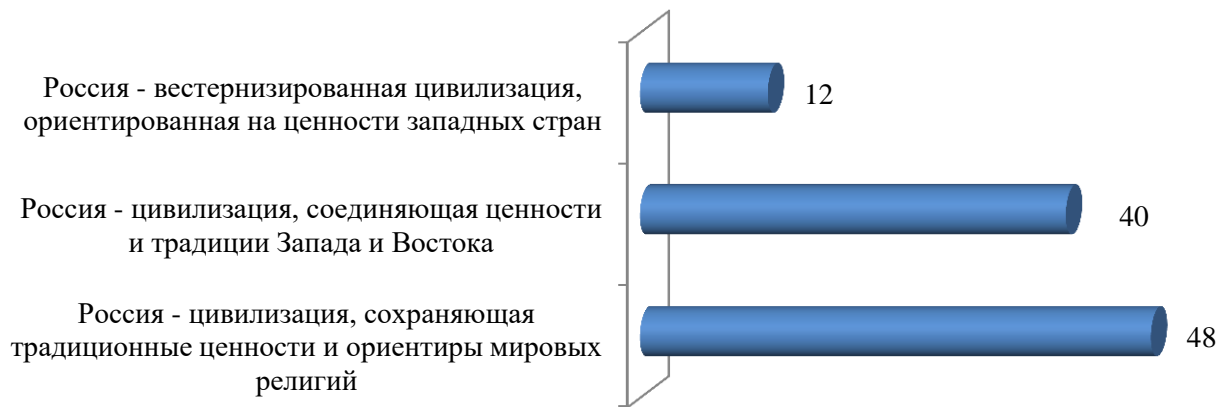

Рисунок 30. Оценка культурного и духовно-нравственного потенциала современной России (в процентах к числу ответивших, 2020 г.)

Понимание защищённости отражает степень инвайронментальной безопасности общества, которую оно предоставляет своим гражданам. Половина опрошенной молодежи уверена, что Россия защищает свой суверенитет эффективно, 45% – отчасти эффективно. То есть 95% опрошенной крымской и севастопольской молодежи считают российское государство сильной и суверенной державой, обеспечивающей высокий уровень защиты и безопасности своим гражданам (рис. 31).

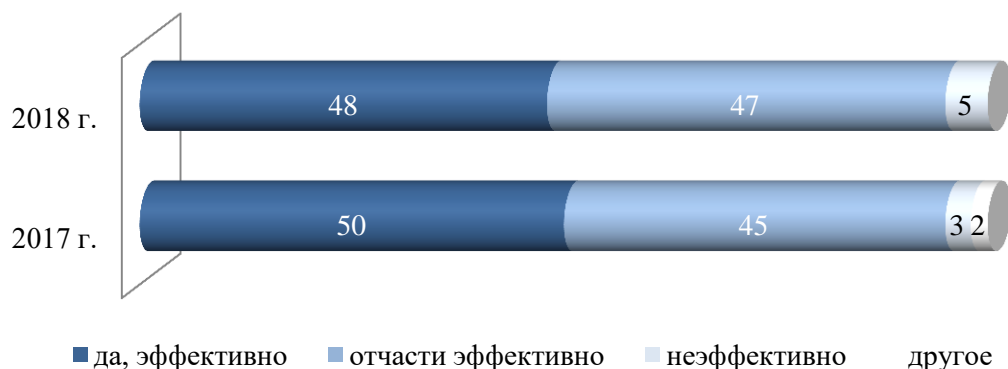

Рисунок 31. Оценка эффективности защиты своего суверенитета Россией (в процентах к числу ответивших, 2017 и 2018 гг.)

В национальных группах наблюдается уже зафиксированная тенденция о том, что представители украинской национальности в меньшей степени, чем русские и крымские татары, оценивают Россию как сильную и суверенную мировую державу. Так, 60% опрошенных украинцев считают, что Россия недостаточно эффективно защищает свой суверенитет, тогда как 63%

респондентов крымско-татарской группы и 57% опрошенных русских высоко оценивают защиту Россией своей независимости и самостоятельности (табл. 34).

Таблица 34. Оценка эффективности защиты своего суверенитета Россией (в процентах к числу ответивших, распределение в национальных группах, 2017 и 2018 гг.)

	Да, эффективно		Отчасти эффективно		Неэффективно	
	2017	2018	2017	2018	2017	2018
Русские	57	50	38	45	5	4
Украинцы	33	37	60	50	7	12
Крымские татары	63	47	35	43	2	7

В 2020 году подавляющее большинство респондентов (94%) также отметили эффективную работу российского государства по защите своего суверенитета (рис. 32)⁵⁴².

Рисунок 32. Оценка эффективности защиты своего суверенитета Россией (в процентах к числу ответивших, 2020 г.)

Понимание цивилизационных и культурных основ России, образа российского государства важно для авторской темы исследования, так как дает возможность понять, насколько интегрируемое общество восприняло базовое – принимающее российское государство. Хотя и есть распространенное мнение о том, что «Россия Крыму родная и понятная страна», но надо учитывать факт личной, профессиональной

⁵⁴² Ярмак О.В., Шкайдерова Т.В., Маранчак А.Г., Цепкова А.С. Образ России в сознании жителей Республики Крым и Севастополя // Управление региональными конфликтами в условиях цифровизации современного общества: методология и практики реализации/ под ред. Н.А. Шибановой. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2021. – 669 с., с. 655-669. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=45596135> (дата обращения: 07.02.2023).

и экономической социализации нескольких поколений в украинском социуме. И последствия влияния украинского фактора получили отражение в полученных данных.

В целом крымчане и севастопольцы воспринимают Россию интегратором – консолидатором ценностей, мировых религий, коммуникатором между Западом и Востоком. Все поколенческие группы воспринимают Россию в равной степени одинаково. Но этнические группы, в частности, украинцы видят российское государство территориальным мостом между Западом и Востоком, цивилизационно-логистическим хабом между западной и восточной цивилизациями. И здесь, скорее всего, субъективная оценка украинской молодежи очень зависит от видения собственного положения – Украина формировала стереотип о том, что она находится на границе Запада и Востока. И поэтому украинская молодёжь в Крыму отражает данную смысловую посылку. Выявленный факт необходимо учитывать при реализации интегративных практик в молодежной среде.

Выстроенный в сознании жителей полуострова образ России как сильного, суверенного, способного защитить себя и своих граждан государства, при этом имеющего значимость и вес на геополитической и международной арене, государства-цивилизации, сохраняющего ценности мировых религий, соединяющего традиции Запада и Востока, способствует достижению успехов в интеграционном процессе. Формирование позитивного образа России, происходящее через повышение привязанности к российскому государству, его историческим символам и культурным смыслам, посредством усиления экономической и социальной обустроенности населения, создания для него возможностей профессионального роста и социальных лифтов, открывает новые системные возможности на идеологическом, коммуникативном, социальном полях.

Выводы по главе 3

В третьей главе были представлены эмпирические результаты мониторинговых социологических и цифровых исследований, проведенных при участии и под руководством автора.

В первом параграфе – «Дизайн социологических измерений процесса интеграции Республики Крым и города Севастополь в российское общество» – представлены теоретический фундамент, методология исследования, его цели и задачи, описывается научное и исследовательское противоречия, научная новизна полученных эмпирических данных. Методология исследования базировалась на новом институционализме, сетевом и когнитивным подходах, сравнительном и конфликтологическом анализе.

Целью эмпирической части исследования было изучение оснований, уровней и эффектов интеграции Республики Крым и города федерального значения Севастополь. В качестве задач исследования были определены:

1) выявление ценностных ориентаций, личностных установок, национально-государственной идентичности, потенциала межнационального и межрелигиозного согласия жителей Республики Крым и города федерального значения Севастополь;

2) определение источников дезинтеграционных факторов в реальной и цифровой средах Крымского полуострова;

3) определение факторов, препятствующих и способствующих реализации интеграционных практик в молодежной среде Республики Крым и города федерального значения Севастополь;

4) анализ динамики структурных и содержательных характеристик коммуникационного поля крымского и севастопольского интернет-сегментов;

5) выявление структурных и динамических особенностей информационных потоков неконвенционального исторического характера в медийном пространстве Крымского полуострова;

6) выявление успешных интеграционных практик в Республике Крым и Севастополе.

Объектом исследования выступает население полуострова, но и студенческая молодежь, обучающаяся в вузах Республики Крым и города федерального значения Севастополь. Предметом исследования выступают элементы массового сознания (ценностные ориентации, личностные установки), факторы, влияющие на формирование национальной идентичности крымчан и севастопольцев, их отношение к России и образ российского государства.

Научная новизна полученных эмпирических исследовательских результатов состоит в анализе факторов, влияющих на интеграционный процесс различных этнических групп Крымского полуострова; в изучении структурных компонент консолидации, в частности ценностных ориентаций и смыслов, образа России, оценки экономических, инфраструктурных и институциональных изменений на полуострове, возможностей для профессионального роста и работы социальных лифтов. Стратегия прикладного исследования носила гибридный характер, основывалась на сочетании количественных и качественных методов, применённых для анализа особенностей восприятия интеграционного процесса в крымском и севастопольском сообществах.

Во втором параграфе – «Историческая память как основа цивилизационной интеграции Крымского полуострова в российское пространство» – описываются процессы формирования коллективной исторической памяти, являющиеся результатом украинского периода и находящиеся в состоянии транзита в настоящий момент.

В ходе анализа массового исторического сознания крымской и севастопольской молодежи, был изучен украинский фактор и воздействие украинской образовательной системы, базировавшейся на уходе от связей с Россией. Автор исследовала влияние поколенческой преемственности на

формирование коллективной памяти крымского общества, проанализировала сущность патриотизма и структуру конструкта коллективной исторической памяти жителей Крымского полуострова.

Анализ таких аспектов исследовательского поля, как определение механизмов создания новых историко-медийных смыслов в условиях противостояния «линий разлома» – мест моделирования разных вариантов развития исторических событий, изменения исторической карты мира, продиктован необходимостью оценки рисков и возможностей противостояния технологиям гибридных информационных и когнитивных войн в современной России. Предполагается, что трансформация исторической коллективной памяти на территории Крымского полуострова, в том числе и в его интернет-пространстве, зачастую осуществляется искусственно с использованием технологий по созданию нигилистических информационных потоков; смыслов, направленных на разрушение основ исторической памяти; с привлечением приемов визуализации, связанных с формированием стереотипов, разрушающих основы исторической памяти.

Третий параграф – «Идентичность и ценностно-смысловое поле как показатели социальной интеграции Республики Крым и города Севастополь» – посвящен анализу факторов, оказывающих воздействие на формирование национальной идентичности в этнических группах «русские», «украинцы» и «крымские татары», а также процессу трансформации ценностно-смыслового поля в этих выделенных группах.

Автором было сформулировано предположение о том, что у людей разной национальной принадлежности дифференцированно воспроизводится модель межнационального поведения. Исследуемые составляющие многослойной идентичности у крымчан и севастопольцев позволили эмпирически проверить допущения о связи этнического «лейбла» с ценностями и установками представителей этнических групп. Полученные данные дали возможность задуматься о смещении границ между этническими группами Крымского полуострова с учетом создания ситуационной идентичности, ее многослойности,

при этом новаторскими оказались данные о стирании этнических границ в семье, но их акцентуализации в коммуникативном пространстве. Автор рассматривает процесс смены идентичностей у жителей Крымского полуострова в ракурсе факторов социальной среды, коммуникаций, предлагаемых политических и экономических выгод, социальных возможностей.

В четвертом параграфе – «Коммуникативный уровень интеграции Крымского полуострова и вызовы коммуникативного пространства: результаты цифровых измерений с использованием метода больших данных» – отражены результаты цифровых исследований крымского и севастопольского интернет-сегментов, которые позволили зафиксировать коммуникацию как фактор формирования неконвенциональных социальных установок в реальной среде проживания жителей полуострова.

Обращение к теме вызовов коммуникативного пространства Крымского полуострова в интеграционный период и связанных с ними рисков продиктовано тем, что в цифровую эпоху эффективные управленческие решения должны подкрепляться участием в формировании информационной повестки и управлением информационными потоками. Кроме того, отражение процессов интеграции постсоветского пространства в коммуникативной среде связано с активными действиями современной России в нем.

В пятом параграфе – «Инфраструктурная динамика Крыма в оценках его жителей как показатель инвайронментальной интеграции» – отражены оценки инфраструктурных изменений и открывшихся социальных возможностей, произошедших в Крыму после референдума. Предполагалось, что эти оценки могут выявить факторы, способствующие или препятствующие инвайронментальному измерению интеграционного процесса. Среди таких факторов – показатели инвайронментальных эффектов интеграции: восприятие экономических проблем, работа социальных лифтов, социальная обеспеченность, осознание своего места в государстве. По мнению автора, особую актуальность имел анализ таких показателей инвайронментальных условий интеграции, как качество жизни людей, уровень социальной напряженности, миграционная

готовность к переезду из Крыма, чем и обусловлена значимость диагностики ключевых параметров инфраструктурной динамики Крыма в оценках его жителей.

Автор предполагал, что необходимо проанализировать оценки социальной обеспеченности как инвайронментального показателя интеграции. Это объяснялось тем, что неудовлетворенность социальным обеспечением может воздействовать на ряд показателей, формирующих позитивный образ страны. Было важно понять не только оценки социальных, экономических, инфраструктурных изменений на полуострове, но и то, как эти изменения затронули людей, как люди оценивают ход интеграции в свете инфраструктурной динамики региона.

В шестом параграфе – «Образ России у жителей Республики Крым и города Севастополь в свете новых возможностей системы российского общества» – представлены результаты исследования образа России, сложившегося в сознании жителей Республики Крым и города Севастополь в ходе интеграции в российское государство.

Автор подчеркивает важность анализа существующего образа России у крымчан и севастопольцев с учетом поколенческого и национального срезов. Понимание геополитического статуса современного российского государства, оценка имеющихся экономических проблем в регионах, уровня политической напряженности на полуострове позволили проанализировать факторы, влияющие на формирование интегрального образа России как у современной крымской молодёжи, так у всего населения полуострова в целом. Автор обосновала значимость данного анализа еще и тем, что у молодежи, в отличие от представителей старшего поколения, существующий образ России формировался в конфликтных и противоречивых социальных условиях. И в связи с этим создание позитивного образа России у крымской молодежи обладает интеграционным потенциалом.

Предполагалось, что процесс формирования образа Российской Федерации в сознании населения Крымского полуострова находится в активной стадии,

поскольку коммуникативное поле, информационные войны, создание негативных стереотипов о России и русских оказывают непосредственное влияние на разработку позитивного образа российского государства у его граждан.

Заключение

XXI век становится эпохой глобальных перемен. Накопленные социальные, экономические, политические, ресурсные, экологические, экзистенциальные риски и угрозы обусловили создание новых ситуаций, разрешение которых может быть осуществлено не социальными инструментами, при том, что они имеют собственно социальную основу. Примерами таких ситуаций выступают начавшиеся интеграции или реинтеграции на постсоветском пространстве. Воссоединение Республики Крым и города Севастополь с Россией, с нашей точки зрения, является не только геополитическим событием, а результатом той новой сложившейся социальной ситуации, ответом на вызовы цивилизационного, историко-культурного, лингвистического, социально-экзистенциального характера. Став новыми российскими регионами, Республика Крым и город Севастополь уже на протяжении практически десятилетия, находятся в интеграционном процессе, что обусловило его основания, определило уровни и эффекты консолидации, и в свою очередь, повлияло как на интегрируемые крымское и севастопольское сообщества, так и на принимающее российское общество.

Настоящее исследование было направлено на решение фундаментальной проблемы интеграционного процесса Республики Крым и города федерального значения Севастополь в российское общество. Исследовательскими вопросами являлись такие, как осуществление интеграции, на чем она базируется, каковы ее входящие условия, что происходит с сообществом в переходный период, каковы уровни и эффекты консолидации и что принимающее общество увидит в виде результатов объединения? Для ответов на эти вопросы были использованы теоретические и эмпирические возможности диссертационного исследования. Теоретическому осмыслению подверглись интеграционные и реинтеграционные

процессы как в классическом понимании, так и в современном социологическом знании, были проанализированы их категориальные основания и предложены авторские дефиниции понятий «интеграция» и «реинтеграция». Теоретико-прикладной анализ интеграции Республики Крым и города Севастополь, имеющей и реинтеграционную составляющую, позволил объяснить ее входящие условия и цивилизационные основания – на чем основывается стремление к консолидации с Россией; описать эффекты, вызванные интеграционной трансформацией; выявить степень влияния инвайронментальных угроз на уровень поддержки интеграции; сконцентрироваться на вызовах коммуникационного пространства, воздействующих на интеграционные процессы, на когнитивное и ментальное переформатирование массового сознания крымчан и севастопольцев.

Цель диссертационного исследования состояла в том, чтобы на основе теоретико-методологических обобщений выявить и концептуализировать критерии анализа интегративных процессов новых регионов в российское общество, осознанных как пересборку социальных пространств посредством достижения системных эффектов в реализации цивилизационных оснований социального и инвайронментального уровней солидарности, а также разработать рекомендации по консолидации и осмыслению коммуникативных вызовов в интересах реинтеграции Республики Крым и города Севастополь в российское пространство. Для достижения этой цели в диссертации были решены такие задачи, как рассмотрение ключевых теоретико-методологических основ исследования интеграции регионов как социальной пересборки, а также сущности социологического знания об интеграционных и реинтеграционных процессах с уточнением дефиниций и категориальных оснований понятий «интеграция» и «реинтеграция». Системная интеграция Республики Крым и города Севастополь в российское общество была представлена посредством определения взаимосвязей входящих условий (цивилизационных оснований), уровней — социального, инвайронментального и коммуникативного, и эффектов интеграции — формирования нового типа солидарности. Отдельный ряд задач касался анализа цивилизационных оснований интеграции Республики Крым и города Севастополь

в российское пространство в контексте неоевразийской интегративной концепции XXI века; процессов трансформации коллективной памяти, идентичности и ценностно-смыслового поля как результата социальной интеграции Республики Крым и города Севастополь; социальных детерминант инвайронментальной интеграции Крымского полуострова; вызовов информационного пространства Крыма, определивших его коммуникативный уровень интеграции в российское интернет-пространство. Были определены такие системные эффекты интеграции Республики Крым и города Севастополь в Россию, как формирование «островной» солидарности и кредита доверия как в интегрируемом — крымском — обществе, так и в принимающем — российском.

Среди результатов исследования, полученных автором, и обладающих научной новизной, следует отметить следующие:

1. Выявлены ключевые теоретико-методологические принципы социологического изучения интеграционных и реинтеграционных процессов; определена суть таких сложных социальных феноменов, как интеграция и реинтеграция.

Анализ теоретических подходов к анализу интеграционных и реинтеграционных процессов позволил сделать ряд заключений. Во-первых, они были отражением того исторического времени, в котором формировались. И в этот период суть теорий интеграций раскрывалась посредством принципа наднациональности через отказ государств от части суверенитета с передачей его на наднациональный уровень с ориентацией на европейскую интеграцию. Во-вторых, был сформирован и отечественный вектор концепций интеграции, а именно российская идея евразийства, базирующаяся на цивилизационном подходе, описывающая Евразию в границах большой исторической России — Российской империи, СССР, СНГ, современной Российской Федерации — в виде исторически сложившего единого социального пространства. В-третьих, на фоне геополитических событий конца XX века концепции интеграции приобрели новые черты: сначала они были ответом на противостояние СССР и США, затем —

стали объяснять ситуации разделения суверенитетов и территорий в современный период с учетом формирования многополярного мирового порядка.

Для диссертационного анализа важным было то, что теории интеграции современности получили собственно социологическую нагрузку и стали социально-инженерными, отвечающими на острые социальные запросы осмысления геополитических событий и цивилизационных сдвигов, что свидетельствует о первоочередности и значимости социальных факторов как на входе интеграционных процессов, так и в ходе их осуществления и, в частности, возвращения сообществ к своим цивилизационным основам.

Вторым новаторским выводом теоретического анализа стало то, что цивилизационные изменения современности имеют как интегративную, так реинтегративную природу. Авторское обращение к цивилизационным концептам – «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона, теории «центра - периферии» И. Валлерстайна, теории культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского, евразийству и неоевразийству (от Б.С. Лаврова, И.С. Шишкина, Л.Н. Гумилева до А.С. Панарина) позволили сделать вывод о природе современных интеграционных и реинтеграционных процессов на постсоветском пространстве. Считаем, что цивилизационные основания интеграций на территории большой исторической России обусловлены необходимостью сближения некогда «расколотых» стран, имеющих общий культурно-исторический тип, но искусственно помещенных в новые культурные среды, что и вызывает их «столкновения», с неизбежностью объединения и возвратом в «материнское лоно» – к базовой цивилизации – русской, славянской и евразийской. Цивилизационные основания интеграции Республики Крым и города Севастополь в российское пространство в контексте неоевразийского концепта можно определить посредством таких составляющих, как национальная российская идея, общая историческая судьба и наличие опыта формирования наднациональной (советской) идентичности.

Третий вывод сделан с учетом обращения к акторно-сетевой теории Б. Латура, что позволило автору определить интеграцию как процесс пересборки

социальных пространств, имеющих входящие условия – цивилизационные основания, уровни – социальный, инвайронментальный и коммуникативный, исходящие результаты – достижение системных эффектов в виде социальных трансформаций идентичности, ценностно-смыслового поля, образа России, создания нового типа солидарности, динамики оценок инфраструктурных изменений. Рост спроса на интеграционные практики в современных обществах, с нашей точки зрения, объясняется накопленными нарушениями социальных порядков, которые требуют пересборки новых сообществ с глобальным переоформлением многополярной международной социальной системы. Считаем, что новизна форматов интеграций современности обладает актуализацией феномена реинтеграции, который автор определяет как процесс интегративной пересборки общества, направленный на объединение и восстановление ранее распавшегося или дезинтегрированного территориального, экономического, социального, цивилизационного образования, обуславливающий консолидацию новых сетевых коммуникаций, интеграцию ценностно-смыслового поля, исторической памяти, создания нового человеческого капитала.

2. Были определены системные взаимосвязи оснований, уровней и эффектов пересборки социальных пространств как результата интеграции Республики Крым и города Севастополь в социальную структуру российского общества.

Анализируя процессы интеграции, автор приводит собственное понимание оснований, уровней и эффектов интеграции как процесса пересборки социальных пространств. По мнению автора, цивилизационные основания пересборки являются базовым условием консолидаций. Социальный уровень интеграции проявляется посредством взаимодействия социальных акторов новых регионов и принимающей стороны, что особенным образом влияет на возникновение ранее неизученных консолидирующих элементов идентичности, ценностного сознания, коллективной исторической памяти и образа базового — материнского (глубинного принимающего) государства. Кроме социального, выделяются такие уровни интеграции, как инвайронментальный, формирующийся посредством искусственно создаваемого общества риска, и коммуникационный,

предполагающий поиск ответа на коммуникативные вызовы информационного общества, образуемые внешними акторами, создающие конфликтный и нигилистический контекст в отношении реинтеграционных практик Республики Крым и города Севастополь в российское общество.

Таким образом, авторский анализ интеграции Республики Крым и города Севастополь осуществляется в ракурсе исследования таких критериев, как 1) цивилизационного (наличие общих исторических, социальных, культурных характеристик), включающего критерий переформатирования коллективной исторической памяти (использование прошлых проектов реинтеграции и интеграции); 2) инвайронментального (складывающаяся ситуация в области безопасности, включая ограничения доступа к ресурсам, рост экзистенциальных рисков); 3) коммуникативного (вызовы информационного поля, образуемые внешними акторами); 4) социального (трансформация коллективной памяти, идентичности и ценностей).

3. Охарактеризованы цивилизационные основания интеграции Республики Крым и города Севастополь в российское пространство в контексте неоевразийской интегративной концепции XXI века.

Интегративная перспектива цивилизационного анализа автора концентрировалась на классических концептах цивилизации (Н. Элиас, С. Эйзенштад, Р. Коллинз). Авторский вывод состоит в том, что общества интегрируются на основе цивилизационных принципов вследствие притяжения к «зонам культурного престижа» как сферы культурного влияния, вследствие чего они попадают в сетевые социальные структуры, сформированные солидарностью, общей идентичностью и едиными культурными символами.

Второй вывод автора здесь состоит в том, что XXI век уже становится и обещает быть эпохой формирования крупных геополитических пространств, имеющих не только финансово-экономические и военно-политические основания, но, в первую очередь, культурные и цивилизационные. На фоне расширения реинтеграционных и интеграционных практик на постсоветском пространстве новую актуальность приобретает евразийский подход, который

позволяет объяснить причины «собирания» временно «расколотой» евразийской цивилизации.

Третий авторский вывод касается цивилизационных оснований евразийской интеграции, которые заключаются в социально-культурной миссии России и альтернативности Западу с его политикой «управляемого хаоса». Автором подчеркивается, что евразийская интеграция и реинтеграционные тенденции на постсоветском пространстве подтверждают имеющиеся у России цивилизационные основания, проявляющиеся в виде культурно-цивилизованного кода, успешной практики создания сверхсложных социальных систем, имеющегося опыта переустройства мировой социально-экономической системы.

Четвертый вывод автора о цивилизационных основаниях интеграции Республики Крым и города Севастополь в российское пространство в контексте неоевразийского концепта позволяет говорить о том, что крымская интеграция, по сути, является частью национальной российской идеи, Крым и Россия цивилизационно связаны общей исторической судьбой и имеют опыт формирования наднациональной (советской) идентичности, что детерминирует цивилизационные основания будущих консолидаций на постсоветском пространстве с учетом мостового положения России между Востоком и Западом.

4. Проанализированы результаты социальной интеграции Республики Крым и города Севастополь, проявившиеся в виде трансформации коллективной памяти, создания новых форм идентичностей и переформатирования ценностно-смыслового поля. Автор считает, что конечным результатом процесса социальной интеграции, отождествления с культурными ценностями и нормами принимающего — российского — общества выступает достижение национальной, конфессиональной, политической, социальной аккультурации крымчан и севастопольцев.

Автор делает вывод о том, что крымские события сформировали новую многослойную идентичность, составляющими которой является ситуационная и наднациональная идентичности, а также смещение границ национальных групп и смена этнических «лейблов» (в соответствии с подходом Ф. Барта). Эмпирические

результаты изучения процесса трансформации идентичностей в этнических группах «русские», «украинцы» и «крымские татары» подтвердили предположение о том, что у людей разной национальной принадлежности по-разному воспроизводится модель социальной интеграции. В частности, идентичность русской молодежи базируется на принадлежности к государству, что не присуще украинской и крымскотатарской группам. В системе идентичностей украинской группы максимально выражена полуостровная привязанность. Культурный и этнический факторы сильны при формировании идентичности украинцев и крымских татар, а в основе идентичности крымскотатарской группы лежит «земельная» привязанность, гендерная и конфессиональная идентичности.

В ядре структуры ценностного сознания жителей Крымского полуострова присутствуют базовые ценности; околядерными выступают те, которые обеспечивают человеку самореализацию, получение образования и профессиональный рост, что свидетельствует о преобладании традиционных и постматериалистических ценностей у крымчан и севастопольцев (в категориях Р. Инглхарта). Присутствие блока постматериалистических ценностей у жителей полуострова усиливается тем, что среди личностных качеств они выделяют эффективность в делах, ответственность и общность интересов.

Смещение «этнических границ» (по Ф. Барту), наблюдаемое в Крыму, происходит в ближайшем окружении и семье, но в социуме они сохраняются и имеют социальную основу. Идентификация себя «русскими крымскими татарами» и «русскими украинцами» является тем самым следствием смены идентичностей: принадлежность к России и русской культуре предоставляет социальные альтернативы и возможности для профессионального роста и карьеры. Авторские выводы о смене идентичностей у жителей Крымского полуострова связаны с факторами социальной среды, коммуникациями, возможностью получения политических и экономических выгод.

Результаты мониторинговых исследований 2017, 2018 и 2020 годов позволили сделать вывод о том, что процесс формирования идентичностей в

различных этнических группах Крымского полуострова следует основывать на принципах регионального патриотизма с учетом территориальной привязанности к Крыму, созданию объединяющих культурных кодов, предоставления социальных, образовательных, экономических возможностей, тех социальных траекторий успешности, которые может транслировать наднациональная принадлежность.

Авторское понимание межнационального согласия определяется как достижение позитивных межэтнических отношений и контактов, согласованных ценностных ориентаций, готовностью к межнациональному взаимодействию и способностью людей жить в полиэтническом сообществе. Полученные эмпирические результаты позволяют говорить о наличии межнациональной и межконфессиональной устойчивости в ценностном сознании крымской молодежи, что особенно важно для Крыма как полиэтнического региона. Для молодого поколения Крыма 1) этническое происхождение и конфессиональная принадлежность не являются значимыми социальными критериями, влияющими на связи внутри молодежной среды; 2) при выборе друзей или спутника жизни не важна этническая и религиозная принадлежность, 3) этническая и конфессиональная принадлежность не влияет на оценку преступлений их совершившего человека.

В качестве рекомендаций автором предложено, что процесс формирования идентичностей в различных этнических группах полуострова следует основывать на принципах регионального патриотизма с учетом территориальной привязанности к Крыму как к родной земле, создании консолидирующих цивилизационных и культурных символов и смыслов, предоставлении социальных, образовательных, экономических возможностей, вовлечение в социальные траектории успешности, которые осуществимы наднациональной идентичностью.

5. Понимание геополитической значимости государства – необходимый результат социальной интеграции общества на уровне политической аккультурации. По результатам авторского эмпирического исследования, жители

Крымского полуострова считают Россию державой, решения и действия которой оказывают влияние как на мир, так и на Евразийское пространство. Половина опрошенных крымчан и севастопольцев видят Россию цивилизацией, сохраняющей традиционные ориентиры мировых религий, что говорит о том, что российское государство в глазах жителей Крыма воспринимается системным консолидатором. Крымские татары и русские в большей степени, чем украинцы, воспринимают Россию цивилизацией с традиционными мировыми религиями. Как цивилизацию с ценностями и традициями Запада и Востока, Россию видит половина опрошенных в группе украинцев, треть — в группе русских и пятая часть — в группе крымских татар. Подавляющее большинство респондентов отметили эффективную работу российского государства по защите своего суверенитета, что свидетельствует о представлении о российском государстве в массовом сознании жителей Республики Крым и Севастополя как о сильном и суверенном.

На основе полученных социологических данных автором делается вывод, что в сознании жителей Республики Крым и города Севастополь Россия выглядит сильным, суверенным, способным защитить себя и своих граждан государством, имеющим геополитический вес, являясь государством-цивилизацией, сохраняющим ценности мировых религий, соединяющим западные и восточные традиции. Такие результаты по формированию позитивного образа российского государства способствуют повышению гордости за свою страну, ее исторические символы и культурные смыслы, что открывает новые возможности на идеологическом, коммуникативном, социальном полях.

6. Выявлена значимость факторов инвайронментальной среды, искусственно образуемого общества риска в интеграционном процессе Крымского полуострова с учетом контуров создаваемого нового общественного договора.

Как оказалось, в процессе крымской интеграции инвайронментальный фактор, имевший сугубо внутрикрымский контекст, актуализировал социальную проблему реформирования глобального общественного договора. Дело в том,

что в современном мире сложилась ситуация «полного спектра доминирования» определенных государств, которая дает им возможность избирательно ограничивать ресурсы тем странам или территориям, которые не хотят им подчиняться. Такая ситуация и создает условия для реинтеграционных и интеграционных процессов на инвайронментальной основе. Рассуждения о незаключении глобального общественного договора и нежелании стремиться к «планетарной зрелости» и «единству в своем многообразии» (согласно Г. Мартину) объясняют возникающие реинтеграции и интеграции, позволяющие людям объединяться для решения конфликтов инвайронментального свойства, созданных искусственным образом.

Именно такая ситуация наблюдалась в процессе крымского транзита – искусственно создаваемое общество риска посредством образуемых экологических катастроф и инвайронментальных угроз в виде водной, энергетической, продовольственной, транспортной, финансовой блокад усилило поддержку интеграции Республики Крым и города Севастополь в Россию. Причем, причинами, по мнению автора, были не только стремление к обеспечению безопасности, но и желание находиться под экзистенциальной защитой материнского (базового) государства – России. Автор делает вывод, что инвайронментальный уровень интеграции Крымского полуострова сформировался еще в советское время (когда решалась ресурсная обеспеченность полуострова), приобрел остроту в постукраинский период и стал решающим фактором поддержки интеграции в настоящий момент.

7. Проанализирован коммуникативный уровень интеграции Крымского полуострова и обозначены вызовы крымского коммуникативного пространства в интеграционный период.

Интеграции и трансформации политического, экономического, социально-культурного и историко-цивилизационного свойства актуализировали вызовы в информационном и коммуникативном пространстве Крымского полуострова. Кроме того, современные интеграционные процессы связаны с активной вовлечённостью современной России в процессы обеспечения международной

безопасности на постсоветском пространстве, что также обостряет информационную повестку как региональную, так и международную.

Цифровые исследования, проведенные при участии и под руководством автора, по изучению коммуникации и информационных потоков позволили проанализировать социально-политические реакции на события крымской интеграции в социальных медиа и рассмотреть их как социальное явление нового типа, позволяющее анализировать социальное взаимодействие, обеспечиваемое коммуникацией.

Результаты цифровых исследований показали, что коммуникативное пространство транзитного общества, в нашем случае крымского и севастопольского, формируется не только из реальных социально-политических событий, но и ориентируясь на дискурсы, создаваемые в медийном поле посредством внешнего управления. Было доказано, что интернет-коммуникации, сложившиеся на Крымском полуострове, конфликтны и подвержены воздействию внешних акторов, формируются извне посредством сетевых ресурсов, системно работают на создание таких установок: 1) антироссийских – формирование образа врага-агрессора и нигилистического отношения к России, 2) русофобских – продвижение медиаполитики стирания русского с созданием антиконсервативных смыслов, уходом от семейных традиций и устоев патернализма, которые всегда были свойственны российскому обществу, 3) антипутинских – направленных на десекрализацию российского политического лидера.

Автор приходит к выводу, что в структуре интернет-коммуникаций в Республике Крым и городе Севастополь необходимо развивать интегративный дискурс, в основе которого должны быть не только информационные треки, формируемые внутри полуострова, но и федеральная повестка, способствующая созданию единого смыслового поля крымского и севастопольского интернет-сегментов с российским интернет-пространством и приводящая к ослаблению внешних интернет-акторов, системно формирующих антироссийский дискурс.

Еще одно важное авторское наблюдение, обладающее особой остротой в интеграционных процессах, – это манипуляции с исторической памятью.

Использование автором понятия «рамка» (по М. Хальбваксу) позволяет объяснить процесс формирования символов прошлого в цифровую эпоху посредством медиавизуализаций исторических событий. Полученные данные позволили автору не только осуществить анализ функционирования исторической коллективной памяти на новом витке развития социальных медиа и коммуникативных сетей в эпоху ментальных и информационных войн, но и объяснить ее оформление в виде сети (согласно дефинициям акторно-сетевой теории). Пользователи находятся под воздействием «невидимых» технологий, что приводит к тому, что в реальной социальности человек лишается привилегированного статуса в производстве исторических символов, а следом происходят манипуляции смыслами, которые становятся событийными связями, соединяющими реальность и ее медийную репрезентацию.

Анализ полученных результатов позволил зафиксировать двойственность при формировании исторической коллективной памяти жителей полуострова. Новые цифровые механизмы создания исторической повестки устанавливают жесткие «социальные рамки памяти» в коммуникации и изменяют соотношение памяти индивида и внешних рамок, которые для него задают социальные группы в коммуникативных сетях. Вторая наблюдаемая тенденция – это феномен коллективной памяти как потока, который не создается ближайшим социальным окружением, а появляется в сознании человека невидимо, неощутимо, но системно – через формирование визуальных образов. Контент этих потоков обычно наполнен новым историческим содержанием, потоки фрагментарны, социально распределены между агентами, образуются с применением гибридных медийных технологий и цифровых инструментов.

8. Описан процесс формирования эффектов интеграции Республики Крым и города Севастополь в Россию – «островной» солидарности в интегрируемом сообществе и кредита доверия в российском – принимающем – обществе.

После крымских событий 2014 года эмпирическим путем было зафиксировано появление двух новых социальных явлений, проявившихся в виде внутрикрымского эффекта интеграции – «островной» солидарности, и

материково-российского эффекта – формирования высокого уровня кредита доверия.

Автор делает вывод о формировании нового типа социальной солидарности, образуемого после крымского референдума. Автор определяет следующие черты «островной» солидарности: 1) опирается на принцип братства и стремление изменить социально несправедливые условия, 2) требуется осуществить политику социальной поддержки, 3) основывается на мобилизации социальных действий по достижению общих интересов, 4) базируется на проживании на локальной территории, что сплачивает людей перед возникающими угрозами, 5) проявляется как в повседневном поведении людей, так и в поле коммуникаций.

Внутрироссийским эффектом интеграционных процессов Крымского полуострова в российское пространство стал уровень социального доверия, возникший вследствие крымского консенсуса. Опираясь на эти рассуждения, автор приходит к выводу, что «входные» условия формирования доверия к крымской интеграции сложились гораздо раньше самих событий Крымской весны: они основывались на стремлении к сближению после искусственно произошедшего разрыва с Россией вследствие распада советского единого пространства, затем – в украинский период – опирались на сотрудничество с пророссийскими движениями, представителями политической, экономической, образовательной элит России, что позволило путем поколенческого транзита сформировать ценности и смыслы, связанные с Россией и Русским миром. Таким образом, доверие, сформированное вследствие событий Крымской весны, оказалось значительным системным фактором формирования не только интегративных практик в новейшей российской истории, но и способствовало созданию социального капитала, ориентированного на решение новых геополитических задач и нацеленного на евразийскую идею, цивилизационную близость с Россией.

9. Автор проанализировала оценки инфраструктурных изменений и социальных возможностей, произошедших в Республике Крым и городе Севастополь с 16 марта 2014 года по настоящее время. Данные оценки помогли

выявить факторы, способствующие или препятствующие интеграционному процессу, среди них – восприятие экономических проблем в регионе проживания, функционирование социальных лифтов, уровень социальной обеспеченности, осознание своего места в этом государстве.

Оценки молодежью региональных проблем, присутствующих на полуострове, показали позитивную динамику: подавляющее большинство студенческой молодежи отметило открывшиеся образовательные, профессиональные и статусные возможности. Однако представители украинской молодёжи выражали озабоченность недостаточным уровнем социального обеспечения, что говорит о необходимости осуществления отдельной информационной и просветительской работы с этой группой молодежи, а также об имеющихся у нее сложностях при вхождении в социальное, экономическое и правовое российское пространство.

В оценках инфраструктурных преобразований региона отмечается решение основных системных проблем полуострова – транспортно-логистической проблемы посредством запуска автомобильной трассы «Таврида», строительства Крымского моста, открытия нового терминала международного аэропорта «Симферополь», капитального ремонта автомобильных дорог общего пользования Республики Крым и Севастополя и энергетической в результате строительства и запуска Симферопольской и Балаклавской ТЭЦ.

Среди структурных сложностей остаются санкционные ограничения, невозможность выезда в европейские страны, разорванность с родственниками из Украины. Полученные оценки проблем в городах полуострова показали, что в первую очередь требуется решение социальных проблем: повышение доходов населения, качества медицинских услуг, оказание помощи пенсионерам, снижение цен на продукты потребительской корзины. И только затем респонденты говорили об инфраструктурных проблемах крымских городов, и среди них актуальными остаются решение транспортной проблемы внутри полуострова, вопрос утилизации мусора, ремонта объектов социальной сферы (школ, больниц и детских садов), кадровая (присутствует определенная степень

раздражения по поводу привлечения чиновников из других российских регионов и невозможности работать представителям Республики Крым и города Севастополь).

Приведенные данные о миграционной готовности представителей крымскотатарской группы переехать в Москву и другие российские регионы из Крыма, являющегося для них «коренной» территорией, свидетельствует о трансформации этнической принадлежности данной национальной группы и успешном позиционировании себя в системе наднациональной идентичности. Скорее всего, этот процесс проявится более явно спустя несколько поколений, когда будут реализованы открывшиеся социальные, экономические и образовательные возможности.

Подводя общий итог осуществленного диссертационного исследования, необходимо отметить, что интеграция Республики Крым и города Севастополь происходила не только с опорой на цивилизационные основания, но и в период искусственно создаваемого общества риска и инвайронментальных угроз, которые детерминировали политический и гражданский выбор людей, оказавшихся в ситуации ресурсных блокад, банковских и финансовых ограничений, экзистенциальных вызовов, военной небезопасности и экологических рисков. Именно такое положение дел на протяжении практически уже десятилетия обусловило формирование новой ситуационной идентичности, смещение этнических границ между национальными группами Крымского полуострова, создание нового ценностно-смыслового поля. Необходимо четко понимать, что данные процессы не могут быть вырваны из коммуникационного контекста с преобладанием манипулятивных технологий с идентичностью, ценностями, символами, смыслами, коллективной исторической памятью, которые направлены на разрушение цивилизационных, исторических, культурных, социальных основ интеграционного процесса Республики Крым и города Севастополь в Россию.

Список использованной литературы

1. Нормативно-правовые акты и иные официальные документы Российской Федерации

1.1. Федеральные законы

1. Закон Республики Крым от 28 декабря 2016 года № «О стратегии социально-экономического развития Республики Крым до 2030 года» № 352 (Принят Государственным Советом Республики Крым) Режим доступа: <http://crimea.gov.ru/textdoc/ru/7/act/352z.pdf> (дата обращения: 07.02.2023).

1.2. Указы и распоряжения Президента Российской Федерации

2. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001?index=15&rangeSize=1> (дата обращения: 07.02.2023).
3. Перечень поручений по итогам встречи с разработчиками концепции нового учебно-методического комплекса по отечественной истории. Режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/20147> (дата обращения: 07.02.2023).

1.3. Иные официальные документы органов государственной власти Российской Федерации

4. Концепция нового учебно-методического комплекса по отечественной истории. Режим доступа: <https://historyrussia.org/images/documents/konsepsiyafinal.pdf> (дата обращения: 07.02.2023).
5. Приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 19 июля 2022 г. № 662 “О внесении изменений в федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования” Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405299743/?ysclid=lfr5xq4en5851096095> (дата обращения: 07.02.2023).
6. Федеральная целевая программа «Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя до 2020 года» // Комитет конкурентной политики Республики Крым. Режим доступа: http://kkp.rk.gov.ru/rus/file/pub/pub_246328.pdf (дата обращения: 07.02.2023).

2. Специальная литература

2.1. Книги

7. 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы. [Электронный ресурс] URL: <https://www.teacode.com/online/vak/p22-00-04.html> (дата обращения: 07.02.2023).
8. Алебастрова И.А. Конституционализм как правовое основание социальной солидарности : фундаментальные принципы конституционализма, злоупотребление правом и злоупотребление суверенитетом, оппозиция как главный гарант разделения властей, социальное государство и солидарное общество, конституционный интернационализм : монография / И. А. Алебастрова. - Москва : Проспект, 2016. - 549 с.; 21 см.; ISBN 978-5-392-19255-7 : 1000 экз.
9. Александрова Ю.К., Богданова А.В., Васендина И.С., Гойко В.Л., Митягина Е.В., Рогов А.В., Романова Е.В., Ярмак О.В. Посты по осени считают: что говорят большие данные о качестве образования в постпандемийный период / Томский государственный университет. - Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2022. - 40 с.
10. Арон Р. Этапы социологической мысли / Общ. ред. и предисл. П.С. Гуревича. – М.: Прогресс – Политика, 1993. – 608 с.
11. Бажов С.И. Философия истории Н.Я. Данилевского / С. И. Бажов; Рос. акад. наук, Ин-т философии. - Москва : ИФРАН, 1997. - 215 с.; 16 см.; ISBN 5-201-01922-6 : Б. ц.
12. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. — М.: Прогресс-Традиция, 2000.
13. Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Седельника, Н. Федоровой. - М.: Прогресс-Традиция, 2000. - 383 с. - Пер. изд.: Beck U. Risikogesellschaft. -Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1986.
14. Бек, Ульрих Общество риска. На пути к другому модерну [Текст] / Ульрих Бек; пер. с нем. В. Седельника и Н. Федоровой. - Москва : Прогресс-традиция, 2000. - 381, [2] с.; 21 см.; ISBN 5-89826-059-5.
15. Бжезинский, Збигнев (1928). Великая шахматная доска: [Господство Америки и его геостратег. императивы: Пер. с англ.] / Збигнев Бжезинский. - Москва: Междунар. отношения, 1998. - 254,[1] с. : ил., карты; 21 см. - (Великое противостояние). - (Великое противостояние). ISBN 5-7133-0967-3 (В пер.) : Б. ц.С. 108-109.
16. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. Пер. с англ. П. М. Кудюкина. Под общей редакцией канд. полит, наук Б. Ю. Кагарлицкий — СПб.: Издательство «Университетская книга», 2001. — 416 с. ISBN 5-94483-042-5.
17. Вебер М. Избранные произведения: Пер. с нем./Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; Предисл. П. П. Гайденко. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.– (Социологич. мысль Запада). С. 707-735.

18. Вебер, Макс (1864-1920.). Избранные произведения : Пер. с нем. / М. Вебер; Сост., общ. ред. и послесл. [с. 736-769] Ю. Н. Давыдова; Предисл. П. П. Гайдено [с. 5-41; Комментар. А. Ф. Филиппова]. - Москва : Прогресс, 1990. - 804,[1] с.; 21 см. - (Социол. мысль Запада.); ISBN 5-01-001584-6 (В пер.). С. 625-629.
19. Вернадский, Георгий Владимирович. Начертание русской истории / Георгий Вернадский. — Москва: Алгоритм, 2018. — 336 с.
20. Вундт, Вильгельм. Психология народов / Вильгельм Вундт. - Москва : ЭКСМО ; СПб. : Terra fantastica, 2002. - 861, [2] с.; 21 см. - (Антология мысли.); ISBN 5-7921-0559-6
21. Гидденс, Э. Устройство общества: Очерк теории структуриации. — М.: Академический проект, 2003. — 528 с. — («Концепции»). ISBN 5-8291-0232-3.
22. Губанов, Дмитрий Алексеевич. Социальные сети: модели информационного влияния, управления и противоборства [Текст] / Д. А. Губанов, Д. А. Новиков, А. Г. Чхартишвили ; Российская академия наук, Институт проблем управления. - Изд. 3-е, перераб. и доп. - Москва : Изд-во МЦНМО, 2018. - 223 с. : ил.; 21 см.; ISBN 978-5-4439-1302-5 : 1000 экз.
23. Гумилев Л. Н. Заметки последнего евразийца // Наше наследие. 1991. № 3.
24. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. / Составление и комментарии Ю. А. Белова / Отв. ред. О. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2008. — 816 с.
25. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991. 576 с.
26. Дарендорф, Ральф. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы / Ральф Дарендорф ; Пер. с нем. Л.Ю. Пантиной. - М. : РОССПЭН, 2002 (ГУП ИПК Ульян. Дом печати). - 284, [2] с.; 20 см. - (Университетская библиотека. Политология); ISBN 5-8243-0370-3 (в пер.).
27. Дерюгин П.П., Ярмак О.В., Шиляева А.С., Курапов С.В., Страшко Е.В., Лебединцева Л.А., Камышина Е.А., Ярмак В.Е. Человеческий капитал в фокусе современного социологического дискурса // монография, Издательство: ООО "Медиапапир", Санкт-Петербург, 2020, с. 172. ISBN: 978-5-00110-157-4. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44073661> (дата обращения: 07.02.2023).
28. Дробижева Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. — М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2003. — 376 с.
29. Дугин А.Г. Теория многополярного мира. — М.: Евразийское движение, 2012. — 532 с., ил.
30. Дугин, А. Евразийский реванш России. 2014, 280 стр. ISBN:978-5-4438-0882-6.
31. Дюркгейм Э. Представления индивидуальные и представления коллективные // Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Пер. с фр. А. Б. Гофмана. — М.: Канон, 1995б. — С. 208-243.

32. Ильин, Иван Александрович (1882-1954). Собрание сочинений [Текст] : в 10 т. / И. А. Ильин ; сост., вступ. ст. и коммент. Ю. Т. Лисицы. - Москва : Русская книга, 1993-1999. - 21 см.; ISBN 5-268-01393-9, т. 4. С. 276.
33. Ильин, Иван Александрович (1883-1954). Теория права и государства [Текст] / И. А. Ильин ; под ред. и с биогр. очерком В. А. Томсинова. - Изд. 2-е, доп. - Москва : Зерцало-М, 2014. - 550 с. - (Русское юридическое наследие / Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Юридический фак.); ISBN 978-5-94373-275-1.
34. Инглхарт, Рональд (1934). Модернизация, культурные изменения и демократия [Текст] : последовательность человеческого развития / Рональд Инглхарт, Кристиан Вельцель ; [пер. с англ. М. Коробочкин] ; Фонд Либеральная миссия. - Москва : Новое изд-во, 2011. - 462, [1] с. : ил., табл.; 20 см. - (Библиотека фонда Либеральная миссия.); ISBN 978-5-98379-144-2.
35. Интеграционные процессы в современном мире: экономика, политика, безопасность (Мировое развитие. Выпуск 2) / Отв. ред. – Ф.Г. Войтоловский и А.В. Кузнецов. – М.: ИМЭМО РАН, 2007. – 220 с.
36. Йерушалми, Йосеф Хаим. Захор [Текст] = Zakhog : Еврейская история и еврейская память / Йосеф Хаим Йерушалми ; [пер. с англ. Р. Нудельмана]. - Москва : Мосты культуры ; Иерусалим : Гешарим, 2004. - 167, [2] с. : ил.; 22 см. - (Bibliotheca judaica); ISBN 5-93273-172-9.
37. Кастельс, М. Власть коммуникации [Текст] : учеб. пособие / М. Кастельс ; пер. с англ. Н. М. Тылевич ; под науч. ред. А. И. Черных ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. — 564 , [4] с. — (Переводные учебники ВШЭ). — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-1009-4 (в пер.).
38. Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под редакцией В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. 640 с.
39. Кин, Дж. Демократия и декаданс медиа [Текст] / пер. с англ. Д. Кралечкина; под науч. ред. А. Смирнова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. — 312 с. — (Политическая теория). — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-1202-9 (в пер.).
40. Ковалевский М.М. Учение о личных правах. М., Издание В.М. Саблина 1905 г. 42 с.
Режим доступа:
<https://dspace.spbu.ru/bitstream/11701/17913/1/%d0%a3%d1%87%d0%b5%d0%bd%d0%b8%d0%b5%20%d0%be%20%d0%bb%d0%b8%d1%87%d0%bd%d1%8b%d1%85%20%d0%bf%d1%80%d0%b0%d0%b2%d0%b0%d1%85. .pdf> (дата обращения: 07.02.2023).

41. Кропоткин П.А. Взаимопомощь как фактор эволюции. – М.: «Самообразование», 2007. – 240 с.
42. Кропоткин, Петр Алексеевич. Взаимная помощь среди животных и людей, как двигатель прогресса / П. Кропоткин; Пер. с англ. В. П. Батурина, под ред. авт. Вновь пересм. и доп. и с предисл. авт. к этому изд. - Петербург; Москва: Голос труда, 1922. - VIII, 342 с.; 23 см.
43. Ле Гофф, Жак (1924). История и память [Текст] / Жак Ле Гофф ; [пер. с фр. К. З. Акопяна]. - Москва : РОССПЭН, 2013. - 302, [1] с.; 22 см.; ISBN 978-5-8243-1774-9.
44. Луман, Никлас (1927-1998). Социальные системы. Очерк общей теории / Никлас Луман ; под ред. Н. А. Головина ; пер. с нем. И. Д. Газиева. - Санкт-Петербург : Наука, 2007. - 641, [2] с., [1] л. портр.; 22 см. - (Классика социологии (КС)); ISBN 978-5-02-026871-5 (В пер.), S. 362.
45. Маркс, К. Капитал. Критика полит. экономии / К. Маркс; перевод, предисл. Ф. Энгельса. – Т. 1. – М.: Политиздат, 1973. – Т. 1. Кн. 1. Процесс производства капитала. – VIII, 907 с., 1 л. портр. – Указатели имен, цитируемой и упоминаемой лит. рус. пер. цитируемых книг, предм. указ: с. 813-900.
46. Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии (перевод). – М.: Политиздат, 1988. – Т.2. Кн. 2: Процесс обращения Капитала / изд. под ред. и с предисл. Ф Энгельса, 1988. – 654 с. – Библиогр. с. 597 – 603. Указ имен: с. 604 – 609. Предм. Указ.: с. 610-650.
47. Маркс, К. Капитал: Критика полит. экономии: (Перевод). – М.: Политиздат, 1988. – Т. 3; Кн. 3: Процесс капиталистического производства, взятый в целом: ч. 2 / изд. под ред. Ф. Энгельса. – 1989. – с. 509 – 1078. – Указ. имен, предм.: с. 1021-1076.
48. Маслоу, Абрахам Гарольд (1908-1970). Мотивация и личность [Текст] / Абрахам Маслоу ; [пер. с англ. Т. Гутман, Н. Мухина]. - 3-е изд. - Москва [и др.] : Питер, 2013. - 351 с.; 24 см. - (Мастера психологии); ISBN 978-5-459-00494-7.
49. Межнациональное и межрелигиозное согласие в студенческой среде Крыма и Севастополя: мониторинг и анализ уровня развития: коллективная монография / Мин-во науки и высшего образования Российской Федерации, Севастопольский гос. университет; отв. ред. О.В. Ярмак. – Севастополь: СевГУ, 2019. – 144 с. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42520704> (дата обращения: 07.02.2023).
50. Московичи, Серж. Машина, творящая богов / С. Московичи ; Институт "Открытое о-во". - Москва : Центр психологии и психотерапии : КПС+, 1998. - 556 с.; 22 см. - (Библиотека социал. психологии).

51. Нора П. Проблематика мест памяти Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. - СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999, с. 17-50. Режим доступа: <http://ec-dejavu.ru/m-2/Memory-Nora.html> (дата обращения: 07.02.2023).
52. Орлова И.Б. Евразия // Социологическая энциклопедия: В 2 т. Т. 1 / Нац.общ.-науч. фонд; Рук. науч. проекта Г.Ю. Семигин; глав. ред. В.Н. Иванов. М., Мысль, 2003. С. 302.
53. Панарин А. С. Политология. Учебник. — М.: «Проспект», 1997.— 408 с.
54. Панарин А. С. Православная цивилизация / Сост., предисл. В. Н. Расторгуев / Отв. ред. О. А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2014. – 1248 с.
55. Панарин А.С. Правда железного занавеса. — М.: «Алгоритм», 2006. – 636 с.
56. Панорама экономической мысли конца XX столетия : В 2 т. / Ред.: Д. Гринуэй, М. Блини, И. Стюарт ; Пер. с англ. под ред. В.С. Автономова, С.А. Афонцева. - СПб. : Экон. шк. [и др.], 2002 (ГИПП Искусство России). - 24 см. - (Университетская библиотека. Экономика).; ISBN 5-900428-68-0 (в пер.).
57. Политика интеграции мигрантов в России: вызовы, потенциал, риски: рабочая тетр. / [В.И. Мукомель]; [гл. ред. И.С. Иванов]; Российский совет по междунар. делам (РСМД). — М.: Спецкнига, 2013. — 34 с. — ISBN 978-5-91891-215-7.
58. Процессы евразийской интеграции: социально-политическое измерение: монография / под общ. ред. Г.И. Осадчей. – М.: БИБЛИО-ГЛОБУС, 2018. – 374 с. ISBN 978-5-907063-15-0
59. Ролз, Джон. Теория справедливости / Джон Ролз ; науч. ред. В. В. Целищев [пер. с англ. В. В. Целищева при участии В. Н. Карповича и А. А. Шевченко]. - Новосибирск : Изд-во Новосибирского ун-та, 1995. - 534, [1] с. : ил.; 22 см.; ISBN 5-7615-0365-4
60. Савицкий П., Сувчинский П. Исход к Востоку : Утверждение евразийцев Предчувствия и свершения Статьи Петра Савицкого, П. Сувчинского, кн. Н. С. Трубецкого и Георгия Флоровского. - София : Рос.-болг. книгоизд-во, 1921. - VII, 125 с.
61. Савицкий П., Сувчинский П. Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев: Статьи. – София: «Балкан», 1921: На путях: Утверждение евразийцев. Кн. 2-я: Статьи П.Н. Савицкого, А.В. Карташёва, П.П. Сувчинского, кн. Н.С. Трубецкого, Г.В. Флоровского, П.М. Бицилли / Обл. работы худ. П.Ф. Челищева. - Москва–Берлин: Геликон, 1922. - 358 с.
62. Сафронова Ю. А. Memory studies: эволюция, проблематика и институциональное развитие // Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. научн. тр. / Отв. ред. Миллер А. И., Ефременко Д. В. — М.-СПб: Нестор-История, 2018. — С. 224

63. Селигмен, Адам. Проблема доверия / Адам Селигмен; Пер. с англ. И.И. Мюрберг, Л.В. Соболевой. - Москва: Идея-Пресс, 2002. - 254 с.: портр.; 21 см. - (Исследования по аналитической философии) (CEU).; ISBN 5-7333-0051-5.
64. Ситуация с качеством образования в период пандемии: что показывает анализ больших данных. – Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2021 – 39 с. Авторский коллектив: Ю.К. Александрова, А.В. Богданова, И.С. Васендина, В.Л. Гойко, А.И. Джангаров, Е.В. Митягина, М.Г. Мягков, Е.В. Романова, О.В. Ярмак. ISBN 978-5-907442-37-5.
65. Скворцов Н.Г. Проблема этничности в социальной антропологии. СПб., 1997. С. 183
Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22642731&ysclid=ldtcj8pe092094495>
(дата обращения: 07.02.2023).
66. Социальная солидарность и альтруизм: Социологическая традиция и современные междисциплинарные исследования: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии; Отв. ред. Ефременко Д.В. – М., 2014. – 284 с. – (Сер.: Теория и история социологии). ISBN 978-5-248-00716-5.
67. Тишков В.А. Единство в многообразии: публикации из журнала «Этнопанорама» 1999–2011 гг. 2-е изд., перераб. и доп. / В. А. Тишков. – Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2011. – 232 с.
68. Тойнби А. Цивилизация перед судом истории. М.: Рольф, 2002. 592 с.
69. Тоффлер, Элвин (1928). Третья волна / Элвин Тоффлер ; [пер. с англ. К. Ю. Бурмистрова и др.]. - Москва : АСТ : АСТ Москва, сор. 2009 (Архангельск : ИПП Правда Севера). - 795 с.; 21 см. - (Philosophy).; ISBN 978-5-17-062498-0 (АСТ)
70. Травина, Е.М. Этнокультурные и конфессиональные конфликты в современном мире. Издательство: СПб: Санкт-Петербургский Университет, 2077. с. 256. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19663361&ysclid=ldt56x6e1v75747047.pdf> (дата обращения: 07.02.2023).
71. Уилбер К. У36 Око духа: Интегральное видение для слегка свихнувшегося мира / К. Уилбер; Пер. с англ. В. Самойлова под ред. А. Киселева. — М: ООО «Издательство АСТ» и др., 2002.—476, [4] с. — (Тексты трансперсональной психологии). ISBN 5-17-014321-4.
72. Федотова, В. Г. Хорошее общество: [монография] / В. Г. Федотова; Российская акад. наук, Ин-т философии. - Москва : Прогресс-Традиция, 2005. - 543, [1] с.; 22 см.; ISBN 5-89826-247-4.
73. Франкл, Виктор Эмиль (1905-1997). Человек в поисках смысла : [Сборник] : Пер. с англ. и нем. / В. Франкл; Общ. ред. Л. Я. Гозмана, Д. А. Леонтьева; Вступ. ст. Д. А. Леонтьева

- [с. 5-21]. - Москва : Прогресс, 1990. - 366,[1] с.; 22 см. - (Б-ка зарубеж. психологии).; ISBN 5-01-001606-0 (В пер.).
74. Фромм, Эрих (1900-1980.). Психоанализ и этика : [Сборник : Перевод] / Эрих Фромм; [Вступ. ст. П. С. Гуревича]. - Москва : Республика, 1993. - 414,[1] с.; 22 см. - (Библиотека этической мысли).; ISBN 5-250-02353-3 (В пер.) : Б. ц.
75. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию: Пер. с англ. / Ф. Фукуяма. — М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. — 730, [6] с. — (Philosophy). ISBN 5-17-024084-8
76. Фукуяма, Фрэнсис (1952). Доверие: соц. добродетели и путь к процветанию / Фрэнсис Фукуяма ; [пер. с англ. Д. Павловой, В. Кирющенко, М. Колопотина]. - Москва : АСТ : Ермак, 2004 (Тип. изд-ва Самар. Дом печати). - 730, [3] с.; 21 см. - (Philosophy).; ISBN 5-17-024084-8 (Изд-во АСТ")
77. Фукуяма, Ф. Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке: [пер. с англ.] / Фрэнсис Фукуяма. — М: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006.—220, [4] с.— (Philosophy).
78. Хальбвакс, Морис (1877-1945). Социальные рамки памяти / Морис Хальбвакс ; [пер. с фр. и вступ. ст. Сергей Н. Зенкин]. - Москва : Новое изд-во, 2007. - 346 с.; 20 см. - (А; 006).; ISBN 978-5-98379-088-9.
79. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. 603 с.
80. Хантингтон, Сэмюэл Филлипс (1927). Столкновение цивилизаций / Самюэль Хантингтон ; [Пер. с англ. Ю. Новикова]. - Москва ; СПб. : АСТ, 2003 (Тип. изд-ва Самар. Дом печати). - 603, [2] с. : ил., табл.; 20 см. - (Philosophy).; ISBN 5-17-007923-0 (в пер.).
81. Хорни, Карен (1885-1952.). Невротическая личность нашего времени; Самоанализ / Карен Хорни; Перевод с англ. В. В. Старовойтова; Общ. ред. [и послесл.] Г. В. Бурменской. - Москва : Прогресс : Универс, 1993. - 478,[2] с.; 20 см.; ISBN 5-01-003803-X : Б. ц.
82. Человеческий капитал руководителей корпораций: особенности, структура, измерение: Коллективная монография. – СПб.: Медиapiар, 2023 – 218 с.
83. Шерьязданова К.Г. Современные интеграционные процессы: учеб. по-с. / К.Г. Шерьязданова. – Изд. 2-е., доп. – Алматы: «Қазақ университеті», 2016. – 198 с.
84. Шишков, Юрий Витальевич. Формирование интеграционного комплекса в Западной Европе: тенденции и противоречия [Текст]. - Москва : Наука, 1979. - 343 с. : граф.; 21 см., с. 13-14.

85. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории: В 2 т. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы. М.: Мысль, 1998. С. 424.
86. Штомпка П. Ш92 Доверие — основа общества / Петр Штомпка: пер. с пол. Н.В. Морозовой. - М.: Логос, 2012. - 440 с. ISBN 978-5-98704-495-7.
87. Элиас, Норберт (1897-1990). О процессе цивилизации : Социогенет. и психогенет. исслед. / Норберт Элиас; Акад. исслед. культуры. - Москва ; СПб. : Унив. кн., 2001. - 21 см. - (Университетская библиотека. Социология); ISBN 5-7914-0023-3 (Книга света).
88. Эриксон, Эрик Гомбургер (1902-1994). Идентичность: юность и кризис : Пер. с англ. / Общ. ред. и предисл. А. В. Толстых. - Москва : Прогресс, Б. г. (1996). - 340,[2] с.; 21 см. - (Библиотека зарубежной психологии); ISBN 5-01-004479-X (В пер.) : Б. ц.
89. Этнические группы и социальные границы : социальная орг. культурных различий / под ред. Фредрика Барта ; [пер. с англ.: Игорь Пильщиков]. - Москва : Новое изд-во, 2006 (Химки : Тип. "Момент"). - 198, [1] с. : ил.; 20 см. - (Новые границы); ISBN 5-98379-064-1
90. Ярмак О.В., Шкайдерова Т.В., Маранчак А.Г., Цепкова А.С. Образ России в сознании жителей Республики Крым и Севастополя // Управление региональными конфликтами в условиях цифровизации современного общества: методология и практики реализации/ под ред. Н.А. Шибановой. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2021. – 669 с., с. 655-669. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=45596135> (дата обращения: 07.02.2023).
91. Ясперс, Карл (1883-1969.). Смысл и назначение истории : [Сборник : Пер. с нем.] / Карл Ясперс; [Вступ. ст. П. П. Гайденоко, с. 5-26; Комментар. В. Н. Катасонова]. - 2-е изд. - Москва : Республика, 1994. - 527,[1] с.; 22 см. - (Мыслители XX века); ISBN 5-250-02454-8 (В пер.) : Б. ц.

2.2. Статьи

2.2.1 Статьи на русском языке

92. Андреев Э.М. Современные процессы евразийской интеграции: актуальные проблемы исследования и практической реализации // Социально-гуманитарные знания. 2015. №6. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-protsessy-evraziyskoy-integratsii-aktualnye-problemy-issledovaniya-i-prakticheskoy-realizatsii> (дата обращения: 07.02.2023).
93. Аузан, А.А. Общественный договор и гражданское общество / А.А. Аузан // Мир России. – 2005. – № 3. – С. 3-18., с. 4.
94. Ахиезер, А.С. Специфика российской цивилизации / А.С. Ахиезер // Цивилизации. 2004. - № 6. - С.217-242.

95. Беззубова О.В. Музей и политика памяти // Международный журнал исследований культуры, 2016, № 3 (24). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/muзей-i-politika-pamyati> (дата обращения: 07.02.2023).
96. Бек У. Космополитическое общество и его враги // Журнал социологии и социальной антропологии. – СПб., 2003. – Т. 6, № 1. – С. 24–53, с. 35 Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kosmopoliticheskoe-obschestvo-i-ego-vragi> (дата обращения: 07.02.2023).
97. Бек Ульрих. От индустриального общества к обществу риска. Ulrich Beck. From Industrial Society to the Risk Society // Theory, Culture and Society, February 1992, v.9, no.1, p.97–123. © Theory, Culture and Society Ltd., 1992 Перевод к.ф.н. А.Д.Ковалева // THESIS, 1994, вып. 5 Режим доступа: https://igiti.hse.ru/data/421/313/1234/5_2_3Beck.pdf?ysclid=ldqfu55v63463135539 (дата обращения: 07.02.2023).
98. Белова Д.А. Доверие как социальный фактор развития банковской системы в России // Социально-экономические проблемы инновационного развития российской экономики: Материалы Междунар. науч. студ. конгресса, 19–28 апреля 2010 г. / Под ред. О.В. Карамовой. Часть V. М.: Финансовый ун-т, 2010. С. 114–117.
99. Бурганова И.Н. Возможности использования коммуникационного подхода К. Дойча к практике интеграционного строительства на постсоветском пространстве (на примере СНГ) // Приволжский научный вестник. 2013. №9 (25). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozmozhnosti-ispolzovaniya-kommunikatsionnogo-podhoda-k-doycha-k-praktike-integratsionnogo-stroitelstva-na-postsovetskom> (дата обращения: 07.02.2023).
100. Бурдые П. Различение: социальная критика суждения, Экономическая социология. Том 6. № 3. Май 2005. С. 25-48. Перевод: М. С. Добрякова. Научное редактирование: В. В. Радаев. // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. — 18.09.2009. Режим доступа: <https://gtmarket.ru/library/articles/2601> (дата обращения: 07.02.2023).
101. Буторина О.В. Понятие региональной интеграции: новые подходы // Космополис, 2005 осень. - № 3 (13). С.136-145 Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25041949&ysclid=la86bx0yx7205064951> (дата обращения: 07.02.2023).
102. Бушуев В.В. Национально-государственная идентичность в современном мире и роль исторической политики в ее формировании (теоретико-методологический анализ) / В. В. Бушуев, В. В. Титов // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. История и политология. – 2011. – № 4. – С. 77-93.

103. Валова М.Д. Россия и евразийская интеграция: проблемы и перспективы // Россия в новой социально-политической реальности: мониторинг вызовов и рисков. М., 2013. № 1. С. 112-113.
104. Воронин Д.Ю., Кузнецов П.Н., Евстигнеев В.П., Ярмак О.В. Агентное моделирование динамики консолидации общества при использовании процедур киберметрии интернет-контента // Выпуск № 3, 2021 "Общество: социология, психология, педагогика" Режим доступа: <https://elib.pnzgu.ru/files/eb/image/S8PKnX8AOgt2.pdf> (дата обращения: 07.02.2023).
105. Воронина Т.В. Эволюция теоретических подходов к анализу развития международной экономической интеграции // Пространство экономики. 2010. №3-3. URL: Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-teoreticheskikh-podhodov-k-analizu-razvitiya-mezhdunarodnoy-ekonomicheskoy-integratsii> (дата обращения: 07.02.2023).
106. Вэй Чуныцзе Нет Евразийство: глобальные вызовы и новый миропорядок в политической философии А.Г. Дугина // Мировая политика. 2021. №2. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/evraziystvo-globalnye-vyzovy-i-novyy-miroporyadok-v-politicheskoy-filosofii-a-g-dugina> (дата обращения: 07.02.2023).
107. Вяземский Е. Е. Историческая политика государства, историческая память и содержание школьного курса истории России / Е. Е. Вяземский // Проблемы современного образования. – 2011. – № 6. – С. 89–97.
108. Губанов Д.А., Новиков Д.А., Чхартишвили А.Г. Модели влияния в социальных сетях // УБС. 2009. №27. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/modeli-vliyaniya-v-sotsialnyh-setyah> (дата обращения: 07.02.2023).
109. Гудков, Л.Д. «Советский человек» в социологии Юрия Левады / Л.Б. Гудков // Общественные науки и современность. 2007. - № 6. - С. 1630.
110. Дерюгин П.П., Кремнев Е.В., Ярмак О.В., Страшко Е.В., Камышина Е.А., Баннова О.С. Конвертация человеческого и социального капиталов в корпорациях: трансрегиональные исследования на примере российских, китайских и европейских корпораций. *Modern oriental studies*. 2021; 3(4): 619-6.
111. Дерюгин П. П., Лебединцева Л. А., Ярмак О. В., Травин Р. А. Ценности и человеческий капитал сотрудников корпорации: опыт сетевой диагностики // Научный результат. Социология и управление. 2020. Т. 6, № 4. С. 10-25. Режим доступа: doi: 10.18413/2408-9338-2020-6-4-0-1 (дата обращения: 07.02.2023).
112. Дерюгин П. П., Кремнёв Е. В., Ярмак О. В., Ши И, Вэнсинь Чжэн Сетевые модели деловых ценностей в структуре человеческого капитала китайских студентов // Научный

- результат. Социология и управление. 2021. Т. 7, № 3. С. 135-151. Режим доступа: doi:10.18413/2408-9338-2021-7-3-1-2 (дата обращения 07.02.2023).
113. Дерюгин П.П., Лебединцева Л.А., Ярмач О.В., И Ш., Камышина Е.А. Социальное самочувствие населения мегаполиса как интегральный показатель. Дискурс. 2020; 6(2):61-79. Режим доступа: doi.org/10.32603/2412-8562-2020-6-2-61-79 (дата обращения: 07.02.2023).
114. Дерюгин П. П, Лебединцева Л.А., Ярмач О.В., Чихарев И.А., Ярмач В.Е. Социодинамика ценности деловых качеств в структуре человеческого капитала за период обучения в вузе: стратегия социологической диагностики // Социология науки и технологий. 2020. Том 11. № 4, с. 140-160 Режим доступа: doi: 10.24411/2079-0910-2020-14008 (дата обращения: 07.02.2023).
115. Дерюгин П.П., Ярмач О.В., Серебров Д.М. Полифункциональность современной сельской семьи: теоретико-методологические основания исследования / Дискурс: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет ЛЭТИ им. В.И. Ульянова (Ленина), 2018, №1, 110 с., с. 84-95 Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32712681> (дата обращения: 07.02.2023).
116. Дерюгин П.П., Ярмач О.В., Страшко Е.В., Камышина Е.А., Баннова О.С. Человеческий капитал в ценностных ориентациях студенчества: методология, методика и результаты диагностики // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика, № 1 (5), 2021, с. 215-227 eISSN: 2587-9987 Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=47498267> (дата обращения: 07.02.2023).
117. Дерюгин П.П., Ярмач О.В., Страшко Е.В., Ярмач В.Е. Астраханцева Е.А. Влияние миграционных процессов на формирование человеческого потенциала и капитала Севастополя // RUSSIAN JOURNAL OF MANAGEMENT. Т. 9, № 2. 2021. Стр. 151-155. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46499089> (дата обращения: 07.02.2023).
118. Дробижина Л. М. 2008. Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместимости // Россия реформирующаяся. Ежегодник / Отв. Ред. М. К. Горшков. Вып. 7. М.: Институт социологии РАН. С. 214-228.
119. Дробижина Л.М. Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместимости. Режим доступа: <https://civisbook.ru/files/File/Nacionalno-grajd.pdf> (дата обращения: 07.02.2023).
120. Дробижина Л.М. 2015. Потенциал межнационального согласия: осмысление понятия и социальная практика в Москве // Социологические исследования. № 11. С. 80-90.

121. Дробижева Л.М. Российская идентичность: факторы интеграции и проблемы развития / Л.М. Дробижева // Социологическая наука и социальная практика. – 2013. – № 1. – С. 74-84.
122. Дробижева Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. — М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2003. — 376 с.
123. Дробижева Л. Теоретические проблемы изучения гражданской идентичности и социальная практика / Л. Дробижева // Россия и мир: анатомия современных процессов: Сборник статей / Под ред. Е. А. Нарочницкой. – М.: Международные отношения, 2014. – С. 130-146.
124. Здравомыслов А.Г. Отношение к труду и ценностные ориентации личности рабочего / А.Г. Здравомыслов, В.А. Ядов // Социология в СССР: Т. 2. М.: Мысль, 1965.
125. Иванов А.В. Теория социального доверия: методологические проблемы социально-философской концептуализации // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1-1.; Режим доступа: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=18840> (дата обращения: 07.02.2023).
126. Карсавин Л.П. Феноменология революции // Карсавин Л. П. Философия истории. СПб., 1993. С. 30.
127. Качанов Ю.Л. Проблема ситуационной и трансверсальной идентичности личности как агента социальных отношений // Психология самосознания. Самара, 2003. С. 615 Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22619041&ysclid=ldtcaavjc1116449406> (дата обращения: 07.02.2023).
128. Косов Г.В., Ярмак О.В., Миргород Д.А. Реинтеграция как интегративная пересборка обществ: теоретическое осмысление / Г.В. Косов, Д.А. Миргород, О.В. Ярмак // Международный научно-исследовательский журнал. – 2022. – №12 (126). – URL: <https://research-journal.org/archive/12-126-2022-december/10.23670/IRJ.2022.126.85>. – Режим доступа: doi: 10.23670/IRJ.2022.126.85 (дата обращения: 07.02.2023).
129. Лапин, Н.И. О многом и едином в российской трансформации / Н.И. Лапин // Общественные науки и современность. 2002. - № 6. - С. 28-32.
130. Лепский В.Е. Технологии управляемого хаоса – оружие разрушения субъектности развития // Информационные войны. 2010. № 4 (16). С. 69-78 Режим доступа: http://reflexion.ru/Library/Lepsky_2010.pdf (дата обращения: 07.02.2023).
131. Лукашевич В.А. Европейский консенсус в практике европейского суда по правам человека: институциональные и интерпретативные аспекты // СКО. 2009. №4 (71). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/evropeyskiy-konsensus-v-praktike>

- [evropeyskogo-suda-po-pravam-cheloveka-institutsionalnye-i-interpretativnye-aspekty](#) (дата обращения: 07.02.2023).
132. Мартин Глен Т. Планетарная "зрелость" и наш глобальный общественный договор // Век глобализации. 2017. №3 (23). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/planetarnaya-zrelost-i-nash-globalnyy-obschestvennyy-dogovor> (дата обращения: 07.02.2023).
133. Мартин Глен Т. Глобализация и конституция Земли: ключевые стадии в борьбе за человеческое освобождение // Век глобализации. 2015. №2, с. 90-107. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/globalizatsiya-i-konstitutsiya-zemli-klyuchevye-stadii-v-borbe-za-chelovecheskoe-osvobozhdenie> (дата обращения: 07.02.2023).
134. Мартышин О.В. Идея социального государства и ее противники // Государство и право. 2011. № 12. С. 12.
135. Милецкий В.П. Реинтеграция Крыма в социально-экономическое пространство России в контексте современных политических мегатрендов // Россия: тенденции и перспективы развития. 2015. №10-1. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/reintegratsiya-kryma-v-sotsialno-ekonomicheskoe-prostranstvo-rossii-v-kontekste-sovremennyh-politicheskikh-megatrendov> (дата обращения: 07.02.2023).
136. Мишучков А.А. Цивилизационная перспектива евразийской интеграции // Вестник ОГУ. 2015. №9 (184). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsivilizatsionnaya-perspektiva-evraziyskoy-integratsii> (дата обращения: 07.02.2023).
137. Нелина Л.П. Концепция единого учебно-методического комплекса по отечественной истории как этап реализации «Исторической политики» в России // Научный вестник Крыма. 2017. №1 (6). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-edinogo-uchebno-metodicheskogo-kompleksa-po-otechestvennoy-istorii-kak-etap-realizatsii-istoricheskoy-politiki-v-rossii> (дата обращения: 07.02.2023).
138. Нелина Л. П., Ярмак О. В., Ирхин А. А. Исторический компонент государственно-гражданской идентичности студенческой молодежи Республики Крым и Севастополя // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. Том 6 (72). 2020. № 1, с. 116-124. Режим доступа: <http://sn-philcultpol.cfuv.ru/wp-content/uploads/2022/03/Nelina-L.-P.-YArmak-O.-V.-Irhin-A.-A..pdf> (дата обращения: 07.02.2023).
139. Никитина Ю.А. От интеграции к регионализму: эволюция теорий регионального межгосударственного сотрудничества // Вестник МГИМО. 2010. №6. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-integratsii-k-regionalizmu-evolyutsiya-teoriy-regionalnogo-mezhgosudarstvennogo-sotrudnichestva> (дата обращения: 07.02.2023).

140. Николаева Е.В. Цивилизационная идентичность России в рекламном дискурсе // Культура и цивилизация. 2015. № 6. С. 124-138. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25499671&ysclid=ldt6znb4ln183696196> (дата обращения: 07.02.2023).
141. Нора П. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 2-3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html> (дата обращения: 07.02.2023).
142. Панарин А.С. (1940-2003.). Стратегическая нестабильность в XXI веке / Александр Панарин. - Москва : Алгоритм, 2003 (ГУП Смол. обл. тип. им. В.И. Смирнова). - 558, [1] с.; 21 см.; ISBN 5-9265-0111-3 (в пер.). С. 5.
143. Пантин, В.И., Лапкин, В.В. Политическое самоопределение российского общества / В.И. Пантин, В.В. Лапкин // Общественные науки и современность. 2006. - № 4. - С. 78-87.
144. Побединский И. М. Концептуальные основы интеграционных процессов // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2008. №86. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnye-osnovy-integratsionnyh-protsessov> (дата обращения: 07.02.2023).
145. Полюшкевич О.А. Общественный договор как инструмент консолидации общества // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2012. №1 (9). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvennyy-dogovor-kak-instrument-konsolidatsii-obschestva> (дата обращения: 07.02.2023).
146. Пономарева Е.Г., Рудов Г.А. Евразийская интеграция и цивилизационное пространство России // Обозреватель - Observer. 2013. №9 (284). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/evraziyskaya-integratsiya-i-tsivilizatsionnoe-prostranstvo-rossii> (дата обращения: 07.02.2023).
147. Прозорова Ю.А. Интегративная перспектива в цивилизационном анализе // Петербургская социология сегодня. 2013. №4. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/integrativnaya-perspektivav-tsivilizatsionnom-analize> (дата обращения: 07.02.2023).
148. Роткин Н.В. Социально-психологическое измерение современной стратегической нестабильности // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. 2021. №4. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-psihologicheskoe-izmerenie-sovremennoy-strategicheskoy-nestabilnosti> (дата обращения: 07.02.2023).
149. Сивкова, А.А., Луговской, А.М. Проблемы реинтеграции Крыма в социально-экономическое пространство России с позиции оптимизации маргинальных территорий // Вестник образовательного консорциума. Среднерусский университет. Серия:

- Гуманитарные науки, (8), с. 88-90 Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=45837086&ysclid=ldt59j0tv8666260432> (дата обращения: 07.02.2023).
150. Скатков А.В., Воронин Д.Ю., Ярмач О.В., Кузнецов П.Н., Евстигнеев В.П. Оценка динамики межнационального согласия при использовании комплекса марковских и полумарковских моделей // International Journal of Open Information Technologies. 2021. Т. 9. № 2. С. 59-64. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44683447>; <http://www.injoit.org/index.php/j1/article/view/1072> (дата обращения: 07.02.2023).
151. Страшко Е. В., Ярмач О. В., Дерюгин П. П., Ярмач В. Е., Астраханцева Е. А. Факторный анализ инвестиционной привлекательности и человеческого капитала регионов с научно-образовательными центрами мирового уровня // Russian Journal of Management. Том 9. Номер 1. с. 171-175. Режим доступа: <https://doi.org/10.29039/2409-6024-2021-9-1-171-175>; <https://riorgpub.com/ru/nauka/article/42636/view>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=45623802> (дата обращения: 07.02.2023).
152. Тихонова, Н.Е. Личность, общность, власть в российской социокультурной модели / Н.Е. Тихонова // Общественные науки и современность. 2001. - № 3. - С. 30-40.
153. Трубецкой Н.С. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока // Наследие Чингисхана. С. 223-292.
154. Трубецкой Н.С. О туранском элементе в русской культуре. С. 351-377; Евразийский временник. Берлин, 1923. Кн. 3; Берлин, 1925. Кн. 4; Париж, 1927. Кн. 5. Режим доступа: <http://gumilevica.kulichki.net/TNS/tns06.htm> (дата обращения: 07.02.2023).
155. Усенко Е.Т. Правовые формы организации совместных производств стран - членов СЭВ. М., 1985.
156. Флигстин Нил Поля, власть и социальные навыки: критический анализ новых институциональных течений // Экономическая социология. 2001. №4. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/polya-vlast-i-sotsialnye-navyki-kriticheskiy-analiz-novyh-institutsionalnyh-techeniy> (дата обращения: 07.02.2023).
157. Хантингтон С., Аджами Ф., Кишор Махбубани, Бартли Р.Л., Лю Биньян, Джин Киркпатрик, Уикс А.Л., Дж. Пил, Алкер Х., Афрасиаби К.Л. Столкновение цивилизаций. Перспективы мировой политики (концепция С. Хантингтона и ее критики) // Афрo-азиатский мир: проблемы цивилизационного анализа. 2004. №1. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/stolknovenie-tsivilizatsiy-perspektivy-mirovoy-politiki-kontsepsiya-s-hantingtona-i-ee-kritiki> (дата обращения: 07.02.2023).
158. Шатилов А.Б. «Крымский консенсус» российской элиты: причины и последствия // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2015. №2 (18). Режим

- доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/krymskiy-konsensus-rossiyskoy-elity-prichiny-i-posledstviya> (дата обращения: 07.02.2023).
159. Шиманк У. Социологический диагноз последних двадцати лет: тезисы об интеграции современного общества // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Том IV. № 2 Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17325262&ysclid=ldt2u9xmcw499668671> (дата обращения: 07.02.2023).
160. Шкайдерова Т.В., Ярмач О.В., Цепкова А.С., Маранчак А.Г. Идентичность жителей крымского полуострова: происходит ли смена этнических границ? // Современная наука и инновации, № 1 (33), 2021, с. 114-122. Учредители: Северо-Кавказский федеральный университет ISSN: 2307-910X Режим доступа: doi: 10.37493/2307-910X.2021.1.18; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46501764> (дата обращения: 07.02.2023).
161. Юмашев Ю.М. (2022). Региональная интеграция и международные отношения. Московский журнал международного права, (1), с. 75-88 Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26773853> (дата обращения: 07.02.2023).
162. Ядов В.А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // Мир России. Социология. Этнология. 1995. №3-4. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-i-sotsialno-psihologicheskie-mehanizmy-formirovaniya-sotsialnoy-identichnosti-lichnosti> (дата обращения: 07.02.2023).
163. Ярмач О.В., Большакова М.Г., Маранчак А.Г. Коллективная память о Великой Отечественной войне как сеть в понимании акторно-сетевой теории // MODERN SCIENCE, № 7, 2021, с. 269-271. ISSN: 2414-9918 Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46442698> (дата обращения: 07.02.2023).
164. Ярмач О.В., Большакова М.Г., Маранчак А.Г., Савина З.С. Акторно-сетевые конструкции коллективной исторической памяти // LOGOS ET PRAXIS, Том 21, № 2. 2022, с. 73-80 ISSN: 2587-9715 Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49586259> (дата обращения: 07.02.2023).
165. Ярмач О.В., Большакова М.Г., Маранчак А.Г., Савина З.С. Историческая память молодежи: как работают образы прошлого в условиях противостояния политических элит // Вопросы элитологии. Исследовательский электронный журнал www.elitology-journal.com Том 3, No 2 Режим доступа: doi: 10.46539/elit.v3i2 (дата обращения: 07.02.2023).
166. Ярмач О. В., Большакова М. Г., Савина З. С. Севастополь в конструкции коллективной исторической памяти: анализ информационных потоков Рунета с использованием big data // Журнал «Кант» №2(39) 2021 [стр. 285-292] Режим доступа: doi: 10.24923/2222-

- 243X.2021-39.48; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46323747> (дата обращения: 07.02.2023).
167. Ярмак О. В., Большакова М. Г., Шкайдерова Т. В., Маранчак А. Г. Социальные парадоксы коммуникации в постконфликтных обществах // Вестник Института социологии. 2021. Том 12. № 1. С. 136–152. Режим доступа: doi: 10.19181/vis.2021.12.1.703; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=45609899> (дата обращения: 07.02.2023).
168. Ярмак О.В., Воронова Д.И., Евдокимова Д.М., Комар А.Г., Черкесс А.А. Вакцинный кейс: социальное медиааналитическое измерение (результата исследования интернет-аудиторий Москвы, Санкт-Петербурга и Севастополя) // Парадигмы истории и общественного развития [Текст] : сб. науч. тр. / М-во образования и науки Рос. Федерации, ФГАОУ ВО «Севастоп. гос. ун-т» ; под общ. ред. Е. Н. Максимовой ; редкол.: В. С. Авдонин [и др.]. — Вып. 2 1 -2 2. — Севастополь : СевГУ, 2021. — 114 с. — ISSN 2500-4190.С. 103-113 Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47306777> (дата обращения: 07.02.2023).
169. Ярмак О.В., Жаркова Т.В., Саркисов Д.Г. Использование больших данных в междисциплинарных исследованиях на примере макрорегиона Большое Средиземноморье//Цифровая социология. 2022. Т. 5. № 3. С. 24–30. Режим доступа: <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2022-5-3-24-30> (дата обращения 07.02.2023).
170. Ярмак О.В., Дерюгин П.П., Ярмак В.Е. Социальный портрет современного студента // Дискурс. 2019. Т. 5. № 4. С. 53-64. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41211767> (дата обращения: 07.02.2023).
171. Ярмак О.В., Канах А.М., Архипенко В.Е. Образ России в сознании молодежи Крыма и Севастополя: результаты социологического исследования // Дискурс: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет ЛЭТИ им. В.И. Ульянова (Ленина), 2018. № 6, с. 71-79. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36795785> (дата обращения: 07.02.2023).
172. Ярмак О.В., Нелина Л.П., Ярмак В.Е. Межнациональное и межрелигиозное согласие в среде крымского студенчества // Вестник Института социологии. 2019 Том 10. № 3. С. 96-112. Режим доступа: doi: 10.19181/vis.2019.30.3.592 (дата обращения: 07.02.2023).
173. Ярмак О.В., Страшко Е.В., Шкайдерова Т.В. Реакция на пандемию Covid-19 интернет-аудиторий Москвы, Санкт-Петербурга и Севастополя (по материалам медиааналитического исследования) // Вестник Института социологии. 2020. Том 11. № 11. С. 121-142. Режим доступа: doi: 10.19181/vis.2020.11.3.666 (дата обращения: 07.02.2023).

174. Ярмак О.В., Цепкова А.С., Лысенко Е.А. Динамика крымского дискурса в немецких онлайн-СМИ: анализ влияния украинского фактора // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. Научно-практический журнал. 2021, Том 11, № 1, с. 98-104. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=45642082> (дата обращения: 07.02.2023).
175. Ярмак О.В., Цепкова А.С., Лысенко Е.А., Калининская, И.Л. Информационные потоки крымского и украинского сегментов интернета: контент-анализ сообщений сетей facebook и ВКонтакте // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. Научно-практический журнал. 2019, Том 9, № 6, с. 38-44. Режим доступа: <http://www.fa.ru/org/div/edition/jgn/Pages/current.aspx> (дата обращения: 07.02.2023).
176. Ярмак О.В., Цепкова А.С., Калининская И.Л. Украинские информационные потоки в крымском интернет-сегменте: анализ онлайн-контента и медиаповестки в течение 2014–2020 годов // Известия вузов. Северокавказский регион. Общественные науки, 2020, № 3, с. 36-45. Режим доступа: doi 10.18522/2687-0770-2020-3-36-44 (дата обращения: 07.02.2023).

2.2.2. Статьи на английском языке

177. Abraham H. Maslow. *Toward a Psychology of Being*. Litton Education Publishing, 1968
А.Маслоу. Психология бытия. М.: "Рефл-бук" – К.: "Ваклер", 1997 К.: PSYLIB, 2003.
178. Arnason J.P. *Civilizational Patterns and Civilizing Processes*. P. 103–118. 38 Knorr-Cetina K. Introduction: The Micro-Sociological Challenge of Macro-Sociology: Towards a Reconstruction of Social Theory and Methodology // *Advances in Social Theory and Methodology* / Karin Knorr-Cetina and Aaron Cicourel (eds.). New York: Methuen, 1981. P. 3-47.
179. Ashford Elizabeth and Tim Mulgan, "Contractualism", *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Summer 2018 Edition), Edward N. Zalta (ed.), Режим доступа: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2018/entries/contractualism/> (дата обращения: 07.02.2023).
180. Baehr P. 2008. *Caesarism, Charisma and Fate: Historical Sources and Modern Resonances in the Work of Max Weber*. New Jersey: Transaction Publishers. 256 p.
181. Barber B. *Participatory Democracy*. // *Encyclopedia of Democracy*. Vol. 3. New York, 1995. P.923.
182. Bauman, Z. (1998). On glocalization: Or globalization for some, localization for some others. *Thesis Eleven*, 54(1), 37-49. Режим доступа: doi 10.1177/0725513698054000004 7511 (дата обращения: 07.02.2023).

183. Berger, P. L. and T. Luckmann (1966), *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*, Garden City, NY: Anchor Books. ISBN 0-385-05898-5; ISBN 0140135480 (h.); ISBN 0713900199 (ib.); ISBN 9780140135480 (h.).
184. Berry, J.W., Poortinga, Y.H., Segall, M.H., & Dasen, P.R. (2009). *Кросс-культурная психология: исследования и приложения*. Kharkov: Humanitarian Centre ISBN 966-8324-30-7 December 2020 Publisher: Kharkov: Humanitarian Centre ISBN: 966-8324-30-7 Режим доступа:
https://www.researchgate.net/publication/347911558_Berry_J_W_Poortinga_Y_H_Segall_M_H_Dasen_P_R_2009_Kross-kulturnaa_psihologia_issledovania_i_prilozenia_Kharkov_Humanitarian_Centre_ISBN_966-8324-30-7 (дата обращения: 07.02.2023).
185. Borgattia S. P., Everettb M. G. A Graph-theoretic perspective on centrality 2006 // The Web portal Research Gate. Режим доступа:
https://www.researchgate.net/publication/222405203_A_Graph-Theoretic_Perspective_on_Centrality (дата обращения: 07.02.2023).
186. Bourdieu, Pierre. *Ökonomisches Kapital, kulturelles Kapital, soziales Kapital*, in: Kreckel, Reinhard (ed.) *Soziale Ungleichheiten (Soziale Welt, Sonderheft 2)*. Güttingen: Otto Schwartz & Co., 1983. P. 183–198. Richardson, John (ed.) *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*. — NY, Westport, Conn.: Greenwood Press, 1986. p. 241-258.
187. Broadman, Harry G. 2005. *From Disintegration to Reintegration : Eastern Europe and the Former Soviet Union in International Trade*. Washington, DC: Режим доступа:
<https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/7511> (дата обращения: 07.02.2023).
188. Castells, M. (2016) *The power of communication [Текст] : ucheb. posobie / M. Kastel's ; per. s angl. N. M. Tylevich ; pod nauch. red. A. I. Chernyh ; Nac. issled. un-t «Vysshaya shkola ekonomiki»*. — M. : Izd. dom Vysshej shkoly ekonomiki. — 564 , [4] s. — (Perevodnye uchebniki VShE). — 1000 ekz. — ISBN 978-5-7598-1009-4 (v per.).
189. Charap, Samuel, Alyssa Demus, and Jeremy Shapiro, eds., *Getting Out from «InBetween»: Perspectives on the Regional Order in Post-Soviet Europe and Eurasia [Электронный ресурс]* // Santa Monica, CA: RAND Corporation: 2018. Режим доступа:
https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/conf_proceedings/CF300/CF382/RAND_CF382.pdf (дата обращения: 07.02.2023).
190. Coleman J. S. *Grundlagen der Sozialtheorie*. Bd. 1. München: Oldenburg, 1991. XVI. 474 S.
191. Coleman J. S. 1990. *Foundations of Social Theory*. Harvard University Press: Cambridge, MA.

192. Collins R. The Sociology of Philosophies. A Global Theory of Intellectual Change. Harvard: Harvard University Press, 1998; Collins R. Interaction Ritual Chains. Princeton: Princeton University Press, 2004.
193. Cooley Alexander, Spruyt Hendrik Contracting States: Sovereign Transfers in International Relations Paperback – May 10, 2009 // Publisher : Princeton University Press; 0 edition (May 10, 2009) 280 pages ISBN-10 : 0691137242 ISBN-13 : 978-0691137247 Режим доступа: <https://press.princeton.edu/books/paperback/9780691137247/contracting-states> (дата обращения: 07.02.2023).
194. Deputy Secretary Talbott. The End of the Beginning: The Emergence of New Russia // U.S. Department of State Dispatch. August/September, 1997. p. 26.
195. Deriugin, Pavel, Vladimir Glukhikh, Olga Yarmak, Ekaterina Strashko, Elena Kamyshina, y Veronika Yarmak. (2020) 2021. «Evolution of strategies for human capital diagnostics». Revista Inclusiones, enero, 178-97. Режим доступа: <http://revistainclusiones.org/gallery/11%20VOL%207%20NUM%20Universidad%20OCT%20DIC%202020%20Rev%20Inc.pdf> (дата обращения: 07.02.2023).
196. Deutsch K.W. The nerves of government Models of political communication and control. – [2-d print]. – New York: Free press; London: Collier-Macmillan, 1995.
197. Eisenstadt S.N. Introduction: Comparative Studies and Sociological Theory — from Comparative Studies to Civilizational Analysis: Autobiographical Notes // Comparative Civilizations and Multiple Modernities. Brill Academic Pub, 2003. Pages: vol. 1: xii, 488 pp., vol. 2: viii, 564 pp., SBN: 978-90-04-12993-1.
198. Eisenstadt, S. (2000). The Civilizational Dimension in Sociological Analysis. Thesis Eleven. 62. 1-21. 10.1177/0725513600062000002.
199. Erll 2011: 4 Erll A. Travelling Memory // Parallax. — L., 2011. — Vol. 17, No. 4.
200. Escobar P. Globalistan: How the Globalized World Is Dissolving Into Liquid War Publisher : Nimble Books LLC (January 3, 2007). 368 pages.
201. Evolution of strategies for human capital diagnostics. REVISTA GÊNERO E DIREITO REVISTA INCLUSIONES ISSN 0719-4706 VOLUMEN 7 – NÚMERO ESPECIAL – OCTUBRE/DICIEMBRE 2020. / Deriugin, Pavel P. ; Glukhikh, Vladimir A. ; Yarmak, Olga V. ; Strashko, Ekaterina V. ; Kamyshina, Elena A. ; Yarmak, Veronika E. In: Revista inclusiones, Vol. 7, No. Especial, 2020, p. 178-197. ISSN 0719-4706 Режим доступа: <https://revistainclusiones.org/gallery/11%20VOL%207%20NUM%20Universidad%20OCT%20DIC%202020%20Rev%20Inc.pdf> (дата обращения: 07.02.2023).
202. Ex-offender Reintegration: Theory and Practice (From After Crime and Punishment: Pathways to Offender Reintegration, P 3-26, 2004, Shadd Maruna and Russ Immarigeon, eds. -- See

- NCJ-205080 Режим доступа: <https://www.ojp.gov/ncjrs/virtual-library/abstracts/ex-offender-reintegration-theory-and-practice-after-crime-and> (дата обращения: 07.02.2023).
203. Fligstein N., McAdam D.A Theory of fields. – N.Y.: Oxford univ. press, 2012. – 256 p.
  204. Funkenstein 1989: 6 Funkenstein A. Collective Memory and Historical Consciousness // History and Memory. — Bloomington, 1989. — Vol. 1. No. 1.
  205. Giddens A. Consequences of Modernity. Stanford University Press, ISBN 1990 0804718911, 9780804718912, P. 186.
  206. Glen T. Martin Millennium Dawn: The Philosophy of Planetary Crisis and Human Liberation. Institute for Economic Democracy Press, 2005, p. 430.
  207. Global Studies Encyclopedic Dictionary / Ed. by A. N. Chumakov, I. I. Mazour, W. C. Gay. With a Foreword by Mikhail Gorbachev. Amsterdam; New York, NY : Editions Rodopi B.V., 2014. XI. 3. P. 245-247.
  208. Granovetter M. Networks and Organizations: Structure, Form, and Action. Harvard Business School. 1992. 217 p.
  209. Haas, Ernst B. The uniting of Europe: political, social and economic forces, 1950-1957 / Ernst B. Haas; foreword by Desmond Dinan ; new introduction by Ernst B. Haas. 641 p. (Contemporary European politics and society) Originally published : Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1958. Режим доступа: <https://www.europarl.europa.eu/100books/file/EN-H-BW-0038-The-uniting-of-Europe.pdf> (дата обращения: 07.02.2023).
  210. Haas, E. B. (1971) «The Study of Regional Integration: Reflections on the Joy and Anguish of Pretheorizing», in L.N. Lindberg and S.A. Scheingold (eds), European Integration: Theory and Research (Cambridge, MA: Harvard University Press). P. 4.
  211. Haas, Ernst B. and Schmitter, Philippe C. Economics and Differential Patterns of Political Integration: Projections about Unity in Latin America / Ernst B. Haas and Philippe C. Schmitter // International Political Communities. — New York: Doubleday, 1966. — PP. 259-299.
  212. Haas, Ernst B. Obsolescence of Regional Integration Theory / Ernst B. Haas // Research Series №25. — Berkeley: Institute of International Studies, University of California, 1975.
  213. Habermas J. Legitimationsprozesse im Spätkapitalismus. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1973.
  214. Huntington, S. P. (2000). The clash of civilizations?. In Culture and politics (pp. 99-118). Palgrave Macmillan, New York.
  215. Huntington, S.P. (2000). The Clash of Civilizations?. In: Crothers, L., Lockhart, C. (eds) Culture and Politics. Palgrave Macmillan, New York. Режим доступа: doi 10.1007/978-1-349-62397-6_6 (дата обращения: 07.02.2023).

216. Huysen A. *Escape from Amnesia. The Museum as a Mass Medium* // Huysen A. *Twilight Memories: Marking Time in a Culture of Amnesia*. NY: Routledge, 1995. P. 13-263.
217. Kansteiner 2002: Kansteiner W. *Finding Meaning in Memory. A Methodological Critique of Collective Memory Studies*. // *History and Theory*. V. 41, 2002, P. 185.
218. Klein 2000 Klein K. L. *On the Emergence of Memory in Historical Discourse* // *Representations*. — No. 69, Special Issue: *Grounds for Remembering*. — Winter, 2000, P. 127-150.
219. Kuikka V. *Influence spreading model used to analyse social networks and detect sub-communities*. 2018 // Springer Web portal. Режим доступа: <https://computationsocialnetworks.springeropen.com/articles/10.1186/s40649-018-0060-z> (дата обращения: 07.02.2023).
220. Latour B. *Wir sind nie modern gewesen: Versuch einer symmetrischen Anthropologie*. Berlin, 1995: Akademie-Verlag, 1991.
221. Lockwood D. *Soziale Integration und Systemintegration (1964)* // *Theorien des sozialen Wandels* / Hrsg. von W. Zapf. Köln; Berlin: Kiepenheuer & Witsch, 1969.
222. Luhmann N. *Anspruchsinflation im Krankheitssystem. Eine Stellungnahme aus gesellschaftstheoretischer Sicht* // *Die Anspruchsspirale* / Hrsg. von Ph. Herder-Dorneich, A Schuller. Stuttgart: Kohlhammer, 1983.
223. Luhmann N. *Die Gesellschaft der Gesellschaft*. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1997, S. 617-618.
224. Luhmann N. *Familiarity, Confidence, Trust: Problems and Alternatives* // *Trust: Making and Breaking Cooperative Relations* / Ed. By D. Gambetta. Oxford, 1998.
225. Marcos Troyjo. *Deglobalization: Chronicle of a Changing World* Режим доступа: <https://www.huffpost.com/author/marcos-troyjo> (дата обращения: 07.02.2023).
226. Mann S.R. *Chaos Theory in Strategic Thought* // *Parameters*. Autumn 1992. P. 62. Цит. по: M.S.G. Nitzschke. *United States Marine Corps Vietnam: A Complex Adaptive Perspective* Mann, Steven R. *Chaos Theory and Strategic Thought* // *Parameters (US Army War College Quarterly)*, Vol. XXII, Autumn 1992, pp. 54-68.
227. Martin, Glen T. *Ascent to Freedom: Practical & Philosophical Foundations of Democratic World Law*. Publisher: Institute for Economic Democracy Press, 2008.
228. Maruna, S., Immarigeon, R., & LeBel, T. P. (2013). *Ex-offender reintegration: Theory and practice*. In *After crime and punishment* (pp. 21-44).
229. McLuhan M. *Understanding Media: The Extensions of Man*. McGraw-Hill, 1964. 318 p. ISBN 81-14-67535-7.
230. Misztal B. *The Sacralization of Memory* // *European Journal of Social Theory*, 2004, Vol. 7(1). P. 67–84.

231. Mitrany, David. The Prospect of Integration: Federal or Functional? / David Mitrany // *Journal of Common Market Studies* . — 1965. — 4(1). — PP.119-149.
232. Mitrany, David. *A Working Peace System* / David Mitrany. — London: Royal Institute of International Affairs, 1943.
233. Molle W. 2001. *The Economics of European Integration. Theory, Practice, Policy*. Aldershot, Ashgate Molle 2001: 4, 18.
234. Nickerson D. W. Is Voting Contagious? Evidence from Two Field Experiments // *American Political Science Review*. 2008. Vol. 102. P. 49-57.
235. Nikolskaya, A., & Dmitriev, M. (2020). The End of the Crimean Consensus: How Sustainable are the New Trends in Russian Public Opinion?. *Russian Politics*, 5(3), 354-374.
236. Noelle-Neumann E. *The Spiral of Silence. Public Opinion: Our Social Skin*. Chicago; L.: University of Chicago Press, 1984.
237. Olga Yarmak, Mariya Bolshakova, Anastasiya Maranchak, Zoya Savina. Sevastopol in the Historical Memory of the Great Patriotic War: Media Space Analysis // *The European Journal of Social & Behavioural Sciences EJSBS Volume XXX* (eISSN: 2301-2218) doi:10.15405/ejsbs.294 Режим доступа:
https://www.europeanpublisher.com/data/articles/10000/10036/article_10000_10036_pdf_100.pdf; <https://doi.org/10.15405/ejsbs.294> (дата обращения: 07.02.2023).
238. Olga Yarmak, Tatyana Shkaiderova, Ekaterina Strashko, Maria Bolshakova and Lyudmila Garas Institution of higher education transformation and society's response to distance learning during the Covid 19 pandemic, *E3S Web of Conferences* 244, 11043 (2021) Режим доступа:
<https://doi.org/10.1051/e3sconf/202124411043>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46772398> (дата обращения: 07.02.2023).
239. P P Deryugin, E V Strashko, O V Yarmak. Scientific and Educational Centers as Factor of Activation of Human Capital in the Regions of Russia: Sociological Monitoring of Activity (Conceptualization of the Plan) // *Proceedings of the International Scientific Conference "Far East Con" (ISCFEC 2020)*. *Advances in Economics, Business and Management Research*. 17 March 2020. ISBN 978-94-6252-929-8 Режим доступа:
<https://doi.org/10.2991/aebmr.k.200312.322> (дата обращения: 07.02.2023).
240. Pedersen, Thomas. Cooperative hegemony: power, ideas and institutions in regional integration / Thomas Pedersen. — *Review of International Studies*. — 2002. — 28. — PP. 677-696.
241. Peter M. Blau *A Theory of Social Integration* // *American Journal of Sociology* Vol. 65, No. 6 (May, 1960), pp. 545-556 (12 pages) Published By: The University of Chicago Press Режим доступа:
<https://www.jstor.org/stable/2773647> (дата обращения: 07.02.2023).
242. Polanyi K. *The Great Transformation*. (1944). Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1978.

243. Putnam, Robert D. (1994). *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*. Princeton, New Jersey, USA: Princeton University Press. p. 122. ISBN 978-0-691-07889-2.
244. Rawls, John, 1921– *A theory of justice / John Rawls*. — Rev. ed. p. cm. Includes bibliographical references and index. ISBN 0-674-00077-3 (cloth : alk. paper). — ISBN 0-674-00078-1 (paper : alk. paper).
245. Reese-Schäfer W. Zeitdiagnose als wissenschaftliche Aufgabe // *Berliner Journal für Soziologie*. 1996. Jg. 6., S. 381.
246. *Reglobalization*. Edited by Matthew Louis Bishop and Anthony Payne. Publisher: Routledge; 1st edition (March 12, 2021). Hardcover: 146 pages. ISBN-10: 0367639300 ISBN-13: 978-0367639303.
247. *Reintegration strategies : conceptualizing how return migrants reintegrate* Kuschminder, KatieEUI affiliated. London : Palgrave Macmillian, 2017 Режим доступа: doi: 10.1007/978-3-319-55741-0 ISBN: 9783319557410 (дата обращения: 07.02.2023).
248. Shinkfield A. J., Graffam J. (2009) Community Reintegration of Ex-Prisoners Type and degree of change in variables influencing successful reintegration. *International Journal of Offender Therapy and comparative criminology*, 53(1), 29-42 Режим доступа: doi 10.1177/0306624X07309757 (дата обращения: 07.02.2023).
249. Spinelli A. *The Eurocrats / Altiero Spinelli*. — Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1966.
250. Sztompka. *Trust: A Sociological Theory*. Cambridge: CUP, 1999.
251. Tajfel H. *Social identity & intergroup relations*. Cambridge, Paris. 1982.
252. Tajfel H., Turner J.C. *An integrative theory of intergroup conflict*// W.G. Austin, S Worchel (eds.). *The social psychology of intergroup relations*. Monterrey, Calif., 1979.
253. Tilly Ch., Wallerstein I., Hobsbawm E., Bener a L., Aristide Z. *Global flows of labor and capital: scholarly controversy // International Labor and Working-class History*, 1995, vol. 47 (spring).
254. Turner J. *The experimental social psychology of intergroup behaviour*//*Intergroup Behaviour*/Eds J.Turner, H. Giles/ Oxford, 1981. P. 66-101.
255. Victor Roudometof, *Glocalization: A Critical Introduction*, New York, NY: Routledge, 2016, 188 pp. doi:10.4324/9781315858296 Режим доступа: http://www.roudometof.com/docs/review_glocalization_2017.pdf (дата обращения: 07.02.2023).
256. Wang H., Wang F., Xu K. *Modeling Information Diffusion in Online Social Networks with Partial Differential Equations*. 2020 // Springer Web portal. Режим доступа: <https://www.springer.com/gp/book/9783030388508> (дата обращения: 07.02.2023).

257. Was treibt die Gesellschaft auseinander? / Hrsg. von W. Heitmeyer. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1997.
258. Was halt die Gesellschaft zusammen? / Hrsg. von W. Heitmeyer. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1997.
259. Zierold 2010 Zierold M. Memory and Media Cultures // Erll A., Nünning A. (eds.). Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook. — Berlin — New York, 2010.
260. Zoledowski C. Dilemmas of a «Solidarity State» // Dilemmas of Polish Transformation. Warsaw: Elipsa, 2010 P. 76-79.
261. Zygmunt Bauman On Glocalization: or Globalization for some, Localization for some Others Volume 54, Issue 1. Режим доступа: https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/0725513698054000004_7511 (дата обращения: 07.02.2023).
262. Willan.; Kuschminder, K. (2017). Reintegration strategies. In Reintegration Strategies (pp. 29-56). Режим доступа: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-319-55741-0_2 (дата обращения: 07.02.2023).

3. Интернет-ресурсы

263. Город Севастополь в цифрах 2018 г.: Крат.стат.сб./Крымстат- С., 2018 - 193 с. Режим доступа: [https://crimea.gks.ru/storage/mediabank/%D0%A1%D0%B5%D0%B2%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D1%8C%20%D0%B2%20%D1%86%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%B0%D1%85.2018%20%D1%81%D0%B0%D0%B9%D1%82\(1\).pdf](https://crimea.gks.ru/storage/mediabank/%D0%A1%D0%B5%D0%B2%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D1%8C%20%D0%B2%20%D1%86%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%B0%D1%85.2018%20%D1%81%D0%B0%D0%B9%D1%82(1).pdf) (дата обращения: 07.02.2023).
264. Город Севастополь в цифрах 2019 г.: Крат.стат.сб./Крымстат- С., 2020 - 203 с. Режим доступа: <https://crimea.gks.ru/storage/mediabank/%D0%A1%D0%B5%D0%B2%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D1%8C%20%D0%B2%20%D1%86%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%B0%D1%85.2019%20%D0%B1%D0%B5%D1%81%D0%BF%D0%BB%D0%B0%D1%82%D0%BD%D1%8B%D0%B9%20%D0%B2%D0%B0%D1%80%D0%B8%D0%B0%D0%BD%D1%82%20%D0%98%D0%BD%D0%B3%D0%B0.pdf> (дата обращения: 07.02.2023).
265. Город Севастополь в цифрах 2020 г.: Крат.стат.сб./Крымстат- С., 2021 - 195 с. Режим доступа: <https://crimea.gks.ru/storage/mediabank/584uxos1/%D0%A1%D0%B5%D0%B2%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D1%8C%20%D0%B2%20%D1%8>

- [6%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%B0%D1%85.2020%20%D0%B1%D0%B5%D1%81%D0%BF%D0%BB%D0%B0%D1%82%D0%BD%D1%8B%D0%B9+.pdf](#) (дата обращения: 07.02.2023).
266. Город Севастополь в цифрах 2021 г.: Крат.стат.сб./Крымстат- С., 2022 -199 с. Режим доступа: <https://crimea.gks.ru/folder/27359> (дата обращения: 07.02.2023).
267. Джеймс Гудбии, Дональд Гросс Стратегическое терпение стало стратегической пассивностью 22 декабря 2010 г. Режим доступа: <https://www.brookings.edu/articles/strategic-patience-has-become-strategic-passivity/> (дата обращения: 07.02.2023).
268. Доклад Изборскому клубу А. Дугина при участии В. Коровина и А. Бовдунова. Режим обращения: <https://izborsk-club.ru/2318?ysclid=ldq8ks3lu7876936900> (дата обращения: 07.02.2023).
269. Михеев С.А. Постсоветское пространство: элиты против интеграции. Режим доступа: <http://politcom.ru/3904.html> (дата обращения: 07.02.2023).
270. Путин В. В. Новый интеграционный проект для Евразии - будущее, которое рождается сегодня // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2011. №10. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/novyy-integratsionnyy-proekt-dlya-evrazii-buduschee-kotoroe-rozhdaetsya-segodnya> (дата обращения: 07.02.2023).
271. Республика Крым в цифрах. 2018: Крат.стат.сб./Крымстат- С., 2019 - 205 с. Режим доступа: [https://crimea.gks.ru/storage/mediabank/%D0%9A%D1%80%D1%8B%D0%BC%20%D0%B2%20%D1%86%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%B0%D1%85.2018\(%D1%81%D0%B0%D0%B9%D1%82\)%20%D0%BF%D0%BE%D1%81%D0%BB.%D0%B2%D0%B5%D1%80%D1%81%D0%B8%D1%8F.pdf](https://crimea.gks.ru/storage/mediabank/%D0%9A%D1%80%D1%8B%D0%BC%20%D0%B2%20%D1%86%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%B0%D1%85.2018(%D1%81%D0%B0%D0%B9%D1%82)%20%D0%BF%D0%BE%D1%81%D0%BB.%D0%B2%D0%B5%D1%80%D1%81%D0%B8%D1%8F.pdf) (дата обращения: 07.02.2023).
272. Республика Крым в цифрах. 2020: Крат.стат.сб./Крымстат- С., 2021 - 226 с. Режим доступа: <https://crimea.gks.ru/storage/mediabank/owk7CaUm/%D0%A0%D0%B5%D1%81%D0%BF%D1%83%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D0%B0%20%D0%9A%D1%80%D1%8B%D0%BC%20%D0%B2%20%D1%86%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%B0%D1%85.%202020.pdf> (дата обращения: 07.02.2023).
273. Республика Крым в цифрах. 2021: Крат.стат.сб./Крымстат- С., 2021 - 202 с. Режим доступа: <https://crimea.gks.ru/storage/mediabank/owk7CaUm/%D0%A0%D0%B5%D1%81%D0%BF%D1%83%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D0%B0%20%D0%9A%D1%80%D1%8>

[В%D0%BC%20%D0%B2%20%D1%86%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%B0%D1%85.%202020.pdf](#) (дата обращения: 07.02.2023).

274. Исследование ВЦИОМ о неприемлемости подписания с Украиной контракта на поставку электроэнергии, если в нем Крым и Севастополь будут названы украинскими. ВЦИОМ 28 января 2016 года Режим доступа: https://krym.aif.ru/society/rossiyane_ne_hotyat_videt_krym_ukrainskim_dazhe_na_bumage_v_ciom?ysclid=lc4xhou18u683671170 (дата обращения: 07.02.2023).
275. Стенограмма выступления Владимира Путина на заседании клуба «Валдай» Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19243> (дата обращения: 07.02.2023).
276. Стратегическому терпению России и НАТО пришел конец 27 сентября 2022 Режим доступа: <https://inosmi.ru/20220927/nato-256351112.html> (дата обращения: 07.02.2023).
277. Строуб Тэлботт. Холодная война началась с Ледового побоища. Журнал «Коммерсантъ Власть» №37 от 14.10.1997, стр. 28. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/13834?ysclid=ldsqqg5uwh592577721%20> (дата обращения: 07.02.2023).
278. Фабиан Пфортмюллер Роль стратегического терпения в построении значимых сообществ Янв 24, 2019 Режим доступа: <https://medium.com/together-institute/the-role-of-strategic-patience-in-building-meaningful-communities-4a44c3b61176> (дата обращения: 07.02.2023).
279. Энергетическая блокада Крыма: как реагировать России? Аналитический обзор 18 декабря 2015 года Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/energeticheskaya-blokada-kryma-kak-reagirotat-rossii?ysclid=lc4xhhg7g255504889> (дата обращения: 07.02.2023).
280. Эрик Ливни, Том Коуп Стратегическое нетерпение 23 октября 2014 Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2014/10/23/strategicheskoe-neterpenie?ysclid=lacraikglh882269662> (дата обращения: 07.02.2023).

5. Словари

281. Аберкромби Н. Социологический словарь / Н. Аберкромби, С. Хилл, Б.С. Тернер; пер. с англ. И.Г. Ясавеева под ред. С.А. Ерофеева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЗАО «Изд-во «Экономика», 2004. – 620 с.
282. Большой толковый словарь русского языка [Текст] : А-Я / РАН. Ин-т лингв. исслед.; Сост., гл. ред. канд. филол. наук С. А. Кузнецов. - Санкт-Петербург : Норинт, 1998. - 1534 с.; 27 см.; ISBN 5-7711-0015-3.
283. Философский энциклопедический словарь / Гл. редакция: Л.Ф. Ильичёв, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалёв, В.Г. Панов. — М.: Советская энциклопедия, 1983. — 840 с.

5. Авторефераты и диссертации

284. Костина Е.В. Строб Тэлботт и его роль в формировании российского курса администрации Б. Клинтона / Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук Специальность 07.00.03 - Всеобщая история Саратов 2008. Режим доступа: <https://textarchive.ru/c-2470086-pall.html ldsqpg5uwh59257772> (дата обращения: 07.02.2023)

Приложения А

Анкета Межнациональное и межрелигиозное согласие в студенческой среде Крыма и Севастополя

Номер анкеты		
Дата проведения интервью		
Время начала интервью	Часы:	Минуты:

Центр социологических исследований Севастопольского государственного университета и исследовательская группа Московского педагогического государственного университета проводят социологическое исследование студентов Крыма и Севастополя, их представлений об особенностях межнационального и межконфессионального диалога на полуострове. Заранее благодарим за то, что Вы согласились участвовать в этом исследовании. До того, как Вы начнете отвечать на вопросы, мы хотели бы подчеркнуть, что на них не существует правильных или неправильных ответов. Для нас важно знать Ваше личное мнение. Вы можете быть полностью уверены в полной конфиденциальности Ваших ответов. Они будут использоваться только в обобщенном виде.

S00. Участвовали ли Вы в опросах общественного мнения в течение последних 3-х месяцев?

1) да - завершить интервью;   2) нет.

S01. Являетесь ли Вы гражданином РФ?

1) да;   2) нет - завершить интервью;

S02. Скажите, пожалуйста, проживаете ли Вы постоянно в Крыму?

1) да;   2) нет - завершить интервью.

История России

1. Выберите, пожалуйста, из предложенного списка выражения, которые, на Ваш взгляд, наиболее точно отражают особенности истории нашей страны (не более 3-х вариантов ответов):

01 - "С Ивана Калиты последовательно и упорно собиралась Россия и достигла размеров, потрясающих воображение всех народов мира";

02 - "Во всем свете у нас только два верных союзника — наша армия и флот. Все остальные, при первой возможности, сами ополчатся против нас";

03 - "Россия не такая страна, которую можно действительно завоевать, т. е. оккупировать; по крайней мере, этого нельзя сделать... силами современных европейских государств... Такая страна может быть побеждена лишь внутренней слабостью и действием внутренних раздоров";

04 - "Надо отдать должное уму и такту наших предков... Они относились к окрестным народам как к равным, пусть даже непохожим на них. И благодаря этому они устояли в вековой борьбе, утвердив как принцип не истребление соседей, а дружбу народов";

05 - "Это не Россия находится между Востоком и Западом. Это Восток и Запад находятся слева и справа от России";

06 - "Я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя;... но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог её дал";

07 - другое (напишите, что именно) _____

2. Как Вы считаете, что можно считать основными достижениями предыдущих поколений россиян? (не более 3-х вариантов ответов)

01 - национальный характер россиян;

04 - создание уникальной культуры;

02 - огромный размер территории страны;

05 - мир и согласие между народами;

03 - сохранение независимости государства;

06 - военную мощь, ядерный щит;

07 - другое (напишите, что именно) _____

3. Знаете ли Вы о том, как история Вашей семьи связана с историей России? (один вариант ответа)

01 - да, у нас есть семейный архив, и мы его бережно храним;

- 02 - да, мои родители/родственники подробно рассказали об этом;
 03 - да, на одном из занятий в вузе я выполнил(а) такое задание;
 04 – нет, не задумывался(лась) об этом;
 05 - нет, первый раз сталкиваюсь с таким вопросом;
 06 - нет, мои родственники не смогли мне что-либо рассказать;
 07 – нет, моя семья связана с историей другой страны;
 08 - другое (напишите, что именно)_____.

4. На Ваш взгляд, как гражданин России должен проявлять свой патриотизм, любовь к Родине? (не более 3-х вариантов ответов)

- 01 - доверять согражданам; 06 – бережно и уважительно относиться к традициям страны и ее народов;
 02 - беречь родной язык/родные языки; 07 - иметь российское гражданство;
 03 - гордиться победами предков; 08 - быть готовым служить в армии;
 04 - быть причастным к великой культуре; 09 - не нарушать законы страны;
 05 - защищать слабых, стремиться к справедливости; 10 – другое (напишите, что именно)_____.

5. В каких знаковых для российской истории и современности местах вам удалось/хотелось бы побывать? (ответ дается по каждой строке и по каждому столбцу)

5.1. В каких знаковых для российской истории и современности местах Вам удалось побывать? (выбор вариантов ответов не ограничен)		5.2. В каких знаковых для российской истории и современности местах Вам не удалось, а хотелось бы побывать? (выбор вариантов ответов не ограничен)	
5.1.1. Место крещения князя Владимира на территории Херсонеса Таврического в Севастополе	01	01	
5.1.2. Куликово поле в Тульской области	02	02	
5.1.3. Памятник-ансамбль на Мамаевом кургане в Волгограде	03	03	
5.1.4. Пискаревское мемориальное кладбище в Санкт-Петербурге	04	04	
5.1.5. Мемориальный комплекс «35-я береговая батарея» в Севастополе	05	05	
5.1.6. Олимпийские объекты в Сочи	06	06	
5.1.7. Объекты спортивной инфраструктуры Универсиады в Казани	07	07	
5.1.8. Другое	08	08	

6. Стремитесь ли Вы узнать больше о России? (ответ дается по каждой строке)

	Да, системно ищущу информацию	Да, но пока не делаю это системно, не хватает времени	Скорее нет, чем да, мне достаточно знаний, которые я получаю в вузе	Скорее нет, чем да, мне достаточно информации из СМИ и Интернета	Нет, я прекрасно знаю Россию	Нет, мне это не интересно
6.1. Об истории нашей страны	01	02	03	04	05	06
6.2. Об актуальном периоде развития нашей страны	01	02	03	04	05	06
6.3. О выдающихся россиянах, прославивших Россию в прошлом	01	02	03	04	05	06
6.4. О выдающихся россиянах, живущих в настоящее время	01	02	03	04	05	06
6.5. О культурном наследии нашей страны (литературе, поэзии, живописи и т.п.)	01	02	03	04	05	06

6.6. О развитии современного искусства в России	01	02	03	04	05	06
6.7 О географии и путешествиях по нашей стране	01	02	03	04	05	06
6.8. О жителях различных регионов, о многочисленных народах нашей страны	01	02	03	04	05	06
6.9. О другом	01	02	03	04	05	06

7. Считаете ли Вы, что сохранение культурного и исторического наследия нашей страны - это сфера ответственности каждого гражданина России? (один вариант ответа)

- 01 - да, так и должно быть;
 02 - да, но не знаю, что я конкретно могу сделать;
 03 - трудно сказать, никогда не задумывался(ась) над этим вопросом;
 04 - нет, это задача государственных органов и культурных учреждений;
 05 - другое (напишите, что именно) _____.

8. Выберите, пожалуйста, утверждение, с которым Вы согласны (один вариант ответа)

- 01 - Россия - это страна с продолжительной историей, истоки государственности которой начинаются в IX веке;
 02 - российская государственность связана с объединением княжеств вокруг Москвы и деятельностью Ивана III в XV-XVI в.;
 03 - Россия - это одно из молодых государств, сформировавшееся на осколках СССР в начале 90-х гг. XX века;
 04 - другое (напишите, что именно) _____.

9. Какую точку зрения Вы разделяете? (один вариант ответа)

- 01 - с первых шагов своего становления Россия была многонациональной;
 02 - многонациональность России связана с ее политикой активного расширения территории, начиная с XV века;
 03 - многонациональность России была построена в советский период развития страны, в XX веке;
 04 - другое (напишите, что именно) _____.

10. Какое мнение Вы считаете истинным? (один вариант ответа)

- 01 - Россия - уникальная цивилизация мирного объединения, сохранения и развития многочисленных народов, аналогичная ситуация сложилась только в Индии;
 02 - Россия - такой же "плавильный котел" народов, как, например, США;
 03 - для России характерны те же особенности создания многонационального государства, что мы наблюдаем, например, в Великобритании или Франции;
 04 - другое (напишите, что именно) _____.

Россия современная

11. Как бы Вы определили геополитический статус современной России? (один вариант ответа)

- 01 - Россия - мировая держава, решения и действия, которой оказывают глобальное влияние на мир;
 02 - Россия - лидер Евразийского пространства, инициатор международных интеграционных процессов в Евразии;
 03 - Россия - региональная держава, ориентированная на постсоветское пространство и не способная оказывать глобальное воздействие на мир;
 04 - другое (напишите, что именно) _____.

12. Как Вы оцениваете культурный и духовно-нравственный потенциал современной России? (один вариант ответа)

- 01 - Россия - цивилизация, сохраняющая традиционные ценности и ориентиры мировых религий;
 02 - Россия - цивилизация, соединяющая ценности и традиции Запада и Востока;
 03 - Россия - вестернизированная цивилизация, ориентированная на ценности западных стран;
 04 - другое (напишите, что именно) _____.

13. На Ваш взгляд, эффективно ли Россия защищает свой суверенитет (независимость и самостоятельность)? (один вариант ответа)

- 01 - да, эффективно;   02 - отчасти эффективно;   03 - неэффективно;   04 - другое _____.

14. Пожалуйста, выразите свою позицию об изменениях, которые произошли в Крыму с 16 марта 2014 года по настоящее время (ответ дается по каждой строке, 0-5 - предпочтение утверждения в левой колонке, 6-10 - предпочтение утверждения в правой колонке):

14.1.1 Порядка стало меньше, понизился уровень безопасности	14.1.1 0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	14.1.2 14.1.2	14.1.2 Порядка стало больше, повысился уровень безопасности
---	-------------------------------------	------------------	---

14.2.1 Экономика Крыма стала менее стабильной	14.2.1 0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	14.2.2 0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	14.2.2 Экономика Крыма стала более стабильной
14.3.1 Социальная инфраструктура стала менее динамично развиваться	14.3.1 0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	14.3.2 0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	14.3.2 Социальная инфраструктура стала более динамично развиваться
14.4.1 Межнациональные и межконфессиональные отношения стали более напряженными и менее гармоничными	14.4.1 0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	14.4.2 0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	14.4.2 Межнациональные и межконфессиональные отношения стали менее напряженными и более гармоничными
14.5. 1 Другое (напишите) _____	14.5.1 0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	14.5.2 0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	14.5. 2 Другое (напишите) _____

15. По Вашему мнению, как изменилось положение студенческой молодежи Крыма после 16 марта 2014 года по настоящее время? (ответ дается по каждой строке, 0-5 – предпочтение утверждения в левой колонке, 6-10 – предпочтение утверждения в правой колонке):

15.1.1 Стало меньше возможностей для поступления в российские вузы по всей стране	15.1.1 0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	15.1.2 0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	15.1.2 Расширились возможности поступления в российские вузы по всей стране
15.2.1 Понижилось качество образовательного процесса	15.2.1 0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	15.2.2 0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	15.2.2 Повысилось качество образовательного процесса
15.3.1 Уменьшилось социальное обеспечение студенчества	15.3.1 0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	15.3.2 0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	15.3.2 Увеличилось социальное обеспечение студенчества
15.4. 1 Другое (напишите) _____	15.4.1 0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	15.4.2 0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	15.4. 2 Другое (напишите) _____

16. Что изменилось для Вас, Ваших родных и знакомых с 16 марта 2014 года по настоящее время? (напишите, что именно в каждом столбце):

16.1 Лично для меня	16.2 Для моей семьи (родительской/самостоятельной), родственников	16.3 Для моих друзей и ближайшего окружения	16.4. Для моих знакомых

17. Какие приоритетные задачи стоят перед Крымом сегодня? (возможны не более 3-х вариантов ответа)

- 01 - решение инфраструктурных проблем; 05 - предотвращение межнациональных конфликтов;
 02 - повышение уровня жизни населения; 06 - решение проблем транспортного сообщения с материком;
 03 - привлечение инвестиций; 07 - другое (напишите, что именно)
 04 - развитие бизнеса;

18. Если бы Вы были наделены соответствующими властными полномочиями, какие решения для развития своего города/поселка Вы бы приняли в первую очередь? Напишите, какие именно _____.

Идентичность

20. Представьте себя частью одной или нескольких групп, наиболее близких вам по духу. Какие это будут группы (общности)? Напишите, какие именно _____.

21. Выберите из перечисленных ниже группы, наиболее близкие вам по духу (не более 3-х вариантов ответа)

- 01 - Мы - граждане Российской Федерации; 07 - Мы - люди нашего уровня жизни;
 02 - Мы - жители нашего города/села; 08 - Мы - носители семейной роли;
 03 - Мы - люди нашего поколения; 09 - Мы - люди одной веры;
 04 - Мы - люди нашей национальности; 10 - Мы - люди общей судьбы;
 05 - Мы - жители полуострова; 11 - Мы - носители определенной культуры;
 06 - Мы - мужчины/ Мы - женщины; 12 - Мы - люди одних политических взглядов;
 13 - другое (напишите, что именно) _____.

22. В какой степени Вы гордитесь принадлежностью к следующим группам? (ответ дается по каждому столбцу и по каждой строке)

	Горжусь своей принадлежностью,	Чувствую свою принадлежность,	Не чувствую свою	Другое (напишите, что именно)
--	--------------------------------	-------------------------------	------------------	-------------------------------

	чувствую, что представители моей группы лучше других	но не горжусь этим	принадлежность	
22.1. Мы - граждане Российской Федерации	01	02	03	04
22.2. Мы - жители нашего города/села	01	02	03	04
22.3. Мы - люди нашего поколения	01	02	03	04
22.4. Мы - люди нашей национальности	01	02	03	04
22.5. Мы - жители полуострова	01	02	03	04
22.6. Мы - мужчины/ Мы - женщины	01	02	03	04
22.7 Мы - люди нашего уровня жизни	01	02	03	04
22.8 Мы - носители семейной роли	01	02	03	04
22.9 Мы - люди одной веры	01	02	03	04
22.10 Мы - люди общей судьбы	01	02	03	04
22.11. Мы - носители определенной культуры	01	02	03	04
22.12. Мы - люди одних политических взглядов	01	02	03	04
22.13. Другое (напишите, что именно) _____	01	02	03	04

23. Какие чувства вы испытываете, когда видите государственную символику России? Напишите, какие именно _____.

24. Знаете ли Вы слова русского гимна? (возможен один вариант ответа)

01 - знаю и с удовольствием исполняю;

04 - не знаю, но обязательно выучу;

02 - знаю, но не привык/ла петь публично;

05 - не знаю и не считаю это важным;

03 - знаю только некоторые фразы;

06 - другое (напишите, что

именно) _____.

25. Где (географически) Вы видите себя в ближайшие 5-6 лет? (возможен один вариант ответа):

01 – в Крыму; 02 – в столице России; 03 – в каких-либо крупных и экономически развитых городах России;

04 – за рубежом; 05 – другое (напишите) _____.

Ценностные предпочтения

26. Насколько важны для Вас следующие ценности? (отметьте по каждой строке, 01 – наименее важно, 10 – наиболее важно)

26.1. Материальная обеспеченность жизни	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
26.2. Наличие власти	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
26.3. Общественное признание	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
26.4. Свобода	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
26.5. Образование, саморазвитие, познание	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
26.6. Интересная работа, профессиональный рост	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
26.7. Творческая самореализация, искусство	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
26.8. Счастливая семейная жизнь	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
26.9. Любовь	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
26.10. Наличие друзей	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
26.11. Здоровье	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
26.12. Досуг, развлечения	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
26.13. Счастье других людей, самопожертвование	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
26.14. Другое (впишите сами)	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10

27. Насколько важны для Вас следующие качества? (отметьте по каждой строке, 1 – наименее важно, 10 – наиболее важно)

27.1. Твердая воля	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
27.2. Эффективность в делах	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
27.3. Независимость	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
27.4. Самоконтроль	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
27.5. Рационализм	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
27.6. Исполнительность	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
27.7. Терпимость, лояльность, чуткость	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
27.8. Честность	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
27.9. Ответственность	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
27.10. Непримируемость к недостаткам	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
27.11. Другое (впишите сами)	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10

28. Какие ценности и смыслы, на Ваш взгляд, распространены в молодежной среде Крыма, прежде всего? (возможны не более 3-х вариантов ответа)

01 - "Мой личный успех - успех всей страны!";

02 - "Спеши людям делать добро!";

03 - "Россия - пространство моей личной ответственности!";

04 - "Мы - наследники истории Великой страны!";

05 - "Многонациональность России - наше конкурентное преимущество!";

07 - "Фундамент благополучного общества - это закон и порядок!";

08 - "Справедливость и социальное государство - главные задачи современного общества";

09 - "Моя свобода заканчивается там, где начинается свобода другого человека";

10 - другое (напишите, что именно) _____.

29. Выберите из каждой пары противоположных ценностных суждений то, которое Вы считаете наиболее приемлемым (отметьте по каждой строке, 0-5 – предпочтение высказывания в левой колонке, 6-10 – предпочтение утверждения в правой колонке)

29.1.1. Выбирая друга, я ориентируюсь, прежде всего, на этническую и (или) религиозную принадлежность человека	29.1.1. 0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	29.1.2.	29.1.2. При выборе друга мне не важна этническая и (или) религиозная принадлежность человека
29.2.1. Выбирая спутника жизни, я ориентируюсь, прежде всего, на этническую и (или) религиозную принадлежность человека	29.2.1. 0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	29.2.2.	29.2.2. При выборе спутника жизни мне не важна его (ее) этническая и (или) религиозная принадлежность
29.3.1. Мне легче оправдать плохой поступок или даже преступление человека, принадлежащего к той же этнической и (или) религиозной группе), что и я	29.3.1. 0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	29.3.2.	29.3.2. Я одинаково отношусь к плохим поступкам и преступлениям вне зависимости от того, совершил ли их человек, принадлежащий к той же этнической и (или) религиозной группе), что и я или к другой
29.4.1. Представители определенных этнических групп изначально настроены по отношению ко мне критически	29.4.1. 0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	29.4.2.	29.4.2. Я никогда не испытывал недоброжелательное отношение людей только из-за того, что я принадлежу к определенной этнической (религиозной) группе
29.5.1. Я довольно настороженно отношусь к людям, не принадлежащим к той же этнической (религиозной) группе, что и я	29.5.1. 0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	29.5.2.	29.5.2. Я одинаково отношусь к людям вне зависимости от их этнической (религиозной) принадлежности

30. Оценивая личность человека в целом, на какие характеристики Вы обращаете внимание, прежде всего? (не более 3-х вариантов ответа):

01 - общность религиозных взглядов;

04 - социальный статус;

02 - общность политических взглядов;

05 - материальное благополучие;

03 - этническое происхождение;

06 - общность интересов;

07 - другое (напишите, что именно) _____.

31. С Вашей точки зрения, кто должен быть лидером общественного мнения, формировать ценностные приоритеты и повестку дня для современной молодежи? (не более 3-х вариантов ответа):

- 01 – семья; 04 - политические партии; 07 - Интернет;
 02 - духовные/религиозные институты; 05 - общественные организации; 08 - другое _____
 03 - политические лидеры; 06 – СМИ;

32. Считаете ли Вы себя человеком с активной жизненной позицией? (оцените по 10-балльной шкале, где 0 - минимальное значение оценки, а 10 - максимальное значение оценки):

0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10

33. Хотели бы Вы в свободное время участвовать в реализации социальных проектов? (один вариант ответа):

01 – да; (переход к вопросу 34).

02 - скорее да, чем нет; (переход к вопросу 34).

03 - скорее нет, чем да; (переход к вопросу 35).

04 – нет; (переход к вопросу 35).

05 - другое (напишите, что именно) _____ (переход к вопросу 35).

34. В каких социальных и других проектах Вы хотели бы участвовать? (не более 3-х вариантов ответа):

01 - участие в деятельности природоохранных организаций;

02 - помощь детям-сиротам;

03 - помощь людям с ограниченными возможностями здоровья;

04 - участие в деятельности политических организаций;

05 - помощь животным;

06 - участие в деятельности организаций, защищающих права этнических меньшинств;

07 - участие в деятельности религиозных организаций;

08 - другое (напишите, что

именно) _____.

Межнациональный и межконфессиональный мир

35. Пожалуйста, выразите свое отношение к следующим высказываниям, касающимся межнационального и межконфессионального мира в современной России (ответ дается по каждому столбцу и каждой строке):

	Согласен и так есть в действительности	Согласен, но этого нет в действительности	Не согласен, однако это есть в действительности	Не согласен и этого нет в действительности	Другое (напишите)
35.1 Все народы России имеют равные права	01	02	03	04	05
35.2 Все народы России имеют полноценную возможность сохранять свой язык, традиции, культуру	01	02	03	04	05
35.3 Все народы России свободны в сохранении и развитии своей религии	01	02	03	04	05
35.4 Все народы России имеют одинаковый доступ к экономическим ресурсам страны	01	02	03	04	05
35.5 Все народы России имеют одинаковый доступ к высоким социальным и политическим статусам	01	02	03	04	05

36. Пожалуйста, выразите свое отношение к следующим высказываниям, касающимся межнационального и межконфессионального мира в Крыму (ответ дается по каждому столбцу и каждой строке):

	Согласен и так есть в действительности	Согласен, но этого нет в действительности	Не согласен, однако это есть в действительности	Не согласен и этого нет в действительности	Другое (напишите)
36.1 Все народы Крыма имеют равные права	01	02	03	04	05
36.2 Все народы Крыма имеют полноценную возможность сохранять свой язык, традиции, культуру	01	02	03	04	05
36.3 Все народы Крыма свободны в сохранении и развитии своей религии	01	02	03	04	05
36.4 Все народы Крыма имеют одинаковый доступ к экономическим ресурсам страны	01	02	03	04	05
36.5 Все народы Крыма имеют одинаковый доступ к высоким социальным и политическим статусам	01	02	03	04	05

37. Как Вам кажется, возможны ли в Вашем населённом пункте конфликты, столкновения, массовые выступления по следующим причинам (ответ дается по каждому столбцу и каждой строке):

	Скорее возможны	Скорее не возможны	Другое (напишите)
37.1 Расслоение на бедных и богатых	01	02	03
37.2 Межнациональные, межэтнические различия	01	02	03
37.3 Религиозно-конфессиональные различия	01	02	03
37.4 Политические, идеологические различия	01	02	03
37.5 Другие (напишите)	01	02	03

38. Как Вы считаете, что объединяет народы Крыма? (Напишите, что именно) _____

39. Как Вы считаете, что разъединяет народы Крыма? (Напишите, что именно) _____

40. На Ваш взгляд, важно ли в современной России сохранять единое языковое пространство, в котором русский язык - язык общения между многочисленными народами России? (один вариант ответа)

01 - да, крайне важно, так обеспечивается единство страны и взаимопонимание между народами России;

02 - да, крайне важно, но при условии свободного развития других языков многочисленных народов России;

03 - трудно сказать, никогда не задумывался(ась) над этим вопросом;

04 - нет, главное, обеспечить возможности для свободного развития других языков многочисленных народов России;

05 - другое (напишите, что именно) _____.

41. Оцените, пожалуйста, по 10-балльной шкале политику по поддержанию межнационального и межконфессионального мира в Крыму, в разные исторические эпохи (0 - минимальное значение оценки, а 10 - максимальное значение оценки; ответ дается по каждой строке):

41.1 Российский период до 1917 года	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
41.2 Советский период	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10

41.3 Украинский период	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
41.4 Российский период с 2014 года	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10

42. Оцените, пожалуйста, по 10-балльной шкале политику по поддержанию межнационального и межконфессионального мира в Крыму, в настоящее время (0 - минимальное значение оценки, 10 - максимальное значение оценки; ответ дается по каждой строке)

42.1 Политика федерального центра	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
42.2 Политика региональных властей	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
42.3 Политика муниципальных властей	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10

43. Оцените, пожалуйста, по 10-балльной шкале вовлеченность различных гражданских структур в поддержание межэтнического и межконфессионального мира на полуострове (0 - вовлеченность отсутствует, 10 - максимальный уровень вовлеченности)

43.1. Гражданские активисты/представители общественных организаций	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
43.2. Лидеры общественного мнения из числа этнических меньшинств полуострова	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
43.3. Религиозные лидеры/деятели	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
43.4. Представители вузов	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
43.5. СМИ	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
43.6. Другое (напишите)	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10

44. Насколько серьезной Вы считаете проблему онлайн-пропаганды национализма, радикальных религиозных взглядов, распространения другого контента, нарушающего закон, прежде всего, в Интернет-пространстве? (один вариант ответа)

01 - меня это беспокоит, такого контента в глобальной сети быть не должно;

02 - отчасти беспокоит, стараюсь избегать такого контента и таких ресурсов;

03 - отчасти беспокоит, но думаю, что меня и моих близких это не коснется;

04 - не беспокоит, так как Интернет- это пространство свободы, здесь не может и не должно быть ограничений;

05 - другое (напишите, что именно) _____.

45. Как Вы относитесь к контролю со стороны государства/Интернет-корпораций над Интернет-контентом? Нужно ли, на ваш взгляд, регулировать содержание коммуникации в глобальной сети? (Один вариант ответа)

01 - положительно, регулировать Интернет-коммуникацию необходимо;

02 - скорее положительно, чем отрицательно;

03 - нейтрально, не задумывался об этом;

04 - скорее отрицательно, чем положительно;

05 - отрицательно, регулировать Интернет-коммуникацию можно только в исключительных случаях;

06 - другое (напишите, что именно) _____.

46. В каких мероприятиях, перечисленных в таблице, Вы участвовали? (ответ дается по каждой строке)

	Да, и это опыт полученный, прежде всего, благодаря усилиям моих родителей/родственников	Да, и это опыт полученный, прежде всего, благодаря усилиям моих преподавателей	Да, и это опыт полученный, прежде всего, благодаря усилиям моих друзей	Нет, я ни чего не знаю о таких мероприятиях	Нет, у меня нет на это свободного времени	Нет, не думаю, что такой опыт мне необходим
46.1. Участие в волонтерской деятельности	01	02	03	04	05	06
46.2. Участие в благотворительной деятельности	01	02	03	04	05	06
46.3. Участие в экологических акциях	01	02	03	04	05	06
46.4. Участие в мемориальных мероприятиях, связанных с военным прошлым России	01	02	03	04	05	06

46.5. Участие в экскурсиях по знаковым для истории и современности России местам	01	02	03	04	05	06
46.6. Участие во встречах с ветеранами войн, героями, выдающимися людьми России	01	02	03	04	05	06
46.7. Участие в профильных сменах, слетах, фестивалях школьного актива	01	02	03	04	05	06
46.8. Участие в мероприятиях, связанных с поддержанием мира и согласия между народами России	01	02	03	04	05	06
46.9. Участие в мероприятиях, посвященных воссоединению России и Крыма	01	02	03	04	05	06

Несколько вопросов о себе

47. Возраст (полных лет) _____

48. Пол 01 – женский; 02 - мужской

49. Учебное заведение (напишите название) _____

50. Направление подготовки (напишите название) _____

51. Есть ли у Вас опыт проживания или путешествий по континентальной части России? (один вариант ответа)

01 - да, регулярно выезжаю на континентальную часть России;

02 - да, раз в год обязательно выезжаю на континентальную часть России;

03 - да, это было несколько лет назад;

04 - нет, нет возможностей;

05 - нет, нет желания;

06 - другое

(напишите) _____

52. Вы считаете себя:

01 – крымским татарин(ой) (крымской татаркой); 02 – русским (ой); 03 – украинцем (кой);

04 – другое _____

53. На каком языке преимущественно Вы общаетесь дома с родными и близкими? (один вариант ответа)

01 - на крымско-татарском; 02 - на русском; 03 - на украинском; 04 - на

другом _____

54. Населенный пункт/место жительства _____

55. Уровень дохода на одного члена семьи в месяц:

01 - менее 5 000 руб.; 02 – от 5 000 до 10 000 руб.; 03 – от 10 000 до 15 000 руб.; 04 – более

15 000 руб.;

05 - другое (напишите, что именно) _____

56. Какими социальными сетями Вы пользуетесь? _____

57. Электронная почта/телефон/аккаунт в социальной сети _____

СПАСИБО ЗА УЧАСТИЕ В ОПРОСЕ!

Приложение Б

Полученные данные исследовательских волн, 2017 и 2018 гг.

Выберите, пожалуйста, из предложенного списка выражения, которые, на Ваш взгляд, наиболее точно отражают особенности истории нашей страны (не более 3-х вариантов ответов) (в % к числу ответивших)		
	2017 г.	2018 г.
"С Ивана Калиты последовательно и упорно собиралась Россия и достигла размеров, потрясающих воображение всех народов мира"	21,5	21,4
"Во всем свете у нас только два верных союзника — наша армия и флот. Все остальные, при первой возможности, сами ополчатся против нас"	34,6	33,2
"Россия не такая страна, которую можно действительно завоевать, т. е. оккупировать; по крайней мере, этого нельзя сделать... силами современных европейских государств... Такая страна может быть побеждена лишь внутренней слабостью и действием внутренних раздоров"	52,1	50,8
"Надо отдать должное уму и такту наших предков... Они относились к окрестным народам как к равным, пусть даже непохожим на них. И благодаря этому они устояли в вековой борьбе, утвердив как принцип не истребление соседей, а дружбу народов"	38,1	36,9
"Это не Россия находится между Востоком и Западом. Это Восток и Запад находятся слева и справа от России"	19,8	23,7
"Я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя;... но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог её дал"	29,9	25,8
Другое	0,7	2,6

Как Вы считаете, что можно считать основными достижениями предыдущих поколений россиян? (не более 3-х вариантов ответов) (в % к числу ответивших)		
	2017 г.	2018 г.
национальный характер россиян	33,1	30,6
огромный размер территории страны	52,6	50,7
сохранение независимости государства	46,4	38,8
создание уникальной культуры	34,4	39,3
мир и согласие между народами	27,4	29,5

военную мощь, ядерный щит	37,1	38,3
другое	0,3	1,0

Знаете ли Вы о том, как история Вашей семьи связана с историей России?
(один вариант ответа) (в % к числу ответивших)

	2017 г.	2018 г.
да, у нас есть семейный архив, и мы его бережно храним	7,8	7,5
да, мои родители/родственники подробно рассказали об этом	43,3	42,0
да, на одном из занятий в вузе я выполнил (-а) такое задание	6,6	6,6
нет, не задумывался (-лась) об этом	15,2	20,3
нет, первый раз сталкиваюсь с таким вопросом	10,0	7,2
нет, мои родственники не смогли мне что-либо рассказать	6,8	4,8
нет, моя семья связана с историей другой страны	9,7	10,5
другое	0,4	0,9

На Ваш взгляд, как гражданин России должен проявлять свой патриотизм, любовь к Родине?
(не более 3-х вариантов ответов) (в % к числу ответивших)

	2017 г.	2018 г.
доверять согражданам	10,4	7,9
беречь родной язык/родные языки	51,2	48,3
гордиться победами предков	35,9	37,3
быть причастным к великой культуре	21,6	19,2
защищать слабых, стремиться к справедливости	32,1	29,6
бережно и уважительно относиться к традициям страны и ее народов	58,2	60,9
иметь российское гражданство	1,3	4,1
быть готовым служить в армии	8,9	12,8
не нарушать законы страны	37,2	30,0
другое	1,1	2,1

В каких знаковых для российской истории и современности местах Вам удалось побывать? (выбор вариантов ответов не ограничен) (в % к числу ответивших)

	2017 г.	2018 г.
Место крещения князя Владимира на территории Херсонеса Таврического в Севастополе	78,8	66,6

Куликово поле в Тульской области	6,5	6,8
Памятник-ансамбль на Мамаевом кургане в Волгограде	5,1	7,1
Пискаревское мемориальное кладбище в Санкт-Петербурге	9,3	13,5
Мемориальный комплекс «35-я береговая батарея» в Севастополе	84,4	81,7
Олимпийские объекты в Сочи	16,9	21,6
Объекты спортивной инфраструктуры Универсиады в Казани	4,0	7,9
Другое	16,3	16,3

В каких знаковых для российской истории и современности местах Вам не удалось, а хотелось бы побывать? (выбор вариантов ответов не ограничен) (в % к числу ответивших)		
	2017 г.	2018 г.
Место крещения князя Владимира на территории Херсонеса Таврического в Севастополе	12,9	22,8
Куликово поле в Тульской области	67,0	59,3
Памятник-ансамбль на Мамаевом кургане в Волгограде	54,4	53,4
Пискаревское мемориальное кладбище в Санкт-Петербурге	59,7	56,7
Мемориальный комплекс «35-я береговая батарея» в Севастополе	12,5	15,8
Олимпийские объекты в Сочи	52,9	57,7
Объекты спортивной инфраструктуры Универсиады в Казани	52,6	51,9
Другое	15,8	16,1

Стремитесь ли Вы узнать больше об истории нашей страны? (в % к числу ответивших)		
	2017 г.	2018 г.
Да, системно ищу информацию	24,8	22,4
Да, но пока не делаю это системно, не хватает времени	37,3	38,9
Скорее нет, чем да, мне достаточно знаний, которые я получаю в вузе	26,1	22,9
Скорее нет, чем да, мне достаточно информации из СМИ и Интернета	8,2	8,1
Нет, я прекрасно знаю Россию	2,2	2,5
Нет, мне это не интересно	1,1	4,8

Стремитесь ли Вы узнать больше об актуальном периоде развития нашей страны? (в % к числу ответивших)		
	2017 г.	2018 г.
Да, системно ищу информацию	19,8	22,6
Да, но пока не делаю это системно, не хватает времени	29,9	32,6
Скорее нет, чем да, мне достаточно знаний, которые я получаю в вузе	27,1	21,4
Скорее нет, чем да, мне достаточно информации из СМИ и Интернета	17,5	15,8
Нет, я прекрасно знаю Россию	1,5	1,5
Нет, мне это не интересно	4,0	5,8

Стремитесь ли Вы узнать больше о выдающихся россиянах, прославивших Россию в прошлом? (в % к числу ответивших)		
	2017 г.	2018 г.
Да, системно ищу информацию	18,9	19,0
Да, но пока не делаю это системно, не хватает времени	30,2	29,7
Скорее нет, чем да, мне достаточно знаний, которые я получаю в вузе	26,1	27,6
Скорее нет, чем да, мне достаточно информации из СМИ и Интернета	18,6	13,1
Нет, я прекрасно знаю Россию	3,5	2,1
Нет, мне это не интересно	2,5	8,3

Стремитесь ли Вы узнать больше о выдающихся россиянах, живущих в настоящее время? (в % к числу ответивших)		
	2017 г.	2018 г.
Да, системно ищу информацию	12,0	14,2
Да, но пока не делаю это системно, не хватает времени	19,3	24,0
Скорее нет, чем да, мне достаточно знаний, которые я получаю в вузе	22,0	21,1
Скорее нет, чем да, мне достаточно информации из СМИ и Интернета	38,8	28,9
Нет, я прекрасно знаю Россию	2,8	1,7
Нет, мне это не интересно	4,8	9,9

Стремитесь ли Вы узнать больше о культурном наследии нашей страны (литературе, поэзии, живописи и т.п.)? (в % к числу ответивших)		
	2017 г.	2018 г.
Да, системно ищу информацию	23,0	26,2
Да, но пока не делаю это системно, не хватает времени	26,7	31,5
Скорее нет, чем да, мне достаточно знаний, которые я получаю в вузе	26,1	22,3
Скорее нет, чем да, мне достаточно информации из СМИ и Интернета	14,1	10,3
Нет, я прекрасно знаю Россию	4,3	3,6
Нет, мне это не интересно	5,6	5,9

Стремитесь ли Вы узнать больше о развитии современного искусства в России? (в % к числу ответивших)		
	2017 г.	2018 г.
Да, системно ищу информацию	8,0	16,5
Да, но пока не делаю это системно, не хватает времени	28,4	27,7
Скорее нет, чем да, мне достаточно знаний, которые я получаю в вузе	13,2	14,1
Скорее нет, чем да, мне достаточно информации из СМИ и Интернета	20,0	20,0
Нет, я прекрасно знаю Россию	1,5	2,0
Нет, мне это не интересно	28,7	19,5

Стремитесь ли Вы узнать больше о географии и путешествиях по нашей стране? (в % к числу ответивших)		
	2017 г.	2018 г.
Да, системно ищу информацию	21,5	21,4
Да, но пока не делаю это системно, не хватает времени	32,6	33,1
Скорее нет, чем да, мне достаточно знаний, которые я получаю в вузе	16,6	16,7
Скорее нет, чем да, мне достаточно информации из СМИ и Интернета	20,2	16,4
Нет, я прекрасно знаю Россию	1,4	2,1
Нет, мне это не интересно	7,4	10,1

Стремитесь ли Вы узнать больше о жителях различных регионов, о многочисленных народах нашей страны? (в % к числу ответивших)		
	2017 г.	2018 г.
Да, системно ищу информацию	8,2	12,5
Да, но пока не делаю это системно, не хватает времени	21,5	24,1
Скорее нет, чем да, мне достаточно знаний, которые я получаю в вузе	24,7	20,7
Скорее нет, чем да, мне достаточно информации из СМИ и Интернета	22,1	22,9
Нет, я прекрасно знаю Россию	2,0	2,5
Нет, мне это не интересно	21,2	17,1

Стремитесь ли Вы узнать больше о другом? (в % к числу ответивших)		
	2017 г.	2018 г.
Да, системно ищу информацию	33,8	34,3
Да, но пока не делаю это системно, не хватает времени	11,4	11,7
Скорее нет, чем да, мне достаточно знаний, которые я получаю в вузе	10,0	13,5
Скорее нет, чем да, мне достаточно информации из СМИ и Интернета	16,9	18,1
Нет, я прекрасно знаю Россию	4,0	0,3
Нет, мне это не интересно	23,6	21,8

Считаете ли Вы, что сохранение культурного и исторического наследия нашей страны - это сфера ответственности каждого гражданина России? (один вариант ответа) (в % к числу ответивших)		
	2017 г.	2018 г.
да, так и должно быть	67,0	60,3
да, но не знаю, что я конкретно могу сделать	23,5	22,4
трудно сказать, никогда не задумывался(ась) над этим вопросом	7,0	12,0
нет, это задача государственных органов и культурных учреждений	2,3	4,4
другое	0,0	0,7

Выберите, пожалуйста, утверждение, с которым Вы согласны (один вариант ответа) (в % к числу ответивших)		
	2017 г.	2018 г.
Россия - это страна с продолжительной историей, истоки государственности которой начинаются в IX веке	52,7	55,0
российская государственность связана с объединением княжеств вокруг Москвы и деятельностью Ивана III в XV-XVI в.	31,6	28,2
Россия - это одно из молодых государств, сформировавшееся на осколках СССР в начале 90-х гг. XX века	14,6	15,0
другое	0,9	1,5

Какую точку зрения Вы разделяете? (один вариант ответа) (в % к числу ответивших)		
	2017 г.	2018 г.
с первых шагов своего становления Россия была многонациональной	24,3	31,0
многонациональность России связана с ее политикой активного расширения территории, начиная с XV века	60,7	53,2
многонациональность России была построена в советский период развития страны, в XX веке	14,8	14,2
другое	0,0	1,4

Какое мнение Вы считаете истинным? (один вариант ответа) (в % к числу ответивших)		
	2017 г.	2018 г.
Россия – уникальная цивилизация мирного объединения, сохранения и развития многочисленных народов, аналогичная ситуация сложилась только в Индии	54,6	46,7
Россия – такой же "плавильный котел" народов, как, например, США	19,7	23,7
для России характерны те же особенности создания многонационального государства, что мы наблюдаем, например, в Великобритании или Франции	22,6	25,4
другое	3,1	4,1

Как бы Вы определили геополитический статус современной России? (один вариант ответа) (в % к числу ответивших)		
	2017 г.	2018 г.
Россия - мировая держава, решения и действия, которой оказывают глобальное влияние на мир	66,8	61,6

Россия - лидер Евразийского пространства, инициатор международных интеграционных процессов в Евразии	20,2	19,7
Россия - региональная держава, ориентированная на постсоветское пространство и не способная оказывать глобальное воздействие на мир	12,9	17,3
другое	0,0	1,2

Как Вы оцениваете культурный и духовно-нравственный потенциал современной России? (один вариант ответа) (в % к числу ответивших)		
	2017 г.	2018 г.
Россия - цивилизация, сохраняющая традиционные ценности и ориентиры мировых религий	50,3	54,7
Россия - цивилизация, соединяющая ценности и традиции Запада и Востока	41,6	33,0
Россия - вестернизированная цивилизация, ориентированная на ценности западных стран	6,9	9,8
другое	1,1	2,4

На Ваш взгляд, эффективно ли Россия защищает свой суверенитет (независимость и самостоятельность)? (один вариант ответа) (в % к числу ответивших)		
	2017 г.	2018 г.
да, эффективно	50,3	47,6
отчасти эффективно	45,3	46,7
неэффективно	2,5	4,8
другое	1,7	0,7

Пожалуйста, выразите свою позицию об изменениях, которые произошли в Крыму с 16 марта 2014 года по настоящее время (ответ дается по каждой строке, 0-5 – предпочтение утверждения в левой колонке, 6-10 – предпочтение утверждения в правой колонке) (в % к числу ответивших)		
	2017 г.	2018 г.
Порядка стало меньше, понизился уровень безопасности	3,15	4,4
1	4,1	2,4
2	2,2	4,0
3	6,5	6,7
4	3,1	5,8

5	8,6	12,2
6	18,0	17,7
7	18,2	15,8
8	15,1	15,6
9	10,7	7,9
Порядка стало больше, повысился уровень безопасности	9,9	6,9

Пожалуйста, выразите свою позицию об изменениях, которые произошли в Крыму с 16 марта 2014 года по настоящее время
(ответ дается по каждой строке, 0-5 – предпочтение утверждения в левой колонке, 6-10 – предпочтение утверждения в правой колонке)
(в % к числу ответивших)

	2017 г.	2018 г.
Экономика Крыма стала менее стабильной	2,7	4,4
1	7,4	4,2
2	9,4	7,3
3	6,7	9,7
4	8,9	11,5
5	24,6	20,9
6	15,6	16
7	7,3	9,0
8	6,2	8,6
9	6,1	4,7
Экономика Крыма стала более стабильной	4,7	3,2

Пожалуйста, выразите свою позицию об изменениях, которые произошли в Крыму с 16 марта 2014 года по настоящее время
(ответ дается по каждой строке, 0-5 – предпочтение утверждения в левой колонке, 6-10 – предпочтение утверждения в правой колонке)
(в % к числу ответивших)

	2017 г.	2018 г.
Социальная инфраструктура стала менее динамично развиваться	1,4	2,9
1	3,9	3,1
2	4,7	5,3
3	2,8	4,3
4	3,9	6,2
5	18,6	16,2
6	21,6	18,1
7	14,0	14,5
8	13,1	16,1
9	10,8	8,4

Социальная инфраструктура стала более динамично развиваться	4,7	4,4
---	-----	-----

Пожалуйста, выразите свою позицию об изменениях, которые произошли в Крыму с 16 марта 2014 года по настоящее время
(ответ дается по каждой строке, 0-5 – предпочтение утверждения в левой колонке, 6-10 – предпочтение утверждения в правой колонке)
(в % к числу ответивших)

	2017 г.	2018 г.
Межнациональные и межконфессиональные отношения стали более напряженными и менее гармоничными	0,8	3,9
1	5,0	5,0
2	11,9	8,4
3	6,5	7,2
4	14,5	12,1
5	23,5	22,2
6	9,3	14,4
7	9,8	8,8
8	7,8	8,8
9	5,6	4,3
Межнациональные и межконфессиональные отношения стали менее напряженными и более гармоничными	4,9	4,5

Пожалуйста, выразите свою позицию об изменениях, которые произошли в Крыму с 16 марта 2014 года по настоящее время
(ответ дается по каждой строке, 0-5 – предпочтение утверждения в левой колонке, 6-10 – предпочтение утверждения в правой колонке)
(в % к числу ответивших)

	2017 г.	2018 г.
Другое	21,0	18,4
1	0,0	5,4
2	15,8	4,3
3	21,0	11,9
4	5,2	4,3
5	10,5	22,8
6	5,2	4,3
7	15,8	9,7
8	5,2	7,6
9	0,0	3,2
Другое	0,0	7,6

Пожалуйста, выразите свою позицию об изменениях, которые произошли в Крыму с 16 марта 2014 года по настоящее время
(ответ дается по каждой строке, 0-5 – предпочтение утверждения в левой колонке, 6-10 – предпочтение утверждения в правой колонке)
(в % к числу ответивших)

	2017 г.	2018 г.
Стало меньше возможностей для поступления в российские вузы по всей стране	0,5	2,2
1	1,4	2,1
2	3,9	2,7
3	2,1	4,3
4	5,0	5,5
5	7,3	8,4
6	7,8	9,8
7	13,1	11,6
8	15,3	14,4
9	19,8	17,6
Расширились возможности поступления в российские вузы по всей стране	23,4	21,1

Пожалуйста, выразите свою позицию об изменениях, которые произошли в Крыму с 16 марта 2014 года по настоящее время
(ответ дается по каждой строке, 0-5 – предпочтение утверждения в левой колонке, 6-10 – предпочтение утверждения в правой колонке)
(в % к числу ответивших)

	2017 г.	2018 г.
Понизилось качество образовательного процесса	0,5	1,8
1	1,6	2,3
2	3,4	3,1
3	3,4	5,4
4	7,1	7,0
5	21,1	16,5
6	16,8	14,5
7	16,3	15,0
8	11,4	14,3
9	9,2	11,4
Повысилось качество образовательного процесса	8,9	8,2

Пожалуйста, выразите свою позицию об изменениях, которые произошли в Крыму с 16 марта 2014 года по настоящее время
(ответ дается по каждой строке, 0-5 – предпочтение утверждения в левой колонке, 6-10 – предпочтение утверждения в правой колонке)
(в % к числу ответивших)

	2017 г.	2018 г.
Уменьшилось социальное обеспечение студенчества	3,5	3,8

1	5,2	5,3
2	6,3	3,1
3	9,2	8,3
4	6,4	7,3
5	16,0	17,1
6	16,9	14,3
7	14,8	14,3
8	10,8	13,1
9	5,2	8,3
Увеличилось социальное обеспечение студенчества	5,1	4,6

Пожалуйста, выразите свою позицию об изменениях, которые произошли в Крыму с 16 марта 2014 года по настоящее время
(ответ дается по каждой строке, 0-5 – предпочтение утверждения в левой колонке, 6-10 – предпочтение утверждения в правой колонке)
(в % к числу ответивших)

	2017 г.	2018 г.
Другое	7,1	5,7
1	2,3	1,4
2	9,5	5,7
3	0,0	5,7
4	23,8	18,5
5	40,4	28,5
6	2,3	10
7	2,3	2,8
8	4,7	7,1
9	7,7	4,2
Другое	2,3	10,0

Какие приоритетные задачи стоят перед Крымом сегодня?
(возможны не более 3-х вариантов ответа) (в % к числу ответивших)

	2017 г.	2018 г.
решение инфраструктурных проблем	61,7	54,2
повышение уровня жизни населения	73,0	72,6
привлечение инвестиций	39,1	34,2
развитие бизнеса	26,7	25,7
предотвращение межнациональных конфликтов	22,7	33,6
решение проблем транспортного сообщения с материком	59,8	47,8
другое	1,5	1,7

Выберите из перечисленных ниже группы, наиболее близкие вам по духу (не более 3-х вариантов ответа) (в % к числу ответивших)		
	2017 г.	2018 г.
Мы - граждане Российской Федерации	43,6	48,3
Мы - жители нашего города/села	18,1	19,9
Мы - люди нашего поколения	40,6	39,4
Мы - люди нашей национальности	6,0	9,7
Мы - жители полуострова	36,3	40,3
Мы - мужчины/ Мы - женщины	12,0	13,3
Мы - люди нашего уровня жизни	7,2	8,0
Мы - носители семейной роли	4,8	6,5
Мы - люди одной веры	7,3	10,5
Мы - люди общей судьбы	15,8	11,4
Мы - носители определенной культуры	37,6	29,3
Мы - люди одних политических взглядов	7,7	6,5
другое	2,9	1,4

В какой степени Вы гордитесь принадлежностью к следующим группам? (ответ дается по каждому столбцу и по каждой строке) (в % к числу ответивших)		
Мы - граждане Российской Федерации		
	2017 г.	2018 г.
Горжусь своей принадлежностью, чувствую, что представители моей группы лучше других	47,5	48,2
Чувствую свою принадлежность, но не горжусь этим	33,2	35,1
Не чувствую свою принадлежность	12,8	12,4
Другое	6,4	4,1

В какой степени Вы гордитесь принадлежностью к следующим группам? (ответ дается по каждому столбцу и по каждой строке) (в % к числу ответивших)		
Мы - жители нашего города/села		
	2017 г.	2018 г.
Горжусь своей принадлежностью, чувствую, что представители моей группы лучше других	39,4	43,3
Чувствую свою принадлежность, но не горжусь этим	42,4	42,4
Не чувствую свою принадлежность	14,1	11,9

Другое	4,0	2,3
--------	-----	-----

В какой степени Вы гордитесь принадлежностью к следующим группам? (ответ дается по каждому столбцу и по каждой строке) (в % к числу ответивших)		
Мы - люди нашего поколения		
	2017 г.	2018 г.
Горжусь своей принадлежностью, чувствую, что представители моей группы лучше других	28,9	42,2
Чувствую свою принадлежность, но не горжусь этим	47,5	43,7
Не чувствую свою принадлежность	18,6	10,6
Другое	4,9	3,3

В какой степени Вы гордитесь принадлежностью к следующим группам? (ответ дается по каждому столбцу и по каждой строке) (в % к числу ответивших)		
Мы - люди нашей национальности		
	2017 г.	2018 г.
Горжусь своей принадлежностью, чувствую, что представители моей группы лучше других	36,7	47,5
Чувствую свою принадлежность, но не горжусь этим	45,2	37,6
Не чувствую свою принадлежность	15,5	12,7
Другое	2,4	2,2

В какой степени Вы гордитесь принадлежностью к следующим группам? (ответ дается по каждому столбцу и по каждой строке) (в % к числу ответивших)		
Мы - жители полуострова		
	2017 г.	2018 г.
Горжусь своей принадлежностью, чувствую, что представители моей группы лучше других	47,5	52,9
Чувствую свою принадлежность, но не горжусь этим	30,9	34
Не чувствую свою принадлежность	15,2	9,2
Другое	6,4	3,7

В какой степени Вы гордитесь принадлежностью к следующим группам? (ответ дается по каждому столбцу и по каждой строке) (в % к числу ответивших)		
Мы - мужчины/ Мы - женщины		
	2017 г.	2018 г.

Горжусь своей принадлежностью, чувствую, что представители моей группы лучше других	37,1	47,1
Чувствую свою принадлежность, но не горжусь этим	52,1	42,8
Не чувствую свою принадлежность	7,2	6,8
Другое	3,5	3,2

В какой степени Вы гордитесь принадлежностью к следующим группам? (ответ дается по каждому столбцу и по каждой строке) (в % к числу ответивших)		
Мы - люди нашего уровня жизни		
	2017 г.	2018 г.
Горжусь своей принадлежностью, чувствую, что представители моей группы лучше других	16,8	22,8
Чувствую свою принадлежность, но не горжусь этим	45,6	52,1
Не чувствую свою принадлежность	32,9	21,1
Другое	4,5	3,9

В какой степени Вы гордитесь принадлежностью к следующим группам? (ответ дается по каждому столбцу и по каждой строке) (в % к числу ответивших)		
Мы - носители семейной роли		
	2017 г.	2018 г.
Горжусь своей принадлежностью, чувствую, что представители моей группы лучше других	32,3	41,4
Чувствую свою принадлежность, но не горжусь этим	38,1	36,2
Не чувствую свою принадлежность	26,3	19,8
Другое	3,1	2,4

В какой степени Вы гордитесь принадлежностью к следующим группам? (ответ дается по каждому столбцу и по каждой строке) (в % к числу ответивших)		
Мы - люди одной веры		
	2017 г.	2018 г.
Горжусь своей принадлежностью, чувствую, что представители моей группы лучше других	19,6	29,3
Чувствую свою принадлежность, но не горжусь этим	34,6	34,9
Не чувствую свою принадлежность	40,9	31,0
Другое	4,9	4,7

В какой степени Вы гордитесь принадлежностью к следующим группам? (ответ дается по каждому столбцу и по каждой строке) (в % к числу ответивших)		
Мы - люди общей судьбы		
	2017 г.	2018 г.
Горжусь своей принадлежностью, чувствую, что представители моей группы лучше других	14,1	23,9
Чувствую свою принадлежность, но не горжусь этим	37,2	35,8
Не чувствую свою принадлежность	45,7	37,1
Другое	2,9	3,0

В какой степени Вы гордитесь принадлежностью к следующим группам? (ответ дается по каждому столбцу и по каждой строке) (в % к числу ответивших)		
Мы - носители определенной культуры		
	2017 г.	2018 г.
Горжусь своей принадлежностью, чувствую, что представители моей группы лучше других	42,2	47,6
Чувствую свою принадлежность, но не горжусь этим	39,6	35,8
Не чувствую свою принадлежность	15,6	13,9
Другое	2,4	2,6

В какой степени Вы гордитесь принадлежностью к следующим группам? (ответ дается по каждому столбцу и по каждой строке) (в % к числу ответивших)		
Мы - люди одних политических взглядов		
	2017 г.	2018 г.
Горжусь своей принадлежностью, чувствую, что представители моей группы лучше других	15,5	20,7
Чувствую свою принадлежность, но не горжусь этим	22,0	30,8
Не чувствую свою принадлежность	57,5	44,7
Другое	4,8	3,7

В какой степени Вы гордитесь принадлежностью к следующим группам? (ответ дается по каждому столбцу и по каждой строке) (в % к числу ответивших)		
Другое		
	2017 г.	2018 г.
Горжусь своей принадлежностью, чувствую, что представители моей группы лучше других	1,2	45,4

Чувствую свою принадлежность, но не горжусь этим	37,8	45,4
Не чувствую свою принадлежность	8,5	4,5
Другое	52,4	4,5

Знаете ли Вы слова российского гимна? (возможен один вариант ответа) (в % к числу ответивших)		
	2017 г.	2018 г.
знаю и с удовольствием исполняю	24,8	29,6
знаю, но не привык/ла петь публично	31,8	36,5
знаю только некоторые фразы	30,0	22,1
не знаю, но обязательно выучу	1,9	0,7
не знаю и не считаю это важным	10,4	9,5
другое	1,0	1,4

Где (географически) Вы видите себя в ближайшие 5-6 лет? (возможен один вариант ответа) (в % к числу ответивших)		
	2017 г.	2018 г.
в Крыму	45,4	45,2
в столице России	8,6	10,2
в каких-либо крупных и экономически развитых городах России	23,1	18,4
за рубежом	17,1	20,5
другое	5,6	5,4

Насколько для вас важна материальная обеспеченность жизни? (в % к числу ответивших)		
	2017 г.	2018 г.
наименее важно	0,6	2,5
2	0,0	0,7
3	0,7	1,6
4	0,4	1,4
5	9,4	6,3
6	10,3	6,9
7	12,5	9,6
8	16,3	14,2
9	11,4	13,5
наиболее важно	38,5	42,9

Насколько для вас является важным наличие власти? (в % к числу ответивших)		
	2017 г.	2018 г.
наименее важно	16,5	10,3
2	3,9	5,3
3	6,0	6,1
4	5,7	6,0
5	19,2	17,5
6	6,4	10,4
7	15,4	13,6
8	6,6	8,7
9	5,0	7,0
наиболее важно	15	14,8

Насколько важно для вас общественное признание? (в % к числу ответивших)		
	2017 г.	2018 г.
наименее важно	6,5	6,6
2	2,8	3,0
3	10,3	8,8
4	1,9	4,4
5	21,8	16,2
6	15,1	10,8
7	11,9	14,0
8	9,8	12,6
9	9,2	8,3
наиболее важно	10,2	15,0

Насколько для вас важна свобода? (в % к числу ответивших)		
	2017 г.	2018 г.
наименее важно	1,5	2,4
2	0,0	0,6
3	0,0	0,6
4	0,0	0,3
5	1,6	2,4
6	2,4	1,3
7	4,1	5,3
8	15	10,7
9	9,9	11,9
наиболее важно	65,1	64,1

Насколько для вас важно образование, саморазвитие, познание? (в % к числу ответивших)		
	2017 г.	2018 г.
наименее важно	0,1	2,0
2	0,08	0,7
3	0,0	0,2
4	0,5	0,6
5	0,3	1,8
6	0,3	2,1
7	2,8	5,6
8	72,0	11,9
9	5,8	18,5
наиболее важно	17,7	56,1

Насколько для вас является важным интересная работа, профессиональный рост? (в % к числу ответивших)		
	2017 г.	2018 г.
наименее важно	0,1	1,7
2	0,1	0,7
3	0,7	1,2
4	0,08	0,8
5	0,8	1,7
6	2,2	3,2
7	3,2	3,9
8	18	14,6
9	15,6	15,1
наиболее важно	58,9	56,8

Насколько для вас является важным творческая самореализация, искусство? (в % к числу ответивших)		
	2017 г.	2018 г.
наименее важно	2,7	5,0
2	1,4	1,2
3	0,9	1,5
4	4,3	3,1
5	10,3	9,5
6	7,9	6,8
7	12,8	11,3
8	13,8	12,9
9	13,4	12,7
наиболее важно	32,1	35,7

Насколько для вас является важной счастливая семейная жизнь? (в % к числу ответивших)		
	2017 г.	2018 г.
наименее важно	3,5	3,5
2	2,3	1,6
3	0,6	1,3
4	0,9	2,1
5	8,5	5,5
6	0,6	2,1
7	8,8	6,5
8	8,5	7,5
9	19,8	14,3
наиболее важно	46,0	55,1

Насколько для важна любовь? (в % к числу ответивших)		
	2017 г.	2018 г.
наименее важно	6,5	6,1
2	0,1	0,8
3	0,2	1,3
4	1,8	2,0
5	7,0	5,1
6	2,4	2,5
7	10,9	7,5
8	7,0	7,2
9	14,4	13,2
наиболее важно	49,1	53,9

Насколько для вас является важным наличие друзей? (в % к числу ответивших)		
	2017 г.	2018 г.
наименее важно	3,7	3,7
2	0,08	1
3	1,6	2,1
4	1,4	1,7
5	6,2	5,1
6	1,5	4,3
7	15,1	9,0
8	10,6	10,0
9	15,5	15,6
наиболее важно	43,8	47,1

Насколько важным для вас является здоровье? (в % к числу ответивших)		
	2017 г.	2018 г.
наименее важно	0,8	2,9
2	0,9	1,0
3	2,6	0,4
4	0,08	0,3
5	2,5	2,6
6	1,7	2,5
7	4,5	3,1
8	5,2	5,8
9	13,7	11,0
наиболее важно	67,5	70,5

Насколько важно для вас досуг, развлечения? (в % к числу ответивших)		
	2017 г.	2018 г.
наименее важно	1,8	3,2
2	2,0	1,7
3	2,8	2,2
4	1,3	2,1
5	6,2	6,7
6	11,4	8,1
7	14,6	12,6
8	23,8	17,5
9	9,7	12,8
наиболее важно	26,0	32,7

Насколько для вас является важным счастье других людей, самопожертвование? (в % к числу ответивших)		
	2017 г.	2018 г.
наименее важно	4,8	5,6
2	4,2	4,3
3	5,4	3,9
4	5,5	5,1
5	14,2	12,9
6	9,0	10,5
7	11,6	13,3
8	22,5	17,6
9	7,1	8,6
наиболее важно	15,3	18,0

Насколько важно для вас «другое»? (в % к числу ответивших)		
	2017 г.	2018 г.
наименее важно	2,9	8,7
2	0,0	4,3
3	0,0	0,0
4	5,8	4,3
5	2,9	0,0
6	8,8	13,0
7	2,9	0,0
8	41,1	21,7
9	11,7	30,4
наиболее важно	23,5	17,3

Насколько важны для Вас следующие качества? (в % к числу ответивших)		
Твёрдая воля		
	2017 г.	2018 г.
наименее важно	0,08	2,1
2	1,4	0,6
3	0,4	1,0
4	1,0	1,8
5	7,2	5,4
6	7,3	6,5
7	14,2	14,2
8	25,2	19,5
9	16,2	16,6
наиболее важно	26,6	31,6

Насколько важны для Вас следующие качества? (в % к числу ответивших)		
Эффективность в делах		
	2017 г.	2018 г.
наименее важно	0,3	1,5
2	0,6	0,7
3	1,5	1,1
4	1,9	1,8
5	1,6	3,0
6	5,4	4,2
7	8,0	9,0
8	17,0	15,0
9	29,1	23,8
наиболее важно	34,1	39,5

Насколько важны для Вас следующие качества? (в % к числу ответивших)		
Независимость		
	2017 г.	2018 г.
наименее важно	0,6	1,8
2	0,1	1,2
3	1,4	1,0
4	1,4	1,3
5	2,1	3,0
6	5,5	5,4
7	11,7	9,4
8	14,5	13,9
9	20,1	17,8
наиболее важно	42,2	44,8

Насколько важны для Вас следующие качества? (в % к числу ответивших)		
Самоконтроль		
	2017 г.	2018 г.
наименее важно	0,1	1,8
2	0,09	0,5
3	1,5	1,0
4	1,4	0,5
5	1,3	3,4
6	1,4	3,0
7	16,3	10,0
8	15,3	14,2
9	23,2	21,0
наиболее важно	39,0	44,0

Насколько важны для Вас следующие качества? (в % к числу ответивших)		
Рационализм		
	2017 г.	2018 г.
наименее важно	0,2	1,5
2	0,3	1,2
3	1,7	1,0
4	1,7	1,8
5	6,0	6,2
6	11,1	7,4
7	14,3	15,5
8	18,4	16,6
9	20,9	19,0
наиболее важно	24,8	29,4

Насколько важны для Вас следующие качества? (в % к числу ответивших)		
Исполнительность		
	2017 г.	2018 г.
наименее важно	0,2	1,5
2	0,09	0,7
3	1,8	1,1
4	3,6	1,5
5	2,2	4,6
6	6,5	6,3
7	9,2	9,9
8	21,3	22,2
9	23,3	18,9
наиболее важно	31,3	32,9

Насколько важны для Вас следующие качества? (в % к числу ответивших)		
Терпимость, лояльность, чуткость		
	2017 г.	2018 г.
наименее важно	3,2	2,4
2	0,08	0,6
3	4,6	2,2
4	3,6	1,8
5	6,1	6,1
6	7,0	6,8
7	11,6	11,1
8	16,4	13,3
9	17,4	20,5
наиболее важно	30,2	34,7

Насколько важны для Вас следующие качества? (в % к числу ответивших)		
Честность		
	2017 г.	2018 г.
наименее важно	2,8	3,3
2	0,0	0,7
3	2,7	1,5
4	0,1	1,0
5	4,4	2,5
6	2,2	3,1
7	5,1	6,0
8	15,8	12,2
9	14,6	16,9
наиболее важно	51,9	52,4

Насколько важны для Вас следующие качества? (в % к числу ответивших)		
Ответственность		
	2017 г.	2018 г.
наименее важно	0,08	1,9
2	0,2	0,8
3	0,0	0,8
4	1,6	1,2
5	4,1	3,6
6	1,6	1,6
7	10,2	7,5
8	15,9	12,1
9	19,1	20,5
наиболее важно	46,9	49,6

Насколько важны для Вас следующие качества? (в % к числу ответивших)		
Непримиримость к недостаткам		
	2017 г.	2018 г.
наименее важно	8,1	8,5
2	4,8	3,7
3	7,7	6,5
4	9,2	8,3
5	20,0	16,4
6	13,0	11,1
7	10,0	10,5
8	11,3	11,7
9	2,7	6,2
наиболее важно	12,6	16,7

Насколько важны для Вас следующие качества? (в % к числу ответивших)		
Другое		
	2017 г.	2018 г.
наименее важно	15,5	27,6
2	0,0	0,0
3	2,8	6,9
4	23,9	0,0
5	2,8	1,3
6	1,4	3,4
7	0,0	0,0
8	2,8	13,8
9	0,0	0,0
наиболее важно	50,7	37,9

Какие ценности и смыслы, на Ваш взгляд, распространены в молодежной среде Крыма, прежде всего? (возможны не более 3-х вариантов ответа) (в % к числу ответивших)		
	2017 г.	2018 г.
"Мой личный успех - успех всей страны!"	27,9	28,5
"Спеши людям делать добро!"	21,5	31,7
"Россия - пространство моей личной ответственности!"	14,5	12,9
"Мы - наследники истории Великой страны!"	38,5	35,9
"Многонациональность России - наше конкурентное преимущество!"	12,5	14,7
"Фундамент благополучного общества - это закон и порядок"	21,7	24,3
"Справедливость и социальное государство - главные задачи современного общества"	35,8	30,9
"Моя свобода заканчивается там, где начинается свобода другого человека"	29,7	27,7
другое	2,3	3,1

Выберите из каждой пары противоположных ценностных суждений то, которое Вы считаете наиболее приемлемым (в % к числу ответивших)		
	2017 г.	2018 г.
Выбирая друга, я ориентируюсь, прежде всего, на этническую и (или) религиозную принадлежность человека	5,5	5,8
1	0,5	0,9
2	1,3	1,9
3	7,1	4,0
4	3,4	2,8
5	1,1	5,4
6	1,4	3,8
7	1,7	3,6
8	4,3	6,8
9	20,9	16,5
При выборе друга мне не важна этническая и (или) религиозная принадлежность человека	52,5	48,0

Выберите из каждой пары противоположных ценностных суждений то, которое Вы считаете наиболее приемлемым (в % к числу ответивших)		
	2017 г.	2018 г.
Выбирая спутника жизни, я ориентируюсь, прежде всего, на этническую и (или) религиозную принадлежность человека	6,9	8,6

1	2,1	2,6
2	8,0	5,4
3	4,2	4,1
4	7,4	6,4
5	6,5	11,9
6	7,2	6,7
7	3,8	5,8
8	7,6	7,3
9	8,4	8,0
При выборе спутника жизни мне не важна его (ее) этническая и (или) религиозная принадлежность	37,5	32,8

Выберите из каждой пары противоположных ценностных суждений то, которое Вы считаете наиболее приемлемым (в % к числу ответивших)		
	2017 г.	2018 г.
Мне легче оправдать плохой поступок или даже преступление человека, принадлежащего к той же этнической и (или религиозной группе), что и я	3,2	4,5
1	0,8	1,2
2	3,4	3,6
3	2,6	3,4
4	2,3	2,8
5	13,4	12,3
6	6,3	4,9
7	2,4	2,8
8	6,1	7,9
9	9,9	11,9
Я одинаково отношусь к плохим поступкам и преступлениям вне зависимости от того, совершил ли их человек, принадлежащий к той же этнической и (или религиозной группе), что и я или к другой	49,1	44,1

Выберите из каждой пары противоположных ценностных суждений то, которое Вы считаете наиболее приемлемым (в % к числу ответивших)		
	2017 г.	2018 г.
Представители определенных этнических групп изначально настроены по отношению ко мне критически	7,4	7,7
1	1,2	1,8
2	8,1	4,1
3	1,8	3,8
4	7,2	4,5
5	7,4	9,2

6	5,2	7,2
7	4,7	5,5
8	7,7	6,9
9	13,6	11,9
Я никогда не испытывал недоброжелательное отношение людей только из-за того, что я принадлежу к определенной этнической (религиозной) группе	35,3	36,9

Выберите из каждой пары противоположных ценностных суждений то, которое Вы считаете наиболее приемлемым (в % к числу ответивших)		
	2017 г.	2018 г.
Я довольно настороженно отношусь к людям, не принадлежащим к той же этнической (религиозной) группе, что и я	5,1	4,8
1	1,5	1,4
2	5,2	3,8
3	4,8	3,8
4	3,3	3,6
5	3,6	7,8
6	5,6	5,2
7	4,6	7,6
8	12,6	11,0
9	11,3	10,9
Я одинаково отношусь к людям вне зависимости от их этнической (религиозной) принадлежности	41,8	39,8

Оценивая личность человека в целом, на какие характеристики Вы обращаете внимание, прежде всего? (не более 3-х вариантов ответа) (в % к числу ответивших)		
	2017 г.	2018 г.
общность религиозных взглядов	9,3	15,7
общность политических взглядов	20,4	20,8
этническое происхождение	6,4	9,5
социальный статус	25,3	27,8
материальное благополучие	12,8	11,3
общность интересов	89,0	84,8
другое	1,9	2,7

С Вашей точки зрения, кто должен быть лидером общественного мнения, формировать ценностные приоритеты и повестку дня для современной молодежи? (не более 3-х вариантов ответа) (в % к числу ответивших)		
	2017 г.	2018 г.
семья	61,1	68,4
духовные/религиозные институты	17,9	18,1
политические лидеры	21,9	17,1
политические партии	12,5	9,0
общественные организации	38,7	32,7
СМИ	17,4	19,8
Интернет	27,1	24,6
другое	2,9	4,2

Считаете ли Вы себя человеком с активной жизненной позицией? (оцените по 10-балльной шкале, где 0 - минимальное значение оценки, а 10 - максимальное значение оценки) (в % к числу ответивших)		
	2017 г.	2018 г.
минимальное значение	5,3	3,6
1	2,3	2,2
2	4,1	2,3
3	5,9	3,0
4	4,1	4,4
5	21,6	15,5
6	7,6	10,7
7	18,2	17,5
8	12,1	18,0
9	5,3	7,0
максимальное значение	7,0	15,3

Хотели бы Вы в свободное время участвовать в реализации социальных проектов? (один вариант ответа) (в % к числу ответивших)		
	2017 г.	2018 г.
да	13,3	20,2
скорее да, чем нет	40,3	34,4
скорее нет, чем да	30,9	27,2
нет	13,9	17,4
другое	1,5	0,6

В каких социальных и других проектах Вы хотели бы участвовать? (не более 3-х вариантов ответа) (в % к числу ответивших)		
	2017 г.	2018 г.
участие в деятельности природоохранных организаций	35,8	34,8
помощь детям-сиротам	46,3	50,0
помощь людям с ограниченными возможностями здоровья	34,4	33,3
участие в деятельности политических организаций	33,2	27,3
помощь животным	60,9	50,3
участие в деятельности организаций, защищающих права этнических меньшинств	12,9	12,9
участие в деятельности религиозных организаций	4,4	5,1
другое	1,5	2,0

Пожалуйста, выразите свое отношение к следующему высказыванию «Все народы России имеют равные права» (в % к числу ответивших)		
	2017 г.	2018 г.
Согласен и так есть в действительности	55,1	58,4
Согласен, но этого нет в действительности	34,2	31,5
Не согласен, однако это есть в действительности	3,6	3,7
Не согласен и этого нет в действительности	6,1	5,3
Другое (напишите)	0,7	0,8

Пожалуйста, выразите свое отношение к следующему высказыванию «Все народы России имеют полноценную возможность сохранять свой язык, традиции, культуру» (в % к числу ответивших)		
	2017 г.	2018 г.
Согласен и так есть в действительности	70,2	67,7
Согласен, но этого нет в действительности	21,8	24,5
Не согласен, однако это есть в действительности	3,7	3,4
Не согласен и этого нет в действительности	2,8	2,8
Другое (напишите)	1,2	1,2

Пожалуйста, выразите свое отношение к следующему высказыванию «Все народы России свободны в сохранении и развитии своей религии» (в % к числу ответивших)		
	2017 г.	2018 г.
Согласен и так есть в действительности	68,5	66,3
Согласен, но этого нет в действительности	20,2	24,1
Не согласен, однако это есть в действительности	4,3	4,6
Не согласен и этого нет в действительности	4,7	3,3
Другое (напишите)	2,0	1,6

Пожалуйста, выразите свое отношение к следующему высказыванию «Все народы России имеют одинаковый доступ к экономическим ресурсам страны» (в % к числу ответивших)		
	2017 г.	2018 г.
Согласен и так есть в действительности	37,0	40,4
Согласен, но этого нет в действительности	35,0	36,0
Не согласен, однако это есть в действительности	5,7	6,3
Не согласен и этого нет в действительности	21,2	16,0
Другое (напишите)	0,8	1,1

Пожалуйста, выразите свое отношение к следующему высказыванию «Все народы России имеют одинаковый доступ к высоким социальным и политическим статусам» (в % к числу ответивших)		
	2017 г.	2018 г.
Согласен и так есть в действительности	45,1	44,0
Согласен, но этого нет в действительности	26,1	30,8
Не согласен, однако это есть в действительности	9,5	8,2
Не согласен и этого нет в действительности	19,1	15,6
Другое (напишите)	0,0	1,2

Пожалуйста, выразите свое отношение к следующему высказыванию «Все народы Крыма имеют равные права» (в % к числу ответивших)		
	2017 г.	2018 г.
Согласен и так есть в действительности	55,5	63,6

Согласен, но этого нет в действительности	32,7	24,5
Не согласен, однако это есть в действительности	6,3	5,7
Не согласен и этого нет в действительности	3,3	4,2
Другое (напишите)	2,0	1,7

Пожалуйста, выразите свое отношение к следующему высказыванию «Все народы Крыма имеют полноценную возможность сохранять свой язык, традиции, культуру» (в % к числу ответивших)		
	2017 г.	2018 г.
Согласен и так есть в действительности	70,1	69,1
Согласен, но этого нет в действительности	20,8	21,6
Не согласен, однако это есть в действительности	4,0	4,4
Не согласен и этого нет в действительности	3,5	3,4
Другое (напишите)	1,4	1,2

Пожалуйста, выразите свое отношение к следующему высказыванию «Все народы Крыма свободны в сохранении и развитии своей религии» (в % к числу ответивших)		
	2017 г.	2018 г.
Согласен и так есть в действительности	75,4	73,7
Согласен, но этого нет в действительности	14,1	17,8
Не согласен, однако это есть в действительности	7,2	4,8
Не согласен и этого нет в действительности	1,7	2,3
Другое (напишите)	1,4	1,2

Пожалуйста, выразите свое отношение к следующему высказыванию «Все народы Крыма имеют одинаковый доступ к экономическим ресурсам страны» (в % к числу ответивших)		
	2017 г.	2018 г.
Согласен и так есть в действительности	47,1	48,0
Согласен, но этого нет в действительности	31,0	32,7
Не согласен, однако это есть в действительности	10,0	7,7
Не согласен и этого нет в действительности	10,7	10,0
Другое (напишите)	1,0	1,4

Пожалуйста, выразите свое отношение к следующему высказыванию «Все народы Крыма имеют одинаковый доступ к высоким социальным и политическим статусам» (в % к числу ответивших)		
	2017 г.	2018 г.
Согласен и так есть в действительности	52,0	52,1
Согласен, но этого нет в действительности	23,1	25,5
Не согласен, однако это есть в действительности	10,1	8,8
Не согласен и этого нет в действительности	13,4	11,7
Другое (напишите)	1,2	1,8

Как Вам кажется, возможны ли в Вашем населённом пункте конфликты, столкновения, массовые выступления по причине Расслоения на бедных и богатых? (в % к числу ответивших)		
	2017 г.	2018 г.
Скорее возможны	47,0	49,3
Скорее не возможны	52,8	50,0
Другое	0,1	0,6

Как Вам кажется, возможны ли в Вашем населённом пункте конфликты, столкновения, массовые выступления по причине Межнациональных или межэтнических различий? (в % к числу ответивших)		
	2017 г.	2018 г.
Скорее возможны	51,9	51,6
Скорее не возможны	47,9	47,4
Другое	0,1	0,9

Как Вам кажется, возможны ли в Вашем населённом пункте конфликты, столкновения, массовые выступления по причине Религиозно-конфессиональных различий? (в % к числу ответивших)		
	2017 г.	2018 г.
Скорее возможны	40,0	44,0
Скорее не возможны	59,5	54,6
Другое	0,4	1,3

Как Вам кажется, возможны ли в Вашем населённом пункте конфликты, столкновения, массовые выступления по причине политических, идеологических различий? (в % к числу ответивших)		
	2017 г.	2018 г.
Скорее возможны	56,5	59,2
Скорее не возможны	43,0	39,6
Другое	0,4	1,0

Как Вам кажется, возможны ли в Вашем населённом пункте конфликты, столкновения, массовые выступления по другим причинам? (в % к числу ответивших)		
	2017 г.	2018 г.
Скорее возможны	72,0	60,6
Скорее не возможны	23,2	36,4
Другое	4,6	3,0

На Ваш взгляд, важно ли в современной России сохранять единое языковое пространство, в котором русский язык - язык общения между многочисленными народами России? (один вариант ответа) (в % к числу ответивших)		
	2017 г.	2018 г.
да, крайне важно, так обеспечивается единство страны и взаимопонимание между народами России	45,0	48,2
да, крайне важно, но при условии свободного развития других языков многочисленных народов России	48,8	39,0
трудно сказать, никогда не задумывался(ась) над этим вопросом	4,2	8,1
нет, главное, обеспечить возможности для свободного развития других языков многочисленных народов России	1,9	4,3
другое	0,0	0,1

Оцените, пожалуйста, по 10-балльной шкале политику по поддержанию межнационального и межконфессионального мира в Крыму, в Российский период до 1917 года (в % к числу ответивших)		
	2017 г.	2018 г.
минимальное значение	7,5	7,3
2	4,5	3,4
3	6,4	6,5
4	14,9	12,7
5	22,7	27,0
6	11,4	13,5

7	12,4	10,4
8	13,3	9,6
9	3,5	4,3
максимальное значение	2,8	5,0

Оцените, пожалуйста, по 10-балльной шкале политику по поддержанию межнационального и межконфессионального мира в Крыму, в Советский период (в % к числу ответивших)

	2017 г.	2018 г.
минимальное значение	5,2	7,4
2	3,9	4,3
3	4,2	4,3
4	10,6	10,2
5	13,9	15,3
6	13,2	12,3
7	7,8	9,8
8	15,2	14,9
9	8,7	7,5
максимальное значение	16,8	13,6

Оцените, пожалуйста, по 10-балльной шкале политику по поддержанию межнационального и межконфессионального мира в Крыму, в Украинский период (в % к числу ответивших)

	2017 г.	2018 г.
минимальное значение	10,8	7,0
2	5,7	4,3
3	6,7	6,3
4	15,4	12,0
5	21,4	20,7
6	13,2	13,0
7	10,6	15,2
8	10,4	10,2
9	2,1	4,6
максимальное значение	3,4	6,4

Оцените, пожалуйста, по 10-балльной шкале политику по поддержанию межнационального и межконфессионального мира в Крыму, в Российский период с 2014 года (в % к числу ответивших)

	2017 г.	2018 г.
минимальное значение	1,3	3,4
2	0,8	1,7
3	0,2	2,9
4	2,2	4,6
5	6,2	10,1
6	10,1	10,9
7	15,4	14,8

8	25,5	20,6
9	21,9	15,2
максимальное значение	15,9	15,4

Оцените, пожалуйста, по 10-балльной шкале политику по поддержанию межнационального и межконфессионального мира в Крыму, в настоящее время (в % к числу ответивших)

Политика федерального центра		
	2017 г.	2018 г.
минимальное значение	5,4	6,8
2	1,7	1,9
3	4,5	6,1
4	2,9	6,3
5	13,6	19,2
6	13,8	13,2
7	11,0	11,3
8	18,6	15,9
9	11,3	7,5
максимальное значение	16,7	11,6

Оцените, пожалуйста, по 10-балльной шкале политику по поддержанию межнационального и межконфессионального мира в Крыму, в настоящее время (в % к числу ответивших)

Политика региональных властей		
	2017 г.	2018 г.
минимальное значение	4,5	5,0
2	3,4	2,7
3	1,9	4,6
4	8,8	8,4
5	14,6	21,7
6	22,2	15,8
7	15,3	13,4
8	12,7	13,0
9	8,1	7,6
максимальное значение	8,2	7,8

Оцените, пожалуйста, по 10-балльной шкале политику по поддержанию межнационального и межконфессионального мира в Крыму, в настоящее время (в % к числу ответивших)

Политика муниципальных властей		
	2017 г.	2018 г.
минимальное значение	4,9	5,6
2	1,4	3,1
3	4,8	7,2
4	12,4	9,1
5	14,3	21,1
6	16,7	13,0

7	14,1	14,2
8	15,3	11,1
9	6,6	7,3
максимальное значение	9,0	7,8

Оцените, пожалуйста, по 10-балльной шкале вовлеченность различных гражданских структур в поддержание межэтнического и межконфессионального мира на полуострове (в % к числу ответивших)

Гражданские активисты/представители общественных организаций		
	2017 г.	2018 г.
вовлеченность отсутствует	8,0	7,8
2	4,2	3,8
3	13,8	7,9
4	7,4	9,4
5	18	15,5
6	9,3	12,5
7	17,5	15,0
8	13,1	12,4
9	3,7	6,9
максимальный уровень вовлеченности	4,5	8,3

Оцените, пожалуйста, по 10-балльной шкале вовлеченность различных гражданских структур в поддержание межэтнического и межконфессионального мира на полуострове (в % к числу ответивших)

Лидеры общественного мнения из числа этнических меньшинств полуострова		
	2017 г.	2018 г.
вовлеченность отсутствует	6,5	7,4
2	2,7	44,0
3	8,7	4,4
4	9,5	10,3
5	19,7	15,3
6	13,1	12,3
7	10,7	9,8
8	9,6	14,9
9	13,4	7,5
максимальный уровень вовлеченности	5,7	13,6

Оцените, пожалуйста, по 10-балльной шкале вовлеченность различных гражданских структур в поддержание межэтнического и межконфессионального мира на полуострове (в % к числу ответивших)

Религиозные лидеры/деятели		
	2017 г.	2018 г.
вовлеченность отсутствует	10,7	8,2

2	3,8	4,4
3	10,0	9,2
4	12,3	9,2
5	12,5	16,9
6	14,3	13,5
7	12,9	12,4
8	14,0	11,2
9	6,5	8,9
максимальный уровень вовлеченности	2,6	5,5

Оцените, пожалуйста, по 10-балльной шкале вовлеченность различных гражданских структур в поддержание межэтнического и межконфессионального мира на полуострове (в % к числу ответивших)

Представители вузов		
	2017 г.	2018 г.
вовлеченность отсутствует	6,7	6,5
2	3,8	3,5
3	5,2	6,2
4	6,8	6,9
5	22,7	18,3
6	16,5	14,8
7	17,1	16,4
8	10,5	13,1
9	5,1	6,2
максимальный уровень вовлеченности	5,2	7,6

Оцените, пожалуйста, по 10-балльной шкале вовлеченность различных гражданских структур в поддержание межэтнического и межконфессионального мира на полуострове (в % к числу ответивших)

СМИ		
	2017 г.	2018 г.
вовлеченность отсутствует	5,1	5,6
2	2,5	1,5
3	3,7	3,8
4	3,9	5,7
5	15,3	16,4
6	16,4	14,0
7	16,1	15,5
8	15,1	14,7
9	11,5	10,2
максимальный уровень вовлеченности	10,0	12,1

Оцените, пожалуйста, по 10-балльной шкале вовлеченность различных гражданских структур в поддержание межэтнического и межконфессионального мира на полуострове (в % к числу ответивших)		
Другое		
	2017 г.	2018 г.
вовлеченность отсутствует	26,4	30,3
2	0,0	0,0
3	2,9	12,1
4	29,4	15,1
5	11,7	30,3
6	1,4	3,0
7	19,1	3,0
8	5,8	3,0
9	0,0	0,0
максимальный уровень вовлеченности	2,9	3,0

Насколько серьезной Вы считаете проблему онлайн-пропаганды национализма, радикальных религиозных взглядов, распространения другого контента, нарушающего закон, прежде всего, в Интернет-пространстве? (один вариант ответа) (в % к числу ответивших)		
	2017 г.	2018 г.
меня это беспокоит, такого контента в глобальной сети быть не должно	28,7	32,5
отчасти беспокоит, стараюсь избегать такого контента и таких ресурсов	30,6	30,2
отчасти беспокоит, но думаю, что меня и моих близких это не коснется	12,1	13,9
не беспокоит, так как Интернет- это пространство свободы, здесь не может и не должно быть ограничений	28,1	22,5
другое	0,2	0,6

Как Вы относитесь к контролю со стороны государства/Интернет-корпораций над Интернет-контентом? Нужно ли, на ваш взгляд, регулировать содержание коммуникации в глобальной сети? (один вариант ответа) (в % к числу ответивших)		
	2017 г.	2018 г.
положительно, регулировать Интернет-коммуникацию необходимо	10,4	16,6
скорее положительно, чем отрицательно	18,3	20,7
нейтрально, не задумывался об этом	22,7	20,1
скорее отрицательно, чем положительно	16,6	16,0
отрицательно, регулировать Интернет-коммуникацию можно только в исключительных случаях	31,8	24,7

другое	0,0	1,6
--------	-----	-----

Принимали ли вы участие в волонтерской деятельности? (в % к числу ответивших)		
	2017 г.	2018 г.
Да, и это опыт полученный, прежде всего, благодаря усилиям моих родителей/родственников	11,5	20,6
Да, и это опыт полученный, прежде всего, благодаря усилиям моих преподавателей	16,4	20,2
Да, и это опыт полученный, прежде всего, благодаря усилиям моих друзей	22,7	21,1
Нет, я ничего не знаю о таких мероприятиях	11,2	9,0
Нет, у меня нет на это свободного времени	18,7	16,2
Нет, не думаю, что такой опыт мне необходим	19,3	12,7

Принимали ли вы участие в благотворительной деятельности? (в % к числу ответивших)		
	2017 г.	2018 г.
Да, и это опыт полученный, прежде всего, благодаря усилиям моих родителей/родственников	20,4	25,9
Да, и это опыт полученный, прежде всего, благодаря усилиям моих преподавателей	10,5	15,5
Да, и это опыт полученный, прежде всего, благодаря усилиям моих друзей	20,7	19,0
Нет, я ничего не знаю о таких мероприятиях	14,9	11,0
Нет, у меня нет на это свободного времени	13,3	14,3
Нет, не думаю, что такой опыт мне необходим	19,9	14,0

Принимали ли вы участие в экологических акциях? (в % к числу ответивших)		
	2017 г.	2018 г.
Да, и это опыт полученный, прежде всего, благодаря усилиям моих родителей/родственников	10,1	15,0
Да, и это опыт полученный, прежде всего, благодаря усилиям моих преподавателей	19,1	22,1
Да, и это опыт полученный, прежде всего, благодаря усилиям моих друзей	19,0	18,0

Нет, я ничего не знаю о таких мероприятиях	19,2	16,0
Нет, у меня нет на это свободного времени	14,7	17,7
Нет, не думаю, что такой опыт мне необходим	17,7	11,0

Принимали ли вы участие в мемориальных мероприятиях, связанных с военным прошлым России? (в % к числу ответивших)		
	2017 г.	2018 г.
Да, и это опыт полученный, прежде всего, благодаря усилиям моих родителей/родственников	2,4	24,6
Да, и это опыт полученный, прежде всего, благодаря усилиям моих преподавателей	28,8	33,1
Да, и это опыт полученный, прежде всего, благодаря усилиям моих друзей	16,9	15,1
Нет, я ничего не знаю о таких мероприятиях	9,9	7,4
Нет, у меня нет на это свободного времени	9,9	10,2
Нет, не думаю, что такой опыт мне необходим	12,8	9,4

Принимали ли вы участие в экскурсиях по знаковым для истории и современности России местам? (в % к числу ответивших)		
	2017 г.	2018 г.
Да, и это опыт полученный, прежде всего, благодаря усилиям моих родителей/родственников	31,3	31,9
Да, и это опыт полученный, прежде всего, благодаря усилиям моих преподавателей	28,2	31,1
Да, и это опыт полученный, прежде всего, благодаря усилиям моих друзей	15,0	10,6
Нет, я ничего не знаю о таких мероприятиях	4,6	5,8
Нет, у меня нет на это свободного времени	12,5	13,4
Нет, не думаю, что такой опыт мне необходим	8,1	6,9

Принимали ли вы участие во встречах с ветеранами войн, героями, выдающимися людьми России? (в % к числу ответивших)		
	2017 г.	2018 г.
Да, и это опыт полученный, прежде всего, благодаря усилиям моих родителей/родственников	22,9	23,5
Да, и это опыт полученный, прежде всего, благодаря усилиям моих преподавателей	42,0	45,9
Да, и это опыт полученный, прежде всего, благодаря усилиям моих друзей	15,4	12,7

Нет, я ничего не знаю о таких мероприятиях	7,7	5,1
Нет, у меня нет на это свободного времени	4,8	5,8
Нет, не думаю, что такой опыт мне необходим	6,8	6,8

Принимали ли вы участие в профильных сменах, слетах, фестивалях школьного актива? (в % к числу ответивших)		
	2017 г.	2018 г.
Да, и это опыт полученный, прежде всего, благодаря усилиям моих родителей/родственников	7,6	13,9
Да, и это опыт полученный, прежде всего, благодаря усилиям моих преподавателей	32,9	31,3
Да, и это опыт полученный, прежде всего, благодаря усилиям моих друзей	5,1	13,2
Нет, я ничего не знаю о таких мероприятиях	16,2	11,6
Нет, у меня нет на это свободного времени	14,4	14,4
Нет, не думаю, что такой опыт мне необходим	23,6	15,3

Принимали ли вы участие в мероприятиях, связанных с поддержанием мира и согласия между народами России? (в % к числу ответивших)		
	2017 г.	2018 г.
Да, и это опыт полученный, прежде всего, благодаря усилиям моих родителей/родственников	11,4	14,3
Да, и это опыт полученный, прежде всего, благодаря усилиям моих преподавателей	13,5	21,8
Да, и это опыт полученный, прежде всего, благодаря усилиям моих друзей	6,7	8,8
Нет, я ничего не знаю о таких мероприятиях	26,8	21,4
Нет, у меня нет на это свободного времени	17,6	16,1
Нет, не думаю, что такой опыт мне необходим	23,6	17,3

Принимали ли вы участие в мероприятиях, посвященных воссоединению России и Крыма? (в % к числу ответивших)		
	2017 г.	2018 г.
Да, и это опыт полученный, прежде всего, благодаря усилиям моих родителей/родственников	20,0	25,2
Да, и это опыт полученный, прежде всего, благодаря усилиям моих преподавателей	14,1	23,9

Да, и это опыт полученный, прежде всего, благодаря усилиям моих друзей	14,8	10,6
Нет, я ничего не знаю о таких мероприятиях	19,4	11,5
Нет, у меня нет на это свободного времени	9,3	11,2
Нет, не думаю, что такой опыт мне необходим	22,1	17,3

Пол (в % к числу ответивших)		
	2017 г.	2018 г.
Женский	64,7	66,9
Мужской	35,2	33,0

Есть ли у Вас опыт проживания или путешествий по континентальной части России? (один вариант ответа) (в % к числу ответивших)		
	2017 г.	2018 г.
да, регулярно выезжаю на континентальную часть России	16,8	19,8
да, раз в год обязательно выезжаю на континентальную часть России	17,4	18,0
да, это было несколько лет назад	28,0	28,5
нет, нет возможностей	34,6	27,5
нет, нет желания	2,8	4,1
другое	0,0	1,7

Вы считаете себя: (в % к числу ответивших)		
	2017 г.	2018 г.
крымским татарин(ой) (крымской татаркой)	5,9	10,4
русским (ой)	77,0	73,0
украинцем (кой)	13,1	11,8
другое	9,0	9,3

На каком языке преимущественно Вы общаетесь дома с родными и близкими? (один вариант ответа) (в % к числу ответивших)		
	2017 г.	2018 г.
на крымско-татарском	0,9	3,6
на русском	98,3	93,1

на украинском	0,6	2,0
на другом	0,09	1,1

Уровень дохода на одного члена семьи в месяц (в % к числу ответивших)		
	2017 г.	2018 г.
менее 5 000 руб.	2,2	6,0
от 5 000 до 10 000 руб.	32,8	23,8
от 10 000 до 15 000 руб.	27,6	27,8
более 15 000 руб.	37,0	40,5
другое	0,2	1,7

Приложение В

Гайд

«Межнациональное и межрелигиозное согласие в студенческой среде
Крыма и Севастополя»

Обращение к информанту по получению согласия на глубинное интервью (информанты отбираются из числа респондентов массового опроса наиболее содержательно и глубоко ответившие на открытые вопросы бланка полуформализованного интервью):

Вам будут заданы несколько вопросов о том, как Вы воспринимаете сферу межнациональных и межрелигиозных отношений в крымском обществе. Отличие этого вида интервью будет в том, что Вы можете отвечать свободно и подробно на все вопросы. Главное – ваши ответы должны быть искренними, от этого зависит успех исследования. Запись интервью будет использована только для обобщения и анализа, после завершения проекта все записи будут уничтожены. Вы можете быть уверены в конфиденциальности и анонимности опроса.

1. Как, в целом, на Ваш взгляд, можно охарактеризовать положение дел в Крыму (Севастополе – для респондентов севастопольцев)? Какие сферы развития крымского (севастопольского) общества Вы бы назвали самыми успешными, а какие – наиболее проблемными? Почему? Приведите конкретные примеры.

2. Как Вы восприняли воссоединение Крыма и России? Изменилось ли Ваше отношение к этому событию спустя три года? Как изменилась Ваша жизнь и жизнь таких людей, как Вы, после референдума 16 марта 2014 года? Оправдались ли Ваши ожидания? Какие возможности и перспективы Вы считаете самыми важными (для России, для Крыма, для семьи, для себя лично)?

3. Как Вы считаете, насколько позитивно или негативно сказалось воссоединение Крыма и России для сферы межнациональных и межрелигиозных

отношений? Почему Вы так считаете? Какие конкретно ситуации Вы имели в виду, говоря о позитивном (или негативном) влиянии воссоединения Крыма и России?

4. Скажите, стали ли Вы более активно интересоваться историей и культурой России после воссоединения Крыма и РФ? Если да – скажите, почему для Вас это важно? Если нет - Почему? Поясните свою позицию, пожалуйста.

5. Как бы Вы могли оценить свою информированность об этнических и конфессиональных группах Крыма, что конкретно знаете об их культуре, истории, традициях? О каких этнических и конфессиональных группах Вы осведомлены больше всего? Почему именно этих?

6. Принадлежность к каким общностям (этнической, религиозной, профессиональной, финансовой, территориальной и т.д.) Вы считаете наиболее важной для себя? Почему именно к этой (к этим?) общности (общностям)? Что Вам дает принадлежность к этой (этим) группам? Какие нормы и ценности взаимодействия в этих группах Вам особенно важны?

7. Как бы Вы могли описать свои отношения с представителями других этнических и религиозных групп? На какие нормы Вы ориентируетесь в общении с людьми, принадлежащими к другим этническим и религиозным группам? Случалось ли Вам попадать в конфликтные ситуации с этими людьми? В чем была причина этих противоречий? Если нет – в чем, на Ваш взгляд, секрет Ваших бесконфликтных отношений с представителями других этносов и религий? Какие ценности и нормы, на Ваш взгляд, могут помочь в поддержании мирных межнациональных и межконфессиональных отношений?

8. Можете ли Вы назвать какие-нибудь особые черты основных этнических и религиозных групп Крыма? Есть ли что-то общее, на Ваш взгляд, в общностях русских....(дайте время для ответа), украинцев,..... крымских татар, ...армян, ...греков .....и как бы Вы охарактеризовали христиан..... и мусульман? Приведите, пожалуйста, конкретные примеры/жизненные случаи, которые помогли Вам перечислить эти характеристики разных общностей.

9. Кто, на Ваш взгляд, является лидером общественного мнения в Крыму? Какие силы, политические или общественные группы формируют мнение людей о межнациональных отношениях, определяют нормы во взаимодействии между этническими группами? На чье мнение/позиции Вы ориентируетесь? Почему?

10. Насколько хорошо Вы знаете те меры, которые предпринимает власть Крыма (Севастополя) в сфере государственной религиозной и межнациональной политики власти Крыма? Знаете ли Вы о тех Всероссийских социальных проектах, которые направлены на формирование межнационального мира и согласия? Какие из них Вы считаете самыми успешными? Почему? В каких проектах или отдельных мероприятиях, направленных на формирование межнационального согласия, Вы участвовали? В каком качестве? Как бы Вы могли описать свои впечатления от этого участия? Считаете ли Вы эти проекты и мероприятия нужными, важными? Почему? Какие меры, на Ваш взгляд, власть Крыма (Севастополя) должна принять в отношении формирования и укрепления межнационального и межрелигиозного согласия в первую очередь?

11. Известен ли Вам мировой опыт решения межнациональных противоречий и конфликтов? Знаете ли Вы, в чем отличие российского и зарубежного подходов к формированию межнациональных отношений? Можете ли Вы назвать опыт России по формированию межнационального согласия успешным? Почему?

12. И в завершение, пожалуйста, сформулируйте "правила и нормы" поддержания межнационального мира в Крыму. Готовы ли Вы лично следовать этим «правилам и нормам»?

Скрининговая анкета отбора респондентов глубинного интервью

Возраст (диапазон 17 – 23 года)

Пол (женский/мужской)

Вуз

Специальность

Место постоянного проживания

Занятость (совмещает учебу с работой /не совмещает учебу с работой)

Национальность

Язык общения в семье

Наличие опыта проживания/пребывания на континентальной части России

Пользователь Интернета (не реже одного раза в неделю, наличие аккаунта в одной из социальных сетей, зафиксировать название сети)

Контакты (номер телефона или электронный адрес)

Приложение Г

Анкета

«Межнациональное и межрелигиозное согласие в Республике Крым и Севастополе»
исследовательской волны 2020 г.

Номер анкеты	
Дата проведения интервью	

Центр социологических исследований Севастопольского госуниверситета проводит социологическое исследование на тему межнационального и межконфессионального согласия на полуострове. Заранее благодарим за то, что Вы согласились участвовать в исследовании. До того, как Вы начнете отвечать на вопросы, мы хотели бы подчеркнуть, что на них не существует правильных или неправильных ответов. Для нас важно знать Ваше личное мнение. Вы можете быть полностью уверены в полной конфиденциальности Ваших ответов, они будут использоваться только в обобщенном виде.

S00. Участвовали ли Вы в опросах общественного мнения в течение последних 3-х месяцев?

1) да - завершить интервью;   2) нет.

S01. Являетесь ли Вы гражданином РФ?

1) да;   2) нет - завершить интервью.

S02. Скажите, пожалуйста, проживаете ли Вы постоянно в Крыму?

1) да;   2) нет - завершить интервью.

ИСТОРИЯ РОССИИ

1. Выберите, пожалуйста, из предложенного списка выражения, которые, на Ваш взгляд, наиболее точно отражают особенности истории нашей страны (не более 3-х вариантов ответов):

01 - "С Ивана Калиты последовательно и упорно собиралась Россия и достигла размеров, потрясающих воображение всех народов мира";

02 - "Во всем свете у нас только два верных союзника — наша армия и флот. Все остальные, при первой возможности, сами ополчатся против нас";

03 - "Россия не такая страна, которую можно действительно завоевать, т. е. оккупировать; по крайней мере, этого нельзя сделать... силами современных европейских государств... Такая страна может быть побеждена лишь внутренней слабостью и действием внутренних раздоров";

04 - "Надо отдать должное уму и такту наших предков... Они относились к окрестным народам как к равным, пусть даже непохожим на них. И благодаря этому они устояли в вековой борьбе, утвердив как принцип не истребление соседей, а дружбу народов";

05 - "Это не Россия находится между Востоком и Западом. Это Восток и Запад находятся слева и справа от России";

06 - "Я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя;... но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог её дал";

07 - другое _____

2. Как Вы считаете, что можно считать основными достижениями предыдущих поколений россиян? (не более 3-х вариантов ответов)

01 - национальный характер россиян;   04 - создание уникальной культуры;

02 - огромный размер территории страны;   05 - мир и согласие между народами;

03 - сохранение независимости государства; 06 - военную мощь, ядерный щит;

07 - другое _____

3. Знаете ли Вы о том, как история Вашей семьи связана с историей России? (один вариант ответа)

01 - да, у нас есть семейный архив, и мы его бережно храним;

02 - да, мои родители/родственники подробно рассказали об этом;

03 - да, на одном из занятий в вузе / с ребёнком я выполнил (-а) такое задание;

04 - нет, не задумывался (-лась) об этом;

05 - нет, первый раз сталкиваюсь с таким вопросом;

06 - нет, мои родственники не смогли мне что-либо рассказать;

07 - нет, моя семья связана с историей другой страны;

08 - другое _____.

4. На Ваш взгляд, как гражданин России должен проявлять свой патриотизм, любовь к Родине? (не более 3-х вариантов ответов)

- 01 - доверять согражданам;
 02 - беречь родной язык/родные языки;
 03 - гордиться победами предков;
 04 - быть причастным к великой культуре;
 05 - защищать слабых, стремиться к справедливости;
 06 – бережно и уважительно относиться к традициям страны и ее народов;
 07 - иметь российское гражданство;
 08 - быть готовым служить в армии;
 09 - не нарушать законы страны;
 10 – другое _____.

5. В каких знаковых для российской истории и современности местах Вам удалось / хотелось бы побывать? (ответ дается по каждой строке и по каждому столбцу, выбор вариантов ответов не ограничен)

	5.1. Удалось побывать	5.2. Хотелось бы побывать
5.1.1. Место крещения князя Владимира на территории Херсонеса Таврического в Севастополе	01	01
5.1.2. Куликово поле в Тульской области	02	02
5.1.3. Памятник-ансамбль на Мамаевом кургане в Волгограде	03	03
5.1.4. Пискаревское мемориальное кладбище в Санкт-Петербурге	04	04
5.1.5. Мемориальный комплекс «35-я береговая батарея» в Севастополе	05	05
5.1.6. Олимпийские объекты в Сочи	06	06
5.1.7. Объекты спортивной инфраструктуры Универсиады в Казани	07	07
5.1.8. Другое _____	08	08

6. Стремитесь ли Вы узнать больше о России? (ответ дается по каждой строке)

	Да, системно ищу информацию	Да, но пока не делаю это системно	Скорее нет, чем да, мне достаточно знаний, которые я имею	Скорее нет, чем да, мне достаточно информации и из СМИ и Интернета	Нет, я прекрасно знаю Россию	Нет, мне это не интересно
6.1. Об истории нашей страны	01	02	03	04	05	06
6.2. Об актуальном периоде развития нашей страны	01	02	03	04	05	06
6.3. О выдающихся россиянах, прославивших Россию в прошлом	01	02	03	04	05	06
6.4. О выдающихся россиянах, живущих в настоящее время	01	02	03	04	05	06
6.5. О культурном наследии нашей страны (литературе, поэзии, живописи и т.п.)	01	02	03	04	05	06
6.6. О развитии современного искусства в России	01	02	03	04	05	06
6.7. О географии и путешествиях по нашей стране	01	02	03	04	05	06
6.8. О жителях различных регионов, о многочисленных народах нашей страны	01	02	03	04	05	06
6.9. О другом _____	01	02	03	04	05	06

7. Считаете ли Вы, что сохранение культурного и исторического наследия нашей страны - это сфера ответственности каждого гражданина России? (один вариант ответа)

- 01 - да, так и должно быть;
 02 - да, но не знаю, что я конкретно могу сделать;
 03 - трудно сказать, никогда не задумывался(ась) над этим вопросом;
 04 - нет, это задача государственных органов и культурных учреждений;
 05 - другое _____.

8. Выберите, пожалуйста, утверждение, с которым Вы согласны (один вариант ответа)

- 01 - Россия - это страна с продолжительной историей, истоки государственности которой начинаются в IX веке;

02 - российская государственность связана с объединением княжеств вокруг Москвы и деятельностью Ивана III в XV-XVI в.;

03 - Россия - это одно из молодых государств, сформировавшееся на осколках СССР в начале 90-х гг. XX века;

04 - другое _____.

9. Какую точку зрения Вы разделяете? (один вариант ответа)

01 - с первых шагов своего становления Россия была многонациональной;

02 - многонациональность России связана с ее политикой активного расширения территории, начиная с XV века;

03 - многонациональность России была построена в советский период развития страны, в XX веке;

04 - другое _____.

10. Какое мнение Вы считаете истинным? (один вариант ответа)

01 - Россия - уникальная цивилизация мирного объединения, сохранения и развития многочисленных народов, аналогичная ситуация сложилась только в Индии;

02 - Россия - такой же "плавильный котел" народов, как, например, США;

03 - для России характерны те же особенности создания многонационального государства, что мы наблюдаем, например, в Великобритании или Франции;

04 - другое _____.

РОССИЯ СОВРЕМЕННАЯ

11. Как бы Вы определили геополитический статус современной России? (один вариант ответа)

01 - Россия - мировая держава, решения и действия, которой оказывают глобальное влияние на мир;

02 - Россия - лидер Евразийского пространства, инициатор международных интеграционных процессов в Евразии;

03 - Россия - региональная держава, ориентированная на постсоветское пространство и не способная оказывать глобальное воздействие на мир;

04 - другое _____.

12. Как Вы оцениваете культурный и духовно-нравственный потенциал современной России? (один вариант ответа)

01 - Россия - цивилизация, сохраняющая традиционные ценности и ориентиры мировых религий;

02 - Россия - цивилизация, соединяющая ценности и традиции Запада и Востока;

03 - Россия - вестернизированная цивилизация, ориентированная на ценности западных стран;

04 - другое _____.

13. На Ваш взгляд, эффективно ли Россия защищает свой суверенитет (независимость и самостоятельность)? (один вариант ответа)

01 - да, эффективно;   02 - отчасти эффективно;   03 - неэффективно;

04 - другое _____.

14. Пожалуйста, выразите свою позицию об изменениях, которые произошли в Крыму с 16 марта 2014 года по настоящее время (ответ дается по каждой строке, 0-5 – предпочтение утверждения в левой колонке, 6-10 – предпочтение утверждения в правой колонке):

14.1.1 Порядка стало меньше, понизился уровень безопасности	14.1.1 0 1 2 3 4 5	14.1.2 6 7 8 9 10	14.1.2 Порядка стало больше, повысился уровень безопасности
14.2.1 Экономика Крыма стала менее стабильной	14.2.1 0 1 2 3 4 5	14.2.2 6 7 8 9 10	14.2.2 Экономика Крыма стала более стабильной
14.3.1 Социальная инфраструктура стала менее динамично развиваться	14.3.1 0 1 2 3 4 5	14.3.2 6 7 8 9 10	14.3.2 Социальная инфраструктура стала более динамично развиваться
14.4.1 Межнациональные и межконфессиональные отношения стали более напряженными и менее гармоничными	14.4.1 0 1 2 3 4 5	14.4.2 6 7 8 9 10	14.4.2 Межнациональные и межконфессиональные отношения стали менее напряженными и более гармоничными
14.5. 1 Другое	14.5.1 0 1 2 3 4 5	14.5.2 6 7 8 9 10	14.5. 2 Другое

15. Что изменилось для Вас, Ваших родных и знакомых с 16 марта 2014 года по настоящее время? (напишите, что именно в каждом столбце):

15.1 Лично для меня	15.2 Для моей семьи	15.3 Для моих друзей и ближайшего окружения	15.4. Для моих знакомых

16. Какие приоритетные задачи стоят перед Крымом сегодня? (возможны не более 3-х вариантов ответа)

01 - решение инфраструктурных проблем;

02 - повышение уровня жизни населения;

03 - привлечение инвестиций;

04 - развитие бизнеса;

06 - решение проблем транспортного сообщения с материком;

07 – другое _____.

17. Если бы Вы были наделены соответствующими властными полномочиями, какие решения для развития своего города/поселка Вы бы приняли в первую очередь? _____.

ИДЕНТИЧНОСТЬ

18. Выберите из перечисленных ниже группы, наиболее близкие вам по духу (не более 3-х вариантов ответа)

01 - Мы - граждане Российской Федерации; 07 - Мы - люди нашего уровня жизни;

02 - Мы - жители нашего города/села; 08 - Мы - носители семейной роли;

03 - Мы - люди нашего поколения; 09 - Мы - люди одной веры;

04 - Мы - люди нашей национальности; 10 - Мы - люди общей судьбы;

05 - Мы - жители полуострова; 11 - Мы - носители определенной культуры;

06 - Мы - мужчины/ Мы - женщины; 12 - Мы - люди одних

политических взглядов;

13 - другое _____.

19. В какой степени Вы гордитесь принадлежностью к следующим группам? (ответ дается по каждому столбцу и по каждой строке)

	Горжусь своей принадлежностью	Чувствую свою принадлежность, но не горжусь этим	Не чувствую свою принадлежность	Другое
19.1. Мы - граждане Российской Федерации	01	02	03	04
19.2. Мы - жители нашего города/села	01	02	03	04
19.3. Мы - люди нашего поколения	01	02	03	04
19.4. Мы - люди нашей национальности	01	02	03	04
19.5. Мы - жители полуострова	01	02	03	04
19.6. Мы - мужчины/ Мы - женщины	01	02	03	04
19.7. Мы - люди нашего уровня жизни	01	02	03	04
19.8. Мы - носители семейной роли	01	02	03	04
19.9. Мы - люди одной веры	01	02	03	04
19.10. Мы - люди общей судьбы	01	02	03	04
19.11. Мы - носители определенной культуры	01	02	03	04
19.12. Мы - люди одних политических взглядов	01	02	03	04
19.13. Другое _____	01	02	03	04

20. Какие чувства вы испытываете, когда видите государственную символику России? _____.

21. Знаете ли Вы слова русского гимна? (возможен один вариант ответа)

01 - знаю и с удовольствием исполняю; 04 - не знаю,

но обязательно выучу;

02 - знаю, но не привык/-ла петь публично; 05 - не знаю и

не считаю это важным;

03 - знаю только некоторые фразы; 06 - другое _____.

22. Где (географически) Вы видите себя в ближайшие 5-6 лет? (возможен один вариант ответа):

01 – в Крыму; 03 – в каких-либо крупных городах России;

02 – в столице России; 04 – за рубежом;

05 – другое _____.

ЦЕННОСТНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ

23. Насколько важны для Вас следующие ценности? (отметьте по каждой строке, 01 – наименее важно, 10 – наиболее важно)

23.1. Материальная обеспеченность жизни	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
23.2. Наличие власти	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
23.3. Общественное признание	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
23.4. Свобода	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
23.5. Образование, саморазвитие, познание	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
23.6. Интересная работа, профессиональный рост	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
23.7. Творческая самореализация, искусство	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
23.8. Счастливая семейная жизнь	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
23.9. Любовь	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10

02 - скорее да, чем нет; (переход к вопросу 34).

03 - скорее нет, чем да; (переход к вопросу 35).

04 – нет; (переход к вопросу 35).

05 - другое _____ (переход к вопросу 35).

29. В каких социальных и других проектах Вы хотели бы участвовать? (не более 3-х вариантов ответа):

01 - участие в деятельности природоохранных организаций;

02 - помощь детям-сиротам;

03 - помощь людям с ограниченными возможностями здоровья;

04 - участие в деятельности политических организаций;

05 - помощь животным;

06 - участие в деятельности организаций, защищающих права этнических меньшинств;

07 - участие в деятельности религиозных организаций;

08 - другое _____.

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЙ И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ МИР

30. Пожалуйста, выразите свое отношение к следующим высказываниям, касающимся межнационального и межконфессионального мира в современной России (ответ дается по каждому столбцу и каждой строке):

	Согласен, так есть в действительности	Согласен, но этого нет в действительности	Не согласен, однако это есть в действительности	Не согласен, этого нет в действительности	Другое
30.1 Все народы России имеют равные права	01	02	03	04	05
30.2 Все народы России имеют полноценную возможность сохранять свой язык, традиции, культуру	01	02	03	04	05
30.3 Все народы России свободны в сохранении и развитии своей религии	01	02	03	04	05
30.4 Все народы России имеют одинаковый доступ к экономическим ресурсам страны	01	02	03	04	05
30.5 Все народы России имеют одинаковый доступ к высоким социальным и политическим статусам	01	02	03	04	05

31. Пожалуйста, выразите свое отношение к следующим высказываниям, касающимся межнационального и межконфессионального мира на полуострове (ответ дается по каждому столбцу и каждой строке):

	Согласен, так есть в действительности	Согласен, но этого нет в действительности	Не согласен, однако это есть в действительности	Не согласен, этого нет в действительности	Другое
31.1 Все народы Крыма имеют равные права	01	02	03	04	05
31.2 Все народы Крыма имеют полноценную возможность сохранять свой язык, традиции, культуру	01	02	03	04	05
31.3 Все народы Крыма свободны в сохранении и развитии своей религии	01	02	03	04	05
31.4 Все народы Крыма имеют одинаковый доступ к экономическим ресурсам страны	01	02	03	04	05
31.5 Все народы Крыма имеют одинаковый доступ к высоким социальным и политическим статусам	01	02	03	04	05

32. Как Вам кажется, возможны ли в Вашем населённом пункте конфликты, столкновения, массовые выступления по следующим причинам (ответ дается по каждому столбцу и каждой строке):

	Скорее возможны	Скорее не возможны	Другое
32.1 Расслоение на бедных и богатых	01	02	03
32.2 Межнацион., межэтнические различия	01	02	03
32.3 Религиозно-конфессиональные различия	01	02	03
32.4 Политические, идеологические различия	01	02	03
32.5 Другие _____	01	02	03

33. Как Вы считаете, что объединяет народы Крыма? _____

34. Как Вы считаете, что разъединяет народы Крыма? _____

35. На Ваш взгляд, важно ли в современной России сохранять единое языковое пространство, в котором русский язык - язык общения между многочисленными народами России? (один вариант ответа)

01 - да, крайне важно, так обеспечивается единство страны и взаимопонимание между народами России;

02 - да, крайне важно, но при условии свободного развития других языков многочисленных народов России;

03 - трудно сказать, никогда не задумывался (-ась) над этим вопросом;

04 - нет, главное, обеспечить возможности для свободного развития других языков многочисленных народов России;

05 – другое _____.

36. Оцените, пожалуйста, по 10-балльной шкале политику по поддержанию межнационального и межконфессионального мира на полуострове, в разные исторические эпохи (0 - минимальное значение оценки, а 10 - максимальное значение оценки; ответ дается по каждой строке):

36.1. Российский период до 1917 г.	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
36.2. Советский период	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
36.3 Украинский период	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
36.4 Российский период с 2014 г.	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10

37. Оцените, пожалуйста, по 10-балльной шкале политику по поддержанию межнационального и межконфессионального мира на полуострове в настоящее время (0 - минимальное значение оценки, 10 - максимальное значение оценки; ответ дается по каждой строке)

37.1 Политика федер. центра	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
38.2 Политика регионал. властей	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
39.3 Политика муницип. властей	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10

40. Оцените, пожалуйста, по 10-балльной шкале вовлеченность различных гражданских структур в поддержание межэтнического и межконфессионального мира на полуострове (0 - вовлеченность отсутствует, 10 - максимальный уровень вовлеченности)

40.1. Гражданские активисты / представители обществ. организаций	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
40.2. Лидеры обществ. мнения из числа этнических меньшинств полуострова	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
40.3. Религиозные лидеры / деятели	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
40.4. Представители вузов	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
40.5. СМИ	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
40.6. Другое	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10

41. Насколько серьезной Вы считаете проблему онлайн-пропаганды национализма, радикальных религиозных взглядов, распространения другого контента, нарушающего закон, прежде всего, в Интернет-пространстве? (один вариант ответа)

01 - меня это беспокоит, такого контента в глобальной сети быть не должно;

02 - отчасти беспокоит, стараюсь избегать такого контента и таких ресурсов;

03 - отчасти беспокоит, но думаю, что меня и моих близких это не коснется;

04 - не беспокоит, так как Интернет- это пространство свободы, здесь не может и не должно быть ограничений;

05 - другое _____.

42. Как Вы относитесь к контролю со стороны государства/Интернет-корпораций над Интернет-контентом? Нужно ли, на ваш взгляд, регулировать содержание коммуникации в глобальной сети? (один вариант ответа)

01 - положительно, регулировать Интернет-коммуникацию необходимо;

02 - скорее положительно, чем отрицательно;

03 - нейтрально, не задумывался об этом;

04 - скорее отрицательно, чем положительно;

05 - отрицательно, регулировать Интернет-коммуникацию можно только в исключительных случаях;

06 - другое _____.

43. В каких мероприятиях, перечисленных в таблице, Вы участвовали? (ответ дается по каждой строке)

	Да, и это опыт, полученный благодаря усилиям моих родителей / родственников	Да, и это опыт полученный, благодаря усилиям моих друзей	Нет, я ничего не знаю о таких мероприятиях	Нет, у меня нет на это свободного времени	Нет, не думаю, что такой опыт мне необходим
43.1. Участие в волонтерской деятельности	01	02	03	04	05
43.2. Участие в благотворит. деятельности	01	02	03	04	05
43.3. Участие в эколог. акциях	01	02	03	04	05
43.4. Участие в мемориальных мероприятиях, связанных с военным прошлым России	01	02	03	04	05
43.5. Участие в экскурсиях по знаковым для истории и современности России местам	01	02	03	04	05
43.6. Участие во встречах с ветеранами войн, героями, выдающимися людьми России	01	02	03	04	05
43.7. Участие в профильных сменах, слетах, фестивалях школьного актива	01	02	03	04	05
43.8. Участие в мероприятиях, связанных с поддержанием мира и согласия между народами России	01	02	03	04	05
43.9. Участие в мероприятиях, посвященных воссоединению России и Крыма	01	02	03	04	05

НЕСКОЛЬКО ВОПРОСОВ О СЕБЕ

44. Возраст 01 - 20-29; 02 - 30-39; 03 - 30-39;
04 - 40-49; 05 - 50-59; 06 - 60-69; 7 - 70 и старше.

45. Пол 01 – женский; 02 - мужской

46. Есть ли у Вас опыт проживания или путешествий по континентальной части России? (один вариант ответа)

01 - да, регулярно выезжаю на континентальную часть России;

02 - да, раз в год обязательно выезжаю на континентальную часть России;

03 - да, это было несколько лет назад;

04 - нет, нет возможностей;

05 - нет, нет желания;

06 - другое _____.

47. Вы считаете себя:

01 – крымским татарин(ой); 02 – русским (-ой); 03 – украинцем (-ой);

04 – другое _____.

48. На каком языке преимущественно Вы общаетесь дома с родными и близкими? (один вариант ответа)

01 - на крымско-татарском; 02 - на русском; 03 - на украинском;

04 - на другом _____.

49. Населенный пункт/место жительства:

01-Алупка; 02-Алушта; 03-Армянск; 04-Бахчисарай;

05-Белогорск 06-Джанкой; 07-Евпатория; 08-Керчь;

09-Красноперекопск; 10-Саки; 11-Симферополь; 12-Старый Крым;

13-Судак; 14-Феодосия; 15-Щелкино; 16-Ялта; 17-Севастополь.

50. Оцените уровень дохода Вашей семьи:

01 - можем позволить себе практически все, не ограничены в финансовых средствах

02 - достаточно состоятельны, но ограничены в приобретении дорогостоящих товаров (автомобиль, недвижимость)

03 - не испытываем затруднений в повседневных расходах, но приобретение товаров длительного пользования вызывает финансовые трудности

04 - денег хватает лишь на основные продукты питания и одежду

05 - денег не хватает даже на самые необходимые продукты и первоочередные товары

51. Какими социальными сетями Вы пользуетесь?

01 – Facebook (принадлежит компании Meta – запрещенной в РФ);

02 – ВКонтакте;   03 – Одноклассники;   04 – Instagram (запрещен в РФ);

05 – Другое _____.

52. Электр. почта/телефон/аккаунт в соц. сети _____.

СПАСИБО ЗА УЧАСТИЕ В ИССЛЕДОВАНИИ!

Приложение Д

Полученные данные исследовательской волны 2020 г.

Линейные распределения

1. Выберите, пожалуйста, из предложенного списка выражения, которые, на Ваш взгляд, наиболее точно отражают особенности истории нашей страны (не более 3-х вариантов ответов):

		Периодичность \$Q1КАТ		
		Ответы		Процент наблюдений
		N	Проценты	
\$Q1КАТ ^a	С Ивана Калиты последовательно и упорно	332	8,8%	16,9%
	Во всем свете у нас только два верных союзника	806	21,3%	40,9%
	Россия не такая страна, которую можно действительно завоевать	795	21,0%	40,4%
	Надо отдать должное уму и такту наших предков	855	22,6%	43,4%
	Это не Россия находится между Востоком и Западом	553	14,6%	28,1%
	Я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя	450	11,9%	22,9%
Всего		3791	100,0%	192,5%
а. Сгруппировать				

2. Как Вы считаете, что можно считать основными достижениями предыдущих поколений россиян? (не более 3-х вариантов ответов)

		Периодичность \$Q2КАТ		
		Ответы		Процент наблюдений
		N	Проценты	
\$Q2КАТ ^a	национальный характер россиян	569	12,8%	28,9%
	огромный размер территории страны	991	22,3%	50,4%
	сохранение независимости государства	630	14,2%	32,0%
	создание уникальной культуры	765	17,2%	38,9%
	мир и согласие между народами	904	20,4%	45,9%
	военную мощь, ядерный щит	577	13,0%	29,3%
Всего		4436	100,0%	225,4%

1. Сгруппировать

3. Знаете ли Вы о том, как история Вашей семьи связана с историей России? (один вариант ответа)

Периодичность \$Q3КАТ				
		Ответы		Процент наблюдений
		N	Проценты	
\$Q3КАТ ^a	да, у нас есть семейный архив, и мы его бережно храним	230	11,6%	11,6%
	да, мои родители/родственники подробно рассказали об этом	504	25,4%	25,4%
	да, на одном из занятий в вузе / с ребёнком	253	12,8%	12,8%
	нет, не задумывался (-лась) об этом	432	21,8%	21,8%
	нет, первый раз сталкиваюсь с таким вопросом	232	11,7%	11,7%
	нет, мои родственники не смогли мне что-либо рассказать	202	10,2%	10,2%
	нет, моя семья связана с историей другой страны	129	6,5%	6,5%
Всего		1982	100,0%	100,1%
а. Сгруппировать				

4. На Ваш взгляд, как гражданин России должен проявлять свой патриотизм, любовь к Родине? (не более 3-х вариантов ответов)

Периодичность \$Q4КАТ				
		Ответы		Процент наблюдений
		N	Проценты	
\$Q4КАТ ^a	доверять согражданам	385	7,8%	19,4%
	беречь родной язык/родные языки	937	19,0%	47,2%
	гордиться победами предков	603	12,2%	30,3%
	быть причастным к великой культуре	388	7,9%	19,5%
	защищать слабых, стремиться к справедливости	833	16,9%	41,9%
	бережно и уважительно относиться к традициям страны и ее народов	810	16,5%	40,8%
	иметь российское гражданство	399	8,1%	20,1%
	быть готовым служить в армии	147	3,0%	7,4%
	не нарушать законы страны	421	8,6%	21,2%
Всего		4923	100,0%	247,8%
а. Сгруппировать				

5. В каких знаковых для российской истории и современности местах Вам удалось / хотелось бы побывать? (ответ дается по каждой строке и по каждому столбцу, выбор вариантов ответов не ограничен)

	5.1. Удалось побывать	5.2. Хотелось бы побывать
5.1.1. Место крещения князя Владимира на территории Херсонеса Таврического в Севастополе	25%	24%
5.1.2. Куликово поле в Тульской области	11%	35%
5.1.3. Памятник-ансамбль на Мамаевом кургане в Волгограде	13%	33%
5.1.4. Пискаревское мемориальное кладбище в Санкт-Петербурге	11%	32%
5.1.5. Мемориальный комплекс «35-я береговая батарея» в Севастополе	24%	25%
5.1.6. Олимпийские объекты в Сочи	15%	30%
5.1.7. Объекты спортивной инфраструктуры Универсиады в Казани	10%	34%

6. Стремитесь ли Вы узнать больше о России? (ответ дается по каждой строке)

	Да, системно ищу информацию	Да, но пока не делаю это системно	Скорее нет, чем да, мне недостаточно знаний, которые я имею	Скорее нет, чем да, мне недостаточно информации из СМИ и Интернета	Нет, я прекрасно знаю Россию	Нет, мне это не интересно
6.1. Об истории нашей страны	7%	15%	15%	12%	5%	8%
6.2. Об актуальном периоде развития нашей страны	10%	17%	13%	11%	3%	7%
6.3. О выдающихся россиянах, прославивших Россию в прошлом	10%	17%	13%	11%	4%	7%
6.4. О выдающихся россиянах, живущих в настоящее время	5%	12%	16%	17%	3%	7%

время						
6.5. О культурном наследии нашей страны (литературе, поэзии, живописи и т.п.)	7%	9%	11%	17%	6%	10%
6.6. О развитии современного искусства в России	6%	11%	9%	18%	5%	11%
6.7 О географии и путешествиях по нашей стране	7%	11%	9%	14%	6%	12%
6.8. О жителях различных регионов, о многочисленных народах нашей страны	7%	11%	10%	15%	6%	12%

7. Считаете ли Вы, что сохранение культурного и исторического наследия нашей страны - это сфера ответственности каждого гражданина России? (один вариант ответа)

Q7					
		Частота	Проценты	Валидный процент	Накопленный процент
Валидные	да, так и должно быть;	401	20,0	31,7	31,7
	да, но не знаю, что я конкретно могу сделать;	514	25,7	40,6	72,3
	трудно сказать, никогда не задумывался(ась) над этим вопросом;	190	9,5	15,0	87,3
	нет, это задача государственных органов и культурных учреждений;	161	8,0	12,7	100,0

	Всего	1266	63,2	100,0	
Пропущенные	Системные	736	36,8		
Всего		2002	100,0		

8. Выберите, пожалуйста, утверждение, с которым Вы согласны (один вариант ответа)

Q8					
		Частота	Проценты	Валидный процент	Накопленный процент
Валидные	Россия - это страна с продолжительной историей	599	29,9	50,0	50,0
	российская государственность связана с объединением княжеств	469	23,4	39,1	89,1
	Россия - это одно из молодых государств, сформировавшееся	130	6,5	10,9	100,0
	Всего	1198	59,8	100,0	
Пропущенные	Системные	804	40,2		
Всего		2002	100,0		

9. Какую точку зрения Вы разделяете? (один вариант ответа)

Q9					
		Частота	Проценты	Валидный процент	Накопленный процент
Валидные	с первых шагов своего становления Россия была	529	26,4	41,7	41,7
	многонациональность России связана с ее политикой	602	30,1	47,4	89,1
	многонациональность России была построена в советский	138	6,9	10,9	100,0
	Всего	1269	63,4	100,0	
Пропущенные	Системные	733	36,6		
Всего		2002	100,0		

10. Какое мнение Вы считаете истинным? (один вариант ответа)

Q10					
		Частота	Проценты	Валидный процент	Накопленный процент
Валидные	Россия – уникальная цивилизация мирного объединения	769	38,4	61,0	61,0
	Россия – такой же "плавающий котел"	239	11,9	19,0	79,9

	народов				
	для России характерны те же особенности создания	253	12,6	20,1	100,0
	Всего	1261	63,0	100,0	
Пропущенные	Системные	741	37,0		
Всего		2002	100,0		

11. Как бы Вы определили геополитический статус современной России? (один вариант ответа)

Q11					
		Частота	Проценты	Валидный процент	Накопленный процент
Валидные	Россия - мировая держава, решения и действия	558	27,9	46,4	46,4
	Россия - лидер Евразийского пространства	463	23,1	38,5	84,9
	Россия - региональная держава, ориентированная	181	9,0	15,1	100,0
	Всего	1202	60,0	100,0	
Пропущенные	Системные	800	40,0		
Всего		2002	100,0		

12. Как Вы оцениваете культурный и духовно-нравственный потенциал современной России? (один вариант ответа)

Q12					
		Частота	Проценты	Валидный процент	Накопленный процент
Валидные	Россия - цивилизация, сохраняющая традиционные ценности	596	29,8	47,6	47,6
	Россия - цивилизация, соединяющая ценности и традиции	498	24,9	39,8	87,4
	Россия - вестернизированная цивилизация	158	7,9	12,6	100,0
	Всего	1252	62,5	100,0	
Пропущенные	Системные	750	37,5		
Всего		2002	100,0		

13. На Ваш взгляд, эффективно ли Россия защищает свой суверенитет (независимость и самостоятельность)? (один вариант ответа)

Q13					
		Частота	Проценты	Валидный процент	Накопленный процент
Валидные	да, эффективно	1048	52,3	52,7	52,7
	отчасти эффективно	820	41,0	41,3	94,0
	неэффективно	119	5,9	6,0	100,0
	Всего	1987	99,3	100,0	
Пропущенные	Системные	15	,7		
Всего		2002	100,0		

14. Пожалуйста, выразите свою позицию об изменениях, которые произошли в Крыму с 16 марта 2014 года по настоящее время (ответ дается по каждой строке, 0-5 – предпочтение утверждения в левой колонке, 6-10 – предпочтение утверждения в правой колонке):

14.1.1 Порядка стало меньше, понизился уровень безопасности	14.1.1 - 59,4 % 14.1.2 - 40,6%	14.1.2 Порядка стало больше, повысился уровень безопасности
14.2.1 Экономика Крыма стала менее стабильной	14.2.1 - 61,9% 14.2.2. - 38,1%	14.2.2 Экономика Крыма стала более стабильной
14.3.1 Социальная инфраструктура стала менее динамично развиваться	14.3.1 - 59,1% 14.3.2 - 49,9%	14.3.2 Социальная инфраструктура стала более динамично развиваться
14.4.1 Межнациональные и межконфессиональные отношения стали более напряженными и менее гармоничными	14.4.1 - 54,6% 14.4.2 - 45,4%	14.4.2 Межнациональные и межконфессиональные отношения стали менее напряженными и более гармоничными
14.5. 1 Другое		14.5. 2 Другое

16. Какие приоритетные задачи стоят перед Крымом сегодня? (возможны не более 3-х вариантов ответа)

Периодичность \$Q16КАТ				
		Ответы		Процент наблюдений
		N	Проценты	
\$Q16КАТ ^a	решение инфраструктурных проблем	1121	28,3%	58,1%
	повышение уровня жизни населения	1586	40,0%	82,1%
	привлечение инвестиций	617	15,6%	32,0%
	развитие бизнеса	430	10,9%	22,3%
	решение проблем транспортного сообщения с материком	209	5,3%	10,8%
Всего		3963	100,0%	205,2%
а. Сгруппировать				

18. Выберите из перечисленных ниже группы, наиболее близкие вам по духу (не более 3-х вариантов ответа)

Периодичность \$Q18KAT				
		Ответы		Процент наблюдений
		N	Проценты	
\$Q18KAT ^a	Мы - граждане Российской Федерации	1096	23,4%	58,5%
	Мы - жители нашего города/села	717	15,3%	38,3%
	Мы - люди нашего поколения	488	10,4%	26,0%
	Мы - люди нашей национальности	294	6,3%	15,7%
	Мы - жители полуострова	872	18,6%	46,5%
	Мы - мужчины/ Мы - женщины	301	6,4%	16,1%
	Мы - люди нашего уровня жизни	103	2,2%	5,5%
	Мы - носители семейной роли	114	2,4%	6,1%
	Мы - люди одной веры	125	2,7%	6,7%
	Мы - люди общей судьбы	161	3,4%	8,6%
	Мы - носители определенной культуры	320	6,8%	17,1%
	Мы - люди одних политических взглядов	89	1,9%	4,7%
Всего		4680	100,0%	249,7%

a. Сгруппировать

19. В какой степени Вы гордитесь принадлежностью к следующим группам? (ответ дается по каждому столбцу и по каждой строке)

Периодичность \$Q19KAT				
		Ответы		Процент наблюдений
		N	Проценты	
\$Q19KAT ^a	Горжусь своей принадлежностью	7091	57,7%	620,4%
	Чувствую свою принадлежность, но не горжусь этим	3838	31,2%	335,8%
	Не чувствую свою принадлежность	711	5,8%	62,2%
	Другое	655	5,3%	57,3%
Всего		12295	100,0%	1075,7%

a. Сгруппировать

21. Знаете ли Вы слова российского гимна? (возможен один вариант ответа)

Q21					
		Частота	Проценты	Валидный процент	Накопленный процент
Валидные	знаю и с удовольствием исполняю	120	6,0	9,6	9,6
	знаю, но не привык/-ла петь публично	208	10,4	16,7	26,3
	знаю только	495	24,7	39,8	66,1

	некоторые фразы				
	не знаю,но обязательно выучу	155	7,7	12,4	78,6
	не знаю и не считаю это важным	267	13,3	21,4	100,0
	Всего	1245	62,2	100,0	
Пропущенные	Системные	757	37,8		
Всего		2002	100,0		

22. Где (географически) Вы видите себя в ближайшие 5-6 лет? (возможен один вариант ответа):

Q22					
		Частота	Проценты	Валидный процент	Накопленный процент
Валидные	в Крыму	720	36,0	61,3	61,3
	в столице России	123	6,1	10,5	71,7
	в каких-либо крупных городах России	184	9,2	15,7	87,4
	за рубежом	148	7,4	12,6	100,0
	Всего	1175	58,7	100,0	
Пропущенные	Системные	827	41,3		
Всего		2002	100,0		

23. Насколько важны для Вас следующие ценности? (отметьте по каждой строке, 01 – наименее важно, 10 – наиболее важно)

23.1. Материальная обеспеченность жизни

Наименее важно - 2,4%

Не определились- 6%

Наиболее важно - 43%

23.2. Наличие власти

Наименее важно - 14,5%

Не определились- 10,6%

Наиболее важно - 26,2%

23.3. Общественное признание

Наименее важно - 11,2%

Не определились- 10,9%

Наиболее важно - 29,7%

23.4. Свобода

Наименее важно - 4%

Не определились- 8%

Наиболее важно - 39,5%

23.5. Образование, саморазвитие, познание

Наименее важно - 5%

Не определились- 8%

Наиболее важно - 39%

23.6. Интересная работа, профессиональный рост

Наименее важно - 6%

Не определились- 8%

Наиболее важно - 38,3%

23.7. Творческая самореализация, искусство

Наименее важно - 5,5%

Не определились- 9,2%

Наиболее важно - 37,1%

23.8. Счастливая семейная жизнь

Наименее важно - 2,8%

Не определились- 6,3%

Наиболее важно - 43%

23.9. Любовь

Наименее важно - 3%

Не определились- 7%

Наиболее важно - 42%

23.10. Наличие друзей

Наименее важно - 3%

Не определились- 7%

Наиболее важно - 42%

23.11. Здоровье

Наименее важно - 3%

Не определились- 4%

Наиболее важно - 45,1%

23.12. Досуг, развлечения

Наименее важно - 3%

Не определились- 6%

Наиболее важно - 42%

23.13. Счастье других людей, самопожертвование

Наименее важно - 6%

Не определились- 7%

Наиболее важно - 38%

24. Насколько важны для Вас следующие качества? (отметьте по каждой строке, 1 – наименее важно, 10 – наиболее важно)

24.1. Твердая воля

Наименее важно - 11%

Не знаю - 8%

Наиболее важно - 32%

24.2. Эффективность в делах

Наименее важно - 19%

Не знаю - 5%

Наиболее важно - 51%

24.3 Независимость

Наименее важно - 12%

Не знаю - 7%

Наиболее важно - 31%

24.4 Самоконтроль

Наименее важно - 11%

Не знаю - 6%

Наиболее важно - 34%

24.5 Рационализм

Наименее важно - 11%

Не знаю - 6%

Наиболее важно - 33%

24.6 Исполнительность

Наименее важно - 10%

Не знаю - 7%

Наиболее важно - 34%

24.7 Терпимость, лояльность, чуткость

Наименее важно - 8%

Не знаю - 7%

Наиболее важно - 35%

24.8 Честность

Наименее важно - 8%

Не знаю - 4%

Наиболее важно - 39%

24.9 Ответственность

Наименее важно - 6%

Не знаю - 4%

Наиболее важно - 40%

24.10 Непримируемость к недостаткам

Наименее важно - 13%

Не знаю - 5%

Наиболее важно - 32%

25. Выберите из каждой пары противоположных ценностных суждений то, которое Вы считаете наиболее приемлемым (отметьте по каждой строке, 0-5 – предпочтение высказывания в левой колонке, 6-10 – предпочтение утверждения в правой колонке)

25.1.1. Выбирая друга, я ориентируюсь, на этническую и религиозную принадлежность человека	25.1.1 - 88% 25.1.2 - 12%	25.1.2. При выборе друга мне не важна этническая и религиозная принадлежность человека
25.2.1. Выбирая спутника жизни, я ориентируюсь, на этническую и религиозную принадлежность человека	25.2.1 - 28% 25.2.2 - 72%	25.2.2. При выборе спутника жизни мне не важна этническая и религиозная принадлежность человека
25.3.1. Мне легче оправдать плохой поступок или даже преступление человека, принадлежащего к той же этнической / религиозной группе, что и я	25.3.1 - 57,2% 25.3.2 - 42,8%	25.3.2. Я одинаково отношусь к плохим поступкам и преступлениям вне зависимости от того, совершил ли их человек, принадлежащий к той же этнической / религиозной группе, что и я или к другой
25.4.1. Представители определенных этнических групп изначально настроены по отношению ко мне критически	25.4.1 - 54,6% 25.4.2 - 45,4%	25.4.2. Я никогда не испытывал недоброжелательное отношение людей только из-за того, что я принадлежу к определенной этнической / религиозной группе
25.5.1. Я довольно настороженно отношусь к людям, не принадлежащим к той же этнической (религиозной) группе, что и я	25.5.1 - 52,3% 25.5.2 - 47,7%	25.5.2. Я одинаково отношусь к людям вне зависимости от их этнической (религиозной) принадлежности

26. Оценивая личность человека в целом, на какие характеристики Вы обращаете внимание? (не более 3-х вариантов ответа):

Периодичность \$Q26КАТ				
		Ответы		Процент наблюдений
		N	Проценты	
\$Q26КАТ ^a	общность религиозных взглядов	238	6,4%	12,5%
	общность политических взглядов	302	8,2%	15,8%
	этническое	168	4,6%	8,8%

	происхождение			
	социальный статус	892	24,2%	46,8%
	материальное благополучие	543	14,7%	28,5%
	общность интересов	1548	41,9%	81,1%
Всего		3691	100,0%	193,4%
а. Сгруппировать				

27. Считаете ли Вы себя человеком с активной жизненной позицией? (оцените по 10-балльной шкале, где 0 - минимальное значение оценки, а 10 - максимальное значение оценки):

Не активная жизненная позиция - 3,2%

Не определились - 7,4%

Активная жизненная позиция - 51,8%

28. Хотели бы Вы в свободное время участвовать в реализации социальных проектов?

(один вариант ответа):

Q28					
		Частота	Проценты	Валидный процент	Накопленный процент
Валидные	да	109	5,4	10,6	10,6
	скорее да, чем нет	160	8,0	15,5	26,1
	скорее нет, чем да	276	13,8	26,7	52,8
	нет	487	24,3	47,2	100,0
	Всего	1032	51,5	100,0	
Пропущенные	Системные	970	48,5		
Всего		2002	100,0		

29. В каких социальных и других проектах Вы хотели бы участвовать? (не более 3-х вариантов ответа):

Периодичность \$Q29КАТ				
		Ответы		Процент наблюдений
		N	Проценты	
\$Q29КАТ ^а	участие в деятельности природоохранных организаций	113	5,9%	12,6%
	помощь детям-сиротам	571	29,8%	63,6%
	помощь людям с ограниченными возможностями здоровья	307	16,0%	34,2%
	участие в деятельности политических организаций	147	7,7%	16,4%
	помощь животным	582	30,3%	64,8%
	участие в деятельности организаций, защищающих права эт.	84	4,4%	9,4%
	участие в деятельности религиозных организаций	114	5,9%	12,7%

Всего	1918	100,0%	213,6%
а. Сгруппировать			

30. Пожалуйста, выразите свое отношение к следующим высказываниям, касающимся межнационального и межконфессионального мира в современной России (ответ дается по каждому столбцу и каждой строке):

Периодичность \$Q30КАТ				
		Ответы		Процент наблюдений
		N	Проценты	
\$Q30КАТ ^a	Согласен, так есть в действительности	3086	68,5%	338,0%
	Согласен, но этого нет в действительности	1053	23,4%	115,3%
	Не согласен, однако это есть в действительности	204	4,5%	22,3%
	Не согласен, этого нет в действительности	164	3,6%	18,0%
Всего		4507	100,0%	493,6%

а. Сгруппировать

31. Пожалуйста, выразите свое отношение к следующим высказываниям, касающимся межнационального и межконфессионального мира на полуострове (ответ дается по каждому столбцу и каждой строке):

Периодичность \$Q31КАТ				
		Ответы		Процент наблюдений
		N	Проценты	
\$Q31КАТ ^a	Согласен, так есть в действительности	3285	74,1%	364,2%
	Согласен, но этого нет в действительности	869	19,6%	96,3%
	Не согласен, однако это есть в действительности	188	4,2%	20,8%
	Не согласен, этого нет в действительности	92	2,1%	10,2%
Всего		4434	100,0%	491,6%

а. Сгруппировать

32. Как Вам кажется, возможны ли в Вашем населённом пункте конфликты, столкновения, массовые выступления по следующим причинам (ответ дается по каждому столбцу и каждой строке):

Периодичность \$Q32КАТ				
		Ответы		Процент наблюдений
		N	Проценты	
\$Q32КАТ ^a	Скорее возможны	2260	67,4%	260,7%
	Скорее не возможны	1093	32,6%	126,1%
Всего		3353	100,0%	386,7%

а. Сгруппировать

35. На Ваш взгляд, важно ли в современной России сохранять единое языковое пространство, в котором русский язык - язык общения между многочисленными народами России? (один вариант ответа)

Q35					
		Частота	Проценты	Валидный процент	Накопленный процент
Валидные	да, крайне важно, так обеспечивается единство страны	331	16,5	26,8	26,8
	да, крайне важно, но при условии свободного развития	637	31,8	51,6	78,4
	трудно сказать, никогда не задумывался (-ась) над этим вопросом	184	9,2	14,9	93,4
	нет, главное, обеспечить возможности для свободного	80	4,0	6,5	99,8
	7,00	2	,1	,2	100,0
	Всего	1234	61,6	100,0	
Пропущенные	Системные	768	38,4		
Всего		2002	100,0		

36. Оцените, пожалуйста, по 10-балльной шкале политику по поддержанию межнационального и межконфессионального мира на полуострове, в разные исторические эпохи (0 - минимальное значение оценки, а 10 - максимальное значение оценки; ответ дается по каждой строке):

36.1. Российский период до 1917 г.

Не поддерживалось - 32%

Не знаю -9%

Поддерживалось - 17%

36.2. Советский период

Не поддерживалось - 34%

Не знаю - 5%

Поддерживалось - 19%

36.3 Украинский период

Не поддерживалось - 38%

Не знаю - 8%

Поддерживалось - 11%

36.4 Российский период с 2014 г.

Не поддерживалось - 13%

Не знаю - 15%

Поддерживалось - 31%

37. Оцените, пожалуйста, по 10-балльной шкале политику по поддержанию межнационального и межконфессионального мира на полуострове в настоящее время (0 - минимальное значение оценки, 10 - максимальное значение оценки; ответ дается по каждой строке)

37.1 Политика федер. центра

Не поддерживалось - 25%

Не знаю - 10%

Поддерживалось - 23%

37.2 Политика регионал. властей

Не поддерживалось - 34%

Не знаю - 7%

Поддерживалось - 18%

37.3 Политика муницип. властей

Не поддерживалось - 25%

Не знаю - 10%

Поддерживалось - 23%

40. Оцените, пожалуйста, по 10-балльной шкале вовлеченность различных гражданских структур в поддержание межэтнического и межконфессионального мира на полуострове (0 - вовлеченность отсутствует, 10 - максимальный уровень вовлеченности)

40.1. Гражданские активисты / представители обществ. организаций

Вовлеченность отсутствует - 35%

Не знаю - 8%

Вовлеченность есть - 15%

40.2. Лидеры обществ. мнения из числа этнических меньшинств полуострова

Вовлеченность отсутствует - 41%

Не знаю - 5%

Вовлеченность есть - 13%

40.3. Религиозные лидеры / деятели

Вовлеченность отсутствует - 35%

Не знаю - 7%

Вовлеченность есть - 16%

40.4. Представители вузов

Вовлеченность отсутствует - 28%

Не знаю - 8%

Вовлеченность есть - 22%

40.5. СМИ

Вовлеченность отсутствует - 21%

Не знаю - 9%

Вовлеченность есть - 27%

41. Насколько серьезной Вы считаете проблему онлайн-пропаганды национализма, радикальных религиозных взглядов, распространения другого контента, нарушающего закон, прежде всего, в Интернет-пространстве? (один вариант ответа)

Q41					
		Частота	Проценты	Валидный процент	Накопленный процент
Валидные	меня это беспокоит, такого контента в глобальной сети	449	22,4	36,0	36,0
	отчасти беспокоит, стараюсь избегать такого контента	404	20,2	32,4	68,5
	отчасти беспокоит	225	11,2	18,1	86,5
	не беспокоит, так как Интернет	168	8,4	13,5	100,0
	Всего	1246	62,2	100,0	
Пропущенные	Системные	756	37,8		
Всего		2002	100,0		

42. Как Вы относитесь к контролю со стороны государства/Интернет-корпораций над Интернет-контентом? Нужно ли, на ваш взгляд, регулировать содержание коммуникации в глобальной сети? (один вариант ответа)

Q42					
		Частота	Проценты	Валидный процент	Накопленный процент
Валидные	положительно, регулировать Интернет-коммуникацию необходимо	409	20,4	32,7	32,7
	скорее положительно, чем отрицательно	356	17,8	28,5	61,2
	нейтрально, не задумывался об этом	187	9,3	14,9	76,1
	скорее отрицательно, чем положительно	125	6,2	10,0	86,1
	скорее отрицательно, чем положительно	174	8,7	13,9	100,0

	Всего	1251	62,5	100,0	
Пропущенные	Системные	751	37,5		
Всего		2002	100,0		

43. В каких мероприятиях, перечисленных в таблице, Вы участвовали? (ответ дается по каждой строке)

	Да, и это опыт, полученный благодаря усилиям моих родителей / родственников	Да, и это опыт полученный, благодаря усилиям моих друзей	Нет, я ничего не знаю о таких мероприятиях	Нет, у меня нет на это свободного времени	Нет, не думаю, что такой опыт мне необходим
43.1. Участие в волонтерской деятельности	5%	31%	13%	12%	-
43.2. Участие в благотворит. деятельности	12%	24%	12%	12%	-
43.3. Участие в эколог. акциях	6%	26%	15%	13%	-
43.4. Участие в мемориальных мероприятиях, связанных с военным прошлым России	9%	23%	15%	13%	-
43.5. Участие в экскурсиях по знаковым для истории и современности России местам	11%	23%	12%	14%	-
43.6. Участие во встречах с ветеранами войн, героями, выдающимися людьми России	8%	25%	12%	14%	-
43.7. Участие в профильных сменах, слетах, фестивалях школьного актива	7%	29%	10%	15%	-
43.8. Участие в мероприятиях, связанных с поддержанием мира и согласия	7%	27%	15%	12%	-

между народами России					
43.9. Участие в мероприятиях, посвященных воссоединению России и Крыма	13%	28%	8%	10%	-

44. Возраст

Q44.AGE

		Частота	Проценты	Валидный процент	Накопленный процент
Валидные	20-29	275	13,7	15,8	15,8
	30-39	432	21,6	24,9	40,7
	40-49	344	17,2	19,8	60,5
	50-59	328	16,4	18,9	79,4
	60-69	113	5,6	6,5	85,9
	70 и старше	245	12,2	14,1	100,0
	Всего	1737	86,8	100,0	
Пропущенные	Системные	265	13,2		
Всего		2002	100,0		

45. Пол

Q45.GENDER

		Частота	Проценты	Валидный процент	Накопленный процент
Валидные	женский	1071	53,5	54,4	54,4
	мужской	897	44,8	45,6	100,0
	Всего	1968	98,3	100,0	
Пропущенные	Системные	34	1,7		
Всего		2002	100,0		

46. Есть ли у Вас опыт проживания или путешествий по континентальной части России?

(один вариант ответа)

Q46

		Частота	Проценты	Валидный процент	Накопленный процент
Валидные	да, регулярно выезжаю на континентальную часть России	226	11,3	11,8	11,8
	да, раз в год обязательно выезжаю на континентальную часть России	409	20,4	21,3	33,1
	да, это было несколько лет назад	539	26,9	28,1	61,2
	нет, нет возможностей	473	23,6	24,7	85,9

	нет, нет желания	271	13,5	14,1	100,0
	Всего	1918	95,8	100,0	
Пропущенные	Системные	84	4,2		
Всего		2002	100,0		

47. Вы считаете себя

Q47					
		Частота	Проценты	Валидный процент	Накопленный процент
Валидные	крымским татаринoм (-ой)	57	2,8	3,1	3,1
	русским (-ой)	1464	73,1	79,8	82,9
	украинцем (-ой)	314	15,7	17,1	100,0
	Всего	1835	91,7	100,0	
Пропущенные	Системные	167	8,3		
Всего		2002	100,0		

48. На каком языке преимущественно Вы общаетесь дома с родными и близкими? (один вариант ответа)

Q48					
		Частота	Проценты	Валидный процент	Накопленный процент
Валидные	на крымско-татарском	18	,9	1,0	1,0
	на русском	1788	89,3	94,8	95,7
	на украинском	81	4,0	4,3	100,0
	Всего	1887	94,3	100,0	
Пропущенные	Системные	115	5,7		
Всего		2002	100,0		

49. Населенный пункт/место жительства:

Q49					
		Частота	Проценты	Валидный процент	Накопленный процент
Валидные	Алупка	13	,6	,7	,7
	Алушта	39	1,9	2,0	2,6
	Армянск	26	1,3	1,3	4,0
	Бахчисарай	39	1,9	2,0	6,0
	Белогорск	26	1,3	1,3	7,3
	Джанкой	51	2,5	2,6	9,9
	Евпатория	143	7,1	7,3	17,2
	Керчь	208	10,4	10,6	27,7
	Красноперекопск	39	1,9	2,0	29,7
	Саки	37	1,8	1,9	31,6
	Симферополь	422	21,1	21,5	53,1
	Старый Крым	13	,6	,7	53,7
	Судак	26	1,3	1,3	55,1
	Феодосия	79	3,9	4,0	59,1

	Щелкино	13	,6	,7	59,7
	Ялта	91	4,5	4,6	64,4
	Севастополь	700	35,0	35,6	100,0
	Всего	1965	98,2	100,0	
Пропущенные	Системные	37	1,8		
Всего		2002	100,0		

50. Оцените уровень дохода Вашей семьи:

Q50					
		Частота	Проценты	Валидный процент	Накопленный процент
Валидные	можем позволить себе практически все	87	4,3	4,5	4,5
	достаточно состоятельны, но ограничены	505	25,2	26,3	30,9
	не испытываем затруднений в повседневных расходах	656	32,8	34,2	65,1
	денег хватает лишь на основные продукты питания	505	25,2	26,3	91,4
	денег не хватает даже на самые необходимые продукты	164	8,2	8,6	100,0
	Всего	1917	95,8	100,0	
Пропущенные	Системные	85	4,2		
Всего		2002	100,0		

51. Какими социальными сетями Вы пользуетесь?

Периодичность \$Q51SOC				
		Ответы		Процент наблюдений
		N	Проценты	
\$Q51SOC ^a	Facebook (принадлежит компании Meta – запрещенной в РФ)	155	7,5%	12,2%
	ВКонтакте	1052	50,8%	82,6%
	Одноклассники	249	12,0%	19,5%
	Instagram	614	29,7%	48,2%
Всего		2070	100,0%	162,5%
а. Сгруппировать				

SEVASTOPOL STATE UNIVERSITY

Translated from Russian

YARMAK OLGA VALERYEVNA

**INTEGRATION OF NEW REGIONS INTO RUSSIAN SOCIETY: A
SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF THE SOCIAL SPACES REASSEMBLY
(on the example of the Republic of Crimea and the City of Sevastopol)**

Scientific specialty

5.4.4. Social structure, social institutions and processes

Dissertation

for the degree of Doctor of Sociological Sciences

Scientific Adviser

Doctor of Sociological Sciences

DERYUGIN Pavel Petrovich

Sevastopol

2023

Content

Introduction.....	4
Chapter 1 Theoretical and methodological foundations of the study of regional integration as a social reassembly: in classical and modern sociological theories.....	53
§ 1.1. Theoretical approaches to the analysis of integration and reintegration processes	54
§ 1.2. Categorical foundations of the "integration" and "reintegration" concepts: theoretical approaches and understanding in modern sociology	76
§ 1.3. Reintegration as an Integrative Reassembly of Societies: theoretical understanding	89
Conclusions of Chapter 1.....	105
Chapter 2 Integration of new regions into Russian society: systematic interrelations of bases, levels and effects of social spaces reassembly.....	110
§ 2.1. Civilizational foundations of the integration of the Republic of Crimea and Sevastopol into the Russian space in the context of the Neo-Eurasian integrative concept of the 21 st century.....	111
§ 2.2 Social integration of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol in the context of transformation of collective memory, identity and value-semantic field.....	126
§ 2.3. The environmental integration of the Crimean Peninsula and the contours of a new social contract	141
§ 2.4. "Island" solidarity and the credit of trust as systemic effects of the integration of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol into Russia	152
Conclusion of Chapter 2.....	172

Chapter 3 The effects of the social spaces reassembly in the process of integration of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol into Russian society.....	179
§ 3.1. Integration process of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol to the Russian society. The design of sociological measurements.....	180
§ 3.2. Historical memory as the basis of the civilizational integration of the Crimean Peninsula into the Russian space	195
§ 3.3. Identity and value-semantic field as indicators of social integration of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol	226
§ 3.4. The communicative level of integration of the Crimean Peninsula and the challenges of the communicative space: results of digital measurements using the big data method	252
§ 3.5. Infrastructural dynamics of Crimea in the assessments of its residents as an indicator of environmental integration	266
§ 3.6. The image of Russia among the residents of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol in the light of the new opportunities of the Russian society system.....	286
Conclusions of chapter 3.....	296
Conclusion.....	301
List of references.....	315
Appendix A.....	338
Appendix B.....	348
Appendix C.....	391
Appendix D.....	394
Appendix E.....	402

Introduction

Relevance of the research problem. The formation of a new world order architecture is accompanied for Russia by the emergence of not only new challenges and threats, but also opened up integrative opportunities for new Russian regions. Increasing global competition, the transformation of national governance systems, and the emergence of new geopolitical global and regional leaders with their own social projects determine Russia's desire to reassemble social processes, including in the post-Soviet space.

At present, the strategic planning documents and international legal obligations of the Russian Federation contain "major challenges" facing Russian society and the state¹. The emergence of new threats to national security that have a complex and interrelated nature, the growth of global and regional instability (which was reflected in the events of the Crimean Spring and in modern Ukrainian realities) The need for studying integration cases and analyzing new reintegration mechanisms in the post-Soviet space is being updated. In order to increase the effectiveness of the Russian research foundation, the author was faced with the problem of theoretical and methodological study of the foundations, levels and effects of social reassembly of new regions into Russian society, understanding the prerequisites for integration, and dynamics of indicators of integration practices in various fields.

The Republic of Crimea and the city of Sevastopol are new Russian regions, and the problems of integration in them remain extremely relevant given the economic, political, historical, cultural, informational, and extremist challenges of the modern

---

¹ Decree of the President of the Russian Federation No. 400 dated 02.07.2021 "On the National Security Strategy of the Russian Federation" URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001?index=15&rangeSize=1> (accessed 07.02.2023)

world. This study is aimed at solving the fundamental problem of integration of the Republic of Crimea and the federal city of Sevastopol into Russian society.

First of all, attention will be paid to the study of integration and reintegration processes in classical theories and modern sociological science, the analysis of the categorical foundations of the concept of integration and the component of the integrative process – reintegration as an integrative reassembly of societies, which will allow conceptualizing the foundations and levels of the integration process of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol into Russian society.

We believe that the relevance of the problem of dissertation research is due to the need for::

- first, the theoretical and methodological study of regional integration processes as a social reassembly in classical theories and in modern sociological knowledge;
- second, understanding reintegration as a new social phenomenon that describes integration trends in the post-Soviet space;
- third, analysis of the systemic integration of new regions of Russia into Russian society, its foundations, levels and effects;
- fourth, to identify the effects of the reassembly of social spaces in the process of integration of the Republic of Crimea and Sevastopol into Russian society and to determine the civilizational foundations of integration, its levels – social, environmental and communicative.

Description of the research problem. The social contradiction of the problem under study consists in a number of provisions. The main one is that the existing theoretical and methodological background of studies of integration processes (both regional, interregional, and global) is not able to provide a scientific explanation of modern consolidations and their new form – reintegration. This situation dictates the requirement to solve the theoretical and methodological problem of research and offer a conceptual approach to new integration manifestations, including the integration of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol into Russian society.

Secondly, it is necessary to take into account that the development of classical concepts of integration took place in parallel-both in Europe and in Russia. The Russian

integrative idea of Eurasianism is the idea of building a great historical Russia, which was in demand both in the Soviet period and now. Its current relevance is due to the contradictory situation that dictates considering Russia as a civilization and as a historically formed unified social space. This idea acts to a certain extent as a response to the current contradictions of the geopolitical and international situation, allowing us to explain the causes and grounds of reintegration events in the post-Soviet space, united by a common integrative idea, including those that occurred as a result of the events of the Crimean Spring.

Third, the events of the twenty-first century have shown that modern integration processes are a kind of reassembly of the social in societies (both in the integrated and in the host). This determined the solution of the research contradiction, the search for the definitions of "integration" and "reintegration", the foundations of modern integration processes, their levels and effects. The phenomena of integration observed in modern society and their special form – reintegration—are aimed at the process of reassembling, first of all, social, then state, economic, and political associations based on new introductory elements of the international agenda of global and regional development.

Fourth, the social contradiction consists in the fact that the simplified theoretical elaboration of the phenomenon of the reintegration development of societies and addressing it through appealing to related concepts allow us to say that reintegration is part of integration trends. Consequently, such a combinatorial approach gives the concept of "reintegration" syncretic characteristics, and the lack of a developed theoretical and methodological base forms a field for conceptualizing and analyzing the foundations, levels and effects of integration events in the modern world.

Fifth, the existing research contradiction consists in the need to analyze both the civilizational foundations of modern integrations and the levels of reassembly of societies in the integrative process – social, environmental and communicative. The resolution of this contradiction made it possible to explain the transformations of structural components of society that occur during the integration of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol into the Russian space, which are formed by

environmental risks and transformed under the influence of communication technologies, which lead to the formation of systemic integration effects in both integrated and host societies.

Research hypothesis. In the course of the study, a number of assumptions were made. First of all, about the formation of a new conceptualization of integration processes, which are considered in the form of a reassembly of social spaces. Hence, it can be assumed that the studied reassembly of social formations due to the integration of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol with Russia occurs not only on civilizational and cultural-historical grounds, but also has several levels. Among them is the social one, where the transformation of historical memory, meanings and values takes place.

One of the aspects of the hypothesis is focused on the environmental level of integration, which became particularly important during the Crimean consolidation. It consists in the fact that existential threats not only form a separate level of integration, but also stimulate it, making it as successful as possible.

Another particular hypothesis concerns the communicative level of integration. It shows that modern communicative challenges of the information society destroy the accumulated experience and achievements of integration both on the part of the consolidated and host spaces, and negatively affect the systemic effects of integration and the type of solidarity achieved in society, which made it possible to explain the impact of communications as a dynamic factor in the integration process of the Crimean and Sevastopol Internet spaces with the Runet.

The last hypothetical assumption made by the author concerns a new form of integration process – reintegration-characteristic of the post-Soviet space and observed during the Crimean events, which is carried out on common civilizational grounds and has social, environmental and communicative levels of consolidation, which are dictated by the current situation in achieving a new social order, social contract and international solidarity.

The degree of scientific development of the problem. Classical integration studies are based on the fundamental scientific base created by representatives of the

social sciences. Consideration of integration processes in the aspect of regional, territorial and international associations made it possible to study the integration of the Republic of Crimea and Sevastopol in the format of combining regional spaces. Appeal to the sociological concepts of integration, studying its civilizational and cultural aspects. social foundations, provided an opportunity to substantiate the grounds and levels of integration of new regions into Russian society.

Classical theories of regional integration are presented in the framework of federalism and neo-federalism (A. Spinelli)², functionalism (D. Mitrani)³ and neofunctionalism (E. Haas, F. Schmitter, A. Etzioni, etc.)⁴, transactionalism (K. Deutsch)^{5 6}. In the light of federalism and neo-federalism (A. Etzioni)⁷ integration is considered through the creation of new political communities formed through effective control, the presence of an influential decision-making center, and the emergence of a common identity in society. In the functional approach, integration focuses not on political issues, but rather on economic and social issues (D. Mitrani, A. Clode)⁸. Neofunctionalism (E. Haas, F. Schmitter)⁹ emphasizes the penetration of politics into the economy, linking integration with social processes.

In the context of the author's research, the transactional approach is significant. K. Deutsch)¹⁰, which proposed the category of "security community" as an integrated group formed by communication and interaction. Understanding the integration of K.

---

² Spinelli A. *The Eurocrats* / Altiero Spinelli. — Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1966.

³ Mitrani, David. *The Prospect of Integration: Federal or Functional?* / David Mitrani // *Journal of Common Market Studies*. — 1965. — 4(1). — PP.119-49.

⁴ Haas, Ernst B. and Schmitter, Philippe C. *Economics and Differential Patterns of Political Integration: Projections about Unity in Latin America* / Ernst B. Haas and Philippe C. Schmitter // *International Political Communities*. — New York: Doubleday, 1966. — PP. 259-299.

⁵ Burganova I.N. Possibilities of using K. Deutsch's communication approach to the practice of integration construction in the post-Soviet space (on the example of the CIS) // *Volga Scientific Bulletin*. 2013. No.9 (25). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozmozhnosti-ispolzovaniya-kommunikatsionnogo-podhoda-k-doycha-k-praktike-integratsionnogo-stroitelstva-na-postsovetском> (accessed: 07.02.2023).

⁶ Sheryazdanova K.G. *Modern integration processes: studies. village* / K.G. Sheryazdanova. — 2nd Ed., supplement — Almaty: "Kazakh University", 2016. — 198 p.

⁷ Ibid.

⁸ Mitrani, David. *A Working Peace System* / David Mitrani. — London: Royal Institute of International Affairs, 1943.

⁹ Haas, Ernst B. *The uniting of Europe: political, social and economic forces, 1950-1957* / Ernst B. Haas; foreword by Desmond Dinan ; new introduction by Ernst B. Haas. 641 p. (Contemporary European politics and society) Originally published : Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1958. URL: <https://www.europarl.europa.eu/100books/file/EN-H-BW-0038-The-uniting-of-Europe.pdf> (accessed: 07.02.2023).

¹⁰ Sheryazdanova K.G. *Modern integration processes: studies. village* / K.G. Sheryazdanova. — 2nd Ed., supplement — Almaty: "Kazakh University", 2016. — 198 p.

Deutsch allows us to turn in the course of analyzing the consolidation process of the Republic of Crimea and Sevastopol to ensuring "peaceful changes" in the long term, which make it possible to form a common identity using common symbols. The second important concept for the author's research interest is the concept of political networks. V. Wallace, E. Moravchik) is important for understanding the category of "cooperation" necessary for integration¹¹.

Sociological institutionalism allowed us to define the tools of integration processes in the context of the author's research. Sociological institutionalism examines the institutional system from the inside, focusing on the analysis of social orders (N. Fligstin), and therefore the task of the author's research is to describe changes in social orders and the causes, grounds and levels of the integration process of new Russian regions^{12 13}.

The above-mentioned concepts of integration were the results of the historical epochs during which they were formed – the period of unification of European countries after the Second World War. These theories were dominated by regional and economic components. While European concepts were formed and developed under the influence of the needs of European integration, in Russia integration concepts were formulated under the influence of the civilizational and historical approach to integration-the theory of cultural and historical types, Eurasianism and neo-Eurasianism. Special attention was paid to the domestic economy the classical concept, without which it is impossible to determine the foundations of integration processes, is the theory of cultural and historical types by N. Y. Danilevsky¹⁴. According to the approach of N. Y. Danilevsky, all cultural and historical types are equivalent due to their uniqueness and their main historical task is, first of all, the development of original principles: peoples who do not belong to each other. those who have created states and become part of any cultural and

---

¹¹ Sheryazdanova K.G. Modern integration processes: studies. village / K.G. Sheryazdanova. – 2nd Ed., supplement – Almaty: "Kazakh University", 2016. – 198 p.

¹² Fligstin Neil Fields, Power and Social Skills: a critical Analysis of New Institutional Trends // Economic sociology. 2001. No. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/polya-vlast-i-sotsialnye-navyki-kriticheskiy-analiz-novyh-institutsionalnyh-techeniy> (accessed: 07.02.2023).

¹³ Fligstein N., McAdam D.A Theory of fields. – N.Y.: Oxford univ. press, 2012. – 256 p.

¹⁴ Danilevsky N. Y. Russia and Europe. / Compilation and comments by Yu. A. Belov / Ed. by O. Platonov. – M.: Institute of Russian Civilization, 2008. — 816 p.

historical type increase its diversity and richness, and at a certain stage can form their own cultural and historical type¹⁵. This approach allowed us to consider the integration of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol into the Russian socio-cultural space within the framework of a cultural and historical type that provides civilizational grounds for consolidation.

The essence of the Eurasian theory was to interpret Eurasia as a special geographical, socio-historical, and socio-cultural community. Early Eurasians emphasized that Eurasia is not just a combination of European and Asian principles, but a special "continent", different from both Europe and Asia (P. N. Savitsky, P. P. Suvchinsky)^{16 17}. Eurasianism in the 1960s and 1980s (L. N. Gumilev) transformed Eurasia into a sociogeographic space and a special ethno-cultural world^{18 19}. Modern aspects of Eurasianism have made it possible to substantiate the civilizational foundations for the integration of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol into Russian society, focusing on the following principles:

- Russia is a civilizational community that emerged as a result of the ethnopolitical and cultural-historical synthesis of the peoples of the East and West (L. N. Gumilev, B. S. Lavrov, I. S. Shishkin);

- Eurasianism is an ideological opposition to the American global world order of a multipolar world (B. S. Erasov, I. B. Orlova, A. S. Panarin, A. G. Dugin, K. S. Gadzhiev, M. L. Titarenko);

- on the territory of historical Russia, it is necessary to recreate a single cultural, economic and political space that promotes the integration of the peoples of Eurasia (E. A. Bagramov, A. T. Goryaev, B. S. Erasov, A. G. Dugin, A. S. Panarin, etc.);

---

¹⁵ Danilevsky N. Y. *Russia and Europe. / Compilation and comments by Yu. A. Belov / Ed. by O. Platonov. – M.: Institute of Russian Civilization, 2008. — 816 p.*

¹⁶ Savitsky P, Suvchinsky P. *Exodus to the East: The Statement of the Eurasians of the Premonition and Fulfillment of the Article by Peter Savitsky, P. Suvchinsky, N. S. Trubetskoy and George Florovsky. - Sofia: Russian-bolg. knigoizd-vo, 1921. - VII, 125 p.*

¹⁷ Savitsky P, Suvchinsky P. *Exodus to the East. Premonitions and accomplishments. The statement of the Eurasians: Articles. – Sofia: "The Balkans", 1921: On the Ways: The Approval of the Eurasians. Book 2: Articles by P.N. Savitsky, A.V. Kartashev, P.P. Suvchinsky, N.S. Trubetskoy, G.V. Florovsky, P.M. Bicilli / Vol. works by P.F. Chelishchev. - Moscow–Berlin: Helikon, 1922. - 358 p.*

¹⁸ *The processes of Eurasian integration: socio-political dimension: monograph / edited by G.I. Osadcha. – M.: BIBLIO-GLOBUS, 2018. – 374 p., p. 29. ISBN 978-5-907063-15-0*

¹⁹ Gumilev L. N. *Notes of the last Eurasian // Our heritage. 1991. No. 3. pp. 19-34.*

– It is necessary to identify an independent development path that is promising for Eurasia, based on national and cultural traditions, values and experience of centuries-old interaction between Eurasian peoples (I. B. Orlova, B. S. Erasov, A. G. Dugin, A. S. Panarin, V. L. Tsymbursky, N. N. Moiseev, D. S. Lvov, S. V. Glazyev)²⁰.

We believe that the popularity of the Eurasian idea is currently indicated by the vision of Russia as a civilization and a special cultural and historical world. In this regard, the Eurasian idea is, first of all, a civilizational idea, which was formed as a complex of interdisciplinary concepts describing Eurasia within the borders of greater Russia – from the Russian Empire and the USSR to the CIS and the modern Russian Federation – in the form of a historically formed unified social space and an independent center of power. It is in this vein that the Neo-Eurasians view Russia (AS. Panarin) - as a special civilization with its own superethnic potential and a corresponding set of geopolitical ideas^{21 22 23}.

The main ideas of neo-Eurasianism that are important for the dissertation research of the integration process of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol into Russian society:

1. Civilizations are considered as independent units of the socio-historical process. The Eurasian civilization, like the Western one, is one of the cultural and historical systems with thousands of years of experience, forming a special cultural and historical type (in the terminology of N. Y. Danilevsky)²⁴.

2. In the process of integration, it is necessary to observe the significance of the development of national cultures, the uniqueness and uniqueness of each nation and people.

---

²⁰ The processes of Eurasian integration: socio-political dimension: monograph / edited by G.I. Osadchaya. – M.: BIBLIO-GLOBUS, 2018. – 374 p. ISBN 978-5-907063-15-0

²¹ Panarin A. S. Political science. Textbook. - M: "Prospect", 1997.- 408 pp.

²² Panarin A. S. Orthodox civilization / Comp., preface V. N. Rastorguev / Ed. O. A. Platonov. – M.: Institute of Russian Civilization, 2014. – 1248 p., p. 46.

²³ Panarin A.S. The Truth of the Iron Curtain. – M.: "Algorithm", 2006. – 636 p., p. 267.

²⁴ Danilevsky N. Y. Russia and Europe. / Compilation and comments by Yu. A. Belov / Ed. by O. Platonov. – M.: Institute of Russian Civilization, 2008. — 816 p.

3. Eurasia is a special geographical, ethnic, social, cultural and historical space, part of which is historical Russia – an integrator and center of civilizational and cultural attraction not only for Slavic, but also for other peoples.

4. The predisposition of the Eurasian peoples of the post-Soviet space to integration is determined by a combination of such historical and social conditions as the Byzantine heritage, the absence of any arrogance on the part of Russians towards other peoples, national tolerance, religious tolerance, spirituality and collectivism.

In the twentieth and twenty-first centuries, a situation arose that dictated the creation of concepts of a new understanding of integration in the West. Thus, the theory of unipolarity of the world considers modern integration processes from the point of view of the overwhelming military and political superiority of the United States (and Western countries in general) over all other states or their possible coalitions (Z. Brzezinski)²⁵, and the concept of "strategic patience" (S. Talbott)^{26 27}, which went from the theory of "strategic partnership" to the concept of "engagement and expansion strategies", was aimed at preserving the global hegemony of the United States through the maximum involvement of underdeveloped and "transition" countries in economic and trade international processes.

The essence of the concept of "strategic patience" of the United States in relation to integration processes on the Eurasian continent and in the Russian space is revealed in the statements of its author S. Talbott: "If you, Russians, turn to the 13th century, then you should pay less attention to the image of Alexander Nevsky defeating the Swedish knights in an Ice battle, and more — to the Hanseatic League the idea of the Novgorodians, that is, to consider the Baltic States not as a springboard for an enemy invasion of Russia, but as an exit to the outside world"²⁸; "We must ensure that our

---

²⁵ Brzezinski, Zbigniew (1928-). The Great Chessboard: [The dominance of America and its geostrategic imperatives: Translated from English] / Zbigniew Brzezinski. - Moscow: Mezhdunar. relations, 1998. - 254,[1] p.: ill., maps; 21 cm. - (The Great Confrontation). - (The Great Confrontation). ISBN 5-7133-0967-3 (In the lane) : B. C.S. 108-109.

²⁶ Deputy Secretary Talbott. The End of the Beginning: The Emergence of New Russia // U.S. Department of State Dispatch. August/September, 1997. P. 26.

²⁷ E.V. Kostina. Strobe Talbot and his role in shaping the Russian course of the Clinton administration / Abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Historical Sciences Specialty 07.00.03 - General History Saratov 2008. URL: <https://textarchive.ru/c-2470086-pall.html ldsqpg5uwh59257772> (accessed: 07.02.2023).

²⁸ Strobe Talbott. The Cold War began with an Ice battle. Kommersant Power magazine No. 37 dated 14.10.1997, p. 28 URL: <https://www.kommersant.ru/doc/13834?ysclid=ldsqpg5uwh592577721%20> (accessed: 07.02.2023).

policy towards Russia contains one necessary element: a reserve of strategic patience. We are talking about a policy that aims not just to solve a problem that has arisen due to a crisis of a minute or a week, or even a season — we are talking about the policy of the next century"²⁹. Based on the above quotes, we can conclude that the concept of "strategic patience" approaches the processes in historical Russia in the long term, and the essence of the American approach to managing integration processes in the greater Russian space, first of all, to the reunification of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol with Russia, is reduced to using a set of "soft mechanisms" that transit of the value-semantic field through the implementation of economic and media projects, cultural and educational programs.

Despite the effective application of the principles of this theory, in the last five years its authors abandoned it^{30 31 32}. From our point of view, this is due to the revival of neo-imperial traditions of modern Russia, dictated not only by the experience of joint existence and cooperation, but also by common achievements, common lands, social and other resources. Thus, we can conclude that at the moment Western sociologists, social technologists and social engineers are at the stage of rethinking the existing concepts of integration processes and reintegrative practices of our time in the Eurasian space.

Today, the theory of contracting States (A. Cooley, H. Spruyt)³³, is quite popular, replacing the concept of "strategic patience", which is used by Western researchers in the process of studying territories that once belonged to Europe and the Soviet Union. According to this concept, modern nation-states are increasingly entering into

---

²⁹ Strobe Talbott. The Cold War began with an Ice battle. Kommersant Power magazine No. 37 dated 14.10.1997, p. 28 URL: <https://www.kommersant.ru/doc/13834?ysclid=ldsqqg5uwh592577721%20> (accessed: 07.02.2023).

³⁰ The strategic patience of Russia and NATO came to an end on September 27, 2022. URL: <https://inosmi.ru/20220927/nato-256351112.html> (accessed: 07.02.2023).

³¹ James Goodby, Donald Cross Strategic Patience became Strategic Passivity December 22, 2010. URL: <https://www.brookings.edu/articles/strategic-patience-has-become-strategic-passivity/> (accessed: 07.02.2023).

³² Eric Livni, Tom Cope Strategic Impatience October 23, 2014. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2014/10/23/strategicheskoe-neterpenie?ysclid=lacraikglh882269662> (accessed: 07.02.2023).

³³ Cooley Alexander, Spruyt Hendrik Contracting States: Sovereign Transfers in International Relations Paperback – May 10, 2009 // Publisher : Princeton University Press; 0 edition (May 10, 2009) 280 pages ISBN-10 : 0691137242 ISBN-13 : 978-0691137247. URL: <https://press.princeton.edu/books/paperback/9780691137247/contracting-states> (accessed: 07.02.2023).

agreements that involve sharing or relinquishing some of their existing sovereignty³⁴. Thus, there are contracting States that use so-called "incomplete contracts" - agreements that are initially ambiguous and most likely subject to revision in the future. This concept describes the emergence of hybrid structures of sovereign governance and allows us to understand the ways of unification and disintegration of states and territories, offering new non-conflict institutional solutions to integration and reintegration problems. Applying this theory allowed us to understand the modern applied approach to the analysis of reintegration in the post-Soviet space, including integration processes in the Republic of Crimea and the city of Sevastopol.

The concepts of consolidation of the 21st century, in contrast to the integration theories of the last century with a focus on Eurocentricity, describe systemic processes that form the entire social field, civilizational changes that have both an integrative and reintegrative nature. It is the modern concepts of integration that allowed the author to understand the process of integrative reassembly of the Republic of Crimea and Sevastopol into Russian society.

One of these concepts is the concept of "clash of civilizations" by S. Huntington, whose main thesis is that the cultural and religious identity of people will become a key source of modern conflicts³⁵. Within the framework of the author's analysis, the appeal to the idea of Huntington³⁶ about the unification of "split" countries that may return to the bosom of the mother – base civilization, or may be subject to disintegration, made it possible to substantiate the civilizational grounds for the integration of the Republic of Crimea and Sevastopol into the space of historical Russia. The reintegration processes that arise on the confrontational platform between countries, alliances, and civilizations

---

³⁴ Cooley Alexander, Spruyt Hendrik Contracting States: Sovereign Transfers in International Relations Paperback – May 10, 2009 // Publisher : Princeton University Press; 0 edition (May 10, 2009) 280 pages ISBN-10 : 0691137242 ISBN-13 : 978-0691137247. URL: <https://press.princeton.edu/books/paperback/9780691137247/contracting-states> (accessed: 07.02.2023).

³⁵ Huntington, S. P. (2000). The clash of civilizations? In Culture and politics (pp. 99-118). Palgrave Macmillan, New York.

³⁶ Huntington, Samuel Phillips (1927). Clash of Civilizations / Samuel Huntington; [Translated from the English by Yu. Novikov]. - Moscow ; St. Petersburg : AST, 2003 (Printing house of Samar Publishing House. House of Printing). - - 603, [2] p.: ill., tables.; 20. - (Philosophy).; ISBN 5-17-007923-0 (in trans.)

are described in Wallerstein's "center - periphery" theory³⁷. Such a platform he considers the Russian "near abroad", that is, in fact, the post-Soviet space, which in our study was called great historical Russia.

Using the actor-network theory of B. Latour³⁸, the author considered the idea of reassembling the Eurasian and civilizational in the social space³⁹. Referring to the actor-network theory, it was possible to define reintegration as a process of integrative reassembly of social spaces with the transformation of the social field and meanings.

Thus, the author's analysis of classical and modern concepts of integration allowed us to note the following level of knowledge of the problem of integration processes of our time:

— the review of theoretical and methodological approaches to integration research has shown that 1) they reflect the requirements of those historical stages during which they developed, 2) the formation of integration concepts took place both in the European scientific tradition and in the Russian one;

— the system vision of integration of new regions into Russian society can be considered in the light of the civilizational idea of Eurasianism, which describes Eurasia within the borders of a large historical Russia as a historically formed single social space and a civilizational center of power-attraction of its "split" parts (the Republic of Crimea and the city of Sevastopol);

— by the beginning of the twenty-first century, the international and social situation, as a result of which the classical concepts of integration lost their relevance and were replaced by new approaches with a social engineering orientation, formed the requirements for a new categorization of the concepts of "integration" and "reintegration", necessary to explain new reintegration trends in the post-Soviet space;

---

³⁷ Wallerstein I. Analysis of world systems and the situation in the modern world. Translated from the English by P. M. Kudyukin. Under the general editorship of Candidate of Political Sciences B. Y. Kagarlitsky — St. Petersburg: Publishing House "University Book", 2001. — 416 p. ISBN 5-94483-042-5.

³⁸ Latour B. *Wir sind nie modern gewesen: Versuch einer symmetrischen Anthropologie*. Berlin, 1995: Akademie-Verlag, 1991.

³⁹ Yarmak O.V., Bolshakova M.G., Maranchak A.G., Savina Z.S. Actor-network constructions of collective historical memory // LOGO SET PRAXIS, Volume 21, No. 2. 2022, pp. 73-80 ISSN: 2587-9715 URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49586259> (accessed: 07.02.2023).

— the phenomenon of reintegration at the present time should be aimed at describing the current processes of reassembling state, economic, political, and social constructs;

— the actualization of the phenomenon of modern reintegrations (such as the integration of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol in the Russian Federation) is explained by the current state of disruption of social orders, when the Western (American-centric) model of the world order is contrasted with the trend of forming a multipolar social system, which dictates the consideration of the civilizational foundations of new consolidations, social, environmental and communicative levels of integration and its systemic effects.

Purpose of the dissertation research based on theoretical and methodological generalizations, the aim is to identify and conceptualize criteria for analyzing the integrative processes of new regions in Russian society, which are perceived as a reassembly of social spaces by achieving systemic effects in the implementation of civilizational foundations of social and environmental levels of solidarity, as well as to develop recommendations for consolidating and understanding communication challenges in the interests of the reintegration of the Republic of Crimea and the city Sevastopol to the Russian space.

To achieve the goal set in the dissertation, the following **tasks** were solved:

— the key theoretical and methodological foundations of the study of regional integration as a social reassembly are revealed, as well as the essence of sociological knowledge about integration and reintegration processes;

— the definitions and categorical bases of the concepts of "integration" and "reintegration" as a process of integrative reassembly of social spaces are clarified;

— the work presents the systemic integration of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol into Russian society by determining the interrelationships of incoming conditions (civilizational foundations), levels — social, environmental and communicative, and the effects of integration-the formation of a new type of solidarity;

— the author analyzes the civilizational foundations of the integration of the Republic of Crimea and Sevastopol into the Russian space in the context of the Neo-Eurasian integrative concept of the 21st century;

—the processes of transformation of collective memory, identity and value-semantic field as a result of social integration of the Republic of Crimea and Sevastopol are analyzed;

— the challenges of the Crimean Peninsula's communication space, which determined its communicative level of integration into the Russian Internet space, are outlined;

— the social determinants of the Crimean Peninsula's environmental integration are revealed, which are reflected in the new vision of the image of Russia and the dynamics of the peninsula's residents' assessments of the ongoing infrastructure changes;

— the systemic effects of the integration of the Republic of Crimea and Sevastopol into Russia are determined — the formation of "island" solidarity and credit of trust both in the integrated — Crimean — society and in the host — Russian one.

Research object — integration processes of new regions — the Republic of Crimea and the federal city of Sevastopol – into Russian society.

Subject of the study — effects of the reassembly of social space in the process of integration of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol in the Russian society, namely: 1) incoming integration conditions – civilizational foundations, 2) integration levels – social (transformation of historical memory, value-semantic field), environmental (existential threats), communicative (challenges of the information society), 3) outgoing integration results – systemic effects on creating a new type of solidarity and dynamics of assessments of infrastructure changes with the transformation of understanding Russia and the Eurasian civilization among the Crimean and Sevastopol residents.

Theoretical and methodological foundations of the study. The dissertation research is based on the fundamental principles of classical sociological concepts,

integration theories, social constructivism, and the actor-network approach. When analyzing integration processes, we used:

— theories of regional integration: federalism and neo-federalism (A. Spinelli)⁴⁰, functionalism (D. Mitrani)⁴¹ and neo-functionalism (E. Haas, F. Schmitter, A. Etzioni)⁴²
43,

— theories that reveal cause-and-effect patterns of integrations (the concept of political communications by K. Deutsch)⁴⁴;

— theories that clarify the categorical-conceptual framework (actor-network approach of B. Latour⁴⁵, the concept of integration of W. Szymank⁴⁶, the theory of structuration of E. Giddens⁴⁷, the concept of structural connections of N. Luhmann⁴⁸, the concept of "risk society" of W. Beck⁴⁹, the integrative theory of "social exchange" of P. Blau⁵⁰);

— civilizational approach to integration processes (the concept of "clash of civilizations" by S. Huntington⁵¹, the theory of cultural and historical types by N.Y. Danilevsky⁵², the concept of integration of integrations, Eurasian (L. N. Gumilev⁵³)

⁴⁰ Spinelli A. *The Eurocrats* / Altiero Spinelli. — Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1966.

⁴¹ Mitrany, David. *The Prospect of Integration: Federal or Functional?* / David Mitrany // *Journal of Common Market Studies*. — 1965. — 4(1). — PP.119-49.

⁴² Haas, Ernst B. and Schmitter, Philippe C. *Economics and Differential Patterns of Political Integration: Projections about Unity in Latin America* / Ernst B. Haas and Philippe C. Schmitter // *International Political Communities*. — New York: Doubleday, 1966. — PP. 259-299.

⁴³ Sheryazdanova K. G. *modern integration processes: учеб.* K. G. Sheryazdanova. "Yes." 2-E., the ball. - Almaty: "Kazakh university", 2016. - 198 PP., P. 18.

⁴⁴ Ibid.

⁴⁵ Latour B. *Wir sind nie modern gewesen: Versuch einer symmetrischen Anthropologie*. Berlin, 1995: Akademie-Verlag, 1991.

⁴⁶ U. Shimank *Sociological diagnosis of the last twenty years: theses on the integration of modern society* // *Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2001. Volume IV. No. 2 URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17325262&ysclid=ldt2u9xmcw499668671> (accessed: 07.02.2023).

⁴⁷ Giddens, E. *The Organization of Society: An essay on the theory of structuration*. — M.: Academic Project, 2003. — 528 p. — ("Concepts"). ISBN 5-8291-0232-3.

⁴⁸ Luhmann N. *Die Gesellschaft der Gesellschaft*. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1997, S. 617-618.

⁴⁹ Beck, Ulrich *Risk Society. On the way to another Modern* [Text] / Ulrich Beck; translated from German by V. Sedelnik and N. Fedorova. - Moscow : Progress-Tradition, 2000. - 381, [2] p.; 21.; ISBN 5-89826-059-5.

⁵⁰ Peter M. Blau *A Theory of Social Integration* // *American Journal of Sociology* Vol. 65, No. 6 (May, 1960), pp. 545-556 (12 pages) Published By: The University of Chicago Press URL: <https://www.jstor.org/stable/2773647> (accessed: 07.02.2023).

⁵¹ Huntington, Samuel Phillips (1927). *Clash of Civilizations* / Samuel Huntington ; [Trans. from the English by Yu. Novikov]. - Moscow ; St. Petersburg : AST, 2003 (Type. publishing house Samar. House of Printing). - 603, [2] p. : ill., tab.; 20. - (Philosophy).; ISBN 5-17-007923-0 (in trans.)

⁵² Danilevsky N. Y. *Russia and Europe*. / Compilation and comments by Yu. A. Belov / Ed. by O. Platonov. – M.: Institute of Russian Civilization, 2008. — 816 p.

⁵³ Gumilev L.N. *Notes of the last Eurasian, "Our Heritage"*, 1991, No. 3, pp. 19-26.

and Neo-Eurasian (A. G. Dugin, E. Y. Vinokurov, A. S. Panarin, S. A. Mikheev^{54 55 56 57}) approaches).

Integration processes are also considered in the paper using sociological institutionalism (N. Fligstin⁵⁸), which allows us to explain structural transformations, changes in social institutions and determine the sources of their social transformations. In the framework of the study, this approach is significant due to the fact that transformations of social institutions are the result of social interaction between actors, including in the integration process of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol in Russia.

To analyze the real state of integration processes in the Republic of Crimea and the city of Sevastopol, methods of applied sociological research were used: empirical methods of collecting primary information — quantitative and qualitative (mass survey by questionnaire and interviewing methods, in-depth interviews), digital methods (cybermetry of messages in the Crimean and Sevastopol segments of the Internet using online social media monitoring services); methods of qualitative information analysis processing of online information (content analysis of information resources, discourse analysis of Internet content).

The empirical base of the dissertation work is represented by statistical data, the results of sociological research conducted, including with the participation or under the supervision of the author. Among them:

1. Sevastopol city in figures for 2018: Short statistics.col./Krymstat - S., 2018-193 p.⁵⁹

⁵⁴ Dugin, A. Eurasian Revenge of Russia. 2014, 280 p. ISBN:978-5-4438-0882-6.

⁵⁵ Panarin A.S. The Truth of the Iron Curtain. – M.: "Algorithm", 2006. – 636 p., p. 267.

⁵⁶ Panarin A. S. Orthodox civilization / Comp., preface V. N. Rastorguev / Ed. O. A. Platonov. – M.: Institute of Russian Civilization, 2014. – 1248 p., p. 46.

⁵⁷ Mikheev S.A. Post-Soviet space: Elites against integration. Access mode: <http://politcom.ru/3904.html> (accessed: 07.02.2023).

⁵⁸ Fligstin Neil Fields, Power and Social Skills: a critical Analysis of New Institutional Trends // Economic sociology. 2001. No. 4. URL.: <https://cyberleninka.ru/article/n/polya-vlast-i-sotsialnye-navyki-kriticheskiy-analiz-novyh-institutsionalnyh-techeniy> (accessed: 07.02.2023).

⁵⁹ Sevastopol city in figures for 2018: Short statistics.col./Krymstat - S., 2018 - 193 p. URL: [https://crimea.gks.ru/storage/mediabank/%D0%A1%D0%B5%D0%B2%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D1%8C%20%D0%B2%20%D1%86%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%B0%D1%85.2018%20%D1%81%D0%B0%D0%B9%D1%82\(1\).pdf](https://crimea.gks.ru/storage/mediabank/%D0%A1%D0%B5%D0%B2%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D1%8C%20%D0%B2%20%D1%86%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%B0%D1%85.2018%20%D1%81%D0%B0%D0%B9%D1%82(1).pdf) (accessed: 07.02.2023).

2. The Republic of Crimea in figures. 2018: Short statistics.col./Krymstat - S., 2019-205 p.⁶⁰
3. Sevastopol city in figures for 2019: Short statistics.col./Krymstat - S., 2020-203 p.⁶¹
4. The Republic of Crimea in figures. 2020: Short statistics.col./Krymstat-S., 2021-226 p.⁶²
5. Sevastopol city in figures for 2020: Short statistics.col./Krymstat-Moscow, 2021-195 p.⁶³
6. The Republic of Crimea in figures. 2021: Short statistics.col./Krymstat - S., 2021-202 p.⁶⁴
7. Sevastopol city in figures for 2021: Short statistics.col./Krymstat-S., 2022 -199 p.⁶⁵
8. RCPO research on the response to the energy blockade of Crimea⁶⁶.
9. RCPO study on the unacceptability of signing an electricity supply contract with Ukraine if Crimea and Sevastopol are named as Ukrainian⁶⁷.

⁶⁰ The Republic of Crimea in figures. 2018: Short statistics.col./Krymstat - S., 2019 – 203 p. URL: [https://crimea.gks.ru/storage/mediabank/%D0%9A%D1%80%D1%8B%D0%BC%20%D0%B2%20%D1%86%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%B0%D1%85.2018\(%D1%81%D0%B0%D0%B9%D1%82\)%20%D0%BF%D0%BE%D1%81%D0%BB.%D0%B2%D0%B5%D1%80%D1%81%D0%B8%D1%8F.pdf](https://crimea.gks.ru/storage/mediabank/%D0%9A%D1%80%D1%8B%D0%BC%20%D0%B2%20%D1%86%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%B0%D1%85.2018(%D1%81%D0%B0%D0%B9%D1%82)%20%D0%BF%D0%BE%D1%81%D0%BB.%D0%B2%D0%B5%D1%80%D1%81%D0%B8%D1%8F.pdf) (accessed: 07.02.2023).

⁶¹ Sevastopol city in figures for 2019: Short statistics.col./Krymstat - S., 2020 - 203 p. URL: <https://crimea.gks.ru/storage/mediabank/%D0%A1%D0%B5%D0%B2%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D1%8C%20%D0%B2%20%D1%86%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%B0%D1%85.2019%20%D0%B1%D0%B5%D1%81%D0%BF%D0%BB%D0%B0%D1%82%D0%BD%D1%8B%D0%B9%20%D0%B2%D0%B0%D1%80%D0%B8%D0%B0%D0%BD%D1%82%20%D0%98%D0%BD%D0%B3%D0%B0.pdf> (accessed: 07.02.2023).

⁶² The Republic of Crimea in figures. 2020: Short statistics.col./Krymstat – S., 2021 – 226 p. URL: <https://crimea.gks.ru/storage/mediabank/owk7CaUm/%D0%A0%D0%B5%D1%81%D0%BF%D1%83%D0%B1%D0%B%D0%B8%D0%BA%D0%B0%20%D0%9A%D1%80%D1%8B%D0%BC%20%D0%B2%20%D1%86%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%B0%D1%85.%202020.pdf> (accessed: 07.02.2023).

⁶³ Sevastopol city in figures 2020: A short stat.col./Krymstat- S., 2021 - 195 p. URL: <https://crimea.gks.ru/storage/mediabank/584uxos1/%D0%A1%D0%B5%D0%B2%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D1%8C%20%D0%B2%20%D1%86%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%B0%D1%85.2020%20%D0%B1%D0%B5%D1%81%D0%BF%D0%BB%D0%B0%D1%82%D0%BD%D1%8B%D0%B9+.pdf> (accessed: 07.02.2023).

⁶⁴ The Republic of Crimea in numbers. 2021: Short stat.col./Krymstat - S., 2021 - 202 p. URL: <https://crimea.gks.ru/storage/mediabank/owk7CaUm/%D0%A0%D0%B5%D1%81%D0%BF%D1%83%D0%B1%D0%B%D0%B8%D0%BA%D0%B0%20%D0%9A%D1%80%D1%8B%D0%BC%20%D0%B2%20%D1%86%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%B0%D1%85.%202020.pdf> (accessed: 07.02.2023)

⁶⁵ The city of Sevastopol in figures of 2021: Short stat.sat./Krymstat- S., 2022 -199 p. URL: <https://crimea.gks.ru/folder/27359> (accessed: 07.02.2023).

⁶⁶ RCPO research on the response to the energy blockade of Crimea. Analytical review December 18, 2015. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/energeticheskaya-blokada-kryma-kak-reagirovat-rossii?ysclid=lc4xhhg7g255504889> (accessed: 07.02.2023).

⁶⁷ RCPO research on the unacceptability of signing a contract with Ukraine for the supply of electricity if Crimea and Sevastopol are called Ukrainian in it. VTSIOM January 28, 2016. URL:

10. Sociological monitoring of 2017 and 2018 conducted by the Center for Sociological Research of Sevastopol State University under the supervision of the author using a mass questionnaire with a sample of 3,200 students (2,000 Crimeans and 1,200 Sevastopolites aged 17 to 25 years), representative by territory of residence, gender, nationality, while observing the maximum sampling error of no more than 3% (1,600 each). interviewed annually for two years of measurement); and using in-depth interviews with 160 students covering representatives of different districts and cities, nationalities, and genders^{68 69}.

11. A 2020 sociological survey conducted by Center for Sociological Research of Sevastopol State University under the author's guidance by interviewing a total sample of 2,000 people (1,265 residents of 16 cities of the Republic of Crimea – Alupka, Alushta, Armyansk, Bakhchisarai, Belogorsk, Dzhankoy, Yevpatoria, Kerch, Krasnoperekopsk, Saki, Simferopol, Stary Krym, Sudak, Feodosia, Shchelkino, Yalta and 735 residents of Sevastopol aged 18 and older). older, representative by area of residence, gender, age with a marginal sampling error of 3%)⁷⁰.

12. Digital research conducted with the participation of the author under the supervision of the Head of the Department of Socio-Political Studies and Technologies of the Institute of History and Politics of Moscow State University, Professor of the Department of Political Science of the Financial University under the Government of the Russian Federation E. V. Brodovskaya in 2017, using the method of cybermetry of messages of the Crimean and Sevastopol segments of the Internet using the online social media monitoring service IQBuzz, the depth of uploading of Internet resources to the Internet content of 2016-2019, the volume of unloading – more than 1 million

---

https://krym.aif.ru/society/rossiyane_ne_hotyat_videt_krym_ukrainskim_dazhe_na_bumage_vciom?ysclid=lc4xhou18u683671170 (accessed: 07.02.2023).

⁶⁸ Yarmak O.V., Nelina L.P., Yarmak V.E. Interethnic and interreligious harmony among the Crimean students // Bulletin of the Institute of Sociology. 2019 Volume 10. No. 3. pp. 96-112, DOI: 10.19181/vis.2019.30.3.592 (accessed 07.02.2023).

⁶⁹ Interethnic and interreligious harmony in the student environment of Crimea and Sevastopol: monitoring and analysis of the level of development: a collective monograph / Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Sevastopol State University. University; ed. by O.V. Yarmak. – Sevastopol: SevSU, 2019. – 144 p. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42520704> (accessed: 07.02.2023).

⁷⁰ Interethnic and interreligious harmony in the student environment of Crimea and Sevastopol: monitoring and analysis of the level of development: a collective monograph / Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Sevastopol State University. University; ed. by O.V. Yarmak. – Sevastopol: SevSU, 2019. – 144 p. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42520704> (accessed: 07.02.2023).

messages from social media VKontakte, Instagram (banned in Russia), Facebook (owned by Meta - banned in Russia)⁷¹.

13. Digital research, conducted by the Center for Sociological Research of Sevastopol State University under the author's guidance by the method of cybermetry of information flows in the Crimean and Sevastopol Internet segments using the Russian monitoring system for social network analysis "Medialogia", about 800,000 information documents were accumulated, the depth of unloading 2019-2020^{72 73 74 75 76}.

14. Digital research, conducted by the Center for Sociological Research of Sevastopol State University under the author's guidance the method of cybermetry of information flows with the volume of unloading 45,239 messages, the depth of unloading-November-December 2020; qualitative methods-content and discourse analysis of information occasions focused on historical topics, discourse about the Victory in the Great Patriotic War, the role of Sevastopol in it (109 information occasions for the period 2018-2020 and 100 information events for the period 2018-2020). reasons for February-May 2022)^{77 78 79 80}.

---

⁷¹ Interethnic and interreligious harmony in the student environment of Crimea and Sevastopol: monitoring and analysis of the level of development: a collective monograph / Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Sevastopol State University. University; ed. by O.V. Yarmak. – Sevastopol: SevSU, 2019. – 144 p. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42520704> (accessed: 07.02.2023).

⁷² Yarmak O.V., Tsepikova A.S., Lysenko E.A., Kalinskaya, I.L. Information flows of the Crimean and Ukrainian segments of the Internet: content analysis of Facebook and VKontakte messages // Humanities. Bulletin of the Financial University. Scientific and practical journal. 2019, Volume 9, No. 6, pp. 38-44. URL: <http://www.fa.ru/org/div/edition/jgn/Pages/current.aspx> (accessed: 07.02.2023).

⁷³ Yarmak O.V., Strashko E.V., Shkaiderova T.V. Reaction to the Covid-19 pandemic in the Internet audience of Moscow, St. Petersburg and Sevastopol (based on media analytical research) // Bulletin of the Institute of Sociology. 2020. Volume 11. No. 11. pp. 121-142. DOI: 10.19181/vis.2020.11.3.666 (accessed 07.02.2023).

⁷⁴ Olga Yarmak, Tatyana Shkaiderova, Ekaterina Strashko, Maria Bolshakova and Lyudmila Garas Institution of higher education transformation and society's response to distance learning during the Covid 19 pandemic, E3S Web of Conferences 244, 11043 (2021). URL: <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202124411043>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46772398> (accessed: 07.02.2023).

⁷⁵ Yarmak O.V., Tsepikova A.S., Kalinskaya I.L. Ukrainian information flows in the Crimean Internet segment: analysis of online content and media news during 2014-2020 // Izvestiya vuzov. North Caucasus region. Social Sciences, 2020, No. 3, pp. 36-45. DOI 10.18522/2687-0770-2020-3-36-44 (accessed 07.02.2023).

⁷⁶ Yarmak O.V., Tsepikova A.S., Lysenko E.A. Dynamics of the Crimean discourse in German online media: analysis of the influence of the Ukrainian factor // Humanities. Bulletin of the Financial University. Scientific and practical journal. 2021, Volume 11, No. 1, pp. 98-104. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=45642082> (accessed: 07.02.2023).

⁷⁷ Olga Yarmak, Mariya Bolshakova, Anastasiya Maranchak, Zoya Savina. Sevastopol in the Historical Memory of the Great Patriotic War: Media Space Analysis // The European Journal of Social & Behavioural Sciences EJSBS Volume XXX (eISSN: 2301-2218) doi:10.15405/ejsbs.294 URL: https://www.europeanpublisher.com/data/articles/10000/10036/article_10000_10036_pdf_100.pdf; <https://doi.org/10.15405/ejsbs.294> (accessed: 07.02.2023).

⁷⁸ Yarmak O.V., Bolshakova M.G., Maranchak A.G. Collective memory of the Great Patriotic War as a network in the understanding of actor-network theory // MODERN SCIENCE, No. 7, 2021, pp. 269-271. ISSN: 2414-9918 URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46442698> (accessed: 07.02.2023).

The development of the research topic of the dissertation was tested in a number of scientific projects:

— RFFR grant on "Interethnic and interreligious consent among students in Crimea and Sevastopol: monitoring and analysis of the level of development "(2017-2019, No. 17-06-00440 A, performer);

— RFFR grant "Ukrainian information flows in the Crimean segment of social media: risks and technologies for overcoming the negative effects of anti-Russian rhetoric in the online environment" (2018-2020, No. 18-011-00937 A, performer);

— Russian Foundation for Basic Research grant on "Research and educational centers as a factor in the formation of human capital in Russia: format for creating world-class research and education centers in accordance with the Presidential Decree "On National Goals and Strategic Development Objectives of the Russian Federation for the Period up to 2024" (2019-2022, No. 19-29-07443 mk, performer);

— RFFR grant on "Sociological measurement of interethnic and interreligious consent in the Republic of Crimea and Sevastopol using semi-Markov processes and agent-based modeling" (2020 ,No. 20-011-31565 opn, head);

— internal grant of Sevastopol State University No. 28/06-31 on the topic "Development of agent-based modeling and big data methods for social media analysis in post-conflict societies "(ID 28/06-31, approved by order of the Vice-Rector for Research and Innovation of Sevastopol State University No. 556-p dated 14.04.2020, executor);

— RFFR grant on "Sevastopol in the historical memory of the Great Patriotic War: analysis of Runet information flows using big data "(2020-2021, No. 20-411-920004, Head);

— grant on "Socio-political communications in the reintegrated territories of Ukraine: risks and technologies for overcoming external challenges using the Big Data

---

⁷⁹ Yarmak O.V., Bolshakova M.G., Maranchak A.G., Savina Z.S. Historical memory of youth: how images of the past work in the conditions of confrontation of political elites // Questions of elitology. Research Electronic Journal www.elitology-journal.com Volume 3, No 2 doi: 10.46539/elite.v3 2 (accessed 07.02.2023).

⁸⁰ Yarmak O.V., Bolshakova M.G., Savina Z.S. Sevastopol in the construction of collective historical memory: analysis of Runet information flows using big data // Kant Magazine No. 2(39) 2021 [pp. 285-292] URL: doi: 10.24923/2222-243X.2021-39.48; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46323747> (addresses: 07.02.2023).

analysis method "(FEFM-2022-0005) with the support of the Expert Institute for Social Research (EISI), the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Russian Academy of Sciences (2022, Head);

— scientific project on the topic "Formation of scientific and technological competence" Digital technologies in the field of operational regional studies " (2022, under the Priority 2030 program, head).

Provisions to be defended:

1. Theoretical and methodological foundations of the study of the integration of new regions as the results of the implementation of the system of conceptual principles of social reassembly, identified and realized in classical and modern sociological theories in the form of an actual theoretical and methodological base for analyzing the integration of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol into the social structure of Russian society. These include:

1) *civilizational foundations of the reassembling* serving as a basic condition for consolidations;

2) *modern specifics transformations of social institutions*, which develops and manifests itself in the features of interaction between social actors new regions and the host country have a special impact on the emergence of previously unexplored consolidating elements of identity, value consciousness, collective historical memory and the image of the base-mother (deep host) state;

3) *integration levels*, defined as, first, *environmentally* formed through an artificially created risk society; and, secondly, *communication level of integration*, It involves the search for an answer to the communicative challenges of the information society formed by external actors, creating a conflict and nihilistic context in relation to the reintegration practices of the Republic of Crimea and Sevastopol into Russian society;

4) *systemic effects of rebuilding social spaces* in the process of integration of the Republic of Crimea and Sevastopol into the Russian society, which was reflected in the creation of *a new type of solidarity in an integrated — Crimean — society and a host — Russian one.*

2. The categorical foundations of the concepts of "integration" and its specific form – reintegration is considered as a result of the process of reassembling social spaces.

In this case, integration is understood as a process of reassembling social spaces, which has input conditions-civilizational foundations, levels – social, environmental and communicative, outgoing results-achievement of systemic effects in the form of social transformations of identity, value-semantic field, image of Russia, creation of a new type of solidarity, dynamics of assessments of infrastructure changes.

Reintegration is considered as a process of integrative reassembly of society, aimed at uniting and restoring previously disintegrated or disintegrated territorial, economic, social, and civilizational education, leading to the consolidation of new network communications, integration of the value-semantic field, historical memory, and creation of new human capital.

3. The civilizational foundations of the integration of the Republic of Crimea and Sevastopol into the social structure of the Russian space should be adequately, expediently and timely investigated in the context of the neo-Eurasian integrative concept.

The results of the study confirm that the civilizational foundations of the integration of the Republic of Crimea and Sevastopol into the Russian space in the context of the modern neo-Eurasian concept suggest their analysis from the point of view of three principles: the first – as a component of the national idea; the second – the presence of a common historical fate among the peoples of the post-Soviet space; the third — the formation of Russian identity through the reflection of the multi-ethnic and multi-confessional nature of the post-Soviet space. space, the position of Russia as an integrator of East and West. This makes it possible to understand not only the civilizational base of consolidations, but also the features of the civilizational characteristics of the reintegration processes taking place in the Eurasian space.

4. The specifics of the social integration of the Republic of Crimea and Sevastopol are formed as a result of the transformation of the collective memory, identity and value-semantic field of Crimeans.

The new approach to understanding the social level of integration is due not only to the significance of the reunification of the Republic of Crimea and Sevastopol with Russia, but also to the difference in the formation of value orientations among people of different generations and different ethnic backgrounds in different historical and socio-cultural environments.

It is proved that the inculturation of Crimean and Sevastopol residents until 2014 was located in a socio-cultural space, historically and civilizationally connected with Russia, in which social and political agents of Russian influence worked. The acculturation period took place after 2014, but was differentiated in the Republic of Crimea and Sevastopol. The final result of the process of social integration, the adoption of values, meanings, symbols and images of the host — Russian — society by Crimeans and Sevastopol residents is a group level of integration or acculturation (national, confessional, political, social, etc.).

To substantiate this position, it is important to use the conceptual principles of the F. Bart approach⁸¹. He states that ethnic groups are formed in the process of border interaction with other ethnic groups, and these borders are understood by them as social ones proper. This approach to studying the change of identities in borderline social and ethnic states allows the most objective analysis of the process of identity formation of residents of the Crimean Peninsula in the new socio-political reality, and to record the formation of a multi-layered identity of residents of the peninsula, including ethnic, land (the "native land" factor), cultural (different belonging to Russian and Ukrainian cultures, having a common Slavic root) bindings⁸².

5. The main factors of social integration of the Crimean and Sevastopol residents are manifested not only in the conditions of unification on a civilizational basis, but also in the period of environmental challenges.

---

⁸¹ Ethnic groups and social boundaries. Social organization of cultural differences. Collection of articles / Edited by F. Barth; translated from the English by I. Pilytsikov. M.: New Publishing house, 2006. — 200 p. — (New Borders).; ISBN 5-98379-064-1.

⁸² Shkaiderova T.V., Yarmak O.V., Tsepkova A.S., Maranchak A.G. Identity of residents of the Crimean peninsula: is there a change of ethnic borders? // Modern Science and Innovation, No. 1 (33), 2021, pp. 114-122. Founders: North Caucasus Federal University ISSN: 2307-910X URL: doi: 10.37493/2307-910X.2021.1.18; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46501764> (accessed: 07.02.2023).

In this case, it is confirmed that among the determinants that influenced the political and civil choice of the population of the peninsula, who found themselves in a situation of an artificially created risk society, the most significant socio-economic factors were: the initiation of resource blockades; banking and financial restrictions; existential threats; threats of military danger and environmental risks. The identified factors, which have been active for almost a decade, provided the formation of a new level of integration — the environmental one, which led to the emergence of new unique characteristics of integration and a new situational identity, the displacement of ethnic borders between national groups of the peninsula, and the creation of a new value-semantic field.

6. Internet communications that have developed in the Crimean and Sevastopol media and Internet space are characterized by increased conflict, are significantly affected by external actors and are formed from the outside through network resources.

The data obtained as a result of sociological research showed that the current situation creates a communication level of integration of the Crimean Peninsula, which requires the use of new methodological approaches and principles (digital learning, cybermetry methods, big data analysis) that can provide a systematic diagnosis of problems of public opinion formation in the information space.

At the communication level of integration of the Crimean Peninsula, there are dangers for the integration process, manifested in the creation of several types of attitudes: anti – Russian – the formation of an image of the enemy-aggressor and a nihilistic attitude towards Russia, Russophobic – against everything Russian in general, with the creation of anti-conservative meanings, a departure from traditions and foundations, from family foundations, paternalism, which have always been inherent in the Russian to the society and the Eurasian space, and anti-Putin – aimed at the desecralization of the Russian political leader.

In the communicative space, historical memory is formed as a "stream" that is not created by the immediate social environment, but appears in the human mind invisibly, imperceptibly, but systematically – through the formation of visual images. The author considers the process of forming collective historical memory as a network in the

context of actor-network theory, which allowed us to study atypical situations created by "invisible" technologies and routine events in the communication field of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol.

7. The effects of the reassembly of social spaces in the process of integrating the Republic of Crimea and Sevastopol into Russian society ensured the creation of a new type of social solidarity that emerged in 2014 as a result of the Crimean consensus.

The emerging effects of reassembly and new forms of solidarity are based on: 1) the Crimean referendum and the subsequent Crimean consensus in Russian society, which are characterized as a form of social solidarity, subordinated to the principle of brotherhood and the desire to change socially unfair conditions; 2) the need to establish a socially oriented state with the implementation of a social support policy aimed at reducing social differences while achieving social justice and social integration; 3) mobilization of social actions 4) the presence of "insular" – living on a local territory, which unites people in the face of emerging threats and forms a regional "community of destiny" (according to P. Baer⁸³). This fact was observed both during the Crimean events of 2014 and during the pandemic.

The events shown influenced the emergence of a new level of trust between various social groups of the population of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol. The level of trust formed in Russian society against the background of the Crimean events, as a systemic effect of the integration processes of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol into the Russian space, has increased both in the Crimean community as an integrating and in the Russian community as a receiving one. It is proved that the "input" process of building trust in the Crimean events of 2014 began to be created even before the events themselves: these include collective actions aimed at cooperation with pro-Russian movements, representatives of the political, economic, educational elites of Russia in the Ukrainian period; the creation of collective meanings associated with Russia, the Russian world and the Eurasian space; formation of collective memory of the key achievements of national history. The established credit

---

⁸³ Yarmak O.V., Strashko E.V., Shkaiderova T.V. Reaction to the Covid-19 pandemic in the Internet audience of Moscow, St. Petersburg and Sevastopol (based on media analytical research) // Bulletin of the Institute of Sociology. 2020. Volume 11. No. 11. pp. 121-142. URL: doi: 10.19181/vis.2020.11.3.666 (accessed: 07.02.2023).

of trust formed as a result of the events of the Crimean Spring turned out to be a significant systemic factor in the formation of not only integrative practices in recent Russian history, but also contributed to the creation of social and human capital focused on new tasks, the Eurasian idea and civilizational proximity with Russia. This situation led, on the one hand, to the laying of the foundations of "island" solidarity within Crimea, and on the other, to the functioning of a credit of trust in the authorities in Russian society.

8. The relevance and timeliness of the creation of a global social contract stimulates the integration of Crimean and Sevastopol residents into the structure of Russian society in order to avoid conflicts of an environmental nature and artificially created risk society.

Such an agreement will contribute to resolving the problems of re- and integration processes in the post-Soviet space, in particular, the impact of environmental threats on the lives of people on the Crimean Peninsula – water, energy, food, transport, financial blockades, as well as on the course of integration and decision-making to create a safe space under the protection of the mother – base - state – Russia. It is proved that it was the environmental threats created externally on the Crimean Peninsula that should have led to the formation of a risk society in Crimea, which contributed to the transition to the environmental level of the integration process. The environmental integration of the Crimean Peninsula, which in fact began due to the resource problem back in the Soviet period, escalated in the post-Ukrainian period, and contributed to the strengthening of support for the Crimean events of 2014 among those who doubted their significance and necessity.

Empirical data show that the Crimean Spring, the referendum on the entry of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol into Russia, the civil confrontation in the south-east of Ukraine, the beginning of a special military operation of Russia in Ukraine necessitated the creation of a new social contract, the contours of which can be such requests of Russian society to the authorities and social actors as the need to formulate a new ideology, definition of the economic system of the country, the principles of social elevators in the youth environment. Russians can secure confident social, economic and

political positions in the post-Soviet space precisely such criteria of the new social contract, and will contribute to the construction of a safe space in resource and environmental aspects, creating conditions for the "gathering of Russian lands" with the possibility of providing protection to the Russian population united on the principle of supranational identity.

Scientific novelty provides a solution to the main problem of the dissertation on the conceptualization of criteria for the analysis of integrative processes of new regions in Russian society. It allows theoretically to identify concepts and provisions of the analysis of the integration processes of new regions into Russian society, realized as a reassembly of social spaces, and in an applied sense to study the achievements of systemic effects in the implementation of the civilizational foundations of social and environmental levels of solidarity, as well as to develop recommendations for the consolidation and understanding of communicative challenges in the interests of the reintegration of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol into the Russian space. In general, the provisions shown reflect a systematic approach to the analysis of the integration of new regions into Russian society by determining the systemic relationships of the foundations, levels and effects of the reassembly of social spaces.

Scientific novelty of research results:

1. The principles of the sociological study of integration and reintegration processes are determined, which allowed us to conclude that the classical concepts of integration are unable to explain the causal patterns of modern integration and reintegration processes, which formed the requirements for the creation of a new scientific conceptualization of integration and its integrative form – reintegration.

2. Definitions of integration and its new special integrative form – reintegration is presented. Integration is understood as a process of reassembly of social spaces, having incoming conditions – civilizational foundations, levels – social, environmental and communicative, outgoing results – achievement of systemic effects in the form of social transformations of identity, value-semantic field, image of Russia, creation of a new type of solidarity, dynamics of assessments of infrastructural changes. Reintegration is understood as a process of integrative reassembly of society, aimed at uniting and

restoring previously disintegrated or disintegrated territorial, economic, social, and civilizational education, causing the consolidation of new network communications, the integration of the value-semantic field, historical memory, and the creation of new human capital.

3. The systemic integration of the Republic of Crimea and Sevastopol into Russian society is presented and the civilizational foundations of this integration are described in the context of the modern neo-Eurasian concept, which made it possible to substantiate new consolidations of the post-Soviet space in the Eurasian perspective, based on the presence of a common history, the formation of Russian identity taking into account polyethnicity and polyconfessionality, as well as the position of Russia as an integrator of East and West.

4. It is proved that the social integration of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol transforms collective memory, identity and value-semantic field. The social level of Crimean integration is determined not only by the significance of the reunification of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol with Russia, but also by generational (the difference in the formation of value orientations among people of different generations), ethnic (different ethnicity), social (differentiation of socialization occurring in various historical and socio-cultural environments) factors.

5. It is proved that the social integration of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol transforms collective memory, identity and value-semantic field. The social level of Crimean integration is determined not only by the significance of the reunification of the Republic of Crimea and Sevastopol with Russia, but also by generational (the difference in the formation of value orientations among people of different generations), ethnic (different ethnicity), social (differentiation of socialization occurring in various historical and socio-cultural environments) factors.

6. The importance of the environmental factor and the creation of a risk society in the integration process of the Crimean Peninsula, taking into account the contours of the new social contract being created, is revealed. It is proved that it was the environmental threats created from the outside on the Crimean Peninsula that should have led to the

formation of a risk society in Crimea, which contributed to the transition to the environmental level of the integration process.

7. The challenges of the communicative level of integration of the Crimean Peninsula are outlined. Internet communications that have developed in the Crimea are characterized by conflict, are affected by external factors, and are formed from the outside through network resources. It is proved that at the communicative level of integration, purposeful and systematic work is underway to create several types of attitudes: anti-Russian – the formation of an image of an enemy–aggressor and a nihilistic attitude towards Russia, Russophobic – against everything Russian in general with the creation of anti-conservative meanings, a departure from traditions and foundations, from family foundations, paternalism, which have always been inherent in Russian society and the Eurasian space, and anti-Putin, aimed at desecrating the political leader of Russia.

8. The analysis of the process of formation of the effects of the reassembly of social spaces in the process of integration of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol into Russia showed the creation of a special type of Crimean solidarity – "island" – in the integrated community and a credit of trust in the Russian – host society. In addition, the effect of integrative reassembly is the positive dynamics of assessments of infrastructural changes carried out on the Crimean Peninsula, and the understanding of Russia not only as an independent sovereign geopolitical player, but also as a civilizational integrator.

Scientific, theoretical and practical significance of the study.

The dissertation research contributes to the development of theoretical and methodological foundations for studying the integration processes of new regions into Russian society. The bases, levels and effects of integration proposed in the dissertation, including the description of one of its forms – reintegration, make it possible to determine the prerequisites for the formation of upcoming (upcoming) integrations; their triggers and triggers; social conditions that stimulate both the integration processes themselves and the awareness of their necessity by society; the results of integrations in

the form of transformations of social institutions and the transit of values, symbols and identities.

The methodological approaches and methods used by the author expand the possibilities of empirical study of integration and reintegration phenomena, allow measuring the influence of environmental circumstances and communicative challenges on the course of integration, as well as its resultant indicators and effects. Comprehension of a large volume of sociological (field and cybermetric) information reveals the real state of integration processes of new regions into Russian society, firstly, during a period of high level of conflict in the post-Soviet space, secondly, taking into account the significant impact of external actors in the information field, and thirdly, in the presence of existing existential challenges for Russia.

The main provisions of the dissertation can be of practical importance and can be used by representatives of public authorities engaged in the development of public policy, both at the regional (in the Republic of Crimea and the federal city of Sevastopol) and at the federal level; as well as sociologists, social managers, representatives of the media, employees of research and educational institutions of the humanities and public profile, representatives of social movements and political parties.

The author's conclusions and suggestions are reflected in the research practice of the implemented scientific projects of the Russian Foundation for Fundamental Research (RFFR), the Expert Institute for Social Research (EIS), the Ministry of Science and Higher Education of Russia, the practical work of the Department for Youth and Sports of the city of Sevastopol, the Department of Public Communications of the city of Sevastopol, the Department of Priority Development Projects of the city of Sevastopol.

Dissertation materials were used in the educational process during the preparation and reading of courses "Sociology of Communications", "Methods of social media analysis", "Sociology of big data", "Sociology of the digital environment", "Theory of social structure" of students of higher educational institutions at the bachelor's and master's level.

The work materials, including the main conclusions and provisions of the dissertation research, are the basis of the training courses "Methods of sociological expertise of the communication space", "Modern city and risk society", "Risk society of the new digital world", research studios of the discipline "Russia in the world" for students of Sevastopol State University, developed and tested by the author of the dissertation.

Approbation of the study results. The main theoretical provisions and conclusions of the dissertation research are presented by the author in monographs:

1. Interethnic and interreligious harmony in the student environment of Crimea and Sevastopol: monitoring and analysis of the level of development: a collective monograph / Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Sevastopol State University; ed. by O.V. Yarmak. – Sevastopol: SevSU, 2019. – 144 p. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42520704> (accessed: 07.02.2023).

2. Deryugin P.P., Yarmak O.V., Shilyaeva A.S., Kurapov S.V., Strashko E.V., Lebedintseva L.A., Kamyshina E.A., Yarmak V.E. Human capital in the focus of modern sociological discourse // Monograph, Publishing House: Mediapapir LLC, Saint Petersburg, 2020, p. 172. ISBN: 978-5-00110-157-4. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44073661> (accessed: 07.02.2023).

3. Yarmak O.V., Shkaiderova T.V., Maranchak A.G., Tsepkova A.S. The image of Russia in the minds of residents of the Republic of Crimea and Sevastopol // Managing regional conflicts in the conditions of digitalization of modern society: methodology and implementation practices/ edited by N.A. Shibanova. – Kazan: Publishing House of Kazan University 2021. – 669 p., pp. 655-669. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=45596135> (accessed: 07.02.2023).

4. The situation with the quality of education during the pandemic: what big data analysis shows. Tomsk: Publishing House of Tomsk State University, 2021-39 p. The author's team: Y.K. Alexandrova, A.V. Bogdanova, I.S. Vasendina, V.L. Goiko, A.I. Dzhangarov, E.V. Mityagina, M.G. Myagkov, E.V. Romanova, O.V. Yarmak. ISBN 978-5-907442-37-5.

5. Alexandrova J.K., Bogdanova A.V., Vasendina I.S., Goiko V.L., Mityagina E.V., Rogov A.V., Romanova E.V., Yarmak O.V. Posts on autumn count: what big data say about the quality of education in the post-pandemic period / Tomsk State University. - Tomsk: Publishing House of Tomsk State University, 2022. - 40 p.

6. The human capital of corporate executives: features, structure, measurement: A collective monograph. – St. Petersburg: Mediapiar, 2023 – 218 p.

41 scientific papers have been published on the topic of the dissertation, including 6 collective monographs. The author's personal contribution to these works amounted to about 400.

The main ideas of the dissertation work were presented at international and All-Russian scientific and practical conferences, among them:

1. II International Scientific Conference "Potemkin Readings" (organizers: Sevastopol State University with the support of the History of the Fatherland Foundation). April 20-22, 2017, Sevastopol;

2. International Youth Scientific and Practical Conference "Towards the Forum of the World Internet Project in Russia. Social computing: changing people and society in the context of the development of the global network" (organizers: Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Moscow Pedagogical State University, World Internet Project). July 3-4, 2017, Moscow;

3. All-Russian Scientific and Practical Conference III Yalta Scientific Readings "History of Russia and Crimea: past, present, future" (dedicated to the 100th anniversary of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky) (organizer: Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky). April 16-17, 2018, Yalta;

4. X International Sociological Grushin Conference "Living in Russia. To live in peace. Sociology of everyday life" (organizer: All-Russian Center of Public Opinion). May 20-November 14, 2020, Moscow;

5. All-Russian Scientific Conference XII Kovalev Readings "Solidarity and Conflicts in Modern Society" (organizer: St. Petersburg State University). November 15-17, 2018, St. Petersburg;

6. International Online Conference "Science. Leadership. Society". I Scientific and practical conference of the Competence Development Center "Development of leadership competencies and teams in the field of research and development" (organizer: Competence Development Center of the West Siberian REC). August 24-28, 2020, online;

7. International Scientific Forum of Conflictologists "Management of regional conflicts in the conditions of digitalization of modern society: methodology and implementation practices" (organizers: Kazan (Volga Region) Federal University, Center for Security Research of the Russian Academy of Sciences (RAS), Office of the President of the Republic of Tatarstan, International Association of Conflictologists (IAC), Association of Conflictologists of Russia (ACR)). November 20-21, 2020, Kazan;

8. All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation "Actual problems of regional sociology" (organizers: Southwestern State University). December 18, 2020, Kursk;

9. 2nd International Conference on Communication in Multicultural Society (CMSC 2020) and delivered a presentation entitled «Intercultural communication challenges on the Crimean Peninsula and its analysis using big data» (organizer: National Research Nuclear University "MEPhI"). December 10-12, 2020, Moscow;

10. V International Scientific Conference "Potemkin Readings" (organizer: Sevastopol State University with the support of the Presidential Grants Fund, the Russian Historical Society, with the participation of the Agency for Integration Initiatives (Smolensk), the Museum Historical and Memorial Complex "35th Coastal Battery" (Sevastopol), Interactive Technologies LLC (Sevastopol)). March 24-26, 2021, Sevastopol;

11. International Discussion Platform "Digital Humanities" at the International Youth Scientific Forum "Lomonosov" (organizer: Lomonosov Moscow State University). April 20, 2021, Moscow;

12. International Scientific and Practical Conference "The Civilizational Mission of Russia: to the 300th anniversary of the Proclamation of the Russian Empire" (organizer: Plekhanov Russian University of Economics). May 20, 2021, Moscow;

13. ATEC 2021: International Scientific and Practical Conference "Advanced Technologies and modern trends in Education and Culture" (organizer: Association for the Support of Scientific Research). May 27- 28, 2021, Barnaul;

14. Interregional Scientific and Practical Conference "Actual problems of the history of Crimea and Sevastopol" (organizers: FSB "Sevastopol Defense Museum"). June 10-11, 2021, Sevastopol;

15. All-Russian scientific and practical conference "1941 The country is on fire", dedicated to the 80th anniversary of the beginning of the Great Patriotic War (organizers: Russian Military Historical Society, Victory Museum). June 21, 2021, Moscow;

16. International Scientific Conference "Megatrends of World Politics: globalization, Polarization, extremism" (organizers: Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Anti-Terrorist Center of the Commonwealth of Independent States, Moscow State Linguistic University). October 27, 2022, Moscow.

The dissertation was discussed and recommended for defense at an expanded meeting of the Department of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications of the Institute of Social Sciences and International Relations of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Sevastopol State University" (SevSU).

The dissertation research corresponds to the research direction 4. Theories and Processes of social differentiation/integration. Criteria and Factors of social differentiation/integration. New foundations for segmentation of the social structure and the content of the specialty 5.4.4 – "Social structure, social institutions and processes", in terms of the analysis of society as a complex hierarchical system in the process of functioning, in the context of global contradictory trends and factors related to globalization and regionalization, where the objects of study are the specific state and

level of integration and disintegration in the social space of modern Russian society, its individual elements, their hierarchical subordination.

The structure of the dissertation. The work consists of an introduction, three chapters, thirteen paragraphs, a conclusion, a list of references and appendices.

The main content of the work. The Introduction substantiates the relevance of the research problem, describes social research contradictions, analyzes the degree of scientific elaboration of the problem, defines the object and subject of research, formulates the purpose and objectives of the work, outlines the main provisions submitted for defense, reveals the scientific novelty and practical significance of the work.

The first chapter "Theoretical and methodological foundations of the study of regional integration as a social reassembly: in classical and modern sociological theories" of the dissertation reflects the degree of study of such a complex and ambiguous phenomenon as integration and justifies the use of an interdisciplinary approach in its study.

The first paragraph – "Theoretical approaches to the analysis of integration and reintegration processes" – reveals the genesis of the main general scientific approaches and concepts of the study of integrations and reintegration.

The second paragraph – "Categorical foundations of "integration" and "reintegration" concepts: theoretical approaches and understanding in modern sociology" – describes the ambiguity of such complex phenomena as integration and reintegration and defines their dimensions – social, systemic and environmental. Analyzing the integration processes, the author systematizes the essence of the existing definitions of this category, and also gives his own understanding of integration as a multidimensional process of reassembling social spaces.

In the third paragraph – "Reintegration as an Integrative Reassembly of Societies: theoretical understanding" – an innovative idea about the theoretical and applied significance of studying reintegration processes in the modern world and, especially, in the post-Soviet space, taking into account the existing level of tension and violation of the boundaries of Russia's national interests is conditioned. Turning to the concept of

reintegration, the author defines it as a process of integrative reassembly of society, aimed at uniting and restoring previously disintegrated or disintegrated territorial, economic, social, civilizational education, causing the consolidation of new network communications, the integration of the value-semantic field, historical memory, the creation of a new human capital.

In the second chapter, "Integration of new regions into Russian society: systemic interrelations of the bases, levels and effects of social spaces reassembly " the bases, levels and effects of the integration of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol into Russian society, its incoming conditions, the situation in which it is carried out, and its resulting indicators – that is, changes that have occurred as a result of integration both in the integrating community and in the host.

The first paragraph – "The civilizational foundations of the integration of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol into the Russian space in the context of the Neo–Eurasian integrative concept of the 21st century" - presents an integrative perspective of the civilizational analysis of micro-level processes of social interaction and macro-level formation of the structures of societies.

The second paragraph – "Social integration of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol in the context of the transformation of collective memory, identity and value-semantic field" – reveals the levels of social integration and its components that influence the change of consciousness and behavior of individuals and social groups.

The third paragraph – "The environmental integration of the Crimean Peninsula and the contours of a new social contract" – describes the impact of the current environmental and resource situation on the formation of a request for the creation of a new global social contract and on the current conditions of integration of the Crimea, formed by the environmental risks.

The fourth paragraph – "Island" solidarity and trust as systemic effects of integration of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol into Russia" – analyzes the features of integration of the Republic of Crimea and Sevastopol into the Russian space, manifested in the form of the intra–Crimean effect - "insular" solidarity, and the

mainland-Russian effect – the credit of trust that was formed in Russian society after the Crimean events of 2014.

The third chapter, "The effects of social spaces reassembly in the process of integration of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol into Russian society", presents the results of monitoring sociological and digital studies conducted, including with the participation and under the guidance of the author.

The first paragraph – "Integration process of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol to the Russian society. The design of sociological measurements" – presents the theoretical foundation, methodology of the study, its goals and objectives, describes the scientific novelty of the empirical data obtained. The research methodology is based on new institutionalism, network and cognitive approaches, comparative and conflictological analysis.

The second paragraph – "Historical memory as the basis of the civilizational integration of the Crimean Peninsula into the Russian space" – describes the processes of formation of collective historical memory, which are the result of the Ukrainian period and are in transit at the moment.

The third paragraph – "Identity and value-semantic field as indicators of social integration of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol" – is devoted to the analysis of factors influencing the formation of national identity in the ethnic groups "Russians", "Ukrainians" and "Crimean Tatars", as well as the process of transformation of the value-semantic field in these selected national groups.

In the fourth paragraph – "The communicative level of integration of the Crimean Peninsula and the challenges of the communicative space: the results of digital measurements using the big data method" reflect the results of digital studies of the Crimean and Sevastopol Internet segments, which allowed us to declare communications as a factor in the formation of unconventional social attitudes in the real living environment of the inhabitants of the peninsula.

The fifth paragraph – "The infrastructural dynamics of Crimea in the assessments of its residents as an indicator of environmental integration" – reflects the assessment of infrastructural changes and social opportunities that have occurred in Crimea since

March 16, 2014 to the present. These assessments revealed factors influencing the environmental dimension of the integration process.

In the sixth paragraph – "The image of Russia among the residents of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol in the light of the new capabilities of the system of Russian society" – the results of the study of the image of Russia formed in the minds of residents of the Republic of Crimea and Sevastopol during their integration into the Russian state are presented.

In the conclusion of the dissertation, the main conclusions obtained as a result of the research are made and the ways of further development of the problem are determined. Their main provisions are as follows:

1. The key theoretical and methodological principles of the sociological study of integration and reintegration processes are identified; the essence of such complex social phenomena as integration and reintegration is determined. If the category of integration has been repeatedly defined within the framework of both classical sociological approaches and in modern humanitarian knowledge, then the phenomenon of reintegration is poorly studied and has no generally accepted approaches to its interpretation.

2. Integration is defined as a process of reassembling social spaces, having incoming conditions – civilizational foundations, levels – social, environmental and communicative, outgoing results – achievement of systemic effects in the form of social transformations of identity, value-semantic field, image of Russia, creation of a new type of solidarity, dynamics of assessments of infrastructural changes.

3. Reintegration is defined as the process of integrative reassembly of society, aimed at uniting and restoring previously disintegrated or disintegrated territorial, economic, social, and civilizational education, causing the consolidation of new network communications, the integration of the value-semantic field, historical memory, and the creation of new human capital.

4. The author's innovative approach to the analysis of integration processes was focused on: 1) the civilizational foundations of integrations, considered as the incoming conditions of consolidation; 2) the conditions of the course of integration – the

emerging environmental constraints, resulting in the formation of a risk society, and the transformation of the communicative field, which is under the influence of external actors; 3) the formation of consolidating social elements of integration – supranational identity, unifying values, a positive image of the country, effective and mutually beneficial long-term strategies of people; 4) the manifestation of systemic effects in the integrated and host communities.

5. The 21st century is already becoming and promises to be an era of the formation of large geopolitical spaces that have several financial, economic and military-political foundations, but, first of all, cultural and civilizational. Against the background of the expansion of integration practices in the post-Soviet space, the Eurasian approach is gaining new relevance, which makes it possible to explain the reasons for the "gathering" – reassembly of the temporarily "split" Eurasian civilization.

6. The civilizational foundations of integrations on the territory of greater historical Russia are the consequences of the rapprochement of once "split" countries that have a common cultural and historical type, but artificially placed in new cultural environments, which causes their "collisions", with the inevitability of unification and return to the "mother's bosom" – to the basic civilization – Russian, Slavic, Eurasian.

7. The civilizational foundations of the integration of the Republic of Crimea and Sevastopol into the Russian space in the context of the neo-Eurasian concept can be determined through the following components – the national Russian idea, the common historical fate and the experience of forming a supranational (Soviet) identity.

8. The social integration of the Republic of Crimea and Sevastopol into Russian society has formed a new multi-layered identity among the inhabitants of the Crimean Peninsula, the components of which are situational and supranational identities, shifting borders of national groups and changing ethnic "labels". As recommendations, it is proposed that the process of identity formation in various ethnic groups of the peninsula should be based on the principles of regional patriotism, taking into account territorial attachment to the Crimea, the creation of unifying cultural codes, the provision of social, educational, economic opportunities, social success trajectories that can be broadcast by supranational affiliation.

9. The author's understanding of interethnic harmony is proposed, defined as the achievement of positive interethnic relations and contacts, coordinated value orientations, readiness for interethnic interaction and the ability of people to live in a multiethnic community. The empirical research results obtained made it possible to talk about the presence of interethnic and interfaith stability in the value consciousness of the Crimean youth, which is especially important for Crimea as a multi-ethnic region. For the younger generation of Crimea, 1) ethnic origin and religious affiliation are not significant social criteria that affect the connections within the youth environment; 2) when choosing friends or a life partner, ethnic and religious affiliation is not important, 3) the ethnic and religious affiliation of the person who committed when does not affect the assessment of crimes. Duality is recorded in the formation of historical collective memory among the inhabitants of the Crimea. New digital technologies for creating a historical agenda establish rigid "social memory frameworks" and change the relationship between an individual's memory and the external framework that communication networks set for him. Collective memory is formed as a "stream", not created by the immediate social environment, but appearing in a person's consciousness invisibly, imperceptibly, but systematically – through the formation of visual images.

10. Duality is recorded in the formation of historical collective memory among the inhabitants of the Crimea. New digital technologies for creating a historical agenda establish rigid "social memory frameworks" and change the relationship between an individual's memory and the external framework that communication networks set for him. Collective memory is formed as a "stream", not created by the immediate social environment, but appearing in a person's consciousness invisibly, imperceptibly, but systematically – through the formation of visual images.

11. The importance of the factors of the environmental environment, risk society in the integration process of the Crimean Peninsula in the context of the contours of the new social contract being created is revealed. In the process of Crimean integration, the influence of the environmental factor turned out to be significant, which had a purely intra-Crimean context, but also actualized the social problem of reformatting the world

social contract. During the Crimean transit, artificially created environmental disasters and environmental threats in the form of water, energy, food, transport, and financial blockades have strengthened support for the integration processes of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol into Russia.

12. As a result of the Crimean referendum and the emerging Crimean consensus, a new type of social solidarity was formed – "island". The author defines her features in this way: 1) it is based on the principle of brotherhood and the desire to change socially unfair conditions, 2) it is based on the policy of social support, 3) it is based on the mobilization of social actions to achieve common interests, 4) it is based on living in a local territory, which unites people in front of emerging threats, 5) it is manifested both in the daily behavior of people and in the information field of communications.

13. The challenges of the communication field of the Crimean Peninsula are connected with the information agenda formed by external actors through network resources, and create such installations: 1) anti-Russian - the image of the enemy-aggressor and nihilistic attitude towards Russia, 2) Russophobic – the erasure of all Russian with the creation of anti-conservative meanings, departure from traditions and foundations, from family foundations, paternalism, which are inherent in Russian society, 3) anti-Putin – aimed at the desecration of the political leader of the Russian state.

14. Assessments of regional problems present on the Crimean Peninsula have shown positive dynamics. The overwhelming majority of Crimean student youth noted the educational, professional and status opportunities that opened up for them, the work of social elevators was positively evaluated. The assessments of the infrastructural transformations of the region note the solution of transport and logistics (the launch of the Tavrida highway, the construction of the Crimean Bridge, the opening of a new terminal of the Simferopol International Airport, the overhaul of public roads of the Republic of Crimea and Sevastopol) and energy (construction and launch of the Simferopol and Balaklava TPP) problems.

15. In the minds of the inhabitants of the peninsula, Russia looks like a strong, confident, capable of protecting itself and its citizens, a state with geopolitical weight, a

state-civilization that preserves the values of world religions, combining Western and Eastern traditions. Such results on the formation of a positive image of the Russian state contribute to increasing pride in Russia, its historical symbols and cultural meanings, which opens up new opportunities in the ideological, communicative, and social fields.

List of scientific publications on the topic of the dissertation

1. Publications in publications recommended by the Higher Attestation Commission Ministry of Education and Science of the Russian Federation:

1. Deryugin P.P., Yarmak O.V., Serebrov D.M. Polyfunctionality of a modern rural family: theoretical and methodological foundations of research / Discourse: Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education St. Petersburg State Electrotechnical University LETI named after V.I. Ulyanov (Lenin), 2018, No. 1, 110 p., pp. 84-95 Mode access: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=327126> (accessed: 07.02.2023).

2. Yarmak O.V., Kanakh A.M., Arkhipenko V.E. The image of Russia in the minds of the youth of Crimea and Sevastopol: results of a sociological study // Discourse: Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education St. Petersburg State Electrotechnical University LETI named after V.I. Ulyanov (Lenin), 2018. No. 6, pp. 71-79. Access mode: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36795785> (accessed: 07.02.2023).

3. Yarmak O.V., Deryugin P.P., Yarmak V.E. Social portrait of a modern student // Discourse. 2019. Vol. 5. No. 4. pp. 53-64. Access mode: <https://elibrary.ru/item.asp?id=4121176> (accessed: 07.02.2023).

4. P P Deryugin, E V Strashko, O V Yarmak. Scientific and Educational Centers as Factor of Activation of Human Capital in the Regions of Russia: Sociological Monitoring of Activity (Conceptualization of the Plan) // Proceedings of the International Scientific Conference "Far East Con" (ISCFEC 2020). Advances in Economics, Business and Management Research. 17 March 2020. ISBN 978-94-6252-929-8 URL: <https://doi.org/10.2991/aebmr.k.200312.322> (accessed: 07.02.2023).

5. Deriugin, Pavel, Vladimir Glukhikh, Olga Yarmak, Ekaterina Strashko, Elena Kamyshina, y Veronika Yarmak. (2020) 2021. «Evolution of strategies for human

capital diagnostics». Revista Inclusiones, enero, 178-97. URL: <http://revistainclusiones.org/gallery/11%20VOL%207%20NUM%20Universidad%20OCT%20DIC%202020%20Rev%20Inc.pdf> (accessed: 07.02.2023).

6. Yarmak O.V., Nelina L.P., Yarmak V.E. Interethnic and interreligious harmony among the Crimean students // Bulletin of the Institute of Sociology. 2019 Volume 10. No. 3. pp. 96-112. Access mode: doi: 10.19181/vis.2019.30.3.592 (accessed 07.02.2023).

7. Deryugin P.P., Lebedintseva L.A., Yarmak O.V., and Sh., Kamyshina E.A. Social well-being of the megalopolis population as an integral indicator. Discourse. 2020; 6(2):61-79. Access mode: doi.org/10.32603/2412-8562-2020-6-2-61-79 (date of appeal: 07.02.2023).

8. Yarmak O.V., Strashko E.V., Shkaiderova T.V. Reaction to the Covid-19 pandemic in the Internet audience of Moscow, St. Petersburg and Sevastopol (based on media analytical research) // Bulletin of the Institute of Sociology. 2020. Volume 11. No. 11. pp. 121-142. URL: doi: 10.19181/vis.2020.11.3.666 (accessed: 07.02.2023).

9. Deryugin P. P., Lebedintseva L.A., Yarmak O.V., Chikharev I.A., Yarmak V.E. Sociodynamics of the value of business qualities in the structure of human capital during the period of study at the university: the strategy of sociological diagnostics // Sociology of Science and technology. 2020. Volume 11. No. 4, pp. 140-160 Access mode: doi: 10.24411/2079-0910-2020-14008 (accessed 07.02.2023).

10. Deryugin P. P., Lebedintseva L. A., Yarmak O. V., Travin R. A. Values and human capital of corporation employees: experience of network diagnostics // Scientific result. Sociology and Management. 2020. Vol. 6, No. 4. pp. 10-25. DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-4-0-1 (accessed: 02/07/2023).

11. Voronin D.Yu., Kuznetsov P.N., Evstigneev V.P., Yarmak O.V. Agent modeling of the dynamics of consolidation of society when using cybermetry procedures of Internet content // Issue No. 3, 2021 "Society: sociology, psychology, pedagogy" Access mode: <https://elib.pnzgu.ru/files/eb/image/S8PKnX8AOgt2.pdf> (accessed: 07.02.2023).

12. Yarmak O. V., Bolshakova M. G., Shkaiderova T. V., Maranchak A. G. Social paradoxes of communication in post-conflict societies // Bulletin of the Institute of Sociology. 2021. Volume 12. No. 17. pp. 136-152. Access mode: doi: 10.19181/vis.2021.12.1.703 (accessed 07.02.2023).

13. Deryugin P. P., Kremnev E. V., Yarmak O. V., Shi Yi, Wensin Zheng Network models of business values in the human capital structure of Chinese students // Scientific Result. Sociology and Management. 2021. Vol. 7, No. 3. pp. 135-151. Access mode: doi:10.18413/2408-9338-2021-7-3-1-2 (accessed 07.02.2023).

14. Yarmak O.V., Bolshakova M.G., Maranchak A.G., Savina Z.S. Actor-network constructions of collective historical memory // LOGOS ET PRAXIS, Volume 21, No. 2. 2022, pp. 73-80 ISSN: 2587-9715 Access mode: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49586259> (accessed: 07.02.2023).

15. Yarmak O.V., Zharkova T.V., Sarkisov D.G. The use of big data in interdisciplinary research on the macro-region of the Greater Mediterranean//Digital Sociology. 2022. Vol. 5. No. 3. pp. 24-30. Access mode: <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2022-5-3-24-30> (accessed 07.02.2023).

2. Monographs:

1. Interethnic and interreligious harmony in the student environment of Crimea and Sevastopol: monitoring and analysis of the level of development: a collective monograph / Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Sevastopol State University. University; ed. by O.V.Yarmak. – Sevastopol: SevSU, 2019. – 144 p. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42520704> (accessed: 07.02.2023).

2. Deryugin P.P., Yarmak O.V., Shilyaeva A.S., Kurapov S.V., Strashko E.V., Lebedintseva L.A., Kamyshina E.A., Yarmak V.E. Human capital in the focus of modern sociological discourse // Monograph, Publishing House: Mediapapir LLC, Saint Petersburg, 2020, p. 172. ISBN: 978-5-00110-157-4. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44073661> (accessed: 07.02.2023).

3. Yarmak O.V., Shkaiderova T.V., Maranchak A.G., Tsepikova A.S. The image of Russia in the minds of residents of the Republic of Crimea and Sevastopol //

Managing regional conflicts in the conditions of digitalization of modern society: methodology and implementation practices/ edited by N.A. Shibanova. – Kazan: Publishing House of Kazan University, 2021. – 669 p., pp. 655-669. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=45596135> (accessed: 07.02.2023).

4. The situation with the quality of education during the pandemic: what big data analysis shows. Tomsk: Publishing House of Tomsk State University 2021 – 39 p. The author's team: Y.K. Alexandrova, A.V. Bogdanova, I.S. Vasendina, V.L. Goiko, A.I. Dzhangarov, E.V. Mityagina, M.G. Myagkov, E.V. Romanova, O.V. Yarmak. ISBN 978-5-907442-37-5.

5. Alexandrova Y.K., Bogdanova A.V., Vasendina I.S., Goiko V.L., Mityagina E.V., Rogov A.V., Romanova E.V., Yarmak O.V. Posts on autumn count: what big data say about the quality of education in the post-pandemic period / Tomsk State University. - Tomsk: Publishing House of Tomsk State University, 2022. - 40 p.

6. The human capital of corporate executives: features, structure, measurement: A collective monograph. – St. Petersburg: Mediapiar, 2023 – 218 p.

3. Main articles in other scientific publications:

1. Yarmak O.V., Kannakh A.M. Interethnic and interreligious harmony in the student environment of Crimea and Sevastopol: design of sociological research / Paradigms of history and social development [Text]: collection of scientific tr. /Ministry of Education and Science of the Russian Federation. Federation, FGAUO VO "Sevastopol State University": under the general Editorship of E. N. Maksimova; editorial board: V. S. Avdonin [and oth.]. – Issue 9. – Sevastopol: SevSU, 2018. – 98 p., pp. 91-96. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_35088343_18129556.pdf (accessed: 07.02.2023).

2. . Yarmak O.V., Tsepkova A.S., Lysenko E.A., Kalinskaya, I.L. Information flows of the Crimean and Ukrainian segments of the Internet: content analysis of Facebook and VKontakte messages // Humanities. Bulletin of the Financial University. Scientific and practical journal. 2019, Volume 9, No. 6, pp. 38-44. Access mode: <http://www.fa.ru/org/div/edition/jgn/Pages/current.aspx> (accessed: 07.02.2023).

3. Yarmak O.V., Shkaiderova T.V., Tsepkova A.S., Lysenko E.A., Nechvolod D.A. Events of the Crimean Spring in the media space of the countries of Germany and France: results of content-analytical research // Paradigms of history and social development [Text]: collection of scientific works / Ministry of Education and Science of the Russian Federation. Federation, FGAOU VO "Sevastopol State University"; under the general editorship of E. N. Maksimova; editorial board: V.S. Avdonin [and oth.]. — Vol. 13. — Sevastopol: SevSU, 2019. — 84 p. — ISSN 2500-4190, pp. 30-39. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_40803799_35821664.pdf (accessed: 07.02.2023).

4. Yarmak O.V., Shkaiderova T.V., Tsepkova A.S., Lysenko E.A., Nechvolod D.A. The events of the Crimean Eternal as a marker of tourist loyalty (results of a content-analytical study of the media space of Germany and France) / Problems and prospects of tourism development in the Southern Federal District: Collection of scientific papers. – Simferopol: FGAOU VO "CFU named after V.I. Vernadsky", 2019. – 376 p., pp. 236-241. ISBN 978-5-9908084-2-3.

5. Deryugin P.P., Yarmak O.V., Strashko E.V., Kamyshina E.A. Human capital in empirical research: perspective of network techniques / Information-Communication–Society. Scientific Journal. Publishing House: St. Petersburg State Electrotechnical University "LETI" named after V.I. Ulyanov (Lenin) (St. Petersburg). Volume: 1, 2020. pp. 49-53. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42341271> (accessed: 07.02.2023).

6. Deryugin P.P., Lebedintseva L.A., Yarmak O.V., Shi. I., Kamyshina E.A. Strategy of sociological diagnostics of human capital based on values: the potential of a network approach (on the example of studying scientific and educational centers) / in the collection: Labor efficiency and quality of working life of the XXI century Collection of scientific articles. Edited by R.V. Karapetyan. Saint Petersburg, 2020. pp. 112-123. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42926461> (accessed: 07.02.2023).

7. Bolshakova M.G., Yarmak O.V. Analysis of media space in post-conflict society // MODERN SCIENCE. Publisher: Scientific and Information Publishing

Center "Institute for Strategic Studies" (Moscow). Number: 5-1, 2020, pp. 454-458. ISSN: 2414-9918.

8. Yarmak O.V., Tsepkova A.S. The image of the Crimean spring in the media space of France // Paradigms of history and social development, Publishing House: Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Sevastopol State University" (Sevastopol), No. 17-18, 2020, pp. 125-130. ISSN: 2500-4190.

9. Yarmak O.V., Panova E.M., Maranchak A.G., Savina Z.S. Coronavirus as a social driver of transformation of everyday life // News of universities. The North Caucasus region. Social Sciences, 2020, No. 3, pp. 27-35. doi 10.18522/2687-0770-2020-3-27-35 (accessed: 07.02.2023).

10. Olga Yarmak, Tatyana Shkaiderova, Ekaterina Strashko, Maria Bolshakova and Lyudmila Garas Institution of higher education transformation and society's response to distance learning during the Covid 19 pandemic, E3S Web of Conferences 244, 11043 (2021) URL: <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202124411043>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46772398> (accessed: 07.02.2023).

11. Yarmak O.V., Tsepkova A.S., Lysenko E.A. Dynamics of the Crimean discourse in German online media: analysis of the influence of the Ukrainian factor // Humanities. Bulletin of the Financial University. Scientific and practical journal. 2021, Volume 11, No. 1, pp. 98-104. Access mode: <https://elibrary.ru/item.asp?id=45642082> (accessed: 07.02.2023).

12. Yarmak O. V., Bolshakova M. G., Savina Z. S. Sevastopol in the construction of collective historical memory: analysis of Runet information flows using big data // Kant Magazine No. 2(39) 2021 [pp. 285-292] Access mode: doi: 10.24923/2222-243X.2021-39.48; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46323747> (accessed: 07.02.2023).

13. Strashko E.V., Yarmak O.V., Deryugin P.P., Yarmak V.E., Astrakhantseva E.A. Factor analysis of investment attractiveness and human capital of regions with world-class scientific and educational centers // Russian Journal of Management. Volume 9. Number 1. pp. 171-175. URL: <https://doi.org/10.29039/2409-6024-2021-9-1-171-175>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=45623802> (accessed: 07.02.2023).

14. Olga Yarmak, Mariya Bolshakova, Anastasiya Maranchak, Zoya Savina. Sevastopol in the Historical Memory of the Great Patriotic War: Media Space Analysis // The European Journal of Social & Behavioural Sciences EJSBS Volume XXX (eISSN: 2301-2218). URL: https://www.europeanpublisher.com/data/articles/10000/10036/article_10000_10036_pdf_100.pdf; <https://doi.org/10.15405/ejsbs.294> (accessed: 07.02.2023).
15. Yarmak O.V., Bolshakova M.G., Maranchak A.G. Collective memory of the Great Patriotic War as a network in the understanding of actor-network theory // MODERN SCIENCE, No. 7, 2021, pp. 269-271. ISSN: 2414-9918. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46442698> (accessed: 07.02.2023).
16. Yarmak O.V., Voronova D.I., Evdokimova D.M., Komar A.G., Cherkess A.A. The vaccine case: a social media-analytical dimension (the result of a study of Internet audiences in Moscow, St. Petersburg and Sevastopol) // Paradigms of History and social development [Text]: collection of scientific papers / Ministry of Education and Science of the Russian Federation. Of the Russian Federation, FSAOU VO "Sevastopol State University"; under the general editorship of E. N. Maksimova; editorial board: In. S. Avdonin [and oth.] — Issue 21 -2 2. — Sevastopol: SevSU, 2021. — 114 p. — ISSN 2500-4190. pp. 103-113. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47306777> (accessed: 07.02.2023).
17. Deryugin P.P., Yarmak O.V., Strashko E.V., Kamyshina E.A., Bannova O.S. Human capital in students' value orientations: methodology, methodology and diagnostic results // Social and humanitarian sciences: theory and practice, No. 1 (5), 2021, pp. 215-227 eISSN: 2587-9987. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=47498267> (accessed: 07.02.2023).
18. Yarmak O.V., Tkachenko A.J. Professional guidelines of rural youth as a factor of migration to the city // collection of articles on the results of the International scientific Conference "BIG DATA AND PROBLEMS OF SOCIETY". Tomsk, 2022. Publishing house: National Research Tomsk State University (Tomsk), Kirov, May 19-20, 2022, pp. 157-160. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49440775> (accessed: 07.02.2023).

19. Yarmak O.V., Bolshakova M.G., Maranchak A.G., Savina Z.S. Historical memory of youth: how images of the past work in the conditions of confrontation of political elites // Questions of elitology. Research Electronic Journal www.elitology-journal.com Volume 3, No 2. URL: doi 10.46539/elit.v3i2 (accessed: 07.02.2023).

**Chapter 1 Theoretical and methodological foundations of the study of
regional integration as a social reassembly:
in classical and modern sociological theories**

The first chapter of the dissertation reflects the degree of study of such a complex and ambiguous phenomenon as integration and justifies the use of an interdisciplinary approach in its study.

The first paragraph – "Theoretical approaches to the analysis of integration and reintegration processes" – reveals the genesis of the main general scientific approaches and concepts of the study of integrations and reintegration.

The second paragraph – "Categorical foundations of the concepts of "integration" and "reintegration": theoretical approaches and understanding in modern sociology" – reveals the ambiguity of the phenomena of "integration" and "reintegration", and defines their dimensions – social, systemic and environmental. Analyzing the integration processes, the author systematizes the essence of the existing definitions of this category, and also gives his own understanding of integration as a multi-component process.

In the third paragraph – "Reintegration as an integrative reassembly of societies: theoretical understanding" – an innovative idea about the theoretical and applied significance of studying reintegration processes in the modern world and, especially, in the post-Soviet space with the existing level of tension and violation of the borders of Russia's national interests is conditioned. Turning to the concept of reintegration, the author approaches it as a process aimed at the unification, restoration, reassembly of previously disintegrated territorial, economic, social, civilizational education.

§ 1.1. Theoretical approaches to the analysis of integration and reintegration processes

Global challenges of the modern social space are solved by launching integration and reintegration processes, which is of considerable theoretical interest. We believe that scientific understanding and understanding of the stages of social integrative interaction are important.

If we talk about theoretical approaches to the analysis of integrative processes, they rather relate to regional, territorial and international integrations. The concepts of civilizational and socio-cultural integration are insufficiently presented and are not systemic in nature. Nevertheless, they will be considered and presented to understand the holistic picture of the theoretical basis of modern integration and reintegration processes.

Theories of regional integration. The processes of regional integration of the post-war years (1950s) appeared because of the launch of the unification of European countries — an integration project in Western Europe (A. Predol, V. Repke). During this period, integration was presented as the creation of a single geo-economic space, including several countries, and integration processes were considered in the economic aspect — from the point of view of the unification of the markets of the integrated countries.

In the period from the late 1950s to the early 1970s, the main approaches to understanding integration were federalism and neo-federalism (A. Spinelli), functionalism (D. Mitrani) and neofunctionalism (E. Haas, F. Schmitter, A. Etzioni, etc.), transactionalism (K. Deutsch)^{84 85 86}.

---

⁸⁴ Spinelli A. *The Eurocrats* / Altiero Spinelli. — Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1966.; Mitrany, David. *The Prospect of Integration: Federal or Functional?* / David Mitrany // *Journal of Common Market Studies*. — 1965. — 4(1). — PP.119-149.

Regional integration was also considered by representatives of other theoretical schools. In particular, within the framework of neoliberalism (V. Repke, M. Allais), integration was represented as a single market and economic space of several countries, regardless of the policies of states and their legislative acts.

The followers of corporationalism (S. Rolf, W. Rostow) believed that integration could be provided by international corporations, the functioning of which contributes to the effective development of economic ties.

Representatives of structuralism (G. Myrdal) considered economic integration as a process of structural transformations of industries in the economies of countries. As a result of such economic transformations, a qualitatively new integrated space with a more perfect economic mechanism should appear.

The neo-Keynesians (R. Cooper) believed that the benefits of integration could be realized while maintaining the maximum degree of freedom for each country and coordinating the internal and foreign policies of the integrating participants in order to achieve an optimal combination of integration development options, highlighting such:

- a) unification of states with their subsequent loss of sovereignty and mutual coordination of economic policy;
- b) integration with maximum preservation of national autonomy⁸⁷.

But the most important thing is that these concepts are rather economic, considering integration only as an economic process that causes the creation of new economic unions. The understanding of integration as a political process is reflected in the concepts of federalism and neo-federalism.

But the most important thing is that these concepts are rather economic, considering integration only as an economic process that causes the creation of new

---

⁸⁵ Mitrany, David. The Prospect of Integration: Federal or Functional? / David Mitrany // *Journal of Common Market Studies*. — 1965. — 4(1). — PP.119-149.

⁸⁶ Haas, Ernst B. and Schmitter, Philippe C. Economics and Differential Patterns of Political Integration: Projections about Unity in Latin America / Ernst B. Haas and Philippe C. Schmitter // *International Political Communities*. — New York: Doubleday, 1966. — PP. 259-299.

⁸⁷ Sheryazdanova K. G. modern integration processes: K. G. Sheryazdanova. "Yes" 2-E., the ball. - Almaty: "Kazakh university", 2016. - 198 PP., P. 18.

economic unions. The understanding of integration as a political process is reflected in the concepts of federalism and neo-federalism⁸⁸.

One of the major representatives of neo-federalism is the American political scientist A. Etzioni, according to whom the main goal of integration is the creation of a "political community", which is formed by three types of integration: through effective control over the means of violence; through the presence of an influential decision-making center; through the emergence of a general identity orientation among citizens belonging to this association⁸⁹.

The social in integration processes appears in the functional approach and later – in the concepts of transactionalism, social constructivism and institutionalism.

Functionalism. Integration within the framework of the functional approach focuses not on political, but rather on economic and social tasks (general resource management, combating unemployment, health care). The representative of functionalism, D. Mitrani, believed that the goal of politicians is to gain and retain power, and not to care about the public good⁹⁰. According to functionalists D. Mitrani and A. Clode, people should rationally define their needs and creatively approach the creation of social institutions that should perform the functions entrusted to them. D. Mitrani describes functionalism as "the use of existing social opportunities to conduct joint activities or promote certain interests, giving each other the right to conduct their own policies within this activity"⁹¹.

From the mid-1970s to the early 1980s, interest in the study of regional integration declined significantly due to the internal crisis within the European Community and due to the development of globalization processes. The formation of transnational ties and globalism led to the fact that in 1975 one of the founders of the regional integration theory, E. Haas, said about its "withering away". The integration

---

⁸⁸ Nikitina Yulia Aleksandrovna from integration to regionalism: the theory of evolution of regional intergovernmental cooperation // Bulletin of MGIMO. 2010. # 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-integratsii-k-regionalizmu-evolyutsiya-teoriy-regionalnogo-mezhgosudarstvennogo-sotrudnichestva> (accessed: 07.02.2023).

⁸⁹ Sheryazdanova K. G. modern integration processes: K. G. Sheryazdanova. "Yes." 2-E., the ball. - Almaty: "Kazakh university", 2016. – 198 PP., P. 19-20.

⁹⁰ Nikitina Yulia Aleksandrovna from integration to regionalism: the theory of evolution of regional intergovernmental cooperation // Bulletin of MGIMO. 2010. # 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-integratsii-k-regionalizmu-evolyutsiya-teoriy-regionalnogo-mezhgosudarstvennogo-sotrudnichestva> (accessed: 07.02.2023).

⁹¹ Mitrany, David. A Working Peace System / David Mitrany. — London: Royal Institute of International Affairs, 1943.

logic itself was first developed and analyzed by him: "The supranational style emphasizes the indirect penetration of politics into the economy, since economic decisions always acquire political significance in the minds of participants in the integration process"⁹².

Integration in the understanding of E. Haas is the result of spontaneous political interaction, but he associated it with social processes. In his work "The Unification of Europe", E. Haas identifies the main prerequisites for integration through the presence of:

- an industrially developed economy involved in international trade;
- politically mobile social masses;
- competing elite groups;
- relations between elites regulated by the constitution, traditions or parliamentary (presidential) democracy⁹³.

Within the framework of the non-functional approach, the American political scientist F. Schmitter considered the formation of integration processes on the basis of such prerequisites. Firstly, the basis is the theory of regional integration, which focuses on the role of non-state actors, regional organizations, interest groups and social movements operating at the regional level and thereby creating prerequisites for further integration. Secondly, the integration States formulate the terms of the initial agreement, but at the same time they are not the only actors determining the direction and degree of integration changes. Thirdly, the processes are influenced by regional elites and interest groups, as a result of which a situation is formed when states agree to give part of the powers to implement limited tasks at the supranational level⁹⁴.

Transactionalism or the concept of "security communities". In 1957, K. Deutsch, in his work "The Political Community and the North Atlantic Zone", proposed the

---

⁹² Haas, Ernst B. *Obsolescence of Regional Integration Theory* / Ernst B. Haas // Research Series #25. — Berkeley: Institute of International Studies, University of California, 1975.

⁹³ Haas, Ernst B. *The uniting of Europe: political, social and economic forces, 1950-1957* / Ernst B. Haas; foreword by Desmond Dinan ; new introduction by Ernst B. Haas. 641 p. (Contemporary European politics and society) Originally published : Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1958. URL: <https://www.europarl.europa.eu/100books/file/EN-H-BW-0038-The-uniting-of-Europe.pdf> (accessed: 07.02.2023).

⁹⁴ Nikitina Yulia Aleksandrovna *From Integration to Regionalism: Evolution of Theories of Regional Interstate Cooperation* // MGIMO Bulletin. 2010. No.6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-integratsii-k-regionalizmu-evolyutsiya-teoriy-regionalnogo-mezhgosudarstvennogo-sotrudnichestva> (accessed: 07.02.2023).

category of "security community" as a group whose members had reached such a degree of integration that they had a reasonable confidence that they would not fight among themselves. Deutsch distinguished two types of security communities — pluralistic and united (amalgamated). In pluralistic security communities, its members share key values — a common identity, and strive to provide mutual assistance. According to Deutsch, a sense of belonging to one community is formed through communication and interaction.

Taking into account the author's research interest among the described integration theories, the concept of communications in the integration process of the American political scientist K. Deutsch is of particular importance, who proceeded from the fact that communications constitute the "building material" from which societies are created. By integration, K. Deutsch means the creation of a "sense of community", when institutions are created in the context of the development of mutual understanding in society that can ensure the emergence of "peaceful changes" for a sufficiently long term. K. Deutsch considers the formation of a "sense of community" to be a qualitative stage in the development of international relations. In formulating the tasks of integration, K. Deutsch speaks not only about the need to preserve peace, but also about the formation of identity through the use of common symbols⁹⁵.

The concept of political networks by V. Wallace and E. Moravchik as a set of organizations interacting with each other, exchanging information and resources is significant for the author's research from the point of view of understanding the category of "cooperation". Outside of cooperation, societies cannot obtain the resources necessary for development, and integration provides such opportunities. Distinguishing between formal and informal integration, the authors of the concept believe that it is informal forms of integration that develop social interaction.

Turning to the concepts of institutionalism and their three directions — historical, sociological and institutional, we will indicate the importance of sociological institutionalism and social constructivism. Definition of institutions as formal and informal, where the latter are embodied, they are norms, symbols and are instruments of

---

⁹⁵ Sheryazdanova K.G. Modern integration processes: educational. manual / K.G. Sheryazdanova. – 2nd edition, supplement – Almaty: "Kazakh University", 2016. – 198 p., pp. 25-26.

politics and political procedures, justifies the consideration of integration processes within the constructivist approach⁹⁶.

Sociological institutionalism and social constructivism. The peculiarity of the approach of sociological institutionalism to integration processes is that it considers the institutional system from the inside, concentrating on the analysis of social orders. The representative of sociological institutionalism, the American sociologist N. Fligstin, writes about it this way: "All new institutional theories explore how local social orders are constructed, which can be called "fields", "arenas" or "games". Secondly, new institutional trends are based on the theory of social constructivism – in the sense that they consider the creation of institutions as a result of social interaction between actors facing each other on fields or arenas"^{97 98}.

The task of sociological institutional research is to describe the social order, its correlation with other orders, understanding why people behave this way or that. But at the same time there is another task – explaining the changes in the social order, including in the processes of integration and reintegration.

Institutional changes and transformations of social orders take place in the institutionalized arenas of interaction. Accordingly, behavioral models are also changing: there are those where actors "follow the rule", and those where rules are violated, where new institutions are "created" – fields, rules and meanings. Thus, a certain "repertoire of practices" of integration is being formed.

These concepts were formed and developed under the influence of the needs of European integration, the explanation of its necessity and the description of its foundations and institutions. Integration concepts of the civilizational-historical approach to integration were formulated much earlier – the theory of cultural-historical types, Eurasianism and neo-Eurasianism.

---

⁹⁶ Sheryazdanova K. G. modern integration processes: K. G. Sheryazdanova. "Yes." 2-E., the ball. - Almaty: "Kazakh university", 2016. – 198 PP., P. 27.

⁹⁷ Fligstin Neil Fields, Power and Social Skills: a critical Analysis of New Institutional Trends // Economic sociology. 2001. No. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/polya-vlast-i-sotsialnye-navyki-kriticheskiy-analiz-novyh-institutsionalnyh-techeniy> (accessed: 07.02.2023).

⁹⁸ Fligstein N., McAdam D.A Theory of fields. – N.Y.: Oxford univ. press, 2012. – 256 p.

The Russian classical concept, without which it is impossible to determine the foundations of integration processes, is N.Y. Danilevsky's theory of cultural and historical types. N.Y. Danilevsky's idea of cultural and historical types, outlined in his work "Russia and Europe", played an important role in shaping the views of Eurasians⁹⁹. He argues that all cultural and historical types are equivalent due to their uniqueness and their main historical task is, first of all, the development of original principles. Nations that have not created statehood and have become part of any cultural and historical type increase its diversity and richness, and at a certain stage, they can form their own cultural and historical type.

Eurasianism. The idea of a unique way of Russia development as a multinational state located at the junction of Europe and Asia, in the domestic humanitarian discourse was called Eurasian. The concept of "Eurasia" as justifying the image of Russia as a Eurasian civilization was proposed by Russian emigrants in the early twentieth century¹⁰⁰.

The essence of the Eurasian theory of the 1920s was the interpretation of Eurasia as a special geographical, socio-historical and socio-cultural community. It is emphasized that Eurasia is by no means a union of European and Asian principles, but a special "continent", different from both Europe and Asia. Savitsky wrote: "The very term – Eurasianism," says not about the "middle line", but about the middle continent between Europe and Asia, where Russia faces the creative mission of introducing Europe and Asia to the beginnings of authentic life"¹⁰¹. G.V. Vernadsky also believed that the main component, the core of a single Eurasian entity is Russia: there are no two "European" and "Asian" Russians, there is only one "Eurasian" Russia or Russia-Eurasia¹⁰².

---

⁹⁹ Danilevsky N. Y. Russia and Europe. / Compilation and comments by Yu. A. Belov / Ed. by O. Platonov. – M.: Institute of Russian Civilization, 2008. — 816 p.

¹⁰⁰ Asymmetries of regional integration projects of the XXI century / [edited by V. I. Mikhailenko]; Ministry of Education and Science of the Russian Federation. Federation, Ural University Publishing House. – Yekaterinburg: Ural University Publishing House, 2018. – 476 p. ISBN 978-5-7996-2328-9.

¹⁰¹ Savitsky P, Suvchinsky P. Exodus to the East. Premonitions and accomplishments. The statement of the Eurasians: Articles. – Sofia: "The Balkans", 1921: On the Ways: The Approval of the Eurasians. Book 2: Articles by P.N. Savitsky, A.V. Kartashev, P.P. Suvchinsky, N.S. Trubetskoy, G.V. Florovsky, P.M. Bicilli / Vol. works by P.F. Chelishchev. - Moscow–Berlin: Helikon, 1922. - 358 p.

¹⁰² Vernadsky, Georgy Vladimirovich. The Outline of Russian History / Georgy Vernadsky. — Moscow:

Eurasianism also developed in the USSR in the 1960s and 1980s, in particular, by the historian L.N. Gumilev¹⁰³. In L.N. Gumilev's understanding, the concept of "Eurasia" was transformed into a sociogeographic space and a special ethno-cultural world.

Recently, the concept of Eurasianism has occupied a significant place in the discussion about confronting the global challenges of our time, preventing conflicts of religious, cognitive and informational orientation, preserving the national and territorial unity of Russia, and uniting Russian society.

A comparative analysis of the views of representatives of Eurasianism allowed us to identify its current aspects:

- self-identification of Russia as a special civilizational community that emerged as a result of a multifaceted ethnopolitical and cultural-historical synthesis of the East and West peoples, built on a combination of national identity with Eurasian identity and ethno-confessional tolerance (L.N. Gumilev, B.S. Lavrov, I.S. Shishkin);

- opposition to the American global world order of civilizational and geopolitical polycentrism (multipolar world), which supports the ecological, socio-cultural and socio-political balance of the world through a system of strategic alliances (B.S. Erasov, I.B. Orlova, A.S. Panarin, A.G. Dugin, K.S. Gadzhiev, M.L. Titarenko);

- the restoration of a single cultural, economic and political space on the territory of historical Russia that promotes social and interethnic peace, equal cooperation and integration of the Eurasian peoples (E.A. Bagramov, A.T. Goryaev, B.S. Erasov, A. G. Dugin, A.S. Panarin, etc.);

- designation of a promising independent path of development for Eurasia, based on national and cultural traditions, values and experience of centuries-old interaction of Eurasian peoples, supplemented by post- technological modernization (I.B. Orlova, B.S. Erasov, A. G. Dugin, A.S. Panarin, V.L. Tsymbursky, N.N. Moiseev, D.S. Lvov, S.V. Glazyev)¹⁰⁴.

Algorithm, 2018. — 336 p.

¹⁰³ Gumilev L. N. Notes of the last Eurasian // Our heritage. 1991. No. 3. pp. 19-34.

¹⁰⁴ The processes of Eurasian integration: socio-political dimension: monograph / edited by G.I. Osadchaya. – M.: BIBLIO-GLOBUS, 2018. – 374 p. ISBN 978-5-907063-15-0

The social aspects of the Eurasian idea are based on the ideas of multiculturalism and on the concept of a "symphonic personality", the foundations of which were laid by L.P. Karsavin¹⁰⁵. N.S. Trubetskoy formulates the concept of the "collective personality" of the people, its ethnopsychological qualities as a kind of substrate that underlies the national character and influences the entire course of civilization¹⁰⁶.

Within the framework of the concept of Eurasianism, the cycles of unification and disintegration of the Eurasian states are described, which represent a consistent series of attempts and the creation of a single Eurasian state.

Currently, the explanation of the integration processes of the new time in the Russian space occurs through the proposal of Eurasian models – the revival of Russia through the restoration of the former state borders, the preservation of the cultural and psychological unity of the peoples of Eurasia, the protection of Orthodoxy.

Eurasianism as a way of thinking and a scientific concept has deep historical roots, and along with utopian elements, it contains deep conclusions and forecasts. The category of integration in the perspective of the Eurasian understanding is considered as civilizational, having cultural, historical foundations based on the territory.

Neo-Eurasianism. One of the largest ideologists of civilizational neo-Eurasianism, A.S. Panarin, noted that in order to restore the Eurasian "pole of power", an application for leadership in solving certain super-tasks should be clearly formulated. As such, he proposed the idea of synthesizing conservative civilizational content with a post-industrial project and cultural centrism and posteconomism, which gives new priorities¹⁰⁷.

According to A.S. Panarin, "Russia is not an ethnic "state of Russians", but a special civilization with its own superethnic potential and a corresponding set of geopolitical ideas"¹⁰⁸. This way means that Russia confirms its name — to be a state-civilization.

¹⁰⁵ Karsavin L. P. Phenomenology of revolution // Karsavin L. P. Philosophy of History. Saint Petersburg., 1993. p. 30.

¹⁰⁶ Trubetskoy N.S. On the Turanian element in Russian culture. pp. 351-377; Eurasian Time Book. Berlin, 1923. Book 3; Berlin, 1925. Book 4; Paris, 1927. Book 5. URL: <http://gumilevica.kulichki.net/TNS/tns06.htm> (accessed: 07.02.2023).

¹⁰⁷ The processes of Eurasian integration: socio-political dimension: monograph / edited by G.I. Osadchaya. – M.: BIBLIO-GLOBUS, 2018. – 374 p., p. 29. ISBN 978-5-907063-15-0

¹⁰⁸ Panarin A. S. Political science. Textbook. - M: "Prospect", 1997.- 408 p.

We can talk about several groups of Eurasianism: "socio-natural" (B.S. Lavrov, I.S. Shishkin, V.I. Pantin, E.S. Kulpin, etc.), "civilizational" (B.S. Erasov, I.B. Orlova, A.S. Panarin, F.I. Girenok, E. A. Bagramov, etc.), "geopolitical" (V. L. Tsymbursky, O.B. Arin, K.S. Gadzhiev, A.G. Dugin, etc.) and "neoclassical" (Y.Y. Kofner, A.V. Zheleznyak, O.V. Podberezkina, etc.)^{109 110}.

Despite the peculiarities of different directions of neo-Eurasianism, its main ideas can be distinguished:

1. Polycentrism and multilinearity of the socio-historical process. Civilizations are considered as independent units of the socio-historical process; each civilization has its own phases of development. The Eurasian civilization, like the Western one, is one of the cultural and historical systems that has a thousand-year experience of interaction between peoples.

2. The importance of the national cultures development, the uniqueness and uniqueness of each nation and people. The spiritual heritage of peoples expands cultural horizons, enriches the intellect and forms the context for the development of their own national cultures.

3. Recognition of Eurasia as a special geographical, ethnic, cultural and historical system, part of which is historical Russia, which has an integrating significance and is the center of cultural attraction not only for Slavic, but also for other peoples.

4. The predisposition of the Eurasian peoples of the post- Soviet space to various forms of integration is determined by a combination of the following basic social and historical conditions:

– Byzantine Heritage: Byzantium was a classic Eurasian state that existed at the crossroads of East and West.

– Exclusion of any arrogance of the Russian national identity in relation to other peoples.

---

¹⁰⁹ Trubetskoy N.S. A look at Russian history not from the West, but from the East // *Legacy of Genghis Khan*. pp. 223-292

¹¹⁰ Savitsky P, Suvchinsky P. Exodus to the East. Premonitions and accomplishments. The statement of the Eurasians: Articles. – Sofia: "The Balkans", 1921: On the Ways: The Approval of the Eurasians. Book 2: Articles by P.N. Savitsky, A.V. Kartashev, P.P. Suvchinsky, N.S. Trubetskoy, G.V. Florovsky, P.M. Bicilli / Vol. works by P.F. Chelishchev. - Moscow–Berlin: Helikon, 1922. - 358 p.

– National tolerance based on the Eurasian nature of peoples, inextricably linked with the history of Eurasia.

– Religious tolerance is the long-term coexistence of the dual faith of Christianity and paganism.

– Spirituality as a special spiritual warehouse.

– Collectivism, formed on the history of the survival of peoples in harsh natural and climatic conditions.

These conditions determine the need to form the national identity of each individual people of Eurasia with a pan-Eurasian identity. The construction of a dual identity or non-identity on the national and pan-Eurasian proper is the most important condition for the viability of the Eurasian idea¹¹¹.

In the new Eurasianism at its present stage, a detailed geopolitical concept of the Eurasian integration project has been formed, as evidenced by publications designed in such directions:

– academic, "authentic" (L.N. Gumilev, A.S. Panarin, B.S. Erasov, F.I. Girenok, etc.);

– political (A.G. Dugin, T. Tajuddin, A.S. Panarin and others);

– pseudo-Eurasian (E.A. Bagramov, A.T. Goryaev, A.V. Niyazov);

– "populist" or "opportunistic";

– ethnic (H.A. Nukhaev, A. Eskin)¹¹².

The need to develop a response to the neo-Eurasian paradigm in the twentieth and twenty-first centuries dictates the creation by Western political scientists and politicians of concepts that completely change the established understanding of integration processes. The analysis of the latest sociological theoretical constructs made it possible to understand the basics of the modern approach to understanding integration, disintegration and reintegration by Western political thinkers and engineers.

---

¹¹¹ The processes of Eurasian integration: socio-political dimension: monograph / edited by G.I. Osadchaya. – M.: BIBLIO-GLOBUS, 2018. – 374 p., p. 29. ISBN 978-5-907063-15-0

¹¹² Ibid.

The theory of unipolarity of the world considers modern integration processes from the point of view of the overwhelming military and political superiority of the United States (and Western countries as a whole) over all other states or their possible coalitions. In particular, the concept of the superpower Z. Brzezinski – the geopolitical power of the United States, is devoted to strategies through which this power can be realized in the 21st century. Brzezinski believed that primacy on the Eurasian continent determines world leadership, therefore, the strategic goals of the United States are to spread influence in Central Asia and the post-Soviet space. Z. Brzezinski in his book "The Great Chessboard. The dominance of America and its geostrategic imperatives" wrote: "The last decade of the 20th century was marked by a tectonic shift in world affairs. The defeat and collapse of the Soviet Union became the final chord in the rapid ascension to the pedestal of the power of the Western Hemisphere – the United States – as the only and indeed the first truly global power. Eurasia, however, retains its geopolitical significance. Not only its western part – Europe – is still the place of concentration of a significant part of the world's political and economic power, but also its eastern part - Asia – has recently become a vital center of economic development and growing political influence"¹¹³.

The concept of "strategic patience". Its architect is the founder of the Yale Center for the Study of Globalization, Ambassador — at-Large and Special Adviser to the Secretary of State for the Newly Independent States of the former Soviet Union at the State Department, a researcher at the Brookings Institution's Foreign Policy program, then its president (2002-2017) Strobe Talbott.

The formation of the concept of "strategic patience" went from the theory of "strategic partnership" to the emergence of the concept of "engagement and expansion strategies", which were aimed at preserving the global hegemony of the United States through the maximum involvement of underdeveloped and "transitional" countries in the world trade process, which, in turn, created opportunities for the penetration of American business, technology, finance. In accordance with these doctrines of "strategic

---

¹¹³ Brzezinski, Zbigniew. The Great Chessboard: The Dominance of America and its Geostrategic Imperatives: [translated from English] / Zbigniew Brzezinski. — Moscow: AST Publishing House, 2016. — 702, [2] p. — (Politics)

partnership" and "strategy of engagement and expansion", a priority direction was developed for the implementation of assistance programs for liberal democratic transformations in the Russian Federation.

The crisis of the introduction of the concept of "strategic partnership" occurred as a result of changes in the late 1990s and led to the formation of the doctrine of "strategic patience", which became the basic approach of the United States and determined the attitude to all the processes taking place in historical Russia¹¹⁴.

Integration, declared by Talbott as the key to understanding the Russian strategy, should have been aimed at involving Russia in the democratic community and compliance with generally accepted international rules. To achieve this goal, Talbott proposed a new foreign policy and civilizational formula — the concept of "strategic patience"¹¹⁵.

The essence of the "strategic patience" of the United States to all the integration and reintegration processes of modernity taking place on the Eurasian continent and in the space of Russia is presented in Talbott's statements: "If you, Russians, turn to the 13th century, then you should pay less attention to the image of Alexander Nevsky defeating the Swedish knights in an Ice Battle, and more to the Hanseatic the idea of the Novgorodians, that is, to consider the Baltic States not as a springboard for an enemy invasion of Russia, but as an exit to the outside world"; "We should ensure that our policy towards Russia contains one necessary element: a reserve of strategic patience. We are talking about a policy whose goal is not just to resolve the problem that has arisen in connection with the crisis of a minute or a week, or even a season, but we are talking about the politics of the next century"¹¹⁶. S. Talbott approached the processes in historical Russia as a long-term perspective and the search for the right answer, how do we understand Russia and successfully interact with it?¹¹⁷.

---

¹¹⁴ E.V. Kostina. Strobe Talbot and his role in shaping the Russian course of the Clinton administration / Abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Historical Sciences Specialty 07.00.03 - General History Saratov 2008. URL: <https://textarchive.ru/c-2470086-pall.html?idsqpg5uwh59257772> (accessed: 07.02.2023).

¹¹⁵ Deputy Secretary Talbott. The End of the Beginning: The Emergence of New Russia // U.S. Department of State Dispatch. August/September, 1997. P. 26.

¹¹⁶ Strobe Talbott. The Cold War began with an Ice battle. Kommersant Power magazine No. 37 dated 14.10.1997, p. 28. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/13834?ysclid=idsqpg5uwh592577721> (accessed 07.02.2023)

¹¹⁷ Ibid.

With the concept of "strategic patience", the State Department, in fact, declared that henceforth the foreign policy course of the United States towards Russia is moving from the field of "politics of the moment" to the "politics of the next century"¹¹⁸. Thus, in a fairly short period of time — five years — the basic approach of the American administration, which determined Russian policy, underwent changes three times: from a "strategic partnership" of the 1993 model, it turned into a "pragmatic partnership" in 1994 and, finally, transformed into "strategic patience" in 1997.

Within the framework of the concept of "strategic patience", it is justified that quasi-states arising in the zones of frozen and hybrid conflicts will not be able to establish conditions for people's lives, which will increase discontent with the corrupt regime and the desire to restore the status quo. At the same time, the basic or super-state should work in such areas:

— security (strengthening defense capabilities, strengthening internal security, combating the terrorist threat, increasing conflict prevention capabilities, countering the proliferation and use of weapons of mass destruction, combating climate change, ensuring access to common spaces);

— welfare (normalization of the economy of the country/territory, strengthening of energy security, formation of the world economic order, reduction of poverty);

— values (internalization of values, promotion of equality, support for emerging democracy, civil society and young leaders);

— international order (implementation of rebalancing in international, economic, political, socio-cultural, information relations).

S. Talbott's approach was considered practically irreplaceable in the new modern conditions, it made possible not to reach the level of creating a new enemy from Russia, while Russia did not become hostile and "lost" to the Western world. It made possible to control the processes on its historical lands.

Why did the author decide to turn to such a detailed description of the American concept of "strategic patience"? Firstly, because the strategy allows you to actually

---

¹¹⁸ Deputy Secretary Talbott. The End of the Beginning: The Emergence of New Russia // U.S. Department of State Dispatch. August/September, 1997. P. 26.

manage the dis-, re- and integration processes in the space of big Russia, while they remain in the external management circuit. Secondly, the concept introduces "soft mechanisms" in the historical parts of big Russia, involving, first of all, the transmission of values and meanings that supporters of the concept call "their own", through economic, media projects, cultural and educational programs.

But there is another factor that led to the rejection of the use of this concept by its authors¹¹⁹. This is the presence of long-standing traditions, co-existence and cooperation in various legal forms and formats, common territory and lands, common social resources and, finally, Russia as a power with neo-imperial traditions.

It is also important here that, despite the geopoliticality of the "strategic patience" approach, the ontological basis of the term "patience" is in the social plane. The category is rooted in the field of social psychology and social marketing, which view patience as a tool in the kit for building communities through the formation of realistic expectations (what values can a community ultimately create? what is a realistic time frame for this process? when will the community be able to manage itself?). The social marketing approach allows you to find a balance between short-term and long-term projects, which contributes to achieving both quick results (for example, creating values through cooperation) and investing in long-term projects (deepening relations between members, strengthening trust)¹²⁰.

In our opinion, it is the sociality of the "patience" category that did not allow the concept of "strategic patience" to be fully realized in the political aspect¹²¹, and the US strategy in the post-Soviet space is increasingly recognized as unviable¹²². The situation when the United States loses influence in reintegrated territories or regions with a

---

¹¹⁹ The strategic patience of Russia and NATO came to an end on September 27, 2022. URL: <https://inosmi.ru/20220927/nato-256351112.html> (accessed: 07.02.2023).

¹²⁰ Fabian Fortmuller The Role of Strategic Patience in Building Meaningful Communities Jan 24, 2019. URL: <https://medium.com/together-institute/the-role-of-strategic-patience-in-building-meaningful-communities-4a44c3b61176> (accessed: 07.02.2023).

¹²¹ James Goodby, Donald Cross Strategic Patience became Strategic Passivity December 22, 2010. URL: <https://www.brookings.edu/articles/strategic-patience-has-become-strategic-passivity/> (accessed: 07.02.2023).

¹²² Eric Livni, Tom Cope Strategic Impatience October 23, 2014. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2014/10/23/strategicheskoe-neterpenie?ysclid=lacraikglh882269662> (accessed: 07.02.2023).

complex integrative agenda becomes an element of the general policy of American social engineers towards Russia.

Among the factors of integration of the Republic of Crimea and Sevastopol into Russian society is that they did not mentally relate to the state of which they were legally a part before the integration events, but were connected with big Russia by social and semantic ties. Thus, the proponents of the doctrine of "strategic patience" recognized that legal mechanisms were weak in front of civilizational and symbolic ones — the value-semantic field, common historical memory and destiny, the experience of living together and having a common land, trust and cooperation, formed collective identity.

The second feature of the insolvency of the described concept was the historical desire for a mother – base – state – Greater Russia, which respects the residents of the reintegrated territories, including ethnic communities, which determines the importance of interethnic harmony in Russian society.

The concept of "strategic patience" was replaced by the theory of the contracting States by A. Cooley and H. Spruyt¹²³, who developed a very original, interdisciplinary approach to the analysis of integration and disintegration processes. Researchers reveal the importance of its application in the process of "decolonization" of territories that once belonged to Europe and the Soviet Union.

According to this concept, modern nation-states are increasingly concluding agreements that involve the separation or renunciation of part of their sovereign powers. Thus, Contracting States use so-called "incomplete contracts" — agreements that are initially ambiguous and subject to revision in the future. The theory makes it possible to explain how States divide and transfer their sovereign territory, and to demonstrate why some of these agreements offer stable and long-term solutions, while others eventually collapse. Of course, territorial sovereignty remains a critical social institution. But

---

¹²³ Cooley Alexander, Spruyt Hendrik Contracting States: Sovereign Transfers in International Relations Paperback – May 10, 2009 // Publisher : Princeton University Press; 0 edition (May 10, 2009) 280 pages ISBN-10 : 0691137242 ISBN-13 : 978-0691137247. URL: <https://press.princeton.edu/books/paperback/9780691137247/contracting-states> (accessed: 07.02.2023).

sovereignty is rarely absolute, and in the modern world various forms of hybrid sovereign relations are being formed.

In connection with the above, the concept pursues two key goals: firstly, it describes the hybrid structures of sovereign governance that have arisen; secondly, it analyzes the choice made at a certain historical moment. The theories of incomplete contracting and contracting States, in turn, according to its authors, describe a variety of governance structures and can be used to describe imperial and postcolonial relations, regional integration and reintegration. First, unfinished contracts define the general principles and goals that States can strive for. Secondly, the revision of contracts is seen as an institutional test of future integration. Incomplete contracts between States, becoming framework agreements that do not fully distribute sovereignty, are the subject of constant negotiations between the contracting parties with the participation of a third party on the type of supranational organization.

The flexibility of sovereignty makes it possible to form its mixed forms and hybrid governance mechanisms. This, in turn, has an impact on the dynamics of non-state forms of governance, such as supranationality and empire, the transformation of identities.

Having rather controversial postulates, this theory allows us to understand the ways of unification and separation of states and territories and offers new non-conflict institutional solutions to integration and reintegration problems. For example, disputed territorial assets, territories, boundaries and functions may be shared and/or shared and/or redistributed in a mutually beneficial manner. Thus, the flexibility of sovereignty and partial sovereign agreements can contribute to strengthening social order, stability and orderliness in societies¹²⁴.

The presented analysis of the various degree concepts of the 21st century consolidation, in contrast to the integration theories of the last century (with a focus on eurocentricity), reflects the systemic processes that form the entire social field;

---

¹²⁴ Cooley Alexander, Spruyt Hendrik *Contracting States: Sovereign Transfers in International Relations* Paperback – May 10, 2009 // Publisher : Princeton University Press; 0 edition (May 10, 2009) 280 pages ISBN-10 : 0691137242 ISBN-13 : 978-0691137247. URL: <https://press.princeton.edu/books/paperback/9780691137247/contracting-states> (accessed: 07.02.2023).

civilizational changes that have both an integrative and a reintegrative nature. In the traditions of Eurocentric thinking, integration is the most important criterion of progress, and, consequently, of the world order. But in reality, there are processes of both integration and disintegration. "There will be a lot of confusion and a lot of change in the coming decades. We need to create a world more livable"¹²⁵.

It should be noted that there are no "pure" theories about re- and integration processes in either political science or socio-humanitarian science. They have been replaced by doctrines of a different understanding of the modern societies transformations – not so much centric consolidations, but reintegration, having the character of a return to something that previously existed and collapsed.

In this regard, disintegration processes are often associated with the processes of territorial reintegration. At the same time, in parallel with integration processes, the phenomenon of reintegration is being actualized in the world, which is the actions of a particular state to completely or partially reassemble already existing geopolitical territorial constructs in order to achieve the same goals for the formation of a safe public space.

At the same time, the phenomenon of reintegration is extremely poorly studied in modern humanities and has no generally accepted approaches to its analysis and interpretation. It should be noted that this concept is primarily considered by political scientists and sociologists within the framework of the problem field of socialization and re-socialization of the population, for example, former prisoners, combat veterans, victims of certain offenses, returned migrants, etc.^{126 127 128}. However, we repeat that in the political and social planes, taking into account modern geopolitical transformations, current trends in global and regional development, issues of the formation of new security complexes, the concept of "reintegration" remains practically unexplored.

---

¹²⁵ Tilly Ch., Wallerstein I., Hobsbawm E., Bener a L., Aristide Z. Global flows of labor and capital: scholarly controversy // *International Labor and Working-class History*, 1995, vol. 47 (spring).

¹²⁶ Maruna, S., Immarigeon, R., & LeBel, T. P. (2013). Ex-offender reintegration: Theory and practice. In *After crime and punishment* (pp. 21-44).

¹²⁷ Willan.; Kuschminder, K. (2017). Reintegration strategies. In *Reintegration Strategies* (pp. 29-56).URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-319-55741-0_2 (accessed: 07.02.2023).

¹²⁸ Shinkfield A. J., Graffam J. (2009) Community Reintegration of Ex-Prisoners Type and degree of change in variables influencing successful reintegration. *International Journal of Offender Therapy and comparative criminology*, 53(1), 29-42 URL: doi 10.1177/0306624X07309757 (accessed: 07.02.2023).

One of the approaches to the study of reintegration problems can be conditionally defined as civilizational. This principle became especially popular after the appearance in modern political science of the "clash of civilizations" concept by S. Huntington, who noted that at present there is an increase in civilizational consciousness, strengthening ties between some states with similar civilizational characteristics¹²⁹. S. Huntington substantiated the thesis that the cultural and religious identity of people will become the main source of conflicts and those future wars will be waged not between countries, but between cultures. He offered a number of explanations for why civilizations will collide:

1. The differences between civilizations are too fundamental, because civilizations differ from each other in history, language, culture, traditions and religion.

2. The world is getting smaller. As a result, interactions around the world are intensified, which forms a "civilizational consciousness" and the differences between civilizations and communities within civilizations are realized.

3. Due to economic modernization and social changes, people are separated from local identity, a basis is being created for an identity that transcends national borders and unites civilizations.

4. The dual role of the West contributes to the growth of civilizational consciousness. The West, at the peak of its power, opposes non-Western countries, which have more and more desire, will and resources to shape the world in a non-Western way.

5. Cultural characteristics and differences are less changeable and, therefore, less easily influenced than political and economic ones.

6. Economic regionalism is increasing, which strengthens the civilizational consciousness. Economic regionalism can be successful only when it is based on a common civilization¹³⁰.

---

¹²⁹ Huntington, S.P. (2000). *The Clash of Civilizations?*. In: Crothers, L., Lockhart, C. (eds) *Culture and Politics*. Palgrave Macmillan, New York. URL: doi 10.1007/978-1-349-62397-6_6 (accessed: 07.02.2023).

¹³⁰ Huntington, Samuel Phillips (1927). *Clash of Civilizations* / Samuel Huntington; [Trans. from the English by Yu. Novikov]. - Moscow; St. Petersburg: AST, 2003 (Type. publishing house Samar. House of Printing). - 603, [2] p.: ill., tab.; 20 cm. - (Philosophy); ISBN 5-17-007923-0 (in trans.).

Those countries that Huntington calls "split", in our opinion, will gravitate towards their historical and socio-cultural civilizational foundations. In addition, when faced with other civilizations, the split countries will return to the bosom of the mother – the base civilization.

The scientist believes that internally divided countries are relatively homogeneous in cultural terms, but do not have an agreement on which civilization they belong to, therefore they may be subject to disintegration. Their governments, as a rule, want to "swing into the moving train" and join the West, but the history, culture and traditions of these countries have nothing in common with the West. It is this situation that contributes to the creation of reintegration processes associated with the return to "their" civilization.

The theory of the "center - periphery" by I. Wallerstein presents reintegration processes in the periphery zone as a confrontational platform between various countries, alliances and civilizations, which acts as a factor of reintegration. Such a periphery is the geopolitical concept of the "near abroad" used. Wallerstein understands the space in which Russia has a geostrategic right to protect its exclusive interests.

Using the actor-network theory (ANT)^{131 132}, the author considers the idea of reassembling the social in the public space¹³³. The appeal to the actor-network theory allowed us to determine how the social field and space are transformed, how integration processes under the influence of non-human actors spread in them. New formats of social interactions change sociality, while a person ceases to produce symbols of mass consciousness, but finds himself under the influence of manipulations of meanings in communicative networks. The content of meanings changes, they begin to be

---

¹³¹ Luhmann, Niklas (1927-1998). Social systems. An essay on general theory / Niklas Luhmann; edited by N. A. Golovin; translated from German by I. D. Gaziev. - Saint Petersburg: Nauka, 2007. - 641, [2] p., [1] L. portr.; 22 cm. - (Classics of Sociology (CS)); ISBN 978-5-02-026871-5, p. 362.

¹³² Luhmann N. Anspruchsinflation im Krankheitssystem. Eine Stellungnahme aus gesellschaftstheoretischer Sicht // Die Anspruchsspirale / Hrsg. von Ph. Herder-Dorneich, A Schuller. Stuttgart: Kohlhammer, 1983.

¹³³ Yarmak O.V., Bolshakova M.G., Marunchak A.G., Savina Z.S. Actor-network constructions of collective historical memory // LOGO SET PRAXIS, Volume 21, No. 2. 2022, pp. 73-80 ISSN: 2587-9715 URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49586259> (accessed: 07.02.2023).

considered as event connections between reality and its representations¹³⁴. Thus, the concept of ANT presupposes an understanding of the new concept of meanings that fill the re- and integration processes.

Having analyzed the creation and development of integration concepts and theories explaining reintegration events in the world, several points can be noted:

1. Firstly, they reflected the requirements of those historical stages when they were formed. During the period of the need to unite European countries after the Second World War, regional and economic components prevailed in the theories of integration. In the 1970s, integration concepts were dominated by the motives of explaining the functional aspect of economic consortia. Towards the end of the twentieth century, doctrines emerged describing the role of communications in political and regional alliances.

2. The analysis of the evolution of regional integration theories allows us to identify the following recurring conceptual provisions:

— the principle of supranationality, the refusal of states from a certain amount of sovereignty and its transfer to the supranational level;

— fairly clear stages of development with a certain result (for example, the creation of a single community);

— orientation towards European integration as a model¹³⁵.

3. The formation of integration concepts took place in parallel – in Europe and Russia. The Russian idea of Eurasianism, actually formed outside of Russia by Russian thinkers in exile, was in demand both in the Soviet period and in modern Russia. The popularity of the Eurasian idea is currently due to the vision of Russia as a civilization and a special integral cultural world. In this regard, the Eurasian idea is, first of all, a civilizational idea, which was formed in time as a complex of interdisciplinary concepts describing Eurasia within the borders of the Russian Empire, the USSR, the CIS, the

---

¹³⁴ Yarmak O.V., Bolshakova M.G., Marunchak A.G., Savina Z.S. Actor-network constructions of collective historical memory // LOGO SET PRAXIS, Volume 21, No. 2. 2022, pp. 73-80 ISSN: 2587-9715 URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49586259> (accessed: 07.02.2023).

¹³⁵ Nikitina Yulia Aleksandrovna. From Integration to Regionalism: Evolution of Theories of Regional Interstate Cooperation // MGIMO Bulletin. 2010. No.6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-integratsii-k-regionalizmu-evolyutsiya-teoriy-regionalnogo-mezhgosudarstvennogo-sotrudnichestva> (accessed: 07.02.2023).

modern Russian Federation in the form of a historically formed unified social space with a synthesis of peoples, traditions of statehood and culture.

4. By the beginning of the 21st century, the classical concepts of integration had lost their relevance and new approaches reflecting the geopolitical and international agenda were formulated: on the one hand, reflecting the confrontation between the USSR and the USA during the Cold War, on the other hand, describing the situations of transfer and division of sovereignty and territories in the modern period of the multipolar world order formation.

5. If classical theories of integration did not have a sociological load (they did not take into account the social factors of integration societies), then the concepts of the late twentieth - early twenty-first century can be called socio-engineering rather than political or economic. This indicates the importance of social factors both at the entrance of modern reintegration processes and during the return of communities to their civilizational foundations.

6. The phenomenon of reintegration is currently aimed at describing the process of reassembling state, economic, political, and social entities, taking into account the new international situation. The weak theoretical elaboration of the category "reintegration" suggests that it is a combination of globalization processes, integration trends and regionalization.

7. The actualization of the phenomenon of reintegration and the growth of demand for it is explained by the current state of violation of social orders, when the American-centric model of the world order is opposed to the trends in the design of a multipolar system of international relations. The erosion of the hegemony of the West and the justified desire of a number of states to dampen the catastrophic consequences of the geopolitical transformations of the late 20th - early 21st centuries give rise to a reintegration trend.

§ 1.2. Categorical foundations of the "integration" and "reintegration" concepts: theoretical approaches and understanding in modern sociology

The term "integration" comes from two Latin words "integratio" – replenishment and "integer" – whole. The general definition of integration is formulated as convergence, fusion, unification of parts forming a single whole, but while preserving their identity. The category "reintegration" comes from the Latin words "re" — renewal, repetition and "integratio" — restoration, replenishment, connection and means the process of unification of the previously disintegrated. Based on these definitions, at first glance, it seems that we are talking about different processes. However, from our point of view, integration and reintegration can be considered as connected stages of one thing, or consecutive periods of some single large historical, geopolitical and social process.

In order to understand the essence of reintegration, the categorical foundations of integration practices will be described at the beginning. The definition of the concept of integration was proposed by the founder of structural functionalism, T. Parson, who included two components in it: the internal compatibility of elements and the maintenance of specific conditions under which the integration system is, as it were, separated from another, external to it.

In classical concepts of integration, its main prerequisites are:

1. Similarity of the levels of the integrating countries economic development.
2. Territorial proximity of integrating countries, existence of common borders, recognition of territorial integrity.
3. Demonstration effect: there is an acceleration of economic growth rates in interning countries, which has a stimulating effect for activating integration processes.
4. Political factor: integration leads to the transfer of individual powers to supranational bodies.

The definitions of integration that exist in modern social sciences were formed rather in economic and political science paradigms. The first formulations of integration are characteristic of describing the economic consolidations with which the unification processes in Europe began. Dutch economist V. Molle interprets economic integration as "the gradual elimination of economic barriers between independent states, as a result of which the economies of these countries begin to function as a whole. Economic integration is not a goal in itself, but serves higher goals, both of the economic and political order"¹³⁶. Molle considers the "full union" to be the highest stage of integration, when a complex unification of countries takes place, as a result of which they become a federation or confederation¹³⁷.

The social component in the category of "integration" appears within the framework of a functional approach that considers it through meeting the needs of social groups. Within the framework of this concept, integration is defined as the process of forming some new useful for the members of the community.

The connections between social groups and people in an integration association are described in communication theories that consider integration as a cohesive and secure community professing common values and forming a joint identity. Thus, the social characteristics of integration processes are considered through the analysis of the construction of a joint identity – a kind of "cap" over the identities of communities entering the integration process. The second quality of the social aspect of integration is the formation of a safe space. In particular, the American sociologist and political scientist K. Deutsch sees integration through the creation of security communities and zones of peace, and the German political scientist E. Haas defines integration as "the voluntary creation of larger political unions, involving a conscious self-withdrawal (self-conscious eschewal) from (self-conscious eschewal) issues of power in the relations of participating institutions" conscious eschewal)^{138 139}.

---

¹³⁶ Molle W. 2001. *The Economics of European Integration. Theory, Practice, Policy*. Aldershot, Ashgate Molle 2001: 4, 18.

¹³⁷ Ibid.

¹³⁸ Haas, E. B. (1971) «The Study of Regional Integration: Reflections on the Joy and Anguish of Pretheorizing», in L.N. Lindberg and S.A. Scheingold (eds), *European Integration: Theory and Research* (Cambridge, MA: Harvard University Press). P. 4.

The security factor in integration processes gained a new trend after the Second World War with the establishment of the Yalta Peace and the loss of Western Europe's former role as a world leader. A new understanding of integration as the integrity of an actor's group acting together is revealed through indicators of integration development, assessment of the intensity of intraregional exchanges, the speed of dissemination of supranational decision-making methods, the degree of public support for integration¹⁴⁰.

In the Russian literature, there are a bit different approaches to determining the essence of integration. Some authors consider it as mainly an economic phenomenon (Y.V. Shishkov, M.V. Senin, E.A. Shibaeva, K.A. Semenov), others approach it as a complex phenomenon (E.T. Usenko, B.G. Baranovsky, A.N. Glinkin, Y.A. Matveevsky). So, Y.V. Shishkov concluded that "the line separating integration from the lower stages of internationalization of economic life ... takes place where the industrial-technical, economic and political-legal interdependence of national economies turns into the interpenetration and interweaving of national processes of social production"¹⁴¹. The object of the integration process in the Russian tradition is human society, and a person in it as a "primary" cell" when "a person participates in the integration process not in isolation, but as part of more or less large social groups... Therefore, the process of integrating people is carried out as the integration of certain social formations that act as ... direct subjects and objects of the integration process"¹⁴².

Russian scientist V.G. Baranovsky defines integration as "the state of connectedness of individual differentiated parts into a whole, as well as the process leading to such a state". "Political integration between states is the formation of a certain integral complex at the level of their political systems — just as economic

---

¹³⁹ Haas, Ernst B. The uniting of Europe: political, social and economic forces, 1950-1957 / Ernst B. Haas; foreword by Desmond Dinan ; new introduction by Ernst B. Haas. 641 p. (Contemporary European politics and society) Originally published : Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1958. URL: <https://www.europarl.europa.eu/100books/file/EN-H-BW-0038-The-uniting-of-Europe.pdf> (accessed: 07.02.2023).

¹⁴⁰ Butorina O.V. The concept of regional integration: new approaches // *Cosmopolis*, 2005 autumn. - No. 3 (13). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25041949&ysclid=la86bx0yx7205064951> (accessed: 07.02.2023).

¹⁴¹ Shishkov, Yuri Vitalievich. Formation of the integration complex in Western Europe: trends and contradictions [Text]. - Moscow: Nauka, 1979. - 343 p.: 21 cm., pp. 13-14.

¹⁴² Usenko E.T. Legal forms of organization of joint productions of the COMECON member countries. M., 1985., p. 11

integration is a process carried out at the level of the economic systems of several states"¹⁴³. He identifies three integration criteria:

- 1) isolation, separation of ties and relations existing between states;
- 2) management in integration processes, targeted integration actions;
- 3) the ratio of the whole and the particular in the integration complex¹⁴⁴.

The modern vision of the integration of society is a key sociological question, which is formulated, in particular, in the works of the German sociologist V. Heitmeyer "What separates society?" and "What holds society together?"^{145 146}. German sociologist U. Schimank believes that the sociological theory of society deals with integration issues, but still lacks a clear concept of integration of society. U. Schimank describes integration as follows: "it becomes noticeable only where it disappears, i.e. when suddenly or as a result of an initially unnoticeable process, either disintegration or superintegration occurs"¹⁴⁷. That is, integration itself can counteract the process of integration of society: if integration is not enough, then it comes from the "bottom" of society; if there is a lot of it, then it is superintegration acting "from above"¹⁴⁸.

That is, Schimank, talking about social integration, is trying to understand what is worse or better today. Discussing the optimal way of integration, the scientist talks about the separation of social and systemic integration. Social integration is revealed through the transformation of social orders. On the one hand, "unbridled individuals cannot destroy public order, on the other hand, too restrictive public order should also not suppress the creativity of individuals in a socially dysfunctional way"¹⁴⁹. System

---

¹⁴³ Pobedinsky Igor Mikhailovich Conceptual foundations of integration processes // Izvestiya RSPU named after A. I. Herzen. 2008. No.86. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnye-osnovy-integratsionnyh-protsessov> (accessed: 07.02.2023).

¹⁴⁴ Pobedinsky Igor Mikhailovich Conceptual foundations of integration processes // Izvestiya RSPU named after A. I. Herzen. 2008. No.86. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnye-osnovy-integratsionnyh-protsessov> (accessed: 06.02.2023).

¹⁴⁵ Was treibt die Gesellschaft auseinander? / Hrsg. von W. Heitmeyer. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1997.

¹⁴⁶ Was halt die Gesellschaft zusammen? / Hrsg. von W. Heitmeyer. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1997.

¹⁴⁷ U. Schimank Sociological diagnosis of the last twenty years: theses on the integration of modern society // Journal of Sociology and Social Anthropology. 2001. Volume IV. No. 2 URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17325262&ysclid=ldt2u9xmcw499668671> (accessed: 07.02.2023).

¹⁴⁸ Ibid

¹⁴⁹ U. Schimank Sociological diagnosis of the last twenty years: theses on the integration of modern society // Journal of Sociology and Social Anthropology. 2001. Volume IV. No. 2 URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17325262&ysclid=ldt2u9xmcw499668671> (accessed: 07.02.2023).

integration is focused on the integration of differentiated subsystems with each other, which form a modern society.

D. Lockwood was the first who distinguished the concepts of social and systemic integration and conceptualized them. "Social" integration refers to the agency level, and "system" integration refers to the structure level. He came to the conclusion that stability in society is based on "mobile" integration, on a certain balance between agency and structure¹⁵⁰. That is, if there are problems at the level of structures, then the relationship between the actors themselves can be a factor in the stability of society and vice versa. Actors, in turn, can be social groups and individuals.

E. Giddens also analyzed the problem of social and systemic integration. In his opinion, the differentiation between social and systemic integration is that "social integration means consistency at the level of direct interpersonal interaction", while systemic integration defines the relationship between "actors and collectives within different space and time". That is, the relationship between the social and systemic level of integration is balanced in the sense that the structuration process involves the activity of an actor, without which the structure does not exist. Thus, system integration is the same as social integration, only in deferred time and expanded space. Based on Giddens' interpretation, modern means of communication have already erased the difference between the social and systemic level of integration.

In addition to social and systemic integration, attention is focused on the ecological or environmental integration of modern society, which at the end of the twentieth century acquired the same importance as social and systemic¹⁵¹. Environmental integration depends on the extent to which society moves within the boundaries established by nature along a safe path (consumption of energy, water and other resources, including admission or violation of admission to them).

Thus, we can talk about at least three dimensions of social integration – social, systemic and environmental.

---

¹⁵⁰ Lockwood D. Soziale Integration und Systemintegration (1964) // Theorien des sozialen Wandels / Hrsg. von W. Zapf. Köln; Berlin: Kiepenheuer & Witsch, 1969.

¹⁵¹ Reese-Schäfer W. Zeitdiagnose als wissenschaftliche Aufgabe // Berliner Journal für Soziologie. 1996. Jg. 6., p. 381.

System integration. From the perspective of systemic integration, societies are viewed in such a way that they are not threatened by crises and transformations. K. Marx (economics as a process, as a basis and a violator of the systemic integration of society), K. Polanyi (the economic system as a crisis environment of public order), M. Weber (modern society is in systemic integration)^{152 153 154 155 156}.

The processes of system integration were institutionalized during the 19th and 20th centuries through political management, when system-integrative problems were the object of policy. T. Parsons spoke about the format when system-integrative problems are regulated at an early stage before their politicization in his concept of "double exchanges" and N. Luhmann, describing "structural connections". N. Luhmann argued that modern society is moving towards superintegration, which leads to the disintegration of connections between social subsystems¹⁵⁷. As an example, Luhmann cites the superintegration of subsystems in Eastern European countries.

Referring to the existing classical sociological theories of integration, we can talk about their applicability. However, today it becomes obvious that modern society has generated new system-integrative problems, and within the framework of modern sociological practice, the system integration of society is mostly not considered.

Environmental integration. In the early 1970s, Y. Habermas mentioned the ecological potential of the crises of "late capitalist" societies¹⁵⁸. In modern society, the environmental nature of integration has been actualized in connection with the spread of environmental problems. We are talking about energy supply or food production, environmental poisoning or climate change. This is the format of integration described

---

¹⁵² Marx, K. Capital. Criticism of Political economy / K. Marx; translation, preface by F. Engels. – Vol. 1. – Moscow: Politizdat, 1973. – Vol. 1. Book 1. The process of capital production. - VIII, 907 p., 1 l. portr. – Indexes of names, cited and mentioned lit. rus. trans. of cited books, prem. Decree: p. 813 – 900

¹⁵³ Marx, K. Capital. Criticism of Political Economy (translation). – M.: Politizdat, 1988. – Vol. 2. In Book 2: the process of capital circulation / ed. edited by and with a preface by F. Engels, 1988. - 654 p. - Bibliogr. pp. 597 – 603. The decree read: pp. 604 - 609. See Decree: pp. 610-650.

¹⁵⁴ Marx, K. Capital: Criticism of polit. economy: (Translation). – M.: Politizdat, 1988. – Vol. 3; Book 3: The process of capitalist production, taken as a whole: Part 2 / ed. edited by F. Engels. – 1989. – p. 509 – 1078. – Decree. names, prem.: p. 1021- 1076.

¹⁵⁵ Weber M. Selected works: Translated from German/Comp., general ed. and afterword by Y. N. Davydov; Preface by P. Gaidenko. – M.: Progress, 1990. – 808 p. – (Sociologich. the thought of the West). pp. 707-735.

¹⁵⁶ Polanyi K. The Great Transformation. (1944). Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1978.

¹⁵⁷ Luhmann N. Die Gesellschaft der Gesellschaft. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1997, p. 617-618.

¹⁵⁸ Habermas J. Legitimationsprozesse im Spätkapitalismus. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1973., p. 61-63.

in the concept of "risk society" by W. Beck¹⁵⁹. For W. Beck, modern society in the ecological aspect is a "risk society" when economic, scientific and political forces interact in "organized irresponsibility"¹⁶⁰.

B. Latour approached the problem of environmental integration. He believed that modern society is subject to fundamental self-deception. At first it has been successfully increasing scientific and technical innovations for a long time, and then it created environmental problems¹⁶¹.

Thus, there are disintegration processes in society at the level of invasive integration. That is, the ecological dimension of integration means that modern society depends on the requirements of nature and, accordingly, on resource constraints created naturally or artificially.

In the research problem we define, the environmental integration should be considered not only in the format of fears from accumulated environmental problems, but also from the point of view of artificially created situations of limited or shortage of natural resources. It is precisely such situations that form new risks of invasive integration in the format of reintegration practices.

Social integration is a dimension of integration that has always attracted the attention of sociologists — from classical to modern concepts. The description of socio-integrative problems allows, firstly, to distinguish the degrees of integration processes — de- and superintegration, and secondly, to describe the essence of new reintegration processes.

The trends of disintegration were studied by N. Luhmann, who believed that a systemic integrative problem in the form of "inflation of claims" could arise from the action of the socio-integrative mechanism in the future^{162 163}. The individualism of claims thus creates a "multiple choice society".

---

¹⁵⁹ Beck U. Risk society. On the way to another modern. — M.: Progress-Tradition, 2000.

¹⁶⁰ Beck U. Risk society. On the way to another modern. — M.: Progress-Tradition, 2000., p. 38.

¹⁶¹ Latour B. Wir sind nie modern gewesen: Versuch einer symmetrischen Anthropologie. Berlin, 1995: Akademie-Verlag, 1991.

¹⁶² Luhmann, Niklas (1927-1998). Social systems. An essay on general theory / Niklas Luhmann; edited by N. A. Golovin; translated from German by I. D. Gaziev. - Saint Petersburg: Nauka, 2007. - 641, [2] p., [1] L. portr.; 22 cm. - (Classics of Sociology (CS)).; ISBN 978-5-02-026871-5 (In the translation), P. 362

P. Gross in his concept of "multiple choice society" considers individual claims in the form of economically mediated needs. Thus, classical sociology explains disintegrative tendencies as a collective product and as a form of conflicts leading to social inequality. It is to this topic that R. Darendorf devotes his attention. He describes the ongoing inequality due to the limitations of the possibility of choosing the quality of life, which is perceived as an injustice¹⁶⁴.

P. Blau writes about this: "social integration prevails in a group if the bonds of attraction unite its members"¹⁶⁵. He argues that people interested in becoming integrated members of a group are under pressure to impress other members and become attractive, but the resulting competition for popularity generates defensive tactics that block social integration.

Thus, it becomes obvious that the social integration of society is carried out through the search for one's identity and inclusion in cultural communities that have religious, ideological, ethnic and other grounds.

Civilizational integration. Describing the civilizational integrative processes, it is necessary to turn to the concept of the "clash of civilizations" by the American sociologist S. Huntington about the geopolitical future of mankind, split along the borders by Western and "non-Western" civilizations.

If you look at the world map created by S. Huntington, it becomes obvious that the conflict runs from the former Yugoslavia and throughout Eastern Europe to the borders of Ukraine and Russia. The southern border of Russian civilization, according to S. Huntington, passes through Central Asia, thus dividing Eurasia and the Eurasian Union into conflict zones¹⁶⁶.

---

¹⁶³ Luhmann N. Anspruchsinflation im Krankheitssystem. Eine Stellungnahme aus gesellschaftstheoretischer Sicht // Die Anspruchsspirale / Hrsg. von Ph. Herder-Dorneich, A Schuller. Stuttgart: Kohlhammer, 1983.

¹⁶⁴ Dahrendorf, Ralph. Modern social conflict. An essay on the politics of freedom / Ralph Darendorf ; Translated from German by L.Y. Pantina. - M.: ROSSPEN, 2002 (SUE IPK Ulyan. House of Printing). - 284, [2] p.; 20 cm. - (University Library. Political Science). ISBN 5-8243-0370-3 (in trans.)

¹⁶⁵ Peter M. Blau A Theory of Social Integration // American Journal of Sociology Vol. 65, No. 6 (May, 1960), pp. 545-556 (12 pages) Published By: The University of Chicago Press URL: <https://www.jstor.org/stable/2773647> (accessed: 07.02.2023).

¹⁶⁶ Mishuchkov Andrey Aleksandrovich Civilizational perspective of Eurasian integration // Bulletin of OSU. 2015. No. 9 (184). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsivilizatsionnaya-perspektiva-evraziyskoy-integratsii> (accessed: 07.02.2023).

Therefore, there are two global strategies for the development of the world community. According to S. Huntington, world civilization has a triadic geopolitical hierarchy and goes through such stages — from pre-industrial (periphery of world civilization) and industrial (semi-periphery) to post-industrial (core)¹⁶⁷. Moreover, it is on the semi-periphery, according to I. Wallerstein, that civilizational wars unfold¹⁶⁸. The policy of globalization promotes the neocolonial interests of the "center" (the world-system) in the semi-periphery and periphery of world civilization.

In fact, two different models of dialogue participate in the dialogue of the "center" and the "semi - periphery": one model is based on the hegemony of neoliberal values as universal in the ideology of globalism of the Western alliance of civilizations, and the other is based on multipolar cooperation of non-equilibrium civilizations of the center, semi-periphery and periphery based on traditional historical values of civilizational identities¹⁶⁹.

Thus, S. Huntington believes that social integration is formed on the basis of the conflict civilizational potential. Cultural and civilizational conflicts can, on the one hand, exacerbate integration processes; on the other hand, contribute to the emergence of the reintegration characteristics of consolidations through a return to civilizational foundations.

Using S. Huntington's approach, we can say that Russia's civilizational mission becomes significant in the focus of Eurasian integration, which is based on the phenomenon of identity, expressed as a socio-cultural collective type, as a form of cultural and historical self-consciousness with the following characteristics:

- a sense of belonging to a certain macro-community;
- the presence of common socio-cultural codes (sets of symbols, values and ideological attitudes), allowing to unite peoples and countries;
- consolidation and solidarity in society.

---

¹⁶⁷ Huntington, Samuel Phillips (1927). *Clash of Civilizations* / Samuel Huntington; [Trans. by Y. Novikov]. - Moscow ; St. Petersburg : AST, 2003 (Type. Publishing house Samara. House of Printing). - 603, [2] p. : ill., tab.; 20 cm. - (Philosophy).; ISBN 5-17-007923-0 (in trans.).

¹⁶⁸ Wallerstein I. *Analysis of world systems and the situation in the modern world*. Translated from the English by P. M. Kudyukin. / Edited by B. Y. Kagarlitsky. St. Petersburg: Publishing House "University Book", 2001. p.127.

¹⁶⁹ Mishuchkov Andrey Aleksandrovich *Civilizational perspective of Eurasian integration* // *Bulletin of OSU*. 2015. No. 9 (184). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsivilizatsionnaya-perspektiva-evraziyskoy-integratsii> (accessed: 07.02.2023).

In this regard, we consider it necessary to turn to the theory of cultural and historical types of the Russian philosopher N.Y. Danilevsky, in which the periodization of the historical process based on cultural and historical types representing distinctive civilizations is proposed. Danilevsky analyzes the laws of development of ten cultural and historical types, pointing out that "the Slavic family of peoples forms an original cultural and historical type," and thoroughly analyzing the differences between the Slavic peoples from the Germanic on three grounds of differentiation: ethnographic features, religiosity, historical education¹⁷⁰.

Analyzing cultural and historical types or civilizations, Danilevsky speaks about their:

— linguistic basis: peoples make up one cultural and historical type if they speak the same language or similar languages;

— on a political basis: the people should have their own public education, without it – it is impossible to develop their culture, preserve their customs and traditions;

— civilizational basis: "the beginnings of a civilization of one cultural and historical type are not transmitted to peoples of another type. Each type develops it for itself with more or less influence of alien, preceding or modern civilizations"¹⁷¹;

— ethnic basis: polyethnicity of cultural and historical type forms a richer civilization.

We believe that in modern conditions it is still necessary to create a single information space, that is, a communication basis for integration.

Focusing on the concept of Danilevsky, we strive to show how deep the historical roots of the issues we are considering have. Danilevsky was aware of the need for the unity of the Slavic peoples, summed up the political reasons, which, after a century and a half, seem to us to be quite scientific and justified.

Thus, civilizational integration leads to the consolidation of societies that have a similar identity, linguistic affinity, political will and common mental foundations. It is

---

¹⁷⁰ Danilevsky N. Y. *Russia and Europe*. / Compilation and comments by Y. A. Belov / Ed. by O. Platonov. – M.: Institute of Russian Civilization, 2008. — 816 p.

¹⁷¹ *Ibid*, p. 113.

civilizational integration that leads either to conflict or to the unification of social super-systems on some conditions, which gives rise to the processes of reintegration or integration of integrations.

Integration of integrations as a reflection of civilizational interaction. According to the theory of supersystems, all civilizations are divided into "interregional conglomerates" and "multi-regional blocks" according to the type of their expansion algorithm.

The interregional conglomerate is formed according to the principle of civilizational development, in which national cultures are replaced by a standard unified culture. The department is subordinated to a single interregional center. A typical example of such a conglomerate is Euro-American integration with a single management center that makes all decisions and to which national centers are subordinate. The consolidation of the conglomerate takes place by destroying the administrative elite of those territories that are part of it, that is, in fact, the destruction of management centers that could develop an alternative to the policy of the center of the conglomerate. However, at present, the conglomerate has on its limits of growth, beyond which the management system loses stability, accumulating errors when it absorbs fragments of other civilizations.

A multi-regional block differs from a conglomerate in that the choice of a general civilizational vector of goals and the development of a concept for achieving it are not concentrated in a single center, but distributed throughout the block. The block contains cultural diversity, polyethnicity, and support for alternative cultures. Russian civilization, which tends to the block type, is characterized by its own special management methods: the territories that were part of the Russian civilization were not destroyed, but integrated into Russian society.

Centrifugal national tendencies and underestimation of the historical uniqueness of the multinational and multi-confessional spiritual potential of Russian civilization led at the end of the 20th century to the dramatic disintegration of its integrity, which existed within the USSR, into a number of states experiencing civilizational frustration and choosing the path of national-state construction.

Thus, in the post-Soviet space around the Russian Federation, an enclave of states with a civilizational alternative identity artificially supported by the ideology of the "unipolar world" of the West began to form, in particular, in Georgia, the Baltic countries, and Ukraine. After the collapse of the USSR, the ideology of "unipolar hegemony" came, and then an Atlantic civilizational conglomerate was formed, based on pragmatism and the superiority of developed countries¹⁷². On the one hand, the strengthening of the Euro-American conglomerate weakened the multinational bloc, including the Russian civilization in the format of historical Russia. On the other hand, there was a crisis of growth and governance, and internal contradictions intensified. At the same time, expectations of integration processes were formed in the post-Soviet space, which did not cease to exist at the social level, but required consistency, often exacerbated by environmental requirements and emerging restrictions. The current situation has given rise to the latest trends — reintegration processes that require in-depth analysis.

Analyzing the integration processes, it should be understood that there are no agreed definitions of this category. The available interpretations are related to the following characteristics:

- the expected duration of the integration process,
- the level of assistance in various fields – economic, legal, cultural, educational, social,
- the timing of the transition period,
- the experience that has been acquired.

Integration processes are distinguished into those that have support or are carried out without it; they are based on spontaneous decisions or are carried out prepared; they are involuntary or voluntary. The author understands **integration as a process of reassembling social spaces, having incoming conditions – civilizational foundations, levels – social, environmental and communicative, outgoing results – achievement of systemic effects in the form of social transformations of identity,**

---

¹⁷² Mishuchkov Andrey Aleksandrovich Civilizational perspective of Eurasian integration // Bulletin of OSU. 2015. No. 9 (184). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsivilizatsionnaya-perspektiva-evraziyskoy-integratsii> (accessed: 07.02.2023).

value-semantic field, and image of Russia, creation of a new type of solidarity, dynamics of assessments of infrastructural changes.

An integrated approach to integration shows that achieving sustainable integration as a complex, multidimensional process based on social needs involves several levels:

- social – increasing satisfaction with the needs of social groups;
- structural — ensuring people's access to public services and infrastructure (healthcare, education, housing, justice and social protection);
- economic — return to economic life and sustainable livelihoods;
- structural and state — management through interaction with local and national authorities, stakeholders, public support;
- civilizational — familiarity with the values, lifestyle, language and traditions of the country of origin;
- communication – creation of a unified information space with generally accepted media discourses that meet the requirements of integration.

But, first of all, integration is closely related to the concept of sustainability. Integration can be considered sustainable if a level of economic self-sufficiency, social stability in society, and a satisfactory level of social well-being are achieved. Consequently, the sustainability of integration depends not only on the territory that returns, but also on social groups and structures of society.

The main problem remains the question of how to maintain the stability of integration. On the one hand, support of local and national authorities is required, measures to strengthen social systems at the structural level. On the other hand, it is necessary to take into account the multidimensional nature of integration, which should include economic, social and civilizational aspects. However, first of all, it is necessary to strengthen the level of social cohesion and solidarity between the social groups that have integrated and the social groups of the host society. This happens through the formation of trust, and here respect for the social groups of integrated territories should be respected, the influence of sources of tension and conflict issues should be reduced,

their continuous monitoring should be carried out, allowing to identify factors of consolidation and disintegration.

It is also necessary to take into account the context of integration, namely:

- geographical factor;
- historical memory factor (use of past re- and integration projects);
- the civilizational factor (the presence of common historical, social, cultural characteristics);
- economic factor (the situation of the reintegrated territory during the period of return, the state during the transition period);
- political factor (use of legal mechanisms and processes, transformation of legislation at local, regional, national and international levels);
- structural factor (change in the structure of government, decision—making processes, levels of responsibility, transformation of social institutions);
- environmental factor (security situation, including any restrictions on access to resources, reduction of security risks in new territories);
- the communicative factor (the creation of political-communicative and social network structures aimed at the transformation of identity, semantic and symbolic field of mass consciousness, historical memory).

§ 1.3. Reintegration as an Integrative Reassembly of Societies: theoretical understanding

The modern world process is formed under the pressure of unresolved territorial problems, which, in the case of the Eurasian space, is largely the result of the geopolitical collapse of the bipolar system, the collapse of the USSR and the creation of a Euro-American conglomerate. In addition, this situation has deeper historical roots, giving rise to a number of States, both unreasonable ambitions and quite historically justified intentions to revise the nationality of certain territories.

The need to establish a multipolar world implies the growth of mutual consideration of the national interests of players in the international arena, which is largely related to the tasks of forming "security zones". The stated need is realized through a whole range of diverse mechanisms, including reintegration. The strengthening of the interdependence of various states united on a territorial basis and having a common civilizational basis, infrastructural and trade ties, common production chains, logistics dependence, common challenges and threats, cultural and historical community are a set of integration mechanics. At the same time, integration processes presuppose the presence of a core state or a basic civilization capable of creating around itself the required centripetal forces for economic, social and civilizational integrations. Thus, integration is one of the ways to create the above-mentioned "security zones" in the context of tectonic transformations in the international arena and complete the transition to a new format of the world order.

To understand the specifics of reintegration, let's start from classical integrations and their modern branches. In classical concepts of consolidation, integration is understood as a manifestation of globalization, demonstrating, in fact, the possibilities of countries striving for integration to get into a better state than the one they were in before integration. This is the context of the unification of European countries described in the classical concepts of integration. In this sense, integration is an effective process that stimulates both the internal development of the region due to the advantages of globalization, and limiting its negative impact by controlling consolidation processes. With this approach, the social integrity of a group of actors acting harmoniously in the process of globalization is created.

At the same time, there is also a realistic approach to the phenomenon of integration, according to which integration processes are quite difficult to explain, and they have a number of ambiguous manifestations. To explain this phenomenon, Danish political scientist T. Pedersen proposes a theory of cooperative hegemony, which he

calls the "general theory of regionalism", which goes beyond the analysis of European experience¹⁷³.

T. Pedersen studies the motives and strategies of the major powers initiating regional integration, rather than its institutional forms and mechanisms. That is, he analyzes the stages of formation of regional associations: why do states go for integration and what forms do they take? Therefore, according to Pedersen, cooperative hegemony is a type of regional order in which "soft" governance is carried out through cooperation agreements based on a long-term strategy. Cooperative hegemony is determined by the logic of real processes taking place in societies, both ready to integrate and ready to integrate¹⁷⁴.

According to Pederson, any strengthening of one state will eventually lead to counterbalancing by other countries. To prevent such a counterbalancing, regional powers are moving away from this strengthening and forming regional associations with the participation of those "small" powers. That is, we can talk about a kind of "contract" between the regional center and the periphery. Advantages of cooperative hegemony:

- advantages of scale;
- advantages of stability. If there are concerns in the region because of the policy of the leading power, stability becomes an important goal for the rest of the states. The more economic and military-political opportunities a major power has to dominate, the higher the probability of cooperative interaction;
- benefits of inclusion;
- advantages of dissemination (ideas, principles).

Thus, the main position of the theory of cooperative hegemony boils down to the following: the leading powers of the region can strive to maximize or stabilize their influence by nonviolent means using a strategy of cooperative hegemony within the framework of multilateral regional structures¹⁷⁵.

---

¹⁷³ Pedersen, Thomas. Cooperative hegemony: power, ideas and institutions in regional integration / Thomas Pedersen. — Review of International Studies. — 2002. — 28. — PP. 677-696.

¹⁷⁴ Ibid.

¹⁷⁵ Nikitina Yulia Aleksandrovna From Integration to Regionalism: Evolution of Theories of Regional Interstate Cooperation // MGIMO Bulletin. 2010. No.6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-integratsii-k-regionalizmu-evolyutsiya-teoriy-regionalnogo-mezhgosudarstvennogo-sotrudnichestva> (accessed: 07.02.2023).

Reintegration as a manifestation of integration can be viewed in the context of modern concepts of globalization. The term "reglobalization" itself arose due to the inability of the concept of "emerging markets" to explain the development of countries such as Brazil, Russia, India and China, which have already become the world engines of reglobalization. This was facilitated by export-oriented growth in China, the "transitional economy" of the Russian market, outsourcing and technological innovations in India and "import substitution 2.0" in Brazil. These economies have successfully adapted both to deep globalization, which gained momentum with the end of the cold war, and to the logic of deglobalization — "every nation for itself", especially after the 2008 crisis.

In fact, the results of the current period will be assessed by the country's ability to prepare competitively for reglobalization, which is now in the process of becoming. According to the director of BRICLab at Columbia University, global affairs specialist M. Troyo, reglobalization as a new era will develop in economic and innovative directions¹⁷⁶. Transformations due to globalization will not create a new global compact concluded at the United Nations or the World Trade Organization. Reglobalization will be more "superficial". Reglobalization will affect only the economic sector, trade, investment, and production networks. The second sector that reglobalization will affect is innovation – this is what is produced by the elites. Those who will not strive for new knowledge and will not be able to contribute to innovation are becoming more and more "irrelevant nations"¹⁷⁷.

The reglobalization vectors are discussed by its researchers M. Bishop and E. Payne. They associate the appearance of both the term and the phenomenon of globalization with Brexit in 2016. Brexit was the event that led the world to the "AC era – after the 2008 crisis", a symptom of "the manifestation of global forces unleashed by

---

¹⁷⁶ Marcos Troyjo. Deglobalization: Chronicle of a Changing World URL: <https://www.huffpost.com/author/marcos-troyjo> (accessed: 07.02.2023).

¹⁷⁷ Ibid.

the global financial crisis of 2008, including slowing economic growth, growing inequality and a growing negative reaction to open borders and acting leaders"¹⁷⁸.

By this period, the concept of deglobalization had not yet been formulated. And that's why its authors talk about the right and left vectors of reglobalization. The final political approach to reglobalization is associated with the coming to power of D. Trump, which is called "deglobalization on the right", when the global political economy becomes dangerously vulnerable to the games of a "strong man", when the World Trade Organization is unable to "protect" the United States from the "abuse" of global trade rules by China. Right-wing globalization creates a situation where countries are fighting with each other for economic advantages without a sense of greater common good. In fact, it is a globalizing impasse that threatens to undermine the forms of multilateral global governance that have been created over the past 70 years. Deglobalization on the left is the ideology of the center-left in the West, who were initially antagonists of globalization. Fears of "deglobalization on the left" consist in the promotion of a progressive left wing¹⁷⁹.

That is, reglobalization is presented as a political and economic section, but not social, cultural and civilizational. From a social point of view, there are only concerns that globalization carries risks of migration and free movement aggravation of the problem of access to social security, undermining national and global solidarity.

Thus, at the moment, Western social thinkers have come to understand that the previous social global order is losing its foundations, the established connections cease to function in it. The crisis of the current social model has given rise to the term "reglobalization", as a result of which the planet will integrate on new principles, without unification, taking into account national characteristics and civilizational meanings. What gave meaning to globalization, more precisely, what was imposed by global elites, is losing significance. The emergence of multiculturalism, transhumanism, and juvenile justice have shaped the desire for mental disintegration from the globalization trend. It is in this context that new forms of integration will be formed –

---

¹⁷⁸ Reglobalization. Edited by Matthew Louis Bishop and Anthony Payne. Publisher: Routledge; 1st edition (March 12, 2021). Hardcover: 146 pages. ISBN-10: 0367639300 ISBN-13: 978-0367639303.

¹⁷⁹ Ibid.

reintegration as a departure from common global meanings and values artificially imposed, but no longer bringing economic and political benefits.

The concept of the "clash of civilizations" by S. Huntington predetermined the growth of civilizational consciousness linking states with similar civilizational characteristics¹⁸⁰. After the end of the cold war, according to Huntington, the most important source of conflicts and confrontations in the world will be cultural differences, and the main conflicts in global politics will occur between nations and groups of nations belonging to different civilizations. The clash of civilizations will dominate world politics. With the end of the cold war, the Western phase of international politics will come to an end, and its focus will be the interaction of Western and non-Western civilizations¹⁸¹.

The division into "first", "second" and "third world" is gradually losing its meaning. Belonging to a particular civilization comes to the fore, which is determined by social and cultural characteristics (language, history, religion, traditions, institutions). The clash of civilizations takes place on two levels. At the micro level – the border of the direct contact of civilizations – there is a struggle for territory and influence, often turning into bloody conflicts. At the macro level, States belonging to different civilizations seek to strengthen their military and economic power, establish control over international institutions and attract more allies to their side, promote their political, religious and cultural values¹⁸².

Huntington speaks of the "kindred country" syndrome, when in relations with other states, first of all, the proximity, "kinship" of their culture, their belonging to the same civilization is taken into account. "Of course, tensions and conflicts arise within

---

¹⁸⁰ Huntington, S.P. (2000). The Clash of Civilizations?. In: Crothers, L., Lockhart, C. (eds) Culture and Politics. Palgrave Macmillan, New York. URL: doi 10.1007/978-1-349-62397-6_6 (accessed: 07.02.2023).

¹⁸¹ Ibid.

¹⁸² S. Huntington, F. Ajami, Kishore Mahbubani, R.L. Bartley, Liu Binyan, Gene Kirkpatrick, A.L. Weeks, J. Peel, H. Alker, Afrasiabi K.L. Clash of Civilizations. Prospects of world politics (S. Huntington's concept and its critics) // Afro-Asian world: problems of civilizational analysis. 2004. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stolknovenie-tsivilizatsiy-perspektivy-mirovoy-politiki-kontseptsiya-s-hantingtona-i-ee-kritiki> (accessed: 07.02.2023).

civilization, but in general they are less deep and do not last long. The next world war, if it breaks out, will be an intercivilizational war"¹⁸³.

He characterizes Russia as a split country, in which there will be an acute struggle to determine its identity and foreign policy priorities. According to Huntington, in order for a society to change its civilizational identification, three conditions are necessary: 1) the desire of the political and economic elite for this; 2) support for such a transition by the population of the country; 3) the authorities of the host civilization should agree to include the new entity in their composition.

"Civilizations unite and separate humanity at the same time... Ultimately, people value not political ideology or economic interest, but faith and family, blood relations and beliefs, for which they are ready to fight and die. That is why the clash of civilizations replaces the Cold War as the main phenomenon of global politics, and the civilizational paradigm provides a more accurate understanding of the changes taking place in the world than any other alternative, and therefore a more adequate response to them"¹⁸⁴.

Analyzing the crisis of integration concepts that explain the problems of globalization by attempts to theoretically comprehend the reglobalizations of political and economic nature, we come to the conclusion that a new scientific analysis of social phenomena created in the depths of the incompatibility of the economic globalization and the requirements of a return to national, cultural, and civilizational foundations is necessary. In this connection, there is an applied significance of the study of integration processes in the modern world and, especially, in the post-Soviet space, which is additionally explained by the existing level of global tension and Russia's national interests.

Referring to the concept of "reintegration", the author understands by it a social process aimed at the social reassembly of a previously disintegrated or disintegrated territorial, political, economic, social education. In particular, the Large Explanatory Dictionary of the Modern Russian language interprets this phenomenon as "the

---

¹⁸³ Huntington, S.P. (2000). The Clash of Civilizations?. In: Crothers, L., Lockhart, C. (eds) Culture and Politics. Palgrave Macmillan, New York. URL: doi 10.1007/978-1-349-62397-6_6 (accessed: 07.02.2023).

¹⁸⁴ Ibid, p. 194.

unification of something that had previously disintegrated, disconnected, on new principles, grounds"¹⁸⁵.

At the same time, the phenomenon of reintegration is extremely poorly studied in modern humanities and has no generally accepted approaches to its analysis and interpretation. This category is considered from the perspective of the field of processes of socialization or resocialization of the population^{186 187 188}. However, we repeat that in the political and social planes, taking into account modern geopolitical transformations, current trends in global and regional economic development, issues of the formation of new security complexes, the concept of "reintegration" remains practically unexplored. Often, it is used incorrectly, replacing other phenomena similar in meaning (revisionism, neocolonialism, regionalism, integration, etc.)¹⁸⁹.

Observing the processes of reintegration in the post-Soviet space, we believe that it is necessary to turn to the civilizational foundations of this process — Eurasian integration, the idea of which has been repeatedly addressed throughout the twentieth century and which has gained relevance in the 21st century. Eurasians in their works noted that the Eurasian space has a significant potential for reintegration, based on civilizational characteristics (A.G. Dugin, A.S. Panarin)¹⁹⁰.

The Soviet and Russian thinker A.S. Panarin, speaking about the paradigm of "pluralism of civilizations", implies "something static, a kind of stable fusion of history and geography, values and way of life, in which crystallized experience transmitted

---

¹⁸⁵ Large explanatory dictionary of the Russian language [Text]: A-Z / RAS. Institute of Linguistic Research; Compiled, editor-in-chief Candidate of Philological Sciences S. A. Kuznetsov. - St. Petersburg: Norint, 1998. - 1534 p.; 27 cm.; ISBN 5-7711-0015-3.

¹⁸⁶ Ex-offender Reintegration: Theory and Practice (From After Crime and Punishment: Pathways to Offender Reintegration, P 3-26, 2004, Shadd Maruna and Russ Immarigeon, eds. -- See NCJ-205080 URL: <https://www.ojp.gov/ncjrs/virtual-library/abstracts/ex-offender-reintegration-theory-and-practice-after-crime-and> (accessed: 07.02.2023).

¹⁸⁷ Reintegration strategies : conceptualizing how return migrants reintegrate Kuschminder, KatieEUI affiliated. London : Palgrave Macmillan, 2017 URL: doi: 10.1007/978-3-319-55741-0 ISBN: 9783319557410 (accessed: 07.02.2023).

¹⁸⁸ Shinkfield A. J., Graffam J. (2009) Community Reintegration of Ex-Prisoners Type and degree of change in variables influencing successful reintegration. *International Journal of Offender Therapy and comparative criminology*, 53(1), 29-42 URL: doi 10.1177/0306624X07309757 (accessed: 07.02.2023).

¹⁸⁹ Kosov G.V., Yarmak O.V., Mirgorod D.A. Reintegration as an integrative reassembly of societies: theoretical understanding / G.V. Kosov, D.A. Mirgorod, O.V. Yarmak // *International Scientific Research Journal*. – 2022. – №12 (126). – URL: <https://research-journal.org/archive/12-126-2022-december/10.23670/IRJ.2022.126.85>; URL: doi: 10.23670/IRJ.2022.126.85 (accessed: 07.02.2023).

¹⁹⁰ Dugin, A. *Eurasian Revenge of Russia*. 2014, 280 p. ISBN:978-5-4438-0882-6; Panarin A.S. *The Truth of the Iron Curtain*. – M.: "Algorithm", 2006. – 636 p., p. 267.

from generation to generation is embodied"¹⁹¹. Describing Orthodox civilization, he speaks of it as "a locator tuned to catch gaps, on the one hand, between the normative sacred text and everyday social practices, on the other – between the universals of the universal higher, "advanced" experience and the parochial inclinations of the "soil"¹⁹². Thus, Orthodox civilization as the basis of the Eurasian space has a kind of fusion of civilizational and formational mechanisms.

The basis of the Orthodox civilizational construction of A.S. Panarin is 1) the rooted archetype of the "plowman", "getting his bread and equipping his land", 2) loyalty to the sacred covenant, 3) conciliarity as a spiritual unity¹⁹³. The state patriotism of the Russian people is connected not so much with the feeling of their native land, as with Christianity as the basis of Russian statehood¹⁹⁴. According to A.S. Panarin, the integration process has two interrelated aspects: infrastructural, designed to provide a single economic, informational, legal space, and spiritual value, designed to communicate the highest sacred (value) meaning to this space¹⁹⁵.

Russian political scientist S.A. Mikheev substantiates such theoretical prerequisites for integration as common economic interests, common ideology (religious factor, culture), common national and cultural affiliation, common unifying threat (most often external military), compulsion (most often external) to integration and artificial pushing of unification processes, common borders, geographical proximity¹⁹⁶.

At the same time, such a civilizational approach is also relevant for other spaces or global formations. Thus, a number of authors point out that the creation of the European Union is nothing more than the political, economic and territorial restoration of the European space, part of which was once rejected by the USSR (H. Broadman)¹⁹⁷.

---

¹⁹¹ Panarin A. S. Orthodox civilization / Compiler, preface by V. N. Rastorguev / Responsible editor. O. A. Platonov. – M.: Institute of Russian Civilization, 2014. – 1248 p., p. 46.

¹⁹² Ibid, p. 46.

¹⁹³ Ibid, p. 50-51.

¹⁹⁴ Ibid, p. 823.

¹⁹⁵ Panarin A.S. The Truth of the Iron Curtain. – M.: "Algorithm", 2006. – 636 p., p. 267.

¹⁹⁶ Mikheev S.A. Post-Soviet space: Elites against integration. URL: <http://politcom.ru/3904.html> (accessed: 07.02.2023).

¹⁹⁷ Broadman, Harry G. 2005. From Disintegration to Reintegration : Eastern Europe and the Former Soviet Union in International Trade. Washington, DC: URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/7511> (accessed: 07.02.2023).

A number of authors, for example, Z. Bauman, P. Beyer, A.Y. Arkhipov, highlight regional scenarios of globalization that contribute to the promotion of globalization processes¹⁹⁸. That is why there was a school of glocalists who consider the problem of "global – local" as a whole, and do not contrast them¹⁹⁹. The essence of glocalization is the idea of a unified, but at the same time decentralized world and "acceleration of world development through the development of localities and increased attention to local problems"²⁰⁰. Taking into account the fact that basically such groups of countries are localized geographically, it can be noted that the concept of glocalization fully corresponds to regional development scenarios and takes into account the nuances associated with the needs of regions, and can partially explain the phenomenon of reintegration, since a number of glocalization processes take place in territories that previously represented a certain community.

Reintegration is a process by which two or more national States are willing to cooperate because of achieving economic integration with the formation of a single market, political and social consolidation²⁰¹. Reintegration involves moving away from autonomy and joining a certain large aggregate, which should be the core country of integration. Such a state, based on its national interests, is trying to create centripetal forces around itself that can involve neighboring states in the formation of a zone of political, economic, military security in all senses — from economic, political, military to social and civilizational^{202 203}.

---

¹⁹⁸ Bauman, Z. (1998). On glocalization: Or globalization for some, localization for some others. *Thesis Eleven*, 54(1), 37-49. URL: doi 10.1177/0725513698054000004 7511 (accessed: 07.02.2023).

¹⁹⁹ Zygmunt Bauman On Glocalization: or Globalization for some, Localization for some Others Volume 54, Issue 1. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/0725513698054000004 7511> (accessed: 07.02.2023).

²⁰⁰ Victor Roudometof, *Glocalization: A Critical Introduction*, New York, NY: Routledge, 2016, 188 pp. DOI:10.4324/9781315858296 URL: http://www.roudometof.com/docs/review_glocalization_2017.pdf (accessed: 07.02.2023).

²⁰¹ Travina, E.M. *Ethnocultural and confessional conflicts in the modern world*. Publisher: St. Petersburg: Saint Petersburg University, 2077. p. 256. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19663361&ysclid=ldt56x6e1v75747047.pdf> (accessed: 07.02.2023).

²⁰² Sivkova, A. A., & Lugovskoy, A.M. Problems of reintegration of Crimea into the socio-economic space of Russia from the perspective of optimization of marginal territories // *Bulletin of the Educational Consortium*. Central Russian University. Series: Humanities, (8), pp. 88-90 URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=45837086&ysclid=ldt59j0tv8666260432> (accessed: 07.02.2023).

²⁰³ Yumashev, Y. M. (2022). Regional integration and international relations. *Moscow Journal of International Law*, (1), 75-88 . URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26773853> (accessed: 07.02.2023).

As a result of the implementation of the integration project, a new supranational identity may appear in the post-Soviet space with the possibility of reassembling the territories of greater historical Russia. Reintegration should be accompanied by the promotion of a large social ideological project with unification with a certain large aggregate — the country — the core of integration. The result of reintegration should be the formation of a zone of political, economic, military, cultural security^{204 205}.

Thus, the civilizational approach to reintegration processes is based on the existence of a certain cultural and historical community capable of generating forces aimed at uniting vast territories into a single political, economic or even military construct. The civilizational approach, in our opinion, is somewhat separated from the geopolitical realities of the modern world, experiencing the full range of problems associated with the existence of territorial disputes between states, the redistribution of economic interests, the formation of security zones by leading actors, etc.

The term "reintegration" is more often used in an applied way in the political rhetoric of the leadership of states to explain the existing imperatives, both in external and internal policies. However, in most cases, the term "reintegration" still explains foreign policy intentions. That is why the phenomenon under consideration remains poorly studied in modern science due to its relative novelty.

Some states, realizing this task, create integration models that did not exist before. Others are forced to resort to at least partial reassembly of the political, economic, and civilizational integrated formations already present on the world map. In any case, the main basic approach to reintegration corresponds to the theoretical understanding of integration, which, in fact, is a tool for restoring something that had previously disintegrated, disconnected, including on new principles.

The specific features of the integration association as a process are determined by a number of characteristics:

---

²⁰⁴ Sivkova, A. A., & Lugovskoy, A.M. Problems of reintegration of Crimea into the socio-economic space of Russia from the perspective of optimization of marginal territories // Bulletin of the Educational Consortium. Central Russian University. Series: Humanities, (8), p. 88-90. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=45837086&ysclid=ldt59j0tv8666260432> (accessed: 07.02.2023).

²⁰⁵ Yumashev, Y. M. (2022). Regional integration and international relations. Moscow Journal of International Law, (1), 75-88. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26773853> (accessed: 07.02.2023).

— the time factor, when the successful development of the integration process occurs only when the participants of the community of states receive a real gain ahead of the time of the burden imposed on them associated with participation in the integration association;

— the integration process begins with stronger states;

— the integration process is accompanied by an increase in discontent between the member countries of this association;

— as integration develops, disagreements between different groups become not just intra-national, but already transnational²⁰⁶.

Considering integration, K. Deutsch spoke about the process of turning disparate tribes into a people, and the people into a nation. A nation, in Deutsch's definition, is "a people that has achieved control over some institutions of social coercion, and in the future can form into a full-fledged nation-state"²⁰⁷.

In fact, formulating the principles of integration, Deutsch identifies 6 key sub-processes:

1. The process of development of transport infrastructure within the state (development of roads, shipping routes and trade routes as integration mechanisms).

2. The process of language integration (the formation of the national language, and later – the national language), which is a consolidating factor contributing to the formation of supranational identity, collective linguistic, historical and social memory, and behavioral practices of integration.

3. The process of elite integration. The elite as the "dominant social group" becomes a role model for all other social strata, setting both standards of national speech and cultural traditions, a system of values and patterns of behavior.

4. The process of forming an integral socio-cultural space. As a result of the languages integration and the cultural patterns emergence, a sense of closeness and

---

²⁰⁶ Voronina T. V. Evolution of theoretical approaches to the analysis of the development of international economic integration // Space of Economics. 2010. No.3-3. URL: Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-teoreticheskikh-podhodov-k-analizu-razvitiya-mezhdunarodnoy-ekonomicheskoy-integratsii> (accessed: 07.02.2023)..

²⁰⁷ Burganova I.N. Possibilities of using K. Deutsch's communication approach to the practice of integration construction in the post-Soviet space (on the example of the CIS) // Volga Scientific Bulletin. 2013. No.9 (25). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozmozhnosti-ispolzovaniya-kommunikatsionnogo-podhoda-k-doycha-k-praktike-integratsionnogo-stroitelstva-na-postsovetskom> (accessed: 07.02.2023).

kinship arises, an idea of tribal education appears, which creates the basis for self-awareness as a single people.

5. The process of intensification of social communication and the formation of the concept of the people. A people in Deutsch's definition is "a community of common meanings or a group of people with interconnected and similar communication habits"²⁰⁸.

The analysis of approaches to understanding reintegration and integration processes leads to the opinion that they can be connected or be successive stages of each other, while not being opposites. The author considers **reintegration as an integrative reassembly of social spaces aimed at uniting and restoring previously disintegrated or disintegrated territorial, economic, social, and civilizational education, which determines the consolidation of new network communications, the integration of the value-semantic field, historical memory, and the creation of new human capital.**

We believe that the re- and integration process leads to the creation of a new entity; the separation of a new association from the existing social space; the process of consolidation based on the trust of social structures; transformation of social structures and social institutions; awareness by participants of a new community of their future historical destiny; the formation of political community sense directed not to the past, but exclusively to the future. In this regard, the core element of the integration process is the formation of a common collective identity.

Reintegration is understood as a multidimensional process that allows the restoration of social ties and systemic relationships necessary to maintain life. In this regard, the concept of reintegration is closely interrelated with the concept of sustainability. Despite the absence of a generally accepted definition of sustainable reintegration, within the framework of our approach to reintegration, we define it as follows: reintegration can be considered sustainable when "returnees" have reached a level of economic self-sufficiency, social stability, consistency in structural relations,

---

²⁰⁸ Deutsch K.W. The nerves of government Models of political communication and control. – [2-d print]. – New York: Free press; London: Collier-Macmillan, 1995.

which allows them to cope with the return process. To achieve these objectives, individuals and social groups undergoing reintegration procedures need to fully participate in the economic and social life of the host society. Consequently, the sustainability of reintegration depends not only on the returning community, but also on the society and social situation to which it returns. Achieving a sustainable standard of living for the reintegrated communities will become comparable to the standard of living of the host society when the needs of the representatives of the returned community are met.

The weak theoretical elaboration of the phenomenon we are considering and the appeal to it through the appeal to related concepts allow us to say that reintegration is a combination of globalization processes, integration trends and regionalization. Consequently, such a combinatorial approach gives the concept of "reintegration" syncretic characteristics, and the absence of a developed theoretical base forms a vast field for research activities to identify the features of reintegration in the modern world.

The mechanism of re- and integration in the modern world will be widely represented in the foreign policy tools of various states. Taking into account the challenges and threats that have formed around Russia, in particular in the zone of its national interests (the post-Soviet space), our state is forced to actively resort to the use of reintegration. At the same time, reintegration in the foreign policy of the Russian Federation is as variable as possible and includes political (CIS), economic (EAEU), military (CSTO), socio-cultural (Russian World) formats. Finally, the existential nature of the existing challenges and threats force our country to resort to partial territorial reintegration (the Crimean and Ukrainian cases).

Based on the previous arguments, we can say that the reintegration is the return of a previously exited territory for some reason from the state to the borders of the same state, which is characterized not only by a new name on the geographical map for this territory, but also by changes in legislation, economy, and social life. Examples of the reintegration of the territory from world practice can be, in particular, the reunification of East and West Germany, the unification of Hong Kong and Macau with China.

Let's look at an example of the integration of the GDR, which is not called an integration process itself, when there is a desire to enter into any structure and a willingness to rebuild its economy, state structure, legislative framework. There was a complete replacement of the "rules of the game": the social order of the FRG was automatically transferred to the GDR. In this regard, this example of integration does not reflect the situation of creating new institutional conditions and the transition to new institutions. In this connection, the question arises about the effectiveness of such reintegration: has there been a complete transfer of institutions to a territory whose historical development was different from the original? And has there been an economic alignment of the two territories?

Firstly, the desire of the East Germans for prosperity was sincere, but thanks to the Western European media, it turned out to be distorted. Secondly, the privatization process was launched, that complicated the process of transferring property into private hands due to the restitution procedure. What had a negative side: until the owner of the enterprise was determined, the enterprise could not receive it²⁰⁹. Thus, the reintegration of the GDR was characterized by the fact that the country found itself, on the one hand, in a state with a high standard of living, but on the other hand, in fact, people could not afford it. This led to the fact that the East Germans, due to credit restrictions, were almost completely excluded from the economic benefits of capitalist Germany.

Another consequence of the reintegration of the GDR into Germany was the personnel policy: managers were displaced and replaced by West Germans. There was a decrease in the involvement of East Germans in social and economic processes²¹⁰. In this regard, the reintegration of the GDR into the FRG can only be discussed in economic and political contexts, but not in cultural and civilizational ones.

An example from modern Russian history is the reunification of the Republic of Crimea and Sevastopol with the Russian Federation in March 2014. Here, all the signs of reintegration are available — from the restoration of citizenship to the economic,

---

²⁰⁹ Integration processes in the modern world: economy, politics, security (World Development. Issue 2) / Ed. – F.G. Voitilovsky and A.V. Kuznetsov. – Moscow: IMEMO RAS, 2007. – 220 p., p. 53-62.

²¹⁰ Ibid.

political and social aspects of integration. This example of the reintegration of modern Russian history has such characteristics as:

- structural — the union of two close structures with a subsequent social contract;
- social — consolidation of social groups, formation of a common identity;
- environmental — uniting around overcoming resource limitations (transport, water, food, energy blockades by the Ukrainian authorities);
- civilizational — common history, collective memory, fate. The civilizational factor in our understanding is revealed, among other things, through the feeling that citizens of an indivisible Soviet society did not expect to live in different countries and be considered foreigners in them.
- communicative — both integrated and accepted societies are under the influence of external communicative challenges.

The modern world is constantly changing. Unions are being created and disintegrating, geographical borders of countries are changing, political regimes are being rebuilt, whole countries are disintegrating. There are global integration processes at different levels: economic, political, territorial.

However, in the end, there are people who are forced to go through the process of reintegration after some events that happened to their former country. In this regard, we are now observing large-scale integration processes related to the restoration of systemic, social and civilizational consolidations after the collapse of the Soviet Union²¹¹.

Even a quarter of a century after the collapse of the Soviet space, the process of disintegration is not over yet, and citizens of the former Soviet Union and their descendants who moved after the Second World War and the Great Patriotic War are returning to Russia. Since Russia is the legal successor of the largest country in the world, these trends are particularly noticeable in it.

---

²¹¹ Miletsky V. P. Reintegration of Crimea into the socio-economic space of Russia in the context of modern political megatrends // Russia: trends and prospects of development. 2015. No.10-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reintegratsiya-kryma-v-sotsialno-ekonomicheskoe-prostranstvo-rossii-v-kontekste-sovremennyh-politicheskikh-megatrendov> (accessed: 07.02.2023).

Speaking about the civilizational foundations of the integration of Russia and the regions of the post-Soviet space, first of all, it is necessary to ask questions about the manifestation of collective — Slavic, Eurasian, Russian or Russian — identity. Post-Soviet societies will look for a way out of the current situation and fight for life together. It is still difficult to talk about creating an analogue of Weber's "Protestant Ethics and the Spirit of Capitalism", but for these societies such a concept should appear, explaining the benefits of co-existence in structural, social, environmentalist and civilizational senses.

The modern era is the era of the emergence of new societies within the framework of existing nations. Their economic ethics and spirit are still being formed, transformed and have not taken clear outlines. But soon Slavic/Eurasian geo-economics and geopolitics will emerge, which will become a manifestation of the reintegration processes and the civilizational identity of the great historical Russia.

Conclusions of Chapter 1

In the first paragraph, the concepts of integration and reintegration were studied. Their formation included several stages, among which the following should be highlighted:

1) The formation of integration theories during the period of unification of European countries after World War II, when an explanation of the functional aspect of economic consortia was required.

2) The formation of integration concepts took place in parallel – in Europe and Russia. The Russian idea of Eurasianism is a civilizational one, describing Eurasia within the borders of the Russian Empire, the USSR, the CIS, and the modern Russian Federation in the form of a historically formed unified social space.

3) By the beginning of the 21st century, new approaches to the analysis of integrations were formulated, reflecting the confrontation between the USSR and the

USA during the Cold War and describing the situation of the transfer and division of sovereignty and territories in the modern period of the formation of a multipolar world order.

Classical integration theories did not have a proper sociological load, they were rather economic and political. The social component appeared in the concepts of integration in the late 20th - early 21st century, which indicates the importance of social factors in the processes of modern consolidation. The interdisciplinarity of integration theories has led to the formation of doctrines of transformations of modern societies – not so much centric consolidations as reintegration, having the character of a return to something that previously existed and collapsed.

The novelty of the topic of integration formats of modernity has the actualization of the phenomenon of reintegration, which are the actions of a particular state for the complete or partial reassembly of already existing territorial constructs with the formation of a safe public space. This situation has caused the urgency of studying the phenomenon of reintegration as the process of integrative rebuilding of society, aimed at uniting and restoring previously disintegrated or disintegrated territorial, economic, social, and civilizational education (in line with actor-network theory). There is a weak theoretical elaboration of this phenomenon, and the lack of a developed theoretical base forms an extensive field for research activities to identify the features of reintegration in the modern world.

In the second paragraph, such complex phenomena as integration and reintegration were considered, and their dimensions – social, systemic and environmental - were determined. The understanding of system integration is presented in classical sociological concepts: K. Marx (economics as a process, as the basis of the system integration of society), K. Polanyi (the economic system as a crisis environment of public order), M. Weber (modern society is in system integration). The author notes that modern society generates new system-integrative problems, which reduces the degree of appeal to the classical approaches of system integration at the present time.

The environmental dimension of integration processes claims a high degree of novelty due to the fact that the potential of environmental crises (Y. Habermas) has

formed "risk societies" (W. Beck). The actualization of the environmental nature of integration is revealed in the degree of energy and food supply, depends on climatic and environmental safety. The article substantiates the position that the environmental integration contributes to both disintegration and reintegration processes. The environmental dimension of integration means that modern society depends on the limitations of resources created by natural or artificial means. It is precisely such situations that form new risks of environmental integration in the format of re- and integration practices.

Social integration is a dimension of integration that was present in both classical and modern integrative concepts. It is proved that the social integration of society is associated with the search for new forms of identities and inclusion in the value-semantic space of cultural communities that have religious, ideological, ethnic and other grounds.

Describing the civilizational foundations of integrative processes, an innovative idea is substantiated that they are the prerequisites and triggers of modern consolidations of various forms. The author refers to the concept of "clash of civilizations" by S. Huntington, which examines the foundations of future human conflicts in the field of cultural contradictions and in conflict zones of "split" states. Civilizational conflicts, therefore, can both exacerbate integration processes and contribute to the emergence of reintegration consolidations through a return to civilizational foundations.

The appeal to the theory of cultural and historical types by N.Y. Danilevsky allowed the author to identify a number of bases of civilizational integrations: linguistic, political, ethnic and civilizational proper. The author introduces an innovative idea about the need to take into account the communicative basis of civilizational integrations in modern conditions. The idea is given that the consolidation of societies is preceded by the presence of a similar identity, linguistic proximity, political will and common mental foundations. It is civilizational consolidation that leads either to conflict or to the unification of social super systems, which gives rise to the processes of reintegration or integration.

Analyzing the integration processes, the author systematized the essence of the existing definitions of this category through the following characteristics: 1) there should be a duration of the integration process; 2) a level of assistance in various spheres is necessary – economic, legal, cultural, educational, social; 3) a period of transition period should be established; 4) joint previous social experience is mandatory.

The author gave his own understanding of integration as a multidimensional process with incoming conditions – civilizational foundations, current conditions – systemic effects and an environmental environment, outgoing conditions – social transformations of identity and value space, structural changes of social institutions. Consideration of integration is important from the perspective of the analysis of the geographical factor; the factor of historical memory (the use of past projects of re- and integration); civilizational (the presence of common historical, cultural characteristics); economic (the situation of the reintegrated territory during the period of return); political (transformation of legislation at the local and regional levels); structural (change in the structure of government, decision-making processes, levels of responsibility, transformation of social institutions); environmental (security situation, access to resources) factors.

The third paragraph presents an innovative idea about the theoretical and applied significance of the study of reintegration processes in the modern world and, especially, in the post-Soviet space. Considering the reintegration and integration processes, the author comes to the conclusion that they are either connected or can be successive stages of each other, while not being opposites. Turning to the concept of reintegration, the author defines it as a process of integrative reassembly of societies and social spaces, as part of an integrative process that determines the consolidation of new network communications and information infrastructures; integration of collective meanings, identities, historical memory, human capital.

The novelty of the author's approach consists not only in the definition of reintegration itself, but also in the identified characteristics of its process. Firstly, the result of reintegration is a new formation isolated from the existing social space; secondly, the consolidation process should be based on the trust of social structures;

thirdly, there is a transformation of social structures and social institutions; fourth, the participants of reintegration realize the commonality of historical destiny and form an identity that is not directed to the past, and into the future.

**Chapter 2 Integration of new regions into Russian society:
systematic interrelations of bases, levels and effects
of social spaces reassembly**

The second chapter examines the foundations of the integration of the Republic of Crimea and Sevastopol, its incoming conditions, the situation in which it is carried out, and its resulting indicators – changes that have occurred as a result of historical integration both in the integrated Crimean community and in the accepted Russian one.

The first paragraph – "The civilizational foundations of the integration of the Republic of Crimea and Sevastopol into the Russian space in the context of the neo–Eurasian integrative concept of the 21st century" - presents an integrative perspective of the civilizational analysis of micro-level processes of social interaction and macro-level formation of the structures of societies.

The second paragraph – "Social integration of the Republic of Crimea and Sevastopol in the context of collective memory transformation, identity and value-semantic field" – describes the levels of social integration and the components that affect the social groups.

The third paragraph – "The environmental integration of the Crimean Peninsula and the contours of a new social contract" – reveals the impact of the current environmental and resource situation on the creation of a new global social contract and on the current integrations of the Crimean Peninsula formed by the environmental risks.

The fourth paragraph – "Island" solidarity and the credit of trust as systemic effects of the integration of the Republic of Crimea and Sevastopol into Russia " – analyzes the features of the integration of the Republic of Crimea and Sevastopol into the Russian space, manifested in the form of the intra–Crimean effect - "island" solidarity, and the mainland–Russian effect - the credit of trust that was formed in Russian society after the Crimean events of 2014.

**§ 2.1. Civilizational foundations of the integration
of the Republic of Crimea and Sevastopol into the Russian space
in the context of the Neo-Eurasian integrative concept of the 21st century**

The understanding of civilization is one of the key ones in modern socio-humanitarian science. It has many definitions and often correlates with the concept of "culture". In the philosophical encyclopedic dictionary, civilization is defined as one of the main units of historical time, denoting a long-existing, self-sufficient community of countries and peoples, the uniqueness of which is due to socio-cultural reasons²¹². The sociological dictionary connects civilization with the idea of social progress, namely with the triumph of rationality over religion, the decline of local customs and the development of natural sciences²¹³.

In modern definitions of civilization, the historical and social approach of A. Toynbee is interesting, which defines civilization as "the smallest block of historical material to which the one who is trying to study the history of his own country turns"²¹⁴; the concept of civilizational faults by S. Huntington, considering civilization as "the highest cultural community of people and the widest level of cultural identification"²¹⁵. "Civilizations are determined by the presence of common features of an objective order, such as language, history, religion, customs, institutions, as well as the subjective self-identification of people"²¹⁶.

Integrative perspective in civilizational analysis focuses on the study of the interdependence of micro-level processes of social interaction and macro-level formation of social structures. In this regard, we consider it necessary to turn to the

---

²¹² Philosophical Encyclopedic Dictionary / editor—in-chief: L.F. Ilyichev, P.N. Fedoseev, S.M. Kovalev, V.G. Panov. - M.: Soviet Encyclopedia, 1983. - 840 p.

²¹³ Abercrombie N. Sociological Dictionary / N. Abercrombie, S. Hill, B.S. Turner; trans. see I.G. Yasaveyev, edited by N. S.A. Yerofeyev. – 2nd ed., reprint. and additional. – M.: Publishing house "economics", 2004. -620 P.

²¹⁴ Toynbee A. Civilization before the Court of History. M.: Rolf, 2002. 592 p, 406.

²¹⁵ Huntington S. Clash of Civilizations. Moscow: AST, 2003. 603 p., p. 51.

²¹⁶ Ibid, p. 34.

concept of the civilizational process of N. Elias as the most striking example of the application of an integrative approach in sociology. Individuals form social networks and new forms of social relations appear, which create a certain habitus, a specific form of mental structure, when external coercion is internalized and turns into a system of internal prohibitions. That is, there is a process of conjugate transformations at the micro and macro levels, during which a new mental structure is formed, which Elias calls a civilizational one²¹⁷.

The process of civilization, according to Elias, is a social process of "changes in the forms of mutual connections and mutual dependence of people, along with which their drives also changed"²¹⁸. The transformation of institutions occurs due to the increased interconnectedness of processes, since behind the transformation of institutions are "changes in the structure of human relations — changes that were clearly unplanned by individuals who had to submit to these changes [...] this applies to changes in the human habitus itself, and to the process of civilization"²¹⁹. Elias assigns special importance in these processes to figuration or chains of interdependence — "social processes in which people are "intertwined" with each other", which in historical perspective acquire coercive force, the genesis of which lies in interactions at the micro level²²⁰. Through an innovative understanding of the concept of figuration, Elias embodies an integrative principle describing the relationship between the individual and society²²¹.

If at the micro level the process of civilization in the concept of Elias is associated with mental transformations and the formation of new personal structures, which leads to a change in the nature of relationships and the strengthening of figurative processes — figuration and interweaving of interactions, then at the macro level of the

---

Prozorova Yulia Aleksandrovna Integrative perspective of civilizational analysis // St. Petersburg Sociology today. 2013. No.4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/integrativnaya-perspektivav-tsvilizatsionnom-analize> (accessed: 07.02.2023).

²¹⁸ Ibid.

²¹⁹ Ibid.

²²⁰ Ibid.

²²¹ Elias, Norbert (1897-1990). About the process of civilization : Sociogenet. and psychogenet. research. / Norbert Elias; Acad. research. culture. - Moscow ; St. Petersburg : Univ. kn., 2001. - 21 cm. - (University Library. Sociology.); ISBN 5-7914-0023-3 (Book of Light).

concept of Elias are the processes of state formation, the struggle of communities for power and the use of violence, etc.²²²

The concept of axial civilizations and multiple modernities by S. Eisenstadt occupies an important place in the development of modern civilizational analysis. One of the directions of his research was "the study of the processes by which the relationship between the social division of labor, the regulation of power, the construction of trust (solidarity), on the one hand, and meaning, its impact on institutional and cultural dynamics, on the other, intertwine, contributing to the crystallization, reproduction and change of social formations"²²³.

Eisenstadt's approach represents an integrative perspective in civilizational analysis, an attempt to implement sociostructural dimensions of "social interaction and social order". The integrativity of his concept has acquired new characteristics associated with a comprehensive analysis of culture, structure and action as dimensions of social reality. Eisenstadt defines civilizations as "a combination of ontological or cosmological ideas, ideas about transcendent and mundane realities with the definition, construction and regulation of the main arenas of social life and interactions"²²⁴. The core of civilizations is the symbolic and institutional relationship between the formulation, articulation, constant interpretation of the prevailing basic ideas, ideological premises and symbols in society, on the one hand, and the definition, structuring and regulation of the main institutional spheres, social stratification and the construction of collective identities, on the other.

Eisenstadt notes that one of the distinctive characteristics of axial civilizations is the formation of a new type of elite, the carrier of models of cultural and social orders.

---

²²² Arnason J.P. *Civilizational Patterns and Civilizing Processes*. P. 103–118. 38 Knorr-Cetina K. Introduction: The Micro-Sociological Challenge of Macro-Sociology: Towards a Reconstruction of Social Theory and Methodology // *Advances in Social Theory and Methodology / Karin Knorr-Cetina and Aaron Cicourel (eds.)*. New York: Methuen, 1981. P. 3-47.

²²³ Eisenstadt S.N. Introduction: Comparative Studies and Sociological Theory — from Comparative Studies to Civilizational Analysis: Autobiographical Notes // *Comparative Civilizations and Multiple Modernities*. Brill Academic Pub, 2003. Pages: vol. 1: xii, 488 pp., vol. 2: viii, 564 pp., SBN: 978-90-04-12993-1, p. 17-47.

²²⁴ Ibid.

It is cultural elites who create new ontologies and play an important role in the formation of civilizational communities and civilizational identity²²⁵.

The network concept of R. Collins' civilization is fundamentally different from the theories described above; it is based on a network approach²²⁶. This concept implements an integrative principle in sociology with the description of "zones of cultural prestige" as spheres of cultural influence, as networks formed by solidarity, identity, cultural symbols. Collins defines civilization as a dynamic network structure with a center generating cultural objects and through which cultural symbols circulate. Civilizations are formed around the production of a cultural product distributed through networks that are formed by the connections, interactions of its supporters, which supports their identity.

The levels of analysis in R. Collins' concept of civilization are as follows: the center is a zone of increased activity and impressive interactions with "magnetism" that attracts individuals; civilizational prestige is "patterns of social contacts, flows of people and their attention that transcends space"²²⁷. Collins considers civilizations as zones of the "attraction" of transnational, transsocietal network formations. Network structures create a "web" in which civilizational prestige spreads through different channels, penetrating into alien civilizational environments, intersecting with other civilizational zones and forming connections with them.

Thus, intercivilizational interactions have a network structure with centers and peripheries. The centers are "a social structure that stimulates intellectual creativity: organizational grounds for a small number of opposing schools, followers in other generations, clashing in intellectual rivalry in several centers of intellectual action"²²⁸.

The integrative perspective in the analysis of the formation of civilizational centers and in the dynamics of the expansion of zones of civilizational prestige is

---

²²⁵ Eisenstadt, S. (2000). The Civilizational Dimension in Sociological Analysis. Thesis Eleven. 62. 1-21. 10.1177/0725513600062000002.

²²⁶ Ibid, p. 55.

²²⁷ Prozorova Yulia Aleksandrovna Integrative perspective of civilizational analysis // St. Petersburg Sociology today. 2013. No. 4., p. 52 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/integrativnaya-perspektivav-tsvivilizatsionnom-analize> (accessed: 07.02.2023).

²²⁸ Ibid.

revealed in the process that Collins calls "civilizational import". It includes not only the transfer of individual cultural ideas, but also "forms of social structure"²²⁹.

Thus, the scientist describes the formation of new civilizations, which, due to a combination of borrowed and local, autochthonous civilizational components, become new social structures. In his civilizational construction, Collins assigns a separate place to intelligent networks and interactive rituals that are located on micro-level civilizational processes. Social interactions, interactive rituals and cultural and symbolic objects act as internal mechanisms that drive civilization. The concept of the Collins interactive ritual opens up a wide range of interpersonal and group interactions, in which network structures are formed²³⁰.

Interactive rituals support solidarity and civilizational identity. Micro-level interactive rituals form macrostructures – networks, so-called "ritual chains". In turn, they determine the identity, loyalty of people to civilizational symbols, and create civilizational capital.

The generalized analysis of existing civilizational concepts reflects the integration trend of the interconnection of macro- and micro-levels of consolidation, against the background of the expansion of re- and integration practices in various regions of the world. The Eurasian space occupies an important place in these transformations.

According to S. Huntington and O. Spengler, Russia is only approaching the phase of self-awareness. Russian Russian, in particular, O. Spengler states about the differences between the Russian and Western soul and about the falsification in Peter's Russia of Western European forms of state arrangement, inorganic and alien to the "prasybol" of Russian culture, tending to the "holy south", which means Byzantium²³¹. That is, the vector of cultural identity through the east-west opposition is used to understand the self-identification of the Russian civilization of the 21st century.

---

²²⁹ Prozorova Yulia Aleksandrovna Integrative perspective of civilizational analysis // St. Petersburg Sociology today. 2013. No. 4., p. 52 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/integrativnaya-perspektivav-tsvivilizatsionnom-analize> (accessed: 07.02.2023).

²³⁰ Collins R. The Sociology of Philosophies. A Global Theory of Intellectual Change. Harvard: Harvard University Press, 1998; Collins R. Interaction Ritual Chains. Princeton: Princeton University Press, 2004.

²³¹ Spengler, Theory and History of Culture 127 The civilizational identity of Russia in Advertising Discourse 1998, No. 2, pp. 197-198.

And Toynbee assigns Russia and Russian civilization a place in the group of satellite civilizations, noting its affiliation first to Orthodox Christian, then to Western civilizations²³². The French historian F. Braudel in his work "Grammar of Civilizations" operates with four civilizational "blocks": "Muslim World", "Black Continent / Black Africa", "Far East", "European civilizations"; among the latter he counts "Europe", "America", "Other Europe / Russia"²³³. Thus, Russia and Russian culture in civilizational concepts appear as a separate civilizational block with cultural characteristics. At the same time, the term "civilization" in the civilizational concepts of the second half of the twentieth century is identified with the word "world" (Islamic world, Russian world)²³⁴. Moreover, a synchronistic and pluralistic understanding of "civilization" prevails today: "the fact that there is almost a consensus in the use of the term "civilization" clearly indicates that the stadial (purely historicist and progressive) interpretation of this concept, which prevailed in the Modern era and was generally accepted in the 19th and the first half of the 20th century, has now clearly lost its relevance"²³⁵.

At the turn of the 19th-20th centuries, the Russian philosopher N.Y. Danilevsky proposed to consider civilization as a system of cultural elements (linguistic, religious, every day, social, political, scientific and artistic) common to a family of peoples that constitute a special cultural and historical type. In his understanding, civilization is the stage of the highest development of the spiritual and practical activity of the people.

N.Y. Danilevsky considers the nature of civilization in the context of the following positions:

– any tribe or family of peoples characterized by a separate language or a group of languages close to each other constitutes an original cultural and historical type if it is capable of historical development by its spiritual inclinations;

---

²³² Nikolaeva E.V. The civilizational identity of Russia in advertising discourse // Culture and civilization. 2015. No. 6. pp. 124-138. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25499671&ysclid=ldt6znb4ln183696196> (accessed: 07.02.2023).

²³³ Ibid.

²³⁴ Nikolaeva E.V. The civilizational identity of Russia in advertising discourse // Culture and civilization. 2015. No. 6. pp. 124-138. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25499671&ysclid=ldt6znb4ln183696196> (accessed: 07.02.2023).

²³⁵ Dugin A. G. Theory of the multipolar world. — M.: Eurasian Movement, 2012. — 532 p., il, p. 463.

– in order for a civilization peculiar to an original cultural and historical type to be born and develop, the political independence of its peoples is necessary;

– the beginnings of a civilization of one cultural and historical type are not transmitted to peoples of another type. Each type develops it for itself with more or less influence of the preceding or modern civilizations alien to it;

– the civilization peculiar to each cultural and historical type only reaches completeness, diversity and richness when the ethnographic elements that make up it are diverse, when they, not being absorbed into one political whole, using independence, make up a federation or a political system of the state²³⁶.

N.Y. Danilevsky distinguished ten original civilizations in world history, each characteristic of its own cultural and historical type²³⁷. The foundations of a civilization of one cultural and historical type are not transmitted to a civilization of another type. The period of growth of the cultural-historical type is unknown, but the period of its "flowering and fruiting" is short and at the same time once and for all "exhausts the vital forces of the cultural-historical type"²³⁸.

The significance of cultural and historical types is that each of them expresses the idea of a person in its own way, and these ideas, taken as a whole, constitute something universal. The domination of one cultural and historical type, spread throughout the world, can lead to the degradation of peoples.

N.Y. Danilevsky emphasized the hostile and aggressive nature of Western civilization in relation to the emerging distinctive Slavic type and insisted on the need for the formation of an All-Slavic Union - designed to serve as a guarantor of the world balance of the voluntary unification of Slavic peoples around Russia. Such an alliance, from N.Y. Danilevsky's point of view, should become a "purely defensive measure", because "whether a world monarchy, a world republic, or the « worldwide domination

---

²³⁶ Danilevsky N. Y. *Russia and Europe*. / Compilation and comments by Yu. A. Belov / Ed. by O. Platonov. – M.: Institute of Russian Civilization, 2008. — 816 p., p. 6.

²³⁷ Danilevsky N.Y. *Russia and Europe*. M.: Book, 1991. 576 P., p. 92.

²³⁸ Bazhov S.I. *Philosophy of History of N.Y. Danilevsky* / S. I. Bazhov; Russian Academy of Sciences, Institute of Philosophy. - Moscow : IFRAN, 1997. - 215 p.; 16 cm.; ISBN 5-201-01922-6 : B. ts. p. 59.

of one system of states, one cultural and historical type are equally harmful and dangerous for the progressive course of history"²³⁹.

N.Y Danilevsky, according to his theory of cultural and historical types, denied the possibility of a significant influence of the Slavic-Russian civilization on Western and other civilizations. At the same time, he believed that the future belongs to the Slavic (Russian) civilization. It is the Slavic civilization that should replace the fading Western one. The Slavic civilization, unlike the Western one, is not aggressive. In it, the social element prevails over the personal, individual, because the psychology of the Slavs was formed mainly under the influence of Orthodoxy.

Russia has to make a choice: either to create an all-Slavic civilization together with other Slavic peoples, or to completely lose its cultural and historical significance and become an ethnographic material for other civilizations²⁴⁰. At the same time, N.Y. Danilevsky believes that Russia belongs to a separate, Slavic cultural and historical type, which is just entering the period of civilization²⁴¹.

The reflections of N.Y. Danilevsky formed the basis of the Eurasian approach, the ideas of which are in demand in modern conditions, when the need to search for a new model of integration has increased significantly. We believe that classical Eurasianism is currently a conceptual social project, within the framework of which it is possible to receive an answer to the positive socio-humanitarian dominant of integration²⁴². Classical Eurasianism presented a number of theories of ethnic and intercultural interaction, ethnic identity, patriotism and nationalism²⁴³.

Russian Eurasians used the expression "state-world" (P.N. Savitsky). P.N. Savitsky understands "state-world", "empire" as a specific part of the world space, representing a civilizational unity (this is the basis of Eurasianism)²⁴⁴.

---

²³⁹ Danilevsky N. Ya. *Russia and Europe*. / Compilation and comments by Yu. A. Belov / Ed. by O. Platonov. – M.: Institute of Russian Civilization, 2008. — 816 p., p. 7.

²⁴⁰ Danilevsky N. Y. *Russia and Europe*. / Compilation and comments by Yu. A. Belov / Ed. by O. Platonov. – M.: Institute of Russian Civilization, 2008. — 816 p.

²⁴¹ Danilevsky N.Y. *Russia and Europe*. Moscow: Kniga, 1991. 576 P., p. 469-510.

²⁴² Valovaya M.D. *Russia and Eurasian integration: problems and prospects // Russia in the new socio-political reality: Monitoring challenges and risks*. Moscow, 2013. No. 1. pp. 112-113.

²⁴³ Orlova I.B. *Eurasia // The Sociological encyclopedia: In 2 vols. Vol. 1 /National General-Scientific Fund; Ruk. nauch. project G.Yu. Semigin; chief editor V.N. Ivanov. M., Mysl, 2003. p. 302.*

²⁴⁴ Дугин А.Г. *Теория многополярного мира*. — М.: Евразийское движение, 2012. — 532 с., ил.

Eurasia is the largest and richest region in the world. The biggest geopolitical catastrophe of the last century — the collapse of the USSR — changed the structure of the Eurasian space. Not by chance Z. Brzezinski, in his book *The Great Chessboard*, called Eurasia "the main geopolitical prize for America," emphasizing that "America's global primacy directly depends on how long and effectively its superiority on the Eurasian continent will be maintained"²⁴⁵.

Modern neo-Eurasianism justifies the processes of reintegration in the post-Soviet space, explains the reasons for the "gathering" of the temporarily dispersed Eurasian civilization. The collapse of the USSR, the formation of a split post-Soviet space, the geopolitical changes of the beginning of the 21st century actualized the neo-Eurasian approach to understanding the civilizational path of modern Russia. There was a need to search for new integration formats of interaction between the new national states – the former republics of the Soviet state. One of the first integration attempts was the creation of the organization of the Commonwealth of Independent States (CIS). The financial and economic crisis of 2008 contributed to the acceleration of integration processes in the post-Soviet space. The result of this crisis was a new round of integration of the post-Soviet period – the creation of the Eurasian Economic Union (EAEU) – the most promising integration project. It is believed that the EAEU should form a pole of geopolitical attraction in the post-Soviet space and a new, alternative center of power to the American and European ones²⁴⁶. Meanwhile, the West, being in search of modern solutions for the further development of Western civilization, is afraid of Russia's Eurasian initiatives, criticizing the idea of Eurasian integration²⁴⁷.

Thus, Russia is currently at the so-called civilizational crossroads. "Meanwhile, today Russia is experiencing not only the objective pressure of globalization on its

---

²⁴⁵ Brzezinski, Zbigniew (1928). *The Great Chessboard: [The dominance of America and its geostrategic imperatives: Translated from English] / Zbigniew Brzezinski*. - Moscow: Mezhdunar. relations, 1998. - 254,[1] p.: ill., maps; 21 cm. - (The Great Confrontation). - (The Great Confrontation). ISBN 5-7133-0967-3 (In transl.): B. C. S. 108-109.

²⁴⁶ Wei Chunjie No Eurasianism: Global challenges and a new World order in the political philosophy of A.G. Dugin // *World Politics*. 2021. No.2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evraziystvo-globalnye-vyzovy-i-novyy-miroporyadok-v-politicheskoy-filosofii-a-g-dugina> (accessed: 07.02.2023).

²⁴⁷ Charap, Samuel, Alyssa Demus, and Jeremy Shapiro, eds., *Getting Out from «InBetween»: Perspectives on the Regional Order in Post-Soviet Europe and Eurasia [Электронный ресурс] // Santa Monica, CA: RAND Corporation: 2018*. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/conf_proceedings/CF300/CF382/RAND_CF382.pdf (accessed: 07.02.2023).

national identity, but also the consequences of national catastrophes of the twentieth century, when we twice experienced the collapse of our statehood"²⁴⁸.

The modern civilizational development of Russia should be based on:

— the national idea and the search for identity. However, it should be a search for a new national idea. "The time has passed when ready-made models of living arrangements could be installed in another state simply as a computer program"²⁴⁹. "We need historical creativity, synthesis of the best national experience and ideas, understanding of our cultural, spiritual, political traditions from different points of view with the understanding that this is not a frozen something given forever, but a living organism. Only then will our identity be based on a solid foundation, will be turned to the future, and not to the past"²⁵⁰. The construction of the identity of the new Russia should take place taking into account its multinational and multi-confessional nature. This Eurasian reference is based on the civilizational understanding of Russia as a multi-ethnic and multi-confessional state with its own genetic code.

— Values of sovereignty. Sovereignty, independence, integrity for Russia are those "red lines" beyond which "no one can go"²⁵¹. The concept of patriotism should be the basis for building a sovereign State. "Patriotism, of course, in the purest sense of the word. Too often in national history, instead of opposition to the authorities, we face the opposition of Russia itself. And we know how it ended – the demolition of the state as such"²⁵².

— Historical values of Russia's collective Victories. Questions of evaluation of historical events, especially the Victory in the Great Patriotic War, split the country and society, becoming civilizational faults. "We must heal these wounds, restore the integrity of the historical fabric"²⁵³. Society should be proud of its history, collective

---

²⁴⁸ Transcript of Vladimir Putin's speech at the meeting of the Valdai Club. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19243> (accessed: 07.02.2023).

²⁴⁹ Ibid.

²⁵⁰ Ibid.

²⁵¹ Transcript of Vladimir Putin's speech at the meeting of the Valdai Club. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19243> (accessed: 07.02.2023).

²⁵² Ibid.

²⁵³ Ibid.

historical and geopolitical victories of previous generations. History should become a part of the Russian identity.

— The crisis of the West is a rejection of the roots. Russian identity is under pressure from events taking place in the world. First of all, it is the broadcast of the policy of "erasing" Russian, and secondly, the denial of moral principles, traditional identity and basic values. The result of this is a moral crisis of humanity and the popularization of the value of the family, children and the ability to reproduce themselves.

— The deadlock of unipolarity. The unipolar model of the world, the unification of the development of states, the blurring of the institute of international law led to a system of "vassal" governance. "Russia is with those who believe that key decisions should be worked out on a collective basis, and not at the discretion and in the interests of individual states or a group of countries. That international law should operate, and not the right of the strong, not the first law, that every country, every nation is not exceptional, but unique, of course, original, has equal rights, including the right to make an independent choice of its development. This is our conceptual view, it follows from our own historical destiny, from the role of Russia in world politics"²⁵⁴.

— The "blooming complexity" of Eurasia. Multiculturalism, polyethnicity is the basis of the historical consciousness of Russian society. Russia, as the philosopher Konstantin Leontiev figuratively said, has always developed as a "blooming complexity", as a state-civilization, cemented by the Russian people, the Russian language, Russian culture, the Russian Orthodox Church and other traditional religions of Russia. It is from the model of the state-civilization that the peculiarities of our state structure follow. It has always sought to flexibly take into account the national and religious specifics of certain territories, ensuring diversity in unity"²⁵⁵.

— Education of a patriot and the principles of self-government. In order to achieve this position, the role of education increases not just for the education of the individual, but for the formation of a patriot. "A citizen is someone who is able to

---

²⁵⁴ Transcript of Vladimir Putin's speech at the meeting of the Valdai Club. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19243> (accessed: 07.02.2023).

²⁵⁵ Ibid.

manage his own affairs independently, freely cooperating with his equals. And the best school of citizenship is local self-government and amateur organizations of citizens"²⁵⁶. Here we mean civil, volunteer and patriotic movements.

— The development of Russian federalism. "There is a very great potential in the construction of Russian federalism. We need to learn how to use it competently, not forgetting the main thing: the development of regions, their independence should work to create equal opportunities for all citizens of the country, regardless of their place of residence; to eliminate imbalances in the economic and social development of the territories of Russia, and therefore to strengthen the unity of the country"²⁵⁷.

Thus, the provisions presented by the country's leadership reflect the conceptual positions of the Eurasian approach. And the Eurasian integration itself is perceived as "a chance for the entire post-Soviet space to become an independent center of global development, and not a periphery for Europe or Asia"²⁵⁸.

Taking into account the understanding of the civilizational construct of Eurasian consolidation in classical Eurasianism and its new interpretations, it can be concluded that the indicators of Eurasian integration are: 1) forms of identity, 2) the image of the sovereignty of the Russian state and the image of Russia, 3) components of historical collective memory, 4) the value and semantic field of society, 5) understanding of Russia in the global context, 6) interethnic and interfaith harmony, 7) patriotism and citizenship, 8) regionalism and infrastructure of regional territories.

However, taking into account the intensification of cognitive wars and information warfare, specialists involved in the process of making state decisions need to realize that the management of large-scale social systems, like the Eurasian one, should be developed taking into account the communicative factor that can transform the civilizational foundations of the Eurasian system.

In this perspective, it is important to understand the significance of modern network wars – a completely new social and civilizational phenomenon that has

---

²⁵⁶ Transcript of Vladimir Putin's speech at the meeting of the Valdai Club. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19243> (accessed: 07.02.2023).

²⁵⁷ Ibid.

²⁵⁸ Transcript of Vladimir Putin's speech at the meeting of the Valdai Club. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19243> (accessed: 07.02.2023).

fundamentally new goals and means of warfare. Network wars are based on the theory of "controlled chaos"²⁵⁹. "Technologies of controlled chaos are a new type of weapons of mass destruction currently uncontrolled by international organizations to establish world order in the interests of the party using it. Technologies of controlled chaos are a tool in the world project struggle of "waging wars"^{260 261}.

The strategy of network wars is aimed at achieving a powerful destructive impact, which should cover all spheres of society, including its civilizational foundations. Network warfare uses DIMET operations, which stands for: Diplomacy, Information Operations, Armed Forces, Economics and Technology²⁶². The mechanism of these operations implements the principle of cross-border pressure, the main purpose of which is to destroy all the key relationships of a social object, which are included in the network of internal and external destructive models. The network of destructive models becomes a generator of increasing chaotic processes, a multiplier of environmental, existential risks; the civilizational foundations of the system are being systematically attacked. This leads to a complete loss of management efficiency and loss of control over all the system elements and, ultimately, to the destruction of territorial integrity, regime change and the establishment of a "puppet" government²⁶³. The consequences of the network war are uncontrolled corruption; the shadow financial market; the loss of full control over the national credit, financial and investment systems; the redistribution of property and the formation of new financial and political elites; illegal arms trafficking; terrorist acts; the growth of crime and violence; the destruction of education, science and health systems; the loss of information and digital sovereignty etc.²⁶⁴

The very essence of network wars is that they should always be waged – in military, crisis periods, and in peacetime, and against all without exception (opponents,

---

²⁵⁹ Lepsky V. E. Technologies of controlled chaos – weapons of destruction of subjectivity of development // Information wars. 2010. No. 4 (16). pp. 69-78. URL: http://reflexion.ru/Library/Lepsky_2010.pdf (accessed: 07.02.2023).

²⁶⁰ Ibid.

²⁶¹ Mann S.R. Chaos Theory in Strategic Thought // Parametes. Autumn 1992. P. 62. Цит. по: M.S.G. Nitzschke. United States Marine Corps Vietnam: A Complex Adaptive Perspective Mann, Steven R. Chaos Theory and Strategic Thought // Parameters (US Army War College Quarterly), Vol. XXII, Autumn 1992, pp. 54-68.

²⁶² Andreev E.M. Modern processes of Eurasian integration: actual problems of research and practical implementation // Socio-humanitarian knowledge. 2015. No.6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-protsessy-evraziyskoy-integratsii-aktualnye-problemy-issledovaniya-i-prakticheskoy-realizatsii> (accessed: 07.02.2023).

²⁶³ Ibid.

²⁶⁴ Ibid.

neutral forces or friendly actors. This means that no matter how Russia builds its relations with the United States as a key international actor of network wars, a full-fledged and fundamental network war will be always waged against it.

Systemic network – centric operations are a postmodern analogue of colonization and subjugation, carried out in new conditions, in new formats and using new communication technologies. The network is a more flexible weapon, it manipulates violence and military force only in extreme cases, and the main results are achieved in contextual influence on a wide range of factors – civilizational, informational, social, cognitive, etc.²⁶⁵

The network war can be resisted with the help of the awareness of the peoples of Russia of cultural and historical kinship with the peoples of Eurasia, belonging to a single whole; the development of the desire of Russian society to know not only the Western, but also the eastern component of Eurasian culture²⁶⁶.

Thus, when formulating the methodological foundations of the new Eurasian integration project, it must be remembered that the United States and the collective West will actively oppose all attempts to consolidate in the Eurasian space under the auspices of Russia. Integration processes in the understanding of modern Western ideologists should form socio-political communities through the erosion of the sovereignty of the member countries of the integration project, rather than strengthening²⁶⁷.

The new Russian integration project is a global application for an independent, constructive position in the world. The project of the Eurasian integration that has begun is based on the socio-cultural mission of Russia, on the alternative to the West with its policy of "controlled chaos", on the diversity and uniqueness of the world as a whole.

---

²⁶⁵ Report to the Izborsky Club of A.Dugin with the participation of V. Korovin and A. Bovdunov. URL: <https://izborsk-club.ru/2318?ysclid=ldq8ks3lu787693690> (accessed: 07.02.2023).

²⁶⁶ Andreev E.M. Modern processes of Eurasian integration: actual problems of research and practical implementation // Socio-humanitarian knowledge. 2015. No.6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-protsessy-evraziyskoy-integratsii-aktualnye-problemy-issledovaniya-i-prakticheskoy-realizatsii> (accessed: 07.02.2023).

²⁶⁷ Mitrany, David. A Working Peace System / David Mitrany. — London: Royal Institute of International Affairs, 1943.

At the same time, the need to integrate its civilizational space is natural for Russia. After thirty years of socio-economic and political upheavals, modern Russia is becoming a leading global player and is striving to unite Eurasia, based on the principles of trust, solidarity, respect for other nationalities, cultures and faiths.

Objective grounds are necessary for the implementation of such large-scale historical processes as the Eurasian integration project and integration trends in the post-Soviet space. Russia has them: a special culturally civilized code, successful experience in creating highly complex social systems (the Russian Empire and the USSR), experience in rebuilding the world socio-economic system in the practice of systemic anti-capitalism (Warsaw Bloc countries), etc.²⁶⁸

In the foreseeable future, it is planned to reintegrate on a civilizational basis that Eurasian community of historically related, but split peoples, which has gained new significance in the face of the challenges and risks of the modern insecure world. "A new integration project for Eurasia is the future that is being born today" – this is how the President of Russia called his program article published in Izvestia in October 2011²⁶⁹. The Eurasian integration project, which began with the reunification of the Republic of Crimea and Sevastopol with Russia, is, without exaggeration, a historic milestone not only for individual territories, but also for all states in the post-Soviet space. In fact, today we are searching for a model that would help preserve the civilizational ties that unite peoples in the post-Soviet space.

More generally, the current situation reflects the collision of two concepts and models of world development – unipolar (the United States and its allies) and multipolar. The new Russian integration project for Eurasia is aimed at creating a different concept based on the creation of a new social order. The establishment of such a social order is carried out from the perspective of designing an independent

---

²⁶⁸ Ponomareva E.G., Rudov G.A. Eurasian integration and the civilizational space of Russia // Obozrevatel - Observer. 2013. No. 9 (284). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evraziyskaya-integratsiya-i-tsilivizatsionnoe-prostranstvo-rossii> (accessed: 07.02.2023).

²⁶⁹ Putin V. V. A new integration project for Eurasia - the future that is being born today // Eurasian integration: economics, law, politics. 2011. №10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novyy-integratsionnyy-proekt-dlya-evrazii-budushee-kotoroe-rozhdaetsya-segodnya> (accessed: 07.02.2023).

civilizational center, realizing one's own distinctive path, building one's own civilizational matrix, the ideological source of which is Eurasianism.

The civilizational foundations of the integration of the Republic of Crimea and Sevastopol into the Russian space in the context of the modern neo-Eurasian concept can be considered as three principles: the first — as a component of the national idea; the second methodological principle — the connection with the common historical fate of the peoples of the post-Soviet space; the third — the formation of Russian identity within the framework of the Eurasian civilization being created through the reflection of the polyethnic and poly-confessional character of the post-Soviet space, the position of Russia as a bridge between East and West.

§ 2.2. Social integration of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol in the context of transformation of collective memory, identity and value-semantic field

The problem of social integration of an individual and a social group is one of the most difficult problems of modern social sciences. Social integration is one of the main factors of historical cultural variability, sociocultural transformation of the community, changes in the properties of consciousness and behavior of individuals and social groups. In the works of evolutionists of the 19th century (G. Spencer, L. Morgan), cultural adaptation is a condition for integration and is determined as a dominant factor of the sociocultural diversity of mankind, the pace and specifics of the sociocultural evolution of communities.

At the individual level, social integration goes through a number of stages – from getting an individual into a new environment for him to radical changes in the social conditions of his life. At the same time, this process is accompanied by acculturation, combining the old stereotypes of consciousness and behavior with the development of new ones, with the loss of the old socio-cultural patterns (values, patterns, norms). One

of the fundamental characteristics of social integration is the adequacy of the individual's response to the impact of the new social environment, which manifests itself in the conscious choice of new models of social activity, in new forms of identities that are consistent with the conditions of the host environment. In addition, the host community reacts in a certain way to contact with representatives of other communities and chooses various strategies of cooperation – from total rejection, conflict, rejection to a conciliatory attitude towards them, readiness for constructive dialogue and acceptable intercultural communication²⁷⁰.

In our case, the inhabitants of the Crimean Peninsula went through two stages: inculturation and acculturation. Inculturation is a process that connects developing individuals with the original socio-cultural context, acculturation is a form of social change as a result of contact with other cultures (J. Berry)²⁷¹.

The inculturation of Crimeans and Sevastopol residents until 2014 was in a socio-cultural space that was historically and civilizationally connected with Russia, in which social and political agents of influence from the Russian Federation worked, in particular, in the educational environment – a branch of the Moscow State University named after M.V. Lomonosov in Sevastopol, in the socio-cultural – Moscow Cultural and Business Center "House of Moscow in Sevastopol", the Russian Cultural Center created by the Moscow-Crimea Foundation in Simferopol, in the infrastructure – the construction of museums with Russian participation, school No. 8 in Sevastopol, Moscow's participation in the development of the resort and recreational complex eastern Crimea, in the military-civil — the presence of the main naval base of the Black Sea Fleet of the Russian Navy in Sevastopol, the construction of housing for servicemen of the Black Sea Fleet of the Russian Federation.

---

²⁷⁰ The policy of integration of migrants in Russia: challenges, potential, risks: workbook / [V.I. Mukomel]; [Editor-in-Chief I.S. Ivanov]; Russian Council for International Relations. affairs (RIAC). — M.: Special Book, 2013. — 34 p. — ISBN 978-5-91891-215-7.

²⁷¹ Berry, J. V., Poortinga, Y. H., Segall, M. H., & Dasen, P. R. (2009). Cross-cultural psychology: Research and applications. Kharkiv: Humanitarian Centre ISBN 966-8324-30-7 December 2020 Publisher: Kharkiv: Humanitarian Centre ISBN: 966-8324-30-7. URL: https://www.researchgate.net/publication/347911558_Berry_J_W_Poortinga_Y_H_Segall_M_H_Dasen_P_R_2009_Kross-kulturnaa_psihologia_issledovania_i_prilozenia_Kharkov_Humanitarian_Centre_ISBN_966-8324-30-7 (accessed: 07.02.2023).

The acculturation period formally took place after 2014, but was differentiated in the Republic of Crimea and Sevastopol, which will be the subject of part of the third chapter of the work. The final result of the process of social identification, identification of Crimeans and Sevastopol residents with the cultural values and norms of the host — Russian — society is the group level of integration or acculturation (national, religious, political, social, etc.).

The study of social integration, in which a person attains compliance with the new socio-cultural environment, accepting its traditions, is becoming increasingly important, taking into account the increased pace of social changes associated with migration processes and reintegration trends on individual territories²⁷².

The main types of an individual's integration process are active (predominance of active influence on the social and cultural environment) and passive (conformal acceptance of the value orientations of the host society). There can be no passive acceptance of the value-semantic orientations of the new environment without changing the previous identity.

Identity as a form of collective consciousness of a person is formed as a result of socio-cultural interaction with other groups. Identity is considered as an internal identity and cultural-historical continuity of a person (E. Erickson). Identity is interpreted as a socio-cultural mechanism of socialization of an individual's acceptance of social roles, assimilation of socio-cultural patterns and behaviors (Ch. Cooley, J. G. Mead, T. Parsons, I. Hoffman). Among the models of typologization of identities, there are positive and negative (E. Erickson); a model of the correlation of the social determination of identity and personal freedom, conscious and unconscious identity (J. Mead); personal and social identity in I-identity (Y. Habermas).

Within the framework of symbolic interactionism, identity is considered as a result of social interaction and as a factor determining this interaction (J. Mead, C. Cooley). An individual, living several social roles, has a set of identities (according

---

²⁷² Strashko E. V., Yarmak O. V., Deryugin P. P., Yarmak V. E., Astrakhanseva E. A. Factor analysis of investment attractiveness and human capital of regions with world-class scientific and educational centers // Russian Journal of Management. Volume 9. Number 1. pp. 171-175. URL: <https://doi.org/10.29039/2409-6024-2021-9-1-171-175> ; <https://riorpub.com/ru/nauka/article/42636/view> ; <https://elibrary.ru/item.asp?id=45623802> (accessed: 07.02.2023).

to the type of "stigmatized identity" by I. Hoffman). Phenomenology P. Berger and T. Lukman considered individuals as active social agents who construct social reality and create models of social relationships. P. Berger et al. Lukman, exploring the phenomenon of identity, used the concepts of "successful" and "unsuccessful" socialization. "Absolutely successful socialization" is difficult to achieve, "unsuccessful socialization" is understood in the context of subjective and objective realities²⁷³. Identity concepts have shown that the latter are formed under the influence of social circumstances – with the change of society, identities also change.

Ethnic identity features are revealed in studies of ethnicity and interethnic harmony, which are attempts to create a holistic socio-cultural picture of the integration of a certain territory, limited by spatial parameters and natural and geographical factors. The reflection and indicator of consolidation processes in the interethnic space is the national-state identity. The concept of national-civil identity Russian sociologist L.M. Drobizheva revealed in this way: "the concept of national-civic identity includes not only loyalty to the state, but also identification with the citizens of the country, ideas about this community, responsibility for the fate of the country and feelings experienced by people (pride, resentment, disappointment, pessimism or enthusiasm), we understand that there are cognitive, emotional and regulatory elements (readiness to act in the name of these ideas and experiences)"²⁷⁴.

"Ethnic identity, as well as state identity, is widely understood, not only as self-identification, but also the idea of one's people, their language, culture, territory, interests, as well as an emotional attitude towards them, and under certain conditions a willingness to act in the name of these ideas"²⁷⁵. This interpretation of ethnic identity allows us to analyze how political, socio-cultural, and economic changes are reflected in national-state and national identities. It is in this perspective that the author analyzes the

---

²⁷³ Berger, P. L. and T. Luckmann (1966), *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*, Garden City, NY: Anchor Books. ISBN 0-385-05898-5; ISBN 0140135480 (h.); ISBN 0713900199 (ib.); ISBN 9780140135480 (h.).

²⁷⁴ Drobizheva L. M. 2008. National-civil and ethnic identity: problems of positive compatibility // *Russia is reforming. Yearbook* / Ed. by M. K. Gorshkov. Issue 7. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. pp. 214-228.

²⁷⁵ *Ibid*, p. 214-228.

formation of the national and state identity of the inhabitants of the peninsula, which is in a transitional (borderline) state after the events of the Crimean Spring²⁷⁶.

The study of the correlation of personal and collective identities is present in the studies of G. Tegefel²⁷⁷ and J. Turner^{278 279}, the main idea of which is that there is a socio-behavioral continuum of interpersonal interaction and interaction of representatives of certain communities. Interpersonal interaction involves the actualization of personal identity, the interaction of representatives of certain communities – collective identity²⁸⁰. The main element of the theory of G. Tadjefela are the motives of positive self-esteem, that is, a person focuses on intergroup behaviors if they receive a positive self-esteem. J. Turner developed a cognitive "theory of self-categorization", the essence of which lies in the possibility of self-determination at three functionally different levels - universal, personal and collective²⁸¹.

According to L.M. Drobizheva, identity is "... the correlation of a person with a group, ideas about a group, social mechanisms of self-determination of individuals in diverse groups... Each of them includes individual and collective identities of different scale and content"²⁸². Personal identity is interpreted as a set of individual characteristics characterized by constancy and continuity in time and space, which makes it possible to differentiate one individual from others. Collective identity is interpreted in terms of belonging to a social group, "inclusion" in the social stratum. There are two different aspects of collective identity: from the point of view of "ingroup similarity" (on the principle of uniformity and similarity) and from the point of view of outgroup or "intercategory differentiation" (people differ from those who belong not to their, but to an "alien" group)²⁸³. These processes are only different at first glance, but

---

²⁷⁶ Yarmak O.V., Nelina L. P., Yarmak V. E. Interethnic and interreligious harmony among Crimean students // Bulletin of the Institute of Sociology. 2019. Volume 10. No. 3. C. 96-112. DOI: 10.19181/vis.2019.30.3.592 (accessed 07.02.2023).

²⁷⁷ Tajfel H. Social identity & intergroup relations. Cambridge, Paris. 1982.

²⁷⁸ Turner J. The experimental social psychology of intergroup behaviour//Intergroup Behaviour/Eds J.Turner, H. Giles/Oxford, 1981. P. 66-101.

²⁷⁹ Ibid.

²⁸⁰ Tajfel H., Turner J.C. An integrative theory of intergroup conflict.// W.G. Austin, S Worchel (eds.). The social psychology of intergroup relations. Monterrey, Calif., 1979.

²⁸¹ Tajfel H., Turner J.C. An integrative theory of intergroup conflict.// W.G. Austin, S Worchel (eds.). The social psychology of intergroup relations. Monterrey, Calif., 1979.

²⁸² Drobizheva, L. M. Social problems of interethnic relations in post-Soviet Russia. - M.: IS RAS, 2003. – 336 p.

²⁸³ Ibid.

in fact they are mutually conditioned: maximum identification with an ingroup is an ingroup identification, and similarity increases the level of differentiation of this group from "alien" groups.

L.M. Drobizheva identifies such components of collective identity as "self-identification (attribution of oneself to an ethnic group), ideas about the group - "the image of "We"", which includes autostereotypes (ideas about oneself), which are formed on the basis of correlation with heterostereotypes (ideas about others), as well as ideas about culture, language, territory of residence, historical past, statehood. This whole set of representations is usually present at the group identity level"²⁸⁴.

Soviet and Russian sociologist V.A. Yadov distinguishes between the concepts of identity as a certain state and identification as a process that leads to this state; collective identification is designated in the form of "group identifications of personality, that is, self-determination of individuals in the socio-group space with respect to diverse communities as "their" and "not their""²⁸⁵. Classifying objects of collective identification, "diverse minimal groups", V.A. Yadov identifies micro- and macro-social levels – "groups of direct communication" and "symbolic communities" ("my generation"), "primordial (traditional) communities", "ethno-national communities" and "modern communities", "communities of the same political orientation or sharing similar views and values", "citizens of a given state or community of states"²⁸⁶.

Analyzing the way collective identity functions, its domestic researcher Y.L. Kachanov identifies situational identity conditioned by the situation and suprasituational identity determined not by the social situation, but by the position of a person in it, in the social space²⁸⁷. In this case, situational social identity serves as a

---

²⁸⁴ Drobizheva, L. M. Social problems of interethnic relations in post-Soviet Russia. - M.: IS RAS, 2003. – 336 p.

²⁸⁵ Yadov V. A. Social and socio-psychological mechanisms of formation of social identity of a person // The world of Russia. Sociology. Ethnology. 1995. No.3-4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-i-sotsialno-psihologicheskie-mehanizmy-formirovaniya-sotsialnoy-identichnosti-lichnosti> (accessed: 07.02.2023).

²⁸⁶ Ibid.

²⁸⁷ Kachanov Y. L. The problem of situational and transversal identity of a person as an agent of social relations // Psychology of self-consciousness. Samara, 2003. p. 615. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22619041&ysclid=ldtcaavjc1116449406> (accessed: 07.02.2023).

generator of macrosocial identification. Thus, collective identity connects history, society and culture.

The approach of the Norwegian social anthropologist F. Barth to the study of the ethnicity of individuals and groups for the author's analysis is interesting because ethnic groups are formed at the boundaries of interaction with other ethnic groups, and these boundaries are understood not as geographical, but as social. Significant for the topic of this study are his reflections on the change of identity, how in one or two generations people from one ethnic category can turn into representatives of another, that is, change the ethnic "label"²⁸⁸. Barth's approach to the study of identity change in the border state of society contributes to the analysis of the process of identity formation of residents of the Crimean Peninsula in a new socio-political reality²⁸⁹.

Important for the author's research are Barth's ideas about the relationship between identities and values: the more differences between value orientations, the more restrictions are imposed on interethnic interaction, which affects the behavior of people – they fear that their behavior does not correspond to representatives of groups with a similar identity, associating themselves with a certain ethnic cluster. The formation of such a new field with moving ethnic borders creates a kind of network – a system of relationships in which values are exchanged. Members of such a network behave as if ethnicity "does not matter", or there are paradoxical situations: when ethnic status forms relationships in a public network. The author tried to understand how social processes contribute to the preservation of ethnic status, what happens when ethnic characteristics are eroded or changed, do they cease to be representatives of this nationality from the point of view of the social environment and do they stop to be associated with this identity?

The described situations, when the borders of ethnic groups are transformed, form new forms of identity – a multi-layered identity. According to L.M. Drobizheva,

---

²⁸⁸ Shkaidierova T.V., Yarmak O.V., Tsepikova A.S., Marunchak A.G. Identity of residents of the Crimean Peninsula: is there a change of ethnic borders? // *Modern Science and Innovation*, No. 1 (33), 2021, p.114-122. Founders: North Caucasus Federal University ISSN: 2307-910X DOI: 10.37493/2307-910X.2021.1.18 URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46501764> (accessed: 07.02.2023).

²⁸⁹ *Ethnic groups and social boundaries : the social organization of cultural differences* / ed. Fredrik Barth ; [trans . from English: Igor Pilshchikov]. - Moscow : New Publishing House, 2006 (Khimki : Type. "Moment"). - 198, [1] p. : ill.; 20 cm. - (New borders).; ISBN 5-98379-064-1/

"double, triple and more identity in the modern world is a frequent phenomenon"²⁹⁰. In this regard, the researcher identifies three types of identity: Russian (national), ethnic and republican identity²⁹¹.

The formation of a multi-layered identity is observed among Crimeans and Sevastopol residents during integration into the Russian space. This is evident in various ethnic groups of residents of the Crimean Peninsula. In particular, the identity of the Crimean Tatar group is based on "land" attachment, gender and confessional identity. Cultural and ethnic factors influence the formation of identity of Ukrainians and Crimean Tatars: belonging to a common culture, nationality and faith is strong in these groups. The identity of a group of Russians is based, first of all, on the basis of belonging to the Russian state, to the Crimea and their city as a territory of residence, is formed under the influence of generational, political (political views) and economic (standard of living) factors²⁹².

Modern studies of collective identities are the development of the scientific sociological discourse of the 19th century – the theories of "psychology of peoples" and "spirit of peoples". According to V. Wundt, studies of the psychology of peoples have an abstract part, which tries to explain the general conditions and laws of the "national spirit" (Volksgeist), leaving aside individual peoples and their history; and a concrete one, whose task is to characterize the spirit of individual peoples and their special forms of development²⁹³.

With the formation of social anthropology in the first half of the 20th century, the subject of analysis changed: now it is not the culture of an ethnic group itself, but an ethnic group as a social group that enters into intergroup interaction with other communities. Within the framework of social anthropology, problems of ethnicity have been developed throughout the twentieth century. According to Russian sociologist

---

²⁹⁰ Drobizheva L.M. Social problems of interethnic relations in post—Soviet Russia. - M.: Center for Universal Values, 2003. — 376 p.

²⁹¹ Ibid.

²⁹² Shkaiderova T. V., Yarmak O. V., Tsepikova A. S., Maranchak A. G. Identity of residents of the Crimean Peninsula: is there a change of ethnic borders? // Modern Science and Innovation, No. 1 (33), 2021, pp. 114-122. Founders: North Caucasus Federal University ISSN: 2307-910X DAY: 10.37493/2307-910X.2021.1.18. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46501764> (accessed: 07.02.2023).

²⁹³ Wundt, Wilhelm. Psychology of Peoples / Wilhelm Wundt. - Moscow: EKSMO; St. Petersburg: Terra fantastica, 2002. - 861, [2] p.; 21 cm. - (Anthology of Thought).; ISBN 5-7921-0559-6 p. 14

N.G. Skvortsov, their study is connected with the activities of three scientific schools: the Manchester School (M. Glackman, A. Cohen, K. Mitchell, F. Meyer, A.L. Epstein), the anthropological school (F. Barth, T.H. Eriksen) and the Russian ethnographic, in which the theory of ethnos was developed under the leadership of Y.V. Bromley²⁹⁴. According to N.G. Skvortsov, "ethnicity" "not only does not have a clear scientific definition, but also admits a very contradictory interpretation"²⁹⁵.

Social anthropologist A.L. Epstein believes that ethnic identity is "a kind of final identity that includes a whole series of statuses, roles and lesser identities"²⁹⁶. Epstein notes that due to the processes of socio-cultural transformations, ethnic identity does not disappear, but, on the contrary, takes new forms.

Within the framework of the author's research interest, interethnic harmony is analyzed, which is understood by the author as the achievement of positive interethnic relations and contacts, coordinated value orientations as readiness for interethnic interaction and the ability of people to live in a multiethnic community^{297 298}. Turning to the category of interethnic harmony, we understand that in its structure and content it is broader than the concept of interethnic tolerance. Interethnic agreement includes not only dialogical interethnic and interreligious values and attitudes, but also interethnic contacts, readiness to achieve interethnic trust. This is the approach to the analysis of interethnic harmony used by the Russian sociologist L.M. Drobizheva: "'interethnic harmony" is a broader concept than "positive interethnic relations" and "tolerance"²⁹⁹. It includes not only favorable interethnic attitudes, willingness to deal with people of other nationalities in professional and informal spheres of communication, but also the value of dialogue settlement of contradictory situations, interpersonal and intergroup

---

²⁹⁴ Skvortsov N. G. The problem of ethnicity in social anthropology. St. Petersburg, 1997. p. 183. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22642731&ysclid=ldtcj8pe092094495> (accessed: 07.02.2023).

²⁹⁵ Ibid.

²⁹⁶ Ibid.

²⁹⁷ Yarmak O.V., Nelina L.P., Yarmak V.E. Interethnic and interreligious harmony among Crimean students // Bulletin of the Institute of Sociology. 2019. Volume 10. No. 3. C. 96-112. DOI: 10.19181/vis.2019.30.3.592 (accessed 07.02.2023).

²⁹⁸ Skatkov A.V., Voronin D.Yu., Yarmak O.V., Kuznetsov P.N., Evstigneev V.P. Evaluation of the dynamics of interethnic harmony when using a set of Markov and semi-Markov models // International Journal of Open Information Technologies. 2021. Vol. 9. No. 2. pp. 59-64. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44683447> ; <http://www.injoit.org/index.php/j1/article/view/1072> (accessed: 07.02.2023).

²⁹⁹ Drobizheva L.M. 2003. Social problems of interethnic relations in post-Soviet Russia. Moscow: Center of Universal Values. 376 p.

trust, coordinated value orientations, a common vision of the image of the world. All this is manifested in the ability of people to live in a complex, diverse world, to interact with each other on the principles of trust, equality and justice³⁰⁰.

Thus, the criteria of social integration are national-state identity, consistency of identity levels and layers, achievement of a positive image of the state and interethnic harmony.

Value shifts in the mass consciousness often occur during a period of radical changes in society. And such a significant geopolitical event as the reunification of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol with the Russian Federation has outlined the problems of forming a new semantic and value field among the inhabitants of the peninsula, which is complicated by the fact that the value orientations of people of different ethnicities were created in different historical and socio-cultural environments. In this regard, from the perspective of the author's research, it was important to understand not only the process of achieving interethnic harmony, the national and state identity of Crimean and Sevastopol residents, but also the structure of their value consciousness, life priorities and strategies, attitudes towards various ethnic groups.

Turning to the approach of the researchers of the values of the Russian classics of sociology A.G. Zdravomyslov and V. A. Yadov, it is important for the author to understand the value as components of the personality structure, with the help of which her thoughts and feelings are formed and from the point of view of which many life issues are solved³⁰¹. Sociologist R. Inglehart, analyzing values, attributed them to human needs and distinguished materialistic (material and physical security), post-materialistic (freedom, participation, self-expression) and self-expression values (interpersonal trust, happiness, tolerance)³⁰². A detailed author's analysis of the dynamic changes in the structure of the value orientations of the peninsula inhabitants during

---

³⁰⁰ Drobizheva L.M. 2015. The potential of interethnic harmony: understanding the concept and social practice in Moscow // Sociological Research. No. 11. pp. 80-90.

³⁰¹ Zdravomyslov A.G., Yadov V. A. 1965. Attitude to work and value orientations of the individual. In: Sociology in the USSR. M.: Mysl. Vol. 2.

³⁰² Inglehart, Ronald (1934-). Modernization, cultural change and democracy [Text]: the sequence of human development / Ronald Inglehart, Christian Welzel; [trans. M. Korobochkin]; Liberal Mission Foundation. - Moscow: New Publishing House, 2011. - 462, [1] p.: ill., table.; 20 cm. - (Library of the Liberal Mission Foundation).; ISBN 978-5-98379-144-2.

integration, based on the Inglehart approach, will be presented in the third chapter of the work.

Another important observation that is taking place in the modern world and has a special acuteness in the re- and integration processes is manipulation, reformatting and transformation of historical memory. Indeed, recently the processes of manipulation with ethnic history and cultural symbols have been recorded in order to transform and construct ethnic identity. These examples also have theoretical foundations – a constructivist approach to ethnicity, focused on the works of F. Bart, examines the mechanisms of the formation of ethnicity through the manipulation of the social identity of the group.

The vector of transformation of personal identity differentiates the types and forms of integration. With the active-integration type, a change in cultural identity occurs, and the personality actively influences the new cultural environment. With passive integration directed inward, one's own social attitudes and habitual instrumental, behavioral stereotypes are corrected.

The construction of identity depends on the manifestations of the external environment and the nature of the individual's integration with it. In fact, integration is the result expressed in the balance of the individual with the requirements of the external space. And in this regard, two levels of integration are distinguished: adaptability, in which the personality lacks anxiety and tension, and maladaptation, when anxiety prevails over other social moods (E. Erickson)³⁰³. According to E. Erickson, the adaptation process is described by the formula: contradiction – anxiety – protective reactions of the individual in the environment – harmonic balance or conflict³⁰⁴. That is, conflict is one of the possible, but not mandatory, outcomes of the interaction of the individual and the socio-cultural environment. Another possible outcome is the cooperation and harmony of the individual and the environment.

---

³⁰³ Ivanov A.V. Theory of social trust: methodological problems of socio-philosophical conceptualization // Modern problems of science and education. – 2015. – № 1-1.; URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=18840> (accessed: 07.02.2023).

³⁰⁴ Ibid.

The formation of the necessary personal qualities in an adapting individual is described in A. Maslow's approach³⁰⁵. The process of adaptation is described by the formula: conflict – frustration – adaptation. Moreover, the conflict arises when reality does not mismatch with any needs of the individual in general, but only when the fundamental – basic – needs of the individual are alienated, among which A. Maslow relates the need for security (basic physiological), the need for identity and belonging to an ethno-cultural group (affiliation needs), the need for respect, recognition, love and the need for self-actualization³⁰⁶. According to A. Maslow, the criteria of constructive reactions are the determination of their requirements of the social environment, certain changes in personal character and interpersonal interaction³⁰⁷. Aggression is a sign of non-constructive characteristics of integration. Under the conditions of manipulation, it is possible to transform the process of conflict, frustration and adaptation.

Another kind of manipulation in modern conditions is the "memory wars", which manifest themselves in the purposeful distortion of historical facts, events, as well as in the destruction of spiritual and material historical and cultural monuments of certain peoples and states. The main purpose of the "memory wars" is to influence public consciousness in order to destroy, distort, change the collective historical memory of peoples, states and humanity as a whole, to create on this basis a new image of history capable of influencing the worldview and identity of new generations in a certain way.

Forms and mechanisms of representation of memory, memorial symbols, commemorative rituals have become the subject of social theorizing, in particular, memory is understood as a tool for constructing a person's social identity. Memory is historical, as it is a way for people to construct their past. On the one hand, it can be studied as evidence of people who have experienced some collective experience (for example, the Great Patriotic War, the Crimean Spring, the referendum on the entry of the Republic of Crimea and Sevastopol into Russia); on the other hand, it is the

---

³⁰⁵ Maslow, Abraham Harold (1908-1970). *Motivation and personality* [Text] / Abraham Maslow; [trans. from the English T. Gutman, N. Mukhina]. - 3rd ed. - Moscow [et al.]: Peter, 2013. - 351 p.; 24 cm. - (Masters of Psychology).; ISBN 978-5-459-00494-7.

³⁰⁶ Ibid.

³⁰⁷ Ibid.

representation of the past and its construction through media, visual symbols and communication networks.

The formation of collective memory as a scientific category took place on the pages of the journal "History and memory", which considered collective memory as not a "mistake"³⁰⁸. Collective memory in the sociological tradition is considered as a reaction to the destructive criticism of history, as a way of comprehending the past from the side of structuralism, poststructuralism, postmodernism, deconstructivism and posthistory³⁰⁹. But, having entered not only the academic, but also the public environment, collective memory has become a tool for creating conflicts, both domestic and international.

In 2002, the author of the concept of "places of memory", P. Nora, announced the advent of the era of the "world celebration of memory", which is characterized by criticism of official versions of history; the return of repressed historical events; a return to the memory of peoples whose history was ignored; the development of memorial events; legal settling accounts with the past; the formation of the "heritage" industry; the opening of archives; increased attention to trauma topics³¹⁰.

P. Nora associates the social causes of the "memorial boom" of the 1980s and 1990s with the "acceleration of history" and decolonization. Humanity, having lost the idea of the future, which is understood as the restoration of the past, has lost the knowledge that the past should be preserved in the present: "any visible signs and material traces that are to become evidence of what we are or what we were"³¹¹. It is the feeling of this loss that leads to the dominance of memory over history and the expansion of memorial meanings – monuments, museums, archives, collections and databases.

The modern influence of communications and digitalization has contributed to the emergence of collective memory new forms – visual and mental symbols that often

---

³⁰⁸ Funkenstein 1989: 6 Funkenstein A. *Collective Memory and Historical Consciousness* // *History and Memory*. — Bloomington, 1989. — Vol. 1. No. 1.

³⁰⁹ Klein 2000 Klein K. L. *On the Emergence of Memory in Historical Discourse* // *Representations*. — No. 69, Special Issue: Grounds for Remembering. — Winter, 2000, P. 127-150.

³¹⁰ Nora P. *World Celebration of Memory* // *Inviolable reserve*. 2005. No. 2-3 [Electronic resource]. — URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html> (accessed: 07.02.2023).

³¹¹ Ibid.

artificially replace real history, which Jacques Le Goff calls the "memory revolution"³¹². His ideas that modern media contribute to the democratization of collective memory have not been confirmed in practice. On the contrary, reality shows that modern media and communication networks contribute to the disappearance of certain memory constructs, which leads to the "era of oblivion"^{313 314}.

The study of the media component of collective memory makes it possible to search for the meaning of the past placed in a certain cultural context, and the collective memory at the same time is a kind of "multimedia collage"³¹⁵.

When reconstructing memory, memories often do not coincide with real events and are associated with the experiences of the current moment³¹⁶. And in this respect, E. Durkheim's ideas about the phenomenon of memory are valuable as collective representations that persist in consciousness, and do not arise anew every time, but at the same time remain in the realm of the unconscious. Unlike Durkheim, Halbwachs proposed the concept of "frame" as a complex of spatio-temporal and social representations that allow to recall events of the past at will: "frame and events are identical in nature: events are memories, but the frame itself consists of memories"³¹⁷. Thus, a person looks at the past from the present, using the landmarks that a close social group offers him³¹⁸. By "collective memory" M. Halbwachs meant collectively shared representations of the past, but at the same time he argued that individual memory is

---

³¹² Le Goff 2013: Le Goff J. History and memory. — M., 2013, p. 124.

³¹³ Zierold 2010 Zierold M. Memory and Media Cultures // Erll A., Nünning A. (eds.). Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook. — Berlin — New York, 2010.

³¹⁴ Shkaiderova T. V., Yarmak O. V., Tsepikova A. S., Maranchak A. G. Identity of residents of the Crimean Peninsula: is there a change of ethnic borders? // Modern Science and Innovation, No. 1 (33), 2021, pp. 114-122. Founders: North Caucasus Federal University ISSN: 2307-910X. URL: doi: 10.37493/2307-910X.2021.1.18; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46501764> (accessed: 07.02.2023).

³¹⁵ Kanstainer 2002: Kansteiner W. Finding Meaning in Memory. A Methodological Critique of Collective Memory Studies. // History and Theory. V. 41, 2002, P. 185.

³¹⁶ Bezzubova O.V. Museum and politics of memory // International Journal of Cultural Studies, 2016, No. 3 (24). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/muzey-i-politika-pamyati> (accessed: 07.02.2023).

³¹⁷ Halbwax, Maurice (1877-1945). The social framework of memory / Maurice Halbwax ; [translated from fr. and introductory article by Sergey N. Zenkin]. - Moscow : New Publishing House, 2007. - 346 p.; 20 cm. - (A; 006); ISBN 978-5-98379-088-9, pp.151, 138.

³¹⁸ Yarmak O. V., Bolshakova M. G., Savina Z. S. Sevastopol in the construction of collective historical memory: analysis of Runet information flows using big data // Kant Magazine No.2(39) 2021 [pp. 285-292] DOI: 10.24923/2222-243X.2021-39.48; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46323747> (accessed: 07.02.2023).

socially determined³¹⁹. The problem of the existence of collective memory in the digital age occurs in a situation where interest in the past is carried out through media visualizations of historical events, which leads to a crisis of history and historical consciousness. In this regard, modern memorial culture does not create unified narratives, remaining chaotic, fragmented and unstructured. On the one hand, going beyond the national framework of history opens up new opportunities, on the other – a new memorial policy based on pluralism and appeal to individual experience is being formed³²⁰.

In modern societies, historical memory is created on the basis of traumatic experience, the memory of persecution and disasters, which gives collective memory new signs of sacredness and sacrifice. It is sacrifice that is translated in communication networks through discourses about the admission of guilt, which often leads to polarization and division along historical, cultural, and civilizational lines. The issue of overcoming these contradictions, developing countermeasures to technologies for creating lines of civilizational and historical faults in the context of hybrid and cognitive wars is becoming an urgent issue.

Besides, the social integration of Crimeans and Sevastopol residents takes place in conditions not only of unification on a civilizational basis in the period of transformations of identity and values, but also during the epoch of environmental challenges, which determined the political and civil choice of people who found themselves in a situation of artificially created resource blockades, banking and financial restrictions, existential threats, military insecurity and environmental risks. It is precisely this situation that for almost a decade has led to the formation of a new situational identity, the shifting of ethnic boundaries between the national groups of the peninsula, the creation of a new value-semantic field.

---

³¹⁹ Halbwax, Maurice (1877-1945). The social framework of memory / Maurice Halbwax ; [translated from fr. and introductory article by Sergey N. Zenkin]. - Moscow : New Publishing House, 2007. - 346 p.; 20 cm. - (A; 006).; ISBN 978-5-98379-088-9, pp.151, 138.

³²⁰ Yarmak O. V., Bolshakova M. G., Savina Z. S. Sevastopol in the construction of collective historical memory: analysis of Runet information flows using big data // Kant Magazine No.2(39) 2021 [pp. 285-292] DOI: 10.24923/2222-243X.2021-39.48; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46323747> (accessed: 07.02.2023).

The important thing here is that these processes cannot be taken out of the communication context with the predominance of manipulative technologies. Manipulations with identity, values, symbols and meanings aimed at destroying the civilizational, historical, and cultural foundations of the integration process of the Republic of Crimea and Sevastopol into Russia are constantly increasing, which we will discuss in the third chapter of the work.

§ 2.3. The environmental integration of the Crimean Peninsula and the contours of a new social contract

The social contract as a theory of the origin of the state, as is known, was put forward in the 17th century by G. Grotius, T. Hobbes, D. Diderot, J.-J. Rousseau. Proponents of the theory of the social contract believed that the state arose as a result of a agreement between people, which provided for the voluntary renunciation by individuals of part of their natural rights in favor of state power³²¹. In modern science, a social contract is defined as "an exchange of expectations about basic property rights and freedom, public goods and, thus, the nature and structure of the state"³²².

The current environmental and resource situation in the world dictates the need to create a global social contract. Glen T. Martin, Professor of the Faculty of Philosophy and Religious Studies at Radford University, says: "We need a global social contract to strengthen planetary coherence in order to protect and respect diversity, freedoms and the future of humanity"³²³.

The researcher notes that at the beginning of the 21st century, our planet is sliding into a global war and planetary chaos. The so-called "war on terrorism", the

---

³²¹ Polushkevich O.A. Social contract as an instrument of consolidation of society // Science of man: humanitarian studies. 2012. No.1 (9). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvennyy-dogovor-kak-instrument-konsolidatsii-obschestva> (accessed: 07.02.2023).

³²² Auzan, A.A. Social contract and civil society / A.A. Auzan // The world of Russia. - 2005. – No. 3. – pp. 3-18., p.4.

³²³ Martin Glen T. Planetary "maturity" and our global social contract // Century of Globalization. 2017. No.3 (23). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/planetarnaya-zrelost-i-nash-globalnyy-obschestvennyy-dogovor> (accessed: 07.02.2023).

fragmentation of supposedly sovereign nation-states, the selfishness and greed of the "tiny" ruling class that controls half of the world's wealth and most of its military power, the proliferation of weapons, wars and violence around the globe – all these phenomena create a divided, divided world, which makes it impossible to talk about a viable, consistent and peaceful future³²⁴. These problems, in particular, are raised by an international journalist of the Asia Times in Hong Kong, an analyst of the RT channel P. Escobar in his work "Globalistan: how the globalized world is dissolving into a liquid war"³²⁵.

Today, it is no longer possible to ignore the associations appearing all over the world, which form a new level of planetary "maturity". People are beginning to realize and understand their own right to be different from others in appearance, to have a different culture, traditions, religion. People have become more informed about tragedies, conflicts and their causes happening in other parts of the world. Increasingly, human rights and democracies are being used by undemocratic rulers of nation-States. These circumstances determine the emergence of a global social contract³²⁶.

The researcher consistently proves that in the modern world, previously integrated on the basis of anthropological similarities – "human universals" (D. E. Brown), or linguistic – language (N. Chomsky, St. Pinker, Y. Habermas), or ethical rules – religion (J. Hick, K. Jaspers) cannot be explained the processes of re- and integration of today's societies. Martin says that the time of the "universal field of assessments" is ending, the division into good and bad, into beneficial or harmful does not work at the moment.

Modern cognitive studies of social processes (A. Maslow, K. Kolberg, K. Gilligan, Y. Habermas, K. Wilber) show the need to achieve mutual consent in society. The understanding of the human consciousness maturity is revealed in the concept of the American philosopher, the developer of the integral approach K. Wilber, who

---

³²⁴ Martin Glen T. Planetary "maturity" and our global social contract // Century of Globalization. 2017. No.3 (23). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/planetarnaya-zrelost-i-nash-globalnyy-obschestvennyy-dogovor> (accessed: 07.02.2023).

³²⁵ P. Escobar Globalistan: How the Globalized World Is Dissolving Into Liquid War Publisher : Nimble Books LLC (January 3, 2007). 368 pages.

³²⁶ Martin Glenn Globalization and the Constitution of the Earth: key stages in the struggle for human liberation // The Age of Globalization. 2015. No.2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/globalizatsiya-i-konstitutsiya-zemli-klyuchevye-stadii-v-borbe-za-chelovecheskoe-osvobozhdenie> (accessed: 07.02.2023).

proposed four sectors of holistic development: "I", "It", "We" and "This", the quadrant of integral theory³²⁷. The "It" quadrant describes the scientific development of coherence and holism of everything in the physical universe, from micro to macro levels. The "I" quadrant acts as a model for the growth of individual consciousness. The "We" quadrant is a collective idea of power and order. That is, Wilber points to the convergence between science, personal growth and the development of human consciousness. The fourth quadrant, "This" (or system), on the one hand, is parallel to the first three, on the other, reflects the insufficiency of what is necessary at this stage of history for the development of mankind. It includes nations, states, corporate values of the community and "integral mesh networks". That is, a person organizes "systems" that will develop in a cooperative and coordinated way, but for him this will not become a vital function of reflecting his rights.

Based on the reasoning of K. Wilber, T. Martin proposed the concept of "planetary maturity", covering the movement towards an integral and consistent planetary civilization on Earth³²⁸. "Planetary maturity" includes three components, each of which is necessary: 1) rationally build a civilization based on critical social theory; 2) develop a sense of compassion in society; 3) transform the "active rejection of violence"³²⁹.

The researcher speaks about the importance of analyzing the dominant institutions that have an outdated, violent, regressive and fragmentary nature. Due to the fact that progressive thinkers, when critically analyzing the global economic system in a catastrophic state, take the position that imperial and neocolonial countries should "respect the sovereignty" of weaker developing countries, they are not always insightful. The lack of a critical understanding of the transformation of the system of sovereign states, awareness of the exploitative and environmentally destructive nature of the global economic system has changed the "world-centered" point of view and led

---

³²⁷ Wilbur K. W. 36 *The Eye of the Spirit: Integral vision for a slightly crazy world* / K. Wilber; Translated from the English by V. Samoilov, edited by A. Kiselyov. - Moscow: ACT Publishing House, LLC, etc., 2002.-476, [4] p. — (Texts of transpersonal psychology). ISBN 5-17-014321-4.

³²⁸ Glen T. Martin *Millennium Dawn: The Philosophy of Planetary Crisis and Human Liberation*. Institute for Economic Democracy Press, 2005, p. 430.

³²⁹ Ibid.

to the destruction of existing social orders – the unity of spirituality, cognitive development, civilizational culture and communicative potential. These arguments are reflected in T. Martin's concept of "Millennium Dawn"³³⁰.

In fact, the outdated system of sovereign nation-states that exists today has fused with capitalism and formed a global disorder, which is characterized as a military system, a system of exploitation with features of national egoism and planetary fragmentation. The system of corporate domination of capitalism uses powerful nation-states and their military might to protect and expand its control over markets, governments, resources, lands all over the planet.

Martin believes that the planetary economic and national-state system can and should be transformed into a global social contract, which should describe the rights, dignity and freedoms of all citizens of the Earth under the rule of a kind of World Parliament based on the principle of "unity in diversity"³³¹. And it is this solution that will create a world system that will lead to the coherence and integration of human societies, will contribute to the protection of the planet's environment, will establish sustainable economic principles of all structures on the planet, and will also end endless conflicts, wars and the disarmament of nations.

These ideas are, of course, somewhat utopian. However, the causes of the ongoing global crisis of the world social system, in our opinion, are described accurately. In order to prevent significant disintegration, which today already lead to integration trends, it is necessary to conclude a global social contract.

It is such an agreement that will do away with the concept of national "allies" or "enemies", dictating unhealthy economic and military competition with other countries for power, resources and markets.

When one State dominates over all the others, deploying weapons in space and on every continent, achieving "full spectrum dominance" over the entire airspace, land and water, or has the ability to selectively limit resources to countries and territories that do

---

³³⁰ Glen T. Martin Millennium Dawn: The Philosophy of Planetary Crisis and Human Liberation. Institute for Economic Democracy Press, 2005, p. 430.

³³¹ Martin, Glen T. Ascent to Freedom: Practical & Philosophical Foundations of Democratic World Law. Publisher: Institute for Economic Democracy Press, 2008.

not want to obey these rules, an era of global tyranny is coming, which creates conditions for re- and integration processes on an ecological and environmental basis.

The global social contract can eliminate these endless contradictions based on the model of rivalry and initiate the creation of a model of planetary maturity³³². This model will contribute to the transformation of human thinking as a participant in a common future, which is associated with such global issues as food security, access to education, ensuring environmental sustainability and artificial limitation of resources.

The search for the implementation of such a treaty will undoubtedly be different on every continent, in every country, for every race and every religion. But the implementation of its principles transforms autonomous nation-states into federal units that regulate themselves at the regional level according to constitutional principles, converting exploitative corporate capitalism to the benefit of a global economy that promotes stability within the framework of reasonable economic freedom and equality for all, as well as creating conditions for a safe ecological or environmental existence.

Thus, the concept of a "global social contract" symbolizes integration, when people agree to work together to solve common problems and not to create conflicts of an environmental nature artificially. That is, this "contract" is mutual cooperation, "unity of diversity" and the supremacy of democratically legalized due process for every person on the planet. Political scientist B. Barber has the same idea about the social contract: the global social contract should change the existing paradigm, insure humanity against wars, violence, conflicts, tyranny and create conditions for the transition to peace, nonviolence, cooperation and a model of free development³³³.

The modern representation of the concept of "global social contract" does not imply the content that was laid down by the traditional theories of the social contract of J. Locke and T. Hobbes. In the 17th, 18th and early 19th centuries, the theorists of the social contract (J. Locke, B. Spinoza, T. Hobbes, I. Kant and G.V.F. Hegel) came to the recognition that the system of sovereign states is essentially a "war-system", since there is no social contract between countries.

---

³³² Global Studies Encyclopedic Dictionary / Ed. by A. N. Chumakov, I. I. Mazour, W. C. Gay. With a Foreword by Mikhail Gorbachev. Amsterdam; New York, NY: Editions Rodopi B.V., 2014. XI. 3. Pp. 245-247.

³³³ Barber B. Participatory Democracy. // Encyclopedia of Democracy. Vol. 3. New York, 1995. P.923.

The rationale for reaching agreements on a global social contract determines such characteristic of modernity as instability, that manifests itself in all spheres: economics and finance, politics and social sphere, information and communication, technology and ecology, culture and worldview, war and peace. This became especially evident in the process of establishing new patterns of behavior in the coronavirus 2020, when most people on the planet had to dramatically change their attitude to what was previously considered unshakable and self-evident, planned and predictable: communication, work, study, leisure, travel, health and safety.

Thinkers of our time talk about strategic instability and uncertainty that have engulfed the supranational, interregional and global levels. At the same time, the classical social model of reformatting social arrangements "order – chaos – new order" does not work.

The actors of global politics have mastered the technologies of "controlled chaos" and have found military applications for them. Directed destabilization generates the most acute political, socio-economic and military crises, destabilized countries and regions are plunged into chaos for decades, and the world community does not seem to be interested in the stabilization of crisis regions or the construction of any new order in them³³⁴. Today it is becoming increasingly obvious that strategic instability as a form of functioning of large social systems is being controlled, technologized and used to achieve military goals by various subjects of world politics without direct open armed confrontation, becoming a way of managing the global processes of modernity and achieving world domination. In this connection, the development of effective and scientifically based measures to counter technologies of controlled destabilization becomes the key to the successful organization of national defense and ensuring national security of Russia³³⁵.

---

³³⁴ Rotkin N.V. Socio-psychological dimension of modern strategic instability // Medicine. Sociology. Philosophy. Applied research. 2021. No.4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-psihologicheskoe-izmerenie-sovremennoy-strategicheskoy-destabilnosti> (accessed: 07.02.2023).

³³⁵ Rotkin N.V. Socio-psychological dimension of modern strategic instability // Medicine. Sociology. Philosophy. Applied research. 2021. No.4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-psihologicheskoe-izmerenie-sovremennoy-strategicheskoy-destabilnosti> (accessed: 07.02.2023).

Due to the current strategic instability, modern thinkers propose to start creating a global social contract, which is the only real, viable option for humanity^{336 337}. If such a treaty is not concluded, there will be conflicts leading to a revision of the sovereignty of national States or their parts.

The proposed approach to creating a global social contract clearly describes the causes of reintegration processes in the post-Soviet space, in particular, not only the occurrence of a number of environmental disasters and the emergence of environmental threats that occurred on the Crimean Peninsula – in the form of water, energy, food, financial blockades, but also, most importantly, making the decision to create a safe space under the protection of the maternal the (base) state is Russia. It was the environmental threats created from the outside as a result of the ongoing civilizational integration of the Republic of Crimea and Sevastopol into Russia that contributed to the transition to its next level – the environmental one.

The environmental integration of the Crimean Peninsula, which in fact began due to the resource problem in Soviet times, escalated in the post-Ukrainian period, and contributed to the strengthening of approval of the Crimean events of 2014 among those who doubted their significance and necessity. In particular, during the period of the energy blockade, 37% of respondents in a 2015 study conducted by RCSPo answered that Russia should organize an alternative Ukrainian energy supply system³³⁸. A 2016 RCSPo study showed that the majority of Russians consider it unacceptable to sign a contract with Ukraine for the supply of electricity if the Republic of Crimea and the city of Sevastopol are called Ukrainian in it: only 6% of respondents nationwide and 6% of respondents who participated in the survey in Crimea were in favor of concluding such an agreement on Ukrainian terms. 87% of respondents said "Against"³³⁹.

---

³³⁶ Panarin, A. S. (1940-2003.). Strategic instability in the 21st century / Alexander Panarin. - Moscow: Algorithm, 2003 (State Unitary Enterprise Smolny Region. type. named after V.I. Smirnov). - 558, [1] p.; 21 cm.; ISBN 5-9265-0111-3 (in the lane). p. 5.

³³⁷ Martin, Glen T. Ascent to Freedom: Practical & Philosophical Foundations of Democratic World Law. Publisher: Institute for Economic Democracy Press, 2008.

³³⁸ Energy blockade of Crimea: how should Russia react? Analytical review on December 18, 2015 URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/energeticheskaya-blokada-kryma-kak-reagirovat-rossii?ysclid=lc4xhhg7g255504889> (accessed: 07.02.2023).

³³⁹ RCSPo research on the unacceptability of signing a contract with Ukraine for the supply of electricity if Crimea and Sevastopol are called Ukrainian in it. VTSIOM January 28, 2016. URL:

The second modern concept offering new rules of contractual relations is contractarianism (R. Holmes)³⁴⁰. The idea of this concept is simple: if a social group has freely chosen a number of principles under certain conditions, then these principles are justified. The chosen principles will 1) be based in a "well-ordered society", which was created for the sake of expanding the welfare of its members; 2) be regulated by the concept of justice; 3) be characterized by the fact that everyone adheres to the same principles of justice.

People choose such principles when there is a "curtain of ignorance" (J. Rawls), when they do not understand their place in the society in which they live; when there is a violation of class or social status; when their natural giftedness cannot be realized; when environmental risks increase³⁴¹. In such circumstances, people prefer an alternative, including in the form of reintegration, which ensures that each individual has equal rights and freedoms correlated with the freedom of all, and social and economic inequalities should not increase, but create a healthy competitive environment. The new concept of contractualism appeals to the idea of the social contract of T. Hobbes, but it is based on the equality of the statuses of individuals, on the ability to realize their own interests in a safe space. Thus, the principle of reasonableness is the basis of contractualism.

J. Rawls is rated as the most influential proponent of contractualism and a theorist of the social contract of our time³⁴². The Rawls contract is aimed at establishing a common social framework for the existence of societies, and therefore, from our point of view, it is actually social.

Rawls' concept is based on a contractual idea, an attempt to find out what principles should be founded by "well-ordered" societies, that is, societies that meet the

---

https://krym.aif.ru/society/rossiyane_ne_hotyat_videt_krym_ukrainskim_dazhe_na_bumage_vciom?ysclid=lc4xhou18u683671170 (accessed: 07.02.2023).

³⁴⁰ Rawls, John, 1921– A theory of justice / John Rawls. — Rev. ed. p. cm. Includes bibliographical references and index. ISBN 0-674-00077-3 (cloth : alk. paper). — ISBN 0-674-00078-1 (paper : alk. paper).

³⁴¹ Rawls, John. The theory of justice / John Rawls ; scientific ed. V. V. Tselishchev [trans. from the English by V. V. Tselishchev with the participation of V. N. Karpovich and A. A. Shevchenko]. - Novosibirsk : Publishing House of Novosibirsk University, 1995. - 534, [1] p.: ill.; 22 cm.; ISBN 5-7615-0365-4.

³⁴² Ashford Elizabeth and Tim Mulgan, "Contractualism", The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Summer 2018 Edition), Edward N. Zalta (ed.), URL: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2018/entries/contractualism/> (accessed: 07.02.2023).

requirements of justice. According to Rawls, the main subject of the theory of justice is "the basic structure of society... the ways in which the main social institutions distribute fundamental rights and responsibilities and determine the division of benefits of social cooperation"³⁴³. The main parameters of the implementation of this concept are, firstly, the freedom and equality of people, and secondly, the maximization of utility, that is, the desire to satisfy the maximum possible number of needs.

These concepts of modern humanities about social agreements and contracts indicate, on the one hand, the accumulated contradictions that contribute to the growth of environmental and resource constraints, the creation of unsafe spaces, on the other hand, the strengthening of social alternatives and reintegration opportunities for the organization of safe spaces with a decent standard of living, lack of limited resources, protection from blockades and sanctions.

Such characteristics of modern societies are presented in the concept of risk society by W. Beck³⁴⁴. Beck uses the term "risk society" to denote the modern (late 20th century) stage of development of industrial society, which is characterized by increasing number to the distribution of risks and threats. The risk society is not a new stage in the development of society, but an aggravation of some problematic phenomena characteristic of industrial society: the logic of "wealth distribution in a society based on a lack of benefits" is replaced by "the logic of risk distribution in developed modern countries"³⁴⁵.

Beck describes the new consequences of the predicted risks: "Global market risk is a new form of "organized irresponsibility": after all, it is such an impersonal institutional structure that there can be no question of any of its responsibility, even to

---

³⁴³ Rawls, John. The theory of justice / John Rawls ; scientific ed. V. V. Tselishchev [trans. from the English by V. V. Tselishchev with the participation of V. N. Karpovich and A. A. Shevchenko]. - Novosibirsk : Publishing House of Novosibirsk University, 1995. - 534, [1]

³⁴⁴ Beck U. Risk Society: On the way to another modern / Trans. with German V. Sedelnik, N. Fedorova. - M.: Progress-Tradition, 2000. - 383 p. - Trans. ed.: Beck U. Risikogesellschaft. -Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1986.

³⁴⁵ Beck U. Risk Society: On the way to another modern / Trans. with German V. Sedelnik, N. Fedorova. - M.: Progress-Tradition, 2000. - 383 p. - Trans. ed.: Beck U. Risikogesellschaft. -Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1986., p. 21.

itself..."³⁴⁶. In fact, we are talking about a new form of public reaction to the created environmental risk: having created it, not to notice it.

Beck's thought about the emergence of new forms of solidarity due to modern risks: "The place of the community of need is taken by the community of fear" leads to a further perspective of the transformation of basic social institutions and mechanisms in a risk society³⁴⁷. Beck calls such risks "modernization risks" – this is a phenomenon that, in turn, becomes the cause of other types of risk.

Beck characterizes modern societies as "societies without guarantees, it is not insured, and the paradox is that security decreases with increasing dangers. There is not a single institution – either really or, apparently, even in the plan – that would be ready for the "worst conceivable disaster", as there is no form of public order that would provide social and political guarantees in this worst possible case"³⁴⁸.

In risk societies, risks are mainly concentrated in poor countries, while rich countries are able to protect themselves from many risks as much as possible. By generating risks, advanced modernization also creates reflexivity, which makes it possible to reduce the volume of risks it produces. The way out of a situation of systemic risk may be to avoid civilizational risks. Otherwise, social transformations will occur due to the blurring of political and social boundaries with the loss of power. However, neither well-off individuals nor states that generate risks are immune from them. Beck considers that the "boomerang effect".

Consideration of the environmental integration of the Crimean Peninsula in the context of the risk society concept gives an understanding of resource constraints, initiated by the Ukrainian side, and processes occurring during the blockade on the peninsula. After the announcement of the energy blockade of Crimea by the Ukrainian authorities, technological risks were launched, manifested in disruption of the entire

---

³⁴⁶ Beck W. Cosmopolitan society and its enemies // Journal of Sociology and Social Anthropology. – St. Petersburg, 2003. – Vol. 6, No. 1. – p. 24-53, p. 35. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kosmopoliticheskoe-obschestvo-i-ego-vragi> (accessed: 07.02.2023).

³⁴⁷ Beck U. Risk Society: On the way to another modern / Trans. with German V. Sedelnik, N.Fedorova. - M.: Progress-Tradition, 2000. - 383 p. - Trans. ed.: Beck U. Risikogesellschaft. -Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1986, p. 60.

³⁴⁸ Ulrich Beck. From an industrial society to a risk society. Ulrich Beck. From an industrial society to a risk society // Theory, Culture and Society, February 1992, vol.9, No. 1, pp.97-123. Theory © , Culture and Society Ltd. 1992 Translated by Ph.D. A.D. Kovalev // THESIS, 1994, issue 5. URL: https://igiti.hse.ru/data/421/313/1234/5_2_3Beck.pdf?ysclid=ldqfu55v63463135539 (accessed: 07.02.2023).

energy system of Ukraine. The transport, financial, and food blockade of Crimea also led to risky consequences in the Ukrainian regions neighboring Crimea, which showed the Beck's "boomerang effect".

However, the most basic expected consequence of the launched blockades in order to create a risk society on the peninsula was the desire to blur and subsequent destruction of the civilizational and social foundations of the integration of the Republic of Crimea and Sevastopol into Russia. That is, the artificial creation of an unsafe space, the spread of environmental and existential risks that permeate all spheres of society, form a classical risk society in it, should have led to the rejection of the desire of the population to consolidate with Russia as an actor, unable to protect the integrated community. The artificially created situation of strategic insecurity did not lead to the expected results, on the contrary, actualized the creation of conditions for a new social contract, in which the conditions of non-accepting of strategic instability will be fixed.

The Crimean Spring, the referendum on the entry of the Republic of Crimea and Sevastopol into Russia, the civil confrontation in the south-east of Ukraine, the beginning of a special Russian military operation in Ukraine have become turning events in Russian and world history. It is quite natural that at this critical time, the previous social contract lost its relevance, causing the demands of different groups of the population and formulating new imperatives in the international space. The contours of the new social contract can be the directions of modern requests of the Russian society both to its authorities and to social actors at the world and national levels: the demand for a new ideology, the demand for the definition of the economic system of the country, the demand for the de-bureaucratization of the economy, the requirement to ensure the effective operation of professional and social elevators, the demand for the integration of banking structures into alternative systems of public administration, the demand for an end to uncontrolled immigration and the fight against extreme forms of inequality.

These requirements are consonant with the principles of neo-Eurasianism, voiced, in particular, by the Russian thinker A.S. Panarin^{349 350}. Russian scientists believe that such criteria will provide Russia with confident social, economic and political positions in the post-Soviet space, will contribute to the construction of a safe space in resource and environmental aspects, will create conditions for the "gathering of Russian lands" with the possibility of providing protection to the Russian population, united on the principle of supranational identity.

In fact, the new social contract puts the issue of a new social order on the agenda. Who in modern conditions could take responsibility for solving the accumulated social problems of an existential nature?

The arguments in favor of its creation consist in the fact that the social order can be established as a kind of compromise, as an equilibrium state, a balance between social groups and the pressure of the external environment. This balance can be confirmed by reintegration in various places of the planet, the reasons for which will be violations of the principles of the safety of the environmental environment and environmental justice in general.

§ 2.4. "Island" solidarity and the credit of trust as systemic effects of the integration of the Republic of Crimea and Sevastopol into Russia

In sociological science, the topic of solidarity has been difficult to institutionalize. Initially, this problem claimed a priority position in sociological research, but due to the fact that solidarity is a kind of "fabric" of society that "holds" social structures, it is a necessary condition for any social changes (if solidarity decreases, then society goes into a state of disintegration). The concept of "solidarity" in modern concepts explains the reasons for the rupture of the social "fabric" and searches for ways to regenerate

---

³⁴⁹ Panarin A. S. *Orthodox civilization / Comp.*, preface by V. N. Rastorguev / Ed. by O. A. Platonov. – M.: Institute of Russian Civilization, 2014. – 1248 p.

³⁵⁰ Panarin A.S. *The truth of the Iron Curtain*. — M.: "Algorithm", 2006. – 636 p.

it³⁵¹. Therefore, questions about the formation of solidarity, the factors of this process, the mechanisms of reproduction of solidarity within the framework of the social order come to the fore today.

There is an opinion that historically the first motive of social solidarity was selfishness³⁵². It is natural for human nature, as it is aimed at satisfying its needs, realizing its interests, ensuring self-preservation, self-development and self-realization. Egoism arises in connection with a person's desire for personal independence, awareness of himself as independent and free. On the one hand, selfishness generates a healthy beginning in a person, which in a reasonable combination does not allow to suppress a person and turn society into a faceless unified community. But, on the other hand, it is egoism that forms collectivism - a person's desire to unite for the purpose of ordinary survival in the face of various threats of an environmental and existential nature.

Taking into account the above, we can agree with the French politician F. Guizot, who believed that selfishness and solidarity as mutually complementary and interrelated components are the main conditions for the existence of a civilization that "exists under two conditions and is characterized by two signs: the development of social activity and the development of personal activity. <...> Both of these facts are in such close and necessary connection with each other that, even if they do not appear simultaneously, they cannot be separated from each other and sooner or later one of them will entail the other"³⁵³.

The Russian scientist P.A. Kropotkin described the manifestations of solidarity among animals, which resemble the descriptions of the formation of solidarity by F. Guizot through feelings of selfishness and survival in human society. "In addition to the law of Mutual Struggle in nature, there is also the law of "Mutual Assistance",

---

³⁵¹ Social Solidarity and Altruism: Sociological Tradition and Modern Interdisciplinary Research: Collection of Scientific Theories / RAS. INION. Center for Social. scientific and Information Research. Department of Sociology and Social. Psychology; Responsible editor Efremenko D.V. – M., 2014. – 284 p. – (Series: Theory and History of Sociology). ISBN 978-5-248-00716-5

³⁵² Ibid.

³⁵³ Alabastrova I.A. Constitutionalism as the legal basis of social solidarity: fundamental principles of Constitutionalism, abuse of law and abuse of sovereignty, opposition as the main guarantor of separation of powers, social state and solidary society, constitutional internationalism: monograph / I. A. Alabastrova. - Moscow: Prospekt, 2016. - 549 p.; 21 cm.; ISBN 978-5-392-19255-7: 1000 copies, p. 14.

which for the success of the struggle for life, and especially for the progressive evolution of species, plays a much more important role than the law of Mutual Struggle...As soon as we begin to study animals... as soon as we notice that although between different species, and especially between different classes of animals, there is an extremely extensive struggle and extermination, — at the same time, there is mutual support, mutual assistance and mutual protection among animals belonging to the same species, or at least to the same community, on the same or even larger scale. The public is the same laws of nature as mutual struggle"³⁵⁴.

F. Fukuyama also writes about the use of egoism as a motive of social solidarity: "Individuals cooperate in organizations only because it is beneficial to them"³⁵⁵.

So, people unite in order to achieve their interests, confront threats, and increase the effectiveness of their activities. A person, realizing that he cannot satisfy his needs on his own, strives to use other people for his own purposes. People gradually began to realize "the power that they acquire by practicing mutual help and support, as well as to realize the pleasures that can be found in public life. Society... is not based at all on love and not even on sympathy. It is based on the consciousness — at least instinctively — of human solidarity, mutual dependence of people. It is based on an unconscious or semi-conscious recognition of the power borrowed by each person from the general practice of mutual assistance"³⁵⁶.

With the development of human education, egoism has led to the emergence of a new kind of solidarity — as an activity carried out not within the framework of opposition of one group to another, but in the form of compromises between individuals and social groups³⁵⁷. That is, the increase in the intellectual potential of humanity has humanized it, creating new forms of solidarity — charity, patronage, educational

---

³⁵⁴ Kropotkin P.A. Mutual aid as a factor of evolution: Editorial board of the journal "Self-education"; Moscow; 2007. ISBN 978-5-87140-266-5. P. 7-8.

³⁵⁵ Fukuyama, F. Strong State: Governance and world order in the XXI century: [trans. from English] / Francis Fukuyama. — MOSCOW: ACT: ACT MOSCOW: GUARDIAN, 2006. -220, [4] p.—(Philosophy). p. 88.

³⁵⁶ Kropotkin, P.A. Mutual assistance among animals and people as an engine of progress / P. Kropotkin; Translated from the English by V. P. Baturinsky, ed. Revisit again. and add. and with the preface of the author to this ed. - Petersburg; Moscow: Voice of Labor, 1922. - VIII, 342 p.;P 23.

³⁵⁷ Alabastrova I.A. Constitutionalism as the legal basis of social solidarity : fundamental principles of Constitutionalism, abuse of law and abuse of sovereignty, opposition as the main guarantor of separation of powers, social state and solidary society, constitutional internationalism : monograph / I. A. Alabastrova. - Moscow : Prospekt, 2016. - 549 p.; 21 cm.; ISBN 978-5-392-19255-7 : 1000 copies.

activities, volunteering. Thus, social solidarity of a fundamentally different quality appeared in society: its scope expanded significantly, and the content was noticeably enriched — solidarity began to be used not only as a means of opposing various social communities, but also as a mechanism for establishing their peaceful coexistence³⁵⁸.

The history of the category of social solidarity began simultaneously with the history of sociology itself. In the works of O. Comte, this concept is constantly encountered when he writes about the social order, arguing about the hierarchical structure of society, about social statics and social dynamics. Comte's social statics boils down to the study of "social consensus", represented in the form of the structure of society at a specific historical moment and the elements that determine consensus, that is, what creates social unity³⁵⁹. Society, according to the Contour, rests on the consent of minds, consensus determines the social order: common ideas and common social feelings constitute the essence of social solidarity.

In E. Durkheim's concept of solidarity, organic solidarity is based on collective ideas. In an individualized society, Durkheim sees the main problem in maintaining a minimum of collective consciousness, in the absence of which organic solidarity weakens and disintegrates society. According to Durkheim, the main problem of modern societies is the issue of reaching consensus, mitigating conflicts and maintaining harmony.

P.A. Sorokin dealt with the problem of solidarity within the framework of his integralism: solidarity is a positive mode of relationships between individuals, assuming consonance of attitudes and behavior of interacting participants.

In sociology, social solidarity is considered in the main sociological schools. K. Marx and F. Engels argued that solidarity under the capitalist system is the desire of

---

³⁵⁸ Alabastrova I.A. Constitutionalism as the legal basis of social solidarity : fundamental principles of Constitutionalism, abuse of law and abuse of sovereignty, opposition as the main guarantor of separation of powers, social state and solidary society, constitutional internationalism : monograph / I. A. Alabastrova. - Moscow : Prospekt, 2016. - 549 p.; 21 cm.; ISBN 978-5-392-19255-7 : 1000 copies.

³⁵⁹ Aron R. Stages of sociological thought / General editing and foreword by P.S. Gurevich – M.: Progress – Politika, 1993. – 608 p., pp. 111-115.

the ruling class to present its interest as common to all members of society^{360 361 362}. M. Weber considered the problems of solidarity through the prism of social action³⁶³. The process of integration will lead to the creation of a society or to unification, which is the result of solidarity of a purposeful nature. In structural functionalism of T. Parsons, solidarity is a phenomenon, on the one hand, of an objectified nature, like the social system as a whole, and on the other hand, it is the most dynamic phenomenon due to the complex of everyday interactions of actors³⁶⁴. In the phenomenological sociology of A. Schutz, solidarity is a socially predetermined phenomenon³⁶⁵. In G. Bloomer's symbolic interactionism, social solidarity is a dynamic and not guaranteed state that arises in the process of human interaction³⁶⁶. In the critical social theory of Y. Habermas solidarity structures the life world, which is based on intersubjective relationships and social actions that stimulate consent and dialogue^{367 368}. P. Bourdieu sees the foundations of social solidarity in complexly structured symbolic complexes³⁶⁹
370 371 372 373

³⁶⁰ Marx, K. Capital. Criticism of Political economy / K. Marx; translation, preface by F. Engels. – Vol. 1. – Moscow: Politizdat, 1973. – Vol. 1. Book 1. The process of capital production. - VIII, 907 p., 1 l. portr. – Indexes of names, cited and mentioned lit. rus. trans. of cited books, prem. decree: pp. 813-900.

³⁶¹ Marx, K. Capital. Criticism of Political Economy (translation). – M.: Politizdat, 1988. – Vol. 2. In Book 2: the process of capital circulation / ed. edited by N. and with a preface by F. Engels, 1988. - 654 p. - Bibliogr. pp. 597 – 603. The decree read: pp. 604 – 609. See Decree: pp. 610-650.

³⁶² Marx, K. Capital: Criticism of polit. economy: (Translation). – M.: Politizdat, 1988. – Vol. 3; Book 3: The process of capitalist production, taken as a whole: Part 2 / ed. edited by F. Engels. – 1989. – p. 509 – 1078. – Decree. names, prem.: p. 1021-1076.

³⁶³ Weber, Max (1864-1920.). Selected works: Translated from German / M. Weber; Comp., general ed. and afterword [pp. 736-769] by Y. N. Davydov; Preface by P. P. Gaidenko [pp. 5-41; Comment by A. F. Filippov]. - Moscow: Progress, 1990. - 804,[1] p.; 21 cm. - (Sociol. the thought of the West.); ISBN 5-01-001584-6 (In trans.), pp. 707-735.

³⁶⁴ Aron R. Stages of sociological thought / General ed. and preface by P.S. Gurevich. – M.: Progress – Politics, 1993. – 608 p., pp. 111-115.

³⁶⁵ Ibid.

³⁶⁶ Ibid.

³⁶⁷ Habermas J. Legitimationsprozesse im Spätkapitalismus. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1973., p. 61-63.

³⁶⁸ Deryugin P.P., Kremnev E.V., Yarmak O.V., Strashko E.V., Kamyshina E.A., Bannova O.S. Conversion of human and social capital in corporations: Trans-regional studies on the example of Russian, Chinese and European corporations. Modern oriental studies. 2021; 3(4): 619-6.

³⁶⁹ The human capital of corporate executives: features, structure, measurement: A collective monograph. – St. Petersburg: Mediapiar, 2023 – 218 p.

³⁷⁰ Deryugin P.P., Yarmak O.V., Strashko E.V., Kamyshina E.A., Bannova O.S. Human capital in students' value orientations: methodology, methodology and diagnostic results // Social and humanitarian sciences: theory and practice, No. 1 (5), 2021, pp. 215-227 eISSN: 2587-9987. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=47498267> (accessed: 07.02.2023).

³⁷¹ Deryugin P. P., Lebedintseva L.A., Yarmak O.V., Chikharev I.A., Yarmak V.E. Sociodynamics of the value of business qualities in the structure of human capital during the period of study at the university: the strategy of sociological diagnostics // Sociology of Science and Technology. 2020. Volume 11. No. 4, pp. 140-160 URL: doi: 10.24411/2079-0910-2020-14008 (accessed 07.02.2023).

³⁷² Evolution of strategies for human capital diagnostics. REVISTA GÊNERO E DIREITO REVISTA INCLUSIONES ISSN 0719-4706 VOLUMEN 7 – NÚMERO ESPECIAL – OCTUBRE/DICIEMBRE 2020. / Deriugin, Pavel P. ;

In Russia, the theme of solidarity is one of the main themes in the humanities of the 19th century (M.A. Bakunin, P.L. Lavrov, L.I. Mechnikov, P.A. Kropotkin, N.K. Mikhailovsky, M.M. Kovalevsky, P.A. Sorokin)³⁷⁴. In the Russian philosophical heritage, there are two main directions in the consideration of the problems of social solidarity or conciliarity. This is "hierarchical" or "organic personalism", represented primarily by the works of N.O. Lossky, S.N. Bulgakov, E.N. Trubetskoy, S.A. Levitsky and "anti-hierarchical personalism" by N.A. Berdyaev, S.L. Frank and V. Ivanov³⁷⁵. The basic premise of the first approach is that the people, the nation, the state are considered as individuals standing at successive stages of development. According to the second vision, personality is not a part and cannot be a part in relation to any whole. The interpretation of conciliarity as a conditional correlate of solidarity is common to both approaches in Russian philosophy.

Within the framework of the sociological approach, the foundations of solidarity were considered as an exceptional moral value (V.O. Rukavishnikov); as a stable reproducible system of public order (A.Y. Flier); as the interaction of individuals based on the presence or absence of common interests and mutual support (Y.G. Volkov)³⁷⁶.

In modern Russian society, solidarity is explored by A.S. Akhiezer through the analysis of the historical foundations of solidarity and the prism of the monologization of Russian culture; L.D. Gudkov, who denies the historical traditions of solidarity; A.P. Zaoztrovsev, analyzing the historical state of solidarity in Russian society in the context of the problems of the social contract; V.I. Pantin and V.V. Lapin, who interpret it as the result of power through the achievement of consent by coercive methods;

Glukhikh, Vladimir A. ; Yarmak, Olga V. ; Strashko, Ekaterina V. ; Kamyshina, Elena A. ; Yarmak, Veronika E. In: Revista inclusiones, Vol. 7, No. Especial, 2020, p. 178-197. ISSN 0719-4706 URL: <https://revistainclusiones.org/gallery/11%20VOL%207%20NUM%20Universidad%20OCT%20DIC%202020%20Rev%20Inc.pdf> (accessed 07.02.2023).

³⁷³ P P Deryugin, E V Strashko, O V Yarmak. Scientific and Educational Centers as Factor of Activation of Human Capital in the Regions of Russia: Sociological Monitoring of Activity (Conceptualization of the Plan) // Proceedings of the International Scientific Conference "Far East Con" (ISCFEC 2020). Advances in Economics, Business and Management Research. 17 March 2020. ISBN 978-94-6252-929-8 URL: <https://doi.org/10.2991/aebmr.k.200312.322> (accessed: 07.02.2023).

³⁷⁴ Social solidarity and altruism: Sociological tradition and modern interdisciplinary research: Collection of scientific tr. / RAS. INION. The Center of social. scientific.-inform. Research Department of Sociology and Social. psychology; Ed. Efremenko D.V. – M., 2014. - 284 p. – (Ser.: Theory and History of Sociology). ISBN 978-5-248-00716-5.

³⁷⁵ Ibid.

³⁷⁶ Ibid.

V.G. Fedotova, who believes that anomie in society arises from the destruction of the mechanism of social construction of reality; N.E. Tikhonova, who considers a "social contract" based on "mutual nonviolence" between the government and the people in today's Russia^{377 378 379 380 381 382}.

Social solidarity at both the micro and macro levels of the social organism, first of all, implies compliance with established rules, the presence of social values, which implies that social solidarity is based not only on external coercion, or mutual dependence, but on shared collective and individual feelings.

Social solidarity performs a vital function – the reproduction of the social system at any hierarchical level – from groups of primary social practices to society as a whole. The state or level of social solidarity in a society determines the degree of its harmony or describes the possibilities of the threat of social disintegration. The normal state of social relations is one in which the authorities and other institutions are concerned about the degree of consolidation of the social whole, and hence the process of achieving solidarity.

Reflection on the levels and characteristics of social solidarity and the prospects for achieving it is extremely necessary for the life of Russian society today. In the conditions of modern Russia, especially in connection with the integration processes that have begun in the post-Soviet space, the search for an effective model of social cohesion is especially relevant.

In modern Russian society, solidarity takes the form of a "grassroots organization" in which people, as carriers of a certain system of views, communicate with each other. Solidarity in Russian society is formed through microsocial practices of everyday interaction and macrosocial initiatives to form and maintain solidarity at the

³⁷⁷ Akhiezer, A.S. Specificity of the Russian civilization / A.S. Akhiezer // *Civilizations*. 2004. - No. 6. - pp. 217-242.

³⁷⁸ Gudkov, L.D. "Soviet man" in the sociology of Yuri Levada / L.B. Gudkov // *Social Sciences and Modernity*. 2007. - No. 6. - p.1630.

³⁷⁹ Lapin, N.I. About many things and the one in the Russian transformation / N.I. Lapin // *Social Sciences and modernity*. 2002. - No. 6. - pp. 28-32.

³⁸⁰ Pantin, V.I., Lapkin, V.V. Political self-determination of Russian society / V.I. Pantin, V.V. Lapkin // *Social Sciences and modernity*. 2006. - No. 4. - pp. 78-87.

³⁸¹ Fedotova, V.G. *Good Society: [monograph]* / V. G. Fedotova; Russian Academy of Sciences, Institute of Philosophy. - Moscow : Progress-Tradition, 2005. - 543, [1] p.; 22 cm.; ISBN 5-89826-247-4.

³⁸² Tikhonova, N.E. Personality, community, power in the Russian socio-cultural model / N.E. Tikhonova // *Social Sciences and modernity*. 2001. - No. 3. - pp. 30-40.

societal level. As an example, we can cite the referendum on the entry of the Republic of Crimea and Sevastopol into the Russian Federation and the post-referendum rise, which is called the "Crimean consensus", observed not only in Crimea, but also in Russian society and post-Soviet countries as a whole. Social solidarity in this situation is based on consent, empathy, cooperation and assistance, which determined the behavior of people when they supported each other.

The forms and degree of solidarity depend on internal and external activities. The ways of supporting people are also diverse – material, ideological, organizational, power, and informational. One of the difficult justifications of solidarity is ideological: both individualism and collectivism are present in it, its manifestations are both the unity of like-minded people and the recognition of the right to "be different", which should coexist within a solidary society.

Justifying the motives of solidarity, the Russian philosopher and jurist I.A. Ilyin wrote: "Thinkers of various epochs have noted a person's attraction to living together. The most basic hobbies and interests, starting from the primary instinctive-egoistic motives and ending with refined spiritual demands, make a person seek constant communication with other people. A hostel is necessary for a person because it can and does give him elementary security and spiritual fullness of life"³⁸³.

This idea is confirmed by the modern American philosopher F. Fukuyama: "The desire for cooperation among individuals arises only because it is profitable for them"³⁸⁴. That is, people unite based on their interests. People gradually began to realize "the power that they acquire by practicing mutual help and support, as well as to realize the pleasures that can be found in public life," wrote P. A. Kropotkin. – Society... is not based at all on love and not even on sympathy. It is based on the consciousness – at least instinctively – of human solidarity, mutual dependence of people. It is based on an

---

³⁸³ Ilyin, Ivan Alexandrovich (1883-1954). *Theory of law and the State [Text]* / I. A. Ilyin; edited and with a biographical sketch by V. A. Tomsinov. - 2nd edition, supplement. - Moscow: Zertsalo-M, 2014. - 550 p. - (Russian Legal Heritage / Lomonosov Moscow State University, Faculty of Law).; ISBN 978-5-94373-275-1. p. 69.

³⁸⁴ Fukuyama, F. *Strong State: Governance and world order in the XXI century: [trans. from English]* / Francis Fukuyama. — MOSCOW: ACT: ACT MOSCOW: KEEPER, 2006.-220, [4] p.— (Philosophy), p. 88.

unconscious or semi-conscious recognition of the power borrowed by each person from the general practice of mutual assistance"³⁸⁵.

So, solidarity in society is inevitable. The factors of its creation are not only collectivism and unity of views and actions of people, but also selfishness, individualism. It is necessary to seek a reasonable balance among them, and then solidarity is strengthened. In search of such a balance, it is necessary to study the types of social solidarity. Several classifications of it have already been proposed in sociological science.

E. Durkheim distinguished between mechanical and organic solidarity. The first is based on similarity or identity, the second is based on differences, implies pluralism and competition. Polish sociologist S. Zoledowski speaks about solidarity based on the awareness of unity, distinguishes it by the degree of intensity, scale and forms of manifestation. He describes the rings of solidarity located around a person – from the closest circle to small groups (family, relatives, friends), then professional groups, hobby groups, the state, and finally, a large ring in the form of humanity. The further away the rings are from a person and the larger they are, the weaker the solidarity of social groups becomes³⁸⁶.

Depending on the mechanisms and social technologies for ensuring social solidarity, it can be divided into three types:

- natural (liberal, free), implemented within the framework of forms of voluntary participation (foundations, NGOs, sponsorship, donation, volunteering),
- state-organized, represented by state and other public legal structures,
- social, carried out by civil society institutions (employers' contributions to pension funds, hiring and studying according to quotas of representatives of socially vulnerable segments of the population).

The discussion about the advantages and disadvantages of a solidary society began in the 19th century and continues to this day. The Russian historian, lawyer, sociologist and public figure M.M. Kovalevsky spoke about the role of law in ensuring

³⁸⁵ Kropotkin P.A. Mutual aid as a factor of evolution. – M.: "Self-education", 2007. - 240 p., pp. 7-8.

³⁸⁶ Zoledowski C. Dilemmas of a «Solidarity State» // Dilemmas of Polish Transformation. Warsaw: Elipsa, 2010 P. 76-79.

social solidarity³⁸⁷. "As proof ... it is enough to cite only a few illustrative examples, such as the humanization of criminal punishment, the protection of minority rights, the creation of self-regulating institutions. The systemic nature of this trend equally affects both substantive and procedural law in general, individual decision-making mechanisms and institutions. A rare legal institution of our time can afford the "luxury" of an independent resolution of the problem without the participation and consideration of the opinions of the entire diversity of stakeholders. Consideration of various interests, consultations, negotiations, rapprochement of positions have long become the norm. In such a system, consensus becomes the ideal result of work"³⁸⁸.

Social solidarity has advantages and disadvantages. The disadvantages are expressed in haphazardness and lack of guarantees: "not all wealthy people are inclined to charity and not all those in need can use it"³⁸⁹. Among the advantages is its targeted and personalized nature; the solidarity organized by the state is guaranteed and systematic.

In the history of mankind, different types of social solidarity have been combined differently. If the traditional society was dominated by communal consciousness and mechanical solidarity, then over time it became dependent on the state and law. According to I.A. Ilyin, "the state, according to its basic idea, is a spiritual union of people with a mature sense of justice and authoritatively asserting natural law in a fraternal solidary union"³⁹⁰. Law also contributes to the formation of social solidarity, because, as noted by the same I. A. Ilyin, law "is a powerful means of educating people to social life. Legal norms and obedience to them should teach a person to take into

---

³⁸⁷ Kovalevsky M.M. The doctrine of personal rights. M., Edition of V.M. Sablin 1905, 42 p. URL: <https://dspace.spbu.ru/bitstream/11701/17913/1/%d0%a3%d1%87%d0%b5%d0%bd%d0%b8%d0%b5%20%d0%be%20%d0%bb%d0%b8%d1%87%d0%bd%d1%8b%d1%85%20%d0%bf%d1%80%d0%b0%d0%b2%d0%b0%d1%85. .pdf> (accessed: 07.02.2023).

³⁸⁸ Lukashovich V.A. European consensus in the practice of the European Court of Human Rights: institutional and interpretative aspects // SKO. 2009. No. 4 (71).URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evropeyskiy-konsensus-v-praktike-evropeyskogo-suda-po-pravam-cheloveka-institutsionalnye-i-interpretativnye-aspekty> (accessed: 07.02.2023).

³⁸⁹ Martyshin O. V. The idea of a social state and its opponents // State and law. 2011. No. 12. p. 12.

³⁹⁰ Ilyin Ivan Alexandrovich Collected works.: in 10 volumes, 1994-1999. Vol. 4. p. 276.

account the existence of other people and their interests... to limit their claims, taking into account that others also have the right to live and exercise their interests"³⁹¹.

In traditional societies, people rallied and were bound by mechanical and organic solidarity, forming nations, large national states and absolute monarchies. In industrial society, social solidarity retained a mechanical character and developed around national-state ideas. As society moves towards a post-industrial type under the influence of informatization, population migration, and the deepening of the international division of labor, the opportunities and the need for social interactions - both real and virtual - have increased. In modern conditions, they talk about the birth of a "state-driven" type of social solidarity, which allows combining the features of a social state and a liberal model of social solidarity.

The spread of solidarity based on national and nationalist ideas in post-Soviet countries raises serious concerns. The national and religious foundations of solidarity currently pose a threat to the civilizational existence of Russia under the pressure of the expansion of pseudo-democratic and Russophobic values and meanings.

Threats to the national solidarity of the titular nations, combined with its declared level of exclusivity, are recognized in Russian society. It is with this new phenomenon that the reintegration manifestations based on the collective Slavic identity and cohesion around the great historical Russia are connected.

Based on the above arguments, we will try to analyze a new type of social solidarity that emerged in 2014 and as a result of the Crimean consensus. We believe that the Crimean referendum and the subsequent Crimean consensus in Russian society is characterized by a special form of social solidarity, which is subordinated to the principle of brotherhood and the desire to change socially unfair conditions. The potential of such solidarity is present in civil society, and it requires constant mobilization.

---

³⁹¹ Ilyin, Ivan Alexandrovich (1883-1954). *Theory of law and the State [Text]* / I. A. Ilyin; edited and with a biographical sketch by V. A. Tomsinov. - 2nd edition, supplement. - Moscow: Zertsalo-M, 2014. - 550 p. - (Russian legal Heritage / Moscow State University named after M. V. Lomonosov, Law Faculty).; ISBN 978-5-94373-275-1. p. 97

The first foundation of solidarity during the Crimean events can be considered the desire to achieve a welfare state, the implementation of a policy of social support that can reduce social differences in the name of social justice and social integration.

The second foundation of the social solidarity of the Crimean Spring is the mobilization of social actions. According to Habermas, solidarity is the result of an individual experience in which everyone is responsible for the other, since they have common interests by virtue of a common identity. Therefore, under certain conditions, people see social differences as insignificant and accept "others" as part of "us", or, conversely, unite into a community of "we"³⁹².

The third foundation of social solidarity is the Crimean consensus. Since the events of the Crimean Spring of 2014, the Russian public has rallied, and public opinion has entered a new social state called the "Crimean consensus". They began to denote not just support for the actions of the Russian president for the return of the native Russian land – Crimea, and the new Russian foreign policy line as a whole, but also the consent of Russian society regarding basic patriotic principles.

The sociological data of that period testify to the demand for change, social justice and civic engagement^{393 394}. The trends of mass consciousness have become the leadership of post-materialistic values. The essential role of post-materialistic values in determining the new social agenda implies that the changes that are taking place are not temporary and reversible, but reflect a more fundamental process of social transition to a new social state. The "Crimean Consensus" can be considered as a point of reassembly of the national, cultural and civilizational unity of Russian society.

The fourth foundation of Crimean solidarity is characterized by their "insular nature" – living on a local territory unites people more in the face of emerging threats. This fact was observed during the Crimean events of 2014 and during the 2020 pandemic. In particular, in the self-isolating time, solidarity was formed as a regional

---

³⁹² Habermas J. Legitimationsprozesse im Spätkapitalismus. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1973., S. 61-63.

³⁹³ Nikolskaya, A., & Dmitriev, M. (2020). The End of the Crimean Consensus: How Sustainable are the New Trends in Russian Public Opinion?. *Russian Politics*, 5(3), 354-374.

³⁹⁴ Shatilov A.B. "Crimean consensus" of the Russian elite: causes and consequences // *Humanities. Bulletin of the Financial University*. 2015. No.2 (18). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/krymskiy-konsensus-rossiyskoy-elity-prichiny-i-posledstviya> (accessed: 07.02.2023).

"community of destiny", according to P. Baer's understanding, and the "peninsular" feature of solidarity was demonstrated both in people's behavior and in the field of communication³⁹⁵.

The concept of community of destiny characterizes collective action, describing it in a temporary gap of everyday life: moments dividing life into "before" and "after". A new collective action, formed by a "new destiny" (in the understanding of the Baehr – threat, emergency circumstances, risks and challenges), forms regional or territorial communities³⁹⁶. "Many sociologists since Durkheim and Moss have noticed that institutions reveal themselves under the pressure of circumstances, in a crisis situation. Communities of destiny are arranged differently: they owe their birth to such pressure, establishing a way of life that previously existed only in the bud"³⁹⁷.

Another systemic effect of the integration processes of the Republic of Crimea and Sevastopol into the Russian space is the level of trust that has been formed in Russian society against the background of the Crimean events. Moreover, the credibility has increased both in the Crimean community as an integrating one, and in the Russian community as a receiving one. Let's try to figure out how trust is formed in society and what it depends on.

The concept of trust is closely related to the concepts of social capital. In particular, the French sociologist P. Bourdieu, the American political scientist R. Putnam associate social capital with trust and reciprocity of relationships. According to Bourdieu, social capital is formed by obligations, that is, connections and relationships^{398 399 400 401 402 403}.

---

³⁹⁵ Yarmak O. V., Strashko E. V., Shkaiderova T. V. Reaction to the Covid-19 pandemic in the Internet audience of Moscow, St. Petersburg and Sevastopol (based on media analytical research) // Bulletin of the Institute of Sociology. 2020. Volume 11. No. 3. C. 121-142. URL: doi: 10.19181/vis.2020.11.3.666 (accessed 07.02.2023).

³⁹⁶ Baehr P. 2008. Caesarism, Charisma and Fate: Historical Sources and Modern Resonances in the Work of Max Weber. New Jersey: Transaction Publishers. 256 p.

³⁹⁷ Baehr P. 2008. Caesarism, Charisma and Fate: Historical Sources and Modern Resonances in the Work of Max Weber. New Jersey: Transaction Publishers. 256 p.

³⁹⁸ Bourdieu, Pierre. Ökonomisches Kapital, kulturelles Kapital, soziales Kapital, in: Kreckel, Reinhard (ed.) Soziale Ungleichheiten (Soziale Welt, Sonderheft 2). Göttingen: Otto Schwartz & Co., 1983. P. 183–198. Richardson, John (ed.) Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education. — NY, Westport, Conn.: Greenwood Press, 1986. P. 241-258.

³⁹⁹ Bourdieu P. Distinction: Social Criticism of judgment, Economic sociology. Volume 6. No. 3. May 2005. pp. 25-48. Translated by M. S. Dobryakova. Scientific editing: V. V. Radaev. // Electronic publication: Center for Humanitarian Technologies. — 18.09.2009. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/2601> (accessed: 07.02.2023).

In modern social knowledge, trust is considered as a philosophical, economic, psychological and actually social phenomenon. The philosophical aspect interprets trust in proportion to the category of faith (Socrates, Aristotle, Plato, Augustine the Blessed, P. Abelard, Thomas Aquinas, D. Locke, G. Leibniz, D. Hume, I. Kant, G. Hegel, V. Solovyov, I. Ilyin, etc.) or as a background problem^{404 405 406 407 408}. The psychological nature of trust is revealed as a personal characteristic, as an element of communication and communication, as social behavior (K. Jaspers, K. Horpi, E. Fromm, E. Eriksop, A. Maslow, S. Moscovici, K. Rogers, V. Frankl, J. Rotter, V.P. Zinchenko, T.P. Skripkina, A.L. Zhuravlev, P.N. Shikhirev)^{409 410 411 412 413 414 415}.

⁴⁰⁰ Deryugin P. P., Yarmak O. V., Shilyaeva A. S., Kurapov S. V., Strashko E. V., Lebedintseva L. A., Kamyshina E. A., Yarmak V. E. Human capital in the focus of modern sociological discourse // Monograph, Publishing House: Mediapapir LLC, Saint Petersburg, 2020, p. 172. ISBN: 978-5-00110-157-4. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44073661> (accessed: 07.02.2023).

⁴⁰¹ The human capital of corporate executives: features, structure, measurement: A collective monograph. – St. Petersburg: Mediapir, 2023 – 218 p.

⁴⁰² Deryugin P. P., Lebedintseva L.A., Yarmak O.V., Chikharev I.A., Yarmak V.E. Sociodynamics of the value of business qualities in the structure of human capital during the period of study at the university: the strategy of sociological diagnostics // Sociology of Science and Technology. 2020. Volume 11. No. 4, pp. 140-160 URL: doi: 10.24411/2079-0910-2020-14008 (accessed 07.02.2023).

⁴⁰³ Deryugin P. P., Lebedintseva L. A., Yarmak O. V., Travin R. A. Values and human capital of corporation employees: experience of network diagnostics // Scientific result. Sociology and Management. 2020. Vol. 6, No. 4. pp. 10-25. Access mode: doi: 10.18413/2408-9338-2020-6-4-0-1 (accessed 07.02.2023).

⁴⁰⁴ Fukuyama, Francis (1952). Trust: Social Virtues and the Path to Prosperity / Francis Fukuyama; [translated from English by D. Pavlova, V. Kiryushchenko, M. Kolopotina]. - Moscow: AST: Ermak, 2004 (Type. publishing house Samara. House of Printing). - 730, [3] p.; 21 cm. - (Philosophy).; ISBN 5-17-024084-8 (AST Publishing House").

⁴⁰⁵ Seligman, Adam. The problem of trust / Adam Seligman; Translated from English by I.I. Murberg, L.V. Soboleva. - Moscow: Idea Press, 2002. - 254 p.: portr.; 21 cm. - (Research on Analytical Philosophy) (CEU).; ISBN 5-7333-0051-5.

⁴⁰⁶ Giddens A. Consequences of Modernity. Stanford University Press, ISBN 1990 0804718911, 9780804718912, P. 186.

⁴⁰⁷ Luhmann N. Familiarity, Confidence, Trust: Problemes and Alternatives // Trust: Making and Breaking Cooperative Relations/ Ed. By D. Gambetta. Oxford, 1998.

⁴⁰⁸ Sztompka. Trust: A Sociological Theory. Cambridge: CUP, 1999.

⁴⁰⁹ Jaspers, Karl (1883-1969.). The meaning and purpose of history: [Collection: Trans. from it.] / Karl Jaspers; [Introduction by P. P. Gaidenko, pp. 5-26; Comment by V. N. Katasonova]. - 2nd ed. - Moscow: Republic, 1994. - 527,[1] p.; 22 cm. - (Thinkers of the XX century).; ISBN 5-250-02454-8 (In the lane): B. ts.

⁴¹⁰ Horney, Karen (1885-1952.). Neurotic personality of our time; Introspection / Karen Horney; Translated from the English by V. V. Starovoitov; General ed. [and afterword] by G. V. Burmenskaya. - Moscow: Progress : University, 1993. - 478,[2] p.; 20 cm.; ISBN 5-01-003803-X : B. ts

⁴¹¹ Fromm, Erich (1900-1980.). Psychoanalysis and Ethics: [Collection: Translation] / Erich Fromm; [Introduction by P. S. Gurevich]. - Moscow: Republic, 1993. - 414,[1] p.; 22 cm. - (Library of Ethical Thought).; ISBN 5-250-02353-3 (In the lane): B. ts.

⁴¹² Erickson, Eric Homburger (1902-1994). Identity: youth and crisis: Translated from English / General ed. and preface by A.V. Tolstykh. - Moscow: Progress, B. G. (1996). - 340,[2] p.; 21 cm. - (Library of Foreign Psychology).; ISBN 5-01-004479-X (In trans.): B. ts.

⁴¹³ Abraham H. Maslow. Toward a Psychology of Being. Litton Education Publishing, 1968. A.Maslow. Psychology of being. M.: "Refl-book" – K.: "Vakler", 1997 K.: PSYLIB, 2003.

⁴¹⁴ Moscovici, Serge. The machine that creates the gods / S. Moscovici ; Institute "Open Society". - Moscow : Center of Psychology and Psychotherapy : KPS+, 1998. - 556 p.; 22 cm. - (Library of Social. psychology).

⁴¹⁵ Frankl, Victor Emil (1905-1997). A man in search of meaning: [Collection] : Translated from English and German / V. Frankl; General ed. by L. Ya. Gozman, D. A. Leontiev; Introduction by D. A. Leontiev [pp. 5-21]. - Moscow : Progress, 1990. - - 366,[1] p.; 22 cm. - (B-ka abroad. psychology).; ISBN 5-01-001606-0 (In trans.).

Economic aspects of the interpretation of trust as a natural feeling of the individual (A. Smith), as opposed to alienation (K. Marx), as habits (A. Marshall), as an attribute of morality (K. Arrow), as an institutional trust (O. Williamson, M. Granovetter) are present in the works of A. Smith, M. Weber, G. Simmel, A. Marshall, P. Bourdieu, S. Moscovici, F. Fukuyama, K. Arrow, P. Sztompka, R. Nozick, F. Hayek⁴¹⁶. The theoretical research accumulated by the humanities on trust determines the use of an interdisciplinary approach to its analysis. The peculiarities of the sociological interpretation of the content of the concept of "trust" are measured through the categories of "social interaction", "social structures", "social order", "social communications", "social interactions" (E. Giddens, N. Luhman, D. Coleman, R. Putnam, A. Seligman, F. Fukuyama, R. Sztompka)⁴¹⁷.

Of great importance in the development of the topic of trust as a process of accumulation of social capital are the works of P. Bourdieu, R. Putnam, J. Coleman, F. Fukuyama, K. Arrow, A. Seligman, W. Beck⁴¹⁸. R. Putnam considers social capital in the context of the analysis of social institutions. He believes that distrust in society is a lack of cooperation and joint collective actions, that is, something that affects social systems with a negative effect. In his opinion, an effective state should rely not only on the vertical of power, but also on the horizontal cooperation of the public⁴¹⁹. At the same time, the researcher is based on the concept of social capital and comes to the conclusion that it is the key to effective management and economy, an indicator of cooperation. Putnam speaks about two dimensions of social capital: the first is structural — formal and informal social networks and the second is cultural — the creation of social norms, primarily norms of reciprocity, ensuring the general trust of the participants in contacts⁴²⁰. As criteria for describing the structural dimension, he uses

---

⁴¹⁶ "Panorama of economic thought of the 20th century / Executive Editor D. Greenway, M. Blini, I. Stewart (2002), "Economics and Sociology of Trust/ edited by Yu.V. Veselov (2004).

⁴¹⁷ Deriugin, Pavel, Vladimir Glukhikh, Olga Yarmak, Ekaterina Strashko, Elena Kamyshina, y Veronika Yarmak. (2020) 2021. «Evolution of strategies for human capital diagnostics». Revista Inclusiones, enero, 178-97. URL: <http://revistainclusiones.org/gallery/11%20VOL%207%20NUM%20Universidad%20OCT%20DIC%202020%20Rev%20I nc.pdf> (accessed: 07.02.2023).

⁴¹⁸ Ibid.

⁴¹⁹ Putnam, Robert D. (1994). Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy. Princeton, New Jersey, USA: Princeton University Press. p. 122. ISBN 978-0-691-07889-2.

⁴²⁰ Ibid.

the intensity of network social connections; for the cultural aspect, "horizontal connections" of equal citizens⁴²¹.

Putnam believes that cooperation arises from common actions of people, mutual exchange, in which "balanced" and "generalized" levels are distinguished. Balanced mutual exchange is based on equivalent values, whereas generalized exchange is based on permanent relationships and mutual expectations of exchange equivalence⁴²². As part of the analysis of generalized exchange, the question arises: under what conditions are individuals willing to follow norms, submit to control and group pressure, making concessions, and limiting their personal and social needs?

Putnam emphasizes the importance of social contexts of cooperation in which the norms of generalized exchange are combined with trust. He emphasizes that "trust is generated primarily where agreements between people are woven into a strong structure of personal and social ties"⁴²³. In his arguments about mutual exchange, Putnam refers to intra — group effects — cooperation and trust. Intra-group norms apply to the whole society and contribute to its cohesion and solidarity.

When asked about the primacy of trust, mutual exchange or cooperation, Putnam replies that voluntary membership in a group creates cooperation and trust. In this case, trust takes place not at the "exit" of social capital, but at its "entrance"⁴²⁴. Putnam divides social capital into "bonding" and "bridging social capital". "Unifying" capital is created in groups with strong internal ties and special mutual relations; "bridging capital" is "cosmopolitan", connecting participants of different groups and expanding the scope of mutual exchange⁴²⁵. First, the rallying capital is built up, that is, social ties are built and gaps are eliminated.

Based on these arguments, it can be stated that the "input" process of building trust to the Crimean events of 2014 began to be created even before the events themselves: these include collective actions aimed at cooperation with pro-Russian

---

⁴²¹ Putnam, Robert D. (1994). *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*. Princeton, New Jersey, USA: Princeton University Press. p. 122. ISBN 978-0-691-07889-2.

⁴²² Ibid.

⁴²³ Putnam, Robert D. (1994). *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*. Princeton, New Jersey, USA: Princeton University Press. p. 122. ISBN 978-0-691-07889-2.

⁴²⁴ Ibid.

⁴²⁵ Ibid.

movements, representatives of the political, economic, educational elites of Russia in the Ukrainian period; the creation of rules and norms, values and meanings related to Russia, the Russian world and the Eurasian space.

The phenomenon of trust in society is formed as a kind of advance, as certain obligations. The more obligations or "credits" to be fulfilled are accumulated, the stronger the social capital, and, accordingly, the trust⁴²⁶. Accumulated "credits" expand control over resources and events, strengthen power. Sociologist J. Coleman, in particular, believes that in such a situation, the overall benefits are also growing⁴²⁷. Putnam considered the process of trust formation, focusing on the integration potential of society. He believes that social relations form mutual obligations when individuals understand that in the future they will benefit by sacrificing momentary interests and going to cooperate.

Thus, it is the accumulation of social capital that is a condition for increasing the level of trust in society. Trust is understood as the expectation of reliability and predictability of the actions of other individuals. The need for trust arises due to people's lack of confidence in the future. "The stronger mutual trust and more reliable mutual aid relationships, the more branched and intertwined social networks are, the more stable and efficient society is"⁴²⁸. Therefore, it is trust that ensures the reliability and strength of relationships in society, and also supports confidence in the future at the level of individuals and social groups.

The ability of people to unite reflects the willingness to subordinate their interests to group interests and depends on the level of mutual trust formed by common interests and values⁴²⁹. It is this understanding of trust that F. proposed Fukuyama in his eponymous work⁴³⁰. According to him, trust is a condition of economic efficiency that

---

⁴²⁶ Coleman J. S. *Grundlagen der Sozialtheorie*. Bd. 1. München: Oldenburg, 1991. XVI. 474 p.

⁴²⁷ Coleman J. S. *Grundlagen der Sozialtheorie*. Bd. 1. München: Oldenburg, 1991. XVI. 474 p.

⁴²⁸ Belova D.A. Trust as a social factor in the development of the banking system in Russia // *Socio-economic problems of innovative development of the Russian economy: Materials of the International Scientific Student Congress, April 19-28, 2010* / Edited by O.V. Karamova. Part V. M.: Financial University, 2010. pp. 114-117.

⁴²⁹ Coleman J. S. 1990. *Foundations of Social Theory*. Harvard University Press: Cambridge, MA

⁴³⁰ Fukuyama F. *Trust: social virtues and the path to prosperity*: Translated from English / F. Fukuyama. — M.: LLC "Publishing House ACT": CJSC NPP "Ermak", 2004. — 730, [6] S. — (Philosophy). ISBN 5-17-024084-8.

allows a group of "individuals who, having an ethical community as a foundation, discover the prospect of effective joint work"⁴³¹.

Trust is considered one of the most popular topics in the social science today, since its achievement is a social problem, a mechanism that ensures social order. The need for social structures of trust is rooted in the fundamental indeterminism of social interaction. This indeterminism of relations between social actors, between their goals and means, resources, between production and consumption, between coercion and consent leads to unpredictability, uncertainty, global risks of public life.

The subject of intensive reflection is the study of the social nature of trust in the perspective of existing social problems, trust as a mechanism of interpersonal, intergroup, interinstitutional relations.

Trust is a reality of social existence, a productive social construction. It is produced by modern society and its socio-economic situation. Trust as social capital reflects current and past individual and social experience, reproduces archetypes and sets norms of relationships. Trust carries a collective memory. Through the mechanism of trust, the accumulation of social capital is ensured.

Trust is a necessary condition for normal social communication that ensures consent, dialogue and cooperation. The role of trust is increasing in the conditions of a new configuration of society in the global world situation. The trends of globalization require an improved mechanism of communication and cooperation, since the global social system is characterized by high differentiation, complexity, multidimensionality, uncertainty and risks. Risk is relevant today in almost all social activities, in all communications and interactions. There is a diffusion of trust and risk, when trust both produces and reduces global risks. The modern architecture of trust, the construction of mutual trust is designed to respond to these social realities. In this regard, today the topic of trust requires interpretation within the framework of an interdisciplinary approach, it should be revealed on the basis of the integration of humanitarian knowledge — sociology, psychology, economics.

---

⁴³¹ Fukuyama F. Trust: social virtues and the path to prosperity: Translated from English / F. Fukuyama. — M.: LLC "Publishing House ACT": CJSC NPP "Ermak", 2004. — 730, [6] S. — (Philosophy). ISBN 5-17-024084-8.

Economist A. Seligman calls for considering trust as "a cunning invention of society, only of a very peculiar nature, associated with the fundamental ambiguity of human existence"⁴³². This opinion is important to take into account, since it focuses on special attention to epistemological trust verification procedures.

The presented analysis can be considered as a theoretical attempt to understand the topic of trust within the social discourse, including in the focus of integration practices. In any case, it becomes obvious that trust is the most important problem of modern social science, since it determines the stability of the social order. The lack of a consolidated approach to the phenomenon of trust is due to the fact that the modern theory of social trust does not have a single subject of research, a universal set of methodological principles, but is a set of disciplinary approaches focused on aspects of the category. The current situation requires new empirical approaches and analysis aimed at resolving a number of methodological difficulties associated with the use of conceptual apparatus in various theories of social trust.

In modern social sciences, four main interpretations of trust dominate⁴³³. The first of them defines trust as an internal cognitive attitude of the subject (E. Erickson)⁴³⁴. The second direction considers trust as a subjective property of the subject (B. Barber)⁴³⁵. The third interpretation, which arose in the theory of rational choice (R. Hardin, D. Gambetta), is associated with the understanding of trust "as a degree of subjective probability reflecting an individual's assumption that an individual or a group of individuals will take this or that action..."⁴³⁶.

In the fourth interpretation, close to the interactionist approach, trust is considered as an expectation aimed at social cooperation and coordinated interaction with other

---

⁴³² Seligman, Adam. The problem of trust / Adam Seligman; Translated from English by I.I. Murberg, L.V. Soboleva. - Moscow: Idea Press, 2002. - 254 p.: portr.; 21 cm. - (Research on Analytical Philosophy) (CEU).; ISBN 5-7333-0051-5.

⁴³³ Ivanov A.V. Theory of social trust: methodological problems of socio-philosophical conceptualization // Modern problems of science and education. - 2015. - № 1-1; URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=18840> (accessed: 07.02.2023).

⁴³⁴ Erickson, E.H. (1902-1994). Identity: youth and crisis: Translated from English / General ed. and preface by A.V. Tolstykh. - Moscow: Progress, B. G. (1996). - 340,[2] p.; 21 cm. - (Library of Foreign Psychology).; ISBN 5-01-004479-X (In trans.) : B. ts.

⁴³⁵ Barber B. (1983) The Logic and Limits of Trust. New Brunswick, NJ: Rutgers Univ. Press.

⁴³⁶ Ivanov A.V. Theory of social trust: methodological problems of socio-philosophical conceptualization // Modern problems of science and education. - 2015. - № 1-1; URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=18840> (accessed: 07.02.2023).

subjects (Jan Fuze)⁴³⁷. It is this approach that is closest to the author, since it understands trust as a social phenomenon that arises in the process of communication, as an "indicator of cooperative interaction"⁴³⁸. Here trust is interpreted as a symbolic form structuring mutual expectations of subjects. The symbolic structure is formed as a result of successful collective interactions that form people's positive expectations and confidence in the future. Therefore, we believe that trust is a condition for the readiness to implement collective actions and cooperation initiated by communications.

In a similar vein, he considers trust and the interactionist approach: as the expectation of subjects focused on cooperative interaction, not only between individuals, but also institutional structures, organizations that form social norms and codes of conduct.

According to P. Sztompka's approach, trust is the emotional basis of cooperation⁴³⁹. Public networks act not only as a resource of individuals, but also as an attribute of entire associations, and often of the whole society. The proportion of circles of trust and distrust, reliability and unreliability, emerging in society, public "positive" and "negative" networks that connect or separate people, act as a criterion for determining the levels of high and low trust. If the "culture of trust" is strengthened, then they begin to believe others and try to be reliable towards them, the circles of trust expand. In societies with low trust, in which a culture of cynicism prevails, distrust and suspicion are spreading. In such societies, people do not trust anyone and feel free from responsibilities.

The components of trust are such collective actions as belonging to voluntary societies and attending their meetings, participating in public meetings, rallies and other events, voluntarily taking on tasks for the benefit of the community, participating in elections, which constitutes generalized trust. Accordingly, generalized trust, formed in the form of a trust credit as a result of the events of the Crimean Spring, turned out to be

---

⁴³⁷ Ivanov A.V. Theory of social trust: methodological problems of socio-philosophical conceptualization // Modern problems of science and education. – 2015. – № 1-1; URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=18840> (accessed: 07.02.2023).

⁴³⁸ Ibid.

⁴³⁹ Sztompka P. Sh92 Trust is the foundation of society / Peter Sztompka: translated from the Polish by N.V. Morozova. - M.: Logos, 2012. - 440 p. ISBN 978-5-98704-495-7.

a significant systemic factor in the formation of not only integrative practices in recent Russian history, but also contributed to the creation of social capital with new tasks, norms and principles focused on the Eurasian idea, civilizational proximity with Russia, the Russian world and Slavic peoples, which It led to the laying of the foundations not only of "island" solidarity within the Crimea, but also of the functioning of the credit of trust in the authorities in Russian society as a whole.

Conclusions of Chapter 2

The second chapter reveals the systemic interrelationships of civilizational foundations of the integration foundations of the Republic of Crimea and Sevastopol, its incoming conditions, the situation in which it is carried out, and its resulting indicators – that is, structural changes occurred as a result of consolidation both in the integrated community and in the adopted one.

The first paragraph – "Civilizational foundations of the integration of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol into the Russian space in the context of the neo-Eurasian integrative concept of the 21st century" – describes the integrative perspective of civilizational analysis of micro-level processes of social interaction and macro-level formation of structures of societies.

The integration trend of the interconnection of macro- and micro-levels of consolidation against the background of the expansion of re- and integration practices in the post-Soviet space in various regions of the world actualizes the Eurasian approach. We believe that modern neo-Eurasianism is not only able to describe the processes of reintegration in the post-Soviet space, but also to explain the reasons for the "gathering" – reassembly of a temporarily dispersed "split" Eurasian civilization.

It is substantiated that Russia has objective grounds for implementing such large-scale historical processes as Eurasian integration and reintegration trends in the post-Soviet space: a special cultural and civilizational code, successful experience in creating

super-complex social systems, experience in restructuring the world socio-economic system in the practice of systemic anti-capitalism⁴⁴⁰. The author suggests that the current integrations are carried out on the civilizational basis of the Eurasian consolidation of historically related peoples, which has gained new significance in the face of the challenges and risks of the modern insecure world.

The second paragraph – "Social integration of the Republic of Crimea and Sevastopol in the context of collective memory transformation, identity and value-semantic field" – reveals the level of social integration and its components affecting the change in the consciousness and behavior of individuals and social groups.

It is noted that social integration goes through the stages of acculturation (a form of social change as a result of contact with other cultures) and inculturation – this is what connects a person with the original socio-cultural context (J. Berry). If the inculturation of both Crimeans and Sevastopol residents until 2014 was in the socio-cultural space associated with Russia, then the period of acculturation is different in the Republic of Crimea and Sevastopol, to which part of the third chapter of the work will be devoted.

To create a holistic picture of the social integration, it is necessary to study identity, interethnic harmony and the structure of value consciousness. The author refers to the concepts of identity of the classics of sociology (E. Erickson, C. Cooley, J. G. Mead, T. Parsons, I. Hoffman, Y. Habermas, P. Berger, T. Lukman) and comes to the conclusion that identities are formed under the influence of social circumstances – with the change of society, identities also change. The reflection and indicator of integration and consolidation processes in the interethnic space is the national-state identity (L. M. Drobizheva, V.A. Yadov).

With regard to the Crimean integration, the author speaks about new types of identities that are modeled under the influence of the Crimean events: 1) situational identity caused by the crisis situation of 2014 and environmental threats; 2) supranational identity reflected in the shifting borders of national groups and the

---

⁴⁴⁰ Ponomareva E.G., Rudov G. A. Eurasian integration and the civilizational space of Russia // *Obozrevatel - Observer*. 2013. No. 9 (284). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evraziyskaya-integratsiya-i-tsilivizatsionnoe-prostranstvo-rossii> (accessed: 07.02.2023).

change of ethnic "labels" (F. Barth). In such conditions, a multi-layered identity is being formed, which has a Russian (national), ethnic and republican basis (L.M. Drobizheva). In the course of integration into the Russian space, Crimeans and Sevastopol residents have formed a multi-layered identity, and this process is carried out differentially in various ethnic groups of residents of the Crimean Peninsula.

Within the framework of this study, interethnic harmony is also analyzed, which is understood by the author as the achievement of positive interethnic relations and contacts, coordinated value orientations, readiness for interethnic interaction and the ability of people to live in a multiethnic community⁴⁴¹.

The reunification of the Republic of Crimea and Sevastopol with the Russian Federation outlined the problems of forming a new semantic and value field among the inhabitants of the peninsula, which is complicated by the fact that the value orientations of people of different ethnicities were formed in various historical and socio-cultural environments. In this regard, from the perspective of the study, it is necessary to understand not only the process of formation of interethnic harmony, forms of identity of Crimeans and Sevastopol residents, but also the structure of their value consciousness, life priorities and strategies, attitudes towards various ethnic groups. To analyze the dynamic changes in the structure of the value orientations of the inhabitants of the peninsula, the author refers to the approaches of the Russian classics of sociology A.G. Zdravomyslov and V.A. Yadov, as well as to the value concept of R. Inglehart.

Attention is paid to such a social phenomenon of modern societies as manipulation of collective historical memory. `Recently the processes of manipulation with ethnic history and cultural symbols have been recorded in order to transform and construct ethnic identity.

The understanding of collective memory as a scientific category (A. Funkinsein, K. Klein, P. Nora) allowed us to explain the influence of communications and digitalization on the formation of new forms of collective historical memory with the

---

⁴⁴¹ Skatkov A.V., Voronin D.Yu., Yarmak O.V., Kuznetsov P.N., Evstigneev V.P. Evaluation of the dynamics of interethnic harmony when using a set of Markov and semi-Markov models // International Journal of Open Information Technologies. 2021. Vol. 9. No. 2. pp. 59-64. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44683447> ; <http://www.injoit.org/index.php/j1/article/view/1072> (accessed: 07.02.2023).

creation of visual and mental symbols – the "memory revolution" (in the understanding of J. Le Goff). The author's research of the media component of collective historical memory made it possible to search for the meaning of the past placed in a certain cultural context, where collective memory appears to be a kind of multimedia collage.

The author uses the concept of "frame" (M. Halbwachs) when explaining the formation of symbols of the past, to which a person turns from the present, using landmarks at the suggestion of his environment. At the same time, the digital age represents the past through media visualization of historical events, and therefore modern memorial culture does not create unified narratives, remaining chaotic, fragmented and unstructured. On the one hand, going beyond the national framework of history opens up new opportunities, but, on the other, a new memorial policy is being formed based on pluralism and appeal to individual experience.

The author suggests that the social integration of Crimeans and Sevastopol residents occurs not only on a civilizational basis, but also during the period of environmental challenges, which to some extent determined the political and civil choice of people who found themselves in a situation of artificially created resource blockades, banking and financial restrictions, existential threats, military insecurity. This situation has led to the formation of a new situational identity, the shifting of ethnic boundaries between national groups, the creation of common collective meanings. These processes cannot be taken out of the communication context with the predominance of manipulative technologies aimed at destroying the civilizational, historical, cultural foundations of the integration process of the Republic of Crimea and Sevastopol into Russian society.

The third paragraph – "The environmental integration of the Crimean Peninsula and the contours of a new social contract" – reveals the impact of the current environmental and resource situation on the creation of a new global social contract and on current integrations formed by the environmental risks.

The author suggests that the integrations of the modern world, previously carried out on the basis of anthropological similarities – "human universals" (D. E. Brown), linguistic – language (N. Chomsky, St. Pinker, Y. Habermas) and ethical rules – in the

form of religion (J. Hick, K. Jaspers), cannot be explained by these grounds. The modern world is characterized by the dominance of one state over all others and the ability to selectively limit resources to countries or territories that do not want to submit to this dominance. The advent of the era of global tyranny creates conditions for integration processes on an ecological or environmental basis, as well as for the conclusion of a global social contract (the concept of "planetary maturity" by G. Martin).

Thus, the author emphasizes that the global social contract symbolizes integration in order to prevent conflicts of an environmental nature created in an artificial way. The proposed approach helps to describe the causes of integration processes in the post-Soviet space, in particular, the emergence of environmental threats that occurred on the Crimean Peninsula - water, energy, food and other blockades, and environmental threats created from the outside of the current integration of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol into Russia, which contributed to the transition to its next level – environmental.

The author claims that it was the environmental integration of the Crimean Peninsula, which began due to resource constraints, that contributed to an increase in support for Crimean integration among those who doubted its necessity.

In the fourth paragraph – "Island" solidarity and the credit of trust as systemic effects of the integration of the Republic of Crimea and Sevastopol into Russia "solidarity and the credit of trust" – analyzes the features of the integration of the Republic of Crimea and Sevastopol into the Russian space, manifested in the form of the intra-Crimean effect – "island" solidarity, and the mainland-Russian effect – the credit of trust that was formed in Russian society after the Crimean events of 2014.

The author considers two key sociological categories – solidarity and trust. Social solidarity presupposes the observance of rules and the presence of values, which implies that it is based not only on external coercion, but on shared collective meanings. Analysis of the concepts of solidarity of the classics of sociological thought (O. Comte, E. Durkheim, K. Marx, M. Weber, A. Schutz, G. Bloomer, Y. Habermas, P. Bourdieu, M.A. Bakunin, P.L. Lavrov, L.I. Mechnikov, P.A. Kropotkin, N.K. Mikhailovsky,

M.M. Kovalevsky, P.A. Sorokin), modern thinkers (V.O. Rukavishnikov, A.Y. Flier, Y.G. Volkov, A.S. Akhiezer, L.D. Gudkov, A.P. Zaostrovstev, V.I. Pantin, V.V. Lapin, V.G. Fedotova, N.E. Tikhonov) showed that social solidarity performs a vital function — the reproduction of the social system at any hierarchical level – from groups of primary social practices to society as a whole.

The author notes that in the modern conditions, taking into account the re- and integration processes that have begun in the post-Soviet space, it is necessary to search for an effective model of social cohesion. An innovative idea is expressed that solidarity in Russian society is formed through microsocial practices of everyday interaction and macrosocial initiatives for the formation and maintenance of solidarity at the societal level. An example is the referendum on the entry of the Republic of Crimea and Sevastopol into the Russian Federation, the post-referendum rises and the level of "Crimean consensus" that has developed not only in Crimea, but also in Russian society and post-Soviet countries.

The type of social solidarity that arose as a result of the Crimean consensus is substantiated. The author believes that the Crimean referendum and the subsequent perception of the Crimean events in Russian society can be characterized as a form of social solidarity based on the principle of "insularity", that is, living on a local territory, which strengthens the cohesion of people in the face of emerging threats, forms a regional "community of destiny" (in the category of P. Baehr) and leads to the manifestation of the "peninsular" features of solidarity both in the daily behavior of people and in the field of communications.

Another systemic effect of the integration processes of the Republic of Crimea and Sevastopol into the Russian space is the level of trust formed in Russian society after the events of the Crimean Spring. It is noted that the credit of trust has increased both in the Crimean community as an integrating one and in the Russian — receiving one.

The concept of trust is closely related to the concepts of social capital (P. Bourdieu, R. Putnam, J. Coleman, F. Fukuyama, K. Arrow, A. Seligman, W. Beck).

In particular R. Putnam speaks of trust as an intra-group effect that occurs at the "entrance" of the formation of the social capital of a new education.

Based on these arguments, the author states that the "input" process of building trust in the Crimean events of 2014 began to be created even before the events themselves, back in the Ukrainian period using "soft power" mechanisms in cooperation with pro-Russian movements, political, economic, educational actors of Russia. The formed trust credit as a result of the events of the Crimean Spring turned out to be a significant systemic factor in the formation of not only integrative practices in recent Russian history, but also contributed to the creation of a new quality of social capital focused on the Eurasian idea, civilizational proximity with Russia and the Russian world.

Chapter 3 The effects of the social spaces reassembly in the process of integration of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol into Russian society

The third chapter presents the results of monitoring sociological and digital studies conducted with the participation and under the guidance of the author.

The first paragraph – "Integration process of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol into Russian society. The design of sociological measurements" – presents the theoretical foundation, methodology of the study, its goals and objectives, describes the scientific novelty of the empirical data obtained. The research methodology is based on new institutionalism, network and cognitive approaches, comparative and conflictological analysis.

The second paragraph – "Historical memory as the basis of the civilizational integration of the Crimean Peninsula into the Russian space" – describes the processes of formation of collective historical memory, which are the result of the Ukrainian period and are in transit at the moment.

The third paragraph – "Identity and the value-semantic field as indicators of the social integration of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol" – is devoted to the analysis of factors influencing the formation of national identity in the ethnic groups "Russians", "Ukrainians" and "Crimean Tatars", as well as the process of transformation of the value-semantic field in these selected national groups.

The fourth paragraph – "The communicative level of integration of the Crimean Peninsula and the challenges of the communicative space: the results of digital measurements using the big data method" reflect the results of digital studies of the Crimean and Sevastopol Internet segments, which allowed us to fix communication as a factor in the formation of unconventional social attitudes in the real living environment of the inhabitants of the peninsula.

The fifth paragraph – "The infrastructural dynamics of Crimea in the assessments of its residents as an indicator of environmental integration" – reflects the assessment of infrastructural changes and social opportunities that have occurred in Crimea since March 16, 2014 to the present. It is assumed that these assessments could identify factors contributing to or hindering the experimental measurement of the integration process.

In the sixth paragraph – "The image of Russia among the residents of Crimea in the light of the new opportunities of the Russian society system" – the results of the study of the image of Russia formed in the minds of residents of the Republic of Crimea and Sevastopol during integration into the Russian state are presented.

§ 3.1. Integration process of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol to the Russian society. The design of sociological measurements

The theoretical foundation of the measurements carried out were the theories of discourse (E. Laclau, S. Mouff, T. van Dijk, N. Fairclough, D. Potter), the theory of collective representations (G. Lebon, G. Tarde, S. Moscovici, G. Marcuse, H. Ortega y Gasset, E. Durkheim), the theory of framing (T. Takeshita, H. D. Wu, R. Coleman, M. McCombs, W. Gamson, A. Modigliani), the theory of the agenda (W. Lippman, E. Rogers, J. Deering, M. Reynolds), the theory of resource mobilization (J. McCarthy, M. Sald, K. Wilson, A. Obershol), the concept of relative deprivation (S. Stauffer, R. Merton, V. Ruinsiman), concepts of factors of socio-political destabilization (J. Goldstone, N. Bakr, F. Howard, M. Parks, A.V. Korotaev, L.M. Isaev, A.R. Shishkina), the tradition of realism in the analysis of the nation and interethnic relations (B. Anderson, W. Altermatt, E. Gellner, E. Hobsbawm), theories and concepts of social, ethnic and interethnic attitudes (G. Allport, M. Smith, D. Uznadze, L. M. Drobizheva, Y. V. Harutyunyan, A. A. Susokolov), concepts of social and cultural distance (G. Simmel, T. Park, E. Burgess, L. von Wiese, A. Farnham,

S. Bochner), concepts and theories of the system of identities and ethnic identity (E. Erickson, G. Tashfel, J. Turner, J. G. Mead, N. Luhman, P. Berger), concepts and theories of interethnic and interfaith harmony (V.A. Tishkov, L.M. Drobizheva, M.K. Gorshkov, M.M. Mchedlova), concepts of integration and consolidation of society (V.A. Yadov, N.M. Velikaya, T.I. Zaslavskaya, E.A. Ageeva)⁴⁴².

The research methodology is based on the following approaches: new institutionalism, network and cognitive approaches, comparative and conflict analysis. The new institutionalism allows us to explore the rationality of choosing a strategy of behavior in a complex society (D. North, E. Ostrom, K. Shepsl). The network approach makes it possible to study the relationship between the mobilization of political action and the network activity of Internet users (G.V. Gradoselskaya, L.V. Smorgunov, A.S. Sherstobitov). The cognitive approach focuses on the analysis of the processes of interethnic world formation, as well as the perception and interpretation of messages of interethnic discourse broadcast in the space of social media (R. J. Dalton, G.V. Pushkareva, E.B. Shestopal). Comparative analysis is used in the study to compare the content features of structural changes and the systemic effects of the integration process in the Republic of Crimea and Sevastopol. The conflictological analysis makes it possible to understand the procedural and functional features of the cases considered in the study⁴⁴³.

The aim of the empirical study was to study the foundations, effects and levels of integration of the Republic of Crimea and the federal city of Sevastopol into Russian society. The objectives of the study were defined as:

- identification of value orientations, personal attitudes, life strategies, the foundations of national and state identity, the image of the Russian state, the potential of

---

⁴⁴² Interethnic and interreligious harmony in the student environment of Crimea and Sevastopol: monitoring and analysis of the level of development: a collective monograph / Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Sevastopol State University. University; ed. by O.V. Yarmak. – Sevastopol: SevSU, 2019. – 144 p. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42520704> (accessed: 07.02.2023).

⁴⁴³ Interethnic and interreligious harmony in the student environment of Crimea and Sevastopol: monitoring and analysis of the level of development: a collective monograph / Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Sevastopol State University. University; ed. by O.V. Yarmak. – Sevastopol: SevSU, 2019. – 144 p. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42520704> (accessed: 07.02.2023).

interethnic and interreligious consent of residents of the Republic of Crimea and the federal city of Sevastopol;

- identification of sources of disintegration factors in the real and digital environments of the Crimean Peninsula;

- analysis of the content characteristics of the Crimean and Sevastopol Internet segments, which are a structural component of the communicative integration of new regions;

- identification of structural features of non-conventional historical information flows in the social and media space of the Crimean Peninsula;

- identification of factors hindering and contributing to the forming of integration practices in the youth environment of the Republic of Crimea and the federal city of Sevastopol.

The object of the study is the population of the Crimean peninsula, and students studying at universities of the Republic of Crimea and the federal city of Sevastopol were studied separately. The relevance of addressing youth as an object of analysis is due to the fact that it is a synthesizer of ideas, a conductor of certain opinions and attitudes⁴⁴⁴. Russian Russians were classified into the group "Russians", Ukrainians – into the group "Ukrainians", and the Crimean Tatar population – into the group "Crimean Tatars". Three groups were identified in the object of analysis on a national basis: those who consider themselves to be Russians – were assigned to the group "Russians", Ukrainians – to the group "Ukrainians", to the Crimean Tatar population - to the group "Crimean Tatars".

The subject of the study were elements of mass consciousness (value orientations, personal attitudes), life strategies, the foundations of the national and state identity of Crimeans and Sevastopol residents, forms of identity, the image of the Russian state, assessments of socio-economic changes on the peninsula, the potential of interethnic and interreligious consent of residents of the Republic of Crimea and the federal city of Sevastopol.

---

⁴⁴⁴ Yarmak O.V., Deryugin P.P., Yarmak V.E. Social portrait of a modern student // Discourse. 2019. Vol. 5. No. 4. pp. 53-64. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41211767> (accessed: 07.02.2023).

The scientific novelty of the empirical results obtained consisted in identifying the foundations, effects and levels of the integration process of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol into the Russian society; features of integration practices in various ethnic and generational groups of the peninsula; in the study of forms of identity and its structural components, in particular value orientations and meanings, the image of Russia, assessments of socio-economic changes on the peninsula and opportunities for professional growth.

The analysis of the information field of the Crimean Peninsula, which formed the communicative level of integration of Crimea into the Russian media and Internet space, has a special scientific significance in connection with the conditions of cognitive and hybrid confrontation in which Russia has been since 2014.

A separate area of analysis concerning the civilizational connection of a large area of Russia with an integrated community – the Republic of Crimea and the city of Sevastopol, has a special scientific novelty in connection with the ongoing tectonic changes in social orders.

When analyzing the available empirical material, it was suggested that the integration process differs in ethnic groups identified by national self-determination – "Russians", "Ukrainians" and "Crimean Tatars". The author also hypothesized that the dynamics of integration is different, taking into account the generational characteristics of the object of study.

To measure the components of interethnic harmony among students, the Bogardus scale was used, modified for the subject of the author's research. The toolkit contained special questions concerning the attitude to the history of the Russian state, understanding the image of modern Russia, determining the structure of identity, value orientations, readiness for interethnic contacts.

The structural operationalization of the main categories of the study was carried out through the disclosure of the following concepts (Table 1).

Table 1. Structural operationalization of the main research categories.

Indicators	Variables
<i>Mass survey</i>	
Historical memory	<ul style="list-style-type: none"> • interest in history; • assessment of the main achievements of previous generations of Russians; • experiencing the commonality of historical destiny; • perception of personal involvement in the history of the country; • assessment of the connection of family history with the history of Russia; • the desire to obtain information about the history of the country, outstanding Russians; • formation of ideas about responsibility for the preservation of historical heritage; • practical experience of participation in the preservation of historical heritage; • assessment of the historical trajectory of Russia
Patriotism	<ul style="list-style-type: none"> • the structure of patriotism; • visiting iconic places of Russian history and modernity of Russia; • the desire to visit iconic places of Russian history and modern Russia; • knowledge of the words of the Russian anthem
Identity system	<ul style="list-style-type: none"> • structural characteristics of identity levels; • assessment of the degree of pride for belonging to the definite social group; • specifics of national-state identity; • formation of national and state identity; • the foundations of identity (cultural, religious, national, political, territorial, the "native land" factor, etc.)
Value hierarchy	<ul style="list-style-type: none"> • life priorities; • structure of value orientations; • value-semantic field of the youth environment; • assessment of personal qualities when evaluating the "other"; • youth opinion leaders; • life strategies
Social attitudes about interethnic harmony in the country / on the Crimean Peninsula	<ul style="list-style-type: none"> • attitude to the multinational nature of Russia; • attitude to the multi-confessional nature of Russia; • assessment of the state of interethnic relations in Republic of Crimea and Sevastopol; • readiness for interethnic contacts in the family (close environment) and reference groups
Behavioral attitudes	<ul style="list-style-type: none"> • self-assessment of the degree of activity of the life position; • the desire to participate in the implementation of social projects; • taking part in charity and volunteer activities

Continuation of the table 1

The Image of Russia	<ul style="list-style-type: none"> • perception of the Russian state; • assessment of the geopolitical status of modern Russia; • assessment of the cultural and spiritual and moral potential of modern Russia; • assessment of the level of protection of sovereignty by the Russian state; • assessment of the reunification of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol after four, five and six years
Infrastructural transformations of the Crimean Peninsula	<ul style="list-style-type: none"> • assessment of the changes that have occurred in the Republic of Crimea and Sevastopol from March 16, 2014 to the present; • assessment of the economic changes that have occurred in the Republic of Crimea and the city of Sevastopol from March 16, 2014 to the present; • assessment of infrastructure changes that have occurred in the Republic of Crimea and the city of Sevastopol from March 16, 2014 to the present; • assessment of interethnic changes that have occurred in the Republic of Crimea the city of and Sevastopol from March 16, 2014 to the present; • assessment of social changes that have occurred in the Republic of Crimea and the city of Sevastopol from March 16, 2014 to the present; • assessment of the level of security in the Republic of Crimea and the city of Sevastopol from March 16, 2014 to the present; • assessment of educational opportunities in the Republic of Crimea and the city of Sevastopol from March 16, 2014 to the present; • assessment of social security of students in the Republic of Crimea and the city of Sevastopol from March 16, 2014 to the present; • dynamics of priority tasks of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol
<i>In-depth interviews</i>	
Cognitive components of the attitudes of the integration process of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol into Russian society	<ul style="list-style-type: none"> • characteristics of the situation in the Republic of Crimea and the city of Sevastopol; • perception of the reunification of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol with Russia; • assessment of the reunification of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol after four years and five years; • assessment of the changes that have occurred in the Republic of Crimea and the city of Sevastopol from March 16, 2014 to the present; • assessment of the economic changes that have occurred in the Republic of Crimea and the city of Sevastopol from March 16, 2014 to the present; • assessment of infrastructure changes that have occurred in the Republic of Crimea and the city of Sevastopol from March 16, 2014 to the present; • assessment of interethnic changes that have occurred in the Republic

Continuation of the table 1

	<ul style="list-style-type: none"> • of Crimea and the city of Sevastopol from March 16, 2014 to the present; assessment of social changes that have occurred in the Republic of Crimea and the city of Sevastopol from March 16, 2014 to the present; • assessment of the level of security in the Republic of Crimea and the city of Sevastopol from March 16, 2014 to the present
Affective components of the attitudes of the integration process of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol into Russian society	<ul style="list-style-type: none"> • assessment of expectations related to the reunification of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol with Russia; • description of the work of social elevators, the professional and educational opportunities that have opened up; • assessment of educational opportunities in the Republic of Crimea and the city of Sevastopol from March 16, 2014 to the present
Behavioral components of the attitudes of the integration process of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol into Russian society	<ul style="list-style-type: none"> • assessment of measures taken by the Russian authorities in the field of infrastructure reconstruction of the Crimean Peninsula; • assessment of the actions of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol authorities to integrate the peninsula into the Russian economic, educational, social and cultural space • readiness for activities aimed at improving life on the Crimean Peninsula and strengthening the integration process.

The strategy of applied research was hybrid in nature and was based on a combination of quantitative and qualitative methods used to analyze the foundations, effects and levels of the integration process in the Crimean and Sevastopol communities. The empirical research model was based on the triangulation of quantitative, qualitative and digital methods. By combining quantitative – mass survey, qualitative – in-depth interview, content and discourse analysis, digital methods – cybermetry of Internet content, the empirical research model allowed for a comprehensive analysis of the foundations, effects and levels of integration of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol into the Russian society.

The research project involved conducting a monitoring sociological study for three years based on a combination of quantitative and qualitative methods, namely:

1. Mass survey:

– in 2017 and 2018, a mass survey was conducted using a questionnaire method with a sample of 3,200 students of the Republic of Crimea and Sevastopol (2,000 Crimeans and 1,200 Sevastopol residents aged 17 to 25 years), representative by territory of residence, gender, nationality, subject to the maximum sampling error of no

more than 3% (1,600 respondents annually for two years of project implementation) (Table 2 and 3). In the mass survey, a multi-stage sample was used, built using the procedure of step-by-step selection of objects of analysis. In this case, the set of objects selected at the previous stage becomes the starting point for selection at the next. At the first stage, probabilistic (nest) sampling was applied. The first stage selection units (primary units) are types of settlements with the presence and absence of university structures. At the second stage, quota sampling was used. The selection units of the second stage (secondary units) were determined on the basis of information (quota parameters) about the total number of students at the university, that is, elements of the general population. The units of analysis were selected using simple random selection, in which the probability of being included in the sample is the same for all units of the population.

Table 2. The volume of the sample population of the 2017 research wave

№	Name of the university	Number of students interviewed
Republic of Crimea		
1	Humanitarian and Pedagogical Academy, Yalta (FGAOU VO "KFU named after V.I. Vernadsky")	138
2	Yevpatoria Institute of Social Sciences, Yevpatoria (FGAOU VO "KFU named after V.I. Vernadsky")	103
3	Tauride Academy, Simferopol (FGAOU VO "KFU named after V.I. Vernadsky")	708
4	Институт экономики и управления, г. Симферополь (ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»)	99
5	Institute of Economics and Management, Simferopol (FGAOU VO "KFU named after V.I. Vernadsky")	105
6	In total	1153
Sevastopol		
7	The Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Sevastopol State University"	285
8	Sevastopol branch of Plekhanov University of Economics	62
9	The Sevastopol Branch of Moscow State University	61
10	Sevastopol Economics and Humanities Institute (Branch) of V.I. Vernadsky Crimean Federal University	39
	In total	447
	TOTAL	1600

Table 3. The volume of the sample population of the 2018 research wave

№	Name of the university	Number of students interviewed
Republic of Crimea		
1	Humanitarian and Pedagogical Academy, Yalta (FGAOU VO "KFU named after V.I. Vernadsky")	98
2	Yevpatoria Institute of Social Sciences, Yevpatoria (FGAOU VO "KFU named after V.I. Vernadsky")	123
3	Tauride Academy, Simferopol (FGAOU VO "KFU named after V.I. Vernadsky")	151
4	Institute of Economics and Management, Simferopol (FGAOU VO "KFU named after V.I. Vernadsky")	41
5	Academy of Bioresources and Environmental Management, Simferopol (FGAOU VO "KFU named after V.I. Vernadsky")	200
6	Academy of Construction and Architecture, Simferopol (FGAOU VO "KFU named after V.I. Vernadsky")	20
7	Medical Academy named after S.I. Georgievsky, Simferopol (FGAOU VO "KFU named after V.I. Vernadsky")	195
8	Institute of Economics and Management, Simferopol (FGAOU VO "KFU named after V.I. Vernadsky")	21
9	Kerch State Maritime Technological University	76
10	Crimean University of Culture, Arts and Tourism	56
	In total	981
Sevastopol		
11	The Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Sevastopol State University"	465
12	Sevastopol branch of Plekhanov University of Economics	54
13	Sevastopol Branch of Moscow State University	60
14	Sevastopol Economics and Humanities Institute (Branch) of V.I. Vernadsky Crimean Federal University	40
	In total	619
	TOTAL	1600

– in 2020, a mass interview survey was conducted with a total sample of 2,000 people (1,265 residents of 16 cities of the Republic of Crimea - Alupka, Alushta, Armyansk, Bakhchisarai, Belogorsk, Dzhankoy, Yevpatoria, Kerch, Krasnoperekopsk, Saki, Simferopol, Old Crimea, Sudak, Feodosia, Shchelkino, Yalta and 735 residents of the city of Sevastopol aged 18 years and older, representativeness by territory of residence, gender, age, subject to the maximum sampling error of 3%) (Table 4).

Table 4. The volume of the sample population of the 2020 research wave

№ п/п	City	Number of respondents
Republic of Crimea		
1	Alupka	13

Continuation of the table 4

2	Alushta	39
3	Armiansk	26
4	Bakhchisarai	39
5	Belogorsk	26
6	Dzhankoi	51
7	Yevpatoriya	143
10	Saki	39
11	Simferopol	455
12	Old Crimea	13
13	Sudak	26
14	Feodosiya	79
15	Shchelkino	13
16	Yalta	91
Total (in the Republic of Crimea) 1300		
17	Sevastopol	700
	Total (in the city of Sevastopol)	700
	TOTAL	2000

2. In-depth interviews:

– in 2017 and 2018, in-depth interviews with 160 students covering representatives of different territories, nationalities, genders were conducted. This method made it possible to analyze the process of formation of forms and foundations of identity, values, symbols and meanings of mass consciousness of residents of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol. In the process of in-depth interviews, cognitive, affective and behavioral components of attitudes of integration practices of new regions were identified.

When conducting in-depth interviews, non-random (improbability) sampling was used with the help of directional selection, involving the selection of units according to a predetermined principle: the allocation of individual characteristics (gender, nationality, territory of residence). In addition, the intensity of the user's involvement in Internet communication (at least once a week) and the presence of an account in one of the social networks were taken into consideration. Thus, in-depth interviews were conducted with respondents from among the participants of the mass survey who most fully disclose their positions. The volume of the sample set of in-depth interviews of the research waves of 2017 and 2018 amounted to 80 respondents each.

Quality assurance of research procedures was monitored at all stages of the monitoring of social research. As part of the control, such activities as expert evaluation of the research program, mass survey tools and in-depth interview guide, quality control of filling out forms of questionnaires and interviews, control over the permissible level of sampling error, data processing, as well as discussion of research results at scientific seminars and conferences have been implemented. The selection of respondents for in-depth interviews was carried out based on the results of a mass survey, and here such actions as constructing a sample population taking into account gender, nationality, university and type of settlement were carried out as control.

3. Digital methods:

– cybermetry of the Crimean and Sevastopol Internet segments using the IQBuzz online social media monitoring service, with a depth of unloading Internet content in 2016-2019, the volume of unloading – more than 1 million messages from the three most popular social media (Instagram (banned in the Russian Federation), Facebook (owned by Meta – banned in the Russian Federation), VKontakte). The cybermetric analysis allowed to study the impact of Internet communications on the formation of integration practices of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol, to analyze information flows dedicated to interethnic harmony in social media, to identify hubs of interrelationships of thematic groups and communities;

– cybermetry of information flows of social media of the Crimean and Sevastopol Internet segments. The basis of the design of the implemented cybermetry was social media analytics, performed by uploading and analyzing social media messages using the Russian monitoring system of social networks "Medialogia". About 800,000 information documents (messages, comments) were accumulated (upload depth 2019-2020) from social networks, forums, blogs, messengers; such parameters of information flows as weight, dynamics, tonality, socio-demographic characteristics of the authors of the flow are determined;

– content and discourse analysis of information events focused on historical topics (discourse about Victory, the role of Sevastopol in it) with the analysis of 109

information events for the period 2018-2020 and 100 information events for the period February-May 2022, namely:

1. Federal resources (RT (<https://russian.rt.com>), ITAR-TASS News Agency (<https://tass.ru>), RIA Novosti (<https://ria.ru>), Rossiyskaya Gazeta (<https://rg.ru>), Mir 24 (<https://mir24.tv>), OTR (<https://otr-online.ru>), Tsargrad TV (<https://tverigrad.ru>), IA REGNUM (<https://regnum.ru>), websites TVP Kultura (<https://www.culture.ru>), Russian Geographical Society (<https://www.rgo.ru>), Pobeda.RF (<https://pobedarf.ru>), MVD RF (<https://мвд.рф>), Rosgvardiya (<https://rosguard.gov.ru>), <https://gogov.ru>, <https://konkurent.ru>, «Moment istini» (<https://moment-istini.com>), Krasnaya Vesna (<https://rossaprimavera.ru>), Glas naroda (<https://glasnarod.ru>)).

2. Peninsular resources:

2.1) Crimean (RIA Crimea (<https://crimea.ria.ru>), Crimea PRESS (<https://crimeapress.info>), Kerch FM (<https://kerch.fm>), crimea9.ru),

2.2) Sevastopol (Informer (<https://ruinformer.com>), the branch of the “Komsomolskaya Pravda” (<https://www.sevastopol.kp.ru>), «Sevkor» (<https://sevkor.ru>), ForPost (<https://sevastopol.su>), Slava Sevastopolya (<https://slavasev.ru>), Noviy Sevastopol (<https://new-sebastopol.com>), Bezformata. Sevastopol (<https://sevastopol.bezformata.com>), SevastopolMedia (<https://sevastopolmedia.ru>), TRK NTS (<https://sev.tv>)).

3. Regional resources (application Gorod 24 (<https://gorod24.online>), <https://54rus.org> (Novosibirsk), <https://volgograd-trv.ru> (Volgograd), <https://bel.ru> (Belgorod), <https://vorle.ru> (Orel), <https://www.mvestnik.ru> (Murmansk), <https://news.1777.ru> (Stavropol), <https://ugorskinfo.ru> (Yugra), <https://primpress.ru> (Vladivostok).

– Cybermetric analysis of the Internet space of messages on historical topics with the volume of unloading 45239 messages, the depth of unloading – November-December 2020, using the Russian monitoring system for the analysis of social networks "Medialogia".

The use of the Russian online social media monitoring service "Medialogia" made it possible to accumulate and structure information documents (messages,

comments) from social networks, forums, blogs, messengers and to determine such parameters of information flows as the weight of the information flow, its dynamics, socio-demographic characteristics of the authors of the flow, their geolocation, the tonality of Internet content. The design of the study was based on social media analytics, carried out by uploading and analyzing social media messages using the Russian monitoring system for the analysis of social networks "Medialogia", the analysis of the received social big data.

The data obtained by the author can be interpreted as "big sociological data" that allows analyzing a person's interaction with information, his behavior on the Internet, which makes it possible to talk about the formation of a new methodological paradigm of social sciences, according to which a person's reality does not correspond to an ideal order, but is embedded in information and communication networks⁴⁴⁵.

We consider, that "social big data" can be considered not as a technocratic phenomenon that has opened a new research agenda for the social sciences in the aspect of studying human behavior, but as a new type of social phenomenon that allows analyzing information flows in society, social interaction and social exchange provided by communication technologies and forming mental models – matrices of awareness in people of current situations. Social big data allows you to analyze socio-political reactions to events in social media and consider them as a new type of social phenomenon that allows you to analyze social interaction provided by communication. But still, a number of disadvantages are inherent in large sociological data: firstly, the question of the reliability of the personal parameters of the audience data; secondly, the limitations of the audience: the researcher works only with the audience that is included in the databases; thirdly, the technical problem is the problem of transparency in constructing the mechanism of the algorithm for generating and uploading data. In this regard, we believe that for a comprehensive solution of the research problem, the data of

---

⁴⁴⁵ Olga Yarmak, Mariya Bolshakova, Anastasiya Maranchak, Zoya Savina. Sevastopol in the Historical Memory of the Great Patriotic War: Media Space Analysis // The European Journal of Social & Behavioural Sciences EJSBS Volume XXX (eISSN: 2301-2218) doi:10.15405/ejsbs.294 URL: https://www.europeanpublisher.com/data/articles/10000/10036/article_10000_10036_pdf_100.pdf; <https://doi.org/10.15405/ejsbs.294> (accessed: 07.02.2023).

the analysis of social media should be accompanied by traditional sociological methods⁴⁴⁶.

The conducted digital research was based on an interdisciplinary approach to the study of communication and an information flow, which makes it possible to analyze social media, search for hidden patterns in communication networks, synthesize simulation models of information influence and management, and use an intelligent social media analysis system. The tools used for the sociological analysis of communication are the intellectual analysis of big data, the analysis of social networks with the search for agents of influence, the determination of the tonality of content, its clustering. The research is based on a combination of methods related to quantitative – cybermetry of information flows in social media and qualitative (discourse and content analysis of social media messages) strategies of applied analysis⁴⁴⁷.

Comparative, typological, content and discourse analysis are used in cybernetic research. Typological analysis is necessary for processing the results of monitoring social networks. In this case, the basic type-forming feature is the user settings represented in the profiles. At the same time, the set of type-forming features should have a three-component structure. The first component is the characteristics of the phenomenon itself, which is subject to typology, the second is the characteristics of the social background in which this phenomenon occurs, the third is the factors explaining the existence of the types of manifestation of the phenomenon under study.

The development of the research topic was tested within the framework of a scientific projects number:

– RFFR grant on the topic "Interethnic and interreligious harmony in the student environment of Crimea and Sevastopol: monitoring and analysis of the development level" (for 2017-2019, No. 17-06-00440 A);

---

⁴⁴⁶ Yarmak O. V., Strashko E. V., Shkaiderova T. V. Reaction to the Covid-19 pandemic in the Internet audience of Moscow, St. Petersburg and Sevastopol (based on media analytical research) // Bulletin of the Institute of Sociology. 2020. Volume 11. No. 3. C. 121-142. URL: doi: 10.19181/vis.2020.11.3.666 (accessed: 07.02.2023).

⁴⁴⁷ Yarmak O.V., Zharkova T.V., Sarkisov D.G. The use of big data in interdisciplinary research on the macro-region of the Greater Mediterranean//Digital Sociology. 2022. Vol. 5. No. 3. pp. 24-30. Access mode: <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2022-5-3-24-30> (accessed 07.02.2023).

– RFFR grant "Ukrainian Information flows in the Crimean segment of social media: risks and technologies for overcoming the negative effects of anti-Russian rhetoric in the online environment" (for 2018-2020, No. 18-011-00937 A);

– RFFR grant on the topic "Scientific and educational centers as a factor in the formation of human capital in Russia: the format of the world-class scientific and educational centers creation in accordance with the Presidential Decree "On National goals and strategic objectives of the Development of the Russian Federation for the period up to 2024" (for 2019-2022, No. 19-29-07443 mk);

– RFFR grant on the topic "The sociological dimension of interethnic and interreligious harmony in the Republic of Crimea and the city of Sevastopol using semi-Markov processes and agent modeling" (for 2020, No. 20-011-31565 opn);

– internal grant of the Sevastopol State University No. 28/06-31 on the topic "Development of agent modeling methods and big data for social media analysis in post-conflict societies" (ID 28/06-31, approved by the order of the Vice-Rector for Research and Innovation of the Sevastopol State University dated 04/14/2020 No. 556-p);

– RFFR grant on the topic "Sevastopol in the historical memory of the Great Patriotic War: analysis of Runet information flows using big data" (for 2020-2021, No. 20-411-920004);

– grant on the topic "Socio-political communications in the reintegrated territories of Ukraine: risks and technologies for overcoming external challenges using the big data analysis method" (FEFM-2022-0005) with the support of the Expert Institute for Social Research (EIS), the Ministry of Science and Higher Education of Russia and the Russian Academy of Sciences (2022);

– scientific project on the topic "Formation of scientific and technological competence "Digital technologies in the field of operational regional studies" (2022, according to the Priority 2030 program).

§ 3.2. Historical memory as the basis of the civilizational integration of the Crimean Peninsula into the Russian space

Memory is one of the key concepts developed by such branches of modern sociology as the sociology of everyday practices, the sociology of space, social urbanism. The forms of memory representation, the variety of memorable places, commemorative rituals have already become the subject of scientific research that studies the history of the origin, methodological foundations and prospects for the study of historical memory ("memory studies").

Modern mechanisms of memory representation, the process of transformation of memorial symbols and commemorative rituals have led to the understanding of memory as a tool for constructing a person's identity. Historical memory is, in fact, a way for people to construct their past, and therefore it is studied through the testimonies of people who have experienced some collective experience (for example, the Great Patriotic War, the Crimean Spring, the referendum on the entry of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol into Russia); through media and communication networks of artificially created visual symbols.

E. Durkheim's ideas about the phenomenon of memory as collective representations formed systematically in people's minds are valuable⁴⁴⁸. Unlike Durkheim, M. Halbwachs proposed the concept of "frame" as a complex of spatiotemporal and social representations that allow remembering past events at will: "frame and events are identical in nature: events are memories, but the frame itself consists of memories"⁴⁴⁹. That is, a person looks at the past from the present, using the

---

⁴⁴⁸ Durkheim E. Individual representations and collective representations // Durkheim E. *Sociology. Its subject, method, purpose* / Translated from the French by A. B. Hoffman. — M.: Canon, 1995b. — pp. 208-243.

⁴⁴⁹ Halbwachs, Maurice (1877-1945). *The social framework of memory* / Maurice Halbwachs ; [translated from fr. and introductory article by Sergey N. Zenkin]. - Moscow : New Publishing House, 2007. - 346 p.; 20 cm. - (A; 006).; ISBN 978-5-98379-088-9, pp.151, 138.

landmarks that a close social group offers him⁴⁵⁰. By "collective memory" M. Halbvachs meant collectively shared representations of the past, but at the same time he argued that individual memory is socially determined.

There are several stages in memory research, one of them is the period of the 1920s-1940s, associated with the appearance of the works of M. Halbvachs, A. Warburg, V. Benjamin and F. Bartlett; the second (1980s) – with the release of the works of J. Yerushalmi "Zakhor: Jewish Memory and Jewish History" and P. Nora "Between Memory and History", in which historical memory was presented as a fundamentally new way of dealing with the past^{451 452 453}.

The formation of collective memory as a scientific category occurred in the articles of the journal "History and memory"⁴⁵⁴. Collective memory in the sociological tradition was considered by structuralism, poststructuralism, postmodernism, deconstructivism and posthistory⁴⁵⁵. Having entered the academic, especially in the public environment, collective memory has become a tool for creating conflicts, both domestic and international.

In the early 2000s, the author of the concept of "places of memory" P. Nora announced the era of the "world celebration of memory", which is characterized by criticism of official versions of history; the return of repressed historical events; a return to the memory of peoples whose history was ignored; the development of memorial events; legal settling accounts with the past; the formation of the "heritage" industry; the opening of archives; increased attention to trauma topics⁴⁵⁶.

---

⁴⁵⁰ Ibid, p. 151.

⁴⁵¹ Yerushalmi, Yosef Hayim. Zakhor [Text] = Zakhor: Jewish History and Jewish Memory / Yosef Hayim Yerushalmi ; [trans. from the English by R. Nudelman]. - Moscow: Bridges of Culture; Jerusalem: Gesharim, 2004. - 167, [2] p.: ill.; 22 cm. - (Bibliotheca judaica); ISBN 5-93273-172-9.

⁴⁵² Nora P. Problematics of places of memory France-memory / P. Nora, M. Ozu, J. de Puimezh, M. Vinok. - St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University, 1999, pp. 17-50. Access mode: <http://ec-dejavu.ru/m-2/Memory-Nora.html> (accessed: 07.02.2023).

⁴⁵³ Erll 2011: 4 Erll A. Travelling Memory // Parallax. — L., 2011. — Vol. 17, No. 4.

⁴⁵⁴ Funkenstein 1989: 6 Funkenstein A. Collective Memory and Historical Consciousness // History and Memory. — Bloomington, 1989. — Vol. 1. No. 1.

⁴⁵⁵ Klein 2000 Klein K. L. On the Emergence of Memory in Historical Discourse // Representations. — No. 69, Special Issue: Grounds for Remembering. — Winter, 2000, P. 127–150.

⁴⁵⁶ Nora P. World Celebration of Memory // Inviolable reserve. 2005. No. 2-3 [Electronic resource]. – URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html> (accessed: 07.02.2023).

P. Nora associated the "memorial boom" of the end of the 20th century with the "acceleration of history" and decolonization. Humanity, having lost its ideas about the future, lost the knowledge that the past must be preserved in the present⁴⁵⁷. Understanding of this loss that leads to the dominance of memory over history and the tendency to expansion of memorial meanings – monuments, museums, archives, historical collections and databases

Afterwards, communications and digitalization contributed to the formation of new forms of collective memory, that is the creation of visual and mental symbols, which artificially replaced the real story, well (by definition of Le Goff "revolution of memory"⁴⁵⁸). J. Le Goff considered that modern media contributed to the democratization of collective memory but it was not confirmed in practice. On the contrary, it turned out that modern communication networks contributed to the disappearance of certain constructs of historical memory, which created an "era of oblivion"⁴⁵⁹.

The problem of the existence of collective memory in the digital age occurs in a situation where interest in the past is carried out through media visualizations of historical events, which leads to the transformation of historical consciousness⁴⁶⁰. Modern memorial culture does not create unified narratives, remaining chaotic and unstructured. On the one hand, there is going beyond the national framework of history, on the other hand, a new memorial policy based on pluralism and appeal to individual experience is being formed⁴⁶¹.

In modern societies, traumatic experiences, memories of persecution and disasters were used in the formation of constructs of historical memory. It is the sacrifice and sacrality transmitted in society through communication networks and discourses about the admission of guilt create polarization and division along historical, cultural, and

---

⁴⁵⁷ Nora P. World Celebration of Memory // Inviolable reserve. 2005. No. 2-3 [Electronic resource]. – URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html> (accessed: 07.02.2023).

⁴⁵⁸ Le Goff, Jacques (1924). History and memory [Text] / Jacques Le Goff ; [translated from the French by K. Z. Hakobyan]. - Moscow : ROSSPEN, 2013. - 302, [1] p.; 22 cm.; ISBN 978-5-8243-1774-9, p. 124.

⁴⁵⁹ Zierold 2010 Zierold M. Memory and Media Cultures // Erll A., Nünning A. (eds.). Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook. — Berlin — New York, 2010.

⁴⁶⁰ Huyssen A. Escape from Amnesia. The Museum as a Mass Medium // Huyssen A. Twilight Memories: Marking Time in a Culture of Amnesia. NY: Routledge, 1995. P. 13-263.

⁴⁶¹ Misztal B. The Sacralization of Memory // European Journal of Social Theory, 2004, Vol. 7(1). P. 67-84.

civilizational lines. Overcoming these contradictions with the development of countermeasures to the technologies of creating lines of civilizational and historical faults in the conditions of hybrid and cognitive wars becomes an urgent issue. The study of the media component of collective historical memory makes it possible to search for the meanings of the past that are in certain cultural contexts, and at the same time collective historical memory is a kind of "multimedia collage"^{462 463}.

The modern competition of the leading world powers is based on two main areas of struggle – the struggle for resources and competition for meanings and ideas, in fact, for power over the minds of peoples and entire civilizations. Taking into account the current international situation, when history becomes the main civilizational field of the war for the minds and hearts of Russians, for example, in the issue of attitude to the Victory of the USSR in the Great Patriotic War, civilizational fault lines are being formed between such as Ukrainian and Russian peoples. At the same time, the Victory is a unifying historical event for all the peoples of the post-Soviet space.

The communicative and political technologies used in the Ukrainian Internet space have a systemic impact on the erosion of the historical achievements of great historical Russia – the Victory of the USSR in the Great Patriotic War and its erasure from the memory of young people. By broadcasting new historical myths, symbols and meanings in Ukrainian society over the thirty-year period of independence, a process of historical recoding took place.

Within the framework of the author's research interest, the study of this process is significant from the point of view that the Ukrainian factor significantly influenced the formation of the identity of Crimean and Sevastopol residents. The long-term broadcast of the interpretation of Ukraine as anti-Russia on the territory of the Crimean Peninsula with Russian population in ethnic and mental senses turned out to be unviable. However, a separate work on the transformation of historical memory, which was

---

⁴⁶² Safronova Yu. A. Memory studies: evolution, problematics and institutional development // Methodological issues of studying the politics of memory: Collection of scientific works / Ed. Miller A. I., Efremenko D. V. — M.-St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2018. — p. 224, p. 11-27.

⁴⁶³ Kanstainer 2002: Kansteiner W. Finding Meaning in Memory. A Methodological Critique of Collective Memory Studies. // History and Theory. V. 41, 2002, P. 185.

carried out in the youth environment of Ukraine through the Institute of School and Higher Education, has yielded results.

The historical past and its interpretation is one of the most important integrators of national-state identity, since it forms the image of the state, feelings of belonging to it and the foundations of patriotism. Russian sociologist L.M. Drobizheva calls these feelings "cementing in the national identity"⁴⁶⁴, and their foundation is the mass historical consciousness and the national version of history (national narrative). The problem of interpretations of the historical past in the structure of national-state identity is considered in detail in the works of L.M. Drobizheva, V.V. Bushuev and V.V. Titov, E.E. Vyazemsky^{465 466 467 468}. At the same time, the national version of history becomes the basis for the formation of a national identity only if it is the result of the consent of "the majority of society about the choice of the main events of the past and their interpretation"^{469 470}.

The policy aimed at the process of developing this social contract, taking into account the active participation of the state in this process, is most often defined as "historical policy". Historian E.E. Vyazemsky points out that with the help of "historical politics" the government carries out "ideological indoctrination of society in the sphere of historical consciousness and collective memory" through "intensive interference in the interpretation of the history of the state apparatus, the political elite that controls the

---

⁴⁶⁴ Drobizheva L. Theoretical problems of the study of civic identity and social practice /L. Drobizheva // *Russia and the world: anatomy of modern processes: A collection of articles* / Edited by E. A. Narochnitskaya. – M.: International Relations, 2014. – pp. 130-146, p. 144

⁴⁶⁵ Bushuev V.V. National-state identity in the modern world and the role of historical politics in its formation (theoretical and methodological analysis) / V. V. Bushuev, V. V. Titov // *Bulletin of the M. A. Sholokhov Moscow State University for the Humanities. History and political science.* - 2011. – No. 4. – pp. 77-93.

⁴⁶⁶ Vyazemsky E. E. The historical policy of the state, historical memory and the content of the school course of the history of Russia / E. E. Vyazemsky // *Problems of modern education.* - 2011. – No. 6. – pp. 89-97.

⁴⁶⁷ Drobizheva L. M. Russian identity: factors of integration and problems of development / L. M. Drobizheva // *Sociological science and social practice.* - 2013. – No. 1. – pp. 74-84.

⁴⁶⁸ Drobizheva L.M. Theoretical problems of the study of civic identity and social practice /L. Drobizheva // *Russia and the world: anatomy of modern processes: A collection of articles* / Edited by E. A. Narochnitskaya. – M.: International Relations, 2014. – pp. 130-146.

⁴⁶⁹ Tishkov V.A. Unity in diversity: publications from the journal "Ethnopanorama" 1999-2011. 2nd ed., reprint. and additional / V. A. Tishkov. – Orenburg: OGAU Publishing Center, 2011. – 232 p., p. 199.

⁴⁷⁰ Interethnic and interreligious harmony in the student environment of Crimea and Sevastopol: monitoring and analysis of the level of development: a collective monograph / Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Sevastopol State University. University; ed. by O.V. Yarmak. – Sevastopol: SevSU, 2019. – 144 p. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42520704> (accessed: 07.02.2023)..

government at the moment"⁴⁷¹. At the same time, E.E. Vyazemsky points out the existence of a trend in Russian society, according to which historical knowledge acts not as an abstract scientific truth, but as a certain value choice^{472 473 474}. In this case, this choice is relevant for the Republic of Crimea and the city of Sevastopol.

Of decisive importance in the process of implementing the "historical policy" in Russia was the adoption in 2014 of the Concept of a new educational and methodological complex on national history and historical and cultural standards aimed at forming a unified cultural and historical space of the Russian Federation^{475 476 477}. In 2022, the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation amended the federal state educational standards of higher education to establish a mandatory minimum of credit units allocated at universities for the study of history within the framework of educational programs of higher education⁴⁷⁸. This, first of all, concerns historical education at school, where the foundations of historical memory are laid.

Analyzing the foundations of the historical memory of the youth of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol, it is necessary to take into account that the national version of history implemented by the Ukrainian educational system, in the words of the Russian historian V.A. Tishkov, as in most post-Soviet republics, is designed on "getting rid of imperial domination and restoring the ancient historical statehood of the titular

---

⁴⁷¹ Vyazemsky E. E. The historical policy of the state, historical memory and the content of the school course of the history of Russia / E. E. Vyazemsky // Problems of modern education. - 2011. – No. 6. – pp. 89-97, p. 92.

⁴⁷² Vyazemsky E. E. The historical policy of the state, historical memory and the content of the school course of the history of Russia / E. E. Vyazemsky // Problems of modern education. - 2011. – No. 6. – pp. 89-97, p. 90.

⁴⁷³ Interethnic and interreligious harmony in the student environment of Crimea and Sevastopol: monitoring and analysis of the level of development: a collective monograph / Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Sevastopol State University. University; ed. by O.V. Yarmak. – Sevastopol: SevSU, 2019. – 144 p. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42520704> (accessed: 07.02.2023).

⁴⁷⁴ Nelina L. P., Yarmak O. V., Irkhin A. A. The historical component of the state-civil identity of the student youth of the Republic of Crimea and Sevastopol // Scientific Notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Cultural studies. Volume 6 (72). No. 1, pp. 116-124. URL: <http://sn-philcultpol.cfuv.ru/wp-content/uploads/2022/03/Nelina-L.-P.-Yarmak-O.-V.-Irkhin-A.-A..pdf> (accessed: 07.02.2023).

⁴⁷⁵ A list of instructions based on the results of the meeting with the developers of the concept of a new educational and methodological complex on national history. URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/20147> (accessed: 07.02.2023).

⁴⁷⁶ The concept of a new educational and methodological complex on national history. URL: <https://historyrussia.org/images/documents/konsepsiyafinal.pdf> (accessed: 07.02.2023).

⁴⁷⁷ Nelina L.P. The concept of a unified educational and methodological complex on national history as a stage in the implementation of "Historical policy" in Russia // Scientific Bulletin of the Crimea. 2017. №1 (6). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsepsiya-edinogo-uchebno-metodicheskogo-kompleksa-po-otechestvennoy-istorii-kak-etap-realizatsii-istoricheskoy-politiki-v-rossii> (accessed: 07.02.2023).

⁴⁷⁸ Order of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation No. 662 dated July 19, 2022 "On Amendments to Federal State Educational Standards of Higher Education". URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405299743/?ysclid=1fr5xq4en5851096095> (accessed: 07.02.2023).

ethnonation"⁴⁷⁹. Let us note the most important positions of the version of the historical events that influenced the formation of the identity of the Crimean youth:

- The Ancient Russian state, which was part of medieval Europe, was under pressure from Western (Catholic) and Eastern (Mongol-Tatar) expansion since the 13th century, which subsequently led to the division of a single ancient Russian community into three separate peoples — Russians, Ukrainians and Belarusians;
- in the western and southwestern lands that were part of the Lithuanian Principality and the Polish-Lithuanian Commonwealth, the European tradition was established and dominated, under the influence of which the Ukrainian and Belarusian peoples were formed;
- as a result of the Mongol conquest, the north-eastern lands found themselves in spiritual, political and cultural isolation from Europe. The statehood that emerged in these lands for a long time was under strong eastern influence and reproduced the Golden Horde traditions;
- after the inclusion of Ukrainian lands into the Russian state (in this interpretation), their relations with the center were built on the principle of "colony-metropolis" and were aimed at assimilation and elimination of national cultures. The same pattern is reproduced in relation to the Soviet period;
- interpretation of post-Soviet states (including Russia) as "new independent states" that do not have common development trends in the present, and, consequently, the grounds for dominance over the rest. In particular, it was the "pro-imperial actions" of the leaders of the RSFSR in 1991 that were called one of the factors in the proclamation of the Act of Independence of Ukraine^{480 481}.

---

⁴⁷⁹ Tishkov V. A. Unity in diversity: publications from the journal "Ethnopanorama" 1999-2011. 2nd ed., reprint. and additional / V. A. Tishkov. – Orenburg: OGAU Publishing Center, 2011. – 232 p., p. 221.

⁴⁸⁰ Interethnic and interreligious harmony in the student environment of Crimea and Sevastopol: monitoring and analysis of the level of development: a collective monograph / Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Sevastopol State University; ed. by O.V. Yarmak. – Sevastopol: SevSU, 2019. - 144 p. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42520704> (accessed: 07.02.2023).

⁴⁸¹ Nelina L. P., Yarmak O. V., Irkhin A. A. The historical component of the state-civil identity of the student youth of the Republic of Crimea and Sevastopol // Scientific Notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Cultural studies. Volume 6 (72). No. 1, pp. 116-124. URL: <http://sn-philcultpol.cfuv.ru/wp-content/uploads/2022/03/Nelina-L.-P.-YArmak-O.-V.-Irhin-A.-A.pdf> (accessed: 07.02.2023).

It was in this cultural context that the Crimean youth was formed, which had an impact on its national and state identity and value choice.

The conducted research partially refuted the assumptions made about the influence of the Ukrainian factor on the formation of historical memory, its structural elements. Thus, the broadcast in the Ukrainian national version of the views about Russia as a young post-Soviet state, which has no rights to imperial ambitions and ancient Russian heritage, was not reflected in the historical orientations of half of the respondents: in the consciousness there is continuity between the Ancient Russian state and subsequent state entities centered in Moscow or St. Petersburg until the formation of the Russian Federation. A third of respondents associate the beginning of Russian statehood with the consolidation of Northeastern Russia in the 15th-16th centuries, and only 14-15% of respondents consider Russia to be a young state formed after the collapse of the USSR in 1991 and having no connection with previous state entities (Table 5).

Table 5. The origins of Russian statehood in the views of the youth of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol (as a percentage of the number of respondents, data 2017, 2018, 2020)

The wording of the question in the questionnaire	Research, waves, years		
	2017	2018	2020
Please select the statement you agree with (choosing one of the above statements)	Respondents' responses (as a percentage of the number of respondents)		
Russia is a country with a long history, the origins of statehood of which begin in the 9 th century	52,8	55	48,3
Russian statehood is connected with the unification of the principalities around Moscow and the activities of Ivan III in the 15 th -16 th centuries.	31,6	28,3	38,0
Russia is one of the young states formed on the fragments of the USSR in the early 90s of the 20 th century.	14,6	15	13,3
Other	1,0	1,6	0,4

When forming the image of the state, awareness of the specifics of its historical development and the achievements of previous generations plays a key role. The obtained monitoring data showed that the Crimean youth perceives the peculiarities of the

historical development of Russia through the existing resistance to foreign invasions and the existing weakness in the face of internal problems (in the definition of K. von Clausewitz) (47% on average over three research waves); taking into account the formation of a multinational Russian state and coexistence with neighboring states (in the definition of L. Gumilev) (39% on average for three research waves); emphasizing the importance of the military power of the state (in the definition of Alexander III) (36% on average for three research waves). The share of respondents who understand the importance of the multinational foundations of the Russian state has increased from 38% in 2017 to 43% in 2020. And the number of those who understand the importance of the army and navy as the foundations of Russia's sovereignty increased 1.2 times from 2017 to 2020. The number of respondents who share the statement about the central position of Russia on the mainland and in interactions with the West and East (as defined by V. Putin) has increased almost 1.5 times over the integration period (from 20% in 2017 to 28% in 2020) (Table 6).

Table 6. Features of the history of Russia in the views of the youth of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol (as a percentage of the number of respondents, 2017, 2018, 2020)

The wording of the question in the questionnaire	Research, waves, years		
	2017	2018	2020
Please choose from the list of expressions that, in your opinion, most accurately reflect the features of the history of our country	Respondents' responses (as a percentage of the number of respondents)		
“Russia is not a country that can really be conquered, i. e. occupied; at least, this cannot be done... by the forces of modern European states... Such a country can be defeated only by internal weakness and the action of internal strife” (K. von Clausewitz).	52,1	50,8	40,1
“We must pay tribute to the intelligence and tact of our ancestors... They treated the surrounding peoples as equals, even if unlike them. And thanks to this, they have withstood the age-old struggle, having established, as a principle, not the extermination of neighbors, but the friendship of peoples” (L. Gumilev).	38,1	37,0	43,1
“We have only two loyal allies in the whole world — our army and navy. All the others, at the first opportunity, will turn against us themselves” (Alexander III).	34,6	33,2	40,7

Continuation of the table 6

“I am far from admiring everything I see around me; but I swear on my honor that for nothing in the world would I want to change the fatherland or have another history other than the history of our ancestors, such as God gave it to us” (A. Pushkin).	29,9	25,8	22,7
“Since Ivan Kalita, Russia has been consistently and persistently gathering and has reached a size that shocks the imagination of all peoples of the world” (N. Berdyaev).	21,6	21,4	16,8
“It is not Russia that is between East and West. It is the East and the West that are on the left and right of Russia” (V. Putin).	19,9	23,8	27,9
Other	0,7	2,6	1,1

Among the main achievements of previous generations of Russians: territorial – the huge size of the country's territory (on average 51% of respondents according to the results of three research waves), then – sovereign – the preservation of the independence of the state (on average 39%) and power (military power and the presence of a nuclear shield) (on average 35%) (Table 7).

Table 7. The main achievements of the previous generations of Russians in the views of the youth of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol (as a percentage of the number of respondents, 2017, 2018, 2020)

The wording of the question in the questionnaire	Research, waves, years		
	2017	2018	2020
What do you think can be considered the main achievements of previous generations of Russians?	Respondents' responses (as a percentage of the number of respondents)		
the national character of Russians	33,2	30,5	28,7
the huge size of the country's territory	52,6	50,7	50,2
preservation of the independence of the state	46,4	38,8	31,9
creating a unique culture	34,4	39,3	38,8
peace and harmony between peoples	27,4	29,5	45,8
military power, nuclear shield	37,1	38,4	29,1
other	0,3	1,0	0,5

In assessing the significance of achievements of a civilizational orientation – the national character of Russians, the creation of a unique culture, peace and harmony between peoples are dynamic. The factor of the national character of Russians is losing its significance, which indicates the perception of Russia as a multinational state and the

blurring of borders between ethnic groups, which will be discussed in the following paragraphs.

The creation of a unique culture and the achievement of peace has become more significant for the Crimean youth: if the first slightly increased in estimates, the second increased in 1.7 times. The creation of a unique culture, which almost 40% of respondents, on average for three years of monitoring, indicated as Russia's achievements, testifies to the high potential in preserving culture and historical memory of the inhabitants of the Crimean Peninsula.

The data obtained indicate the formation of the following characteristics of the historical consciousness of the Crimean youth who are in the integration process:

- there is an expansion of knowledge about Russia, its cultural, historical, civilizational, territorial and sovereign achievements;
- here is an increasing trend towards awareness of the long history of Russian statehood;
- the necessity of achieving peace and national compromise through the translation of multiethnic integral practices from Russian history is realized.

In the structure of patriotism, the most represented are the historical and social component (careful and respectful attitude to the traditions of the country and its peoples) (on average 53% of respondents) and the linguistic component (careful attitude to the native language) (on average 49% of respondents). Among the patriotic foundations of the younger generation, the legal component of patriotism decreased in the process of integration (from 37% in 2017 to 21% in 2020), which indicates a fairly high degree of integration of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol into the Russian Federation and not the violation of laws ceased to be significant, but rather became a proper action. At the same time, the factor of protecting the weak as an informal legal component of patriotism has increased. For all residents of the peninsula, the presence of Russian citizenship acts as a factor of patriotism (Table 8).

Table 8. Manifestations of patriotism in the views of Crimeans and Sevastopol residents (as a percentage of the number of respondents, 2017, 2018, 2020)

The wording of the question in the questionnaire	Research, waves, years		
	2017	2018	2020
In your opinion, how should a Russian citizen show his patriotism, love for the Motherland?	Respondents' responses (as a percentage of the number of respondents)		
trust fellow citizens	10,4	8,0	19,4
to take care of your native language/native languages	51,3	48,3	47,1
to be proud of the victories of our ancestors	35,9	37,4	30,3
to be involved in a great culture	21,7	19,3	19,5
to protect the weak, strive for justice	32,0	26,6	41,9
to take care and respect the traditions of the country and its peoples	58,2	61,0	40,7
to have Russian citizenship	1,3	4,1	20
to be ready to serve in the army	9,0	12,9	7,4
to do not violate the laws of the country	37,2	30,0	21,2
other	1,1	2,0	0,2

Thus, the structure of patriotism of the inhabitants of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol is in the following state: it has historical and social (preservation of traditions and pride in the victories of ancestors), linguistic (preservation of the native language), state (obtaining Russian citizenship) and civil (striving for social justice) components.

The key element in the formation of identity is the knowledge of one's roots. It was important to understand the influence of family institutions and education. Almost half of the respondents (46% on average for three years of monitoring) associate their family history with the history of Russia, collecting testimonies of their relatives (37%) and keeping it in archives (9%). Only 9% of the respondents (the average for three years of measurement) learned about the connection of their family history with the history of the country thanks to the Institute of Education (performed tasks while studying at the university) (Table 9).

Table 9. Informing about the connection of family history with the history of Russia (as a percentage of the number of respondents, 2017, 2018, 2020)

The wording of the question in the questionnaire	Research, waves, years		
	2017	2018	2020
Do you know how the history of your family is connected with the history of Russia?	Respondents' responses (as a percentage of the number of respondents)		
yes, we have a family archive, and we keep it carefully	7,8	7,5	11,6
yes, my parents/relatives told me about it in detail	43,3	42,0	25,4
yes, at one of the classes at the university I completed such a task	6,6	6,6	12,8
no, I haven't thought about it	15,2	20,3	21,8
no, this is the first time I have come across such a question	10,0	7,2	11,7
no, my relatives couldn't tell me anything	6,8	4,8	10,1
no, my family is connected with the history of another country	9,7	10,5	6,5
other	0,4	0,9	0,0

According to the results of the 2020 data, the statement that generational continuity is the basis for the formation of the collective memory of society. confirmed. Half of the inhabitants of the Crimean peninsula tries to keep in touch with the history of their family and the history of the country in various formats: either through the institution of the family – family stories (25%), or through educational (13%) or cultural mechanisms – the storage of memorial symbols (12%). At the same time, more than a third of respondents are not engaged in memory preservation or do not associate family history with the history of Russia (Fig. 1)⁴⁸².

⁴⁸² Yarmak O. V., Bolshakova M. G., Savina Z. S. Sevastopol in the construction of collective historical memory: analysis of Runet information flows using big data // Kant Magazine No.2(39) 2021 [pp. 285-292] URL: doi: 10.24923/2222-243X.2021-39.48; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46323747> (accessed: 07.02.2023).

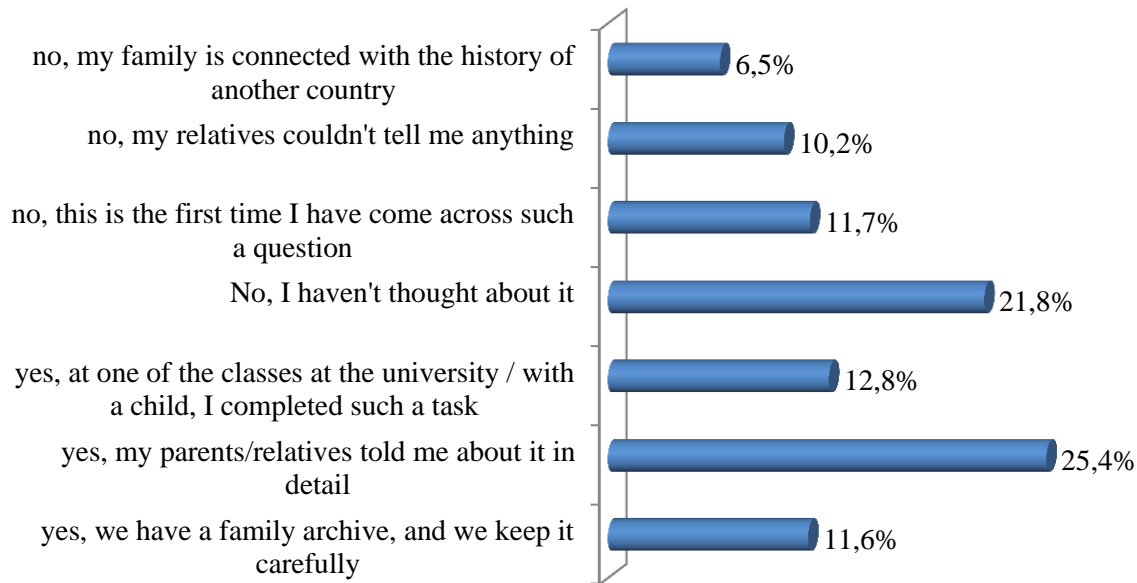

Figure 1. Do you know how the history of your family is connected with the history of Russia? (in % of respondents, 2020)

Where the young man gets information about the history of Russia from was important for the author from the point of view of the dominance of the historical memory formation factors: which prevails – the family, the institute of education or the communication network?⁴⁸³

The desire to study the history of the country independently is present in a fifth of the Crimean youth (23% on average for two research waves) and 38% have a desire to study history, but there is no time for it. The Institute of Education acts as an integrator of the historical track (providing the volume of knowledge on educational programs at the university) the fifth part of the surveyed youth. The Internet and communications do not affect the study of the country's history. But to understand the events of modern Russian history, Crimean youth are three times more likely to turn to Internet networks than to study the country's past (Table 10).

If we compare the interest of Crimeans and Sevastopol residents in the past and present, there is no particular difference: 27% are interested in the past on average over three waves), 25% are interested in the present on average. Topics related to modernity

⁴⁸³ Deryugin P.P., Yarmak O.V., Serebrov D.M. Polyfunctionality of a modern rural family: theoretical and methodological foundations of research / Discourse: Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education St. Petersburg State Electrotechnical University LETI named after V.I. Ulyanov (Lenin), 2018, No. 1, 110 p., pp. 84-95 <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32712681> (accessed: 07.02.2023)

(current historical period, prominent Russians, contemporary art, geography and travel, the peoples of the country) occupy in the structure the historical interests of a resident of the peninsula are about 20%. The history of Russia (the country's past, outstanding Russians who glorified Russia in the past, the cultural heritage of our country) occupies 24% of the structure of historical interests of Crimeans.

Table 10. Cognitive interests of the residents of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol (as a percentage of the number of respondents, 2017, 2018, 2020)

Are you eager to learn more about Russia:	Research, waves, years	Yes, I am systematically looking for information	Yes, but I'm not doing it systematically yet, I don't have enough time	Rather no than yes, I have enough knowledge that I get at the university	Rather no than yes, I have enough information from the media and the Internet	No, I know Russia very well	No, I'm not interested
About the history of the country	2017	24,9	37,3	26,2	8,2	2,3	1,1
	2018	22,5	39,0	23,0	8,2	2,6	4,9
	2020	12,4	24,4	23,7	18,2	7,6	13,7
About the current period of development of our country	2017	19,9	29,9	27,1	17,6	1,5	4,0
	2018	22,6	32,7	21,4	15,9	1,6	5,9
	2020	17,6	26,5	20,6	18,1	5,7	11,4
About outstanding Russians who glorified Russia in the past	2017	19,0	30,2	26,1	18,7	3,5	2,6
	2018	19,0	29,7	27,7	13,1	2,1	8,4
	2020	16,2	27,7	20,9	17,3	6,3	11,6
About outstanding Russians living at the present time	2017	12,0	19,4	22,1	38,9	2,8	4,9
	2018	14,2	24,0	21,2	29,0	1,7	9,9
	2020	8,6	21,4	25,2	27,2	4,9	12,7

Continuation of the table 10

About geography and travel in our country	2017	21,6	32,6	16,6	20,3	1,5	7,4
	2018	21,5	33,1	16,7	16,4	2,2	10,1
	2020	13,1	19,9	15,3	22,9	9,0	19,8
About the inhabitants of various regions, about the numerous peoples of our country	2017	8,3	21,5	24,8	22,2	2,0	21,3
	2018	12,5	24,2	20,7	23,0	2,6	17,1
	2020	11,4	20,0	16,3	23,7	8,5	20,2
Other	2017	33,9	11,5	10,0	16,9	4,0	23,7
	2018	34,3	11,7	13,6	18,1	0,4	21,9
	2020	29,4	32,8	12,8	8,3	5,6	11,1

Thus, there remains a high demand for obtaining historical knowledge both at the beginning of the integration period of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol into the Russian historical and cultural space, and after the fifth anniversary of the Crimean Spring events. At the same time, the recorded decline in interest in the modern and past history of Russia indicates that such information has become no longer new, but rather constantly and systematically received.

Historical memory is recorded through historical monuments, memorial symbols about significant events in Russian history. The most significant places were located in the region – the place of the baptism of Prince Vladimir on the territory of the Tauride Chersonese and the memorial complex "35th coastal battery" in Sevastopol.

At the same time, it is noteworthy that young people visited historical sites outside Crimea less often than the rest of the population of the Crimean Peninsula, which may affect the success of the integration of Crimean students into the Russian historical and cultural space. Moreover, the younger generation has a request to visit places of historical memory outside the Crimean Peninsula. In particular, only 7% of respondents visited

Kulikovo Field in Tula, and 63% want to visit there. 6% of young respondents were on Mamayev Kurgan, and 54% want to go there. 58% want to visit the Piskarevskiy Memorial Cemetery in St. Petersburg, but only 11% were there (Table 11).

Table 11. Places significant for Russian history and modernity that representatives of the youth of Crimea and the city of Sevastopol have visited or would like to visit (as a percentage of the number of respondents, 2017, 2018, 2020)

Iconic places for Russian history and modernity	What iconic places for Russian history and modernity have you managed to visit?			What iconic places for Russian history and modernity have you failed to visit, but would like to visit?		
	Research, waves, years					
	2017	2017	2017	2017	2017	2017
The place of the baptism of Prince Vladimir on the territory of the Tauric Chersonese in Sevastopol	78,8	66,7	59,6	12,9	22,8	40,4
Kulikovo field in the Tula region	6,5	6,9	23,6	67,0	59,3	76,4
Monument-ensemble on Mamayev Kurgan in Volgograd	5,1	7,1	30,1	54,4	53,4	69,9
Piskarevskiy Memorial Cemetery in St. Petersburg	9,3	13,5	27,6	59,8	56,7	72,4
Memorial complex "35th coastal battery" in Sevastopol	84,4	81,7	56,8	12,5	15,8	43,2
Olympic facilities in Sochi	17,0	21,6	35,6	52,9	57,8	64,4
Sports infrastructure facilities of the Universiade in Kazan	4,0	8,0	22,3	52,6	52,0	77,7
Other	16,3	16,3	37,8	16,0	16,1	62,2

Knowledge about the past (history and cultural heritage) is a priority of the cognitive interests of the youth of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol. As the results of in-depth interviews show, the motivation of students is based on the desire to learn more about their new country:

—... *a new country - new traditions!*

girl, 19 years old, Kerch

— *Yes, I can say that I began to devote more time to the history of Russia and the history of Crimea. I became interested in the history of Russia because before that there*

was the history of Ukraine and mostly it was only studied. I began to read more about the history of Russia, to study more.

young man, 19 years old, Yalta

– I can't say about the school curriculum, but here at the university, when we started studying the history of Russia, it was new, we didn't touch on it, it was interesting and it was already at a more conscious age.

girl, 20 years old, Yevpatoria

– Well, yes, I became interested in the history and culture of Russia... I live in a new state and I have to know

young man, 17 years old, Alushta.

Sometimes the desire to learn more about your country is accompanied by a desire to understand the historical prerequisites for the reunification of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol with Russia:

– I live in the country of Russia, and for me [this] is an innovation, it is very interesting to know the history, what is the reason for [reunification] in general.

young man, 20 years old, Simferopol ⁴⁸⁴

Half of the surveyed population of Crimea believes that the preservation of cultural and historical heritage is an individual responsibility of everyone, while 25% of them are ready to preserve historical memory, but do not understand how to organize it (Fig. 2)⁴⁸⁵.

---

⁴⁸⁴ Interethnic and interreligious harmony in the student environment of Crimea and Sevastopol: monitoring and analysis of the level of development: a collective monograph / Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Sevastopol State University; ed. by O.V. Yarmak. – Sevastopol: SevSU, 2019. - 144 p., p. 42 URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42520704> (accessed: 07.02.2023)

⁴⁸⁵ Yarmak O. V., Bolshakova M. G., Savina Z. S. Sevastopol in the construction of collective historical memory: analysis of Runet information flows using big data // Kant Magazine No.2(39) 2021 [pp. 285-292] URL: doi: 10.24923/2222-243X.2021-39.48; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46323747> (accessed: 07.02.2023).

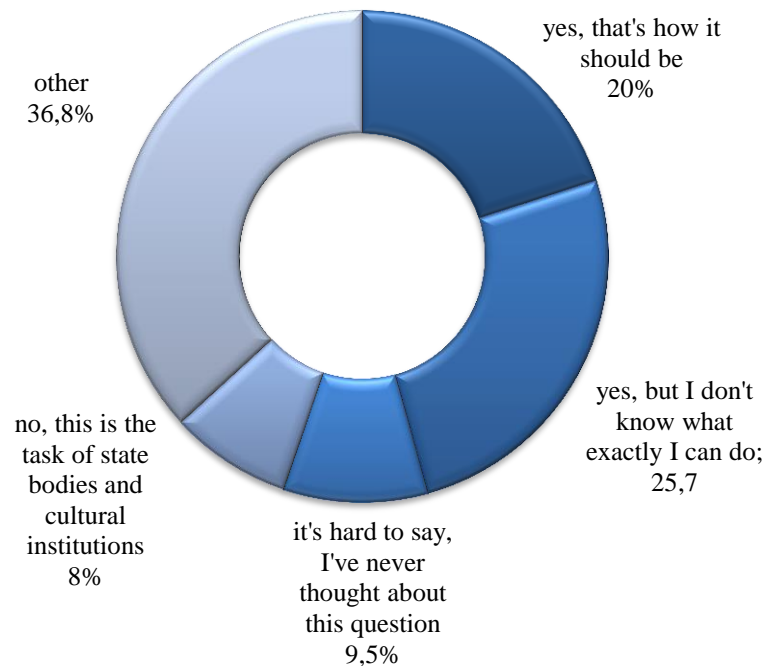

Figure 2. Do you think that the preservation of the cultural and historical heritage of our country is the responsibility of every citizen of Russia?
(as a percentage of respondents, 2020) of the response)

The empirical results obtained showed that the historical memory of the inhabitants of the Crimean Peninsula correlates with Russian history, modern events in Russia, there is a desire to analyze the history of Russian statehood, its features and uniqueness.

The historical memory of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol is based on:

- 1) territorial factor,
- 2) sustainability of state sovereignty,
- 3) the military power of Russia and the importance of its power bloc,
- 4) motivation to expand historical knowledge about Russian history (both the past and the present period),
- 5) a sense of personal involvement in Russian history, which is formed through the institutions of family and education.
- 6) the impact of the communicative factor as significant only in the formation of modern knowledge about the history of the country,

7) patriotism, which is based on linguistic and civic components, the values of paternalism, justice, tradition and pride in the memorial meanings of Russia.

Such aspects of the research field as determining the mechanisms for creating new historical and media meanings in the conditions of creating lines of historical faults and modeling alternative variants of the development of historical events are dictated by the involvement of modern Russia in the processes of information confrontation. We believe that in a situation of hybrid media rivalry, effective solutions should be supported by systematic work on the formation of the information agenda, analysis and management of information flows.

In the research question on the assessment of risks and opportunities to confront technologies of hybrid information and cognitive wars in modern Russia, scenarios of which involve the actualization of civilizational choice and the creation of lines of civilizational faults, transformations of historical memory are of particular importance. The relevance of this research topic is also connected with the trend of transformation of historical memory in the territory of the post-Soviet space, often carried out artificially using the purposeful creation of nihilistic information flows; the introduction of meanings aimed at destroying the foundations of historical memory; the use of new historical metaphors; the development of visualization techniques associated with the formation of new historical stereotypes⁴⁸⁶.

In this regard, the author's research interest is due to the artificially created ambiguity of assessments of the events of the Great Patriotic War and Victory in it through the formation of controversial semantic constructions that blur and deform the fundamental historical values of Russian society, which is especially significant during the integration period of Crimea into the Russian Internet space.

The results of the sociological research using survey methods have shown the importance of the communicative factor in the construction of modern Russian history, modern achievements of Russians. The cybermetric study of 2020, conducted by

---

⁴⁸⁶ Olga Yarmak, Mariya Bolshakova, Anastasiya Maranchak, Zoya Savina. Sevastopol in the Historical Memory of the Great Patriotic War: Media Space Analysis // The European Journal of Social & Behavioural Sciences EJSBS Volume XXX (eISSN: 2301-2218) doi:10.15405/ejsbs.294 URL: https://www.europeanpublisher.com/data/articles/10000/10036/article_10000_10036_pdf_100.pdf; <https://doi.org/10.15405/ejsbs.294> (accessed: 07.02.2023).

analyzing the information flows of the Runet using the method of big data and social media analytics, allowed us to deepen information about the degree of influence of communication networks on the formation of the historical memory of Crimeans.

The use of a methodological complex of survey methods and cybermetry tools allowed not only to study the structural and substantive characteristics of the process of preserving historical memory, but also to identify the mechanisms of destruction of fundamental and the construction of new historical semantic constructions about the meaning of Victory and the events of the Great Patriotic War. The research question focused on understanding whether the Victory in the Great Patriotic War remains a unifying civilizational factor in the construction of collective historical memory formed in the Crimean and Sevastopol segments of the network.

Content analysis of the texts of Russian Internet resources (2018-2020), representing the historical discourse about Russia, the Victory of 1945, the role of Sevastopol in the Great Patriotic War, their discourse analysis, subsequent cybermetric analysis of the identified information flows allowed segmenting the network space of the Runet and determining its structural and content characteristics in relation to the historical discourse about the Great Patriotic War the war. The data for cybermetric analysis (the volume of unloading 45,239 messages, the depth of unloading – November-December 2020) were obtained on the basis of unloading from the automatic monitoring and analysis system of the media and social networks "Medialogia" by search queries reflecting the historical discourse about the role of Sevastopol in the Great Patriotic War. A content analysis of 109 informational events for 2018-2020 focused on topics about the Great Patriotic War and their ranking by importance and number of the audience covered was carried out (Table 12).

Table 12. Informational occasions on the topic of Sevastopol in the context of the Great Patriotic War

Informational occasion	Number of views, in units
Buildings in Sevastopol that survived two defenses	17297
How Sevastopol became the white stone pearl of Russia	17122
"... Why did Hitler still take Sevastopol?..."	16828
Sevastopol celebrated the 75 th anniversary of the Victory	14190

Continuation of the table 12

Heroism in Sevastopol is now "not in trend"?	13698
Sevastopol veterans will receive an additional payment by Victory Day	11805
No one is forgotten: "Mom, you can't imagine what the fascists turned Sevastopol into"	10258

The identified information reasons were classified into 4 components of the information field:

1. Stream "Defense of Sevastopol. Recovery after the war" (24296 messages).
2. Stream "The Battle for Sevastopol and its significance in the Great Patriotic War" (19261 messages).
3. Stream "Social support for veterans of the Great Patriotic War" (1363 messages).
4. Stream "Victory of the USSR in the Great Patriotic War" (319 messages).

The stream broadcasting the collective historical memory of the defense and liberation of Sevastopol is the most voluminous and accounts for 53% of the total studied content (the volume of unloading is about 24,300 units. with an audience of about 243 million people, audience involvement – almost 356 thousand people). Its thematic content was presented on 1800 sites by more than 15,000 authors (comments – 342 units, likes – 309,500 units, reposts – 10192 units), which indicates a large coverage of the topic and a high interest in it.

The information flow related to the battle and liberation of Sevastopol in September-December 2020 amounted to 42% of the studied content from social networks VKontakte, Facebook (owned by Meta – banned in the Russian Federation), Odnoklassniki, YouTube. In the tonality of this flow, the positive part prevails over the negative (Fig. 3).

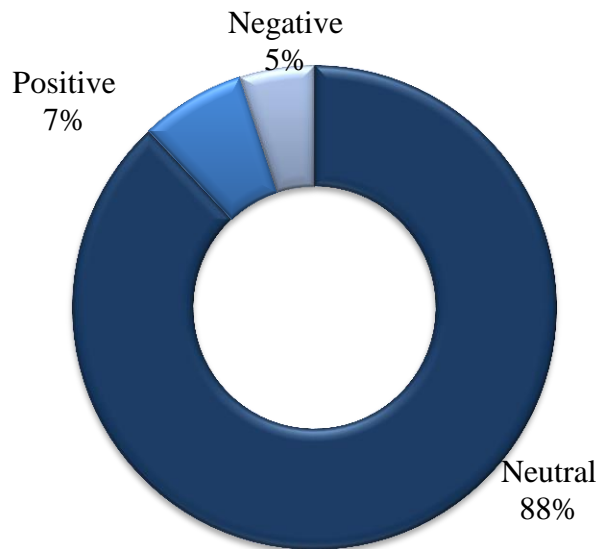

Figure 3. Tone of messages (September-December 2020).

The media peaks of the discourse about the Great Patriotic War were contextually connected with informational occasions reflecting such events:

- generational continuity of the celebration of Victory in the Great Patriotic War;
- overage of memorial events of the present;
- support of the main historical symbol of Russia's collective memory – Victory

Day.

The negative context was formed by tracks about:

- problems of pension provision for veterans;
- formation of conflicting meanings on the "red – white" civilizational fault;
- informational support of official patriotic events;
- the creation of new historical constructs such as the rejection of the celebration of the Great Victory⁴⁸⁷.

The positive tone of the flow was given by such informational occasions as:

- description of the unique 1944 military operation "Uranus" of the Soviet troops near Stalingrad;

⁴⁸⁷ Yarmak O. V., Bolshakova M. G., Savina Z. S. Sevastopol in the construction of collective historical memory: analysis of Runet information flows using big data // Kant Magazine No.2(39) 2021 [pp. 285-292] URL: doi: 10.24923/2222-243X.2021-39.48; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46323747> (accessed: 07.02.2023).

- news about the decision of the State Duma of the Russian Federation to equate residents of the besieged Sevastopol with veterans of the Great Patriotic War and assign federal social support measures to them;
- coverage of the project "May 9-Victory Day";
- Speech by Russian President Vladimir Putin and Defense Minister Sergei Shoigu at an expanded meeting of the Board of the Ministry of Defense;
- conducting an open lesson "To remember is to know" and V. V. Putin taking part in it;
- description of the memorial symbols of the hero city of Sevastopol (monument to the submerged ships, Konstantinovsky Fort, mooring of the Mine Wall, Museum of Heroic Defense and Liberation of Sevastopol, panorama Museum "Defense of Sevastopol", Diorama "Assault of Sapun Mountain on May 7, 1944", Naval Museum "Mikhailovskaya Battery", photo exhibition "Army and the Fleet of Russia", the Museum of the Black Sea Fleet, the museum historical and memorial complex "35th coastal Battery", the National Reserve "Tauride Chersonese", Vladimir Cathedral, the Byzantine fortress of Kalamita, Inkerman St. Klimentovsky Monastery, Balaklava Underground Museum Complex, the Museum of the History of Balaklava, the park "Fedyukhinsky Heights");
- opening of the 7th Crimean Military-historical festival - park of living history "Fedyukhiny Heights" of Victory in Sevastopol ⁴⁸⁸.

The analysis of historical discourse showed a greater involvement of the male audience (47% of women and 53% of men), what explained by the traditional interest of the male audience in military and political topics (Fig. 4.).

---

⁴⁸⁸ Yarmak O. V., Bolshakova M. G., Savina Z. S. Sevastopol in the construction of collective historical memory: analysis of Runet information flows using big data // Kant Magazine No.2(39) 2021 [pp. 285-292] URL: doi: 10.24923/2222-243X.2021-39.48; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46323747> (accessed: 07.02.2023).

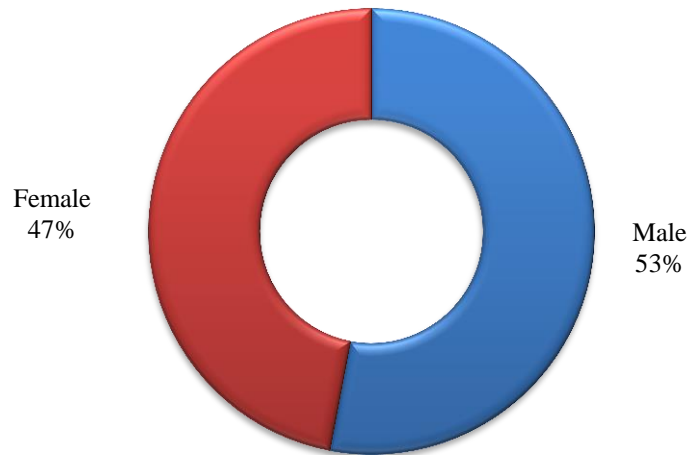

Figure 4. Gender ratio of authors (September-December 2020).

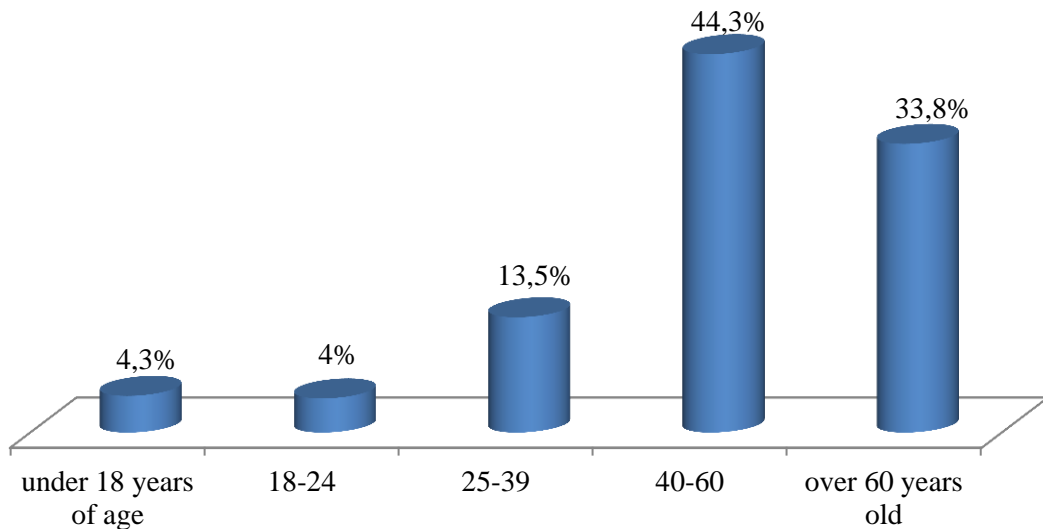

Figure 5. Age ratio of authors (September-December 2020).

The main age of the authors forming the historical discourse about the Great Patriotic War is 40-60 years (44%) and over 60 years (34%) (Fig.5). These age groups are more interested in issues of war and peace, history and politics, and consider the historical periods of Russia as a valuable component of historical memory. Audiences under the age of 25 do not show such interest in these topics. She is more interested in issues related to economic aspects, mental heritage and preservation of historical memory. For example, youth authors broadcast the refusal to hold a Victory Parade in favor of investing financial costs in measures for the improvement and economic development of the country as a whole. They believe that the money allocated for the

parades on May 9 could be invested in the financial support of veterans and in this way, in their opinion, the memory of the history and exploits of veterans and heroes of the Great Patriotic War will be honored.

It should be noted that the peak of positive content occurred on Marine Corps Day (11/27/2020), which reflects the high involvement in events related to modern military-themed holidays and memorial rituals of military history. The phenomenon of the Marine Corps is based on the patriotic component, the memory of the exploits, valor and honor of the employees. Great involvement is observed on December 4, 2020 – the birthday of the writer Lagin Lazarev, who worked in the newspaper "Krasny Chernomoret" of the Black Sea Fleet during the war years. He took part in the defense of Odessa, Sevastopol, Kerch, Novorossiysk, which indicates the popularity and importance of the heroes of Victory in the communicative sector of historical memory. During the same period, blogger Dmitry Puchkov (Goblin) (his channel audience is more than 2 million users) presented the video "The Russian North – the history of conquest: Alaska and icebreakers, the atomic power of the Union" (<https://www.youtube.com/watch?v=zOTIA93I3Kc>), which gained about 400 thousand views (Fig. 6). Content analysis of comments under this video showed a high positive response from the audience through an increased interest in history, feelings of patriotism and a desire to promote Russia's historical achievements in the global Internet space.

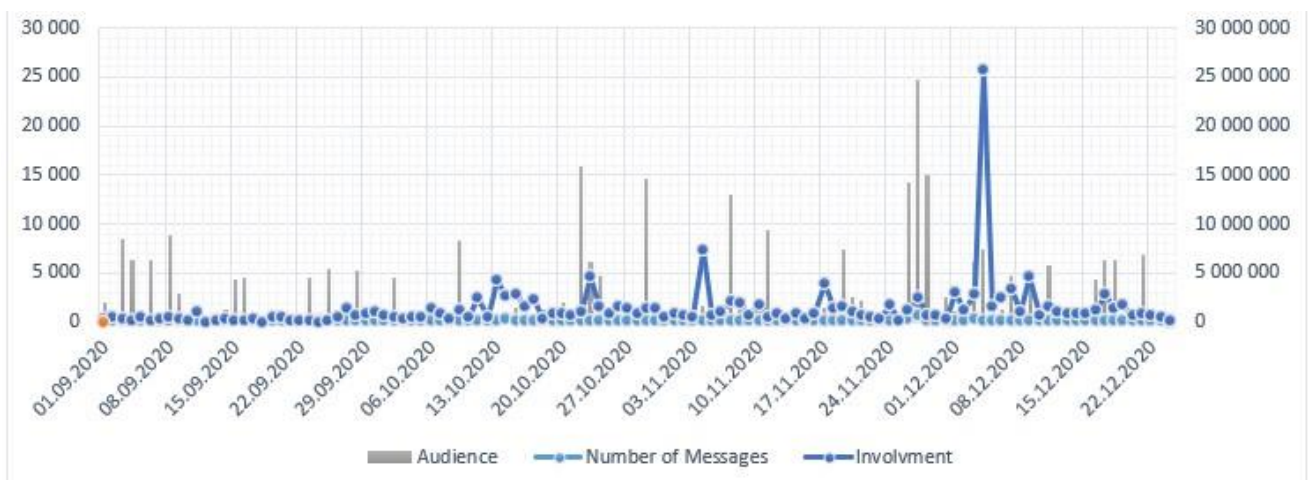

Figure 6. Dynamics of the messages of the stream "The Battle for Sevastopol and its significance in the Great Patriotic War" (September-December 2020).

The analysis of information flows has shown that today the information discourse about the Great Patriotic War is heterogeneous. First of all, this is expressed in the age differences of the audience – people of different age categories have different attitudes not just to the war itself, but to its media representations in communication networks.

Secondly, there is a reflection of war heroes as constructs of living history. The categorical foundations of the hero of the Great Patriotic War are reflected in the concepts of "war veteran" and "children of war" introduced into everyday use. We assume that these concepts convey not only a commemorative characteristic of historical memory (attitude to the Great Patriotic War), but also reflect a mental link when the Great Patriotic War will become a distant history for the majority in society and will leave historical memory, remaining in architecture, urban heritage.

In this regard, the constant support of the importance of the integrative function of the events of the past and especially of the present, awareness of the strength and power of the Russian state should be supported by the formation of a new social capital both in the integrated Crimea and in Russia as a whole. This will prevent tendencies to belittle the military events and the great Victory, which may negatively affect the climate of Russian society⁴⁸⁹.

It is revealed that the formation of collective memory in a digital society occurs using media visualizations of historical events. In this regard, the modern memorial culture does not create unified narratives, but, on the contrary, produces semantic splits and fractures with the actualization of traumatic experience, sacredness, sacrifice and confession of guilt. This, in turn, leads to a split of society along historical lines. In this regard, it is necessary to develop countermeasures to technologies for creating lines of civilizational faults in the conditions of cognitive wars.

Categorization of the topics of historical discourse on the topic of Sevastopol in the Great Patriotic War confirmed this thesis. It turned out that the categories directly related to historical memory do not form a discourse about it. It is rather formed by

---

⁴⁸⁹ Olga Yarmak, Mariya Bolshakova, Anastasiya Maranchak, Zoya Savina. Sevastopol in the Historical Memory of the Great Patriotic War: Media Space Analysis // The European Journal of Social & Behavioural Sciences EJSBS Volume XXX (eISSN: 2301-2218) doi:10.15405/ejsbs.294 URL: https://www.europeanpublisher.com/data/articles/10000/10036/article_10000_10036_pdf_100.pdf; <https://doi.org/10.15405/ejsbs.294> (accessed: 07.02.2023).

topics about social and financial support for veterans, the search for military artifacts, the restoration of memorabilia (on which there is a separate discussion). The event itself – Victory Day – occupies negligible importance in the discourse about the historical memory of it (Fig. 7).

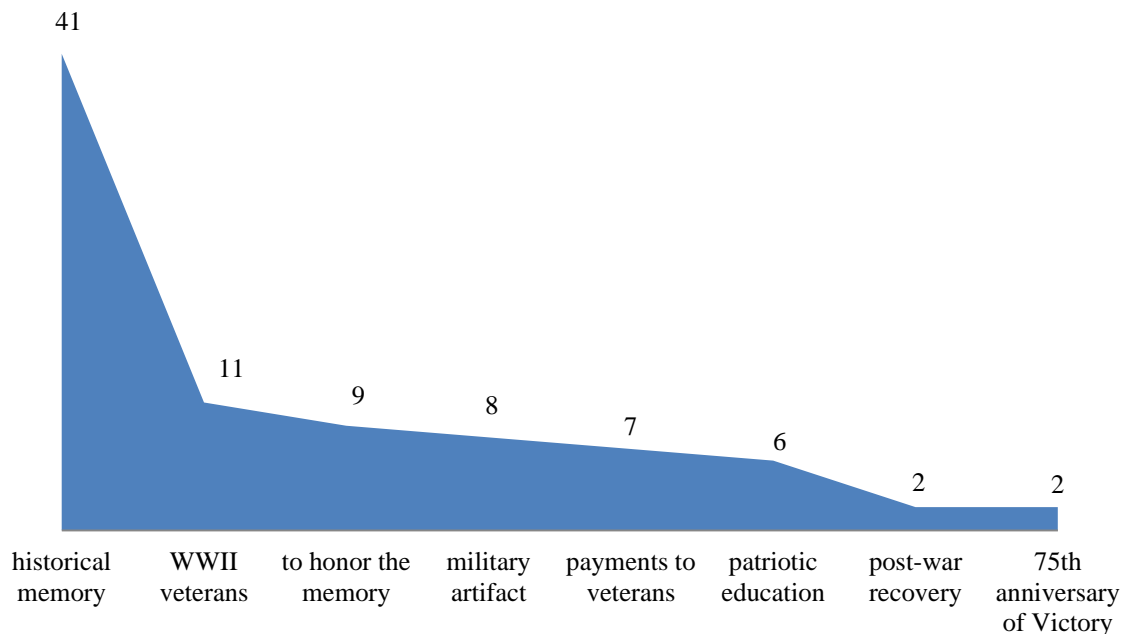

Figure 7. Categorization of the historical discourse about the Victory, the role of Sevastopol in the Great Patriotic War (2021 - early 2022).

A tag cloud built from the headlines of informational occasions reflected the primacy of Sevastopol in the stream. The categories "Victory" and "Immortal Regiment", as well as "payments to veterans" are equivalent categories in it. Thus, the current state of collective historical memory is filled with digital traces formed by both a fundamental historical event – the Victory in the Great Patriotic War, and events of a political and social nature in its modern representations (Fig. 8).

"pobedobesiya", formed in the information field, not only discredits Victory Day, but transforms all the basic values of Russian society and the post-Soviet space as a whole.

The negative agenda in the public historical discourse about Victory is formed mainly through conflict elements and around the creation of new memorial symbols that destroy the fundamental historical values of Russia. A positive context is created through the theme of state support for veterans, personally by the work of the head of the country and heads of law enforcement agencies, as well as by maintaining the historical significance of the memorial symbols of the country and Sevastopol, in particular.

The analysis of the obtained results suggests a certain duality in the formation of historical collective memory and memorial structures observed in the minds of residents of the Crimea. Returning to the concepts of the memorial boom and the social framework of memory, it can be stated that the formation of collective memory proceeds differentially depending on where a person forms his identity, which social institutions determine the framework of his historical memory. Modern societies are experiencing a digital "memorial boom", which has developed communication networks and introduced new digital mechanisms for shaping the historical agenda into everyday life. However, this leads to the installation of a rigid "social memory framework" in communication and changes the ratio of an individual's memory and the external framework that social groups set for him in communication networks.

In the communicative space, historical memory is formed as a "stream" that is not created by the immediate social environment, but appears in a person's consciousness invisibly, imperceptibly, but systematically – through the formation of visual images. However, the mechanisms of functioning and the essence of these "streams", especially those filled with new historical content, remain not fully elucidated. It can be assumed that they have a fragmented nature, are distributed among agents, and are created by new hybrid media technologies and digital tools. This thesis allowed the author to theoretically comprehend and analyze the historical collective memory during the integration process and the in the era of cognitive and information wars.

The author considers the process of forming collective historical memory as a network in the context of the actor-network theory, the appeal to which allowed us to study atypical situations created by "invisible" technologies and routine events in the communicative field. As a result, sociality becomes the result of the interaction of heterogeneous entities, and a person is deprived of a privileged status in the production of meanings, it is under the influence of manipulation. The meanings themselves are considered as event connections connecting reality and its representations.

The collective memory of the Great Patriotic War today is formed both by the translation of historical achievements about the defense and liberation of Sevastopol, about the meanings of Victory in the Great Patriotic War, about the role of commanders, I.V. Stalin as the leader of the USSR, and by reformatting historical memory and rethinking the Soviet people as the winner. The events forming the collective memory of the Great Patriotic War are contextually connected with generational succession events, memorial events, and support for the social significance of the main historical symbol of Russia's collective memory – Victory Day. But at the same time, the information space broadcasts a negative context created by the discussion around the financial problems of veterans, the creation of conflicting meanings, lines of civilizational fault, new historical constructs (refusal to celebrate the Great Victory, from the parade, etc.)⁴⁹⁰. Returning to the actor-network theory, it can be noted that the formation of collective memory proceeds differentially depending on the interaction of human and non-human actors.

Thus, collective memory in the digital environment is formed as a "stream" filled with a new historical meaning. In the real environment, the consequences of the impact of the communicative factor on the structure of historical memory are observed. However, it can be noted with confidence that historical, civil and patriotic components prevail in the structure of the historical consciousness of Crimeans and Sevastopol residents. To strengthen them, it is necessary to engage in historical discourse through the institutions of family and education, through the introduction of

---

⁴⁹⁰ Yarmak O.V., Bolshakova M.G., Maranchak A.G. Collective memory of the Great Patriotic War as a network in the understanding of actor-network theory // MODERN SCIENCE, No. 7, 2021, pp. 269-271. ISSN: 2414-9918 URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46442698> (accessed: 07.02.2023).

active broadcasting practices of modern Russia (trips to memorial sites, new construction and infrastructure facilities). A separate area of work on the formation of historical memory as a civilizational translator and integrator should be devoted to the creation of a new social capital of the country, capable of working in the conditions of cognitive, informational and military challenges for Russia.

**§ 3.3. Identity and value-semantic field
as indicators of social integration
of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol**

Taking into account the complexities of the integration agenda, the analysis of factors influencing the process of identity formation and the value field of the population of the Crimean Peninsula is of particular relevance. Analyzing scientific sources and already available research material, the author formulated the assumption that people of different nationalities reproduce behavioral attitudes and integration practices differently. The speed of formation of collective ideas, information agendas, patterns (patterns of behavior), demonstration of the position of the "generalized other" ("likes", "reposts", "friendfeed", etc.) significantly affect the process of transformation of identity, value orientations and the formation of behavioral attitudes⁴⁹¹.

Value shifts in the mass consciousness often occur during a period of radical changes in society. And such a significant geopolitical event as the reunification of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol with the Russian Federation has outlined the problems of forming a new semantic and value field among the inhabitants of the Crimean Peninsula, which is complicated by the fact that the value orientations of people of different ethnicities were formed in different historical and socio-cultural

---

⁴⁹¹ Interethnic and interreligious harmony in the student environment of Crimea and Sevastopol: monitoring and analysis of the level of development: a collective monograph / Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Sevastopol State University; ed. by O.V. Yarmak. – Sevastopol: SevSU, 2019. - 144 p., p. 30 URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42520704> (accessed: 07.02.2023).

environments. In this regard, from the perspective of the author's research, it was important to understand not only the process of forming the identity of Crimeans and Sevastopol residents, but also the structure of their value consciousness, life priorities and strategies, behavioral attitudes.

The reflection and indicator of integration processes is the national-state identity. Russian sociologist L.M. Drobizheva reveals the concept of national-civil identity in this way: "the concept of national-civil identity includes not only loyalty to the state, but also identification with the citizens of the country, ideas about this community, responsibility for the fate of the country and feelings experienced by people (pride, resentment, disappointment, pessimism or enthusiasm). Just as in the republican, local, ethnic identity, there are cognitive, emotional and regulatory elements (readiness to act in the name of these ideas and experiences)"⁴⁹². "Ethnic identity, as well as state identity, is widely understood, not only as self-identification, but also the idea of one's people, their language, culture, territory, interests, as well as an emotional attitude towards them, and under certain conditions a willingness to act in the name of these ideas"⁴⁹³. This interpretation of identity allows us to analyze how political, socio-cultural, and economic changes affect it. It is in this perspective that the author analyzes the formation of the national-state identity of the Crimean student youth, who are in a transitional (borderline) state due to the social integration of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol into Russian society.

In order to analyze the state of national identity of the students of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol, the toolkit provided questions that determine identity through belonging to a certain social group, including through feeling a sense of pride from this belonging. When analyzing the identity of students, the task was set to understand how they define themselves. It turned out that half of the young people surveyed identify themselves as citizens of the Russian Federation, about 40% associate themselves with their generation, relate themselves to representatives of the same culture, a third in 2018 and almost 40% in 2017, about 40% perceive themselves as

---

⁴⁹² Drobizheva L.M. National-civil and ethnic identity: problems of positive compatibility. URL: <https://civisbook.ru/files/File/Nacionalno-grajd.pdf> (accessed: 07.02.2023).

⁴⁹³ Ibid.

residents of the peninsula, a fifth identified themselves as residents of a certain area (city/villages). 7% of respondents in 2017 and 10% in 2018 referred themselves to the group of people with a common faith, 6% of respondents in 2017 and 10% in 2018 referred themselves to the group of people of the same nationality (Fig.9).

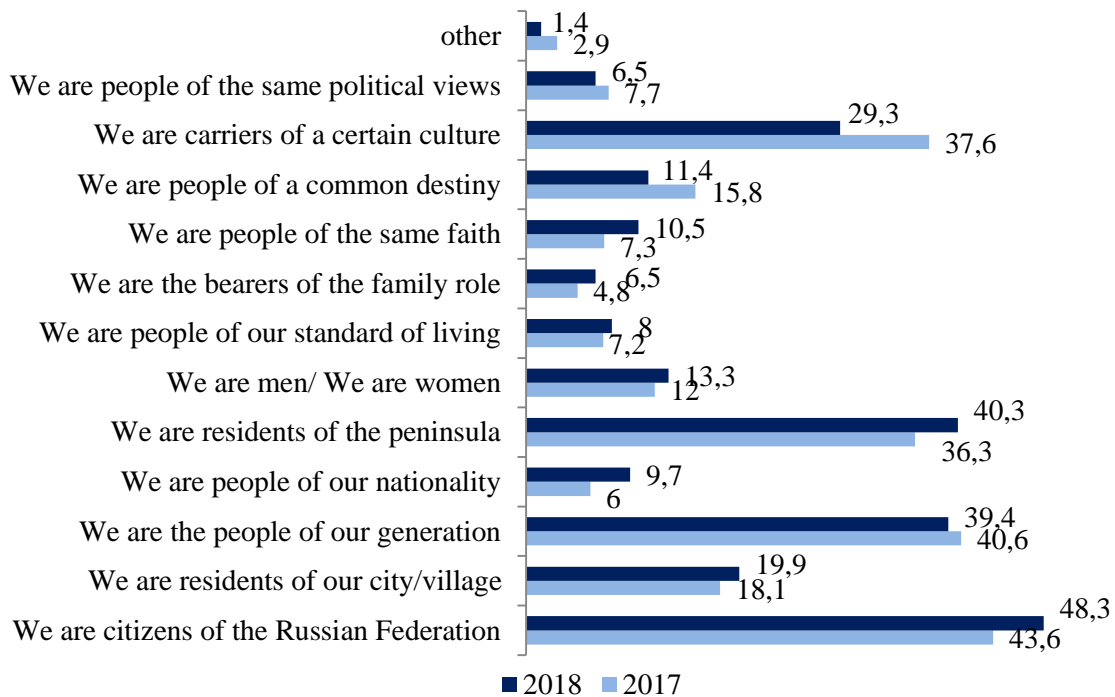

Figure 9. Select the groups closest in spirit

(as a percentage of the number of respondents, 2017-2018)

Research results in 2020 showed that a fifth of respondents are close to the group "we are citizens of Russia", about 20% of respondents identify themselves as residents of Crimea and 15% as residents of their city. Thus, a third (35%) of respondents have a strong peninsular – Crimean – identity. The ethnic and confessional affiliation of the inhabitants of the Crimea is very low, which indicates the weakness of national and religious factors in the formation of the identity of the inhabitants of the peninsula (Fig.10).

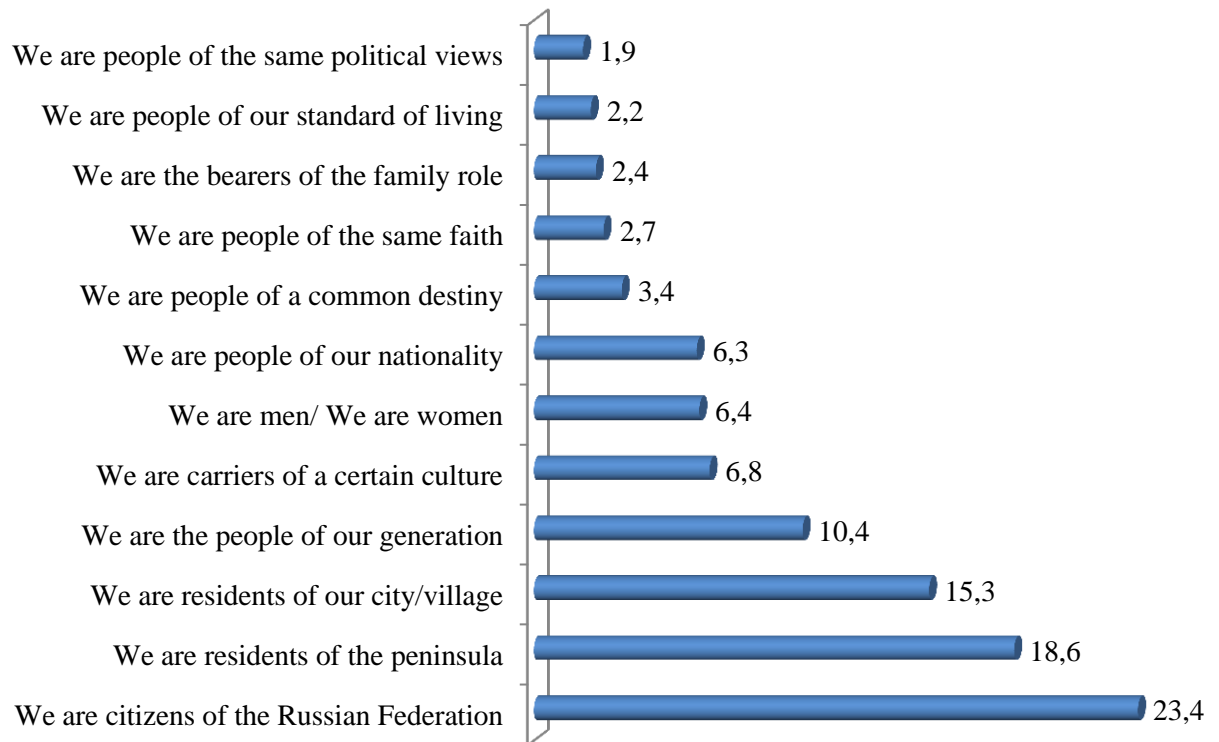

Figure 10. Choose the groups that are closest in spirit
(as a percentage of the number of respondents, 2020)

— *Who do you consider yourself in the first place? Which identification is more important to you?*

— *A man. But now, probably, a Crimean, then a Russian. Although it is possible that this will change over time.*

— *What is it for you to be a Crimean?*

— *To be born here and love your land. Consider it your home.*

— *And to be a Russian?*

— *To belong to a culture, to a heritage. Associate yourself with this "layer".*

Simferopol, 2017 г.

— *Each of us has several levels of identity, each of us considers himself a representative of some nationality and a family member, a citizen of the country, etc. Which identification is more significant for you?*

— *We are all family members, we are all residents of a single state of Russia, citizens of Russia.*

— *What is it for you to be a citizen of Russia?*

— *First of all, it is the maintenance of cultural traditions, it is an active position, that is, I have to educate others, and learn myself, go deeper into the study of my country, its peculiarities and laws, as well as compliance with the laws of the Russian Federation.*

Yevpatoria, 2018 г.

— *And what is "being a citizen of the Russian Federation" for you?*

— *For me this is important to honor and be for all the decisions of the Government of the Russian Federation, to support and try to help the state in some way.*

Kerch, 2018 г.

— *Please tell me, each of us has several levels of self-identification: we simultaneously feel like citizens of some country, natives of territories, a member of our family, some community. And here is a very important question: "I? And first of all, who am I?". Who do you feel first of all?*

— *A member of my family, only then there is a resident of the Crimea, a citizen of Russia.*

— *So you feel more like a Crimean citizen than a citizen of Russia?*

— *You could say that.*

— *And what is it for you to "be a Crimean"?*

— *To live in the Crimea.*

— *Do you think the Crimeans, in addition to some kind of territorial attachment, have any other common characteristics?*

— *We have a great affection for each other. The territory creates, ... the binding to the territory generates the binding of ethnic groups, that is, the histories of our nationalities are strongly mixed and one common fraternal people is created.*

— *So you think that Crimeans can be called one people? ...*

— *Yes, of course.*

Simferopol, 2018 г.

— *Please tell me, each of us has several levels of self-identification. At the same time, we feel like citizens of a country, natives of some territory, a native of a city,*

family members, a representative of some nationality, and so on. Who do you feel first of all?

— *A member of his family and a citizen of the country. My homeland is Crimea.*

— *What is it for you to be a Crimean and what is it for you to be a citizen of the Russian Federation?*

— *This is pride, involvement in a large, vast Russia. This is citizenship. And the fact that Crimea is a peninsula in which there are many beautiful places.*

— *Tell me, and if you compare your feeling of being a citizen of the Russian Federation and your feeling of being a Crimean. Who do you feel like in the first place?*

— *Both. The fact that I live in Crimea, in Russia.*

Yalta, 2018 г.

To understand the construction of national identity the foundations in the selected ethnic groups, correlations of answers to the questions "Choose from the groups listed below that are closest to you in spirit" and "Who do you consider yourself to be?" were analyzed (Table 13). So, Russians, first of all, consider themselves to be a group of Russian citizens, then to the inhabitants of the peninsula, carriers of a certain culture, people of the same generation and people living in a certain area.

Table 13. Belonging to a social group depending on the correlation of oneself to a certain nationality (as a percentage of the number of respondents, 2017-2018)

Belonging to a social group/ Nationality	Russians	Ukrainians	Crimean Tatars
	2017 / 2018	2017 / 2018	2017 / 2018
We are citizens of the Russian Federation	54 / 54	19 / 27	17 / 37
We are the people of our generation	34 / 39	32 / 44	51 / 37
We are carriers of a certain culture	36 / 31	46 / 27	20 / 27
We are residents of the peninsula	38 / 41	46 / 50	54 / 38
We are residents of our city/village	21 / 19	21 / 22	7 / 24
We are people of a common destiny	12 / 11	6 / 9	5 / 12
We are men/ We are women	10 / 13	24 / 16	12 / 10
We are people of the same political views	10 / 6	1 / 8	12 / 2
We are people of the same faith	6 / 11	24 / 9	12 / 8
We are people of our standard of living	7 / 8	9 / 11	0 / 6
We are people of our nationality	4 / 8	9 / 11	10 / 21
We are the bearers of the family role	5 / 6	10 / 7	2 / 6

Ukrainians feel more belonging to the groups "we are carriers of a certain culture" and "we are residents of the peninsula" than to other groups. A third of Ukrainians identify themselves with the group "we are people of our generation", a quarter – with a gender group ("we are men/ we are women") and a confessional group ("we are people of the same faith"). Settlement relatability ("we are residents of our city/village") in the identity system is present in 21% of the Ukrainians surveyed.

Crimean Tatars, to a greater extent than Russians and Ukrainians, have a territorial connection to the peninsula: 54% of the Crimean Tatars surveyed referred themselves to the group "we are residents of the peninsula". The attribution of oneself to the group "we are the people of our generation" is present in half of the respondents of the Crimean Tatar nationality. 20% of respondents who consider themselves Crimean Tatars see themselves in the group "we are carriers of a certain culture"⁴⁹⁴.

Analyzing the data obtained, it can be stated that Russian youth's national identity is based primarily on belonging to the state, which is not inherent in the Ukrainian and Crimean Tatar groups. Also, the process of forming the national identity of young people with Russian nationality is influenced by a sense of common destiny, political (political views) and economic (standard of living) factors. Territorial and generational attachments in the structure of identity are maximally expressed in the group of Crimean Tatars. In general, the national identity of the Crimean Tatar youth is based on "land" attachment to the Crimea, political (common political views), national (correlation with people of the same nationality) and generational (correlation with their generation) factors. Confessional, gender, family and economic factors influence the formation of the national identity of Ukrainian youth.

It should be noted the following trend: cultural (belonging to a common culture) and territorial (place of residence) factors are more pronounced among Ukrainians and Russians. The Crimean Tatar group has not just a territorial binding to the place of residence, but a land binding to the Crimea as to their native land.

---

⁴⁹⁴ Interethnic and interreligious harmony in the student environment of Crimea and Sevastopol: monitoring and analysis of the level of development: a collective monograph / Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Sevastopol State University. University; ed. by O.V. Yarmak. – Sevastopol: SevSU, 2019. - 144 p., p. 33. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42520704> (accessed: 07.02.2023).

The results of the 2020 research wave confirmed the priority of peninsular identity in all ethnic groups. The Crimean Tatars have increased belonging to Russian citizenship, which indicates the success of integration practices, and the binding to the peninsula has increased in the Ukrainian group. Gender and confessional identity are strong in the Crimean Tatar group.

Both in 2017, 2018, and in 2020, the significance of the cultural factor was recorded among Ukrainians more than others. The Ukrainian group tends to refer to themselves as "carriers of a certain culture", "people of our nationality", "people of a common destiny", which indicates the formation of an ethnic identity different from Russian. The identity of Russians is based, first of all, on the basis of belonging to the Russian state, then – to the Crimea and their city as a territory of residence, is formed under the influence of generational, political and economic factors (Table 14).

Table 14. Belonging to a social group depending on ethnicity (as a percentage of the number of respondents, 2020)

Belonging to a social group/ Nationality	Russians	Ukrainians	Crimean Tatars
We are citizens of the Russian Federation	23,6	21,9	30,2
We are residents of our city/village	16,1	13,1	18,8
We are the people of our generation	10,8	7,4	7,3
We are people of our nationality	6,2	9,2	7,3
We are residents of the peninsula	18,9	23,9	15,6
We are men/ We are women	7,6	4,8	8,3
We are people of our standard of living	2,2	0,9	0
We are the bearers of the family role	2,5	1,8	2,1
We are people of the same faith	2,3	2,4	3,1
We are people of a common destiny	2,7	3,7	3,1
We are carriers of a certain culture	5,4	9,2	5,4
We are people of the same political views	1,9	1,8	1,0

When correlating themselves with a particular group, young people assessed the degree of feeling proud of belonging to these groups. This indicator allowed the author to obtain a deeper analysis of the factors influencing the formation of national identity in the groups "Russians", "Ukrainians" and "Crimean Tatars". Groups with enhanced state (citizens of the Russian Federation) and peninsular (residents of Crimea) bindings are prouder of this than other groups. Groups of gender and generational affiliation, as

well as having economic ("we are people of our standard of living"), territorial ("we are residents of the city/village"), cultural ("we are people of the same culture"), family ("we are carriers of the family role") and historical ("we are people of a common destiny") the foundations of identity, feel their belonging to these groups, but are not proud of it. Groups united by political views and confessional affiliation (one faith) do not feel proud of having defined themselves in this way (Tables 15 and 16).

Table 15. To what extent are you proud of belonging to the following groups? (as a percentage of the number of respondents, 2017-2018)

	I am proud of my belonging	I feel like I belong, but I'm not proud of it	I don't feel like I belong
	2017 / 2018	2017 / 2018	2017 / 2018
We are citizens of the Russian Federation	47 / 48	33 / 35	13 / 12
We are residents of our city/village	39 / 43	43 / 42	14 / 12
We are the people of our generation	29 / 42	47 / 44	19 / 11
We are people of our nationality	37 / 47	45 / 38	15 / 13
We are residents of the peninsula	47 / 53	31 / 34	15 / 9
We are men/ We are women	37 / 47	52 / 43	7 / 7
We are people of our standard of living	17 / 23	46 / 52	33 / 21
We are the bearers of the family role	32 / 41	38 / 36	26 / 20
We are people of the same faith	20 / 29	35 / 35	41 / 31
We are people of a common destiny	14 / 24	37 / 36	46 / 37
We are carriers of a certain culture	42 / 48	40 / 36	16 / 14
We are people of the same political views	15 / 21	22 / 31	57 / 45

Table 16. To what extent are you proud of belonging to the following groups? (distribution by national groups, as a percentage of the number of respondents, 2017-2018)

	I am proud of my belonging	I feel like I belong, but I'm not proud of it	I don't feel like I belong

Continuation of the table 16

	Russians	Ukrainians	Crimean Tatars	Russians	Ukrainians	Crimean Tatars	Russians	Ukrainians	Crimean Tatars
	2017/ 2018	2017/ 2018	2017/ 2018	2017/ 2018	2017/ 2018	2017/ 2018	2017/ 2018	2017/ 2018	2017/ 2018
We are citizens of the Russian Federation	58 / 53	13 / 31	5 / 37	31 / 33	52 / 36	83 / 37	9 / 9	24 / 30	10 / 22
We are residents of our city/village	42 / 42	56 / 42	24 / 58	38 / 43	31 / 40	44 / 35	17 / 12	13 / 14	29 / 6
We are the people of our generation	25 / 41	34 / 41	53 / 46	50 / 46	38 / 38	42 / 44	22 / 9	21 / 19	4 / 8
We are people of our nationality	41 / 47	50 / 40	41 / 62	45 / 40	30 / 42	49 / 27	15 / 12	21 / 15	7 / 10
We are residents of the peninsula	49 / 54	55 / 54	34 / 56	33 / 34	30 / 31	25 / 34	14 / 8	4 / 12	38 / 8
We are men/ We are women	35 / 49	47 / 45	47 / 49	55 / 43	39 / 44	45 / 44	9 / 5	15 / 8	7 / 7
We are people of our standard of living	17 / 22	5 / 20	7 / 28	46 / 53	46 / 55	69 / 52	35 / 21	21 / 21	41 / 20
We are the bearers of the family role	30 / 41	32 / 35	29 / 46	43 / 36	32 / 40	63 / 40	26 / 22	25 / 21	5 / 11
We are people of the same faith	18 / 29	39 / 24	22 / 35	39 / 38	27 / 37	32 / 30	40 / 29	32 / 32	42 / 34
We are people of a common destiny	14 / 23	17 / 27	3 / 26	38 / 38	34 / 33	42 / 31	46 / 36	50 / 36	51 / 41
We are carriers of a certain culture	42 / 49	49 / 41	20 / 54	43 / 38	35 / 35	37 / 31	14 / 11	15 / 20	39 / 14
We are people of the same political views	17 / 20	6 / 19	12 / 22	27 / 34	33 / 25	15 / 23	54 / 43	50 / 51	68 / 51

The assessment of the degree of pride in the feeling of one or another basis of identity in the context of the selected groups on a national basis – Russians, Ukrainians and Crimean Tatars showed the following results. Russian youth, first of all, is proud of belonging to the citizenship of the Russian Federation, then – living on the Crimean Peninsula and living in their city or village, then – belonging to a common culture. Ukrainian youth feel proud of territorial (living in their city or village); peninsular (living in Crimea); cultural affiliation (they are of Ukrainian nationality and belong to people with a common culture). In addition, the gender factor is strong in the identity structure of Ukrainians. Crimean Tatar youth are proud of generational (belonging to their generation), gender (for being male or female), and national ties.

The analysis of the foundations of identity in national groups has shown that the system of national-state identity of multi-ethnic Crimean youth is based on different principles. The structure of the national and state identity of Russian youth has a strong state component (belonging to the Russian state), territorial belonging to the Crimean Peninsula, generational (ties with one's generation) and cultural (carriers of a certain culture) foundations. The political factor is not significant in the identity of the youth who have identified themselves as Russians, which indicates the weakness of political influence on the formation of national identity in this group.

The foundations of the national and state identity of Ukrainian youth are based on a sense of peninsular attachment to the Crimea, cultural (carriers of certain cultural values) and generational components. Political grounds are weak in the formation of the system of national identity among Ukrainians and Russians, and the political factor is also weak in the group of Crimean Tatars.

The identity of the Crimean Tatar youth was formed under the influence of territorial, generational, national and gender factors. In the group of Crimean Tatars, the feeling of belonging to the citizenship of the Russian Federation is more pronounced, but there is no sense of pride from this. The feeling of pride among the Crimean Tatar youth is formed due to generational, gender and nationality belonging.

Analyzing the models of building the national-state identity of young people with different nationalities, the following can be noted. Firstly, the foundations of identity are differentiated, but there are factors that consolidate identity. Secondly, for all groups, the integrative basis of identity is peninsular attachment (living on the Crimean Peninsula), which is a matter of pride for Russians and Ukrainians, and the "hereditary" attachment to the native Crimean land of the Crimean Tatars. The second unifying factor in the models of national identity of diverse groups of youth is identification by national and cultural characteristics. Russian Russians and Ukrainians, who are similar in their cultural and civilizational bases, feel different cultural attachments, referring themselves to separate cultural groups – Russians and Ukrainians. And the third unifying point in building national identity among Russian, Ukrainian and Crimean Tatar youth is the lack of political influence.

We believe that the process of formation of national and state identity in various ethnic groups of Crimean youth should be based on:

- the principles of regional patriotism, taking into account the territorial attachment of young people to the Crimea;
- creation of common cultural codes that unite young people of different nationalities, primarily Russian and Ukrainian;
- uniting young people on the basis of generational interests aimed at self-expression and self-realization, but without a political context.

The reunification of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol with the Russian Federation actualized the problems of analyzing the semantic and value field of the Crimean Peninsula's youth, the significance of which is due to the fact that the youth of Crimea socialized in various social and political environments. Based on the data obtained, it was revealed what constitutes the core of the value of youth consciousness and what meanings the Crimean youth is oriented towards. The analysis of value and semantic criteria made it possible to assess the degree of integration of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol into Russian society. Value shifts in the mass consciousness of people are transformed in situations of radical political, economic, socio-cultural changes. In this regard, the processes taking place in modern Russia are no exception. When analyzing the value system of the youth of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol, the task was set to understand which values are most significant for the younger generation, which qualities a young person focuses on when building their own value field.

Analyzing the respondents' answers, it turned out that young people value health, freedom, interesting work and professional growth. Traditional values of love, happy family life and friendship occupy half of the structure of the value consciousness of the Crimean student youth.

With the help of those values and meanings that prevail in the environment of a certain social group or society as a whole, young people master social experience and relay it to their actions and motives conditioned by a personal value system. In this regard, the actualization of the value of health, which is present in all ethnic groups,

determines, from our point of view, in the consciousness of a modern young person the importance of environmental meanings, in particular, the quality and standard of living. The presence of freedom in the core of the value consciousness of the Crimean youth speaks about the characteristic desire of young people to be free and not have "social restrictions". The importance of professional realization for a young person is evidenced by the values of interesting work and professional growth⁴⁹⁵. The presence of universal values of love, a prosperous family life, friends indicate the presence of traditional meanings in the youth consciousness.

We would like to note the growth in the value of education, which is the "social elevator" that provides subsequent expansion of opportunities for self-realization in the profession and material security (Fig. 11).

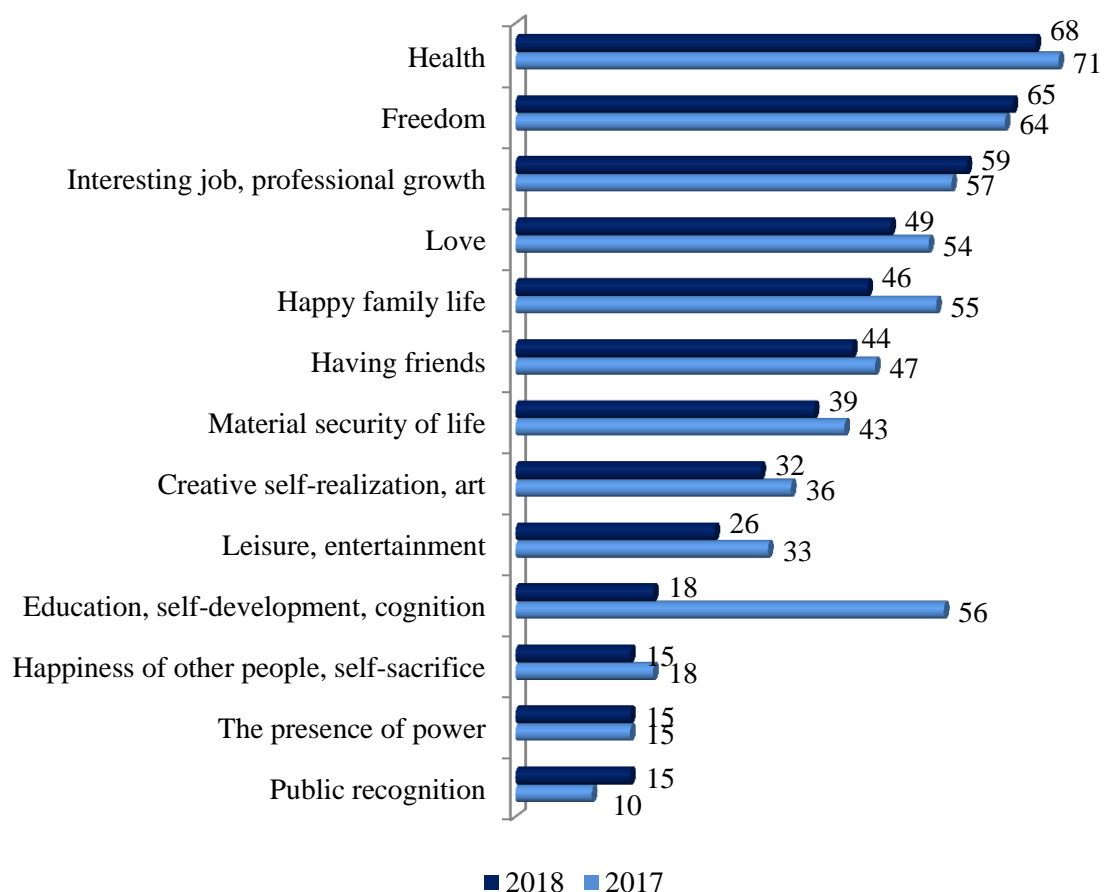

Figure 11. Structure of youth value orientations
(as a percentage of the number of respondents, 2017-2018)

⁴⁹⁵ Deryugin P. P., Kremnev E. V., Yarmak O. V., Shi Yi, Wensin Zheng Network models of business values in the human capital structure of Chinese students // Scientific Result. Sociology and Management. 2021. Vol. 7, No. 3. pp. 135-151. Access mode: doi:10.18413/2408-9338-2021-7-3-1-2 (accessed 07.02.2023).

Considering the distribution of the spectrum of value orientations in youth groups, identified by nationality, it turned out that health, professional growth, freedom, friendship and creative self-realization are more important to Russians. Health, freedom and material security are relevant to Ukrainians and Crimean Tatars. Public recognition and power are also important for Crimean Tatar youth. Creative self-realization is more appreciated by Russians and Ukrainians.

It should be noted that the values of material security and freedom are more significant for Ukrainians and Crimean Tatars than for Russians (Tables 17 and 18).

Table 17. How important are the following values for you?" (as a percentage of the number of respondents, distribution by national groups, 2017-2018)

	Material security of life		The presence of power		Public recognition		Freedom		Education, self-development, cognition		Interesting job, professional growth	
	2017	2018	2017	2018	2017	2018	2017	2018	2017	2018	2017	2018
Russians	33	43	16	15	9	13	64	63	19	56	64	56
Ukrainians	62	44	22	18	19	19	82	71	19	56	33	61
Crimean Tatars	54	36	37	17	39	22	71	65	34	57	34	60

Table 18. How important are the following values for you? (as a percentage of the number of respondents, distribution by national groups, 2017-2018)

	Creative self-realization, art		Happy family life		Love		Having friends		Health		Leisure, entertainment		Happiness of other people, self-sacrifice	
	2017	2018	2017	2018	2017	2018	2017	2018	2017	2018	2017	2018	2017	2018
Russians	35	32	50	53	50	54	49	49	73	71	30	31	17	17
Ukrainians	35	46	45	57	50	58	40	50	86	75	16	37	20	24
Crimean Tatars	17	33	48	65	46	56	29	47	53	70	10	38	10	26

The data obtained in 2020 on the structure of the value consciousness of the inhabitants of the Crimean Peninsula allowed us to determine the value criteria that influence the formation of integration practices. The basic values of Crimeans and Sevastopol residents are traditional – health (45%), happy family life (43%), love and friendship (42% respectively). The authors described the second group of values as ambitious – these are the values of freedom, the desire for education and professional growth, the importance of a happy environment, creative self-realization. The value of power, public recognition and material security has no nuclear significance in the value structure of all the inhabitants of the peninsula, compared with the structure of youth values (Fig. 12).

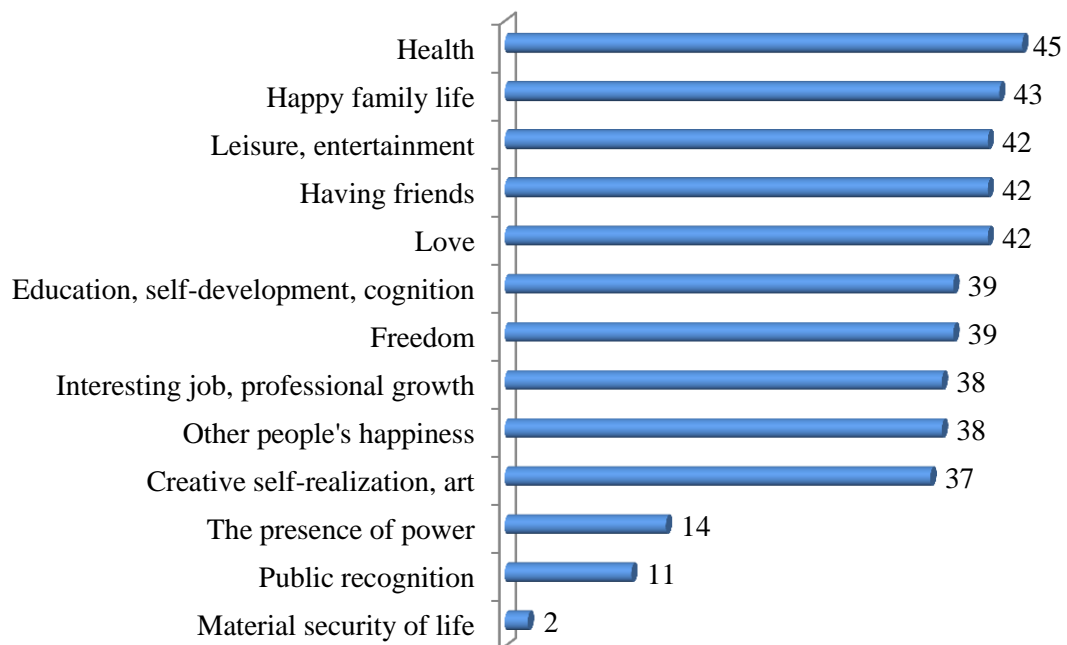

Figure 12. Value orientations of residents of the Republic of Crimea and Sevastopol (as a percentage of respondents, 2020)

For a deeper analysis of the value consciousness of the Crimean youth, assessments of the qualities that a modern person should possess were investigated. It turned out that this is honesty, responsibility, independence and self-control. A third of the young people surveyed believe that it is now important to be effective, executive, tolerant and loyal (Fig. 13).

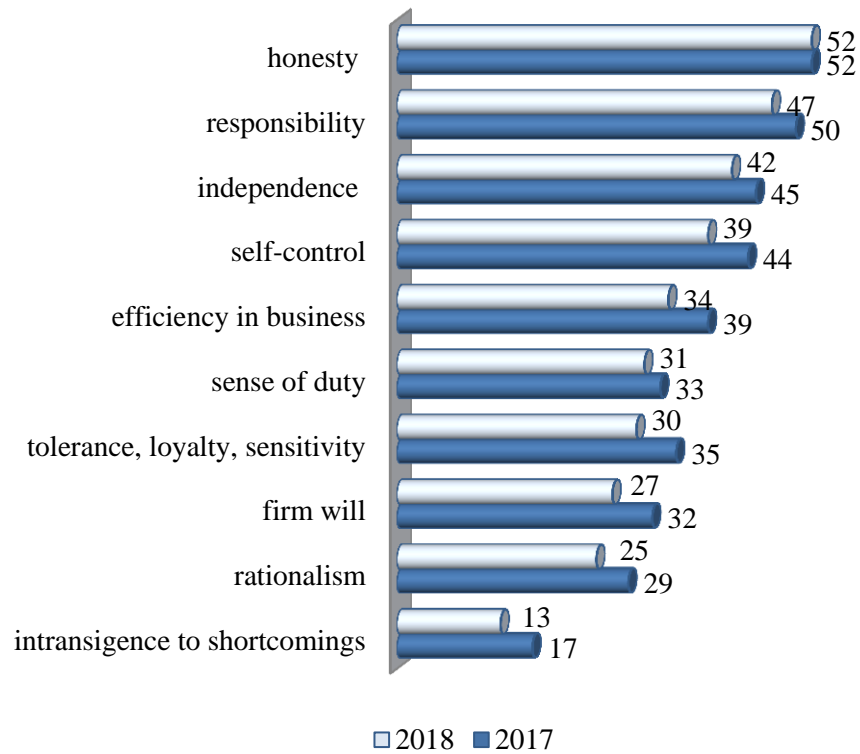

Figure 13. Personal qualities of a young person

(as a percentage of the number of respondents, 2017-2018)

Assessing the significance of the distribution of personal qualities in national groups, it turned out that independence is more valuable for Ukrainians, and the performance characteristic has gained greater importance in the group "Russians" and "Crimean Tatars". Responsibility, self-control, diligence, tolerance are more important for Russians (Table 19).

Table 19. How important are the following qualities to you? (as a percentage of the number of respondents, distribution by national groups, 2017-2018)

	Firm will		Efficiency in business		Independence		Self-control		Rationalism		Sense of duty	
	2017	2018	2017	2018	2017	2018	2017	2018	2017	2018	2017	2018
Russians	29	31	36	39	44	43	46	45	26	28	36	32

Continuation of the table 19

Ukrainian	30	37	18	42	63	43	23	41	22	35	29	39
Crimean Tatars	33	34	36	44	28	55	37	54	33	31	14	33
	Tolerance, loyalty, sensitivity		Honesty		Responsibility		Intransigence to shortcomings					
	2017	2018	2017	2018	2017	2018	2017	2018				
Russians	38	34	52	53	51	50	13	15				
Ukrainian	11	40	51	55	44	50	7	22				
Crimean Tatars	31	39	43	52	47	49	5	25				

In addition to evaluating personal qualities, students were asked to evaluate the qualities they value in others. So, it turned out that the most important thing for our youth is a community of interests. This personal characteristic received maximum support from the majority of respondents. And the most insignificant qualities in other people for students are common religious views and ethnic origin (Fig. 14).

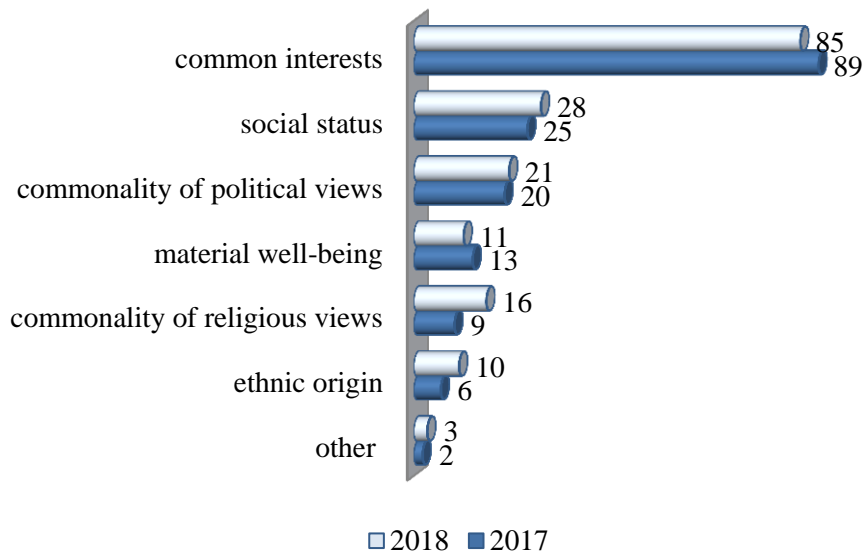

Figure 14. Assessing a person's personality as a whole, what characteristics do you pay attention to? (as a percentage of the number of respondents, 2017-2018)

This suggests that the modern youth of the Crimean Peninsula is cosmopolitan, it is not the national or confessional characteristics of the interlocutor, friend or acquaintance that are important to them, but his ideas, views, interests and attitudes.

Among the personal qualities that a modern person should possess, Crimeans and Sevastopol residents value efficiency in business (51%), responsibility (40%) and honesty (39%). Qualities valued in others are community of interests (42%), social status of a person (24%) (Fig. 15).

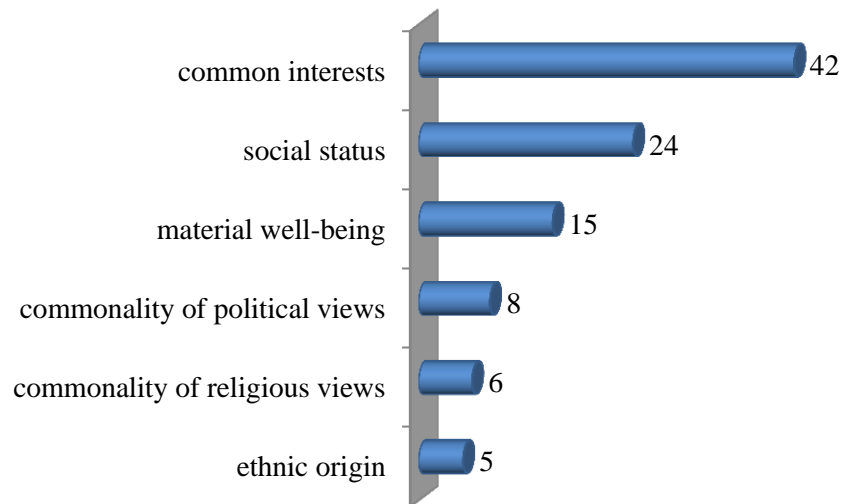

Figure 15. The importance of personal qualities in others
(as a percentage of respondents, 2020)

When assessing the other, the community of interests leads in all national groups. Common religious and political views, social status are more important for Ukrainians and Crimean Tatars (Table 20).

Table 20. Assessing a person's personality as a whole, what characteristics do you pay attention to first of all? (as a percentage of the number of respondents, distribution by national groups, 2017-2018)

	Commonality of religious views		Commonality of political views		Ethnic origin		Social status		Material well-being		Common interests	
	2017	2018	2017	2018	2017	2018	2017	2018	2017	2018	2017	2018
Russians	9	16	21	22	8	9	26	28	14	10	89	87
Ukrainians	33	14	19	21	8	12	25	30	21	11	79	88
Crimean Tatars	19	18	21	17	4	13	23	30	8	15	75	74

According to the results of 2020, the community of interests remains a priority, but it is becoming more significant for representatives of the Crimean Tatar group. In second place is the social status of a person, in third place is his financial situation. Common political and religious interests, ethnic origin have lost importance as the integration process progressed (Table 21).

Table 21. The significance of personal qualities depending on ethnicity (as a percentage of the number of respondents, 2020)

	commonality of religious views	commonality of political views	ethnic origin	social status	material well-being	common interests
Russians	6,8	7,8	4,9	24,7	15,1	40,7
Ukrainians	4,8	10,9	2,7	23,7	16,3	41,6
Crimeans Tatars	5,8	10,1	4,3	23,2	10,1	46,4

– *Crimea is a multinational region. If we talk about the main peoples of Crimea - Russians, Karaites, Crimean Tatars, Greeks, Armenians - could we identify any common features that are characteristic of all peoples living on the peninsula?*

– *Common features, firstly, the language we speak is Russian. Then, probably, interests in music. We don't look at who is of what nationality, we communicate, we listen to the same music, we all listen to the same.*

Simferopol, 2018 г.

To understand the semantic structure of youth consciousness, an analysis of the popularity of semantic statements was carried out. It turned out to be indicative that the patriotic semantic attitude about involvement in the history of a large and great country gained the maximum weight – "We are the heirs of the history of a Great country!" (37% on average over the two studied periods). The values of social justice ("Justice and the welfare state are the main tasks of modern society") (33%) and freedom ("My freedom ends where the freedom of another person begins") are significant for a third of the young people surveyed (29%). The value of personal success in relation to the success of the country is popular with 28% of respondents. The meanings of the legal

orientation (the importance of law and order as the social foundations of society) were noted by a fifth of respondents (23%) (Figure 16).

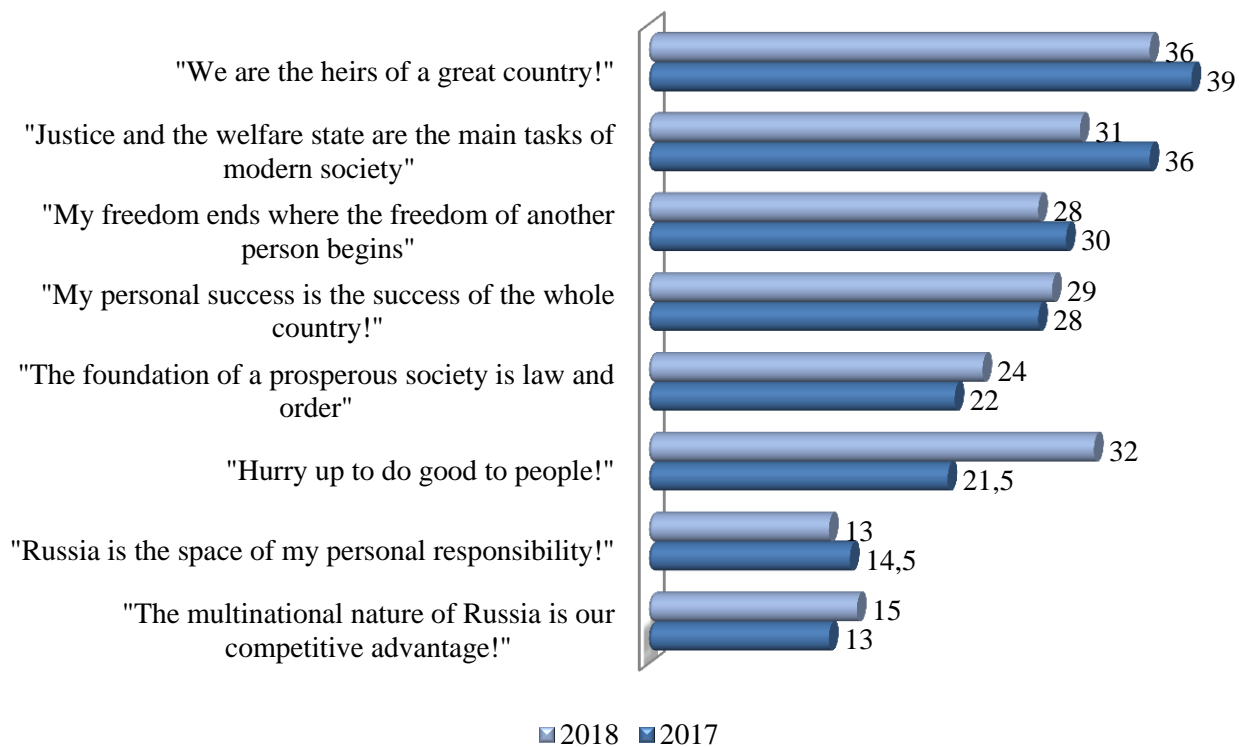

Figure 16. The significance of meanings in the youth environment of Crimea (as a percentage of the number of respondents, 2017-2018)

In these groups, the ranking of semantic statements is as follows. The statement about Russia as a space of personal responsibility is more significant among Russian and Crimean Tatar youth. The civilizational semantic characteristic of the value consciousness "We are the heirs of the history of a Great country!" is present in the Russian and Ukrainian groups. The multinational nature of Russia as a civilizational advantage was more noted by Ukrainians. The Crimean Tatars are more aware of the legitimate foundations of the country's social foundation (Table 22).

Table 22. What values and meanings are common among the youth of Crimea? (as a percentage of the number of respondents, distribution by national groups, 2017-2018)

	"My personal success is the success of the whole country!"		"Hurry up to do good to people!"		"Russia is the space of my personal responsibility!"		"We are the heirs of the history of a Great country!"		"The multinational nature of Russia is our competitive advantage!"		"The foundation of a prosperous society is law and order"		"Justice and the welfare of state are the main tasks of modern society"		"My freedom ends where the freedom of another person begins"	
	2017	2018	2017	2018	2017	2018	2017	2018	2017	2018	2017	2018	2017	2018	2017	2018
Russians	29	30	25	33	17	14	42	39	7	14	17	26	36	31	26	28
Ukrainians	21	22	15	31	4	9	32	33	30	18	22	25	30	40	33	33
Crimean Tatars	21	34	29	35	13	8	8	30	4	16	40	19	40	29	10	19

The results obtained allow us to speak about the presence of interethnic and interfaith stability in the value consciousness of Crimean youth, which is especially important for Crimea as a multi-ethnic region, where the possibility of interaction and social ties with representatives of another nationality or religion is higher than in other Russian regions. This conclusion confirms the choice of judgments about a friend or life partner from another national or religious group (Table 23).

Table 23. Selection from the proposed pairs of opposite value judgments (the sums of the values of the selected answers from "0" to "5", from "6" to "10", as a percentage of the respondents, 2017-2018 are given)

	The sum of the values of the selected answers from "0" to "5" 2017 / 2018	The sum of the values of the selected answers from "6" to "10" 2017 / 2018	
When choosing a friend, I focus primarily on the ethnic and (or) religious affiliation of a person	19 / 21	81 / 79	When choosing a friend, the ethnic and (or) religious affiliation of a person is not important to me
When choosing a life partner, I focus primarily on the ethnic and (or) religious affiliation of a person	35 / 39	65 / 61	When choosing a life partner, his (her) ethnic and (or) religious affiliation is not important to me
It is easier for me to justify a bad act or even a crime of a person belonging to the same ethnic and (or religious group) as me	26 / 29	74 / 71	I treat bad deeds and crimes equally regardless of whether they were committed by a person belonging to the same ethnic and (or religious group) as me or another
Representatives of certain ethnic groups are initially critical of me	33 / 31	64 / 69	I have never experienced the unfriendly attitude of people just because I belong to a certain ethnic (religious) group
I'm quite wary of people who don't belong to the same ethnic (religious) group as me	24 / 25	76 / 75	I treat people equally regardless of their ethnic (religious) affiliation

The fact that for half of the respondents, when choosing a friend, his ethnic and religious affiliation is not important, and they treat bad deeds and crimes equally, regardless of whether a person belonging to their ethnic and religious group committed them or not, once again confirms the fact that there is interethnic stability in the youth environment, as well as irreconcilability to violation of social order, regardless of the ethnic or religious affiliation of the violator of the established rules and norms. The

presence of a third of the respondents of national and confessional tolerance when choosing a companion, the absence of an unfriendly attitude towards persons of a certain ethnic or religious group indicates the acceptance of a representative of another nationality or faith in their personal and family space.

The presence of the ethnic "label", as Barth said in the definition of reference and personal communication, the attitude to social approval or condemnation, manifested itself in the responses of respondents when choosing value judgments. So, when choosing a friend, the respondents pay attention to his ethnic and religious affiliation, but when choosing a life partner, it does not matter to them. 60% of respondents are ready to justify a bad act or even a crime of a person with the same nationality and faith to which they belong. Half of the respondents have a feeling that representatives of certain ethnic groups are critical of them. The data obtained make it possible to think about the existence of boundaries between ethnic groups living on the Crimea peninsula: at the same time, these boundaries are erased in the family, but are present in communications, attitudes and behaviors towards other ethnic groups.⁴⁹⁶.

— *Tell me, please, if you were instructed to write the "Code of Interethnic Harmony for Crimea", what rules would you include there? What rules and norms should ensure interethnic harmony?*

— *In the Russian Federation, it goes something like this: a kindergarten teacher reconciles everyone: "We are friends and we are all together."*

— *Is it successful for the Russian Federation?*

— *Yes, it is.*

— *What are the norms of consent in Crimea?*

— *Understanding and tolerance. This is mandatory in Crimea, since the land is originally of different peoples, and here it cannot be assumed that your opinion is truly true.*

Simferopol, 2017 г.

— *What rules would you include in the list of interethnic harmony?*

---

⁴⁹⁶ Shkaiderova T. V., Yarmak O. V., Tsepikova A. S., Maranchak A. G. Identity of the inhabitants of the Crimean Peninsula: is there a change of ethnic borders? // *Modern Science and Innovation*, No. 1 (33), 2021, pp. 114-122. Founders: North Caucasus Federal University ISSN: 2307-910X URL: doi: 10.37493/2307-910X.2021.1.18; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46501764> (accessed: 07.02.2023).

— *Socialization of citizens — formation of an atmosphere of peace and interaction on the basis of equality. Acceptance of the values of other cultures.*

— *Are you ready to follow these rules yourself?*

— *Yes, I am ready.*

Simferopol, 2017 г.

— *If you had to formulate rules and norms for maintaining interethnic peace in Crimea, what kind of norms would you include?*

— *First of all, it is tolerance to other peoples. It is necessary to study other peoples and dedicate children to it. It is necessary to show that there are many of us in Crimea and that we need to get along on this peninsula and respect others, but at the same time remain ourselves, not merge.*

— *Are you ready to participate in this?*

— *Yes, I am ready.*

Yalta, 2017 г.

— *Tell me, please, if you were instructed to write the "Code of Interethnic Harmony for Crimea", what rules would you include there? What rules and norms should ensure interethnic harmony?*

— *Equality, honesty, so that there are no disputes. This is probably the most important thing.*

Kerch, 2018 г.

— *If you had to write norms, rules for maintaining interethnic harmony in Crimea, what rules and regulations would you include?*

— *I would include punishment for a conflict on such grounds... so as not to deprive either one or the other. Punish both equally. That is, to introduce the principle of equal punishment, so that it does not depend on who is guilty.*

Kerch, 2018 г.

Identity manifests itself not only in belonging to a particular social group, but also in certain actions of people confirming the importance of the foundations of identity. Empirical data from 2020 showed that 40% of respondents know (know, but do not perform publicly, or know only some phrases, or are happy to perform) the words of the

Russian anthem. These are mainly representatives of the Crimean Tatar and Russian groups. In the Ukrainian group, 37% of respondents do not know the anthem of Russia and do not consider it important.

One third of respondents (36%) see themselves in Crimea in the next five years, of which 62% of Crimean Tatars and the same number of Russians, 59% of Ukrainians. Russian Russians (35%), Russians (25%) and Ukrainians (24%) are among those who seek to leave for other Russian regions; Ukrainians (17% compared to Russians (13%) and Crimean Tatars (3%) are more likely to go abroad.

Based on the empirical material obtained, it can be noted that integration proceeds in different ways in different ethnic groups. The process of forming the foundations of identity, the structure of value orientations, behavioral attitudes in various ethnic groups of the Crimean Peninsula is differentiated. Peninsular attachment is maximally expressed in the identity structure of the Ukrainian group, whereas territorial "land" attachment is in the group of Crimean Tatars. There are significant cultural and ethnic factors in the identity of Ukrainians and Crimean Tatars. The identity of the Crimean Tatar group is based on gender and confessional foundations.

In the core of the structure of the value consciousness of the inhabitants of the peninsula, there are basic, traditional values; near-nuclear ones are those that provide a person with self-realization, education and professional growth, which, in R. Inglehart's definition, indicates the priority of traditional and post-materialistic values among the Crimean people. Material security is significant in the youth group, and with age its rank decreases. This suggests that it ceases to be a value, but passes into the category of needs that ensure the standard of living.

The presence of a block of so-called ambitious – post-materialistic values among the Crimean and Sevastopol residents is reinforced by the fact that among the personal qualities they distinguish efficiency in business, responsibility and community of interests. The commonality of religious views and ethnic origin turned out to be insignificant, which reflects the weakness of the confessional and national criteria when choosing their reference environment. This thesis confirms the fact that the ethnic and religious affiliation of the partner is not important when creating a family. However,

some concern is caused by the fact that at the level of primary communication with representatives of other national groups, half of the respondents feel uncomfortable.

In the structure of the value consciousness of the Crimean youth of the peninsula, it turned out that traditional meanings of nepotism, love and friendship prevail in it and there is a focus on professional and personal self-realization; on achieving a decent level of quality of life, including through health support and material support. National and religious factors are not significant in the formation of the value-semantic field among young people.

It is necessary to note the differentiation in the value orientations of national groups. In particular, Russians are focused on professional and creative self-realization, appreciate diligence, tolerance, efficiency, and consider their life in direct involvement with their country. The Ukrainian youth of Crimea values freedom and independence, material benefits and common religious views, while feeling themselves heirs to the common and great history of the country. For representatives of the Crimean Tatar youth, the values of freedom, material security, power, public recognition and religious views are significant. This group of young people views Russia as a space of personal responsibility, while realizing the obligation of law and law as fundamental social foundations.

In the modern world, individuals often cross "ethnic borders", according to Barth's understanding, but at the same time, a change of residence, lifestyle or political orientation does not lead to a change in their ethnic identity. At the same time, there are situations when there is a complete change of identity, value and cultural integration, within which a person adapts and accepts a new ethnic model. In fact, the incentives to change identity are embedded in the social foundations of integration. Ethnic identity will not be preserved if a person adheres to a value system that does not bring him success or promising opportunities.

The analysis of the process of identity change observed in Crimea is similar to Bart's research notes: ethnic boundaries are erased in the immediate environment, but in society they become more precise and brighter, being determined primarily socially. "Russian Crimean Tatars" and "Russian Ukrainians" are thus the consequence of a

change of identities: belonging to Russia and the Russian world, Russian culture and its values opens up social alternatives and opportunities for professional growth and career, which, as noted, are significant for Crimean residents.

Understanding the process of formation and change of identities among residents of the Crimea peninsula is associated with the analysis of factors of the social environment, communications, political and economic benefits, the work of social and educational elevators. Systematic monitoring of value-semantic constructions and personal attitudes allows us to identify the mechanisms of successful integration practices in the Republic of Crimea and the city of Sevastopol into Russian society. The process of social integration of various ethnic groups of the peninsula should be carried out taking into account the peninsular attachment to the Crimea; with the mandatory creation of common cultural codes, especially among Ukrainians and Russians, who have common civilizational foundations that have been artificially destroyed for thirty years; providing alternatives and social opportunities, broadcasting trajectories of economic and political success. This will subsequently erase clear ethnic boundaries and will determine the full completeness of social integration by creating a supranational identity (like imperial or Soviet).

§ 3.4. The communicative level of integration of the Crimean Peninsula and the challenges of the communicative space: results of digital measurements using the big data method

Analyzing communication networks and the information flows formed by them, we turn to network theories, the methodology of which was laid down by M. Granovetter, P. Lazarsfeld, J. Moreno, by E. Toffler's ideas about information and communication technologies as a factor of social changes that create collective actions

of a political nature and form new value-semantic guidelines^{497 498}. The ideas of one of the greatest sociologists of our time and a researcher of communications M. Castells, who studies network societies, are relevant in the perspective of considering the modern political process that exists through social media, in particular, the analysis of communication networks formed in the context of anti-Russian discourse^{499 500}.

We turn to the theory of media democracy as a consequence of the phenomenon of the culture of communication abundance, which forms political ideas, in particular, about digital democracy, network society, cyber citizens and wikigovernment⁵⁰¹. According to M. McLuhan's reflections, communications, on the one hand, provide citizens with the opportunity to include their issues in the public agenda and participate in political and civic discussions, and on the other hand, act as a "connected" and controlled digital world: "Each new means of communication usually "fascinates" its users, in fact "imposing its prerequisites, biases and values"⁵⁰². The analysis of the phenomenon of communicative abundance provides an opportunity to study the influence of the old representative democracy on state institutions and the formation of network societies with media structures that have a viral character.

The theses about new manifestations of communication abundance are significant for the conducted research: the existence of equal rights for all citizens to express their opinions; the rupture of social ties between government, business and civil society⁵⁰³. McLuhan's "law" that communication tools connect their users with pre-established patterns leads to the understanding of media democracy as a new form of political

---

⁴⁹⁷ Toffler, Alvin (1928). *The third is free* / Alvin Toffler; [translated from English by K. Y. Burmistrova and others]. - Moscow: there is: there is Moscow, cop. 2009 (Arkhangelsk : IPP Pravda Severa). - 795 P.; 21 cm. - (Philosophy); ISBN 978-5-17-062498-0 (IS).

⁴⁹⁸ Granovetter M. *Networks and Organizations: Structure, Form, and Action*. Harvard Business School. 1992. 217 p.

⁴⁹⁹ Castells, M. *The power of communication* [Text] : textbook. manual / M. Castells ; translated from English by N. M. Tylevich ; edited by A. I. Chernykh ; Nats. research. un-t "Higher School of Economics". — M. : Publishing House of the Higher School of Economics, 2016. — 564 , [4] p. — (Translated textbooks of the Higher School of Economics). — 1000 copies . — ISBN 978-5-7598-1009-4 (in trans.).

⁵⁰⁰ Castells M. *The formation of a society of network structures // The new post-industrial wave in the West. Anthology* / Edited by V. L. Inozemtsev. M.: Academia, 1999. 640 p.

⁵⁰¹ Noelle-Neumann E. *The Spiral of Silence. Public Opinion: Our Social Skin*. Chicago; L.: University of Chicago Press, 1984.

⁵⁰² McLuhan M. *Understanding Media: The Extensions of Man*. McGraw-Hill, 1964. 318 p. ISBN 81-14-67535-7.

⁵⁰³ Kinj. *Democracy and decadence of media* [Text] / translated from the English by D. Krалеchkin; edited by A. Smirnov; National. research. un-t "Higher School of Economics". — M.: Publishing House of the Higher School of Economics, 2015. — 312 p. — (Political theory). — 1000 copies . — ISBN 978-5-7598-1202-9 (in trans.).

oligarchy that relies on media and communications⁵⁰⁴. This new method of managing society through invisible communication networks and closed information channels makes it possible to understand the media algorithms of a society in a situation of cultural and social crisis⁵⁰⁵.

Of particular research interest to us are the cases of influence models in social networks made by Russian scientists D.A. Gubanov, D.A. Novikov, A.G. Chkhartishvili^{506 507}; modeling of information dissemination in social networks, carried out by American researchers Haiyan Wang, Feng Wang, Kuai Xu⁵⁰⁸, Ves Kuikka⁵⁰⁹, Stephen Borgattia, Martin Everett⁵¹⁰. These studies are interdisciplinary (at the intersection of mathematics, social network analysis and data science) and represent a new approach to the analysis of communication and dissemination of information in social networks using dynamic modeling and differential equations. This research approach in general changes the paradigm of modeling the dissemination of information in social networks and lays the theoretical basis for solving the problems of space-time modeling in the era of big data, allows us to classify information flows, search for communities (clusters) of online users.

Modern societies have repeatedly shown that the relationship between them and the authorities largely depends on communications. Modern world experience has demonstrated how communications contribute to the change of authorities, creating social movements with the help of social networks and changing the communication space, its actors and opinion leaders.

---

⁵⁰⁴ McLuhan M. *Understanding Media: The Extensions of Man*. McGraw-Hill, 1964. 318 p. ISBN 81-14-67535-7.

⁵⁰⁵ Nickerson D. W. Is Voting Contagious? Evidence from Two Field Experiments // *American Political Science Review*. 2008. Vol. 102. P. 49-57.

⁵⁰⁶ Gubanov D. A., Novikov D. A., Chkhartishvili A. G. Models of influence in social networks // The Web portal ResearchGate. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modeli-vliyaniya-v-sotsialnyh-setyah> (accessed: 07.02.2023).

⁵⁰⁷ Gubanov, D. A. Social networks: models of information influence, management and confrontation [Text] / D. A. Gubanov, D. A. Novikov, A. G. Chkhartishvili ; Russian Academy of Sciences, Institute of Management Problems. - Ed. 3rd, reprint. and add. - Moscow : ICNMO Publishing House, 2018. - 223 p. : ill.; 21 cm.; ISBN 978-5-4439-1302-5 : 1000 copies.

⁵⁰⁸ Wang H., Wang F., Xu K. Modeling Information Diffusion in Online Social Networks with Partial Differential Equations. 2020 // Springer Web portal. URL: <https://www.springer.com/gp/book/9783030388508> (accessed: 07.02.2023).

⁵⁰⁹ Kuikka V. Influence spreading model used to analyse social networks and detect sub-communities. 2018 // Springer Web portal. URL: <https://computational-social-networks.springeropen.com/articles/10.1186/s40649-018-0060-z> (accessed: 07.02.2023).

⁵¹⁰ Borgattia S. P., Everetb M. G. A Graph-theoretic perspective on centrality 2006 // The Web portal Research Gate. URL: https://www.researchgate.net/publication/222405203_A_Graph-Theoretic_Perspective_on_Centrality (accessed: 07.02.2023).

Modern political movements, primarily oppositional ones, do not just use social networks and communications, often they are created and formed only thanks to them. They are born on the Internet, spread through them and only then cover the whole society, forming stereotypes and meanings of public consciousness. Sociologist M. Castels believes that if a network is at the heart of such political movements, then it should have a center, a clear distribution of functions, a structure and a management system. The main feature of such networks is openness and the possibility of participation of the broad masses of the population in them. That is, communication networks, according to M. Castells, form a new format of social space, which is born from the interaction of the digital environment and real life, has the ability to self-organize, being a transformational force for traditional political and social institutions of society⁵¹¹.

Due to the fact that there are social problems and tensions in any society, M. Castels believes that "political negligence" can lead to "social despair that requires an emotional outlet"⁵¹². And such an emotional outlet is often channeled through communications and the Internet network space. Therefore, the question arises about the infrastructure of communications, their content, creation technologies and distribution techniques.

In such situations, social triggers and triggers are usually individuals reacting to a particular event, then a rapid information surge occurs, and these triggers cover the entire media space, thereby forming a media message and transforming public opinion. Thus, it can be said that the communication networks created by political movements have a viral nature of information dissemination, enhanced by digital technologies that make it possible to spread the semantic constructions of political opposition movements not only in the network environment, but in everyday life to the whole society.

Describing the processes of building modern communication network structures, the author tried to understand the genesis of the formation of information flows, their

---

⁵¹¹ Castells, M. (2016) The power of communication [Tekst] : ucheb. posobie / M. Kastel's ; per. s angl. N. M. Tylevich ; pod nauch. red. A. I. Chernyh ; Nac. issled. un-t «Vysshaya shkola ekonomiki». — M. : Izd. dom Vyshej shkoly ekonomiki. — 564 , [4] s. — (Perevodnye uchebniki VShE). — 1000 ekz. — ISBN 978-5-7598-1009-4 (v per.).

⁵¹² Ibid.

content, weight and structure in the integrated Crimean and Sevastopol communities. The relevance of the study of transforming societies is dictated by the fact that in the digital age effective management decisions should be supported by participation in the formation of the information agenda and the management of information flows.

Studies of the communicative integration of societies are conditioned by the active involvement of modern Russia in the processes of ensuring the information agenda and international security in the post-Soviet space. The global context of research on the communication trend of integrations is associated, among other things, with the expansion of national Internet audiences, the strengthening of the influence of information technologies on political processes, changes in the functionality of social institutions, the transformation of forms of civic participation and social action.

The formation of the described communication networks on the territory of Crimea is used most extensively and effectively. In crisis conditions, communicative networks are formed in society, which are created using and thanks to external influence^{513 514}. The information flows of a transit society, like the Crimean and Sevastopol, are formed not only from the real events of everyday life and the existing socio-political situation, but focusing on a number of topics and discourses that must necessarily be present in the media field. They act as information triggers, system trigger elements that form different flow flows. Among the technologies used in their formation, we can note, first of all, such as the purposeful creation of actively nihilistic information flows; the formation of a network of online communities engaged in creating an "enemy image"; the dissemination of ideas and meanings aimed at forming anti-Russian attitudes.

Within the framework of the digital research carried out, the author pays attention to such technologies of transformation of mass consciousness through the communicative factor on the Crimea peninsula. In particular, the identification of

---

⁵¹³ Yarmak O.V., Tsepikova A.S., Lysenko E.A., Kalinskaya I. L. Information flows of the Crimean and Ukrainian segments of the Internet: content analysis of Facebook and VKontakte messages // Humanities. Bulletin of the Financial University. Scientific and practical journal. 2019, Volume 9, No. 6, pp. 38-44. URL: <http://www.fa.ru/org/div/edition/jgn/Pages/current.aspx> (accessed: 07.02.2023).

⁵¹⁴ Voronin D.Yu., Kuznetsov P.N., Evstigneev V.P., Yarmak O.V. Agent modeling of the dynamics of consolidation of society when using cybermetry procedures of Internet content // Issue No. 3, 2021 "Society: sociology, psychology, pedagogy" Access mode: <https://elib.pnzgu.ru/files/eb/image/S8PKnX8AOgt2.pdf> (accessed: 07.02.2023).

structural and parametric features of the Internet space, the search for disintegrating factors that contribute to the disruption of social order in new regions, and consolidating criteria that contribute to the creation of common cultural codes, semantic structures that unite the Internet space of the peninsula with the Russian one.

The conducted digital studies have allowed us to record another new phenomenon in the social behavior of people formed by communication networks and communications. During the coronavirus epidemic and being on self-isolation, on the one hand, the penetration of Internet communication into all spheres of human activity with a change in his habitual lifestyle occurred, on the other hand, the Internet user audience has significantly increased, due to which there is the emergence of a new type of social interaction – digital. People are forced to stay at home, and the Internet has become the only way of communication for them, not only as an information channel, but also as an integral part of the structure of the modern information society. M. Weber argued that an action becomes social if, in its goal-setting, it affects other people or is conditioned by their existence and behavior. He distinguished four types of social action: purposeful, focused on achieving rational goals; value-rational, based on faith, values and meanings; affective, based on human emotions, and traditional, based on traditions, customs and habits⁵¹⁵. Due to the epidemiological crisis, a new type of social interaction is emerging, in particular new everyday practices, remote interaction in the economy, education, culture, media and communications, which determines the creation of a new – digital – type of social action. At the same time, people's behavior is limited by territorial or country borders, which causes the emergence of regional communities united by a common threat – not only epidemiological, but also economic (household with a violation of the usual foundations of life)⁵¹⁶.

Cybermetric data of the self-isolation period (from March 23 to April 12, 2020) for the search objects "coronavirus" / "covid 19" and "self-isolation" / "sitting at home"

---

⁵¹⁵ Weber, Max (1864-1920.). Selected works: Translated from German / M. Weber; Comp., general ed. and afterword [pp. 736-769] by Y. N. Davydov; Preface by P. P. Gaidenko [pp. 5-41; Comment by A. F. Filippov]. - Moscow : Progress, 1990. - 804,[1] p.; 21 cm. - (Sociol. the thought of the West).; ISBN 5-01-001584-6 (In trans.). C. 625-629.

⁵¹⁶ Yarmak O. V., Strashko E. V., Shkaiderova T. V. Reaction to the Covid-19 pandemic in the Internet audience of Moscow, St. Petersburg and Sevastopol (based on media analytical research) // Bulletin of the Institute of Sociology. 2020. Volume 11. No. 3. P. 121-142. URL: DOI: 10.19181/vis.2020.11.3.666 (accessed: 07.02.2023).

obtained on the basis of unloading from the automatic monitoring and analysis system of the media and social networks online "Medialogy" in monitoring mode with reflection. The situations in the Internet space of Moscow, St. Petersburg and Sevastopol showed different reactions of the Internet audiences of the three Russian federal centers of Russia to the situation with the coronavirus pandemic and forced isolation^{517 518}. Firstly, the time limit for accepting new conditions of everyday stay in a communicative environment was discovered: for the first two self-isolating weeks, covid topics were in the top of Internet users in all three regions, but after 14 days interest in it began to decline. At the same time, the understanding of the process of self-isolation and all issues related to it – from the new rules of daily life to the discourse on remote communications – remained significant for all regional Internet audiences during the 20 days of stay at home.

Secondly, the gender distribution shows a great interest of the female audience in the issues of the coronavirus epidemic, social distancing, online practices of new everyday life and distant communications in general. The revealed trends indicate the formation of new digital forms of interaction in the communication, information, educational, economic and household spheres of people's lives. Speaking about the differences, it is necessary to note the regionality of the discussion of the coronavirus epidemic and the problems of self-isolation among the Moscow and Sevastopol Internet audiences, which indicates the formation of a certain solidarity in this period in front of a new threat and challenges, which can be interpreted as the formation of regional "societies of destiny" according to Peter Baer's understanding. At the same time, the Sevastopol Internet segment demonstrates not even regional, but "peninsular" solidarity, raising to the top the discourse about the arrival of potentially infected people on the

---

⁵¹⁷ Yarmak O. V., Strashko E. V., Shkaiderova T. V. Reaction to the Covid-19 pandemic in the Internet audience of Moscow, St. Petersburg and Sevastopol (based on media analytical research) // Bulletin of the Institute of Sociology. 2020. Volume 11. No. 3. P. 121-142. URL: DOI: 10.19181/vis.2020.11.3.666 (accessed: 07.02.2023).

⁵¹⁸ Yarmak O.V., Voronova D.I., Evdokimova D.M., Komar A.G., Cherkess A.A. Vaccine case: social media-analytical dimension (the result of the study of Internet audiences in Moscow, St. Petersburg and Sevastopol) // Paradigms of history and social development [Text] : collection of scientific tr. / Ministry of Education and science Grew. Federation, FGAOU VO "Sevastop. gos. un-t" ; under the general editorship of E. N. Maksimova ; editorial board: In. S. Avdonin [and oth.]. — Issue 2 1-2 2. — Sevastopol: SevSU, 2021. — 114 p. — ISSN 2500-4190.pp. 103-113 URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47306777> (accessed: 07.02.2023).

peninsula and measures to isolate them, and events taking place outside the peninsula are not perceived by the audience as significant⁵¹⁹.

The new conditions of everyday life, born of the coronavirus pandemic, have led to the emergence of models to explain the changes caused by the epidemic, new collective and personal everyday practices, mechanisms of their formation, the description of new social ties and the build-up of a new social capital of humanity. It is important that the new viral disease has become not just a social, but also a political phenomenon, creating conditions for consolidation in society caused by various reactions to the crisis^{520 521}.

The results of cybermetry of the Crimean and Sevastopol segments of the Internet in 2016-2019 using the IQBuzz online social media monitoring service (the volume of uploads is more than 1 million messages) allowed us to identify hubs of the relationship of thematic groups and communities, to understand the structure of unconventional discourse in social media. Search queries for cybermetry were formed on the basis of the identified contexts, among them the recognition of the Mejlis banned in the Russian Federation as an extremist organization; Jamala received the first place at Eurovision from Ukraine in 2016 with a song about the deportation of Crimean Tatars in 1944; public protests in May 2015 and 2016 concerning the day of remembrance of the deportation of Crimean Tatars; the UN resolution on the violation of the rights of Crimean Tatars adopted in 2017; the pardon of the leaders of the Mejlis on October 26, 2017.⁵²²

The media stream of 2015-1017 reflects offline events that acquire new turns and online dynamics. This correlation is reflected in the graph of the intensity of

---

⁵¹⁹ Yarmak O. V., Strashko E. V., Shkaiderova T. V. Reaction to the Covid-19 pandemic in the Internet audience of Moscow, St. Petersburg and Sevastopol (based on media analytical research) // Bulletin of the Institute of Sociology. 2020. Volume 11. No. 3. P. 121-142. DOI: 10.19181/vis.2020.11.3.666 (accessed 07.02.2023).

⁵²⁰ The situation with the quality of education during the pandemic: what big data analysis shows. Tomsk: Publishing House of Tomsk State University, 2021-39 p. The author's team: Yu.K. Alexandrova, A.V. Bogdanova, I.S. Vasendina, V.L. Goiko, A.I. Dzhangarov, E.V. Mityagina, M.G. Myagkov, E.V. Romanova, O.V. Yarmak. ISBN 978-5-907442-37-5

⁵²¹ Alexandrova Yu.K., Bogdanova A.V., Vasendina I.S., Goiko V.L., Mityagina E.V., Rogov A.V., Romanova E.V., Yarmak O.V. Posts on autumn count: what big data say about the quality of education in the post-pandemic period / Tomsk State University. - Tomsk: Publishing House of Tomsk State University, 2022. - 40 p.

⁵²² Interethnic and interreligious harmony in the student environment of Crimea and Sevastopol: monitoring and analysis of the level of development: a collective monograph / Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Sevastopol State University; Executive Editor O.V. Yarmak. – Sevastopol: SevSU, 2019. – 144 p., p. 42 URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42520704> (accessed: 07.02.2023).

information flows reflecting the problems of interactions between ethnic Crimean Tatars and Russians (Fig. 17).

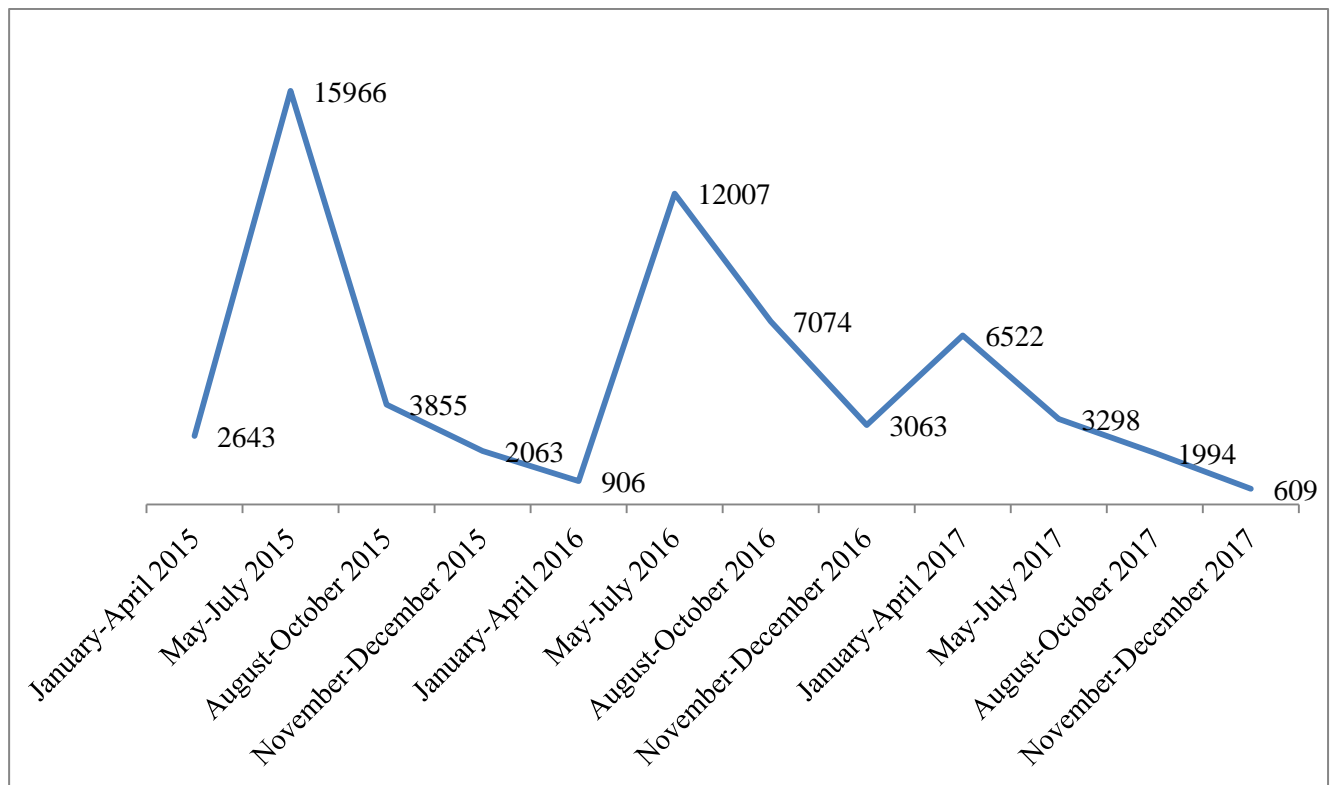

Figure 17. Dynamics of information flows of international discourse (2015-2017)

The observed peaks in the publication activity of online opinion leaders have a connection with mass protests and are affiliated with the anniversaries of the deportation of Crimean Tatars⁵²³.

Russian linguistic analysis of the Internet content generated by these opinion leaders revealed that the contradictions between the Crimean Tatars and Russians are represented insignificantly compared to the coverage of problems in the interaction of ethnic Ukrainians and Russians. In addition, online opinion leaders focused on the formation of interethnic attitudes of Internet users with an audience of more than 10,000 users are focused on discussing the crisis in the South-East of Ukraine and cultivating a critical attitude towards the reunification of the Republic of Crimea, Sevastopol and Russia. The semantic core of Internet content about the problems of intercultural relations in the Republic of Crimea and Sevastopol indicates the presence of such

⁵²³ Interethnic and interreligious harmony in the student environment of Crimea and Sevastopol: monitoring and analysis of the level of development: a collective monograph / Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Sevastopol State University; Executive Editor O.V. Yarmak. – Sevastopol: SevSU, 2019. – 144 p., p. 42 URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42520704> (accessed: 07.02.2023).

logistics in the semantic chain: the reunification of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol with Russia forms a contrast between Russia and Ukraine, Russian and Ukrainian. The background of the discussion of this artificially created semantic contradiction is the civil confrontation in the South-East of Ukraine⁵²⁴.

Thus, a digital study conducted in 2016-2017 allowed us to note the following. Firstly, the interethnic discourse in the Internet space was used for political purposes at the beginning of the integration process, forming at the same time into political and communicative networks (according to M. Castells). Secondly, the discourse analysis of assessments of interethnic and interfaith relations has negative connotations and social pessimism in the Crimean environment. Thirdly, the information flows of 2015-2017 are dominated by contexts related to the incitement and aggravation of contradictions between ethnic groups of Ukrainians and Russians in the Republic of Crimea and the city of Sevastopol, and the thematic tracks of this discourse are formed against the background of the crisis in the South-East of Ukraine, taking into account a certain information interpretation of events in the Donbass. Fourth, at the beginning of the integration stage of the Crimean Peninsula, communication networks are being created to broadcast the necessary topics, in particular, the aggravation of interethnic problems in the Republic of Crimea and Sevastopol, criticism of Russian policy in Crimea and the dangers and risks of political, economic, cultural and social integration of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol into Russian society⁵²⁵.

The 2019-2020 digital study consisted of two stages. At the first stage, two time periods were analyzed – the period of the political crisis in Ukraine associated with the presidential campaign in March 2019 and the crisis of the first wave of the Covid-19 pandemic in March 2020. At the second stage, the author analyzed media resources focused on the Crimean interethnic discourse in Russian, Ukrainian and Crimean Internet media during 2019-2020. Content analysis of the texts of Internet resources

---

⁵²⁴ Interethnic and interreligious harmony in the student environment of Crimea and Sevastopol: monitoring and analysis of the level of development: a collective monograph / Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Sevastopol State University; Executive Editor O.V. Yarmak. – Sevastopol: SevSU, 2019. – 144 p., p. 42. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42520704> (accessed: 07.02.2023).

⁵²⁵ Yarmak O.V., Tsepkova A.S., Kalinskaya I.L. Ukrainian information flows in the Crimean Internet segment: analysis of online content and media news during 2014-2020 // *Izvestiya vuzov. The North Caucasus region. Social Sciences*, 2020, No. 3, p. 36-45. URL: doi 10.18522/2687-0770-2020-3-36-44 (accessed 07.02.2023).

revealed 4 information flows of the international media discourse formed on the peninsula by both Russian federal, regional, and external, including Ukrainian, actors:

1. A stream that creates negative attitudes towards the Crimean referendum with the conditional name "Not the legitimacy of the Crimean Referendum" (the stream with the largest volume – 314,820 messages).

2. The "External factor" stream describing international pressure on the Crimean Peninsula (188392 messages).

3. The stream "Interethnic unity", aimed at the formation of interethnic harmony and unity in the Crimea (117011 messages).

4. The stream "Crimea is the territory of interethnic conflict", which creates negative unconventional attitudes in interethnic communications within the peninsula, with a conditional name (88499 messages)⁵²⁶.

Several thematic areas are presented in the information stream "Not the legitimacy of the Crimean Referendum": 1) non-recognition by representatives of the Crimean Tatar group of the legitimacy of the Crimean referendum; 2) violation of human rights in Crimea by Russia, which is represented as an "enemy" and "aggressor"; 3) the activities of the Mejlis (banned in the Russian Federation) and its leader R. Chubarov. This flow is formed by sites with Russian geolocation with an audience of about 2 billion users, and from the USA (26.5 million), Canada (3.6 million), Lithuania (615 thousand), Ukraine (350 thousand) mainly in the network resources VKontakte (32%) and Odnoklassniki (17%), Facebook (owned by Meta – banned in Russia) (24%) and Instagram (11%) (banned in Russia). This stream is supported by external actors, which is confirmed by the significant presence of Ukrainian groups in it – from network (1k.com.ua, Crimea Realities (banned in the Russian Federation) to regional (Chongar-Chaplinka-Kalanchak). The authors of this stream are of different ages and highly educated (with higher education more than 70%), having Russian and Ukrainian geolocation.

---

⁵²⁶ Yarmak O. V., Bolshakova M. G., Shkaiderova T. V., Maranchak A. G. Social paradoxes of communication in post-conflict societies // Bulletin of the Institute of Sociology. 2021. Volume 12. No. 1. p. 136-152. DOI: 10.19181/vis.2021.12.1.703. URL: doi: 10.19181/vis.2021.12.1.703; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=45609899> (accessed: 07.02.2023).

The information flow "External Factor" has concentrated all the discourses related to the influence on the life of the Crimean Peninsula both from the United States, Turkey, Ukraine, and international organizations – the UN and UNESCO. The main audience of the stream is from Russia (an audience of about 1 billion users), followed by Ukraine (about 177 million). VKontakte (32%), Odnoklassniki (16,5%), Facebook (owned by Meta – banned in the Russian Federation) (23%) and Instagram (9%) (banned in the Russian Federation) are the main sites of the stream. The media message of external pressure on the peninsula is mainly formed through network resources. The authors forming this stream are mostly mature people (40-60 years – 39%, over 60 years – 30%), mostly women (66%), with higher education (70%), with small personal audiences (less than 100 subscribers (30%), from 100 to 500 a person (38%)), which indicates that this is most likely the average correspondent composition of media and Internet resources performing current and systematic journalistic work.

The information stream "Interethnic Unity" presents media channels broadcast by federal and Crimean resources aimed at mitigating the socio-cultural and economic consequences of media complex topics, in particular, the deportation of Crimean Tatars. The stream broadcasts installations about Crimea as a territory of interethnic harmony, describes social and economic opportunities in Russia for representatives of various ethnic groups.

The information flow "Crimea is the territory of interethnic conflict" is formed by new discourses about the relations between ethnic groups living on the peninsula – Crimean Tatars and Russians, Crimean Tatars and Chechens, Armenians and Azerbaijanis. This stream is purely Russian with an audience of about 1 billion users of social networks VKontakte and Facebook (owned by Meta – banned in the Russian Federation), with the dominance of the domestic Russian media⁵²⁷.

The results of the 2019-2020 digital study showed that the communication networks of the Crimean Peninsula have completed their formation, including due to external influence (external factor, actors, the requirements of the international socio-

---

⁵²⁷ Yarmak O. V., Bolshakova M. G., Shkaiderova T. V., Maranchak A. G. Social paradoxes of communication in post-conflict societies // Bulletin of the Institute of Sociology. 2021. Volume 12. No. 1. pp. 136-152. URL: DOI: 10.19181/vis.2021.12.1.703; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=45609899> (accessed: 07.02.2023).

media background). By 2020 – the sixth year of integration, the structure of Internet communications that has developed on the Crimea peninsula has acquired conflict and multi-vector nature.

Secondly, the information flows generated by external resources are the most voluminous and influential, having proxy control centers of the media network (USA, Ukraine) and an extensive network⁵²⁸. These flows are aimed at delegitimizing the events of the Crimean Spring, the Crimean referendum and individual events from the lives of people on the peninsula. They are formed from the outside through network resources, purposefully and systematically working to create installations of several types: 1) anti-Russian – the formation of the image of the enemy-aggressor and nihilistic attitude towards Russia, 2) Russophobic – against everything Russian in general with the creation of anti-conservative meanings, moving away from traditions and foundations, from family foundations, paternalism, which have always been inherent in Russian society, and 3) anti-Putin – aimed at the desecration of the Russian political leader.

Thirdly, a stream of integrative orientation – ethno-confessional consent – began to be created and formalized with the active participation of Russian federal actors seeking to informatively, economically and socially mitigate the disintegrating aspects of interethnic communications (in particular, media tracks on the 1944 deportation) of the Ukrainian media structure, which creates anti-Russian and anti-Crimean installations.

The conducted digital studies have shown the importance of using the method of social media analytics and the method of analyzing big social data in the communication environment due to the increasing role of network communications in the modern world, which form new meanings in the mass consciousness of people, transforming their mentality, historical memory and civilizational foundations.

New means of communication form "hybrid" media broadcasting democratic political ideas, which, according to M. McLuhan, "fascinate" their users, but in real life

---

⁵²⁸ Yarmak O.V., Tsepikova A.S., Lysenko E.A. Dynamics of the Crimean discourse in German online media: analysis of the influence of the Ukrainian factor // Humanities. Bulletin of the Financial University. Scientific and practical journal. 2021, Volume 11, No. 1, p. 98-104. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=45642082> (accessed: 07.02.2023).

impose their beliefs and values on them, forming the type of thinking and format of ideas that are necessary for new – who came with the help of revolutionary violence – communicative and political structures^{529 530}. At the same time, the very concept of "democratic", which was originally based on the ideas of collective discourse, equal participation, and open political decision-making, loses its true essence and today acquires a free interpretation, depending on the interests of specific political actors. This situation forms undemocratic societies with double political standards, economic restrictions, sanctions in a broad sense – from political and economic to socio-cultural and historical, departure from traditional family and religious values, artificial imposition of ultra-liberal meanings – from feminism to the ideals of gender disorientation. As a result, such an expected political consequence of democracy as communication abundance does not lead to the democratization of information, but, on the contrary, becomes an instrument of social unfreedom, which contributes to placing a person in a system of pre-established patterns⁵³¹.

The communicative level of integration of the Crimea peninsula is ambiguous and contradictory, it is under constant systemic, structural and functional external influence, especially at the moment, taking into account the ongoing special operation in Ukraine. We believe that it is necessary to develop an integrative discourse in the structure of the communicative space of Crimea. However, it should be based not only on information tracks formed inside the peninsula, but also on the federal agenda, which has an integrative role in the unification processes of the Crimean Internet audience with the Runet. It is federal integrative media libraries that can create a single semantic field of the Internet segment of new regions with the Russian Internet space, which will subsequently lead to the weakening of external Internet actors who systematically form anti-Russian discourses.

---

⁵²⁹ Yarmak O. V., Bolshakova M. G., Shkaiderova T. V., Maranchak A. G. Social paradoxes of communication in post-conflict societies // Bulletin of the Institute of Sociology. 2021. Volume 12. No. 1. p. 136-152. URL: DOI: 10.19181/vis.2021.12.1.703; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=45609899> (accessed: 07.02.2023).

⁵³⁰ Voronin D.Yu., Kuznetsov P.N., Evstigneev V.P., Yarmak O.V. Agent modeling of the dynamics of consolidation of society when using cybermetry procedures of Internet content // Issue No. 3, 2021 "Society: sociology, psychology, pedagogy" Access mode: <https://elib.pnzgu.ru/files/eb/image/S8PKnX8AOgt2.pdf> (accessed: 07.02.2023).

⁵³¹ Yarmak O. V., Bolshakova M. G., Shkaiderova T. V., Maranchak A. G. Social paradoxes of communication in post-conflict societies // Bulletin of the Institute of Sociology. 2021. Volume 12. No. 1. p. 136-152. URL: DOI: 10.19181/vis.2021.12.1.703; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=45609899> (accessed: 07.02.2023)..

§ 3.5. Infrastructural dynamics of Crimea in the assessments of its residents as an indicator of environmental integration

The integration of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol into the socio-economic space of the Russian Federation is a priority task of authorities at all levels, the development of the social sphere and bringing the standard of living of the population to the average Russian level is designated as one of the goals of the Federal Target Program "Socio-economic development of the Republic of Crimea and Sevastopol until 2020" and in the "Socio-Economic Development Strategy The Republic of Crimea until 2030"⁵³².

Despite the coronavirus pandemic, the ongoing special military operation, the financing of major Russian infrastructure projects has not been stopped – these are projects aimed at the infrastructural development of the Republic of Crimea and Sevastopol. This is dictated by the need to increase the indicators of socio-economic development of the region, change its logistics links and security – food, energy, transport, improving the quality and standard of living of the population.

In this regard, the analysis of indicators of the environmental effects of integration – the quality of people's lives, the level of social tension, the movement of migration flows, the assessment of infrastructural changes on the peninsula, the social, professional and educational opportunities that have opened up - is of particular relevance. The significance of the diagnostics of these indicators and key parameters of the infrastructural dynamics of the Crimea in the assessments of its residents reflect the assessments of social and economic changes in the new regions.

The expected results of the implementation of the federal target program "Socio-economic development of the Republic of Crimea and the City of Sevastopol until

---

⁵³² Law of the Republic of Crimea dated December 28, 2016 No. 352 "On the Strategy of Socio-Economic Development of the Republic of Crimea until 2030" (Adopted by the State Council of the Republic of Crimea) URL: <http://crimea.gov.ru/textdoc/ru/7/act/352z.pdf> (accessed: 07.02.2023).

2020" were the formation of conditions for ensuring sustainable economic growth of new Russian regions, the effective use of their tourist and recreational potential, bringing the standard of living of the population and economic development to the average Russian, eliminating the disparity in regional development, the formation of a network of highways and ensuring transport and logistics links with the mainland of the Russian Federation, the harmonization of interethnic relations, elimination of interethnic conflicts⁵³³.

To date: 1) the transport and logistics problem has been solved - the launch of the Tavrida highway, automobile and railway traffic on the Crimean Bridge has been carried out, a new terminal of the Simferopol International Airport has been opened, which contributed to an increase in the capacity of the peninsula and the growth of passenger and cargo traffic; 2) the energy problem – the Simferopol and Balaklava thermal power plants have been launched; 3) infrastructure problem – major repairs of public roads of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol are being carried out, port infrastructure facilities have been introduced. However, it is still necessary to solve such tasks as increasing the investment attractiveness of the peninsula; increasing the competitiveness of the economy; creating high-tech industries; increasing entrepreneurial activity; forming territorial production clusters; increasing the level of integration into the economy of the Russian Federation⁵³⁴.

Since the Republic of Crimea and the federal city of Sevastopol are new regions of the Russian Federation, assessments of the changes that have occurred on the Crimean Peninsula from March 16, 2014 to the present are of particular importance for the author's research interest. Respondents assessed these changes using a differentiated choice of statement options (the choice of ratings on a scale from "0" to "5" meant the choice of statements presented on the left, and the choice on a scale from "6" to "10" – preference for statements on the right) (Table 24). Assessing the regional changes on the

---

⁵³³ Federal target program "Socio-economic development of the Republic of Crimea and Sevastopol until 2020" // Committee of Competition Policy of the Republic of Crimea. URL: http://kcp.rk.gov.ru/rus/file/pub/pub_246328.pdf (accessed: 07.02.2023).

⁵³⁴ Deryugin P.P., Lebedintseva L.A., Yarmak O.V., and Sh., Kamyshina E.A. Social well-being of the megalopolis population as an integral indicator. *Discourse*. 2020;6(2):61-79. URL: doi.org/10.32603/2412-8562-2020-6-2-61-79 (accessed: 07.02.2023).

peninsula, Crimeans and residents of Sevastopol, first of all, noted the increase in the level of security, the positive dynamics of the development of social infrastructure, positive shifts in the sphere of interethnic and interfaith relations.

The environmental level of integration, manifested in ensuring security thanks to the Russian state, has increased 1.4 times during the integration period: 41% on average over the three monitoring years believe that there is less order, while 59% of respondents said that the level of security has increased.

Estimates of the infrastructural reconstruction of the peninsula are interesting. If the development of social infrastructure is positively noted, then economic growth is not assessed sufficiently. During the six-year integration period (until 2020), 56% of respondents noted the dynamic development of social infrastructure. And 60% of respondents called the Crimean economy unstable in an average of three research waves.

The increase in the level of interethnic harmony is reflected in the assessments of the tension of interethnic relations. Thus, 45% of respondents by 2020 – the sixth integration year – noted their condition as harmonious compared to 38% in 2017. The dynamics of positive assessments in 2017-2020 were 1.2 times. (Table 24)

Table 24. Assessment of changes that have occurred in Crimea since March 16, 2014 to the present (as a percentage of respondents, 2017, 2018, 2020)

	The sum of the values of the selected responses from "0" to "5" 2017/2018/2020	The sum of the values of the selected answers from "6" to "10" 2017/2018/2020	
There is less order, the level of security has decreased	28 / 36 / 59	72 / 64 / 40	There is more order, the level of security has increased
The economy of Crimea has become less stable	60 / 58 / 62	40 / 42 / 38	The economy of Crimea has become more stable
Social infrastructure has become less dynamic	36 / 38 / 59	64 / 62 / 41	Social infrastructure has started to develop more dynamically

Continuation of the table 24

Interethnic and interfaith relations have become more tense and less harmonious	62 / 59 / 55	38 / 41 / 45	Interethnic and interfaith relations have become less tense and more harmonious
---	--------------	--------------	---

It was important to understand not only the assessment of infrastructural and economic changes on the peninsula, but also how they affected people, how people assess the events of the Crimean spring of 2014. It was proposed to assess how the situation of Crimean students has changed from March 16, 2014 to 2017, 2018 (Table 25).

Table 25. Assessment of changes in the situation of Crimean students after March 16, 2014 to the present (as a percentage of respondents, 2017 and 2018)

	The sum of the values of the selected responses from "0" to "5" 2017/2018	The sum of the values of the selected answers from "6" to "10" 2017/2018	
There are fewer opportunities for admission to Russian universities across the country	20,5 / 25	79,5 / 75	The opportunities for admission to Russian universities across the country have expanded
The quality of the educational process has decreased	37 / 36	63 / 64	The quality of the educational process has improved
The social security of students has decreased	47 / 45	53 / 55	The social security of students has increased

Among the changes affecting the Crimean and Sevastopol students, first of all, the expansion of educational opportunities for admission to Russian universities throughout the country was noted. During two monitoring periods, 77% of the surveyed youth indicated the expansion of educational opportunities through admission to all the Russian universities, which was not observed in the Ukrainian period (according to in-depth interviews).

— *Have any prospects opened up after 2014?*

— *Now we have the opportunity to develop those 17 million km² that are available on the territory of our boundless Homeland. We need to establish interaction and*

communication with other subjects of the Russian Federation and there are opportunities in this regard. I prefer to stick to the position of "Where I was born, I came in handy there." As for personal growth, the opportunity to participate in competitions and attend seminars is provided.

Simferopol, 2017 г.

— *How did you personally perceive the reunification of Crimea and Russia? What's the relation to this? Has life changed after 4 years?*

— *I wanted to take part in it myself, but I was too young. It was very interesting to me. I was not an ardent supporter of Ukraine or Russia. I was just wondering. But over time, I realized that everything was fine. Life has naturally changed. We got the opportunity to afford more, the standard of living has increased. Infrastructure is being improved. I like it all. There were also expectations: I really wanted to join the army, but I couldn't get into the Nakhimov College, but I didn't... A lot of opportunities have opened up: to travel, study, work in another city.*

Yevpatoria, 2017 г.

— *How did you personally perceive the reunification of Crimea and Russia? What's the relation to this? Has life changed after 4 years?*

— *I was glad of these events. My family was very happy. Life has become different: another country, laws. It seems to me that everyone had fears that there would be no war. Prospects have opened up, for example, in Ukraine I would not have entered the budget.*

Yevpatoria, 2017 г.

— *How did you personally perceive the reunification of Crimea and Russia? What's the relation to this? Has life changed after 4 years?*

— *You can say positively. There were no special concerns, the new is always unknown. Opportunities have opened up – I can study in other cities of Russia – this is not a small opportunity for a person.*

Yevpatoria, 2017 г.

— *How did you personally perceive the reunification of Crimea and Russia? What's the relation to this? Has life changed after 4 years?*

— *I was very glad. For example, education in Ukraine was not very good. There were no special expectations, but there were fears that a war would also start and we would have to flee, but thank God it did not come true. A lot of prospects opened up in terms of education, it was possible to enter a university without using the Unified State Exam. I would like to move to the mainland, maybe to work.*

Simferopol, 2017 г.

— *Tell me, please, have any additional opportunities opened up for you in connection with the reunion? Or maybe some prospects that you were counting on, on the contrary, have closed?*

— *In fact, the prospects of an easier move to Russia have opened up, and, accordingly, moving to Ukraine has become more difficult. I wanted to go to Russia back in Ukraine to study in Krasnodar in the military, and there were certain problems: it was impossible to go from Ukraine to Russia to study in the military, which is quite logical. And now I can afford it.*

Simferopol, 2018 г.

63% of respondents stated about improving the quality of the educational process, and more than half (54%) of respondents said about increasing the social security of students. In the assessments of personal changes from March 16, 2014 to 2017 and 2018, students noted the opening of new opportunities in various fields – from educational to socio-cultural: "there is the possibility of free admission to university on the mainland", "the opportunity to travel around the country and you can actively express yourself in Russian student groups", "the opportunity to get a promising education". Secondly, the youth pointed out the prospects of a new legal status of a Russian citizen and new life conditions after the reunification of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol with Russia.

— *How did you personally perceive the reunification of Crimea and Russia? What's the relation to this? Has life changed after 4 years?*

— *It was great, my whole family voted for joining Russia. It was very joyful. My attitude to the events has not changed. This is what I hoped for, but did not expect. And now I can get a Russian passport. Even sanctions are not so terrible. Life has changed, I became Russian. There are more opportunities to see relatives. I have the whole continent, the whole*

of Russia in front of me, I have been to Moscow, St. Petersburg... it is very good that there are many opportunities for Crimean applicants.

Sevastopol, 2017 г.

— *How did you react to the events of 2014?*

— *In my family, everyone was "for", everyone ran with joy: hooray, finally "Homeland".*

— *Have all the expectations that were set then, in 2014, come true?*

— *It seems to me that not everything. ... I can't say for sure here, I haven't really entered the status of a "citizen of the Russian Federation" yet. Parents are happy that they have returned home, as it were: they were in the USSR.*

— *Do you think any prospects have opened up for you personally after Crimea became part of Russia?*

— *I do think so. For Crimeans, there were many privileges.*

Kerch, 2018 г.

— *Has life somehow changed in connection with the events of the 14th year?*

— *Huge opportunities have opened up for me, because at the moment I am an assistant to a deputy of the city Council, the head of the Young Guard of United Russia." Now I'm going to the State Council with a deputy of the State Council for a meeting. Therefore, yes, very much. Youth policy is much more developed in Russia than in Ukraine. Under Ukraine, I participated in several youth organizations, there was far from the same funding and level of organization as under Russia.*

Yalta, 2018 г.

Thirdly, estimates of economic transformations were obtained, which were uneven. The most popular economic change that the respondents talked about was the change of the currency – the hryvnia to the ruble. This financial transition caused a price increase compared to the Ukrainian period with insufficient wages at the time of 2014-2015. Among the changes affecting Crimean families, income and finances came to the fore: at the same time, they were both positive ("incomes have increased") and vice versa ("job loss", "wages have become lower", etc.).

Fourth, ideological changes were also recorded, expressed in the "correlation of oneself with a great country", the transformation of the "view of the world", in the "absence of imposing Ukrainian values", "absence of war", through "the growth of patriotism and a sense of security".

Fifthly, there is a break in personal and family ties with friends, acquaintances and family representatives in Ukraine. A problem related to communication with a part of the family located in Ukraine was identified: here respondents also spoke about the presence of "quarrels in the family on political grounds", "difficulties in communicating with relatives and friends from Ukraine" about the lack of "an opportunity to meet with relatives from Ukraine", about "severing contacts with relatives and friends from Ukraine", "the inability to leave Crimea for Ukraine".

This gap has been fixed since 2017 and at the moment it has acquired the form of a civilizational rift of mental, national and religious properties. The most difficult thing in this created civilizational rift is that this line runs in personal, reference spaces and in the family. These lines will have serious consequences in the form of generational fractures, loss of generational ties and rupture of historical, mental, cultural memory.

— *How did you personally perceive the reunification of Crimea and Russia? What's the relation to this? Has life changed after 4 years?*

— *Difficult. I am Ukrainian, I love traditions, Ukrainian culture. But that Ukraine is no longer there. I have many relatives living in Ukraine. But then, in 2014, the reunion was the best option. If there was a war, I'm not sure we would be able to defend ourselves.*

Sevastopol, 2017 г.

The Ukrainian theme is fixed not only in assessments of personal changes, but also in the discussion in the surrounding community (among friends and acquaintances of the respondents): difficulties in communicating with friends from Ukraine due to conflicts and opposing points of view on political topics, due to the impossibility of crossing the border of Ukraine and the Russian Crimea.

The factor of the professional and status opportunities that have opened up and the effective operation of social and educational elevators has gained a significant place

among both personal assessments and assessments of reference communities. In the selected national groups, assessments of the changes affecting the Crimean and Sevastopol students showed such trends. All representatives of ethnic groups – Russians, Ukrainians, and Crimean Tatars - spoke about educational opportunities for admission to Russian universities. The improvement of the quality of the educational process was noted to a greater extent by Russians and Ukrainians. Almost half of the Crimean Tatars surveyed believe that the quality of education leaves much to be desired (43%). 74% of respondents of Crimean Tatar nationality, 57% of Russians surveyed noted the improvement of social security of students. The Ukrainian group rated social security worse than the Crimean Tatar and Russian student groups: 59% are not satisfied with the level of social security (Table 26).

Table 26. Assessment of changes in the situation of Crimean students after March 16, 2014 to the present (distribution by nationality, as a percentage of respondents, 2017 and 2018)

	The sum of the values of the selected answers from "0" to "5"	The sum of the values of the selected answers from "6" to "10"
	There are fewer opportunities for admission to Russian universities across the country (2017/2018)	The opportunities for admission to Russian universities across the country have expanded (2017/2018)
Russians	23 / 23	77 / 77
Ukrainians	18,5 / 37	81,5 / 64
Crimean Tatars	9 / 29	91 / 71
	The quality of the educational process has decreased 2017/2018	The quality of the educational process has improved 2017/2018
Russians	32 / 32	68 / 68
Ukrainians	35 / 49	65 / 52
Crimean Tatars	43 / 56	57 / 44
	The social security of students has decreased 2017/2018	The social security of students has increased 2017/2018
Russians	43 / 44	57 / 56
Ukrainians	63 / 55	37 / 44
Crimean Tatars	26 / 44	74 / 56

We believe that the assessment of social security is particularly significant as an indicator of the environmental effects of integration. And if there is a trend of dissatisfaction with social security, it will have an impact on a number of indicators that form a positive image of the country. In our case, a significant point is that young people who consider themselves Ukrainians do not feel socially secure enough. Although there is a positive trend in increasing social support (in 2018 – 44% compared to 2017 – 37%). But it should be noticed that Crimean Tatar students announced a decrease in social assistance in 2018 and the share of such increased by 2 times over the period 2017-2018.

It was important for the author to understand not only the assessments of social, educational, economic, and infrastructural changes on the peninsula, but also how these changes affected people, how they assess the progress of integration in the light of the infrastructural dynamics of the regions. Respondents talked about different things: of course, about infrastructural changes in all spheres, about the effect of sanctions, about the impossibility of traveling abroad, about difficult relationships in families with relatives from Ukraine, about reuniting with part of a family from Russia, about the high cost of food and medical services, about a decrease in income; and about changing the country, "without getting up from the couch". But these, at first glance, versatile assessments indicate "systemic changes in the Crimea for the better", about the promising educational opportunities that have opened up for young people (admission to Russian universities on budget places), for the population as a whole – getting more income and more paid work in the regions of mainland Russia.

It was interesting to understand how many active youths live in the Republic of Crimea and the city of Sevastopol, that is the human capital on which the future of new regions and the country as a whole will be built. Thus, the share of young people who consider themselves active citizens in 2017 was 8,5%, in 2018 – 9%. But the potential of activism in the Crimean and Sevastopol youth environment is high. More than half of those willing to take part in social projects turned out to be both in 2017 and in 2018 (Fig. 18).

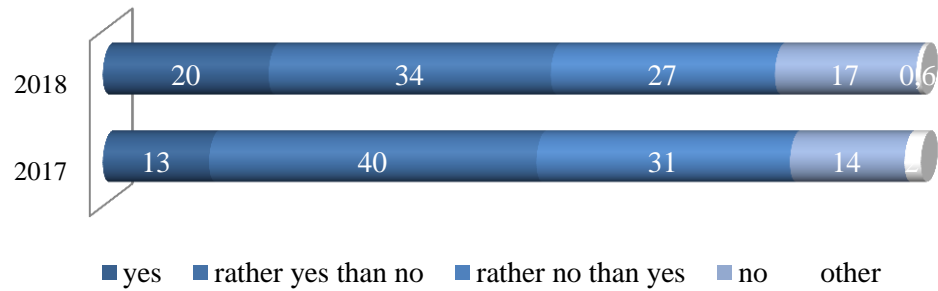

Figure 18. Would you like to participate in the implementation of social projects in your free time? (as a percentage of the number of respondents, 2017 and 2018)

Among those who are ready to volunteer and participate in social projects, half would like to engage in projects focused on helping animals, supporting orphaned children, a third is ready to engage in environmental activities and help people with disabilities, participate in political activities (Fig. 19).

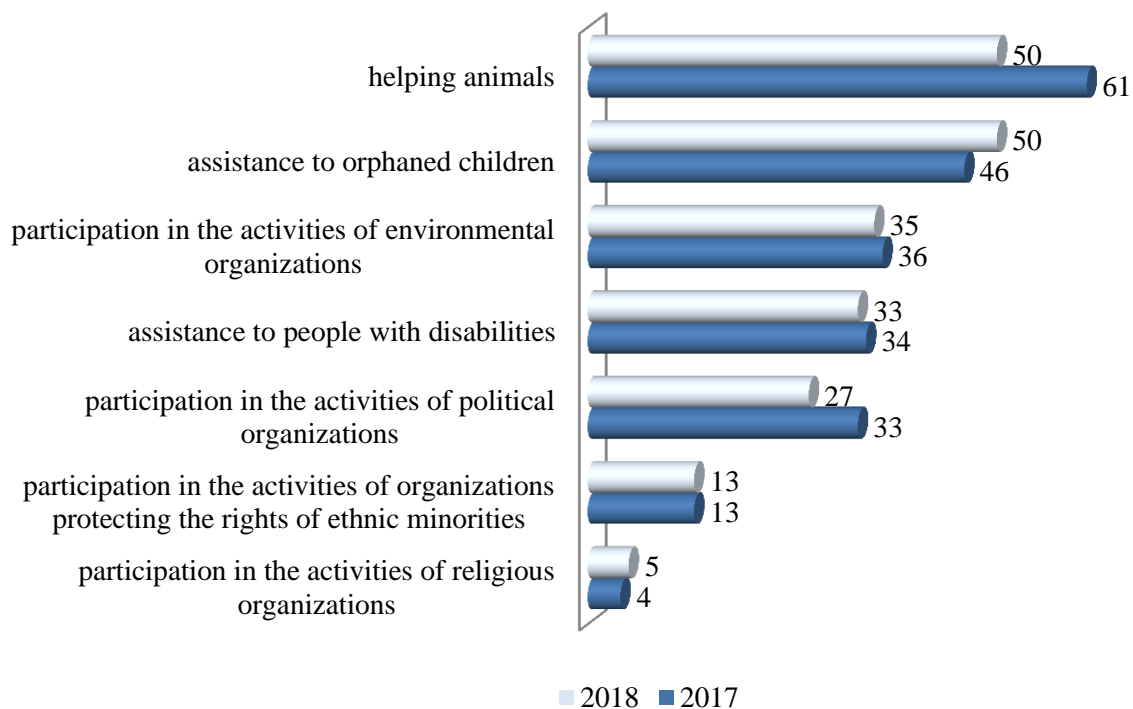

Figure 19. Willingness to participate in social and other projects (a percentage of the number of respondents, 2017 and 2018)

There is a slight increase in participation in volunteer and charitable activities, environmental actions among young people. Those who had experience of participating in such civic activities from 2017 to 2018 increased to an average of 5% (Table 27).

Table 27. Participation in volunteer, charitable activities, environmental actions (as a percentage of respondents, 2017 and 2018)

	participation in volunteer activities		participation in charitable activities		participation in environmental actions	
	2017	2018	2017	2018	2017	2018
Yes, I have and this is an experience gained primarily through the efforts of my parents/relatives	11,5	20,6	20,4	25,9	10,1	15
Yes, I have and this is an experience gained, first of all, through the efforts of my teachers	16,4	20,2	10,5	15,5	19,1	22,1
Yes, I have and this is an experience gained, first of all, through the efforts of my friends	22,7	21,1	20,7	19	19	18
No, I haven't. I don't know anything about such events	11,2	9	14,9	11	19,2	16
No, haven't. I don't have free time for this	18,7	16,2	13,3	14,3	14,7	17,7
No, haven't. I don't think I need that kind of experience	19,3	12,7	19,9	14	17,7	11

In the events aimed at preserving historical memory, the growth of participation in them, during the implementation of integration practices, the participation of young people has increased. Thus, 48% of the surveyed youth took part in memorial events related to Russia's military past in 2017, and 73% in 2018. More than 80% of young people took part in meetings with war veterans, heroes, outstanding people of Russia in 2017 and 2018. About 73-75% of the surveyed youth visited the iconic places of the history and modernity of Russia (Table 28).

Table 28. Participation in historical events, excursions to places significant for the history and modernity of Russia, meetings with war veterans (as a percentage of respondents, 2017 and 2018)

	Participation in memorial events related to Russia's military past	Participation in excursions to a landmark place for the history and modernity of Russia	Participation in meetings with war veterans, heroes, outstanding people of Russia

Continuation of the table 28

	2017	2018	2017	2018	2017	2018
Yes, I have and this is an experience gained primarily through the efforts of my parents / relatives	2,4	24,6	31,3	31,9	22,9	23,5
Yes, I have and this is an experience gained, first of all, through the efforts of my teachers	28,8	33,1	28,2	31,1	42	45,9
Yes, I have and this is an experience gained, first of all, through the efforts of my friends	16,9	15,1	15	10,6	15,4	12,7
No, I haven't. I don't know anything about such events	9,9	7,4	4,6	5,8	7,7	5,1
No, haven't. I don't have free time for this	9,9	10,2	12,5	13,4	4,8	5,8
No, haven't. I don't think I need that kind of experience	12,8	9,4	8,1	6,9	6,8	6,8

About 50% of respondents took part in profile shifts, gatherings, festivals of school assets in 2017 and 58% in 2018. A third (31%) took part in events related to the maintenance of peace and harmony between the peoples of Russia, aimed at the sustainability of interethnic and interfaith harmony in 2017 and almost half (45%) – in 2018. Half of the respondents (48%) took part in the events dedicated to the reunification of Russia and Crimea, which are essentially integration practices, in 2017 and almost 60% - in 2018 (Table 29).

Table 29. Participation in events related to the maintenance of peace and harmony between the peoples of Russia, in events dedicated to the reunification of Russia and Crimea (a percentage of respondents, 2017 and 2018)

	Participation in profile shifts, meetings, festivals of school assets		Participation in events related to the maintenance of peace and harmony between the peoples of Russia		Participation in events dedicated to the reunification of Russia and Crimea	
	2017	2018	2017	2018	2017	2018
Yes, I have and this is an experience gained primarily through the efforts of my parents/relatives	7,6	13,9	11,4	14,3	20	25,2

Continuation of the table 29

Yes, I have and this is an experience gained, first of all, through the efforts of my teachers	32,9	31,3	13,5	21,8	14,1	23,9
Yes, I have and this is an experience gained, first of all, through the efforts of my friends	5,1	13,2	6,7	8,8	14,8	10,6
No, I haven't. I don't know anything about such events	16,2	11,6	26,8	21,4	19,4	11,5
No, haven't. I don't have free time for this	14,4	14,4	17,6	16,1	9,3	11,2
No, haven't. I don't think I need that kind of experience	23,6	15,3	23,6	17,3	22,1	17,3

Assessing the priority tasks facing Crimea, Crimean and Sevastopol students in the fourth year of integration touched upon the problem of improving the quality of life of the population (73%). The second most important group of tasks can be attributed to solving infrastructure issues (58%) and transport links with the mainland (53%). Attracting investments to the peninsula is considered important by 39% of respondents, and business development is considered by 26% (Fig. 20).

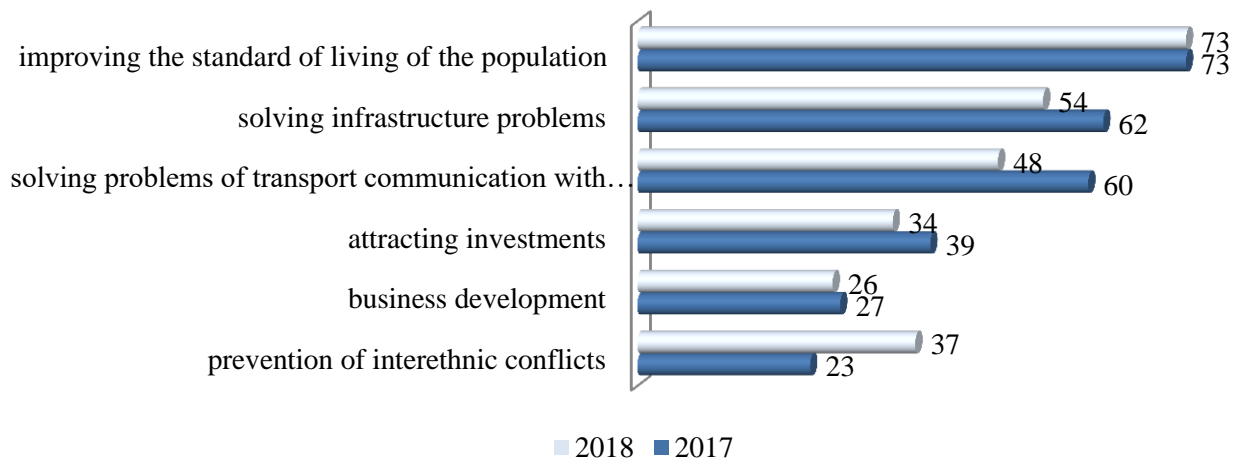

Figure 20. Assessment of priority tasks facing Crimea

(as a percentage of the number of respondents, 2017 and 2018)

Analyzing the answers to the projective situations, the students were asked the question "what decisions for the development of your city or village would you take first?". The majority answered that these would be infrastructure solutions: repair of roads and laying new ones, solving transport problems inside the peninsula and outside, gas supply of villages and settlements of the Crimea, repair of social facilities

(hospitals, schools, kindergartens and universities), reconstruction of parks and green areas. The second direction of tasks would seem to increase the material level of residents of Crimea and Sevastopol: on the one hand, increase their wages and incomes, on the other, lower the price level.

— *In your opinion, how can the situation in Crimea and Sevastopol be characterized in general? Which areas do you consider the most successful, and which ones are problematic?*

— *Everything is fine in Crimea, everything has started to develop: construction, cities, roads. It is clear that money is being invested in Crimea. Many development centers are being built, parks are being reconstructed. Not much time has passed yet, so I can't judge that something is going badly, maybe it's just not over yet and everything is still ahead. In principle, everything suits me!*

Sevastopol, 2018 г.

— *Which industries do you consider the most successful, and which are more problematic?*

— *Problematic, for example, the logistics industry. We see that roads are being built now, a bridge has already been built... This is what needs to be done. At least we can see that they are working on it, this is what is in plain sight.*

Kerch, 2018 г.

— *What do you see as progress in the development of Crimea?*

— *In infrastructure. Roads are being built. They are still trying to improve the quality of education. Everything has changed a lot even in schools. I caught the moment when I was still studying at school in Ukraine, and I caught the moment when we joined Russia. Compared with the Olympics. Those Olympiads that we wrote under Ukraine, they were much simpler, that is, they could almost all be written even by those that are district, regional, and those that are there under Russia, firstly, the volume has already changed a lot, that is, they required more detailed answers.*

Yalta, 2018 г.

— *Do you think there are any successful industries in Crimea today that are developing dynamically?*

— *Everything in the city is being repaired, it seems to me that this has changed, a lot of attention has been paid to this, it has become noticeable that something is being done.*

Yevpatoria, 2018 г.

After six years of the integration process, improving the quality of life of the population remains important for 40% of respondents. Raising people's living standards is more important in the environment of Russian and Ukrainian students. But the severity of economic tasks for the development of business, entrepreneurship and investment is more felt by students of Crimean Tatar nationality (Table 30).

Table 30. Assessment of priority tasks facing Crimea (distribution by nationality, in % of respondents, 2020)

	Solving infrastructure problems	Improving the standard of living of the population	Attracting investments	Business development	Solving problems of transport communication with the mainland
Russians	28,8	41,4	15,7	9,4	4,7
Ukrainians	28,4	42,8	13,9	9,9	5,1
Crimean Tatars	22,2	38,3	17,3	14,8	7,4

The need to address infrastructure issues was noted by a third of respondents, but the infrastructure factor decreased its importance by 2 times from 2018 to 2020. An interesting dynamic was found in the solution of transport communication with the mainland of Russia. If in 2018 half of the respondents reported a transport problem, then two years later only 5% of them remained. This is the result of the launch of the Simferopol International Airport, the Tavrida autobahn, and, of course, the launch of railway and automobile communication over the Crimean Bridge.

The economic tasks of increasing business and investment attractiveness in the two years from 2018 to 2020 have also lost their significance: the sharpness of investment attractiveness decreased by 2.5 times, and business development - by 1.6 times (Fig. 21).

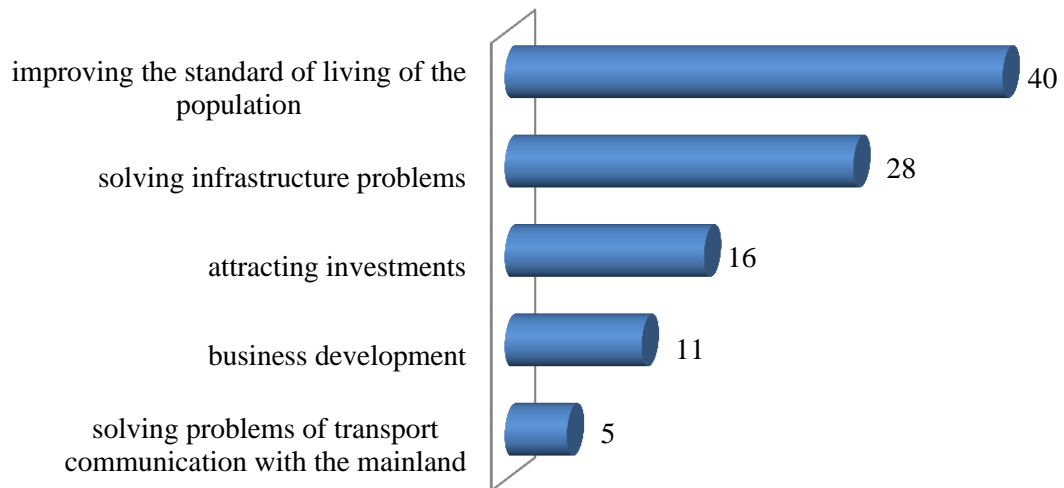

Figure 21. Assessment of priority tasks facing Crimea
(a percentage of the number of respondents, 2020)

On the one hand, the obtained dynamics of the relevance of solving economic problems has undoubtedly a positive orientation. But, on the other hand, the fact that the tasks of economic development of the peninsula remain relevant for a quarter of the surveyed population indicates the influence of the sanctions factor, the impact of the blockades carried out by Ukraine, which eventually led to incomplete economic integration of the Republic of Crimea and Sevastopol.

The received assessments of the residents of the peninsula showed that, first of all, it is necessary to solve socio-economic problems: increasing the income of the population, the quality of medical services, providing assistance to pensioners, reducing prices for consumer basket products. And only then did the respondents talk about the infrastructure problems of Crimean cities. At the time of the measurement (2017 and 2018), the already solved problem of the peninsula's water supply was in the lead. The transport problem inside the peninsula, garbage disposal, repair of social facilities (schools, hospitals and kindergartens) was relevant. Among the new problems identified by the residents of the peninsula, there was a personnel problem: there is a certain degree of irritation about the involvement of officials in government bodies from other Russian regions and the inability of natives of Crimea to work in government structures.

An important component of the implementation of regional infrastructure and economic transformation is whether people see themselves in this region, whether they

connect their lives with the place where they were born, grew up and received education? This indicator is significant both from the perspective of the long-term development of the Crimean Peninsula, and from the perspective of its integration into the economic and social Russian space⁵³⁵.

Thus, half of the Crimean students surveyed (45%) geographically associate their personal and professional life trajectory with the peninsula. A third sees themselves in the next five years in mainland Russia – either in Moscow (19%) or in other Russian cities (21%). A fifth (19%) would like to go abroad (Fig. 22). The data obtained generally indicate a positive trend: the number of people willing to stay and work in Crimea is constant. But this is half of the youth. The second half does not see itself in the Crimea and seeks to leave it.

Figure 22. Five-year strategy of geographical vision of oneself

(a percentage of the number of respondents, 2017 and 2018)

According to the results of 2020, it turned out that a third of respondents are ready to connect their personal life with the peninsula, 15% are eager to leave for the mainland of Russia and 8% – abroad. At the same time, almost half (41%) of respondents could not decide whether they would stay in Crimea or leave (Fig. 23).

⁵³⁵ Deryugin P.P., Yarmak O.V., Strashko E.V., Yarmak V.E. Astrakhantseva E.A. The influence of migration processes on the formation of human potential and capital of Sevastopol // RUSSIAN JOURNAL OF MANAGEMENT. Vol. 9, No. 2. 2021. pp. 151-155. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46499089> (accessed: 07.02.2023).

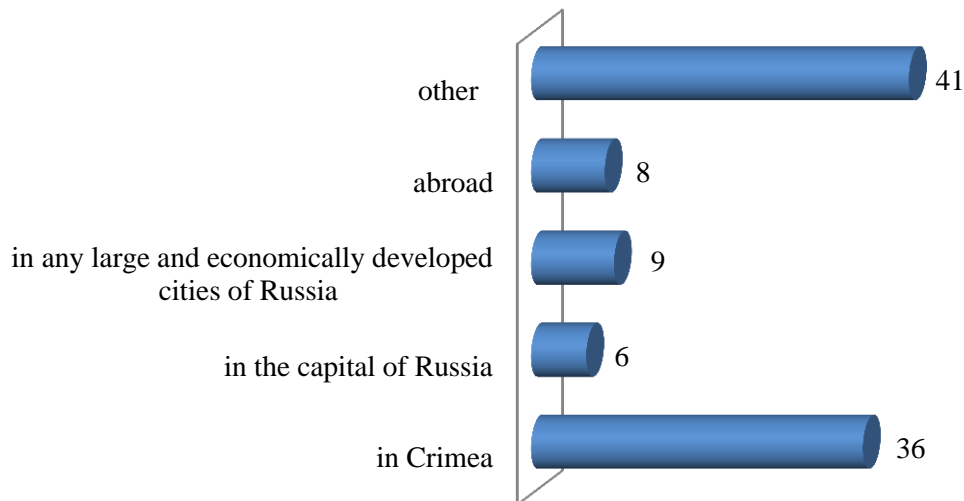

Figure 23. Five-year strategy of geographical vision of oneself
(a percentage of the number of respondents, 2020)

Thus, in two years – from 2018 to 2020 – the number of people wishing to stay in Crimea has decreased. Crimeans are going to migrate to the Russian regions. The number of those who want to go abroad remains unchanged during the study period – up to 10%.

However, there is a fairly large part of the population (40%) who found it difficult to determine a personal strategy – they do not understand whether they will stay on the peninsula or will leave. Of course, it is necessary to take into account the subjectivity of the personal situation in which a person is at the time of the interview, which affects his answer. But in this case, the resulting indicator of undecided is so high that the author suggests that it is also a consequence of the complete economic integration of the Crimean and Sevastopol economies and business environments into the Russian economic, financial and entrepreneurial spaces.

To a greater extent, representatives of the Crimean Tatar group want to stay in Crimea (59% over three years of research). Ukrainian youth want to go abroad rather than adult representatives of the Ukrainian group. During the three years of monitoring, it was recorded that representatives of Russian and Crimean Tatar groups want to leave for Moscow. Moreover, if Crimean Tatars seek to get to the capital, and Crimean Tatar youth – to the Russian regions (Table 31).

Table 31. Where (geographically) Do you see yourself in the next 5-6 years?
(distribution by nationality as a percentage of respondents, 2017, 2018, 2020)

	In Crimea	In the capital of Russia	In any large and economically developed cities of Russia	Abroad
Research waves, years	2017 / 2018 / 2020	2017 / 2018 / 2020	2017 / 2018 / 2020	2017 / 2018 / 2020
Russians	47 / 45 / 62	12 / 12 / 10	26 / 20 / 15	13 / 18 / 13
Ukrainians	50 / 34 / 59	5 / 3 / 8	29 / 19 / 16	17 / 39 / 17
Crimean Tatars	52 / 63 / 62	0 / 3 / 18	11 / 14 / 18	37 / 12 / 3

The analysis of the obtained data revealed factors contributing to or hindering the achievement of integration. First of all, the environmental effects of integration were fully realized due to the effective operation of social elevators, increased social security and strategic awareness of their place on the peninsula.

The recorded trends in the group of Ukrainian youth about the lack of social security, the desire to go abroad indicate the need for separate information and educational work with this group of young people, as well as paying attention to solving its economic and social problems associated with the implementation of integration practices of entering the social, economic and legal Russian space.

The migration readiness of representatives of the Crimean Tatar group to move to the capital and other Russian regions from Crimea, which is their "indigenous" territory, testifies, on the one hand, to the transformation of the ethnicity of this national group, on the other hand, to the desire to be realized outside the Crimea, and thirdly, to the high integration potential of the Crimean Tatar population. Most likely, this process will be more clearly visible after several generations, when the social, economic and educational opportunities that have opened up in the Republic of Crimea and the city of Sevastopol will be fully realized.

**§ 3.6. The image of Russia among the residents of the Republic of Crimea
and the city of Sevastopol in the light of the new opportunities
of the Russian society system**

The study of the image of Russia in the minds of residents of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol is extremely relevant in connection with the integration processes taking place on the peninsula. This topic is of particular importance, since the formation of the existing image of Russia among Crimean and Sevastopol residents took place in various social environments. If older people still rely on the experience of the Soviet period, and the youth's existing image of Russia was formed in various social and cultural environments, and often with the creation of contradictory social attitudes.

The results of the monitoring sociological study made it possible to illustrate the process of forming the image of the country among the Crimean population, as well as to describe the factors influencing this process. In particular, the impact of understanding the geopolitical status of the modern Russian state, the existing economic problems in the Republic of Crimea and the federal city of Sevastopol, the level of political tension on the peninsula, the general socio-cultural environment on the formation of an integral image of Russia among both modern Crimean youth and the entire population of the peninsula as a whole was determined.

The formation of a positive image of Russia among the Crimean youth is of integrating importance, this is the soft power, the impact and power of which have a huge social potential. Their system of meanings and values, their attitude towards themselves and their generation depends on what image of the state, region and city is embedded in the minds of people. Those components of the image of the country that a person considers significant for himself determine the level of success in solving many

closely interrelated in real life political, economic, cultural, national and other issues today and even more so in the future.

Russian Federation image formation process in the minds of the population of the Crimean Peninsula is in an active stage, because the ongoing communication processes, such as information wars, the creation of negative stereotypes about Russia and Russians, information policy of "erasing" Russian history and achievements of the Russian Empire and the USSR have a direct impact on the perception of their state.

The image of a country is a systemic concept that translates semantic values that determine the understanding of status and its role in the geopolitical arena. In this regard, it is extremely important to determine which components are the features of the image being formed. It is important that the image of the state must be viewed from the perspective of the prevailing interests of its citizens today, as well as in the context of the socio-cultural environment, interethnic harmony, moral and spiritual potential of society. Modern communication networks, social media somehow influence the formation of structural components of the image of the state.

According to the data of 2017 and 2018, it turned out that the majority of the surveyed youth (67%) consider Russia a world power, whose decisions and actions have a global impact on the world. A fifth of respondents (20%) define the geopolitical status of our country as the leader of the Eurasian space, the initiator of international integration processes in Eurasia. And 13% consider Russia to be a regional power focused on the post-Soviet space and unable to exert global geopolitical influence. It should be noted that there is a small growth of young people who perceive our country as a regional power that has no real geopolitical significance (in 2018 – 17%, in 2017 – 13%). And, accordingly, reducing the number of those who consider Russia a world power (в 2018 году – 63%, в 2017 – 67%) (Fig. 24)⁵³⁶.

---

⁵³⁶ Yarmak O.V., Kanakh A.M., Arkhipenko V.E. The image of Russia in the minds of the youth of Crimea and Sevastopol: results of a sociological study // Discourse: Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education St. Petersburg State Electrotechnical University LETI named after V.I. Ulyanov (Lenin), 2018. No. 6, p. 71-79. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36795785> (accessed: 07.02.2023).

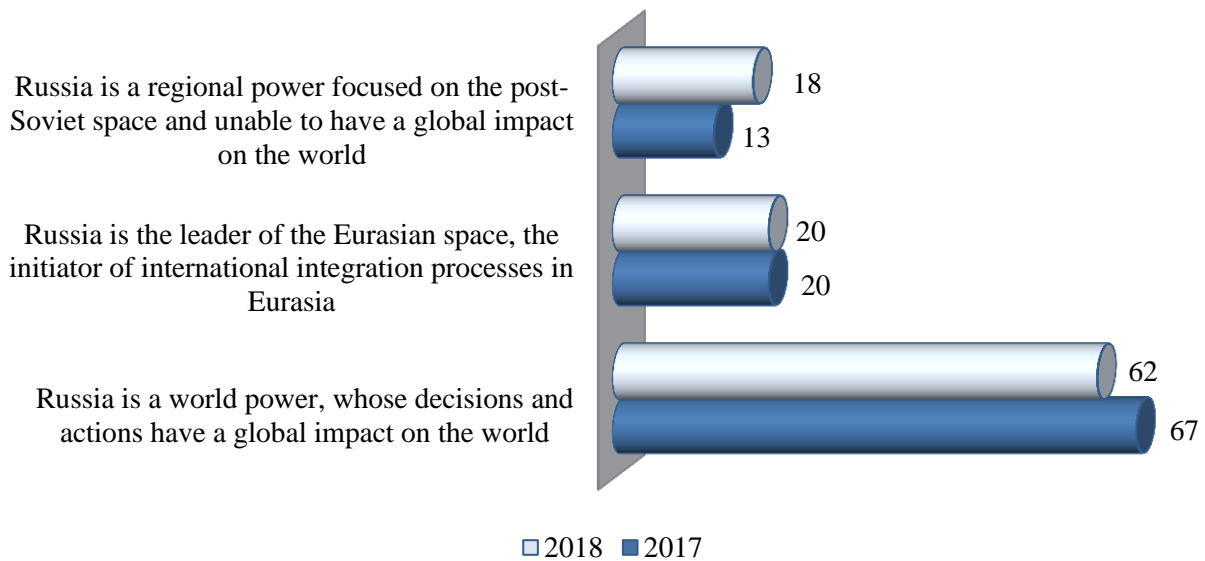

Figure 24. Determination of the geopolitical status of modern Russia (as a percentage of the number of respondents, 2017 and 2018)

The assessment of Russia's geopolitical status in national groups showed that representatives of all the selected groups perceive Russia as a world power, however, Russians (65%) and Crimean Tatars (63%) to a greater extent than Ukrainians (59%). Crimean Tatar and Russian youth perceive Russia as the leader of the Eurasian space. Russia was called a regional power focused on the post-Soviet space and unable to have a global impact on the world, a third of Ukrainians surveyed. Received data confirm the ongoing reformatting of youth consciousness, the foundations of historical memory, the common civilizational basis with Russia, which took place in the Ukrainian public and political spaces (Table 32).

Table 32. How would you define the geopolitical status of modern Russia? (distribution to the national groups, as a percentage of the number of respondents, 2017 and 2018)

	A world power whose decisions and actions have a global impact on the world		Leader of the Eurasian space, initiator of international integration processes in Eurasia		A regional power focused on the post-Soviet space and unable to have a global impact on the world	
	2017	2018	2017	2018	2017	2018
Russians	68	63	19	21	68	63
Ukrainians	61	57	4	19	61	57
Crimean Tatars	72	54	21	20	72	54

Data from 2020 showed that half of respondents consider Russia a world power, whose decisions and actions have a global impact on the world. 34% determine the geopolitical status of our country as the leader of the Eurasian space, the initiator of international integration processes in Eurasia. And 18% of respondents consider Russia a regional power focused on the post-Soviet space and unable to have a global impact. (Fig. 25)⁵³⁷.

In the national groups, the assessments of Russia's geopolitical status were distributed as follows. The fourth part of the Crimean Tatar group assesses Russia as a post-Soviet heiress with a focus on the CIS countries and an inability to have a global impact on the world. Russia as a Eurasian leader prevails in the views of Russians and Ukrainians (Fig. 26)⁵³⁸.

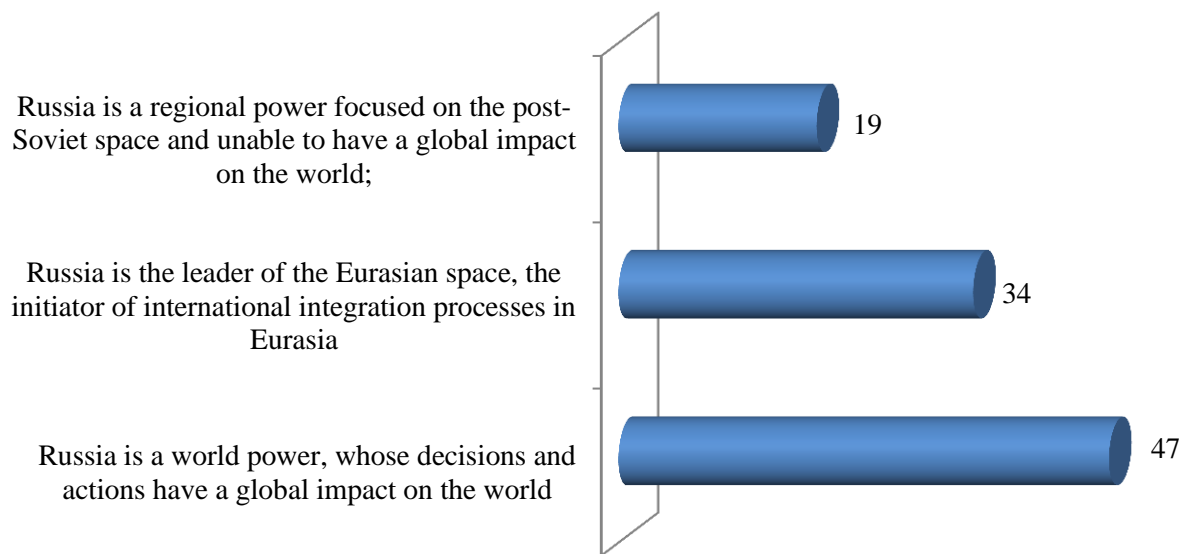

Figure 25. Determination of the geopolitical status of modern Russia
(as a percentage of the number of respondents, 2020)

⁵³⁷ Yarmak O.V., Shkaiderova T.V., Maranchak A.G., Tsepikova A.S. The image of Russia in the minds of residents of the Republic of Crimea and Sevastopol // *Managing regional conflicts in the conditions of digitalization of modern society: methodology and implementation practices/* edited by N.A. Shibanova. – Kazan: Kazan Publishing House, 2021. – 669 p., p. 655-669 URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=4559613> (accessed: 07.02.2023).

⁵³⁸ Ibid.

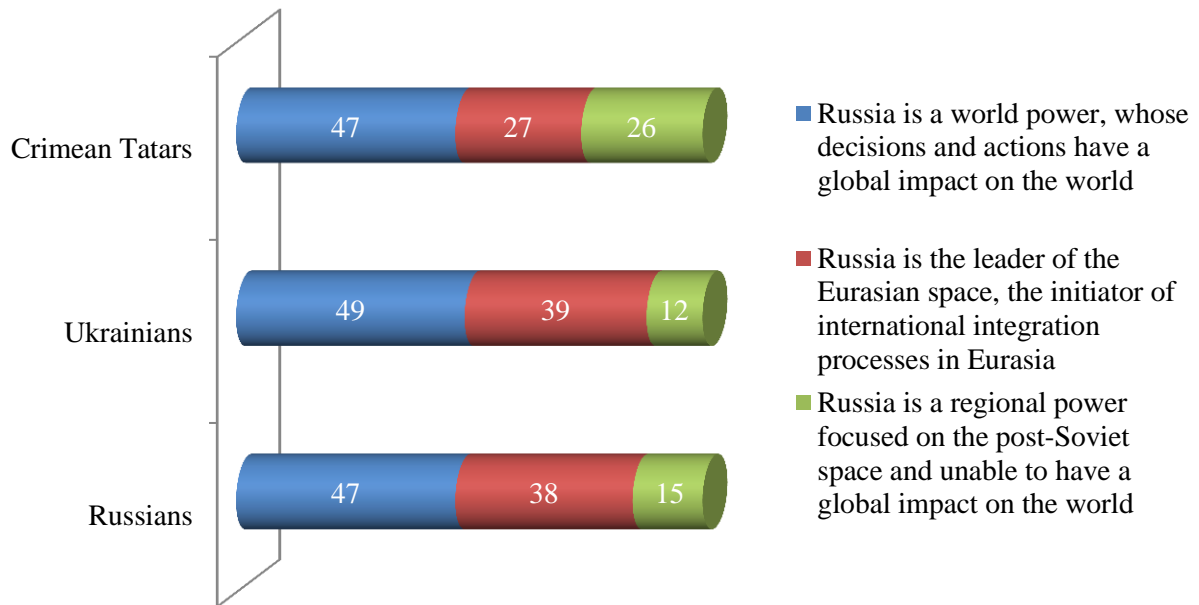

Figure 26. Determination of the geopolitical status of modern Russia (distribution in national groups, as a percentage of the number of respondents, 2020)

The analysis of age groups showed that young people perceive Russia as a world power to a greater extent than the middle and older generations. The reference is a group of the perception of Russia as the leader of the Eurasian space is forty-year-olds (40-50 years) (Fig. 27).

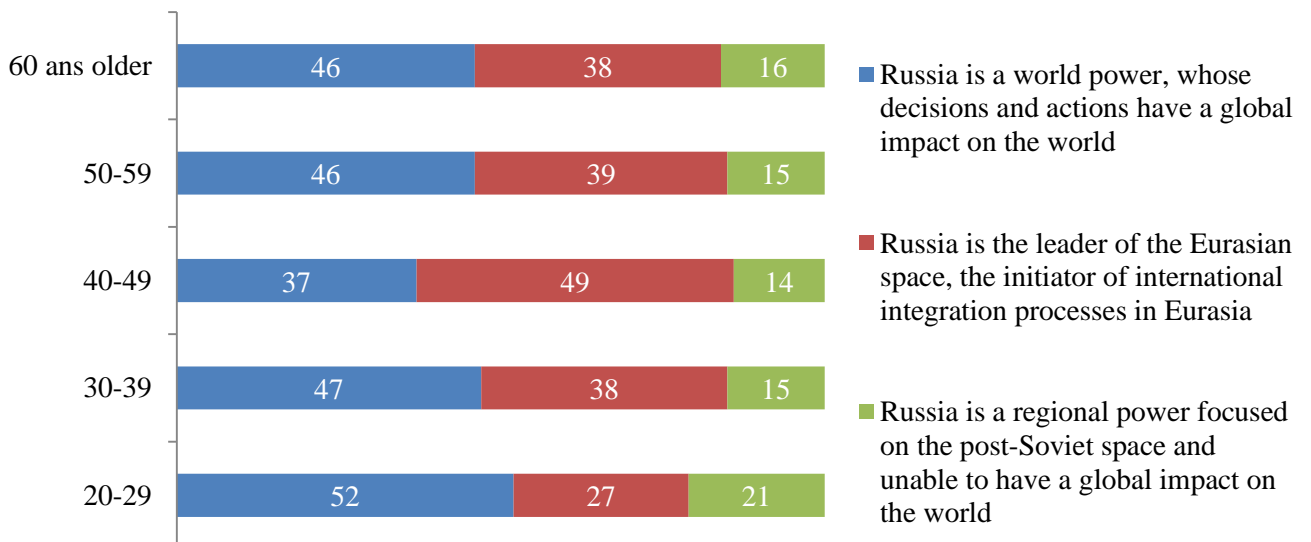

Figure 27. Determination of the geopolitical status of modern Russia (age distribution, as a percentage of the number of respondents, 2020)

According to the level of financial situation (the following scale was used: "we can afford almost everything, we are not limited in financial means" - rich, "quite wealthy, but limited in purchasing expensive goods (car, real estate)" - wealthy, "we do not have difficulties in everyday expenses" - medium-income, "there is only enough money for basic food and clothing" - poor, "there is not enough money even for the most necessary products and priority goods" - beggars) the support group related to the Russian state as a geopolitical player are the rich, affluent and middle-income residents of the peninsula. The basis of the "Eurasian group" consists of the wealthy, the middle-income and the poor. As a regional power, Russia is assessed mainly by representatives of the poor and poor strata of the Republic of Crimea (Fig. 28)⁵³⁹.

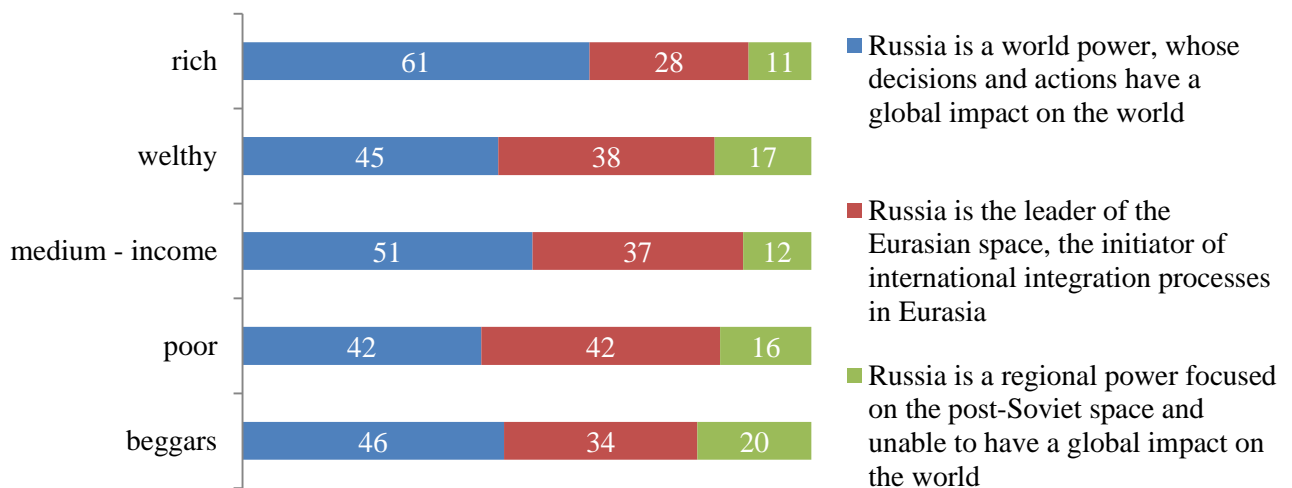

Figure 28. Determination of the geopolitical status of modern Russia (distribution by the level of financial situation, as a percentage of the number of respondents, 2020)

Understanding the geopolitical significance of the state an important component of his image present in the mass consciousness and, in this regard, the way the state is perceived, to what extent the goals and interests of people are integrated with the goals and actions of the state, affects the formation of his positive image in the mass consciousness, which subsequently constructs the image of the country.

⁵³⁹ Ярмак О.В., Шкайдерова Т.В., Маранчак А.Г., Цепкова А.С. Образ России в сознании жителей Республики Крым и Севастополя // Управление региональными конфликтами в условиях цифровизации современного общества: методология и практики реализации/ под ред. Н.А. Шибановой. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2021. – 669 с., с. 655-669. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=4559613> (дата обращения: 07.02.2023).

The students of the Crimean Peninsula, like all its residents, consider Russia a power whose decisions and actions have an impact on both the world and the Eurasian space. However, it should be noted that in the geopolitical context, the assessments of the Russian state of the Crimean youth, who consider themselves Ukrainians, cause concern.

To analyze the essence of the system of Russian society, it is necessary to understand the cultural and spiritual and moral potential of modern Russia. Half of the young people surveyed in 2017 and 2018 consider Russia a civilization that preserves the traditional guidelines of world religions, about 40% see our country as a civilization that combines the values and traditions of the West and the East. That is, the vast majority of the interviewed youth understand the civilizational significance of Russia, its confessional unity and geo territorial position. The share of Western-oriented youth in Crimea is about 8% (Fig. 29)⁵⁴⁰.

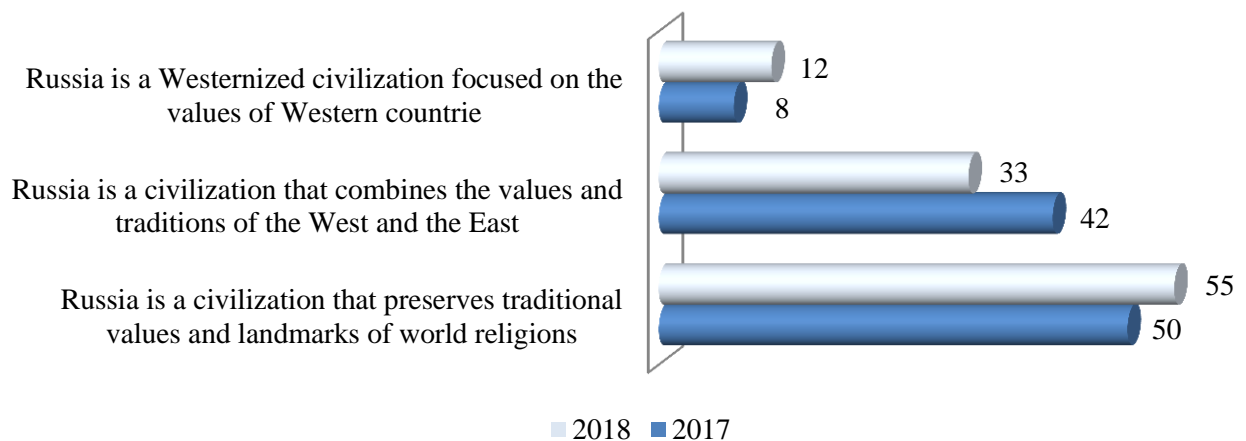

Figure 29. Assessment of the cultural and spiritual and moral potential of modern Russia (a percentage of the number of respondents, 2017 and 2018)

Assessments of the cultural and spiritual and moral potential of modern Russian youth in national groups are differentiated. Crimean Tatars and Russians perceive Russia as a confessional integrator – a civilization with traditional world religions. Half of the respondents in the group of Ukrainians, a third – in the group of Russians and a fifth – in the

⁵⁴⁰ Yarmak O.V., Kanakh A.M., Arkhipenko V.E. The image of Russia in the minds of the youth of Crimea and Sevastopol: results of a sociological study // Discourse: Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education St. Petersburg State Electrotechnical University LETI named after V.I. Ulyanov (Lenin), 2018. No. 6, pp. 71-79. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36795785> (accessed: 07.02.2023).

group of Crimean Tatars see Russia as a civilization with values and traditions of the West and East (Table 33).

Thus, the students of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol perceive Russia as a civilization with the traditional guidelines of world religions, as a religious, territorial and value consolidator. And here we can assume that the Ukrainian youth sees in this process, as they have socialized on the border territory between the West (Europe) and the East (Russia).

Table 33. Assessment of the cultural and spiritual and moral potential of modern Russia (as a percentage of the number of respondents, distribution in national groups, 2017 and 2018)

	Russia is a civilization that preserves the traditional landmarks of world religions		Russia is a civilization that combines the values and traditions of the West and the East		Russia is a Westernized civilization focused on the values of Western countries	
	2017	2018	2017	2018	2017	2018
Russians	60	56	35	34	60	56
Ukrainians	38	58	54	25	38	58
Crimean Tatars	72	53	19	32	72	53

The empirical results of 2020 confirmed the monitoring data of 2017 and 2018. Half of the respondents (48%) consider Russia a civilization that preserves the traditional guidelines of world religions, 40% – combining the values and traditions of the West and the East. Therefore, it is safe to say that there is no generational factor in assessing the cultural potential of Russia. Both the youth and the general population of the peninsula assess Russia as a civilizational, cultural and confessional integrator, as well as a communication hub between the West and the East. But there is an influence of the national factor: for the Ukrainian group, Russia is a geo territorial consolidator, and for the Russian and Crimean Tatars – confessional and civilizational (Fig. 30)⁵⁴¹.

⁵⁴¹ Yarmak O.V., Shkaiderova T.V., Maranchak A.G., Tsepikova A.S. The image of Russia in the minds of residents of the Republic of Crimea and Sevastopol // *Managing regional conflicts in the conditions of digitalization of modern society: methodology and implementation practices*/ edited by N.A. Shibanova. – Kazan: Kazan University Press, 2021. - 669 p., p. 655-669. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=45596135> (accessed: 07.02.2023).

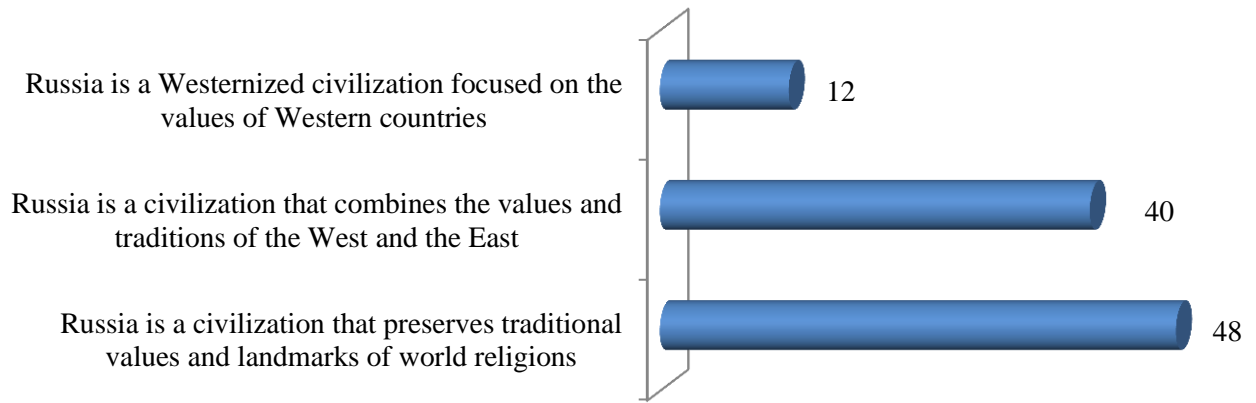

Figure 30. Assessment of the cultural and spiritual and moral potential of modern Russia (as a percentage of the number of respondents, 2020)

The understanding of security reflects the degree of the society's environmental security that it provides to its citizens. Half of the young people surveyed are sure that Russia protects its sovereignty effectively, 45% – partially effectively. That is, 95% of the surveyed Crimean and Sevastopol youth consider the Russian state to be a strong and sovereign power that provides a high level of protection and security to its citizens (Fig. 31).

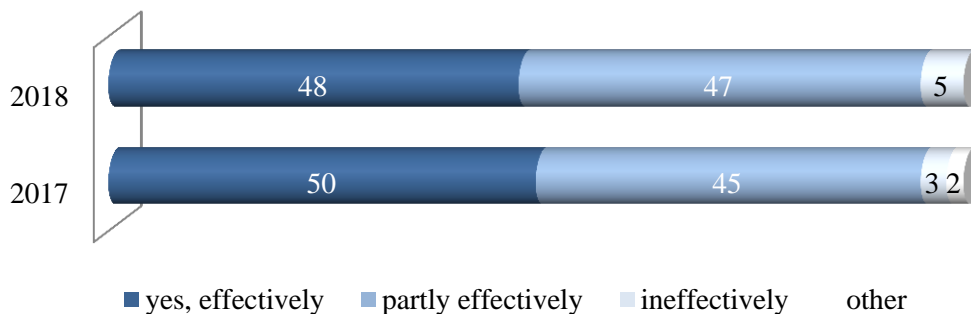

Figure 31. Assessment of the effectiveness of Russia's protection of its sovereignty (as a percentage of the number of respondents, 2017 and 2018)

There is already a fixed trend in national groups that representatives of Ukrainian nationality to a lesser extent than Russians and Crimean Tatars assess Russia as a strong and sovereign world power. Thus, 60% of Ukrainians surveyed believe that Russia does not effectively protect its sovereignty, while 63% of respondents of the Crimean Tatar group and 57% of Russians surveyed highly appreciate Russia's protection of its independence and independence (Table 34).

Table 34. Assessment of the effectiveness of Russia's protection of its sovereignty (as a percentage of the number of respondents, distribution in national groups, 2017 and 2018)

	Yes, effectively		Partly effectively		Ineffectively	
	2017	2018	2017	2018	2017	2018
Russians	57	50	38	45	5	4
Ukrainians	33	37	60	50	7	12
Crimean Tatars	63	47	35	43	2	7

In 2020, the overwhelming majority of respondents (94%) they also noted the effective work of the Russian state to protect its sovereignty (Fig. 32)⁵⁴².

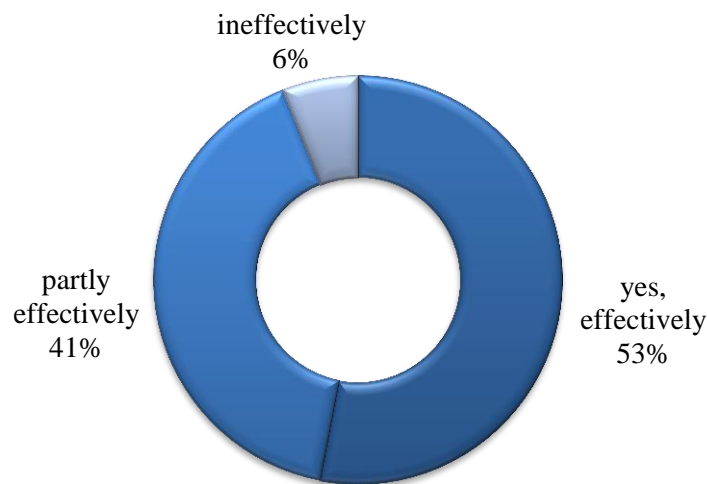

Figure 32. Assessment of the effectiveness of Russia's protection of its sovereignty (a percentage of the number of respondents, 2020)

Understanding the civilizational and cultural foundations of Russia, the image of the Russian state is important for the author's research topic, as it makes it possible to understand how the integrated society has accepted the basic – the host Russian state. Although there is a widespread opinion that "Russia is Crimea's native and understandable country," but it is necessary to take into account the fact of personal, professional and economic socialization of several generations in Ukrainian society. And the consequences of the influence of the Ukrainian factor were reflected in the data obtained.

⁵⁴² Yarmak O.V., Shkaiderova T.V., Maranchak A.G., Tsepkova A.S. The image of Russia in the minds of residents of the Republic of Crimea and Sevastopol // *Managing regional conflicts in the conditions of digitalization of modern society: methodology and implementation practices*/ edited by N.A. Shibanova. – Kazan: Kazan University Press, 2021. - 669 p., p. 655-669. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=45596135> (accessed: 07.02.2023).

In general, the Crimean and Sevastopol residents perceive Russia as an integrator – a consolidator of values, world religions, a communicator between the West and the East. All generational groups perceive Russia equally. But ethnic groups, in particular Ukrainians, see the Russian state as a territorial bridge between the West and the East, a civilizational and logistical hub between Western and eastern civilizations. And here, most likely, the subjective assessment of Ukrainian youth depends very much on the vision of their own situation – Ukraine formed a stereotype that it is located on the border of the West and the East. And that is why the Ukrainian youth in Crimea reflects this semantic premise. The revealed fact should be taken into account when implementing integrative practices in the youth environment.

The image of Russia built in the minds of the inhabitants of the peninsula as a strong, sovereign state capable of protecting itself and its citizens, while having significance and weight in the geopolitical and international arena, a civilization-state preserving the values of world religions, combining the traditions of the West and the East, contributes to achieving success in the integration process. The formation of a positive image of Russia, which occurs through increasing attachment to the Russian state, its historical symbols and cultural meanings, by strengthening the economic and social well-being of the population, creating opportunities for professional growth and social elevators for them, opens up new systemic opportunities in the ideological, communicative, social fields.

Conclusions of Chapter 3

The third chapter presented the empirical results of monitoring sociological and digital studies conducted with the participation and under the guidance of the author.

The first paragraph "Integration process of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol to the Russian society. The design of sociological measurements" presents the theoretical foundation, methodology of the study, its goals and objectives, describes scientific and research contradiction, the scientific novelty of the empirical data

obtained. The research methodology was based on new institutionalism, network and cognitive approaches, comparative and conflict analysis.

The aim of the empirical part of the study was to study the basics and levels and effects of integration of the Republic of Crimea and the federal city of Sevastopol. The objectives of the study were defined as:

1) identification of value orientations, personal attitudes, national-state identity, the potential of interethnic and interreligious consent of residents of the Republic of Crimea and the federal city of Sevastopol;

2) identification of the sources of disintegration factors in the real and digital environments of the Crimean Peninsula;

3) identification of factors hindering and contributing to the implementation of integration practices in the youth environment of the Republic of Crimea and the federal city of Sevastopol;

4) analysis of the dynamics of structural and content characteristics of the communication field of the Crimean and Sevastopol Internet segments;

5) identification of structural and dynamic features of non-conventional historical information flows in the media space of the Crimean Peninsula;

6) identification of successful integration practices in the Republic of Crimea and Sevastopol.

The object of the study is the population of the peninsula, but also the student youth studying at universities of the Republic of Crimea and the federal city of Sevastopol. The subject of the study are elements of mass consciousness (value orientations, personal attitudes), factors influencing the formation of the national identity of Crimean and Sevastopol residents, their attitude to Russia and the image of the Russian state.

The scientific novelty of the empirical research results obtained consists in the analysis of factors influencing the integration process of various ethnic groups of the Crimean peninsula; in the study of structural components of consolidation, in particular value orientations and meanings, the image of Russia, the assessment of economic, infrastructural and institutional changes on the peninsula, opportunities for professional

growth and the work of social elevators. The strategy of applied research was hybrid in nature, based on a combination of quantitative and qualitative methods used to analyze the peculiarities of the perception of the integration process in the Crimean and Sevastopol communities.

The second paragraph – "Historical memory as the basis of the civilizational integration of the Crimean Peninsula into the Russian space" – describes the processes of formation of collective historical memory, which are the result of the Ukrainian period and are in transit at the moment.

During the analysis of the mass historical consciousness of the Crimean and Sevastopol youth, has been studied the Ukrainian factor and the impact of the Ukrainian educational system based on the withdrawal from ties with Russia. The author investigated the influence of generational succession on the formation of the collective memory of the Crimean society, analyzed the essence of patriotism and the structure of the construct of collective historical memory of the inhabitants of the Crimean peninsula.

The analysis of such aspects of the research field as the determination of mechanisms for creating new historical and media meanings in the conditions of confrontation of "fault lines" - places of modeling different variants of the development of historical events, changes in the historical map of the world, is dictated by the need to assess the risks and opportunities of countering technologies of hybrid information and cognitive wars in modern Russia. It is assumed that the transformation of historical collective memory on the territory of the Crimean Peninsula, including in its Internet space, is often carried out artificially using technologies to create nihilistic information flows; meanings aimed at destroying the foundations of historical memory; involving visualization techniques associated with the formation of stereotypes that destroy the foundations of historical memory.

The third paragraph – "Identity and value-semantic field as indicators of social integration of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol" – is devoted to the analysis of factors influencing the formation of national identity in the ethnic groups

"Russians", "Ukrainians" and "Crimean Tatars", as well as the process of transformation of the value-semantic field in these selected groups.

The author has formulated the assumption that people of different nationalities differentially reproduce the model of interethnic behavior. The studied components of the multilayered identity of the Crimean and Sevastopol residents allowed us to verify empirically the assumption about the connection of the ethnic "label" with the values and attitudes of representatives of ethnic groups. The data obtained made it possible to think about the shifting of borders between ethnic groups of the Crimea peninsula, taking into account creation of situational identity, its multilayering, while the data on the erasure of ethnic boundaries in the family, but their accentualization in the communicative space, turned out to be innovative. The author examines the process of identity change among residents of the Crimean Peninsula from the perspective of factors of the social environment, communications, proposed political and economic benefits, social opportunities

The fifth paragraph "Infrastructural dynamics of Crimea in the assessments of its residents as an indicator of environmental integration" reflects the assessment of infrastructural changes and social opportunities that have occurred in Crimea after the referendum to the present. It was assumed that these assessments could identify factors contributing to or hindering the experimental measurement of the integration process. Among such factors are indicators of the environmental effects of integration: the perception of economic problems, the work of social elevators, social security, awareness of their place in the state. According to the author, the analysis of such indicators of the environmental conditions of integration as the quality of life of people, the level of social tension, readiness to move from the Crimea was of particular relevance, which explained the importance of diagnosing key parameters of the infrastructural dynamics of the Crimea in the assessments of its residents.

The author suggested that it was necessary to analyze the assessment of social security as an environmental indicator of integration. This was due to the fact that dissatisfaction with social security can affect a number of indicators that form a positive image of the country. It was important to understand not only the assessments of social,

economic, and infrastructural changes on the peninsula, but also how these changes affected people, how people assess the progress of integration in the light of the infrastructural dynamics of the region.

The sixth paragraph "The image of Russia among the residents of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol in the light of the new opportunities of the Russian society system" presents the results of a study of the image of Russia that has developed in the minds of residents of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol during integration into the Russian state.

The author emphasizes the importance of analyzing the existing image of Russia among the Crimeans and Sevastopol residents, taking into account the generational and national cross-sections. Understanding the geopolitical status of the modern Russian state, assessment of the existing economic problems in the regions, the level of political tension on the peninsula made it possible to analyze the factors influencing the formation of an integral image of Russia among both modern Crimean youth and the entire population of the peninsula as a whole. The author substantiated the significance of this analysis by the fact that young people, unlike representatives of the older generation, the existing image of Russia was formed in conflict and contradictory social conditions. And in this regard, the creation of a positive image of Russia among the Crimean youth has an integration potential.

It was assumed that the process of forming the image of the Russian Federation in the minds of the population of the Crimean Peninsula was in an active stage, since the communicative field, information wars, the creation of negative stereotypes about Russia and Russians, have a direct impact on creating a positive image of the Russian state among its citizens.

Conclusion

The 21st century is becoming an era of global change. Accumulated social, economic, political, resource, environmental, and existential risks and threats have led to the creation of new situations that can be resolved by non-social tools, despite the fact that they have a proper social basis. Examples of such situations are the beginning of integration or reintegration in the post-Soviet space. The reunification of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol with Russia, from our point of view, is not only a geopolitical event, but the result of the new social situation that has developed. It is a response to civilizational, historical, cultural, linguistic, and socio-existential challenges. Having become new Russian regions, the Republic of Crimea and the city of Sevastopol have been in the integration process for almost a decade, which determined its foundation, determined the levels and effects of consolidation, and in turn affected both the integrated Crimean and Sevastopol communities and the host Russian society.

This study was aimed at solving the fundamental problem of integration of the Republic of Crimea and the federal city of Sevastopol into Russian society. Research questions included the implementation of integration, what it is based on, what are its input conditions, what happens to the community during the transition period, what are the levels and effects of consolidation, and what will the host society see as the results of integration? The theoretical and empirical possibilities of the dissertation research were used to answer these questions. Integration and reintegration processes in both the classical sense and modern sociological knowledge were analyzed theoretically, their categorical foundations were analyzed, and the author's definitions of the concepts of "integration" and "reintegration" were proposed. Theoretical and applied analysis of the integration of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol, which also has a reintegration component, allowed us to explain its internal conditions and civilizational

foundations – what is the basis for the desire to consolidate with Russia; describe the effects caused by integration transformation; identify the degree of influence of environmental threats on the level of support for integration; focus on the challenges of the communication space that affect integration processes, processes aimed at cognitive and mental reformatting of the mass consciousness of Crimeans and Sevastopol residents.

The purpose of the dissertation research was to identify and conceptualize criteria for analyzing the integrative processes of new regions in Russian society, which are perceived as a reassembly of social spaces by achieving systemic effects in the implementation of civilizational foundations of social and environmental levels of solidarity, as well as to develop recommendations for consolidating and understanding communication challenges in the interests of the Republic's reintegration Crimea and the city of Sevastopol in the Russian space. To achieve this purpose, the dissertation solved such problems as the consideration of the key theoretical and methodological foundations of the study of regional integration as a social reassembly, as well as the essence of sociological knowledge about integration and reintegration processes, with the clarification of definitions and categorical foundations of the concepts of "integration" and "reintegration". The systemic integration of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol into Russian society was presented by determining the interrelationships of the incoming conditions (civilizational foundations), levels — social, environmental and communicative, and the effects of integration — the formation of a new type of solidarity. A separate set of tasks concerned the analysis of the civilizational foundations of the integration of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol into the Russian space in the context of the Neo-Eurasian integrative concept of the 21st century; the processes of transformation of collective memory, identity and value-semantic field as a result of the social integration of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol; social determinants of the environmental integration of the Crimean Peninsula; challenges of the Crimean information space that determined its communicative potential. integration level in the Russian Internet space. Such systemic effects of the integration of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol

into Russia were identified as the formation of "island" solidarity and credit of trust both in the integrated — Crimean — society and in the host — Russian one.

Among the research results obtained by the author, which have scientific novelty, the following should be noted:

1. The key theoretical and methodological principles of the sociological study of integration and reintegration processes are identified; the essence of such complex social phenomena as integration and reintegration is determined.

The analysis of theoretical approaches to the analysis of integration and reintegration processes allowed us to draw a number of conclusions. First, they were a reflection of the historical time in which they were formed. And during this period, the essence of integration theories was revealed through the principle of supranationality, through the rejection of states' part of sovereignty and its transfer to the supranational level with a focus on European integration. Secondly, the Russian vector of integration concepts was also formed, namely, the Russian idea of Eurasianism, based on a civilizational approach, describing Eurasia within the borders of a large historical Russia — the Russian Empire, the USSR, the CIS, the modern Russian Federation — in the form of a historically formed single social space. Third, against the background of the geopolitical events of the late twentieth century, the concepts of integration acquired new features: first they were a response to the confrontation between the USSR and the United States, then they began to explain the situation of separation of sovereignties and territories in the modern period, taking into account the formation of a multipolar world order.

For the dissertation analysis, it was important that the theories of modern integration received a proper sociological load and became social engineering, responding to acute social needs for understanding geopolitical events and civilizational shifts, which indicates the priority and significance of social factors both at the entrance of integration processes and during their implementation and, in particular, the return of communities to its civilizational foundations.

The second innovative conclusion of the theoretical analysis is that the civilizational changes of our time are both integrative and reintegrative in nature. The

author's appeal to civilizational concepts — "clash of civilizations" by S. Huntington, the theory of "center - periphery" by I. Wallerstein, the theory of cultural and historical types by N. Danilevsky, Eurasianism and neo-Eurasianism (from B. S. Lavrov, I. S. Shishkin, L. N. Gumilev to A. S. Panarin) allowed us to draw a conclusion about the nature of the world, modern integration and reintegration processes in the post-Soviet space. We believe that civilizational grounds for integration on the territory of great historical Russia are conditioned by the need to bring together once "split" countries that have a common cultural and historical type, but are artificially placed in new cultural environments, which causes their "collision", with the inevitability of unification and return to the "mother's bosom" – to the basic civilization – Russian, Slavic and Eurasian. The civilizational foundations of the integration of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol into the Russian space in the context of the neo-Eurasian concept can be determined by such components as the national Russian idea, the common historical fate and the experience of forming a supranational (Soviet) identity.

The third conclusion is made with reference to the actor-network theory of B. Latour, which allowed the author to define integration as a process of reassembling social spaces, having input conditions — civilizational foundations, levels – social, environmental and communicative, outgoing results — achieving systemic effects in the form of social transformations of identity, value-semantic field, image of Russia, creation of a new type of solidarity, dynamics of assessments of infrastructure changes. In our opinion, the growing demand for integration practices in modern societies is due to accumulated violations of social orders, which require the reassembly of new communities with the global re-formation of a multipolar international social system. We believe that the novelty of modern integration formats has an actualization of the phenomenon of reintegration, which the author defines as a process of integrative reassembly of society, aimed at uniting and restoring previously disintegrated or disintegrated territorial, economic, social, and civilizational education, which leads to the consolidation of new network communications, integration of the value-semantic field, historical memory, and creation of new human capital.

2. The system interrelations of the bases, levels and effects of the reassembly of social spaces as a result were determined integration of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol into the social structure of Russian society.

Analyzing integration processes, the author provides his own understanding of the foundations, levels and effects of integration as a process of reassembling social spaces. According to the author, civilizational grounds for reassembly they are a basic condition for consolidation. The social level of integration is manifested through the interaction of social actors of new regions and the host country, which has a special effect on the emergence of previously unexplored consolidating elements of identity, value consciousness, collective historical memory and the image of the base — the mother (deep host) state. In addition to social integration, there are such levels of integration as environmentalist, which is formed through an artificially created risk society, and communication, which involves the search for an answer to the communicative challenges of the information society formed by external actors, creating a conflict and nihilistic context regarding the reintegration practices of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol into Russian society.

Thus, the author's analysis of the integration of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol was carried out from the perspective of studying such criteria as: 1) civilizational (the presence of common historical, social, and cultural characteristics), including the criterion of reformatting collective historical memory (the use of past projects of reintegration and integration); 2) environmental (the current security situation, including restrictions access to resources, the growth of existential risks); 3) communicative (challenges to the information field formed by external actors); 4) social (transformation of collective memory, identity, and values).

3. The work describes the civilizational foundations of the integration of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol into the Russian space in the context of the neo-Eurasian integrative concept of the 21st century.

The author's integrative perspective of civilizational analysis focused on classical concepts of civilization (N. Elias, S. Eisenstad, R. Collins). The author's conclusion is that societies are integrated on the basis of civilizational principles due to the attraction

to "zones of cultural prestige" as spheres of cultural influence, as a result of which they fall into network social structures formed by solidarity, common identity and common cultural symbols.

The second conclusion of the author is that the 21st century is already becoming and promises to be an era of the formation of large geopolitical spaces that have not only financial, economic and military-political foundations, but, first of all, cultural and civilizational ones. Against the background of the expansion of reintegration and integration practices in the post-Soviet space, the Eurasian approach is gaining new relevance, which makes it possible to explain the reasons for the "gathering" of the temporarily "split" Eurasian civilization.

The third author's conclusion concerns the civilizational foundations of Eurasian integration, which consist in the socio-cultural mission of Russia and an alternative to the West with its policy of "controlled chaos". The author emphasizes that Eurasian integration and reintegration trends in the post-Soviet space confirm Russia's existing civilizational foundations, which are manifested in the form of a culturally civilized code, successful practice of creating super-complex social systems, and existing experience in rebuilding the world socio-economic system.

The author's fourth conclusion about the civilizational foundations of the integration of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol into the Russian space in the context of the neo-Eurasian concept suggests that the Crimean integration, in fact, is part of the national Russian idea, Crimea and Russia are civilizationaly connected by a common historical fate and have the experience of forming a supranational (Soviet) identity, which determines the consolidation in the post-Soviet space, taking into account Russia's bridge position between East and West.

4. The work analyzes the results of social integration of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol, which manifested themselves in the form of transformation of collective memory, creation of new forms of identity and reformatting of the value-semantic field. The author believes that the final result of the process of social integration, identification with the cultural values and norms of the host — Russian —

society is the achievement of national, confessional, political, and social acculturation of Crimean and Sevastopol residents.

The author concludes that the Crimean events have formed a new multi-layered identity, the components of which are situational and supranational identities, as well as shifting the boundaries of national groups and changing ethnic "labels" (in accordance with the approach of F. Bart). Empirical results of studying the process of identity transformation in the ethnic groups "Russians", "Ukrainians" and "Crimean Tatars" confirmed the assumption that people of different nationalities reproduce the model of social integration in different ways. In particular, the identity of Russian youth is based on belonging to the state, which is not inherent in the Ukrainian and Crimean Tatar groups. In the identity system of the Ukrainian group, peninsular attachment is maximally expressed. Cultural and ethnic factors are strong in shaping the identity of Ukrainians and Crimean Tatars, and the identity of the Crimean Tatar group is based on "land" attachment, gender and confessional identities.

At the core of the structure of the value consciousness of the inhabitants of the Crimean peninsula there are basic values; near-nuclear are those that provide a person with self-realization, education and professional growth, which indicates the predominance of traditional and post-materialistic values among the Crimeans and Sevastopol residents (in the categories of R. Inglehart). The presence of a block of post-materialistic values among the inhabitants of the peninsula is enhanced by the fact that among the personal qualities they distinguish efficiency in business, responsibility and community of interests.

The shift of "ethnic borders" (according to F. Barth) observed in Crimea occurs in the immediate environment and family, but in society they persist and have a social basis. Russian Tatars and Ukrainians identify themselves as "Russian Crimean Tatars" and "Russian Ukrainians", which is the consequence of a change of identities: belonging to Russia and Russian culture provides social alternatives and opportunities for professional growth and career. The author's conclusions about the change of identities among residents of the Crimean Peninsula are associated with factors of the social

environment, communications, the possibility of obtaining political and economic benefits.

The results of monitoring studies in 2017, 2018 and 2020 allowed us to conclude that the process of identity formation in various ethnic groups of the Crimean Peninsula should be based on the principles of regional patriotism, taking into account territorial attachment to the Crimea, the creation of unifying cultural codes, the provision of social, educational, economic opportunities, those social success trajectories that can broadcast supranational affiliation.

The author's understanding of interethnic harmony is defined as the achievement of positive interethnic relations and contacts, coordinated value orientations, readiness for interethnic interaction and the ability of people to live in a multiethnic community.

The empirical results obtained allow us to speak about the presence of interethnic and interfaith stability in the value consciousness of the Crimean youth, which is especially important for Crimea as a multiethnic region. For the younger generation of Crimea, 1) ethnic origin and religious affiliation are not significant social criteria that affect the connections within the youth environment; 2) when choosing friends or a life partner, ethnic and religious affiliation is not important, 3) ethnic and religious affiliation does not affect the assessment of the crimes of the person who committed them.

As recommendations, the author suggests that the process of identity formation in various ethnic groups of the peninsula should be based on the principles of regional patriotism, taking into account territorial attachment to Crimea as a native land, the creation of consolidating civilizational and cultural symbols and meanings, the provision of social, educational, economic opportunities, involvement in social success trajectories that are feasible supranational identity.

5. Understanding the geopolitical significance of the state is a necessary result of social integration of society at the level of political acculturation. According to the results of the author's empirical research, residents of the Crimean Peninsula consider Russia to be a power whose decisions and actions have an impact on both the world and the Eurasian space. Half of the Crimean and Sevastopol residents surveyed see Russia

as a civilization that preserves the traditional guidelines of world religions, which suggests that the Russian state is perceived as a systemic consolidator in the eyes of Crimean residents. Crimean Tatars and Russians, to a greater extent than Ukrainians, perceive Russia as a civilization with traditional world religions. As a civilization with values and traditions of the West and East, half of the respondents in the group of Ukrainians, a third in the group of Russians and a fifth in the group of Crimean Tatars see Russia. The overwhelming majority of respondents noted the effective work of the Russian state to protect its sovereignty, which indicates the idea of the Russian state in the mass consciousness of residents of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol as strong and sovereign.

Based on the obtained sociological data, the author concludes that in the minds of residents of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol, Russia looks like a strong, sovereign state capable of protecting itself and its citizens, having geopolitical weight, being a civilization state preserving the values of world religions, combining Western and Eastern traditions. Such results in the formation of a positive image of the Russian state contribute to increasing pride in their country, its historical symbols and cultural meanings, which opens up new opportunities in the ideological, communicative, and social fields.

6. The importance of the factors of the environmental environment, the artificially formed risk society in the integration process of the Crimean Peninsula, taking into account the contours of the new social contract being created, is revealed.

As it turned out, in the process of Crimean integration, the environmental factor, which had a purely intra-Crimean context, actualized the social problem of reformatting the global social contract. The fact is that in the modern world there is a situation of "full spectrum dominance" of certain states, which gives them the opportunity to selectively limit resources to those countries or territories that do not want to obey them. This situation creates conditions for reintegration and integration processes on an environmental basis. Arguments about the non-conclusion of a global social contract and the unwillingness to strive for "planetary maturity" and "unity in its diversity"

(according to G. Martin) explain the emerging reintegration and integration that allow people to unite to resolve conflicts of an environmental nature created artificially.

This is the situation that was observed in the process of Crimean transit – an artificially created risk society through formed environmental disasters and environmental threats in the form of water, energy, food, transport, financial blockades strengthened support for the integration of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol into Russia. Moreover, the reasons, according to the author, were not only the desire to ensure security, but also the desire to be under the existential protection of the mother (base) state – Russia. The author concludes that the environmental level of integration of the Crimean Peninsula was formed back in Soviet times (when the resource security of the peninsula was being solved), became acute in the post-Ukrainian period and became a decisive factor in supporting integration at the moment.

7. The communicative level of integration of the Crimean Peninsula is analyzed and the challenges of the Crimean communicative space in the integration period are identified.

Integration and transformation of political, economic, socio-cultural, historical and civilizational properties actualized the challenges in the information and communication space of the Crimean Peninsula. In addition, modern integration processes are associated with the active involvement of modern Russia in the processes of ensuring international security in the post-Soviet space, which also exacerbates the information agenda both regional and international.

Digital research conducted with the participation and under the guidance of the author on the study of communication and information flows allowed us to analyze socio-political reactions to the events of Crimean integration in social media and consider them as a new type of social phenomenon that allows us to analyze social interaction provided by communication.

The results of digital research have shown that the communicative space of a transit society, in our case, the Crimean and Sevastopol, is formed not only from real socio-political events, but also focusing on discourses created in the media field through external management. It has been proved that Internet communications that have

developed on the Crimean Peninsula are conflictual and subject to the influence of external actors, are formed from the outside through network resources, and systematically work to create such installations: 1) anti-Russian – the formation of the image of the enemy-aggressor and nihilistic attitude towards Russia, 2) Russophobic – the promotion of the media policy of erasing Russian with the creation of anti-conservative meanings, moving away from family traditions and the foundations of paternalism, which have always been characteristic of Russian society, 3) anti-Putin – aimed at the desecration of the Russian political leader.

The author comes to the conclusion that in the structure of Internet communications in the Republic of Crimea and the city of Sevastopol, it is necessary to develop an integrative discourse, which should be based not only on information tracks formed inside the peninsula, but also on a federal agenda that contributes to the creation of a single semantic field of the Crimean and Sevastopol Internet segments with the Russian Internet space and leading to weakening of external Internet actors systematically forming anti-Russian discourse.

Another important author's observation, which has a special acuteness in integration processes, is manipulation of historical memory. The author's use of the concept of "frame" (according to M. Halbwachs) allows us to explain the process of formation of symbols of the past in the digital era through media visualizations of historical events. The obtained data allowed the author not only to analyze the functioning of historical collective memory at a new stage in the development of social media and communication networks in the era of mental and information wars, but also to explain its design in the form of a network (according to the definitions of actor-network theory). Users are under the influence of "invisible" technologies, which leads to the fact that in real sociality a person is deprived of a privileged status in the production of historical symbols, and then there are manipulations of meanings that become event connections connecting reality and its media representation.

The analysis of the obtained results allowed us to fix the duality in the formation of the historical collective memory of the inhabitants of the peninsula. New digital mechanisms for the formation of the historical agenda establish a rigid "social

framework of memory" in communication and changes the ratio of an individual's memory and the external framework that social groups set for him in communication networks. The second observed trend is the phenomenon of collective memory as a stream that is not created by the immediate social environment, but appears in a person's consciousness invisibly, imperceptibly, but systematically – through the formation of visual images. The content of these streams is usually filled with new historical content, the streams are fragmented, socially distributed among agents, formed using hybrid media technologies and digital tools.

8. The process of formation of the effects of integration of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol into Russia – "island" solidarity in the integrated community and the credit of trust in the Russian – host – society is described.

After the Crimean events of 2014, the emergence of two new social phenomena was empirically recorded, manifested in the form of the intra-Crimean integration effect – "island" solidarity, and the mainland-Russian effect – the formation of a high level of trust.

The author concludes about the formation of a new type of social solidarity formed after the Crimean referendum. The author defines the following features of "island" solidarity: 1) it is based on the principle of brotherhood and the desire to change socially unfair conditions, 2) it is required to implement a policy of social support, 3) it is based on the mobilization of social actions to achieve common interests, 4) it is based on living in a local territory, which unites people in front of emerging threats, 5) it is manifested both in the daily behavior of people and in the field of communications.

The internal Russian effect of the integration processes of the Crimean Peninsula into the Russian space was the level of social trust that arose as a result of the Crimean consensus. Based on these arguments, the author comes to the conclusion that the "input" conditions for the formation of trust in the Crimean integration were formed much earlier than the events of the Crimean Spring: they were based on the desire for rapprochement after the artificially occurred break with Russia due to the collapse of the Soviet single space, then – in the Ukrainian period – they relied on cooperation with

pro-Russian movements, representatives of the political, economic, educational elites of Russia, which allowed through generational transit to form values and meanings associated with Russia and the Russian world. Thus, the trust formed as a result of the events of the Crimean Spring turned out to be a significant systemic factor in the formation of not only integrative practices in recent Russian history, but also contributed to the creation of social capital focused on solving new geopolitical problems and aimed at the Eurasian idea, civilizational proximity with Russia.

9. The author analyzed the assessments of infrastructural changes and social opportunities that occurred in the Republic of Crimea and the city of Sevastopol from March 16, 2014 to the present. These assessments helped to identify factors contributing to or hindering the integration process, among them – the perception of economic problems in the region of residence, the functioning of social elevators, the level of social security, awareness of their place in this state.

Youth assessments of regional problems present on the peninsula showed positive dynamics: the vast majority of students noted the educational, professional and status opportunities that had opened up. However, representatives of Ukrainian youth expressed concern about the insufficient level of social security, which indicates the need for separate information and educational work with this group of young people, as well as the difficulties they have in entering the social, economic and legal Russian space.

The assessments of the infrastructural transformations of the region note the solution of the main systemic problems of the peninsula – the transport and logistics problem through the launch of the Tavrida Highway, the construction of the Crimean Bridge, the opening of a new terminal of the Simferopol International Airport, the overhaul of public roads of the Republic of Crimea and Sevastopol and energy as a result of the construction and launch of the Simferopol and Balaklava TPP.

Among the structural difficulties are the sanctions restrictions, the inability to travel to European countries, the separation from relatives from Ukraine. The obtained estimates of the problems in the cities of the peninsula showed that, first of all, it is necessary to solve social problems: increasing the incomes of the population, the quality

of medical services, providing assistance to pensioners, reducing prices for consumer basket products. And only then did the respondents talk about the infrastructural problems of Crimean cities, and among them the solution of the transport problem inside the peninsula, the issue of garbage disposal, repair of social facilities (schools, hospitals and kindergartens), personnel (there is a certain degree of irritation about the involvement of officials from other Russian regions and the inability to work for representatives of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol).

The given data on the migration readiness of representatives of the Crimean Tatar group to move to Moscow and other Russian regions from Crimea, which is their "indigenous" territory, indicates the transformation of the ethnicity of this national group and the successful positioning of themselves in the system of supranational identity. Most likely, this process will manifest itself more clearly after several generations, when the opened social, economic and educational opportunities will be realized.

Summing up the overall result of the dissertation research, it should be noted that the integration of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol took place not only based on civilizational foundations, but also during the period of artificially created risk society and environmental threats that determined the political and civil choice of people who found themselves in a situation of resource blockades, banking and financial restrictions, existential challenges, military insecurity and environmental risks. It is this state of affairs that for almost a decade has led to the formation of a new situational identity, the shifting of ethnic boundaries between the national groups of the Crimean Peninsula, the creation of a new value-semantic field. It must be clearly understood that these processes cannot be torn out of the communication context with the predominance of manipulative technologies with identity, values, symbols, meanings, collective historical memory, which are aimed at destroying the civilizational, historical, cultural, social foundations of the integration process of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol into Russia.

List of references

1. Regulatory legal acts and other official documents of the Russian Federation

1.1. Federal laws

1. Law of the Republic of Crimea dated December 28, 2016 No. 352 "On the Strategy of Socio-Economic Development of the Republic of Crimea until 2030" (Adopted by the State Council of the Republic of Crimea). URL: <http://crimea.gov.ru/textdoc/ru/7/act/352z.pdf> (accessed: 07.02.2023).

1.2. Decrees and orders of the President of the Russian Federation

2. Decree of the President of the Russian Federation No. 400 dated 02.07.2021 "On the National Security Strategy of the Russian Federation". URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001?index=15&rangeSize=1> (accessed: 07.02.2023).
3. List of instructions based on the results of the meeting with the developers of the concept of a new educational and methodological complex on national history. URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/20147> (accessed: 07.02.2023).

1.3. Other official documents of state authorities of the Russian Federation

4. The concept of a new educational and methodological complex on national history. URL: <https://historyrussia.org/images/documents/konsepsiyafinal.pdf> (accessed: 07.02.2023).
5. Order of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation No. 662 dated July 19, 2022 "On Amendments to Federal State Educational Standards of Higher Education". URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405299743/?ysclid=lf5xq4en5851096095> (accessed: 07.02.2023).
6. Federal target program "Socio-economic development of the Republic of Crimea and Sevastopol until 2020" // Committee of Competition Policy of the Republic of Crimea. URL: http://kkp.rk.gov.ru/rus/file/pub/pub_246328.pdf (accessed: 07.02.2023).

2. Special literature

2.1. Books

7. 5.4.4. Social structure, social institutions and processes. [Electronic resource] URL: <https://www.teacode.com/online/vak/p22-00-04.html> (accessed: 07.02.2023).
8. Alabastrova I.A. Constitutionalism as the legal basis of social solidarity: fundamental principles of constitutionalism, abuse of law and abuse of sovereignty, opposition as the main guarantor of separation

- of powers, social state and solidary society, constitutional internationalism : monograph / I. A. Alabastrova. - Moscow : Prospekt, 2016. - 549 p.; 21 cm.; ISBN 978-5-392-19255-7 : 1000 copies.
9. Alexandrova J., Bogdanova A.V., Vasendina I.S., Goiko V.L., Mityagina E.V., Rogov A.V., Romanova E.V., Yarmak O.V. Posts on autumn count: what big data say about the quality of education in the post-pandemic period / Tomsk State University. - Tomsk: Publishing House of Tomsk State University, 2022. - 40 p.
  10. Aron R. Stages of sociological thought / General ed. and preface by P.S. Gurevich. – M.: Progress – Politika, 1993. – 608 p.
  11. Bazhov S.I. Philosophy of History of N.Y. Danilevsky / S. I. Bazhov; Russian Academy of Sciences, Institute of Philosophy. - Moscow: IFRAN, 1997. - 215 p.; 16 cm.; ISBN 5-201-01922-6 : B. ts.
  12. Beck U. Risk society. On the way to another modern. — M.: Progress-Tradition, 2000.
  13. Beck U. Risk Society: On the way to another modern / Trans. with German V. Sedelnik, N. Fedorova. - M.: Progress-Tradition, 2000. - 383 p. - Trans. ed.: Beck U. Risikogesellschaft. -Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1986.
  14. Beck, Ulrich Risk Society. On the way to another Modern [Text] / Ulrich Beck; translated from German by V. Sedelnik and N. Fedorova. - Moscow : Progress-Tradition, 2000. - 381, [2] p.; 21 cm.; ISBN 5-89826-059-5.
  15. Brzezinski, Zbigniew (1928). The Great Chessboard: [The dominance of America and its geostrategic imperatives: Translated from English] / Zbigniew Brzezinski. - Moscow: Mezhdunar. relations, 1998. - 254,[1] p.: ill., maps; 21 cm. - (The Great Confrontation). - (The Great Confrontation). ISBN 5-7133-0967-3 (In the transl) : B. C.S. 108-109.
  16. Wallerstein I. Analysis of world systems and the situation in the modern world. Translated from the English by P. M. Kudyukin. Under the general editorship of Candidate of Political Sciences B. Y. Kagarlitsky — St. Petersburg: Publishing House "University Book", 2001. — 416 p. ISBN 5-94483-042-5.
  17. Weber M. Selected works: Translated from German/Comp., general ed. and afterword by Yu. N. Davydov; Preface by P. P. Gaidenko. – M.: Progress, 1990. – 808 p. – (Sociologich. the thought of the West). pp. 707-735.
  18. Weber, Max (1864-1920.). Selected works: Translated from German / M. Weber; Comp., general ed. and afterword [pp. 736-769] by Y. N. Davydov; Preface by P. P. Gaidenko [pp. 5-41; Comment by A. F. Filippov]. - Moscow : Progress, 1990. - 804,[1] p.; 21 cm. - (Sociol. the thought of the West.); ISBN 5-01-001584-6 (In trans.). p. 625-629.
  19. Vernadsky, Georgy Vladimirovich. The Outline of Russian History / Georgy Vernadsky. — Moscow: Algorithm, 2018. — 336 p.
  20. Wundt, Wilhelm. Psychology of Peoples / Wilhelm Wundt. - Moscow : EKSMO ; St. Petersburg : Terra fantastica, 2002. - 861, [2] p.; 21 cm. - (Anthology of Thought.); ISBN 5-7921-0559-6
  21. Giddens, E. The organization of society: An essay on the theory of structuration. — M.: Academic Project, 2003. — 528 p. — ("Concepts"). ISBN 5-8291-0232-3.

22. Gubanov, Dmitry Alekseevich. Social networks: models of information influence, management and confrontation [Text] / D. A. Gubanov, D. A. Novikov, A. G. Chkhartishvili ; Russian Academy of Sciences, Institute of Management Problems. - Ed. 3rd, reprint. and add. - Moscow : ICNMO Publishing House, 2018. - 223 p. : ill.; 21 cm.; ISBN 978-5-4439-1302-5 : 1000 copies.
23. Gumilev L. N. Notes of the last Eurasian // Our heritage. 1991. № 3.
24. Danilevsky N. Ya. Russia and Europe. / Compilation and comments by Yu. A. Belov / Ed. O. Platonov. – M.: Institute of Russian Civilization, 2008. — 816 p.
25. Danilevsky N.Ya. Russia and Europe. Moscow: Kniga, 1991. 576 P.
26. Darendorf, Ralph. Modern social conflict. Essays on the politics of freedom / Ralph Darendorf ; Trans. see L.Y. Pantino. - M. : ROSSPEN, 2002 (SUE IPK of the Ulyanovsk region. House of Printing). - 284, [2]p.; 20 cm. - (University Library. Political Science).; ISBN 5-8243-0370-3 (in trans.).
27. Deryugin P.P., Yarmak O.V., Shilyaeva A.S., Kurapov S.V., Strashko E.V., Lebedintseva L.A., Kamyshina E.A., Yarmak V.E. Human capital in the focus of modern sociological discourse // Monograph, Publishing House: Mediapapir LLC, Saint Petersburg, 2020, p. 172. ISBN: 978-5-00110-157-4. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44073661> (accessed: 07.02.2023).
28. Drobizheva L.M. Social problems of interethnic relations in post—Soviet Russia. — M.: Center of Universal Values, 2003. - 376 p.
29. Dugin A.G. The theory of the multipolar world. — M.: Eurasian Movement, 2012. — 532 p., ill..
30. Dugin, A. Eurasian revenge of Russia. 2014, 280 pages. ISBN:978-5-4438-0882-6.
31. Durkheim E. Individual representations and collective representations // Durkheim E. Sociology. Its subject, method, purpose / Translated from the French by A. B. Hoffman. — M.: Canon, 1995b. — pp. 208-243.
32. Ilyin, Ivan Alexandrovich (1882-1954). Collected works [Text] : in 10 volumes / I. A. Ilyin ; comp., intro. art. and comment. Yu. T. Lisitsa. - Moscow : Russian Book, 1993-1999. - 21 cm.; ISBN 5-268-01393-9, vol. 4. p. 276.
33. Ilyin, Ivan Alexandrovich (1883-1954). Theory of law and the State [Text] / I. A. Ilyin ; ed. and with a biogr. essay by V. A. Tomsinov. - Ed. 2nd, add. - Moscow : Zertsalo-M, 2014. - 550 p. - (Russian legal Heritage / Lomonosov Moscow State University, Law Faculty).; ISBN 978-5-94373-275-1.
34. Inglehart, Ronald (1934). Modernization, cultural change and democracy [text] : the sequence of human development / Ronald Inglehart, Christian Welzel ; [Trans. see M. Korobochkin]; Liberal Mission Foundation. -Moscow : New Publishing House, 2011. - 462, [1] p.: ill., table.; 20 cm. - (Library Fund of the Liberal Mission).; ISBN 978-5-98379-144-2.
35. Integration processes in the modern world: economy, politics, security (World development. Issue 2) / Ed. – F.G. Voitlovsky and A.V. Kuznetsov. – M.: IMEMO RAS, 2007. – 220 p..
36. Yerushalmi, Yosef Chaim. Zahor [Text] = Zahar : Jewish History and Jewish Memory / Yosef Chaim Yerushalmi ; [trans. from the English by R. Nudelman]. - Moscow : Bridges of Culture ; Jerusalem : Gesharim, 2004. - 167, [2] p.: ill.; 22 cm. - (Library "Judaica").; ISBN 5-93273-172-9.

37. Castels, M. The power of communication [Text] : textbook. manual / M. Castels ; translated from English by N. M. Tylevich ; edited by A. I. Chernykh ; Nats. research. un-t "Higher School of Economics". — M. : Publishing House of the Higher School of Economics, 2016. — 564 , [4] p. — (Translated textbooks of the Higher School of Economics). — 1000 copies . — ISBN 978-5-7598-1009-4 (in trans.).
38. Castels M. The formation of a society of network structures // The new post-industrial wave in the West. Anthology / Edited by V. L. Inozemtsev. M.: Academia, 1999. 640 p.
39. Keen, J. Democracy and decadence of media [Text] / translated from the English by D. Kralachkin; edited by A. Smirnov; National. research. un-t "Higher School of Economics". — M.: Publishing House of the Higher School of Economics, 2015. — 312 p. — (Political theory). — 1000 copies . — ISBN 978-5-7598-1202-9 (in trans.).
40. Kovalevsky M.M. The doctrine of personal rights. M., Edition of V.M. Sablin 1905 42 p. URL: https://dspace.spbu.ru/bitstream/11701/17913/1/%d0%a3%d1%87%d0%b5%d0%bd%d0%b8%d0%b5%20%d0%be%20%d0%bb%d0%b8%d1%87%d0%bd%d1%8b%d1%85%20%d0%bf%d1%80%d0%b0%d0%b2%d0%b0%d1%85._.pdf (accessed: 07.02.2023).
41. Kropotkin P.A. Mutual aid as a factor of evolution. – M.: "Self-education", 2007. – 240 p.
42. Kropotkin, Peter Alekseevich. Mutual assistance among animals and people as an engine of progress / P. Kropotkin; Translated from the English by V. P. Baturinsky, ed. Revisit again. and add. and with the preface of the author to this ed. - Petersburg; Moscow: Voice of Labor, 1922. - VIII, 342 p.; 23 cm.
43. Le Goff, Jacques (1924). History and memory [Text] / Jacques Le Goff ; [translated from the French by K. Z. Hakobyan]. - Moscow : ROSSPEN, 2013. - 302, [1] p.; 22 cm.; ISBN 978-5-8243-1774-9.
44. Luhmann, Niklas (1927-1998). Social systems. An essay on general theory / Niklas Luhmann; edited by N. A. Golovin; translated from German by I. D. Gaziev. - Saint Petersburg : Nauka, 2007. - 641, [2] p., [1] L. portr.; 22 cm. - (Classics of Sociology (CS)); ISBN 978-5-02-026871-5 (In trans.), p. 362.
45. Marx, K. Capital. Criticism of Political economy / K. Marx; translation, preface by F. Engels. – Vol. 1. – Moscow: Politizdat, 1973. – Vol. 1. Book 1. The process of capital production. - VIII, 907 p., 1 l. portr. – Indexes of names, cited and mentioned lit. rus. trans. of cited books, prem. Decree: pp. 813-900.
46. Marx, K. Capital. Criticism of Political Economy (translation). – M.: Politizdat, 1988. – Vol. 2. Book 2: The process of Capital circulation / ed. ed. and with a preface. F Engels, 1988. – 654 p. – Bibliogr. pp. 597 – 603. The decree of names: pp. 604 – 609. Prem. Decree: pp. 610-650.
47. Marx, K. Capital: Criticism of polit. economy: (Translation). – M.: Politizdat, 1988. – Vol. 3; Book 3: The process of capitalist production, taken as a whole: Part 2 / ed. edited by F. Engels. – 1989. – p. 509 – 1078. – Decree. names, prem.: p. 1021-1076.
48. Maslow, Abraham Harold (1908-1970). Motivation and personality [Text] / Abraham Maslow ; [trans. from the English T. Gutman, N. Mukhina]. - 3rd ed. - Moscow [et al.] : St. Petersburg, 2013. - 351 p.; 24 cm. - (Masters of Psychology); ISBN 978-5-459-00494-7.
49. Interethnic and interreligious harmony in the student environment of Crimea and Sevastopol: monitoring and analysis of the level of development: a collective monograph / Ministry of Science and

- Higher Education of the Russian Federation, Sevastopol State University. University; ed. by O.V. Yarmak. – Sevastopol: SevSU, 2019. – 144 p. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42520704> (accessed: 07.02.2023).
50. Moscovici, Serge. The machine that creates the gods / S. Moscovici ; Institute "Open Society". - Moscow : Center of Psychology and Psychotherapy : KPS+, 1998. - 556 p.; 22 cm. - (Library of Social psychology).
  51. Nora P. Problematics of places of memory of France-memory / P. Nora, M. Ozuf, J. de Puimezh, M. Vinok. - St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University, 1999, pp. 17-50. URL: <http://ec-dejavu.ru/m-2/Memory-Nora.html> (accessed: 07.02.2023).
  52. Orlova I.B. Eurasia // The Sociological encyclopedia: In 2 vols. Vol. 1 /National General-Scientific Fund; Ruk. nauch. project G.Y. Semigin; chief editor V.N. Ivanov. M., Mysl, 2003. p. 302.
  53. Panarin A. S. Political science. Textbook. - M: "Prospect", 1997.- 408 p..
  54. Panarin A. S. Orthodox civilization / Comp., preface V. N. Rastorguev / Ed. O. A. Platonov. – M.: Institute of Russian Civilization, 2014. – 1248 p..
  55. Panarin A.S. The truth of the Iron Curtain. — M.: "Algorithm", 2006. – 636 p..
  56. Panorama of economic thought at the end of the twentieth century: In 2 vols. / Ed.: D. Greenway, M. Blini, I. Stewart; Translated from English. edited by V.S. Autonomov, S.A. Afontsev. - St. Petersburg : Ekon. shk. [et al.], 2002 (GIPP Art of Russia). - 24 cm. - (University Library. Economics); ISBN 5-900428-68-0 (in trans.).
  57. The policy of integration of migrants in Russia: challenges, potential, risks: workbook / [V.I. Mukomel]; [Editor-in-Chief I.S. Ivanov]; Russian Council for International Relations. affairs (RIAC). — M.: Special Book, 2013. — 34 p. — ISBN 978-5-91891-215-7.
  58. The processes of Eurasian integration: socio-political dimension: monograph / edited by G.I. Osadcha. – M.: BIBLIO-GLOBUS, 2018. – 374 p. ISBN 978-5-907063-15-0
  59. Rawls, John. The theory of justice / John Rawls ; scientific ed. V. V. Tselishchev [trans. from the English by V. V. Tselishchev with the participation of V. N. Karpovich and A. A. Shevchenko]. - Novosibirsk : Publishing House of Novosibirsk University, 1995. - 534, [1] p.: ill.; 22 cm.; ISBN 5-7615-0365-4
  60. Savitsky P., Suvchinsky P. Exodus to the East: The Statement of the Eurasians of the Premonition and Fulfillment of the Article by Peter Savitsky, P. Suvchinsky, N. S. Trubetskoy and George Florovsky. - Sofia: Russian-bolg. knigoizd-vo, 1921. - VII, 125 p..
  61. Savitsky P., Suvchinsky P. Exodus to the East. Premonitions and accomplishments. The statement of the Eurasians: Articles. – Sofia: "The Balkans", 1921: On the Ways: The Approval of the Eurasians. Book 2: Articles by P.N. Savitsky, A.V. Kartashev, P.P. Suvchinsky, N.S. Trubetskoy, G.V. Florovsky, P.M. Bicilli / Vol. works by P.F. Chelishchev. - Moscow–Berlin: Helikon, 1922. - 358 p.
  62. Safronova Yu. A. Memory studies: evolution, problematics and institutional development // Methodological issues of studying the politics of memory: Collection of scientific tr. / Ed. Miller A. I., Efremenko D. V. — M.-St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2018. — p. 224

63. Seligman, Adam. The problem of trust / Adam Seligman; Translated from English by I.I. Murberg, L.V. Soboleva. - Moscow: Idea Press, 2002. - 254 p.: portr.; 21 cm. - (Research on Analytical Philosophy) (CEU).; ISBN 5-7333-0051-5.
64. The situation with the quality of education during the pandemic: what big data analysis shows. Tomsk: Publishing House of Tomsk State University, 2021-39 p. The author's team: Yu.K. Alexandrova, A.V. Bogdanova, I.S. Vasendina, V.L. Goiko, A.I. Dzhangarov, E.V. Mityagina, M.G. Myagkov, E.V. Romanova, O.V. Yarmak. ISBN 978-5-907442-37-5.
65. Skvortsov N.G. The problem of ethnicity in social anthropology. St. Petersburg, 1997. p. 183. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22642731&yclid=ldtcj8pe092094495> (accessed: 07.02.2023).
66. Social solidarity and altruism: Sociological tradition and modern interdisciplinary research: Collection of scientific tr. / RAS. INION. The Center of social. scientific.-inform. Research Department of Sociology and Social. psychology; Ed. Efremenko D.V. – M., 2014. - 284 p. – (Ser.: Theory and History of Sociology). ISBN 978-5-248-00716-5.
67. Tishkov V.A. Unity in diversity: publications from the journal "Ethnopanorama" 1999-2011. 2nd ed., reprint. and additional / V. A. Tishkov. – Orenburg: OGAU Publishing Center, 2011. – 232 p..
68. Toynbee A. Civilization before the court of history. M.: Rolf, 2002. 592 p..
69. Toffler, Alvin (1928).The third wave / Alvin Toffler ; [trans. K. Y. Burmistrova et al.]. - Moscow : AST : AST Moscow, cop. 2009 (Arkhangelsk : IPP Pravda Severa). - 795 p.; 21 cm. - (Philosophy).; ISBN 978-5-17-062498-0 (AST)
70. Travina, E.M. Ethnocultural and confessional conflicts in the modern world. Publisher: St. Petersburg: Saint Petersburg University, 2077. p. 256. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19663361&yclid=ldt56x6e1v75747047.pdf> (accessed: 07.02.2023).
71. Wilbur K. W. 36 The Eye of the Spirit: Integral vision for a slightly crazy world / K. Wilber; Translated from the English by V. Samoilov, edited by A. Kiselyov. - Moscow: ACT Publishing House, LLC, etc., 2002.-476, [4] p. — (Texts of transpersonal psychology). ISBN 5-17-014321-4.
72. Fedotova, V. G. Good Society: [monograph] / V. G. Fedotova; Russian Academy of Sciences, Institute of Philosophy. - Moscow : Progress-Tradition, 2005. - 543, [1] p.; 22 cm.; ISBN 5-89826-247-4.
73. Frankl, Victor Emil (1905-1997). A man in search of meaning: [Collection] : Translated from English and German / V. Frankl; General ed. by L. Ya. Gozman, D. A. Leontiev; Introduction by D. A. Leontiev [pp. 5-21]. - Moscow : Progress, 1990. - - 366,[1] p.; 22 cm. - (B-ka abroad. psychology).; ISBN 5-01-001606-0 (In trans.).
74. Fromm, Erich (1900-1980.). Psychoanalysis and ethics: [Collection : Translation] / Erich Fromm; [Introduction by P. S. Gurevich]. - Moscow : Republic, 1993. - 414,[1] p.; 22 cm. - (Library of Ethical Thought).; ISBN 5-250-02353-3 (In the lane) : B. ts.
75. Fukuyama F. Trust: social virtues and the path to prosperity: Translated from English / F. Fukuyama. — M.: LLC "Publishing House ACT": CJSC NPP "Ermak", 2004. — 730, [6] S. — (Philosophy). ISBN 5-17-024084-8

76. Fukuyama, Francis (1952). *Trust: Social Virtues and the Path to Prosperity* / Francis Fukuyama; [trans. from the English D. Pavlova, V. Kiryushchenko, M. Kolopotina]. - Moscow : AST : Ermak, 2004 (Type. publishing house Samar. House of Printing). - 730, [3] p.; 21 cm. - (Philosophy); ISBN 5-17-024084-8 (AST Publishing House")
77. Fukuyama, F. *Strong State: Governance and world order in the XXI century*: [trans. from English] / Francis Fukuyama. — MOSCOW: ACT: ACT MOSCOW: GUARDIAN, 2006.-220, [4] p.— (Philosophy).
78. Halbwachs, Maurice (1877-1945). *The social framework of memory* / Maurice Halbwax ; [translated from fr. and introductory article by Sergey N. Zenkin]. - Moscow : New Publishing House, 2007. - 346 p.; 20 cm. - (A; 006); ISBN 978-5-98379-088-9.
79. Huntington S. *Clash of Civilizations*. Moscow: AST, 2003. 603 p..
80. Huntington, Samuel Phillips (1927). *Clash of Civilizations* / Samuel Huntington ; [Trans. from the English by Yu. Novikov]. - Moscow ; St. Petersburg : AST, 2003 (Type. publishing house Samar. House of Printing). - 603, [2] p. : ill., tab.; 20 cm. - (Philosophy); ISBN 5-17-007923-0 (in trans.).
81. Horney, Karen (1885-1952.). *Neurotic personality of our time; Introspection* / Karen Horney; Translated from the English by V. V. Starovoitov; General ed. [and afterword] by G. V. Burmenskaya. - Moscow : Progress : University, 1993. - 478,[2] p.; 20 cm.; ISBN 5-01-003803-X : B. ts.
82. *The human capital of corporate executives: features, structure, measurement: A collective monograph.* — St. Petersburg: Mediapiar, 2023 – 218 p.
83. Sheryazdanova K.G. *Modern integration processes: textbook. village* / K.G. Sheryazdanova. – Ed. 2nd, add. – Almaty: "Kazakh University", 2016. – 198 p.
84. Shishkov, Yuri Vitalievich. *Formation of the integration complex in Western Europe: trends and contradictions* [Text]. - Moscow : Nauka, 1979. - 343 p. : count.; 21 cm., pp. 13-14.
85. Spengler O. *The Decline of Europe. Essays on the morphology of world history*: In 2 vols. Vol. 2. *World-historical perspectives*. Moscow: Mysl, 1998. p. 424.
86. Sztompka P. *Sh92 Trust is the foundation of society* / Pyotr Shtompka: per. with paul N.V. Morozova. - M.: Logos, 2012. - 440 p. ISBN 978-5-98704-495-7.
87. Elias, Norbert (1897-1990). *About the process of civilization : Sociogenet. and psychogenet. research.* / Norbert Elias; Acad. research. culture. - Moscow ; St. Petersburg : Univ. kn., 2001. - 21 cm. - (University Library. Sociology); ISBN 5-7914-0023-3 (Book of Light).
88. Erickson, Eric Homburger (1902-1994). *Identity: youth and crisis* : Translated from English / General ed. and preface by A.V. Tolstykh. - Moscow : Progress, B. G. (1996). - 340,[2] p.; 21 cm. - (Library of Foreign Psychology); ISBN 5-01-004479-X (In the lane) : B. ts.
89. *Ethnic groups and social boundaries: the social organization of cultural differences* / ed. Frederick Barth ; [trans. from English: Igor Pilshchikov]. - Moscow : New Publishing House, 2006 (Khimki : Type. "Moment"). - 198, [1] p. : ill.; 20 cm. - (New borders); ISBN 5-98379-064-1
90. Yarmak O.V., Shkaiderova T.V., Maranchak A.G., Tsepikova A.S. *The image of Russia in the minds of residents of the Republic of Crimea and Sevastopol // Managing regional conflicts in the conditions of*

digitalization of modern society: methodology and implementation practices/ edited by N.A. Shibanova. – Kazan: Kazan Publishing House. un-ta, 2021. – 669 p., pp. 655-669. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=45596135> (accessed: 07.02.2023).

91. Jaspers, Karl (1883-1969.). The meaning and purpose of history : [Collection : Trans. from it.] / Karl Jaspers; [Introduction by P. P. Gaidenko, pp. 5-26; Comment by V. N. Katasonova]. - 2nd ed. - Moscow : Republic, 1994. - 527,[1] p.; 22 cm. - (Thinkers of the XX century).; ISBN 5-250-02454-8 (In the lane) : B. ts.

2.2. Articles

2.2.1 Articles in Russian

92. Andreev E.M. Modern processes of Eurasian integration: actual problems of research and practical implementation // Socio-humanitarian knowledge. 2015. No. 6.: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-protsessy-evraziyskoy-integratsii-aktualnye-problemy-issledovaniya-i-prakticheskoy-realizatsii> (accessed: 07.02.2023).
93. Auzan, A.A. Social contract and civil society / A.A. Auzan // The world of Russia. - 2005. – No. 3. – p. 3-18., p. 4.
94. Akhiezer, A.S. Specificity of the Russian civilization / A.S. Akhiezer // Civilizations. 2004. - No. 6. - pp.217-242.
95. Bezzubova O.V. Museum and politics of memory // International Journal of Cultural Studies, 2016, No. 3 (24). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/muzey-i-politika-pamyati> (accessed: 07.02.2023).
96. Beck U. Cosmopolitan society and its enemies // Journal of Sociology and Social Anthropology. – St. Petersburg, 2003. – Vol. 6, No. 1. – p. 24-53, p. 35. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kosmopoliticheskoe-obschestvo-i-ego-vragi> (accessed: 07.02.2023).
97. Beck Ulrich. From an industrial society to a risk society. Ulrich Beck. From Industrial Society to the Risk Society // Theory, Culture and Society, February 1992, v.9, No.1, p.97-123. © Theory, Culture and Society Ltd., 1992 Translated by Ph.D. A.D.Kovalev // THESIS, 1994, issue 5. URL: https://igiti.hse.ru/data/421/313/1234/5_2_3Beck.pdf?ysclid=ldqfu55v63463135539 (accessed: 07.02.2023).
98. Belova D.A. Trust as a social factor in the development of the banking system in Russia // Socio-economic problems of innovative development of the Russian economy: Materials of the International Scientific Student. Congress, April 19-28, 2010 / Edited by O.V. Karamova. Part V. M.: Financial University, 2010. pp. 114-117.
99. Burganova I.N. Possibilities of using K. Deutsch's communication approach to the practice of integration construction in the post-Soviet space (on the example of the CIS) // Privolzhsky Scientific Bulletin. 2013. №9 (25). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozmozhnosti-ispolzovaniya-kommunikatsionnogo-podhoda-k-doycha-k-praktike-integratsionnogo-stroitelstva-na-postsovetskom> (accessed: 07.02.2023).
100. Bourdieu P. Distinction: social criticism of judgment, Economic sociology. Volume 6. No. 3. May 2005. pp. 25-48. Translated by M. S. Dobryakova. Scientific editing: V. V. Radaev. // Electronic

- publication: Center for Humanitarian Technologies. — 18.09.2009. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/2601> (accessed: 07.02.2023).
101. Butorina O.V. The concept of regional integration: new approaches // *Cosmopolis*, 2005 autumn. - No. 3 (13). pp.136-145. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25041949&ysclid=la86bx0yx7205064951> (accessed: 07.02.2023).
  102. Bushuev V.V. National-state identity in the modern world and the role of historical politics in its formation (theoretical and methodological analysis) / V. V. Bushuev, V. V. Titov // *Bulletin of the Moscow State Humanitarian University named after M. A. Sholokhov. History and political science.* - 2011. – No. 4. – pp. 77-93.
  103. Valovaya M.D. Russia and Eurasian integration: problems and prospects // *Russia in the new socio-political reality: monitoring challenges and risks.* Moscow, 2013. No. 1. pp. 112-113..
  104. Voronin D.Yu., Kuznetsov P.N., Evstigneev V.P., Yarmak O.V. Agent modeling of the dynamics of consolidation of society when using cybermetry procedures of Internet content // Issue No. 3, 2021 "Society: sociology, psychology, pedagogy" Access mode: <https://elib.pnzgu.ru/files/eb/image/S8PKnX8AOgt2.pdf> (accessed: 07.02.2023).
  105. Voronina T.V. Evolution of theoretical approaches to the analysis of the development of international economic integration // *Space of economics.* 2010. No.3-3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-teoreticheskikh-podhodov-k-analizu-razvitiya-mezhdunarodnoy-ekonomicheskoy-integratsii> (accessed: 07.02.2023).
  106. Wei Chunjie No Eurasianism: global challenges and a new world order in the political philosophy of A.G. Dugin // *World Politics.* 2021. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evraziystvo-globalnye-vyzovy-i-novyy-miroponyadok-v-politicheskoy-filosofii-a-g-dugina> (accessed: 07.02.2023).
  107. Vyazemsky E. E. The historical policy of the state, historical memory and the content of the school course of the history of Russia / E. E. Vyazemsky // *Problems of modern education.* - 2011. – No. 6. – pp. 89-97.
  108. Gubanov D.A., Novikov D.A., Chkhartishvili A.G. Models of influence in social networks // *UBS.* 2009. No. 27. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modeli-vliyaniya-v-sotsialnyh-setyah> (accessed: 07.02.2023).
  109. Gudkov, L.D. "Soviet man" in the sociology of Yuri Levada / L.B. Gudkov // *Social Sciences and modernity.* 2007. - No. 6. - p. 1630.
  110. Deryugin P.P., Kremnev E.V., Yarmak O.V., Strashko E.V., Kamyshina E.A., Bannova O.S. Conversion of human and social capital in corporations: trans-regional studies on the example of Russian, Chinese and European corporations. *Modern oriental studies.* 2021; 3(4): 619-6.
  111. Deryugin P. P., Lebedintseva L. A., Yarmak O. V., Travin R. A. Values and human capital of corporation employees: experience of network diagnostics // *Scientific result. Sociology and Management.* 2020. Vol. 6, No. 4. pp. 10-25. Access mode: doi: 10.18413/2408-9338-2020-6-4-0-1 (accessed 07.02.2023).

112. Deryugin P. P., Kremnev E. V., Yarmak O. V., Shi Yi, Wensin Zheng Network models of business values in the human capital structure of Chinese students // *Scientific Result. Sociology and Management*. 2021. Vol. 7, No. 3. pp. 135-151. Access mode: doi:10.18413/2408-9338-2021-7-3-1-2 (accessed 07.02.2023).
113. Deryugin P.P., Lebedintseva L.A., Yarmak O.V., AND Sh., Kamyshina E.A. Social well-being of the megalopolis population as an integral indicator. *Discourse*. 2020; 6(2):61-79. URL: doi.org/10.32603/2412-8562-2020-6-2-61-79 (accessed: 07.02.2023).
114. Deryugin P. P., Lebedintseva L.A., Yarmak O.V., Chikharev I.A., Yarmak V.E. Sociodynamics of the value of business qualities in the structure of human capital during the period of study at the university: the strategy of sociological diagnostics // *Sociology of Science and Technology*. 2020. Volume 11. No. 4, pp. 140-160 URL: doi: 10.24411/2079-0910-2020-14008 (accessed: 07.02.2023).
115. Deryugin P.P., Yarmak O.V., Serebrov D.M. Polyfunctionality of a modern rural family: theoretical and methodological foundations of research / *Discourse: Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education St. Petersburg State Electrotechnical University LETI named after V.I. Ulyanov (Lenin)*, 2018, No. 1, 110 p., pp. 84-95. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32712681> (accessed: 07.02.2023).
116. Deryugin P.P., Yarmak O.V., Strashko E.V., Kamyshina E.A., Bannova O.S. Human capital in students' value orientations: methodology, methodology and diagnostic results // *Social and humanitarian sciences: theory and practice*, No. 1 (5), 2021, pp. 215-227 eISSN: 2587-9987. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=47498267> (accessed: 07.02.2023).
117. Deryugin P.P., Yarmak O.V., Strashko E.V., Yarmak V.E. Astrakhantseva E.A. The influence of migration processes on the formation of human potential and capital of Sevastopol // *RUSSIAN JOURNAL OF MANAGEMENT*. Vol. 9, No. 2. 2021. pp. 151-155. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46499089> (accessed: 07.02.2023).
118. Drobizheva L. M. 2008. National-civil and ethnic identity: problems of positive compatibility // *Russia is reforming. Yearbook* / Ed. by M. K. Gorshkov. Issue 7. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. pp. 214-228.
119. Drobizheva L.M. National-civil and ethnic identity: problems of positive compatibility. URL: <https://civisbook.ru/files/File/Nacionalno-grajd.pdf> (accessed: 07.02.2023).
120. Drobizheva L.M. 2015. The potential of interethnic harmony: understanding the concept and social practice in Moscow // *Sociological Research*. No. 11. pp. 80-90.
121. Drobizheva L.M. Russian identity: factors of integration and problems of development / L.M. Drobizheva // *Sociological science and social practice*. - 2013. - No. 1. - pp. 74-84.
122. Drobizheva L.M. Social problems of interethnic relations in post—Soviet Russia. - M.: Center for Universal Values, 2003. — 376 p.
123. Drobizheva L. Theoretical problems of studying civic identity and social practice / L. Drobizheva // *Russia and the world: anatomy of modern processes: A collection of articles* / Edited by E. A. Narochitskaya. - M.: International Relations, 2014. - pp. 130-146.

124. Zdravomyslov A.G. Attitude to work and value orientations of the worker's personality / A.G. Zdravomyslov, V.A. Yadov // *Sociology in the USSR: Vol. 2.* Moscow: Mysl, 1965.
125. Ivanov A.V. Theory of social trust: methodological problems of socio-philosophical conceptualization // *Modern problems of science and education.* – 2015. – No. 1-1.; URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=18840> (accessed: 07.02.2023).
126. Karsavin L.P. Phenomenology of revolution // Karsavin L. P. *Philosophy of History.* St. Petersburg, 1993. p. 30.
127. Kachanov Yu.L. The problem of situational and transversal identity of a person as an agent of social relations // *Psychology of self-consciousness.* Samara, 2003. p. 615. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22619041&yclid=ldtcaavjc1116449406> (accessed: 07.02.2023).
128. Kosov G.V., Yarmak O.V., Mirgorod D.A. Reintegration as an integrative reassembly of societies: theoretical understanding / G.V. Kosov, D.A. Mirgorod, O.V. Yarmak // *International Scientific Research Journal.* – 2022. – №12 (126). – URL: <https://research-journal.org/archive/12-126-2022-december/10.23670/IRJ.2022.126.85> . – URL: doi: 10.23670/IRJ.2022.126.85 (accessed: 07.02.2023).
129. Lapin, N.I. About many things and the one in the Russian transformation / N.I. Lapin// *Social sciences and modernity.* 2002. - No. 6. – pp. 28-32.
130. Lepsky V.E. Technologies of controlled chaos – weapons of destruction of subjectivity of development // *Information wars.* 2010. No. 4 (16). pp. 69-78. URL: http://reflexion.ru/Library/Lepsky_2010.pdf (accessed: 07.02.2023).
131. Lukashovich V.A. European consensus in the practice of the European Court of Human Rights: institutional and interpretative aspects // *SKO.* 2009. No. 4 (71). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evropeyskiy-konsensus-v-praktike-evropeyskogo-suda-po-pravam-cheloveka-institutsionalnye-i-interpretativnye-aspekty> (accessed: 07.02.2023).
132. Martin Glen T. Planetary "maturity" and our global social contract // *Century of Globalization.* 2017. №3 (23). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/planetarnaya-zrelost-i-nash-globalnyy-obshchestvennyy-dogovor> (accessed: 07.02.2023).
133. Martin Glen T. Globalization and the constitution of the Earth: key stages in the struggle for human liberation // *The Age of Globalization.* 2015. No. 2, pp. 90-107. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/globalizatsiya-i-konstitutsiya-zemli-klyuchevye-stadii-v-borbe-za-chelovecheskoe-osvobozhdenie> (accessed: 07.02.2023).
134. Martyshev O.V. The idea of a social state and its opponents // *State and law.* 2011. No. 12. p. 12.
135. Miletsky V.P. Reintegration of Crimea into the socio-economic space of Russia in the context of modern political megatrends // *Russia: trends and prospects of development.* 2015. №10-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reintegratsiya-kryma-v-sotsialno-ekonomicheskoe-prostranstvo-rossii-v-kontekste-sovremennyh-politicheskikh-megatrendov> (accessed: 07.02.2023).
136. Mishuchkov A.A. Civilizational perspective of Eurasian integration // *Bulletin of OSU.* 2015. No. 9 (184). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsivilizatsionnaya-perspektiva-evraziyskoy-integratsii> (accessed: 07.02.2023).

137. Nelina L.P. The concept of a unified educational and methodological complex on national history as a stage in the implementation of "Historical policy" in Russia // Scientific Bulletin of the Crimea. 2017. No.1 (6). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-edinogo-uchebno-metodicheskogo-kompleksa-po-otechestvennoy-istorii-kak-etap-realizatsii-istoricheskoy-politiki-v-rossii> (accessed: 07.02.2023).
138. Nelina L. P., Yarmak O. V., Irkhin A. A. The historical component of the state-civil identity of the student youth of the Republic of Crimea and Sevastopol // Scientific notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Cultural studies. Volume 6 (72). No. 1, pp. 116-124. URL: <http://sn-philcultpol.cfuv.ru/wp-content/uploads/2022/03/Nelina-L.-P.-YArmak-O.-V.-Irhin-A.-A..pdf> (accessed: 07.02.2023).
139. Nikitina Y.A. From integration to regionalism: evolution of theories of regional interstate cooperation // MGIMO Bulletin. 2010. No. 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-integratsii-k-regionalizmu-evolyutsiya-teoriy-regionalnogo-mezhgosudarstvennogo-sotrudnichestva> (accessed: 07.02.2023).
140. Nikolaeva E.V. The civilizational identity of Russia in advertising discourse // Culture and civilization. 2015. No. 6. pp. 124-138. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25499671&yclid=ldt6znb4ln183696196> (accessed: 07.02.2023).
141. Nora P. World Celebration of Memory // The inviolable reserve. 2005. No. 2-3 [Electronic resource]. – URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html> (accessed: 07.02.2023).
142. Panarin A.S. (1940-2003.). Strategic instability in the XXI century / Alexander Panarin. - Moscow : Algorithm, 2003 (State Unitary Enterprise Smolny Region. type. named after V.I. Smirnov). - 558, [1] p.; 21 cm.; ISBN 5-9265-0111-3 (in the lane). p. 5.
143. Pantin, V.I., Lapkin, V.V. Political self-determination of Russian society / V.I. Pantin, V.V. Lapkin // Social sciences and modernity. 2006. - No. 4. - pp. 78-87.
144. Pobedinsky I. M. Conceptual foundations of integration processes // Izvestiya RSPU named after A. I. Herzen. 2008. №86. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnye-osnovy-integratsionnyh-protsessov> (accessed: 07.02.2023).
145. Polyushkevich O.A. Social contract as an instrument of consolidation of society // Science of man: humanitarian studies. 2012. No.1 (9). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvennyy-dogovor-kak-instrument-konsolidatsii-obschestva> (accessed: 07.02.2023).
146. Ponomareva E.G., Rudov G.A. Eurasian integration and the civilizational space of Russia // Obozrevatel - Observer. 2013. No. 9 (284). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evraziyskaya-integratsiya-i-tsvilizatsionnoe-prostranstvo-rossii> (accessed: 07.02.2023).
147. Prozorova Y.A. Integrative perspective in civilizational analysis // Petersburg Sociology today. 2013. No. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/integrativnaya-perspektivav-tsvilizatsionnom-analize> (accessed: 07.02.2023).
148. Rotkin N.V. Socio-psychological dimension of modern strategic instability // Medicine. Sociology. Philosophy. Applied research. 2021. No. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-psihologicheskoe-izmerenie-sovremennoy-strategicheskoy-nestabilnosti> (accessed: 07.02.2023).

149. Sivkova, A.A., Lugovskoy, A.M. Problems of reintegration of Crimea into the socio-economic space of Russia from the perspective of optimization of marginal territories // Bulletin of the Educational Consortium. Central Russian University. Series: Humanities, (8), pp. 88-90. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=45837086&ysclid=ldt59j0tv8666260432> (accessed: 07.02.2023).
150. Skatkov A.V., Voronin D.Yu., Yarmak O.V., Kuznetsov P.N., Evstigneev V.P. Evaluation of the dynamics of interethnic harmony when using a set of Markov and semi-Markov models // International Journal of Open Information Technologies. 2021. Vol. 9. No. 2. pp. 59-64. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44683447>; <http://www.injoit.org/index.php/j1/article/view/1072> (accessed: 07.02.2023).
151. Strashko E. V., Yarmak O. V., Deryugin P. P., Yarmak V. E., Astrakhantseva E. A. Factor analysis of investment attractiveness and human capital of regions with world-class scientific and educational centers // Russian Journal of Management. Volume 9. Number 1. pp. 171-175. URL: <https://doi.org/10.29039/2409-6024-2021-9-1-171-175>; <https://riorpub.com/ru/nauka/article/42636/view>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=45623802> (accessed: 07.02.2023).
152. Tikhonova, N.E. Personality, community, power in the Russian socio-cultural model / N.E. Tikhonova // Social sciences and modernity. 2001. - No. 3. - pp. 30-40.
153. Trubetskoy N.S. A look at Russian history not from the West, but from the East // Legacy of Genghis Khan. pp. 223-292.
154. Trubetskoy N.S. About the Turanian element in Russian culture. pp. 351-377; Eurasian Time Book. Berlin, 1923. Book 3; Berlin, 1925. Book 4; Paris, 1927. Book 5. URL: <http://gumilevica.kulichki.net/TNS/tns06.htm> (accessed: 07.02.2023).
155. Usenko E.T. Legal forms of organization of joint productions of the COMECON member countries. M., 1985.
156. Fligstin Neil Fields, power and social skills: a critical analysis of new institutional trends // Economic sociology. 2001. No. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/polya-vlast-i-sotsialnye-navyki-kriticheskij-analiz-novyh-institutsionalnyh-techeniy> (accessed: 07.02.2023).
157. Huntington S., Ajami F., Kishore Mahbubani, Bartley R.L., Liu Binyan, Gene Kirkpatrick, Weeks A.L., J. Peel, Alker H., Afrasiabi K.L. Clash of Civilizations. Prospects of world politics (S. Huntington's concept and its critics) // Afro-Asian world: problems of civilizational analysis. 2004. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stolknovenie-tsvilizatsiy-perspektivy-mirovoy-politiki-kontsepsiya-s-hantingtona-i-ee-kritiki> (accessed: 07.02.2023).
158. Shatilov A.B. "Crimean consensus" of the Russian elite: causes and consequences // Humanities. Bulletin of the Financial University. 2015. №2 (18). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/krymskiy-konsensus-rossiyskoy-elity-prichiny-i-posledstviya> (accessed: 07.02.2023).
159. Shimank U. The sociological diagnosis of the last twenty years: theses on the integration of modern society // Journal of Sociology and Social Anthropology. 2001. Volume IV. No. 2. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17325262&ysclid=ldt2u9xmew499668671> (accessed: 07.02.2023).

160. Shkaiderova T.V., Yarmak O.V., Tsepko A.S., Maranchak A.G. Identity of residents of the Crimean peninsula: is there a change of ethnic borders? // *Modern Science and Innovation*, No. 1 (33), 2021, pp. 114-122. Founders: North Caucasus Federal University ISSN: 2307-910X. URL: doi: 10.37493/2307-910X.2021.1.18; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46501764> (accessed: 07.02.2023).
161. Yumashev Yu.M. (2022). Regional integration and international relations. *Moscow Journal of International Law*, (1), pp. 75-88. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26773853> (accessed: 07.02.2023).
162. Yadov V.A. Social and socio-psychological mechanisms of formation of social identity of a person // *The world of Russia. Sociology. Ethnology*. 1995. №3-4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-i-sotsialno-psihologicheskie-mehanizmy-formirovaniya-sotsialnoy-identichnosti-lichnosti> (accessed: 07.02.2023).
163. Yarmak O.V., Bolshakova M.G., Maranchak A.G. Collective memory of the Great Patriotic War as a network in the understanding of actor-network theory // *MODERN SCIENCE*, No. 7, 2021, pp. 269-271. ISSN: 2414-9918. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46442698> (accessed: 07.02.2023).
164. Yarmak O.V., Bolshakova M.G., Maranchak A.G., Savina Z.S. Actor-network constructions of collective historical memory // *LOGOS ET PRAXIS*, Volume 21, No. 2. 2022, pp. 73-80 ISSN: 2587-9715. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49586259> (accessed: 07.02.2023).
165. Yarmak O.V., Bolshakova M.G., Maranchak A.G., Savina Z.S. Historical memory of youth: how images of the past work in the conditions of confrontation of political elites // *Questions of elitology. Research Electronic Journal www.elitology-journal.com* Volume 3, No. 2. URL: doi: 10.46539/elit.v3i2 (accessed: 07.02.2023).
166. Yarmak O. V., Bolshakova M. G., Savina Z. S. Sevastopol in the construction of collective historical memory: analysis of Runet information flows using big data // *Kant Magazine* No. 2(39) 2021 [pp. 285-292] URL: doi: 10.24923/2222-243X.2021-39.48; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46323747> (accessed: 07.02.2023).
167. Yarmak O. V., Bolshakova M. G., Shkaiderova T. V., Maranchak A. G. Social paradoxes of communication in post-conflict societies // *Bulletin of the Institute of Sociology*. 2021. Volume 12. No. 1. pp. 136-152. URL: doi: 10.19181/vis.2021.12.1.703; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=45609899> (accessed: 07.02.2023).
168. Yarmak O.V., Voronova D.I., Evdokimova D.M., Komar A.G., Cherkess A.A. Vaccine case: social media analytical dimension (the result of the study of Internet audiences in Moscow, St. Petersburg and Sevastopol) // *Paradigms of history and social development [Text] : collection of scientific tr. / M-in education and science Grew. Federation, FGAOU VO "Sevastop. gos. un-t" ; under the general editorship of E. N. Maksimova ; editorial board: In. S. Avdonin [and oth.]. — Issue 2 1 -2 2. — Sevastopol: SevSU, 2021. — 114 p. — ISSN 2500-4190.P. 103-113. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47306777> (accessed: 07.02.2023).*

169. Yarmak O.V., Zharkova T.V., Sarkisov D.G. The use of big data in interdisciplinary research on the macro-region of the Greater Mediterranean//Digital Sociology. 2022. Vol. 5. No. 3. pp. 24-30. Access mode: <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2022-5-3-24-30> (accessed 07.02.2023).
170. Yarmak O.V., Deryugin P.P., Yarmak V.E. Social portrait of a modern student // Discourse. 2019. Vol. 5. No. 4. pp. 53-64. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41211767> (accessed: 07.02.2023).
171. Yarmak O.V., Kanakh A.M., Arkhipenko V.E. The image of Russia in the minds of the youth of Crimea and Sevastopol: results of a sociological study // Discourse: Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education St. Petersburg State Electrotechnical University LETI named after V.I. Ulyanov (Lenin), 2018. No. 6, pp. 71-79. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36795785> (accessed: 07.02.2023).
172. Yarmak O.V., Nelina L.P., Yarmak V.E. Interethnic and interreligious harmony among the Crimean students // Bulletin of the Institute of Sociology. 2019 Volume 10. No. 3. pp. 96-112. URL: doi: 10.19181/vis.2019.30.3.592 (accessed: 07.02.2023).
173. Yarmak O.V., Strashko E.V., Shkaiderova T.V. Reaction to the Covid-19 pandemic in the Internet audience of Moscow, St. Petersburg and Sevastopol (based on media analytical research) // Bulletin of the Institute of Sociology. 2020. Volume 11. No. 11. pp. 121-142. URL: doi: 10.19181/vis.2020.11.3.666 (accessed: 07.02.2023).
174. Yarmak O.V., Tsepikova A.S., Lysenko E.A. Dynamics of the Crimean discourse in German online media: analysis of the influence of the Ukrainian factor // Humanities. Bulletin of the Financial University. Scientific and practical journal. 2021, Volume 11, No. 1, pp. 98-104. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=45642082> (accessed: 07.02.2023).
175. Yarmak O.V., Tsepikova A.S., Lysenko E.A., Kalinskaya, I.L. Information flows of the Crimean and Ukrainian segments of the Internet: content analysis of Facebook and VKontakte messages // Humanities. Bulletin of the Financial University. Scientific and practical journal. 2019, Volume 9, No. 6, pp. 38-44. URL: <http://www.fa.ru/org/div/edition/jgn/Pages/current.aspx> (accessed: 07.02.2023).
176. Yarmak O.V., Tsepikova A.S., Kalinskaya I.L. Ukrainian information flows in the Crimean Internet segment: analysis of online content and media news during 2014-2020 // Izvestiya vuzov. North Caucasus region. Social Sciences, 2020, No. 3, pp. 36-45. URL: doi 10.18522/2687-0770-2020-3-36-44 (accessed: 07.02.2023).

2.2.2. Articles in English

177. Abraham H. Maslow. Toward a Psychology of Being. Litton Education Publishing, 1968 A.Maslow. Psychology of being. M.: "Refl-book" – K.: "Vakler", 1997 K.: PSYLIB, 2003.
178. Arnason J.P. Civilizational Patterns and Civilizing Processes. P. 103–118. 38 Knorr-Cetina K. Introduction: The Micro-Sociological Challenge of Macro-Sociology: Towards a Reconstruction of Social Theory and Methodology // Advances in Social Theory and Methodology / Karin Knorr-Cetina and Aaron Cicourel (eds.). New York: Methuen, 1981. P. 3-47.

179. Ashford Elizabeth and Tim Mulgan, "Contractualism", The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Summer 2018 Edition), Edward N. Zalta (ed.), URL: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2018/entries/contractualism/> (accessed: 07.02.2023).
180. Baehr P. 2008. Caesarism, Charisma and Fate: Historical Sources and Modern Resonances in the Work of Max Weber. New Jersey: Transaction Publishers. 256 p.
181. Barber B. Participatory Democracy. // Encyclopedia of Democracy. Vol. 3. New York, 1995. P.923.
182. Bauman, Z. (1998). On glocalization: Or globalization for some, localization for some others. Thesis Eleven, 54(1), 37-49. URL: doi 10.1177/0725513698054000004 7511 (accessed: 07.02.2023).
183. Berger, P. L. and T. Luckmann (1966), The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge, Garden City, NY: Anchor Books. ISBN 0-385-05898-5; ISBN 0140135480 (h.);ISBN 0713900199 (ib.);ISBN 9780140135480 (h.).
184. Berry, J.W., Poortinga, Y.H., Sigall, M.H., & Dasen, P.R. (2009). Cross-cultural psychology: Research and applications. Kharkiv: Humanitarian Centre ISBN 966-8324-30-7 December 2020 Publisher: Kharkiv: Humanitarian Centre ISBN: 966-8324-30-7. URL: https://www.researchgate.net/publication/347911558_Berry_J_W_Poortinga_Y_H_Segall_M_H_Dasen_P_R_2009_Kross-kulturnaa_psihologia_issledovania_i_prilozenia_Kharkov_Humanitarian_Centre_ISBN_966-8324-30-7 (accessed: 07.02.2023).
185. Borgattia S. P., Everetb M. G. A Graph-theoretic perspective on centrality 2006 // The Web portal Research Gate. URL: https://www.researchgate.net/publication/222405203_A_Graph-Theoretic_Perspective_on_Centrality (accessed: 07.02.2023).
186. Bourdieu, Pierre. Ökonomisches Kapital, kulturelles Kapital, soziales Kaputal, in: Kreckel, Reinhard (ed.) Soziale Ungleichheiten (Soziale Welt, Sonderheft 2). Güttingen: Otto Schwartz & Co., 1983. P. 183–198. Richardson, John (ed.) Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education. — NY, Westport, Conn.: Greenwood Press, 1986. p. 241-258.
187. Broadman, Harry G. 2005. From Disintegration to Reintegration : Eastern Europe and the Former Soviet Union in International Trade. Washington, DC: URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/7511> (accessed: 07.02.2023).
188. Castells, M. (2016) The power of communication [Tekst] : ucheb. posobie / M. Kastel's ; per. s angl. N. M. Tylevich ; pod nauch. red. A. I. Chernyh ; Nac. issled. un-t «Vysshaya shkola ekonomiki». — M. : Izd. dom Vysshej shkoly ekonomiki. — 564 , [4] s. — (Perevodnye uchebniki VShE). — 1000 ekz. — ISBN 978-5-7598-1009-4 (v per.).
189. Charap, Samuel, Alyssa Demus, and Jeremy Shapiro, eds., Getting Out from «InBetween»: Perspectives on the Regional Order in Post-Soviet Europe and Eurasia [Electronic resource] // Santa Monica, CA: RAND Corporation: 2018. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/conf_proceedings/CF300/CF382/RAND_CF382.pdf (accessed: 07.02.2023).
190. Coleman J. S. Grundlagen der Sozialtheorie. Bd. 1. München: Oldenburg, 1991. XVI. 474 S.

191. Coleman J. S. 1990. Foundations of Social Theory. Harvard University Press: Cambridge, MA.
192. Collins R. The Sociology of Philosophies. A Global Theory of Intellectual Change. Harvard: Harvard University Press, 1998; Collins R. Interaction Ritual Chains. Princeton: Princeton University Press, 2004.
193. Cooley Alexander, Spruyt Hendrik Contracting States: Sovereign Transfers in International Relations Paperback – May 10, 2009 // Publisher : Princeton University Press; 0 edition (May 10, 2009) 280 pages ISBN-10 : 0691137242 ISBN-13 : 978-0691137247 URL: <https://press.princeton.edu/books/paperback/9780691137247/contracting-states> (accessed: 07.02.2023).
194. Deputy Secretary Talbott. The End of the Beginning: The Emergence of New Russia // U.S. Department of State Dispatch. August/September, 1997. p. 26.
195. Deriugin, Pavel, Vladimir Glukhikh, Olga Yarmak, Ekaterina Strashko, Elena Kamyshina, y Veronika Yarmak. (2020) 2021. «Evolution of strategies for human capital diagnostics». Revista Inclusiones, enero, 178-97. URL: <http://revistainclusiones.org/gallery/11%20VOL%207%20NUM%20Universidad%20OCT%20DIC%202020%20Rev%20Inc.pdf> (accessed: 07.02.2023).
196. Deutsch K.W. The nerves of government Models of political communication and control. – [2-d print]. – New York: Free press; London: Collier-Macmillan, 1995.
197. Eisenstadt S.N. Introduction: Comparative Studies and Sociological Theory — from Comparative Studies to Civilizational Analysis: Autobiographical Notes // Comparative Civilizations and Multiple Modernities. Brill Academic Pub, 2003. Pages: vol. 1: xii, 488 pp., vol. 2: viii, 564 pp., SBN: 978-90-04-12993-1.
198. Eisenstadt, S. (2000). The Civilizational Dimension in Sociological Analysis. Thesis Eleven. 62. 1-21. 10.1177/0725513600062000002.
199. Erl1 2011: 4 Erl1 A. Travelling Memory // Parallax. — L., 2011. — Vol. 17, No. 4.
200. Escobar P. Globalistan: How the Globalized World Is Dissolving Into Liquid War Publisher : Nimble Books LLC (January 3, 2007). 368 pages.
201. Evolution of strategies for human capital diagnostics. REVISTA GÊNERO E DIREITO REVISTA INCLUSIONES ISSN 0719-4706 VOLUMEN 7 – NÚMERO ESPECIAL – OCTUBRE/DICIEMBRE 2020. / Deriugin, Pavel P. ; Glukhikh, Vladimir A. ; Yarmak, Olga V. ; Strashko, Ekaterina V. ; Kamyshina, Elena A. ; Yarmak, Veronika E. In: Revista inclusiones, Vol. 7, No. Especial, 2020, p. 178-197. ISSN 0719-4706 URL: <https://revistainclusiones.org/gallery/11%20VOL%207%20NUM%20Universidad%20OCT%20DIC%202020%20Rev%20Inc.pdf> (accessed 07.02.2023).
202. Ex-offender Reintegration: Theory and Practice (From After Crime and Punishment: Pathways to Offender Reintegration, P 3-26, 2004, Shadd Maruna and Russ Immarigeon, eds. -- See NCJ-205080 URL: <https://www.ojp.gov/ncjrs/virtual-library/abstracts/ex-offender-reintegration-theory-and-practice-after-crime-and> (accessed: 07.02.2023).
203. Fligstein N., McAdam D.A Theory of fields. – N.Y.: Oxford univ. press, 2012. – 256 p.

204. Funkenstein 1989: 6 Funkenstein A. *Collective Memory and Historical Consciousness // History and Memory*. — Bloomington, 1989. — Vol. 1. No. 1.
205. Giddens A. *Consequences of Modernity*. Stanford University Press, ISBN 1990 0804718911, 9780804718912, P. 186.
206. Glen T. Martin *Millennium Dawn: The Philosophy of Planetary Crisis and Human Liberation*. Institute for Economic Democracy Press, 2005, p. 430.
207. *Global Studies Encyclopedic Dictionary / Ed. by A. N. Chumakov, I. I. Mazour, W. C. Gay*. With a Foreword by Mikhail Gorbachev. Amsterdam; New York, NY : Editions Rodopi B.V., 2014. XI. 3. P. 245-247.
208. Granovetter M. *Networks and Organizations: Structure, Form, and Action*. Harvard Business School. 1992. 217 p.
209. Haas, Ernst B. *The uniting of Europe: political, social and economic forces, 1950-1957 / Ernst B. Haas; foreword by Desmond Dinan ; new introduction by Ernst B. Haas*. 641 p. (Contemporary European politics and society) Originally published : Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1958. URL: <https://www.europarl.europa.eu/100books/file/EN-H-BW-0038-The-uniting-of-Europe.pdf> (accessed: 07.02.2023).
210. Haas, E. B. (1971) «The Study of Regional Integration: Reflections on the Joy and Anguish of Pretheorizing», in L.N. Lindberg and S.A. Scheingold (eds), *European Integration: Theory and Research* (Cambridge, MA: Harvard University Press). P. 4.
211. Haas, Ernst B. and Schmitter, Philippe C. *Economics and Differential Patterns of Political Integration: Projections about Unity in Latin America / Ernst B. Haas and Philippe C. Schmitter // International Political Communities*. — New York: Doubleday, 1966. — PP. 259-299.
212. Haas, Ernst B. *Obsolescence of Regional Integration Theory / Ernst B. Haas // Research Series №25*. — Berkeley: Institute of International Studies, University of California, 1975.
213. Habermas J. *Legitimationsprozesse im Spätkapitalismus*. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1973.
214. Huntington, S. P. (2000). *The clash of civilizations? In Culture and politics* (pp. 99-118). Palgrave Macmillan, New York.
215. Huntington, S.P. (2000). *The Clash of Civilizations? In: Crothers, L., Lockhart, C. (eds) Culture and Politics*. Palgrave Macmillan, New York. URL: doi 10.1007/978-1-349-62397-6_6 (accessed: 07.02.2023).
216. Huysen A. *Escape from Amnesia. The Museum as a Mass Medium // Huysen A. Twilight Memories: Marking Time in a Culture of Amnesia*. NY: Routledge, 1995. P. 13-263.
217. Kanstainer 2002: Kansteiner W. *Finding Meaning in Memory. A Methodological Critique of Collective Memory Studies. // History and Theory*. V. 41, 2002, P. 185.
218. Klein 2000 Klein K. L. *On the Emergence of Memory in Historical Discourse // Representations*. — No. 69, Special Issue: Grounds for Remembering. — Winter, 2000, P. 127-150.
219. Kuikka V. *Influence spreading model used to analyse social networks and detect sub-communities*. 2018 // Springer Web portal. URL:

- <https://computationalsocialnetworks.springeropen.com/articles/10.1186/s40649-018-0060-z> (accessed: 07.02.2023).
220. Latour B. Wir sind nie modern gewesen: Versuch einer symmetrischen Anthropologie. Berlin, 1995: Akademie-Verlag, 1991.
221. Lockwood D. Soziale Integration und Systemintegration (1964) // Theorien des sozialen Wandels / Hrsg. von W. Zapf. Köln; Berlin: Kiepenheuer & Witsch, 1969.
222. Luhmann N. Anspruchsinflation im Krankheitssystem. Eine Stellungnahme aus gesellschaftstheoretischer Sicht // Die Anspruchsspirale / Hrsg. von Ph. Herder-Dorneich, A Schuller. Stuttgart: Kohlhammer, 1983.
223. Luhmann N. Die Gesellschaft der Gesellschaft. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1997, S. 617-618.
224. Luhmann N. Familiarity, Confidence, Trust: Problemes and Alternatives // Trust: Making and Breaking Cooperative Relations/ Ed. By D. Gambetta. Oxford, 1998.
225. Marcos Troyjo. Deglobalization: Chronicle of a Changing World URL: <https://www.huffpost.com/author/marcos-troyjo> (accessed: 07.02.2023).
226. Mann S.R. Chaos Theory in Strategic Thought // Parametes. Autumn 1992. P. 62. Цит. по: M.S.G. Nitzschke. United States Marine Corps Vietnam: A Complex Adaptive Perspective Mann, Steven R. Chaos Theory and Strategic Thought // Parameters (US Army War College Quarterly), Vol. XXII, Autumn 1992, pp. 54-68.
227. Martin, Glen T. Ascent to Freedom: Practical & Philosophical Foundations of Democratic World Law. Publisher: Institute for Economic Democracy Press, 2008.
228. Maruna, S., Immarigeon, R., & LeBel, T. P. (2013). Ex-offender reintegration: Theory and practice. In After crime and punishment (pp. 21-44).
229. McLuhan M. Understanding Media: The Extensions of Man. McGraw-Hill, 1964. 318 p. ISBN 81-14-67535-7.
230. Misztal B. The Sacralization of Memory // European Journal of Social Theory, 2004, Vol. 7(1). P. 67–84.
231. Mitrany, David. The Prospect of Integration: Federal or Functional? / David Mitrany // Journal of Common Market Studies . — 1965. — 4(1). — PP.119-149.
232. Mitrany, David. A Working Peace System / David Mitrany. — London: Royal Institute of International Affairs, 1943.
233. Molle W. 2001. The Economics of European Integration. Theory, Practice, Policy. Aldershot, Ashgate Molle 2001: 4, 18.
234. Nickerson D. W. Is Voting Contagious? Evidence from Two Field Experiments // American Political Science Review. 2008. Vol. 102. P. 49-57.
235. Nikolskaya, A., & Dmitriev, M. (2020). The End of the Crimean Consensus: How Sustainable are the New Trends in Russian Public Opinion?. Russian Politics, 5(3), 354-374.
236. Noelle-Neumann E. The Spiral of Silence. Public Opinion: Our Social Skin. Chicago; L.: University of Chicago Press, 1984.

237. Olga Yarmak, Mariya Bolshakova, Anastasiya Maranchak, Zoya Savina. Sevastopol in the Historical Memory of the Great Patriotic War: Media Space Analysis // *The European Journal of Social & Behavioural Sciences EJSBS* Volume XXX (eISSN: 2301-2218) doi:10.15405/ejsbs.294 URL: https://www.europeanpublisher.com/data/articles/10000/10036/article_10000_10036_pdf_100.pdf; <https://doi.org/10.15405/ejsbs.294> (accessed: 07.02.2023).
238. Olga Yarmak, Tatyana Shkaiderova, Ekaterina Strashko, Maria Bolshakova and Lyudmila Garas. Institution of higher education transformation and society's response to distance learning during the Covid 19 pandemic, *E3S Web of Conferences* 244, 11043 (2021) URL: <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202124411043>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46772398> (accessed: 07.02.2023).
239. P P Deryugin, E V Strashko, O V Yarmak. Scientific and Educational Centers as Factor of Activation of Human Capital in the Regions of Russia: Sociological Monitoring of Activity (Conceptualization of the Plan) // *Proceedings of the International Scientific Conference "Far East Con" (ISCFEC 2020)*. Advances in Economics, Business and Management Research. 17 March 2020. ISBN 978-94-6252-929-8 URL: <https://doi.org/10.2991/aebmr.k.200312.322> (accessed: 07.02.2023).
240. Pedersen, Thomas. Cooperative hegemony: power, ideas and institutions in regional integration / Thomas Pedersen. — *Review of International Studies*. — 2002. — 28. — PP. 677-696.
241. Peter M. Blau *A Theory of Social Integration* // *American Journal of Sociology* Vol. 65, No. 6 (May, 1960), pp. 545-556 (12 pages) Published By: The University of Chicago Press URL: <https://www.jstor.org/stable/2773647> (accessed: 07.02.2023).
242. Polanyi K. *The Great Transformation*. (1944). Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1978.
243. Putnam, Robert D. (1994). *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*. Princeton, New Jersey, USA: Princeton University Press. p. 122. ISBN 978-0-691-07889-2.
244. Rawls, John, 1921– *A theory of justice* / John Rawls. — Rev. ed. p. cm. Includes bibliographical references and index. ISBN 0-674-00077-3 (cloth : alk. paper). — ISBN 0-674-00078-1 (paper : alk. paper).
245. Reese-Schäfer W. Zeitdiagnose als wissenschaftliche Aufgabe // *Berliner Journal für Soziologie*. 1996. Jg. 6., S. 381.
246. *Reglobalization*. Edited by Matthew Louis Bishop and Anthony Payne. Publisher: Routledge; 1st edition (March 12, 2021). Hardcover: 146 pages. ISBN-10: 0367639300 ISBN-13: 978-0367639303.
247. *Reintegration strategies : conceptualizing how return migrants reintegrate* Kuschminder, Katie EUI affiliated. London : Palgrave Macmillan, 2017 URL: doi: 10.1007/978-3-319-55741-0 ISBN: 9783319557410 (accessed: 07.02.2023).
248. Shinkfield A. J., Graffam J. (2009) Community Reintegration of Ex-Prisoners Type and degree of change in variables influencing successful reintegration. *International Journal of Offender Therapy and comparative criminology*, 53(1), 29-42 URL: doi 10.1177/0306624X07309757 (accessed: 07.02.2023).

249. Spinelli A. *The Eurocrats / Altiero Spinelli*. — Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1966.
250. Sztompka. *Trust: A Sociological Theory*. Cambridge: CUP, 1999.
251. Tajfel H. *Social identity & intergroup relations*. Cambridge, Paris. 1982.
252. Tajfel H., Turner J.C. *An integrative theory of intergroup conflict*// W.G. Austin, S Worchel (eds.). *The social psychology of intergroup relations*. Monterrey, Calif., 1979.
253. Tilly Ch., Wallerstein I., Hobsbawm E., Bener a L., Aristide Z. *Global flows of labor and capital: scholarly controversy // International Labor and Working-class History*, 1995, vol. 47 (spring).
254. Turner J. *The experimental social psychology of intergroup behaviour*//*Intergroup Behaviour*/Eds J.Turner, H. Giles/ Oxford, 1981. P. 66-101.
255. Victor Roudometof, *Glocalization: A Critical Introduction*, New York, NY: Routledge, 2016, 188 pp. doi:10.4324/9781315858296 URL: http://www.roudometof.com/docs/review_glocalization_2017.pdf (accessed: 07.02.2023).
256. Wang H., Wang F., Xu K. *Modeling Information Diffusion in Online Social Networks with Partial Differential Equations*. 2020 // Springer Web portal. URL: <https://www.springer.com/gp/book/9783030388508> (accessed: 07.02.2023).
257. *Was treibt die Gesellschaft auseinander?* / Hrsg. von W. Heitmeyer. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1997.
258. *Was halt die Gesellschaft zusammen?* / Hrsg. von W. Heitmeyer. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1997.
259. Zierold 2010 Zierold M. *Memory and Media Cultures // Erll A., Nünning A. (eds.). Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook*. — Berlin — New York, 2010.
260. Zoledowski C. *Dilemmas of a «Solidarity State» // Dilemmas of Polish Transformation*. Warsaw: Elipsa, 2010 P. 76-79.
261. Zygmunt Bauman *On Glocalization: or Globalization for some, Localization for some Others Volume 54, Issue 1*. URL: https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/0725513698054000004_7511 (accessed: 07.02.2023).
262. Willan.; Kuschminder, K. (2017). *Reintegration strategies*. In *Reintegration Strategies* (pp. 29-56). URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-319-55741-0_2 (accessed: 07.02.2023).

3. Internet resources

263. *The city of Sevastopol in figures of 2018: Short stat.col./Krymstat- S., 2018 – 193 p*. URL: [https://crimea.gks.ru/storage/mediabank/%D0%A1%D0%B5%D0%B2%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D1%8C%20%D0%B2%20%D1%86%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%B0%D1%85.2018%20%D1%81%D0%B0%D0%B9%D1%82\(1\).pdf](https://crimea.gks.ru/storage/mediabank/%D0%A1%D0%B5%D0%B2%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D1%8C%20%D0%B2%20%D1%86%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%B0%D1%85.2018%20%D1%81%D0%B0%D0%B9%D1%82(1).pdf) (accessed: 07.02.2023).
264. *The city of Sevastopol in figures of 2019: Short stat.col./Krymstat- S., 2020 - 203 p*. URL: <https://crimea.gks.ru/storage/mediabank/%D0%A1%D0%B5%D0%B2%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D1%8C%20%D0%B2%20%D1%86%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%B0%D1%85.2019%20%D0%B1%D0%B5%D1%81%D0%BF%D0%BB%D0%B0%D1%82%D0%BD%D1%8B%D0%B9%20%D0%B2%D0%B0%D1%80%D0%B8%D0%B0%D0%BD%D1%82%20%D0%98%D0%BD%D0%B3%D0%B0.pdf> (accessed: 07.02.2023).

265. The city of Sevastopol in figures 2020: Short stat.col./Krymstat- S., 2021 – 195 p. URL: <https://crimea.gks.ru/storage/mediabank/584uxos1/%D0%A1%D0%B5%D0%B2%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D1%8C%20%D0%B2%20%D1%86%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%B0%D1%85.2020%20%D0%B1%D0%B5%D1%81%D0%BF%D0%BB%D0%B0%D1%82%D0%BD%D1%8B%D0%B9+.pdf> (accessed: 07.02.2023).
266. The city of Sevastopol in figures of 2021: Short stat.col./Krymstat – S., 2022 -199 p. URL: <https://crimea.gks.ru/folder/27359> (accessed: 07.02.2023).
267. James Goodby, Donald Gross Strategic patience became strategic passivity on December 22, 2010. URL: <https://www.brookings.edu/articles/strategic-patience-has-become-strategic-passivity/> (accessed: 07.02.2023).
268. Report to the Izborsky Club of A. Dugin with the participation of V. Korovin and A. Bovdunov. URL: <https://izborsk-club.ru/2318?ysclid=ldq8ks3lu7876936900> (accessed: 07.02.2023).
269. Mikheev S.A. Post-Soviet space: elites against integration. URL: <http://politcom.ru/3904.html> (accessed: 07.02.2023).
270. Putin V. V. A new integration project for Eurasia - the future that is being born today // Eurasian integration: economics, law, politics. 2011. №10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novyy-integratsionnyy-proekt-dlya-evrazii-budushee-kotoroe-rozhdaetsya-segodnya> (accessed: 07.02.2023).
271. The Republic of Crimea in numbers. 2018: Short stat.col./Krymstat – S., 2019 – 205 p. URL: [https://crimea.gks.ru/storage/mediabank/%D0%9A%D1%80%D1%8B%D0%BC%20%D0%B2%20%D1%86%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%B0%D1%85.2018\(%D1%81%D0%B0%D0%B9%D1%82\)%20%D0%BF%D0%BE%D1%81%D0%BB.%D0%B2%D0%B5%D1%80%D1%81%D0%B8%D1%8F.pdf](https://crimea.gks.ru/storage/mediabank/%D0%9A%D1%80%D1%8B%D0%BC%20%D0%B2%20%D1%86%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%B0%D1%85.2018(%D1%81%D0%B0%D0%B9%D1%82)%20%D0%BF%D0%BE%D1%81%D0%BB.%D0%B2%D0%B5%D1%80%D1%81%D0%B8%D1%8F.pdf) (accessed: 07.02.2023).
272. The Republic of Crimea in numbers. 2020: Short stat.col./Krymstat – S., 2021 – 226 p. URL: <https://crimea.gks.ru/storage/mediabank/owk7CaUm/%D0%A0%D0%B5%D1%81%D0%BF%D1%83%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D0%B0%20%D0%9A%D1%80%D1%8B%D0%BC%20%D0%B2%20%D1%86%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%B0%D1%85.%202020.pdf> (accessed: 07.02.2023).
273. The Republic of Crimea in numbers. 2021: Short stat.col./Krymstat – S., 2021 – 202 p. URL: <https://crimea.gks.ru/storage/mediabank/owk7CaUm/%D0%A0%D0%B5%D1%81%D0%BF%D1%83%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D0%B0%20%D0%9A%D1%80%D1%8B%D0%BC%20%D0%B2%20%D1%86%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%B0%D1%85.%202020.pdf> (accessed: 07.02.2023).
274. RCSPo study on the unacceptability of signing a contract with Ukraine for the supply of electricity if Crimea and Sevastopol are called Ukrainian in it. RCSPo January 28, 2016. URL: https://krym.aif.ru/society/rossiyane_ne_hotyat_videt_krym_ukrainskim_dazhe_na_bumage_vciom?ysclid=lc4xhou18u683671170 (accessed: 07.02.2023).
275. Transcript of Vladimir Putin's speech at the meeting of the Valdai Club. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19243> (accessed: 07.02.2023).

276. The strategic patience of Russia and NATO came to an end on September 27, 2022. URL: <https://inosmi.ru/20220927/nato-256351112.html> (accessed: 07.02.2023).
277. Strobe Talbott. The Cold War began with an Ice battle. Kommersant Power magazine No. 37 dated 14.10.1997, p. 28. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/13834?ysclid=ldsqqg5uwh592577721%20> (accessed: 07.02.2023).
278. Fabian Pfortmuller The role of Strategic Patience in Building Meaningful Communities Jan 24, 2019. URL: <https://medium.com/together-institute/the-role-of-strategic-patience-in-building-meaningful-communities-4a44c3b61176> (accessed: 07.02.2023).
279. Energy blockade of Crimea: how should Russia react? Analytical review December 18, 2015. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/energeticheskaya-blokada-kryma-kak-reagirovat-rossii?ysclid=lc4xhhg7g255504889> (accessed: 07.02.2023).
280. Eric Livni, Tom Cope Strategic Impatience October 23, 2014. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2014/10/23/strategicheskoe-neterpenie?ysclid=lacraikglh882269662> (accessed: 07.02.2023).

4. Dictionaries

281. Abercrombie N. Sociological Dictionary / N. Abercrombie, S. Hill, B.S. Turner; translated from the English by I.G. Yasaveyev, edited by S.A. Yerofeyev. – 2nd ed., reprint. and additional – M.: CJSC "Publishing House "Economics", 2004. – 620 p.
282. A large explanatory dictionary of the Russian language [Text] : A-Z / RAS. In-t lingv. research; Comp., gl. ed. Candidate of Philology S. A. Kuznetsov. - St. Petersburg : Norint, 1998. - 1534 p.; 27 cm.; ISBN 5-7711-0015-3.
283. Philosophical Encyclopedic Dictionary / editor—in—chief: L.F. Ilyichev, P.N. Fedoseev, S.M. Kovalev, V.G. Panov. - M.: Soviet Encyclopedia, 1983. – 840 p..

5. Abstracts and dissertations

284. Kostina E.V. Strobe Talbott and his role in shaping the Russian course of the Clinton administration / Abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Historical Sciences Specialty 07.00.03 - General History Saratov 2008. URL: <https://textarchive.ru/c-2470086-pall.html> [ldsqqg5uwh59257772](https://textarchive.ru/c-2470086-pall.html) (accessed: 07.02.2023)

Appendix A

Questionnaire Interethnic and interreligious consent in the student environment of Crimea and Sevastopol

Questionnaire number		
Date of the interview		
Interview start time	Hours:	Minutes:

The Center for Sociological Research of Sevastopol State University and the research group of Moscow Pedagogical State University conduct a sociological study of students of Crimea and Sevastopol, their ideas about the peculiarities of interethnic and interfaith dialogue on the peninsula. Thank you in advance for agreeing to participate in this study. Before you start answering the questions, we would like to emphasize that there are no right or wrong answers to them. It is important for us to know your personal opinion. You can be completely sure of the complete confidentiality of your answers. They will be used only in a generalized form.

S00. Have you participated in public opinion polls in the last 3 months?

1) yes - end the interview; 2) no.

S01. Are you a citizen of the Russian Federation?

1) yes; 2) no - end the interview;

S02. Can you say, whether you live permanently in Crimea?

1) yes; 2) no - end the interview;

History of Russia

1. Please select from the list of expressions that, in your opinion, most accurately reflect the features of the history of our country (no more than 3 possible answers):

01 - "Since Ivan Kalita, Russia has been consistently and persistently gathering and has reached a size that stuns the imagination of all peoples of the world";

02 - "We have only two loyal allies in the whole world — our army and navy. Everyone else, at the first opportunity, will turn against us themselves";

03 - "Russia is not a country that can be really conquered, that is, occupied; at least, this cannot be done ... by the forces of modern European states ... Such a country can be defeated only by internal weakness and the action of internal strife";

04 - "We must pay tribute to the intelligence and tact of our ancestors... They treated the surrounding peoples as equals, even if unlike them. And thanks to this, they have withstood the age-old struggle, having established as a principle not the extermination of neighbors, but the friendship of peoples";

05 - "It is not Russia that is between East and West. This East and West are on the left and right of Russia";

06 - "I am far from admiring everything I see around me; ... but I swear on my honor that for nothing in the world would I want to change the fatherland or have another history other than the history of our ancestors, such as God gave it to us";

07 - other (write what exactly) _____

2. What do you think can be considered the main achievements of previous generations of Russians? (no more than 3 possible answers)

01 - the national character of Russians;

04 - creating a unique culture;

02 - the huge size of the country's territory;

05 - peace and harmony between peoples;

03 - preservation of the independence of the state;

06 - military power, nuclear shield;

07 - other (write what exactly) _____

3. Do you know how the history of your family is connected with the history of Russia? (one answer)

01 - yes, we have a family archive, and we keep it carefully;

02 - yes, my parents/relatives told me about it in detail;

03 - yes, at one of the classes at the university I completed such a task;

04 - no, I haven't thought about it;

05 - no, this is the first time I have face such a question;

06 - no, my relatives couldn't tell me anything;

07 – no, my family is connected with the history of another country;

08 - other (write what exactly)_____.

4. In your opinion, how should a Russian citizen show his patriotism, love for the Motherland? (no more than 3 possible answers)

01 - trust fellow citizens;
its peoples;

02 - take care of your native language/native languages;

03 - be proud of the victories of our ancestors;

04 - to be involved in a great culture;

05 - protect the weak, strive for justice;

06 – take care and respect the traditions of the country and

07 - have Russian citizenship;

08 - be ready to serve in the army;

09 - do not violate the laws of the country;

10 – other (write what exactly)_____.

5. What iconic places for Russian history and modernity have you managed /would like to visit? (the answer is given for each row and for each column)

5.1. What iconic places for Russian history and modernity have you managed to visit? (the choice of answers is not limited)		5.2. In which iconic places for Russian history and modernity have you failed, but would like to visit? (the choice of answers is not limited)
5.1.1. The place of the baptism of Prince Vladimir on the territory of the Tauric Chersonese in Sevastopol	01	01
5.1.2. Kulikovo field in the Tula region	02	02
5.1.3. Monument-ensemble on Mamayev Kurgan in Volgograd	03	03
5.1.4. Piskarevsky Memorial Cemetery in St. Petersburg	04	04
5.1.5. Memorial complex "35th Coastal Battery" in Sevastopol	05	05
5.1.6. Olympic constructions in Sochi	06	06
5.1.7. Sports infrastructure facilities of the Universiade in Kazan	07	07
5.1.8. Other	08	08

6. Are you eager to learn more about Russia? (the answer is given on each line)

	Yes, I am systematically looking for information	Yes, but I'm not doing it systematically yet, I don't have enough time	Rather no than yes, I have enough knowledge that I get at the university	Rather no than yes, I have enough information from the media and the Internet	No, I know Russia very well	No, I'm not interested in it
6.1. About the history of our country	01	02	03	04	05	06
6.3. About the current period of our country development	01	02	03	04	05	06
6.4. About outstanding Russians living at the present time	01	02	03	04	05	06
6.5. About the cultural heritage of our country (literature, poetry, painting, etc.)	01	02	03	04	05	06
6.6. On the development of contemporary art in Russia	01	02	03	04	05	06
6.7 About geography and travel in our country	01	02	03	04	05	06

6.8. About the inhabitants of various regions, about the numerous peoples of our country	01	02	03	04	05	06
6.9. About other things	01	02	03	04	05	06

7. Do you think that the preservation of the cultural and historical heritage of our country is the responsibility of every citizen of Russia? (one answer)

01 - yes, that's how it should be;

02 - yes, but I don't know what exactly I can do;

03 - it's hard to say, I've never thought about this question;

04 - no, this is the task of state bodies and cultural institutions;

05 - other (write what exactly)_____.

8. Please select the statement you agree with (one answer)

01 - Russia is a country with a long history, whose origins of statehood begin in the IX century;

02 - Russian statehood is connected with the unification of the principalities around Moscow and the activities of Ivan III in the XV-XVI centuries;

03 - Russia is one of the young states formed on the fragments of the USSR in the early 90s of the XX century;

04 - other (write, what exactly)_____.

9. What point of view do you share? (one answer)

01 - from the first steps of its formation, Russia has been multinational;

02 - the multinational nature of Russia is connected with its policy of active expansion of the territory, since the XV century;

03 - the multinational nature of Russia was built during the Soviet period of the country's development, in the twentieth century;

04 - other (write, what exactly)_____.

10. What opinion do you think is true? (one answer)

01 - Russia is a unique civilization of peaceful unification, preservation and development of numerous peoples, a similar situation has developed only in India;

02 - Russia is the same "melting pot" of peoples as, for example, the USA;

03 - Russia is characterized by the same features of creating a multinational state that we observe, for example, in the UK or France;

04 - other (write, what exactly)_____.

Modern Russia

11. How would you define the geopolitical status of modern Russia? (one answer)

01 - Russia is a world power, whose decisions and actions have a global impact on the world;

02 - Russia is the leader of the Eurasian space, the initiator of international integration processes in Eurasia;

03 - Russia is a regional power focused on the post-Soviet space and unable to have a global impact on the world;

04 - other (write, what exactly)_____.

12. How do you assess the cultural, spiritual and moral potential of modern Russia? (one answer)

01 - Russia is a civilization that preserves traditional values and landmarks of world religions;

02 - Russia is a civilization that combines the values and traditions of the West and the East;

03 - Russia is a Westernized civilization focused on the values of Western countries;

04 - other (write, what exactly)_____.

13. In your opinion, does Russia effectively protect its sovereignty (independence and independence)? (one answer)

01 - yes, effectively;   02 - partly effectively;   03 - ineffectively;   04 - other_____.

14. Please express your position on the changes that have taken place in Crimea since March 16, 2014 to the present (the answer is given for each row, 0-5 – preference for approval in the left column, 6-10 – preference for approval in the right column):

14.1.1 There is less order, the level of security has decreased	14.1.1 0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	14.1.2	14.1.2 There is more order, the level of security has increased
14.2.1 The economy of Crimea has become less stable	14.2.1 0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	14.2.2	14.2.2 The economy of Crimea has become more stable
14.3.1 Social infrastructure has become less dynamic	14.3.1 0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	14.3.2	14.3.2 Social infrastructure has started to develop more dynamically
14.4.1 Interethnic and interfaith relations have become more tense and less	14.4.1 0 1 2 3 4 5 6 7 8 9	14.4.2	14.4.2 Interethnic and interfaith relations have become less tense and more

22.4. We are people of our nationality	01	02	03	04
22.5. We are residents of the peninsula	01	02	03	04
22.6. We are men/ We are women	01	02	03	04
22.7 We are people of our standard of living	01	02	03	04
22.8 We are the bearers of the family role	01	02	03	04
22.9 We are people of the same faith	01	02	03	04
22.10 We are people of a common destiny	01	02	03	04
22.11. We are carriers of a certain culture	01	02	03	04
22.12. We are people of the same political views	01	02	03	04
22.13. Other (write what exactly)_____	01	02	03	04

23. What feelings do you feel when you see the state symbols of Russia? Write down which ones _____.

24. Do you know the words of the Russian anthem? (there is one possible answer)

01 - I know and I am happy to perform;

04 - I don't know, but I will definitely learn;

02 - I know, but I'm not used to singing in public;

05 - I don't know and I don't think it's important;

03 - I only know some phrases;

06 - other (write what exactly)_____.

25. Where (geographically) Do you see yourself in the next 5-6 years? (one possible answer):

01 – in the Crimea;

02 – in the capital of Russia;

03 – in any large and economically developed cities of Russia;

04 – abroad; 05 – other (write) _____.

Value preferences

26. How important are the following values to you? (mark on each line, 01 is the least important, 10 is the most important)

26.1. Material security of life	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
26.2. The presence of power	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
26.3. Public recognition	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
26.4. Freedom	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
26.5. Education, self-development, cognition	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
26.6. Interesting job, professional growth	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
26.7. Creative self-realization, art	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
26.8. Happy family life	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
26.9. Love	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
26.10. Having friends	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
26.11. Health	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
26.12. Leisure, entertainment	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
26.13. Happiness of other people, self-sacrifice	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
26.14. Other (write what exactly)_____	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10

27. How important are the following qualities to you? (mark on each line, 1 is the least important, 10 is the most important)

27.1. Firm will	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
27.2. Efficiency in business	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
27.3. Independence	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
27.4. Self-control	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
27.5. Rationalism	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
27.6. Sense of duty	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
27.7. Tolerance, loyalty, sensitivity	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
27.8. Honesty	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
27.9. Responsibility	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10

27.10. Intransigence to shortcomings	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
27.11. Other (write what exactly)	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10

28. What values and meanings, in your opinion, are common among the youth of Crimea, first of all? (there are no more than 3 possible answers)

- 01 - "My personal success is the success of the whole country!";
 02 - "Hurry up to do good to people!";
 03 - "Russia is the space of my personal responsibility!";
 04 - "We are the heirs of the history of a Great country!";
 05 - "The multinational nature of Russia is our competitive advantage!";
 07 - "The foundation of a prosperous society is law and order";
 08 - "Justice and the welfare state are the main tasks of modern society";
 09 - "My freedom ends where the freedom of another person begins";
 10 - Other (write what exactly)_____.

29. Choose from each pair of opposite value judgments the one that you consider the most acceptable (mark on each line, 0-5 – preference of the statement in the left column, 6-10 – preference of the statement in the right column)

29.1.1. When choosing a friend, I focus primarily on the ethnic and (or) religious affiliation of a person	29.1.1. 0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	29.1.2.	29.1.2. When choosing a friend, the ethnic and (or) religious affiliation of a person is not important to me
29.2.1. When choosing a life partner, I focus, first of all, on the ethnic and (or) religious affiliation of a person	29.2.1. 0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	29.2.2.	29.2.2. When choosing a life partner, his (her) ethnic and (or) religious affiliation is not important to me
29.3.1. It is easier for me to justify a bad act or even a crime of a person belonging to the same ethnic and (or) religious group) as me	29.3.1. 0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	29.3.2.	29.3.2. I treat bad deeds and crimes equally regardless of whether they were committed by a person belonging to the same ethnic and (or) religious group) as me or another
29.4.1. Representatives of certain ethnic groups are initially critical of me	29.4.1. 0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	29.4.2.	29.4.2. I have never experienced the unfriendly attitude of people just because I belong to a certain ethnic (religious) group
29.5.1. I am quite wary of people who do not belong to the same ethnic (religious) group as me	29.5.1. 0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	29.5.2.	29.5.2. I treat people equally regardless of their ethnic (religious) affiliation

30. Assessing a person's personality as a whole, what characteristics do you pay attention to first of all? (no more than 3 possible answers):

- 01 - commonality of religious views;
 02 - commonality of political views;
 03 - ethnic origin;
 07 - Other (write what exactly)_____.
- 04 - social status;
 05 - material well-being;
 06 - common interests;

31. From your point of view, who should be the leader of public opinion, form value priorities and an agenda for modern youth? (no more than 3 possible answers):

- 01 – family;
 02 - spiritual/religious institutions;
 03 - political leaders;
- 04 – political parties;
 05 - public organizations;
 06 – mass media;
- 07 – the Internet;
 08 - other _____

32. Do you consider yourself a person with an active lifestyle? (evaluate on a 10-point scale, where 0 is the minimum value of the score, and 10 is the maximum value of the score):

0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10

33. Would you like to participate in the implementation of social projects in your free time? (one possible answer):

- 01 – yes; (moving on to question 34).
 02 - rather yes than no; (moving on to question 34).
 03 - rather no than yes; (moving on to question 35).
 04 – no; (moving on to question 35).
 05 - Other (write what exactly)_____.
 (moving on to question 35).

34. What social and other projects would you like to participate in? (no more than 3 possible answers):

- 01 - participation in the activities of environmental organizations;
 02 - assistance to orphaned children;
 03 - assistance to people with disabilities;
 04 - participation in the activities of political organizations;

05 - helping animals;

06 - participation in the activities of organizations protecting the rights of ethnic minorities;

07 - participation in the activities of religious organizations;

08 - Other (write what exactly)_____.

Interethnic and interfaith peace

35. Please express your attitude to the following statements concerning interethnic and interfaith peace in modern Russia (the answer is given for each column and each row):

	I agree and so it is in reality	I agree, but it is not in reality	I do not agree, but it is in reality	I do not agree and this is not in reality	Other (write what exactly)
35.1 All peoples of Russia have equal rights	01	02	03	04	05
35.2 All the peoples of Russia have a full opportunity to preserve their language, traditions, and culture	01	02	03	04	05
35.3 All the peoples of Russia are free to preserve and develop their religion	01	02	03	04	05
35.4 All the peoples of Russia have the same access to the country's economic resources	01	02	03	04	05
35.5 All the peoples of Russia have the same access to high social and political status	01	02	03	04	05

36. Please express your attitude to the following statements concerning interethnic and interfaith peace in the Crimea (the answer is given for each column and each row):

	I agree and so it is in reality	I agree, but it is not in reality	I do not agree, but it is in reality	I do not agree and this is not in reality	Other (write what exactly)
36.1 All peoples of Crimea have equal rights	01	02	03	04	05
36.2 All the peoples of Crimea have a full opportunity to preserve their language, traditions, and culture	01	02	03	04	05
36.3 All peoples of Crimea are free to preserve and develop their religion	01	02	03	04	05
36.4 All peoples of Crimea have the same access to the country's economic resources	01	02	03	04	05

36.5 All peoples of Crimea have the same access to high social and political status	01	02	03	04	05
---	----	----	----	----	----

37. Do you think that conflicts, clashes, mass demonstrations are possible in your locality for the following reasons (the answer is given for each column and each row):

	Rather possible	Rather impossible	Other (write what exactly) _____
37.1 Stratification into poor and rich	01	02	03
37.2 Interethnic, interethnic differences	01	02	03
37.3 Religious and confessional differences	01	02	03
37.4 Political, ideological differences	01	02	03
37.5 Other (write) _____	01	02	03

38. What do you think unites the peoples of Crimea? (Write what exactly) _____

39. What do you think separates the peoples of Crimea? (Write what exactly) _____

40. In your opinion, is it important in modern Russia to preserve a single language space in which Russian is the language of communication between the numerous peoples of Russia? (one answer)

01 - yes, it is extremely important, this ensures the unity of the country and mutual understanding between the peoples of Russia;

02 - yes, it is extremely important, but subject to the free development of other languages of numerous peoples of Russia;

03 - it's hard to say, I've never thought about this question;

04 - no, the main thing is to provide opportunities for the free development of other languages of numerous peoples of Russia;

05 - other (write, what exactly) _____.

41. Please rate, on a 10-point scale, the policy of maintaining interethnic and interfaith peace in Crimea, in different historical epochs (0 is the minimum value of the score, and 10 is the maximum value of the score; the answer is given on each line):

41.1 The Russian period before 1917	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
41.2. Soviet period	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
41.3 The Ukrainian Period	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
41.4 The Russian period since 2014	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10

42. Please rate, on a 10-point scale, the policy of maintaining interethnic and interfaith peace in Crimea, currently (0 is the minimum value of the score, 10 is the maximum value of the score; the answer is given for each line)

42.1 Policy of the Federal Center	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
42.2 Policy of regional authorities	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
42.3 Municipal government policy	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10

43. Please rate on a 10-point scale the involvement of various civil structures in maintaining interethnic and interfaith peace on the peninsula (0 - no involvement, 10 - maximum level of involvement)

43.1. Civil activists/representatives of public organizations	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
43.2. Public opinion leaders from the ethnic minorities of the peninsula	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
43.3. Religious leaders/figures	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
43.4. Representatives of universities	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
43.5. Mass media	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
43.6. Other (write) _____	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10

44. How serious do you consider the problem of online propaganda of nationalism, radical religious views, and the distribution of other content that violates the law, primarily in the Internet space? (one possible answer)

01 - this worries me, there should not be such content on the global network;

02 - I'm kind of worried, I try to avoid such content and such resources;

03 - I'm kind of worried, but I think it won't affect me and my loved ones.;

04 - it does not bother, since the Internet is a space of freedom, there cannot and should not be restrictions here;

05 - other (write what exactly) _____.

45. How do you feel about state control/Internet corporations over Internet content? Is it necessary, in your opinion, to regulate the content of communication in the global network? (One possible answer)

01 - positively, it is necessary to regulate Internet communication;

02 - more positive than negative;

03 - neutral, didn't think about it;

04 - more negative than positive;

05 - negatively, it is possible to regulate Internet communication only in exceptional cases;

06 - other (write what exactly) _____.

46. What events listed in the table did you participate in? (the answer is given on each line)

	Yes, and this is an experience gained primarily through the efforts of my parents/relatives	Yes, and this is an experience gained, first of all, thanks to the efforts of my teachers	Yes, and this is an experience gained, first of all, thanks to the efforts of my friends	No, I don't know anything about such events	No, I don't have free time for this	No, I don't think I need that kind of experience.
46.1. Participation in volunteer activities	01	02	03	04	05	06
46.2. Participation in charitable activities	01	02	03	04	05	06
46.3. Participation in environmental actions	01	02	03	04	05	06
46.4. Participation in memorial events related to Russia's military past	01	02	03	04	05	06
46.5. Participation in excursions to a landmark places for the history and modernity of Russia	01	02	03	04	05	06
46.6. Participation in meetings with war veterans, heroes, outstanding people of Russia	01	02	03	04	05	06
46.7. Participation in profile shifts, meetings, festivals of school assets	01	02	03	04	05	06
46.8. Participation in events related to the maintenance of peace and harmony between the peoples of Russia	01	02	03	04	05	06
46.9. Participation in events dedicated to the reunification of Russia and Crimea	01	02	03	04	05	06

A few questions about yourself

47. Age (full years) _____

48. Gender 01 – female; 02 - male

49. Educational institution (write the name) _____

50. The direction of training (write the name) _____

51. Do you have any experience of living or traveling in the continental part of Russia? (one answer)

01 - yes, I regularly travel to the continental part of Russia;

02 - yes, once a year I definitely go to the continental part of Russia;

03 - yes, it was a few years ago;

04 - no, there are no possibilities;

05 - no, there is no desire;

06 - other

(write) _____

52. You consider yourself:

01 – the Crimean Tatar; 02 – the Russian; 03 – Ukrainian;

04 – другое _____

53. In what language do you mainly communicate at home with family and friends? (one possible answer)

01 - Crimean Tatar; 02 - Russian; 03 - Ukrainian; 04 - other _____

54. Locality/place of residence _____

55. Income level per family member per month:

01 - less than 5,000 rubles.; 02 – from 5,000 to 10,000 rubles.; 03 – from 10,000 to 15,000 rubles.;

04 – more than 15,000 rubles.;

05 - other write what exactly) _____

56. What social networks do you use? _____

57. Email/Phone/Social network account _____

THANK YOU FOR PARTICIPATING IN THE SURVEY!

Appendix B

The obtained data of research waves, 2017 and 2018.

Please choose from the list of expressions that, in your opinion, most accurately reflect the features of the history of our country (no more than 3 possible answers) (in % of the number of respondents)		
	2017	2018
"Since Ivan Kalita, Russia has been consistently and persistently gathering and has reached a size that shocks the imagination of all peoples of the world"	21,5	21,4
"We have only two loyal allies in the whole world — our army and navy. Everyone else, at the first opportunity, will turn against us themselves."	34,6	33,2
"Russia is not a country that can really be conquered, i.e. occupied; at least, this cannot be done... by the forces of modern European states... Such a country can be defeated only by internal weakness and the action of internal strife"	52,1	50,8
"We must pay tribute to the intelligence and tact of our ancestors... They treated the surrounding peoples as equals, even if unlike them. And thanks to this, they have withstood the age-old struggle, having established as a principle not the extermination of neighbors, but the friendship of peoples."	38,1	36,9
"It is not Russia that is between East and West. This East and West are on the left and right of Russia"	19,8	23,7
"I am far from admiring everything I see around me;... but I swear on my honor that for nothing in the world would I want to change the fatherland or have another history other than the history of our ancestors, such as God gave it to us."	29,9	25,8
Other	0,7	2,6

What do you think can be considered the main achievements of previous generations of Russians? (no more than 3 possible answers) (in % of the number of respondents)		
	2017	2018
the national character of Russians	33,1	30,6
the huge size of the country's territory	52,6	50,7
preservation of the independence of the state	46,4	38,8
creating a unique culture	34,4	39,3
peace and harmony between peoples	27,4	29,5

military power, nuclear shield	37,1	38,3
other	0,3	1,0

Do you know how the history of your family is connected with the history of Russia?
(one answer option) (in % of the number of respondents)

	2017	2018
yes, we have a family archive, and we keep it carefully	7,8	7,5
yes, my parents/relatives told me about it in detail	43,3	42,0
yes, at one of the classes at the university I completed such a task	6,6	6,6
no, I haven't thought about it	15,2	20,3
no, this is the first time I have come across such a question	10,0	7,2
no, my relatives couldn't tell me anything	6,8	4,8
no, my family is connected with the history of another country	9,7	10,5
other	0,4	0,9

In your opinion, how should a Russian citizen show his patriotism, love for the Motherland?
(no more than 3 possible answers) (in % of the number of respondents)

	2017	2018
trust fellow citizens	10,4	7,9
take care of your native language/native languages	51,2	48,3
be proud of the victories of our ancestors	35,9	37,3
to be involved in a great culture	21,6	19,2
protect the weak, strive for justice	32,1	29,6
take care and respect the traditions of the country and its peoples	58,2	60,9
have Russian citizenship	1,3	4,1
be ready to serve in the army	8,9	12,8
do not violate the laws of the country	37,2	30,0
other	1,1	2,1

What iconic places for Russian history and modernity have you managed to visit? (the choice of answers is not limited) (in % of the number of respondents)

	2017	2018
The place of the baptism of Prince Vladimir on the territory of the Tauric Chersonese in Sevastopol	78,8	66,6
Kulikovo field in the Tula region	6,5	6,8

Monument-ensemble on Mamayev Kurgan in Volgograd	5,1	7,1
Piskarevsky Memorial Cemetery in St. Petersburg	9,3	13,5
Memorial complex "35th Coastal Battery" in Sevastopol	84,4	81,7
Olympic constructions in Sochi	16,9	21,6
Sports infrastructure facilities of the Universiade in Kazan	4,0	7,9
Other	16,3	16,3

What iconic places for Russian history and modernity have you failed to visit, but would like to visit? (the choice of answers is not limited) (in % of the number of respondents)		
	2017	2018
The place of the baptism of Prince Vladimir on the territory of the Tauric Chersonese in Sevastopol	12,9	22,8
Kulikovo field in the Tula region	67,0	59,3
Monument-ensemble on Mamayev Kurgan in Volgograd	54,4	53,4
Piskarevsky Memorial Cemetery in St. Petersburg	59,7	56,7
Memorial complex "35th Coastal Battery" in Sevastopol	12,5	15,8
Olympic constructions in Sochi	52,9	57,7
Sports infrastructure facilities of the Universiade in Kazan	52,6	51,9
Other	15,8	16,1

Are you eager to learn more about the history of our country? (in % of the number of respondents)		
	2017	2018
Yes, I am systematically looking for information	24,8	22,4
Yes, but until they do it systematically, there is not enough time	37,3	38,9
Rather no than yes, I have enough knowledge that I get at the university	26,1	22,9
Rather no than yes, I have enough information from the media and the Internet	8,2	8,1
No, I know Russia very well	2,2	2,5
No, I'm not interested	1,1	4,8

Are you eager to learn more about the current period of development of our country? (in % of the number of respondents)		
	2017 г.	2018 г.
Yes, I am systematically looking for information	19,8	22,6
Yes, but until they do it systematically, there is not enough time	29,9	32,6
Rather no than yes, I have enough knowledge that I get at the university	27,1	21,4
Rather no than yes, I have enough information from the media and the Internet	17,5	15,8
No, I know Russia very well	1,5	1,5
No, I'm not interested	4,0	5,8

Are you eager to learn more about the outstanding Russians who glorified Russia in the past? (in % of the number of respondents)		
	2017	2018
Yes, I am systematically looking for information	18,9	19,0
Yes, but until they do it systematically, there is not enough time	30,2	29,7
Rather no than yes, I have enough knowledge that I get at the university	26,1	27,6
Rather no than yes, I have enough information from the media and the Internet	18,6	13,1
No, I know Russia very well	3,5	2,1
No, I'm not interested	2,5	8,3

Are you eager to learn more about the outstanding Russians currently living? (in % of the number of respondents)		
	2017	2018
Yes, I am systematically looking for information	12,0	14,2
Yes, but until they do it systematically, there is not enough time	19,3	24,0
Rather no than yes, I have enough knowledge that I get at the university	22,0	21,1
Rather no than yes, I have enough information from the media and the Internet	38,8	28,9
No, I know Russia very well	2,8	1,7
No, I'm not interested	4,8	9,9

Do you want to learn more about the cultural heritage of our country (literature, poetry, painting, etc.)? (in % of the number of respondents)		
	2017	2018
Yes, I am systematically looking for information	23,0	26,2

Yes, but until they do it systematically, there is not enough time	26,7	31,5
Rather no than yes, I have enough knowledge that I get at the university	26,1	22,3
Rather no than yes, I have enough information from the media and the Internet	14,1	10,3
No, I know Russia very well	4,3	3,6
No, I'm not interested	5,6	5,9

Are you eager to learn more about the development of contemporary art in Russia? (in % of the number of respondents)		
	2017	2018
Yes, I am systematically looking for information	8,0	16,5
Yes, but until they do it systematically, there is not enough time	28,4	27,7
Rather no than yes, I have enough knowledge that I get at the university	13,2	14,1
Rather no than yes, I have enough information from the media and the Internet	20,0	20,0
No, I know Russia very well	1,5	2,0
No, I'm not interested	28,7	19,5

Do you want to learn more about geography and travel in our country? (in % of the number of respondents)		
	2017	2018
Yes, I am systematically looking for information	21,5	21,4
Yes, but until they do it systematically, there is not enough time	32,6	33,1
Rather no than yes, I have enough knowledge that I get at the university	16,6	16,7
Rather no than yes, I have enough information from the media and the Internet	20,2	16,4
No, I know Russia very well	1,4	2,1
No, I'm not interested	7,4	10,1

Are you eager to learn more about the inhabitants of various regions, about the numerous peoples of our country? (in % of the number of respondents)		
	2017	2018
Yes, I am systematically looking for information	8,2	12,5
Yes, but until they do it systematically, there is not enough time	21,5	24,1

Rather no than yes, I have enough knowledge that I get at the university	24,7	20,7
Rather no than yes, I have enough information from the media and the Internet	22,1	22,9
No, I know Russia very well	2,0	2,5
No, I'm not interested	21,2	17,1

Are you eager to learn more about the other? (in % of the number of respondents)		
	2017	2018
Yes, I am systematically looking for information	33,8	34,3
Yes, but until they do it systematically, there is not enough time	11,4	11,7
Rather no than yes, I have enough knowledge that I get at the university	10,0	13,5
Rather no than yes, I have enough information from the media and the Internet	16,9	18,1
No, I know Russia very well	4,0	0,3
No, I'm not interested	23,6	21,8

Do you think that the preservation of the cultural and historical heritage of our country is the responsibility of every citizen of Russia? (one answer option) (in % of the number of respondents)		
	2017	2018
yes, that's how it should be	67,0	60,3
yes, but I don't know what exactly I can do	23,5	22,4
it's hard to say, I've never thought about this question	7,0	12,0
no, this is the task of state bodies and cultural institutions	2,3	4,4
other	0,0	0,7

Please select the statement you agree with (one answer option) (in % of the number of respondents)		
	2017	2018
Russia is a country with a long history, whose origins of statehood begin in the IX century	52,7	55,0
Russian statehood is connected with the unification of the principalities around Moscow and the activities of Ivan III in the XV-XVI centuries.	31,6	28,2
Russia is one of the young states formed on the fragments of the USSR in the early 90s of the XX century.	14,6	15,0
other	0,9	1,5

What point of view do you share? (one answer option) (in % of the number of respondents)		
	2017	2018
from the first steps of its formation, Russia has been multinational	24,3	31,0
the multinational nature of Russia is connected with its policy of active expansion of the territory, since the XV century	60,7	53,2
the multinational nature of Russia was built during the Soviet period of the country's development, in the twentieth century	14,8	14,2
other	0,0	1,4

What opinion do you think is true? (one answer option) (in % of the number of respondents)		
	2017	2018
Russia is a unique civilization of peaceful unification, preservation and development of numerous peoples, a similar situation has developed only in India	54,6	46,7
Russia is the same "melting pot" of peoples as, for example, the USA	19,7	23,7
Russia is characterized by the same features of creating a multinational state that we observe, for example, in the UK or France	22,6	25,4
other	3,1	4,1

How would you define the geopolitical status of modern Russia? (one answer option) (in % of the number of respondents)		
	2017	2018
Russia is a world power, whose decisions and actions have a global impact on the world	66,8	61,6
Russia is the leader of the Eurasian space, the initiator of international integration processes in Eurasia	20,2	19,7
Russia is a regional power focused on the post-Soviet space and unable to have a global impact on the world	12,9	17,3
other	0,0	1,2

How do you assess the cultural, spiritual and moral potential of modern Russia? (one answer option) (in % of the number of respondents)		
	2017	2018

Russia is a civilization that preserves traditional values and landmarks of world religions	50,3	54,7
Russia is a civilization that combines the values and traditions of the West and the East	41,6	33,0
Russia is a Westernized civilization focused on the values of Western countries	6,9	9,8
other	1,1	2,4

In your opinion, does Russia effectively protect its sovereignty (independence and independence)? (one answer option) (in % of the number of respondents)		
	2017	2018
yes, effectively	50,3	47,6
partly effectively	45,3	46,7
ineffectively	2,5	4,8
other	1,7	0,7

Please express your position on the changes that have taken place in Crimea since March 16, 2014 to the present (the answer is given on each line, 0-5 – preference for approval in the left column, 6-10 – preference for approval in the right column) (in % of the number of respondents)		
	2017	2018
There is less order, the level of security has decreased	3,15	4,4
1	4,1	2,4
2	2,2	4,0
3	6,5	6,7
4	3,1	5,8
5	8,6	12,2
6	18,0	17,7
7	18,2	15,8
8	15,1	15,6
9	10,7	7,9
There is more order, the level of security has increased	9,9	6,9

Please express your position on the changes that have taken place in Crimea since March 16, 2014 to the present (the answer is given on each line, 0-5 – preference for approval in the left column, 6-10 – preference for approval in the right column) (in % of the number of respondents)		
--	--	--

	2017	2018
The economy of Crimea has become less stable	2,7	4,4
1	7,4	4,2
2	9,4	7,3
3	6,7	9,7
4	8,9	11,5
5	24,6	20,9
6	15,6	16
7	7,3	9,0
8	6,2	8,6
9	6,1	4,7
The economy of Crimea has become more stable	4,7	3,2

Please express your position on the changes that have taken place in Crimea since March 16, 2014 to the present
(the answer is given on each line, 0-5 – preference for approval in the left column, 6-10 – preference for approval in the right column)
(in % of the number of respondents)

	2017	2018
Social infrastructure has become less dynamic	1,4	2,9
1	3,9	3,1
2	4,7	5,3
3	2,8	4,3
4	3,9	6,2
5	18,6	16,2
6	21,6	18,1
7	14,0	14,5
8	13,1	16,1
9	10,8	8,4
Social infrastructure has started to develop more dynamically	4,7	4,4

Please express your position on the changes that have taken place in Crimea since March 16, 2014 to the present
(the answer is given on each line, 0-5 – preference for approval in the left column, 6-10 – preference for approval in the right column)
(in % of the number of respondents)

	2017	2018
Interethnic and interfaith relations have become more tense and less harmonious	0,8	3,9
1	5,0	5,0
2	11,9	8,4

3	6,5	7,2
4	14,5	12,1
5	23,5	22,2
6	9,3	14,4
7	9,8	8,8
8	7,8	8,8
9	5,6	4,3
Interethnic and interfaith relations have become less tense and more harmonious	4,9	4,5

Please express your position on the changes that have taken place in Crimea since March 16, 2014 to the present
(the answer is given on each line, 0-5 – preference for approval in the left column, 6-10 – preference for approval in the right column)
(in % of the number of respondents)

	2017	2018
Other	21,0	18,4
1	0,0	5,4
2	15,8	4,3
3	21,0	11,9
4	5,2	4,3
5	10,5	22,8
6	5,2	4,3
7	15,8	9,7
8	5,2	7,6
9	0,0	3,2
Other	0,0	7,6

Please express your position on the changes that have taken place in Crimea since March 16, 2014 to the present
(the answer is given on each line, 0-5 – preference for approval in the left column, 6-10 – preference for approval in the right column)
(in % of the number of respondents)

	2017	2018
There are fewer opportunities for admission to Russian universities across the country	0,5	2,2
1	1,4	2,1
2	3,9	2,7
3	2,1	4,3
4	5,0	5,5
5	7,3	8,4
6	7,8	9,8
7	13,1	11,6
8	15,3	14,4
9	19,8	17,6

The opportunities for admission to Russian universities across the country have expanded	23,4	21,1
--	------	------

Please express your position on the changes that have taken place in Crimea since March 16, 2014 to the present
(the answer is given on each line, 0-5 – preference for approval in the left column, 6-10 – preference for approval in the right column)
(in % of the number of respondents)

	2017	2018
The quality of the educational process has decreased	0,5	1,8
1	1,6	2,3
2	3,4	3,1
3	3,4	5,4
4	7,1	7,0
5	21,1	16,5
6	16,8	14,5
7	16,3	15,0
8	11,4	14,3
9	9,2	11,4
The quality of the educational process has improved	8,9	8,2

Please express your position on the changes that have taken place in Crimea since March 16, 2014 to the present
(the answer is given on each line, 0-5 – preference for approval in the left column, 6-10 – preference for approval in the right column)
(in % of the number of respondents)

	2017	2018
The social security of students has decreased	3,5	3,8
1	5,2	5,3
2	6,3	3,1
3	9,2	8,3
4	6,4	7,3
5	16,0	17,1
6	16,9	14,3
7	14,8	14,3
8	10,8	13,1
9	5,2	8,3
The social security of students has increased	5,1	4,6

Please express your position on the changes that have taken place in Crimea since March 16, 2014 to the present
(the answer is given on each line, 0-5 – preference for approval in the left column, 6-10 – preference for approval in the right column)
(in % of the number of respondents)

	2017	2018
--	------	------

Other	7,1	5,7
1	2,3	1,4
2	9,5	5,7
3	0,0	5,7
4	23,8	18,5
5	40,4	28,5
6	2,3	10
7	2,3	2,8
8	4,7	7,1
9	7,7	4,2
Other	2,3	10,0

What are the priorities facing Crimea today? (no more than 3 possible answers) (in % of the number of respondents)		
	2017	2018
solving infrastructure problems	61,7	54,2
improving the standard of living of the population	73,0	72,6
attracting investments	39,1	34,2
business development	26,7	25,7
prevention of interethnic conflicts	22,7	33,6
solving problems of transport communication with the mainland	59,8	47,8
other	1,5	1,7

Choose from the groups listed below that are closest to you in spirit (no more than 3 possible answers) (in % of the number of respondents)		
	2017	2018
We are citizens of the Russian Federation	43,6	48,3
We are residents of our city/village	18,1	19,9
We are the people of our generation	40,6	39,4
We are people of our nationality	6,0	9,7
We are residents of the peninsula	36,3	40,3
We are men/ We are women	12,0	13,3
We are people of our standard of living	7,2	8,0
We are the bearers of the family role	4,8	6,5
We are people of the same faith	7,3	10,5
We are people of a common destiny	15,8	11,4

We are carriers of a certain culture	37,6	29,3
We are people of the same political views	7,7	6,5
other	2,9	1,4

To what extent are you proud of belonging to the following groups? (the answer is given for each column and for each row) (in % of the number of respondents)		
We are citizens of the Russian Federation		
	2017	2018
I am proud of my affiliation, I feel that the representatives of my group are better than others	47,5	48,2
I feel like I belong, but I'm not proud of it	33,2	35,1
I don't feel like I belong	12,8	12,4
Other	6,4	4,1

To what extent are you proud of belonging to the following groups? (the answer is given for each column and for each row) (in % of the number of respondents)		
We are residents of our city/village		
	2017	2018
I am proud of my affiliation, I feel that the representatives of my group are better than others	39,4	43,3
I feel like I belong, but I'm not proud of it	42,4	42,4
I don't feel like I belong	14,1	11,9
Other	4,0	2,3

To what extent are you proud of belonging to the following groups? (the answer is given for each column and for each row) (in % of the number of respondents)		
We are the people of our generation		
	2017	2018
I am proud of my affiliation, I feel that the representatives of my group are better than others	28,9	42,2
I feel like I belong, but I'm not proud of it	47,5	43,7
I don't feel like I belong	18,6	10,6
Other	4,9	3,3

To what extent are you proud of belonging to the following groups? (the answer is given for each column and for each row) (in % of the number of respondents)		
We are people of our nationality		
	2017	2018
I am proud of my affiliation, I feel that the representatives of my group are better than others	36,7	47,5
I feel like I belong, but I'm not proud of it	45,2	37,6
I don't feel like I belong	15,5	12,7
Other	2,4	2,2

To what extent are you proud of belonging to the following groups? (the answer is given for each column and for each row) (in % of the number of respondents)		
We are residents of the peninsula		
	2017	2018
I am proud of my affiliation, I feel that the representatives of my group are better than others	47,5	52,9
I feel like I belong, but I'm not proud of it	30,9	34
I don't feel like I belong	15,2	9,2
Other	6,4	3,7

To what extent are you proud of belonging to the following groups? (the answer is given for each column and for each row) (in % of the number of respondents)		
We are men/ We are women		
	2017	2018
I am proud of my affiliation, I feel that the representatives of my group are better than others	37,1	47,1
I feel like I belong, but I'm not proud of it	52,1	42,8
I don't feel like I belong	7,2	6,8
Other	3,5	3,2

To what extent are you proud of belonging to the following groups? (the answer is given for each column and for each row) (in % of the number of respondents)		
We are people of our standard of living		
	2017	2018
I am proud of my affiliation, I feel that the representatives of my group are better than others	16,8	22,8

I feel like I belong, but I'm not proud of it	45,6	52,1
I don't feel like I belong	32,9	21,1
Other	4,5	3,9

To what extent are you proud of belonging to the following groups? (the answer is given for each column and for each row) (in % of the number of respondents)		
We are the bearers of the family role		
	2017	2018
I am proud of my affiliation, I feel that the representatives of my group are better than others	32,3	41,4
I feel like I belong, but I'm not proud of it	38,1	36,2
I don't feel like I belong	26,3	19,8
Other	3,1	2,4

To what extent are you proud of belonging to the following groups? (the answer is given for each column and for each row) (in % of the number of respondents)		
We are people of the same faith		
	2017	2018
I am proud of my affiliation, I feel that the representatives of my group are better than others	19,6	29,3
I feel like I belong, but I'm not proud of it	34,6	34,9
I don't feel like I belong	40,9	31,0
Other	4,9	4,7

To what extent are you proud of belonging to the following groups? (the answer is given for each column and for each row) (in % of the number of respondents)		
We are people of a common destiny		
	2017	2018
I am proud of my affiliation, I feel that the representatives of my group are better than others	14,1	23,9
I feel like I belong, but I'm not proud of it	37,2	35,8
I don't feel like I belong	45,7	37,1
Other	2,9	3,0

To what extent are you proud of belonging to the following groups? (the answer is given for each column and for each row) (in % of the number of respondents)		
We are carriers of a certain culture		
	2017	2018
I am proud of my affiliation, I feel that the representatives of my group are better than others	42,2	47,6
I feel like I belong, but I'm not proud of it	39,6	35,8
I don't feel like I belong	15,6	13,9
Other	2,4	2,6

To what extent are you proud of belonging to the following groups? (the answer is given for each column and for each row) (in % of the number of respondents)		
We are people of the same political views		
	2017	2018
I am proud of my affiliation, I feel that the representatives of my group are better than others	15,5	20,7
I feel like I belong, but I'm not proud of it	22,0	30,8
I don't feel like I belong	57,5	44,7
Other	4,8	3,7

To what extent are you proud of belonging to the following groups? (the answer is given for each column and for each row) (in % of the number of respondents)		
Other		
	2017	2018
I am proud of my affiliation, I feel that the representatives of my group are better than others	1,2	45,4
I feel like I belong, but I'm not proud of it	37,8	45,4
I don't feel like I belong	8,5	4,5
Other	52,4	4,5

Do you know the words of the Russian anthem? (one answer option is possible) (in % of the number of respondents)		
	2017	2018
I know and I'm happy to perform	24,8	29,6
I know, but I'm not used to singing in public	31,8	36,5
I only know some phrases	30,0	22,1
I don't know, but I will definitely learn	1,9	0,7

I don't know and I don't consider it important	10,4	9,5
other	1,0	1,4

Where (geographically) Do you see yourself in the next 5-6 years? (one answer option is possible) (in % of the number of respondents)		
	2017	2018
in the Crimea	45,4	45,2
in the capital of Russia	8,6	10,2
in any large and economically developed cities of Russia	23,1	18,4
abroad	17,1	20,5
other	5,6	5,4

How important is material security of life for you? (in % of the number of respondents)		
	2017	2018
least important	0,6	2,5
2	0,0	0,7
3	0,7	1,6
4	0,4	1,4
5	9,4	6,3
6	10,3	6,9
7	12,5	9,6
8	16,3	14,2
9	11,4	13,5
most important	38,5	42,9

How important is the presence of power for you? (in % of the number of respondents)		
	2017	2018
least important	16,5	0,3
2	3,9	5,3
3	6,0	6,1
4	5,7	6,0
5	19,2	17,5
6	6,4	10,4
7	15,4	13,6
8	6,6	8,7
9	5,0	7,0
most important	15	14,8

How important is public recognition for you? (in % of the number of respondents)		
	2017	2018
least important	6,5	6,6
2	2,8	3,0
3	10,3	8,8
4	1,9	4,4
5	21,8	16,2
6	15,1	10,8
7	11,9	14,0
8	9,8	12,6
9	9,2	8,3
most important	10,2	15,0

How important is freedom for you? (in % of the number of respondents)		
	2017	2018
least important	1,5	2,4
2	0,0	0,6
3	0,0	0,6
4	0,0	0,3
5	1,6	2,4
6	2,4	1,3
7	4,1	5,3
8	15	10,7
9	9,9	11,9
most important	65,1	64,1

How important is education, self-development, and cognition for you? (in % of the number of respondents)		
	2017	2018
least important	0,1	2,0
2	0,08	0,7
3	0,0	0,2
4	0,5	0,6
5	0,3	1,8
6	0,3	2,1
7	2,8	5,6
8	72,0	11,9
9	5,8	18,5
most important	17,7	56,1

How important is an interesting job and professional growth for you? (in % of the number of respondents)		
	2017	2018
least important	0,1	1,7
2	0,1	0,7
3	0,7	1,2
4	0,08	0,8
5	0,8	1,7
6	2,2	3,2
7	3,2	3,9
8	18	14,6
9	15,6	15,1
most important	58,9	56,8

How important is creative self-realization, art, for you? (in % of the number of respondents)		
	2017	2018
least important	2,7	5,0
2	1,4	1,2
3	0,9	1,5
4	4,3	3,1
5	10,3	9,5
6	7,9	6,8
7	12,8	11,3
8	13,8	12,9
9	13,4	12,7
most important	32,1	35,7

How important is a happy family life for you? (in % of the number of respondents)		
	2017	2018
least important	3,5	3,5
2	2,3	1,6
3	0,6	1,3
4	0,9	2,1
5	8,5	5,5
6	0,6	2,1
7	8,8	6,5
8	8,5	7,5
9	19,8	14,3
most important	46,0	55,1

How important is love for you? (in % of the number of respondents)		
	2017	2018
least important	6,5	6,1
2	0,1	0,8
3	0,2	1,3
4	1,8	2,0
5	7,0	5,1
6	2,4	2,5
7	10,9	7,5
8	7,0	7,2
9	14,4	13,2
most important	49,1	53,9

How important is having friends for you? (in % of the number of respondents)		
	2017	2018
least important	3,7	3,7
2	0,08	1
3	1,6	2,1
4	1,4	1,7
5	6,2	5,1
6	1,5	4,3
7	15,1	9,0
8	10,6	10,0
9	15,5	15,6
most important	43,8	47,1

How important is health for you? (in % of the number of respondents)		
	2017	2018
least important	0,8	2,9
2	0,9	1,0
3	2,6	0,4
4	0,08	0,3
5	2,5	2,6
6	1,7	2,5
7	4,5	3,1
8	5,2	5,8
9	13,7	11,0
most important	67,5	70,5

How important is leisure and entertainment for you? (in % of the number of respondents)		
	2017	2018
least important	1,8	3,2
2	2,0	1,7
3	2,8	2,2
4	1,3	2,1
5	6,2	6,7
6	11,4	8,1
7	14,6	12,6
8	23,8	17,5
9	9,7	12,8
most important	26,0	32,7

How important is the happiness of other people, self-sacrifice for you? (in % of the number of respondents)		
	2017	2018
least important	4,8	5,6
2	4,2	4,3
3	5,4	3,9
4	5,5	5,1
5	14,2	12,9
6	9,0	10,5
7	11,6	13,3
8	22,5	17,6
9	7,1	8,6
most important	15,3	18,0

How important is "other" to you? (in % of the number of respondents)		
	2017	2018
least important	2,9	8,7
2	0,0	4,3
3	0,0	0,0
4	5,8	4,3
5	2,9	0,0
6	8,8	13,0
7	2,9	0,0
8	41,1	21,7
9	11,7	30,4
most important	23,5	17,3

How important are the following qualities for you? (in % of the number of respondents)		
Firm will		
	2017	2018
least important	0,08	2,1
2	1,4	0,6
3	0,4	1,0
4	1,0	1,8
5	7,2	5,4
6	7,3	6,5
7	14,2	14,2
8	25,2	19,5
9	16,2	16,6
most important	26,6	31,6

How important are the following qualities to you? (in % of the number of respondents)		
Efficiency in business		
	2017	2018
least important	0,3	1,5
2	0,6	0,7
3	1,5	1,1
4	1,9	1,8
5	1,6	3,0
6	5,4	4,2
7	8,0	9,0
8	17,0	15,0
9	29,1	23,8
most important	34,1	39,5

How important are the following qualities to you? (in % of the number of respondents)		
Independence		
	2017	2018
least important	0,6	1,8
2	0,1	1,2
3	1,4	1,0
4	1,4	1,3
5	2,1	3,0
6	5,5	5,4
7	11,7	9,4
8	14,5	13,9
9	20,1	17,8
most important	42,2	44,8

How important are the following qualities to you? (in % of the number of respondents)		
Self-control		
	2017	2018
least important	0,1	1,8
2	0,09	0,5
3	1,5	1,0
4	1,4	0,5
5	1,3	3,4
6	1,4	3,0
7	16,3	10,0
8	15,3	14,2
9	23,2	21,0
most important	39,0	44,0

How important are the following qualities to you? (in % of the number of respondents)		
Rationalism		
	2017	2018
least important	0,2	1,5
2	0,3	1,2
3	1,7	1,0
4	1,7	1,8
5	6,0	6,2
6	11,1	7,4
7	14,3	15,5
8	18,4	16,6
9	20,9	19,0
most important	24,8	29,4

How important are the following qualities to you? (in % of the number of respondents)		
Sense of duty		
	2017	2018
least important	0,2	1,5
2	0,09	0,7
3	1,8	1,1
4	3,6	1,5
5	2,2	4,6
6	6,5	6,3
7	9,2	9,9
8	21,3	22,2
9	23,3	18,9
most important	31,3	32,9

How important are the following qualities to you? (in % of the number of respondents)		
Tolerance, loyalty, sensitivity		
	2017	2018
least important	3,2	2,4
2	0,08	0,6
3	4,6	2,2
4	3,6	1,8
5	6,1	6,1
6	7,0	6,8
7	11,6	11,1
8	16,4	13,3
9	17,4	20,5
most important	30,2	34,7

How important are the following qualities to you? (in % of the number of respondents)		
Honesty		
	2017	2018
least important	2,8	3,3
2	0,0	0,7
3	2,7	1,5
4	0,1	1,0
5	4,4	2,5
6	2,2	3,1
7	5,1	6,0
8	15,8	12,2
9	14,6	16,9
most important	51,9	52,4

How important are the following qualities to you? (in % of the number of respondents)		
Responsibility		
	2017	2018
least important	0,08	1,9
2	0,2	0,8
3	0,0	0,8
4	1,6	1,2
5	4,1	3,6
6	1,6	1,6
7	10,2	7,5
8	15,9	12,1
9	19,1	20,5
most important	46,9	49,6

How important are the following qualities to you? (in % of the number of respondents)		
Intransigence to shortcomings		
	2017	2018
least important	8,1	8,5
2	4,8	3,7
3	7,7	6,5
4	9,2	8,3
5	20,0	16,4
6	13,0	11,1
7	10,0	10,5
8	11,3	11,7
9	2,7	6,2
most important	12,6	16,7

How important are the following qualities to you? (in % of the number of respondents)		
Other		
	2017	2018
least important	15,5	27,6
2	0,0	0,0
3	2,8	6,9
4	23,9	0,0
5	2,8	1,3
6	1,4	3,4
7	0,0	0,0
8	2,8	13,8
9	0,0	0,0
most important	50,7	37,9

What values and meanings, in your opinion, are common among the youth of Crimea, first of all? (no more than 3 possible answers) (in % of the number of respondents)		
	2017	2018
"My personal success is the success of the whole country!"	27,9	28,5
"Hurry up to do good to people!"	21,5	31,7
"Russia is the space of my personal responsibility!"	14,5	12,9
"We are the heirs of the history of a Great country!"	38,5	35,9
"The multinational nature of Russia is our competitive advantage!"	12,5	14,7
"The foundation of a prosperous society is law and order"	21,7	24,3

"Justice and the welfare state are the main tasks of modern society"	35,8	30,9
"My freedom ends where the freedom of another person begins"	29,7	27,7
other	2,3	3,1

Choose from each pair of opposite value judgments the one that you consider the most acceptable (in % of the number of respondents)		
	2017	2018
When choosing a friend, I focus primarily on the ethnic and (or) religious affiliation of a person	5,5	5,8
1	0,5	0,9
2	1,3	1,9
3	7,1	4,0
4	3,4	2,8
5	1,1	5,4
6	1,4	3,8
7	1,7	3,6
8	4,3	6,8
9	20,9	16,5
When choosing a friend, the ethnic and (or) religious affiliation of a person is not important to me	52,5	48,0

Choose from each pair of opposite value judgments the one that you consider the most acceptable (in % of the number of respondents)		
	2017	2018
When choosing a life partner, I focus, first of all, on the ethnic and (or) religious affiliation of a person	6,9	8,6
1	2,1	2,6
2	8,0	5,4
3	4,2	4,1
4	7,4	6,4
5	6,5	11,9
6	7,2	6,7
7	3,8	5,8
8	7,6	7,3
9	8,4	8,0
When choosing a life partner, his (her) ethnic and (or) religious affiliation is not important to me	37,5	32,8

Choose from each pair of opposite value judgments the one that you consider the most acceptable (in % of the number of respondents)		
	2017	2018
It is easier for me to justify a bad act or even a crime of a person belonging to the same ethnic and (or religious group) as me		
	3,2	4,5
1	0,8	1,2
2	3,4	3,6
3	2,6	3,4
4	2,3	2,8
5	13,4	12,3
6	6,3	4,9
7	2,4	2,8
8	6,1	7,9
9	9,9	11,9
I treat bad deeds and crimes equally regardless of whether they were committed by a person belonging to the same ethnic and (or religious group) as me or another		
	49,1	44,1

Choose from each pair of opposite value judgments the one that you consider the most acceptable (in % of the number of respondents)		
	2017	2018
Representatives of certain ethnic groups are initially critical of me		
	7,4	7,7
1	1,2	1,8
2	8,1	4,1
3	1,8	3,8
4	7,2	4,5
5	7,4	9,2
6	5,2	7,2
7	4,7	5,5
8	7,7	6,9
9	13,6	11,9
I have never experienced the unfriendly attitude of people just because I belong to a certain ethnic (religious) group		
	35,3	36,9

Choose from each pair of opposite value judgments the one that you consider the most acceptable (in % of the number of respondents)		
	2017	2018
I am quite wary of people who do not belong to the same ethnic (religious) group as me	5,1	4,8
1	1,5	1,4
2	5,2	3,8
3	4,8	3,8
4	3,3	3,6
5	3,6	7,8
6	5,6	5,2
7	4,6	7,6
8	12,6	11,0
9	11,3	10,9
I treat people equally regardless of their ethnic (religious) affiliation	41,8	39,8

Assessing a person's personality as a whole, what characteristics do you pay attention to first of all? (no more than 3 possible answers) (in % of the number of respondents)		
	2017	2018
commonality of religious views	9,3	15,7
commonality of political views	20,4	20,8
ethnic origin	6,4	9,5
social status	25,3	27,8
material well-being	12,8	11,3
common interests	89,0	84,8
other	1,9	2,7

From your point of view, who should be the leader of public opinion, form value priorities and an agenda for modern youth? (no more than 3 possible answers) (in % of the number of respondents)		
	2017	2018
family	61,1	68,4
spiritual/religious institutions	17,9	18,1
political leaders	21,9	17,1

political parties	12,5	9,0
public organizations	38,7	32,7
mass media	17,4	19,8
the Internet	27,1	24,6
other	2,9	4,2

Do you consider yourself a person with an active lifestyle? (rate on a 10-point scale, where 0 is the minimum value of the score, and 10 is the maximum value of the score) (in % of the number of respondents)		
	2017	2018
minimum value	5,3	3,6
1	2,3	2,2
2	4,1	2,3
3	5,9	3,0
4	4,1	4,4
5	21,6	15,5
6	7,6	10,7
7	18,2	17,5
8	12,1	18,0
9	5,3	7,0
maximum value	7,0	15,3

Would you like to participate in the implementation of social projects in your free time? (one answer) (in % of the number of respondents)		
	2017	2018
yes	13,3	20,2
rather yes than no	40,3	34,4
rather no than yes	30,9	27,2
no	13,9	17,4
other	1,5	0,6

What social and other projects would you like to participate in? (no more than 3 possible answers) (in % of the number of respondents)		
	2017	2018
participation in the activities of environmental organizations	35,8	34,8
assistance to orphaned children	46,3	50,0
assistance to people with disabilities	34,4	33,3
participation in the activities of political organizations	33,2	27,3
animal rescue	60,9	50,3

participation in the activities of organizations protecting the rights of ethnic minorities	12,9	12,9
participation in the activities of religious organizations	4,4	5,1
other	1,5	2,0

Please express your attitude to the following statement "All peoples of Russia have equal rights" (in% of the number of respondents)		
	2017	2018
I agree and so it is in reality	55,1	58,4
I agree, but it is not in reality	34,2	31,5
I do not agree, but it is in reality	3,6	3,7
I do not agree and it is not in reality	6,1	5,3
Other (write)	0,7	0,8

Please express your attitude to the following statement "All the peoples of Russia have a full opportunity to preserve their language, traditions, culture" (in% of the number of respondents)		
	2017	2018
I agree and so it is in reality	70,2	67,7
I agree, but it is not in reality	21,8	24,5
I do not agree, but it is in reality	3,7	3,4
I do not agree and it is not in reality	2,8	2,8
Other (write)	1,2	1,2

Please express your attitude to the following statement "All the peoples of Russia are free to preserve and develop their religion" (in % of the number of respondents)		
	2017	2018
I agree and so it is in reality	68,5	66,3
I agree, but it is not in reality	20,2	24,1
I do not agree, but it is in reality	4,3	4,6
I do not agree and it is not in reality	4,7	3,3
Other (write)	2,0	1,6

Please express your attitude to the following statement "All the peoples of Russia have the same access to the economic resources of the country" (in% of the number of respondents)		
	2017	2018
I agree and so it is in reality	37,0	40,4
I agree, but it is not in reality	35,0	36,0
I do not agree, but it is in reality	5,7	6,3
I do not agree and it is not in reality	21,2	16,0
Other (write)	0,8	1,1

Please express your attitude to the following statement "All the peoples of Russia have the same access to high social and political statuses" (in% of the number of respondents)		
	2017	2018
I agree and so it is in reality	45,1	44,0
I agree, but it is not in reality	26,1	30,8
I do not agree, but it is in reality	9,5	8,2
I do not agree and it is not in reality	19,1	15,6
Other (write)	0,0	1,2

Please express your attitude to the following statement "All peoples of Crimea have equal rights" (in% of the number of respondents)		
	2017	2018
I agree and so it is in reality	55,5	63,6
I agree, but it is not in reality	32,7	24,5
I do not agree, but it is in reality	6,3	5,7
I do not agree and it is not in reality	3,3	4,2
Other (write)	2,0	1,7

Please express your attitude to the following statement "All the peoples of Crimea have a full opportunity to preserve their language, traditions, culture" (in% of the number of respondents)		
	2017	2018
I agree and so it is in reality	70,1	69,1
I agree, but it is not in reality	20,8	21,6

I do not agree, but it is in reality	4,0	4,4
I do not agree and it is not in reality	3,5	3,4
Other (write)	1,4	1,2

Please express your attitude to the following statement "All peoples of Crimea are free to preserve and develop their religion" (in % of the number of respondents)		
	2017	2018
I agree and so it is in reality	75,4	73,7
I agree, but it is not in reality	14,1	17,8
I do not agree, but it is in reality	7,2	4,8
I do not agree and it is not in reality	1,7	2,3
Other (write)	1,4	1,2

Please express your attitude to the following statement "All the peoples of Crimea have the same access to the economic resources of the country" (in% of the number of respondents)		
	2017	2018
I agree and so it is in reality	47,1	48,0
I agree, but it is not in reality	31,0	32,7
I do not agree, but it is in reality	10,0	7,7
I do not agree and it is not in reality	10,7	10,0
Other (write)	1,0	1,4

Please express your attitude to the following statement "All peoples of Crimea have equal access to high social and political statuses" (in% of the number of respondents)		
	2017	2018
I agree and so it is in reality	52,0	52,1
I agree, but it is not in reality	23,1	25,5
I do not agree, but it is in reality	10,1	8,8
I do not agree and it is not in reality	13,4	11,7
Other (write)	1,2	1,8

Do you think that conflicts, clashes, mass demonstrations are possible in your locality because of the Stratification of the poor and the rich? (in % of the number of respondents)		
	2017	2018
Rather possible	47,0	49,3
Rather impossible	52,8	50,0
Other	0,1	0,6

Do you think conflicts, clashes, mass demonstrations are possible in your locality because of interethnic or interethnic differences? (in % of the number of respondents)		
	2017	2018
Rather possible	51,9	51,6
Rather impossible	47,9	47,4
Other	0,1	0,9

Do you think conflicts, clashes, mass demonstrations are possible in your locality because of religious and confessional differences? (in % of the number of respondents)		
	2017	2018
Rather possible	40,0	44,0
Rather impossible	59,5	54,6
Other	0,4	1,3

Do you think conflicts, clashes, mass demonstrations are possible in your locality because of political and ideological differences? (in % of the number of respondents)		
	2017	2018
Rather possible	56,5	59,2
Rather impossible	43,0	39,6
Other	0,4	1,0

Do you think conflicts, clashes, mass demonstrations are possible in your locality for other reasons? (in % of the number of respondents)		
	2017	2018
Rather possible	72,0	60,6
Rather impossible	23,2	36,4

Other	4,6	3,0
-------	-----	-----

In your opinion, is it important in modern Russia to preserve a single language space in which Russian is the language of communication between the numerous peoples of Russia? (one answer option) (in % of the number of respondents)		
	2017	2018
yes, it is extremely important, this ensures the unity of the country and mutual understanding between the peoples of Russia	45,0	48,2
yes, it is extremely important, but subject to the free development of other languages of numerous peoples of Russia	48,8	39,0
it's hard to say, I've never thought about this question	4,2	8,1
no, the main thing is to provide opportunities for the free development of other languages of numerous peoples of Russia	1,9	4,3
other	0,0	0,1

Please rate, on a 10-point scale, the policy of maintaining interethnic and interfaith peace in the Crimea, in the Russian period before 1917 (in% of the number of respondents)		
	2017	2018
minimum value	7,5	7,3
2	4,5	3,4
3	6,4	6,5
4	14,9	12,7
5	22,7	27,0
6	11,4	13,5
7	12,4	10,4
8	13,3	9,6
9	3,5	4,3
maximum value	2,8	5,0

Please rate, on a 10-point scale, the policy of maintaining interethnic and interfaith peace in Crimea during the Soviet period (in% of the number of respondents)		
	2017	2018
minimum value	5,2	7,4
2	3,9	4,3
3	4,2	4,3
4	10,6	10,2
5	13,9	15,3
6	13,2	12,3
7	7,8	9,8
8	15,2	14,9

9	8,7	7,5
maximum value	16,8	13,6

Please rate, on a 10-point scale, the policy of maintaining interethnic and interfaith peace in Crimea, during the Ukrainian period (in% of the number of respondents)

	2017	2018
minimum value	10,8	7,0
2	5,7	4,3
3	6,7	6,3
4	15,4	12,0
5	21,4	20,7
6	13,2	13,0
7	10,6	15,2
8	10,4	10,2
9	2,1	4,6
maximum value	3,4	6,4

Please rate, on a 10-point scale, the policy of maintaining interethnic and interfaith peace in Crimea, in the Russian period since 2014 (in% of the number of respondents)

	2017	2018
minimum value	1,3	3,4
2	0,8	1,7
3	0,2	2,9
4	2,2	4,6
5	6,2	10,1
6	10,1	10,9
7	15,4	14,8
8	25,5	20,6
9	21,9	15,2
maximum value	15,9	15,4

Please rate, on a 10-point scale, the policy of maintaining interethnic and interfaith peace in Crimea, currently
(in % of the number of respondents)

Policy of the Federal Center		
	2017	2018
minimum value	5,4	6,8
2	1,7	1,9
3	4,5	6,1
4	2,9	6,3
5	13,6	19,2
6	13,8	13,2
7	11,0	11,3
8	18,6	15,9

9	11,3	7,5
maximum value	16,7	11,6

Please rate, on a 10-point scale, the policy of maintaining interethnic and interfaith peace in Crimea, currently
(in % of the number of respondents)

Policy of regional authorities		
	2017	2018
minimum value	4,5	5,0
2	3,4	2,7
3	1,9	4,6
4	8,8	8,4
5	14,6	21,7
6	22,2	15,8
7	15,3	13,4
8	12,7	13,0
9	8,1	7,6
maximum value	8,2	7,8

Please rate, on a 10-point scale, the policy of maintaining interethnic and interfaith peace in Crimea, currently
(in % of the number of respondents)

Municipal government policy		
	2017	2018
minimum value	4,9	5,6
2	1,4	3,1
3	4,8	7,2
4	12,4	9,1
5	14,3	21,1
6	16,7	13,0
7	14,1	14,2
8	15,3	11,1
9	6,6	7,3
maximum value	9,0	7,8

Please rate on a 10-point scale the involvement of various civil structures in maintaining interethnic and interfaith peace on the peninsula (in% of the number of respondents)

Civil activists/representatives of public organizations		
	2017	2018
there is no involvement	8,0	7,8
2	4,2	3,8
3	13,8	7,9
4	7,4	9,4
5	18	15,5

6	9,3	12,5
7	17,5	15,0
8	13,1	12,4
9	3,7	6,9
maximum level of engagement	4,5	8,3

Please rate on a 10-point scale the involvement of various civil structures in maintaining interethnic and interfaith peace on the peninsula (in% of the number of respondents)

Public opinion leaders from the ethnic minorities of the peninsula		
	2017	2018
there is no involvement	6,5	7,4
2	2,7	44,0
3	8,7	4,4
4	9,5	10,3
5	19,7	15,3
6	13,1	12,3
7	10,7	9,8
8	9,6	14,9
9	13,4	7,5
maximum level of engagement	5,7	13,6

Please rate on a 10-point scale the involvement of various civil structures in maintaining interethnic and interfaith peace on the peninsula (in% of the number of respondents)

Religious leaders/figures		
	2017	2018
there is no involvement	10,7	8,2
2	3,8	4,4
3	10,0	9,2
4	12,3	9,2
5	12,5	16,9
6	14,3	13,5
7	12,9	12,4
8	14,0	11,2
9	6,5	8,9
maximum level of engagement	2,6	5,5

Please rate on a 10-point scale the involvement of various civil structures in maintaining interethnic and interfaith peace on the peninsula (in% of the number of respondents)

Representatives of universities		
	2017	2018
there is no involvement	6,7	6,5

2	3,8	3,5
3	5,2	6,2
4	6,8	6,9
5	22,7	18,3
6	16,5	14,8
7	17,1	16,4
8	10,5	13,1
9	5,1	6,2
maximum level of engagement	5,2	7,6

Please rate on a 10-point scale the involvement of various civil structures in maintaining interethnic and interfaith peace on the peninsula (in% of the number of respondents)

Mass media		
	2017	2018
there is no involvement	5,1	5,6
2	2,5	1,5
3	3,7	3,8
4	3,9	5,7
5	15,3	16,4
6	16,4	14,0
7	16,1	15,5
8	15,1	14,7
9	11,5	10,2
maximum level of engagement	10,0	12,1

Please rate on a 10-point scale the involvement of various civil structures in maintaining interethnic and interfaith peace on the peninsula (in% of the number of respondents)

Other		
	2017	2018
there is no involvement	26,4	30,3
2	0,0	0,0
3	2,9	12,1
4	29,4	15,1
5	11,7	30,3
6	1,4	3,0
7	19,1	3,0
8	5,8	3,0
9	0,0	0,0
maximum level of engagement	2,9	3,0

In your opinion, how urgent is the problem of online propaganda of nationalism, radical religious views, and the distribution of other content that violates the law, primarily in the Internet space? (one answer option) (in % of the number of respondents)		
	2017	2018
this problem bothers me, there should not be such content on the global network	28,7	32,5
it bothers me in part, I try to avoid such content and such Internet sources	30,6	30,2
it bothers me in part, but I suppose that it will not affect me and my loved ones	12,1	13,9
this problem does not bother me, since the Internet is a free space, there cannot and should not be restrictions	28,1	22,5
other	0,2	0,6

Express your opinion on state control/Internet corporations over Internet content. From your point of view, is it necessary to regulate the content of communication in the global network? (one answer option) (in % of the number of respondents)		
	2017	2018
I have a positive attitude to this, it is necessary to regulate Internet communication	10,4	16,6
more positive than negative	18,3	20,7
I'm neutral about it, I didn't think about it	22,7	20,1
more negative than positive	16,6	16,0
I have a negative attitude to this, it is possible to regulate Internet communication only in exceptional cases	31,8	24,7
other	0,0	1,6

Have you ever participated in volunteer activities? (in % of the number of respondents)		
	2017	2018
Yes, I have and this is an experience gained primarily through the efforts of my parents/relatives	11,5	20,6
Yes, I have and this is an experience gained, first of all, through the efforts of my teachers	16,4	20,2
Yes, I have and this is an experience gained, first of all, through the efforts of my friends	22,7	21,1
No, I haven't. I don't know anything about such events	11,2	9,0
No, haven't. I don't have free time for this	18,7	16,2

No, haven't. I don't think I need that kind of experience	19,3	12,7
---	------	------

Have you ever participated in charity work? (in % of the number of respondents)		
	2017	2018
Yes, I have and this is an experience gained primarily through the efforts of my parents/relatives	20,4	25,9
Yes, I have and this is an experience gained, first of all, through the efforts of my teachers	10,5	15,5
Yes, I have and this is an experience gained, first of all, through the efforts of my friends	20,7	19,0
No, I haven't. I don't know anything about such events	14,9	11,0
No, haven't. I don't have free time for this	13,3	14,3
No, haven't. I don't think I need that kind of experience	19,9	14,0

Have you ever participated in environmental actions? (in % of the number of respondents)		
	2017	2018
Yes, I have and this is an experience gained primarily through the efforts of my parents/relatives	10,1	15,0
Yes, I have and this is an experience gained, first of all, through the efforts of my teachers	19,1	22,1
Yes, I have and this is an experience gained, first of all, through the efforts of my friends	19,0	18,0
No, I haven't. I don't know anything about such events	19,2	16,0
No, haven't. I don't have free time for this	14,7	17,7
No, haven't. I don't think I need that kind of experience	17,7	11,0

Have you ever participated in memorial events related to Russia's military past? (in % of the number of respondents)		
	2017	2018
Yes, I have and this is an experience gained primarily through the efforts of my parents/relatives	2,4	24,6
Yes, I have and this is an experience gained, first of all, through the efforts of my teachers	28,8	33,1
Yes, I have and this is an experience gained, first of all, through the efforts of my friends	16,9	15,1
No, I haven't. I don't know anything about such events	9,9	7,4

No, haven't. I don't have free time for this	9,9	10,2
No, haven't. I don't think I need that kind of experience	12,8	9,4

Have you ever participated in excursions to places that are significant for the history and modernity of Russia? (in % of the number of respondents)		
	2017	2018
Yes, I have and this is an experience gained primarily through the efforts of my parents/relatives	31,3	31,9
Yes, I have and this is an experience gained, first of all, through the efforts of my teachers	28,2	31,1
Yes, I have and this is an experience gained, first of all, through the efforts of my friends	15,0	10,6
No, I haven't. I don't know anything about such events	4,6	5,8
No, haven't. I don't have free time for this	12,5	13,4
No, haven't. I don't think I need that kind of experience	8,1	6,9

Have participated in meetings with war veterans, heroes, outstanding people of Russia? (in % of the number of respondents)		
	2017	2018
Yes, I have and this is an experience gained primarily through the efforts of my parents/relatives	22,9	23,5
Yes, I have and this is an experience gained, first of all, through the efforts of my teachers	42,0	45,9
Yes, I have and this is an experience gained, first of all, through the efforts of my friends	15,4	12,7
No, I haven't. I don't know anything about such events	7,7	5,1
No, haven't. I don't have free time for this	4,8	5,8
No, haven't. I don't think I need that kind of experience	6,8	6,8

Have you participated in profile shifts, gatherings, festivals of school assets? (in % of the number of respondents)		
	2017	2018
Yes, I have and this is an experience gained primarily through the efforts of my parents/relatives	7,6	13,9
Yes, I have and this is an experience gained, first of all, through the efforts of my teachers	32,9	31,3
Yes, I have and this is an experience gained, first of all, through the efforts of my friends	5,1	13,2

No, I haven't. I don't know anything about such events	16,2	11,6
No, haven't. I don't have free time for this	14,4	14,4
No, haven't. I don't think I need that kind of experience	23,6	15,3

Have you participated in events related to the maintenance of peace and harmony between the peoples of Russia? (in % of the number of respondents)		
	2017	2018
Yes, I have and this is an experience gained primarily through the efforts of my parents/relatives	11,4	14,3
Yes, I have and this is an experience gained, first of all, through the efforts of my teachers	13,5	21,8
Yes, I have and this is an experience gained, first of all, through the efforts of my friends	6,7	8,8
No, I haven't. I don't know anything about such events	26,8	21,4
No, haven't. I don't have free time for this	17,6	16,1
No, haven't. I don't think I need that kind of experience	23,6	17,3

Have you participated in events dedicated to the reunification of Russia and Crimea? (in % of the number of respondents)		
	2017	2018
Yes, I have and this is an experience gained primarily through the efforts of my parents/relatives	20,0	25,2
Yes, I have and this is an experience gained, first of all, through the efforts of my teachers	14,1	23,9
Yes, I have and this is an experience gained, first of all, through the efforts of my friends	14,8	10,6
No, I haven't. I don't know anything about such events	19,4	11,5
No, haven't. I don't have free time for this	9,3	11,2
No, haven't. I don't think I need that kind of experience	22,1	17,3

Gender (in % of the number of respondents)		
	2017	2018
Female	64,7	66,9
Male	35,2	33,0

Do you have any experience of living or traveling in the continental part of Russia? (one answer option) (in % of the number of respondents)		
	2017	2018
Yes, I do, I regularly travel to the continental part of Russia	16,8	19,8
Yes, I do, once a year I definitely go to the continental part of Russia	17,4	18,0
Yes, it was a few years ago	28,0	28,5
No, I don't, there is no opportunities	34,6	27,5
No, I don't, there is no desire	2,8	4,1
Other	0,0	1,7

Do you consider yourself: (in % of the number of respondents)		
	2017	2018
Crimean Tatar	5,9	10,4
Russian	77,0	73,0
Ukrainian	13,1	11,8
Other	9,0	9,3

In what language do you mainly communicate at home with your family and friends? (one answer option) (in % of the number of respondents)		
	2017	2018
the Crimean Tatar language	0,9	3,6
The Russian language	98,3	93,1
The Ukrainian language	0,6	2,0
Another language	0,09	1,1

Income level per family member per month (in % of the number of respondents)		
	2017	2018
Less than 5 000 rubles	2,2	6,0
From 5 000 to 10 000 rubles	32,8	23,8
From 10 000 to 15 000 rubles	27,6	27,8
More than 15 000 rubles	37,0	40,5
Other	0,2	1,7

Appendix C

Guide

"Interethnic and interreligious harmony in the student environment of Crimea and Sevastopol"

Contacting an informant to obtain consent for an in-depth interview (informants are selected from among the respondents of the mass survey who have answered the most meaningful and in-depth open questions of the semi-formalized interview form):

You will be asked several questions about how you perceive the sphere of interethnic and interreligious relations in the Crimean society. The difference between this type of interview will be that you can answer all questions freely and in detail. The main thing is that your answers should be sincere, the success of the study depends on it. The interview recording will be used only for generalization and analysis, after the completion of the project, all records will be destroyed. You can be sure of the survey confidentiality and anonymity.

1. In your opinion, how can be characterized in general the situation in Crimea (Sevastopol – for Sevastopol respondents)? Which development areas of the Crimean (Sevastopol) society would you call the most successful, and which are the most problematic? Why? Give specific examples.

2. How did you perceive the reunification of Crimea and Russia? Has your attitude towards this event changed after three years? How has your life and the lives of people like you changed after the referendum on March 16, 2014? Have your expectations been met? What opportunities and prospects do you consider the most important (for Russia, for Crimea, for your family, for yourself personally)?

3. Do you think the reunification of Crimea and Russia has had a positive or negative impact on the sphere of interethnic and interreligious relations? Why do you

think so? What specific situations did you have in mind when talking about the positive (or negative) impact of the reunification of Crimea and Russia?

4. Have you become more actively interested in the history and culture of Russia after the reunification of Crimea and the Russian Federation? If yes, explain why it is important to you? If not, why? Please explain your position.

5. How would you assess your awareness of the ethnic and confessional groups of Crimea, what exactly do you know about their culture, history, traditions? Which ethnic and religious groups are you most aware of? Why these ones?

6. Which communities (ethnic, religious, professional, financial, territorial, etc.) do you consider most important for yourself? Why exactly to this (to these?) communities (communities)? What do you take from this (these) groups belonging? What norms and values of interaction in these groups are especially important to you?

7. How would you describe your relations with representatives of other ethnic and religious groups? What norms do you focus on when communicating with people belonging to other ethnic and religious groups? Have you ever been in conflict situations with these people? What was the reason for these contradictions? If not, what, in your opinion, is the secret of your conflict-free relations with representatives of other ethnic groups and religions? What values and norms, in your opinion, can help in maintaining peaceful interethnic and interfaith relations?

8. Can you name any special features of the main ethnic and religious groups of Crimea? Is there anything in common, in your opinion, in the communities of Russians....(take your time time for an answer), Ukrainians,..... Crimean Tatars, ...Armenians, ...Greeks ..... and how would you characterize Christians..... and Muslims? Please give specific examples/life cases that helped you list these characteristics of different communities.

9. in your opinion, who is the leader of public opinion in Crimea? What forces, political or social groups form people's opinion about interethnic relations, determine norms in the interaction between ethnic groups? Whose opinion/position are you guided by? Why?

10. How well do you know the measures that the authorities of Crimea (Sevastopol) are taking in the sphere of state religious and interethnic policy of the Crimean authorities? Do you know about those All-Russian social projects aimed at the formation of interethnic peace and harmony? Which of them do you consider the most successful? Why? What projects or individual events aimed at the formation of interethnic harmony have you participated in? In what capacity? How would you describe your impressions of this participation? Do you consider these projects and events necessary and important? Why? What measures, in your opinion, should the authorities of Crimea (Sevastopol) take in relation to the formation and strengthening of interethnic and interreligious harmony in the first place?

11. Do you know the world experience of solving interethnic contradictions and conflicts? Do you know what is the difference between Russian and foreign approaches to the formation of interethnic relations? Can you call the Russian government's experience in the formation of interethnic harmony successful? Why?

12. In conclusion, please formulate the "rules and norms" for maintaining interethnic peace in Crimea. Are you ready to personally follow these "rules and regulations"?

Screening questionnaire for the selection of in-depth interview respondents

Age (range 17 – 23 years)

Gender (female/male)

University

Specialty

Place of permanent residence

Employment (combines study with work / does not combine study with work)

Nationality

The language of communication in the family

Experience of living/staying in the continental part of Russia

Internet user (at least once a week, the presence of an account in one of the social networks, fix the name of the network)

Contacts (phone number or email address)

Appendix D

Questionnaire

"Interethnic and interreligious harmony in the Republic of Crimea and Sevastopol"
of the 2020 research wave

Questionnaire number	
Date of the interview	

The Center for Sociological Research of Sevastopol State University conducts a sociological study on the topic of interethnic and interfaith harmony on the peninsula. Thank you in advance for agreeing to participate in the study. Before you start answering the questions, we would like to emphasize that there are no right or wrong answers to them. It is important for us to know your personal opinion. You can be completely sure of the complete confidentiality of your answers, they will be used only in a generalized form.

S00. Have you participated in public opinion polls in the last 3 months?

1) yes - complete the interview; 2) no.

S01. Are you a citizen of the Russian Federation?

1) yes; 2) no - complete the interview.

S02. Tell me, please, do you live permanently in Crimea?

1) yes; 2) no - complete the interview.

HISTORY OF RUSSIA

1. Please select from the suggested list the expressions that, in your opinion, most accurately reflect the features of the history of our country (no more than 3 possible answers):

01 - "Since Ivan Kalita, Russia has been consistently and persistently gathering and has reached a size that shocks the imagination of all peoples of the world";

02 - "We have only two loyal allies in the whole world — our army and navy. Everyone else, at the first opportunity, will turn against us themselves.";

03 - "Russia is not a country that can really be conquered, i.e. occupied; at least, this cannot be done... by the forces of modern European states... Such a country can be defeated only by internal weakness and the action of internal strife";

04 - "We must pay tribute to the intelligence and tact of our ancestors... They treated the surrounding peoples as equals, even if unlike them. And thanks to this, they have withstood the age-old struggle, having established as a principle not the extermination of neighbors, but the friendship of peoples.";

05 - "It is not Russia that is between East and West. This East and West are on the left and right of Russia";

06 - "I am far from admiring everything I see around me;... but I swear on my honor that for no reason in the world would I want to change the fatherland or have another history other than the history of our ancestors, such as God gave it to us.";

07 -Other _____.

2. What do you think can be considered the main achievements of previous generations of Russians? (no more than 3 possible answers)

01 - the national character of Russians; 04 - the creation of a unique culture;

02 - the huge size of the country's territory; 05 - peace and harmony between peoples;

03 - preservation of the independence of the state; 06 - military power, nuclear shield;

07 - other _____.

3. Do you know how the history of your family is connected with the history of Russia? (one answer option)

01 - yes, we have a family archive, and we keep it carefully;

02 - yes, my parents/relatives told me about it in detail;

03 - yes, at one of the classes at the university / with a child, I completed such a task;

04 - no, I haven't thought about it;

05 - no, this is the first time I have come across such a question;

06 - no, my relatives couldn't tell me anything;

07 - no, my family is connected with the history of another country;

08 - other _____.

4. In your opinion, how should a Russian citizen show his patriotism, love for the Motherland? (no more than 3 possible answers)

- 01 - trust fellow citizens;
 02 - take care of your native language/native languages;
 03 - be proud of the victories of our ancestors;
 04 - to be involved in a great culture;
 05 - protect the weak, strive for justice;
 06 – take care and respect the traditions of the country and its peoples;
 07 - have Russian citizenship;
 08 - be ready to serve in the army;
 09 - do not violate the laws of the country;
 10 – other _____.

5. What iconic places for Russian history and modernity have you managed / would like to visit? (the answer is given for each row and for each column, the choice of answers is not limited)

	5.1. managed to visit	5.2. would like to visit
5.1.1. The place of the baptism of Prince Vladimir on the territory of the Tauric Chersonese in Sevastopol	01	01
5.1.2. Kulikovo field in the Tula region	02	02
5.1.3. Monument-ensemble on Mamayev Kurgan in Volgograd	03	03
5.1.4. Piskarevskiy Memorial Cemetery in St. Petersburg	04	04
5.1.5. Memorial complex "35th coastal battery" in Sevastopol	05	05
5.1.6. Olympic constructions in Sochi	06	06
5.1.7. Sports infrastructure facilities of the Universiade in Kazan	07	07
5.1.8. Other _____	08	08

6. Are you eager to learn more about Russia? (the answer is given on each line)

	Yes, I am systematically looking for information	Yes, but I'm not doing it systematically yet, I don't have enough time	Rather no than yes, I have enough knowledge that I get at the university	Rather no than yes, I have enough information from the media and the Internet	No, I know Russia very well	No, I'm not interested in it
6.1. About the history of our country	01	02	03	04	05	06
6.3. About the current period of our country development	01	02	03	04	05	06
6.4. About outstanding Russians living at the present time	01	02	03	04	05	06
6.5. About the cultural heritage of our country (literature, poetry, painting, etc.)	01	02	03	04	05	06
6.6. On the development of contemporary art in Russia	01	02	03	04	05	06
6.7 About geography and travel in our country	01	02	03	04	05	06
6.8. About the inhabitants of various regions, about the numerous peoples of our country	01	02	03	04	05	06
6.9. About other things	01	02	03	04	05	06
Other _____	01	02	03	04	05	06

7. Do you think that the preservation of the cultural and historical heritage of our country is the responsibility of every citizen of Russia? (one answer option)

- 01 - yes, that's how it should be;
 02 - yes, but I don't know what exactly I can do;
 03 - it's hard to say, I've never thought about this question;
 04 - no, this is the task of state bodies and cultural institutions;
 05 - other _____.

8. Please select the statement you agree with (one answer option)

- 01 - Russia is a country with a long history, the origins of which statehood begin in the IX century;
 02 - Russian statehood is connected with the unification of the principalities around Moscow and the activities of Ivan III in the XV-XVI centuries;
 03 - Russia is one of the young states formed on the fragments of the USSR in the early 90s of the XX century.;
 04 - other _____.

9. What point of view do you share? (one answer option)

- 01 - from the first steps of its formation, Russia was multinational;
 02 - the multinational nature of Russia is connected with its policy of active expansion of the territory, since the XV century;
 03 - the multinational nature of Russia was built during the Soviet period of the country's development, in the twentieth century;
 04 - other _____.

10. What opinion do you think is true? (one answer option)

- 01 - Russia is a unique civilization of peaceful unification, preservation and development of numerous peoples, a similar situation has developed only in India;
 02 - Russia is the same "melting pot" of peoples as, for example, the USA;
 03 - Russia is characterized by the same features of creating a multinational state that we observe, for example, in the UK or France;
 04 - other _____.

MODERN RUSSIA**11. How would you define the geopolitical status of modern Russia? (one answer option)**

- 01 - Russia is a world power, whose decisions and actions have a global impact on the world;
 02 - Russia is the leader of the Eurasian space, initiator of international integration processes in Eurasia;
 03 - Russia is a regional power focused on the post-Soviet space and unable to have a global impact on the world;
 04 - other _____.

12. How do you assess the cultural, spiritual and moral potential of modern Russia? (one answer option)

- 01 - Russia is a civilization that preserves traditional values and landmarks of world religions;
 02 - Russia is a civilization that combines the values and traditions of the West and the East;
 03 - Russia is a Westernized civilization focused on the values of Western countries;
 04 - other _____.

13. In your opinion, does Russia effectively protect its sovereignty (independence and independence)? (one answer option)

- 01 - yes, effective; 02 - partially effective; 03 - ineffective;
 04 - other _____.

14. Please express your position on the changes that have occurred in Crimea since March 16, 2014 to the present (the answer is given on each line, 0-5 – preference for approval in the left column, 6-10 – preference for approval in the right column):

14.1.1 There is less order, the level of security has decreased	14.1.1 0 1 2 3 4 5	14.1.2 6 7 8 9 10	14.1.2 There is more order, the level of security has increased
14.2.1 The economy of Crimea has become less stable	14.2.1 0 1 2 3 4 5	14.2.2 6 7 8 9 10	14.2.2 The economy of Crimea has become more stable
14.3.1 Social infrastructure has become less dynamic	14.3.1 0 1 2 3 4 5	14.3.2 6 7 8 9 10	14.3.2 Social infrastructure has started to develop more dynamically
14.4.1 Interethnic and interfaith relations have become more tense and less harmonious	14.4.1 0 1 2 3 4 5	14.4.2 6 7 8 9 10	14.4.2 Interethnic and interfaith relations have become less tense and more harmonious
14.5. 1 Other (write)	14.5.1 0 1 2 3 4 5	14.5.2 6 7 8 9 10	14.5. 2 Other (write)

15. What has changed for you, your family and friends since March 16, 2014 to the present? (write what exactly is in each column):

15.1 For me personally	15.2 For my family (parent/independent), relatives	15.3 For my friends and my inner circle	15.4. For my friends

16. What are the priorities facing Crimea today? (no more than 3 possible answers)

- 01 - solving infrastructure problems;

- 02 - raising the standard of living of the population;
 03 - attracting investments;
 04 - business development;
 06 - solving problems of transport communication with the mainland;
 07 – other _____.

17. If you were given the appropriate authority, what decisions for the development of your city/village would you take in the first place? _____.

IDENTITY

18. Imagine yourself as part of one or more groups that are closest to you in spirit. What kind of groups (communities) will they be? Write down which ones

21. Choose from the groups listed below that are closest to you in spirit (no more than 3 possible answers)

- 01 - We are citizens of the Russian Federation;
 02 - We are residents of our city/village;
 03 - We are the people of our generation;
 04 - We are people of our nationality;
 05 - We are residents of the peninsula;
 06 - We are men/ We are women;
 07 - We are people of our standard of living;
 08 - We are the bearers of the family role;
 09 - We are people of the same faith;
 10 - We are people of a common destiny;
 11 - We are carriers of a certain culture;
 12 - We are people of the same political views;
 13- Other(write what exactly) _____

19. To what extent are you proud of belonging to the following groups? (the answer is given for each column and for each row)

	I am proud of my affiliation, I feel that the representatives of my group are better than others	I feel like I belong, but I'm not proud of it	I don't feel like I belong	Other (write what exactly)
19.1. We are citizens of the Russian Federation	01	02	03	04
19.2. We are residents of our city/village	01	02	03	04
19.3. We are the people of our generation	01	02	03	04
19.4. We are people of our nationality	01	02	03	04
19.5. We are residents of the peninsula	01	02	03	04
19.6. We are men/ We are women	01	02	03	04
19.7 We are people of our standard of living	01	02	03	04
19.8 We are the bearers of the family role	01	02	03	04
19.9 We are people of the same faith	01	02	03	04
19.10 We are people of a common destiny	01	02	03	04
19.11. We are carriers of a certain culture	01	02	03	04
19.12. We are people of the same political views	01	02	03	04
19.13. Other (write what exactly)	01	02	03	04

20. What feelings do you feel when you see the state symbols of Russia? _____.

21. Do you know the words of the Russian anthem? (one possible answer)

- 01 - I know and I am happy to perform;
 02 - I know, but I'm not used to singing in public;
 03 - I only know some phrases;
 04 - I do not know, but I will definitely learn;
 05 - I don't know and I don't think it's important;
 06 - other _____.

22. Where (geographically) Do you see yourself in the next 5-6 years? (one possible answer):

- 01 – in Crimea;
 02 – in the capital of Russia;
 03 – in any major cities of Russia;
 04 – abroad;
 05 – other _____

VALUE PREFERENCES

23. How important are the following values to you? (mark on each line, 01 is the least important, 10 is the most important)

23.1. Material security of life	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
23.2. The presence of government	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
23.3. Public recognition	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10

23.4. Freedom	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
23.5. Education, self-development, cognition	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
23.6. Interesting job, professional growth	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
23.7. Creative self-realization, art	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
23.8. Happy family life	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
23.9. Love	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
23.10. Having friends	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
23.11. Health	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
23.12. Leisure, entertainment	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
23.13. Happiness of other people, self-sacrifice	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
23.14. Other (write what exactly)	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10

24. How important are the following qualities to you? (mark on each line, 1 is the least important, 10 is the most important)

24.1. Firm will	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
24.2. Efficiency in business	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
24.3. Independence	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
24.4. Self-control	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
24.5. Rationalism	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
24.6. Sense of duty	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
24.7. Tolerance, loyalty, sensitivity	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
24.8. Honesty	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
24.9. Responsibility	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
24.10. Intransigence to shortcomings	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
24.11. Other (write what exactly)	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10

25. Choose from each pair of opposite value judgments the one that you consider the most acceptable (mark on each line, 0-5 – preference for statements in the left column, 6-10 – preference for statements in the right column)

25.1.1. When choosing a friend, I focus primarily on the ethnic and (or) religious affiliation of a person	25.1.1. 0 1 2 3 4 5	25.1.2. 6 7 8 9 10	25.1.2. When choosing a friend, the ethnic and (or) religious affiliation of a person is not important to me
25.2.1. When choosing a life partner, I focus, first of all, on the ethnic and (or) religious affiliation of a person	25.2.1. 0 1 2 3 4 5	25.2.2. 6 7 8 9 10	25.2.2. When choosing a life partner, his (her) ethnic and (or) religious affiliation is not important to me
25.3.1. It is easier for me to justify a bad act or even a crime of a person belonging to the same ethnic and (or) religious group as me	25.3.1. 0 1 2 3 4 5	25.3.2. 6 7 8 9 10	25.3.2. I treat bad deeds and crimes equally regardless of whether they were committed by a person belonging to the same ethnic and (or) religious group as me or another
25.4.1. Representatives of certain ethnic groups are initially critical of me	25.4.1. 0 1 2 3 4 5	25.4.2. 6 7 8 9 10	25.4.2. I have never experienced the unfriendly attitude of people just because I belong to a certain ethnic (religious) group
25.5.1. I am quite wary of people who do not belong to the same ethnic (religious) group as me	25.5.1. 0 1 2 3 4 5	25.5.2. 6 7 8 9 10	25.5.2. I treat people equally regardless of their ethnic (religious) affiliation

26. Assessing a person's personality as a whole, what characteristics do you pay attention to? (no more than 3 possible answers):

01 - community of religious views;	04 - social status;
02 - common political views;	05 - material well-being;
03 - ethnic origin;	06 - community of interests;
07 - other _____.	

27. Do you consider yourself a person with an active lifestyle? (rate on a 10-point scale, where 0 is the minimum value of the score, and 10 is the maximum value of the score):

0   1   2   3   4   5   6   7   8   9   10

28. Would you like to participate in the implementation of social projects in your free time? (one answer option):

01 – yes; (go to question 34).

02 - yes rather than no; (going to question 34).

03 - rather no than yes; (going to question 35).

04 – no; (go to question 35).

05 - other _____ (go to question 35).

29. What social and other projects would you like to participate in? (no more than 3 possible answers):

01 - participation in the activities of environmental organizations;

02 - assistance to orphaned children;

03 - assistance to people with disabilities;

04 - participation in the activities of political organizations;

05 - help for animals;

06 - participation in the activities of organizations protecting the rights of ethnic minorities;

07 - participation in the activities of religious organizations;

08 - other _____.

INTERETHNIC AND INTERFAITH PEACE

30. Please express your attitude to the following statements concerning the interethnic and interfaith peace in modern Russia (the answer is given for each column and each row):

	I agree and so it is in reality	I agree, but it is not in reality	I do not agree, but it is in reality	I do not agree and this is not in reality	Other (write what exactly)
30.1 All peoples of Crimea have equal rights	01	02	03	04	05
30.2 All the peoples of Crimea have a full opportunity to preserve their language, traditions, and culture	01	02	03	04	05
30.3 All peoples of Crimea are free to preserve and develop their religion	01	02	03	04	05
30.4 All peoples of Crimea have the same access to the country's economic resources	01	02	03	04	05
30.5 All peoples of Crimea have the same access to high social and political status	01	02	03	04	05

31. Please express your attitude to the following statements concerning interethnic and interfaith peace on the peninsula (the answer is given for each column and each row):

	I agree and so it is in reality	I agree, but it is not in reality	I do not agree, but it is in reality	I do not agree and this is not in reality	Other (write what exactly)
31.1 All peoples of Russia have equal rights	01	02	03	04	05
31.2 All the peoples of Russia have a full opportunity to preserve their language, traditions, and culture	01	02	03	04	05
31.3 All the peoples of Russia are free to preserve and develop their religion	01	02	03	04	05
31.4 All the peoples of Russia have the same access to the country's economic resources	01	02	03	04	05
31.5 All the peoples of Russia have the same access to high social and political status	01	02	03	04	05

32. Do you think conflicts, clashes, mass demonstrations are possible in your locality for the following reasons (the answer is given for each column and each row):

	Rather possible	Rather impossible	Other
32.1 Stratification into poor and rich	01	02	03

32.2 Interethnic, interethnic differences	01	02	03
32.3 Religious and confessional differences	01	02	03
32.4 Political, ideological differences	01	02	03
32.5 Other (write) _____	01	02	03

33. What do you think unites the peoples of Crimea?

34. What do you think separates the peoples of Crimea?

35. In your opinion, is it important in modern Russia to preserve a single language space in which Russian is the language of communication between the numerous peoples of Russia? (one answer option)

01 - yes, it is extremely important, this ensures the unity of the country and mutual understanding between the peoples of Russia;

02 - yes, it is extremely important, but subject to the free development of other languages of numerous peoples of Russia;

03 - it's hard to say, I've never thought about this question;

04 - no, the main thing is to provide opportunities for the free development of other languages of numerous peoples of Russia;

05 - other _____.

36. Please rate, on a 10-point scale, the policy of maintaining interethnic and interfaith peace on the peninsula, in different historical epochs (0 is the minimum value of the assessment, and 10 is the maximum value of the assessment; the answer is given on each line):

36.1 The Russian period before 1917	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
36.2. Soviet period	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
36.3 The Ukrainian Period	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
36.4 The Russian period since 2014	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10

37. Please rate on a 10-point scale the involvement of various civil structures in maintaining interethnic and interfaith peace on the peninsula (0 - there is no involvement, 10 - the maximum level of involvement)

37.1 Policy of the Federal Center	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
37.2 Policy of regional authorities	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
37.3 Municipal government policy	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10

40. Please rate on a 10-point scale the involvement of various civil structures in maintaining interethnic and interfaith peace on the peninsula (0 - there is no involvement, 10 - the maximum level of involvement)

40.1. Civil activists/representatives of public organizations	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
40.2. Public opinion leaders from the ethnic minorities of the peninsula	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
40.3. Religious leaders/figures	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
40.4. Representatives of universities	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
40.5. Mass media	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
40.6. Other	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10

41. How serious do you consider the problem of online propaganda of nationalism, radical religious views, and the distribution of other content that violates the law, primarily in the Internet space? (one answer option)

01 - it bothers me, there should not be such content on the global network;

02 - partly disturbing, I try to avoid such content and such resources;

03 - partly disturbing, but I think that it will not affect me and my loved ones;

	Yes, and this is an experience gained primarily through the efforts of my parents/relatives	Yes, and this is an experience gained, first of all, thanks to the efforts of my teachers	Yes, and this is an experience gained, first of all, thanks to the efforts of my friends	No, I don't know anything about such events	No, I don't have free time for this
43.1. Participation in volunteer activities	01	02	03	04	05
43.2. Participation in charitable activities	01	02	03	04	05
43.3. Participation in environmental actions	01	02	03	04	05
43.4. Participation in memorial events related to Russia's military	01	02	03	04	05

past					
43.5. Participation in excursions to a landmark places for the history and modernity of Russia	01	02	03	04	05
43.6. Participation in meetings with war veterans, heroes, outstanding people of Russia	01	02	03	04	05
43.7. Participation in profile shifts, meetings, festivals of school assets	01	02	03	04	05
43.8. Participation in events related to the maintenance of peace and harmony between the peoples of Russia	01	02	03	04	05
43.9. Participation in events dedicated to the reunification of Russia and Crimea	01	02	03	04	05

04 - does not bother, since the Internet is a space of freedom, there cannot and should not be restrictions;
05 - other _____.

42. How do you feel about state control/Internet corporations over Internet content? Is it necessary, in your opinion, to regulate the content of communication in the global network? (one answer option)

01 - positively, it is necessary to regulate Internet communication;
02 - more positive than negative;
03 - neutral, didn't think about it;
04 - more negative than positive;
05 - negative, Internet communication can be regulated only in exceptional cases;
06 - other _____.

43. What events listed in the table did you participate in? (the answer is given on each line)

A FEW QUESTIONS ABOUT YOURSELF

44. Age 01 - 20-29; 02 - 30-39; 03 - 30-39;
04 - 40-49; 05 - 50-59; 06 - 60-69; 07 - 70 and more.

5. Gender 01 – female ; 02 - male

46. Do you have any experience of living or traveling in the continental part of Russia? (one answer option)

01 - yes, I regularly travel to the continental part of Russia;
02 - yes, once a year I definitely go to the continental part of Russia;
03 - yes, it was a few years ago;
04 - no, there are no possibilities;
05 - no, there is no desire;
06 - other _____.

47. Do you consider yourself:

01 – Crimean Tatar (-oh); 02 – Russian (-oh); 03 – Ukrainian (-oh);
04 – other _____.

48. In what language do you mainly communicate at home with family and friends? (one answer option)

01 - in Crimean Tatar; 02 - in Russian; 03 - in Ukrainian;
04 - on the other _____.

49. Locality/place of residence:

01-Alupka; 02-Alushta; 03-Armyansk; 04-Bakhchisarai;
05-Belogorsk 06-Dzhankoy; 07-Yevpatoria; 08-Kerch;
09-Krasnoperekopsk; 10-Saki; 11-Simferopol; 12-Old Crimea; 13-Sudak; 14-Feodosia; 15-Shchelkino; 16-Yalta;
17-Sevastopol.

50. Estimate the income level of your family:

01 - we can afford almost everything, we are not limited in financial means
02 - quite wealthy, but limited in the purchase of expensive goods (car, real estate)
03 - we do not experience difficulties in everyday expenses, the purchase of durable goods causes financial difficulties
04 - there is only enough money for basic food and clothing
05 - there is not enough money even for the most necessary products and priority goods

51. What social networks do you use?

Instagram Facebook 01 – Facebook 02 – VKontakte 03 – Odnoklassniki 04 – Instagram;
05 – Other _____.

52. Email/ phone/social network account _____.

THANK YOU FOR PARTICIPATING IN THE SURVEY!

Appendix E

The obtained data of the 2020 research wave

Linear distributions

1. Please select from the suggested list the expressions that, in your opinion, most accurately reflect the features of the history of our country (no more than 3 possible answers):

		Frequency \$Q1KAT		
		Answers		Percentage of observations
		N	Percentages	
\$Q1KAT	With Ivan Kalita consistently and persistently	332	8,8%	16,9%
	We have only two loyal allies in the whole world	806	21,3%	40,9%
	Russia is not a country that can really be conquered	795	21,0%	40,4%
	We must pay tribute to the intelligence and tact of our ancestors	855	22,6%	43,4%
	It is not Russia that is between East and West	553	14,6%	28,1%
	I am far from admiring everything I see around me	450	11,9%	22,9%
Total		3791	100,0%	192,5%
a. Group				

2. What do you think can be considered the main achievements of previous generations of Russians? (no more than 3 possible answers)

		Frequency \$Q2KAT		
		Answers		Percentage of observations
		N	Percentages	
\$Q2KAT ^a	the national character of Russians	569	12,8%	28,9%
	the huge size of the country's territory	991	22,3%	50,4%
	preservation of the independence of the state	630	14,2%	32,0%
	creating a unique culture	765	17,2%	38,9%
	peace and harmony between nations	904	20,4%	45,9%
	military power, nuclear shield	577	13,0%	29,3%

Total	4436	100,0%	225,4%
1. Group			

3. Do you know how the history of your family is connected with the history of Russia? (one answer option)

Frequency \$Q3KAT				
		Answers		Percentage of observations
		N	Percentage	
\$Q3KAT ^a	yes, we have a family archive, and we keep it carefully	230	11,6%	11,6%
	yes, my parents/relatives told me about it	504	25,4%	25,4%
	in detail yes, at one of the classes at the university / with a child	253	12,8%	12,8%
	no, I did not think about it	432	21,8%	21,8%
	no, the first time I encounter such a question	232	11,7%	11,7%
	no, my relatives could not tell me what- or tell	202	10,2%	10,2%
	no, my family is connected with the history of another country	129	6,5%	6,5%
Total		1982	100,0%	100,1%
a. Group				

4. In your opinion, how should a Russian citizen show his patriotism, love for the Motherland? (no more than 3 possible answers)

Frequency \$Q4KAT				
		Answers		Percentage of observations
		N	Percentage	
\$Q4KAT ^a	trust fellow citizens	385	7,8%	19,4%
	take care of your native language/native languages	937	19,0%	47,2%
	be proud of the victories of our ancestors	603	12,2%	30,3%
	to be involved in a great culture	388	7,9%	19,5%
	protect the weak, strive for justice	833	16,9%	41,9%
	take care and respect the traditions of the country and its peoples	810	16,5%	40,8%
	have Russian citizenship	399	8,1%	20,1%
	be ready to serve in the army	147	3,0%	7,4%
	do not violate the laws of the country	421	8,6%	21,2%
Total		4923	100,0%	247,8%
a. Group				

5. What iconic places for Russian history and modernity have you managed / would like to visit? (the answer is given for each row and for each column, the choice of answers is not limited)

	5.1. Managed to visit	5.2. I would like to visit
5.1.1. The place of the baptism of Prince Vladimir on the territory of the Tauric Chersonese in Sevastopol	25%	24%
5.1.2. Kulikovo field in the Tula region	11%	35%
5.1.3. Monument-ensemble on Mamayev Kurgan in Volgograd	13%	33%
5.1.4. Piskarevskoye Memorial Cemetery in St. Petersburg	11%	32%
5.1.5. Memorial complex "35th coastal battery" in Sevastopol	24%	25%
5.1.6. Olympic facilities in Sochi	15%	30%
5.1.7. Sports infrastructure facilities of the Universiade in Kazan	10%	34%

6. Are you eager to learn more about Russia? (the answer is given on each line)

	Yes, I am systematically looking for information	Yes, but they don't do it systematically yet	Rather no than yes, I have enough knowledge that I have	Rather no than yes, I have enough information from the media and the Internet	No, I know Russia very well	No, I'm not interested
6.1. About the history of our country	7%	15%	15%	12%	5%	8%
6.2. About the current period of development of our country	10%	17%	13%	11%	3%	7%
6.3. About outstanding Russians who glorified Russia in the past	10%	17%	13%	11%	4%	7%
6.4. About outstanding Russians living at the present time	5%	12%	16%	17%	3%	7%
6.5. About the cultural heritage of	7%	9%	11%	17%	6%	10%

our country (literature, poetry, painting, etc.)						
6.6. On the developmen t of contempora ry art in Russia	6%	11%	9%	18%	5%	11%
6.7. About geography and travel in our country	7%	11%	9%	14%	6%	12%
6.8. About the inhabitants of various regions, about the numerous peoples of our country	7%	11%	10%	15%	6%	12%

7. Do you think that the preservation of the cultural and historical heritage of our country is the responsibility of every citizen of Russia? (one answer option)

Q7					
		Frequency	Percentage	Valid percentage	Accumulated interest
Valid	Yes, that's how it should be;	401	20,0	31,7	31,7
	Yes, but I don't know what exactly I can do;	514	25,7	40,6	72,3
	it's hard to say, I've never thought about this question;	190	9,5	15,0	87,3
	no, this is the task of state bodies and cultural institutions;	161	8,0	12,7	100,0
	Total	1266	63,2	100,0	
Skipped	System	736	36,8		
Total		2002	100,0		

8. Please select the statement you agree with (one answer option)

Q8					
		Frequency	Percentage	Valid percentage	Accumulated interest
Valid	Russia is a country with a long history	599	29,9	50,0	50,0
	Russian statehood is	469	23,4	39,1	89,1

	connected with the unification of principalities				
	Russia is one of the young states that has formed	130	6,5	10,9	100,0
	Total	1198	59,8	100,0	
Skipped	System	804	40,2		
Total		2002	100,0		

9. What point of view do you share? (one answer option)

Q9					
		Frequency	Percentage	Valid percentage	Accumulated interest
Valid	from the first steps of its formation , Russia was	529	26,4	41,7	41,7
	The multinational nature of Russia is connected with its politics	602	30,1	47,4	89,1
	The multinational nature of Russia was built in the Soviet period	138	6,9	10,9	100,0
	Total	1269	63,4	100,0	
Skipped	System	733	36,6		
Total		2002	100,0		

10. What opinion do you think is true? (one answer option)

Q10					
		Frequency	Percentage	Valid percentage	Accumulated interest
Valid	Russia is a unique civilization of peaceful unification	769	38,4	61,0	61,0
	Russia is the same "melting pot" of peoples	239	11,9	19,0	79,9
	Russia is characterized by the same features of creation	253	12,6	20,1	100,0
	Total	1261	63,0	100,0	
Skipped	System	741	37,0		
Total		2002	100,0		

11. How would you define the geopolitical status of modern Russia? (one answer option)

Q11					
		Frequency	Percentage	Valid percentage	Accumulated interest
Valid	Russia is a world power, decisions and	558	27,9	46,4	46,4

	actions				
	Russia is the leader of the Eurasian space	463	23,1	38,5	84,9
	Russia is a regional power oriented towards	181	9,0	15,1	100,0
	Total	1202	60,0	100,0	
Skipped	System	800	40,0		
Total		2002	100,0		

12. How do you assess the cultural, spiritual and moral potential of modern Russia? (one answer option)

Q12					
		Frequency	Percentage	Valid percentage	Accumulated interest
Valid	Russia is a civilization that preserves traditional values	596	29,8	47,6	47,6
	Russia is a civilization that combines values and traditions	498	24,9	39,8	87,4
	Russia is a Westernized civilization	158	7,9	12,6	100,0
	Total	1252	62,5	100,0	
Skipped	System	750	37,5		
Total		2002	100,0		

13. In your opinion, does Russia effectively protect its sovereignty (independence and independence)? (one answer option)

Q13					
		Frequency	Percentage	Valid percentage	Accumulated interest
Valid	yes, it is effective	1048	52,3	52,7	52,7
	partly effective	820	41,0	41,3	94,0
	inefficient	119	5,9	6,0	100,0
	Total	1987	99,3	100,0	
Skipped	System	15	,7		
Total		2002	100,0		

14. Please express your position on the changes that have occurred in Crimea since March 16, 2014 to the present (the answer is given on each line, 0-5 – preference for approval in the left column, 6-10 – preference for approval in the right column):

14.1.1 There is less order, the level of security has decreased	14.1.1 - 59,4 % 14.1.2 - 40,6%	14.1.2 There is more order, the level of security has increased
14.2.1 The economy of Crimea has become less stable	14.2.1 - 61,9% 14.2.2. - 38,1%	14.2.2 The economy of Crimea has become more stable
14.3.1 Social infrastructure has become less dynamic	14.3.1 - 59,1% 14.3.2 - 49,9%	14.3.2 Social infrastructure has started to develop more dynamically
14.4.1 Interethnic and interfaith	14.4.1 - 54,6%	14.4.2 Interethnic and interfaith

relations have become more tense and less harmonious	14.4.2 - 45,4%	relations have become less tense and more harmonious
14.5. 1 Other		14.5. 2 Other

16. What are the priorities facing Crimea today? (no more than 3 possible answers)

Frequency \$Q16KAT				
		Answers		Percentage of observations
		N	Percentage	
\$Q16KAT ^a	solving infrastructure problems	1121	28,3%	58,1%
	improving the standard of living of the population	1586	40,0%	82,1%
	attracting investments	617	15,6%	32,0%
	business development	430	10,9%	22,3%
	solving problems of transport communication with the mainland	209	5,3%	10,8%
Total		3963	100,0%	205,2%
a. Group				

18. Choose from the groups listed below that are closest to you in spirit (no more than 3 possible answers)

Frequency \$Q18KAT				
		Answers		Percentage of observations
		N	Percentage	
\$Q18KAT ^a	We are citizens of the Russian Federation	1096	23,4%	58,5%
	We are residents of our city/village	717	15,3%	38,3%
	We are the people of our generation	488	10,4%	26,0%
	We are people of our nationality	294	6,3%	15,7%
	We are residents of the peninsula	872	18,6%	46,5%
	We are men/ We are women	301	6,4%	16,1%
	We are people of our standard of living	103	2,2%	5,5%
	We are the bearers of the family role	114	2,4%	6,1%
	We are people of the same faith	125	2,7%	6,7%
	We are people of a common destiny	161	3,4%	8,6%
	We are carriers of a certain culture	320	6,8%	17,1%
	We are people of the same political views	89	1,9%	4,7%
Total		4680	100,0%	249,7%
a. Group				

19. To what extent are you proud of belonging to the following groups? (the answer is given for each column and for each row)

Frequency \$Q19KAT				
		Answers		Percentage of observations
		N	Percentage	
\$Q19KAT ^a	I am proud of my belonging	7091	57,7%	620,4%
	I feel like I belong, but I'm not proud of it	3838	31,2%	335,8%
	I don't feel like I belong	711	5,8%	62,2%
	Other	655	5,3%	57,3%
Total		12295	100,0%	1075,7%
a. Group				

21. Do you know the words of the Russian anthem? (one possible answer)

Q21					
		Frequency	Percent	Valid percentage	Accumulated interest
Valid	I know and I'm happy to perform	120	6,0	9,6	9,6
	I know, but I'm not used to singing in public	208	10,4	16,7	26,3
	I only know some phrases	495	24,7	39,8	66,1
	I don't know, but I will definitely learn	155	7,7	12,4	78,6
	I don't know and I don't think it's important	267	13,3	21,4	100,0
	Total	1245	62,2	100,0	
Skipped	System	757	37,8		
Total		2002	100,0		

22. Where (geographically) do you see yourself in the next 5-6 years? (one possible answer):

Q22					
		Frequency	Percent	Valid percentage	Accumulated interest
Valid	In Crimea	720	36,0	61,3	61,3
	in the capital of Russia	123	6,1	10,5	71,7
	in any major cities of Russia	184	9,2	15,7	87,4
	abroad	148	7,4	12,6	100,0
	Total	1175	58,7	100,0	
Skipped	System	827	41,3		
Total		2002	100,0		

23. How important are the following values to you? (mark on each line, 01 is the least important, 10 is the most important)

23.1. Material security of life

Least important - 2.4%

Undecided- 6%

Most important - 43%

23.2. The presence of government

Least important - 14.5%

Undecided- 10.6%

Most important - 26.2%

23.3. Public recognition

Least important - 11.2%

Undecided- 10.9%

Most important - 29.7%

23.4. Freedom

Least important - 4%

Undecided- 8%

Most important - 39.5%

23.5. Education, self-development, cognition

Least important - 5%

Undecided- 8%

Most important - 39%

23.6. Interesting job, professional growth

Least important - 6%

Undecided- 8%

Most important - 38.3%

23.7. Creative self-realization, art

Least important - 5.5%

Undecided- 9.2%

Most important - 37.1%

23.8. Happy family life

Least important - 2.8%

Undecided- 6.3%

Most important - 43%

23.9. Feeling of love

Least important - 3%

Undecided- 7%

Most important - 42%

23.10. Having friends

Least important - 3%

Undecided- 7%

Most important - 42%

23.11. Health

Least important - 3%

Undecided- 4%

Most important - 45.1%

23.12. Leisure, entertainment

Least important - 3%

Undecided- 6%

Most important - 42%

23.13. Happiness of other people, self-sacrifice

Least important - 6%

Undecided- 7%

Most important - 38%

24. How important are the following qualities to you? (mark on each line, 1 is the least important, 10 is the most important)

24.1. Firm will

Least important - 11%

I don't know - 8%

Most important - 32%

24.2. Efficiency in business

Least important - 19%

I don't know - 5%

Most important - 51%

24.3 Independence

Least important - 12%

I don't know - 7%

Most important - 31%

24.4 Self-control

Least important - 11%

I don't know - 6%

Most important - 34%

24.5 Rationalism

Least important - 11%

I don't know - 6%

Most important - 33%

24.6 Sense of duty

Least important - 10%

I don't know - 7%

Most important - 34%

24.7 Tolerance, loyalty, sensitivity

Least important - 8%

I don't know - 7%

Most important - 35%

24.8 Honesty

Least important - 8%

I don't know - 4%

Most important - 39%

24.9 Responsibility

Least important - 6%

I don't know - 4%

Most important - 40%

24.10 Intransigence to shortcomings

Least important - 13%

I don't know - 5%

Most important - 32%

25. Choose from each pair of opposite value judgments the one that you consider the most acceptable (mark on each line, 0-5 – preference for statements in the left column, 6-10 – preference for statements in the right column)

25.1.1. When choosing a friend, I focus on the ethnic and religious affiliation of a person	25.1.1 - 88% 25.1.2 - 12%	25.1.2. When choosing a friend, the ethnic and religious affiliation of a person is not important to me
25.2.1. When choosing a life partner, I focus on the ethnic and religious affiliation of a person	25.2.1 - 28% 25.2.2 - 72%	25.2.2. When choosing a life partner, ethnic and religious affiliation is not important to me
25.3.1. It is easier for me to justify a bad act or even a crime of a person belonging to the same ethnic/religious group as me	25.3.1 - 57,2% 25.3.2 - 42,8%	25.3.2. I treat bad deeds and crimes equally regardless of whether they were committed by a person belonging to the same ethnic/religious group as me or another
25.4.1. Representatives of certain ethnic groups are initially critical of	25.4.1 - 54,6% 25.4.2 - 45,4%	25.4.2. I have never experienced the ill-will of people just because I

me		belong to a certain ethnic/religious group
25.5.1. I am quite wary of people who do not belong to the same ethnic (religious) group as me	25.5.1 - 52,3% 25.5.2 - 47,7%	25.5.2. I treat people equally regardless of their ethnic (religious) affiliation

26. Assessing a person's personality as a whole, what characteristics do you pay attention to? (no more than 3 possible answers):

Frequency \$Q26KAT				
		Answers		Percentage of observations
		N	Percentage	
\$Q26KAT ^a	common religious views	238	6,4%	12,5%
	common political views	302	8,2%	15,8%
	ethnic origin	168	4,6%	8,8%
	social status	892	24,2%	46,8%
	financial well-being	543	14,7%	28,5%
	common interests	1548	41,9%	81,1%
Total		3691	100,0%	193,4%

a. Group

27. Do you consider yourself a person with an active lifestyle? (rate on a 10-point scale, where 0 is the minimum value of the score, and 10 is the maximum value of the score):

Not an active life position - 3.2%

Undecided - 7.4%

Active life position - 51.8%

28. Would you like to participate in the implementation of social projects in your free time? (one answer option):

Q28					
		Frequency	Percentage	Валидный процент	Накопленный процент
Valid	yes	109	5,4	10,6	10,6
	rather yes than no	160	8,0	15,5	26,1
	rather no than yes	276	13,8	26,7	52,8
	no	487	24,3	47,2	100,0
	Total	1032	51,5	100,0	
Skipped	System	970	48,5		
Total		2002	100,0		

29. What social and other projects would you like to participate in? (no more than 3 possible answers):

Frequency \$Q29KAT				
		Answers		Percentage of observations
		N	Percentage	
\$Q29KAT ^a	participation in the activities of environmental organizations	113	5,9%	12,6%
	assistance to orphaned children	571	29,8%	63,6%
	assistance to people with	307	16,0%	34,2%

	disabilities			
	participation in the activities of political organizations	147	7,7%	16,4%
	helping animals	582	30,3%	64,8%
	participation in the activities of organizations that protect the rights of these people	84	4,4%	9,4%
	participation in the activities of religious organizations	114	5,9%	12,7%
Total		1918	100,0%	213,6%
a. Group				

30. Please express your attitude to the following statements concerning the interethnic and interfaith peace in modern Russia (the answer is given for each column and each row):

Frequency \$Q30KAT				
		Answers		Percentage of observations
		N	Percentage	
\$Q30KAT ^a	I agree, this is the case in reality	3086	68,5%	338,0%
	I agree, but this is not in reality	1053	23,4%	115,3%
	I do not agree, but it is in reality	204	4,5%	22,3%
	I do not agree, this is not in reality	164	3,6%	18,0%
Total		4507	100,0%	493,6%
a. Group				

31. Please express your attitude to the following statements concerning interethnic and interfaith peace on the peninsula (the answer is given for each column and each row):

Frequency \$Q31KAT				
		Answers		Percentage of observations
		N	Percentage	
\$Q31KAT ^a	I agree, this is the case in reality	3285	74,1%	364,2%
	I agree, but this is not in reality	869	19,6%	96,3%
	I do not agree, but it is in reality	188	4,2%	20,8%
	I do not agree, this is not in reality	92	2,1%	10,2%
Total		4434	100,0%	491,6%
a. Group				

32. Do you think conflicts, clashes, mass demonstrations are possible in your locality for the following reasons (the answer is given for each column and each row):

Frequency \$Q32KAT				
		Answers		Percentage of observations
		N	Percentage	
\$Q32KAT	Rather possible	2260	67,4%	260,7%

a	Rather impossible	1093	32,6%	126,1%
Total		3353	100,0%	386,7%
a. Group				

35. In your opinion, is it important in modern Russia to preserve a single language space in which Russian is the language of communication between the numerous peoples of Russia? (one answer option)

Q35					
		Frequency	Percentage	Valid percentage	Accumulated valid
Valid	yes, it is extremely important, this is how the unity of the country is ensured	331	16,5	26,8	26,8
	yes, it is extremely important, but subject to free development	637	31,8	51,6	78,4
	it's hard to say, I've never thought about this question	184	9,2	14,9	93,4
	no, the main thing is to provide free opportunities	80	4,0	6,5	99,8
	7,00	2	,1	,2	100,0
	Total	1234	61,6	100,0	
Skipped	System	768	38,4		
Total		2002	100,0		

36. Please rate, on a 10-point scale, the policy of maintaining interethnic and interfaith peace on the peninsula, in different historical epochs (0 is the minimum value of the assessment, and 10 is the maximum value of the assessment; the answer is given on each line):

36.1. The Russian period before 1917

Not supported - 32%

I don't know -9%

Supported - 17%

36.2. Soviet period

Not supported - 34%

I don't know - 5%

Supported - 19%

36.3 The Ukrainian Period

Not supported - 38%

I don't know - 8%

Supported - 11%

36.4 The Russian period since 2014

Not supported - 13%

I don't know - 15%

Supported - 31%

37. Please rate, on a 10-point scale, the policy of maintaining interethnic and interfaith peace on the peninsula at the present time (0 is the minimum value of the assessment, 10 is the maximum value of the assessment; the answer is given on each line)

37.1 Policy of the Federal Center

Not supported - 25%

I don't know - 10%

Supported - 23%

37.2 Politics regional. authorities

Not supported - 34%

I don't know - 7%

Supported - 18%

37.3 The policy of the municipality. authorities

Not supported - 25%

I don't know - 10%

Supported - 23%

40. Please rate on a 10-point scale the involvement of various civil structures in maintaining interethnic and interfaith peace on the peninsula (0 involvement is absent, 10 is the maximum level of involvement)

40.1. Civil activists / representatives of societies. organizations

There is no involvement - 35%

I don't know - 8%

There is involvement - 15%

40.2. Leaders of societies. opinions from the ethnic minorities of the peninsula

No involvement - 41%

I don't know - 5%

There is involvement - 13%

40.3. Religious leaders / figures

There is no involvement - 35%

I don't know - 7%

There is involvement - 16%

40.4. Representatives of universities

No involvement - 28%

I don't know - 8%

There is involvement - 22%

40.5. Media

No involvement - 21%

I don't know - 9%

There is involvement - 27%

41. How urgent do you consider the problem of online propaganda of nationalism, radical religious views, and the distribution of other content that violates the law, primarily in the Internet space? (one answer option)

Q41					
		Frequency	Percentage	Valid percentage	Accumulated percentage
Valid	such content on the global network bothers me	449	22,4	36,0	36,0
	it partly bothers me, I try to avoid this kind of content	404	20,2	32,4	68,5
	It partly bothers me	225	11,2	18,1	86,5
	It does not bother me, since the Internet is a free space, there cannot and should not be restrictions	168	8,4	13,5	100,0
	Total	1246	62,2	100,0	
Skipped	System	756	37,8		
Total		2002	100,0		

42. How do you feel about state control/Internet corporations over Internet content? Is it necessary, in your opinion, to regulate the content of communication in the global network? (one answer option)

Q42					
		Frequency	Percentage	Valid percentage	Accumulated percentage
Valid	positively, it is necessary to regulate Internet communication	409	20,4	32,7	32,7
	more positive than negative	356	17,8	28,5	61,2
	neutral, didn't think about it	187	9,3	14,9	76,1
	more negative than positive	125	6,2	10,0	86,1

	rather negative than positive	174	8,7	13,9	100,0
	Total	1251	62,5	100,0	
Skipped	System	751	37,5		
Total		2002	100,0		

43. What events listed in the table did you participate in? (the answer is given on each line)

	Yes, I have and this is an experience gained primarily through the efforts of my parents/relatives	Yes, I have and this is an experience gained, first of all, through the efforts of my friends	No, I haven't. I don't know anything about such events	No, haven't. I don't have free time for this	No, haven't. I don't think I need that kind of experience
43.1. Participation in volunteer activities	5%	31%	13%	12%	-
43.2. Participation in charitable activities	12%	24%	12%	12%	-
43.3. Participation in environmental actions	6%	26%	15%	13%	-
43.4. Participation in memorial events related to Russia's military past	9%	23%	15%	13%	-
43.5. Participation in excursions to a landmark place for the history and modernity of Russia	11%	23%	12%	14%	-
43.6. Participation in meetings with war veterans, heroes, outstanding people of Russia	8%	25%	12%	14%	-
43.7. Participation in profile shifts, meetings, festivals of school assets	7%	29%	10%	15%	-
43.8. Participation in events related to the maintenance of peace and	7%	27%	15%	12%	-

harmony between the peoples of Russia					
43.9. Participation in events dedicated to the reunification of Russia and Crimea	13%	28%	8%	10%	-

44. AGE

Q44.AGE

		Frequency	Percentage	Valid percentage	Accumulated percentage
Valid	20-29	275	13,7	15,8	15,8
	30-39	432	21,6	24,9	40,7
	40-49	344	17,2	19,8	60,5
	50-59	328	16,4	18,9	79,4
	60-69	113	5,6	6,5	85,9
	70 and more	245	12,2	14,1	100,0
	Total	1737	86,8	100,0	
Skipped	System	265	13,2		
Total		2002	100,0		

45. Gender

Q45.GENDER

		Frequency	Percentage	Valid percentage	Accumulated percentage
Valid	Female	1071	53,5	54,4	54,4
	Male	897	44,8	45,6	100,0
	Total	1968	98,3	100,0	
Skipped	System	34	1,7		
Total		2002	100,0		

46. Do you have any experience of living or traveling in the continental part of Russia? (one answer option)

Q46

		Frequency	Percentage	Valid percentage	Accumulated percentage
Valid	Yes, I do, I regularly travel to the continental part of Russia	226	11,3	11,8	11,8
	Yes, I do, once a year I definitely go to the continental part of Russia	409	20,4	21,3	33,1
	Yes, it was a few years ago	539	26,9	28,1	61,2
	No, I don't, there is no opportunities	473	23,6	24,7	85,9

	No, I don't, there is no desire	271	13,5	14,1	100,0
	Total	1918	95,8	100,0	
Skipped	System	84	4,2		
Total		2002	100,0		

47. Do you consider yourself:

Q47					
		Frequency	Percentage	Valid percentage	Accumulated percentage
Valid	Crimean Tatar	57	2,8	3,1	3,1
	Russian	1464	73,1	79,8	82,9
	Ukrainian	314	15,7	17,1	100,0
	Total	1835	91,7	100,0	
Skipped	System	167	8,3		
Total		2002	100,0		

48. In what language do you communicate at home with your family and friends? (one answer option)

Q48					
		Frequency	Percentage	Valid percentage	Accumulated percentage
Valid	The Crimean Tatar language	18	,9	1,0	1,0
	The Russian language	1788	89,3	94,8	95,7
	The Ukrainian language	81	4,0	4,3	100,0
	Total	1887	94,3	100,0	
Skipped	System	115	5,7		
Total		2002	100,0		

49. Locality/place of residence:

Q49					
		Frequency	Percentage	Valid percentage	Accumulated percentage
Valid	Alupka	13	,6	,7	,7
	Alushta	39	1,9	2,0	2,6
	Armiansk	26	1,3	1,3	4,0
	Bakhchisarai	39	1,9	2,0	6,0
	Belogorsk	26	1,3	1,3	7,3
	Dzhankoi	51	2,5	2,6	9,9
	Yevpatoria	143	7,1	7,3	17,2
	Kerch	208	10,4	10,6	27,7
	Krasnoperekopsk	39	1,9	2,0	29,7
	Saki	37	1,8	1,9	31,6
	Simferopol	422	21,1	21,5	53,1
	Saryi Krym	13	,6	,7	53,7
	Sudak	26	1,3	1,3	55,1
	Feodosia	79	3,9	4,0	59,1
	Shchelkino	13	,6	,7	59,7

	Yalta	91	4,5	4,6	64,4
	Sevastopol	700	35,0	35,6	100,0
	Total	1965	98,2	100,0	
Skipped	System	37	1,8		
Total		2002	100,0		

50. Estimate the income level of your family:

Q50					
		Frequency	Percentages	Valid percentage	Accumulated percentage
Valid	we can afford almost everything	87	4,3	4,5	4,5
	We are quite wealthy, but limited	505	25,2	26,3	30,9
	we do not experience difficulties in everyday expenses	656	32,8	34,2	65,1
	there is only enough money for basic foodstuffs	505	25,2	26,3	91,4
	there is not enough money even for the most necessary products	164	8,2	8,6	100,0
	Total	1917	95,8	100,0	
Skipped	System	85	4,2		
Total		2002	100,0		

51. What social networks do you use?

Frequency \$Q51SOC				
		Answers		Percentage of observations
		N	Percentages	
\$Q51SOC ^a	Facebook	155	7,5%	12,2%
	Vkontakte	1052	50,8%	82,6%
	Odnoklassniki	249	12,0%	19,5%
	Instagram	614	29,7%	48,2%
Total		2070	100,0%	162,5%
a. Group				